

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ – XVI

Материалы чтений,
посвященных памяти
профессора Иосифа Моисеевича Тронского

18–20 июня 2012 г.

Санкт-Петербург
Наука
2012

УДК 80/81
ББК 81.2
И 60

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ-XVI (чтения памяти И. М. Тронского). Материа-
лы Международной конференции, проходившей 18–20 июня
2012 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2012. –
920 с.

ISBN 978-5-02-038298-5

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик РАН Н. Н. Казанский (отв. редактор);
к. филол. н. Н. А. Бондарко, д. филол. н., проф. Л. Г. Герценберг,
д. филол. н. А. В. Грошева, к. филол. н. П. А. Кочаров,
к. филол. н. Е. Р. Крючкова (отв. секретарь),
к. филол. н. А. В. Шацков

Рецензенты: д. филол. н. А. Н. Соболев,
к. филол. н. Н. Л. Сухачев.

Утверждено к печати

Институтом лингвистических исследований РАН

Конференция проходит в рамках постоянно действующей
Школы индоевропейского сравнительно-исторического языкознания
при поддержке программы целевых расходов Президиума РАН
«Поддержка молодых ученых»
и
при поддержке РГНФ – грант № 12-04-14000г

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
РГНФ – грант № 10-04-00293а (рук. Н. Н. Казанский)
и гранта № НШ-4453.2012.6 Президента РФ
«Школа индоевропейского сравнительно-исторического языкознания»
(рук. Л. Г. Герценберг, Н. Н. Казанский)

ISBN 978-5-02-038298-5

© Коллектив авторов, 2012

© ИЛИ РАН, 2012

© Редакционно-издательское оформление.

Издательство «Наука», 2012

А. С. Авдохин

***PARTIZIPSTIL* В СТИЛИСТИКЕ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ГИМНОГРАФИИ: СТО ЛЕТ ПОСЛЕ Э. НОРДЕНА**

Резюме. Э. Норден в 1913 г. Ввел понятие *Partizipstil* для описания нехарактерного для греческой гимнографии употребления субстантивированных причастий как основы построения фраз. Элементы *Partizipstil* были обнаружены им в орнаментальной гимнической прозе (Аристид, император Юлиан); ближайшей параллелью им оказался гебраизирующий стиль псалмов в Септуагинте и другие примеры «ориентального» калькирующего синтаксиса.

В корпусе греческих магических папирусов, эпиграфических гимнов и ареталогий Исиды, а также систематически в прозаических гимнах Элия Аристида обнаруживается тот же *Partizipstil*. В свете ставших известными в ходе изучения религиозных и литературных контактов иудаизма и позднеантичной грекоязычной культуры можно конкретизировать представления о путях проникновения гебраизирующих элементов в стиль позднеантичной гимнографии. Их дальнейшая роль в построении «неклассической» стилистики гимнов может оказаться особо велика для понимания генезиса византийской гимнографии.

Ключевые слова: participial style, hymnography, hymnic style, Late Antiquity, Isiac hymns, PGM, epigraphic hymns, Aelius Aristides.

В 1913 г. Эдуард Норден в монографии «*Agnostos Theos: Untersuchungen zur Formengeschichte religiöser Rede*» (Norden 1913), посвященной, помимо прочего, истории позднеантичного гимнического жанра, отметил наличие «негреческих» грамматических и стилистических элементов в ряде позднеантичных текстов. Один из этих элементов, характерный для гимнического стиля¹, был им определен как *Partizipstil* – такое нехарак-

¹ Э. Норден называл изучаемое им явление *Religionsrede*, не вводя эксплицитного теоретического объяснения, имеется ли в виду «жанр» или «стиль» текста. Как можно понять из контекстуального использования термина, *Religionsrede* – это достаточно широко понимаемый тип текста или фрагмента текста, обращенный к божеству или говорящего о божестве и имеющий ряд устанавливаемых исследователем стилистических свойств. Так как в большинстве примеров Э. Нордена речь идет о молитвенном обращении к божеству, прославлении его свойств, то нам кажется оправданным говорить в широком смысле о

терное для традиционной (как классической, так и эллинистической) греческой гимнографии построение фразы, при котором отличительной чертой становилось использование субстантивированного причастия². Отдельной – и наиболее яркой – разновидностью – *Partizipstil* является употребление субстантивированного причастия в предикативной функции (с глаголом – связкой или без него).

Вот примеры, приводимые Э. Норденом:

1) гимн в завершении пятой речи императора Юлиана (о «матери богов») (Norden 1913: 167):

«Ὡ θεῶν καὶ ἀνθρώπων Μῆτερ, ὦ τοῦ μεγάλου Σύνθωκε καὶ Σύνθρονε Διός, ὦ Πηγῇ τῶν νοερῶν θεῶν, ὦ τῶν νοητῶν ταῖς ἀχράντοις οὐσίαις **συνδρομοῦσα** καὶ τὴν κοινὴν ἐκ πάντων αἰτίαν **παραδεξαμένη** καὶ τοῖς νοεροῖς **ἐνδιδούσα**, Ζωογόνε Θεὰ καὶ Μῆτις καὶ Πρόνοια καὶ τῶν ἡμετέρων ψυχῶν Δημιουργέ, ὦ τὸν μέγαν Διόνυσον **ἀγαπῶσα** καὶ τὸν Ἄπτιν ἐκτεθέντα **περισωσαμένη** καὶ πάλιν αὐτὸν εἰς τὸ γῆς ἄντρον καταδύομενον **ἐπανάγουσα**, ὦ πάντων μὲν ἀγαθῶν τοῖς νοεροῖς **ἡγουμένη** θεοῖς, πάντων δὲ **ἀποπληροῦσα** τὸν αἰσθητὸν κόσμον, πάντα δὲ ἡμῖν ἐν πᾶσιν ἀγαθὰ **χαρισαμένη** <...>»;

2) седьмой гимн Прокла (Афине) (Norden 1913: 171):

ἡ σοφίης πετάσασα θεοστιβέας πυλεῶνας
καὶ χθονίων **δαμάσασα** θεημάχα φύλα Γιγάντων·
ἡ πόθον Ἡφαίστοιο λιλαιομένοιο **φυγοῦσα**

Нетрудно увидеть, что оба контекста, помимо присутствия в них *Partizipstil*, обладают рядом общих жанрово-стилистических черт. Они либо происходят из текстов, являющихся образцами в

гимническом стиле; объемы соответствующих понятий, как представляется, оказываются примерно равны.

² Вот как определяет Э. Норден нехарактерность для греческого языка такой конструкции: «In der Tat gibt es nun fuer die Differenzierung der Formalhaften Partizipalkonstruktion ein Kriterium ...Die echt hellenisch Praedikationen zeigen ausschliesslich pradikative oder attributive Partizipien, die also artikellos sind, die orientalische sowie die aus solchen ubersetzen griechischen Praedikationen haben daneben auch substantivierte Partizipien, die also den Artikel haben. Wo immer wir Artikel + Partizipium lesen, duerfen wir sicher sein, eine hicht hellenische Praedikation vor uns zu haben <...> den Hellenen war dieser Brauch gaenzlich fremd» (Norden 1913: 202–203).

высокой степени риторической орнаментальной прозы, развивающей принципы второй софистики, либо взяты из позднеантичной книжной гимнографии. Так или иначе, речь идет об ученой элитарной литературе, которая, как обычно считается, должна быть воплощением аттицизма и стилистического консерватизма. Однако Э. Норден указывает именно на уникальный характер такого *Partizipstil* для греческой гимнографии (и стилистики греческой литературы вообще): по выражению исследователя, такая стилистика субстантивированных причастий является совершенно «неэллинской»³ и прямо видится им признаком проникновения «негреческого духа» в структуру греческого языка⁴. Более того, приводя примеры текстов, где *Partizipstil* именно является привычным и типичным – греческий текст Псалмов из Септуагинты, «Оды Соломона» и другие раннехристианские канонические и апокрифические свидетельства гимно-

³ Со ссылкой на «Die Delphische Hymnen» О. Круциуса исследователь говорит о том, что *Partizipkonstruktion* с субстантивированным причастием как разновидность *Nominale Anaklese* является принципиально чуждым для греческой гимнографии оборотом (Norden 1913: 166–167).

⁴ Такая постановка проблемы, конечно, также весьма характерна для методологии начала века с «синтетическим» подходом к лингвистическим и литературоведческим и стилистическим вопросам (наряду с отмеченной уже некоторой «метафизичностью» терминов, в которых идет рассуждение). При этом собственно лингвистический аспект может открыть продуктивную перспективу рассмотрения проблемы, так как по указанию Mayser 1926: 352–356 (ср. также изложение и библиографию в Moulton et al. 2000: 173–185), предикативная функция причастия в сочетании с полусвязочными глаголами типа $\tau\upsilon\chi\acute{\alpha}\nu\omega$ или является типичной для грамматики египетских папирусов птолемеевой эпохи и не обязательно должна считаться гебраизмом. То же касается и субстантивированного причастия с артиклем, являвшегося нормой для юридического языка папирусных документов и койне (Mayser 1928: 347–348) (при этом признается ее несоответствие аттической норме, что сохраняет возможность для расширительной интерпретации такой стилистики как «ориентальной» – Moulton 2000: 150–151). Тем не менее, примеры из языка папирусов, приводимые в данных грамматиках, не являются исчерпывающими и точными параллелями конструкций типа $\acute{\epsilon}\gamma\omega\ \acute{\epsilon}\iota\mu\iota$ + причастие, столь характерных для ареталогий (см. ниже) и концентрации субстантивированных причастий и их регулярного участия в образовании «сложных наименований» божеств в позднеантичной гимнографии: жанровые закономерности стиля остаются и требуют объяснения, которые не следует из факта существования похожих конструкций в языке папирусов.

графического стиля⁵ – ученый утверждает, что во всех этих случаях явно видно влияние еврейского оригинала на синтаксис греческого текста (Norden 1913: 204-207)⁶. Понятно, однако, что в то время как в случае раннехристианской гимнографии «восточное влияние» является понятным и естественным, появление «ориентального» *Partizipstil* у аттицистов Второй софистики представляется необычным; Э. Норден концептуализирует этот факт в терминах проникновения «восточного», «ориентального» в «греческое», в греческий язык⁷.

Такое описание культурного процесса в терминах «большого нарратива» взаимодействия обобщенного «востока» и «эллинства» относительно явления позднеантичной культурной и религиозной истории для гуманитарной методологии начала XX в. является достаточно типичным. Понятно, в начале XXI в. подобное «объяснение» не отвечает основным требованиям принятой методологии. Тем не менее, проблема, на которую указал Э. Норден, существует. Попытаемся указать на возможные пути ее решения в современной методологической и источниковедческой ситуации.

⁵ Ср., напр., приводимый Э. Норденом фрагмент 135 псалма (Norden 1913: 205):

ἐξομολογεῖσθε τῷ κυρίῳ τῶν κυρίων,
ὅτι εἰς τὸν αἰῶνα τὸ ἔλεος αὐτοῦ·
τῷ ποιοῦντι θαυμάσια μεγάλα μόνῳ,
ὅτι εἰς τὸν αἰῶνα τὸ ἔλεος αὐτοῦ·
τῷ ποιήσαντι τοὺς οὐρανοὺς ἐν συνέσει,
ὅτι εἰς τὸν αἰῶνα τὸ ἔλεος αὐτοῦ·
τῷ στερεώσαντι τὴν γῆν ἐπὶ τῶν ὑδάτων,
ὅτι εἰς τὸν αἰῶνα τὸ ἔλεος αὐτοῦ

⁶ В разделе «Der Verkunft dieser Stilformen (Babyloniaca, Aegyptiaca)» (Norden 1913: 207–219) Э. Норден приводит большой и чрезвычайно широко обобщающий исторический очерк «ориентального» происхождения подобных стиливых форм, возводя их в конечном итоге к шумерской и египетской гимнической стилистике. Как и ранее, вопрос конкретных культурно-исторических механизмов преемственности не ставится, рассуждение идет в терминах цельности «ориентальной» стилистики.

⁷ При этом он оперирует такими сущностями, как «обучаемость» греческого языка («Selbst die bildungsfähige griechische Sprache hatte in den Nominalkomposition ihre Grenze» – Norden 1913: 166); «Критерии восточного и греческого стиля» («Orientalische und griechische Stil-kriterien» – название раздела главы, Norden 1913, 201).

Прежде всего, необходимо расширить контекстуализацию *Partizipstil* на материале позднеантичных гимнических и ареталогических текстов (а также тех жанров, которые могли иметь в себе рефлексы гимнографии – например, на материале орнаментальной прозы), прежде всего это необходимо сделать на базе текстов, введенных в научный оборот со времен выхода монографии Э. Нордена. Мы рассмотрели два корпуса таких текстов⁸: гимны и гимнические фрагменты из греческих магических папирусов (PGM) (Preizendanz 1928–31), собранные в Heitsch 1961 в разделе «Hymni e papiris magicis collecti», а также гимны и ареталогии, сконцентрированные вокруг культа Исида (и ряда связанных с ним божеств, прежде всего Осириса) изданных в Totti 1985.

В PGM примеры *Partizipstil* достаточно распространены. Их можно для удобства изложения распределить по трем категориям в зависимости от степени сложности и выраженности причастной конструкции: 1а) (часто субстантивированное) причастие является приложением к номинативному элементу во фразе и входит в сложно построенное именование божества или 1б) призыв божества (синтаксически обращение) 2) субстантивированное причастие входит в конструкцию типа сущ./мест + (глагол-связка) + причастие

1а. Гимн Тифону (Heitsch 1961: 185):

Σὲ καλ<έ>ω τὸν πρῶτα θεῶν τοργίλον διέποντα,
 σὲ τὸν ἐπουρανίων σκῆπτρον βασίλειον ἔχοντα,
 σὲ τὸν ἄνω μες<εύ>οντ' {ων} ἄστρον τυφῶνα δυνάστην,
 σὲ <καλέω> τὸν ἐπὶ {τῶ} στερεώματι δεινὸν ἄνακτα,
 σὲ τὸν <παμ>φοβερόν, {καί} τρομερόν καὶ φρικτὸν ἔόντα,
 <...>

σὲ τὸν ἐπ' ἀσβέστῳ βεβηκότῳ πυρὶ λιγ<ε>ίῳ,
 σὲ τὸν ἄνω χιόνων <τε> κάτω <τε> πάγουσ σκοτ<εε>ινοῦ,
 σὲ τὸν ἐπευκταίων Μοιρῶν βασίλειον ἔχοντα

Гимн Селене (Heitsch 1961: 187):

Ἐλθέ μοι, ὦ δέσποινα φίλη, τριπρόσωπε Σελήνη,
 <...>

ἢ χαροποις ταύροισιν ἐφεζομένη βασιλεια,

⁸ Этим круг поиска возможных параллелей, естественно, не ограничивается, ниже излагаются только начальные результаты большого исследования, которое находится на начальном этапе.

Ἡελίου δρόμον ἴσον ἐν ἄρμασιν ἰππεύουσα,
ἢ Χαρίτων τρισσῶν τρισσαῖς μορφαῖσι χορεύεις
ἄστρασι κωμάζουσα·

<...>

ἢ χέρας ὀπλίζουσα κελαινὰς λαμπάσι δειναῖς, (10)
ἢ φοβερῶν ὀφίων χαίτην σείουσα μετώποις,
ἢ ταύρων μύκημα κατὰ στομάτων ἀνιῆσα,
ἢ νηδὺν φολίσιν πεπυκασμένη ἐρπυστήρων,
ιοβόλοις ταρσοῖσι καταμαδίοισι δρακόντων
σφιγγομένη κατὰ νῶτα παλαμναίοις ὑπὸ δεσμοῖς·

Гимн Гекате (Heitsch 1961: 174)⁹:

ἐχθρὴ μὲν φωτός, νυκτὸς δὲ φίλη καὶ ἑταίρη,
χαίρουσα σκυλάκων ὑλακῆ τε καὶ αἵματι φοινῶ,
ἐν νέκυσι<ν> στείχουσα κατ' ἠρία τεθνηώτων,
αἵματος ἰμείρουσα, φόβον θνητοῖσι φέρουσα,
Γοργῶ καὶ Μορμῶ καὶ Μήνῃ καὶ πολύμορφε,
ἔλθοις εὐάντητος ἐφ' ἡμετέρῃσι θυηλαῖς.

16. Гимн Пану (Heitsch 1961: 180):

Δεῦρο <σύ>, παντὸς κτίστα, θεῶν θεέ, κοίρανε <παντός>,
Πάν, ὁ διαστήσας τὸν κόσμον {τῷ σεαυτῷ} πνεύματι θε<ί>ω.
Πρῶτος δ' ἐξεφάνης ἐκ πρωτογόνου, Μελιούχε,
ὔδατος <ἐκ> βιαίου ὁ τὰ πάντα κτίσσας

Гимн Гелиосу (Heitsch 1961: 181):

Χαῖρε δράκων, ἀκμαῖε {δε} λέων, Φύσι καὶ πυρὸς ἀρχή,
<...>
καὶ καθαρῶν στομάτων ἀφρὸν ἡμερον ἐξαναβλύζων
Ἄεροφοιτήτων ἀνέμων ἐποχούμενος αὔραις,
Ἦλιε χρυσοκόμα, διέπων φλογὸς ἀκάματον πῦρ,
αἰθερίοισι τρίβοισι μέγαν πόλον ἀμφιελίσσων,
γεννῶν αὐτὸς ἅπαντα ἅπερ πάλιν ἐξαναλύεις·

Гимн Луне (Heitsch 1961: 187):

Χαῖρ' ἱερὸν φῶς, ταρταροῦχε, φωτοπλήξ,
χαῖρ' ἱερὰ αὐγὴ ἐκ σκότους εἰλημμένη,
ἀναστατοῦσα πάντα βουλαῖς ἀστόχοις.
<...>
ἄκουσον ἢ θεωροῦσα καὶ θεωρουμένη·

⁹ Это еще один пример гимнического текста, известного первоначально в передаче историка, чье бытование позже было подтверждено папирологически. Этот гимн Гекате приводится Ипполитом Римским (Hipp. Refut.4.53.5).

Γимн Гекате (Heitsch 1961: 197):

Δεῦρ' Ἐκάτη γιγάεσσα, Διώνης ἢ μεδέουσα,
Περς<ε>ία, Βαυβώ, Φρούνη, <θεὰ> ἰοχέαιρα,
<...>

κλῦθι διαζεύξασα πύλας ἀλύτου ἀδάμαντος
<...>

σὲ καλῶ ἐλλοφόνα λωεσσα αὐδναία πολύμορφε.
Δεῦρ' Ἐκάτη, τριοδίτι, πυρίπνοα φάσματ' ἔχουσα,

2) Γимн Тифону (Heitsch 1961: 185):

ἐγὼ {εἰμι} ὁ σὺν σοὶ τὴν ὅλην οἰκουμένην
ἀνασκαλεύσας καὶ ἐξευρῶν τὸν μέγαν
Ἵοσιριν, ὃν σοὶ δέσμιον προσήνεγκα,
ἐγὼ {εἰμι} ὁ σὺν σοὶ συμμαχήσας τοῖς θεοῖς,
ἐγὼ {εἰμι} ὁ κλείσας οὐρανοῦ διςσὰς πτύχας
καὶ κοιμίσας δράκοντα τὸν ἀθεώρητον,
στήσας θάλασσαν, ῥεῖθρα, ποταμῶν νάματα,
ἄχρις {ου} κυριεύσης τῆσδε τῆς σκηπτουχίας,
ὁ σὸς στρατιώτης ὑπὸ θεῶν νενίκημαι

Во втором корпусе текстов – эпиграфических гимнов и ареталогий Исиды – эта структура также систематически засвидетельствована.

Так, в эпиграфическом *Selbstoffenbarung* Исиды на стеле в Кумах (этот же текст засвидетельствован у Диодора)¹⁰:

ἐγὼ εἰμι ἢ πρώτη καρπὸν ἀνθρώποις εὐρουῖσα·
ἐγὼ εἰμι μήτηρ Ὀρου τοῦ βασιλέως·
ἐγὼ εἰμι ἢ ἐν τῷ ἄστρω τῷ ἐν τῷ κυνὶ ἐπιτέλλουσα·

(Totti 1985, 9)

В отличие от предыдущего текста, являющегося замечательным примером эпиграфического подтверждения материала, известного некогда только из исторического источника, *Selbstoffenbarung* Осириса, изложенный Диодором, не засвидетельствован пока эпиграфически: «εἰμι δὲ Ὀσιρις ὁ βασιλεύς, ὁ στρατεύσας ἐπὶ πᾶσαν χώραν ἕως εἰς τοὺς ἀοικήτους

¹⁰ В тексте Диодора прямо указано на нахождение текста на стеле, что делает его сообщение о тексте, посвященном Осирису, в высшей степени надежным: «<...> εἶναι δὲ καὶ στήλην ἑκατέρου τῶν θεῶν ἐπιγεγραμμένην τοῖς ἱεροῖς γράμμασιν. ἐπὶ μὲν οὖν τῆς Ἰσίδος ἐπιγεγράφθαι <...> ἐπὶ δὲ τῆς Ὀσίριδος ἐπιγεγράφθαι λέγεται» (Diod. *Hist.* 1.27.5).

τόπους τῶν Ἰνδῶν καὶ τοὺς πρὸς ἄρκτον κεκλιμένους» (Diod. *Hist* 1.27.5).

Надпись с о-ва Андрос (текст является гексаметрической парафразой откровения из Кум) (Totti 1985: 11):

44 <...>ἔμμι δ' ἀρούρας
 πυρνοτόκῳ μεδέοισα <...>
 86 ἄμπελον ἐκπετ[άσαισα — — — — —]
 142 τὰ δ' ὑπείροχ' ὀ[π]ανίκα [νε]ύσω
 κῦρος ὑποκλάζοισ', ὑπάταν βασιληΐδα τειμᾶν
 πτήσσονθ' ἀμετέραν

Отметим, что, по сравнению с первоначальным текстом, парафраза¹¹, наряду с общей переработкой языка текста в направлении архаизирующей эпической нормы, содержит меньше элементов *Partizipstil*, и они менее очевидны).

Тем не менее, в гексаметрических гимнах Исиде Исидора (из Мединет-Мади (Нармутис) в Фаюмском оазисе) отдельные элементы *Partizipstil* можно обнаружить:

Первый гимн (Totti 1985: 23):

Κλῦθι ἐμῶν εὐχῶν, μεγαλοσθενὲς οὐνομ' ἔχουσ[α]

Третий гимн, открывающее его обращение к Исиде (Totti 1985: 24):

Ἵψίστων μεδέουσα θεῶν, Ἐρμούθι ἄνασσα,
 Ἴσι ἀγνή, ἀγία, μεγάλη, μεγαλώνυμε Δηοῖ,
 (завершающая εὐχή):
 κλῦθι ἐμοῦ, Ἀγαθή τε τύχη, ἰκέτου σου, ἄνασ[α],
 <...>
 ἢ καὶ ἡελίου ὠκυδρόμου ἄρματα βᾶσα,
 κόσμον ἅπαν διάγουσα, κατοπτεύουσα ἅπαντα
 ἔργ' ἀνδρῶν ἀσεβῶν τε καὶ εὐσεβέων καθορῶσα,
 εἰ δὲ καὶ ὧδε πάρει, ἰδίαν ἀρετὴν ἐφορῶσα,
 τερπομένη θύμασιν, λοιβαῖσί τε ἠδὲ θηλαί[ς],
 <...>
 πυθομένη εὐχῶν, μελανηφόρε Ἴσι ἐλήμων.

Отметим, что на этом примере хорошо видна функция причастия как опорного элемента конструирования сложного наименования божества, участвующего в его эпиклезе – это видно

¹¹ Текст откровения из Кум, по всей видимости, вообще был весьма авторитетным и популярным, так как сохранилось еще одно, на этот раз – ямбическое его переложение – ср. Totti 1985: 14.

в соположении в этой функции цельных причастных конструкций (причастия в звательном падеже с зависимыми словами) со сложными эпитетами (как μελανηφόρε).

Четвертый гимн (Totti 1985: 26):

οὐνομα δ' ἦν παταπὸν τούτωι; καὶ τίς τόδ' ἔθηκε
κοίρανος ἢ βασιλεὺς ἢ τίς ἀθανάτων;
ὁ θρέψας Σεσοῶσις, ὃς οὐρανοῦ ἔσπερ' ἀφεῖκται,
οὐνομ' ἔθηκε καλὸν ἡλίου εὐφεγγέος.

Кроме того, корпус прозаических «гимнов» (λόγοι) Элия Аристида¹² также удается обнаружить те же структуры в функционально нам уже знакомых контекстах ареталогической формулировки «свойств» божества или в эпиклезе:

Гимн Сарапису (Dindorf 1829: 97):

«καὶ ἡμῶν ἤδη μεταστρέψει τὸν λόγον πρὸς αὐτὸν, καὶ προσειποῦσιν ὥρα καταπαύειν. ὦ τὴν καλλίστην ὦν ἐφορᾶς κατέχων πόλιν, ἢ σοι τὴν δι' ἔτους πανήγυριν πληροῖ, ὦ κοινὸν ἅπασιν ἀνθρώποις φῶς, ἡμῖν τε δὴ πρώην περιφανῶς γενόμενος».

Гимн Афине (Dindorf 1829: 16):

«ἀλλὰ μὴν εἰς γε τὰ τῶν ἀνθρώπων πράγματα ὅσας εὐεργεσίας κατέθετο ἐνθυμηθῆναι ῥᾶον ἢ διελθεῖν λόγῳ. ἢ μὲν οὖν μεγίστη τῶν εὐεργεσιῶν καὶ διὰ πάντων τῶν γιγνομένων διήκουσα καὶ παρατείνουσα πάντας χρόνους καὶ τόπους, ὅτι Ἀθηνᾶς ἡγουμένης οὐδὲν πώποτε ἀνθρώποις ἡμαρτήθη, οὐδ' αὖ πράξουσὶ ποτε χρηστὸν οὐδὲν ἄνευ τῆς Ἀθηνᾶς».

(Dindorf 1829: 17): «διχῆ δ' αὖ καὶ τούτων ἐκατέρω προσηνέχθη. Πρῶτον μὲν γὰρ τῆς ὀρείου καὶ καθ' ἐκάστου διαίτης ἀπαλλαγῆναι καὶ συνελθόντας οἰκεῖν ἐν ταύτῳ μίαν συνοικίαν κοινὴν περιβαλλομένους ἢδ' ἐστὶν ἢ πείσασα, καὶ εἰσὶν αἱ πόλεις δῶρα Ἀθηνᾶς· ὅθεν δὴ καὶ πολιοῦχος ἅπασι κέκληται».

Гимн Асклепию (Dindorf 1829: 63):

«ὦ πολλὰ δὴ πολλάκις ἐν νυξί τε καὶ ἡμέραις ἰδία τε καὶ δημοσία κληθεὶς ὑφ' ἡμῶν, Ἀσκληπιὲ δέσποτα, ὡς ἀσμένοις καὶ ὑπερποθοῦσιν ἔδωκας ἡμῖν οἶον ἐκ πελάγους πολλοῦ καὶ κατηφείας λιμένος τε λαβέσθαι γαληνοῦ <...>».

¹² На данный момент он не был рассмотрен в полном объеме, использовались гимн Афине, Асклепию, Осирису, Гераклу».

(Dindorf 1829: 72) «εἰ γὰρ οἱ ποιηταὶ τὰ δοκοῦνθ' ἑαυτοῖς ὡστ' εἰπεῖν τὸν Ἀπόλλω καὶ τὰς Μούσας καλοῦσιν, ἧ που καλλίων ἢ κλησὶς ἡμῖν, ὅταν αὐτοῦ τοῦ προβαλόντος δεώμεθα μουσηγέτην ἅμα τῷ πατρὶ γενέσθαι. ἄλλ' ὦ πολλὰ δὴ πολλάκις κληθεῖς, ἔχω δ' εἰπεῖν ὅτι καὶ παραδείξας καὶ ἄλλα καὶ περὶ αὐτοὺς τοὺς λόγους, ἔξαγε καὶ νῦν ὅπῃ σοι φίλον τὸν λόγον».

Эта расширенная контекстуализация даже в своем принципиально начальном виде уже дает более определенные контуры поиска социокультурного контекста для контакта «эллинского» с «ориентальным». К произведениям авторов орнаментальной прозы с гимническими элементами (Элий Аристид, император Юлиан) добавляются позднеантичные гимны из PGM и культа Исиды и Осириса. Однако проблема, поставленная Э. Норденом, при получении более широкого материала не решается. Как мы помним, немецкий ученый начала XX в. предлагал определенную концептуальную рамку для понимания процесса проникновения «неэллинских» элементов в «греческую» литературу и язык. Чтобы продвигаться дальше, помимо чисто количественного расширения контекстуализации позднеантичного *Partizipstil* необходимо предложить альтернативу или уточнение концептуальной схемы Э. Нордена. Объяснительная модель должна предложить теорию, объяснявшую бы в терминах исторически конкретных и прослеживаемых взаимодействий знакомство авторов очерченного круга с возможными разновидностями «ориентальных» традиций – прежде всего, иудаизма¹³.

Как кажется, представляется в принципе возможным очертить общие контуры такой модели, опираясь на данные, полученные в 20 в. в ходе исследования позднеантичной философии, религии и литературы.

Во-первых, исследователи эллинистического и позднеантичного иудаизма в диаспоре отмечают высокую степень активности его контактов с греческим культурным контекстом. При этом – что принципиально для наших целей – отмечается двустороннее направление влияний: как эллинистической культуры на иудаизм диаспоры, так и наоборот. Если говорить о тех типах авторов и текстов, которые были выделены выше в качестве фокуса внимания, то одним из ярких примеров взаимодействия является Нумений из Апамеи (II в. н. э.) – неопифагорец, один

¹³ Ср. отмечаемый Норденом (1913: 201–4) «гебраизм» *Partizipstil*.

из основных предшественников неоплатонизма. Мы не только видим в сохранившихся фрагментах его трактатов существенные свидетельства его знакомства с иудаизмом и, по всей видимости, Септуагинтой¹⁴; можно видеть фактическую возможность контакта, так как в Апамее была довольно заметная иудейская диаспора (Rinaldi 1998: 53–54). Это пример контактирования позднеантичной академической философской школы с иудаизмом и его текстами (Септуагинтой), говорящий о принципиальном существовании подобных связей и возможности знакомства в том числе со стилистикой иудейских текстов. По формулировке одного из авторитетных исследователей, «свободные кварталы Александрии» с их не всегда ортодоксальными идеями выступали местом синтеза самого разного толка: религиозного, философского, стилистического¹⁵; Нумений как философ является, по всей видимости, лишь наиболее ярким и известным свидетелем этого.

Относительно более религиозной разновидности философии есть еще более яркие свидетельства. Известно бесспорное влияние иудаизма на герметизм (см., прежде всего, Jansen 1977; Wilson 1977; Pearson 1981; Quispel 1992), что чрезвычайно заметно даже на стилистическом, а не только идейном уровне. Так, отмечены прямые цитаты из синагогальной литургии в тексте герметического трактата «Поймандр»¹⁶. Это дает нам

¹⁴ Наряду с наиболее известной его формулировкой *Τί γάρ ἐστι Πλάτων ἢ Μωσῆς ἀττικίζων* (Eus., Pr.Ev. IX, 8, 1–2), Нумений аллегорически толковал слова пророков (Stern 1980: 346); для него иудеи – предшественники Платона и Пифагора (Cook 2004: 37); в его фрагментах обнаруживается знакомство с ритуалами и обычаями иудеев (ibid.). Одно из его высказываний можно понимать как прямую аллюзию на Исход 3.14 (*Εγώ εἰμι ὁ ὢν*): *Ὁ μὲν γε ὢν σπέσμα πάσης ψυχῆς στείρει*. Ему также известен (небиблейский по происхождению) сюжет и встрече Моисея в египетскими магами (idem, 39). Ему также мог быть известен ветхозаветный апокриф «Покаяние Ианна и Мамбра», на который ссылается Ориген как на источник Тим. 3.8 (idem, 40).

¹⁵ «... Numenius in this respect, as so often, has been inspired by his Jewish source, the liberal quarters of esoteric Alexandria» (Quispel 1992: 9).

¹⁶ Ср., например, слова в конце 30 главы «ἐκ ψυχῆς καὶ ἰσχύος ὄλης четко отражают выражение, используемое в последней части шемы (Pearson 1981; 341). Исследователь так заключает изложение параллельных мест «Поймандра» и синагогальной литургии: «Of the influence of Jewish liturgical usage on the Poimandres there can be no doubt!» (idem, 345). При этом автор отдельно подчеркивает отсутствие

пример взаимодействия в более узко понятом религиозном смысле.

Наконец, еще одним отдельным примером является глубокое и бесспорное знакомство императора Юлиана с иудаизмом как религией¹⁷, в том числе в ее культовыми практиками (Alon 1970: 313; Smith 1981: 185) в целом и с Септуагинтой в частности (Lewy 1983: 73; Finkelstein 2011, 34); в данном случае систематическое изучение греческого текста Библии является бесспорным фактом.

Еще одной линией взаимодействия, которую также можно контекстуализировать в позднеантичной иудейской диаспоре, было мощное влияние иудаизма на магические тексты и практики. В чрезвычайно богатом свидетельствами, но столь же сложном (в отношении конфессиональной ориентации входящих в него текстов и их датировок)¹⁸ корпусе греческих магических папирусов (PGM) наличие элементов иудаизма является признанным фактом (Smith 1996; van der Horst 2006; Lidonici 2007). Отдельно отметим, что в значительном числе случаев наличие *Partizipstil* отмечается именно в произведениях гимнического характера, вошедших в корпус либо как самостоятельные тексты, либо в виде гимнических фрагментов заклинаний и магических формул.

Наконец, нельзя не упомянуть исследования, указавшие на существование более широко понятой контактной зоны между текстами и культурами иудаизма и эллинизма. Упомянем как пример надпись с о-ва Эвбеи (II в. н. э.) со списком болезней, совпадающим с тем, который отражен во Втор. 28, 22–8; при этом на ней же в качестве божеств фигурируют Бог (θεός), фурии, грация и Гигиея (Cook 2004: 48). По всей видимости, зона контакта между иудаизмом и его языческим грекоязычным окружением, как показывают исследования XX в. (в которых этот вопрос, по сути, только начинает изучаться) может

сходства стилистики гимнических элементов с традиционными греческими гимнами – имея в виду именно присущий этим пассажам *Partizipstil* – и ссылается на Э. Нордена в его формулировке «негреческого характера» такого стиля.

¹⁷ Все релевантные текстовые источники – в Stern 1980: 502–572.

¹⁸ Подавляющая часть папирусов палеографически датируются IV в. н. э., время составления текстов является предметом продолжающейся научной дискуссии. См. прежде всего сводную аналитическую библиографию в Brashear 1995.

оказаться гораздо шире, чем традиционно принято считать в классической филологии.

В то время как приведенные выше соображения позволяют наметить более конкретные контуры взаимодействия эллинизма и иудаизма, место культовых текстов, связанных с Исидой, находится, как можно предположить, на касательной к этой линии контакта. В свете того материала, который доступен для обзора сейчас, представляется разумным говорить о формирующейся в поздней античности обобщенной трансконфессиональной гимнической стилистике, одним из важных элементов был *Partizipstil*. Предположительно одним из элементов, формировавших его, была стилистика иудейских текстов (того типа, которая обнаруживается в псалмах); она могла, как мы видели на примерах текстов из PGM, проникать в опять же трансконфессиональном контексте¹⁹ в гимнические магические формулы; пройдя этот стилистически-функциональный круг, лишивший ее определенной принадлежности к иудейской текстовой идентичности, она могла уже из этого круга околомагических гимнов осуществлять инфильтрацию в другие гимнические не исконно грекоязычные традиции, где и закреплялась (как в корпусе текстов, посвященных Исиде). Став привычным элементом этой (и, возможно, подобных) стилистических линий позднеантичной гимнографии, она могла также оказывать влияние на прозаические гимны (λόγοι) таких авторов, как Элий Аристид или император Юлиан (для которого, как мы помним, можно предполагать параллельно и другую линию проникновения *Partizipstil*: через непосредственное знакомство с иудаизмом); в элементах *Partizipstil* у Прокла также можно предполагать смыкание стилистических линий, пришедших находящейся *in statu nascendi* позднеантичной неэллинистической по стилю гимнографии и той традиции интереса и знакомства с иудаизмом, которая могла идти от Нумения и подобных ему философов.

Говоря о предположительной стилистической линии «неэллинистической» гимнографии (то есть стилистически отлич-

¹⁹ Ср. концепцию трансконфессионального понятнейшего «языка» относительно позднеантичных средиземноморских религий Мортон Смита (Smith 1996: 244) или теорию трансконфессионального набора эпитетов позднеантичных μεγάλοι θεοί, отраженных в аккламациях в Chaniotis 2010.

ной от традиционной литературной гимнографии, которая была ориентирована на классические примеры Каллимаха и гексаметрических гомеровских гимнов), отметим, что, судя по всему, ее стилистическое своеобразие ощущалось самими авторами, работавшими с обеими традициями. Как отмечено выше, один из наиболее распространенных и важных текстов культа Исида (откровение из Кум) имеет гексаметрическую парафразу, также бытовавшую в эпиграфике. Помимо того что сам факт существования парафразы говорит о намеренном переводе текста в другую стилистику (или даже в другой жанр), систематическое наличие *Partizipstil* также оказывается чертой «негреческой», «новой» гимнографии – в то время как в исходном тексте обнаруживается 3 случая *Partizipstil*, в парафразе он встречается лишь единожды и не столь очевидно стоит вне древнегреческой стилистики. Похожее соотношение наблюдается в атрибутируемых (эта атрибуция вызывала споры, но в настоящее время представляет собой научный консенсус²⁰) Элию Аристиду коротких гимнах, надписанных в пергамском асклепиеоне и созданных в чрезвычайно строго выдержанной аттицизирующей языковой традиции. В них, в отличие от прозаических λόγοι – гимнов богам, нет и следа *Partizipstil*. Можно предположить, что использование этого стилистического элемента было частью code switching, которое имело место при переходе границ жанров и прагматических условий бытования текста: в одних случаях известная «экзотичность», неэллинистический характер стиля был уместен, в других – нет.

В завершении подчеркнем, что изложенный выше материал является лишь подступами к поставленной Э. Норденом проблеме *Partizipstil* позднеантичного греческого гимнографического стиля. При этом, как мы старались показать, сама эта проблема является частью более общих и чрезвычайно важных стилистических и общекультурных сдвигов, характерных для поздней античности и эпохи формирования, в частности, позднейшей византийской гимнографической традиции.

²⁰ Вслед за первичной публикацией и комментарием в Wiegand 1932, в которой издатель атрибутировал тексты Элию Аристиду, последовали скептические оценки атрибуции. Она восстанавливается в Jones 2004 – см. там же библиографию и обсуждение.

Издания текстов

- Dindorf 1829 – Dindorf W. Aelius Aristides. Bd. I. Lipsiae, 1829.
 Preizendanz 1928–31 – Preizendanz K. Papyri graecae magicae. Bd. 1–2.
 Leipzig, 1928–31.
 Totti 1985 – Totti M. Ausgewählte Texte der Isis- und Sarapis-Religion.
 Olms, 1985.

Литература

- Alon 1970 – Alon G. Towards a Clarification of the Problem of Julian's knowledge of Jews // Studies in Jewish History in the Times of the Second Temple, the Mishna and the Talmud. Vol. 2 / ed. Gedaliah Alon. Tel-Aviv, 1970.
 Brashear 1995 – Brashear W. M. The Greek Magical Papyri: an Introduction and Survey; Annotated Bibliography (1928–1994) // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt II. 18.5. Berlin; New York, 1995.
 Cook 2004 – Cook J. G. The Interpretation of the Old Testament in Greco-Roman Paganism. Mohr Siebeck, 2004.
 Chaniotis 2010 – Chaniotis A. Megatheism: the search for almighty god and the competition of cults // One God: Pagan Monotheism in the Roman Empire / ed. S. Mitchell and P. van Nuffelen. Cambridge, 2010.
 Finkelstein 2011 – Finkelstein A. B. Julian among Jews, Christians and 'Hellenes' in Antioch: Jewish Practice as a Guide to 'Hellenes' and a Goad to Christians. PhD, Harvard, 2011.
 Heitsch 1961 – Heitsch E. Die griechischen *Dichterfragmente* der römischen Kaiserzeit. Bd.1, Göttingen, 1961.
 Jansen 1977 – Jansen H. L. Die Frage nach Tendenz und Verfasserschaft im Poimandres // Proceedings of the International Colloquium on Gnosticism. Stockholm August 20-25 1973 / ed. G. Widengren, D. Hellholm. Stockholm, 1977. S. 157–63.
 Jones 2004 – Jones Ch. P. Epigraphica VIII–IX // ZP 146 (2004). P. 93–98.
 Lewy 1983 – Lewy Y. Julian the Apostate and the Building of the Temple // The Jerusalem Cathedra, Studies in the History, Archaeology, Geography and Ethnography of the Land of Israel, Vol. 3 / ed. Lee I. Levine. Detroit: Wayne State University Press, 1983. P. 70–96.
 Mayser 1926 – Mayser E. Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemaerzeit mit Einschluss der gleichzeitigen Ostraka und der in Agypten verfassten Inschriften. Bd. II, 1, Leipzig, 1926.
 Moulton et al. 2000 – Moulton J. S., Howard W. F., Turner N., A Grammar of the New Testament Greek, v. 3. Syntax. London, 2000.
 Norden 1913 – Norden E. Agnostos Theos: Untersuchungen zur Formengeschichte religiöser Rede. Leiden, 1913.
 Pearson 1981 – Pearson B. A. Jewish Elements in Corpus Hermeticum I (Poimandres) // Studies in Gnosticism and Hellenistic Religions Presented to Gilles Quispel on the Occasion of his 65th Birthday / ed. R. van den Broek, M. J. Vermaseren. Leiden: EPRO 91, 1981. P. 336–48.
 Preizendanz 1928–31 – Preizendanz K. Papyri graecae magicae. Bd. 1–2. Leipzig, 1928–31.
 Quispel 1992 – Quispel G. Hermes Trismegistus and the origins of Gnosticism // VC 46 (1992). P. 1–19.

- Rinaldi 1998 – Rinaldi G. *La Bibbia dei pagani*. Vol. 1, Quadro storico, EDB 1998.
- Smith 1981 – Smith M. *Palestinian Parties and the Politics that Shaped the Old Testament*. New York: Columbia University Press, 1987.
- Smith 1996 – Smith M. *Studies in the Cult of Yahweh*, vol.2, New Testament, Early Christianity & Magic. Leiden, 1996. P. 242–256.
- Stern 1980 – Stern M. *Greek and Latin Authors on Jews and Judaism*, Vol. II. From Tacitus to Simplicius. Jerusalem, 1980.
- van der Horst 2006 – van der Horst P. W. *The Great Magical Papyrus of Paris (PGM IV) and the Bible // Jews and Christians in Their Graeco-Roman Context*. Mohr Siebeck, 2006.
- Wiegand 1932 – Wiegand Th. *Abh.* Berlin 1932, 5, 53–54 no. 6.
- Wilson 1977 – Wilson R. McL. *The Gnostics and the Old Testament // Proceedings of the International Colloquium on Gnosticism*. Stockholm August 20–25 1973 / ed. G. Widengren, D. Hellholm. Stockholm, 1977. P. 56–61.

A. S. Avdokhin. *Partizipstil* in the Late Antique Greek Hymnic Style: One Hundred Years after E. Norden

In his 1913 monography *Agnostos Theos*, E. Norden put forward a theory of an “oriental impact” style of Greek hymns in Late Antiquity. Its core element is the so-called *Partizipstil*. It was supposed to be paralleled in the hebraistic syntax of Septuagint and other “oriental” writings; no clear conception, however, was proposed as to the particular ways in which such influence could be made possible.

By putting the *Partizipstil* in a wider context of Late Antique pagan hymnography (hymns from PGM, the Isiac epigraphic corpus and hymnic passages in the λόγοι of Aelius Aristides), this paper attempts to arrive at a better understanding of how the Late Antique hymnography changed, the introduction of the *Partizipstil* being one of the hallmarks of the change. This pattern is shown to be there in the texts studied, which is telling of the ways in which the Hebraic style could have penetrated into Greek hymns. When looked at in the perspective of the 20th century scholarship on the Jews-Gentile interaction, the insights gained from following the trail of *Partizipstil* start to make even a better sense in terms of accounting for the “melting pot” nature of the Late Antique literary style.

D. Ardoino

LA TRACCIA DI BASILEA NEL SUO CONTESTO TEDESCO-LATINO: ASPETTI CODICOLOGICO, PALEOGRAFICO E FILOLOGICO

Resюме: В статье анализируется т.н. «Базельский фрагмент», обнаруженный в 1974 г. в немецкой рукописи, хранящейся в университетской библиотеке Базеля.

Кодикологическое исследование рукописи позволяет прийти к выводу, что текст, состоящий из двух строк, написан носителем прусского языка (или носителем немецкого языка, хорошо знавшим прусский) и возможно представляет собой древнейший памятник прусского языка, поскольку другой ранний памятник прусского языка, т. н. «Эльбингский словарь» не имеет точной датировки.

Ключевые слова: прусский язык, памятники прусского языка, «Базельский фрагмент».

Descrivere compiutamente il microtesto (variamente definito, ma per lo più) conosciuto come “Basel Epigram” – denominazione alla quale qui si preferisce “Traccia di Basilea”¹ o semplicemente “TB” – costituisce un’operazione piuttosto complessa, dal momento che rende necessario un approccio multidisciplinare, vale a dire la lettura della testimonianza attraverso punti di vista assai diversi tra loro: codicologico, paleografico, filologico e linguistico.

Questa circostanza si deve essenzialmente:

- alle caratteristiche linguistiche specifiche del microtesto;
- a quelle, assai problematiche, che caratterizzano il prussiano, idioma al quale la lingua attestata in TB sembra sia riconducibile;
- al contesto piuttosto intricato nel quale la testimonianza oggi si trova fisicamente.

Per datare TB e tentare di collocarla nello spazio, infatti, si dimostra primaria e imprescindibile un’indagine di natura codicologica e paleografica. Viceversa, al fine di comprenderne corretta-

¹ Circa la denominazione del microtesto nei termini di “Traccia di Basilea” cfr. Dini (2004).

mente il significato, l'esame linguistico (paralinguistico e pragmatico oltrech  morfosintattico), risulta ovviamente prioritario².

L'analisi su pi  fronti e quindi la variet  di prospettive di volta in volta adottate rende opportuno presentare i risultati dello studio di TB in pi  fasi consecutive, reciprocamente collegate, ma ciascuna dotata di una propria individualit  e indipendenza.

In questo primo contributo, dopo un inquadramento generale e una sintetica presentazione dell'oggetto di studio, si focalizzer  l'attenzione quasi esclusivamente sugli aspetti non linguistici che riguardano la Traccia di Basilea.

Degli studiosi che fino ad oggi si sono occupati di TB, sembra che soltanto William R. Schmalstieg e Jos Schaeken (oltre a chi scrive) abbiano visto il manoscritto originale. Tutti gli altri (ad eccezione forse di Knut Olof Falk³) pare si siano basati sul facsimile in scala di grigi e di scarsa qualit  presentato nel primo studio pubblicato sull'argomento (McCluskey, Schmalstieg, Zeps 1975) o su quello di definizione un po' migliore presentato in Schmalstieg (1974).

In queste pagine e in quelle che ad esse seguiranno si affrontano numerose questioni di carattere paleografico e codicologico. Volendo far s  che, per quanto   possibile, il lettore:

- abbia la possibilit  di verificare le tesi qui sostenute;
- guadagni una certa indipendenza di giudizio sugli argomenti trattati;
- disponga di uno strumento che gli consenta di (ri)leggere e valutare in maniera pi  adeguata gli studi fino ad oggi prodotti su TB

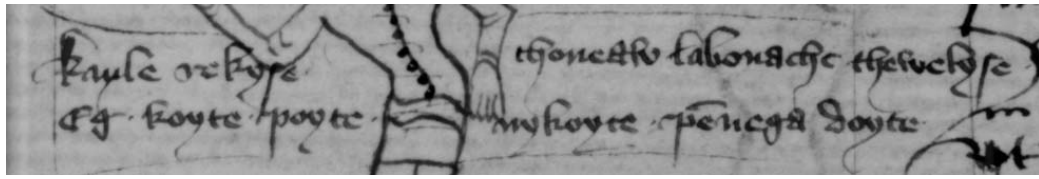
sono stati inseriti nel testo (tra parentesi quadre) rinvii alle fotografie dei documenti sui quali di volta in volta verte la discussione⁴. Tali riproduzioni⁵, a colori e di discreta qualit ⁶, sono liberamente accessibili all'indirizzo⁷ www.diegoardoino.it

² Pressoch  tutti gli studiosi che hanno indagato TB si sono concentrati quasi esclusivamente sulla facies linguistica della testimonianza. Gli unici ad aver assunto una prospettiva pi  ampia sono Purkart (1983), Schaeken (2003a; 2003b) e Dini (2004).

³ Cfr. Stundžia (1996) e Sinkevičiūtė, Stundžia (2001). Il prof. Bonifacas Stundžia mi ha riferito di aver trovato nell'archivio di Falk una riproduzione a colori di TB.

⁴ Per chi scrive si tratta di un'operazione rischiosa. Egli, infatti, espone molte delle sue tesi a verifica immediata e presta il fianco a critiche e osservazioni in misura assai maggiore di quanto accadrebbe se, invece,

01. Che cos'è la Traccia di Basilea?

Kayle rekylse · thoneaw labonache thewelyse ·
Eg · koyte · poyte · Nykoyte · pēnega doyte ·

Si tratta di due righe [fig. 66, 67] redatti in un dialetto baltico (verosimilmente una varietà di Prussiano o un idioma ad esso molto vicino), in calce ad uno scritto⁸ del matematico, astronomo e filosofo

evitasse di collegare alla discussione di ciascun punto il relativo e puntuale riscontro iconografico. All'autore di queste righe, tuttavia, non interessa tanto (mostrare di) "aver ragione", quanto piuttosto cercare di chiarire dei problemi. Proprio per questo, al fine di gettare nuova luce su TB, il ricorso a riproduzioni a colori (meritoriamente inaugurato da Jos Schaeken 2003a/b), nonostante il suo "costo", si ritiene irrinunciabile.

⁵ Se non diversamente indicato, esse sono state effettuate da chi scrive. A questo proposito ringrazio sentitamente il personale dell'*Abteilung Handschriften und Alte Drucke* dell'*Öffentliche Bibliothek der Universität Basel* e in particolare il Dr. Ueli Dill e il Dr. Dominik Hunger, per avermi permesso di pubblicare le immagini a corredo di queste pagine.

⁶ La "bontà" delle riproduzioni spesso non dipende (soltanto) dalla cura del singolo studioso, bensì da una serie eterogenea di condizioni molte volte da lui indipendenti. Chiunque frequenti archivi e biblioteche, infatti, ben conosce le difficoltà (non solo di ordine economico ma soprattutto - e paradossalmente- di ordine pratico) legate all'ottenimento di fotografie o scansioni che abbiano determinate caratteristiche qualitative (peraltro ottenibili, dal punto di vista operativo, attraverso operazioni assolutamente ordinarie laddove non addirittura banali).

⁷ Un sito web dedicato a TB in realtà esiste già e si deve a Jos Schaeken (l'indirizzo attuale è <http://www.schaeken.nl/lu/research/online/editions/baselepigram/> tuttavia è sufficiente digitare su un qualunque motore di ricerca "Old Prussian Basel Epigram" per avervi accesso). Si tratta di una pagina interessante e assai utile che raccoglie numerose riproduzioni a colori a corredo dell'articolo cartaceo. Benché abbiano adottato un'impostazione pressoché identica, lo studio di Schaeken e quello che qui si presenta giungono a risultati molto diversi, circostanza che può rendere interessante confrontarli.

⁸ Si tratta delle *Questiones super quattuor libris metheororum*, una sorta di commentario dei μετεωρολογικά di Aristotele, citati da Oresme nella traduzione latina di William of Moerbeke.

francese Nicola Oresme (1323?–1382) conservato nell'*Handschriftenabteilung der Universitätsbibliothek Basel* [fig. 42, 43].

Più precisamente essi compaiono nel *Folium* 63r del codice F.V.2⁹ subito dopo il colophon (datato 5/6 gennaio 1369), ai lati di un disegno e immediatamente prima dell'indice (*registrum o tabula quaestionum*) dell'opera di Oresme.

Si tratta di una testimonianza molto particolare e di grande fascino che, nonostante la sua brevità -o forse proprio a causa di essa-, pone una serie di problemi (soprattutto di carattere linguistico) di non facile soluzione.

Per un'informazione preliminare seguono tre autorevoli proposte di traduzione¹⁰:

*To your health, sir! You are not a good fellow,
If you want to drink and do not want to pay money*
McCluskey, Schmalstieg, Zeps (1975)

*Sveikas pone! Tu nebe geras dèdelis,
jeigu nori tu gerti, [bet] ne[be]nori tu pinigq duoti*
(Mažiulis 1975)

*Salve, o Herr! Du bist wohl nicht mehr unser Vater (Väterchen).
Wenn ich trinken will, willst du kein Geld geben.*
(Schmid 1982)

02. La scoperta

Nel 1974 Stephen Clement McCluskey, dottorando in storia della scienza presso l'Università del Wisconsin in Madison, studiando i microfilm¹¹ di alcuni manoscritti contenenti le *Questiones* di Nicola Oresme¹², al termine di una copia dell'opera il cui originale era (ed

⁹ La segnatura F.V.2 identifica un codice cartaceo, miscelaneo, confezionato nella seconda metà del XV° secolo, di dimensione 289x 213 mm, che in 140 carte raccoglie diverse opere d'argomento filosofico.

¹⁰ La traduzione proposta da Mažiulis (1975) sostanzialmente concorda con quella suggerita in McCluskey, Schmalstieg, Zeps (1975) ed è stata così resa in italiano da Dini (1997, 407):

*Salve signore, tu non sei [ormai più] un buon(ino) zietto,
Se vuoi-tu bere [ma] non vuoi-tu [ormai più] denari dare*

¹¹ Si tratta ovviamente di riproduzioni in bianco e nero.

¹² McCluskey stava lavorando alla sua tesi di dottorato (McCluskey 1974) che consisteva nell'edizione, traduzione e commento di parte del terzo libro

è tuttora) conservato a Basilea, notò due righe ai lati di un disegno che seguiva il *colophon* dell'opera di cui si stava occupando.

Incuriosito dal microtesto e non riuscendo a comprenderne la lingua, si rivolse al dipartimento di linguistica della sua università. Lì sottopose i due righe all'attenzione di Valdis Juris Zeps, professore di linguistica (di origine lettone), che riconobbe in essi un'attestazione in Prussiano, ne fornì una prima traduzione e informò del ritrovamento W. R. Schmalstieg, baltista della Pennsylvania State University.

A McCluskey si deve la scoperta del microtesto, la sua trascrizione e la descrizione della pagina e del codice nel quale esso si trova. Zeps e Schmalstieg si occuparono degli aspetti linguistici e prepararono l'articolo¹³, nel quale la nuova scoperta venne battezzata col nome di "*Basel Epigram*"¹⁴.

03. Perché questi due righe sono importanti?

L'importanza di TB può essere sintetizzata in due punti: la lingua che reca e la datazione attribuitagli¹⁵.

1) Si ritiene che questi due righe siano scritti in Prussiano e ciò costituisce di per sé un fatto significativo almeno per due ragioni:

- l'esiguo corpus linguistico del Prussiano verrebbe accresciuto di una nuova testimonianza;
- mentre pressoché tutti i monumenti linguistici prussiani ad oggi noti sono traduzioni (a fronte) di un testo tedesco,

delle *Questiones super quattuor libris metheororum* di Nicola Oresme. McCluskey, professore di storia presso la West Virginia University dal 1976 fino al 2006, è ora emerito. Cfr. <http://www.as.wvu.edu/~scmcc/>

¹³ "An announcement of the discovery was made on 18th May 1974 at the meeting of Baltic linguistics (...) of the Fourth Conference on Baltic Studies, University of Illinois at Chicago Circle" (McCluskey, Schmalstieg, Zeps 1975, 159).

¹⁴ Non tutti gli aspetti riguardanti la scoperta di TB e la sua pubblicazione erano chiari: al fine di diradare ogni dubbio mi è parso opportuno contattare direttamente lo scopritore. Il prof. McCluskey, con grande sollecitudine e cortesia ha avuto la gentilezza di ripercorrere le tappe della scoperta e della pubblicazione di TB qui brevemente compendiate, permettendo così di chiarire definitivamente il quadro. A lui vanno i miei più sentiti ringraziamenti.

¹⁵ Questo secondo aspetto suggerisce che uno studio che riguardi soltanto la *facies* linguistica di TB risulta incompleto.

effettuate da tedeschi ¹⁶, TB non sembra essere una versione, perciò, a differenza degli altri *Sprachdenkmäler*, potrebbe costituire un'attestazione "diretta", cioè priva del "filtro" tedesco e quindi scritta da un madrelingua¹⁷.

2) Fino ad oggi pressoché tutti gli studiosi ¹⁸ hanno applicato a TB la data indicata nel *colophon* che la precede (5/6 gennaio 1369). Se ciò fosse vero, non essendo al momento possibile verificare la datazione attribuita al cosiddetto Vocabolario di Elbing ¹⁹, TB costituirebbe non soltanto la più antica testimonianza linguistica ad oggi nota in lingua prussiana, ma, più in generale, anche la prima attestazione di un dialetto baltico.

04. TB nel suo contesto

Al fine di ottenere un quadro d'insieme della pagina, si procede ora ad una rapida descrizione del *Folium 63rv*, distinguendo le diverse componenti in esso individuabili:

1) Nella prima colonna termina lo scritto di Oresme con le seguenti parole [fig. 01]:

¹⁶ Questa circostanza fa sì che la traduzione prussiana risulti strettamente vincolata all'originale tedesco e quindi restituisca una lingua in qualche misura "artificiosa", cioè priva della naturalezza e della fluidità di un testo autonomo, redatto da un madrelingua. L'*Enchiridion*, vale a dire la testimonianza che più di tutte sembrerebbe evidenziare una dimensione morfosintattica di un certo respiro, in realtà è una traduzione letterale del testo tedesco a fronte (effettuata in ogni caso da un tedesco, sebbene coadiuvato da un interprete) e, soprattutto dal punto di vista sintattico, rivela una lingua spesso stentata, incerta e priva di spontaneità. Sembra cioè davvero poco probabile che, in condizioni normali, e cioè nella conversazione e nella produzione spontanea della lingua, la sintassi del prussiano si articolasse in maniera tanto simile a quella del tedesco.

¹⁷ Si tratta di un punto particolarmente spinoso e di grande importanza. Alcuni indici potrebbero far pensare anche ad un tedesco che avesse senz'altro una buona familiarità ma forse anche una discreta competenza del prussiano. Questo aspetto, tuttavia, verrà discusso nel dettaglio in un contributo ad esso dedicato.

¹⁸ L'unica eccezione sembra essere Purkart (1983)

¹⁹ Il Vocabolario di Elbing è stato datato agli inizi del XV secolo (Nesselmann 1868). Dal 1945, tuttavia, se ne sono perse le tracce, perciò al momento è impossibile eseguire ulteriori verifiche sulla datazione attribuitagli.

“...dicimus quod tale animal habitet in igne et sic est finis questionum oren super metheororum ad honorem dei gloriosi amen deo gracias”

2) Segue l’explicit in scrittura distintiva [fig. 01, 25]: “*Expliciunt questiones metheororum*”

3) Troviamo quindi il colophon (nel quale si nota una correzione piuttosto vistosa) chiuso da un esametro formulare ²⁰ [fig. 01, 25]:

*“Anno domini millesimo cococo sexagesimo nono finite sunt que
ftiones metheororum per manus illius qui scripsit eas et
c in vigilia epiphanie ~~per manus illius qui scripsit eas~~
Omnibus omnia non mea sompnia dicere possum amen”* ²¹

4) Alla sottoscrizione segue il disegno di un uomo che sventola una banderuola nella quale è scritto in tedesco [fig. 23, 24] “*ihs ich leid*”²²

5) Ai lati del disegno compare TB [fig. 24, 26, 27, 66, 67]:

*“Kayle rekyfe · thoneaw labonache thewelyfe ·
Eg · koyte · poyte · nykoyte · pēnega doyte · ”*

6) Poco sotto inizia la *tabula quaestionum*, una sorta di indice degli argomenti trattati nello scritto di Oresme. Essa venne in un secondo momento ricalcata [fig. 01, 23].

*“Registrum quatuor librorum metheororum
Vtrum possibile sit de inpressionibus metheoroloycis
haberi scientiam simul et opinionem ?...”*

La tabula termina nella seconda colonna del *folium* 63v con queste parole [fig. 02]:

*“ Vtrum in quolibet mixto dominetur terra vel aqua 62
Et tantum de questionibus methororum magistri
·N·Orem deo gracias”*

7) In calce alla pagina compaiono due glosse che spiegano, in tedesco, altrettante parole latine [fig. 01]:

²⁰ Si tratta di un esametro stereotipato ricorrente in numerose sottoscrizioni.

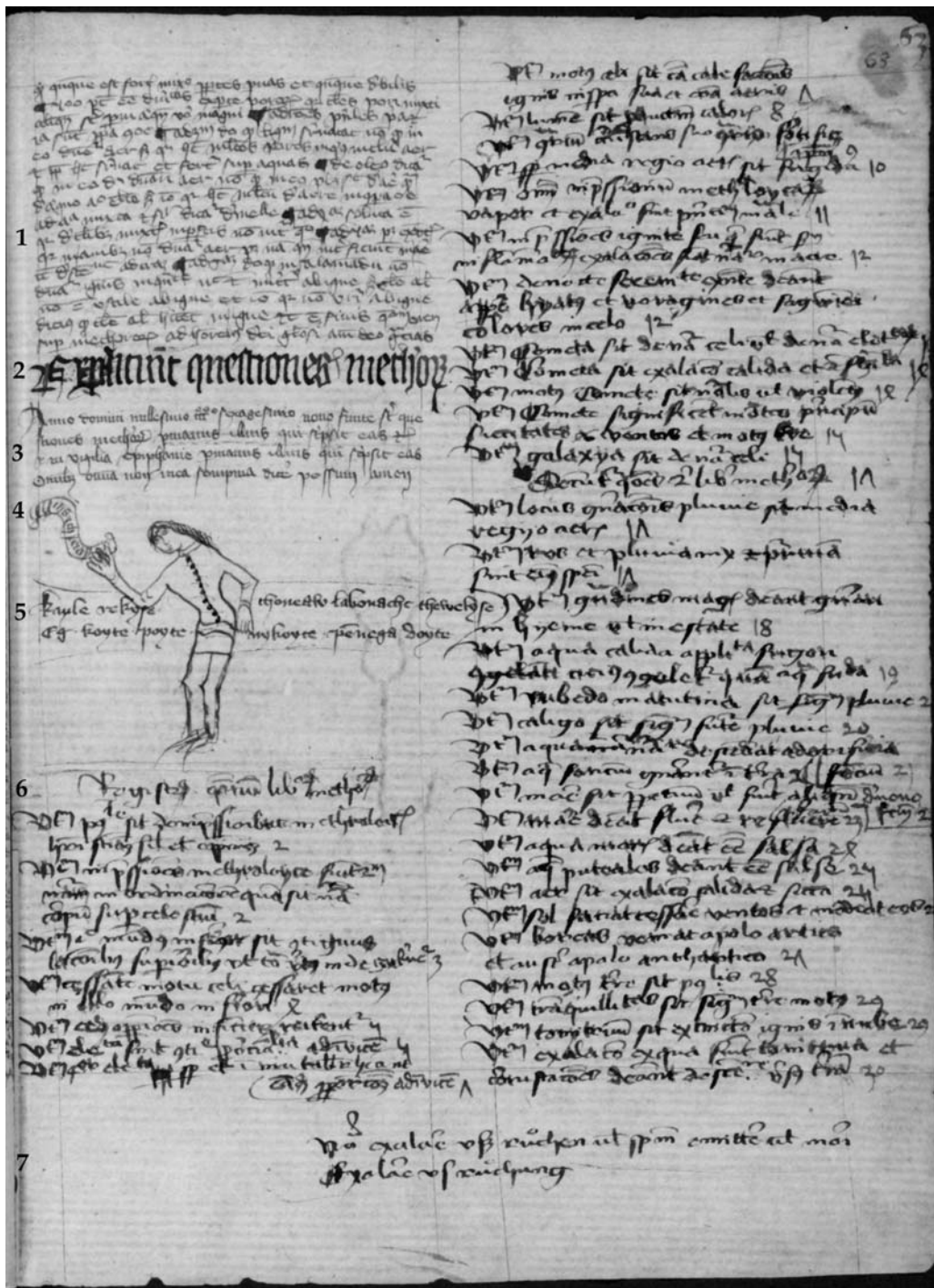
²¹ “Nell’anno del Signore 1369 è stata terminata la copia delle dispute sui fenomeni meteorologici ~~attraverso le mani di colui che scrisse queste ed altre opere~~ durante la notte/vigilia dell’Epifania attraverso le mani di colui che scrisse queste (*scil. questiones*) Non posso esprimere a tutti tutti i miei sogni amen”.

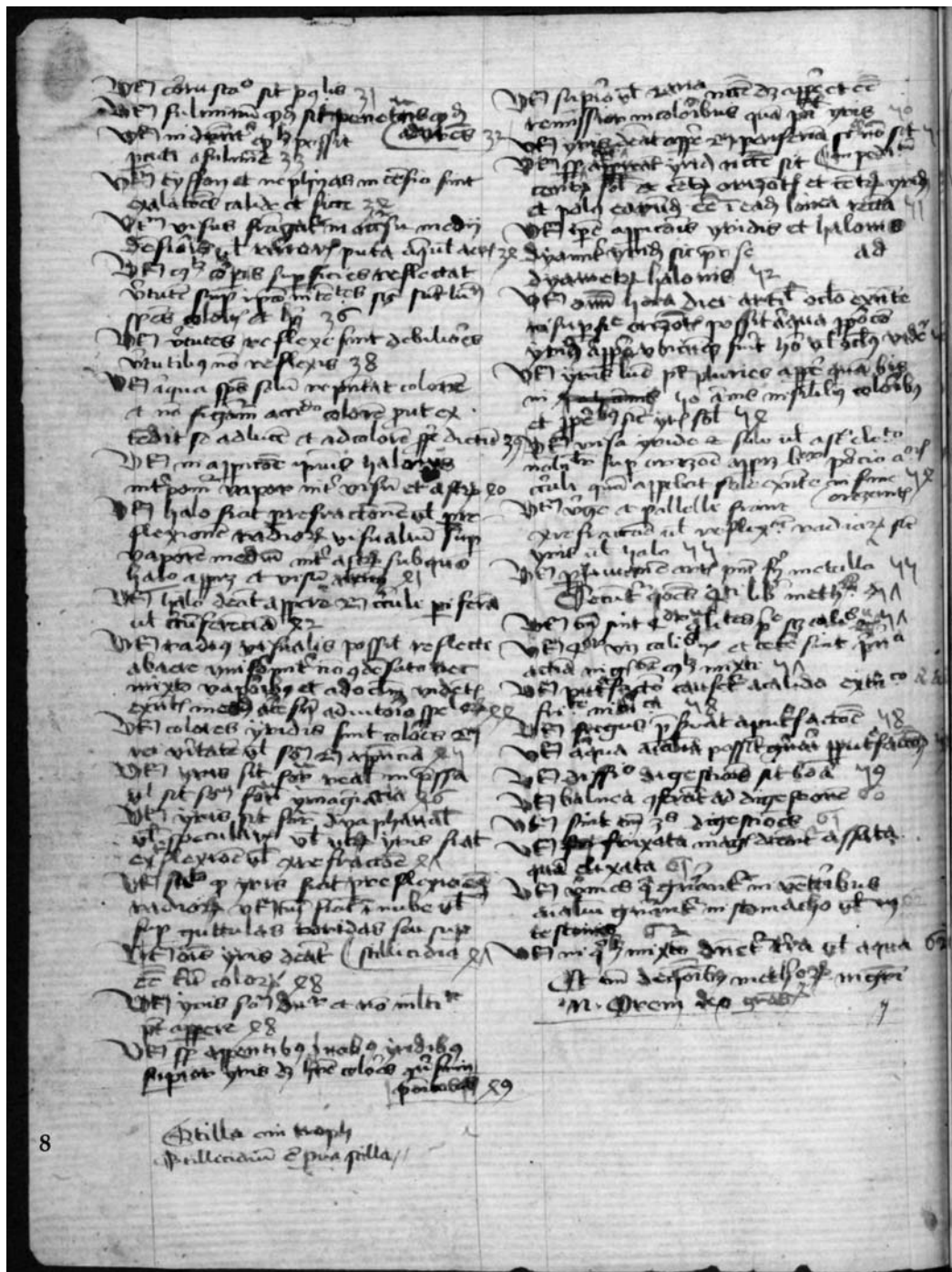
²² “Gesù, io soffro”.

“Nota exalare vß rüchen uel spiritum emittere uel mori.
Exalare vß rüchung”

8) Seguono in calce a 63v due glosse: una in tedesco e l'altra in latino [fig. 02]:

“Stilla ein troph.
Stillicidium est parua stilla”

05. L'importanza del contesto nella lettura di TB

L'importanza di TB si lega dunque alla lingua che veicolerebbe (≅Prussiano) e alla datazione attribuitale (1369). Delle questioni specificamente linguistiche si discuterà altrove; qui basti dire che delle undici parole delle quali consiste il microtesto, nel corpus prussiano sono stati rintracciati paralleli più o meno stretti (ma comunque abbastanza sicuri) per dieci di esse. Soltanto <thoneaw>

nonostante le numerose ipotesi interpretative avanzate, rimane a tutt'oggi piuttosto oscura.

Applicando il significato dei paralleli prussiani noti alle singole forme attestate in TB, si ottiene un messaggio abbastanza chiaro e coerente, che evidenzia un intento ironico e canzonatorio²³, caratteristica quest'ultima, riconosciuta pressoché da tutti gli interpreti²⁴.

In ogni caso, prima di affrontare e approfondire la *facies* linguistica del microtesto, occorre dare una risposta ad alcune domande preliminari compendiabili in tre punti:

1) La data indicata nel *colophon* (1369) è davvero applicabile anche a TB?

2) Perché TB è stata inserita nel luogo in cui si trova? A chi si rivolge? Perché ha carattere ironico?

3) Chi può aver scritto il microtesto? Dove?

L'osservazione dei rapporti tra TB e alcune altre parti del *folium* 63^{rv} consente di sciogliere questi nodi (in particolare i primi due) e così di delineare con una certa sicurezza la cornice entro la quale si colloca il microtesto²⁵.

1) La data riportata nel *colophon* (5/6 gennaio 1369) non può essere applicata *tout court* a TB. La mano che redasse il microtesto, infatti, è sicuramente diversa da quella che introdusse la sottoscrizione ed è senza dubbio posteriore. Al momento non si riesce a datare con precisione l'ingresso di TB²⁶: in termini assoluti si

²³ Ciò che continua ad essere piuttosto discussa è in realtà l'interpretazione morfosintattica delle singole forme.

²⁴ Le opinioni iniziano a divergere allorché ci si interroghi sulla causa di tale ironia: a chi sia rivolta e quale sia il messaggio reale celato dal significato letterale di TB.

²⁵ La discussione dettagliata dei singoli punti verrà affrontata altrove.

²⁶ Con tutte le cautele necessarie (soprattutto riguardo alle singole tecniche analitiche adottabili -e quindi alle loro caratteristiche, ai margini di errore e ai loro limiti, questioni che qui non possono essere discusse-), non si può escludere la possibilità di circostanziare ulteriormente (anche in termini assoluti) la collocazione cronologica di TB. Attraverso l'applicazione di alcune tecniche di analisi proprie della chimica analitica, infatti, si potrebbe individuare l'inchiostro col quale è stata scritta TB in altri luoghi datati del codice F.V.2 (o dei suoi "gemelli" F.V.10 e F.I.11, la cui rilegatura è identica a quella del codice F.V.2) e quindi riuscire a precisare l'ingresso del microtesto. In realtà la collocazione temporale di TB potrebbe essere particolareggiata anche qualora in qualche altro luogo datato o databile con sicurezza del codice F.V.2 (o dei suoi cognati) si ritrovasse l'inchiostro col

può dire soltanto che il microtesto è stato scritto sicuramente dopo il 5/6 gennaio del 1369 e prima del periodo che va dal 1460 al 1480²⁷. In termini relativi TB è stata inserita posteriormente al *colophon* e al disegno “parlante” che la precedono ma anteriormente alla prima stesura del *registrum*. La dimostrazione della seriorità di TB rispetto alla data fino ad oggi perlopiù attribuitale (5/6 gennaio 1369) ne rimette in discussione lo status di testimonianza più antica in seno al corpus linguistico prussiano e, più in generale, baltico. Ad oggi, infatti, non può essere dimostrata la sua maggiore antichità rispetto al Vocabolario di Elbing.

2) Non è casuale che TB sia stata inserita proprio intorno al disegno “parlante” (che del *colophon* costituisce una sorta di appendice iconica). La causa dell’ingresso del microtesto nella pagina, infatti, è ravvisabile proprio nel disegno e in ciò che “dice” (“*ihs ich leid*”). TB è quasi certamente un proverbio o un modo di dire (difficilmente si può pensare a una creazione estemporanea) indirizzato con intento canzonatorio a chi stese la sottoscrizione e si raffigurò triste e afflitto nella figura. Credo sia plausibile immaginare una situazione di questo tipo: un lettore, verosimilmente di giovane età, si imbatte nella pagina, vede il disegno, legge il messaggio nella banderuola e, preso da un irrefrenabile istinto, di getto e quasi senza pensarci, risponde al disegno, inserendo TB proprio intorno ad esso. Egli difficilmente sarebbe riuscito ad esprimere il proprio pensiero in maniera tanto sintetica, rapida ed efficace senza attingere ad una

quale è stato scritto il *registrum* o quello col quale, tempo dopo, esso è stato ricalcato.

²⁷ La filigrana a forma di “p” della carta di guardia del codice F.V.2 [fig. 09, 46, 68, 69] sulla base di numerosi *specimina* presentati nei repertori (Piccard 1983, lettera “p” vol. VIII nr. 264, 275, 501 etc.), è databile tra gli anni Sessanta e Ottanta del Quattrocento e rimanda ad un areale compreso tra la Germania sud occidentale e la Svizzera nord occidentale [cfr. fig. 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65]. È quindi evidente che:

- la confezione della legatura è quasi certamente posteriore al 1460;
- TB entrò nella pagina parecchi anni prima rispetto alla data di confezione del volume.

Quest’ultima affermazione è giustificata da un’osservazione di tipo stratigrafico. Nella parte bassa della carta 63r è evidente un tallone [fig. 80; 01]. Esso ricopre la ricalcatura del *registrum*, ciò significa che quando il volume fu confezionato la *tabula quaestionum* era già stata “riscritta”. Essa venne ricalcata presumibilmente alcuni anni dopo la sua inserzione e TB è stata inserita senza dubbio anteriormente all’introduzione del *registrum* (o al massimo contestualmente ad essa).

struttura preconfezionata e pronta all'uso. Ma probabilmente non si è trattato di una scelta. Spesso, infatti, è la semplice associazione di idee -di per sé inconsapevole- a far sovvenire in determinate circostanze un proverbio o un modo di dire, strutture peraltro spesso caratterizzate anche da una tessitura ritmica ben definita, ricca di simmetrie e figure di suono, caratteristiche che conferiscono all'adagio una certa "artisticità", ad un tempo agevolandone il ricordo e favorendone un rapido recupero nella memoria allorché si presenti un'occasione adatta al suo utilizzo. È proprio tale istintiva e inconsapevole immediatezza a suggerire che la lingua madre di chi inserì TB è probabilmente proprio quella attestata nel microtesto²⁸.

Il carattere ironico-canzonatorio di TB si lega all'eccessivo patetismo veicolato dal disegno parlante. L'autore del disegno, infatti, anziché suscitare la compassione e quindi la partecipazione dell'interlocutore al suo sconforto, avendo "sovraccaricato" il messaggio e avendolo così reso grottesco, sortisce un effetto diametralmente opposto, destando l'ironia e il sarcasmo *dei lettori*. Chi inserì TB, insomma, si rivolge all'autore del disegno parlante quasi a dirgli: "Caro mio, prima scegli un lavoro che, è evidente, offre dei vantaggi e ora ti lamenti tanto scompostamente degli inconvenienti che esso comporta? Taci, o almeno esprimi la tua insoddisfazione in modo più decoroso".

Si è detto che l'autore del disegno provoca l'ironia e il sarcasmo *dei lettori* (al plurale), perché al messaggio veicolato dal disegno non ha reagito soltanto la mano che inserì TB. Sulla figura, infatti, nel corso del tempo sono intervenute più mani diverse²⁹. La ricalcatura dei fianchi, l'intervento sui bottoni (la loro parziale introduzione/riscrittura) e il tratteggio in rosso³⁰ (anch'essi frutto

²⁸ Cfr. però quanto si dice nella nota 17.

²⁹ Ad esse si deve l'inserzione dei bottoni (o almeno di alcuni di essi) sulla veste, la ricalcatura dei fianchi della figura e i ritocchi di colore rosso che sulla fronte, sui capelli e sulla mano sembrano alludere al sangue e quindi ad una dimensione anche fisica del dolore [fig. 23, 24, 25]. Il messaggio di sofferenza espresso dal disegno, quindi, viene ulteriormente sovraccaricato, evidentemente a scopo derisorio. Il primo rubricatore, insomma, prende in giro chi si è raffigurato nel disegno, mostrando -se non si tratta della stessa persona- le stesse intenzioni di chi introdusse TB.

³⁰ Nella pagina 63 si ritrovano due tipi di rosso. Quello più vivo compare esclusivamente sul testo di Oresme e sul disegno parlante [fig. 01, 23, 25], fatto che sembra suggerire che la prima operazione di rubricatura sia stata effettuata anteriormente all'ingresso nella pagina del *registrum*. La rubricatura più scura, invece, si riscontra soltanto nella *tabula quaestionum*

della reazione all'eccessiva pateticità della figura) [fig. 23, 24], infatti, non si devono sicuramente all'opera di una sola persona (sebbene sia al pari poco probabile ipotizzare che ciascun intervento rimandi necessariamente ad una mano differente). Sulla pagina, dopo l'ingresso del disegno parlante, è verosimile che siano stati effettuati degli interventi "a blocchi" da parte di professionisti della scrittura. Quest'ipotesi suggerirebbe da un lato l'identificazione dell'estensore di TB in uno di essi, dall'altro l'attribuzione alla mano che ha inserito TB anche di qualche altro dispositivo presente all'interno della pagina³¹.

3) Quanto detto finora suggerisce di pensare all'estensore di TB come ad una persona di giovane età, verosimilmente un professionista della copiatura³², cioè chi si occupava di completare l'*opus scriptorium*, dotandolo di alcuni dei più comuni dispositivi complementari di cui il copista disponeva: rubriche, indici, scritture distintive etc. Uno studente avrebbe avuto verosimilmente possibilità di intervento sul codice più limitate rispetto ad un copista/ lavorante di biblioteca; inoltre, una sua eventuale inserzione avrebbe potuto più facilmente essere identificata e quindi stigmatizzata.

In ogni caso chi introdusse TB conosceva certamente il tedesco (legge <*ihs ich leid*>) e probabilmente aveva il Prussiano (o un dialetto baltico ad esso vicino) come lingua madre³³. È piuttosto improbabile riuscire a individuare con precisione il luogo, la zona nella quale TB fu inserita; tuttavia la cooccorrenza di alcuni³⁴ indici

e intorno a TB [fig. 01, 23]. Mentre il rosso vivo interviene massicciamente sul disegno, quello scuro si limita a rubricare <*Kayle*> e a "isolare" TB, ponendola tra due lievi righe rosse -peraltro facendo attenzione a non sovrapporsi al disegno (si riscontra una lieve sovrapposizione soltanto in corrispondenza della parola <*nykoyte*>)-. Gli interventi in rosso si devono quindi a due rubricatori diversi, che unitamente alla rubricatura è verosimile che abbiano inserito nella pagina qualche altro dispositivo: il *registrum*, la sua ricalcatura, l'*explicit* in scrittura distintiva, le glosse e forse anche TB.

³¹ Insomma, chi ha inserito TB può aver scritto anche la *tabula quaestionum* e/o l'*explicit* in scrittura distintiva e/o le rubricature nella tonalità più viva di rosso. Parimenti, alla mano che ha ricalcato il *registrum* potrebbero attribuirsi le glosse e/o le rubricature in rosso scuro. Entrambe queste mani potrebbero inoltre essere intervenute pure sul disegno. Per fugare ogni dubbio e chiarire definitivamente il quadro, basterebbe anche in questo caso effettuare alcune analisi chimiche sugli inchiostri.

³² Verosimilmente un lavorante di *scriptorium* o di biblioteca.

³³ Cfr. tuttavia quanto si dice nella nota 17.

³⁴ Essi verranno presentati e discussi altrove.

suggerisce che l'inserzione di TB abbia verosimilmente avuto luogo in ambiente tedescofono, tra la Germania sud occidentale e la Svizzera³⁵.

Bibliografia

- Ardoino 2012 – Ardoino D. La Traccia di Basilea. www.diegoardoino.it
- Biržiška 1987 – Biržiška V. Lietuvos studentai užsienio universitetuose XIV–XVIII amžiaus Lituanistikos instituto leidykla, Chicago.
- Boockmann 1971 – Boockmann H. Die preußischen Studenten an den europäischen Universitäten bis 1525 // Mortensen H., Mortensen G., Wenskus R., Jäger H. (eds.). Historisch-geographischer Atlas des Preußenlandes, 3.
- Dini 1997 – Dini P. U. Le lingue baltiche // La Nuova Italia. Scandicci.
- Dini 2004 – Dini P. U. Nota terminologica: come chiamare la scritta in prussiano antico di Basilea? // *Res Balticae*, 10. P. 243–246.
- Mažiulis 1975 – Mažiulis V. Seniausias baltų rašto paminklas // *Baltistica*, 11. P. 125–131.
- McCluskey 1974 – McCluskey S. C. Nicole Oresme on Light, Color, and the Rainbow. Madison.
- McCluskey, Schmalstieg, Zeps 1975 – McCluskey S. C., Schmalstieg W. R., Zeps V. J. The Basel Epigram: A new minor text in Old Prussian // *General Linguistics*, 15. P. 159–165.
- Nesselmann 1868 – Nesselmann G. H. F. Ein deutsch-preussisches Vocabularium aus dem Anfange des fünfzehnten Jahrhunderts. Nach einer Elbinger Handschrift mit Erläuterungen // *Altpreussische Monatsschrift*, 5. S. 465–520.
- Piccard 1983 – Piccard G. Wasserzeichen Frucht. Stuttgart: Kohlhammer.
- Purkart 1983 – Purkart J. The Old Prussian Basel Epigram: An interpretation // *General Linguistics*, 23. P. 29–36.
- Schaeken 2003a – Schaeken J. Observations on the Old Prussian Basel Epigram (<http://www.schaeken.nl/lu/research/online/editions/baselepigram/>).
- Schaeken 2003b – Schaeken J. The Old Prussian Basel Epigram (<http://www.schaeken.nl/lu/research/online/editions/baselepigram/>).

³⁵ L'osservazione paleografica non aiuta a identificare il luogo in cui TB fu inserita. Essa semmai potrebbe dare informazioni circa la provenienza di chi inserì il microtesto, vale a dire circa il luogo in cui si utilizzava la grafia che l'estensore di TB imparò ed utilizzò. Le ricerche di Boockmann (1971) e Biržiška (1987) -che ad esempio dal 1459 al 1706 rintraccia almeno 68 lituani che avrebbero frequentato l'Università di Basilea- indicano una certa mobilità degli studenti provenienti dalle regioni linguistiche baltiche già dall'epoca medievale, soprattutto verso le università tedesche, ma non solo. In forza di ciò non stupisce più di tanto il ritrovamento di glosse in lingue baltiche anche al di fuori del loro dominio linguistico. Insomma, sembra evidente che chi introdusse TB verosimilmente proveniva dalla regione prussiana o dai suoi dintorni; che poi egli abbia inserito il microtesto a Basilea, a Ulm, a Colonia o ancora altrove in fondo non sembra essere così rilevante.

- Schmalstieg 1974 – Schmalstieg W. R. *An Old Prussian Grammar: The Phonology and Morphology of the Three Catechisms*. University Park-London, The Pennsylvania State University Press.
- Schmid 1982 – Schmid W. P. “Jesus, ich leid” // *Linguisticae Scientiae Collectanea*. Ausgewählte Schriften von Wolfgang P. Schmid, anlässlich seines 65. Geburtstages / Becker J., Eggers E., Udolph J., Weber D (eds.). S. 287–290.
- Sinkevičiūtė 2001 – Sinkevičiūtė D. Stundžia B. Prūsų onimų germanizavimo tyrimai K. O. Falko rankraščiuose // *Baltistica*, XXXVI (1). P. 53–60.
- Stundžia 1996 – Stundžia B. Prūsistika K.O. Falko rankraštiniame palikime // *Baltistica*, XXXI (1). P. 93–99.

Diego Ardoino. The Trace of Basel in its German-Latin context: codicological, palaeographic and philological aspects

The Trace of Basel (“Traccia di Basilea” or “TB”) was discovered in 1974 in a fifteenth century manuscript preserved in the University Library of Basel.

The importance of this record can be summarized in two points: the language attested in it and the dating ascribed to it.

It is believed that these two lines are written in the Old Prussian; this is significant, bearing in mind both the scarcity of the Old Prussian linguistic corpus and the peculiarities of the Old Prussian language itself.

Up to now the date ascribed to TB by the scholars has been the one attested in the *colophon*, which immediately precedes the record (5/6 January 1369).

If this were true, since the dating of the *Elbing Vocabulary* is not verifiable, TB would be the oldest record known in the Old Prussian and, at the same time, the most ancient written text in a Baltic dialect.

The paper shows that the Trace of Basel is subsequent to the date generally attributed to it (1369), clarifies the relationships between the various parts of the *folium 63rv* and identifies the cause for which TB was inserted in its present location.

It is also suggested to view the author of the record as a native Prussian speaker or as a German native speaker with a certain competence of Prussian, and to locate the place where TB was inserted in the page within a German-speaking area, between the south-western Germany and Switzerland.

Д. Е. Афиногенов

ГИБЕЛЬ ИМПЕРАТОРА ВАЛЕНТА В ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Резюме. Из двух версий гибели императора Валента в битве с визиготами при Адрианополе (378) в византийской историографии возобладала та, согласно которой он укрылся в некоей деревне или отдельном строении и был сожжен заживо. Уже в V в. появляется история о том, как православный монах преп. Исаакии Далматский предсказал Валенту скорый конец. В одной из линий традиции присутствует редкое слово *ἀχυρῶν*, возможно, восходящее к утраченному источнику V в., где оно призвано было вызвать аллюзию на поговорку *ὄνος εἰς ἀχυρῶνα ἀπέδρα* («осел в амбар убежал»).

Ключевые слова. История Римской империи, византийская историография, император Валент, Георгий Амартол, древнегреческие поговорки.

В августе 378 г. император Валент, управлявший восточной половиной Римской империи, выступил в поход против визиготов, опустошавших Фракию. Под Адрианополем произошло сражение, в котором Валент нашел свою смерть. Весьма подробный и, несомненно, заслуживающий доверия рассказ об этих событиях содержится в «Анналах» Аммиана Марцеллина. Историк приводит две версии гибели императора (*Annales*, XXXI, 14, 12–16). Согласно одной, тот был убит стрелой, сражаясь в пешем строю среди рядовых воинов, и тело его не было обнаружено. Другая версия, которой Аммиан явно отдает предпочтение (ссылаясь на свидетельство очевидца), гласит, что раненого Валента отнесли в некий деревенский дом. Когда к нему подошли готские мародеры, спутники императора стали стрелять в них из луков со второго этажа. Тогда готы обложили строение хворостом и прочими горючими материалами и сожгли его вместе с людьми, не зная, что среди них был государь (подробный разбор рассказа Аммиана см., в частности в Ensslin: S. 2118–2126; Irmscher, Paratore, Rambaud 1979; Lenski 1997: p. 129–168, о гибели Валента p. 152–155).

В данной заметке нас будут интересовать не собственно исторические факты, а их отражение у позднеантичных и византийских историков, писавших на греческом языке, поскольку сопоставление их сообщений о битве при Адрианополе, как и о

некоторых других ключевых событиях, позволяет выявить взаимосвязи между различными ветвями историографической традиции. Для удобства обозрения материала представляется целесообразным распределить данные источников по отдельным мотивам.

1. Валент пал в бою, одетый как рядовой солдат (первая версия Аммиана Марцеллина).

Эту версию приводит только церковный историк Сократ Схоластик, родившийся около 380 г. (Socrates, *Historia Ecclesiastica*, IV, 38, 30–35)¹.

2. Готы сожгли императора вместе с деревней (κόμη), куда он бежал с поля брани. Об этом сообщают тот же Сократ (*ibid.*, 28–30), Феодорит Киррский (449/450 г.; Theodoret 1954: p. 273, 11–15), Кирилл Скифопольский (писал около 555 г.; *Vita Euthymii* 1939: S. 9, 23–10, 4) и языческий историк Зосим (писал в нач. VI в.), который в соответствующем разделе своего сочинения копировал современника событий Евнапия (род. около 347 г.; Zosimus. *Historia nova*, IV, 24, 2).

3. Император погиб в отдельно стоящем строении: Созомен (писал между 439 и 450 г.; *Historia Ecclesiastica*, VI, 40, 3–5) называет его δωμάτιον или πύργος, арианский историк Филосторгий говорит о τινι τῶν κατὰ ἀγρούς οἰκημάτων (*Historia Ecclesiastica*, IX, fr. 17, 10–16). Феофан Исповедник (ок. 813 г.) упоминает οἰκίσκος и οἰκία (Theophanis 1883: p. 65, 17–24), а Иоанн Зонара – οἰκῆμα и οἰκία (Ioannis Zonarae 1868–1870: vol. 2, p. 78, 16–79, 11). Слово οἰκῆμα встречается также во второй редакции хроники Георгия Амартола (846/847; Georgii 1978: p. 557, 21–24) и даже у Иоанна Малалы (конец VI в.), который полагает, будто Валент отправился во Фракию ради неких строительных мероприятий и погиб в результате несчастного случая, причем уточняется, что здание располагалось именно «в поле» (ἀγρός; Ioannis Malalae 1831: p. 343, 1–6).

4. Несколько источников указывают предназначение сгоревшей постройки. Так, в хронике Симеона Логофета (X в.) сказано: «Потерпев поражение, он бежал в Ахирон, местечко около Адрианополя, и там был сожжен» (ἤττηθτεῖς κατέφυγεν ἐν Ἀχυρῶνι, ἐν χωρίῳ Ἀδριανουπόλεως, καὶ κατεκάη ἐκεῖσε; Symeonis 2006: p. 93, 9–10). Интерпретация слова как топонима

¹ За пределами историографии такая же трактовка событий есть у Ливания (*Libanii Oratio* 24, 4).

– всецело заслуга издателя². На самом деле текст, по всей вероятности, должен выглядеть так: ἐν ἀχυρῶνι ἐν χωρίῳ Ἀδριανουπόλεως, где ἀχυρῶν – ‘помещение для хранения соломы, амбар’. В единственном сохранившемся греческом списке первоначальной редакции Георгия Амартола (Coislinianus 305, XI в.) говорится, что Валент сгорел ἐν χορτοβόλῳ (в ‘сенном амбаре’, f. 246v, 1). У Созомена есть некий намек на то, что в δωματίον хранились горючие вещества: ἅμα δὲ καὶ τὰ ἀποκείμενα ἐν τῷ δωματίῳ τοῦ πυρὸς μετέσχευ («одновременно занялось огнем и то, что хранилось в помещении»). Георгий Кедрин (Compendium 1838-1839: vol. 1, p. 549, 19) и Михаил Глика (XII в.; Michaelis 1836: p. 473, 9-10) тоже упоминают ἀχυρῶν. Текст Зонары (также XII в.) позволяет предположить, что в его источнике речь шла именно об амбаре с соломой: ἐν οἰκῆματι κατεκρύφθη παρ’ ᾧ ἀχυρῶδης σεσῳρευτο σурφετός («укрылся в строении, где была навалена куча соломы», p. 78, 18–19).

5. Уже на очень раннем этапе с Адрианопольской битвой связывается пророчество монаха Исаакия (преп. Исаакия Далматского, основателя первого в Константинополе монастыря τοῦ Δαλματίου). Впервые этот рассказ появляется у Созомена (VI, 40, 1), а затем повторяется в более детальном виде у Феодорита (p. 272, 6–18) и у византийских хронистов. Содержание эпизода в общих чертах таково: когда Валент отправлялся в поход, Исаакий схватился за узду его коня и потребовал вернуть храмы православным, говоря, что в противном случае император будет воевать с Богом, и это добром не кончится. Однако Валент приказал бросить подвижника в темницу, обещая казнить его после благополучного возвращения из похода. Предсказание, разумеется, сбывается. Наиболее пространное изложение этой легенды, появление которой связано с про-арианской политикой Валента и его репрессиями против защитников Никейской веры, обнаруживается в «Житии преп. Исаакия» (Bibliotheca Hagio-graphica Graeca, 956), написанном в VI в. Там рассказывается, что император, убегая от варваров, нашел в поле открытый амбар (ἀχυρῶνα, в славянском переводе плѣвницѣ) и спрятался в нем, но преследователи, увидев это, запалили амбар со всех

² Видимо, определенную роль здесь сыграло сообщение Иоанна Малалы о том, что император Константин I скончался в пригороде Никомидии, называемом Ἀχυρῶν (Ioannis Malalae 1831: p. 324, 5–8).

сторон и сожгли его вместе с государем (Супрасълски сборник 1982: т. 1, гл. 16, с. 196)³.

Таким образом, ‘амбар с соломой’ присутствует у Симеона Логофета, Кедрина, Глики, Зонары и в Житии Исаакия. Последние два памятника объединяет еще одна деталь: когда Валент угрожает наказать монаха после своего возвращения, тот говорит: «Если ты вернешься живым, Господь не говорил во мне»⁴. У Феодорита вместо этого имеется фраза: «Убей, если обличится ложь <моих> слов» (р. 272, 18). Поэтому зависимость Зонары от «Жития» представляется весьма вероятной. Возникает, однако, вопрос, откуда слово ἄχυρόν попало к Логофету. Вряд ли он использовал агиографический текст в качестве источника, поскольку Исаакий в хронике вообще не упоминается. Ни у Кедрина (Скилицы), ни у Глики подвижник, хотя и присутствует в повествовании, не предсказывает Валенту гибель. Здесь следует обратить внимание на само слово. При обращении к Thesaurus Linguae Graecae выясняется нечто весьма интересное.

Всего в TLG ἄχυρόν зафиксирован 18 раз в разных падежах (только единственного числа). Из них 4 случая приходятся на вышеназванных хронистов, включая Малалу. Из остальных четырнадцати двенадцать (!) – это сочинения грамматиков и лексикографов. Один раз это слово встречается, что вполне ожидаемо, в Геопониках. Таким образом, мы имеем дело с достаточно редкой для литературного языка лексемой, использование которой определенной группой произведений при описании одних и тех же событий должно теоретически указывать на некий общий источник. Если таковой существовал, то *terminus ante quem* для него определяется как VI в., время создания «Жития преп. Исаакия Далматского». Однако ключевым в характеристике данного гипотетического сочинения, в котором описывалась гибель императора Валента в Адрианопольском сражении, является еще один случай употребления слова ἄχυρόν, отраженный в Тезаурусе. Речь идет о схолиях к «Осам» Аристофана, где приводится следующая поговорка: «Осел в

³ Слово ἄχυρόν употреблено трижды: стк. 16–17, 20 и 21. См. также Acta Sanctorum Maii VII, 1688, col. 247–258.

⁴ Супрасълски сборник, с. 195, 27–29: ἐὰν σὺ ὑποστρέψῃς ζῶν, οὐ λελάληκεν κύριος ἐν ἐμοί. Зонара: εἰ σὺ ὑποστρέψεις, ἔφη, οὐ λελάληκεν ἐν ἐμοί ὁ θεός (р. 78, 5–6).

амбар сбежал» (ὄνος εἰς ἀχυρῶνα ἀλεδρα; Scholia in Vespas 1978: 1310a, 5–6.). Весьма заманчивым выглядит предположение, что автор, не питавший теплых чувств к Валенту, намеренно выстроил рассказ так, чтобы вызвать аллюзию с известной поговоркой. Однако даже если это верно, идейная тенденция источника отсюда вовсе не очевидна. Дело в том, что к Валенту резко отрицательно относились две многочисленные и влиятельные группы населения – Никейские христиане (омоусиане) и язычники (см. Lenski 1997:154–156)⁵. В любом случае, предполагаемое сочинение, скорее всего, появилось не позже середины V в. и принадлежало перу достаточно ученого автора. Интересно, что то же самое можно сказать и об утраченном источнике, из которого Георгий Амартол почерпнул сообщение о смерти императора Иовиана (см. Афиногенов 2011: 15–21). Это сочинение явно отличалось враждебностью к арианам, а следовательно, должно было быть неблагоприятно и по отношению к Валенту.

Как раз для текстологии хроники Георгия раздел, повествующий о царствовании этого императора, имеет очень большое значение. В рукописи Coislinianus 305, сохранившей первоначальную (авторскую) версию произведения, раздел, посвященный императорам от Юлиана Отступника до Феодосия Великого, существенно отличается от опубликованного текста второй редакции (т. н. «вульгаты», с. 548–592 издания де Боора). Славянский перевод XIV в., именуемый «Лѣтовникъ», в данном случае в точности следует за кодексом Coisl. 305 везде, кроме рассказа о правлении Валента (Лѣтовникъ 1878, 1880, 1881: л. 241^{об}–244^{об}), который полностью совпадает с соответствующим разделом вульгаты (р. 550, 13–557, 24). В моей предыдущей статье приводилась стемма, согласно которой между оригиналом славянского перевода и архетипом существовала промежуточная ступень, где были опущены некоторые пассажи, отсутствующие также и в вульгате (Афиногенов 2011: 18). Однако при сравнении очень краткой леммы о Валенте в греческой рукописи с пространством повествованием Лѣтовника обнаруживается, что первая есть, по всей видимости, довольно неуклюжее сокращение второго. Сопоставим тексты.

⁵ Ср. рассказ о пророчестве философа Максима и его казни при Валенте у Евнапия: *Eunapii Vitae sophistarum*, VI, 6, 2–9.

Coisl. 305, f. 246–246v.	Georgii Monachi chronicon, p. 557, 13–24.	ЛѢТОВНИКЪ, л. 244 ^{об} (обратный пер. по греч.)
<p>Καὶ κατὰ Γότθων ἐπιστρατεύσας, Ἰσάκιος ὁ ἱερός μοναχὸς κρατήσας αὐτοῦ τὸν χαλινὸν τοῦ ἵππου κατὰ τὴν ὁδὸν ἔφη μετὰ παρηρησίας· ποῦ βαδίσεις, βασιλεῦ, κατὰ τοῦ θεοῦ στρατευόμενος καὶ θεὸν ἔχων ἀντίπαλον; πρὸς ὃν ὁ τύραννος ὀργισθεὶς φρουρεῖσθαι προσέταξεν ἀπειλήσας αὐτῷ θάνατον, εἰ ἐπανέλθοι, καθάπερ Ἀχαάβ τῷ Μιχαία. ὁ δὲ τῆς αὐτῆς προφητικῆς χάριτος πλησθεὶς ὁμοίως αὐτῷ τὴν ἀντίφασιν ἐπὶ παντός τοῦ λαοῦ δέδωκεν.</p> <p>εἶτα συμβολῆς γενομένης ἐν Ἀδριανουπόλει, καὶ [246v] καὶ ἠττηθεὶς ὁ δεῦτερος Ἀχαάβ ἐκρύβη ἐν χορτοβόλῳ, ἐν ᾧ καὶ ἐκαύθη ὑπὸ τῶν βαρβάρων.</p>	<p>ἐξερχομένου δὲ αὐτοῦ Ἰσάκιος ὁ ἱερός μοναχὸς κρατήσας τοῦ χαλινοῦ τοῦ ἵππου αὐτοῦ ἔφησε πρὸς αὐτόν· ποῦ βαδίσεις, ὦ βασιλεῦ, κατὰ θεοῦ στρατευόμενος καὶ θεὸν ἔχων ἀντίπαλον; πρὸς ὃν ὀργισθεὶς Οὐάλης φρουρεῖσθαι προσέταξεν ἀπειλήσας αὐτῷ θάνατον, εἰ ἐπανέλθοι, καθάπερ Ἀχαάβ τῷ Μιχαία. ὁ δὲ τῆς αὐτῆς προφητικῆς χάριτος πλησθεὶς ὁμοίως αὐτῷ τὴν ἀντίφασιν ἐπὶ παντός τοῦ λαοῦ δέδωκεν.</p> <p>εἶτα συμβολῆς γενομένης ἐν Ἀδριανουπόλει, καὶ ἠττηθεὶς κατὰ κράτος φεύγει σὺν ὀλίγοις εἰς οἴκημα, ὅπερ αἰσθόμενοι οἱ πολέμιοι κατέκαυσαν αὐτόν σὺν τοῖς συνοῦσιν αὐτῷ καὶ αὐτῷ τῷ οἰκήματι...</p>	<p>ἐξερχομένου δὲ αὐτοῦ Ἰσάκιος ὁ ἱερός μοναχὸς κρατήσας τοῦ χαλινοῦ τοῦ ἵππου αὐτοῦ ἔφησε πρὸς αὐτόν· ποῦ βαδίσεις, ὦ βασιλεῦ, κατὰ θεοῦ στρατευόμενος καὶ θεὸν ἔχων ἀντίπαλον; πρὸς ὃν ὀργισθεὶς Οὐάλης φρουρεῖσθαι προσέταξεν ἀπειλήσας αὐτῷ θάνατον, εἰ ἐπανέλθοι, καθάπερ Ἀχαάβ τῷ Μιχαία. ὁ δὲ τῆς αὐτῆς προφητικῆς χάριτος πλησθεὶς ὁμοίως αὐτῷ τὴν ἀντίφασιν ἐπὶ παντός τοῦ λαοῦ δέδωκεν.</p> <p>РЕКЪ, ІАКО АЦЕ ВЪЗВРАЦАЕ ВЪЗВРАТНІШСЕ, НЕ ГЛА ВЪ МНѢ БЪ.</p> <p>εἶτα συμβολῆς γενομένης ἐν Ἀδριανουπόλει, καὶ ἠττηθεὶς κατὰ κράτος φεύγει σὺν ὀλίγοις εἰς οἴκημα, ὅπερ αἰσθόμενοι οἱ πολέμιοι κατέκαυσαν αὐτόν σὺν τοῖς συνοῦσιν αὐτῷ καὶ αὐτῷ τῷ οἰκήματι...</p>

Общая черта Coisl. 305 и вульгаты состоит в том, что они не приводят слов, сказанных Исаакием императору «при всем народе». Однако, как мы уже видели, их сохранило Житие Исаакия и хроника Иоанна Зонары. Греческий оригинал мог выглядеть примерно так: φήσας, ὅτι εἰ ὑποστρέφων ὑποστρέψεις,

οὐ λελάληκεν ἐν ἐμοὶ ὁ θεός. По размеру это как раз одна строчка рукописи. Таким образом, мне представляется, что в прототипе, который обрабатывал составитель вульгаты, эта строка была пропущена (либо он сам пропустил ее в процессе редактирования), а переписчик рукописи Coislin. 305 или ее протограф заменил подробный рассказ о правлении Валента кратким резюме, в котором не оказалось той же самой фразы. В любом случае текстологическая ценность славянского перевода оказывается чрезвычайно высокой.

Остается понять, откуда в Coislin. 305 взялось слово χορτοβόλος («сеновал»). В TLG оно не фигурирует (там, как и в папирусах, зафиксирован только χορτοβολών). Самое естественное объяснение заключается в том, что для человека, сокращавшего раздел, посвященный царствованию Валента, слово ἀχυρών выглядело не вполне ясным, и он заменил его на разговорный эквивалент (хотя вообще-то сено и солома, разумеется, вещи разные).

Литература

- Афиногенов Д. Е. Загадочная смерть императора Иовиана. Текстологический этюд // Индоевропейское языкознание и классическая филология, 15, 2011. С. 15–21.
- Супрасълски или Ретков сборник / изд. Й. Заимов и М. Капалдо. 2 т. София, 1982.
- Compendium historiarum / ed. I. Bekker // Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae op. 2 vols. Bonn, 1838–1839.
- Ensslin W. Valens // Realencyclopädie der Altertumswissenschaft, 2. Reihe, Bd. 7, S. 2118–2126.
- Georgii Monachi chronicon / ed. C. de Boor. Editio stereotypa correctior, cur. P. Wirth. Stuttgart, 1978.
- Ioannis Malalae chronographia / ed. L. Dindorf. Bonn, 1831.
- Ioannis Zonarae epitome historiarum / ed. L. Dindorf. 3 vols. Leipzig, 1868–1870.
- Irmscher J., Paratore H., Rambaud M. De pugna apud Hadrianopolim quibusque de causis Romani imperii opes laborare coeperint. R., 1979.
- Lenski N. E. Initium mali romano imperio. Contemporary Reactions to the Battle of Adrianople // Transaction of the American Philological Association, 127, 1997. P. 129–168.
- Michaelis Glycae Annales / ed. I. Bekker. Bonn, 1836.
- Scholia in Vespas (scholia vetera, recentiora Tricliniana et Aldina) / ed. W. J. W. Koster // Scholia in Vespas, Pacem, Aves et Lysistratam (Scholia in Aristophanem 2.1). Groningen, 1978.
- Symeonis Magistri et Logothetae chronicon / ed. S. Wahlgren (Corpus Fontium Historiae Byzantinae, XLIV/1). B.; N.Y., 2006.

- Theodoret. Kirchengeschichte / ed. L. Parmentier and F. Scheidweiler. (Die griechischen christlichen Schriftsteller, 44). B., 1954.
Theophanis Chronographia / ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883.
Vita Euthymii / ed. E. Schwartz // Kyrillos von Skythopolis (Texte und Untersuchungen, 49.2). Leipzig, 1939. S. 3–85.

**D. E. Afinogenov. The Death of the Emperor Valens
in the Greek Historiographic Tradition**

There existed two initial versions of Emperor Valens' demise in the battle of Adrianople in 378. Socrates reports on both; so does his contemporary Ammianus Marcellinus in Latin. On the contrary, later Greek historians preferred the one which featured the victorious Visigoths burning Valens to death in a village (κώμη, with authors down to the 6th c.) or some stand-alone building (δωμάτιον, πύργος, οἴκημα, οἰκίσκος, οἰκία; sometimes location "in the fields" is specified). Already in the 5th c. the account was adorned with prophecies, both Pagan and Christian, the most popular with Christian authors being the escapade by St Isaakios, the founder of the Dalmatou monastery, who allegedly predicted Valens's death. One line of the tradition employs ἀχυρών (barn, storehouse for chaff), a rare word which might go back to a lost source, probably of the 5th c. It was supposed to provoke an allusion to the proverb ὄνος εἰς ἀχυρῶνα ἀπέδρα (the donkey fled to a barn). The assumed author should have been hostile to Valens, either due to his arianism, or anti-pagan attitudes. This line includes the George the Monk chronicle, but the only Greek codex of its original (unpublished) version contains a drastically abbreviated account of Valens' reign. Thus, χορτοβόλος appears instead of ἀχυρών. However, the Slavonic translation (ЛѢТОВНИКЪ) has preserved this part of text in its entirety and in a more complete form than the second version, since only ЛѢТОВНИКЪ has a sentence, which, according to the testimony of the Life of Isaakios (BHG 956) and the Epitome by John Zonaras, was present in George's source. This underlines the primary importance of the Slavonic translation for reconstruction of the original chronicle.

А. С. Балаховская

**«ЖИТИЕ СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА»
СИМЕОНА МЕТАФРАСТА.
ИСТОЧНИКИ, СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ**

Резюме: Статья посвящена «Житию св. Иоанна Златоуста» из Менология Симеона Метафраста. Это «Житие», будучи основано на предшествующих редакциях жития Иоанна Златоуста, является итогом развития его агиографической традиции. Стиль жития показывает, что оно рассчитано одновременно на простую и на образованную аудиторию.

Ключевые слова: византийская литература, агиография, житие; Byzantine literature, hagiography, Life

1. Общая характеристика труда Симеона Метафраста

«Житие св. Иоанна Златоуста» (Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Χρυσοστόμου) (Migne: 114, 1046–1209) содержится в Менологии Симеона Метафраста – огромном труде, где собраны и отредактированы агиографические тексты. Этот труд совершался во второй половине X века в Константинополе под руководством Симеона Метафраста, византийского писателя и государственного деятеля (Jugie 1923: 5–10).

Работа над новой редакцией «Жития» заключалась в литературной обработке уже существовавших его версий¹. В этом процессе участвовало несколько писцов, по меньшей мере три, которые трудились совместно. Один из них диктовал новый текст, другой записывал, а третий занимался сверкой. Задачей самого Симеона Метафраста было окончательное утверждение готового жития, и это было его единственно возможной формой участия в процессе редактирования, поскольку, будучи логофетом дрома, он не мог проводить слишком много времени в скриптории (Metaphrasis 1996: 7–10). Какие же версии жития Иоанна Златоуста были положены в основу метафрастовой

¹ Распространенная точка зрения, что Симеон Метафраст следовал в своих литературных обработках высокому стилю, требует корректировки (Ševčenko 1981: 300–303).

редакции? Для ответа на этот вопрос сравним между собой «Житие» Метафраста и предыдущие версии жития Иоанна Златоуста.

2. Состав источников «Жития св. Иоанна Златоуста»

Предыдущими версиями жития Иоанна Златоуста являются: «Житие» Псевдо-Георгия Александрийского (сер. VII – начало VIII вв.) (Douze récits 1977: 69–285), «Житие» Никиты Пафлагонского (Философа) (начало X в.) (Vita a. Niceta Philosopho: 77–155), анонимное «Житие» из рукописи Ватопедского монастыря (так называемое «Житие без начала») (середина X в.) (Ommeslaeghe 1976: 317–356) и так называемое «Житие» Анонима (середина X в.) (было опубликовано энтузиастом издания творений Иоанна Златоуста сэром Генри Сэвилем в начале XVII в.) (Savile 1612: 293–371).

При сравнении «Жития» под редакцией Симеона Метафраста с этими памятниками, наибольшее сходство можно увидеть между ним и «Житием» Анонима (это сходство отметил еще К. Баур: Baur 1907: 47–48, Baur 1960: XXXV–XXXVII): в обоих памятниках большое количество отрывков буквально или почти буквально совпадает друг с другом, а также встречаются фрагменты, между которыми, хотя и нет буквальных совпадений, но есть соответствие содержания и последовательности повествования.

Можно насчитать более тридцати фрагментов «Жития» Симеона Метафраста, буквально или почти буквально совпадающих с «Житием» Анонима. В силу их многочисленности, к сожалению, нет возможности процитировать их здесь все целиком, поэтому в качестве примера приведем лишь два из них. В первом фрагменте речь идет о тех препятствиях (желание жителей родного города Антиохии и матери святого удержать его при себе), которые встали на пути молодого Иоанна, устремившегося к монашеской жизни, а во втором – о хиротонии Иоанна Златоуста во епископа.

Аноним

Ἀλλὰ τοῦ σκοποῦ τούτου τέως ἢ τε πόλις αὐτὸν ἀπάγουσι, καὶ μᾶλλον ἢ μήτηρ, δεινὰ πρὸς πειθῶ τὰ τῶν ἐκ δακρῶν αὐτῶ κεράσασα φάρμακα. Ἡ μὲν γὰρ πόλις ὡς ἰδίου θρέμματος περιέσχετο, καὶ διαπαντὸς κατέχειν ἠβούλετο (Savile 1612:299₂₆₋₂₈).

... συνηδομένων τότε καὶ τοῦ τῶν ἁγίων χοροῦ, καὶ μηδὲ οὐρανίων ἀγγέλων διὰ τὸν ἐπίγειον ἄγγελον τῆς θείας ταύτης ἑορτῆς ἀπολειπομένων, τῷ ἀρχιερατικῷ τελειοῦται ὁ τέλειος χρίσματι, καὶ τῷ τῆς ἐκκλησίας ὕψει στηρίζεται ὁ παμφανῆς φωστῆρ καὶ ὑπέρ-λαμπρος (Savile 1612: 314₃₄₋₃₇).

Сходство между «Житием» Симеона Метафраста и «Житием» Анонима, которое явствует из этих и из других подобных им фрагментов, наталкивает на мысль, что последнее было одним из источников «Жития» Метафраста. Еще больше укрепляет в этом предположении тот факт, что последовательность развития некоторых сюжетов в «Житии» Метафраста аналогична последовательности развития этих же сюжетов в «Житии» Анонима (подобных аналогий нельзя провести ни с одним другим житием Иоанна Златоуста).

Например, в § 12 «Жития» Метафраста повествуется о проповеднической деятельности Иоанна Златоуста в Антиохии, говорится о толпах народа, собиравшихся, чтобы послушать его (Ὅθεν γοῦν καὶ τοῦ τῆς σοφίας πνεύματος δαψιλέστερον αὐτῶ προσρῦντος, πυκνοτέρας μὲν ἦν ὄραν τὰς συνάξεις καὶ τὸν λαὸν συνιόντα πρὸς τῆς ἀκρόασιν), о женщине, которая упрекнула его за слишком сложные проповеди (γυνὴ προθύμως μὲν συνδραμοῦσα, τοῦ ὕψος δὲ τῶν λεγομένων ἐκπίπτουσα, φανερῶς ἐμέμφετο τῷ λόγῳ, καὶ ἀνωφελῆ τοῦτον ἀπεκάλει καὶ ἄκαρπον), а также, что после этого случая его беседы стали более понятны народу, и все, особенно

Симеон Метафраст

Ἀλλὰ τοῦ σκοποῦ τούτου τέως ἢ τε πόλις αὐτὸν ἀπάγουσι, καὶ μᾶλλον ἢ μήτηρ, δεινὰ πρὸς πειθῶ τὰ ἐκ τῶν δακρῶν αὐτῶ κεράσασα φάρμακα. Ἡ μὲν γὰρ πόλις ὡς ἰδίου θρέμματος περιείχετο, καὶ διὰ παντὸς κατέχειν ἠβούλετο (Migne: 114, 1056A).

...сυνηδομένου τότε καὶ τοῦ τῶν ἁγίων χοροῦ, καὶ μηδὲ ἀγγέλων τῆς θείας ταύτης ἑορτῆς ἀπολειπομένων, ὁ ἐπὶ τῆς ἄγγελος τῷ ἱερατικῷ τελειοῦται χρίσματι, καὶ τῷ τῆς Ἐκκλησίας ὕψει στηρίζεται ὁ διαφανῆς ἀστῆρ καὶ ὑπέρ-λαμπρος (Migne: 114, 1085D).

полюбив его красноречие, стали называть его Христовыми и Божиими устами, а также Златоустом (οἱ μὲν, Θεοῦ τε καὶ Χριστοῦ στόμα, οἱ δὲ [...] Χρυσόστομον αὐτὸν ἀπεκάλουν). И в конце главы сообщается о желании епископа Флавиана сделать Иоанна своим преемником на церковном престоле Антиохии (Μετὰ δὲ ταῦτα, Φλαβιανὸς μὲν πρόεδρος αὐτὸν τῆς Ἀντιοχείων Ἐκκλησίας καὶ διάδοχον αὐτοῦ καταλιμπάνειν οἰόμενος, ἐνήγε πρὸς τοῦτο). (Migne: 114, 1076B-D).

Аналогично развивается повествование и в «Житии» Анонима. Сначала этот агиограф характеризует проповедническую деятельность Иоанна Златоуста, после этого переходит к рассказу о женщине (γυνή τις τοῦ ὄχλου ἀποτολμήσασα, καὶ τὴν φωνὴν ἐπάρασα, ὡς ἀνωφελῆ τὸν λόγον κατητιᾶτο) и о том, что после этого проповедник стал составлять для народа более понятные проповеди, а затем сообщает, что его именовали Божиими и Христовыми устами и Златоустом (οἱ μὲν Θεοῦ, οἱ δὲ Χριστοῦ στόμα ἔφασκον αὐτόν· ἄλλοι δὲ διὰ τὸν τοῦ λόγου ἀξιωματικὸν καὶ λαμπρόν, Χρυσόστομον τοῦτον ὠνόμαζον). В заключение он, как и Метафраст, говорит о желании епископа Флавиана Антиохийского сделать Иоанна Златоуста своим преемником (Φλαβιανοῦ δὲ μετὰ ταῦτα πρόεδρος τῆς Ἀντιοχείων ἐκκλησίας, καὶ ἑαυτοῦ διάδοχον τοῦτον καταλιμπάνειν θεμένου...). (Savile 1612:309₂₈₋₄₄)².

Еще одним свидетельством того, что «Житие» Анонима послужило источником метафрастовой редакции «Жития» являются следы редакторской переработки «Жития» Анонима в «Житии» Метафраста. Вот, например, отрывок из § 44, где характеризуется император Аркадий, давший согласие на суд над Иоанном Златоустом, в сравнении с аналогичным фрагментом «Жития» Анонима.

Аноним
 τοιοῦτον γὰρ ἢ κουφότης,
 ἀφορμαῖς ταῖς τυχούσαις
 ὡσπερ οἰκοδομεῖσθαι, οὕτω
 ῥαδίως εἶωθε καὶ καθαιρεῖσθαι
 (Savile 1612:348₃₄₋₃₆).

Μεταфраст
 τοιοῦτον γὰρ ἢ ἀπλότης (ἵνα
 μή, κουφότης, λέγων, τῷ
 δυσφήμῳ φαίνωμαι χαριζόμενος)
 ῥαδία μὲν οἰκοδομηῆσαι,
 ῥαδία δὲ τὰ οἰκοδομηθέντα
 κατενεγκεῖν (Migne:114, 1165A).

² Эта аналогия не единственная. Ср., например, Migne 1081 A-D и Savile 1612: 311₄₅-312₃.

Эти два фрагмента очень близки друг к другу. Очевидно, что редактор метафрастова жития, использует произведение Анонима в качестве первоисточника, однако при этом полемизирует с анонимным автором и, избегая злословия, критикует употребление им слова «легкомыслие» (κουφότης), имеющее негативную окраску, заменяя его на слово «простота» (ἀπλότης), близкое по значению к таким понятиям, как искренность и доверчивость. Это исправление, внесенное редактором метафрастовой версии, было продиктовано тем, что, поскольку в данном случае речь идет об императоре, и в официальной версии жития, каковой именно и была метафрастова редакция, нельзя было допустить такой некорректности по отношению к институту императорской власти.

Существует точка зрения, сторонником которой являются современные греческие ученые С. Пасхалидис и Ф. Антонопулу, что образцом для «Жития св. Иоанна Златоуста» под редакцией Симеона Метафраста послужило житие, написанное Никитой Пафлагонским (Antonopoulou, Paschalidis 2002: 119–120). Основанием для этого служит некоторое сходство «Жития» Метафраста и «Жития» Никиты Пафлагонского, параллельные фрагменты текста, существующие в обоих памятниках. Например: ...τῷ Θεῷ μόνῳ φαίνόμενος. Οὐ λύχνος ἦν αὐτῷ, οὐ κλίνη, οὐ τράπεζα ... (Migne:114, 1072A-B. Ср.: Vita a Niceta Philosopho: 93^{v1}), или: Συνέρορον δὲ πανδημεὶ πάντες καὶ πρὸς τὴν ὑπάντησιν ἔθειον οὐχ ἦττον ἐπ' αὐτὸν Ἀντιόχεια, ἢ ἐπὶ τὸν Βαπτιστὴν πρότερον εἰς τὸν Ἰορδάνην ὁ Ἰσραήλ. (Migne, 114, 1076A. Ср.: Vita a Niceta Philosopho: 95^{t2}–96^{v1})

Однако, с нашей точки зрения, Симеон Метафраст использовал в качестве своего источника именно «Житие» Анонима, а не «Житие» Никиты Пафлагонского, поскольку в метафрастовом «Житии» содержится множество фрагментов, совпадающих с текстом «Жития» Анонима, но отсутствующих в «Житии» Никиты Пафлагонского. Сходство же метафрастова «Жития» с последним объясняется тем, что оно легло в основу «Жития» Анонима, как мы попытались показать это в нашей, посвященной этой проблеме статье (Балаховская 2012), поэтому объяснить близость текстов метафрастова «Жития» и «Жития» Никиты Философа легко: отрывки из «Жития» Никиты Философа, соответствующие метафрастовой редакции «Жития», проникли в нее вместе с заимствованиями из «Жития» Анонима, содержащего, в свою очередь, многочисленные и пространные заимствования из «Жития» Никиты Пафлагонского.

Можно предположить, что помимо «Жития» Анонима одним из источников «Жития св. Иоанна Златоуста» в метафрастовой редакции было «Житие без начала», поскольку в нем находится несколько отрывков, полностью или почти полностью совпадающих с текстом последнего, на что в свое время указал Ф. ван Оммеслеге (Ommeslaeghe 1976: 322), который, однако, полагал, что «Житие без начала» не могло быть источником метафрастова «Жития», в противном случае, по его мнению, редактор заимствовал бы и содержащиеся в этом сочинении фрагменты памятника начала V в. «Надгробного слова» Иоанну Златоусту Псевдо-Мартирия Антиохийского. На это, однако, можно возразить, что «Житие» Анонима также содержит заимствования из «Надгробного слова», использование которого в качестве источника «Жития» метафрастовой редакции вполне очевидно.

По всей вероятности, еще одним источником метафрастова «Жития» послужило и «Житие» Псевдо-Георгия Александрийского. В качестве свидетельства этому можно взять эпизод, в котором повествуется о вдове Каллитропе, обманувшем ее военачальнике Павлакии и императрице Евдоксии. Метафраст, описывая эти события, явно опирался не на «Житие» Анонима, поскольку в последнем они описаны иначе, чем в «Житии» Метафраста. В версии анонимного автора рассказывается, что Павлакий был заключен Иоанном Златоустом под стражу в патриархии, пока не отдаст долга вдове, а императрица Евдоксия, использовавшая Павлакия в своих корыстных целях, послала двух сотников с отрядом солдат, чтобы его освободить, но ангел с мечом преградил им путь, и они, устрашась, вернулись к императрице, рассказав о видении, после чего она сразу отступила от своего намерения.

В метафрастовой же редакции сказано, что после возвращения сотников, устрешенных видением ангела, императрица во второй раз посылает к епископу человека по имени Фрументий с приказанием отпустить Павлакия: *Εἶτα μετ' ὀλίγον τοῦ προλαβόντος σκοποῦ γίνεται καὶ Φρουμέντιόν τινα τοῦνομα ὡς αὐτὸν πέμψασα παραγγέλλει πειθοῖ μᾶλλον τὸ προκείμενον διανῦσαι* (Migne: 114, 1133C-D). Этот же эпизод с Фрументием, находится и в «Житии» Псевдо-Георгия (здесь он назван Форментием): *Πάλιν οὖν ἡ βασίλισσα ἀπέστειλέν τινα Φορμέντιον ὀνόματι, ἀξιωματικόν, ἀξιούσα διὰ πειθανολογίας ἀπολυθῆναι τὸν Παυλάκιον* (Douze récits:170).

3. Стилистические особенности метафрастовой редакции

Поскольку основой «Жития св. Иоанна Златоуста» Симеона Метафраста послужило «Житие» Анонима, то стилистические особенности метафрастова жития становятся особенно очевидными при сопоставлении этого памятника с его образцом. По сравнению с «Житием» Анонима, «Житие» Метафраста стилистически более сухо сдержано. Вот несколько примеров.

Встреча Иоанна Златоуста жителями Антиохии

«Житие» Анонима

Καὶ οὐδὲν ἦττον ἐπ' αὐτῷ πᾶς
ὁ τῶν Ἀντιοχέων ἐκεῖ τότε
συνέρρει λαός, ἢ ἐπὶ ὁμωνύμῳ
τούτου, μᾶλλον δὲ συνωνύμῳ
Βαπτιστῆ πᾶς ὁ Ἰσραὴλ ἐπὶ τὸν
Ἰορδάνην τὸ πρότερον. (Savile
1612:308₄₂-309₂).

«Житие» Симеона Метафраста

καὶ πρὸς τὴν ὑπάντησιν ἔθειον
οὐχ ἦττον ἐπ' αὐτὸν Ἀντιόχεια,
ἢ ἐπὶ τὸν Βαπτιστὴν πρότερον
εἰς τὸν Ἰορδάνην ὁ Ἰσραήλ.
(Migne: 114, 1076A).

Иоанн получает прозвание «Златоуст»

«Житие» Анонима

οἱ μὲν Θεοῦ, οἱ δὲ Χριστοῦ
στόμα ἔφασκον· ἄλλοι δὲ διὰ
τὸν τοῦ λόγου ἀξιωματικὸν καὶ
λαμπρόν, Χρυσόστομον τοῦτον
ὠνόμαζον. (Savile 1612:309₃₇₋₄₀).

«Житие» Симеона Метафраста

οἱ μὲν, Θεοῦ τε καὶ Χριστοῦ
στόμα, οἱ δὲ (ὁ καὶ μᾶλλον
κρατεῖν ἴσχυε) Χρυσόστομον
αὐτὸν ἀπεκάλουν. (Migne:114,
1076C).

Обращение язычников в христианство

«Житие» Анонима

...ὡς καὶ πολλοὺς αὐτῶν ἀνδρας
ὁμοῦ καὶ γυναῖκας, τοὺς μὲν εἰς
τὴν τῶν μοναχῶν μετελθεῖν πο-
λιτείαν, τὰς δὲ τὸν τῆς παρθε-
νίας ἀγγελομίμητον βίον αἰρή-
σασθαι (Savile 1612:311₄₄-312₂).

«Житие» Симеона Метафраста

...ἀλλὰ καὶ πολλοὺς ἐξ αὐτῶν
φιλοτιμότερον τῇ εὐσεβείᾳ
χρωμένους ἀνδρας τε καὶ
γυναῖκας, τοὺς μὲν τὸν τῶν
μοναχῶν, τοὺς δὲ τὸν τῶν
παρθένων ζυγὸν ὑπελθεῖν.
(Migne:114, 1081B).

Сопоставление между собой отрывков из «Жития» Анонима и из «Жития» Симеона Метафраста показывает, насколько более сдержан стиль второго памятника по сравнению с первым. Эта сдержанность достигается за счет опущения метафрастовым редактором прилагательных, употребленных Анонимом, несущих в себе эмоциональную функцию. В первом примере последний, упоминая Иоанна Крестителя, прилагает к нему

определения «единоименный» и «соименный» (ὁμώνυμος, συνώνυμος), Метафраст же говорит просто: «Креститель». Во втором примере Аноним пишет, что Иоанна стали называть Златоустом из-за «исполненного достоинства и блестящего слова» (διὰ τὸν τοῦ λόγου ἀξιωματικὸν καὶ λαμπρόν), Метафраст же лишь замечает, что именование Иоанна «Златоустом» возобладало (ὁ καὶ μᾶλλον κρατεῖν ἴσχυε). И, наконец, в третьем примере, если Аноним называет девственную жизнь Иоанна «ангелоподражательной» (ἀγγελομίμητον βίον), то Метафраст опускает это определение.

Наряду со сдержанностью стиля метафрастово «Житие» по сравнению с «Житием» Анонима, отличается большая лаконичность. Например:

Желание народа увидеть св. Иоанна, пришедшего в Антиохию

«Житие» Анонима

Πᾶς οὖν ὁ δῆμος καὶ πᾶσα ἡλικία καὶ τύχη τὴν Ἰωάννου παρουσίαν ἀκούοντες, εἰς τὴν αὐτοῦ ὑπάντησιν ἔτρεχον, τῆς παρ' αὐτοῦ εὐλογίας τυχεῖν ἐφιέμενοι, ἢ καὶ μόνης ἀξιωθῆναι τῆς ὄψεως, ὡς τι μέγα πεμπούσης ὄφελος καὶ αὐτῆς (Savile 1612:308₄₂₋₄₄).

«Житие» Симеона Метафраста

Συνέρροεον δὲ πανδημεὶ πάντες καὶ πρὸς τὴν ὑπάντησιν ἔθειον... (Migne:114, 1076A).

Св. Иоанн в сане чтеца

«Житие» Анонима

σχήματι δὲ στεφανίτου κατὰ τὴν ἀποστολικὴν παράδοσιν τὰς τῆς κεφαλῆς τρίχας ἀποκειράμενος, καὶ τὴν τοῦ ἀναγνώστου χειροτονίαν μόλις ποτὲ καταδεξάμενος, οὐ μόνον ἀπλῶς τὰς ἱεράς βίβλους κατὰ τὸν αὐτοῦ βαθμὸν ἐπὶ τῆς ἐκκλησίας ὑпанεγίνωσκεν, ἀλλὰ καὶ πνεύματι σοφίας, καὶ λόγῳ συνέσεως τὴν αὐτῶν ἐξερευνώμενος δύναμιν, οὕτω πάσης ἀγίας γραφῆς τὴν ἔννοιαν διελεύκαιεν, ὡς πάντας ἐξιστασθαι καὶ θαυ-

«Житие» Симеона Метафраста

Μετὰ δὲ χρόνον τινα, τὴν ἀναγνώστου τάξιν καταδεξάμενος, οὐ μόνον ἀπλῶς ὑπῆρχε τὰς ἱεράς ὑπαναγινώσκων βίβλους, ἀλλὰ καὶ πνεύματι σοφίας διερμενεύων αὐτάς, καὶ πολλῶ τῷ φωτὶ τοῦ λόγου περὶ τὴν ἐξήγησιν χρώμενος (Migne: 114, 1060A).

μάζειν ἐπὶ τοῖς ἐκπορευομένοις
διὰ τοῦ στόματος αὐτοῦ λόγοις
τῆς χάριτος (Savile 1612:301₂₂₋₂₇).

Приведенные фрагменты показывают, как метафрастов редактор стремится уйти от многословия Анонима. В тех случаях, когда последний упоминает множество подробностей, осложняя текст причастными оборотами, различными фигурами речи, составитель метафрастова «Жития» ограничивается только сутью происходящего.

Помимо стремления к большей простоте и краткости, «Житие» Метафраста отличается от «Жития» Анонима стремлением и к большей выразительности. Редактор метафрастова «Жития» перерабатывает стиль Анонима не только в сторону сдержанности и лаконизма, но в ряде случаев, наоборот, обогащает и украшает его. Вот, например, слова Анонима о противостоянии жителей Константинополя и Александрии из-за суда над Ираклидом Эфесским: *στάσεις λοιπὸν ἐντεῦθεν ἐξ ἀμφοῖν γίνονται τοῖν μεροῖν, διαπληκτισμοί τε καὶ μάχαι καὶ θάνατοι* (Savile 1612: 351₄₀₋₄₁). Метафрастов редактор вместо сухого перечисления выводит каждое последующее утверждение из предыдущего: *στάσις ἐκ τούτου φύεται· ἐκ δὲ τῆς, συμπλοκαὶ χειρῶν· ἐκ τούτων, τραύματα· τούτοις δὲ καὶ θάνατος ἠκολούθει...* (Migne: 114, 1172B). Тем самым фраза оживает, приобретает динамику и становится более яркой и эмоционально убедительной.

В «Житии» Метафраста мысли оттеняются и другими выразительными риторическими приемами, например, такими, как обращение или восклицание. Аноним так говорит о зависти врагов ко св. Иоанну Златоусту: *ὁ φθόνος (ὡς ἔοικεν) ἐρρίζωτο ἔτι, καὶ λαγόσιν οὐ γῆς, ἀλλὰ ψυχῶν ἐνεκέκρουπτο· ὅθεν ἀφορμῆς λαβόμενος ἀνέφυσά πάλιν, καὶ εἰς ὕψος μέγα κατὰ τῆς ἱερᾶς καὶ θείας τοῦ μεγάλου κεφαλῆς ἀνεγῆγερο* (Savile 1612:352₂₁₋₂₃).

Редактор метафрастового «Жития», изменяя эту фразу, сначала прибегает к восклицанию: *Ἄλλ', ὦ φθόνε, κακὸν ἄμαχον!* И продолжает дальше, используя обращение и олицетворение: *Σοὶ γὰρ ὅλως οὐκ ἦν ἠρεμεῖν, οὐδέ τινα κόρον ἔσχες τῶν κατ' αὐτοῦ προσβολῶν, ἕως, ἄγριε καὶ ἀτίθασσε, τέλεον αὐτὸν ἀπορρήξαι, καὶ μακρὰν θεῖναι τῆς ποιμνῆς ἰσχυσας, αἰ αἰ, τὸν καλὸν ποιμένα, καὶ ὀφθαλμοῖς ἀγρόπνοις αὐτῆς προϊστάμενον* (Migne: 114, 1173C-D). Тем

самым он, словно не будучи в состоянии сдержать своего негодования против зависти, и, представляя ее одушевленным существом, усиливает эмоциональное воздействие этой мысли.

Излюбленным приемом, который очень часто употребляется в «Житии» Метафраста, но не характерен для «Жития» Анонима, является риторический вопрос для того, чтобы подвести итог мысли или для перехода к новой теме. Вот несколько примеров употребления риторических вопросов в «Житии» Метафраста:

Ἐπεὶ δὲ ἐκεῖνος γραμματικὴν τε καὶ τὴν ἐγκύκλιον παιδείου ἐκμαθὼν ἦν, εἶτα καὶ ῥητορικῆς καὶ φιλοσοφίας εἰς ἄκρον ἤλασε, τὴν μὲν ὡς ἄριστα Λιβανίου παραλαβὼν (οὐ πολὺ τὸ εἰς ῥητορικὴν κλέος ἐστὶ), τὴν δὲ πάλιν Ἀνδραγαθίου φιλοπόνως ἀκροασάμενος, τί γίνεται; (Migne: 114, 1049B-C).

Καὶ τί γὰρ ἄλλο, ἢ λέοντος τραυματίας; ἐντεῦθεν τί συνέβαιεν; (Migne: 114, 1069C).

Πάντως οὐ χρὴ περιττοὺς εἶναι τὰ δῆλα διερμηνεύοντας. Τίτι γὰρ οὐ σαφές, ὅτι τοῦ θεοῦ Πνεύματος τοῦτο σύμβολον ἦν; (Migne: 114, 1076B).

Τί πλέον εἰς κακίαν ἔσχεν Ἡρωδίας ἢ τὸν τοῦ ὁμωνύμου θάνατον ἐπισπεύσασα, πλὴν ὅτι μὴ τὰ πάθη διάφορα ἦν, καθ' ὃ τὴν μὲν ἀκολασίας εἶχε, τὴν δὲ πλεονεξίας ὑπερβολή; (Migne: 114:1161C).

4. Заключение

Метафрастова редакция жития Иоанна Златоуста явилась итогом многовекового развития агиографии этого святого, вобрав в себя многие элементы предыдущей традиции. При сравнении ее с более ранними версиями: «Житием» Анонима, «Житием без начала» и «Житием» Псевдо-Георгия, становится очевидно, что, хотя основой ее послужило «Житие» Анонима, при ее составлении было использовано как минимум три памятника. Это обстоятельство является дополнительным подтверждением наблюдения, сделанного Э. Шиффер, что редактор метафрастова текста строил свою работу не на одном источнике, но во многих случаях в его основу были положены как произведения агиографии, включенные в позднейшие дометафрастовы менологии, так и более ранние версии жития святого (Metaphrasis 1996: 28, 33).

Одновременно задачей метафрастова редактора было сделать житие приемлемым для восприятия как образованных людей, так и простых (Metaphrasis 1996: 11). Об этом говорят

особенности его стиля. По сравнению с «Житием» Анонима, послужившим для него образцом, оно представляет собой, с одной стороны, версию облегченную и упрощенную, а, с другой, – версию, в которой мысли оттеняются яркими стилистическими фигурами и благодаря этому текст становится как более рельефным и доступным для восприятия, так и более совершенным в литературном отношении.

Источники

- Vita a. Niceta Philosopho – Vita a. Niceta Philosopho. Cod. Thessalonic. Вλατ. 4, saec. XI, fol. 77–155.
 Douze récits 1977 – Douze récits byzantins sur saint Jean Chrysostome / Publiés par François Halkin. Bruxelles.
 Migne – Migne J.P. Patrologiae Graecae Cursus Completus.
 Ommeslaeghe 1976 – Ommeslaeghe F., van. Une vie acéphale de saint Jean Chrysostome dans le Batopedius 73 // Analecta Bollandiana. T. 94, fasc. 3–4. Bruxelles.
 Savile 1612 – Savile H. Chrysostomi opera omnia. T. 8. Eton. P. 293–371.

Литература

- Балаховская 2012 – Балаховская А. С. Два византийских жития св. Иоанна Златоуста X века и их источники // Вестник ПСТГУ III: 2. М., ПСТГУ (в печати).
 Baur 1907 – Baur Ch. S. Jean Chrysostome et ses oeuvres dans l'histoire littéraire. Paris; Louvain.
 Baur 1960 – S. John Chrysostom and His Time. V. 1. V. 1–4. London.
 Metaphrasis 1996 – Metaphrasis. Redactions and Audiences in Middle Byzantine Hagiography. Ed. by Christian Høgel. Oslo.
 Jugie 1923 – Jugie M. Sur la vie et les procédés littéraires de Syméon Métaphraste. Son récit de la Vie de Sainte Vierge // Echos d'Orient. T. 22. Paris.
 Antonopoulou, Paschalidis 2002 – Antonopoulou F., Paschalidis S. Ένα ανέκδοτο κείμενο της μεσοβυζαντινής αγιολογίας: ο Βίος του Χρυσιστόμου του Νικήτα Παφλαγόνοϋ // Λογία καὶ δημώδης γραμματεία του ελληνικου μεσαίωνα. Θεσσαλονική.
 Ševčenko 1981 – Ševčenko I. Levels of Style in Byzantine Prose // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik, 31/1. Wien.

A. S. Balakhovskaya. «The Life of St. John Chrysostom» by Symeon Metaphrastes

The paper analyzes the Life of St. John Chrysostom from the Menologion by Symeon Metaphrastes. Based on the previous versions of St. John Chrysostom's Life, the Life is the product of Chrysostomian hagiographical tradition development. Its style shows that it might have been used to address both the uneducated and the learned audience.

А. Е. Беликов

Поэтическая лексика в «Аргонавтике» Валерия Флакка: прилагательные

Резюме. Работа посвящена поэтической лексике в «Аргонавтике» Валерия Флакка. После обзора истории вопроса приводится список редких прилагательных и анализируются их возможные источники. Прилагательные разделяются на две группы: зафиксированные у современников Валерия и у его предшественников. Теория «авторских изобретений» и последующих заимствований подвергается критике. Предлагается рассматривать эти лексические редкости как свидетельства об особом пласте высокого поэтического языка.

Ключевые слова: Валерий Флакк, Аргонавтика, поэтическая лексика

Научная литература о Валерии Флакке полна примечательных противоречий: Бурк (Burck 1971), давший определение понятию маньеризма в римской литературе, в другом своем труде (Burck 1979: 247) жалуется на отсутствие основательных исследований в области языка и стиля автора «Аргонавтики», несмотря на наличие работ Гарсона (Garson 1969, 1970) и Нордеры (Nordera 1969), про которые надо сказать, что в них весьма плодотворно разбираются параллельные места у Валерия и его предшественников, но лексическая тематика практически не затрагивается; напротив, именно благодаря им вполне разработанной стилистическую проблематику считает Барич (Barich 1982), продемонстрировавший в своей диссертации соединение неоклассицистических и маньеристических тенденций в «Аргонавтике». Если же обратиться к более конкретным исследованиям языка Флакка, то хотя Геббинг (Gebbing 1888), Континио (Contino 1973) и Саммерс (Summers 1894) дают достаточно точные списки лексических редкостей, они ограничиваются констатацией этого простого факта, а стилистические особенности пытаются связать скорее с синтаксисом или семантикой; мне же представляется, что было бы весьма желательно объяснить, могут ли особенности словарного запаса Валерия позволить отнести его к «классицистам» или же «маньеристам» и вообще определить место «Аргонавтики» среди латинских эпических произведений первого века нашей эры. В данной статье, продолжающей цикл моих исследований поэтической лексики

Валерия Флакка (Беликов 2011, 2012), будут рассматриваться прилагательные.

Как уже было сказано, Геббинг (Gebbing 1888: 19) дает практически полный список гапаксов Валерия Флакка: *aegisonus* (3,88), *arquipotens* (5,17), *implorabilis* (1,573), *intemerandus* (5,641), *lustrificus* (3,448), *saxifer* (5, 608). Его можно дополнить лишь спорным *opinus* (6,548), которое, как видно по контексту, семантически отличается от также весьма редкого *nescopinus* (см. комментарий Либермана в Valerius Flaccus 2002: 258). Никто, как мне кажется, не пытался связать *arquipotens* с *τοξάλκότης* (app.anth 1,95) – Флакк, как жрец Аполлона, мог знать этот эпитет.

Континио (Contino 1973: 35–38) обращает также внимание на обилие составных прилагательных, являющееся, очевидно, признаком эпического стиля. Позволю себе привести его список: *aeripes*, *aliger*, *armisonus*, *astrifer*, *aurifer*, *auriger*, *belliger*, *biugis*, *bifidus*, *biformis*, *corniger*, *ensifer*, *flammifer*, *flammi-ger*, *gemmifer*, *horri-fer*, *horrificus*, *horrisonus*, *ignifer*, *letifer*, *lucifer*, *luctifer*, *luctificus*, *monstrifer*, *noctivagus*, *nubifer*, *omni-potens*, *omnituens*, *ostrifer*, *pacifer*, *pinifer*, *quadrifidus*, *regificus*, *sacrificus*, *saetiger*, *securiger*, *semianimis*, *septemgeminus*, *septem-plex*, *signifer*, *somnifer*, *soporifer*, *terrificus*, *tridens*, *trifidus*, *triformis*, *trilinguis*, *turifer*, *unanimis*, *undisonus*, *velifer*, *vulnificus*. Саммерс (Summers 1894: 42–43) отмечает редкие прилагательные *honorus*, *reciprocus*, *monstrificus*, *personus*, *reclinis* и подчеркивает обилие прилагательных на *-bilis*: *immutabilis*, *reparabilis*, *superabilis*, *exorabilis*, *laetabilis*, *medicabilis*, *placabilis*. Следуя подобной методике, я мог бы дополнить этот список незамеченным по какой-то причине и очень редким *inclinis* (4,307), а также добавить, что *centumgemina Thebe* (6,118) отсылает не столько к *centumgeminus Briareus* (Verg.aen 6,287), сколько к оригинальному *Θήβαι εκατόμυλοι* (Hom.il 9,383); на этом можно было бы подвести итог и закончить небольшую заметку о лексических редкостях в «Аргонавтике». Но чтобы получить значимые выводы, необходимо поставить подобную словарную работу в контекст более общего исследования, что мне и хотелось бы, по мере моих сил, сделать.

При анализе лексического состава и частотности употребления выясняется, что также, как в случае с существительными, значительная часть слов оказывается общей для эпических поэтов, что подтверждает идеи Аксельсона (Axelson 1945) о поэтических и непоэтических словах и доказывает относи-

тельное единство языка высокой поэзии. Однако особенного внимания заслуживают перечисленные выше редкие слова – ведь чисто теоретически, они могли бы оказаться прозаизмами, вклинившимися в эпос. Но заслуга Валерия заключается в том, что это не так – все эти слова так или иначе встречаются в поэзии, причем в ее высоких жанрах. Проблема же заключается в том, что степень редкости слов, выделенных Контино и Саммерсом, разная – значительная их часть оказывается вполне распространенной в эпосе и периодически встречается и в прозе; зато есть действительно редкие слова, встречающиеся у крайне ограниченного числа авторов, и как раз их нужно рассмотреть подробнее.

Для удобства последующего анализа я разделю их на две группы. В первую группу входят следующие прилагательные:

aerisonus	Val 1,704; 3,28. Stat.th 1,265; 4,298. Sil 2,93 (также у Сервия и Клавдиана)
honorus	Val 2,199;4,342. Stat.th 2,629; 5,40; 6,30; 7,694; silv 4,96. Sil 8,384. Tac.ann 1,10,31; 3,5,2; 4,68,14.
inclinis	Val 4,307. Min.Fel.oct 3fin
separ	Val 5,58. Stat.th 4,481 (также у Присциана, Солина и Пруденция)

Можно обратить внимание, что указанные авторы (единственные из корпуса РН15, у которых зафиксированы эти прилагательные) хронологически близки ко времени жизни Валерия, либо же жили значительно позднее. Что же за пласт языка перед нами? Учитывая, с какой легкостью некоторые исследователи называют перечисленные в начале статьи гапаксы «изобретениями Валерия», мы должны были бы предположить, что и эти слова создавались в первом веке н.э. и активно распространялись среди приведенных писателей. Лишь некоторые сомнения должен вызвать тот факт, что как минимум для *aerisonus* мне удалось найти греческую параллель *χαλκείφωνος* (Hom.il 5,785. Hes.th 311). Но рассмотрим вторую группу:

astrifer	Luc 9,5. Mart 8,28,8; 9,20,6. Val 6,752. Stat.th 2,400; 8,83; 8,315 (также у Сервия и Капеллы)
auriger	Cic.div 2,63,14 (стихотворный фр.). Val 8,110
centumgeminus	Verg 6,287 (и комментарий Сервия). Val 6,118
confragus	Luc 6,126. Val 3,582. Stat.th 4,494
flammiger	Luc 1,48;1,415. Val 5,581. Stat.th 8,675; silv 1,2,119; 3,1,183; 4,3,136 (также у Сервия)

gemmifer	Prop 3,4,2. Sen.med 725; herc.oet 622; 661. Plin.n.h 37,200,9. Val 5,447. Sil 15,694. Stat.th 8,237 (также у Кориппа)
luctifer	Sen.herc.f 687; med 842. Val 3,454
monstrifer	Sen.phaedr 688. Luc 2,3; 5,620. Val 2,498; 5,43; 5,221. Stat.th 1,453; 4,298; 10,796 (также у Клавдиана)
monstrificus	Plin.n.h (многократно). Val 6,153
personus	Petr 120,1,17 (в стихах). Val 4,418. Stat.a 1,208 (также у Мамертина)
trilinguis	Hor.carm 2,19,31; 3,11,20. Val 7,184. Ap.met 11,5,12 (также у Варрона в пересказе Иеронима и у Пруденция)
undisonus	Prop 3,21,18. Val 1,364; 4,44. Stat.a 1,198; 1,408

В этой таблице также представлены все случаи употребления указанных слов в корпусе РНІ5. Эта группа отличается от предыдущей тем, что здесь попадаются единичные случаи фиксации, хронологически предшествующие эпохе Валерия. Должны ли мы предполагать, что Проперций изобрел прилагательное *gemmifer*, Сенека – *luctifer*, Петроний – *personus* и т.д., а Валерий Флакк все эти слова из столь разных авторов и, что важнее, из столь разных жанров кропотливо собрал, чтобы украсить ими свое произведение? Тем более, что, пожалуй, за исключением некоторых стихов из Лукана, приведенные места не являются параллелями или скрытыми аллюзиями? Что общего у «Естественной истории», где впервые встречается *monstrificus*, и «Аргонавтики», тем более, что значение слова у Флакка ближе к найденной мною греческой параллели *τερατοφυός* (Diod.Sic 34/35,2,5,3. Ptol.tetr 3,14,18,3. Lucian.gall 4,11)? Семантическая близость с греческой параллелью, а не с римским предшественником, видна также в уже рассмотренном *centumgeminus*. Особенно же загадочен случай с *auriger*: помимо Валерия слово встречается единственный раз в стихах Цицерона, причем в переводе из Гомера (Hom.il 2,299sq.), но в оригинале этому прилагательному соответствия не находится. Получается, что Цицерон только ради украшения создал новое латинское слово, а Флакк из уважения к поэтическим достоинствам великого оратора позаимствовал его? И почему некоторые из этих нововведений столь благосклонно воспринимаются другими авторами, что встречаются у них по несколько раз?

На мой взгляд, здесь возможны два объяснения. Либо это действительно новосозданные единичные слова, которые автор «Аргонавтики» специально выискивает или выдумывает заново, причем результаты словотворчества совпадают с предшественниками, а авторы первого века н. э. испытывают особенную слабость к изобретению новых слов и к повторению чужих изобретений, – именно к такому выводу подталкивают исследователи, пишущие об «изобретениях Валерия», но мне такой подход представляется маловероятным; либо же речь идет о целом пласте языка, который в силу малоупотребительности входящих в него лексем и недостаточности наших источников предстает перед нами только в виде этих разбросанных по произведениям немногочисленных авторов слов. В этом рассуждении мне придает уверенности работа Колтер (Coulter 1916), демонстрирующая богатые возможности ранней римской литературы по созданию сложных прилагательных. Мне представляется вероятным, что именно такие слова принадлежали к истинно поэтическому языку, но область их употребления была столь ограниченной, что свидетельства об их распространении среди других авторов утрачены, и сами они предстают в виде авторских изобретений. Авторы первого века н.э., возможно, чаще обращались к высокому поэтическому регистру, что и обеспечило большее количество употреблений. Анализ лексики Валерия Флакка позволил мне выделить лишь часть этих поэтических слов, тогда как внимательное рассмотрение других эпических поэтов эпохи «серебряной латыни» могло бы еще больше расширить наши представления об этом пласте языка.

Литература

- Axelsson 1945 – Axelsson B. Unpoetische Wörter. Lund, 1945.
Barich 1982 – Barich M. J. Aspects of the Poetic Technique of Valerius Flaccus. Diss. Yale, 1982.
Burck 1979 – Burck E. Die 'Argonautica' des Valerius Flaccus // Das römische Epos / Hrsg. Von E. Burck. Darmstadt, 1979. S. 208–253.
Burck 1971 – Burck E. Vom römischen Manierismus. Darmstadt, 1971.
Concordantia in Lucanum / Curav. M. Wacht. Hildesheim-Zürich-New York, 1992.
Concordantia in Siliii Italici Punica / Curav. M. Wacht. Hildesheim-Zürich-New York, 1989.
Concordantia in Statium / Curav. M. Wacht. 3 Bd. Hildesheim-Zürich-New York, 2000.
Concordantia Vergiliana / Curav. M. Wacht. 2 Bd. Hildesheim-Zürich-New York, 1996.
Contino S. Lingua e stile in Valerio Flacco. Bologna, 1973.

- Coulter 1916 – Coulter C. C. Compound Adjectives in Early Latin Poetry // Transactions and Proceedings of the American Philological Association, vol. 47. 1916. P. 153–172.
- Gai Valerii Flacci Argonauticon Concordantia / Curav. M. Wacht. Hildesheim-Zürich-New York, 2005.
- Garson 1969 – Garson R.W. Homeric Echoes in Valerius Flaccus // Classical Quarterly, №19. 1969. P. 362–366.
- Garson 1970 – Garson R. W. Valerius Flaccus the Poet // Classical Quarterly, № 20. 1970. P. 181–187.
- Gebbing 1888 – Gebbing H. De C. Valerii Flacci dicendi genere quaestiones. Progr. Coblenz, 1888.
- Nordera 1969 – Nordera R. I virgilianismi in Valerio Flacco: Contributo a uno studio della lingua epica nell'eta imperiale // Contributi a tre poeti latini (Valerio Flacco, Rutilio Namaziano, Pascoli) / Prent. di A. Traina. Bologna, 1969. P. 1–92.
- Schulte 1965 – Schulte W. H. Index verborum Valerianus. Hildesheim, 1965.
- Summers 1894 – Summers W. C. A Study of the Argonautica of Valerius Flaccus. Cambridge, 1894.
- Valerius Flaccus. Argonautica / Ed. G. Liberman. T. 2. Paris, 2002.
- Беликов 2011 – Беликов А. Е. De nominibus substantivis apud Valerium Flaccum // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XV. Часть I. СПб., 2011. С. 33–38.
- Беликов 2012 – Беликов А. Е. О некоторых именах собственных в «Аргонавтике» Валерия Флакка // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2012» [Электронный ресурс]. М., 2012.

A. E. Belikov. Poetic Words in the “Argonautica” of Valerius Flaccus: Adjectives

The paper is dedicated to the poetic vocabulary of Valerius Flaccus. After a short review of the studies made in the previous two centuries the list of the lexical rarities and their potential sources are examined. The most rare adjectives from the list are divided in two groups: those which can be found in the works of Valerius' contemporaries and those of predecessors. Theory of the “ad hoc inventions”, borrowed by the subsequent poets, is criticized. The author proposes, that these rare adjectives could be a part of the specific poetic layer of the language.

ALTPREUBISCHE EIGENNAMEN IN DEN AUF LATEIN UND MITTELDEUTSCH VERFASSTEN QUELLEN

Резюме. Статья посвящена проблеме передачи прусских имен собственных в рукописных документах Тевтонского ордена, записанных на латыни и средненемецком языке. Автор статьи и ранее высказывала мысль о том, что для надежного исследования прусского словника необходимо учитывать язык каждого документа с записями прусских имен собственных, а также подготовить новый компьютерный свод прусских имен собственных, отражающий контекст каждого имени собственного, который в большинстве случаев позволяет точно охарактеризовать имя собственное и локализовать названный этим именем объект. В статье рассматривается важный для прусского словника документ – акт раздела Самбии на области, подвластные епископу и Ордену. Он записан [1331] и издан в книге документов Самбии. Известно несколько его списков; списки А и В выполнены на латыни, список Е – на средненемецком языке. В статье рассмотрены топонимы, записи которых варьируются; реконструируется аутентичный род прусских топонимов и коротко объясняется их происхождение. Сделан вывод о том, что вариативность в передаче прусских топонимов обусловлена также и записью на слух с живого языка, который был непонятен не только писцам.

Ключевые слова: прусский словник, исторические источники, латынь, средненемецкий язык, аутентичный род топонима; Prussian proper names, historical sources, Latin, Middle German, authentic form of a place name.

Für die Autorin des Beitrages besteht kein Zweifel darüber, dass man die Sprache jeder Urkunde, in der die Eigennamen einer verstorbenen Sprache, in diesem Fall des Altpreußischen, verzeichnet sind, untersuchen sollte. Die Versuche werden unternommen. Sie haben schon zu einigen Ergebnissen geführt, die im Rahmen der Lesungen zu Ehren von J. M. Tronskij vorgelegt wurden (Blažienė 2011: 57–68).

Je intensiver man sich mit diesem Problem befasst, desto mehr können bis jetzt übersehene wichtige Details geklärt werden. Eigentlich ist die höchste Zeit, die Forderung für die Forscher nicht nur der altpreußischen Eigennamen, sondern auch der altpreußischen Sprache selbst zu erheben nach dem gründlichen Studium der Urkunden und anderer handschriftlichen Quellen, die mit der

Sprache, Kultur, Geschichte und Geographie des nicht mehr existierenden baltischen Volkes verbunden sind.

Die Herausgabe der Urkunden begann am Anfang des 19. Jahrhunderts. Zu erwähnen sind die Werke von J. Voigt (1827–1839; 1836–1861). In der Mitte des 19. Jahrhunderts wurden auch Versuche unternommen, Urkundenforschung zu betreiben (Gebauer 1851: 284–298, 360–373; Toepfen 1858; Nesselmann 1870: 289–309). Das hat einerseits die Forschungen den Wissenschaftlern erleichtert, für die die handschriftlichen Quellen unzugänglich waren. Andererseits hat diese Tatsache dazu geführt, dass die ganze Generation der Forscher des Altpreußischens und apr. Namengutes nach G. Gerullis (1922) und R. Trautmann (1925)¹ die handschriftlichen Quellen bis 1995 nicht berücksichtigt hat. Seit 1995 sind in dieser Richtung Fortschritte zu verzeichnen. Man darf nicht vergessen, dass die Arbeiten von Historikern, dessen Forschungsziel Preußen war und ist, auch sehr wichtig sind, wenn die Historiker mit den handschriftlichen Quellen gearbeitet haben. Es ist eine nennenswerte Zahl von Studien erschienen, die im einzelnen eine Bereicherung unserer Kenntnisse zur apr. Onomastik darstellen². Es muss aber betont werden, dass die Sprachforscher die Urkunden in vielen Fällen anders als die Historiker lesen, für die ein Buchstabe in einigen Fällen nicht wichtig ist, für die Namenforscher aber entscheidende Rolle bei der Festlegung der Etymologien spielt (Blažienė 2003: 268).

Das Urkundenwesen des Deutschen Ordens bietet für Wissenschaft die vielfältigsten Möglichkeiten. Die Urkunden können für verschiedene Zwecke und aus verschiedener Sicht ausgewertet

¹ Gerullis hat 1912 die altpreußischen Ortsnamen des Samlandes in seiner Dissertation behandelt. 1922 folgte die Sammlung der apr. Ortsnamen. R. Trautmann gab 1925 seine berühmte Sammlung der apr. Personennamen heraus. Beide Sprachwissenschaftler haben die apr. Eigennamen aus handschriftlichen Dokumenten des berühmten Historischen Staatsarchivs zu Königsberg gesammelt und sprachlich bearbeitet. Den Baltologen und Pruthenisten wurde zusammen mit den apr. Sprachdenkmälern ein wichtiges Instrument zur Erforschung des Altpreußischen geschaffen. Die ersten Schritte auf dem Gebiet der apr. Namenforschung wurden von J. Voigt (1860), G. H. F. Nesselmann (1873), W. Pierson (1873), F. F. Hoppe (1875–1878, 1881), A. Bezenberger (1876, 1883) und E. Lewy (1904) gemacht.

² Zu erwähnen sind folgende Autoren: W. Guddat (1975), J. Martens (1997), G. Vercamer (2010).

werden. In diesem Beitrag werden die Dokumente aus der Sicht der Ortsnamenforschung untersucht.

Zum amtlichen Schriftverkehr benutzte der Deutsche Orden nach seiner Entstehung meistens Latein (vgl. Neitmann 1990: 391 ff.), zuweilen auch Französisch (Fortstreuter 1963: 374). Die Zentrale des Ordens war bis 1291 in Akkon, bis 1309 in Venedig, seit 1309 in Marienburg, d. h. auf dem altpreußischen Boden, wo die Unterwerfung der apr. Bevölkerung schon fortgeschritten war. Bekanntlich war das Altpreußische keine Schriftsprache, aber Urkunden wurden auch für die Träger dieser Sprache ausgestellt und das geschah zuerst auf Latein, dann um die Mitte des 14. Jahrhunderts auf Mitteldeutsch (vgl. Fortstreuter 1963: 375; Blažienė 2011: 57). Die Dokumente des Deutschen Ordens zum Land Preußen, zerstreut in den Archiven Europas (Königsberg, später Berlin, Marienburg, Rom, Wien usw.), können jetzt zum Teil im *Preußischen Urkundenbuch* gefunden werden. Uns stehen sechs Bände bis 1372 zur Verfügung. In Anmerkungen zu einzelnen Urkunden findet man wertvolle Hinweise zu Sprachenfragen (Fortstreuter 1963: 374). Diese Anmerkungen sind schon im *Urkundenbuch des Bisthums Samland* (1891) zu finden. Seit 1999 hat der Hamburger Professor J. Sarnowsky das Projekt *Das virtuelle Preußische Urkundenbuch* in die Wege geleitet, das den Zeitraum von 1382 bis 1525 umfassen soll.

2011 hat die Autorin im Beitrag, dem Andenken von J. M. Tronskij gewidmet, über den Begriff *locus* in einer Urkunde von [1331] geschrieben. Dieselbe Urkunde wird auch in diesem Beitrag besprochen. Bei der gründlichen Analyse der Urkunde kommt man zur Schlussfolgerung, dass eben diese Urkunde über eine besondere Aussagekraft verfügt schon wegen ihres Objektes, d. h. wegen der Feststellung der Grenzen zwischen den zum Bistum und zum Ordensgebiet gehörenden Teilen von Samland. Die Urkunde besteht aus mehreren Abschriften oder Codexen, die A, B und E genannt werden. Den letzten Absatz der Abschrift B *Nota quod anno domini ... M.CCC.XXX...* hat z. B. J. Voigt im 3. Band von *Codex Diplomaticus Prussicus* veröffentlicht (1848: 7–8) und angegeben, dass sich die Urkunde im Geheimen Archiv in der Schieblade LII unter No. 24 befindet.

1853 hat Voigt im 4. Band von *Codex Diplomaticus Prussicus* die Abschrift E in deutscher Übersetzung derselben Urkunde veröffentlicht (1853: 173–179, No. CXXI). Die von Voigt veröffentlichte Abschrift stimmt mit der auf Latein geschriebenen Abschrift A überein. Die Frage ist, wie die apr. Eigennamen, in diesem Fall die apr. Ortsnamen, in dieser Urkunde wiedergegeben werden. Im Weiteren

werden einige Ortsnamen aus den genannten Abschriften besprochen unter Berücksichtigung der Schreibung und der Deutung der Namen.

Abschrift A (im Text A): ...*ad vadum* **Rumbingin** *pruthenice dictum...* (SUB 183).

Abschrift B (im Text B): ... *ad vadum, qui dicitur* **Rumbing...** (SUB 183).

Abschrift E (im Text E) ... *zcu dem vorte genant in Pruschen* **rembingen** (CDP III 173).

In der Abschrift E beobachtet man *e* statt *u* in der Wurzelsilbe, aber diese Schreibung hat keinen Einfluss auf die Etymologie. Man hat also apr. **Rumb-ing-*, zu apr. **rumb-*, vgl. dazu lett. *rumba* ‘Stromschnelle in der Düna und Windau’, lit. *ru̯mbas* ‘Saum’ (Gerullis 1922: 146; Blažienė 1993: 114).

A ... *illorum de* **Candeyn**... (SUB 184).

B ... *illorum de* **Canden**... (SUB 183).

E ... *der do von* **Kandeynin**... (CDP III 173)

Die Wiedergabe des ON variiert in angeführten Abschriften, aber lässt die Grundform **Kand-ein-* zu, am ehesten zu einem apr. Personennamen **Kande* und Suff. **-ein-* (Blažienė 2000: 65).

A ... *de* **Kvnigisberg** (**Konigsberg**, **Kongisberg**) *versus* **Vischusen** (SUB 184).

B ... *de* **Konigisberg** *versus* **Bischoffeshusin** (SUB 184).

E ... *von* **konigisberg** *ken* **vischusen**... (CDP III 173)

Anhand von diesem Beispiel sieht man, dass die Wiedergabe der deutschen ON auch schwankte. Verschiedene Schreibweisen sind am ehesten den Schreibern und nicht den deutschen Dialekten zuzuschreiben (s. Blažienė 2000: 35–36).

A ...*de* **Greybow** *versus* **Mednow** (**Medenow**)... (SUB 184).

B ... *de* **Grebaw** *versus* **Medenow**. (SUB 184).

E ... *von* **greybow** *zcu der* **Medenaw** (CDP III 174).

Der Auszug wurde angeführt, um die Schwankungen im Suffix des Ortsnamens *Medenow* zu zeigen. Der apr. Name **Medenav-* könnte hydronymischer Herkunft sein. 1327 *Aqua Medenow* könnte der Ortschaft den Namen gegeben haben (Blažienė 2000: 92).

A ... *prope montem* **Leypitin** (**Lepiten**) *dictum*. (SUB 184).

B ... *et montem, qui vocatur* **Lepare**. (SUB 184).

In der Fußnote 5 auf derselben Seite erklären die Herausgeber den Namen des Berges als *Lindenberga*.

E ... *by dem berge genant* **Leypyten**... (CDP III 174).

In diesem Fall tritt im Codex B völlig andere Form des Bergnamens *Lepare* auf, die ausführlich A. Nepokupnij (2001: 91–100) besprochen hat. Vgl. serb. *лѹнѡр* ‘липняк’, *Лѹнѡр*, Bergname,

lit. *Liēporas, Liēporas*, lett. *Liēpars*, Flüsse. Der im Codex A und E belegte Name des Berges apr. **Leip-īt-* ist auf apr. **leipā* ‘Linde’ zurückzuführen (Gerullis 1922: 86; Mažiulis 1996: 69–70).

A ... *supra fossatum antiquum Rogarbe pruthenice nominatum.* (SUB 184).

B ... *et ille locus nominatur in prutenico Rogarbi.* (in der Fußnote 5 steht *Grabenhügel = umgrabener Hügel*) (SUB 184).

E ... *uff dem alden grabin in Pruschen genant Nogarbe.* (CDP III 174).

Zum apr. ON *Rogarbe* s. Blažienė 2011: 58–59. In diesem Fall hat man in der deutschen Fassung der Urkunde *Nogarbe*. *n* statt *r* wäre eigentlich als Schreibfehler zu erklären.

Sehr interessant ist der folgende Auszug:

A *Ad hoc palo procedendo ad unam arbutum, que vulgariter haynbuche (haynbutthe) dicitur, similiter circumfossam, stantem in pascuis inter Snotin et Wycow.* (SUB 184).

B *Deinde ad quandam arborem sive carpenum, que ein haynbuche dicitur, que est inter villas Wykow et Snotin.* (SUB 184).

E *von dem pfole vort zcu geende zcu eyner haynbuche glicher wis umbgraben dy do steet uff der vy weyden czwischen Snoten und Wykow.* (CDP III 174).

Im lateinischen Text wird das lateinische Wort *arbutus* mit einer deutschen Glosse *haynbuche* erklärt. In der Abschrift B wird derselbe Baum schon als *arborem sive carpenum* mit der Erklärung *eyn haynbuche* beschrieben. In diesem Zusammenhang entsteht die Frage, warum der Baum nicht mit einem apr. Wort umschrieben wurde. Vielleicht hat der deutsche Schreiber das apr. Wort nicht gewusst oder nicht verstanden. Im Altpreußischen gab es *scoberwis* ‘haynbuche, Hainbuche’, im Elbingen Vokabular (E 594) als *stoberwis* verzeichnet, lat. *Carpinus betulus* L. (Mažiulis 1997: 158). Lat. *carpinus* hat ausführlich A. Grosheva (2009: 313–315) besprochen. Vgl. mhd. (md.) *hain* < mhd. *hagen*, ahd. *hagan* = Dorngesträuch). *Hainbuche* gibt es auch bei M. Lexer (1980: 78). Vgl. *Hainbuche* ‘Laubbaum mit glattem, grauem, seilartig gedrehtem Stamm, gesägten Blättern u. hängenden kätzennähnlichen Blütenständen’ (Duden 1989: 651).

A ... *stantem in loco Oubetobe (Oubetoube) pruthenice nominato.* (SUB 185).

B ... *ad aliam quercum, que dicitur Ubbacobe.* (SUB 185).

E ... *der do stehet uff der stat in pruschen genant onbethobe, onbetobe* (CDP III 174).

n und *u* kann man manchmal kaum in den Handschriften unterscheiden, deshalb steht in der Abschrift E meines Erachtens *n* statt *u*. Zum ON s. Blažienė 2011: 59.

A ...*stantem inter Drabenow et Girtmytin (Girtiniten, Gutmitin) ...* (SUB 186).

B ...*stantem inter Drabnow et Girteniten...* (SUB 186)

E ... *stet zwischen Drabenow unde Gutmytin...* (CDP III 175).

ir wurde als *u* in E wiedergegeben. Die Grundform ist trotz der Variante in E apr. **Girt- enīt-*. Diese Grundform erlaubt auch die Belegreihe, angeführt bei Blažienė 2000: 180. Der Name ist am ehesten anthroponymischer Herkunft und geht auf einen apr. Personennamen *Girthe* zurück.

Durchaus interessant ist der folgende Satz:

A *Abinde directe ad aliam quercum circumfossam, stantem in alio alto monte, qui vulgariter Sebinburne dicitur.* (SUB 186).

B *Deinde procedende ad montem alium, qui dicitur ad septem fontes super quercum circumfossam.* (SUB 186).

E *von dannen dy gerichte czu eyner andern eiche dy do stet uff einem hogen berge in düczen genant Sebinburne...* (CDP III 175).

In der Abschrift A steht *monte, qui vulgariter Sebinburne dicitur*. In der Abschrift B steht ...*montem alium, qui dicitur ad septem fontes...*, also ...*den Berg, der heißt bei sieben Quellen...* Die Autorin würde **septem fontes** als eine Glosse bezeichnen. In der deutschen Fassung der Urkunde wird *vulgariter*, eigentlich ‘gewöhnlich’ als *düczen* ‘deutsch, auf deutsch’ (Lexer 1980: 32) wiedergegeben. **Sebinburne** könnte man vielleicht als apr. **Sebeiburn-* (?), vgl. apr. *sebbei* ‘ihm’, und lit. *burnà* ‘Mund, Schluck’ (Blažienė 1993: 115) oder als hybride Bildung zu mhd. *siben*, *seben* ‘sieben’ (Lexer 1980: 193) und lit. *burnà* (Blažienė 2005: 36) betrachten. Diese Überlegungen zeigen Schwankungen der Meinung der Autoren. Jetzt nach der gründlichen Analyse der Urkunde kann man vielleicht behaupten, dass dieser Name in Wirklichkeit ein deutscher Name sein könnte, vgl. mhd. *burne* = *brune* ‘quell, quellwasser, brunnen’ (Lexer 1980: 27). Der Wunsch, möglichst viele apr. Eigennamen zu finden, hat am ehesten die Autorin zu falschen, wie man jetzt sieht, Schlussfolgerung geführt.

Aufmerksamkeit verdient folgender Satz:

A *Ab hac quercu procedendo ad magnum lapidem circumfossum, qui pruthenice Sarguttinstabs nominatur.* In der Fußnote 15 wird der apr. Name als *Wächterstein* erklärt. (SUB 187).

B *Deinde procedendo super magnum lapidem, qui dicitur Sarguthinsteyn.* (SUB 187).

E *vor der eiche vort czu geende czu einem grosen umbgrabenen Steyne, der in pruschen ist genant Sarguckin stapa.* (CDP III 175).

In allen drei Abschriften oder Codexen hat man denselben apr. Namen unterschiedlich wiedergegeben. A hat den apr. Namen **Sargutĩn-stabis*, vielleicht zu apr. **sargutis*, vgl. apr. *butsargs* ‘Haushalter’, *absergĩsnan* ‘Schutz’, lit. *sárgas*, lat. *sařgs* ‘Wächter, Behüter’ und apr. *stabis* ‘Stein’. In B wurde das apr. Wort *stabis* durch das dt. *steyn* ‘Stein’ ersetzt. In E erscheint **Sarguckin stapa**. *t* wird durch *ck* ersetzt, *b* durch *p*.

A ... *ad vadum Stabobrast...* (SUB 187). In der Fußnote 16 wird angegeben, dass die Furt *Steinfurt* heißt.

B ... *ad vadum, qui dicitur Stabobraste...* (SUB 187).

E ... *czu den vorte... Scabobrast...* (CDP III 175).

Apr. **Staba-brast-*, zu apr. *stabis* ‘Stein’ und apr. *brast*, *brasta*, *braste* ‘Furt’, das als Prusismus der deutschen Mundarten in Ostpreußen bezeichnet wird (Nesselmann 1873: 21; Ziesemer 1935–1939: 768; Endzelĩns 1982: 152; Toporov 1975: 247; Mažiulis 1988: 154–155).

A ... *inter Rowytin (Rowitin) et Plautowyn (Plantowin).* (SUB 187).

B ... *et Rowith.* (SUB 187).

E ... *zwischen Romiten unde Plawtowin* (CDP III 175).

In diesen Auszügen ist der apr. Siedlungsname **Rav-ĩt*, zu apr. *rawys* ‘Graben’ und Suff. *-ĩt-* angeführt (Gerullis 1922: 144; Blažienė 2000: 135). Die Autorin hat 2000 die Siedlung nicht genau lokalisiert. Das Dorf lag im Kirschspiel Thierenberg. Später trug es einen anderen apr. Namen *Karwingen* (*Corwingen*). In E wird *w* durch *m* ersetzt. Diesen Wechsel kennen die apr. Eigennamen nicht, deshalb stützt solche Wiedergabe nur auf die Verschreibung.

A ... *circa rivulum Kaucstirn pruthenice dictum.* (SUB 189). In der Fußnote 30 wird erklärt, dass **Kaucstirn** das Ziegenberger Mühlenfließ ist. Eine nördlich von Geidau gelegene waldige Anhöhe führt noch heute den Namen **Kauster**.

B... *ei tunc dicitur Caustir...* (SUB 189).

E ... *by dem vlisse in pruschen genant Kaustrin* (CDP III 176).

In allen Abschriften wird der Name des Baches unterschiedlich geschrieben. In einer anderen apr. Gegend gab es den Flussnamen 1315 *Caustre*, 1326 *Caustere*, 1595 *Causter* od. *Caurter* (Gerullis 1922: 58), den Gerullis zusammen mit dem samländischen Gewässernamen behandelt. G. Froelich (1930: 9) betont, dass „ein Bächlein um den Hügel herumfließt, und gehört zu pr. *Caustir* Waldgebirge. Noch heute heißt dort ein bewaldeter Hügel *der Kaustir*“. In der

Belegreihe von M. Biolik (1996: 222–223) werden völlig falsch Belege angeführt, die nicht zum samländischen Flussnamen gehören. Die Bildung des Bachnamens ist nicht klar. Man könnte **Kauk-*erblicken (Toporov 1980: 274–275), vgl. lit. *kaũkas* ‘Beule, Geschwür, Vorrichtung, mit der das Fischnetz durch ein in Eis gehauenes Loch gezogen wird; Kobold, Gnom, zwerghafter Mensch’ (Fraenkel 1962: 229–230). Wegen **stirn-* hat man Bedenken. Vielleicht zu lit. *stirna* ‘Reh’ (?), aber wegen der Semantik nicht überzeugend, oder zu mhd. *stirne* ‘Stirn’ (Lexer 1980: 211).

A ...*in monte Yregarbs (Miegarbs) pruthenice dicto.* (SUB 191).

B ...*in monticulo, qui dicitur Yragarbis.* (SUB 191).

E ...*uff dem berge in Pruschen genant vregaps.* (CDP III 177).

Es handelt sich um einen apr. Flurnamen **Er-garbis* (?), mit apr. *garbis* ‘Berg’ im Grundwort. Das Bestimmungswort wird auf apr. *eristian* ‘Lamm’ zurückgeführt (Gerullis 1922: 50; Toporov 1979: 72–75). Wegen $\bar{e} > \bar{i}$ der samländischen Mundart s. Trautmann 1910: 119–120 (Blažienė 2005: 35).

A ...*quo rivulus Aucopte (Auckopte, Ankopte) pruthenice dictus...* (SUB 192).

B –

E – ...*daz flis in pruschen genant Ancupte...* (CDP III 177)

Der Name des Baches kommt in der Abschrift B nicht vor. Ansonsten gibt es 4 Varianten dieses Namens, die die Grundform **Au-kapt-* zulassen. (Der Flurname *Kopte* gehört nicht in die Belegreihe des Gewässernamens, wie M. Biolik (1996: 17) annimmt). Der Name ist mit dem Präfix *au-* ‘weg, ab’ abgeleitet. Man kann die Wurzel **kapt-* unterscheiden, vgl. apr. *enkopts* ‘begraben’. V. Mažiulis (1988: 269–271) rekonstruiert aus diesem Namen das apr. Apellativum **aukapta* ‘das, was ausgegraben ist’. V. Toporov (1975: 150–151) führt als Grundform **Au-kopt-* an. Möglich wäre vielleicht apr. **Au-kupt-* (?), zu lit. *kùpti* ‘sich erheben, sich aufblasen’, lett. *kupt* ‘sich ballen, zusammengehen, gerinnen, gären’.

A ...*in fine fossati antiqui Kopte pruthenice dicti.* (SUB 192).

B –

E ...*uff dem ende dez alden grabin in Pruschin genant Kupte.* (CDP III 177).

Apr. **Kopt-* (?), **Kapt-* (?), **Kupt-* (?). S. oben *Aucopte*. Vgl. Toporov 1984: 130.

A ...*silvam Sudrin (Sudryn) pruthenice dictam.* (SUB 193).

B ... *ante silvam* **Sodere nuncupatam** ... *in fine* **Sudere**. (SUB 193).

E ... *dem walde in Pruschin genant* **Sudirm**. (CDP III 177).

Man sieht deutlich Unterschiede in der Wiedergabe des Namens. Ungeachtet dieser Unterschiede lautet die Grundform des Waldes apr. **Suder-*. Sie ist auf einen apr. Personennamen *Suder*, *Sudir* (Trautmann 1925: 100) zurückzuführen (Gerullis 1922: 176; Blažienė 1993: 117).

A ... *in loco* **Strodowegis (Stredowegis) dicto**. (SUB 193).

B ... *in loco dicto* **Scrodowisge**. (SUB 193).

E ... *uff der stat* **Scrodowegis genant**. (CDP III 178).

Die Belege variieren, aber lassen meines Erachtens doch die Grundform **Skruda-vej-* zu. Zur Bestimmungswort vgl. lit. *skrudė* 'Ameise' (Nesselmann 1870: 315; Gerullis 1922: 163) und zum Grundwort lit. *vejà* 'Rasen, mit Gras bewachsener Platz; frisches Gras, kleine Wiese', vgl. apr. *wayos* 'Wiesen'. *j* und *g* wurden in den Ordensdokumenten nicht geschieden. Für *j* tritt in diesem Fall *g* auf wegen der spirantischen Aussprache des deutschen *g* (Gerullis 1922: 220–221). *Strod-*, *Stred-* ist am ehesten verschrieben.

A ... *in loco* **Waykaraykis pruthenice dicto**. (SUB 194).

B ... *in loco dicto* **Waykareikis**. (SUB 194).

E ... *uff der statt in Pruschen genant* **Waykar**. (CDP III 178).

Apr. **Waik-araikis* wurde mehrmals besprochen (Gerullis 1922: 192; Toporov 1975: 160–161; Blažienė 2011: 65). In diesem Fall fällt auf, dass der Name in E als **Waikar** notiert wurde, d. h. die Hälfte des Grundwortes ist verlorengegangen. Aus dieser Überlieferung wäre die Grundform kaum möglich.

An dieser Stelle wird noch einmal zu den Belegen der deutschen Ortsnamen zurückgekehrt. Es ist interessant zu beobachten, wie sie wiedergegeben werden, weil diese Namen den Schreibern vertraut sein könnten. Z. B. in A steht **Conradi silva, villa...**, in B ...**ville Kunradiswalde** (SUB 194), in E ...**kuratiswalde** (CDP III 178). In B kommt schon die dt. Variante vor in E ist das Bestimmungswort unverständlich entstellt.

Diesen Beitrag sollte man als Anfang einer großen Forschungsreihe zur Sprache der handschriftlichen Dokumente des Deutschen Ordens, in denen die Eigennamen im ehemaligen Preußenlande verzeichnet sind, betrachten. Die altpreußischen Namen wurden von den deutschen Schreibern niedergeschrieben, denen die altpreußische Sprache fremd und unverständlich war. Die Namen wurden so niedergeschrieben, wie die Schreiber sie von den Einheimischen gehört haben, d. h. aus der gesprochenen Sprache. Die Namen

wurden verändert, an das Deutsche lautlich adaptiert. Sie wurden durch fremde Sprachen, die in das Land gedrungen waren, beeinflusst. Die Wiedergabe der altpreussischer Laute sowie die Wiedergabe des ganzen altpreußischen Namengutes veränderte sich im Laufe der Zeit. Das apr. Namenmaterial wurde allmählich mit germanisierten, lituanisierten (im Samland), mit polonisierten (in anderen Gebieten) Formen durchsetzt. Der Namenforscher soll die apr. Ausgangsformen der Namen ermitteln und die Etymologien vorschlagen. Dazu soll der sprachliche Kontext, in dem sich die apr. Namen befinden, geklärt werden.

Die dringlichste Aufgabe der altpreußischen Namenforschung und der Pruthenistik ist eine unfassende und ausführliche Sammlung der apr. Eigennamen als open access vorzubereiten unter Berücksichtigung der altpreußischen Eigennamen ausschließlich in handschriftlichen Quellen mit Angabe des Kontexts.

Janij possidet
Loricke filij
Nitzey

...
Lra feodalis Konball
Nomme Dominicus Nlos frat hinc dei & aplice sed
gra Epus sine Sambien Recognosom & notu facim
vniuers tam pntib qui futur & cu Senkichte dem
Konball & Martinus pacius suus apmca locacone suoz
p gementoz Bona quedaz octo vnoz m mo dmo indif
trictu Tannenbergh Konball dca cu omib suis pntemib
mltis retroactis tibi pure hereditatis libe & quiete posse
dissent Sicut exlis agru gualis tuc tps suis pgentoi
bus desup dat & cofectis nobis manifeste demonstrauit
Cu uero dca lra ipse data ut pmitte aliquali sigillo suo
fueat vetustate corrupta & impte disrupta iudiciu qd
ipoz qd maius fuit motum eoz m ipa lra agru gual
no fueat expssum seu declaratu dca uco Senkichte
& Martinus tmetes sibi piculu exh minie vob hui
& deuote phuib vicib supplicauit qtus ipis & eoz uer
hereditib hram sup dca bona mouare & eis denouo to
ferre ipa bona dignaent Cu ipi eadez bona abecna
& pfendo etne harten possedent & actu possedent
vob no mist pntib & utilitatib subditoz noz benigne

in finem contulit p^o d^o Senkeithen et martio patris suo et
 eor^o veis heredib^o p^o d^o bona videli^o octo vncoz^o d^oca rombau
 cu^o omib^o suis p^o m^o n^ois Agnis filius prius passus libe^o ad
 r^onis & laboib^o rusticalib^o libe^o & quiete p^opetue possidenda iudi
 cu^o p^o m^o n^ois in d^oca bonis co^ocedim^o vniuersu^o Excepto ad collu
 & manu^o & care^o n^ore uolum^o reseruai^o Ita sine q^o sepe d^oca
 Senkeith & sui ven^o heredes de media p^ote d^oca bonoz^o cum
 equo & armis Et d^oca martio & sui ven^o heredes de alia
 media p^ote sibi cu^o equo & armis s^odm^o s^ore consuetudinem ad
 exp^odition^o & t^oraz^o defension^oes & ad m^ontes denouo constru
 das veterib^o res^ondas q^o & quocensu^o requisiti sunt p^o
 nos aut^o successores n^oros seu aduocatos Et n^ore s^ore p^o
 petuo s^ont as^onti. D^oca n^ore & co^ocedim^o ex^ogr^o & fau^ore
 p^opetali m^ocorato Senkeithen & martio suo patris eor^oz^o
 uenis heredib^o Si forte aliqu^o ex^oas o^odi cont^ongit q^o
 ab^ost^o & h^omoi iudiciu^o ad t^onta m^oras usualis monete
 se ext^ondat sicut & ab antiquo p^ogenit^oes ipoz^o h^ouerit
 In cui^o rei testimo^o p^ontem h^oz^o eis d^oca n^ore sub app^o
 denti sigillo roborata In Castro n^ore ffischusen Anno
 d^oni m^o cccc^o lxxxv^o xv^o die m^ore nouemb^oris D^oca n^ore
 hon^o b^o v^onis & d^oca n^ore ioh^ose h^olsh^o d^oca n^ore
 petro petke aduocato et n^ore philippo Grelle Cap^ollo
 n^ore & aliis q^o p^ont^o v^onis fide dignis

Eine auf Latein geschriebene Urkunde aus dem Ordensfolianten
 103 „Privilegia des Bisthums Samland“, S. 12^r–13.

Capitulum n^ore p^ontem h^oz^o eis d^oca n^ore sub app^o
 lra Tabernatois in villa Kmolb
 Ut gotis nomen amen h^oz^o brud^o johanes von quoden
 vnde bobisthies vorsichtlicet Bischoff der kirch^o zu
 Samland th^om^o offenbar allen den dy d^oca n^ore
 addir horen lesen v^one merunge vnsers h^ontes v^ond
 beserunge vns^o t^osches mit rate wissen v^ond willen
 vns^o erb^o Capitels hab^o v^ogege^o v^ond geg^o
 v^ondes r^ogen in v^ons^o k^omeramt h^oz^o Ehrenb^o
 v^ond dorffe zu Kmolb gelegen eyne^o k^orege^o von

milbes zu bulben noch der gewonheit des landes in
 seynen rechten erben vnd nachkomeligen erblich vnd
 ewiglich noch Eolmsthem rechte zu bestigen do vor
 sul her seynen rechten erben vnd nachkomeligen vns in
 vnser nachkomeligen alle ior jelic in mitz gewonlicher
 nuunge ginsy addir in eyne namen eynes ginses etly
 lich seyn vorbunde off dyse gylbene noch geschriebenen
 tage dy helste off vnser liben fraulben tag lichtmesse
 dy and helste off den tag der geburt iohis des konigis
 vnseres hren begug dess dinge sint brud' andreas
 pfaffendorff thumybist brud' michael iunge Techt
 brud' dauid officialis her hynrich haarschalt vnser
 kurtzen foyt her nicolau kupmez vnser caplan in
 schreiber in vil ander erbar lute zu merer sicheru
 ge haben wir vns in geschel an desin briff loffen
 hengen der gegeben ist off vnser huse vntschup an
 den jaren vnser hñ m^o cccc^o xxxviii^o am tage des
 heilig hren vnd leier der heiligen kirchen sint dms^o i

Eine auf Mittelhochdeutsch geschriebene Urkunde aus dem Ordensfolianten 103 „Privilegia des Bisthums Samland“, S. 23^r–24.

Der OF 103 wird im Geheimen Staatsarchiv „Preußischer Kulturbesitz“ in Berlin aufbewahrt.

Literatur

- Bezenberger 1876 – Bezenberger A. Die Bildung der altpreussischen Personennamen. Ein Versuch ihrer Deutung // Altpreussische Monatschrift. Bd. XIII. S. 385–435.
- Bezenberger 1883 – Bezenberger A. Über die Verbreitung einiger Ortsnamen in Ostpreussen // Altpreussische Monatschrift. Bd. XX. S. 120–128.
- Biolik 1996 – Biolik M. Namen der fließenden Gewässer im Flußgebiet des Pregel // Hydronymia Europaea 11, Stuttgart: Franz Steiner.
- Blažienė 1993 – Blažienė G. Sembos prūsų vietovardžiai. Humanitarinių mokslų daktaro disertacija. Vilnius. (Handschrift).
- Blažienė 2000 – Blažienė G. Die baltischen Ortsnamen im Samland // Hydronymia Europaea, Sonderband II, Stuttgart: Franz Steiner.
- Blažienė 2003 – Blažienė G. Zur altpreussischen Namenforschung // Indogermanische Forschungen. Bd. 108. S. 267–278.
- Blažienė 2005 – Blažienė G. Prūsų žemėvardžių tyrinėjimo problemos // Baltistica VI priedas. S. 27–40.

- Blažienė 2011 – Blažienė G. Der Begriff *locus* in den Ordensdokumenten // Indoeuropejskoje jazykoznanije i klassiceskaja filologija – XV. Materialy ctenij, posviacennyh pamiati professora Josifa Mojseevica Tronskogo. Sankt-Peterburg: Nauka. S. 57–68.
- Duden 1989 – Deutsches Universalwörterbuch. Herausgegeben und bearbeitet vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion unter der Leitung von Günther Drosdowski. Mannheim: Dudenverlag.
- CDP 1836–1861 – Codex diplomaticus Prussicus. Urkundensammlung zur älteren Geschichte Preußens aus dem Königlichen Geheimen Archiv zu Königsberg, nebst Regesten. Hrsg. von J. Voigt, Bd. 1–6. Königsberg: bei den Gebrüdern Bornträger.
- Endzelīns 1982 – Endzelīns J. Senprūšu valoda // Darbu izlase, d. 2, sēj. 4. Rīga: Zinātne.
- Fortstreuter 1963 – Fortstreuter K. Latein und Deutsch im Deutschen Orden // Studien zur Geschichte des Preussenlandes. Festschrift für Erich Kezser zu seinem 70. Geburtstag dargebracht von Freunden und Schülern. Hrsg. von Ernst Bahr. Marburg: N. G. Elwert Verlag. S. 373–391.
- Fraenkel 1962–1965 – Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd.1–2. Heidelberg: Winter.
- Froelich G. 1930 – Flußnamen in Ostpreußen. Ein Beitrag zur Namensforschung und Siedlungsgeschichte in Ostpreußen // Festschrift zum 50-jährigen Bestehen der Altertumsgesellschaft Insterburg mit Jahresbericht für 1929 und 2 Illustrationen. Hft. 19. Insterburg: Altertumsgesellschaft Insterburg. S. 4–84.
- Gebauer 1851 – Gebauer K. E. Drei Urkunden von 1333, betreffend die Abgrenzung des Ordenslandes und des Bisthums Samland. Nebst Uebersetzung und Erläuterung // Neue Preußische Provinzialblätter Bd. XI. S. 284–298, 360–373.
- Gerullis G. 1912: De Prussicis Sambiensium locorum nominibus. Phil. Diss. Tilsis: Ex officina Mauderodiana.
- Gerullis 1922 – Gerullis G. Die altpreußischen Ortsnamen, Berlin und Leipzig: Walter de Gruyter & Co.
- Guddat W. 1975: Die Entstehung und Entwicklung der privaten Grundherrschaften in den Amtern Brandenburg und Balga (Ostpreussen) (Wissenschaftliche Beiträge zur Geschichte und Landeskunde Ost-Mitteleuropas). Marburg / Lahn: J. G. Herder-Institut.
- Hoppe F. F. 1875 –1878, 1881: Ortsnamen der Provinzen Ost- und Westpreussen // Altpreussische Monatsschrift. Bd. XII–XV, XVIII. Bd. XII, S. 289–298, 548–564; Bd. XIII, S. 565–586; Bd. XIV, S. 38–46, 399–418; Bd. XV, S. 579–609; Bd. XVIII, S. 245–270.
- Lexer 1980 – Lexer M. [1885]. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. Leipzig: S. Hirzel.
- Lewy E. 1904. Die altpreußischen Personennamen. Inaugural-Dissertation. Breslau: Buchdruckerei H. Fleischmann.
- LKŽe = Lietuvių kalbos žodynas online.
- Martens J. 1997: Die ländliche Gartensiedlung im mittelalterlichen Preussen. Einzelschriften der Historischen Kommission für ost- und

- westpreußische *Landesforschung*. Bd. 12. Lüneburg: Nordostdeutsches Kulturwerk.
- Mažiulis 1988–1997 – Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas. I Vilnius: Mokslo; II–III Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla; IV Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.
- Neitmann 1990 – Die Handfesten des Deutschen Ordens in Preußen // *Altpreußische Geschlechterkunde*. Neue Folge. Jg. 38. Bd. 20. S.391–402.
- Nesselmann 1870 – Nesselmann G. H. F. Forschungen auf dem Gebiete der preussischen Sprache // *Altpreussische Monatsschrift*. Bd. VII. S. 289–319.
- Nesselmann 1873 – Nesselmann G. H. F. *Thesaurus linguae Prussicae*, Berlin. Harwitz & Grossmann.
- Pierson 1870 – Pierson W. Litauische Äquivalente für altpreussische Wörter // *Altpreussische Monatsschrift*. Bd. VII. S. 577–602.
- Pierson W. 1873. *Altpreussischer Namencodex* // *Zeitschrift für preussische Geschichte und Landeskunde*. Bd. X. S. 483–744.
- Preußisches Urkundenbuch 1882–2000. Bd. 1–6. Königsberg: Hartung'sche Verlagsdruckerei; Marburg: N. G. Elwert Verlag.
- SUB – 1891. *Urkundenbuch des Bisthums Samland*. Hrsg. von C. P. Woelky und H. Mendthal. Leipzig: Duncker & Humblot.
- Toeppen M. 1858: *Historisch-comparative Geographie von Preussen*. Gotha: Justus Perthes.
- Trautmann 1910 – Trautmann R. *Die altpreussischen Sprachdenkmäler: Einleitung, Texte, Grammatik, Wörterbuch*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Trautmann 1925 – Trautmann R. *Die altpreußischen Personennamen*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Vercamer G. 2010. *Siedlungs-, Sozial- und Verwaltungsgeschichte der Komturei Königsberg in Preußen (13.-16. Jahrhundert)*. Marburg: N. G. Elwert Verlag.
- Voigt J. 1827–1839: *Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens*. Bd. 1–9. Königsberg: im Verlage der Gebrüder Bornträger.
- Voigt J. 1860: Einige Beiträge über altpreußische Personen- und geographische Localnamen // *Neue Preußische Provinzialblätter*. 3 F. Bd. 5. S. 299–305.
- Ziesemer 1935–1939 – Ziesemer W. *Preußisches Wörterbuch*. Lfg. 1–12. Königsberg (Pr): Gräfe und Unzer.
- Грошева 2009 – Грошева А. В. Латинская земледельческая лексика на индоевропейском фоне. СПб.: Наука.
- Непокупный 2001 – Непокупный А. Сербско-литовская изоглосса *línãp* 'Липняк' / *Línãp* – *Liẽporas* и прусский ороним *Lepare* // *Baltistica* XXXV (1). S. 91–101.
- Топоров 1975-1990 – Топоров В. *Прусский язык. Словарь*. Т. 1–5. М.: Наука.

G. Blažienė. Old Prussian proper names in sources, written in Latin and Middle German

The article addresses the problems of spelling of Prussian proper names recorded in the manuscript documents of the German Order written in Latin and Middle German that functioned as the official languages of the Order. It has been long since the author of the article first brought up the idea that to achieve a reliable analysis of the Prussian proper names, we have to take the language of each document recording Prussian proper names into account and to prepare a new collection of Prussian proper names which would also be available online and contain the context of each proper name, which often helps to give a precise definition of a proper name and to get an exact localization of the object denoted by the name. The article analyses the document significant to the Prussian proper names – the act of division of Sambia to the areas belonging to the bishop and the Order. The document was recorded [1331] and printed in the book of Sambian documents. Several transcripts are known: A and B in Latin and E in Middle German. The article addresses the place names of varied spelling. Authentic forms of Prussian place names are restored and their origins are briefly explained. It is concluded that the variation in the spelling of Prussian place names is also determined by the fact that the scribes of the Order used to write them down from the spoken language, which the scribes were not the only ones to misunderstand.

И. И. Богатырёва

ЕДИНСТВО ПРОТИВОРЕЧИЙ ИЛИ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ЕДИНСТВА?

(О некоторых особенностях древнеиндийского мироощущения, отражённых в словаре и тексте)

Резюме. В статье рассматриваются некоторые черты древнеиндийского мировосприятия, отчасти обусловленные особенностями мифопоэтического мышления. Речь идёт о способности древних ариев видеть окружающую действительность целостно и синтетично и одновременно осмыслять её в рамках бинарных противопоставлений. С данной позиции рассматривается явление полисемии и её частное проявление – энантиосемия. Проводится анализ употребления в текстах (на примере отрывков из «Махабхараты») энантиосемичных слов и связанных с этим трудностей понимания и перевода древнеиндийских текстов.

Ключевые слова: целостность, бинарная оппозиция, амбивалентность, древнеиндийское слово, энантиосемия, полисемия, перевод.

Одной из наиболее ярких черт древнеиндийского мировосприятия является его **целостность**: Вселенная, социум, человек – всё рассматривается в их сущностном единстве. Человек полностью включён в течение общемировых законов: я во всём и всё во мне. Эта мысль выражена, в том числе, и в знаменитом изречении из Чхандогья-упанишады «Tat tvam asi» *То есть ты: ты и то, что тебя окружает, – едины.* Мироздание мыслится как единое целое, где не существует субъекта и объекта, части и целого, «я» и «не-я», пространственных и временных отношений и т. п. Такой тип архаического мифологического сознания и мышления принято называть инкорпорированным (в терминологии А. Ф. Лосева), или пралогическим (по Л. Леви-Брюлю).

Носители такого типа мышления представляют мир как единый организм, где любой предмет имеет самостоятельную волю и способен превратиться в иную вещь или иное существо: всё присутствует во всём. «Первобытный взгляд на жизнь синтетичен, а не аналитичен. Жизнь не подразделяется на классы и подклассы. Она ощущается как незыблемо непрерывное целое, не допускающее никаких резких и чётких различий. Границы между различными сферами – вовсе не непреодолимые барьеры:

они расплывчаты и неустойчивы. Ни каких-либо специфических различий между разными сферами жизни, ни определённых постоянных, устойчивых форм не существует. Внезапная метаморфоза может превратить каждую вещь в любую другую. Если и существует какая-либо характерная черта мифологического мира, некий закон, им управляющий, – это закон метаморфоз» (Кассирер 1998: 534).

Представляется, что это допущение Кассирера может служить некоторым объяснением такого широко известного факта, как наличие необычайно развитой в древнеиндийском языке полисемии. Так, в ряде случаев совершенно немотивированно объединяются внутри одного слова разные значения. И с нашей точки зрения невозможно понять, почему *vāja* – это и сила, и пища, и вода, и звук, и оперение павлина, а *pratiṣṭhā* – это и остановка, и нога, и превосходство, и название стихотворного размера.

В ряде случаев, конечно же, помогает прозрачная внутренняя форма сложного или производного имени: так, существительным *pakharāyudha* можно назвать тигра, льва и петуха (они мыслятся как *действующие когтями*), *naktasārin* означает *сова; кошка, вор, ночной демон* (т. к. они *бродят по ночам*), а *петух* и *астролог* могут быть разными значениями слова *kālavid* (или *kālavīṇa*), поскольку и тот, и другой являются *знатоками времени*. Но, конечно же, есть и другие ночные животные (кроме совы и кошки), которые (в принципе) могли бы быть названы существительным *naktasārin*. Не говоря уже о животных или хищных птицах, снабжённых когтями: т. е. словом *pakharāyudha* могли быть названы самые разные существа, и почему выбор в случае данной номинации пал только на тигра, льва и петуха, объяснить невозможно. К тому же, в санскрите есть немало существительных, именующих одновременно настолько разные объекты (в том числе вполне конкретные), что сложно найти тому разумное объяснение: например, среди значений слова *kīṅkīra* будут *жеребец, индийская кукушка, пчела* и *бог любви*. И это далеко не единичный пример, это привычное явление для древнеиндийского языка.

Широко представленную в ведийском языке и в санскрите синонимию мы склонны трактовать также как одно из проявлений **целостного** взгляда на мир: благодаря многочисленным синонимам носитель древнеиндийского языка мог получать максимально полное и предельно разностороннее представление о том или ином предмете мысли. Так, слон представал как

идуший (gaja), обладающий рукой (hastin), слуга, домочадец (ibha), двузубый (dvirada), зубастый, имеющий бивни (dantin), пьющий дважды (dvīpa), делающий (karin) и т.п. Сова виделась как когтистолапая (kaucika), боящаяся дня (divābhīta), слепая днём (divāndha), видящая ночью (niçādarçin), скитающаяся ночью (niçāta, niçāṭana) и т. д.

Одновременно с этой цельностью мировосприятия и несмотря на неё древние арии (как и любые другие носители мифопоэтического сознания) осваивали и познавали мир, формулируя и осмысливая многие вещи для себя в рамках «**двоичного кода**»: есть *этот*, познанный, мир и есть *тот*, непознанный, потусторонний (или: *правый – левый, верхний – нижний, свой – чужой, светлый – тёмный, внутренний – внешний* и т.п.), есть *день и ночь, мужское и женское начало, солнце и луна, небо и земля, жизнь и смерть, добро и зло, чётное и нечётное* и др.

Бинарные оппозиции – это универсальное средство познания мира. Согласно К. Леви-Строссу, особенность человеческого мышления на всех этапах его становления проявляется в стремлении категоризации мира с помощью бинарных оппозиций (см. Леви-Стросс 1985). Весь космос представал перед человеком в виде некоторого набора парных понятий, противопоставленных друг другу и сосуществующих при этом в сбалансированном равновесии (см. Иванов 1978). «В истории культуры издавна существовали концепции, в которых признавалась такая полярность (борьба противоположностей), но трактовалась в духе взаимной дополнительности, взаимной уравновешенности, нахождения известного баланса противоположных сил, в частности, это было характерно для мифологического сознания и для тесно связанных с ним философских систем. Основопологающие полярности, так называемые бинарные оппозиции (типа низа и верха, света и тьмы, добра и зла), являлись для мифологического сознания принципами как бы некоего вселенского «гомеостаза», т. е. постоянно воспроизводимых циклов нарушения и восстановления равновесия между этими полярностями <...>. Соотношение противоположностей подвижно, усиление или ослабление (разрушение) одной из сторон ведёт к изменению её роли, значимости в рамках противоречивого единства изменяющегося, развивающегося предмета и, соответственно, влияет на роль и значение другой противоположности, их напряжённого противоречивого единства в целом, его баланса, дисбаланса и т. д.» (Кирий 2009: 6).

В некоторых случаях такая поляризация разных значений происходит в пределах одной лексической единицы, и в рамках одного слова объединяются очень противоречивые, а иногда и противоположные друг другу смыслы, т. е. возникает явление **энантисемии**. Не случайно данное понятие было введено в научный обиход в 1883 г. санскритологом и индоевропеистом В. И. Шерцлем, который полагал, что энантисемия встречается тем чаще, «...чем язык древнее и чем народ примитивнее <...>; чем больше язык развит и чем образованнее народ, тем точнее он различает категории понятий и тем реже встречается энантисемия, хотя отголоски её во всех почти языках сохранились в многочисленных следах до настоящего времени. В ведическом языке случаи энантисемии встречаются гораздо чаще, нежели в классическом санскрите, в латинском языке чаще, нежели в языках романских, в англо-саксонском языке чаще, нежели в английском, в современном верхненемецком языке несравненно реже, нежели в древневерхненемецком или средневерхненемецком» (Шерцль 1973: 259–260).

По всей вероятности, энантисемия является следствием такого явления, как **амбивалентность**, которая, в свою очередь, непосредственно вытекает из многочисленных бинарных оппозиций, свойственных мифологическому сознанию: ведь амбивалентность основана на неоднозначном отношении человека к окружающей действительности, что проявляется в противоречивости системы его ценностей. Феномен амбивалентности проявляется и в наделении одного персонажа парой противоположных качеств, что связано с тождеством противоположностей. Свойства, которые обычно выступают как контрастные и взаимоисключающие, воплощаясь во враждебных персонажах, здесь могут отождествляться в едином амбивалентном образе. Так, ведийский Варуна внушает ужас, он парализует людей, насылает на них водянку, и он же ниспосылает милость, отпускает грехи, карает виновных. Многие демоны обретают свою демоническую власть и свободу творить зло благодаря тому, что в предыдущих своих существованиях совершали какие-то добрые деяния и даже подвиги. Типичным амбивалентным персонажем является змей, который в Индии был связан с морской стихией: космический змей Шеша, являясь символом бесконечности, поддерживает землю, но он же в конце определённого периода (кальпы) извергает огонь, уничтожающий Вселенную и т. д.

В древнеиндийском языке можно встретить немало случаев энантиосемии. Это явление было представлено как в ведийском языке, так и в собственно санскрите. Причём, оно не ограничивается рамками какой-то одной части речи или какой-то определённой семантической группы слов, о чём свидетельствуют нижеприводимые примеры:

aktu (в Ригведе) – ‘свет’ и ‘темнота, ночь’;
 agī – ‘благочестивый, верный, друг’ и ‘враждебный, враг’;
 gugu – ‘дурной, злой’ и ‘достойный; почтенное лицо (отец, дядя, старший родственник, учитель, наставник)’;
 doṣa (в Аюрведе) – ‘жизненно необходимая составляющая тела’ и ‘недостаток, вред, порок, который приводит к болезни’;
 pat – ‘лететь’ и ‘падать’;
 para – ‘прошлый, более ранний’ и ‘будущий, более поздний’;
 ragābhūti – ‘победа’ и ‘поражение’;
 pratīcīna – ‘идуший навстречу’ и ‘удаляющийся, уходящий’;
 śaṁsa – ‘благословение, восхваление’ и ‘проклятие’;
 śukra – ‘огонь’ и ‘вода’;
 skand ‘подниматься’ и ‘опускаться’ и др.¹

В конкретной ситуации, как правило, реализуется какое-то одно значение такого «противоречивого» слова. Иногда же его двойственная сущность проявляется так, что даже во вполне определённом контексте соединяются и представлены одновременно два его антонимичных значения. Так, санскритский глагол saṁkṣip- означает как ‘собирать вместе, складывать’, так и ‘изымать, разрушать, уничтожать’. В третьей («Лесной») книге «Махабхараты» есть известнейший вставной эпизод, названный Б. Л. Смирновым «ярким пряным цветком индийской поэзии», повествующий о полных драматизма отношениях Наля и Дамаянти. В шлоке 9 главы 4 «Сказания о Нале» употребляется глагол saṁkṣip- в его первом значении:

Ya imāṁ pṛthivīm kṛtsnām saṁkṣipyā grasate punaḥ...

¹ Представляется необходимым отметить, что немало случаев энантиосемии можно обнаружить и в лексике других древних языков, например, латыни: *urere* ‘палить, сжигать’ и ‘замораживать, леденить’; *medicāre* ‘лечить’ и ‘отравлять’; *altus* ‘высокий’ и ‘глубокий’; *nuptiae* ‘свадьба, брак’ и ‘сожителство, внебрачная связь’; *fama* ‘слава, доброе имя’ и ‘дурная слава, сплетня’; *horror* ‘оцепенение’ и ‘дрожь, трепет’; *summus* ‘высший, лучший’ и ‘худший, ужасный, тягчайший’ и др.

В данном фрагменте Налъ впервые встречается с Дамаянти, в которую он влюблён заочно. При этом он не может говорить с ней о своём чувстве, т. к. дал слово богам, которых повстречал в пути, что будет представлять не свои, а их интересы. Именно поэтому он последовательно произносит хвалебные слова в адрес каждого из четырёх божеств. И говоря об Агни, он задаётся риторическим вопросом: «*Как можно не выбрать в мужья его, Агни, который, **собрав** в единое целое всю эту землю, может уничтожить её вновь?*»² Здесь глагол *saṁkṣip-* явно противопоставлен глаголу *gras-* ‘заглатывать, пожирать, уничтожать’.

В первой книге «Махабхараты» (глава 1, представляющая собой своеобразное вступление к поэме и содержащая краткое изложение индуистской космогонии, шлока 189) *saṁkṣip-* появляется во втором своём значении:

kālah saṁkṣipate sarvāḥ prajā visṛjate punaḥ

Время уничтожает все существа и создаёт их вновь

(пер. В. И. Кальянова).

Здесь, как видно, глагол *saṁkṣip-* противопоставлен глаголу *visarj-* и реализует своё другое значение (по сравнению с выше-приведённым примером из «Сказания о Нале»).

В шлоке же 36 той же главы 1 из первой книги «Махабхараты» данный глагол употреблён так, что становится понятным, почему именно эти два значения могли оказаться внутри одной лексемы:

yadidaṁ dṛṣyate kimcidbhūtaṁ sthāvarajaṅgamam

punaḥ saṁkṣipyate sarvaṁ jagatprāpte yugakṣaye

И всё существующее, движущееся и неподвижное, что доступно наблюдению,

всё смешается вновь, когда по истечении юги мир разрушится

(пер. В. И. Кальянова).

Здесь следует напомнить, что, согласно индуистской космогонии, мир вечно проходит серию космических циклов. Наша Вселенная не вечна: она представляет собой систему, которая движется по замкнутому циклу; она рождается (создаётся), развивается и умирает (уничтожается) бесконечно много раз.

² В художественном переводе Б. Л. Смирнова это звучит так:

Основав эту землю, снова её пожирает

Жертвы вкуситель – Агни, владыка богов, – его ли не выбрать супругом?

Время жизни Вселенной измеряется возрастом её творца – Брахмы. «Век Брахмы» (единое целое) состоит из частей – юг. Юги – это «первичные мировые периоды в мифологической космогонии» (Шохин 2009: 430). По окончании каждого периода всё погружается в состояние хаоса до начала нового цикла творения мира. И потому получается, что в данном контексте глагол *saṁkṣīp* фактически реализует оба своих, казалось бы, противоположных значения: всё смешивается, складывается, собирается вместе именно для того, чтобы быть разрушенным и уничтоженным.

Иногда попадаются очень непростые случаи употребления энантиосемичных слов, когда даже контекст не помогает определиться с тем, как следует переводить и понимать тот или иной фрагмент. В уже упоминавшемся «Сказании о Нале» (глава 4, шлока 25) встречается слово *sthavira*, у которого есть противоположные значения: ‘крепкий, сильный; полнокровный’ и ‘старый; старик’. Так, в данном эпизоде Налъ рассказывает богам о своей встрече с Дамаянти:

*bhavadbhirahamādiṣṭo damayantyā niveṣanam
praviṣṭaḥ sumahākakṣam daṇḍibhiḥ sthavirairivrtam*

В этом фрагменте употреблено существительное *sthavira*, при котором есть определение *daṇḍin*. Причём, слово *daṇḍin* – многозначное, оно буквально означает ‘снабжённый палкой’, а потому может указывать как на того, кто *опирается на посох, палку*, так и на того, кто *вооружён дубинкой*, т. е. на стражника, охранника. И в целом словосочетание *daṇḍibhiḥ sthavirair* может быть понято двояко: либо как *вооружённые дубинками крепкие, сильные охранники*, либо как *[немогущие] старцы, опирающиеся на палки, посохи*. Потому в переводных текстах можно увидеть разные трактовки:

Посланный вами, проник я в чертог Дамаянти

*Через большие ворота, замкнутые **бдительной стражей***

(пер. Б.Л.Смирнова).

*Посланный вами, проник я в великолепные внутренние покои,
обитель Дамаянти.*

*Стерegli их **старцы с посохами*** (пер. Я. В. Василькова).

Ещё более загадочное двусишие, чья двусмысленность обусловлена именно энантиосемией прилагательного *araḡyārta* (‘недостаточный, неподходящий’ и ‘неограниченный, бесконеч-

ный'), появляется в самом начале «Бхагавад-гиты» (глава 1 «Отчаяние Арджуны», шлока 10):

aparyāptam tadasmākaṁ balaṁ bhīṣmābhirakṣitam
paryāptam tvidameteṣāṁ balaṁ bhīmābhirakṣitam

Эти слова принадлежат старшему сыну царя Дхритараштры Дурьодхане. Необходимо напомнить, что в предыдущих шлоках Дурьодхана, обращаясь к своему учителю Дроне, перечисляет самых искусных и отважных воинов, сражающихся как на стороне Пандавов, так и в войске Кауравов. После этого перечня славных имён и произносятся вышеприведённые слова, которые по-разному понимаются разными переводчиками «Бхагавад-гиты». По словам Б. Л. Смирнова (см. его примечания к «Гите»: Смирнов 1960), понимание этого текста может быть настолько разным, что граничит с противоположностью, и даже «в индийской традиции нет установленного понимания» данного фрагмента.

В отечественной переводческой практике принято считать, что коварный, но довольно трусливый Дурьодхана сомневается в силе своего войска, что вполне согласуется с нижеследующими строками, где Бхишма пытается поднять боевой дух Дурьодханы и начинает трубить в раковину. Поэтому в известных переводах «Гиты» на русский язык мы встретим такую интерпретацию этой шлоки:

Недостаточна всё ж наша сила, водимая Бхишмой,
Их же достаточна сила, водимая Бхимой (пер. Б. Л. Смирнова);

Ненадёжна та наша сила, ограждаемая Бхишмой,
но надёжна эта их сила, ограждаемая Бхимой (пер. В. Г. Эрмана);

Оба войска сравнив, убедишься – нас враги превосходят в силе:
ведь у нас во главе – старый Бхишма, а у них – ужасающий Бхиша
(пер. В. С. Семенцова).

Но целый ряд переводчиков «Гиты» считает, что в этом стихе силы двух противоборствующих сторон оцениваются Дурьодханой прямо противоположным образом: ведь его войско возглавляет выдающийся представитель рода Куру Бхишма, в то время как Пандавами руководит менее опытный и менее авторитетный Бхиша. Именно так трактовали это место такие индийские религиозные философы, как Анандагири, Мадхусудана Сарасвати, С. Радхакришнан и др.:

*Огромна наша армия, возглавляемая Бхишмой;
их армии, под руководством Бхимы, явно недостаточно*
(пер. Свами Сатчидананды).

Подобным же образом интерпретировали данный стих известный французский индолог Э. Бюрнуф и Ч. Уилкинс, автор первого (1785 г.) перевода «Бхагавад-гиты» на английский язык. Данное толкование отражено, в том числе, и в первом русском переводе «Гиты», выполненном с английского А. А. Петровым и изданном Н. И. Новиковым в 1788 г.

Можно, конечно, предположить, что создатель этих строк совершенно осознанно построил их таким образом, чтобы в то время для слушателя, а теперь для современного читателя так и осталось загадкой, как именно оценивал силу обоих войск герой «Махабхараты».

Но несмотря на наличие таких противоречивых энантио-семичных слов и достаточно многочисленных бинарных оппозиций (а возможно, именно благодаря им), носителями древнеиндийского языка мир воспринимался цельно, как нечто единое. Данную особенность ведийского мироощущения можно увидеть в довольно типичных для санскрита именовании целого как совокупности двух его противоположностей (как правило, это были композиты типа *dvandva*). Так, *всё* могло быть названо как *vyaktam-avyaktam* ‘определённое, ясное и неопределённое, неясное’ или *kṣaram-akṣaram* ‘переменное, исчезающее и неизменное, неиссякаемое’, *saṅgāra* (*sara* + *asara*) ‘движущееся и неподвижное; одушевлённое и неодушевлённое; *sad-asat* ‘существующее и несуществующее; бытие и небытие’, *parāvaram* (*para* + *avara*) ‘раннее и позднее; предшествующее и последующее; близкое и далёкое’, *bhūta-bhavyam* ‘прошлое и будущее’, *pūrvāpara* (*pūrva* + *apara*) ‘первое и последнее; раннее и позднее; прошлое и будущее’ и т. п. Аналогичным образом (как единое, состоящее из двух половинок) в санскрите представлялись и другие явления неязыковой действительности, представляющие собой не только абстрактные понятия. Так, в частности, *рот* мог быть назван словом *uttarādhara* (*uttara* + *adhara*) ‘верхняя и нижняя [губа]’, а промежуток времени, насчитывающий 24 часа, т. е. *сутки*, также осознавался древними ариями как единство двух противоположностей: *ahar-ṇīcam*, *aho-rātram* ‘день и ночь’ или *naktaṁ-dīnam* ‘ночь и день’.

Таким образом, эти двойственные начала вступают в некий союз, где их различия образуют единое целое. Взаимодействие

двух противоположностей и приводит всё в движение, наделяет полученное целое способностью к развитию и одновременно к устойчивому равновесному состоянию. Такое целое, состоящее из двух противоречивых половинок, более гибко и потому более жизнеспособно.

Литература

- Иванов 1978 – Иванов В. В. Чёт и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.
- Кассирер 1998 – Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998.
- Кирий 2009 – Кирий В. Г. Амбивалентные системы: философия, теория, практика. Иркутск, 2009.
- Леви-Стросс 1985 – Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985.
- Смирнов 1960 – Смирнов Б. Л. Махабхарата II. Бхагавадгита (ч. I). Издание 2-е, дополн. и переработ. Ашхабад, 1960.
- Шерцль 1973 – Шерцль В. И. О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии) // Хрестоматия по истории русского языкознания. / Под ред. Ф. П. Филина. М., 1973. С. 259–264.
- Шохин 2009 – Шохин В. К. Кальпа // Индийская философия: Энциклопедия / Отв. ред. М.Т.Степанянц. М., 2009. С. 429–431.

I. I. Bogatyreva. The unity of contradictions or the contradiction of unity? (On some peculiarities of the ancient Indian world view, reflected in dictionaries and texts)

The paper discusses some features of the perception of the world by ancient Indians partly stemming from their specific mythopoetic mentality. This included an ability of the ancient Aryans, who pursued a holistic and synthetic view of their actual environment, to conceptualize it in terms of binary oppositions. It is from this angle that the paper addresses the phenomenon of polysemy in Sanskrit and enantiosemy (i.e. association of two opposite meanings in the same word) as its particular manifestation. The paper is based on an analysis of the textual use of enantiosemic words (in excerpts from the “Mahabharata”) and of the difficulties of understanding and translating ancient Indian texts involved.

ТРОЯКОЕ ОТРАЖЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДОЛГИХ СЛоговых сонантов в латыни

Резюме: В статье ставится задача показать тройкость развития и.-е. долгих слоговых сонантов ($*\bar{l}$, $*\bar{r}$, $*\bar{n}$, $*\bar{m}$ [= $*\bar{R}$]) в лат., а именно не только в традиционно фиксируемые рефлексы типа $R\bar{a}$, но также и в $R\bar{e}$ и $R\bar{i}$, причём распределение тембра гласного аналогично развитию $*\bar{R}$ в греч., где находим $P\eta$, $P\bar{a}$, $P\omega$ (как теперь принято считать, в зависимости от тембра ларингала (сонантического коэффициента), и вызывающего удлинение сонанта: $*R_{\xi}h_1$ [= $*R_{\xi}h$] $>$ $P\eta$, $*R_{\xi}h_2$ $>$ $P\bar{a}$, $*R_{\xi}h_3$ [= $*R_{\xi}h^w$] $>$ $P\omega$). Для сравнения привлекается, по мере возможности, только материал, прямо указывающий именно на долгий слоговой сонант (прежде всего балт. и др.-инд.).

1. Принято считать, что и.-е. $*\bar{l}$, $*\bar{r}$, $*\bar{n}$, $*\bar{m}$ отражаются в лат. единообразно как $l\bar{a}$, $r\bar{a}$, $n\bar{a}$, $m\bar{a}$ (см., напр., Sihler 1995: 102, § 105), или, с одной стороны, как $l\bar{a}$, $r\bar{a}$, $n\bar{a}$, $m\bar{a}$ при сохранении долготы и, с другой стороны, как al , ar , an , am при её сокращении (см. Дыбо 1961b: 10 о вероятной причине этого сокращения; Stolz 1894: 115, § 104; 113–114, § 100; 156–159, § 155–156 с дополнительным утверждением о том, что эти $\check{a}l$, $\check{a}r$, $\check{a}n$, $\check{a}m$, по крайней мере в случае их предконсонантной позиции, происходят из сокращения $*\bar{a}l$, $*\bar{a}r$, $*\bar{a}n$, $*\bar{a}m$); у Й. Шмидта в Schmidt 1881: 49 приводятся также рефлексy $l\check{a}$, $r\check{a}$, $n\check{a}$, $m\check{a}$, получаемые, как и $l\bar{a}$, $r\bar{a}$, $n\bar{a}$, $m\bar{a}$, путём «метатезы» из al , ar , an , am . При всём возможном разнообразии отражений неизменным остаётся лишь качество результирующего гласного a . Исторически такое развитие исследовательской мысли вполне объяснимо: именно гласного a в лат. «много», при этом он не слишком хорошо вписывается в относительно стройную систему аблаутных чередований по схеме $e : o : \bar{e} : \bar{o} : \emptyset$ (и несколько лучше в её расширенную версию $e : o : \overset{\circ}{e} : \bar{o} : \overset{\circ}{a} : \emptyset$).

Не пытаясь при столь небольшом объёме публикации окончательно разрешить вопрос вопросов лат. исторической фонетики – вопрос о разного рода a (и уж тем более проблему проблем индоевропеистики – ларингальную проблему), приведём для начала с минимальными комментариями ту часть традиционно цитируемого по этому поводу материала, для которой долгота сонанта (и, разумеется, его слогаобразующий характер) представ-

ляется доказуемой – ограничив и.-е. параллели в соответствии с заявленной задачей.

и.-е. скр.	лит.	а.п.	лтш.
*ǵ C _{riy} V; CC _{ar} (y)V	ǵC / irV, ūrC / urV; ǵC / ilV, ūC / ulV	(1)	ǵC (ǵĀC) / ilV, ūC (ūĀC) / ulV; (3, 3 ^a) ǵC (ǵĀC) / ilV, ūC (ūĀC) / ulV
*ǵ̄ C _{riy} V; CC _{ar} (y)V	ǵ̄C / irV, ūrC / urV; ǵ̄C / irV, ūrC / urV	(1)	ǵ̄C / irV, ūrC / urV; (3, 3 ^a) ǵ̄C / irV, ūrC / urV
*ǵ̄̄ CC _{an} V	ǵ̄̄C / CnV (ĀñV), ǵ̄̄C / inV, ūnC / unV	(1)	ǵ̄̄C (ǵ̄̄ĀC) ~ ĩC / inV, ūnC (ūñĀC) ~ ũC / unV; (3, 3 ^a) ǵ̄̄C (ǵ̄̄ĀC) ~ ĩC / inV, ūnC (ūñĀC) ~ ũC / unV
*ǵ̄̄̄ CC _{am} V	ǵ̄̄̄C (āñK, āñĀC, āñ ĩmC / imV, ūmC / umV ǵ̄̄̄C, āñT, āñS) / CmV, CC _{am} V	(1)	ǵ̄̄̄C ~ ĩP / imV, ūmC ~ ũP / umV; (3, 3 ^a) ǵ̄̄̄C ~ ĩP / imV, ūmC ~ ũP / umV

lā

clād-ēs и *-is*, G. *-is* ‘несчастье, бедствие, ущерб’ – ср. лит. *kildà* (4) ‘(большая) нужда, бедственное положение’¹;

clām-ō, *-āre* ‘кричать’ : *cal-ō*, *-āre* ‘объявлять’; *κέλομαι* ‘побуждаю; призываю’ : *κᾶλ(έω)ῶ*, Med./ Psv. *καλ(έο)οῦμαι* (Prs. и Fut.Att.; Fut. *καλέσω*, Med./ Psv. *καλέσομαι*, *κληθήσομαι*; Aor. *έκάλεσα*, Psv. *έκαλεσάμην*, *έκληθην*; Pf. *κέκληκα*, Med./ Psv. *κέκλημαι*) : *κικλήσκ-ω* (Ipf. (*έ*)*κίκλησκον*) ‘зову’;

— *clār-os* (*-us*) 3 ‘ясный; громкий’

flāt-um Sup.; Pf. *flāv-ī*, Prs. *fl|ō* (< **flā-īō*), *flāre* (< **flā-īe-si*) ‘дуть’ – лтш. *bi|in|āt*, *-a*, *-āja* ‘id.’; прагерм. **blā(s)-* (др.-в.-н. *blā-en*, гот. *blēs-an*) отражает ступень *e* (и.-е. **bleh₃-(s)-*);

lān-a, *-ae* f. (< **v|lān-ā*) ‘шерсть’ – *λῆν|ος*, *-εος* (< **flānos*); скр. *ǵrñ-ā* (< **vǵrñ-ā*) f., лит. *vilna* (1) f., лтш. *vilna* f.;

¹*lāt-os* (*-us*) 3 < **tlāt-os* (= Ptc. Pf. Psv.; Pf. (*te-*)*tul-ī*; Prs. *fer-ō*, *-re* ‘нести’) – др. *τᾶτός* 3 (= атт. *τλητός*) ‘выносливый’, ‘выносимый’; см. след.;

¹ Омоним со значением ‘пирушка’ связан с каузативной основой от другого корня (*kil-* / *kel-*) и сюда никак не относится, причём не исключено, что подача омонимии как полисемии в (LKŽ) скрывает иную а.п. этого слова, возможно, что и подтверждающую долготу сонанта, т. е. а.п. (3).

— [*sub-]/lāt-os (-us) 3 < *tlāt-os ‘поднятый’ (Prs. toll-ō, -ere); ‘высокий, повышенный’ – Pf. [sus-]tul-ī; лит. tīltas (1) m. ‘мост’ (субстантивир.), лтш. tīlts m. ‘id.’ (иначе Дыбо 1961b: 18): к ²lāt-os и с апелляцией к s- mōbile, ср. о stv-: tv- : sv- < *tv- : *stv- под [dē-]lēt-um);*

²lāt-os (-us) 3 ? < *s(t)vlāt-os < *s(t)vl̥t-os ‘широкий, растянутый’ – ср. лит. svīl-t|ė, -ės f. ‘праща; рогатка («растяжка»)» (субстантивир.); тж.: svīl-ksn|a (1) f. ‘id.’, svīl-ksn|ė, -ės (1) и svīl-ksn|ė̃, -ė̃s, Acc. svīl-ksn|ę (3^a) f. ‘id.’, svīl-ksn|is, -ies (1) [и svīl-ksn|is, -iēs (4)] f. ‘id.’; svīl-ksn|is, -io (1) m. ‘id.’; для сближений с лит. tīltas, лтш. tīlts ‘мост’ вслед за Дыбо 1961b: 18, ср. предыдущее или (при признании вариантности развития *stv-) см. ниже под [dē-]lēt-um.

rā

crābr-ō|, -nis ‘шершень’ – лит. širš|uō, -eñs, Acc. širš|eni (3^a) m., širšuonas (3^a) m., širšūonė, -ės (1) f., širšūnas (1) и (3^a), širšūnas (3^b) и širšūnas (2) m., širšūnė, -ės (1) f., širšūn|is, -io (1) m., širšonas (3^a) m., širšanas (3^a) и širšinas (3^b) m., širš|is, -ies (1) f., širšas (3) m., širša (1) f., širšys (4) m., širšė, -ės (1) и širšė̃, -ė̃s (4) f., širšl̥ys, širšlio (3) и (4) f., širšl̥ė, -ė̃s (4) f., širšuolas (3^a) m., širšuol|is, -io (1) и širšuol̥ys, širšuolio (3^a) и (3^b) m., širšuol̥|is, -io (2) m., širšuol̥|ė̃, -ė̃s, Acc. širšuol|ę (3^a) f., širšolas (3^a) m., širšalas (3^a) и širšalas (3^b) m., širšelas (1) m., širšel|is, -io (1) m., širšėlė, -ės (1) и širšėl|ė̃, -ė̃s, Acc. širšėl|ę (3^a) f., širšilas (3^a) и širšilas (3^b) m., širšulas (3^a) m., širkšl̥ys (4) m., širkšl̥ė, -ės (2) f., širkšnas (1) m., širkšnà (4) f. (LKŽ); лтш. širšuō|nis, -ņa, širšū|nis, -ņa, širše|nis, -ņa, širsin|s, -a, [širš|nis², -ņa] m. (ME, EH); рус. шёрш|ень, -ня, Pl. -ни, G. -ней; др.-рус. сършень = съръшьнь [м.], шършьнь = шёрш|ень, -ья и -еня м. (Срезневский 1903: 817; 885; 1604); рус.-цсл. сръшьень ‘сrabro’ м. (Miklosich 1862–65: 877d); укр. шёрш|ень, -ня, Dat. -неві (-невî) и -ню, Loc. -неві (-невî), -ні (-нть) и -ню, Pl. -ні (-нî); блр. шёрш|ань, -ня м.; цсл. шёршни (Acc. Pl.) ‘הַשְּׂרֵשִׁי הַשְּׂרֵשִׁי הַשְּׂרֵשִׁי הַשְּׂרֵשִׁי’ ?æt-haš-šir^sā^{dh} [шершень, овод, ядовитое насекомое]’ Acc. Sg. (Исх. 23: 28) (в LSJ: 1740r и Suppl.288r ошибочно к σφηκία), Втр. 7: 20 ‘τὰς σφηκίας [шершней, ос]’ Acc. Pl.; Ис. Нав. 24: 12 ‘τὴν σφηκίαν [осиное гнездо, осиный рои]’ Acc. Sg.) (в Дьяченко 1900: 833 ошибочно Шёршни); блг. стършел = стръшель и стръшень м.; ср. также: шръшель м.; шръкъ, -ци, м.; шръчя п.; шръкъ|ль и -ьль м.; стръкъ м. ‘овод, слепень’ (Геров 1904: 275п; 598л–599п); схрв. srš f., strš m., srš|ēn и trš|ēn, -ena, srš|ēl, -eļa, srš|ēn и trš|ēn, -ena,

- Pl. *-eni* и *-enove* m.; слвн. *sršen* и *sršën*, G. *sršëna* m., *sršëñ* |, *-a* m., *srš|än*, *-ána* m.; чеш. *srch* |, *-a* m., *srš|eň*, *-ně* f. и *-eň*, *-ně*, Dat.Loc. *-ni* и *-ňovi*, Pl. *-ni* и *-ňově* m., *sršán* |, *-a*, Pl. *-ni*, *sršá|ň*, *-ně*, Pl. *-ni* m., *sršan* |, *-a* m., *srš|en*, *-na* m., *srša|ň*, *-ně* m., *sršo|ň*, *-ně*, m., *sršlen* |, *-a*, *sršle|ň*, *-ně* m., *širšán* | и *šíršán* |, *-a*, *širšá|ň*, *-ně* m., *stržán* |, *-a* m., *sršín* |, *-a*, (морав.) *šrš|eň*, *-ně*, *šršle|ň*, *-ně* m. *šerši|ň*, *-ně* m., *šyršo|ň* и *šaršo|ň*, *-ně* m.; слвц. *srš|eň* и *šr-š|eň*, *-ňa*, Pl. *-ne* m., *šrš|eň* |, *-a*, m.; в.-луж., н.-луж. *šerše|ń*, *-nja* m., пол. *szersz|eń* и *siersz|eń*, *-enia* и *-nia*, *sierszy|ń*, *-nia*, *sier-son* |, *-a*, *sierso|ń*, *-nia*, m.; каш. *szerszëń* m.; слвнц. *sěrsel* |, *-a* (= *sèrš|ěl*, *-ela*, Loc. *sěrsielu*) m., *sěrsëñ* |, *-a* = *sèrš|eñ*, *-eña* (*-ŭňá*), Loc. *-ěnú* = *sěrs|ieñu* (*-ieñu*, *-iñu*) m.; помор. *sěrsëñ* m., *šěrsëñ* (*šěrsiñ*) m., *sěrmëñ* (= *sěrmjëñ*), *šěrmëñ*;
- crāt-ēs* и *-is*, G. *-is* f. 'плетёнка' – гот. *haúrd-s* 'дверь'; ср.-в.-н. *hurd* (нем. *Hurde*) 'плетень';
- frāxin-os* (*-us*) (о количестве корневого *a* см. DV: 240), *-ī* m. 'ясень' – cf. *farnus*; скр. *bhūrjā-s* m. 'берёза'; ср. также лит. *birža* (1) f. 'лесосека'; 'время цветения берёзы'; *birž|is*, *-io* (1) m. 'корявая берёза'; лит. *birž|ė*, *-ės* (1) f., лтш. *birž|e* [*birž|e²*], *-es* f., лит. *birž|is*, *-ies* (1) f., лтш. *birž|s*, *-s* f., и лит. *birž|is*, *-iēs* (3) f., и лит. *biržtya* (1) f., 'березняк'; лит. *birž|ė* (1) и *birž|ė* (2), *-ės*, и *birž|ė*, *-ės* (4) f., *birž|is* (1) и *birž|is* (2), *-ies*, и *birž|is*, *-iēs* (3) и (4) f. 'лесосека';
- grān-om* (*-um*), *-ī* n. 'зерно' – лит. *žirn|is*, *-io* (1) m. 'горох', лтш. *zir|nis*, *-ņa* m. 'id.';
- *grām|en*, *-in-is* n. 'злак';
- quadrā-gintā* '40' (< **q^wtuṛ-dkmtā* с *r̄* по закону Лахмана?);
- rādī|x*, *-c-is* f. 'корень' – *ráđī|ξ*, *-κ-ος*; гот. *waúrt-s*, ср.-в.-н. *wurz* (нем. *Wurzel*);
- *rām-os* (*-us*), *-ī* m. 'ветвь' – ?< **rādm-os*, к *rādīx*;
- strāt-um* (Sup.; Pf. *strāv-ī*, Prs. *stern-ō*, *-ere* 'повергать') – *στορέννυμι*, *στόρνυμι*, *στρώννυμι* и *στρωννύω* (Fut. *στορέσω*, Aor. (έ)στόρεσα, έστορέσθην, ион. έστρωσα; Irv. *στόρνυ*, Pf. Psv. *έστρωμαι*); скр. Prs. (3 Sg.) *strñāti* IX (и *strñóti* V), Ptc. Pf. Psv. *stīrná-* (но и *strtá-*); ав. Prs. (3 Sg.) [*fra-*]*stərən-ā'ti*, *-ata*;
- *strāt-os* (*-us*) 3 'поверженный' = Ptc. Pf. Psv.; *στρωτ-ός* 3; лит. *stirta* (1) f. 'скирда'; лтш. *stīrta* f. 'id.' (субстантивир.), см. Дыбо 1961b: 18;
- *strāg-ēs*, *-is* f. 'падение';
- trāns(-)* 'через, пере-' – скр. *tīr-as*.
- nā*
- (*g*)*nāsc|ōr*, *-ī* (*-ier*) и *nāsc|ō*, *-ere* (Sup. (*g*)*nāt-um*) 'рождаться';

- *(g)nāt-os (-us)* 3 ‘рождённый’ (m.: ‘сын’; f.: ‘дочь’);
- *nātiō¹, -nis* ‘род; народ’;
- *adgnāsc|ōr, āgnāsc|ōr* и *annāsc|ōr, -ī (-ier)* ‘рождаться (после смерти отца)’;
- *adgnāt-os (-us), āgnāt-os (-us)* 3 ‘родственный (по отцу)’;
- *āgnātiō¹, -nis* ‘родство (по отцу)’;
- *connāsc|ōr, -ī (-ier)* ‘рождаться вместе’ – рекомпозиция (ввиду *conn-*);
- *cōgnāt-os (-us)* 3 < **coŋ-gnāt-os* < **com-gnāt-os* ‘родственный’;
- *cōgnātiō¹, -nis* < **coŋ-gnātiō* < **com-gnātiōn* ‘родство’;
- gnār-os (-us)* 3 и *nār-us* 3 ‘сведущий’ – cf. *γνώρ-ιμος* 2 и 3 ‘знакомый’;
- *gnār-ig|ō, -āre* I ‘рассказывать’ – cf. *γνώρ-ίζω* ‘знакомлю’;
- *nārr|ō, -āre* I ‘рассказывать’ (< **gnār-(V)s|ā-*, дезидератив: ‘хотеть (по)знакомить’);
- *(g)nāv-os* 3 ‘деятельный’;
- *ignār-os (-us)* 3 < **iŋ-gnār-os* < **eŋ-gnār-os* < **en-gnār-os* ‘несведущий’;
- *īgnāv-os* 3 < **iŋ-gnāv-os* < **eŋ-gnāv-os* < **en-gnāv-os* ‘праздный’;
- все образования с тембром *o* так или иначе представляют полную (*e-*) ступень:
 - *nōt|a, -ae* ‘знак’ < **gnōt-ā-²* < и.-е. **ǵneh₃t-éh₂-* – скр. *jñāt-ā¹* (f.) ‘известная’ (субстантивир.; *an-nōt|ō, -āre* ‘примечать’ и производные своим сохранением *ō* красноречиво свидетельствуют о вторичности образования, или рекомпозиции, чем и объясняется *an-n-* вместо *āgn-*, а *con-nōt|ō, -āre* вообще находится за хронологическими рамками классической латыни);
 - *āgnīt-os (-us)* 3 < **ad-gnōt-os* < **ad-gnōt-ós* (Sup. *āgnīt-um*, Pf. *ā-gnō-vī*, Prs. *ā-gnō-sc|ō, -ere* ‘признавать’);
 - *cōgnīt-os (-us)* 3 < **coŋ-gnōt-os* < **com-gnōt-ós* (Sup. *cōgnīt-um*, Pf. *cō-gnō-vī*, Prs. *cō-gnō-sc|ō, -ere* ‘познавать’);

² Вопреки Schrijver 1991: 198 и вслед за ним (dV: 414), точнее, в силу отсутствия у Схрейвера возражений по существу против Дыбо 1961b: 13, п. 27, где эта форма приводится как пример сокращения (даже если его причину считать неустановленной, само наличие количественных чередований, или, если угодно, дублетности вида $\vec{V} : \check{V}$ и рядом с ними вида $R\bar{a} : \check{a}R$ не вызывает сомнений); у Де Ваана статья В. А. Дыбо даже не упоминается. Ср. также WH: 418.

- все остальные производные показывают только \bar{o} :
- $\underline{n\bar{o}t}$ -os (-us) 3 < * $\underline{gn\bar{o}t}$ -os (?< * $\underline{gn\bar{o}t}$ -os) ‘знакомый’ = Ptc. Pf. Psv.; Sup. $\underline{n\bar{o}t}$ -um, Pf. $\underline{n\bar{o}}\text{-}\underline{v\bar{i}}$, Prs. $\underline{n\bar{o}}\text{-}\underline{sc}|\bar{o}$, -ere ‘знать’;
 - $\underline{n\bar{o}m}$ |en, -in-is < * $\underline{gn\bar{o}}\text{-}\underline{men}$ п. ‘имя (родовое)’³, напр., *Publius Cornēlius Scīpiō Africānus*;
 - *prae-n\bar{o}m*|en, -in-is < **prae-gn\bar{o}*-men⁴ п. ‘имя (личное)’, напр., *Publius Cornēlius Scīpiō Africānus*;
 - *pr\bar{o}-n\bar{o}m*|en, -in-is п. < **pr\bar{o}-gn\bar{o}*-men⁴ п. ‘местоимение’;
 - $\check{a}\text{-gn\bar{o}m}$ |en, -in-is < **ad-gn\bar{o}*-men п. ‘имя, прозвище (личное)’, напр., *Publius Cornēlius Scīpiō Africānus*;
 - $\check{c}\bar{o}\text{-gn\bar{o}m}$ |en, -in-is < **coŋ-gn\bar{o}*-men < **com-gn\bar{o}*-men п. ‘имя, прозвище (родовое)’, напр., *Publius Cornēlius Scīpiō Africānus*;
 - $\check{i}\text{-gn\bar{o}mini}$ |a, -ae f. < **iŋ-gn\bar{o}*-min-iĵā < **eŋ-gn\bar{o}*-min-iĵā < **en-gn\bar{o}*-men-iĵā ‘лишение доброго имени’;
 - $\check{i}gn\bar{o}t$ -os (-us) 3 < **iŋ-gn\bar{o}t*-os < **eŋ-gn\bar{o}t*-os < **en-gn\bar{o}t*-os ‘незнакомый; незнатный’ – ср. скр. *á-jñāta*- ‘неизвестный’;
 - $\check{i}gn\bar{o}$ -sc|ō, -ere (Pf. $\check{i}gn\bar{o}}\text{-}\underline{v\bar{i}}$, Sup. $\check{i}gn\bar{o}t$ -um, Ptc. Pf. Psv. $\check{i}gn\bar{o}t$ -os (-us) 3) < **iŋ-gn\bar{o}*-sc- < **eŋ-gn\bar{o}*-sc- < **en-gn\bar{o}*-sc- ‘извинять’;
 - $\underline{ign\bar{o}}\text{-}r|\bar{o}$, -āre I < **iŋ-gn\bar{o}}\text{-}r-* < **eŋ-gn\bar{o}}\text{-}r-* < **en-gn\bar{o}}\text{-}r-* ‘не знать’ (<**en-gn\bar{o}}\text{-}s-*, дезидератив: ‘не хотеть знать’ ← ‘хотеть не знать’; при несоответствии полной ступени корня с нулевой в $\check{i}gn\bar{o}r$ -os);
- ср. корневые образования с нулевой ступенью: скр. Prs.3 Sg. $\underline{j\bar{a}}\text{-n\bar{a}ti}$ IX, Prt. Pf. $\underline{j\bar{a}}\text{-jñ-i-vāms-}$; лит. $\check{z}\underline{i}\underline{n}|ti$, $\check{z}\underline{i}sta$, -o, лтш. $\underline{z}\underline{i}|t$, -st, $\underline{z}\underline{i}na$ ‘знать, узнавать кого-л.’; лит. $\check{z}\underline{i}n\grave{a}$ (4), $\check{z}\underline{i}n\grave{a}$ (4), $\check{z}\underline{i}n|é$, -és (2) и $\check{z}\underline{i}n|\tilde{e}$, -ēš (4), f. ‘сведение’, лтш. $\underline{z}\underline{i}na$ f. ‘знание’; лит. $\check{z}\underline{i}n|\tilde{y}s$ m., -ē f. и $\check{z}\underline{yn}|\tilde{y}s$ m., -ē f. (4) ‘знахарь’, ‘знахарка’; $\check{z}\underline{i}n\grave{u}s$, -i ‘знающий’; $\check{z}\underline{i}n|is$, -iēs (4) f. ‘признак’; гот. $\underline{kunn}|an$ (Prs. Ind. Pl. -um, Opt. -jau, Ptc. Āct. -and-s; Praet. Ind. Sg. $\underline{kun}\text{-}b|a$, Pl. -ēdum, Opt. -ēdjau; Ptc. Pf. Psv. $\underline{kun}\text{-}b|s$); др.-в.-н. $\underline{kunn}|an$ (Prs. Ind. Pl. -un, Opt. -i, Ptc. Āct. -anti; Praet. Ind. Sg. $\underline{kon}\text{-}d|a$ ($\underline{kun}\text{-}d|a$) и $\underline{kon}\text{-}st|a$, Pl. -umēs, Opt. -i); $\underline{n\bar{o}n\bar{a}}\text{-gint\bar{a}}$ ‘90’ < * $\underline{no}\underline{u}\underline{n\bar{a}}\text{-gint\bar{a}}$ < * $\underline{no}\underline{u}\underline{n\bar{o}}\text{-}d\check{k}m\check{t}\bar{a}$ < и.-е. * $\underline{h}_1\underline{ne}\underline{u}\underline{n\bar{o}}\text{-}d\check{k}m\check{t}$ -t- с \check{n} по закону Лахмана?⁵.

³ Для значения ср.: араб. $\underline{\text{salam}}^{um}$ ‘знамя; знак’; ‘имя (собственное); имя (в грамматике)’, от $\underline{\text{salima}}$ (a) ‘знать’. Отнесение этого образования к и.-е. имени (ὄνομα &c.) мотивируется наивно-психологическими причинами («не может быть, чтобы $\underline{n\bar{o}men}$ и [скр.] $\underline{n\bar{a}tan}$ не были одним и тем же словом»), между тем это прямо противоречит не только лат. морфологии, но и породило бы совершенно дикое вокалическое соответствие, переусложняющее и без того не самую простую и.-е. этимологию.

⁴ После долгого гласного (и дифтонга) префикса начальное g- в gn-закономерно вытесняется.

mā

māt-eri|ēs, *-ēī* и *-a*, *-ae* f. 'вещество' < **dmāt-eri|ēs* – Pf. Med./Psv. *δέ-δη-μαι* < **δέ-δμᾱ-μαι*, Pqpf. Med./Psv. 3 Sg. (*έ*)*δέ-δη-το* < *(*έ*)*δέ-δμᾱ-το* Prs. *δέμ-ω* 'строю', *νεό-δητ-ος* = дор. *νεό-δμᾱ-τ-ος* 2 'новопостроенный'; *ᾶ-δητ-ος* 2 < **ᾶ-δμᾱτ-ος* 'неприрученный'; ср.: ав. (Гаты) *dəm-ān|a-* и мл.: Abl. Sg. *-āt* – Yt. 16(Dīn)1: 2; также 1× (G. Sg. на *-ahīia* – Y. (Ahunavaiti) 31: 16), по разным источникам: *dəm-ān|a-* ~ *dīm-ān|a-* ~ *dəm-n|a-* ~ *dəm-ñn|a-*, но и *dəm-ān|a-* (Geldner 1886: 113); (мл.) *n̄m-āna-* n. 'дом'; в ав.-пехл. глоссарии *Frahang-i Ōīm-Ēwak* сосуществует *n̄mānō.praθn|i* ~ *-e* рядом с 𐭎𐭅𐭅𐭅𐭆𐭀𐭇𐭆 *dəmānō.praθn|a* (оба раза N. Sg., в м. -ī: «домохозяйка [называется] *n̄mānō.praθn(ī)*, когда [она] стала новой [женой]; *dəmānō.praθn(ī)*, когда [она] едодеа»⁶. Сав Пф /М 108а (Reichelt 1900: 185²⁻³); тж. Reichelt 1901: 143 s.v. *dəmānō.praθna*, 156 s.v. *n̄mānōpraθn|i*, *-e*; и Klingenschmitt 1968: [viii]–[ix], (77)[–(78)], и xix s.p. F. Pf, [Anm.] 7–8;

septuā-gintā < **septmā-gintā* (см. WH: [517–]518 и DV: 555 s.v. septem) '70' (< **septm̄-ḍkm̄tā* с *m̄* по закону Лахмана?).

rā

grav-is, *-e* 2 'тяжёлый' < **grā-ūs* (в рамках ликвидации адъективного *u*-клонения), далее, ? < **grā-ūs* (с сокр. перед гласной) [*βᾶρ|ύς*, *-εῖα* (< **-έφια*), *-ύ*; скр. *gurú-*; ав. *go^uru-*; гот. *kaúru-s*]

āl

(?) *palm-a*, *-ae* 'ладонь' (? < **p̄l̄m-ā* < **p̄l̄m-ā*, в отл. от греч. и кельт. < **p̄l̄m-ā* — если отбросить тезис о заимствовании из греч.) – *πᾶλᾶμη*, дор. *πᾶλᾶμᾱ*; (др.-) ирл. *lám* 'рука'; др.-вал. *lau* (вал. *llaw*); др.-корн. *lof*, ср.-корн. *luef*, *lef*; др.-в.-н. *folma*; (др.-)англ. *folm*.

ār

ardu-os 3 'крутой' – скр. *ūrdhvá-* 'обращенный вверх; прямой'; ср. *ὀρθός*, лак. *ὀρσός* 3 ('прямо стоящий') < **ὀρθός*; лит. *erdv|as*, *-ā* (4), *erd(v)|ūs*, *-ī* (4) 'обширный'; *erdv|é* (1) и *erdv|é* (2), *-és*, *erdv|é̃* (4), *-é̃s* f. 'пространство';

⁵ Такое решение позволяет избежать привлечения основы порядкового числительного *nōn-os* (*-us*) 3 '9-й' к объяснению единственного «требующего» этого числительного количественного.

⁶ Автор приносит глубокую благодарность П. Ю. Башарину за исчерпывающие комментарии к этому фрагменту.

arm-os (-us), -ī m. 'предплечье' – скр. *īrmá-s* m. 'рука'; др.-прус. *irmo* 'id. (верхняя часть)' (Топоров 1980: 68–70); лит. *irmės* и *irmos* (1) f. Pl. 'prietaisas iš dviejų sukryžiuotų ir virve surištų karčių galais stulpui pastatyti arba rąstui aukštyn kelti'; *irméd|ė*, -ės (1) f., *irméd|is*, -ies (1) f., *irmét|is*, -ies (1) f.⁷ 'костолом; лихорадка'; (*ibid.*) по Фасмер 1971: 441 s.v. páмо: 440; *irmli-gá* 'простуда, озноб' (но в Vasmer 1955: 490 s.v. páмо) 'Gicht [подагра]' – источник?;

cart-i-lāg|ō, -in-is 'хрящ' – cf. *crāt-ēs*; см. WH 1: 174–175, а также Дыбо 1961b: 21;

farn-os (-us), -ī < **farkn-os* < **farksn-os* < **fřksn-os* < **fřksn-ós* 'яшень' – cf. *frāxinus*; см. выше;

par|ō, -āre I 'создавать; готовить; наживать; заготовлять' – скр. Prs. (3 Sg.) *pr̥nāti* IX, Aor. Irv. (2 Sg.) *pūr-dhí*, Pf. Opt. (2 Sg.) *pu-pūr-yās* 'давать, дарить'; см. DV: 447; («*πόρω 'даю, дарю'» – принятая в словарях несуществующая и вряд ли возможная в таком виде начальная форма): Pf. II Med./Psv. (3 Sg.) *πέπρωται*, Pqf. II Med./Psv. (3 Sg.) *πέπρωτο* отражают характерную для Pf. Med./Psv. полную (e-) ступень (тогда как Aor. II *ἔπορον* (эп. тж. *πόρον*; Irv. (2 Sg.) *πόρε*, Inf. *πορεῖν*, Ptc. Act. *πορ|ών*, -οῦσα, -όν – нулевую ступень (опять-таки характерную для Aor.) перед гласной; соответственно, в простом Prs. следовало бы ожидать скорее *πέρω (с характерной ступенью e);

— *par|iō*, -ere (редко -iō, -īre; Pf. *pe-per-ī*, Sup. *par(i)t-um*, Ptc. Fut. Act. *parit-ūros* 3) 'рожать' (к *parō*);

par|s, -t-is 'часть' – скр. *pūrtá-m* n. 'вознаграждение'; см. WH 2: 257; ср. *πῖρᾰσκω*, ион. *πῖρῆσκω* (Fut. Att. *περ(άω)ῶ*, Pf. *πέπρᾰκα*, Pqf. *ἐπεπρᾰκειν*; Fut. III Psv. *πεπρᾰσομαι*, редко *πρᾰθήσομαι*, Aor. Psv. *ἐπρᾰθην*, ион. *ἐπρήθην*; Adj. Verb. *πρᾰτός* и *πρᾰτέος*) 'продаю' (трад. к *parō*).

ᾰn

an|as̄, -at-is, Nom. Pl. -at-ēs и -it-ēs, G. Pl. -at-um и -ati-um f. 'утка' – лит. *¹ánt|is*, -ies (1) f., *¹ánt|ė*, -ės (1) f.; скр. *ātí-s* и *ātī* (PWBR I: 617) f. 'водоплавающая птица'; возм., *νῆσσα*, атт. *νῆττα*, беот. *νᾰσσα* 'утка' (< **νᾰχια*; ? от *νήχω*, дор. *νᾰχω* 'плаваю', если только не из **σνᾰ-χ-ω*);

⁷ Данная форма (ввиду -*ét-*) затрудняет общепринятый анализ *irm-éd-* как «руко-*ньд-*».

ant-ae, *-ārum* Pl. ‘анты (*пилястры*)’ – скр. $\underline{ā}t|ā$, Instr. *-ābhiṣ* и *-āiṣ* (PWbö.I: 166ц) f., и $\underline{ā}ta-s$ m. ‘Umfassung, Rahmen einer Thür (PWBR. I: 617 и 615; PWbö.I: 166ц)’ / ‘ограда; край чего-л. (Кочергина 1987: 91п)’; ав. (мл.) $\underline{ā}^i\theta(a)yā-$ (Acc. Pl. $\underline{ā}^i\theta i i | \underline{ā} / \underline{ā}^i\theta a i i | \underline{ā}$, $\underline{ā}^i\theta \langle a \rangle i i | \underline{ā}$ (< *-āh): Yt. 10 (Mihir) 8: 28 (Geldner 1889 II: 131r) ‘Pfofen (AirWb.: 359), pillars (Darmsteter 1883: 126)’.

$\bar{a}r$

quārt-os (-us) 3 < * q^w *tūr̥t-os* ‘4-й’ – скр. *tūr̥iya-* < **ktūr̥iya-* (**ctūr̥iya-*) < **ktvūr̥iya-* (**c²tvūr̥iya-*) < **ktvr̥iya-* (**c²tvr̥iya-*), *tūr̥ya-* < **ktūr̥ya-* (**c²tūr̥ya-*) < **ktvūr̥ya-* (**c²tvūr̥ya-*) < **ktvr̥ya-* (**c²tvr̥ya-*), и *caturthá-*; ср. тж. лит. *ketvirtas*, -à (4) (с заведомо вторичным акцентным поведением: 4-я а.п. при неодносложности основы); лтш. *çetur̥t|aiš*, -ã, диал. тж. *çertuỗt|-* (из и при *çetuỗrt|-*), *çetrut|-*, *çetruot|-* (ME).

$\bar{a}n$

jānitri|cēs (Georges 1918 II: 14; Дворецкий 1979) / *jānitri|cēs* (Schweizer-Sidler & Surber 1888: 12; о количестве корневого *a* см. DV: 294), *-cum* Pl. f. ‘жёны братьев (= ¹ятрови)’ – *εἰνᾶτερεις* (LSJ) / *εἰνᾶτέρες* (GEW I: 464; DÉLG II: 323g) ‘жёны шурьёв (= ³ятрови) или деверей (= ²ятрови)’; скр. *yātar-* f. ‘жена деверя (= ²ятровь)’; лит. ¹*int|ė*, -ės (1), *jėnt|ė*, -ės и *-er(e)s* (1) ‘жена брата (= ¹ятровь); жена деверя (= ²ятровь); свояченица; сноха, невестка’; лтш. *ieterė*, *iėtaļa*, курш. *jentere* ‘жена деверя (= ²ятровь)’;

2. Для греческого множественность рефлексов * \bar{l}_2 , * \bar{r}_2 , * \bar{n}_2 , * \bar{m}_2 уже давно является скорее общим местом, см., напр. Sihler 1995: 102–108, § 105–109, за обширностью литературы вопроса и за его сложностью ограничимся сверхкратким резюме; для простоты показана только нулевая ступень в узком смысле слова, за вычетом так называемой редуцированной (∂ - и/или ∂ -) ступени (Sihler 1995: 108–135, § 110–129); для * \bar{l}_2 , * \bar{r}_2 , * \bar{n}_2 , * \bar{m}_2 : ⁽¹⁾ $\lambda\bar{a}$, $v\bar{a}$, $\mu\bar{a}$ – дор., атт. и ион. – $\lambda\eta$, $v\eta$, $\mu\eta$; ⁽²⁾ $\rho\bar{a}$ – дор. и атт., ион. – $\rho\eta$:

	и.-е.	греч.
* \bar{l}_2 , * \bar{r}_2 , * \bar{n}_2 , * \bar{m}_2	* \bar{l}_1 , * \bar{r}_1 , * \bar{n}_1 , * \bar{m}_1 < * $\bar{l}h_1$, * $\bar{r}h_1$, * $\bar{n}h_1$, * $\bar{m}h_1$	$\lambda\eta$, $\rho\eta$, $v\eta$, (?) $\mu\eta$
	* \bar{l}_2 , * \bar{r}_2 , * \bar{n}_2 , * \bar{m}_2 < * $\bar{l}h_2$, * $\bar{r}h_2$, * $\bar{n}h_2$, * $\bar{m}h_2$	$\lambda\bar{a}$, $\rho\bar{a}$, $v\bar{a}$, $\mu\bar{a}$
	* \bar{l}_3 , * \bar{r}_3 , * \bar{n}_3 , * \bar{m}_3 < * $\bar{l}h_3$, * $\bar{r}h_3$, * $\bar{n}h_3$, * $\bar{m}h_3$	$\lambda\omega$, $\rho\omega$, (?) $v\omega$, $\mu\omega$

3. По количеству корневого гласного латинские *V*-корневые (в формах Pf. и Sup.) глаголы с Pf. на *-vī* делятся на следующие группы:

[Īnfect.]	Īnfin.	(1 Sg.	/ 2 Sg.	/ 2 Pl.	/ 3 Pl. Prs.)	Pf.	Sup.
1)	—					—	—
[I]	flā-re	(fl-ō	flā-s	flā-tis	flā-nt)	flā-vī	flā-tum
	(< * flā-jesi	flā-jō	flā-jes	flā-jetis	flā-jonti)		
[II]	flē-re	(flē-ō	flē-s	flē-tis	flē-nt)	flē-vī	flē-tum
	(< * flē-jesi	flē-jō	flē-jes	flē-jetes	flē-jonti)		
[dē-]	lē-re	(-lē-ō	-lē-s	-lē-tis	-lē-nt)	-lē-vī	-lē-tum
	(< *- lē-jesi	-lē-jō	-lē-jes	-lē-jetis	-lē-jonti)		
	nē-re	(nē-ō	nē-s	nē-tis	nē-nt)	nē-vī	nē-tum
	(< * nē-jesi	nē-jō	nē-jes	nē-jetes	nē-jonti)		
[com-]	plē-re	(-plē-ō	-plē-s	-plē-tis	-plē-nt)	-plē-vī	-plē-tum
	(< *- plē-jesi	-plē-jō	-plē-jes	-plē-	-plē-jonti)		
				-jetes			
[IIIa]	crē-sc-ere					crē-vī	crē-tum
	(g)nō-sc-ere					(g)nō-vī	(g)nō-tum
[i(n)-]	(g)nō-sc-ere					-(g)nō-vī	-(g)nō-tum
	quiē-sc-ere					quiē-vī	quiē-tum
	suē-sc-ere					suē-vī	suē-tum
	scī-sc-ere					scī-vī	scī-tum
2)	—					—	∪
[IIIa]	[a(d)-]	(g)nō-sc-ere				-(g)nō-vī	-(g)nī-tum
							(< * -gnō-tum)
	[co(n)-]	(g)nō-sc-ere				-(g)nō-vī	-(g)nī-tum
							(< * -gnō-tum)
[irreg.]	ī-re	(ě-ō	ī-s	ī-tis	ě-unt)	(ī-vī), ĭ-ī	ī-tum
	(< * eĭ-si	eĭ-ō	eĭ-s	eĭ-tes	eĭ-onti	eĭ-vī/eĭ-ī)	‘идти’
2a)	—					—	(?)
	nā-re	(n-ō	nā-s	nā-tis	nā-nt)	nā-vī	—
	(< * nā-jesi	nā-jō	nā-jes	nā-jetes	nā-jonti)		‘плавать’
3)	×					—	—
[IIIa]	ster-n-e-re					strā-vī	strā-tum
	cer-n-e-re					crē-vī	crē-tum
	sper-n-e-re					sprē-vī	sprē-tum
	ter-e-re					trī-vī	trī-tum
4)	∪					—	∪
[IIIa]	li-n-e-re					lē-vī	lī-tum
	si-n-e-re					sī-vī	sī-tum

5)	∅	—	∪
[Ша]	ser-e-re < *si-s-e-si; 'сеять' (?*se-s-vī ⁸ >) sē-vī		sǎ-tum
6)	∪	[—]	∪ —
[Ша]	(?) [im-]bǔ[v]-e-re 'мачивать'	-bū-[v]ī > -bǔ-[v]ī	-bū-tum
[ab-, dī-]	lǔ[v]-e-re 'мывать'	lū-[v]ī > lǔ-[v]ī	lū-tum
[ab-, ad-]	nǔ[v]-e-re 'отрицать, отказывать'	-nū-[v]ī > -nǔ-[v]ī	-nū-tum
		(Ptc. Fut. Āct.: nǔ[v]-ītūr-os 3)	
	spǔ[v]-e-re 'плевать'	-spū-[v]ī > -spǔ-[v]ī	-spū-tum
	sǔ[v]-e-re 'шить'	-sū-[v]ī > -sǔ-[v]ī	-sū-tum
[ex-/ ind-]	ǔ[v]-e-re '[вы-,с-]нимать'/'[на-]девать'	-ǔ-[v]ī > -ǔ-[v]ī	-ū-tum
6a)	∪	∪	∪
	rǔ[v]-e-re 'рушить(ся)'	rū-[v]ī > rǔ-[v]ī	rū-tum
		(Ptc. Fut. Āct.: rǔ[v]-ītūr-os 3)	
6b)	∪	[—]	(?)
[Īnf. Fut. Āct.:	fō-re < *fū-ri < *fū-zi < *fū-si	fū-(v)ī > fū-[v]ī	—
	('становиться')]	(Ptc. Fut. Āct.: fū-tūr-os 3)	
6с)	∪	[—]	(?)
[con-/ in-]	grǔ[v]-e-re '[с]ходиться' / '[в]рывать(ся)'	-grū-[v]ī > -grǔ-[v]ī	—
	lǔ[v]-e-re 'расплачиваться'	lū-[v]ī > lǔ-[v]ī	—
		(Ptc. Fut. Āct.: lǔ[v]-ītūr-os 3)	
	plǔ[v]-e-re 'дождить'	plū-vit > plū-vit	—

Корни на *-u[v]-* (группы 6–6a/b/c) имеют Pf. на *-vī* лишь виртуально (*-ǔ-vī* ≡ *-ǔv-ī*), и приводимое Варроном *lūvī* должно интерпретироваться как происходящее не из *lū-vī*, а из **lūv-uī* > **lūv-vī* [подобно другим мнимо удлинительным Pf. на **-v-ūī* (**-v-ǔ[v]ī*): *jūvī* < **jūv-ǔ[v]ī* < **jūv-āvaī* (*jūv-āre* 'поддерживать'), *lāvī* < **lāv-ǔ[v]ī* < **lāv-āvaī* (*lāv-āre* 'мыть'); *cāvī* < **cāv-ǔ[v]ī* < **cāv-ēvaī* (*cāv-ēre* 'остерегаться'), *fāvī* < **fāv-v-ǔ[v]ī* < **fāv-ēvaī* (*fāv-ēre* 'благоволить'), *fōvī* < **fōv-ǔ[v]ī* < **fōv-ēvaī* (*fōv-ēre* 'согревать'), *mōvī* < **mōv-ǔ[v]ī* < **mōv-ēvaī* (*mōv-ēre* 'двигать'), *vōvī* < **vōv-ǔ[v]ī* < **vōv-ēvaī* (*vōv-ēre* 'обещать'), *pāvī* < **pāv-ǔ[v]ī* < **pāv-ēvaī* (*pāv-ēre* 'страшиться')⁹] — поэтому из нижеследующих рассуждений они устраняются.

⁸ Ср. *pā-vī* < **pās-vī* Pf.; Sup. *pās-tum*; Prs. *pā-sc|ō*, *-ere* < **pās-sc|-* 'пасти'.

⁹ Все они имеют корень на *-ǔv-* и *v* всех морфологически ожидается Pf. на *-uī*, cf.: *mon-ǔ[v]ī* < **mon-ēvī* (*mon-ēre* 'напоминать') и т. д. — у всех

Глагол *ěō* (и его производные *nequ-ěō* и *qu-ěō*) в варианте Pf. на *-vī* имеет не долготу как таковую, а совпадающую с Prs. *e*-ступень корня (ср. слав. Аог. **[j]i-d-oxъ* с презентным суффиксом).

Легко заметить, что при сплошной долготе в Pf. количество гласного в Sup. зависит от двух факторов — морфологического (а именно, долгота сопоставлена Prs. с инхоативным *-sc-*¹⁰) и фонетического (в самом деле, из не-инхоативов долготу имеют либо корни, традиционно относимые к классу содержащих **l̄*, **r̄*, **ŋ̄*, **m̄*, либо такие, для которых придумываются различные морфологические ухищрения и многоступенчатые аналогические преобразования¹¹: группы 1 и 3). Если допустить, что *strā-vī*, с одной стороны, и *crē-vī*, *sprē-vī*, *trī-vī*, с другой, и в самом деле однотипны (а не разбрелись по разным спряжениям)¹², мы получим вероятную схему рефлексии **l̄*, **r̄*, **ŋ̄*, **m̄* в лат., различающейся, подобно греч., в зависимости от тембра постсонантического ларингала (для простоты опустим сокращённые долготы):

	и.-е.	лат.
<i>*l̄</i> , <i>*r̄</i> , <i>*ŋ̄</i> , <i>*m̄</i>	<i>*l̄₁</i> , <i>*r̄₁</i> , <i>*ŋ̄₁</i> , <i>*m̄₁</i> < <i>*lh̄₁</i> , <i>*rh̄₁</i> , <i>*ŋh̄₁</i> , <i>*mh̄₁</i>	<i>lī</i> , <i>rī</i> , <i>nī</i> , <i>mī</i>
	<i>*l̄₂</i> , <i>*r̄₂</i> , <i>*ŋ̄₂</i> , <i>*m̄₂</i> < <i>*lh̄₂</i> , <i>*rh̄₂</i> , <i>*ŋh̄₂</i> , <i>*mh̄₂</i>	<i>lē</i> , <i>rē</i> , <i>nē</i> , <i>mē</i>
	<i>*l̄₃</i> , <i>*r̄₃</i> , <i>*ŋ̄₃</i> , <i>*m̄₃</i> < <i>*lh̄₃</i> , <i>*rh̄₃</i> , <i>*ŋh̄₃</i> , <i>*mh̄₃</i>	<i>lā</i> , <i>rā</i> , <i>nā</i> , <i>mā</i>

Попробуем рассмотреть под этим углом зрения некоторые этимологические гнёзда, стремясь при этом к максимальной дифференциации и корней, и значений и избегая любых манипуляций со всевозможными перестройками по аналогии,

остальных с корнем *ne* на *-ŷv-*; см. о *-ŷvī* < **-ŷvvī*: Ernout 1920: 163–164, § 286 и далее.

¹⁰ Т. е., в соответствии с Дыбо 1961b: 22, инхоативы [категориально?] темударны (это единственный тип, не сокращающий тематический *-ē-* в Pf. II спр.), а неинхоативные глаголы II спр. корнеударны:

Prs.: *[ob-]sol-ē-sce-re* < **-sol-ē-ske-si* 'у]старевать' ↔ *sol-ē-re* < **sol-ē-je-zi* < **sol-ē-je-si* 'иметь

обыкновение'

Pf.: *-sol-ē-vī* < **-sol-ē-vaj* < **-sol-ē-vaj* ↔ *sol-ū-[v]ī* < **sol-ē-vaj* < **sol-ē-vaj*

Sup.: *-sol-ē-tum* < **-sol-ē-tum* ↔ *sol-ī-tum* < **sol-ē-tum* < **sol-ē-tum*

¹¹ См., напр., Ernout 1914: 291–293, § 289 и Эрну 2010: 240–241, § 292) против даже Ernout 1920: 160, § 283.

¹² Т. е.: $\sqrt{*st(e)rh_3-}$: *ster-n-e* < **ster* \boxed{n} *h_3-e* | *strā-t* < **str̄_3-t* < **str̄h_3-t*
 $\sqrt{*k(e)rh_2-}$: *cer-n-e* < **ker* \boxed{n} *h_2-e* | *crē-t* < **kr̄_2-t* < **kr̄h_2-t*
 $\sqrt{*sp(e)rh_2-}$: *sper-n-e* < **sper* \boxed{n} *h_2-e* | *sprē-t* < **spr̄_2-t* < **spr̄h_2-t*
 $\sqrt{*st(e)rh_3-}$: *ter-e* < **terh_1-e* *trī-t* < **tr̄_1-t* < **tr̄h_1-t*

(\boxed{n} – инфикс [тематизированного назального Prs.] в нулевой ступени)

произвольными нагромождениями морфем, причудливыми соотношениями основ и т. п.

lē

flēt-um Sup.; Pf. *flēv-ī*, Prs. *fl|ē-ō* (< **flē-īō*), *flēre* (< **flē-je-si*) 'плакать' (см. WH: 515–516): лит. *bil|ti*, *-sta* и *býla* (= *bila*), *-o* 'говорить'; лтш. *bi|st*, *-st*, *-da* 'id.'; *býl|oti*, *-ja*, *-jo* (и *byló|ti*, *-ja* (*býlo*), *-jo*) 'id.'; лтш. *bi|uô|t*, *-∅* (1 Sg. *-ju*, 2 Sg. *-∅*), *-ja* 'плакать' (по WH *ibid.* – источник?); лит. *bil-dé|ti*, *bilda*, *-jo* 'ахать': лтш. *bi|d|ét*, *-∅*, *-ēja* 'говорить';

[dē-]lēt-um Sup.; Pf. *-lēv-ī*, Prs. *-lē-ō* (< **-lē-īō*), *-ēre* (< **-lē-je-si*) 'уничтожать' ?< **-(s)tv|āt-um* < **-(s)tv|t-um* – ? ср.: лит. *tvil|ti*, *tvýla* (= *tvýla*), *-o* ~ *svil|ti*, Prs. *svýla* (= *svýla*), *-a*, *-sta*, *svēla*, *svýlna* (= *svýlna*), *svýlna*, Praet. *-o*, *-é* и *svílti*, *svēla*, *svilo* 'тлеть; поджариваться'; лтш. *svi|t* [*svi|l*]⁻², *svi|l*]⁻², Prs. *-st* (1 Sg. *-stu*, 2 Sg. *-sti*), *svi|* (1 Sg. *svi|u*), *svēl* (1 Sg. *svē|u*), Praet. *-a* 'тлеть, дымиться'; (версия с *s- mobile*): *tv-* : *sv-* < **tv-* : **stv-*; (версия вариантности развития): **stv-* > *tv-* ~ *sv-*; для обеих версий: в лит. по данным LKŽ на *stv-* начинается всего 12 лексем (из 237318!), 2 из которых – полонизмы^{13a}, 2 – квази-дублеты на *sv-*^{13b} и 8 – дублеты на *tv-*: 3^{13c} + 2^{13d} + 2^{13e} и 1^{13f}, при этом все они перед широкими гласными; в лтш. по ME вообще нет слов с начальным *stv-* || ср. DV: 165;

— *lēt-om* (*-um*), *-ī* п. 'смерть, гибель' (метфора [ис]тления сверхчастотна для этого знач.)

plēn-os (*-us*) 3 'полный' – скр. *pūrṇá-*; лит. *pìln|as*, *-à* (3); лтш. *pìln|s*, *-a*; (др.-) ирл. *lán* || (DV: 472–473 s.v. *-pleō*); часто приводимое скр. *prāṇa-* отмечена только у грамматиков как Ptc. Psv. к ряду ведийских личных форм, наряду с которыми зафиксирована и реальная форма причастия *prātá* (PWvö. IV: 1131 s.v. 2. ऋण, 1115 s.v. 1. ऋ)]

— *[com-]plēt|os* (*-us*) 3 (= Ptc. Perf. Psv.; Sup. *-plēt|um*, Pf. *-plēv-ī*, Prs. *-plēō* < **-plē-īō*, *-plēre* < **-plē-je-si* 'наполняю') – скр. *pūrṇá-* 'полный, наполненный'; ср. *πίμπλημι* < **πίμπλᾱμι* 'наполняю'; *πιμπλάνω* (Prs. Med./Psv. 3 Sg. *πιμπλάνεται*) 'id.'; *πιμπλ(άνω)ῶ*, ион. *πιμπλ(έω)ῶ* (Ipf.: *ἐπίμπλων* < **ἐπίμπλαον*, ион.

^{13 a} *stvaréin|é* и *-ia* (из *stworzenie*); ^b *stvar̃kstis* 'часть конструкции журавля (колодца)' ≈ *svar̃kstis* 'журавль (колодца)' (2) м.; *stve rtas* м. 'рукоятка' ↔ *svértas* (2) м., а также *svirt|tis*, *-čio* (2) м., *svirt|is*, *-ies* (1) и *svirt|is*, *-iēs* (3) и (4) ф. 'журавль (колодца)'; ^c *stvarst-* ≡ *tyarst-*, ^d *stver-* ≡ *tyer-*, ^e *stvær-* ≡ *tyér-*; ^f *stvo-* = *tvo-*.

**ἐπίμπλεον*) 'id.>'; атт., ион. *πλήθω* Prs. = дор. *πλάθω* 'наполняюсь' ⇒ *πλήθομαι* Med./Psv. < **πλάθομαι* 'id.>'; *πέπληθα* Pf. < **πέπλᾱθα* 'являюсь наполненным'; ⇒ *πληθ|ος*, -*εος* n. 'множество' < **πλᾱθος*; ⇒ *πληθ|ύς*, -*ύος* 'множество') < **πλᾱθύς*; ⇒ *πληθύνω* 'увеличиваю' < **πλᾱθύνω*; *πληθύω* 'увеличиваюсь' < **πλᾱθύω*;
 — *plēr-os* (-us), -ī — *πλήρης*, -*ες* 2 'полный, наполненный' < **πλᾱρης*.

rē

¹*crēt-um* (Sup.; Pf. ¹*crēv-ī*, Prs. *cern-ō*, -*ere* 'от-, разделять') — ср. слав. **čьr-t-a*, первонач. 'межа', ср. схрв. *čřtalo* и *cřtāk*, G. *cřtāka*, слвн. *čřtalo* и *čřtalo*, блг. *чрьтало* (Геров 1904: 560п; 547л s.v. черіасло), чеш. *čřtadlo* 'сошник, лемех'; рус. *чертá*, -*ы*. Pl. -*ы*: лр.-нвс. *чьрта* = *чрьта* = *черта* (Спезневский 1903: 1568п–1569л); рус.-цсл. *чръта* (*чьр'та*, *черта*, *чрьта*) 'κεραία, linea' f. (Miklosich 1862–65: 1123s); схрв. *cřta*; слвн. *čřta*; блг. *чьртá* = *чрьтá* (Геров 1904: 560п), и *чертá* — из рус. (см. Черных 1993: 384п–385л) частично против Фасмер 1973: 348 || trad. с ²*crēt-um*, cf. WH: 205–206 и dV: 110 s.v. *cernō*¹⁴;

²*crēt-um* (Sup.; Pf. ²*crēv-ī*, Prs. *crē-sc|ō*, -*ere* 'расти') — || trad. с ¹*crēt-um*, см. след.

crēb|er, -*r-a*, -*r-om* (-um) 3 'частый' — ср. лит. *kirb(žd)ė|ti*, *kirb(žd)a*, -*jo*¹⁵ 'кишетъ'; *kirbinas* (1) m. и *kirbin|ė*, -*ės* (1) f. 'вереница; низка'; *kirbždýnas*¹⁵ (1) m. 'кишащая куча, уйма' || trad. к *crēscō*, cf. WH: 286 и dV: 144 s.v. *crēscō*; ср. LEW: 256r s.v. *kirba*;

extrēm-os (-us) 3 'крайний' ? < **ekstrēm-os* < и.-е. **eġs-tr-ĥ₂m-os*;
frēn-om (-um), Pl. -ī и -*a* n. 'уздечка, удила' — лит. *dīrg|inti* и -*yti* (= -*iti*), -*ina*, -*ino*, *dīrg|yti*, -*o*, -*ė* 'дёргать, раздражать, возбуждать'; рус. *дёрга|ть*, -*ю*, укр. *дёрга|ти*, -*ю* (ЕСУМ II: 36л-п), блр. *дзергá|ць*, -*ю*, др.-рус. *дърга|ти* = *дръга|ти*, -*ю*, блг. (диал.) *дръгн|а*, Ipf. -*ах* несов. '(сильно) чесать' = *дръг-*

¹⁴ *Cert|os* (-us) 3 'верный' < **krīt-os* (ср. *κρίτος* 3 'выбранный, избранный', 'отборный, лучший') относится к другому корню (или к этому же корню, но с другим наращением): **krh₂-* : **kri-*.

¹⁵ Варианты со -*žd-*. вероятно, экспрессивные преобозования (или даже контаминация) под влиянием *k(n)ib(žd)ė|ti*. *k(n)ib(žd)a*. -*jo* (×4). а также *virb(žd)ė|ti*. *virb(žd)a*. -*jo* / *vi(r)bždė|ti*. *vi(r)bžda*. -*jo* (×3) || тж. 'копошиться' resp. *k(n)ibždýnas* (×2) [и *vi(r)bždýnas* (×2) 'кишащая куча, уйма'.

- н|ж, Praet. -аль (Геров 1904: 371л, 'обдирать'), слвн. *dřgati*, *dřgam* 'тереть, чесать', чеш. *drh|ati*, -ám 'трепать (лён)', пол. *dzierg|ać* (*dzierzg|ać*, *dzierzg|ać*), -am 'завязывать (узел)', 'вышивать; обмётывать' (SW I: 645л); ср. тж. *pa-dárg-ai* (1) m. Pl. 'упряжь, сбруя' || trad. к след., (DV: 241–242; 223 s.v. firmus, тж. Преображенский 1910–49: 179п–180л);
- frēt-os* (-us) 3 'полагающийся, доверяющий' (DV: 242–243; 223 s.v. firmus) – к лит. *dīr|ti*, -ia (*dēra*), *dýrė* 'обдирать' (LEW I: 83л-г s.v. darýti, 96г–97л s.v. dīrti [NB *ir*]), сюда же *dīrb|ti*, -a (-ia), -o (-ė) 'работать' (LEW I: 82г–82л s.v. darbas);
- postrēm-os* (-us) 3 'последний' ?< **postrēm-os* < и.-е. **post-r-h₂m-os*;
- sprēt-um* (Sup.; Pf. *sprēv-ī*, Prs. *spern-ō*, -ere) 'презирать' – скр. Prs. *sphuráti* VI 'отталкивать(-ся) (ногой)' (DV: 579–580); лит. *spīr|ti*, -ia, *spýrė* 'бить (ногой)' (WH II: 572–573); *spīr|tis*, -ies (1) f. 'опора';
- strēn-a*, -ae 'предзнаменование' – ?< **str̥(s)nā* < (и.-е.) **h₂str̥-h₂(s)n-eh₂*, cf. *stēlla* < **stērlā* 'звезда' || (WH: 601): сабинизм, первонач. 'ветвь'; EM: 655d: субстантивир.;
- strēnu-os* 3 'крепкий, сильный'; 'бодрый; проворный; деятельный; беспокойный' – лит. *stīrn|as*, -à (4), *stīrnūs*, -i adj. (4) 'твёрдый, жёсткий, чёрствый; тугой, плотный; упругий, пружинистый'; ср. скр. *sthīrā-* 'твёрдый, крепкий' || WH: 601–602: гадательно к *ster-ilis* (EM: 655d и DV: 591 s.v. strēna);
- suprēm-os* (-us) 3 'высший' [?< **suprēm-os* < и.-е. **supr-h₂m-os*]
nē
- (?) *nēt-um* Sup.; Pf. *nēv-ī*, Prs. *nē-ō* < **nē-īō*, *nēre* < **nē-je-si*; < **snē-* < **sñ-* 'прясть' ¹*v(ḡ-ω)ō̃*¹⁶ или даже ¹*v(ǵ-ω)ō̃*¹⁷; trad. ²*v(ḡ-ω)ō̃* < **σνḡ-ι-ω* / **σνǵ-ι-ω* 'пряду', Ind. 3 Sg. *v(ḡ-ει)ḡ* / *v(ǵ-ει)ḡ* < **σνḡ-ι-ειτ* / **σνǵ-ι-ειτ*, Ind. 3 Pl. *v(ḡ-ου)ō̃σι* / *v(ǵ-ου)ō̃σι* (*v(ḡ-ō)ō̃σι* / *v(ǵ-ō)ō̃σι*, < **σνḡ-ι-οντι* / **σνǵ-ι-οντι*, Ipf. 3 Sg. (эол.) *ἔννv(ḡ-ε)ḡ* / *ἔννv(ǵ-ε)ḡ* < **ἔ-σνḡ-ι-ετ* / **ἔ-σνǵ-ι-ετ*, Inf. *vḡv* = *v(ḡ-ει)v* / *v(ǵ-ει)v*, *v(ḡ-ē)v* / *v(ǵ-ē)v*, < **σνḡ-ι-εεv* / **σνǵ-ι-εεv*, Fut. *vḡσω* < **σνḡσω* / **σνǵσω*, Aor. *ἔνḡσα* < **ἔ-σνḡσα* / **ἔ-σνǵσα*; Aor. Psv. *ἔνḡθην* < **ἔ-σνḡθην* / **ἔ-σνǵθην*); тж. *vḡθω* < **σνḡθω* / **σνǵθω*, Ipf. Iter. *vḡθεσκον* < **σνḡθεσκον* / **σνǵθεσκον*

¹⁶ См. Chantraine 1970: 749g-d.

¹⁷ Как (Prs.) *ζ(ǵ-ει)ḡς*, *ζ(ǵ-ει)ḡς*, *ζ(ǵ-ε)ḡς*, *ζ(ǵ-ε)ḡμεν*, *ζ(ǵ-ε)ḡτε*, *ζ(ǵ-ου)ḡσι* (= *ζ(ǵ-ō)ḡσι*), (Ipf.) *ἔζ(ǵ-ε)ḡς*, *ἔζ(ǵ-ε)ḡς*, *ἔζ(ǵ-ε)ḡς*, *ἔζ(ǵ-ε)ḡμεν*, *ἔζ(ǵ-ε)ḡτε*, *ἔζ(ǵ-ε)ḡς*, (Inf.) *ζ(ǵ-ει)ḡν* (= *ζ(ǵ-ē)ḡν*) и т. д.

**σύνθεσκομ* / **συνᾶθεσκομ* 'id. '; *εὔ-υητος*, эп. *εὔ-(v)υητος* 2 < **-συνητος* / **-συνᾶτος* 'красиво сотканный' (LSJ 1172l s.v. *véω* (B) *spin*; DÉLG III: 749g-d s.v. 2 *véω* «filer»); лит. ¹*sìn|ti*, -a, -ė (*sýnė*), тж. *siñti* и *sỹti* (= *sĩti*), *sina*, *sine*; кроме того: *sýti*, *sỹja* (= *sĩja*), *sijo*; *sie|ti*, *sēja*, -jo; *siẽ|ti*, -ja (-na, *sēja*; *sina*), -jo (-nė, *sėja*; *sine*)¹⁸ 'вязать, при-, за-, с|вязывать'; 'обзаводиться', ср. тж. (диал.) по ALMT: 16, Txt. 4, Anm. 1: *paši.ñme suplaukes* (= *sūplaukes* < *sūpauklės*), *ši.ñtsie* (= ²*sìn|ti*), *ši.na* (= -a), *šine* (= *sýnė*) (в LEW II: 786r неточно) 'под-, раз|вешивать'; лтш. *sìe|t*, -n, *sēja* 'с-, при|вязывать'¹⁹ || (WH: 159–160; EM: 437d; DV: 405)²⁰.

¹⁸ Столь беспрецедентная разноспрягаемость этого глагола неумолимо свидетельствует о том, что это продукт слияния и поглощения нескольких разных глаголов. Попробуем восстановить исходный набор парадигм (т. е. гипотетический список первоначально различных глаголов), отсека по возможности перекрёстное использование основ: (1) ¹*sìn|ti*, -a, -ė; (2) ²*sìn|ti*, -a, *sýnė*; (3) *siñti* и *sỹti* (= *sĩti*), *sina*, *sine*; (4) *sýti*, *sỹja* (= *sĩja*), *sijo*; (5) *sie|ti*, *sēja*, -jo; (6) *siẽ|ti*, -ja (-na, *sēja*), -jo (-nė, *sėja*). Однокоренными (т. е. образующими пары по аспектуальности, переходности и т.д.) могли бы быть (3) *sýti* с (6) *siẽti*. Возможное решение вопроса в любом случае требует детальной лексикологической дифференциации с тщательной сортировкой источников и проработкой значений.

¹⁹ Лтш. ¹*snã|t*, -j (2 Sg. -j), -ja 'слабо, рыхло скручивать, т.е. укладывать с по-, пере|воротом (*nur vom Flechten, nicht vom Spinnen*), заплетать (в) волосы; наматывать (*vom Strickwinden mit einem Rad, nicht mit Händen!*); 'плохо работать', также как и: ²*snã|t* (²*snã|t*², ²*snã|t*²) и ²*snã|t*, -j (2 Sg. -j), -ja 'отрубать за 1 раз'; 'торопиться, бежать; быть срочным'; а также ³*snã|t*, -j (2 Sg. -j), -ja 'накидывать (на плечи)' — возм., к ¹*snã|t*? (ME III: 974–975) относится к другому корню или, скорее, к другим корням (NB лтш. ¹-ã- vs. ²-ã- vs. ³-ã-), но всё же не к др.-в.-н. *nã-en* 'шить', как в DV: 405 s.v. *neō* – если только не принять для этого последнего сближения *s-* *mōbile*, но этому, помимо абстрактности формы, противостоит и слишком расплывчатая для данного случая семантика.

²⁰ Всё чудовищное нагромождение относимых сюда (пра)форм, приводимое суммарно разными этимологическими словарями, можно хотя бы предварительно разбить на следующие гнезда:

lī

clītell-ae, *-ārum* < **clī-ter-l-āi* ‘вьючное седло’ – лит. *kīl|ti*, Prs. *kỹla* (= *kĩla*), *-sta*, *kỹlna* (= *kĩlna* ‘подниматься, вставать; возвышаться’; лтш. *cīl|t*, *-st* (2 Sg. *-sti*), *cila*, Praet. *-o* ‘id.’ || (DV: 121).

rī

crībr-om (*-um*) n. ‘сито, решето’ < **cr̥₁sr-om*, ср. *κρησέρ|ᾱ*, ион. *-η*, элейское *κρᾱ́ ἀρ|ᾱ* («*κρᾱ́ ᾱρ|ᾱ*»), f. ‘сито (для просеивания муки)’: (DELG II: 582d) || trad. также к *cernō*;

(*crīm|en*, *-in-is* n. ‘вина’ – *κρῖμα|₁*, *-τος* ‘решение, приговор’; очевидно, основа не содержит *r̥* и должна быть отделена от trad. признаваемого когнатом *cernō*);

crīn|is, *-is* m. ‘волосы’; ‘щупальцы’ – ср. лит. *širỹs* (4) m. ‘щетина’; рус. *ше́рсть|ь*, *-и*; др.-рус. *сьрсть* = *сьрьсть* = *скрсть* <sic> = *скресть* f., *шьрсть* = *шьрьсть* = *шерсть* f. (Срезневский 1903: 884; 1603–1604); укр. *ше́рсть|ь*, *-и* (*-û*) f.; блр. *шэ́рсу|ь*, *-и* f.; сrb.-цсл. *срѣсть* ‘*τρίχες, pili*’ (Miklosich 1862–65: 877d, ср. Дьяченко 1900: 655п); слвн. *sr̥st*, *sr̥stī* f.; чеш. *sr̥st|₁*, *-i* f.; слвц. *srs|t̥*, *-ti* f.; пол. *sierś|ć*, *-ci* f., (SW:) *szersś|ć*, *-ci* f., *sier|ć*, *-ci* f., *sier|ś*, *-si* f., *sierz*, *-y* f., *sierchl|₁*, *-i* f.,

и.-е.	* <i>sn̥₂-</i> (* <i>sn̥h̥₂-</i>)	* <i>snā-</i> (* <i>snēh̥₂-</i>)	* <i>snā-</i> (* <i>snēh̥₂-</i>)	* <i>sneϥ-</i>	* <i>sneϥ-r-</i>	* <i>nē-</i>	* <i>nī-t-</i>
	‘прясть’	‘укладывать (в т. ч. волосы)’	‘закидывать руку к проти- воп. плечу или над головой’	?’подгребать’;	‘нерв, сухо- жилие’	‘шить’	‘нить’
лат.	<i>ne-</i>		<i>nā-</i> ‘плавать’	‘сновать’	<i>nerv-os</i>		
греч.	¹ (σ)νᾱ́-ω (trad. ² ν(ἔ-ω)ῶ)	↓ ² (σ)νᾱ́-ω / (σ)νᾱ́-έ-ω (trad. ³ ν(ἔ- -ω)ῶ / νη(ἔ- -ω)ῶ) ‘с-, на- валивать’)	νᾱ́-χ-ω ‘плавать’	¹ ν(ἔ-ω)ῶ (*σνέγω) ‘плавать’	<i>νεῦρον</i>		
скр.			<i>snā-</i> ‘купаться’				
балт.	лит. (¹) ¹ <i>šīn ti</i>	лтш. ¹ <i>snā t</i>	? лтш. ³ <i>snā t</i>	(?) лтш. <i>snā u a, -is</i> (но и <i>znā u ja</i>) ‘петля’		лит. <i>nýtis</i> , лтш. <i>nīts</i>	
слав.				* <i>snov-a-</i>		* <i>nīť</i>	
герм.		а.-с. <i>snōd</i> ‘обруч, лента, повязка для волос’		(?) др.-в.-н. <i>sniur</i> ‘цепь’	* <i>nā-</i>		

Примечание: ↑ – GEW: 312 s.v. 3 *-νέω* и DELG: 750g-d s.v. *νηέω* – без этимологии.

- sierzch|el* и *sirzch|el*, *-li* f., *sierzchoł|a*, *sierzchuł|a* и *sirzkuł|a*, *-y* f., *sierzch|*, *-u* m. || трад. к *crēscō* (семантика?);
- prīm-os*²¹ (*-us*) 3 '1-й' – скр. *pūrva-*; лит. *pirm|as*, *-à* (3); лтш. *pirm|aĩs*, *-ã*, диал. тж. *pirm|*-, *pĩrm|*-, [*pĩrm|*]⁻² (ME) || (DV: 488–489);
- scrīni-om* (*-um*) n. 'ящик, ларец (для бумаг)' – лит. *skĩrsn|is* (1) и *skĩrsn|is* (2), *skĩrsn|ỹs* (4), *-io* m. 'раздел, глава'; *skĩrsn|ũs*, *-i* (4) 'легко делимый'; лтш. *škĩrst|s* [*škĩrst̃s*²] m. и *-e* f. 'сундук, ларь', ср. *skĩrsmas* (1) m. 'отдел(ение), отсек; раздел, глава'; *skĩr|ti*, *-ia*, *skĩrė* 'раз-, вы|делять, отводить (место)'; лтш. *škĩrt*, *škĩr* (1 Sg. *škĩru*), *škĩra* 'раз-, вы|делять' || гадательно LEW II: 808l-r, де-факто без этим. (DV: 547);
- trīt-us* (Sup.; Pf. *trīv-ī*, Prs. *ter-ō*, *-ere* 'тереть') – ср.: (*τιτρ(άω)ω̃* 'просверливаю': Fut. *τρήσω*, Aor. *ἔτρησα*; Aor. Psv. *ἐτρήθην*, Pf. Psv. *τέτρημαι*; *τετραίνω* 'id.': Aor. (*ἐ*)*τέτρηνα* (позднее *ἐτέτρηνα*); *τρητ-ός* 3 'просверленный'; *τρη-σ|ις*, *-εως* f. 'просверливание'; *τρη-μα|*, *-τος* n. 'отверстие'; лит. *trĩn|ti*, *trỹti* (= *trĩti*), Prs. *-a*, *trėna*, Praet. *trỹnė*, *-o*; лтш. *trĩt*, *trĩn* (1 Sg. *trĩnu*), *trĩna* и *-na*; лит. *trĩnt|is*, *-ies* f. 'трение' (< **trĩ-* ↔ **trĩn-*);
- *dē-trĩ-ment-om* (*-um*), *-ī* n. 'убыль, ущерб (первоначально от трения)';
- (?) *trĩ-c|ae*, *-ārum* f. 'мелочь, пустяки; затруднения (ср. *трения*, «*тёрки*»)», cf. DV: 629–630;
- (?) *trĩ-cō|*, *-n-is* m. 'крюкотвор, ябедник, интриган' (к *trĩc-ae*; cf. *op.cit.*).

Таковы пока лишь самые предварительные результаты обследования материала, бросающегося в глаза ввиду новообнаруженных закономерностей и соответствий.

²¹ Следует решительно отвести приводимое всеми без исключения этимологическими словарями (притом даже без знака вопроса) пелигнское *prĩsmu*. Подробный разбор этого сюжета совершенно немыслим ввиду ограниченности объёма (я рассчитываю сделать это в ближайшем будущем), поэтому ограничусь выводами. Данная форма у всех интерпретаторов Корфинской надписи (явно или неявно полемизирующих даже о её языковой принадлежности) используется в качестве джокера и в фонетическом, и в морфологическом, и в синтаксическом аспекте, какой бы то ни было её перевод служит в лучшем случае украшением, маскирующим реальную пропорцию вычитанного и вчитанного, поэтому честнее вопросительный знак сопоставить этому слову в целом.

Сокращения

(кроме сводящихся к отсечению суффикса *-(e)ский*)

ав. – авестийский	лтш. – латышский
а.п. – акцентная парадигма	луж. – лужицкий
а.-, англ. – англо-, английский	мл. – младший
атт. – аттический (греч.)	н.- – ниже-
беот. – беотийский (греч.)	-н., нем. – немецкий
блр. – белорусский	пехл. – пехлеви, пехлевийский
брет. – бретонский	-с., сакс. – саксонский
в.- – верхне-	скр. – санскрит
вал. – валлийский	слав. – славяно-, славянский
герм. – германский	слвн. – словенский
диал. – диалект, диалектный	слвц. – словацкий
дор. – дорийский (греч.)	слвнц. – словинцкий
др.- – древне-	ср.- – средне-
и.-е. – индоевропейский	ст.- – старо-
ион. – ионийский (греч.)	срб. – сербско-, сербский
ирл. – ирландский	стсл. – старославянский
каш. – кашубский	схрв. – сербско-хорватский, сербохорватский
лак. – лаконский (греч.)	трад. – традиционный, -о
лат. – латынь, латигский	цсл. – церковнославянский
лесб. – лесбийский (греч.)	укр. – украинский
лит. – литовский	эол. – эолийский (греч.)
лтг. – латгальский (лтш.)	

AirWb. — Bartholomae 1904

ALMT — Arumaa 1930

DÉLG — Chantraine 1968–80

dV — De Vaan 2008

EH — Endzelīns & Hauzenberga 1934–1946

EM — Ernout–Meillet 2001

GEW — Frisk 1960–72

KZ — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen // Hrsg. von A. Kuhn, E. Kuhn und J. Schmidt. Berlin, Ferd. Dümmler (Harrwitz und Gossmann).

LEW — Fraenkel 1962–65

LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas 1941–2002

LKŽe — On-line-версия (LKŽ): <http://www.lkz.lt>

LSJ — Liddell–Scott–Jones 1996

ME — Mülenbachs & Endzelīns 1923–32

PWbö. — Böhlingk 1879–89

PWBR — Böhlingk & Roth 1852–75

SW — Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki 1900–27

WH — Walde & Hoffmann 1938–56

Литература

- Геров 1895–1908 – Найдень Геровъ. Рѣчникъ на бльгарскый языкъ. Ч. 1: А–Д (1895); Ч. 2: Е–К (1897); Ч. 3: Л–О (1899); Ч. 4: П (1901); Ч. 5: Р–ѦА (1904); Ч. 6: Дополнение: Събраль, наредиль и изтълкуваль Т. Панчевъ (1908). Пловдивъ [Репринт: София: «Български писател», 1975–1978].
- Даль³ 1903–09 – В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I: А – З (1903); Т. II: И–О (1905); Т. III: П–Р (1907); Т. IV: С–V (1909). СПб.; М.
- Дворецкий 1958 – И. Х. Дворецкий. Древнегреческо-русский словарь [в 2-х тт.] // Под ред. С. И. Соболевского. М.
- Дворецкий 1976 – И. Х. Дворецкий. Латинско-русский словарь. М.: «Русский язык».
- Дыбо 1961b – В. А. Дыбо. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии // Вопросы славянского языкознания. М.: Изд-во АН СССР. Вып. 5; стр. 9–34.
- Дьяченко 1900 – Полный церковно-славянский словарь. Составилъ Григ(о)рій Дьяченко. М.:
- ЕСУМ – Етимологічний словник української мови. Т. 1: А–Г (1982); т. 2: Д–Кóпці (1985); т. 3: Корá–М (1989); т. 4: Н–П (2004); т. 5: Р–Т (2006); т. 6: У–Я (2012). Київ: «Наукова думка».
- Историческая грамматика латинского языка (1960)./ Под ред. А. К. Владимирова.
- Кочергина 1987 – В. А. Кочергина. Санскритско-русский словарью 2-е изд. М.: «Русский язык».
- Преображенский 1910–49 – А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. Т. I: А–О, Т. II: П–С (1910–1914); Вып. послед. (/ «Труды Института русского языка». Т. I. Изд-во АН СССР): тело–ящур (1949). М.
- Срезневский 1893–1903 – Матеріалы для словаря древнерусского языка по письменнымъ памятникамъ. Трудъ И. И. Срезневскаго. Т. I: А–К (1893); Т. II: Л–П (1902); Т. III: Р–ѦА [реально Р–Ѧ] и Дополненія [А–ѦА] (1903). Санктпетербургъ.
- Топоров 1975–90 – В. Н. Топоров. Прусский язык: Словарь. [I]: А–D (1975); [II]: Е–Н (1979); [III]: I–K (1980); [IV]: K–L (1984); [V]: L (1990).
- Тронский 2001 – И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка.
- Тронский 1953 – И. М. Тронский. Очерки из истории латинского языка.
- Тронский 2010 – И. М. Тронский. Очерки из истории латинского языка.
- Фасмер 1964–84 – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I: А–Д (1964); Т. II: Е– муж (1967); Т. III: муза–сят (1971); Т. IV: Т–ящур (1973). М.: «Прогресс».
- Черных 1993 — П. Я. Черных. Историко-этимологический словарь русского языка (13 560 слов). Т. I: А–пантомима; Т. II: пánцирь–ящур. М.: Изд-во «Русский язык».

- Эрну 2010 – А. Эрну. Историческая морфология латинского языка. Изд. 3-е. М.: «Едиториал УРСС».
- Arumaa 1930 – P. Arumaa. Litauische mundartliche Texte aus Wilnaer Gegend // Acta Universitatus Tartuensis, XXIII, 3.
- Bartholomae 1904 – Christian Bartholomae. Altiranisches wörterbuch. Strassburg: Verl. von Karl J. Trübner.
- Böhtlingk 1879–89 – Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung: bearb. von Otto Böhtlingk. [I.] Th.: Die Vocale (1879); [II.] Th.: क-ण (1881); [III.] Th.: त-न (1882); [IV.] Th.: प-भ (1881); [V.] Th.: म-ल (1884); [VI.] Th.: व-ष (1886); [VII.] Th.: स-ह, General-Index zu den sechs Nachträgen und letzte Nachträge (1889) / Hrsg. von der Keiserliche Akademie der Wissenschaften. St. Petersburg.
- Böhtlingk & Roth 1852–75 – Sanskrit-Wörterbuch: bearb. von Otto Böhtlingk und Rudolph Roth. [I.] Th.: Die Vocale (1852–55); [II.] Th.: क-ह (1856–58); [III.] Th.: ज-घ (1859–61); [IV.] Th.: न-फ (1862–65); [V.] Th.: ब-म nebst Nachträgen und Verbesserungen von ञ-म (1865–68); [VI.] Th.: य-व (1868–71); [VII.] Th.: श-ह nebst den Verbesserungen und Nachträgen zum ganzen Werke (1872–75) / Hrsg. von der Keiserliche Akademie der Wissenschaften. St. Petersburg.
- Bréal & Bailly 1885 – Michel Bréal, Anatole Bailly. Dictionnaire Étymologique Latin.
- Brugmann & Delbrück – Karl Brugmann, Berthold Delbrück. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen.
- Chantraine 1968–80 – Pierre Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots. [T. I: A–Δ (1960); T. II: E–K (1970); T. III: Λ–Π (1974); T. IV–1: P–Y (1977); T. IV–2: Φ–Ω et Index (1980), term. par. O. Masson, J.-L. Perpillou, J. Taillardat, avec le concours de F. Bader, J. Irigoin, D. Lecco, P. Monteil, sous la dir. de M. Lejeune.] Paris: Éd. Klincksieck.
- Darmsteter 1883 – The Zend-Avesta. Pt. II: The Sîrôzahs, Yasts, and Nyâyis. Transl. by James Darmsteter / Sacred Books of the East Transl. by Various Oriental Scholars // and Ed. by F. Max Müller. Vol. XXIII. Oxford: Clarendon Pr.
- De Vaan 2008 – M. De Vaan. Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages / Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Vol. 7 // Ed. by Alexander Lubotsky. Leiden–Boston: Brill.
- Endzelīns & Hauzenberga 1934–1946 – J. Endzelīns un E. Hauzenberga. Papildinājumi un labojumi K. Mūlenbacha Latviešu valodas vārdnīcai (J. Endzelin und E. Hausenberg. Ergänzungen und Berichtigungen zu K. Mühlensbachs Lettisch-deutschem Wörterbuch). Sēj. (Bd.) I: A–M; Sēj. II: N–Ž. Rīga, 1934–1946.
- Ernout 1913 — Alfred Ernout. Historische Formenlehre des Lateinischen. Übers. von Dr. Hans Meltzer. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung.
- Ernout 1914 — Alfred Ernout. Morphologie historique du latin. Paris: Libr. C. Klincksieck.
- Ernout 1920 — Alfred Ernout. Historische Formenlehre des Lateinischen // Indogermanische Bibliothek / Hrsg. von H. Hirt und W. Streiberg. [II.] Abt.: Sprachwissenschaftliche Gymnasialbibliothek / ... Hrsg. von Max

- Niedermann. [5] Bd. / Deut. Übers. von Dr. Hans Meltzer... [2.] und [3.] Aufl. Heidelberg: C. Winter's Universitätsbuchhandlung.
- Ernout–Meillet 2001 – Alfred Ernout, Alfred Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine: Histoire des mots. Retir. de la 4e éd. augm. d'add. et de corr. par Jacques André. Paris: Éd. Klincksieck.
- Fraenkel 1962–65 – Ernst Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I: A – privekiūoti (1962); Bd. II: Privykėti – žvolgai. Nachträge. Wortregister. Berichtigungen. Nachwort (1965). Heidelberg: Carl Winter • Universitätsverlag – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Frisk 1960–72 – Hjalmar Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I: A–Ko (1960); Bd. II (1970): Kρ–Ω; Bd. III: Nachträge. Wortregister. Corrigenda. Nachwort (1972). Heidelberg: Carl Winter • Universitätsverlag.
- Geldner 1886–96 – Avesta. The Sacred Book of the Parsis. [Pt.] I: Yasna (1886); [Pt.] II: Vīspared and Khorda Avesta (1889); [Pt.] III: Vendīdād (1896) // Ed. by Karl F. Geldner. Stuttgart: W. Kohlhammer.
- Georges 1913/18 – Karl Ernst Georges. Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch. Bd. 1: A–H (1913); Bd. 2: I–Z (1918). Hannover: Hahnsche Buchhandlung.
- Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki 1900–27 — Słownik języka polskiego / ułożony pod red. Jana Karłowicza, Adama Kryńskiego i Władysława Niedźwiedzkiego. T. I: A–G (1900); T. II: H–M (1902); T. III: N–Ó (1904); T. IV: P–Prożyszczce (1908); T. V: Próba–R (1912); T. VI: S–Ś (1915); T. VII: T–Y (1919); T. VIII: Z–Ż (1927). Warszawa.
- Klingenschmitt 1968 — Farhang-i Ōīm. Edition und Kommentar (Teildruck). Inaugural-Dissertation der Philos. Fak. der Friedrich-Alexander-Univ. Erlangen–Niirnberg: vorgelegt von Gert Klingenschmitt aus Coburg. Erlangen: Josef Hogl.
- Liddell–Scott–Jones 1996 – Henry George Liddell and Robert Scott. A Greek-English Lexicon // Rev. and augm. by Sir Henry Stuart Jones with the ass. of Roderick McKenzie. Oxford: Clarendon Pr.
- Lietuvių kalbos žodynas 1941–2002 — Lietuvių kalbos žodynas. T. I: A[A]–B (1941, V[ilnius]. — 2 asis leid.: 1968, V.: „Minties“ 1 kla); T. II: C–F (1947, Kaunas: Valstybinė enciklopedijų, žodynų ir mokslo literatūros 1 kla. — 2 asis leid.: 1969, V.: 1 kla „Mintis“); T. III: G–H (1956, V.: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros 1 kla); T. IV: I[L,Y]–J. (1957, V.: ibid.); T. V: K–³klausinys (1959, V.: ibid.); T. VI: klausyti– kviñkinti (1962, V.: ibid.); T. VII: L–Mėlti (1966, V.: 1 kla „Mintis“); T. VIII: melūda– Ožvilnis (1970, V.: „Minties“ 1 kla); T. IX: P–pirktūvės (1973, V.: ibid.); T. X: ¹pirm– pūžuoti (1976, V.: 1 kla „Mokslas“); T. XI: R (1978, V.: „Mokslas“); T. XII: S– slėpūnas (1981, V.: ibid.); T. XIII: slėсна–stvóti (1984, V.: ibid.); T. XIV: ¹sù–Šliuóžti (1986, V.: ibid.); T. XV: šliup–²Telžti (1991, V.: ibid.); T. XVI: ¹temà–tūlė (1995, V.: Mokslo ir enciklopedijų 1 kla); T. XVII: tūlė–Valgūs (1996, V.: ibid.); T. XVIII: vali– vėsūs (1997, V.: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas); T. XIX: vešà–Zvumterėti (1999, V.: ibid.); T. XX: Ž (2002, V.: Lietuvių kalbos institutas). Доступен on-line (LKŽe) по адресу: <http://www.lkz.lt>.

- Lindsay 1893 – W. M. Lindsay. Two Pelignian Inscriptions in Saturnian Metre // *The Classical Review* 7 (03); 103–107.
- Lindsay 1895 – W. M. Lindsay. *A Short Historical Latin Grammar*.
- Miklosich 1862–65 – Franz von Miklosich. *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum: emendatum auctum*. G. Braumueller
- Mūlenbachs & Endzelīns 1923–32 – K. Mūlenbachs. *Latviešu valodas vārdnīca / Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns* (K. Mühlenbach. *Lettisch-deutsches Wörterbuch / Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin*). Sēj. (Bd.) I: A–I; Sēj. II: Īe–O; Sēj. III: P–S; Sēj. IV: Š–Ž. Rīgā, 1923–1932.
- Reichelt 1900 – Hans Reichelt. *Der Frahang i oīm (Zend-Pahlavi Glossary.) / Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes // Hrsg. und Red. von J. Karabaček, D. H. Müller, L. Reinisch, L. v. Schroeder*. XIV. Bd. (1900). Wien: Alfred Höldner – Turin: Hermann Loescher – Bombay: Education Society Pr.; S. 177–213.
- Reichelt 1901 — Hans Reichelt. *Der Frahang i oīm. II Th.: Index der Avestawörter; Anhang // WZKM, XV. Bd. (1901); S. 117–186*.
- Sihler 1995 – Andrew L. Sihler. *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. N.Y.; Oxford: Oxford Univ. Press.
- Schmidt 1881 – Joh. Schmidt. *Zwei arische a-laute und die palatalen // KZ, bd. XXV (Neue folge bd. V); ss. 1–178*.
- Schrijver 1991 – Peter Schrijver. *The reflexes of the PIE laryngeals in Latin*. Amsterdam; Atlanta: Rodopi
- Schweizer-Sidler & Surber 1888 — Heinrich Schweizer-Sidler, Alfred Surber. *Grammatik der lateinischen Sprache. [1.] Teil. [2.] Aufl. Halle/S.: Verl. der Buchhandlung des Waisenhauses*.
- Stolz 1894 – Fr. Stolz. *Historische Grammatik der lateinischen Sprache. [1] Bd.: Einleitung, Lautlehre, Stammbildungslehre. [1] Hälfte: Einleitung und Lautlehre // Bearb. von H. Blase, G. Landgraf, J. H. Schmalz, Fr. Stolz, Jos. Thüssing, G. Wagener und A. Weinhold. Leipzig: Trübner*.
- Stolz & Schmalz 1910 – Friedrich Stolz, Joseph Hermann Schmalz. *Lateinische Grammatik; Laut- und Formenlehre. Syntax und Stilistik. [3.] Aufl. / Handbuch der klassischen Altertums-Wissenschaft. [II.] Bd., 2. Abt. // Hrsg. von Dr. Iwan von Müller. München, C. H. Beck (O. Beck)*.
- Vasmer 1953–58: Max Vasmer, *Russisches etymologisches Wörterbuch. [I.] Bd.: A–K (1953); [II.] Bd.: L– Ssuda (1955); [III] Bd.: Sta–Ÿ (1958)*. Heidelberg: Carl Winter • Universitätsverlag.
- Walde & Hoffmann 1938–56 – A. Walde. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch / 3., neubearb. Aufl. von J. B. Hoffmann. [1.] Bd.: A–L (1938); [2.] Bd.: M–Z (1954); Registerband: zusammengest. von Elsbeth Berger (1956)*. Heidelberg: Carl Winter»s • Universitätsverlag.

S. G. Bolotov. Three ways of representation of Indo-European long sonants in Latin

An attempt is made to establish three types of reflexes of Indo-European long syllabic resonants ($*\bar{l}$, $*\bar{r}$, $*\bar{n}$, $*\bar{m}$ [= $*\bar{R}$]) in Latin, namely not only $\bar{l}\bar{a}$, $\bar{r}\bar{a}$, $\bar{n}\bar{a}$, $\bar{m}\bar{a}$ (the traditionally accepted version) but $\bar{l}\bar{e}$, $\bar{r}\bar{e}$, $\bar{n}\bar{e}$, (?) $\bar{m}\bar{e}$ and $\bar{l}\bar{i}$, $\bar{r}\bar{i}$, (?) $\bar{n}\bar{i}$, (?) $\bar{m}\bar{i}$ as well, their distribution being similar to the one in Greek where we find $\lambda\omega$, $\rho\omega$, (?) $\nu\omega$, $\mu\omega$ vs. $\lambda\bar{\alpha}$, $\rho\bar{\alpha}$, $\nu\bar{\alpha}$, $\mu\bar{\alpha}$ resp. $\lambda\eta$, $\rho\eta$, $\nu\eta$, (?) $\mu\eta$ (it is now assumed that the vowel depends on the succeeding laryngeal colouring: $*R\hat{h}_1$ [= $*R\hat{h}$] > $P\eta$, $*R\hat{h}_2$ > $P\bar{\alpha}$, $*R\hat{h}_3$ [= $*R\hat{h}^w$] > $P\omega$).

The following reasons may also be added:

There are no realistic (exclusively Italic) explanations as to why Latin *strāvī* supposedly migrated into the Ist conjugation, and/or *crēvī*, *sprēvī* into the IInd, and/or *trīvī* into the IVth – but just outside the Inflect conjugated according to the IIIrd-a type. The reasons currently put forward are traditional (thus grounded historically), and, when comparative (externally evident), are subject to potential changes in accordance with our increasing knowledge.

All other *V*-root Latin Perfects outside the focus group (\bar{R} -root) shorten their root vowel in the Supine thus showing the zero-grade, so *strātum*, *crētum*, *sprētum*, *trītum* & al. are expected to behave identically, e.g. *sātum*, *lītum*, *sītum*.

The article puts forward several new etymologies (including several orphan words meeting their cognates and otherwise left unattached) that fit both traditional and newly proposed correspondences, as well as several adjustments to the existing etymological solutions.

The author follows a rather disjunctive tendency both in morphological attestation, thus avoiding arbitrary root-base settings, ad-hoc affixation admissions and multiple paradigm mixtures. In the area of semantic specification (in order to avoid any notion of derivation from *beating-cutting*) his targets are 1) precise word-to-word fronting and 2) evasion of oversized nesting bundles of I.-E. etyma.

The major part of the material appears to be Baltic or Indo-Aryan because of their special ability to mark both the syllabicity and the length of resonants.

Л. В. Братухина, А. Ю. Братухин

**ЭЗРА ПАУНД. CANTO XXXIX, 63-74: A NAVE NIGRA
USQUE AD AI DE KUDONAI**

Резюме. В статье предлагается интерпретация одного пассажа из Canto XXXIX Э. Паунда. В этом пассаже есть четыре греческих и латинских цитаты (из Гомера, Овидия, Вергилия и Ивика). Контекст убеждает, что 5-й фрагмент Ивика «ERI MEN AI DE KUDONIAI κτλ» содержит скрытый ответ на предшествующий вопрос Одиссея «Ad Orcum autem quisquam».

Ключевые слова: Эзра Паунд, E. Pound, Canto XXXIX, ancient intertext, interpretation.

«Стиль, обретение стиля состоит в таком знании слов, при котором возможно передавать различные части того, что говоришь, с теми различными степенями и весомостью в значениях, с какими пожелаешь», – писал Э. Паунд в статье «Zweck, или цель» (Паунд 2000: 98). Основной чертой индивидуального стиля этого автора становится свободное обращение с различными нюансами значений, выражаемыми с помощью сочетания слов из различных языков мира; и, прежде всего, словно игнорируя английскую поговорку «It is Greek to me», он очень часто обращается к классическому наследию древнегреческой литературы.

Американец по происхождению, уехавший в Европу, прославившийся как англоязычный автор, Эзра Лумис Уэстон Паунд (1885–1972) является представителем одного из авангардных направлений в поэзии начала XX века – имажизма. При этом Паунд, являясь глубоким знатоком и страстным почитателем творчества античных авторов, трубадуров Лангедока, Данте, предлагает свое видение авангардистского разрыва с традицией как отрицание непосредственно предшествующей буржуазной культуры нового времени и обращение в противовес ей к произведениям более древних эпох. Понимание Паундом культурной традиции соприкасается с интерпретируемым им особым образом термином «paideuma» (в пер. с греч. παιδεῦμα – предмет обучения или преподавания, дисциплина, наука), заимствованным у Л.Фробёниуса: «Фробёниус использует термин “Пайдеума” для обозначения запутанного клубка или

комплекса глубоко укоренных идей любого периода... я буду использовать термин “Пайдеума” для обозначения хрящевых корней тех идей, что вступили в действие» (Паунд 2000: 97–98). Следует предположить, что в своих произведениях Э. Паунд отражает идеи и воплощающие их образы, что, по его мнению, активно действуют в пространстве культуры. Отсюда происходит разнообразие культурных традиций, которые соединяет Э. Паунд в своей поэзии (в том числе и экзотические восточные – Японии и Китая), часто оформляя интертекст в виде цитаты из прецедентного текста на языке оригинала. При этом основой полилингвального интертекста для Паунда как для человека «европоцентричной культуры» (западной, европейской?) становится античная литература. И если в стихотворениях основным источником иноязычных цитат является латинская словесность, то в самом монументальном произведении автора, поэме *The Cantos* таким источником становится древнегреческая литература.

Это произведение в творчестве Э. Паунда имеет особое значение. Оно создавалось на протяжении многих лет и публиковалось отдельными группами песен: первые создавались в 1913–15 гг. и вышли в свет в 1917 г. (*Three Cantos*), над последними автор работал вплоть до конца жизни. В содержании поэмы отразились эстетические, экономические, политические взгляды автора. Л. Симпсон называет ее «оправданием» всей жизни поэта, «путешествием в неведомое, совпадающее с его жизнью» (Simpson 1975: 80). Имея своей целью создание современной эпической поэмы, Э. Паунд в самом тексте *The Cantos* прямо или с помощью завуалированных отсылов указывает авторов, чьи произведения стали для него образцами жанра: Гомера, Вергилия, Овидия, Данте, Р. Браунинга. Произведение насыщено также всевозможными цитатами и аллюзиями, восходящими к иным литературным, мифологическим и философским источникам.

Многие исследователи традиционно отмечали «эkleктичность Паунда в выборе внешних источников» (Surette 1979: 26) поэмы, называли произведение «многоязычным интертекстуальным переплетением культур, где Паунд объединяет все виды перевода: от “маски” до аллюзии или цитаты и даже пародии» (Пробштейн 2003: 46). Мы же обратимся к античному интертексту поэмы, который оказывается авторитетнейшим источником двух из трех, называемых самим автором, основных тем произведения: «Живой человек сходит в мир Мёртвых; <...>

“Повторение в истории”; <...> “Магическое мгновение” или мгновение метаморфозы, прорыв из обыденности в ‘божественный или вечный мир’» (Пробштейн 2003: 44).

Отметим, что сам мотив путешествия в загробное царство как сюжетообразующий в жанре эпической поэмы берется Паундом из античной традиции и параллельно с этим из «Божественной комедии» Данте, но сходство в царство мертвых представлено преимущественно в образах из Одиссеи и греческой мифологии. Мотив метаморфозы как границы между человеческим и «божественным» мирами представлен в произведении Паунда прямыми заимствованиями из поэмы Овидия, а также повторяющейся в различных вариациях темы преображающего колдовства Кирки.

Кроме того, античные герои могут упоминаться как своеобразные ипостаси персонажей, связующих времена и культуры. Например, сближение двух роковых женщин спартанки Елены и Элеоноры Аквитанской: “Eleanor, *helenaus* and *heleptolis!*”/ And poor old Homer blind, blind, as a bat (Pound 1948: 6). Паунд присваивает Элеаноре эпитеты Елены Троянской, звучащие из уст Клитемнестры в трагедии Эсхила «Агамемнон».

Текст поэмы *The Cantos* изобилует иноязычными (по отношению к английскому языку оригинала) интертекстуальными включениями, среди которых древнегреческие фрагменты выделяются большей частотностью употребления и способом оформления цитат. Как правило, текст цитаты дается по-гречески, и рядом (выше или ниже) дублируется произношение слов латиницей. Таким образом, Э. Паунд адаптирует древнегреческий текст, транслитерируя его, но не давая перевода. Древнегреческие цитаты могут быть представлены отдельными фразами, или образовывать целую систему метафорических связей, создающих мифологическую основу сюжета отдельной песни, или повторяться в виде своеобразного рефрена в пределах одной *Canto*¹, а иногда и в нескольких.

Рассмотрим подробнее небольшой отрывок из *Canto XXXIX* в серии *Eleven New Cantos* (1934), привлекающий внимание тем, что в нем цитируются подряд два древнегреческих и два римских поэта и попытаемся истолковать его. Прежде всего,

¹ Например, в *Canto 47* таким рефреном становятся слова *KAI MOIRAI T' ADONIN*, связующие сюжет данного *Canto* с мифом об Адонисе.

обратимся к научным исследованиям, посвященным указанному тексту.

Д. Олбрайт отмечает, что в содержании *Canto* объединяются темы путешествия Одиссея в преисподнюю и метаморфозы. В целом исследователь охарактеризовал *Canto XXXIX* как своеобразное свидетельство возрастающей приверженности Паунда «языческим идеалам» (Albright 1999: 48).

Э. Хильберт усматривает в этом *Canto* изображение празднования «плодородия и весны» с перечислением «растительных ритуалов». Разбирая данный отрывок, Э. Хильберт приводит перевод латинского и древнегреческого текста, отмечая, что о том, зачем Паунд использует разноязычные цитаты, остается только догадываться. Гипотеза самого исследователя ограничивается весьма расплывчатым предположением о выражении таким образом идеи «универсальности весны и возрождения» (Hilbert 2010) в различных культурах, а также идеи символического противостояния разрушению общества в современную эпоху.

Отрывок, состоящий из цитат на латинском, греческом и английском привлекает внимание Х. Кеннера, замечая, что они «ведут лейтмотив, подобно острию, через <...> цивилизации» (Kenner 1951: 196).

Б. Р. Доцци называет особенностью *Canto XXXIX* «взаимодействие мифа и личности» (имея в виду личность читателя) и описывает, как в потоке образов некий творческий вихрь («creative vortex») захватывает читателя, обозначая настроение «одиночества и печали», «чувство потерянности» (Dozzy 1974: 60–61).

Лейбретс, исследуя неоплатонические мотивы этого *Canto*, усматривает особый смысл изображенного сексуального акта как «просвещения соитием» (Liebregts 2004: 224).

С. Сикари также подчеркивает мистический характер соития Одиссея и Кирки, понимаемого как возможность экстатического выхода за пределы человеческой природы. При этом исследователь отмечает «дантовское назначение» гомеровских персонажей: поиски «священного посредством сексуальной активности» противопоставлены грубой чувственности в изображении «свинарника» Кирки и представлены в контексте прямых цитат и реминисценций из «Рая» (Sicari 1991: 53).

Форест Рид представляет все содержание *Canto XXXIX* как высказывания четырех персонажей: Ельпенора, Еврилоха, Кирки и Пенелопы. Все они вместе по принципу «китайской

идеограммы» составляют представление об Одиссее. Интересующий нас отрывок Ф. Рид распределяет между Еврилохом и Пенелопой, уделяя последней большую часть. Ученый также отмечает особый ритуальный смысл этого сексуального соития, и именно образ Пенелопы оказывается связан с хтоническими мотивами весеннего обновления, цветения (Raed 1969: 109–110).

Отметим, что ни в одной из доступных работ подробно не разбирается взаимодействие греческих и латинских цитат в тексте Canto 39, в указанном нами отрывке.

Прежде чем приступить непосредственно к анализу обозначенного отрывка следует более четко сформулировать основную тему этого Canto. Представляется уместным сделать это в сравнении с Canto XLVII, поскольку между названными Cantos существует переключка (Read 1969: 114). В Canto XXXIX приводятся неполные 227-й и 228-й стихи десятой книги «Одиссеи» по-гречески и латиницей (καλὸν ἀοιδιάει / KALON AOIDIAEI / ἦ θεὸς ἤ ἐ γυνή..... φθεγγώμεθα θᾶσσον / e theos e gune....phtheggometha thasson). В переводе В. А. Жуковского стихи 224–229 звучат так: «К спутникам тут обратятся, Политос, мужей предводитель, / Мне меж другими вернейший, любезнейший друг мой, сказал им: / “Слышите ль голос приятный, товарищи? Кто-то, за тканью / Сидя, поет там, гармонией всю наполняя окрестность. / Кто же? Богиня иль смертная? Голос скорей подадим ей”» (Гомер 1959: 128). В Canto XLVII Кирка напутствует Одиссея, говоря о том, что ему следует плыть к Тиресию за познанием: «*Yet must thou sail after knowledge / Knowing less than drugged beast*». Далее следует уже знакомые нам слова: φθεγγώμεθα θᾶσσον (*phtheggōmetha thasson*) – «скорее подадим голос». Таким образом, замыкающая монолог Кирки греческая цитата в Canto XLVII, оказывается эхом прозвучавшего в Canto XXXIX призыва (Read 1969: 115). Если понимать греческие слова как передачу волшебницей речи Политоса, получится, что именно он и его товарищи являются теми, кто знает меньше «опьянённых зельем зверей (*drugged beasts*)». Ведь сохранившие рассудок (стих 240-й десятой песни) свиньи, в которых Кирка превратила их, знали уже больше. (Кстати, сохранил рассудок и Тиресий, к которому Кирка отправляет своего гостя.) Знает меньше их и сам Одиссей, не побывавший в их облике, то есть не причастившийся этой своеобразной смерти. Поэтому ему и необходимо отправиться в царство мертвых. Греческая цитата из речи его товарища, ещё не превращенного в животное, является своеобразным симво-

лом перехода в иной мир. Таким образом, оба греческих фрагмента в *Santo* 39 и 47 оказываются связанными с символикой смерти – с путешествием в Аид. При этом в обоих мифологических сюжетах Э. Паунд использует именно мотив отправления в царство мертвых. Отметим, что гомеровские образы издавна использовались в том же контексте, в каком и Э. Паунд. Климент Александрийский (ум. ок. 215 г.), цитируя Гомера и Гесиода, соединяет невоздержанность с гибелью: «Итак, убежим от обычая, убежим от него, как от опасного мыса, как от угрозы Харибды или как от мифических сирен: он душит человека, является западней, пропастью, бездной; он ненасытен: “Судно свое на большом расстоянии от волн тех и дыма / Ты удержи”. Убежим, убежим, о спутники, от той волны: она извергает огонь. Остров зловещ: он завален костями и трупами. Смазливая потаскушка, наслаждение, поет на нем, прельщает вульгарной музыкой: “Эй, Одиссей многославный, великая сила ахейцев, / Чтобы услышать чудесное пенье, направь к нам корабль свой!” Блудница восхваляет тебя, о моряк, и называет многославным; пытается завладеть славой эллинов. Позволь ей питаться мертвецами. Тебе помогает божественное дуновение: пройди мимо удовольствия — оно вводит тебя в заблуждение. “Да не обманет твой ум вертихвостка, что шепчет лукаво / Милые сердцу слова, чтоб в амбаре твоём покопаться”. Проплыви мимо пения — оно вызывает смерть. Если только захочешь, одолеешь погибель и, привязанный к дереву <креста>, будешь освобожден от всякой скверны. Слово Божье будет управлять тобой, и Святой Дух введет тебя в небесный порт» (*Protr.* 12, 118, 1–4). Другой христианский автор, Ипполит (170–236 гг.), рассказывает о том, что гностики-наассены усмотрели в словах «Одиссеи» — «Эрмий тем временем, бог килленийский, мужей умерщвленных / Души из трупов бесчувственных вызвал; имея в руке свой / Жезл золотой (по желанью его наводящий на бодрых/ Сон, отверзающий сном затворенные очи у сонных), / Им он махнул, и, столпясь, полетели за Эрмием тени <...>» (*Od.*, XXIV, 1–5, пер. В. А. Жуковского) — намек на христианское слово, золотым жезлом которого является железный жезл из псалма (*Пс.* 2:9). По мнению наассенов, оно, пробуждая уснувшие души, действует в соответствии с ролью, принадлежащей Христу (*Еф.* 5:14) (*Hipp. Ref.*, V, 7, 29–33) (Pépin 1986: 40).

Вернемся к интересующему нас отрывку в «очень сексуальной» [...] *Santo* XXXIX. Э. Паунд, приводя в ней на двух страницах довольно большой объем греческого текста «Одис-

сеи» (X, 213, 212, 227–228, 490–494, 335, 277), четыре латинских словосочетания, два неполных стиха из «Метаморфоз», полторы строчки из «Божественной комедии», дает затем латинский (*Ad Orcum autem quisquam? / Nondum nave nigra pervenit.....*)² и английский перевод «Одиссеи» (*Been to hell in a boat yet?*) 501–502 стихов десятой книги, что в этом Canto Паунд ранее не делал. Очевидно, таким образом поэт подчеркивает важность данного пассажа для понимания всей песни. Здесь мы встречаемся с тем случаем, когда «лишь из соотношения толкуемого текста с текстом фоновым можно постичь содержание и смысл высказывания» (Гаврилов 2011: 318). О том, что нужно воспринимать не только и не столько процитированный фрагмент классического автора, говорит следующий факт. Паунд, приводя пять строчек из «Одиссеи» (X, 490–494) на полях указывает: «490/5», как бы говоря этим, что он не все, что имеет в виду, вносит в текст. Поэтому следует учесть следующие гомеровские строки, где Кирка отвечает Одиссею: «Пусть тебя не заботит отсутствие вождя у корабля. <...> Его понесет ветер Борей» (Od. X, 505, 507). Запомним это имя.

Оставив Гомера, Паунд обращается к Катулле: *Sumus in fide / Puellaeque sanatus* (34, 1 и 4), намекая начальными стихами на процитированные строчки веронского поэта, где упоминается третья «ипостась» Дианы — «мощная Тривия» (Cat. 34, 15), то есть Геката. Затем Паунд предложно-падежной конструкцией *sub poste* указывает читателю на Вергилия (Aen. VI, 268), описывающего шествие Энея и его провожатой Сивиллы, жрицы Гекаты, в царстве теней. Далее по-английски упоминаются поляна, ночь Флоры (то есть весенняя ночь), гиацинт и крокус, призванные, вероятно, вызвать ассоциацию с Нисейским долом, где именно эти цветы собирала Персефона до похищения ее Аидом (Hymn. Hom. 2, 6–7 и 426). Не забудем, что Геката упоминается как окружившая дочь Деметры любовью, ставшая ей служительницей и спутницей (Hymn. Hom. 2, 439–440). Текст Паунда выглядит так: «*there in the glade / To Flora's night, with hyacinthus, / With the crocus (spring / sharp in the grass,) / Fifty and forty together <...>*» (вероятно, Данаиды, «пославшие» своих женихов в Аид). Потом латиницей приводится первая строчка 5-го фрагмента Ивика *ERI MEN AI DE KUDONIAI*. В этом

² Ср.: *Ad Orcum autem nondum quisquam pervenit nave nigra* (Homerus 1758: 369).

стихотворении говорится буквально следующее: «Ранней порой и кидонские / яблони пьют влагу / из потоков, где сад дев нетронутый, и соцветия, / возникающие под тенистыми виноградными побегими, распускаются; мне же Эрос почивающий <не дает> никакого времени. И <как> сверкающий молнией фракийский Борей, устремляясь от Киприды, иссушающим безумием, темный, неустрашимый, властно удерживает наше сердце от самой глубины». Соединяя пропущенный ответ Кирки и сравнение Ивика, получаем «истинное» указание богини Одиссею: в царство мертвых его провожатым будет Эрос. Таким образом, через сопоставление Борея и Эроса, через намек на похищение Плутоном Персефоны и убиение Данаидами своих мужей Э. Паунд показывает хтоническую природу любви.

Литература

- Гаврилов А. К. Структурализм и анаграмма // О филологах и филологии: Статьи и выступления разных лет / Отв. ред. О. В. Бударагина, А. Л. Верлинский, Д. В. Кейер. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2011. С. 307–335.
- Гомер. Одиссея / Пер. В. А. Жуковского. М., 1959.
- Маттисен Ф. О. Поэзия // Литературная история Соединенных Штатов Америки. М., 1979.
- Паунд Э. Zweck, или Цель // Паунд. Э. Путеводитель по культуре / пер. с англ. К. К. Чухрукидзе, К. О. Голубовича, В. А. Нестерова. М.: Логос, 2000.
- Пробштейн Я. Вечный бунтарь // Э. Паунд. Стихотворения и избранные Cantos. СПб., 2003.
- Albright D. Early Cantos I–XLI // The Cambridge Companion to Ezra Pound. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 59-91.
- Dozzi B. R. Correlative myths in The Cantos of Ezra Pound: A tentative examination of the Poundian universe. Vancouver: The University of British Columbia, 1974.
- Hilbert E. A Strange and Beautiful Noise // URL: <http://www.cprw.com/a-strange-and-beautiful-noise-late-ashbery-syndrome-or-listening-without-hearing>
- Homerus. Odyssea: Graece et Latine. Londini, 1758. Vol. I. 484 p.
- Kenner H. The poetry of Ezra Pound. London: Faber and Faber, 1951.
- Kenner H. Pound and Homer // Ezra Pound among the Poets. Chicago, 1985. P. 1–12.
- Liebregts P. Th. M. G. Ezra Pound and neoplatonism. Fairleigh: Dickinson University Press, 2004.
- Pépin J. Christianisme et mythologie. Jugements chrétiens sur les analogies du paganisme et du christianisme // Pépin J. De la philosophie ancienne à la théologie patristique. Variorum reprints. London, 1986. VIII.
- Read F. Jr. A Man of No Fortune // Motive and Method in The Cantos of Ezra Pound. New York, 1969. P. 101–123.

- Sicari S. Pound's epic ambition: Dante and the modern world. New York, 1991.
- Simpson L. Three on the Tower. The Lives and Works of Ezra Pound, T. S. Eliot and William Carlos Williams. New York, 1975.
- Surette L. A Light from Eleusis. Oxford, 1979.
- Pound E. The Cantos of Ezra Pound. New York, 1948.
- Pound E. The Cantos of Ezra Poud: Cantos of Ezra Pound. New York, 1989.

**L. V. Bratukhina, A. Ju. Bratukhin. E. Pound. Canto XXXIX, 63–74:
*a nave nigra usque ad AI DE KUDONAI***

The paper interprets a passage from the E. Pound's Canto XXXIX which includes four Greek and Latin quotations (from Homer, Ovid, Vergil, and Ibycus). It is argued that Ibycus' 5th fragment "ERI MEN AI DE KUDONIAI κτλ" contains an ulterior answer to the preceding Odysseus' question "Ad Orcum autem quisquam?"

А. Ю. Братухин

ПРОБЛЕМА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ У ТЕРТУЛЛИАНА

Резюме. В статье анализируются пассажи из трактатов Тертуллиана, в которых классические образы, цитаты, реминисценции или аллюзии вводятся в христианский контекст. Иногда апологет поступает так для суггестивного воздействия на своих читателей, бывших язычников, иногда он делает это неосознанно как человек своего времени.

Ключевые слова: Тертуллиан, античная литература, интертекстуальность, цитата, аллюзия, парафраз, пародия; Tertullian, ancient literature, citation, reminiscence; allusion; intertext.

Под интертекстуальностью в статье будет пониматься «определенный литературный прием (цитата, аллюзия, парафраз, пародия, подражание, заимствование и т. д.)», который можно описать как «взаимодействие авторских текстов»; такая интертекстуальность «существовала всегда, и только тип и законы взаимодействия менялись в зависимости от литературных кодов эпох» (Ржанская 2002: 539–540). Ниже будет предпринята попытка исследовать ее характер у Тертуллиана, первого латинского христианского автора (род. ок. 150 г., ум. после 220 г.), поскольку в сочинениях этого писателя мы можем обнаружить и библейский, и античный интертекст.

Кроме собственно цитат, часто неточных, страницы сочинений Тертуллиана пестрят библейскими аллюзиями и реминисценциями. Т. П. О'Мэллей справедливо характеризует его как «основательно знающего Библию» (O'Malley 1967: 2). Интересны две переработки Тертуллианом слов апостола Павла: «Лучше вступать в брак, нежели разжигаться (*melius est enim nubere quam iri*)» (I Кор. 7: 9). Осуждая христиан, отвергающих воздержание, апологет ставит им в пример Дидону, которая «предпочла сгореть, но не выйти замуж (*maluit <...> iri quam nubere*)» (De exhort. cast. 13, 3). Жительницы Понта, родины еретика Маркиона, «предпочитают войну замужеству (*malunt militare quam nubere*)» (Adv. Marc. I, 1, 3. Вероятно, здесь речь идет об амазонках). Любопытный евангельский парафраз обнаруживаем в «Апологетике» (21, 17–23), где Тертуллиан выступает по отношению к новозаветным текстам как популяризатор,

адаптируя их для римских читателей. Подобным образом подходит к изложению евангельской истории автор древнесаксонского «Хелианда». Поскольку главная причина появления библейского интертекста — отсылки к авторитетному первоисточнику — очевидна, проанализируем внелитературный и литературный античный интертекст.

В сочинениях Тертуллиана можно обнаружить использование образов из юридической, военной, политической, религиозной сфер Римской империи применительно к христианским реалиям. Например, весовщик при манципации (ср.: *Gaius. Inst. I, 119*) упоминается в весьма специфическом контексте: «<...> чтобы у человека предоставленное ему Богом благо стало принадлежащим ему и чтобы у него появилось уже право собственности на благо, <...> при установлении ему были определены, словно весовщик предоставленного Богом блага, свобода и власть распоряжаться собой, которая позволяет человеку уже по доброй воле творить благо как свое собственное <...>» (*Adv. Marc. II, 6, 5*). Христа Тертуллиан называет «Императором» (*De fuga 10, 1*) и «Понтификом» (*Adv. Marc. IV, 13, 4; 35, 7 и 11; V, 9, 9; De carne Christi 5, 10*), Чьими «принципалами» именуется Моисей и Илия (*Adv. Marc. IV, 22, 3*).

Несмотря на свое скептическое отношение к «внешней мудрости» Тертуллиан, по рождению и воспитанию принадлежавший к литературным кругам в Карфагене (Barnes 1985: 195), не только хорошо знал античную литературу, но и считал светское образование необходимым для христиан: «Как мы можем отвергнуть светское учение (*saecularia studia*), без которого не может быть божественного?» (*De idol. 10, 4*). Эту позицию апологета, не желавшего, чтобы христиане оставались некультурными, легко понять в его эпоху, когда они «образовывали еще лишь небольшое сообщество, инкапсулированное (*enkystée*) в тело языческой империи» (Marrou 1938: 397). Следует, однако, согласиться с Адемаром д'Але, считавшим, что в литературных реминисценциях Тертуллиана «нет ничего, что превышало бы багаж добросовестного школьника» (Alès 1937: 334). Рассмотрим, как апологет пользовался этими своими знаниями. В его сочинениях содержится очень мало прямых цитат из сочинений языческих авторов (семь прямых цитат из греческой литературы и 26 — из римской). Причину редкости цитат, содержащих полный стих, видят либо в том, что апологет «сознательно дистанцировался от всей языческой литературы», о чем свидетельствует характер цитат и способ их приведения (Krause

1958: 174), либо в том, что Тертуллиан строго следовал правилу стиля (*die Stilregel*), не допускавшему вкрапления стихов в искусно составленной прозе (*in der kunstmässigen Prosa*) (Hagendahl 1983: 19). Не исключая эти две причины, выскажем предположение, что Тертуллиан, не испытывая особой неприязни к классическим текстам, не желал, чтобы его сочинения превращались в центоны. При большом количестве точных цитат читатели неизбежно отвлекались бы от основной темы, а апологетические, догматико-полемические или практико-аскетические трактаты приобретали бы несвойственный церковным текстам оттенок светскости. Кроме того, известно, что «наличие “затекста” <...> полно смыслового богатства тем более, чем менее формально выражена связь с фоновым текстом» (Гаврилов 2011: 318).

При малом количестве прямых цитат в трудах Тертуллиана можно обнаружить достаточно много классических реминисценций и аллюзий. Например, в словах «<...> для того, чтоб других посмотреть и себя показать (*mutuum videre ac videri*), все толпами идут в общественные места <...>» (*Tert. De cult. II 11, 1*) легко угадывается стих: «<женщины> приходят, чтобы посмотреть, приходят, чтобы и на них самих посмотрели (*spectatum veniunt; veniunt spectentur ut ipsae*)» (*Ov. Ars, I 99*). Утверждая, что «из всего варварского и скорбного (*triste*), что есть на Понте, ничто не может сравниться с тем фактом, что там родился Маркион» (*Adv. Marc. I, 1, 4*), Тертуллиан, по мнению Э. Нёльдехена, «оглядывается на Овидия», автора «Скорбных элегий» (*Tristia*) и «Писем с Понта» (Noeldechen 1886: 320). В отношении духовенства апологет использует то же слово (*De fuga 11, 1*), какое и Овидий (*Ovid. Her. I, 95*) для обозначения пастуха (Rankin 1995: 151). Все это может свидетельствовать как о стремлении Тертуллиана говорить со своими читателями на их языке, быть им понятным и приятным, так и об органичности, естественности для него этого языка. То есть, речь может идти как об интертекстуальности, так и о случайном интертексте. Мы попытаемся, рассмотрев некоторые подобные пассажи, выделить основные причины, по которым на страницах сочинений Тертуллиана оказались такие интертекстуальные вкрапления, то есть, установить, были ли такие отсылки осознанными и мотивированными или же они представляли собой естественное следствие литературной образованности их автора.

Приведем отрывок, где он, часто пользовавшийся не оригинальными греческими текстами, а компендиями или

трудами своих предшественников — греческих апологетов, вероятно, был самостоятельным и где есть ссылка на первоисточник. В «Апологетике» говорится о бедствиях, обрушивавшихся на человечество до Христа: «Упоминает и Платон землю, большую, чем Азия или (vel) Африка, похищенную Атлантическим морем» (Apol. 40, 4, ср.: Plat. Tim. 24e-25d). Лишь эта ссылка на сочинение Платона (из пяти, содержащихся в указанном сочинении) не встречается у греческих апологетов (Щеглов 1888: 191–192). Пассаж, напоминающий процитированный фрагмент, имеется в сочинении «О плаще» (2, 3): «Изменяется и теперь местами облик <земли>, <...> когда <остров> в Атлантическом океане, равный Ливии или Азии, уже <напрасно> разыскивается (cum in Atlantico Libyam aut Asiam adaequans iam quaeritur) <...>». В. Бульхарт на основании слов Платона в «Тимее» (24e) «Ливия и Азия» полагает, что aut означает «и» (Bulhart 1957: 53). Однако Тертуллиан мог неточно передать, полагаясь на свою память, содержание мысли Платона: так в «Апологетике» он «Ливию» заменяет «Африкой». В этом и подобных отрывках он берет в свидетели своей правоты авторитетного для адресатов своей работы писателя или поэта, имя которого он называет.

Иногда Тертуллиан лишь намекает на тексты какого-либо автора в расчете на узнаваемость его слов. Так, доказывая лживость молвы, порочащей христиан, он приводит чуть измененную цитату из «Энеиды»: «Разве эта молва – не зло, быстрее которого нет ничего (nonne haec est fama malum, quo non aliud velocius ullum)» (Ad nat. I, 7, 2; ср.: Verg. Aen. IV, 174). Вильгельм Краузе полагает, что «только в одном пункте Тертуллиан изменяет Вергилия: из персонифицированной Молвы он делает отвлеченное понятие» (Krause 1958: 153). В таких случаях христианский апологет берет в союзники не создателя текста, а сам текст, ставший фактом языка, способным воздействовать на читателя.

Использование популярных классических образов, позволявшее нагляднее выразить мысль, и обращение к рядам известных литературно-мифологических примеров были весьма характерны для нашего автора: «античные риторы уделяли большое внимание приведению примеров и предписывали многочисленные правила их использования. Приведение примеров, действительно, является существенным для искусства убеждения» (Carlson 1948: 93). Говоря об удивительных водоемах, Тертуллиан упоминает и Стигийские болота, удаляющие смерть, по словам поэта,

но не спасшие сына Фетиды (Tert. De an., 50, 3). В другом месте апологет утверждает: «Те, которые безумны, принимают одних за других. Так Орест увидел мать в сестре, Аякс — Улисса в скоте, Афамант и Агава — зверей в сыновьях. В этой лжи ты будешь упрекать глаза или неистовство?» (Tert. De an., 17, 9). Призывая возненавидеть золото, погубившее праотцов (см.: Исх. 32), он заявляет, что для христиан всегда, а особенно теперь, не золотой век, но железный (Tert. De cult., II 13, 6). Опровергая Маркиона, апологет говорит о двух богах этого гностика как о двух Симплегадах его кораблекрушения (*duas Symplegadas naufragii sui*) (Tert. Adv. Marc. I 2, 1), а его Христа сравнивает с «ослом из Эзопова колодца» (Adv. Marc. IV, 23, 2), басня о котором упоминается только здесь (Alès 1937. P. 333). Опровергая веру в переселение душ, Тертуллиан замечает, что даже Платон, которого можно было бы счесть Нестором из-за «меда красноречия», не помнит, кем был в прошлой жизни (Tert. De an., 31, 6). Х. Хоппе приводит целый ряд других любопытных сравнений, заимствованных из мифологии (например, Бог дважды сопоставляется с Прометеем) (Hoppe 1903: 219–220).

Итак, у Тертуллиана встречаются интертекстуальные пассажи с указанием использованного автора, узнаваемые аллюзии и реминисценции без ссылки на источник, а также популярные примеры и сравнения из компендиев. Поскольку использование отсылок к мифологии и к творчеству поэтов не могло иметь доказательной силы в трактатах, обращенных не к язычникам, необходимо объяснить появление подобных отсылок и в таких сочинениях.

Перечисляя причины, приводящие к гибели тело, но не могущие уничтожить душу, Тертуллиан пишет: «Впрочем (*ceterum*), очевидно, что тела (*corpore*) или (*aut*) сразу огнем (*ignibus*), или зверями (*feris*), или, даже будучи тщательнейшим образом погребенными, временем (*temporibus*), однако (*tamen*), истребляются (*aboleri*)» (Adv. Marc. V, 9, 2). Этот пассаж вызывает в памяти хрестоматийный отрывок из овидиевских «Метаморфоз», где также речь идет о том, что не может уничтожить (*abolere*) «лучшую часть», в том числе огонь (*ignis*) и железо (*ferrum*) (Ovid. Met. XV, 871–876). Наличие намека на балзамирование и появление «времен» отсылают нас к «пирамидам» и «бегу времен» гораццианского «Памятника» (Hor. Od. III, 30, 2–5). Интерпретируя сообщения евангелиста (Мф. 8: 23–27 и 14: 22–33), Тертуллиан замечает: «Впрочем, лодка (*navicula*) та образ Церкви предоставляла (*praeferebat*), так как она в море (*in*

marī), то есть в мире, волнами (*fluctibus*), то есть гонениями и искушениями, оказывается тревожимой» (*De bapt.* 12, 7). Эта экзегеза напоминает оду Горация (*Hor. Carmina.* I, 14) в истолковании Квинтилиана (*Quint. Inst.* VIII, 6, 44). Употребление церковным автором этих овидиевских и гораццианских реминисценций может говорить как о его умении использовать знакомые всем образы для скрытого воздействия на читателя, так и о невольном включении их в повествование. В пользу первого предположения, кроме прочего, говорит одно важное обстоятельство — сходство контекстов: словам о тленности тела и бессмертии души подбирается параллель в языческой литературе; корабль-государство Алкея-Горация вытесняется христианским кораблем-Церковью.

Весьма любопытны те пассажи, где Тертуллиан соединяет библейское и классическое. В сочинении «О воскресении плоти» он говорит о «жизни Господа», которая «сокрушила адамантовые врата смерти и медные засовы преисподней» (44, 6–7). В Септуагинте и Вульгате, однако, говорится о «медных вратах» и «железных засовах» (Пс. 106:16, ср.: Ис. 45: 2). Тертуллиан меняет местами согласованные определения при «вратах» и «засовах», заменяя прилагательное «железные» прилагательным «адамантовые» (т. е. «стальные»). Несмотря на склонность Тертуллиана к варьированию цитируемых пассажей, использование крайне редкого для Библии слова в ином, чем в Септуагинте, контексте позволяет предположить внебиблейское влияние. В самом деле, «адамантовым вратам» в рассматриваемом трактате можно найти параллели в римской литературе: *Verg. Aen.* VI, 552–554; *Ov. Met.* IV, 453; *Prop.* IV, 11, 3–4. Образ «медных засовов» также присутствовал у античных авторов (см., напр. *Verg. Aen.* VII, 609). Замена «медных врат» «адамантовыми вратами» не только свидетельствует о литературной образованности и переводческом таланте первого латинского христианского автора, но и демонстрирует его желание превратить переплетенные с библейскими классические образы в своеобразные стереотипы, которые делали его аргументы более убедительными и понятными для образованных читателей. Они, лаская слух, незаметно располагали к автору критически настроенных читателей. Заметим, что более яркий образ сокрушенных железных врат вошел в церковную традицию. Так в «Тропарях трипеснцев Цветной Триоди» автора IX века преподобного Иосифа Песнописца говорится о сокрушении Христом «верей адовых и врат железных» (пяток третьей седмице по Пасхе).

Сравнивая отсылки Тертуллиана к Библии с его отсылками к произведениям античных авторов можно увидеть, что отношение цитат к аллюзиям и реминисценциям в первом случае значительно превосходит это отношение во втором случае. Более или менее точная цитата из св. Писания, как правило, была нужна апологету для подтверждения истинности защищаемого им тезиса. Использование же классического наследия должно было оказывать не интеллектуальное, а психологическое воздействие на читателей: ведь большинство произведений (27 из сохранившегося 31-го) адресованы неязыческой аудитории и, следовательно, ссылки на древних философов и поэтов играли, вероятно, роль не решающих аргументов, а элементов своеобразной библиотерапии — одного из методов «психотерапевтической коммуникации, в котором для суггестивного воздействия на пациента (в нашем случае — на язычника или еретика. — Прим. мое. А. Б.) с целью изменить его точку зрения, настроение используются языковые средства и свойства созданных ранее другими авторами и с другими целями художественных поэтических и прозаических произведений» (Чернявская 2003: 227).

В отдельных случаях говорить о намеренном привлечении литературно-мифологических образов проблематично. Речь идет, прежде всего, о появлении фразеологических единиц и характерных одиночных слов. Примером первых служат выражение *nihil enim ad Andromacham* (*De pud.* 8, 11) в значении «<это> не к месту», «не по делу» (ср. *Strab.* VIII, 6, 23 (381); *Plut. Quaest. conviv.* I, 1, 5 (615a)) и фраза о том, что похоть и изнеженность хладают при сдерживании чревоугодия (*Adv. Marc.* II, 18, 2), являющаяся эхом поговорки из комедии Теренция *sine Cerere et Libero friget Venus* (*Eun.* 732). В качестве примера вторых приведем прилагательное *inimicus* из овидиевских «Метаморфоз» (I, 101–102), при помощи которого описывается пища людей в раю (*Adv. Marc.* II, 11, 1). Вероятно, не вполне уместная ссылка Тертуллиана в полемике с гностиками на «февральские календы» (*Adv. Marc.* V, 10, 1) появляется как некая реплика его памяти на его собственные слова из предшествующей главы «простой народ чтит умерших на основании того предположения, на основании которого надеется, что сохраняются их души» (*Adv. Marc.* V, 9, 2, ср. *Ovid. Fast.* II, 533–546). О том, что Тертуллиан мог следовать, не давая себе в этом отчета, литературной норме в ущерб церковной традиции передачи библейского текста, говорит следующий факт. В трактате «Против Маркиона» он, пересказывая восьмой псалом,

пользуется беспредложной конструкцией: «Отец <...> положит всё под ноги Его (subiciet omnia pedibus eius)» (Adv. Marc. III, 7, 5). В Септуагинте (Пс. 8: 7) и в новозаветных цитатах псалма (1 Кор. 15: 26/27, Еф. 1: 22, Евр. 2: 8) употреблен предлог (ὑποκάτω в Пс. 8: 7 и Евр. 2:8, ὑπό в 1 Кор. 15: 26/27 и Еф. 1: 22). В Вульгате во всех этих местах стоит предлог sub. Оба перевода следуют за оригиналом, где предлог есть (תחת [taħat]). У римских авторов при глаголе subicere (и при причастии subiectus) форма pedibus всегда употребляется без предлога: (Lucr. I, 78; Verg. Georg. II, 492; Liv. VIII, 9, 5; XXXVIII, 46, 3; XLV, 31, 3; Curt. Ruf. III, 10, 7; V, 2, 15; Petr. 115, 11; Hyg. Astr. III, 12, 1). У самого Тертуллиана в похожих конструкциях предлог отсутствует (De cor. 7, 4; Adv. Marc. V, 9, 13; De res. 22, 9), однако предложно-падежная конструкция все же появляется в прямой цитате в Adv. Marc. V, 17, 6 (omnia subiecisti sub pedibus eius) и в Adv. Iud. 14. Заметим, что у Илария Пиктавийского, Амвросия Медиоланского, Блаженного Иеронима, Августина при передаче соответствующей строки псалма предлог есть. Таким образом, Тертуллиан интуитивно придерживался языкового узуса при пересказе и оставался верным букве св. Писания при цитировании.

Подобно греческим церковным авторам, писавших свои апологии «в формах греческой литературной традиции, предлагающей адекватное эллину использование греческого литературного языка, принципиально отличного от языка сочинений иудейского пророчества» (Вдовиченко 2002: 74), создатель христианской латыни должен был пользоваться языком, бывшим в ходу у образованных язычников, к которым по своему происхождению относился и он сам. Этот язык изобиловал классическими аллюзиями и реминисценциями, а постоянные обращения к наследию античности были неотъемлемой чертой писателей той поры. Неслучайно родственник Тертуллиана составил комментарии к «Пинаксу» Кебета в форме вергилиевских центонов (Praescr. 39, 4). Такая ситуация была порождена всем ходом истории римского общества. Т. Д. Барнес, отметив, что «влияние античных писателей было мощным и продолжительным», заключает: «антикварное знание образовывало часть снаряжения (equipment) любого оратора того времени, и Тертуллиан едва ли может быть понят без ссылки на движение Второй софистики <...>» (Barnes 1976: 3, 19–20). Уточняя слова этого ученого, скажем, что в некоторых случаях нужно говорить об античных мотивах не как о намеренно используемом

Тертуллианом «снаряжении», а как о единственно возможном для него оформлении текста и выражения мысли. В этом случае речь лучше вести не об интертекстуальности, то есть не о литературном приеме, а о произвольно привлекаемом интертексте.

Литература

- Вдовиченко А. В. Дискурс-текст-слово. Статьи по истории, библеистике, лингвистике, философии языка. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института. 2002.
- Гаврилов А. К. Структурализм и анаграмма // О филологах и филологии: Статьи и выступления разных лет / Отв. ред. О. В. Буда-рагина, А. Л. Верлинский, Д. В. Кейер. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2001. С. 307–335.
- Ржанская Л. П. Интертекстуальность // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 539–555.
- Чернявская В. Е. Псевдонаучный текст в персуазивной коммуникации на примере анализа современных англоязычных гороскопов // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2003. С. 225–242.
- Щеглов Н. Апологетик Тертуллиана. Киев, 1888.
- Alès A. d'. Tertullien helléniste // *Revue des études grecques*. 1937. Т. 50. P. 329–351.
- Barnes T. D. *Tertullian: a historical and literary study*. 2nd edition. Oxford: Clarendon Press, 1985. XI.
- Barnes T. D. Tertullian the antiquarian // *Studia patristica*. 1976. Vol.14. P. 3–20.
- Bulhart V. Tertullian-Studien // *Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte*. 1957. Bd. 231. Abh. 5.
- Carlson M. L. Pagan examples of fortitude in the Latin Christian apologists // *Classical Philology*. 1948. Vol. 43. № 2. P. 93–104.
- Hagendahl H. Von Tertullian zu Cassiodor. Die profane literarische Tradition in dem lateinischen christlichen Schrifttum // *Studia Graeca et Latina Gothoburgensia*. 1983. Vol. 44.
- Hoppe H. Syntax und Stil des Tertullian. Leipzig: Druck und Verlag von B.G.Teubner, 1903. VII.
- Krause W. Die Stellung der frühchristlichen Autoren zur heidnischen Literatur. Wien: Herder, 1958. – 320 S.
- Marrou H.-I. Saint Augustin et la fin de la culture antique. Paris, 1938. – [6], XVI, 620, [1] p.
- Noeldechen E. Tertullian's Erdkunde // *Zeitschrift für kirchliche Wissenschaft und kirchliches Leben*. 1886. № 6. S. 310–325.
- O'Malley T. P. *Tertullian and the Bible. Language, imagery, exegesis*. Utrecht: Dekker & Van de Vegt N.V. Nijmegen. 1967. XVI.
- Rankin D. *Tertullian and the Church*. Cambridge: University Press, 1995. XVII.

A. Ju. Bratukhin. The problem of *Intertextualität* by Tertuallian

The article analyses the passages from Tertullian's treatises, where classical images, citations, reminiscences or allusions are introduced in the Christian contexts. Sometimes the apologist's reason is to exercise suggestive influence on his readers, who used to be pagans; sometimes, however, he acts involuntary featuring the trends of his days.

В. В. Василик

LITTERARIA ILLITERATA

(О некоторых фонетических особенностях и грамматических тенденциях византийского греческого языка X века на материале латинских литургических рукописей)

Резюме: Статья посвящена фонетическим и отчасти грамматическим особенностям фиксации византийских гимнов в латинской рукописи D2, относящейся к X в., из библиотеки Дюссельдорфского университета. В центре нашего внимания находится т. н. «греческая месса» (*Missa Graeca*), находящаяся на листе 203. Греческая месса представляет собой ряд гимнографических элементов, инкорпорируемых в традиционную римскую мессу: *Gloria* – Слава в вышних Богу (в латинской транскрипции рукописи – *Doxa en ypsistis theo*), *Credo* Никео-цареградский символ веры (*Pisteugo is ena theon*), *Offertorium* – Херувимская песнь (*I ta cherubin*), евхаристический гимна *Sanctus*, а также – *agnus Dei*.

В области вокализма рукопись свидетельствует о переходе *u > i*, напр.: *usus chrystus*. Возможно, *e* и *o* в некоторых позициях приобретали закрытый тембр, напр.: *patyran; istupneumatu* – вместо $\epsilon\iota\varsigma$ τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον.

В области консонантизма рукопись ясно показывает переход $\gamma > g$ фрикативное, соответствующее современному новогреческому *g*. Об этом свидетельствуют написания *yi, ayos*. Согласно данным рукописи, мягкое *k* произносилось ближе к *ich-laut*: об этом свидетельствует написание *proschinum*. Дискуссионным является произношение θ : в целом ряде случаев оно передается через *t* (*katimenos*), но встречаются надписания *th* (*theon*).

Ключевые слова: византийский греческий, латинские литургические рукописи, *Missa Graeca*.

Рукопись D2 из библиотеки Дюссельдорфского университета представляет собой сакраментарий, некогда принадлежавший фонду рукописей эссенского капитула (описана Яммерсом, см. Jammers 1952a: 17–25). В ней 236 листов, размеры – 275x195 мм. Судя по почерку, рукопись относится к X веку, возможно, создана до 962 года, поскольку писец исправил титул *rex* на *imperator*, что могло произойти только после коронации Оттона I в Риме.

В центре нашего внимания находится т. н. «греческая месса» (Missa Graeca), находящаяся на листе 203¹. Греческая месса представляет собой ряд гимнографических элементов, инкорпорируемых в традиционную римскую мессу: Gloria – Слава в вышних Богу (в латинской транскрипции рукописи – Doxa en ypsistis theo), Credo Никео-цареградский символ веры (Pisteugo is ena theon), Offertorium – Херувимская песнь (I ta cherubin), евхаристический гимна Sanctus², а также – agnus Dei.

Doxa en ypsistis theo kepigis yrini, en anthropis eudochia Eunumen se eulogumense, proschinumense, doxo logumense Eucharistumensi dia tin me galin su doxa. Kyrie basileu epuranie, The, patir pantokratoron kyrie ye mongene ysu criste ke ayon pneuma, kyrie o theos o amnos tu theu. o yos tu patros. O eron tin diatonprophiton kosmu prosdexē tin deis yn ymon. o katimenos en dexian tu patros eleyson ymas. Oty si monos ayos simonos kyrios, sy monos ypsistos³ ysus chrystus. syn agion pneumatē doxan theu patros a min.

Credo in unu[m] d[ominu]m.

Pysteugo is ena theon patyran pantokratoran pitin uranu kegis oraton panton ke aoraton

Ke is ena kyrion yson criston ton yon tu theu tommonogeni ton ek patros genithenta propanton ton eonon fos ek fotos theos alithinon ek theu alithinu genithenta pithenta omousion tu patri di u tap anta eugeniton ton do imas tus antropus ke dia tinimiteran sotirian katheltonta ek tu uranu ke sarkothenta ek pneumatous agyu ke marian tis parthenu ke antropis anta staurothenta the iper imas epi ponitu pilatu ke pathonta ke tafonta ke anastanta ti triti mera katatas gra fas keanel thonta eictus uranu ke katezomenon en en dexian tu patros ke palin ercomenon meta doxis

Kryne zontas kenacrus utis basilias ukestitelos ke istupneumatou agyon tu kyrion ke zopion

toektupatros ekporeugomenos to syn patri ke yo sinproskynumeon ke sindoxazomenos so lalisanti diatonprophiton ismian agyan catholikin ke apostolikin ecclesian omologo en baptisma is anfessin amarthian prosdocho anastasin nekron kezo intomelon tos eonos amyn

Of. Itacherubin mystikos iconi zontes ketizopion tria diton tris agyon ymnon prophagentes

¹ Этим фрагментом занимался ряд исследователей, см. Brou 1948: 165–170; Jammers 1952b; Drogerreit 1953: 110–115; Opelt 1974: 77–88.

² Одним из первых примеров Missa Graeca является фрагмент из сакраментария Сен Дени (BN lat. 2290. IX в., описана Gamber 1968: 356, no. 760. См. также Atkinson 1982; 113–45.

³ Разночтение, не встречающееся в других кодексах.

Passanyn biotikin apothometa merimnan. Oston basile on tonolon ipodexomeni ton tes angelikes aoraton doriforu menon ta xa sin. Al li luia.

Sol. Agyos agios agyos kyrios sabaoth pliris uranos ke yi tis doxis osanna entis ypsistis euloymenos oercomenos eonomati kyriu osanna entis ypsistis.

Agnus Di O annos tu oerontas marihiastu cosmu eleyson imas.

Несмотря на целый ряд исследований, некоторые фонетические и грамматические моменты нуждаются в дальнейшем исследовании. Во-первых – встает вопрос относительно первоисточника данной рукописи. Скорее всего, D2 – копия с более ранней латинской рукописи, поскольку ошибка *pantokraton* – может быть объяснено только как чтение Pantokrator: смешение *r* и *n* оказывается возможным благодаря каролингскому минускулу. Написание *ton do imas* вполне может восходить к *de imas*.

С другой стороны, возможно первоначальная транскрипция производилась если не непосредственно с унциальной греческой рукописи, то с ее учетом: на это указывает написание предлога *eic*, которое может явиться только результатом копирования с унциальной рукописи. На возможность такой рукописи, как кажется, наталкивает следующая ошибка: *kenacrus*, которая, возможно, явилась результатом некорректного написания καὶ νακροὺς

Однако, несомненен факт присутствия живого информатора с отражением живого среднегреческого произношения. Это делает еще более ранними замеченные фонетические изменения.

Рукопись дает ценные сведения о связывании в потоке речи. Мы наблюдаем связывание артиклей не только предшествующих значимому слову (например, *tonolon*), но и последующих (*amarthyantu*). Возможно связывание последующего предлога с предшествующим значимым словом: (*pneumatis doxan*). Возможно связывание в единой синтагме предлога, артикля и значимого слова (*diatonprophiton*). В потоке речи оказывается возможной ассимиляция артикля и значимого слова *tommonogeniton*. Отчасти сходное явление мы наблюдаем в унциальной триоди IX в. Р.А.И.К 109 – ассимиляцию *v* с заднеязычным в потоке речи: встречаются написания ΕΓΓΑΣΤΡΙ вместо ἐν γαστρὶ (см. об этом Василик 2005: 31–34). Транскрипция в D2 несколько изменяет наши представления о границах слога *antropis anta*, вместо ожидаемого слогоделения *an thro pi san ta*. Мы наблюдаем упрощение гласных как внутри слова (*pithenta*, *zopion*), так и на стыке слов – например *pneumatis doxan*.

В области вокализма 2 недвусмысленно свидетельствует о переходе *u* в *i* – с одной стороны нормативное использование написания игрека в написаниях *ypsistos*⁴, с другой – *usus chrystus*. Возможно, *e* в некоторых позициях приобретало закрытый тембр – *patyran*.

Возможно, что *o* произносилось в достаточно закрытом тембре: *Istupneumatu* – вместо εἰς τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον.

В области консонантизма D2 ясно показывает переход *γ* в *g* фрикативное, соответствующее современному новогреческому *g*⁵. Об этом свидетельствуют написания *yi*, *ayos*. С одной стороны, надписание типа *ayon* – не просто *g* фрикативное, а скорее *j* как в современном новогреческом. С другой стороны, форма *pisteugo* как будто говорит нам о произношении *g* фрикативного, как будто бы некоей гортанной смычки. Об этом свидетельствуют также формы *yi* (γ) *euloymenos*.

Согласно данным рукописи D2 мягкое *k* произносилось ближе к *ich-laut*: об этом свидетельствует написание *proschinumen*. С другой стороны, *χ* произносилось более жестко, об этом говорит надписание *eucharistoumen se*. Положение затрудняют такие варианты, как *ercomenon* с одной стороны, *prosdcho* – с другой. Возможно, в произношении немецкоязычных певчих при дворе Оттона, испытавших к тому же воздействие латинской традиции, где *k* и *χ* были взаимозаменяемы.

Примечательная деталь: для отражения *β* всегда используется *b*. Характерно, что у Лиутпранда Кремонского с одной стороны, *β* передается через *b*, но встречаются случаи передачи через *v* – написание *basileu* и *vasileu*. Разумеется, это еще не свидетельствует о смычном произношении *β*, а лишь говорит об аккуратности писца.

Дискуссионным является произношение *θ*: в целом ряде случаев оно передается через *t* – *katimenos*, но встречаются надписания *th* (*theon*). С другой стороны – встречается транскрипция *katheltona*, которая указывает нам на возможную метатезу.

Ряд форм, таких как *katezomenon* указывают на возможность произнесения *θ* как *t*. Дискуссионным является вопрос: относится ли это к особенностям немецкого произношения, или же к особенностям произношения греков-носителей.

⁴ Разночтение, не встречающееся в других кодексах.

⁵ См. об этом переходе в частности Browning 1969: 55.

Однако, в Р.А.И.К. 109 встречаются чередования Θ с Γ – $\Sigma\text{Π}\Lambda\text{X}\text{N}\text{I}\text{T}\text{H}\text{T}\text{I}$ ⁶, что указывает на возможность того, что в ряде случаев фонема, передаваемая на письме θ могла произноситься как смычная и в среднегреческом произношении.

Можно наблюдать некоторую тенденцию к отпадению конечного n в *Accusativus Singularis*, которая, в конечном счете, восторжествовала в димотике: например *te galin su doxa*. С другой стороны, наблюдается тенденция к замене форм винительного падежа 3 склонения на 1 склонение – *patyran, pantokratoran, basileon*.

В целом рукопись D2 является ценным источником по истории среднегреческого произношения и среднегреческой грамматики.

Литература

- Atkinson 1982 – Atkinson C. M. Zur Entstehung und Überlieferung der «Missa Graeca» // Archiv für Musikwissenschaft, 39. 1982. S. 113–145
- Brou 1948 – Brou L. Les chants en langue grecque dans les liturgies latines. Sacris Erudiri, 1. 1948. P. 165–180.
- Browning 1969 – Browning R. Medieval and Modern Greek. London, 1969.
- Drogereit 1953 – Drogereit E. Griechisch-Byzantinisch aus Essen // Byzantinische Zeitschrift T. 46,1. 1953. S. 110–115.
- Gamber 1968 – Gamber K. Codices Liturgici Latini Antiquiores. 2nd ed. Fribourg, 1968.
- Jammers 1952a – Jammers E. Die Bedeutung der Hss. Düsseldorf D 1–3 // Beiträge zur Geschichte von Stadt und Stift Essen. T. 67. Düsseldorf. 1952.
- Jammers 1952b – Jammers E. Die Essener Neumenhandschriften der Landes- und Stadtbibliothek Düsseldorf, Ratingen 1952. S. 17–25.
- Opelt 1974 – Opelt I. Missa Graeca der Liturgischen Handschrifts Düsseldorf D2 // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik, 23. 1974. S. 77–88.
- Василик 2005 – Василик В. В. О некоторых особенностях фонетики италийского диалекта византийского греческого языка по данным триоди IX в. (БАН Р.А.И.К. 109) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – IX. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. СПб.: Наука, 2005. С. 31–34.

⁶ Окказиональное смешение θ и τ вообще характерно для северной зоны среднегреческого языка, в частности, балканской. Возможно, именно благодаря этому явлению ряд греческих слов с θ в славянских заимствованиях устойчиво дает τ . Например, имя Феодор ($\Theta\epsilon\acute{o}\delta\omega\rho\omicron\varsigma$) в болгарский язык заимствовано в форме Тодор (и т. д.).

V. V. Vasilik. Litteraria illiterata. Some phonetic and grammatical features of the 10th century Byzantine Greek in Latin liturgical manuscripts

The paper addresses phonetic and grammatical particularities of the recording of Byzantine hymns in a 10th Century Latin manuscript from the Dusseldorf University Library, a Sacramentarium which used to belong to the capitule of Essen. It includes a Greek mass on folio 203, which consists of Gloria, Creed, Offertorium (Cherubic Hymn), Sanctus, and Agnus Dei hymns. The Latin transcription, though done by a very illiterate hand, reveals quite a few important phonetic and grammatical facts.

Above all, it provides information about linking devices used in the speech flow such linking articles occurring both before and after nouns (*tonolon*, *amarthyantu*), article-noun assimilation (*tommonogeniton*), amplification of nouns both inside words (*pithenta*, *zopion*), and on word borders (*pneumatis doxan*).

Also, one can see the *u > i* evolution (*ysus chrystus*); probably, *o* was pronounced with a closed timbre: *istupneumatu* instead of εἰς τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον.

The soft *k* could be pronounced closer to the *ich-laut* (*proschinumen*). The pronunciation of *θ* is uncertain: it is often transcribed as *t* (*katimenos*), but *th* (*theon*) is also found.

**IE. *gh^w in GERMANIC.
A SUPPLEMENT TO VERNER'S LAW**

Резюме: В статье рассматриваются два разных отражения индоевропейского лабиовелярного *gh^w в древнегерманском, которые могут быть обусловлены местом индоевропейского и древнегерманского ударения в слове. Выявленная закономерность соотносится с известным в индоевропеистике законом Вернера.

Ключевые слова: Germanic reflexes of the labiovelar *gh^w, Indo-European accent, Proto-Germanic, Verner's Law.

I. Introduction.

As far as I know, there occur three reflexes of IE. *k^w in the Germanic languages¹:

[1] IE. *k^w > Gmc. *hw in the initial position and medially after the stress, e.g. Gmc. *hwalaz m. 'a big fish; whale' > ON. *hvalr*, Icel. *hvalur*, OE. *hwæl*, E. *whale*, OHG. (*h*)*wal* m. 'Walfisch', *walira* f. 'Wels', late MHG. *wels* (*s*-stem) 'id.' (cf. Sevilla Rodríguez 1989: 177–180; Kluge, Seebold 1999: 872); IE. *ékwos m. (cf. Skt. *áśvah*) 'horse' > Gmc. *éhwaz m. 'id.' > Goth. *aiha-*, OSax. *ehu-*, OE. *eoh*, ON. *jór* 'horse' (de Vries 1977: 293; Lehmann 1986: 15, 100; Blažek 1999: 23).

[2] IE. *k^w > Gmc. *gw > *w or *g in the medial position before accent, e.g. Gmc. *tegwáz 'slave' > Goth. *þiwōs* m. pl. 'slaves', ON. *þewaR* 'Lehnsman', cf. OInd. *takvá-* adj. 'quick' (Lubotsky 1988: 95); Gmc. *wulgwīz f. 'she-wolf' > ON. *ylgr* f. 'id.' (de Vries 1977: 677), cf. Skt. *vrkīḥ* f. 'she-wolf, female jackal'.

¹ Abbreviations used: adj. – adjective, cf. = confer (compare), e.g. – exempli gratia, f. – feminine, id. – idem, m. – masculine, n. – neuter; No. – number, pl. – plural, PN – personal name, Sect. – section.

Languages: Att. – Attic (Greek), Dan. – Danish, Far. – Faroese, G. – German, Gk. – Greek, Gmc. – Germanic, Goth. – Gothic, Gr. – Greek, E. – English, Icel. – Icelandic, IE. – Indo-European, Lat. – Latin, MHG. – Middle High German, MLG. – Middle Low German, Norw. – Norwegian, OE. – Old English, OFris. – Old Frisian, OHG. – Old High German, OIcel. – Old Icelandic, OInd. – Old Indic, OIr. – Old Irish, ON. – Old Nordic, OSax. – Old Saxon, OSwed. – Old Swedish, PSl. – Proto-Slavic, Russ. – Russian, Skt. – Sanskrit, Swed. – Swedish, Toch. A – Tocharian A or Kuchean.

[3] IE. *k^w > Gmc. *f in some irregular cases, e.g. Gmc. *fīmfī 'five' beside Skt. *pāñca* '5', Gk. Att. *πέντε* 'id.' (< IE. *pénk^we), *fīmfīta^z 'fifth' beside Gk. *πέμπτος* 'id.' (< IE. *penk^wtos), *wūlfaz m. 'wolf' beside Skt. *vṛkaḥ* 'id.' (< IE. *u^lk^wos).

It is possible to demonstrate that these three reflexes can be attested in one and the same word, cf. IE. *uk^wnos m. 'oven' > [1] *úhwnaz (Goth. *auhns*), [2] *ugwnáz (OSwed. *oghn*) and [3] *úfnaz m. 'id.' (ON. *ofn*, OE. *ofen*, OHG. *ofan*) (Зализняк 1964: 226, No. 39.7).

Ernst Seebold (1967; 1980) finds, by analogy, three continuations of IE. *gh^w in Common Germanic: *g- (e.g. *gúnþiō f. 'fight'), *w- (e.g. *warmaz adj. 'warm') and *b- (e.g. *bedjan 'bitten', as if from IE. *gh^wedh- 'bitten, begehren')². If *b-, as well as *f-, is the result of an irregular development, then the regular distribution of the reflexes *g-/w- (both from IE. *gh^w) should be explained by analogy to the continuation of IE. *k^w. The alternation between West Germanic *baumaz m. 'tree, trunk' (OE. *beam*, OSax. *bom*, OHG. *boum*) and North Germanic *bagmaz m. 'id.' (Goth. *bagms*, OIcel. *baðmr*, OSwed. *bagn*; Зализняк 1964: 226, No. 39.1), analogical to *úhwnaz / *ugwnáz / *úfnaz, clearly demonstrates that this distribution must be connected most likely with the position of the Indo-European and Proto-Germanic stress.

In the following survey of the material I shall attempt to include those examples, for which a reconstruction with *gh^w seems reasonably well founded and which possess some accentually valuable equivalents in other Indo-European languages, especially in Sanskrit, Greek and Balto-Slavic.

² Speirs (1978: 1) notes that "the reflexes of PIE *gh^w in Germanic are still a matter of controversy". Ringe (2006: 105–116) adopts some Seebold's solutions, stressing that he has "tried to use only relatively certain examples as evidence". According to him, PIE. *gh^w became Gmc. *b in the initial position, expect "when it had already been delabialized by a following *u". However, examples for this development are rare and highly uncertain, as stressed by Polomé (1987: 306–307) and Ringe (2006: 106). In my opinion, Gmc. *b- appears to represent an irregular reflex of IE. *gh^w, as well as Gmc. *f (or *b) seems an unexpected continuation of IE. *k^w, see also Макаев (1962: 26). Most recently Johnsen (2007) has followed Seebold's way of thinking, which seems unfruitful.

1. Reflexes of IE. **gh^u* in the initial position.

In my opinion, there are only two different reflexes of IE. **gh^u* in the initial position, namely Gmc. **g* and **w*. These two reflexes occur in some related pairs of the Germanic words, e.g. **garmaz* m. ‘fire dog’ vs. **warmaz* adj. ‘warm, hot’ (both from IE. **gh^uormos*), OIcel. *gandr* adj. ‘monster, magic’, also m. ‘wand’ vs. Dan. dial. *vann*, E. *wand* ‘magic staff’, Goth. *wandus* ‘rod, twig’, OIcel. *vǫndr* m. ‘id.’ (from Gmc. **gandaz* adj. ‘monster, magic’ next to Gmc. **wandaz* / **wanduz* m. ‘wand, magic staff’). Taking into account these Germanic facts Markey (1980: 287) suggested “an apparently arbitrary alternation of *g-/w-* as reflexes initially before *a*”. In my opinion, the observed alternation is not “arbitrary”, but it is caused by a regular continuation of the Proto-Germanic variation of the original Indo-European accent. Examples discussed below seem relevant both from the etymological point of view and the accentological one.

2. Evidence for IE. **gh^u* > Gmc. **g*.

2.1. Gmc. **garmaz* m. ‘fire dog’ (cf. OIcel. *garmr* m. ‘hound of Hell, fire dog’, only in skaldic usage; Far. *garmur* ‘dog’, etc.) < IE. **gh^uórmos* m. ‘the fiery one’ (whence ‘dog of hell’). This term seems to reflect an oppositional accentuation to the Germanic adjective **warmáz* < IE. **gh^uormós* (see No. 3.1.). The same accentological opposition between a proper name and a corresponding appellation may be found in most Indo-European languages, e.g. Gk. PN Φαῖδρος vs. adjective φαιδρός ‘clear, brilliant’, Gk. PN Φριξός vs. adjective φριξός ‘standing on end, bristling’.

2.2. Gmc. **gadja* n. ‘Sinn’ (cf. OIcel. *geð* n. ‘mind, mood, spirits’, also ‘wits, disposition’, Norw. *gjed*, Dan. dial. *gied*; de Vries 1977: 159; Polomé 1987: 305, 308) < IE. **gh^uódhjom* < IE. **gh^uedh-* ‘bitten, begehren’ (Pokorny 1959: 488), cf. Greek πόθος m. ‘longing after, yearning, fond desire, regret’. See also OIr. *guide* f. ‘prayer’ (< Celtic **godyā*) and Gk. ἐπι-ποθία f. ‘a longing after’ (< IE. **gh^uódhiyā* with a retraction of the stress). An oppositional oxytone accent is seen in Gk. ποθή f. ‘fond desire, longing, want’.

2.3. Gmc. **gelda* n. ‘payment’ (cf. Goth. *gild* n. ‘tax’, OIcel. *gjald* n. ‘payment, recompense, punishment’; OE. *gyld*, *gield* ‘payment, service, substitute, sacrifice’; OFris. *jeld* ‘Kaufpreis’; OSax. *geld* n. ‘Vergeltung, Lohn’; OHG. *gelt* m. or n. ‘payment, reward, sacrifice’, G. *Geld* n.; Зализняк 1963: 140, No. 4.24; Lehmann 1986: 155; Kluge-Seebold 1999: 309) < IE. **gh^uéldh-o-m* n.

‘payment’ (see Pokorny 1959: 436), cf. Gk. τέλθος n. (*es*-stem) ‘debt, payment due’ (< *θέλθος and IE. *gh^wéldh-os- n.).

2.4. Gmc. *gúnþiz f. ‘fight, combat’ (cf. OIcel. *gunnr*, *guðr* f. ‘fight, killing’, OE. *gūð* ‘combat’, OHG. *gund-fano* ‘battle-flag’; de Vries 1977: 195; Polomé 1987: 308; Ringe 2006: 92) < IE. *gh^wntis f. (*i*-stem) ‘fight, killing’, cf. Lith. *gintis* f. ‘defence, fighting’ (2 AP appears in dialects, 4 AP in the literary Lithuanian). A Sanskrit equivalent is attested with no stress: *hatih* f. (*i*-stem) ‘striking, a stroke or blow; killing, destroying, destruction’ (Monier-Williams 1999: 1287), though Pokorny (1959 492) under the heading *gh^wen- ‘schlagen’ gives a form with the oxytone stress *hatih* f. ‘das Schlagen, Schlag, Multiplikation’. The oxytone stress is firmly reconstructed after the Germanic data (the preservation of *þ after stress according to Verner's law).

2.5. Gmc. *gúnþjō f. ‘fight’ (cf. OSax. *gūðea* f. ‘Kampf, Schlacht’; de Vries 1977: 195) < IE. *gh^wntiā f. (*ā*-stem), cf. OLit. *ginčià* f. ‘defence’, Lith. dial. *ginčià* f. ‘Streit’ (Pokorny 1959: 498); Skt. *hatyā-* f. ‘killing, slaying, slaughter’ (Monier-Williams 1999: 1287)³. The original oxytonesis can be reconstructed on the basis of the Germanic lexical material.

3. Possible evidence for IE. *gh^w > Gmc. *w.

3.1. Gmc. *warmaz adj. ‘warm’ (cf. OIcel. *varmr* adj. ‘warm’, Norw., Swed. and Dan. *varm*, OE. *wearm*, E. *warm*; OSax. *warm*, OHG. and G. *warm* ‘id.’; de Vries 1977: 646) < IE. *gh^wormós adj. ‘hot, warm’, cf. Skt. *gharmáh* m. ‘glot, heat’ (Lubotsky 1988: 89), Pashto *γarmá* f. ‘noon, heat of the sun’, also ‘sun’ in some dialects (Дыбо 1974: 81, 83; Morgenstierne 2003: 32); Greek θερμός adj. ‘hot, warm’, θερμόν n. ‘heat’, θερμά n. pl. *o*-stem ‘hot baths’ (< IE. *gh^wermós adj. ‘hot, warm’ < IE. *gh^wer- ‘to warm’). Other related terms (e.g. Lat. *formus* adj. ‘warm, hot’, Toch. B *śarme* ‘id.’) are accentologically irrelevant.

3.2. Gmc. *wada n. ‘ford’ (cf. OIcel. *vað* n. ‘ford, a shallow place in water’, Norw., Swed., Dan. *wad*; OE. *wæd* ‘water, sea’; OHG. *wat* ‘ford’; de Vries 1977: 637) < IE. *gh^wdhóm n. ‘ford’, cf.

³ Pokorny (1959: 492) gives the accented form *hatyā́* (spät!) ‘Tötung’, which is not attested in the literary sources. See also Lubotsky (1988). However, Seebold (1967: 105) refers to the Vedic compound *muṣṭi-hatyā́* f. ‘Faustkampf’.

Skt. *gādhām* n. ‘ford, shoal’. See also Lat. *vādum* n. ‘shallow, shoal, ford’.

3.3. Gmc. **wahasaz* adj. ‘pointed’ (cf. OHG. *wahs* adj. ‘scharf, spitzig’) < IE. **gh^hoksós* or **gh^huksós* adj. ‘id.’, cf. Greek φοξός adj. ‘pointed, peaked in head’ (so Seebold 1967: 111, 1980: 473–474 after Fick 1891: 348). All the Greek (and Indo-European) adjectives ending with *-so-* show the oxytone stress, e.g. Gk. καμψός adj. ‘crooked, bent’, φριξός adj. ‘standing on end, bristling’ (Chantraine 1968–1977: 1221–1222).

3.4. Gmc. **wība* n. ‘woman, wife’ (cf. OIcel. *víf* n. ‘woman, weif, lady’; OE. *wīf*, E. *wife*; OSax. *wīf*; OHG. *wīb*, G. *Weib* n.; Зализняк 1963: 145, No. 4.78; de Vries 1977: 661; Kluge-Seebold 1999: 879) < IE. **gh^hīpóm* n. ‘shame’, cf. Toch. A *kip*, B *kwipe* ‘shame, pudenda’ (Hilmarsson 1996: 208–211). The original oxytone accent is confirmed by Verner’s law (IE. **p* > Gmc. **b* before stress).

3.5. Gmc. **wambō* f. ‘belly’ (cf. Goth. *wamba* f. ‘womb, belly’; OIcel. *vomb*; OE. *wamb*, E. *womb*; OFris., MLG. *wamme*; OHG. *wambo*; G. dial. *Wamme*, *Wampe*; Зализняк 1963: 148, No. 7.19; Seebold 1980: 470–471; Lehmann 1986: 393; Kluge-Seebold 1999: 874) < IE. **gh^hombhā* f. ‘belly, womb, vulva’, cf. Skt. *gabhāḥ* m. ‘vulva’ (Monier-Williams 1999: 346), as if from IE. **gh^hm̃bhós* m. ‘id.’.

Further examples for the development of IE. **gh^h-* to Gmc. **w-* are disputable etymologically and uncertain accentologically. Gmc. **wōpiaz* adj. ‘pleasant, sweet’ (Goth. *dauns wōpi* ‘sweet smell’, OE. *wēðe* adj. ‘sweet, pleasant’, OHG. *wuodi* adj. ‘sweet, mild’, OIcel. *óðri* ‘better’; Seebold 1967: 110, Polomé 1987: 309) appears to be related to the Greek gloss φώτιον · προσφιλές, ἡδύ (‘pleasant, sweat’), which is attested in the Hesychian glossary (VI cent. AD). The gloss in question is given without ethnic reference, thus it is uncertain whether initial φ- represents a dialectal rendering of the Greek digamma (like in Pamphylian) or a regular Greek reflex of IE. **bh* or perhaps IE. **gh^h*. Theoretically, the suggested Greek-Germanic isogloss, which seems unpeccable from the semantic and accentual point of view, could derive from IE. **gh^hōtijos* or **gh^huksijos*, but I would prefer a reading of the letter φ- as a Pamphylian rendering of Common Greek **f-* (cf. Gk. Pamph. φίκκατι ‘twenty’ < Gk. **fίκατι* < IE. **uīkmti* ‘20’). In this case an alternative derivation from IE. **uōtijos* adj. ‘pleasant, sweat’ is highly probable, whereas a root connection with OInd. (RV) *vāmāḥ* adj.

'lovely, dear, pleasant, agreeable, fair, beautiful, splendid, noble' (as if from IE. **uō-mó-s*) cannot be excluded (cf. de Vries 1977: 684).

4. Possible evidence for -gh^u- > Gmc. -g-.

4.1. Gmc. **dagaz* m. 'day' (cf. Goth. *dags*, OIcel. *dagr*, E. *day*, OSax. *dag*, OHG. *tag*, G. *Tag* 'day'; Зализняк 1963: 130, No. 1.12; de Vries 1977: 71–72; Lehmann 1986: 86) < IE. **dhogh^uós* m. 'hot weather', cf. Lith. *dāgas* m. 'heat of day, harvest' 4 AP (Illich-Svitych 1979: 30, Sect. 10), Skt. *ni-dāgháh* m. 'heat, warmth; the hot season (May and June), summer; internal heat' (Monier-Williams 1999: 548). The Indo-European appellative is a derivative from the root **dhegh^u*- 'to burn, to warm' (Pokorny 1959: 240; Watkins 1970: 1512).

4.2. Gmc. **sangaz* m. (*o*-stem) 'song' (cf. OIcel. *sqngr* m. 'song, music, melody, priest's poem', OE. *sang*, E. *song*, OSax. *sang*, OHG. *sang*, cf. Gothic *saggws* m. *i*-stem 'Gesang'; Зализняк 1964: 188, No. 26.26; de Vries 1977: 578) < IE. **songh^uós* m. 'voice, sound, song', cf. Greek ὀμφή f. 'voice, sound' (< IE. **songh^uá* f. 'id.').

4.3. Gmc. **angáz* m. (*o*-stem) 'smell' (cf. OIcel. *anгр* m. 'Duft, Geruch'; de Vries 1977: 10) < IE. **ongh^uós*, cf. Gk. dial. ὀμφή f. 'smell' (< IE. **ongh^uá* f. 'id.'). The same root **ongh^u*- may be found in Common Slavic **qchъ* m. 'smell' (cf. Pol. *węch* 'sense of smell') (< **ongh^u-só-*) and **qchati* vb. 'to smell' (cf. Pol. *wachać* 'to smell') (an extension on -s- from the Indo-European root **ongh^u*-).

4.4. Gmc. **wagjaz* m. 'wedge' (OIcel. *veggr* m. 'Keil'; OE. *wecg*, E. *wedge*; OSax. *veggi*, OHG. *weggi*, *wecki* m. 'wedge'; Зализняк 1964: 214, No. 31.14; Seebold 1967: 128–129; de Vries 1977: 650) < IE. **uogh^uíos*, cf. Lith. *vāgis* m. 'wedge' (4 AP in the dialects, but a secondary 2 AP occurs in the standard language), Latvian *vadzis* m. 'wedge' (Fraenkel 1962–1965: 1179). The nominal root **uegh^u*- ~ **uogh^u*- is attested in Greek (Hesychian) ὄρνις f. 'ploughshare; plough' (< IE. **uogh^u-ní-s*), Lat. *vōmer* n. (*es*-stem) 'ploughshare' and perhaps in Old Irish *fecc* 'tooth' (as if from Celtic **vegnā* f. and IE. **uegh^u-nā-*).

4.5. Gmc. **tungōn* f. (*n*-stem) 'tongue' (Goth. *tuggō*, OIcel. *tunga*, OE. *tunge*, E. *tongue*, OSax. *tunga*, OHG. *zunga*, G. *Zunge* f. 'tongue'; Зализняк 1963: 156, No. 14.15) < PGmc. **tung^wō* f. (*ō* stem, remodelled later as an *ōn*-stem) < IE. **dn̄ghuā* f. 'tongue' (Ringe 2006: 81, 90–91). The oxytonesis is confirmed by OInd. *jihvā* f. 'tongue' (Monier-Williams 1999: 422; Lubotsky 1988: 103). Other

related terms (e.g. OLat. *dingua*, Lat. *lingua* f. ‘tongue’, Avest. *hizū-* and *hizuvā-* f. ‘id.’) are accentologically irrelevant.

4.6. Gmc. **lungraz* adj. ‘swift’ (cf. OSax. *lungar* ‘powerful’, OE. *lungre* adv. ‘quickly, soon’; Ringe 2006: 91, 92) < PIE. **h₁lngh^hrós* adj. ‘light (in weight)’, cf. Gk. ἕλαφρός adj. ‘light, nimble’. All the adjectives which end with the suffix **-ro-* demonstrate the oxytone stress.

5. Possible evidence for *-gh^h-* > Gmc. *-w-*.

5.1. Gmc. **snaiwaz* m. ‘snow’ (cf. Gothic *snaiws*, ON. *snaer*, OE. *snaw*, E. *snow*; OSax. *sneo*, OHG. *sne(o)*, G. *Schnee*; Зализняк 1964: 189, No. 29.31) < IE. **snóigh^hos* m. ‘snow’ (Ringe 2006: 107), cf. PSl. **sněgъ* (gen. **sněga*) AP a ‘snow’ (cf. Pol. *śnieg*; SC. *chêg*, *chêga*; Slovenian *snêg*; Russ. *снег*, *снѣга*; Derksen 2008: 457); Latv. *snēgs*, Lith. *sniėgas* ‘snow’ 2 AP in a north-western Žemaitis dialect, but 4 AP (of secondary origin) is more usual in the dialects and in the standard language (Illich-Svitych 1979: 102, Sect. 44).

5.2. Gmc. **sarwaz* m. ‘roach, *Rutilus rutilus* L.’ (cf. OSwed. *sarv*, Swed. *sarv*, *sarf*) < IE. **sórgh^hos* m. ‘a kind of fish’, cf. Greek (Herodian) ὄρρος m. ‘a sea-fish’. See also Russ. *copóza* f. ‘roach’ (< PSl. **sorga* f. and IE. **sorgh^hā* f. ‘a kind of fish’).

5.3. Gmc. **rawiz-* n. (*es*-stem) ‘reed’ and **rawizaz* m. (secondary *o*-stem) ‘id.’ (cf. Goth. *raus* n., ON. *reyr* n., OHG. *ror* n., MLG *ror*; also ON. *reyrr* m. *a*-stem ‘reed’, OHG. *rorra* f. *jō*-stem ‘id.’; de Vries 1977: 443, Lehmann 1986: 282) < PIE. **h₃rógh^hes-* n. (*es*-stem) ‘reed’, cf. Gk. ῥορός n. (*es*-stem) ‘reed used for thatching houses’ (< **ῥόροφος*). A related form is seen in Slavic **rogozjъ* ‘reed’ (< IE. **H₃rógh^h-*).

5.4. Gmc. **newran-* n. or m. (*n*-stem) ‘kidney’ (OÍcel. *nýra* n., OSwed. *niure*, ME. *nere*, MLG. *nere*, OHG. *nioro* m.; Зализняк 1964: 217, No. 32.21; Seebold 1967: 117; de Vries 1977: 413) < IE. **négh^hron-* (Pokorny 1959: 318), cf. Praeneste Latin *nefrōnes* m. pl., Lanuvian *nebrundines* ‘kidneys’ (Muller 1926: 285–286). The *n*-stem neuters are always barytone both in Sanskrit and Greek (Lubotsky 1988: 108, 147; Risch 1974: 59–62). Thus by an accentological analogy the Germanic appulative *neuran-* (representing a neuter, cf. OÍcel. *nýra* n. ‘kidney’) had to possess originally the barytone stress (IE. **négh^hron-*). The *o*-stem appulative, attested in Gk. νεφρός m. ‘kidney’, usually in pl. ‘kidneys’ (< IE. **negh^hrós*), presents an oppositional accentuation.

At present I can find only these 20 items. For other, but accentually or etymologically irrelevant, examples, see Seebold (1967: 105–130; 1980: 450–484) and Polomé (1987: 303–310).

On the basis of the above-mentioned lexical material it should be concluded that the initial IE. *gh^w- yields Gmc. *g- in the position before accent, *w- elsewhere. In the medial position the continuants of IE. *gh^w show the same distribution (i.e. -g- before accent, -w- elsewhere).

The development of IE. *gh^w appear to be analogous to the development of the Indo-European voiceless consonants in Germanic (e.g. IE. *k yields Gmc. *h initially, but both *h and *g in the intervocal position). The last process is explained by the so called Verner's law (see Collinge 1985: 203–216). It seems highly probable that the double reflexes of IE. *gh^w were caused by a phonological rule similar to Verner's law (*G. das Vernersche Gesetz*).

6. Conclusions.

The above analysis of the Germanic lexical material shows clearly that the double representation of IE. *gh^w in Proto-Germanic is determined by position of the Indo-European and Proto-Germanic stress. Generally, if one compares the Germanic forms and their Indo-European prototypes from the view-point of Indo-European accentuation, it is easy to prove that IE. *gh^w is reflected as Gmc. *g before stress (see No. 2.1–5; 4.1–6) and Gmc. *w elsewhere (see No. 3.1–5; 5.1–4).

References

- Дыбо 1974 – Дыбо В. А. Афганское ударение и его значение для индо-европейской и балто-славянской акцентологии, часть I. Именная акцентуация // Балто-славянское исследования. М.: «Наука». С. 67–105.
- Макаев 1962 – Макаев Е. А. Сравнительная грамматика германских языков, т. II: Фонология. М.: Издательство Академии Наук СССР.
- Зализняк 1963–1964 – Зализняк А. А. Материалы для изучения морфологической структуры древнегерманских существительных. Ч. I // Этимология 1963. С. 124–160; idem. Ч. II // Этимология 1964. С. 160–235.
- Blažek 1999 – Blažek V. Is Indo-European *H₁ekwo- 'Horse' Really of Indo-European Origin? // *Studia Indogermanica Lodziensia* 2, 1999. P. 21–32.
- Chantraine 1968–1977 – Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. I–IV, Paris: Éd. Klincksieck.
- Collinge 1985 – Collinge N. E. The Laws of Indo-European. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

- Derksen 2008 – Derksen R. Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon. Leiden; Boston: E. J. Brill.
- de Vries 1977 – de Vries J. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. 2. verbesserte Auflage. Leiden; E. J. Brill.
- Fick 1891 – Fick A. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. 4. Auflage. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht's Verlag.
- Hilmarsson 1996 – Hilmarsson J. Materials for a Tocharian Historical and Etymological Dictionary. Reykjavík: Málvísindastofnun Háskóla Íslands.
- Illich-Svitych 1979 – Illich-Svitych V. M. Nominal Accentuation in Baltic and Slavic. Cambridge (Massachusetts); London (England): The MIT Press.
- Johnsen 2007 – Johnsen S. The development of voiced labiovelars in Germanic // Harvard Working Papers in Linguistics 12, 2007. P. 15–26.
- Kluge, Seebold 1999 – Kluge F., Seebold E.. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 23. Erweiterte Auflage / bearbeitet von E. Seebold. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Lehmann 1986 – Lehmann W. A Gothic Etymological Dictionary. Leiden: E. J. Brill.
- Lubotsky 1988 – Lubotsky A. M. The System of Nominal Accentuation in Sanskrit and Proto-Indo-European. Leiden; New York; København; Köln: E. J. Brill.
- Markey 1980 – Markey Th. L. Delabialization in Germanic // Folia Linguistica Historica 1(2). P. 285–293.
- Monier-Williams 1999 – Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers.
- Morgenstierne 2003 – Morgenstierne G. A New Etymological Vocabulary of Pashto. Wiesbaden: Reichert Verlag.
- Muller 1926 – Muller F. Altitalisches Wörterbuch. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Pokorny 1959 – Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München: Francke Verlag.
- Polomé 1987 – Polomé E. C. Initial PIE **gwh-* in Germanic // E. Cardona, N. H. Zide (eds.). Festschrift for Henry Hoenigswald. On the Occasion of his Seventieth Birthday. Tübingen: Gunter Narr Verlag. P. 303–313.
- Ringe 2006 – Ringe D. From Proto-Indo-European to Proto-Germanic, Oxford; New York: Oxford University Press.
- Risch 1974 – Risch E. Wortbildung der homerischen Sprache. Zweite Auflage. Berlin.
- Seebold 1967 – Seebold E.. Die Vertretung von idg. **g^h* im Germanischen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung (KZ) 81. P. 104–133.
- Seebold 1980 – Seebold E.. Etymologie und Lautgesetz // M. Mayrhofer, M. Peters, O. E. Pfeiffer (Hrsg.). Lautgeschichte und Etymologie. Akten der VII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. Wien 24.-29. September 1978. Wien: Reichelt Verlag. P. 450–484.
- Sevilla Rodríguez 1989 – Sevilla Rodríguez M.. Indo-European **(s)k^walōis* 'sheat-fish' // Journal of Indo-European Studies 17, No. 1–2. P. 177–180.

Speirs 1978 – Speirs A. G. E. The Proto-Indo-European Labiovelars, Amsterdam.

Watkins 1970 – Watkins C.. Indo-European Roots // Morris W. (ed.). The American Dictionary of the English Language. Boston; New York; Atlanta; Geneva (Illinois); Dallas; Palo Alto: American Heritage Publishing Co., Inc. And Houghton Mifflin Company. P. 1505–1550.

K. T. Witczak. IE *gh^w in Germanic. A Supplement to Verner's Law

Two regular reflexes of IE. *gh^h in Proto-Germanic (*w and *g) can be explained by the place of the Indo-European accent, e.g. Gmc. *garmaz m. 'fire dog' (< IE. *gh^hórmós) vs. Gmc. *warmaz adj. 'warm, hot' (< IE. *gh^hormós); Gmc. *dagaz m. 'day' (< IE. *dhogh^hós) vs. Gmc. *snaiwaz m. 'snow' (< *snóigh^hos m. 'snow'). The double distribution of IE. *gh^h in Proto-Germanic, which is motivated by the primitive accent, can be described as a rule similar to *das Vernersche Gesetz*.

ОБ ИМЕНАХ ВЕДИЙСКИХ БОГОВ

Резюме: Работа посвящена определению некоторых особенностей именования ведийских богов. Рассматриваются характерные для ведийских гимнов описательные имена мифологических существ: эпитеты, наименования по атрибуту, по роли божества в ведийской мифологии, кроме того, имена собственные, которые можно рассматривать как свернутые рассказы об известных мифологических сюжетах, и т.п. Функционирование имен собственных определяется в контексте наличия разветвленной синонимии и полисемии в древнеиндийском языке.

Ключевые слова: имена собственные ведийских богов, принципы номинации мифологических существ, эпитет, атрибут.

По мнению ведийских риши, речь обладала созидательной функцией, а установление имени вызывало к жизни его носителя и отражало саму природу именуемого объекта. Поэтому правильное называние способствовало познанию устройства мира, характеризовало персонаж, указывало на функции божества и на его место в пантеоне ведийских богов. Слово наделялось магической силой, смысл «тайных» имен открывался в результате мистического откровения только жрецам.

Имена богов в Ригведе называются «тайными», т. к. они напрямую связаны с божеством, поэтому узнавание и правильное употребление имени бога способствует непосредственному общению с божественной стихией. Такие имена раскрывают «природу» богов: *devānāṃ gúhyā nāmāni* (V,5,10) – «тайные имена (природа) богов». В некоторых гимнах тайное имя Индры употребляется как эквивалент Индры-демиурга: *mahāt tán nāma gúhyam... yéna bhūtām janayo yéna bhávyam* (X, 55, 2) «Велико твое тайное имя..., которым ты создал все сущее и имеющее быть». Для древних индусов «имя является функцией от природы называемого именем, а множество имен одного и того же существа рассматривается как отражение его способности появляться в многочисленных формах» (Огибенин 1966: 217).

В Ведах имена собственные¹ различных богов встречаются довольно часто, что неудивительно, поскольку Веда представляет собой тексты заклинаний, произносимых жрецами во время ритуальных действий. Исследователи поэтики гимнов Ригведы (начиная с Ф. де Соссюра) неоднократно обращали внимание на то, что наряду с именами богов и различными формами обращения к божеству, в текстах используются косвенные указания на божество: постоянные эпитеты, упоминание характерного атрибута или ссылка на мифологический сюжет, действующим лицом которого выступает именуемое божество.

Архаичное сознание индусов проявлялось в том, что многие боги древнеиндийского пантеона представляли собой персонификацию природных явлений. Имя нарицательное одновременно служило собственным именем божества: *agní* – огонь и имя бога огня, *sūrya* – солнце и бог солнца, *vāyu* – ветер и бог ветра, *uṣās* – богиня утренней зари и т. п. В основе этого явления лежало не просто сравнение, а полное отождествление божества и стихии, свойственное архаичному сознанию. «Когда Индра в гимнах «Ригведы» сравнивается с быком или когда Агни, Сома, Ашвины и другие сравниваются с птицами, это означает не просто художественный образ, но говорит о том, что некогда сами эти божества почитались в образе быка или птицы, о зооморфных божествах, предшествовавших стадии антропоморфизма» (Эрман 1980: 105). Обожествление явлений природы, различных животных и растений, характерное для мифологического мышления, находило отражение в языке, богатом яркими образами и метафорами. Вот например, как поэтически представляется в гимне зарождение нового дня, которое является результатом деятельности некоторых божеств:

*ábodhy agnír jímá úd eti sūryo
vy uṣás candrá mahy āvo arcíṣā
āyukṣātām aśvínā yātave rátham
prāsāvīd deváh savitā jágat pṛthak (I, 157, 1)*

¹ Отдельной проблемой, на которую обращали внимание исследователи, является установление критерия для разграничения имен собственных и апеллятивов, ведь и те и другие являются наиболее произвольными наименованиями, целиком зависящими от создателя текста и определяемые контекстом. Кроме того, практически любое нарицательное имя в Ригведе может стать именем собственным, поэтому отличить имя от не-имени не всегда возможно.

«Проснулся Агни, [над] землей встает Сурья;
 Мерцающая большая Ушас сверкает своими лучами.
 Ашвины запрягли свою колесницу для поездки;
 Бог Савитар все, что живет, каждого побуждает [к делу]»

Каждое божество имеет в текстах Ригведы множество различных именовании: метафорических обозначений, эпитетов и перифрастических конструкций. Особенно разнообразны имена бога огня – Agni (Агни), который называется «знатоком всех живых существ», «сидящим на алтаре», «имеющим семь языков»², «отпрыском самого себя», «оставляющим черный след», «имеющим возницей ветра», «огнеязычным» и т. п. В гимне Агни, открывающем все собрание Ригведы, имя бога употребляется в различных падежных формах, затем приводится множество описательных имен этого божества, а в конце гимна усиливаются звуковые намеки на имя Агни³. В Ригведе наибольшее количество гимнов посвящено именно богу огня, поэтому количество описательных имен, эпитетов и перифрастических наименований этого божества в исследуемых текстах очень велико. Мы обратим внимание лишь на одно из имен бога огня, которое отождествляет Агни с жертвой, поскольку речь идет о ритуальном жертвенном костре.

Агни говорит о себе: «по имени я жертвенное возлияние» – havír asmi nāma (III, 26, 7); Агни – «средоточие жертвы» – nābhir uajñānām (VI, 7, 2); «царь жертв» – adhvaréṣu rājā (V, 4, 1); «символ жертвы» – uajñāsyā ketúḥ (V, 11, 2); «посланец жертвы» – dūtó adhvarāsyā (VII, 7, 1) и т. п.

Сурья (Sūrya) – бог солнца – также имеет множество наименований. Например, Сурья называется «небесной птицей» – divyāḥ suparnāḥ (IX, 71, 9); «колесом солнца» – cakra sūrya (I, 175, 4); «глазом богов» (в частности, глазом Митры-Варуны) – cakṣur (váruṇasya mitrásyā) (VI, 51, 1) и т. п.

² Семязыкие скакуны Агни – языки пламени. Например, vasyántām te vāhnauḥ saptájihvāḥ (III, 6, 2) «Пусть скачут галопом твои семязыкие скакуны!».

³ На роль «изобразительного употребления» имен богов в гимнах Ригведы обратил внимание еще Ф. де Соссюр в «Анаграммах» (Соссюр 1977: 640).

Бесчисленное количество именовании имеет богиня утренней зари Ушас⁴. Она может быть названа *sukṛā* – «сияющая», *vibhātī* – «сверкающая», *śasvattamā* – «первая из приходящих», *bodhayantī* – «бдящая», *maghonī* – «щедрая», *purāṇiyuvatiḥ* – «старая и новая», *mātā devānām* – «мать богов» и т. п. Интересным представляется название Ушас как *dive dive adhi nāmā dādhanā* «день за днем принимающая новое имя» (I, 123, 4), которое отождествляет саму богиню и ее имя.

Ашвины (*aśvīn* «имеющий коней», «правлящий конями») – вечно юные и прекрасные братья-близнецы, первыми появляющиеся в утреннем небе на золотой колеснице. Ашвины наиболее благосклонны к людям, они посылают на землю живительный дождь, который отождествляется с медом, поэтому они именуется *madhvī* – «медовыми» или *madhūyuvā* «любящими мед» (V, 73, 8; V, 74, 9). Своих крылатых лошадей Ашвины погоняют хлыстом, называемым «медоносным, источающим мед (дождь)»:

yaḥ vāṃ kāsā mādhumaty
 aśvinā sūṅtāvatī
 tāyā yajñām mimikṣatam (I, 22, 3)

«Ваш медоносный хлыст,
 О Ашвины, приносящий благо,
 Оросите им жертву!»

Савитар (*Savitar* – «побудитель») олицетворяет животворную силу солнца, пробуждающего к жизни все живое.

Исследователями неоднократно отмечалось наличие богатой синонимии и полисемии как яркой черты древнеиндийского языка, имеющего развитую литературную традицию (Елизаренкова 1982: 39). Что касается наименований индийских богов, стоит заметить, что многочисленные синонимичные названия божества отражают мифологические, религиозные и пр. характеристики именуемого персонажа. Разнообразные имена божеств в ведийских гимнах указывают на различные функции богов и их роль в поддержании мирового порядка.

Параллельными именами божества, образующими ряд синонимичных именовании, становятся постоянные эпитеты именуе-

⁴ Подробный список эпитетов Ушас приведен в работе Т. Я. Елизаренковой и В. Н. Топорова «О древнеиндийской Ушас и ее балтийском соответствии» (Елизаренкова, Топоров 1964: 71).

мого персонажа. Эти эпитеты способствуют индивидуализации образа, характеризуя носителя имени и выделяя его среди других богов. Индивидуализация представляется наиболее важной функцией имени собственного. Очень часто в основе номинации лежит какой-то важный признак, характеризующий, конкретизирующий носителя имени, а само название подчеркивает яркую черту физического облика божества.

Например, Шива получает имена *lalāṭākṣa* (*lalāṭa* + *akṣin*) «*имеющий на лбу глаз*» или *tri-lokana* «*трехглазый*», а Вишну характеризуется как *caturṣrāṇi* (*catur* + *rāṇi*) «*четырёхрукий*».

Иногда индивидуализирующим признаком является наличие у божества определенного атрибута. Так, Вишну характеризуется как имеющий в качестве особого оружия диск, поэтому он может быть назван *sakreśvara* (*sakra* + *īśvara*) «*господин (хозяин) диска*». Иногда диск Вишну отождествляется с солнцем, а Вишну называется *sakra-dhara* «*владыка жизни*» («*несущий колесо*»).

Шива называется *sandra-cūḍa* – «*имеющий лунную диадему*». А Индра вооружен боевым оружием – ваджрой (*vajra*) (I, 8, 3; III, 44,5 и др.)⁵.

Многочисленные именованья Индры связаны с сюжетом освобождения коров (III, 31,8) или (III, 44, 5). Индра – предводитель народов отождествляется с быком, который гонит стада (I, 7, 8): *vṛṣabhāḥ pāti* (I, 9, 4) «*бык повелитель*», *vṛṣabhāś carṣaṇīnām* (VI, 18, 1) «*бык [среди] людей*».

В одном из гимнов сам Индра и его атрибуты уподобляются быку:

vṛṣā te vājra utā te vṛṣā rātho
vṛṣaṇā hārī vṛṣabhāṇy āyudhā
vṛṣṇo mādasya vṛṣabha tvām īśiṣa
*īndra sōmasya vṛṣabhāsya tṛṇṇuhi*⁶

«Твоя ваджра – бык, и твоя колесница – бык, [твои] буланные [кони] – быкоподобны, быкоподобно [твое] оружие. Ты, о бык, повелеваешь

⁵ В ведийской мифологии ваджра Индры связывается с дождем, а сам Индра с Паржданьей (*Parjanya*) – богом грозы и дождя (VII, 101–108).

⁶ Очевидно, что многократное повторение слова *vṛṣaṇ* ‘*бык*’ представляет собой магическую игру именем бога, при этом сочетание *vṛṣ* созвучно слову *vṛṣaṇṭi* ‘*оплодотворяющий поток, дождь*’, что вызывает ассоциацию со способностью Индры вызывать дождь (Огибенин 1968: 96).

быкоподобным опьяняющим питьем. Пей де досыта, о Индра, быкоподобного сому».

Как уже было сказано, важной особенностью имен ведийских гимнов является чрезвычайно развитая полисемия. Одно и то же слово может называть совершенно разные объекты, связь между которыми устанавливается в тексте конкретного гимна. Иногда одно имя, один эпитет принадлежит различным божествам, становится общим для них, и при употреблении его в тексте не всегда бывает ясно, о каком именно мифологическом персонаже идет речь.

Так, эпитеты Шивы, могут быть употреблены и по отношению к другим богам древнеиндийского пантеона, таким как Индра, Агни и др.: *parameśvara* (*parama* + *īśvara*) – *Всевышний* (букв. «*высшее божество*»); *jīviteśvara* (*jīvita* + *īśvara*) – букв. «*Владыка жизни*»; *jīvitāntaka* (*jīvita* + *antaka*) – букв. «*Прерывающий жизнь*»; *tīrtha-kara* – букв. «*Указывающий жизненный путь*» и т. п.

Интересно, что «*владыкой мира*», например, может называться в текстах Ригведы любое божество независимо от его положения в иерархии богов.

Об Индре, Вишну и Варуне может быть сказано *sató asyá gája* (VII, 87, 6) «*царь всего сущего*», ведь именно так называются покровители и хранители космического порядка. Иногда функции некоторых богов совершенно не разграничиваются, два божества сливаются в единое мифологическое существо. Например, Митра-Варуна (*mitrāv́aruṇā*) – парное божество, образующее мистическое единство, которое охраняет вселенский порядок. Эти объединенные под общим именем божества противопоставляются как близкий – далекому, дневной – ночному и т.п.

Амбивалентность образа божества проявляется в том, например, что Шива изображается одновременно и сверкающе-солнцеподобным и темным, истребителем всего живого и целителем, защитником скота и т. п. Композит, в составе которого объединяются разные слова (часто с противоположным значением), является средством номинации сложного объекта, воспринимаемого сознанием как нечто цельное. *Dvandva* с амбивалентным значением отражают понимание устройства мира как сосуществования противоположных начал: добра и зла, света и тьмы, счастья и несчастья и т. п. Эти явления противопоставлены лишь в сознании человека, они, по мнению древних

индусов, являются проявлением иллюзорности, относительности реального мира при неизменной сущности миропорядка⁷.

Любопытно отметить, что при именовании двух божеств характерные признаки одного из них могут переноситься и на другого. Например, божество Индра-Агни определяется эпитетом *vṛtrahaṇā* «убийца Вритры», хотя этот подвиг приписывается исключительно Индре (III, 12, 6; III, 20,4).

Многозначность имени божества может доходить до антонимии, т.е. до наличия противоположных значений у одного слова. Это свойство распространяется и на богов, когда одно и то же божество наделяется и созидающей, и разрушающей силой. Например, Рудра (*Rudrá* – букв. «красный») свиреп и разрушитель, в гимнах Ригведы он часто называется «красный вепрь небес». Иногда Рудра именуется *Jvaḡa* («лихорадка, жар, боль, страдание»), потому что его стрелы – страшные болезни, посылаемые на людей. Однако это же божество является источником жизни и плодородия, Рудра – великий лекарь, в чем и проявляется амбивалентность образа божества (см., напр.: I, 114; VII, 46; или II, 33). Любопытно, что индуистская троица – Брахма, Вишну и Шива с присущим им разделением ролей – сложилась значительно позже, тогда как ведийские божества очень часто совмещают роли разрушителя и создателя, губителя и спасителя людей и т. п.

В гимнах неоднократно упоминаются и обыгрываются основные мифологические сюжеты. Часто имя собственное в Ригведе можно рассматривать как закодированное сообщение, свернутый рассказ, поскольку в тексте содержатся только намеки и ссылки на известные мифологические сюжеты. Эти мифы приходится восстанавливать на основании эпитетов и других

⁷ Интересно заметить, что мир в сознании древних индусов характеризуется дуальностью: верхний мир – нижний мир, день – ночь, боги – асуры и т. д., что отражается и в структуре сложного слова *dvandva*:

- *ahorātram* ‘день и ночь, т. е. сутки’;
- *sandrādityāu* ‘луна и солнце’;
- *dyāvāpṛthivyaū* ‘небо и земля’ и т.п.

Иногда дуальность строения мира отражалась в сочетании имен двух богов или мифологических существ, трактуемых как нечто единое: *uśāsānaktā* ‘Ушас (богиня утренней зари) и Ночь’. Или *dyāvāpṛthivī* ‘небо и земля’ парное божество, олицетворяющее мужское и женское начало, от союза которых произошла вселенная и все живущие на земле.

характеристик богов, воспеваемых в гимнах, а также по отдельным ссылкам на мифологические сюжеты.

Например, неоднократно упоминается в гимнах Ригведы (I, 154, 3–4; I, 122, 17 и др.) сюжет о трех шагах Вишну (*tri-vikrama* – «*три шага*»). Вишну в образе карлика (пятое его воплощение) является к предводителю демонов Бали и просит в дар столько земли, сколько Вишну сможет пройти тремя шагами. Получив согласие, Вишну принимает свой истинный облик и покрывает тремя шагами три сферы мироздания: землю, небо и атмосферу. Таким образом, Вишну отбирает у демонов вселенную и создает мифологическое пространство. «В символизме «трех шагов» Вишну следует видеть метафорическое описание прохождения Вишну трех космических зон и создание пространства, являющегося одной из существеннейших характеристик ведийской вселенной» (Огибенин, 26). Об этом деянии Вишну так говорится в Ригведе: *yásyorúṣu triśú vikrámaṇeṣv adhikṣiyánti bhúvanāni víśvā* (I, 154, 2) «*в чьих трех широких шагах укрываются все существа*».

Шива называется *tripura-ghātin* – букв. «разрушитель Трипуры» или *tripura-druḥ* – букв. «враг Трипуры». Это именование основано на сюжете о том, что Шива сжег Трипуру – тройной город, который был построен Маей для демонов-асуров.

Как уже было сказано, важным атрибутом Индры является ваджра – оружие, которым Индра разбил скалу Вала⁸ (I, 62, 4; II, 11, 20) и освободил похищенных коров. Именно этот мифологический сюжет позволяет назвать Индру *aṃhomuc* (от *aṃhas*) (X, 63, 9) «освобождающим» и *diváḥ adavír gavyúr* (III, 31, 8) «ищущим пути неба, ищущим скот».

Перечисление многочисленных имен ведийских богов, нанизывание этих наименований, семантические и звуковые ассоциации с именем божества способствуют созданию сложного, часто непонятного текста гимнов. Символическое употребление имен собственных в ведийской поэзии нередко способствует тому, что один и тот же текст может быть понят в разных ключах, в нескольких значениях одновременно. Развитую синонимию и полисемию имен создатели ведийских гимнов сознательно используют в «игре слов», создавая неясный, полный намеков и подразумеваемых значений стиль Ригведы.

⁸ *Valá* (букв. «закрывающий») – скала, в которую были спрятаны коровы.

Литература

- Aufrecht 1955 – Aufrecht Th. Die Hymnen des Rigveda. Berlin. 1955. I, II.
- Елизаренкова 1982 – Елизаренкова Т. Я. Грамматика ведийского языка. М.: Наука, 1982.
- Елизаренкова 1993 – Елизаренкова Т. Я. Язык и стиль ведийских риши. М., 1993.
- Елизаренкова, Топоров 1964 – Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. «О древнеиндийской Ушас и ее балтийском соответствии» // Индия в древности. М.: Наука, 1964.
- Огибенин 1966 – Огибенин Б. Л. Вопросы ведийской ономастики (Собственные имена в «Ригведе») // Структурная типология языков. М. 1966.
- Огибенин 1968 – Огибенин Б. Л. Структура мифологических текстов «Ригведы». М.: Наука, 1968.
- Ригведа – Ригведа. Мандалы I–IV. Перевод Елизаренковой Т. Я. Изд-во 2-е. М.: Наука. 1999.
- Соссюр 1977 – Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
- Эрман 1980 – Эрман В. Г. Очерк истории ведийской литературы. М., 1980.

O. A. Voloshina. On Vedic gods' names

The paper discusses certain features of proper names for gods in Rgveda, including common for Vedic hymns descriptive names of mythological creatures such as epithets, names based on certain attributes or on the god's position in the Rgvedic mythology. The paper also analyzes proper names that can be regarded as curtailed stories from well-known ancient Indian myths. The functioning of proper names is analyzed in the context of the ramified synonymy and polisemy of Ancient Indian.

Л. Г. Герценберг

ИСТОРИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ТЕКСТА

Резюме. В статье приводятся варианты реконструкции индоевропейской басни в хронологическом порядке: А. Шлейхер – 1868; Г. Хирт – 1939; Л. Згуста, У. Леман – 1979; М. Петерс – 1985; Д. Эйдемс – 1997; И. Данка – 1998; К. Квилес – 2004; Ф. Кортланд – 2007; Р. Люр – 2008.

Ключевые слова: басня Шлейхера, праиндоевропейская басня.

К середине девятнадцатого века филологи заинтересовались праиндоевропейским текстом и возможностями его реконструировать. Выдающийся немецкий филолог Адальберт Кун (1812–1881) реконструировал эпическую формулу на основании совпадающих фрагментов древнегреческого и древнеиндийского текста со значением ‘неувядающая слава’ (**kléuos *ṛd^hg^{uh}itom*), а его коллега Август Шлейхер (1821–1868) составил следующую притчу на индоевропейском праязыке (1868):

Avis, jasmin varnā na ā ast, dadarka akvams, tam, vāgham garum vaghantam, tam, bhāram magham, tam, manum āku bharantam.

Avis akvabhjams ā vavakat: kard aghnutai mai vidanti manum akvams agantam.

Akvāsas ā vavakant: krudhi avai, kard aghnutai vividvant-svas: manus patis varnām avisāms karnauti svabhjam gharmam vastram avibhjams ka varnā na asti.

Tat kukruvants avis agram ā bhugat.

“Овца, [на] которой не было шерсти, увидела коней: одного — везущего тяжёлую повозку, одного — большую ношу, одного быстро несущего человека.

Овца сказала коням: «Горит моё сердце, когда вижу, что человек управляет конями».

Кони сказали: «Слушай, овца, наше сердце [тоже] горит от увиденного: человек, господин, из овечьей шерсти делает себе новую тёплую одежду; а у овец не остаётся шерсти».

Услышав это, овца убежала в поле.”

Этот текст был удовлетворителен для середины XIX века, но в конце этого века индоевропеистика подверглась основатель-

ному пересмотру – было доказано, что в праязыке было не менее шести гласных, различавшихся по тембру и по количеству; изменились представления о праязыковых гуттуральных и многое другое. К концу тридцатых годов двадцатого столетия Герман Гирт (1865–1936) и Гельмут Арнтц (1912–2007) создали новую версию индоевропейской басни в полном соответствии с требованиями второй четверти двадцатого века (1939):

Owis, jesmin wьlənā ne ēst, dedork'e ek'wons, tom, woghom g^wrum weghontm̄, tom, bhorom megam, tom, gh'ьmonm̄ ōk'u bherontm̄.

Owis ek'womos ewьwek^wet: k'ērd aghnutai moi widontei gh'ьmonm̄ ek'wons ag'ontm̄.

Ek'wōses ewьwek^wont: kl'udhi, owei!, k'ērd aghnutai vidontmos: gh'ьmo, potis, wьlənām owjōm k^wneuti sebhoi gh^wermom westrom; owimos-k^we wьlənā ne esti.

Tod k'ek'ruwos owis ag'rom ebhuget.

Следующая реконструкция индоевропейской басни (1979 г.), принадлежит Винфреду Леманну и Ладиславу Згусте; она отличается от предыдущих уточнением места действия: добавлено обстоятельство **g^warēi* ‘на горе’ (местный падеж от слова **g^warā*); кроме того, авторы приняли один ларингал, а также вставили местоимение **k^wesyō* ‘(у) которого’ и существительное **nēr* ‘муж’.

G^warēi owis, k^wesjo wьhnā ne ēst, ekwōns espekēt, oinom ghe g^wrum woġhom weġhontm̄,

oinom-k^we megam bhorom, oinomk^we ġhmenm̄ ōku bherontm̄.

Owis nu ekwobh(j)os (ekwomos) ewewk^wet: "K̄er aghnutoi moi ekwōns agontm̄ nerm̄ widntei".

Ekwōs tu ewewk^wont: "K̄ludhi, owei, k̄er ghe aghnutoi ŋsmei widntbh(j)os (widntmos):

nēr, potis, owiōm wьhnām sebhi g^whermom westrom k^wneuti. Neġhi owiōm wьhnā esti".

Tod k̄ekluwōs owis agrom ebhuget.

Реконструкция требовала бы указания на место, где упоминаемое действие протекало. Об этом свидетельствует, например, Эзоп: *Ἀθήνησιν ἀνήρ...* “В Афинах (некий) муж ...”; согласно реконструкциям Марии Гимбутас, наиболее подходящим было бы обозначение ‘кургана’, но это слово явно неиндоевропейское – скорее всего, оно тюркское: ср. др.-тюрк. *qoryan* ‘крепость, цитадель, город’, от *qorya-* ‘охранять, защищать’ (>

**qoruya-*), но ср. монг. *qorga* ‘защита, земляное укрепление’ или *qori-* ‘брать под свою защиту’, а также тюрк. *qory-* ‘огораживать, обносить забором, налагать запрет &c’ и иные производные. На ум приходит перс. *gūrḫāne* (*gūr* ‘могила’, *ḫāne* ‘дом’), но это слово этимологически никак не подходит.

Реконструкция слова ‘овца’, если относить его ко времени ранее третьего тысячелетия до нашей эры, должно было звучать как **yéwys* в номинативе единственного числа, вокатив — **yéwu*, родительный падеж множественного числа — **yéwuōm*.

Проблемы встают также с выражением посессивности; Бертольд Дельбрюк приводит в качестве образца такое предложение: *Mánur ha vá ṛṣabhá āsa* ‘У Ману (действительно) был бык’. Затем Лейман предлагает ранний вариант для **włhnā* — **włxnéh*. Далее обсуждается закономерность формы **espeket* сравнительно с **ewidet* или **edṛket*. Вместо **tom* Леман выбирает **oinom*, он предпочитает **k^we* при **oinom* другим местоимениям, ссылаясь на имевшую место дискуссию.

Следуя Освальду Семереньи, Леман предпочитает **kēr* форме **kērd*. Далее он отмечает, что слово **widṇtbh(y)os* служила образцом для образования других падежей данного слова во множественном числе; отсутствие обязательного согласования в числе (ср. хеттские тексты) допускает здесь дательный падеж единственного числа — **widṇtei*.

Затем рассуждения переходят к понятию ‘муж’: оказывается, что редактор стоит перед выбором из трех слов — **nēr* (из **hnér*), **gṛmōn* скорее ‘человеческий’; ср. др.-гр. *πότις*, семантически приближающееся к **nēr*. Ссылаясь на начало басни, Леман предлагает предпочесть родительный множественного — **owīōm* дательному — **owibh(y)os* или **owimos*. Наконец, вместо **áгром* — раннее **heḡrm*.

Таким образом, Леман реконструирует более раннюю стадию праязыка: **áгром* < **heḡrm*; **kēr* < **kērd*; **nēr* < **hnér*; **owis* < **yéwys*, **yéwu*, **yéwuōm*.

В 1985 году видный венский индоевропеист Мартин Петерс опубликовал новую версию басни, включающую (как общепринятые) три ларингала; данная версия опубликована Гельмутом Биркханом (Birkhan 1985):

$h_2\acute{o}u_i-s, h_1j\acute{o}-sm-in h_2u\grave{h}_1-n-eh_2 ne h_1\acute{e} h_1es-t, \acute{d}\acute{e}-dork\acute{e} h_1\acute{e}k\acute{u}o-n-s, -$
 $t\acute{o}-m, u\acute{o}g^h-o-m g^ueṛh_2-u-m u\acute{e}g^h-o-nt-m, t\acute{o}-m, b^h\acute{o}r-o-m m\acute{e}g\acute{o}h_2-m,$
 $t\acute{o}-m, d^h\acute{e}m-on-m h_3e-h_1k\acute{e}-\acute{u} b^h\acute{e}r-o-nt-m.$

h₂óui-s h₁ékũo-b^hios h₁é ué-uk^u-e: «kêrd h₂g^h-nu-to-ĭ moi, uid-ŋt-éĭ d^hĝ^hém-on-m̄ h₁ékũo-n-s h₂ég-o-nt-m̄!
 h₁ékũo-s h₁é ué-uk^u-r̄: «klú-d^hi h₂óuei! kêrd h₂g^h-nu-to-ĭ uid-ŋt-b^hos: d^hĝ^hém-on-s pótis h₂ũłh₁-n-eh₂-m̄ h₂éui-o-m k^ur̄-neu-ti, sé-b^hoiĭ g^uh^hér-mo-m ues-tro-m – h₂éui-b^hos k^uei-b^hos h₂ũłh₁-n-eh₂ ne h₁es-ti!»
 tó-d ké-klũ-uō-s h₂óui-s h₂ég-ro-m h₁é b^hug-e.

Следующую версию написал Дуглас Эйдемс, профессор-индоевропеист из Айдахо (Mallory, Adams 1997); в этой версии приняты четыре ларингала – особо выделен неопределённый ларингал h_a -:

[G^wŋh_xéi] h₂óuis, k^wésio ŋh₂néh₄ ne (h₁é) est, h₁ékũons spékēt, h₁oinom ghe g^wŋh_xúm uóĝhom uéĝhontm̄ h₁oinom-k^we ĝ méĝh_am bhórom, h₁oinom-k^we ĝhménm̄ h_xóku bhérontm̄.
 h₂óuis tu h₁ékũoibh(i)os ueuk^wét: 'kêr h_aeghnutór moi h₁ékũons h_aéĝontm̄ h_anér̄m̄ uidŋtéi.
 h₁ékũos tu ueuk^wónt: “kludhí, h₂óuei, kêr ghe h_aeghnutór ŋsméi uidŋtbh(i)ós. h_anér̄, pótis, h₂éuiom r̄ ŋh₂néh_am sebhi k^wŋnéuti nu g^whér̄mom uéstrom néĝhi h₂éuiom ŋh₂néh_a h₁ésti.”
 Tód kéklũuós h₂óuis h_aéĝrom bhugét.

Затем в игру вступил профессор Лейденского университета и сторонник глоттальной гипотезы Фредерик Кортландт (Kortlandt 2007), он создал несколько вариантов.

1. Протоиндоевропейский, включая анатолийские языки:

ŋ^weuis i ŋueli nē?st ŋek:ums uēit:, t:o k^wŋŋeum uoĝom uĝent:m, t:o mĝ'eŋm porom, t:o tĝmenm ŋo?k:u prent:m;
 uēukt: ŋ^weuis ŋik:uos, ŋetko ŋme k:ērt: ŋnrm uit'ent:i ŋek:ums ŋĝ'ent:m.
 ueuk:nt: ŋik:ues, k:luti ŋ^wue, ŋetko nsme kērt: uit'ent:i, ŋnēr p:ot:is ŋ^wuiom ŋueli sue k^wermom uesti k^w:rneut:i, ŋ^wuēi k^w:e ŋueli ne?sti.
 t:o k:ek:luus ŋ^weuis pleŋnom pēuk't.

2. «Стандартный» праиндоевропейский (без анатолийских языков):

ŋ^weuis i ŋuel?n nē?s ŋek:uns ŋe uēit', t:om k^wŋŋeum uoĝom ueĝont:m, t:om mĝ'eŋm porom, t:om tĝmenm ŋo?k:u prent:m;
 ŋe uēuk: ŋ^weuis ŋek:umus, ŋetko ŋme k:ērt' ŋnrm uit'ent:i ŋek:uns ŋek'ont:m.

ʔe ueuk:nt' ʔi:k:ues, k:luti ʔ^wue, ʔetkʰo nsme kērt: uit'ent:i, ʔnēr p:ot:is
ʔ^wuiom ʔulenm sue k^wermom uesti k^w:rneut:i, ʔ^wuimus k^w:e ʔuelʔn
neʔsti.

t:ot' k:ek:luus ʔ^weuis pleʔnom ʔe pēuk'.

3. «Классический» индоевропейский (без тохарский языков):

ʔ^weuis ioi ʔulʔneʔ nēʔs ʔekuns ʔe uēi'd, tom 'g^wrʔeum uoḡom
ueḡontm, tom m'ḡeʔm borom, tom dḡmenm ʔoʔku berontm;

ʔe uēuk ʔ^weuis ʔekumus, ʔetḡo ʔmoi kēr'd ʔnerm ui'denti ʔekuns
ʔe'ḡontm.

ʔe uēukn'd ʔik:ues, kludi ʔ^wuei, ʔedḡo nsmi kēr'd ui'denti, ʔnēr potis
ʔ^wuiom ʔulʔneʔm subi g^wermom uesti k^wrneuti, ʔ^wuimus k^w:e ʔulʔneʔ
neʔsti.

to'd kēkluus ʔ^weuis pleʔnom ʔe bēu'g.

4. «Центральный» индоевропейский (без италийских и кельтских языков):

ʔ^weuis ioi ʔulʔneʔ nēʔs ʔekuns ʔe uēi'd, tom 'g^wrʔum uoḡom ueḡontm,
tom m'ḡām borom, tom ḡmenm ʔoʔku berontm;

ʔe uēuk ʔ^weuis ʔekumus, ʔedḡoi ʔmoi kēr'd ʔnerm ui'denti ʔekuns
ʔe'ḡontm.

ʔe uēukn'd ʔik:ues, kludi ʔ^wuei, ʔedḡo nsmi kēr'd ui'denti, ʔnēr potis
ʔ^weuiom ʔulʔnām subi g^wermom uesti k^wrneuti, ʔ^weuiumus k^w:e ʔulʔneʔ
neʔsti.

to'd kēkluus ʔ^weuis pleʔnom ʔe bēu'g.

5. Сатемный индоевропейский — балто-славянский:

'owiʂ joi wi'lna' nēs 'ećuns wi'dē, i'nun tingun woʒom welkonin,
i'nun welin krowun, i'nun ʒmōnin burzu neśontin, tēr tu 'owiʂ
'ećumuʂ, bolei mini ćēr wi'run wi'denti 'ećuns genontin.

tren tu 'ećues, ćludi 'owei, bolei i'nmuʂ ćēr wi'denti, wi'ros potis iʒ
'owiun wi'lnās subi teplān drōbin kurneuti, 'ā 'owimus wi'lna'
ne'sti.

to ćluʂuʂ 'owiʂ pla'nun be'ga'.

6. Восточно-балтийский:

avis kuri' netūri vi'lnās rēḡē ʒi'rgʰ's vé'nā smàgy's ràtʰ's vèlkantī,
vé'nā didī kràvā, vé'nā ʒmōņī grētai nēsantī,

avis sākē ʒi'rgāmus, māni sà'pā sí'rdis rēḡinti vi'ra ḡenantī ʒi'rgʰ's.

ži'rgai sàke, klàusi' avė, mùmus sà'pā ší'rdis rėginti ví'ras patis iz
avėš vi'lnās
sėvi dārā šiltą dróbį, ā àvies vi'lnās netūri.
girdusi' tà avis bėgā į lí'gumą.

7. Литовский:

avis kurì netūri vilnās pamātė árklus víeną sunkiūs ratūs tráukanti,
víeną didelį króvinį, víeną žmōgų greítai nėšanti.
avis pasākė arkliáms, mán širdį skaūda mātant výrą gėnantį árklus.
arkliaĩ pasākė: klausýk aviė, mùms sà'pā širdį skaūda mātant výras
viėšpats iš aviėš vilnos sáu dāro šiltą drabúžį, ō āvys vilnos netūri.
išgirdusi taĩ avis pabėgo į lýgumą.

8. Праязыковой вариант для Бернарда Комри:

ʔ^weuis iosmi ʔuelʔn neʔst ʔekuns ʔe 'dėrkt, tom 'g^wrfeum uogom
ugentm, tom m'geʔm borom, tom dgmenm ʔoʔku brentm.
ʔe uėuk^wt ʔ^weuis ʔkumus: k^wntske ʔmoi kėrt ʔnerm ui'denti ʔekuns
ʔ'gentm.
ʔe ueukwnt ʔkeus: kludi ʔ^wuei, kwntske nsmi kėrt ui'dntsu: ʔnėr potis
ʔ^wuioim ʔulʔenm subi g^wormom uestrom k^wrneuti, ʔ^wuimus k^we ʔuelʔn
neʔsti.
to'd keklus ʔ^weuis ʔe'grom ʔe bėu'gd.

Следующий текст принадлежит перу профессора Иенского университета Роземари Люр (Lühr 2008):

h₂ówis, (H)jėsmin h₂wlh₂nėh₂ ne éh₁est, dedork'e (h₁)ėk'wons, tóm,
wóg^hom g^wėrh₂um wėg^hontm, tóm, b^hórom mėg'oh₂m, tóm,
d^hg^hėmonm h₂oHk'ú b^hėrontm.
h₂ówis (h₁)ėk'wob^hos ewewk^w(t): k'ėrd h₂g^hnutoj moj widntėj
d^hg^hmónm (h₁)ėk'wons h₂ėg'ontm.
(h₁)ėk'wōs ewewk^w: k'lud^hí, h₂ówi! k'ėrd h₂g^hnutoj widntb^hós:
d^hg^hėmō(n), pótis, h₂wlnėh₂m h₂ówjom k^wnewti séb^hoj g^wh'ėrmom
wėstrom; h₂ėwib^hosk^we h₂wlh₂nėh₂ né h₁esti.
Tód k'ek'luwós h₂ówis h₂ėg'rom eb^huge(t).

Затем идут другие тексты. Среди них выделяется текст, составленный по мотиву древнеиндийской притчи профессором Калькутского университета Субхадрой Кумар Сенном (S. K. Sen); по поводу его автор советовался с виднейшими индоевропейцами:

to rēks éh₁est. so ŋputlos éh₁est. so rēks súh_xnum euel(e)t. só tós(i)o
 g̃heutér̃m̃ (e)pr̃k̃sk̃et, súh_xnus moi g̃nh₁jotām!
 so g̃heutēr̃ tom rēg̃m̃ éueuk^wet: ih_xgesuo deiúóm̃ uérunom.
 so rēks deiúóm̃ uérunom h₄úpo-sesore nu deiúóm̃ (é)ih_xgeto: Kludhí
 moi ph_ater uerune!
 deiúós uérunos k̃mta diúós ég^weh_at. k^wíd uelsi?
 uélmi súh_xnum.
 tód h₁estu, uéuk^wet loukós deiuos uerunos.
 rēgós pótnih_a súh_xnum gegonh₁e.

Версия Лемана:

Pótis g^{he} ʔest. Só-k^{we} ŋŋʔtós ʔest, sūnum-k^{we} w̃next. So g̃h^{utér̃m̃}
 pr̃ket: “Sūnus moi g̃nh^{jotām!}”
 g̃h^{utēr̃} nu pótim weuk^wet: “Jégeswo g^{hi} déiwom Wérunom.”
 úpo pro pótis-k^{we} déiwom sesore déiwom-k^{we} jegto.
 “Klud^{hi} moi, dejwe Werune!”
 Só nu k̃mta diwós g^{wāt}. “K^wód w̃nexsi?”
 “W̃néxmi sūnum.”
 “Tód ʔestu”, wéwk^wet lewkós déjwos.
 Pótnī g^{hi} sūnum gegonʔe.

В качестве примечания заметим, вслед за Леманом, что в качестве слова для «царя» он предлагает слово, обычно использовавшееся для «хозяина» – **potis*, ссылаясь на Гельмута Шарфе (H. Scharfe), доказывавшего заимствованность **rāj-* в значении ‘царь’.

Текст Йоэля Арбейтмана (J. Arbeitman):

E rēg̃s es=t. So ≈pu≈t-lo-s es≈t-i. E kos rēg̃s sū≈nu-m wel≈e-t. E
 (e)bhos gheu≈ter- tos(y)o pk≈sk-e-t-i: “Nu sū≈nu-s moi gn̄≈yo-t-ó-
 m”. E gheu≈ter-s (> gheu≈tēr) rēg̃ we≈wek^w≈e-t : “Nu yeg≈e-swo
 deiw≈o-m Weru≈n-o-m/Welu≈n-o-m”. Nu rēg̃s deiw≈o-m upo
 Weru≈n-o-m/Welu≈n-o-m se≈sor-e E deiw≈o-m yeg≈e-to: “Nu
 klu≈dhi moi, deiw≈e Weru≈n-e / Welu≈n-e !” E Deiw≈o-s Weru≈n-
 o-s kta diw≈os g^{wāt}: “K^wod wel≈s-i ?” “Wel≈m-i sū≈nu-m.” “Tod
 es≈t-u” E leuk≈o-s Deiw≈o-s Weru≈n-o-s we≈uk^w≈e-t. Nu rēg̃≈e/o-s
 pot≈n-ī sū≈nu-m ge≈gon-e.

Арбейтман колеблется в этимологии для Варуны **uel-* ‘хотеть, желать’ или **uer-* ‘связывать’: мы предпочитаем **uer-*.

Версия Манфреда Майрхофера (M. Mayrhofer)

nu rēs eh₁est. sos putlos eh₁est. sos rēs suHnum ewelet. sos tosyo héuter epset: suHnus moi h₁yetām ! sos héutēr tom rē eweuk^wet: Hyaeswo deiwom Werunom. sos rēs deiwom Werunom uposesore nu deiwom eHyaeo: ludhi moi deiwe Werune! deiwos Werunos kta diwos eg^weh₂t. k^wod welsi? welmi suHnum. tod h₁estu! eweuk^wet leukos deiwos Werunos. rēes potnih₂ suHnum eonh₁e.

В комментарии к этому тексту Майрхофер указывает на то, что он сторонник ларингальной теории и что **hyag-* им реконструировано из-за древнегреческого ἤγω.

Перевод профессора из Лос-Анжелеса Яана Пухвеля (J. Puhvel, LA University of California):

ést ré. ónEos ésmēy nēst. nu ré sūnūm hrēt. pródhĒtom swóm próitum g^wsket: sūnūm moy énEoyto! Welutér bhágom duwesyé! ré Welutér bhágom huHto duwesyet-k^we: lúdhi moy, bháge Wéluter! Welutér bhágos diwós dhés g^wāt. “k^wid hyesi?” “sūnūm hyō.” “tód estōd ,” – lewkós bhágos Welutér wewk^wet. g^wén rēes sūnūm repore.

Я. Пухвель снабдил свою версию комментарием.

Слово *hrēt* он сравнивает с др.-инд. *haryati* ‘радоваться’, совр. англ. *yearn* ‘очень хотеть’, оск.-умбр. *her* ‘желать’, др.-гр. χαίρω ‘радоваться’, и.-е. **her-*.

Корень **pró-* объясняется из арх. лат. *procitum* ‘ухаживать’, лит. *prašyti* ‘просить’, авест. *frasa-* ‘вопрос’.

Теоним *Váruṇa-* Я. Пухвель остроумно возводит к и.-е. **uel(u)-*, приводя для ясности др.-гр. ἔλυτρον ‘обертывать’; при этом он не приводит лит. *vėles* ‘духи усопших’, *vėlinas* ‘дьявол, черт’, а также совершенно замечательное предложение Вальтера Вюста, усмотревшего здесь **ual-uno-* (или **uel-uno-*), со значением ‘господствовать’ – ср. др.-инд. *vratám* ‘указание, веление’.

Др.-инд. *duvas(yá)-* ‘оказать честь, вознаградить’, ср, арх. лат. *duenos* > класс. лат. *bonus* ‘добрый, хороший’, др.-ирл. *den* ‘сильный’, срвн. *twīden* ‘предоставлять’ – производные от **dō* < ***deh₃-*.

Комментируя **huHto*, Я. Пухвель приводит др.-инд. *hávate* (RV) ‘призывать’, аор. *áhuve*, *áhve* и др., ст.-слав. *зъва*, *зъвати* ‘звать’, тох. В *kwā-* ‘приглашать’.

Далее идет комментарий к **dhés* ‘вниз, внизу’: др.-инд. *adhás*, гот. *undar*, лат. *inferus*.

Затем Я. Пухвель обращается к лат. *pariō* ‘родить’, лит. *periū* ‘рождать(ся)’, др.-гр. ἔλоров ‘дал’ - и.-е. **pérh₃-i-* ‘снабжать’.

«Жил-был царь. У него сына не было. Тот царь сына возжелал. Он попросил об этом своего жреца. Пусть сын родится у меня! Жрец сказал царю: Моли бога Уэруна! Царь приблизился к богу Уэруну чтобы попросить у бога: Внемли мне, отче Уэрунас! Бог Уэрунас спустился с небес. Что хочешь? Хочу сына! Да будет так, сказал пресветлый бог Уэрунас. У жены царя родился сын».

Следующий шаг – индоевропейцы из Лодзи профессор Игнацы Рышард Данка (Ignacy Ryszard Danka) И Кжыштоф Томас Витчак (Krzysztof Tomasz Witczak), в рамках деятельности общества Аусра (и.-е. **Ausra*) следующим образом реконструировали «сакральный» текст (приведен один фрагмент из многочисленных текстов):

Bhlaḡhmenos ḡerontos Woidoklewesos Witsākosyo
“Kantis obhi Ghostipotei !”

Poti Ghostipoti, Kāriste Wikpoti,
Tū ghosteyei medhu dō ! Dōdhi medhwes toti,
Yoti Ausrā pōti, Dō ghosteyei grōkō dwō !
Poti Ghostipoti, Kāriste Wikpoti,
Nek^wid newom nōbhos dō!
Weleti kōmmoinā, Piboit poinowoinā,
Dōdhi nōbhos grōkō dwō !

«Священного старца мудрости преисполненного *Витчака* песнь к Господу»

О Хозяин Господь, Дражайший Староста,
Дай гостям меду, дай меду того,
Что пила Аусра, дай гостям по два бокала

О Хозяин Господь, Дражайший Староста,
Чего-нибудь нового дай нам,
Хочется всем попить вкусного,
Дай нам по два бокала !

Затем выступили испанцы – студент-выпускник университета в Бадахосе (Эстремадура) Карлос Квилес Касас (Carlos Quiles Casas); с коллегами он «создал» индоевропейстический сайт и грамматику «живого» индоевропейского (см. по ссылке

DNGHU). Вот его переводы (у него их много, он реконструирует тексты по предыстории отдельных ветвей или семей):

Прото-индоевропейский, 3500 г. до н. э.

Xowis ʔékwōs-qe.
 Xowis, qesjo wʔneḥ ne ʔest, ʔékwoms spekét,
 ʔóinom sꝥum wóghom wéghontṃ,
 ʔóinom-qe mégeḥm bhórom,
 ʔóinom-qe dhʔghmónṃ ʔoʔkú bhéronṃ.
 Xowis nu ʔékwobhjos wewqét:
 “Kꝥd héghnutoi ʔmoí,
 ʔékwoms hégontṃ wíʔrom wídṃtei”.
 ʔékwōs tu wewqónt: “Kludhí, ʔówi!
 kꝥd héghnutoi ṃsméi wídṃtbhjos:
 ḥner, pótis, ʔowjom-ꝥ wʔneḥṃ
 swébhi chermóm wéstrom qṃnéuti”.
 Xowjom-qe wʔhneḥ ne ʔésti.
 Tod kékluwos ʔowis hégrom bhugét.

Прото-славянский, I в. до н. э.

Óvīs ésvū-če.
 óvīs, česo vlīna ne jázīt, ésva spesét,
 ínū žarūō vózū vézōtē,
 ínū-če méža bórū,
 ínū-če žmónū jásū bérōtē.
 Óvīs nū ésvomū vjučét: “Sříd áznutē mě,
 ésvū ágōtū vírū vídēti”.
 Ésva tu vjúčōt: “Sludī, óve!
 sříd áznutē ěsmí vídētmū: ner, pódīs,
 óvjemī-rī vlīnō sēbi germū véstrū čřīnjutī”.
 Óvjemī-če vlīna ne jázītī.
 To sésluvū óvīs ágrū bugīt.

Прото-индоевропейский, 3500 г. до н. э.

To rēgs ʔest. So-qe ṃṃʔtós ʔest,
 súχnum-qe wʔnɛχt
 so ghutérṃ pꝥkskét “Súχnus moi génʔsisto!”
 ghutér nu régei weuqét:
 “Xwecheswo ghi déiwom Wélṃom”.
 úpo pro rēgs-qe déiwom sésore déiwom-qe ʔwechesto.
 “Kludhí moi, pḥtér Wélṃe!”
 So nu kṃta diwós ceḥt. “Qid wʔnéḥsi?”

“Wlnéħmi súχnum”. “Tód Źestu“,
 wewqét leukós déiwos.
 Rēgós pótniħ ghi súχnum gegonŹe.

Прото-славянский (III), I в. н. э.

To raz jázīt. So-če nezētũ jázīt, synũ-če vŹlnét
 so gutérĩm přisét “Sýnũ moi zēsito!”
 gutēr nu razi vjučét: “Véžesvo ži dívũ Vélũ”.
 úpo pro rēgs-če dívũ sésore dívũ-če véžesto.
 “Sluďĩ moi, patér Véle!” So nu četo dīva gat.
 “Kid vŹlnási?” “VŹlnámi sýnũ”.
 “To jáztũ”, vjučét ljučũ dívũ. Rēgós pódni ži sýnũ zézono.

Литература

- Birkhan 1985 – Birkhan H. *Etymologie des Deutschen*, Bern.
 Danka 1998 – Danka I. R. *Studiorum Indogermanicorum editoris praefatio*.
 Hymnus “Kantis obhi Ghostipotei!” de Woidoklewesos Witsākosio //
Studia Indogermanica Lodziensia I. P. 5–14.
 Hirt 1939 – Hirt H. *Die Hauptprobleme der indogermanischen Sprach-*
wissenschaft. Halle an der Saale.
 Kortlandt 2007 – Kortlandt F. For Bernard Comrie
 (<http://www.kortlandt.nl/publications/art243e.pdf>)
 Lehmann, Zgusta 1979 – Lehmann W., Zgusta L. Schleicher’s tale after a
 century // *Festschrift for Oswald Szemerényi on the Occasion of his 65th*
Birthday. Ed. B. Brogyani. Amsterdam. P. 455–466.
 Lühr 2008 – Lühr R. Von Berthold Delbrück bis Ferdinand Sommer. Die
 Herausbildung der Indogermanistik in Jena.
 (<http://www.indogermanistik.uni-jena.de/dokumente/Weitere/delbrueck.pdf>)
 Mallory, Adams 1997 – Mallory J. P., Adams D. Q. *Encyclopedia of Indo-*
European Culture. London.
 Quiles 2007 – Quiles C. *A Grammar of Modern Indo-European*. Badajoz.
 Schleicher 1868 – Schleicher A. *Fabel in indogermanischer Ursprache* //
Beiträge zur vergleichender Sprachforschung auf dem Gebiete der
arischen, celtischen und slavischen Sprachen. Bd. 5. P. 206-208.

L. G. Herzenberg. Towards the history of the Proto-Indo-European artificial text

The paper presents revisions of Schleicher's fable (1868) by H. Hirt (1939), W. Lehmann and L. Zgusta (1979), D. Q. Adams (1997), F. Kortlandt (2007).

Е. В. Григорьева

ДАВИД АНАХТ, «ТОЛКОВАНИЕ АНАЛИТИКИ АРИСТОТЕЛЯ»: ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ГРЕЧЕСКОГО ТЕКСТА

Резюме: В работе рассматриваются принципы реконструкции утраченного греческого текста «Толкования Аналитики Аристотеля» Давида Анахта и описываются возможности его восстановления на основе армянского перевода, а также других неоплатонических комментариев к «Аналитикам» и сохранившихся на греческом философских трактатов самого Давида.

Ключевые слова: техника перевода, грекофильская школа, неоплатонические комментарии, Аристотель, Давид Анахт, «Аналитика», реконструкция текста, античная философия.

«Толкование Аналитики Аристотеля» Давида Анахта¹ (далее АА), сохранившееся, в отличие от трех остальных приписываемых ему философских трактатов, только в армянском переводе, до недавних пор оставалось недоступным для большинства исследователей античной философии². Выход нового издания армянского текста (Торчуган 2010), подготовленного с привлечением большого количества ранее неиспользованных рукописей, а также комментариев к «Аналитикам» более ранних неоплатоников, и снабженного английским переводом, делает возможным подробный анализ армянского текста трактата и реконструкцию утраченного греческого оригинала.

1. Комментарий Давида и грекофильская школа

Армянский перевод АА содержит в себе многочисленные черты, характерные для переводов грекофильской школы (V–

¹ Вопрос об идентичности армянского философа и филолога Давида Анахта и греческого неоплатоника Давида в данной работе не рассматривается.

² Единственное научное издание (Аревшатян 1967) было выпущено тиражом в 1500 экземпляров в Ереване, оно содержит многочисленные опечатки, русский перевод трактата не всегда точен и местами непонятен.

VIII вв.)³: лексические грецизмы в переводе, греческие грамматические конструкции, воспроизводящие греческий оригинал и не всегда без него понятные, буквалистическая точность в переводах цитат Аристотеля.

Принципы перевода:

Степень точности переводов грекофильской школы зависела от степени авторитетности переводимого текста: сочинения Платона и Аристотеля, а также Порфирия переводились практически буквально, так что иногда невозможно понять армянский текст без греческого оригинала. Переводы комментариев зачастую упрощались и адаптировались для армянского читателя⁴. Очевидно, что АА было в определенной мере адаптировано при переводе для армянского читателя так же, как и переводы «Определений философии» и «Анализа Введения Порфирия»⁵. Некоторое упрощение можно предположить, в частности, в оформлении перевода: если в греческом тексте «Определений философии» и «Анализа Введения Порфирия»⁶ каждая глава заканчивается фразой «довольно об этом», выраженной всякий раз по-разному⁷, то в армянском переводе главы завершаются одной и той же формулой Հւն շյունիլ հաւնէրձ շւսնիծոլ լի շիշղիլիշ շրիլը, которую заканчивается также каждая глава АА⁸.

Согласно армянской традиции, Давид сам перевел свои трактаты на армянский. Однако при анализе перевода становится очевидно, что он не мог быть переводчиком. В армянском

³ О грекофильской школе см. Calzolari 1989, Mercier 1978–1979, Muradyan 1971, Muradyan 2009, Terian 1982.

⁴ Адонц, CLXXXVI–CLXXXVII, Calzolari 2009с: 59–60. О комментарии к «Категориям» см. Calzolari 2007а, об «Анализе Введения Порфирия» Аревшатын 1976, 208, прим. 34.

⁵ О технике переработки подробно Calzolari 2007а.

⁶ См. Eliae in Porphyrii Isagogen et Aristotelis Categorias commentarium / ed. A. Busse, Commentaria in Aristotelem Graeca 18.1, Berlin, 1900; Davidis Prolegomena et in Porphyrii Isagogen commentarium / ed. A. Busse, Commentaria in Aristotelem Graeca 18.2, Berlin, 1904.

⁷ Например, και ταῦτα μὲν ἐν τούτοις (Proll. 4, 34–35), ταῦτα μὲν ἐν τούτοις (Proll. 5, 17), ταῦτα μὲν οὗτοι (Proll. 7, 10), ἐν οἷς καὶ ἡ παροῦσα πράξις (Proll. 8, 19–20), ἐν οἷς σὺν θεῷ ἡ πράξις (Proll. 15,9, Porph. 83, 6), ταῦτα ἔχει καὶ ἡ παροῦσα πράξις (Porph. 99, 28) и т. д.

⁸ То же самое наблюдается в армянских переводах «Определений философии» и «Анализа Введения Порфирия».

тексте АА наблюдается смешение и путаница терминов⁹. Кроме того слово *συλλογισμός* и объясняется у Давида по-разному (Торчюан 2009: 165, 166 прим. 33). Наконец, очевидно, что как минимум в двух местах переводчик неправильно понял греческий текст (Торчюан 2010: 7–9).

2. Греческий оригинал и армянский перевод

Сравнение греческого оригинала и армянского перевода трактатов Давида, сохранившихся на обоих языках, зачастую сводится к сопоставлению отдельных слов и выражений с разными исследовательскими целями (текстология, методика перевода, формирование философской терминологии в армянском и т. д.) и должно быть в будущем расширено и систематизировано¹⁰.

Чтобы реконструировать утраченный греческий оригинал трактата, следует вычленить греческие и армянские пласты текста. Как показывает анализ текста, привнесенного переводчиком «армянского» значительно меньше, чем «греческого».

а) Греческие элементы в тексте:

– композиция армянского перевода следует, судя по всему, греческому оригиналу: так же, как в других трактатах, текст разделен на уроки-лекции (гр. *πρᾶξις*, арм. *ւրիւնք*),

– в тексте сохранена неоплатоническая структура комментария (введение с семью *κεφάλαια*, далее комментарий к тексту Аристотеля),

– греческие примеры,

– упоминание греческих авторов, ссылки на них.

б) Армянские элементы в тексте:

– в АА встречается только одно армянское мифологическое существо, неидентифицируемый гочам (Аревшатян 1967: 105, ср. Торчюан 2010: 101 прим. 208). В других трактатах Давида встречаются и другие армянские мифологические персонажи (Calzolari 2007a: 264–265).

⁹ См. шестую главу, типы предпосылок (Торчюан 2010: 67–71 с примечаниями).

¹⁰ Для «Определений философии» см. Calzolari 2009с, 75–89, для «Анализа Введения Порфирия» см. Muradyan 2009: 93ff., для «Толкования Категорий» см. Shirinian 2009, для АА см. Sweeting 2009.

– говорить об этимологизировании на армянской почве, отличном от этимологий в греческом тексте, на основании сохранившегося текста не приходится¹¹.

3. Принципы реконструкции греческого текста

Наличие греческого оригинала других трактатов Давида, а также прочих неоплатонических комментариев к «Аналитикам» позволяет реконструировать греческий оригинал если не дословно, то по крайней мере на уровне основных философских идей и понятий.

Можно вычленил следующие элементы текста, которые позволяют приблизиться к утраченному оригиналу:

1. Цитаты из Аристотеля: леммы из «Первой Аналитики», а также из «De interpretatione» в комментарии.

2. Параллельные места из других комментариев к «Аналитикам» (Элий, Александр, Филопон, Аммоний), а также из комментария к «Категориям» Олимпиодора и комментария к «De interpretatione» Аммония.

3. Сохранившиеся на греческом трактаты самого Давида.

При анализе вышепереведенных текстов обнаруживаются следующие элементы, достаточно точно соответствующие греческому оригиналу:

а) Дословные параллели, целые предложения или части предложений,

б) Перевод философской терминологии (πρότασις, κατηγορικός, συλλογισμός), termini technici – ἀποδοθεὶς συλλογισμός, συσταθέντος συλλογισμοῦ),

в) Параллели, относящиеся к той или иной философской полемике (Гл. 1: почему Аристотель говорит о доказательстве, хотя тема его трактата – силлогизм?),

г) Примеры в тексте (гл. 7: величина солнца, гл. 10: душа самодвижуща и бессмертна, гл. 10, Сократ ходит),

е) Прямые отсылки к другим комментаторам: в тексте АА упоминаются Александр, Евтокий, Аммоний, Ямвлих, Фемистий. Кроме того, обнаруживается сходство, иногда буквальное, с

¹¹ Аревшатян предполагает, что этимология слова «фантазия» возникла на армянской почве (Аревшатян 1967: 145), однако данная этимология обнаруживается в комментарии Иоанна Филопона (APr. 2. 9–13), в армянском присутствует, таким образом, калька с греческого.

комментариями Элия, Александра, Аммония и Иоанна Филопона,

f) Армянские слова, которые легко переводятся обратно на греческий (բիշտարիւն – ἀπόφασις, ստարարիւն – κατάφασις).

4. Трудности реконструкции:

a) Греческое слово передается несколькими армянскими (συλλογισμός – հաշարիւն, հաշարարիւն, բիշարիւն, շարարիւն, πρότασις – ստարարիւն, նախարարիւն, ὅρος, (δι)ορισμός – սահան, (ս)որոշիւն),

b) Различные греческие слова передаются одним и тем же армянским словом (слова со значением «говорить, спрашивать, утверждать» – глаголом արար, греческие префиксы ката-, ἀπο- одной и той же приставкой ստար).

с) Трудности, связанные с разницей грамматического строя двух языков (употребление артикля, отсутствие категории рода, разница в употреблении глагольных времен и форм, разница в употреблении частиц и предлогов и т.д., см. также Calzolari 2009с: 56).

В. Кальцолари обратила внимание на то, что узкоспециальный комментарий к «Категориям» переведен значительно точнее, нежели два других трактата Давида (подробно см. Calzolari 2007а: 277). Это объясняется разным назначением текстов: тогда как «Определения философии» и «Анализ Введения Порфирия» служат первому знакомству с философской системой неоплатоников, в «Категориях» рассматриваются специфические философские темы, к которым читатель уже подготовлен чтением и анализом предыдущих, сокращенных и адаптированных трактатов¹². Т. к. АА, как и комментарий к «Категориям», представляет собой специальный текст, рассчитанный на подготовленного и знакомого с философской проблематикой читателя, следует предположить, что перевод АА сравнительно точный, если не дословный, и на его основе возможна достаточно точная реконструкция утраченного греческого оригинала.

¹² О приемах адаптации (общее сокращение текста, упрощение, уменьшение числа эпитетов и др. деталей, незнакомых армянскому читателю) подробно Calzolari 2007а: 263–270.

Источники

- Аревшатын 1967 – Аревшатын С. С. Давид Анахт, Толкование «Аналитики» Аристотеля. Ереван, 1967.
- Аревшатын 1976 – Аревшатын С. С. Давид Анахт, Анализ «Введения» Порфирия. Ереван, 1976.
- Topchyan 2010 – David the Invincible, Commentary on Aristotle's Prior analytics: Old Armenian text with an English transl, introd. and notes by Aram Topchyan. *Philosophia antiqua* 122, Commentaria in Aristotelem Armeniaca Davidis opera 2, Leiden, 2010.

Литература

- Адонц 1915 – Адонц Н. Дионисий Фракийский и армянские толкователи. *Bibliotheca Armeno-Georgica* 4. СПб., 1915.
- Calzolari 1989 – Calzolari V. L' école hellénisante // Nichanian M. Age et usage de la langue arménienne. Paris, 1989. P. 110–130.
- Calzolari 2007a – Calzolari V. Aux origines de la formation du *corpus* philosophique en Arménie: quelques remarques sur les versions arméniennes des commentaires grecs de David // D'Ancona 2007. P. 259–278.
- Calzolari 2007b – Calzolari Valentina (dir.). Illuminations d'Arménie. Arts du livre et de la pierre dans l'Arménie ancienne et médiévale (Livrecatalogue de l'exposition 'Illuminations d'Arménie'. Fondation Martin Bodmer. Coligny-Genève, 15 septembre-30 décembre 2007). Genève 2007.
- Calzolari 2007c – Calzolari V. Un philosophe 'Invincible': le néoplatonicien David // Calzolari 2007b. P. 195–199.
- Calzolari 2009a – Calzolari V., Barnes J. (ed.). L'oeuvre de David l'Invincible et la transmission de la pensée grecque dans la tradition arménienne et syriaque. Boston; Köln, 2009.
- Calzolari 2009b – Calzolari V. David et la tradition arménienne // Calzolari, 2009a. P. 20–48.
- Calzolari 2009c – Calzolari V. La version arménienne des *Prolegomena philosophiae* de David et son rapport avec le texte grec // Calzolari 2009a. P. 50–89.
- D'Ancona 2007 – D'Ancona, C. (éd.). The Libraries of the Neoplatonists (Proceedings of the Meeting of the European Science Foundation Network 'Late Antiquity and Arabic Thought. Patterns in the Constitution of European Culture', Strasbourg, March 12-14, 2004) , *Philosophia Antiqua* 107, Leyde – Boston, 2007.
- Garsoian 1982 – Garsoian, N. G. (ed.). East of Byzantium: Syria and Armenia in the formative period (Dumbarton Oaks Symposium 1980). Washington, 1982.
- Mercier 1978–1979 – Mercier Ch. L'Ecole hellénistique dans la littérature arménienne // REArm 13 (1978–1979). P. 59-75.
- Muradyan 1971 – Muradyan A. N. L'Ecole hellénisante et son rôle dans l'oeuvre de création de la terminologie grammaticale de l'arménien. Eriwan, 1971.
- Muradyan 1994–1995 – Muradyan, G. The Reflexion of Foreign Proper Names. Theonyms and Mythological Creatures in the Ancient

- Armenian Translations from the Greek // REArm 25 (1994–1995). P. 63–76.
- Muradyan 1999 – Muradyan G. Notes on some Linguistic Characteristics of the Hellenizing Translations // *Le Muséon* 112 (1999). P. 65–71.
- Muradyan 2009 – Muradyan G. David the Invincible's *Commentary on Porphyry's Isagoge*. A Collation of the Greek and Armenian Versions // Calzolari 2009a. P. 91–117.
- Shirinian 2009 – Shirinian M. E. The Armenian Version of David the Invincible's *Commentary on Aristotle's Categories* // Calzolari 2009a. P. 119–137.
- Sweeting 2009 – Sweeting C. The Relationship between the Armenian Translation of the *Commentary on Aristotle's Analytics* of David and the Greek Text of the *Commentary on Aristotle's Analytics* of Elias // Calzolari 2009a. P. 179–198.
- Terian 1982 – Terian A. The Hellenizing School. Its Time, Place and Scope of Activities Reconsidered // Garsoian 1982. P. 175–186.
- Topchyan 2009 – Topchyan A. Remarks on David the Invincible's *Commentary on Aristotle's Prior Analytics*. Its Structure, Contents, Language, and the Problems of Translator and Authorship // Calzolari 2009a. P. 158–178.

E. V. Grigoryeva. David the Invincible. “Commentary on Aristotle’s Prior Analytics”: problems of Greek text reconstruction

The *Commentary on Aristotle’s Prior Analytics* by David the Invincible (VI–VII AD) has survived only in an Armenian translation. This paper analyzes various levels of the Armenian translation and describes options to reconstruct the original Greek text. The tools and methods of the reverse translation into Greek are: an analysis of other philosophical commentaries by David the Invincible and of other commentaries on *Prior Analytics* (by Elias, Ammonius, John Philoponus, Alexandre, etc.) that refer to David’s commentary; lexical parallels; loan translations from Greek into Armenian; a comparison of the Greek and Armenian texts of other commentaries by David the Invincible.

А. В. Грошева

ОБОЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ *ПЛОДОРОДНЫЙ* В ЛАТИНСКОМ

Cic. N.D. 2.156: terra ... frugibus fēta
«земля, обильная хлебами»

Резюме: Статья представляет собой семантическое, словообразовательное и этимологическое описание трех латинских прилагательных *fēlix*, *fēcundus*, *fētus*, со значением ‘плодородный’, ‘плодоносный’, ‘плодовитый’ объединенных общностью происхождения от и.-е. корня *d^heh₁i-* ‘кормить грудью, сосать грудь, давать молоко’.

Ключевые слова: латинская сельскохозяйственная лексика, синонимический ряд прилагательных, *fēlix*, *fēcundus*, *fētus*, ‘плодородный’, ‘плодоносный’, ‘плодовитый’; амбивалентное имя *fētus*.

При разработке темы «*Земля* и ее характеристики в сочинениях латинских авторов» мною были тщательно изучены синонимические ряды латинских прилагательных, используемых в первую очередь писателями-«агрономами» для описания свойств земли Италии с точки зрения её состава, состояния, структуры, плодородия, цветообозначения и температуры. В настоящей статье внимание будет сосредоточено на рассмотрении нескольких терминов из группы прилагательных, встречающихся у разных латинских авторов для характеристики *плодородных* почв. Чтобы получить представление о том, как древние римляне понимали плодородие земли, необходимо обратиться к первоисточникам. В 9-й главе 1-й книги Варрона о сельском хозяйстве (*Res Rusticae*, сокр. *R. R.*) имеется весьма важное рассуждение на эту тему, которое Столон, один из участников беседы о земледелии, приписывает Диофану Вифинскому. О качестве земли (*qualitas*), – говорит Столон, – то есть о том, подходит ли она для возделывания, можно судить, исходя как из ее внешнего вида (*ex ipsa*), так из того, что она производит, что на ней рождается (*ex iis, quae nascuntur ex ea*). Далее Столон уточняет, развивает оба положения: прежде всего, обращают внимание на цвет земли – светлая она или темная (*alba si nigra*), легкая (*levis*) для вскапывания и дробления (глыб), но по природе и не рыхлая, не рассыпающаяся в пыдь (*non sit cineracea* букв. ‘напоминающая золу, пепел’), хотя, в то же

время, и не слишком плотная (*neve vehementer densa*). Во-вторых, исследуют то, что на этой земле самопроизвольно выросло, обильны ли дикие плоды, достигнут ли они зрелости, насколько будут крупными и т. д. Таким образом, о качестве земли судят по некоторым физическим характеристикам – по составу, цвету, структуре, а также по плодородию (Грошева 2006).

Это рассуждение задает те ориентиры, которым надлежит следовать при рассмотрении прилагательных, употребляемых латинскими авторами для характеристики плодородия земли, то есть принимать во внимание как качества самих почв, так и урожайность, обилие плодов, выращенных на этих почвах.

По своей семантике прил. *плодородный* как имеющее степени сравнения относится к числу качественных (=квалификативов), или оценочных (Вольф 1979). Группа латинских прилагательных со значением *плодородный* включает в свой состав не менее десятка названий. В настоящей статье будут рассмотрены три из них: *fēlīx*, *fēcundus*, *fētus*.

Fēlīx, *īcis* – прилагательное одного окончания, не изменяющееся в зависимости от рода того существительного, определением к которому оно является; *fēlīx* употребляется в первую очередь для характеристики плодоносных растений: Ног. Ерод. 2. 14 inutilis ... falce ramos amputans *fēlīciōrēs* inserit «обрезая ножом бесполезные (то есть сухие) ветки, прививает *более плодоносные*»¹; Col. R. R. 3. 1. 3 (vitis) tam *fēlīx* campis quam collibus provenit «виноградная лоза приносит хорошие плоды (букв. ‘*плодоносна*’) как на равнинных местах, так и на холмах». Речь может идти о садах, изобилующих фруктами: Mart. 13. 20. 1 *fēlīcibus*...hortis. Число примеров употребления *fēlīx* для характеристики плодородной земли, представленных в Оксфордском словаре (OLD: 684), крайне ограничено: так, в «Георгиках»

¹ К вопросу о критике текста: из этой цитаты неясно, ветви какого растения Гораций имеет в виду, но можно предположить, что речь идет о виноградных лозах, поскольку выше, в стихах 9–10 этого эпода, говорится именно о них. Комментатор эпода Л. Миллер (Мюллер) полагает, что было бы логичнее стихи 13–14 поместить сразу за стихами 9–10, с чем нельзя не согласиться. Кроме того, Л. Миллер ставит знак равенства между *fēlīciōrēs* и *fēcundiōrēs*, тем самым подчеркивая, что в данном контексте *fēlīx* дублирует значение *fēcundus* и означает ‘*плодоносный*’ // Q. Horatii Flacci Carmina. – Оды и Эподы Горация с примечаниями Лукиана Миллера. Изд. 2, дополненное и исправленное. СПб., 1889.

Вергилия говорится о *плодородном речном иле* (Verg. G. 2. 188 *amnes fēlicem ... trahunt limum*), но не о самих почвах. Приводится также строка из другого произведения Вергилия, «Энеиды», хотя слово *земля* в ней опущено и лишь подразумевается: Verg. Aen. 7. 725 *vertunt fēlicia Baccho Massica² qui gastris* «(о земледельцах) которые переворачивают мотыгами *плодородные* для Бакха (то есть для виноградных лоз) *массийские* <земли>».

Коснемся вопроса о семантическом развитии древнего и весьма употребительного прил. *fēlix, īcis*. Его первоначальное, исходное значение этимологи не без основания относят к области сельского хозяйства, то есть к тому слою лексики, который для носителей латинского языка, чьим основным занятием было земледелие, следует считать древнейшим: *fēlix* ‘дающий, приносящий плоды, плодородный, плодоносный’ (ЕМ 1959: 224). Объяснение этому прилагательному дается уже в античных словарях: Paul. Fest. p. 92 *M fēlicēs arbores Cato dixit, quae fructum ferunt, infēlicēs non ferunt* «плодоносными (*fēlicēs*) Катон называет деревья, которые приносят плоды, а бесплодные он называет *infēlicēs*». Следует заметить, что здесь отрицательная оценка выражена не антонимичным прилагательным, имеющим другую словесную форму, а тем же самым прилагательным с префиксом отрицания *in-*. *Infēlix* сохраняло значение ‘бесплодный’ еще в императорскую эпоху: Plin. N. H. 24. 65 *volgus infēlicem arborem eam appellat quoniam nihil ferat* «бесплодным люди называют дерево, не приносящее плодов». Этим эпитетом наделялась и бесплодная земля: Verg. G. 2. 239 *frugibus infēlix ea (sc. salsa tellus) nec mansuescit arando* «(соленая земля) непригодна для взращивания плодов и не улучшается (букв. не смягчается) благодаря пахоте».

Fēlix было древним словом крестьянского и сакрального языка (ср. *fēlix hostia* ‘благоприятная жертва’)³, получившим в

² *Massicus, i m (sc. mons)* – название горы в Кампании. Форма мн. ч. ср. р. *Massica* подразумевает *sola* ‘земли, почвы’. К подножию *mons Massicus* примыкало Фалернское поле (*ager Falernus*). *Massica vina* (Hor. Serm. 2. 4. 51) считались самыми благородными винами Кампании.

³ Verg. G. 1. 345 *Terque novas circum fēlix eat hostia fruges* «и трижды пусть обойдет вокруг новых плодов искупительная жертва»: речь идет о том, что во время весеннего праздника молодежь трижды (*ter*) обводила вокруг ранних полевых всходов *fēlix hostia*, состоящую для

процессе семантического развития такие значения, как ‘счастливый, благополучный; тот, кому покровительствуют боги’⁴ и перешедшим из специального языка в язык общенародный; в одном из этих значений оно встречается у Плавта в традиционной формуле пожелания всего наилучшего: Plaut. Trin. 41 ut nobis haec habitatio bona, fausta, *fēlix* fortunataque evenat «чтобы это жилище было для нас хорошим, благополучным, *счастливым* и успешным»⁵. Сервий, комментатор «Энеиды» Вергилия, отметил семантическую двойственность рассматриваемого прилагательного: *fēlix* называют как того, кто имеет счастье, так и того, кто делает кого-то счастливым – ‘приносящий счастье, благосклонный, благожелательный’ (о боге, божестве или человеке; комментарий к Verg. Aen. 1. 330). Возникшее абстрактное сущ. *fēlicitās* f ‘плодородие (земли)’, хотя и встречается впервые у Колумеллы (I в. н. э.), но, как утверждают авторы Этимологического словаря латинского языка Вальде и Хофманн (WH: 1, 474), несомненно имеет более древнее происхождение: Col. R. R. 3. 2 *omittam veterem illam fēlicitātem arborum* «я обойду молчанием эту старую тему *плодородия* полей», поскольку, добавляет Колумелла, об этом ранее говорил Катон и затем Варрон в 1-й книге своего сочинения о сельском хозяйстве. Как и исходное прилагательное, сущ. *fēlicitās* получило переносные значения ‘счастье, успех, процветание’.

Этимологи считают прил. *fēlix* производным от существительного **fēlā* ‘грудь’⁶ (реконструируемая форма, не засвидетельствованная в латинском языке), которое было бы

богатых людей из трех животных – теленка, ягненка и поросенка; более бедные люди водили только одно из этих животных.

⁴ Авторы «Латинских синонимик» включают *fēlix* только в группу прилагательных со значением ‘счастливый’, ограничивая тем самым разнообразие его употреблений (Ильенков 1845: 77; Шмальфельд 1890; Menge 1959: 185).

⁵ Слова Калликла, купившего дом, который он хочет украсить венком Лара.

⁶ Предположение об образовании прил. *fēlix* от сущ. **fēlā* ‘грудь’, по нашему мнению, поддерживается также наличием в латинском языке амбивалентного имени *ūber*: 1. сущ. *ūber, ris* n ‘женская грудь или сосок (как источник молока); вымя животного’, мн. ч. ‘сосцы’ 2. прил. *ūber, ris* ‘плодородный’ (см. об имени *ūber* EM 1959: 715). Об и.-е. основе **eud^{lh}*- с первичным значением ‘вымя’ (символ ‘молочного изобилия’) см. (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 569 прим. 4).

родственным глаголу *fēlō/ fellō*⁷ ‘сосать (молоко)’ и греч. θηλή ‘сосок, грудь’: в таком случае *fēlīx* первоначально должно было бы означать ‘дающая молоко, питающая’; однако от этого значения прилагательного в латинском не осталось никакого следа (EM 1959: 224)⁸. Лат. *fēlāre* ‘сосать молоко у матери’ имеет соответствия в др.-инд. *dhāyati* ‘сосать’, др.-греч. θήσαστο (3 л. ед. ч. аориста от глагола ‘сосать; доить’), гот. *daddjan* ‘кормить грудью’, ст.-слав. **ДОИТИ**; в соответствии с ларингальной теорией эти глаголы возводятся к и.-е. корню **dhēi-* (**dheh₁i-*) (Герценберг 2010: 18). Наиболее полно обозначение понятий *питающий*, *кормящий*, *сосунок* (**dheh₁lus*) и соответственно *сосок*, *грудь* (**dhh₁ileh_a-*) в различных индоевропейских языках дано в (EIES 1997: 82): лат. *fēlīx* ‘плодородный, благоприятный, счастливый’, алб. *dele* (**dhoh₁lijeh_a-*) ‘овца’, греч. θήλυς ‘женский, самка’, др.-инд. *dhārú-* ‘сосунок’, ср.-ирл. *deil* (др.-ирл. *dela*) ‘сосок’, др.-норв. *dilkr* ‘сосущий, -ая’ (ягненок, овечка); ‘детеныш животного’, др.-англ. *delu* ‘сосок’, др.-в.-нем. *tīla* ‘женская грудь’, и с новой удлинённой ступенью в дальнейшем деривативе в латыш. *dīle* ‘сосущий теленок’. Все приведенные соответствия могут представлять собой скорее всего банальные дериваты от **dheh₁(i)-* ‘кормить грудью, давать сосать вымя’. Возможно, мы имеем северо-западное (кельтское, германское, балтийское) и позднее индоевропейское слово для ‘сосок, грудь’ в **dhh₁ileh_a-* (EIES 1997: там же)⁹.

⁷ Графика *fēlō* встречается в надписях, рукописи имеют графику *fellō* с экспрессивной геминацией плавного согласного (EM 1959: 224). В переносном значении глагол имеет обценный смысл (OLD: 684).

⁸ Ср. аналогичную точку зрения И. М. Тронского на происхождение лат. *fēlīx*: и.-е. суффикс **-i-*, служивший для образования названий лиц женского пола, названий птиц и некоторых других существительных женского рода, в итальянских языках имеет расширение *-c-*: *fēlīx*, *īcis* от **fēlā*, ср. греч. θηλή ‘сосок’, ‘сосец’ (Тронский 2001: 367).

⁹ Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов в монографии «Индоевропейский язык и индоевропейцы» в главе о названиях домашних животных затрагивают вопрос об ареале распространения и.-е. корня **d^[h]eH(i)-* с первоначальным значением ‘сосать грудь’, ‘кормить грудью’, ‘давать молоко’ и семантически и формально родственными словами ‘дойная корова’ и ‘доить’, а также ‘сосок’, ‘материнская грудь’. По мнению авторов, распределение по разным индоевропейским диалектам многочисленных производных от корня **d^[h]eH(i)-* может представлять интерес с точки зрения типологии развития данного семантического поля. В силу недифференцированности первоначальных значений

Прил. *fēcundus*, *a*, *um* ‘плодородный, плодоносный, обильный, богатый’ в своих значениях отчасти повторяет значения *fēlīx*. Однако *fēcundus* имеет отсутствующее у *fēlīx* значение ‘плодовитый’, выступая характеристикой живых существ, как женщин, так и самок животных¹⁰; ср., например, высказывание Цицерона о плодовитости свиньи: *Cic. N. D. 2. 160 nihil genuit natura fēcundius (sue)* «природа не произвела животного более плодовитого, чем свинья». Подобно *fēlīx*, *fēcundus* употребляется для обозначения плодоносных растений (*Hor. Carm. 3. 23. 6 fēcunda vitis* ‘плодоносная лоза’) и плодородных почв: в этом последнем случае примеры с *fēcundus* более многочисленны по сравнению с *fēlīx*: *Lucr. 1. 211 fēcundas vertentes vomere glebas* «ворочая лемехом тучные пласты (пашни)»; *Tac. Ann. 1. 79 fēcundissimōs Italiae campos* «плодороднейшие поля Италии» (о южной Умбрии)¹¹; пример из упоминавшейся выше 9-й главы 1-й книги сочинения Варрона о сельском хозяйстве: *Var. R. R. 1. 9. 5 Quod (ad cultura) pinguis (terra) fēcundior ad multa, macra contra* «что касается возделывания земли, то жирная земля более подходит (букв. ‘более плодородна’) для многих культур, тощая – напротив». В «Анналах» Тацита (*Tac. Ann. 4. 65*) есть упоминание о римском холме (*mons, tis m*), который в старину назывался Дубовым (*Querquetulanus*), «так как был покрыт густыми дубовыми рощами» – *quod talis silvae (rod. п.) frequens*

‘сосать’, ‘кормить грудью’, ‘давать молоко’ все остальные значения могут быть сведены к этим исходным. Итогом обзора индоевропейской лексики, связанной с обозначениями молока, молочных продуктов, доения и домашних животных, является вывод о «разветвленности скотоводческой терминологии, отражающей развитое молочное хозяйство уже в общеиндоевропейскую эпоху» (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 570). В этот же период обозначения *вымени* и *дойной коровы*, воспринимаемые как символы всеяческого изобилия, находят отражение в поэтической и древней культовой речи, в мифологических и обрядовых традициях (там же: 571).

¹⁰ См. толкование *fēcundus* у (Menge 1959: 184): «только о живых и рожающих существах или о таких объектах, которые (благодаря персонификации) мыслятся как одушевленные (*produktiv* ‘способные производить’), например, *ingenium*».

¹¹ В другом месте «Анналов» Тацит, характеризуя плодородную землю как *solum fertile*, эпитет *fēcundus* присваивает морю (*fēcundum mare* ‘море, обильное рыбой’ – *Tac. Ann. 12. 63*).

*fēcundusque erat*¹². Своеобразным представляется употребление Горацием прил. *fēcundus* для обозначения *упитанной* зайчихи (Hor. S. 2. 4. 44 *fēcundae leporis* <...> *armos*), переднюю лопатку которой знаток кулинарного искусства может предпочесть зажаренному кабану.

Прил. *fēcundus* было использовано Варроном в качестве грамматического термина (переносное употребление). В 9-й главе 8-й книги «De lingua Latina» Варрон говорит о двух родах слов (*duo generum verborum*), обозначая их антонимичными прилагательными – *fēcundum* (*genus*) ‘плодородный’ и *sterile* ‘бесплодный’. К первому роду он относит такие слова, которые, изменяясь, порождают множество различных форм, и приводит в качестве примера спрягаемые формы *lego* ‘я читаю’, *legis* ‘ты читаешь’, *legam* ‘я буду читать’ и др.; к бесплодному роду в его представлении относятся слова, которые никакому изменению не подвергаются и не имеют производных: *etiam* ‘также’, *vix* ‘едва’, *cras* ‘завтра’, *magis* ‘более’, *cur* ‘почему’, то есть наречия и частицы. У Плиния Старшего имеется прил. *praefēcundus*¹³: Plin. Nat. 16. 118: *omnia...celerius senescunt praefēcunda* «все чрезмерно плодородное/ плодovitое быстрее старится».

Антонимическое значение передается формой *īnfēcundus* ‘неплодородный, неплодоносный’, характеризующей как растения и животных, так и землю. В одном отрывке из «Апологии» Апулея (Apol. Apol. 23) мы встречаем интересное сочетание двух синонимичных прилагательных – *arbor īnfēcunda* и *īnfēlix*, равно отмечающих, на первый взгляд, неспособность дерева плодоносить, как поясняется здесь же и в самом тексте (*quae nullum fructum ex sese gignit* «дерево, которое само не приносит

¹² В русском переводе А. С. Бобовича значение прил. *fēcundus* не отражено, по-видимому, с целью избежать тавтологии (если понимать *fēcundus* как ‘обильный, изобилующий’).

¹³ Появление большого количества новых прилагательных с приставками *sub* и *prae* отмечено, например, К. П. Авдеевым как одна из особенностей медицинского языка Цельса, вызванная необходимостью создания максимально точного языка, служащего в данном случае для передачи симптоматической картины заболевания, поскольку для этой цели такие прилагательные оказывались как нельзя более пригодными. Эти прилагательные, сравнительно редкие в произведениях доцельсовской литературы (Плиний и Цельс – авторы 1 в. н. э.), черпались автором *De medicina* из *разговорной народной речи* (курсив А. Г.), для которой они оказываются особенно характерными (Авдеев 1949: 9).

никаких плодов»); и стóбит такое дерево ровно столько, сколько древесина (*lignum*¹⁴) его ствола. При переводе подобных прилагательных-синонимов одно из них нередко опускается, хотя это не всегда правомерно. Попытаемся дать собственное понимание *īnfēcunda* и *īnfēlīx* в этом тексте: *arbor īnfēcunda et īnfēlīx* ‘дерево бесплодное и малоценное’, то есть не приносящее плодов (*īnfēcundus*) и с древесиной, которая годилась только для сожжения (*īnfēlīx*)¹⁵.

Авторы сельскохозяйственных трактатов отлично понимали, что одна и та же почва может быть благоприятна для одних растений и непригодна для других. Однако подобные высказывания можно встретить и в исторических сочинениях, например, в кратком описании Африки и ее земель в «Югуртинской войне» Саллюстия: *Sal. Jug. 17. 5 ager frugum fertilis, bonus p̄sori, arbori īnfēcundus* «земля, плодородная для выращивания хлебных злаков, пригодная для скотоводства, для деревьев *неблагоприятная*». Интересно сравнить эту характеристику земель Африки у Саллюстия и земель Германии у Тацита: Тацит указывает как на достоинства земель этой области, благоприятствующие выращиванию продуктов сельского хозяйства и домашних животных, так и на недостатки¹⁶: *Tac. Germ. 5. 1 terra ... satis ferax, frugiferarum arborum inpatiens, p̄sorum fēcunda* «земля достаточно плодородная, но непригодная для плодовых деревьев, *изобилующая* мелким скотом». Как ни удивительно, из сравнения вытекает, что земли Африки и Германии для использования в сельском хозяйстве имели много общего, в том числе, они не годились для выращивания многих обычных (плодовых) деревьев.

¹⁴ Словом *lignum* обозначали древесину, используемую как топливо в отличие от *materia* как строительного материала.

¹⁵ Ср. другой перевод словосочетания *arbor īnfēcunda et īnfēlīx*: ‘бесплодное несчастное дерево’ (Апулей. Апология. Перевод С. Маркиша. Серия «Литературные памятники». М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 28).

¹⁶ Тацит рисует Германию в сравнении с Африкой или Италией как мало привлекательную область с «неприятной землей» (*informem terris*), «суровым небом» (*asperam caelo*), «безрадостную для обитания» (*tristem cultu*) и «для взора» (*aspectu*), кроме людей, кому она родина (*Tac. Germ. 2*).

Прил. *fēcundus* образовано от того же корня *dhē-(i)- ‘сосать грудь, сосать, доить’, что *fēlīx*¹⁷, по образцу *fa-cundus* (от *fari* ‘говорить’) ‘говорящий плавно, красноречивый’¹⁸. Корень *dhē-(i)- с указанным значением широко представлен во всех индоевропейских языках – ирландском *denim* ‘сосу (грудь)’, др.-в.-нем. *taan* ‘сосать’; греч. гом. *θῆσαι* ‘сосать, доить’ и *τιθήνῃ* ‘кормилица’; *γαλαθηνος* ‘который сосет молоко’; вед. *dhātave* ‘чтобы сосать’, др.-инд. *dhātrī* ‘кормилица’, арм. *diem* ‘сосу’. Частотным является суффикс, начинающийся на -i-, выше отмеченный уже в лат. *fēlō* ‘сосать’ и *fēlīx*, греч. *θηλή* ‘сосок, грудь’, латыш. *dēju*, *dēt* ‘сосать’, лит. *dėlė* ‘пиявка’, алб. *del’e* ‘баран’ (EM 1959: 223).

Можно было уже заметить, что каждое из двух рассмотренных прилагательных, используемых для характеристики плодородия земли, *fēlīx* и *fēcundus*, даже родственных по

¹⁷ Эрну и Мейе рассматривают *fēlīx* и *fēcundus* в отдельных словарных статьях (EM 1959: 224 и 223 соответственно), несмотря на общее происхождение прилагательных, так как эти авторы задачу своего словаря видят не только в установлении этимологии слова, но и в том, чтобы проследить его историю. Вальде и Хофманн практически лишь упоминают о *fēcundus* (WH: 1, 473), отсылая читателей к статьям *fē-tus*, *fēlīx*. Наиболее детально весь комплекс слов, семантически связанных по своему происхождению с глаголом *сосать* (в том числе *fīlius* ‘сын’, *fēmina* ‘женщина’), рассматривается в статье *fēlō* (WH: 1, 475) с привлечением значительного количества соответствий из разных индоевропейских языков.

¹⁸ Насчитывается 6 прилагательных подобного типа (например, *rubicundus* ‘красный’ от *rubeo* ‘быть красным’ и др.). Объяснять происхождение этих образований влиянием прил. *secundus* ‘следующий’ Эрну и Мейе считают, мягко говоря, неправомерным (фр. *chimerique* ‘фантастическим’): обычно, чтобы получить прилагательное на *-undus* от основ, оканчивающихся на гласный, прибегали к *-bundus*. Э. Бенвенист (Origines p. 141; BSL 34, 1933, p. 186) считал образования на *-cundus* причастиями от корня *ku- ‘надуваться’, что придавало словам интенсивное значение (EM 1959: 223). В новейшем «Этимологическом словаре латинского и других италийских языков» М. де Фана отмечается, что глагол *d^heh₁-i- ‘сосать’ является омофоном *d^heh₁- ‘класть, ставить’ и по своему происхождению может быть тем же самым глаголом (de Vaan 2008: 208). Однако Эрну и Мейе делают упор на различии этих корней: *dhē- ‘кормить грудью’ отличается от *dhē- ‘класть, ставить’ тем, что первому корню сопутствуют формы с расширителем -i-: др.-инд. *dhāyati* ‘он сосёт’, ст.-слав. дою, дойти, арм. *dayl* ‘молозиво’ etc. С этой группой слов связано лат. *fīlius* ‘сын’ (EM 1959: 223). Л. Г. Герценберг также разделяет глаголы-омофоны *d^heh₁-i- ‘сосать’ и *d^heh₁- ‘класть, ставить’ (Герценберг 2010: 274).

происхождению (ибо корневая морфема является в них носительницей основного смысла), в семантическом отношении имеет какие-то особенности, что делает эти прилагательные нетождественными в полной мере¹⁹.

Переходим к рассмотрению последнего из трех прилагательных – *fētus*, *a*, *im* с целью определить как то общее, что объединяет его с другими членами группы, так и его своеобразие. Уже первое значение *fētus* отделяет его от всех остальных: оно характеризует животных *женского* пола, разродившихся самок, например, волчицу, кормившую близнецов, Ромула и Рема (Enn. Ann. 68 *lupus femina fēta*), корову (Stat. Theb. 9. 116 *iuvencum ...tunc primum fēta tuetur mater*), медведицу, ставшую более свирепой после родов (Ovid. Met. 13. 803 *fēta truculentior ursula*), и даже насекомых (Verg. G. 4.139 *apibus fētis* – о пчелиных матках) и т. п. Однако *fēta* может относиться и к беременной женщине (Juv. 14. 167 *fēta iacebat uxor*) или самке животного, только ожидающей потомства: Col. R. R. 8. 9. 3 *quattuor ...mensibus fēta quinto parere (sus debet)* «свинья вынашивает потомство четыре месяца, на пятом должна родить»; также о беременной лисице у Горация – *fēta vulpes* (Hor. Carm. 3. 27. 4), встреча с которой, равно как и с беременной собакой, считалась дурным предзнаменованием. Субстантив *fēta*, *ae f* в языке сельского населения служил специальным термином, обозначавшим овец в стаде (Verg. Ecl. 1. 49 *non insueta gravis temptabunt pabula fētas* «не повлияет здесь корм непривычный на маток тяжелых (= суягных)»). Предназначенная для жертвоприношения супоросая или со всем приплодом свинья называлась *confēta sus* (Paul. Fest. 57M). Именно в этом значении «оплодотворенная» выступает *fētus* как образная характеристика земли (*ager*), в которую брошены семена, залог будущего урожая: Ovid. Fast. 1. 662 *seminibus iactis est ubi fētus ager*. Колумелла называет «беременными» побеги виноградных лоз (*palmites*), которые благодаря отцу Либеру (= Вакху) могут принести обильные гроздья: *patre favente Libero fētis palmitibus* (Col. R. R. 3. 21. 3). Значение ‘земля, изобилующая природными продуктами’, которое свойственно *fētus*, ставит это прилагательное в один ряд с другими членами рассматриваемой группы, характеризующими

¹⁹ Не подлежит сомнению факт, что возникновение этих латинских прилагательных связано с образом земли-кормилицы, питающей своими соками растительный и животный мир.

богатую урожаями землю: Cic. N. D. 2. 156 terra ... *fēta* frugibus «земля, обильная хлебами»; Ovid. Pont. 1. 7. 13 regio necromo *fēta* nec uvis «область, не изобилующая ни яблоками, ни виноградом».

В Словаре де Фана (de Vaan 2008: 217) со ссылкой на работу Э. Риша (Risch 1984: 189–191) сказано, что самое раннее значение для *fētus* – ‘давшая недавно рождение’ (кому-либо), ‘высиживающая’ (птенцов), откуда посредством метафоры были созданы значения ‘плодородный’, ‘обильный’, приложимые к земле и растениям. «Вероятно, *fētus* является исключительно итальянским образованием, подобно *fēcundus*» (de Vaan 2008: там же).

Наряду с прилагательным имелось и существительное *fētus*, *ūs* m с отвлеченным значением ‘(по)рождение, произведение на свет, роды’. Сущ. *fētus* зафиксировано довольно рано: Plaut. Am. 487 pater curavit uno ut *fētū* fieret, uno ut labore apsolvit aerumnas duas «отец позаботился, чтобы обошлось одними родами, за один раз разрешил две трудности»²⁰. У Ливия также отмечено подобное словосочетание: Liv. 35. 21. 3 – за одни роды (uno *fētū*) коза выдала шесть козлят. Речь могла идти и о плодоношении растений, например, у Плиния о деревьях, ослабленных плодоношением: Plin. N. H. 17. 12 arbores (Acc.) *fētū* exinanitas (OLD: 644); у Колумеллы (Col. R. R. 3. 10. 3): «стволы виноградных лоз твердые, так как они свободны от плодоношения» (quod a *fētū* vacant). Этим же существительным *fētus* обозначали и результат рождения – ‘потомство, приплод’ – обычно о животных (Verg. Ecl. 1. 21 ovium teneros ... *fētūs* «нежный приплод овец»), изредка о детях (Tib. 2. 5. 91 *fētūs* matrona dabit «жена детей народит»); однако детеныш животного и дитя человеческое могли обозначаться разными словами: Paul., Sent. 2. 17. 7 *fētūs* pecorum et ancillarum *partūs* «детеныши животных и дети служанок». Форма единственного числа *fētus* иногда имела собирательное значение, как об этом можно судить по отрывку из 2-й сатиры Персия (молитва, обращенная к Меркурию): Pers. 2. 46 Da fortunare penates, da pecus et gregibus *fētum* «Дай процветать (моим) пенатам, умножь (мой) скот и дай стадам приплод». Естест-

²⁰ Речь идет о рождении мальчиков-близнецов Алкменой, соблазненной Юпитером: один ребёнок (старший) – сын Амфитриона, мужа Алкмены, другой (младший) – сын бога (то есть Юпитера, названного здесь pater).

венно, что речь могла идти и о растительных плодах, фруктах: Verg. G. 2. 521 *varios ponit fētūs autumnus* «осень разные дарит плоды»; Ovid. Met. 10. 665 *fētibus arboreis* (о яблоках). *Fētus* встречается и в собирательном значении ‘продукт, урожай’: Рас. trag. 13 *sol si perpetuo siet, / Flammeo vapore torrens terrae fētum exusserit* «Будь над нами солнце беззакатное – Все оно *плоды земные* жарким паром выжгло бы»²¹. Побег или ветвь, отросток, молодое деревцо и т. п., развившиеся от основного корня растения, также именовались *fētus*. В «Анналах» Тацита есть сообщение о том, что у священной Руминальской смоковницы (*Ficus Ruminalis*), под сенью которой некогда укрывались младенцы Ромул и Рем, спустя 841 год после этого стали отмирать ветви и сохнуть ствол, что было дурным знаком; однако дерево ожило и пустило молодые *побеги* (Тас. Ann. 13. 58 *donec in novos fētūs revivesceret / arbor/*). В переносном значении *fētus* обозначает ‘плод ума или воображения’: Catul. 65. 3 *neq potis est dulces Musarum exromere fētūs mens animi* «сладостных муз легкокрылое племя создать не способен / Дух отягченный»²² (*mens, tis f; m. animi* ‘ум, рассудок’).

Что касается этимологии рассмотренного амбивалентного имени, Эрну и Мейе (EM 1959: 231) дают отдельной словарной статьей корень **fē-* и *fētus* как прилагательное и существительное, включая сюда также глагол *fētō* в значениях: 1. ‘рожать детенышей, нестись’ 2. ‘оплодотворять’; для получения сведений об этимологии во избежание повторений отсылают к родственному прилагательному *fēcundus* (см. выше). Аналогично поступают Вальде и Хофманн: в словарной статье *fētus, ūs m* реконструируют корень **dhē(i)-* ‘сосать’ и отсылают к статьям *fēcundus, fēlīx* (WH: 1, 490).

²¹ Нумерация стиха дана по (OLD: 695). Перевод М. Л. Гаспарова взят из «Хрестоматии по ранней римской литературе», составители К. П. Полонская и Л. П. Поняева. 2-е изд. М. 2000. С. 57; в этом издании стих Пакувия идет под № 27.

²² Таков достаточно вольный перевод Адриана Пиотровского. «Всякий перевод несовершенен. О полной адекватности оригиналу не может быть и речи. В первую очередь это касается художественных переводов в стихах. Особенно нелегко переводить древних авторов» (Дуров 2010–2011: 107). В силу особой важности лексики оригинала предлагаем прозаический перевод стиха Катуллы: «(моя) душа не может выдавать сладкие творения (*fētūs* – Асс. pl.) Муз» (поэт опечален смертью брата, которого он оплакивает в этом стихотворении).

Завершая обзор трех компонентов из целой серии латинских прилагательных, которые могли употребляться в значении *плодородный, плодоносный, плодовитый*, – *fēlīx, fēcundus, fētus*, на основе детального семантического, морфологического и этимологического анализа можно сделать некоторые выводы:

1. Эти прилагательные при всей смысловой близости не являются абсолютными синонимами; несмотря на определенные совпадения в семантическом плане, каждое из них имеет свои специфические особенности:

1) прил. *fēlīx, īcis*, используемое для характеристики *плодоносных* растений, довольно редко обозначает *плодородную* землю; другая его отличительная особенность – изначальная принадлежность сакральному и религиозному языку в значении ‘благоприятный, благополучный, счастливый’ и переход в язык общенародный именно с этим значением удачи;

2) прил. *fēcundus, a, um* обладает наиболее широкими возможностями: в значении *плодовитый* оно может быть характеристикой живых существ женского пола, в значении *плодоносный, обильный* (о плодах) – характеризовать растения и, особенно часто, служить характеристикой *плодородных* земель;

3) прил. *fētus, a, um* имеет значение, отсутствующее у двух предыдущих, – это обозначение самок животных (редко женщин), которые недавно обзавелись потомством, или тех, которые его только вынашивают, беременных. В переносном значении этот эпитет характеризует землю, оплодотворенную семенами или изобилующую плодами;

4) четкого семантического разграничения по сферам употребления в разных отраслях сельского хозяйства – *плодородный* (о почвах, земле), *плодоносный* (о посевах, растениях), *плодовитый* (о животных) у рассмотренных прилагательных не наблюдается.

2. все три прилагательных *fēlīx, fēcundus* и *fētus* объединяются общностью происхождения.

Литература

- Авдеев 1949 – Авдеев К. П. Медицинская лексика Цельса. Автореферат на соискание ученой степени канд. филол. наук. ЛГУ.
Вольф 1978 – Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного. На материале иберо-романских языков. М.: Наука.

- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 2. Тбилиси.
- Герценберг 2010 – Герценберг Л. Г. Краткое введение в индоевропейистику. СПб.: Нестор-История.
- Грошева 2006 – Грошева А. В. *Земля* и ее характеристики в сочинениях латинских авторов // Индоевропейское языкознание и классическая филология – X. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. СПб.: Наука. С. 59–67.
- Дуров 2010–2011 – Дуров В. С. Перевод как истолкование (Hor. Carm. 3. 30) // *Hyperboreus. Studia Classica. Variante Loquella. Alexandro Gavrilov Septuagenario. Petropoli. Vol. 16–17. С. 107–116.*
- Ильенков 1845 – Ильенков Я. Краткая латинская синонимика, изложенная по Дёдерлейну. СПб.
- Тронский 2001 – Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. М.: «Индрик».
- Шмальфельд 1890 – Латинская синонимика Шмальфельда / Пер. А. Страхова. М., 1890.
- EM 1959 – Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. 4-e éd. Paris.
- EIEC 1997 – Encyclopedia of Indo-European Culture. Editors J. P. Mallory and D.Q. Adams. London; Chicago.
- Menge 1959 – Menge H. Lateinische Synonymic. 5 Aufl. durchgesehen und erweitert von O. Schönberger. Heidelberg.
- OLD – Oxford Latin Dictionary. Ed. by P. G. W. Glare. Oxford, 1968–82.
- Risch 1984 – Risch E. Gerundivum und Gerundium. Gebrauch im klassischen und älteren Latein. Entstehung und Vorgeschichte. Berlin – New York.
- de Vaan 2008 – Vaan M. de. Etymological Dictionary of Latin and other Italic Languages. Leiden, Brill.
- WH – Walde A. Lateinisches Etymologisches Wörterbuch. 3 Auflage / Neubearb. von J. B. Hofmann.: 2 Bd. Heidelberg. 1938–1954.

A. V. Grosheva. The conception “fertile, fruitful” in Latin

The paper presents semantic, derivational and etymological analysis of the three Latin adjectives: *fēlīx*, *fēcundus* and *fētus*, all of them denoting the concept ‘fertile, fruitful’ and originating from the Indo-European root *dhē-(i)- ‘to breast-feed, suck’.

Г.-Р. А.-К. Гусейнов

ОБ ОДНОМ ИНДОЕВРОПЕЙСКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ ЛЕКСИЧЕСКОМ СООТВЕТСТВИИ и некоторых северокавказских заимствованиях в хеттском языке. Аспекты интерпретации

Резюме. Исследование посвящено анализу индоевропейско-северокавказского лексического соответствия в области названий серебра, которое оказалось при ближайшем рассмотрении арменизмом восточнокавказских языков. Того же происхождения и одно из северокавказских заимствований в хеттском языке в то время, как еще три из семи проанализированных оказались болгаризмами либо тюркизмами. Этимологическая интерпретация остальных северокавказских заимствований составит цель последующей исследовательской работы и позволит прийти к более определенным выводам в отношении их достоверности.

Ключевые слова: индоевропейско-северокавказские лексические соответствия, северокавказские заимствования в хеттском языке, арменизмы, болгаризмы и тюркизмы восточнокавказских языков.

В свое время Р. Лафоном (1933: 90–95) была отмечена связь северокавказских названий серебра с индоевропейским наименованием, праформа которого восстанавливается Вяч. Вс. Ивановым и Т. В. Гамкрелидзе (1984: 714) как **Hark'*- на основе развития 'блестящий', 'белый' ~ 'серебро'. Эта связь считалась С. А. Старостиным (1985: 84) очевидной, хотя, по его мнению, «вопрос о направлении заимствования весьма сложен (фонетически с северокавказскими формами лучше сопоставима и.-е. производная основа *arəĝ-* 'блестящий', ср. греч. *ἀργός* 'белый', др.-инд. *arj-una-* 'светлый' и др.); могла ли она сама по себе первоначально означать 'серебро'?».

На наш взгляд, источником дагестанских названий данного металла следует считать др.-арм. V–XI вв. (Больш. энц.сл. 1998: 44) *arcat'* 'серебро' и.-е. уровня, где *-t'*- суффикс, (Туманян 1978: 168–169, 154). Речь идет об общедаг. *arc* 'серебро' = авар. *warac*, анд. *orsi*, ахв. *aċi*, дарг. *arc*, лак. *arċi*, арч. *arsi*, агул. *ars* (<**arc*) (Гигинейшвили 1977: 26). К ним следует присовокупить карат. *warse*, багв. *as*, тинд. *asi*, чам. *si*, *asi*, ботл., год. *arsi*, хварш. *os* то же, но цезские наименования из груз., лезгинские (кроме агульского) – из азерб. (Климов, Халилов 2003: 158),

хваршинское, вероятно, из тиндинского ввиду ареальной смежности. Не исключено при этом, что грузинские и азербайджанские заимствования могли вытеснить армянское слово из других дагестанских языков. Вероятность армянского происхождения аварского, лакского, даргинского, табасаранского и арчинского слов, а также арменизма грузинско-занского уровня **wercIxl*°- ‘серебро’ была отмечена Г. Б. Джаукяном (1990: 109). Это может указывать на контакты с XIX до VIII в. до н. э., когда существовала грузинско-занская общность (см. Климов 1986: 57). Тогда же пранахский выделился из западной части восточнокавказской общности, отделившись от аваро-андоцезской (Коряков 2006: 21).

На то же время, в принципе, указывают и андийские названия серебра с характерным для них и арчинского языка развитием аваро-анд. *c* > анд., арч. *s* (см.: Бокарев 1981:45; Гигинейшвили 1977:89). Вышеназванное явление (**c* > анд., арч. *s*) и соответственно усвоение названия серебра могло иметь место, по глоттохронологическим данным, до XV в. до н.э. – в период отделения праандийского языка от аварского и распада и пралакско-даргинского (XV в. до н. э.). Для арчинского – после XV в. до н. э., когда последний выделяется из собственно лезгинской общности (см. Коряков 2006: 21).

Все это, если иметь в виду существенно заниженные абсолютные датировки, к которым приводят глоттохронологические подсчеты (Климов 1986: 57), ибо вычисленное время оказывается меньше действительного (Яхонтов 1990), согласуется в обоих случаях со временем контакта армянского языка с грузинско-занским, отмеченным выше. Он мог иметь место до XIV–XIII вв. до н.э., когда в хеттских источниках на северо-востоке Малой Азии упоминается страна Хайаса, традиционно связываемая с протоармянами (см. Гамкрелидзе, Иванов 1984: 913). Однако в контексте нашего похода, видимо, следует принять во внимание другие известные гипотезы, удревняяющим время выделения протоармянского языка в территориальных пределах, близких к Кавказу.

В дальнейшем, до VI в. н. э., когда пранахская общность распадается на бацбийский и вайнахский (см. Коряков 2006: 21), выделившиеся из нее нахские – бацб. *tateb d*, инг. *dotuw d d*, чеч. *deti d d* (Климов, Халилов 2003: 158) – названия серебра могли быть усвоены из пракартв. или груз. (первый распался до XIX, второй выделился после VIII в. до н. э. – см. Климов 1986: 57) *tetr*- ‘белый’ (см. Климов 1964: 91). При исторически первичном

характере абруптива *.t* и других смычных в бацбийском, а также рутульском и цахурском (см. Гусейнов 2010а: 90) наиболее древним среди вторичных вайнахских рефлексов является диал. акк. *datuw d d* > инг. *dotuw d d*, которое могло образоваться вследствие спирантизации окаменелого ауслатного классного показателя *b-* в составе бацб. *.tateb* по аналогии с *ajqi b d* ‘сланец’ (см. Тимаев 1983: 19, 23, 118). Затем имеет место последующее развитие образовавшегося на его основе дифтонга **-ew > *-ei > -i*, отразившееся в чеб. *dati d d* (> чеч. *deti d d*) (см.: Алироев 1975: 42; Имнайшвили 1977: 88–89, 111, 147–149). В результате, снимается сама постановка вопроса о северокавказском, включая абхазо-адыгские наименования, уровне названий серебра и их связях не только с праиндоевропейским, но и с пракартвельским (см. Старостин 1985: 83–84). То же самое следует отметить и в отношении мнения об их исконно общедагестанском характере, наряду с **misid* ‘золото’ (см. Гигинейшвили 1977: 26, 119) и пранахско-дагестанским **mVselto* ‘золото, красная медь’ (см. Старостин 1985: 83).

При этом в структуре праформы **misid* ауслатный *-d*, представленный в аваро-андо-цезских языках (Климов, Халилов 2003: 141), может быть интерпретирован как окаменелый классный показатель, присущий лакскому и нахским языкам (Алексеев 2003: 231). Это позволяет соотнести с последней перс. *mis* ‘медь’ – источник азерб. *mis* то же, к которому возводятся аналогичные наименования некоторых лезгинских языков – цахурского, крызского, будухского, удинского, а также хиналугского (см. Климов, Халилов 2003: 149). Аналогичный названию серебра уровень контакта (из пракартв. или груз. *okro* ‘золото’ – см. Климов 1964: 151) мог иметь место и в отношении бацб. *okro* ‘золото’ (Климов, Халилов 2003: 141). Но инг. *došuw d d*, чеч. *deši d d*, акк. *dašuw d d* (> инг. *došuw d d*) и чеб. *daši d d* (> чеч. *deši d d*) то же (см.: Алироев 1975: 42; Имнайшвили 1977: 88–89, 111) < каб. *dəša* (> адыг. *dəš*) ‘золото’ в сравнительно недавнее время. Были освоены, надо полагать, по типу бацб. *.tateb* – посредством окаменелого ауслатного классного показателя *-b* и последующим развитием по модели вайнахских (чечено-ингушских) названий серебра.

При этом дагестанские, за исключением не отмеченного в иных словарных материалах таб. *jišvur* ‘золото’, названия золота – лак. *duwssi ldu:ssi* (Кибрик, Кодзасов 1990: 161), дарг. *dubsi* (кайт. *diwss*) ‘красная медь’ *ldabsse* ‘медь’ (Кибрик, Кодзасов 1990: 161), возводящиеся вместе с нахскими и адыгскими к

прасеверокавказскому уровню (см. Старостин 1985: 83), могут иметь тюркское происхождение. В них также обнаруживается исторический инлаутный окаменелый показатель *-*b-* (> *-w-*), присущий даргинскому языку (см. Яз. Даг. 2000: 102–103), что позволяет соотнести их с тюркскими названиями типа тат. диал. *jes* ‘латунь’, хак. *čis*, алт. *jäs* ‘медь’ (см. Этим. сл. ТЯ 1989: 169), но с **d'*-анлаутом, характерным для некоторых древних болгаризмов нахско-дагестанских языков, в которых обнаруживаются и собственно болгарские названия меди, но иного характера (см. Гусейнов 2010б: 36, 38). Поэтому следует, видимо, исключить привлечение вышеупомянутых названий серебра и золота для соотнесения с предполагаемым временем распада общедагестанского языка в XXIII в. до н.э. (ранний бронзовый век, ср. Гигинейшвили 1977: 26), хотя вместе с тем оно достаточно близко к его современной датировке – XXV в. до н. э. (см. Коряков 2006: 21), также относящейся к тому же раннему бронзовому веку (см. Ист. нар. Сев. Кав. 1988: 45).

Явления аналогичного порядка обнаруживаются и в числе некоторых рассмотренных нами, но не с исчерпывающей полнотой северокавказских заимствований хеттского языка, установленных С. Л. Николаевым. Причем, как отмечает этот широко известный специалист, подводя итог произведенного анализа хеттских заимствований с.-к. происхождения, «если не все, то во всяком случае большинство приведенной ... лексики почерпнуто из *одного* с.-к. языка» (Николаев 1988: 66). Однако уже аргюги подобное обстоятельство противоречит времени выделения этих языков и даже их основных групп и подгрупп в качестве самостоятельных лингвистических единиц, которое относится в абсолютном большинстве своем, по лексикостатистическим данным, ко времени (см. Коряков 2006: 21), когда хеттский язык, еще известный в X–Xвв. до н. э. (см. Больш. энц. сл. 1998: 572) уже был утрачен. Тем более, что в отношении некоторых из рассмотренных нами соответствий С. Л. Николаевым (1985: 60–61) отмечается также сходство значения с хеттским, имеющее место в аварском и ПА (№ № 1, 3) либо даже идентичное с гунзибским языком (№4), однако вместе с тем первое сходство (Николаев 1985: 60), как будет показано в последующем изложении, носит явно случайный характер.

Так, еще один арменизм (др.-арм. *arcuj* ‘орел’, индоевропейский < и.-е. **rǵipjo* – Туманян 1978: 194), **He/or-* (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 867), генезис которого на индоевропейском фоне всегда вызывал определенные затруднения, но тюркского

(булгарского) происхождения, ср. пратюрк. *qarçy-γaj* ‘ястреб’ (а также ‘сокол’, ‘коршун’ и ‘орел’ в отдельных тюркских языках, в которых известны и цокающие формы – Этим. сл. ТЯ 1997: 317, 318), отложился, на наш взгляд, наряду с отражением одной из собственно тюркских *ç*-форм, в целом ряде нахско-дагестанских соответствий хетт. *ḥaštapi-* (с) ‘оракульная птица’, в которых «представлен с трудом реконструируемый корень». К ним относятся: дарг. чир. *?arç'ime*, агул. *marc'*, лак. *barzu*, чеч. *?ärzu*, инг. *?ärzi*, бацб. *?ärc'ib*, ахв. *cc'wî*, анд. *cc'ÿj*, цез. *ce, cej*, гин. *coj*, гунз. *cÿ*, бежт. *cuha*, хварш. *ce*, инх. *cē* ‘орел’ (Николаев 1985: 61). Анлаутный *m*- в агульской форме может представлять собой результат делабиализации корневого гласного, представленного в андо-цезских вариантах, и являться отражением этимона булгарского (см. ниже) типа, при том, что в лакском *b*- – окаменелый классный показатель. Армянский, нахские и некоторые дагестанские, за исключением андо-цезских, варианты, в которых мог непосредственно отразиться булгарский этимон, указывают на утрату в нем анлаутного *h*- (< пратюрк. **q*-) и цоканье, что характерно для булгаризмов языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана (Гусейнов 2010б: 28–29, 39).

Кроме того, с хетт. *arḥa-/irḥa-* (с) ‘граница’; ‘ряд’ сравнивается ПНД корнем **Hērqq'e* ‘граница’; ‘невысокий горный хребет’: ПЛ **hle(r)X°V* ‘косогор’, ‘щека’ (лезг. *jaR°* ‘косогор’, арч. *?eXI* ‘щека’); дарг. *?urqi* ‘горы’; ПН > ПЧИ *?ārRa* ‘невысокий горный хребет’ (чеч. *raR*, инг. *?ārRa*); авар. *?orqqĩ* ‘граница’, ‘рубеж’; ПА **?irqq'i* ‘граница’, причем значение, сходное с хеттским, считается представленным в аварском и ПА (Николаев 1985: 60). Однако при этом следует иметь в виду, что пратюрк. **arka* ‘спина’, практически единообразно, за исключением чув. *urxa*, представленное в тюркских языках, имеет значение ‘горный хребет’ в целом ряде из них, включая кумыкский (Ср.-ист. гр. ТЯ 2001: 267–268), ареально смежный нахско-дагестанским языкам и оказавший достаточно интенсивное на них влияние. Кроме того, с одной стороны, если принять во внимание чув. *urxa*, то дарг. *?urqi* может иметь булгарское происхождение, как, впрочем, и авар. *?orqqĩ*, корневое [-o-] в котором может отражать более раннюю, через [o], стадию развития **a > u* в булгарском (см. Ср.-ист. гр. ТЯ 2002: 679 табл. 3, 683, 687). Аналогичный источник, в принципе, мог иметь место и в даргинском, в котором в силу отсутствия [o] данный звук осваивается при заимствовании через [u], в то время лезгинские формы также могут восходить к тюркскому

источнику, ср.: арч. *?eXI* ‘щека’ ~ кум. *jajaq*, кар. *jajah* ‘щека, челюсть, подбородок’, лезг. *jaR°* ‘косогор’ ~ позднейшие огузские ст.-тур. *jaqa* ‘горы, холмистая местность’, тур. диал. *jaka* ‘холм, хребет, голые вершины’, имеющие исконно тюркское происхождение (см.: Этим. сл. ТЯ 1989: 82, 83; Ср.-ист. гр. ТЯ 2001: 219–220).

Сюда же примыкает хетт. *hari-* (с) ‘долина’, ПНД соответствия которого – лак. *?ar* ‘равнина’, рут. луч. *?uIr* ‘лужайка’, авар. *?uro* ‘целина’; ‘дерн’: чеч. *?arē*, инг. *?ara* ‘поле’, ‘равнина’, ‘степь’ (Николаев 1985: 61) обнаруживают близость к обще-, межтюрк. *āra* ‘промежуток’ (Севортян 1974: 162) > лак. *?ar* ‘равнина’, чеч. *?arē*, инг. *?ara* ‘поле’, ‘равнина’, ‘степь’, потенциальные болгарские, подобные отмеченным выше *o-* варианты которого с их сужением, характерным для воспринимающих языков отложились в рут. луч. *?uIr* ‘лужайка’, авар. *?uro* ‘целина’; ‘дерн’ (в последнем случае речь должна идти об укающем диалекте).

Аналогично тюркское происхождение могут иметь и соотносимые с хетт. *halki-* (с) ‘зерно’, ‘хлеб’ ахв. *?og* ‘рожь’, бежт. тл. *?ōg* ‘ячмень’; чеч., инг. *?ow* ‘пшено’ (Николаев 1985: 61), которые могут быть возведены к пратюрк. **ügür* ‘просо’, в числе репрезентатов которого известны близкие к вайнахским древнетюркские формы, утратившие корневой *-g-* - *jür*, *üjür* (см. Ср.-ист. гр. ТЯ 2001: 458).

Таковые лишь отдельные (№ № 1–7 из 32) лексические северокавказско-хеттские лексические сходства, ставшие предметом нашего предварительного рассмотрения. Дальнейший их анализ, в т. ч. и тех из семи, анализ которых требует более углубленного внимания, составит цель последующей исследовательской работы в данном направлении и позволит прийти к более определенным выводам. Однако уже сейчас в предварительном плане следует отметить, что без более пристального внимания к этимологическому аспекту изучения лексики не только северокавказских языков, но и картвельских и армянского языков, особенно древнейших их болгарских заимствований, эффективное и достоверное решение вопроса об отношении первых к древним языкам Передней Азии не может быть успешным.

Обозначения языков и диалектов

авар.- аварский	кум.- кумыкский
агул.- агульский	лак.- лакский
азерб. – азербайджанский	лезг.- лезгинский
акк.- аккинский (диалект чеченского)	межтюрк.- межтюркское
алт.- алтайский	общедиаг.- общедиагестанское
анд.- андийский	общетюрк.- общетюркское
арч.- арчинский	ПА – праандийский
ахв.- ахвахский	перс.- персидский
багв.- багвалинский	ПЛ – пралезгинский
бацб. – бацбийский	ПН – пранахский
бежт.- бежтинский	ПНД – пранахско-дагестанский
бежт. тл.- тлядальский (говор бежтинского)	пракартв. – пракартвельский
ботл. – ботлихский	ПЧИ – прачечено-ингушский
гин.- гинухский	пратюрк. – пратюркский
год.- годоберинский	рут. луч.- лучекский (диалект рутульского)
греч. – греческий	с.-к.- северокавказский
груз.- грузинский	ст.-тур.- старотурецкий
гунз. - гунзибский	таб.- табасаранский
дарг.- даргинский	тат. диал. – диалектное татарское
дарг. чир.- чирагский (диалект даргинского)	тинд.- тиндинский
др.-арм. – древнеармянский	тур. диал. - диалектное турецкое
др.-инд. – древнеиндийский	хак. - хакасский
и.-е. – индоевропейский	хварш. - хваршинский
инг.- ингушский	хетт.- хеттский
инх.- инхокваринский	цез.- цезский
кайт. - кайтагский (диалект даргинского)	чам. - чамалинский
кар.- караимский	чеб.- чеберлойский (диалект чеченского)
крат.- каратинский	чеч. – чеченский
	чув. – чувашский

Литература

- Алексеев 2003 – Алексеев М. Е. Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков. Категории имени. М.: Academia, 2003.
- Алироев 1975 – Алироев И. Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. – Махачкала: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1975.
- Бокарев 1981 – Бокарев Е. А. Сравнительно-историческая фонетика восточнокавказских языков. М.: Наука, 1981.
- Больш. энц. сл. 1998 – Большой энциклопедический словарь: Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета. Т. I–II. 1984.

- Гигинейшвили 1977 – Гигинейшвили Б. К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977.
- Гусейнов 2010а – Гусейнов Г.-Р. А.-К. Некоторые фонетические особенности нахских языков в контексте их древних ареальных взаимоотношений с дагестанскими, картвельскими и тюркскими языками // Материалы Международной научной конференции «Актуальные вопросы общего и кавказского языкознания». Махачкала, 2010
- Гусейнов 2010б – Гусейнов Г.-Р. А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. Махачкала, 2010.
- Джаукян 1990 – Джаукян Г. Б. О времени ранних армяно-картвельских контактов // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей. Ереван, 1990.
- Имнайшвили 1977 – Имнайшвили Д. С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси: Мецниереба, 1977.
- Ист. нар. Сев. Кав. 1988 – История народов Северного Кавказа с древнейших времен и до конца XVIII в. М.: Наука, 1988.
- Кибрик, Кодзасов 1990 – Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.: Изд. МГУ, 1990.
- Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1964.
- Климов 1986 – Климов Г. А. Введение в изучение кавказских языков. М.: Наука, 1986.
- Климов, Халилов 2003 – Климов Г. А., Халилов М. Ш. Словарь кавказских языков. М.: Наука, 2003.
- Коряков 2006 – Коряков Ю. Б. Атлас кавказских языков. М.: Пилигрим, 2006.
- Николаев 1985 – Николаев С. Л. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом // Древняя Анатолия. М.: Наука, 1985. С. 60–94.
- Севортян 1974 – Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974.
- Ср.-ист. гр. ТЯ 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001.
- Ср.-ист. гр. ТЯ 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции. М.: Наука, 2002.
- Старостин 1985 – Старостин С. А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. М.: Наука, 1985. С. 74–94.
- Тимаев 1983 – Тимаев А. Д. Категория грамматических классов в нахских языках. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1983.
- Туманян 1978 – Туманян Э. Г. Структура индоевропейских имен в армянском языке. М.: Наука, 1978.

- Этим. сл. ТЯ 1989 – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «И» / Авт. сл. статей Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. М., 1989.
- Этим. сл. ТЯ 1997 – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К» и «Қ» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М.: Языки русской культуры, 1997.
- Яз. Даг. 2000 – Языки Дагестана. Махачкала; М., 2000.
- Яхонтов 1990 – Яхонтов С. Е. Глоттохронология: трудности и перспективы // Сравнительно-историческое языкознание на современном этапе. Конференция памяти В. М. Иллич-Свитыча. М., 1990 (<http://www.nostratic.ru>).
- Лафон 1933 – Lafon R. Le nom de l'argent dans les langues caucasiques // RHA, II, fasc. 10–11, janvier et avril, 1933.

G.-R. A.-K. Guseinov. On an Indo-European–North-Caucasian lexical line and some North-Caucasian loanwords in the Hittite language. Aspects of interpretation

The study is focused on an Indo-European–North Caucasian lexical mapping of names for silver, which, on a closer examination, turned out to stem from an Armenian borrowing in East-Caucasian languages. One of the North Caucasian borrowings in Hittite language is of the same origin, while three of the seven analyzed words were of Bulgar or Turkish origin. Further etymological interpretation of other North-Caucasian borrowings will help to arrive at definite conclusions about the veracity of the present results.

М. В. Домосилецкая

О НЕКОТОРЫХ НАЗВАНИЯХ МАСТЕЙ ДОМАШНЕГО СКОТА В БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ¹

Резюме: В статье верифицируются две из 501 албанско-восточно-романской лексической изоглоссы (межъязыкового исторического соответствия), представленных в: Домосилецкая 2002 – № 46 BUČ–BUŠ (с. 420) и № 156 GJES–CHEŠ (с. 430). Результат лексико-семантических взаимовлияний в №46 обнаруживается лишь в зоне албанский – арумунский – новогреческий – саракачанский. Что касается албанских, южнославянских и дакорумунских диалектов, то здесь можно говорить лишь о совпадении древнейших экспрессивных звуковых комплексов. № 156 однородным историческим соответствием вообще не является, а распадается на три внешне сходные параллели, не имеющие между собой исторических связей.

Ключевые слова: балканская лексика скотоводческая лексика понятийный словарь лексические изоглоссы этимология заимствования

В 2002 г. увидел свет авторский «Албанско-восточнороманский сопоставительный понятийный словарь: Скотоводческая лексика» объемом около 24000 лексических единиц (Домосилецкая 2002). На стр. 416–459 данного издания помещен список так называемых «изоглосс» или межъязыковых исторических соответствий, включающий 501 лексическую параллель между однокоренными словоформами албанского и восточнороманских языков. Цель настоящей работы – попытка ликвидировать некоторый не совсем обоснованный максимализм в поиске таких параллелей, который объяснялся слепым энтузиазмом автора усматривать изоглоссу там, где она на самом деле не выстраивается. Кроме того, материал расширен за счет привлечения данных иных балканских языков, не вошедших в рамки данного словаря.

Речь пойдет о двух параллелях: № 46 BUČ – BUŠ (Домосилецкая 2002: 420) и № 156 GJES – CHEŠ (Домосилецкая 2002: 430). Хотя данные лексемы служат для обозначения в албанских и восточнороманских говорах определенных мастей скота, они не основаны непосредственно на принципах лексического

¹ В дополнение к: Домосилецкая 2002.

отражения цветовосприятия и цветоназывания. Это лексика отпредметная, отглагольная или квалитативная, изначально не связанная с базовыми понятиями цветообозначения, подвергшаяся разрыву с однокоренными образованиями вследствие перестройки семантических связей и фонетических изменений. Задача в данном случае – подвести зафиксированные формы к их этимонам, установить первоначальное значение и форму слова и определить, являются ли данные этимоны тождественными.

1. BUЇ – BUŠ

Здесь имеем дело с частью встречающегося во многих языках обширного массива слов, связанных с экспрессивным звуковым комплексом *BU-*. См. АЛБ. *bučkë* ‘овца с рыжей мордой’ (тоск. Томоррица), *bučkë* ‘коза с рыжей мордой’ (переходный говор Сулёвы), *buc* ‘черная коза с рыжей мордой’ (Брэгдэти-и-Поштэм – южнотоск. ляберийский говор), *bučkë* ‘черная коза’ (севернотоск. Дангелы), *buc* ‘черная коза с темными (коричневыми) щеками’ (Брэгдэти-и-Поштэм – южнотоск. ляберийский говор), *bučkë* ‘черная коза с рыжим пятнами вокруг глаз’, *buck* ‘черный козел с рыжими пятнами вокруг глаз’ (южнотоск. Музина), *buçarak* ‘козел с белыми губами’ (тоск. Поградец) (Домосилецкая 2002), см. также совр. литер. алб. *bushak* ‘маленький слабый ягненок с небольшим количеством шерсти’, алб. диал. *buç* ‘опухоль, шишка’, *buç* ‘пухлолицый, толстощекий; крепыш, здоровяк’, *buçko*, *buçkan*, *buçkaran* ‘то же’ > *buçatem* ‘распухать’; *bushak* и *bushiq* ‘пухлый, надутый’, *bushliqe* ‘пузырь от ожога’, отсюда метафорич. ‘плоды вяза’. Кроме того, Э. Чабеем зафиксированы следующие формы: *buç* прилаг. ‘толстощекий, здоровяк, крепыш’, южнотоск. *bučkë* ж.р. ‘толстощекая’ (в основном о детях), в Калабрии *buçk*; в Большой Мальсии *m'u buçue*, *m'u mbuçatë*, *m'u buçatë* ‘чуть не лопаются кожа на лице’; в южнотоскской Музине (Дельвина) *bučkë* ‘черная коза с рыжими пятнами возле глаз’, для м.р. *buçk*, чамер. *bushkë* ‘овца с большими толстыми губами’ (Çabej 1976: 344).

По мнению Э. Чабея, само прилаг. *buç* – ‘элементарное образование’ (т. е. первичная экспрессивная номинация), отсюда все субстантивные образования типа *bučkë* (Çabej 1976: 344–345).

Обращает на себя внимание семантическое ядро данной группы однокоренных слов – ‘пухлый, распухший’. На именное образование *buç* – *bush*, следовательно, мог повлиять глагол *mbush*, гег. *mush* ‘наполнять’, исконный в албанском: 1. < IЕ *b^(h)eu-(s)- ‘надувать, натекасть, пухнуть’ (Pokorný 1959: 98–101);

2. < RAlb. **en-busa* родств. др.-греч. βυνέω < *βυσ-v-έω ‘заполнять, набивать до отказа’ (Orel 1998: 253); 3. < др.-алб. (**Han*) *bunš-* (ср. др.-греч. βύνω или βυνέω) < IЕ **b^(h)un(e)s-o-* (Demiraj 1997: 262).

В пастушеской лексике различных албанских говоров развитие семантики могло идти следующим образом: ‘пухлый, распухший’ > ‘толстомордый, толстощекий’ > ‘с выделяющейся по какому-либо признаку мордой’ > ‘с мордой (или ее частями), выделяющейся по цвету’, параллельно могли осуществляться прочие окказионально закрепленные переносы типа ‘черная коза’.

Далее см: АРУМ. *buškă* ‘белая овца с рыжей мордой’, *bučicu*, *bučiu* ‘с рыжими пятнами вокруг глаз’, *bučică*, *buče* ‘овца с рыжими пятнами вокруг глаз’, *buşci* ‘темный мелкий рогатый скот (коричневого оттенка)’, *buşci* ‘гнедой, караковый пес’ (Домосилецкая 2002); вне пастушеской терминологии см. также *buşci* ‘темноволосый, смуглый, брюнет; ласкательное обращение к черноглазому глазастому ребенку’, *bučicos*, *bulčicos* ‘мясистый, пухлый’, *buşcutos* ‘округлый’. Можно согласиться с Т. Папахаджи в том, что последние формы представляют собой заимствования из алб. *bullçi* ‘мясистый’, *ka bullçi* ‘он толстый, жирный’ (Papağaj 1963: 227). Судя по семантике (наименования скота прежде всего по отличающемуся рыжему цвету *морды*, а уже отсюда по коричневой окраске всей шерсти), здесь можно с уверенностью говорить об албанском влиянии на арумынский. НОВОГРЕЧ. *μπούτσος* ‘опухоль, шишка’, по мнению Н. Андриотиса, славизм (Ανδριώτη 1967), в чем нет веских оснований с ним не согласиться. Диалектные новогреческие образования типа *μπούτσοκος* ‘с рыжим щеками’ (Kahl 2007: 215) могут быть как албанскими, так и арумынскими заимствованиями. То же справедливо и для САРАКАЧАН. *bučki* ‘с белым туловищем и рыжими щеками – о баранах’ (Çabej 1976: 344).

ДАКОРУМ. формы обладают довольно большой семантической амплитудой: *buş* ‘рыжий’ (Олтения), *buşă* ‘маленькая корова’ (Банат), *bučiu* ‘овца с рыжими пятнами вокруг глаз’ (Марамуреш), *buciu* ‘серый (мышастый) конь’ (Мунтения) (Домосилецкая 2002). Все они скорее могут рассматриваться как *соответствия на уровне созвучия*, независимые параллельные южнобалканскому ареалу образования от того же экспрессивного элемента *bi-*.

Южнославянский материал, как и дакорумынский, не предоставляет в отношении данного звукового комплекса исторических параллелей и также свидетельствует об экспрессивной окрашенности форманта *bi-*, в целом отражающего концепт 'пухлый, наполненный'. Подобные лексемы во всех славянских языках исконные. Семантически они не выходят далеко за пределы данного концепта и не используются для наименования мастей скота. СЕРБ.: *буцмаст* 'толстощекий', *буцов* 'толстощекий (человек)', *буцоња* 'толстяк, карапуз, толстощекий ребенок', СЛОВЕН. *biša* 'тыква, посудная тыква; вздутие'. БОЛГ.: *буца* 'ком, комок, кусок; опухоль, припухлость', *свински буци* 'болезнь свинка, паротит', *бучка* 'комочек, кусочек' < **буцьца*, родств. *бутея* 'толстеть, тучнеть' < IЕ **bhou-ti-kā* 'нечто толстое, надутое' (*Български етимологичен речник* 1963). Обнаружены диалектные хорватские формы, на первый взгляд созвучные албанским и ближе всего связанные с названиями домашнего скота, это *biša* 'маленькая толстая корова; кличка некрупного толстого вола' > *bišina, bišak*. Однако восходят они совершенно к другому источнику – венгерскому, ср. венг. *busa* 'приземистый, толстый, коренастый', а *bucko* 'толстощекий, с пухлым лицом' к венг. *buczko* 'толстый и маленький' или *buszma* 'толстощекий' (Skok 1971: 244). Ср. также венг. *bucka* 'небольшой холм, бугор', *buckás* 'холмистый, бугристый'.

Таким образом, оказывается, что результат лексико-семантических взаимовлияний здесь обнаруживается лишь в зоне албанский – арумынский – новогреческий – саракачанский. Что касается албанских, южнославянских и дакорумынских диалектов, то о тождественности этимонов *BUĀ – BUŠ* здесь можно говорить очень условно, только как о совпадении древнейших экспрессивных звуковых комплексов.

Очень сходными *BUĀ – BUŠ* по своему фонетическому облику и по семантическому ядру ('нечто пухлое, шаровидное, округлое') оказываются два параллельных образования *BOĀ – BOS*, объединяющие албанский, греческий, болгарский, сербский, хорватский (в дакорумынском только как заимствование). Это также несомненно экспрессивные корни, восходящие к глубокой древности, связанные не с номинацией домашнего скота, а с народной фитонимической и ботанической терминологией (Домосилецкая: 2006).

2. GJES, GJESH – CHEŠ

В албанской диалектной (гегской) пастушеской лексике слово представлено довольно широко: *gjeshkë* ‘коза с белым брюхом’ (Мат), *gjezbardha* ‘коза с белой мордой’, *gjez-kuqe* ‘о козе с рыжей мордой’ при обобщающем значении *gjesk* ‘коза, у которой при общей черной окраске рыжим цветом выделяются брюхо и ноги’ (переходная между гег. и тоск. зона Думре), *gjeshe* ‘черная коза с белым брюхом’ (Вальбона), *gjeshkë* ‘то же’ (Мат), *gjeshelara* ‘пестрая, пятнистая корова’ (Мирдита), *gjeshe* ‘о козе с белой полосой по спине (или на брюхе)’ (Вальбона), *nieshe* ‘то же’ (Мбишкодра), *gjesho* ‘козел с белой полосой вдоль брюха’ (Большая Мальсия) (Домосилецкая 2002). Таким образом, в гегской зоне албанского имеются два вида данной лексемы: *gjesh* и *gjez*.

Здесь опять же имеем дело с явным отглагольным наименованием масти скота, см. алб. *ngjesh*, *gjesh* ‘опоясывать, застегивать, обвязывать’, что родственно др.-греч. ζῶστήρ ‘пояс; перевязь’, ζῶστός ‘опоясывающий, надеваемый на талию’, ζῶστρα ‘повязка’. Б. Демирай указывает на существование двух гегских диалектных существительных в значении ‘пояс’ – *gjeshë*, *njeshë* (Demiraj 1997: 299). В основе ясная ассоциация и метафорический перенос ‘опоясанный’ > ‘с (белой) выделяющейся на брюхе полосой’. Ср. *gjeshë* = *dhi në mes të bardhë* букв. ‘коза с белой серединой’ = *me një rrip të bardhë në mes të trupit* букв. ‘с белым ремнем, поясом посередине тела’. Важно заметить, что в мировосприятии албанцев членение туловища скота так называемым «поясом» происходит не в горизонтальной, а в вертикальной плоскости.

Слово, несомненно, в албанском исконное, несмотря на ряд нижеприводимых трактовок.

1. Э. Чабей (Çabej 2002: 84) с опорой на Г. Мейера (Meyer 1891: 308) сближает с авест. *yāsta*, греч. ζῶστήρ ‘пояс’, литов. *jūosti* ‘опоясывать’, *jūosta* ‘пояс’, ст.-слав. *по-ясь*. См. аналогично у Покорного (Pokorny 1959: 513). При этом корневое *-e-* – рефлекс индоевроп. *-ō-*, т. е. слово возводится к ИЕ **in-jōsō*;

2. В. Орел возводит к РАлб **en-jāušā*, родств. авест. *yāhayeiti* ‘опоясывать’, др.-греч. ζῶννυμι ‘то же’, литов. *jūosti* ‘то же’, слав. **jasati* ‘рвать одежду’ < ‘рвать на полосы, ленты’, **po-jasъ*. По его мнению, имеем дело с переходом РАлб **-s-* > *-sh-*, что объясняется скорее «правилом RUKI», а не развитием *-sh-* из **-sj-* (Orel 1998: 299), см. в этой связи также работы: La Piana 1939: 92; Pokorny 1959: 513.

3. Б. Демирай обращает внимание на проблему с начальным *gj-*. Опираясь на хронологию вокализации начальных ларингалов в албанском, он утверждает, что оформление слова могло произойти не ранее периода латинизации (ср. *gjymtyrë* ‘сочление, сустав’ < лат. *jūnctūra* ‘связь, соединение’, *gjygj* ‘суд’ < лат. *jūdex* ‘судья’), т. е. др.-алб. **Vjōś-* > в романский период **jōś* > *gjesh* (Demiraj 1997: 299–300).

Несомненной межъязыковой параллелью, а точнее прямым заимствованием из данных албанских форм, можно считать АРУМ. *g'esucanat*, *g'esucanut* ‘рыжевато-белый, бело-рыжий’, *g'es* ‘рыжий’, *g'esă* ‘рыжая – о козе’, *g'esuli* ‘рыжий пес’, *g'esucanută* ‘пестрая – о козе’ + *g'esu-laiu* ‘черно-рыжий’; МЕГЛ *ghiesă* ‘черная коза с рыжим брюхом’, *Ghiesa* – кличка черно-рыжей козы (Домосилецкая 2002). По всей видимости, все они из алб. *gjes* или, *gjesh*. При этом албанская семантика лучше всего сохранена в мегленорумынском (выделение брюха, полосы на брюхе другого цвета). В арумынском произошел сдвиг в сторону обозначения рыжей масти. В свою очередь из восточнороманских говоров, предположительно, проникли в албанский тоскский такие слова как *gjesë* ‘самка мула с белым брюхом’ и *gjeso* ‘рыжий осел’ (сев.-тоск.), *gjes* ‘о черной козе с белой полосой на брюхе’ (южнотоск. Брэгдэти-и-Поштэм) (Домосилецкая 2002). Однако не исключена и исконность их в албанском, ср. искон. гег. *gjez* (см. выше).

В «Албанско-восточнороманском сопоставительном понятийном словаре» в качестве междиалектного соответствия гегскому *ngjesh* **безусловно ошибочно** приведена тоскская форма *gjosë*: *gjosë*, *gjoskë* ‘коза’ (Пермет), диал. тоск. *gjosë*, *gjoskë* ‘черная коза с белым пятном на лбу’, *gjoskë* ‘черная коза с белым брюхом’ (сев.-тоск. Томорица), *gjos(ë)* ‘черный козел (коза) с белыми полосами’ (Музина), *gjoskë* ‘со щеками разного цвета’ (Полис) (Домосилецкая 2002). Э. Чабей свидетельствует также о *gjosë* ‘черная коза с пятном на лбу; запеченное козье мясо’ (Çabej 1996: 336). С точки зрения Г. Мейера и Э. Чабея, тоск. *gjosë* восходит к слав. прилаг. *козье (мясо)* (Meyer 1891: 142; Çabej 1996: 336), что (как бы странно ни выглядело) все же гораздо правдоподобнее связи с гег. (*n*)*gjesh*. Таким образом, данную часть параллели, предложенной нами ранее (Домосилецкая 2002: 430) можно считать **ошибочной**.

Что касается ГРЕЧ. *γκίόσα* ‘старая коза или овца; перен. развратная уродина, старая греховодница’, а также ‘запеченное козье мясо’, то это явный славянизм, опосредованный тоскским

влиянием < *gjosë* < *козье* (мясо) (Meyer 1894: 65; Çabej 1996: 336; Ανδριώτη 1967: 45).

В ДАКОРУМ. встречаются: *gheuşă* ‘черная коза с белым пятном на лбу’ (Вылча – Олтения), *Gheuşa* – кличка козы с рыжими пятнами вокруг глаз (Олтения), *geuşă* ‘с черными пятнами вокруг глаз’ (горы Родна – северо-восток Трансильвании) (Домосилецкая 2002). Несмотря на некоторое расхождение в семантике (сохранение понятия пестроты, но в основном на морде) здесь можно предполагать влияние алб. *GJESH-/GJEZ*. Однако другие дакорумынские формы, отмеченные как параллельные (Домосилецкая 2002: 430), таковыми не являются: *cheşă* ‘буйволица с белым пятном на лбу’ (Фэгэраш – Трансильвания), *cheşei* ‘пестрый, пятнистый’ (Арад – Трансильвания), *cheş* ‘то же’ (Хунэдоара, Жина, Кришчор – Трансильвания), *cheşet* ‘пятнистая – о свинье’ (Бихор – Трансильвания), *Cheşu* – кличка пятнистой свиньи (Олтения), *Cheşu* – кличка пегого коня (Олтения). Здесь налицо явное венгерское влияние. По сведениям А. Чоранеску, это редкое трансильванское слово < венг. *kese* ‘пятнистый, пестрый’ (Ciorganescu 1958–1966: 167). Однако с учетом дополнительных диалектных материалов оно оказывается не столь уж редким: *Cheşa*, *Cheşuca* как кличка пестрого скота, *cheşet* ‘с белыми пятнами’ (Бихор), *cal cheş*, *cheşit*, *cheşet* (Бихор) – о пегом коне, *cheşeu* ‘пестрый бык’ (Арад) (Tamáš 1966: 198). Все восходят к венг. диал. *kese*, *kesely* ‘пятнистый, пестрый’, ср. совр. литер. венг. *keselyű* ‘гриф’.

Таким образом, заявленное в качестве исторического соответствия *GJES*, *GJESH* – *CHEŞ* таковым *не является*, а распадается на три внешне сходные параллели, не имеющие между собой исторических связей: 1. албанизм *GJESH GJEZ(S)* (албанский гегский, а также часть тоскских форм – арумынский – мегленорумынский – румынский олтянский в форме *GHEUŞ* + румынские регионализмы в районе гор Родна); 2. славизм *GJOS* (албанский тоскский – греческий при полном отсутствии восточнороманских слов). 3. трансильванский дакорумынский унгаризм *CHEŞ*.

Литература

- Български етимологичен речник. 1963. Сост. Вл. Георгиев, И. Дуриданов. Св. 2. София.
 Домосилецкая М. В. 2002. Албанско-восточнороманский сопоставительный понятийный словарь: Скотоводческая лексика. СПб. Наука.

- Домосилецкая М. В. 2006. Ботаническая лексика в этимологических трудах Э. Чабея (4.-8.) // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. Том II. Часть 1. СПб. С.157–168.
- Çabej E. 1976. *Studime etimologjike në fushë të shqipes*. Bleu II (A-B). Tiranë.
- Çabej E. 1996. *Studime etimologjike në fushë të shqipes*. Bleu IV (Dh-J). Tiranë.
- Çabej E. 2002. *Studime etimologjike në fushë të shqipes*. Bleu VI (N-Rr). Tiranë.
- Cioranescu A. 1958–1966. *Diccionario etimológico Rumano*. La Laguna.
- Demiraj B. 1997. *Albanische Etymologien*. (Untersuchungen zum Albanischen Erbwortschatz). Amsterdam; Atlanta.
- Kahl Th. 2007. *Hirten in Kontakt*. Sprach- und Kulturwandel ehemaliger Wanderhirten (Albanisch, Aromunisch, Griechisch). Wien; Berlin.
- Meyer G. 1891. *Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache*. Strassburg.
- Meyer G. 1894. *Neugriechische Studien*. II. Die Slavischen, Albanischen und Rumänischen Lehnwörter im Neugriechischen // *Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien*. Band CXXX. Wien.
- Orel V. 1998. *Albanian Etymological Dictionary*. Leiden; Boston; Köln.
- Papahagi T. 1963. *Dicționarul dialectului aromân general și etimologic*. București.
- La Piana. 1939. *Studi linguistici albanesi*. V.I. Palermo.
- Pokorny J. 1959. *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*. Bd.I. Bern; München.
- Skok P. 1971. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Kn. 1. Zagreb.
- Tamás L. 1966. *Etymologisch-historisches Wörterbuch der ungarischen Elemente im Rumänischen*. Budapest.
- Ανδριώτη Ν. Π. 1967. *Ἐτυμολογικό λεξικό της κοινῆς Νεοελληνικῆς*. Θεσσαλονίκη.

**M. V. Domosiletskaya. Some names of cattle colours
in Balkan languages**

The paper verifies two isoglosses between Albanian and Eastern Romance languages discussed in “Albanian-Eastern Romance Vocabulary (Pastoral Concepts)” by Marina V. Domosiletskaya (2002), pages 416–459. These are isoglosses № 46 BUČ–BUŠ (p. 420) and №156 GJES–CHEŠ (p. 430). № 46 turned out to be the result of mutual lexic-semantic interferences only in Albanian-Arumanian-Greek-Karakachan area. As for Albanian-Dacorumanian and Albanian-South Slavic dialects, ancient onomatopoeic overlapping or the coincidence of expressive words is most plausible. № 156 turned out to be a combination of three superficially similar correspondences, possessing no historical relation, rather than a homogeneous correspondence.

Н. В. Драчёва

КЛАССИФИКАЦИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ МАРКА ТЕРЕНЦИЯ ВАРРОНА

Резюме. В статье рассматривается классификация частей речи Марка Теренция Варрона (на материале трактата «De Lingua Latina»). Варрон анализирует части речи, руководствуясь двумя принципами: морфологическим и синтаксическим. Опираясь на результаты предшествующих исследований данной проблематики, Варрон разрабатывает оригинальную классификацию частей речи, которая является важным элементом его учения об изменении слов (*declinatio*).

Ключевые слова: части речи: *genus fecundum*, *genus sterile*, *pars quae habet casus*, *pars quae habet tempora*, *pars quae habet neutrum*, *pars in qua est utrumque*, *pars appellandi*, *pars dicendi*, *pars adminiculandi*, *pars iungendi*, изменение слов (*declinatio*).

В трактате Варрона «De Lingua Latina» представлена оригинальная концепция деления лексического состава латинского языка на части речи, в которой нам показались чрезвычайно важными два аспекта. Во-первых, на какие источники опирался Варрон при разработке своей классификации. Во-вторых, в чём заключается вклад самого Варрона в решение этого вопроса.

Классификация частей речи Варрона имеет принципиальное значение для понимания его лингвистической доктрины. Он предлагает совершенно новый принцип анализа лексического состава языка. Этот принцип заключается в делении всего словарного состава на два класса: «...ибо [существуют] два рода слов: один – плодородный, который в процессе изменения производит множество различных видов, как *я читаю*, *я прочитал*, *я буду читать* и т.д., другой род – бесплодный, который ничего из себя не порождает, как *и*, *уже*...» (VIII, 9–10)¹.

¹ *duo enim genera verborum, unum fecundum*, quod declinando multas ex se parit disparilis formas, ut est lego legi[s]** legam, sic alia, alterum genus sterile, quod ex se parit ni[c]hil, ut est et iam...* Здесь и далее текст цитируется по изданию M. Terentii Varronis De Lingua Latina quae supersunt. Ed. G. Goetz et F. Schoell. Amsterdam: «Verlag Adolf M. Hakkert», 1964.

*В рукописи – *ferundum*. Конъектура *fecundum* была предложена в издании Ф. Роланделла (editio Rholandelli. Venice, 1475.)

Д. Тэйлор, с нашей точки зрения, справедливо акцентирует внимание на метафоричности терминологии для данных понятий (Taylor 1974: 14–15). Определения *fecundum* ‘плодородный, плодovitый’ и *sterile* ‘бесплодный, не приносящий плодов’, заимствованные из области природных явлений, подчёркивают универсальность происхождения и самого языка в целом, и процесса изменения слов в частности. В языке, как и в других сферах природы, бóльшая часть элементов способна к воспроизводству новых, и лишь небольшая часть лишена такой возможности.

Отдавая должное образности этих выражений, мы думаем, что наиболее удачным переводом *genus fecundum* и *genus sterile* в качестве грамматических терминов будут – продуктивный и непродуктивный виды соответственно.

Существование противопоставления слов, которые никогда и никоим образом не изменяются, и слов, которые, изменяясь, порождают из себя ряд новых элементов языка (X, 14), Варрон объясняет тем фактом, что слову обязательно должна соответствовать вещь, находящаяся в употреблении (IX, 37). Непродуктивный вид состоит из слов, установленных для вещей, употребление которых предельно просто и не требует образования различных форм для выражения связей этих вещей. В качестве примера Варрон приводит следующую ситуацию: как одним и тем же ремнём могут быть связаны и люди, и лошади, и любые другие объекты, так и союз «и» ‘*et*’ может соединять любые слова, не нуждаясь при этом в каком-либо изменении (VIII, 10). Таким образом, к словам непродуктивного вида относятся союзы, предлоги, частицы и некоторые первичные наречия. Варрон настаивает, что нельзя отнести к непродуктивному виду слова, имеющие единичную форму звучания, но способные к изменениям, например: названия букв, *mille*, *nequam* etc (IX: 52, 88; X: 79–82).

Слова, относящиеся к продуктивному виду, могут и должны изменяться, так как употребление обозначаемых ими вещей сложно и многообразно, поэтому существует необходимость отобразить их связи. Он пишет, что нельзя сравнивать похожие

**Конъектура с изъятием окончания -s была предложена в издании Л. Шпенгеля (Munich, 1826). Данная конъектура позволяет проследить логику приводимых примеров, в которых последовательно даны формы 1-го лица ед. числа *praesens*, *perfectum*, *futurum I* соответственно.

на первый взгляд слова *nox* ‘ночь’ и *tox* ‘скоро’. Как в обыденной жизни мы сталкиваемся с внешне похожими между собой вещами, но отличающимися внутренними качественными параметрами, так и в языке данные слова относятся к разным качественным видам: в природе первого заложена необходимость и способность изменяться по падежам, а второе по своей природе не может и не должно изменяться (VIII, 10; IX, 39; IX, 51–52; X, 14–15).

Оппозиция *genus fecundum* – *genus sterile*, выявленная Варроном, является базовым постулатом его классификации частей речи, потому что он исключает из классификации *genus sterile*. Очевидно, Варрон рассматривает деление лексического состава языка на части речи не как цель, а как инструмент, помогающий ему выявить закономерности изменения слов и выстроить устойчивую модель этих изменений.

Продуктивный вид Варрон делит на части речи, руководствуясь двумя принципами: синтаксическим и морфологическим. В первую очередь рассмотрим четырёхчленную классификацию, построенную на морфологическом критерии. О важности этой классификации свидетельствует её неоднократное повторение в разных разделах трактата (VI, 36; VIII, 44; IX, 31; X, 14–16). Впервые мы с ней встречаемся в этимологической части. Основание для деления речи на четыре части Варрон находит уже на этапе установления имён. Он отмечает, что глагол может образовывать от себя *глаголы* (то, что имеет времена, но не выражает падежей), *имена* (то, что имеет падежи, но не выражает времён), *причастия* (то, что имеет обе категории), *наречия* (то, что не имеет ни того ни другого) (VI, 36). В результате, полученные из первичного слова производные будут изменяться несходным с корневым словом образом, так как они оформляются в иные, отличные от первичного, морфологические типы.

Данная морфологическая классификация становится определяющей для теории Варрона, потому что позволяет описать процесс изменения слов ‘*declinatio*’ и вывести его закономерности. Она повторяется во всех книгах морфологической части.

В VIII книге Варрон говорит, что классификаций частей речи довольно много, но он, в первую очередь, излагает ту, которая отражает природное деление речи на четыре части: имеющую падежи, имеющую времена, не имеющую ни того ни другого и имеющую и то и другое (VIII, 44).

Далее, в IX книге Варрон, повторяя определения частей речи, проводит параллель с греческим языком, доказывая, что в латинском языке обнаруживается идентичная картина (IX, 31).

Ещё одно упоминание об этой морфологической классификации мы находим в X книге. Варрон, излагая свою лингвистическую доктрину, приходит к заключению, что выявление *аналогии* обусловлено тремя этапами анализа речи. Во-первых, необходимо провести разграничение *genus fecundum* – *genus sterile*, потому что аналогия может быть обнаружена только в *genus fecundum*. Во-вторых, в *genus fecundum* необходимо провести разграничение *declinatio naturalis* (словоизменение) – *declinatio voluntaria* (словообразование), так как *аналогия* с очевидностью проявляется в *declinatio naturalis*, а в *declinatio voluntaria* она менее заметна, потому что этот процесс относится к обыденной речи, нормы которой весьма нестабильны (X, 14–16). В-третьих, *declinatio naturalis* происходит различными способами согласно акциденциям того или иного слова. В этом месте Варрон подытоживает свои выводы в области частей речи и сопровождает их примерами: «...слова, которые от природы изменяются, делятся на четыре части: одна имеет падежи, но не имеет времён, как *толковый* и *лёгкий*; вторая имеет времена, но не имеет падежей, как *обучать* и *делать*; третья обладает и тем и другим, как *обучающий* и *делающий*; четвёртая не имеет ни того ни другого, как *учёно* и *изячно*. В этом делении каждая часть не схожа с остальными тремя...» (X, 17)². Если в VI книге Варрон обращает внимание на то, что первичные слова образуют от себя различные морфологические типы, то в данном случае он делает акцент на наличии в языке этих морфологических типов, в зависимости от которых определяется структура изменений слов. Можно сказать, что первое определение касается *declinatio voluntaria* (словообразования), а второе относится к *declinatio naturalis* (словоизменения).

Д. Тэйлор считает, что в основе такой классификации лежит некий греческий источник (Taylor 1974: 18). По его мнению, это доказывается типологическим сравнением латинского и

² *tertia divisio est: quae verba declinata natura, ea dividuntur in partis quattuor: in unam quae habet casus neque tempora, ut docilis et facilis; in alteram quae tempora neque casus, ut docet facit; in tertiam quae utraque, ut docens faciens; in quartam quae neutra, ut docte et facete. ex hac divisione singulis partibus tres reliqu[er] <a>e dissimiles.*

греческого языков (IX, 31). В. В. Каракулаков, анализируя исследования по данной проблематике, констатирует, что предложенная классификация является собственной разработкой Варрона (Каракулаков 1965 а: 114, 117). Оба замечания, с нашей точки зрения, дополняют друг друга. С одной стороны, данная классификация разрабатывалась Варроном не на пустом месте, базой для неё служили греческие источники. С другой стороны, эти источники были творчески переработаны Варроном: из них были взяты те положения, которые в полной мере соответствовали, во-первых, реалиям латинского языка, во-вторых, его концепции изменения слов (например, исключение из классификации неизменяемых слов). Поэтому авторство приводимой классификации по праву может быть отнесено к самому Варрону.

Мы предполагаем, что истоки подобного подхода к делению слов на части речи Варрон черпает, в первую очередь, у Аристотеля, которого он сам упоминает: «...Аристотель сказал, что существуют две части речи: имена и глаголы...» (VIII, 11–12)³. В этом фрагменте речь идёт о классификации частей речи с точки зрения *синтаксической* сочетаемости слов. Но, по нашему мнению, взгляды Аристотеля имели значительное влияние и на морфологическую классификацию Варрона.

Аристотель выделяет следующие части речи ‘μέρη τῆς λέξεως’: элемент, т. е. звук-буква ‘στοιχεῖον’; слог ‘συλλαβή’; союз ‘σύνδεσμος’; имя ‘ὄνομα’; глагол ‘ῥῆμα’; член ‘ἄρθρον’; падеж ‘πτῶσις’; предложение ‘λόγος’ (Aristot. Poet. 1456b20). Безусловно, эта классификация является предметом отдельного научного исследования. Мы в своей работе остановимся лишь на некоторых аспектах, позволяющих проследить, каким образом она повлияла на взгляды Варрона. Перечень Аристотеля базируется на фонетико-семантических, синтаксических и логических принципах. Он представляет собой классификацию частей словесного изложения. По замечанию В. В. Каракулакова, исследователи аристотелевской «Поэтики» выделяли в этой классификации разное количество частей речи – две, три или четыре, потому что не все элементы этого перечня соответствуют современному пониманию частей речи (Каракулаков 1960: 81). Возникает вопрос, почему из восьми частей арис-

³ Aristoteles orationis duas partes esse dicit: vocabula et verba.

тотелевской классификации Варрон останавливается только на двух – имени и глаголе?

Во-первых, Варрон руководствуется морфологическим принципом, поэтому ему нет необходимости рассматривать синтаксические аспекты – *падеж* и *предложение*. Во-вторых, он рассматривает целостную языковую единицу – *слово*, поэтому вне поля его зрения остаются *буквы* и *слоги*, представляющие фонетический аспект и лишённые самостоятельности. Это подчёркивает сам Аристотель, говоря, что они не обладают самостоятельным значением, а служат составными частями для единиц большего объёма (Aristot. Poet. 1456b22–37). В-третьих, *союз* и *член* у Аристотеля не являются самостоятельными единицами языка (φωνὴ ἄσμημος), как и предыдущие элементы, но отличаются от них выполняемыми функциями в связной речи, т.е. анализируются с точки зрения синтаксиса⁴.

Таким образом, для анализа целостной языковой единицы, обладающей значением, из аристотелевской классификации частей словесного изложения и в греческом, и в латинском языке остаются два элемента: имя и глагол, которые Варрон и называет частями речи. Эта оппозиция принимается им за основу. Тем более, что различие ὀνόματα и ῥήματα уже на ранних стадиях изучения языка «подразумевают, что они были достаточно определены с точки зрения морфологических признаков и вместе с тем соответствовали определённым предметам и действиям, вызвавшим их появление» (Верлинский 2006: 291–292).

При распределении слов, относящихся к *продуктивному виду*, на четыре группы Варрон также руководствуется определениями Аристотеля: «...имя – это сложное звуко сочетание, имеющее значение, без определения времени...» (Aristot. Poet. 1457a10)⁵; «...глагол – это сложное звуко сочетание, имеющее значение, с определением времени...» (Aristot. Poet. 1457a14)⁶.

⁴ Интерпретация понятий «союз» (σύνδεσμος) и «член» (ἄρθρον) у Аристотеля, а также проблемы перевода названных терминов рассматриваются в работах: Каракулакова 1960: 82; Гринцер 2002: 78–83; Swiggers, Wouters: 2002 a: 107–112; Перельмутер 1980: 170–174. Для нашего исследования важно, что все перечисленные учёные приходят к выводу, что «союз» и «член», будучи незначащими сами по себе, приобретают семантическую значимость как составные элементы «предложения».

⁵ ὄνομα δὲ ἐστὶ φωνὴ συνθετὴ σημαντικὴ ἄνευ χρόνου.

⁶ ῥήμα δὲ φωνὴ συνθετὴ σημαντικὴ μετὰ χρόνου.

Варрон в своей классификации дополняет аристотелевский критерий – отношение к категории времени – ещё одним критерием – способностью слова изменяться по падежам. Подобное сочетание критериев, отражая природное деление речи, позволяет охватить весь спектр возможных изменений слов.

Однако для выявления закономерностей и построения устойчивой структурной модели изменения слов – формулы (*formula*), Варрону необходим более детальный анализ выделенных частей речи. Для этого Варрон из множества существующих классификаций (VIII, 44) привлекает морфологическую классификацию, которая органично вписывается в его концепцию. Судя по вводной формулировке «некоторые называют...» ‘*quidam vocant*’, эта классификация принадлежит кому-то из предшественников Варрона. Он пишет: «...некоторые называют их [части речи]: [часть] наименования, высказывания, поддерживания, соединения. [Часть] наименования – это *человек* и *Нестор*, высказывания – *я пишу* и *я читаю*, соединения – *и*, поддерживания – *учёно* и *подобающе*. Частей наименования существует четыре: из которых местоимениями (*provocabula*) некоторые называют такие как *кто*; именами нарицательными (*vocabula*) – *щит*, *меч*; именами собственными (*nomina*) – *Ромул*, *Рем*; местоимениями (*pronomina*) – *этот*, *эта*. Два центральных [вида] называются именованием; первый и последний – членами; первый вид является неопределённым, второй – относительно неопределённым, третий – относительно определённым, четвёртый – определённым...» (VIII, 44–45)⁷.

⁷ has vocant quidam appellandi, dicendi, adminiculandi, iungendi. appellandi dicitur ut homo et Nestor, dicendi ut scribo et lego, iungendi ut que, adminiculandi ut docte et commode. appellandi partes sunt quattuor, e quis dicta a quibusdam provocabula qu<a>e sunt ut quis, qu<a>e; <vocabula> ut scutum, [ut] gladium; nomina ut Romulus, Remus; pronomina ut hic, h<a>ec. duo media dicuntur nominatus; prima et extrema articuli. primum genus est infinitum, secundum ut infinitum, tertium ut effinitum*, quartum finitum.

* Определение **effinitum** даётся в издании *M. Terentii Varronis De Lingua Latina quae supersunt. Ed. G. Goetz et F. Schoell. Amsterdam: «Verlag Adolf M. Hakkert», 1964.* Наряду с этим, в издании *Varro. On the Latin Language. With an English translation by Ronald G. Kent. Vols. 1-2. London: Harvard University Press, 1938,* применительно к понятию **nominatus** употребляется определение **finitum**. Мы сочли целесообразным рассматривать оба термина как полные синонимы – **определённые**, руководствуясь тем фактом, что слово **effinitum** не указано

Проблема авторства, характер и источники второй классификации, называемой *анонимной*, детально изучены В. В. Каракулаковым, который приходит к выводу, что она представляет собой несколько видоизменённую стоическую систему, поэтому он определяет данную классификацию как «пергамская» (Каракулаков 1965а: 115–127).

Тем не менее, В. В. Каракулаков всё же вынужден признать наличие в «пергамской» классификации некоторых черт александрийского учения. В этом факте нет ничего удивительного и противоречивого: синтез теорий является для Варрона привычным методом исследования. Выстраивая и аргументируя своё учение, он никогда не замыкает себя в рамках одной школы.

Рассмотрим, какое влияние на варроновскую интерпретацию частей речи оказали александрийская и стоическая теории и как это проявляется в классификации Варрона и в *анонимной* классификации, а также сопоставим эти классификации с целью показать, что они различны и являются дополнением друг друга, а не тождественны, как считают некоторые исследователи, мнение которых справедливо критикует В. В. Каракулаков (Каракулаков 1965а: 115–127).

Как известно, стоики выделяли пять частей речи: *имя собственное* или *имя* ‘ὄνομα’, *имя нарицательное* или *нарицание* ‘προσηγορία’ и *глагол* ‘ῥήμα’ как знаменательные части речи, а также *союз* ‘σύνδεσμος’ и *член* ‘ἄρθρον’ как незнаменательные части речи (SVF III, p. 213–214, fr. 21–22). Позже Антипатр ввёл шестую часть – *наречие* ‘μεσότης’. К этой части речи изначально относились лишь наречия, образованные от качественных прилагательных (SVF, III, p. 247, fr. 22 = Diog. Laert. VII, 57). В. В. Каракулаков пишет, что введение *μεσότης* обусловлено александрийским влиянием, а её дальнейшая трансформация в *παιδέκτης* как любого дополнения к глаголу – александрийской трактовкой понятия «наречие» (ἐπίρρημα) (Dion. Thr. I, I, 72) (Каракулаков 1964б: 85). П. Свиггерс и А. Воутерс высказывают два предположения. Первое: выделение наречий как отдельной части речи, равно как и термин *μεσότης* восходят вероятнее всего к Аристарху. Второе: признавая, что определить проис-

ни в одном словаре, и, вероятнее всего, эти разночтения обусловлены плохим состоянием рукописи. Отметим, что *effinitum* было заменено на *finitum* в издании Антонина Августина (Editio Vulgata. Rome, 1554).

хождение и смысл термина μεσότης ‘середина’ весьма затруднительно, они допускают, что он мог указывать на промежуточное положение между именем и глаголом, являя собой разделительную грань между изменяемыми и неизменяемыми словами. Ведь, не имея способности к изменению, как имена и глаголы, эта часть речи всё же образует степени сравнения (Swiggers, Wouters 2002б: 287–288).

Что касается *причастия*, то оно не выделялось в отдельную часть речи и воспринималось стоиками как нечто среднее между глаголом и именем. Его рассматривали то как отглагольное имя, то как падежное наклонение глагола (Каракулаков 1964б: 84).

Глагол ῥήμα стоическое учение определяло на основании синтаксических признаков как предикат, без учёта морфологических аспектов.

Разделение *имён собственных и нарицательных* у стоиков производилось на основании семантических признаков. Оно было обусловлено степенью определённости качества: ὄνομα ‘имя’ – ἰδίᾳ ποιότης ‘обозначающее единичное качество’, προσήγορία ‘нарицание’ – κοινῇ ποιότης ‘обозначающее общее качество’ (SVF, III, p. 213, fr. 22).

Руководствуясь тем же принципом, стоики делили *члены* по степени определённости на ἄρθρα ὁρισμένα ‘определённые члены’ и ἄρθρα ἀοριστῶδη ‘неопределённые члены’. И. А. Перельмутер и М. Г. Сенюв сходятся во мнении, что под *определёнными членами* стоики понимали *личные и указательные местоимения*, т. е. те, которые могли быть соотнесены с первым, вторым или третьим лицом. *Неопределёнными членами* они называли *артиклы*, а также *относительные, вопросительные и неопределённые местоимения* (Перельмутер 1980б: 191–192; Сенюв 1983: 43–44). Для объединения местоимений и артиклей в одну часть речи имелись объективные основания: они близки друг другу и в функциональном, и в морфологическом отношении.

Также много общих черт у *предлогов* и *союзов*, которые на этом основании были объединены у стоиков в часть речи под названием *союз* σύνδεσμος’.

Итак, мы видим, что в *pars appellandi* (часть наименования) *анонимной* классификации вошли стоические *имя, нарицание, члены* (артиклы и местоимения), т.е. склоняемые в современном понимании части речи.

Варрон, следуя стоическому принципу деления на основе знаменательности – незнаменательности и определённости – неопределённости, дополняет и систематизирует элементы,

входящие в эту часть речи. В связи с тем, что незнаменательные элементы *pars appellandi*, а именно определённые (*pronomina*) и неопределённые (*provocabula*) местоимения, объединены в одну группу «члены» (*articuli*), Варрон создаёт высшее родовое понятие «именование» (*nominatus*), объединяющее знаменательные элементы: имя собственное, терминологически определяя как *nomen*, и имя нарицательное – как *vocabulum*. В. В. Каракулаков отмечает, что термин *nominatus* принадлежит самому Варрону, так как подобного понятия нет ни в стоической, ни в александрийской классификации (Каракулаков 1965а: 122). Текст трактата также не даёт оснований считать, что этот термин принадлежит кому-то другому. Русский эквивалент термина *nominatus* – «именование» был введён в научную литературу Я. М. Боровским в 1936 году (Античные теории языка и стиля. Репр. 1996: 106). *Nominatus* даёт Варрону возможность упорядочить и систематизировать знаменательные элементы *pars appellandi*, соблюдая при этом симметрию по отношению к *articuli*⁸.

Термин *articuli*, выражающий так же как и *nominatus*, высшее родовое понятие по отношению к *pronomina* и *provocabulum*, заслуживает, на наш взгляд, некоторых комментариев. В. В. Каракулаков пишет: «Что касается термина *articulus*, то он отражает факты греческого, а не латинского языка, где члена нет; это привело в дальнейшем к его исчезновению из латинской грамматической терминологии» (Каракулаков 1965а: 122–123). Это справедливо применительно к последующей традиции, когда термин *pronomina* расширил сферу своего употребления и вытеснил термины *provocabulum*, а также *articulus*, который стал

⁸ Мы возразим В. В. Каракулакову, который не усматривает в данной ситуации влияния александрийских принципов, аргументируя свою позицию тем фактом, что у Дионисия Фракийского в разряде «ὄνομα» рассматривается 24 вида, а у Варрона всего 2 (Каракулаков 1965а: 120). То, что Варрон не выделяет прилагательные и ряд местоимений, которые у александрийцев были видами имени, в отдельные части речи, а рассматривает их как имя нарицательное (*vocabulum*) (VIII, 75–78), вовсе не означает, что он не мог позаимствовать александрийский принцип объединения схожих элементов в одном родовом понятии. Как нам кажется, в вопросе структурирования знаменательных элементов *pars appellandi* Варрон довольно близок александрийцам. Если у стоиков ὄνομα и προσήγορία – это разные части речи, то у Варрона *nomen* и *vocabulum*, входящие в состав *nominatus*, по сути дела, выступают как виды одной и той же части речи, как у Дионисия Фракийского.

восприниматься исключительно как артикль в современном понимании. Во времена Варрона и в греческой, и в латинской грамматике этот термин имел широкий спектр значений. Как мы упоминали, в стоической доктрине в группу «члены» входили и местоимения в том числе. Поэтому термин *articuli*, невзирая на отсутствие артикля в латинском языке, не выглядит чужеродным для учения Варрона: определённые члены (*pronomina*) включают в себя, так же как у стоиков, личные и указательные местоимения, а неопределённые члены (*provocabula*) представлены относительными, вопросительными и неопределёнными местоимениями.

С другой стороны артикль как таковой по определению Диогена Вавилонского представляет собой часть речи, изменяющуюся по падежам, служащую для различения рода и числа имён (SVF, III, p. 214, fr. 22).

В этой же роли мы встречаем указательное местоимение *hic*, *haec*, *hoc* в трактате Варрона, когда ему необходимо показать возможность изменения по падежам слов, имеющих единичную форму звучания, но способных к падежному изменению (IX: 38–39, 52, 88; X 79–82). Ж. Коллар обращает внимание на то, что местоимение *hic*, *haec*, *hoc* у Варрона может служить определителем грамматического рода (IX, 41) (Collart 1978: 14–15). Таким образом, в этих контекстах указательное местоимение без сомнения выступает в роли артикля, являясь показателем рода, числа, падежа. Подобное употребление лишней раз доказывает происхождение определённых артиклей от указательных местоимений (Виноградов: 46). Единственная неточность, которую можно усмотреть в данном случае, заключается в том, что стоики относили артикль к разряду неопределённых членов ‘ἄρθρα ἄοριστώδη’, а указательное местоимение – к определённым членам ‘ἄρθρα ὀρισμένα’. На наш взгляд, эту неточность можно объяснить стремлением Варрона подчеркнуть способность слов к изменениям, для чего наиболее подходит именно указательное, а не какой-нибудь другой разряд местоимений. Этот факт соотносится и с реалиями греческого языка, в котором существовал только определённый артикль, что близко по значению к указательному местоимению.

Следовательно, мы можем сказать: во-первых, понятие «члены», если их рассматривать с позиций грамматики эпохи Варрона, а не с позиций более позднего времени, когда они стали обозначать исключительно артикли, не совсем чуждо латинскому языку; во-вторых, в некоторых ситуациях латинский

язык нуждался в словах-определителях, коими в греческом выступали артикли. В этом случае латынь прибегала к указательным местоимениям вместо артикля.

По свидетельству В. В. Каракулакова, стоический принцип разделения членов на определённые и неопределённые был привычным для римской грамматики времён Варрона (Каракулаков 1965 а: 122–123). Подобное заимствование породило необходимость создания латинского термина для обозначения неопределённых членов. Такой термин – *provocabulum* был создан по аналогии с *pronomen* кем-то из предшественников Варрона, о чём говорит текст трактата: «...из которых [неопределёнными] местоимениями **некоторые** называют такие, как *кто*, *какая*...» (VIII, 45)⁹.

Степень определённости членов выражается терминами: *pronomen finita – vocabula infinita*: «...Два центральных [вида] называются именовани^{ем}; **первый и последний – членами**; **первый вид является неопределённым**, второй – относительно неопределённым, третий – относительно определённым, **четвёртый – определённым**...» (VIII, 44–45)¹⁰.

В рассматриваемой классификации предпринимается попытка структурировать по степени определённости не только члены, но и знаменательные части речи. По мнению В. В. Каракулакова, определения *vocabula ut infinita* ‘имена нарицательные относительно неопределённые’ и *nomen ut finitum* ‘имена собственные относительно определённые’ являются разработкой самого Варрона (Каракулаков 1965а: 123–124). Данные определения, подчёркивающие меньшую степень определённости и неопределённости, чем у соответствующих членов, необходимы для выражения четырёх ступеней определённости, в тех случаях, когда речь идёт обо всех элементах *pars appellandi* (VIII, 44–45). Принимая в расчёт тяготение Варрона к соблюдению математической симметрии, выстраивание строгой иерархии по признакам определённости – неопределённости и знаменательности – незнаменательности внутри *pars appellandi* выглядит логичным и представляет собой безупречное зеркальное отражение относительно оси симметрии.

⁹ e quis dicta a quibusdam provocabula quae sunt ut quis, quae...

¹⁰ duo media dicuntur nominatus; **prima et extrema articuli. primum genus est infinitum**, secundum ut infinitum, tertium ut finitum, **quartum finitum**.

Pars dicendi в анонимной классификации представлена глаголами. Из-за большой лакуны в конце VIII – начале IX книги практически невозможно сказать, как трактовалась эта часть речи авторами данной классификации, но не вызывает сомнений, что в этом месте Варрон анализирует именно её. К такому выводу приходит В. В. Каракулаков, руководствуясь косвенными указаниями, содержащимися в IX книге, «где излагаются возражения аналогистов на содержащиеся в предыдущей книге нападки аномалистов, указывающих на отсутствие аналогии в системе глагола» (Каракулаков 1965 а: 125).

Мы позволим себе предположить, что в описании *pars dicendi* содержались сведения о глаголе, натолкнувшие Варрона на мысль о разграничении инфектного и перфектного ряда. Элемент этого деления носит у него название *divisio* (IX, 95), в качестве перевода которого мы предлагаем термин «раздел».

Необходимость этого разграничения была вызвана потребностью доказать существование *анalogии* в сфере глагольного изменения. Главным аргументом аномалистов против аналогии служили различия в основах, от которых образованы временные формы. Так, они говорили, что существование форм *disco* ‘я учусь’ – *didici* ‘я научился’ (IX, 96) демонстрирует, что аналогии нет. Перед Варроном стояла задача доказать обратное. Ключом к решению послужило выделение оппозиции таких характеристик, как незаконченность – законченность действия, выражаемых различными временными формами. Ж. Коллар указывает, что Варрон является первым римским грамматиком, обратившим внимание на эти характеристики (Collart 1978: 15). Действительно, Варрон, заявляя о наличии трёх времён – *praeteritum*, *praesens* и *futurum* (VIII, 20), неоднократно повторяет, что необходимо учитывать, идёт ли речь о явлениях незаконченных ‘*in infectis rebus*’ или законченных ‘*in perfectis rebus*’ (IX, 32). Далее он пишет, что у глаголов, имеющих четыре характеристики: времена, лица, залогов, разделы (*divisiones*), нельзя сравнивать формы *legi* – *lego* – *legam* ‘я прочитал – я читаю – я буду читать’, потому что *legi* обозначает законченную вещь ‘*rem perfectam*’, а два остальных *lego* и *legam* – незаконченную ‘*rem inchoatam*’. Пренебрежение показателями незаконченности – законченности действия препятствует выведению аналогии, потому что каждый раздел имеет свои правила образования. Например, страдательный залог инфектных форм всегда простой, а перфектные формы сложные, поэтому, если сравнивать *amabar* и *amatus eram*, невозможно увидеть аналогию: «...ведь

они сравнивают несходное: инфектные глаголы с перфектными...» (IX, 95–99)¹¹. Аналогия будет очевидной лишь в случае корректного сопоставления, а именно инфектных форм с инфектными, соответственно перфектных форм с перфектными.

Причины же изменения основ глагола кроются в кардинальном различии обозначаемых вещей. Варрон акцентирует внимание на том, что *res perfectae*, которые обозначаются перфектными формами, принципиально отличаются от *res infectae* или *res inchoatae*, которые выражаются инфектными формами. Следовательно, если различны обозначаемые вещи, то и формы, их обозначающие, должны отражать эти различия.

По мнению Ж. Коллара, варроновская оппозиция *infecta – perfecta* вероятнее всего сложилась под влиянием стоиков и восходит к их понятиям ἀτελής ‘незаконченный’ и τέλειος ‘законченный’ (Collart 1978: 15). Как известно, в стоической теории эти понятия, относящиеся к сфере бестелесного, обозначают соответственно: τέλεια – законченное (полное), то, что диалектики называют высказываниями ‘(ἀξιώματα’, а ἀτελή – незаконченное (не доведённое до конца), то, что у диалектиков считается предикатом и акциденциями ‘κατηγορήματα καὶ συμβεβηκότα’ (SVF, II, pp. 58–59, fr. 182). Поэтому, на наш взгляд, понятия ἀτελής и τέλειος вряд ли могли послужить основой для варроновских *divisiones*. Здесь можно говорить лишь о заимствовании терминологии, и этот аспект чрезвычайно важен. Мы, так же, как Ж. Коллар, склонны видеть в разграничении инфекта и перфекта стоическое влияние, но оно обусловлено другими положениями. Как известно (Перельмутер 1980б: 196–197), стоики выделяли шесть времён, которые делились по следующим критериям: 1) отношение действия к настоящему и к прошлому; 2) незаконченность и законченность действия; 3) неопределённость и определённость действия. Первые два критерия затрагивали четыре времени. Два времени выражали незаконченность действия, в той или иной мере соотносясь с настоящим: 1) ἐνεστώς παρατατικός (praesens) – настоящее длительное, его действие происходит сейчас и распространяется на будущее (SVF, II, p. 48, fr. 165); 2) παρωχημένος παρατατικός (imperfectum) – прошедшее длительное, его действие не закончено в прошлом и может продолжаться в

¹¹ dissimilia enim conferunt, verba infecti cum perfectis.

настоящем. Два следующих времени выражают законченность действия, но по-разному относятся к настоящему: 1) ἐνεστὼς συντελικός (perfectum) – настоящее законченное, его действие закончено в прошлом, но результат этого действия ощущается в настоящем; 2) παρωχημένος συντελικός (plusquamperfectum) – прошедшее законченное, выражает состояние в прошлом, являющееся результатом другого законченного действия.

Этим четырём временам, которые характеризовались как определённые (ὀρισμένοι), стоики противопоставляли ещё два времени, считавшиеся неопределёнными (ἀόριστοι): 1) παρωχημένος ἀόριστος – неопределённое прошедшее; 2) μέλλον ἀόριστος – неопределённое будущее. Неопределённость будущего времени состояла в том, что неизвестным оставалось, произойдёт данное действие в ближайшее или в отдалённое время. По отношению к прошедшему времени оставалось неизвестным, как давно произошло действие, в отличие от перфекта, который указывал на недавнее прошлое и плюсквамперфекта, который обозначал действие давнего прошлого.

На наш взгляд, именно эти критерии могли послужить поводом для деления глагольных форм Варроном. Но он не переносит данные критерии в чистом виде в своё учение, а переосмысляет их. Мы видим в варроновском делении на инфект и перфект влияние принципа неопределённости – определённости, существующего в сфере имён, а не временное отношение к ближайшему или отдалённому. Имея веские основания для разделения инфектных и перфектных форм, о чём мы говорили выше, Варрон мог провести своего рода параллель между неопределённостью имён нарицательных (*sint infinita ac res communis designent*) (VIII, 80) и незаконченностью действия (*similitudines quibus utimur in infectis rebus* – IX, 32; *lego et legam rem inchoatam significare* – IX, 95), а также определённой имён собственных (*sunt finita ac significant res proprias*) (VIII, 80) и законченностью действия (*similitudines quibus utimur in perfectis rebus* – IX, 32; *legi rem perfectam significare* – IX, 95). Нам кажется, что такая параллель вполне возможна, так как незаконченное действие несёт в себе оттенок неопределённости (мы не знаем наверняка, завершится ли это действие). В то же время, законченность действия предполагает известную степень определённости (мы знаем, что это действие завершилось).

Если взять за основу, что Варрон заимствует стоические термины, либо ἀτελής ‘незаконченный’ и τέλειος ‘законченный’, либо ἀόριστοι ‘неопределённые’ и ὀρισμένοι ‘опреде-

лѐнные', то соотношение неопределѐнность – определѐнность у имѐн и незаконченность – законченность у глаголов становится более зримой: ἀτελῆ и ἄορίστοι семантически соответствуют латинскому *infinita*, а τέλεια и ὀρισμένοι – *finita*.

Наша гипотеза оправдана и с формальной точки зрения. Зная, что Варрон строго следует принципам математической симметрии в изложении, можно предположить, что деление в системе глаголов вызвано стремлением соблюсти пропорциональное соответствие в классификации главных частей речи – имѐн и глаголов, что позволяет Варрону систематизировать отношения внутри каждой из них. Следует непременно оговорить, что в данном случае такой приём имеет веские основания содержательного плана, как уже было сказано, и никоим образом не является чужеродным механическим перенесением реалий имѐн в сферу глагола.

Следующая часть речи *анонимной* классификации – *pars iungendi* включает в себя союзы и предлоги, следовательно, соответствует стоическому σύνδεσμος.

Наконец, *pars adminiculandi* объединяет наречия. Вопрос, какие типы наречий входили в эту часть речи, остаѐтся открытым. В. В. Каракулаков, хотя и говорит о стоическом характере данной классификации, всё же предлагает считать, что эта часть речи охватывала все виды наречий как александрийское ἐπίρρημα (Каракулаков 1965а: 117, 121). По нашему мнению, это утверждение весьма гипотетично, потому что Варрон, приводя примеры *pars adminiculandi*, говорит о наречиях, образованных от качественных прилагательных (*ut docte et commode*), что соответствует стоической μεσότης. В этом случае остаѐтся неясным, почему В. В. Каракулаков видит в *pars adminiculandi* александрийское ἐπίρρημα, а не стоическую μεσότης, что было бы логичнее при признании стоического происхождения классификации.

Сравнивая две морфологические классификации, представленные в трактате, мы видим, что главное и принципиальное их отличие заключается в том, что классификация Варрона делит на части речи только изменяемые слова (*genus fecundum*), а *анонимная* классификация охватывает весь словарный состав языка. В них абсолютно совпадают первые два пункта. Часть, которая имеет падежи (*pars quae habet casus*), соответствует по смыслу части наименования (*pars appellandi*), а часть, имеющая времена (*pars quae habet tempora*), совпадает с частью высказывания (*pars dicendi*). Если *pars adminiculandi* трактовать как

стоическую μεσότης (к чему имеются предпосылки), то эта часть речи совпадает с варроновской частью, не имеющей ни того, ни другого (*pars quae habet neutrum*). Если же мы заблуждаемся в интерпретации *pars adminiculandi*, и её следует рассматривать как александрийское ἐπίρρημα, то совпадение всё равно имеет место, но оно будет частичным: *pars adminiculandi* будет общим, видовым понятием по отношению к *pars quae habet neutrum*.

Оставшиеся пункты классификаций совершенно не соответствуют друг другу по содержанию. *Pars in qua est utrumque* не имеет ничего общего с *pars iungendi*, так как первая объединяет в себе причастия, а вторая – это союзы и предлоги, которые, по определению Варрона, относятся к *genus sterile*, и из его классификации частей речи исключаются.

Классификация Варрона	Genus fecundum				Genus sterile
	Pars quae habet casus	Pars quae habet tempora	Pars in qua est utrumque	Pars quae habet neutrum	
соотношение	=	=		≈	=
Классификация «quidam»	Pars appellandi	Pars dicendi	—	Pars adminiculandi	Pars iungendi

Таким образом, анонимная классификация привлекается Варроном для детализации и подробного анализа выделенных им частей речи. О важности этой классификации свидетельствует тот факт, что Варрон включает её в состав своей морфологической классификации, в частности для детального определения части речи, имеющей падежи (X, 18(20)). Внеся в анонимную классификацию, ряд дополнений и уточнений, Варрон получает возможность выстроить чёткую модель изменения слов, в первую очередь традиционной для античного языкознания пары: имя – глагол.

Подчеркнуть важность этой пары призвана ещё одна классификация частей речи, построенная на принципе синтаксической сочетаемости слов в высказывании: «...существуют две части речи, если только мы не будем, как Дион, разделять вещи, которые обозначаются словами, на три части: одна, которая выражает падежи, вторая, которая выражает времена, третья, у которой отсутствуют оба показателя. Об этом Аристотель говорит, что есть две части речи: имена и глаголы, как человек и лошадь, и как читает и бежит. И у того, и у другого вида (и у имён, и у глаголов) есть первичные элементы, а есть после-

дующие; первичные – это *человек* и *пишет*, последующие – это *учёный* и *учёно*: ведь говорят *учёный человек* и *учёно пишет*. За этим следуют место и время, так как ни «человек», ни «пишет» не могут существовать без определения места и времени; при этом место более связано с человеком, а время с написанием. ...из них первым будет имя (ведь имя предшествует глаголу, а остальные следуют за именем и глаголом)...» (VIII, 11–12)¹².

Данная классификация даёт Варрону возможность продемонстрировать, что именно имя и глагол определяют структуру высказывания. Остальные же части речи зависимы от них. Также зависимыми и вторичными будут типы изменений остальных частей речи. Они представляет собой вариации изменений имён и глаголов.

Детальный анализ синтаксической классификации Варрона представлен в работе В. В. Каракулакова (Каракулаков 1965б: 437–439). Мы остановимся на некоторых аспектах, которые непосредственно касаются морфологического учения Варрона, что является объектом нашего исследования.

В данной классификации мы вновь сталкиваемся со смешением александрийских и стоических принципов.

О стоическом влиянии говорит сближение наречия с глаголом, вплоть до отнесения их к одной части речи, что было присуще стоикам до Антипатра (Dion. Halic. De comp. verb. 2). Как мы видим, наречие в синтаксической классификации у Варрона является последующим элементом по отношению к первичному в разряде «глагол» (*scribit docte*).

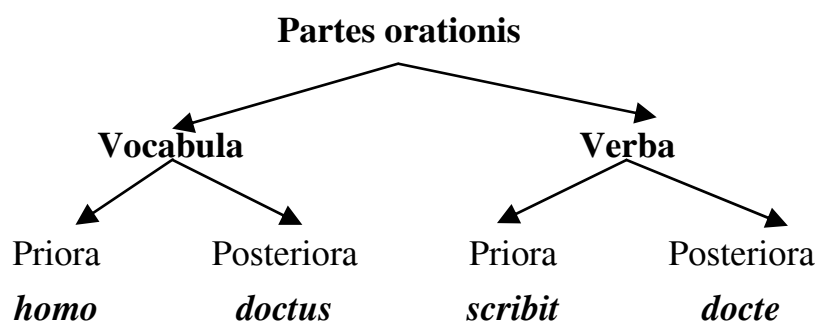
Об александрийском влиянии можно судить по выделению прилагательного как разновидности имени, и отнесение его к последующим элементам первичного – существительного (*homo doctus*).

¹² partes orationis sunt duae, <ni>si item ut Dion in tris diviserimus partes res quae verbis significantur: unam quae adsignificat casus, alteram quae tempora, tertia<m> quae neutrum. de his Aristoteles orationis duas partes esse dicit: vocabula et verba, ut homo et equus, et legit et currit. utriusque generis, et vocabuli et verbi, quaedam priora, quaedam posteriora; priora ut homo, scribit, posteriora ut doctus et docte: dicitur enim homo doctus et scribit docte. haec sequitur locus et tempus, quod neque homo nec scribi<t> potest sine loco et tempore esse, ita ut magis sit locus homini coniunctus, tempus scriptioni. ... de his nomen sit primum (prius enim nomen est quam verbum temporale et reliqua posterius quam nomen et verbum.

На наш взгляд, можно говорить ещё об одном влиянии, которое испытала данная классификация – это пифагорейское учение. Последовательность синтаксического сочетания слов в их связи с местом и временем определяется пифагорейским постулатом: «...Пифагор Самосский говорит, что ... то, что покоится или движется, является телом, где оно движется – местом, пока оно движется – временем, а само движение является действием...» (V, 11)¹³.

В. В. Каракулаков отмечает, что эта своеобразная классификация больше нигде не встречается в дошедшей до нас античной грамматической литературе. Однако он считает, что есть все основания говорить, что создателем её является александрийский грамматик, испытавший, с одной стороны, влияние Стои, с другой стороны, влияние Аристотеля. По его мнению, этим требованиям удовлетворяет Дион Александрийский, последователь Антиоха Аскалонского. Как мы знаем, учение Антиоха Аскалонского сочетало в себе перипатетические и стоические принципы (Шичалин 2008: 130). Со своей стороны добавим, что в пользу этой версии свидетельствуют два обстоятельства. Во-первых, Варрон принадлежал к числу учеников Антиоха Аскалонского и считал взгляды своего учителя наиболее правильными (Асмус 2003: 370). Во-вторых, Варрон сам упоминает Диона при представлении *синтаксической* классификации. Привлечение дионовой трёхчленной классификации частей речи, которая помимо имени и глагола содержит наречие, вызвано, на наш взгляд, желанием Варрона проиллюстрировать необходимость выделения наречия в своей морфологической классификации в отдельную часть речи. Эта необходимость обусловлена тем, что наречие, несмотря на свою отнесённость к глаголу, имеет совершенно не схожую с глагольной структуру изменений. П. Свиггерс и А. Воутерс обращают внимание, что наречие, как правило, имеет именное происхождение, что и определяет его тип изменений, как у имён – образование степеней сравнения (Swiggers, Wouters 2002 б: 288).

¹³ Pythagoras Samius ait...quod stat aut agitur, corpus, ubi agitur, locus, dum agitur, tempus, quod est in agitu, actio.

Итак, мы можем констатировать, что все классификации частей речи, представленные Варроном, отличаются глубоким анализом предшествующей грамматической традиции. В них сочетаются принципы различных учений (в первую очередь – александрийского и стоического), которые отражают положение вещей в латинском языке. Варрон на базе существующих классификаций разрабатывает свою оригинальную концепцию в отношении частей речи. Новаторским элементом в его классификации частей речи является деление лексического состава на продуктивный и непродуктивный вид слов (*genus fecundum* – *genus sterile*), с последующим исключением из классификации непродуктивного вида, что обусловлено практической задачей Варрона – сформулировать принцип *declinatio*.

Морфологическая классификация строится на оппозиции «имя – глагол», что позволяет Варрону выявить закономерности изменения слов согласно их акциденциям и разработать чётко структурированную модель этих изменений. С этой целью он привлекает ещё одну классификацию, принадлежащую его предшественникам, которая помогает ему провести детальное членение слов внутри каждой выделенной части речи на основе различных показателей (определённость – неопределённость; знаменательность – незнаменательность) и выстроить иерархию взаимоотношений этих элементов.

Синтаксическая классификация служит обоснованием выделения пары главных частей речи – имени и глагола, и демонстрирует зависимость остальных элементов от этих главных. Подобная связь всех частей речи обуславливает общность их моделей изменений.

Издание текстов

- Aristotelis De arte poetica liber. Ed. W. Christ. Lipsiae, 1878.
Dionysius Halicarnaseus. De compositione verborum. Dionysii Halicarnasei quae exstant, vol. 6. Leipzig: Teubner, 1929.
Dionysius Thrax. Ars grammatica. Ed. G. Uhlig. Grammatici Graeci. Vol. 1. 1. Leipzig: Teubner, 1883 (repr. Hildesheim: Olms, 1965).
M. Terentii Varronis De Lingua Latina quae supersunt. Ed. G. Goetz et F. Schoell. Amsterdam: «Verlag Adolf M. Hakkert», 1964.
SVF – Stoicorum veterum fragmenta. Ed. J. von Arnim, Vol. 1–3. Leipzig: Teubner, 1905 (repr. Stuttgart: 1968).
Столяров А. А. Фрагменты ранних стоиков. М.: ГЛК, 1998. Т. 1; 1999. Т. 2.

Литература

- Collart 1978 – Collart J. L'œuvre grammaticale de Varron // Varron, grammaire antique et stylistique latine. Paris: «Belles lettres», 1978.
Swiggers, Wouters 2002a – Swiggers P., Wouters A. Grammatical Theory in Aristotle's Poetics, chapitre XX // Grammatical Theory and Philosophy of Language in Antiquity. Orbis / Supplementa. Peeters. Leuven-Paris-Sterling, Virginia, 2002. Т. 19.
Swiggers, Wouters 2002b – Swiggers P., Wouters A. Statut et significations de l'adverbe // Grammatical Theory and Philosophy of Language in Antiquity. Orbis / Supplementa. Peeters. Leuven-Paris-Sterling, Virginia, 2002. Т. 19.
Taylor 1974 – Taylor D. J. Declinatio. A study of the Linguistic Theory of Marcus Terentius Varro // ASTHL. Amsterdam, 1974. V. 2.
Античные теории языка и стиля. СПб.: Изд-во «Алетейя», 1996.
Асмус 2003 – Асмус В. Ф. Античная философия. М.: «Высшая школа», 2003.
Верлинский 2006 – Верлинский А. Л. Античные учения о возникновении языка. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006.
Виноградов 1990 – Виноградов В. А. Артикль // ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1990.
Гринцер 2002 – Grintser Nikolay P. Grammar of Poetry (Aristotle and beyond) // Grammatical Theory and Philosophy of Language in Antiquity. Orbis / Supplementa. Peeters. Leuven-Paris-Sterling, Virginia, 2002. Т. 19.
Каракулаков 1960 – Каракулаков В. В. К вопросу о классификации частей речи у Аристотеля // Studii Clasice II. Editura Academiei Republicii Populare Romine, 1960.
Каракулаков 1964a – Каракулаков В. В. К вопросу о принципах выделения частей речи у Дионисия Фракийца // Studii Clasice VI. Editura Academiei Republicii Populare Romine, 1964.
Каракулаков 1964b – Каракулаков В. В. О соотносённости частей речи стоиков с их логическими категориями // Studii Clasice VI. Editura Academiei Republicii Populare Romine, 1964.
Каракулаков 1965a – Каракулаков В. В. «Пергамская» и морфологическая классификация частей речи у Варрона // Вопросы

- русского и общего языкознания. Душанбинский государственный педагогический институт. Душанбе: Изд-во «ИРФОН», 1965.
- Каракулаков 1965б – Каракулаков В. В. Об одном опыте синтаксической классификации частей речи в античном языкознании (Varro, De Lingua Latina, VIII, 12) // Omagiu lui Alexandru Rosetti. Editura Academiei Republicii Socialiste România. București, 1965.
- Перельмутер 1980а – Перельмутер И. А. Аристотель // История лингвистических учений. Древний мир. Л.: ЛО «Наука», 1980.
- Перельмутер 1980б – Перельмутер И. А. Философские школы эллинизма // История лингвистических учений. Древний мир. Л.: ЛО «Наука», 1980.
- Сенив 1983 – Сенив М. Г. До питання про історію і структурно-функціональні особливості службових слів у латинській мові // Іноземна філологія. Львів: «Вища школа», 1983. Випуск 70.
- Шичалин 2008 – Шичалин Ю. А. Антиох Аскалонский // Античная философия. Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008.

N. V. Drachiova. Classification of parts of speech in the linguistic doctrine of Marcus Terentius Varro

The article deals the classification of parts of speech by Marcus Terentius Varro as described in his treatise “De Lingua Latina”. In his analysis of parts of speech, Varro follows two principles, the morphological and the syntactic one. Drawing on the results of the previous investigations in this domain, Varro elaborates an original classification of parts of speech, which becomes the essential element of his teaching on declination (*declinatio*).

А. А. Евдокимова

ДОЛИНА ГЮЛЛУ-ДЕРЕ: НОВЫЕ ГРЕЧЕСКИЕ ГРАФФИТИ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ)

Резюме: После семитомного собрания Г. де Жерфаньона, надписи и граффити Каппадокии издавались различными исследователями пещерных церквей, которые в своих работах уделяли больше внимания фресковым росписям или архитектуре. В данной статье впервые опубликовано 8 новых греческих граффити из двух пещерных храмов долины Гюллу-дере в Каппадокии с сопутствующим орфографическим и палеографическим анализом.

Ключевые слова: греческие граффити, Каппадокия, долина Гюллу-дере.

Первым собрал греческие надписи и граффити из Каппадокии Г. де Жерфаньон, опубликовав свои находки сначала в отдельных статьях, а потом выпустив семитомное исследование с 1925 по 1942 годы (Jerphanion 1925–1942). В его монументальном труде кроме описания церквей и фресок впервые опубликовано 209 надписей и граффити. Описание и анализ языковых особенностей граффити из этой подборки в сравнении с граффити из Парфенона и Софии Киевской можно найти в нашей диссертации (Евдокимова 2008).

Лафонтен Досонь в своей работе, посвященной новым находкам из Каппадокии (Lafontaine-Dosogne 1963), опубликовал еще 8 надписей и граффити, дополняющих корпус Жерфаньона, к сожалению, без фотографий, а некоторые надписи и без прорисовок. Николь и Мишель Тьерри совместно со сфрагистом Р. П. В. Лораном представили в своей книге много новых надписей на фресках из Каппадокии. При этом большую часть надписей они публикуют внутри описания фресок, сопровождая их расшифровкой и переводом без подробного анализа. Замечания и о палеографии, и об орфографии (Thierry 1963: 63–64, 85–86, 112, 134, 152, 171–172, 180, 191, 212–213), а также сводная таблица начертаний букв, (ibid, рис. 51) встречаются в их работе отдельно. Этот же принцип был реализован Николь Тьерри и в более поздних работах при описании церкви Юсуф Коч (Thierry 1977 IX: 201–202) и церкви Камбазли из Ортахисара (Thierry 1977 XI: 20–21). Однако 6 погребальных надписей из церкви

Эгри таш опубликовано в специальном разделе с прорисовками и комментариями (Thierry 1963: 67–70, pl. 36–37), как и литургическая надпись из церкви Бахаттин Саманлихи (*ibid.*: 156, 36) перед началом описания фресок или посвятительные надписи из церкви Дирекли (*ibid.*: 184, 44) и из церкви Святого Георгия (Кирк Дам Алти) (*ibid.*: 202–207, 44), свидетельствующая о жизни греков под властью сельджуков. Последняя надпись более подробно была разобрана Лораном в отдельной статье (Laurent 1977: 367–371). Сама Николь Тьерри написала статью по надписи из церкви Святого Михаила из Ихлара и ряду других (Thierry 1977 XII: 45–62.).

В 2002 году в совместной статье К. Жоливет-Леви и Г. Киуртзиан описали 20 погребальных граффити, найденных ими недалеко от Ургюба близ местечка Капили дере (Jolivet-Lévy, Kiourtzian 2002: 116–152). Этот комплекс граффити не только однороден по тематике, но и близок по палеографии, несмотря на разные почерки, все граффити начертаны маюскулами со сходными формами букв. Ученые предложили датировать указанные памятники VIII–IX веками. В остальных работах К. Жоливет-Леви граффити обычно не рассматриваются, если и приводятся, то без анализа палеографии, фотографии и т. д. (Jolivet-Lévy 2002: 288), сам текст, надписи более подробно издаются только сопутствующие фрескам и идентифицирующие святых или посвятительные и/или с датами. Ярким примером отношения исследователя к граффити является упоминание о многих, в том числе погребальных, граффити в памятнике Капили Вадиси (Jolivet-Lévy 1991: 172), без приведения текста оных в самой работе. Недавно вышла программная статья этого же автора, посвященная взаимосвязям между фресками и граффити на них, в которой не было приведено ни одного текста по-гречески (Jolivet-Lévy 2008).

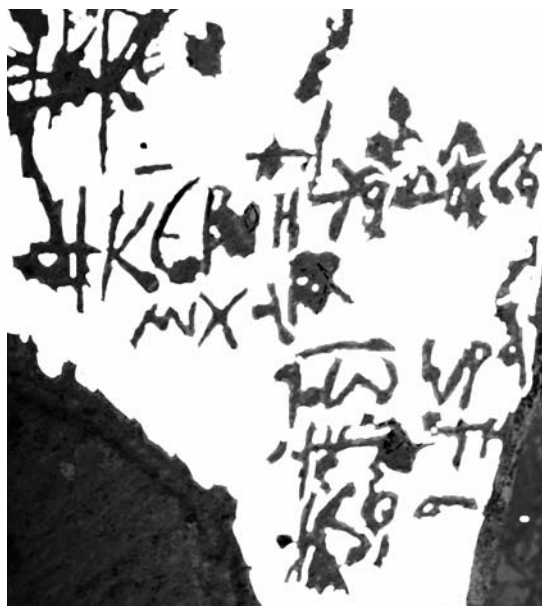
В 2003 году Урсула Вайсброд опубликовала в своем каталоге надгробных памятников Каппадокии 28 надписей из различных пещерных храмов (Weißbrod 2003), в основном, приводя тексты по предыдущим изданиям, за исключением № 25 из Ихлары, Эгри Таш Килисели.

В сентябре 2010 состоялась небольшая совместно с украинскими коллегами разведывательная экспедиция в район Гёреме, несколько найденных в результате которой неизданных греческих граффити были опубликованы нами в 2011 году (Евдокимова 2011), в данной статье мы предлагаем в качестве продолжения той публикации надписи из долины Гюллу-дере:

1. Пещерная церковь с красными орнаментированными росписями на белом фоне и сильно поврежденными фресками (38°39'33.40" С широты, 34°50'47.31" В долготы). Граффито располагается справа от арки и слева от сильно поврежденного образа святого, начало примерно на 10 см выше арки. Палеография: «ε» лунарный, «γραμματικός» написано минускулом. Орфография: «ι» замещает «ει» в глаголе «βοήθει», редупликация в прилагательном «γραμματικός».

—
ΚΕ
—
ΚΕ βο^{θι} το δ^λ σδ
Μιχαηλ
—
Ιω γρα
ματι
κοσ
Κ(ύρι)ε

Κ(ύρι)ε βοήθει τὸν δαῦλον σου | Μιχαήλ | Ἰω(άννης)
γραμματικός
Господи, помоги рабу Твоему Михаилу Иоанн Грамматик

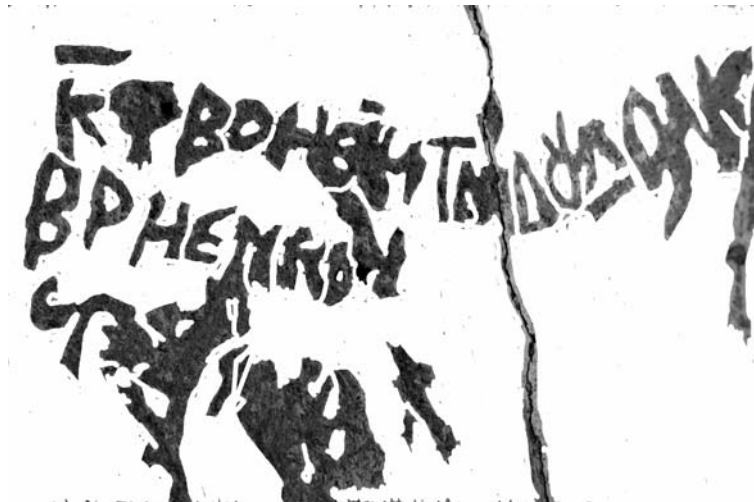

2. Трехстрочное с сильным наклоном вправо граффито плохой сохранности, располагается над той же аркой слева. Палеография: буквы маюскульные одинаковые по высоте, сильно размыты. Орфография: «η» вместо «ει» в глаголе «βοήθει», «η» вместо «υ» в имени Βρυέν(ν)ιον, в этом же слове

редупликация сонорного. Как и в первой дважды повторено представленное в сокращении обращение «Κ(ύρι)ε».

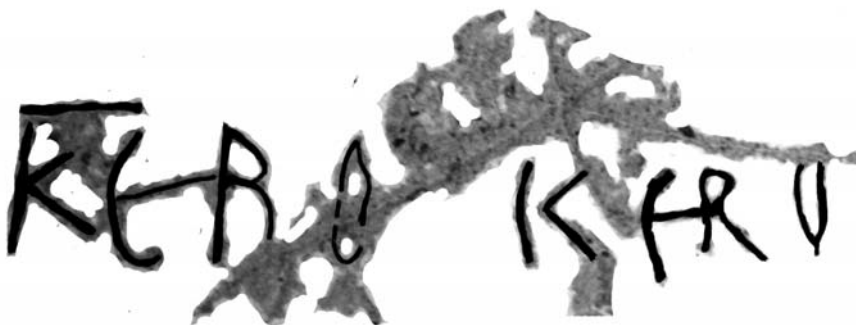
†ΚΕ ΚΕ ΒΟΗΘΗ ΤΟΝ ΔΟΥΛΟΝ ΣΥ
ΒΡΗΝΙΟΝ
ΣΓ.ΔΥ..

Κ(ύρι)ε Κ(ύρι)ε βοήθει τὸν δούλον σου | Βρυέν(ν)ιον | Σγ.δυ.
Господи, Господи, помоги рабу Твоему Вриению

3. Левее первого граффито, под рисунком овала с крестом, начертано недописанное граффито, текст которого повторяется дважды. Палеография: «ε» лунарный, нижнее полукружие «β» разомкнуто, такой тип характерен для византийских печатей, начиная с IX века (см. Oikonomides 1986 стр. 166).

ΚΕ ΒΟ ΚΕ ΒΟ
Κ(ύρι)ε βοήθει Κ(ύρι)ε βοήθει
Господи, помоги. Господи, помоги

4. Тонко прочерченное трехстрочное граффито. Палеография: «ε» и «σ» лунарные, нижнее полукружие «β» разомкнуто. Орфография: «η» вместо «ει» и «ω» вместо «ο» в глаголе «βοήθει».

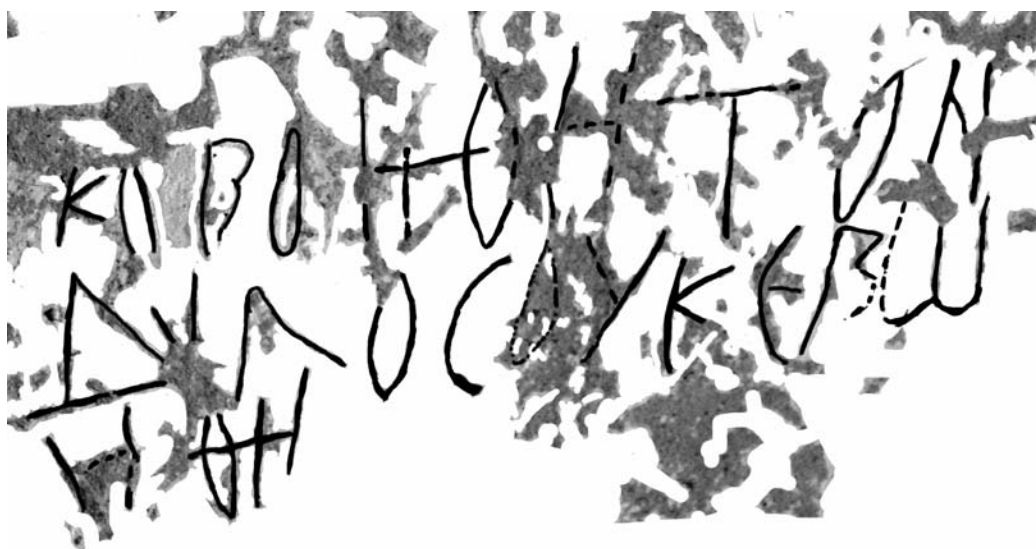
ΚΕ ΒΟΗΘΗ ΤΟΝ

ΔΥΛΟ ΣΥ ΚΕ ΒΩ

ΗΘΗ

Κ(ύρι)ε βοήθει τὸν | δοῦλο[ν] σου. Κ(ύρι)ε βοήθει

Господи, помоги рабу Твоему. Господи, помоги

5. Граффито плохой сохранности написано на стыке стен, в углу. Палеография: по начертанию букв похоже на граффито, представленное в этой подборке под №2. Орфография: «υ» вместо «η» и «η» вместо «ει» в глаголе «βοήθει».

ΚΕ ΒΟΥ

ΘΗ ΤΟΝΔ

ΟΥΛΟ ΣΟΥ

...ΙΝ

...ΤΕΡ?

Κ(ύρι)ε βοήθει τὸν δούλον σου|

Господи, помоги рабу Твоему

6. Церковь Гюллу-дере 3 (Jerphanion 1925–1942)¹ с образом Святого Агафанкела, часть стены с которым обрушена (38°39'35.35" С широты, 34°50'52.42" В долготы), у Жерфаньона опубликованы только фресковые надписи из этого памятника. Под фреской с изображением Крещения Господня на желто-коричневом фоне, чуть ниже изображения реки, располагается граффито, сильно поврежденное грубыми вертикальными и горизонтальными линиями, прочерченными с целью испортить фресковую живопись. Палеография: тонкие буквы, «ε» и «σ» лунарные. Орфография: «η» вместо «ει» в глаголе «βοήθει».

Κ Ε ΒΟΗΘΗ ΤΟΝ ΔΟΥΛΟΝ ΣΥ
 ΩΝΝ...ΗΒΟ..Ρ/ΒΟ
 . ΔΑΝΑΤ.Ο.....ΥΧΕ.....
ΑΤΑΙΟΛΔ
 Κ(ύρι)ε βοήθει τὸν δοῦλον σου
 Господи, помоги рабу Твоему

¹ Красной краской написана в технике граффито надпись о смерти некой Елены, которую Жерфаньон датирует ок. X в. (см.: Jerphanion 1925–1942, № 121, т. 5: 593–594).

7. Еще ниже на орнаментированном полустертой желтой и зеленой краской фрагменте располагается четырехстрочное граффито, нижние строки которого частично утрачены с отвалившимися кусками фрески. Палеография: тонкие маюскульные буквы, «ε» и «σ» лунарные. Орфография: «ι» вместо «ει» в глаголе «βοήθει». Лингвистические особенности: употребление «ϊ» перед гласными. Изменение склонения и рода у слова «κῦδος», если такая интерпретация данного места возможна.

—
 ΚΕ ΒΟΗΘΙ ΤΟΝ ΔΟΥΛΟΝ ΣΟΥ ΔΙΑΚΟ
 ΝΑΝ ΓΑ..ΤΙΔΑ ΤΟΝ ΚΙ/ΕΔΟ ΒΙΜΙΝ
ΑΥΤΟΣ..ΗΛΟΝ
ΩΝΜΙΟΤΑΣ

Κ(ύρι)ε βοήθει τὸν δοῦλον σου διάκοινα Γα[]τίδα τὸν
 κῦδο[ν] Βιμιν[αχίου ?]

Господи, помоги рабу Твоему дьяку Га[]тиде, чести Биминакия?

8. На зеленом фоне (8991) длина 10 см. Палеография: буквы унциальные, «ε» и «σ» лунарные. Орфография: «η» вместо «ει» в глаголе «βοήθει», «ω» вместо «ο» в словах «βωηθη», «των», «δουλων».

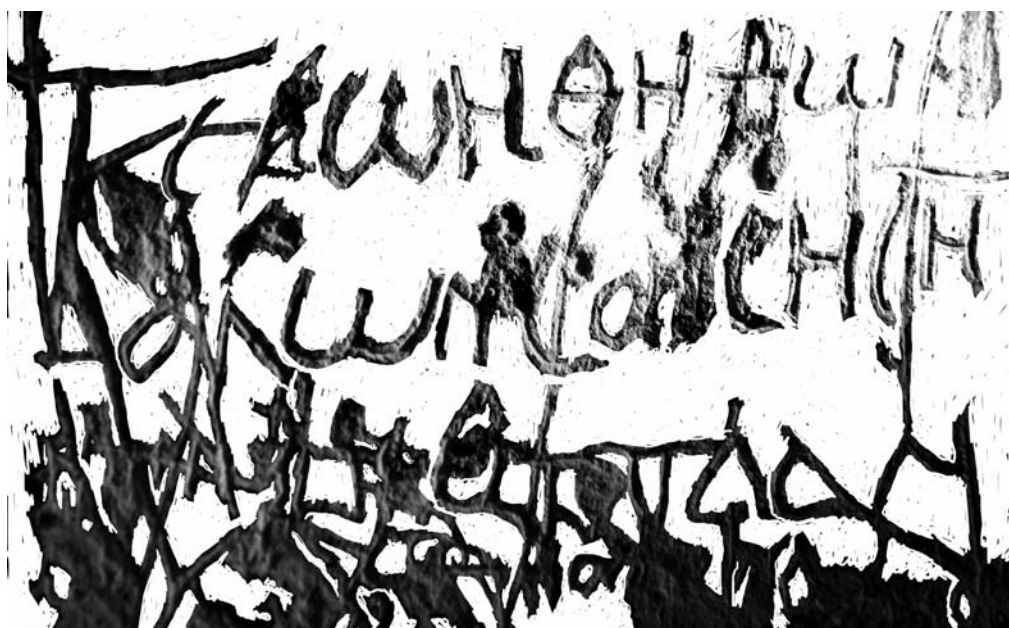
ΚΕ ΒΩΗΘΗ ΤΩΝ

ΔΥΛΩΝ ΣΥ ΣΗΣΗ

Ν. Π/ΤΛαΛΙ

Κ(ύρι)ε βοήθει τὸν δοῦλον σου Σισίν[ιον]

Господи, помоги рабу Твоему Сисинию

Представленные в этой подборке граффити принадлежат по жанру к традиционным молитвенным надписям. Встречающиеся в них имена пока не поддаются более точной идентификации и не позволяют датировать памятники. Особого внимания заслуживает тяга авторов надписей в этих двух храмах к повторам слов или части надписей, который можно интерпретировать как риторический прием, своего рода смысловое акцентирование. Наиболее пространственные надписи плохой сохранности, и некоторые строки не имеют точных аналогий в других источниках, что не позволяет пока их до конца расшифровать. Особенности каппадокийского диалекта, отмеченные в нашем лингвистическом анализе по публикации Жерфаньона, см. Евдокимова 2008, в текстах этой подборки почти не представлены. В основном, окончание глагола «βοήθει» заменяется на «η» и реже на «ι». В некоторых граффити «ο» заменяется на «ω».

Дальнейшие исследования и публикации новых надписей и граффити, найденных нами в 2010 году в каппадокийских пещерных храмах позволят более полно описать бытование каппадокийского диалекта в византийское время.

Литература

- Евдокимова 2008 – Евдокимова А. А. Греческие граффити Софии Киевской. М.; СПб.: 2008.
- Евдокимова 2011 – Евдокимова А. А. Новые греческие граффити из Каппадокии (предварительные замечания) // Историческая география: пространство человека человек в пространстве. Материалы XXIII Международной научной конференции, Москва, 27–29 января 2011 г. М., 2011. С. 241–244.
- Jerphanion 1925–1942 – G. de Jerphanion. Une nouvelle province de l'art byzantin. Les Eglises rupestres de Cappadoce. Bibliothèque archéologique et historique. Paris, 1925–1942.
- Jolivet-Lévy 1991 – Jolivet-Lévy C. Les églises byzantines de Cappadoce. Le programme iconographique de l'abside et de ses abords. Paris, 1991.
- Jolivet-Lévy 2002 – Jolivet-Lévy C. Images et espace culturel à Byzance: l'exemple d'une église de Cappadoce (Karşı kilise, 1212) // Catherine Jolivet-Lévy. Etudes Cappadociennes. London: Pindar Press, 2002.
- Jolivet-Lévy, Kiourtzian 2002 — Découvertes archéologiques et épigraphie funéraire dans une vallée de Cappadoce // Catherine Jolivet-Lévy. Etudes Cappadociennes. London: Pindar Press, 2002. P. 116–152.
- Jolivet-Lévy 2008 – Catherine Jolivet-Lévy. Invocations peintes et graffiti dans les églises de Cappadoce (IXe-XIIIe siècle) // Des images dans l'histoire. Paris, 2008. P. 163–178.
- Lafontaine-Dosogne 1963 – Lafontaine-Dosogne. Nouvelles notes Cappadociennes. Bruxelles, 1963.
- Laurent 1977 – V. Laurent. L'inscription de l'église Saint-Georges de Belisérama // Nicole Thierry. Peintures d'Asie Mineure et de Transcaucasie aux X-e et XI-e s. London, 1977. P. 367–371.
- Oikonomides 1986 – Oikonomides. A collection of dated Byzantine lead seals. Washington, 1986.
- Thierry 1963 – Nicole et Michel Thierry. Nouvelles églises rupestres de Cappadoce. Region de Hasan Dağı. Paris, 1963.
- Thierry 1977 IX – Yusuf Koç Kilisesi église rupestre de Cappadoce // Nicole Thierry. Peintures d'Asie Mineure et de Transcaucasie aux X-e et XI-e s. London, 1977.
- Thierry 1977 XI – Une nouvelle église rupestre de Cappadoce Kabazli Kilise a Ortahisar // Nicole Thierry. Peintures d'Asie Mineure et de Transcaucasie aux X-e et XI-e s. London, 1977.
- Thierry 1977 XII – Un style byzantin schématique de Cappadoce daté XIe siècle d'après une inscription // Nicole Thierry. Peintures d'Asie Mineure et de Transcaucasie aux X-e et XI-e s. London, 1977.

Weißbrod 2003 – Ursula Weißbrod. “Hier liegt der Knecht Gottes...” Gräber in byzantinischen Kirchen und ihr Dekor (11. bis 15. Jahrhundert). Unter besonderer Berücksichtigung dre Höhlenkirchen Kappadokiens. Wiesbaden, 2003.

A. A. Evdokimova. New Greek inscriptions from Güllu-dere valley in Cappadocia

In 1925–1942 G. de Jerphanion published many descriptions of Byzantine graffiti and inscriptions from different churches in Cappadocia. After this publication other scientists, Thierry, Jolivet-Lévy etc., continued his research. In this article are publishing new 8 graffiti from two small cave-churches in the valley Güllu-dere in Cappadocia

В. В. Емельянов

О СЕМАНТИЧЕСКОМ СХОДСТВЕ ШУМЕР. *mah* И И.-Е. *meg(h)*-

Резюме: Рассматривается один пример из статьи Г. Виттакера, в которой сопоставляются шумерские и индоевропейские слова и делается вывод о присутствии индоевропейцев на юге Ирака в конце IV тыс. до н.э. Целью статьи является проверка гипотезы сходства семантических полей у сходных по форме основ.

Ключевые слова: шумерский язык, индоевропейские языки, семантика, гипотеза Виттакера.

В своих статьях и докладах последних двух десятилетий лингвист-антрополог Г. Виттакер последовательно проводит теорию индоевропейского присутствия в Южной Месопотамии до прихода туда шумеров. В качестве аргументов он сравнивает фонетически сходные индоевропейские лексемы с шумерскими и пытается определить шумерские слова как заимствования из индоевропейских языков (Whittaker 1998; Whittaker 2004). Теория Виттакера подверглась обоснованной критике в работах Г. Рубио, который заметил, среди прочего, что ее автор хотел бы читать в клинописи индоевропейские слова, но притом с шумерской грамматикой (Rubio 2005: 323–329). Однако, никто по сей день не провел последовательного разбора хотя бы одного из сопоставлений Виттакера. Настоящий доклад имеет своей целью сравнение двух основ виттакеровской гипотезы и констатацию либо сходства, либо несходства этих основ по их значениям. Мы будем использовать этимологические словари индоевропейских языков¹ и все известные нам данные по шумерскому языку.

Вот на выбор одно такое сопоставление:

¹Благодарю за консультации и дополнения Я. В. Василькова (МАЭ РАН), А. С. Касьяна (РГГУ), В. Ю. Крюкову (МАЭ РАН), В. А. Лившица (ИВР РАН), Э. Лейтана (Венский университет, Австрия), Р. Н. Орешко (ИВР РАН), Р. Энглунда (Калифорнийский университет, США).

mah ‘great, big; full-grown; much’ = *meġh₂(-ó)-s ‘great, big’, cf. Skt. mahā- (Whittaker 2004: 134).

Индоевропейские словари дают следующий набор форм и значений основы meġ- ~ meġh- ~ meġ-:

meġ(h)- : meġ(h)- ‘groß’

Ai. mahānt-, av. mazant- ‘groß’, Ai. mah-, av. maz- ds. (nur außerhalb des Nom. Akk.), Ai. máhi Nom. Sg. neutr. (das -i = -ə, dann = gr. μέγα), als Vorderglied Ai. mahā- (av. mazā- ist Textfehler), meist erweitert mahát- = av. mazant- ‘groß’; Kompar. Superl. Ai. mahīyas-, mahiṣṭha-, av. mazyah-, mazišta-;

Ai. maháyati ‘erfreut, verehrt’, mahá- m. ‘Feier, Opfer’, mahīyátē ‘freut sich’; av. mimaχžō ‘du sollst zu verherrlichen suchen’, d. h. ‘feiern’;

Ai. mahas-, av. mazah- n. ‘Größe’, Ai. majmán- ‘Größe’, av. mazan- ‘Größe, Erhabenheit’, Ai. mahī ‘die Große, Alte, die Erde’ (: lat. Maia);

Adv. gthav. maš ‘sehr’ (*meġhs), schwundstufig (*mġhs) jav. aš ‘sehr’;

arm. mec ‘groß’, Denomin. mecarem ‘halte hoch’ (: gr. μεγαίρω);

gr. μέγας, μεγάλη, μέγα (*meġ-η) ‘groß’ (to μέγα ist μέγας, -αν neugebildet; das μεγάλο- der Kasus obl. und des Fem. enthält *-alo- ‘Wuchs, Statur’, as χθαμαλός ‘niedrig’); Kompar. ion. dor. ark. μέζων aus *μεγιων (att. μείζων after χείρων), Superl. μέγιστος; μεγαίρω (: arm. mecarem) ‘schlage an, bewundere; halte für zu hoch, mißgönne’; schwundstufig aus *μηγα: ἀγα- ‘sehr’ (ἀγά-ννιφος usw.), ἄγαν ‘zu sehr’, ἀγάζω ‘aegre ferō’, vgl. ἄζον· μέγαν, ὑπελόν Hes. und jav. aš- ‘sehr’; dazu wohl gr. ἀγάομαι ‘beneide’, ἄγαμαι ‘bewundere’, ἀγάλλω ‘verherrliche’, ἀγαπάω ‘liebe’, ἀγαυός ‘verehrungswürdig’;

alb. math, madhi ‘groß’, madhónj ‘vergrößere, lobe’;

lat. magnus ‘groß’ (*meġ-nó-s), Kompar. mag-is ‘mehr’, maior ‘größer’ (*meġ-iōs), Superl. maximus (*meġ-s_emo-s); dazu maiestās ‘Größe, Würde’ (*meġ-ies-tāt-), vgl. alb. madhështí (*meġis-t-iġā) ds. (über osk. mais, maimas, umbr. mestru s. unter mē- ‘groß’), Maia ‘die Genossin des Vulcanus und Mutter des Merkur’ (eigentlich ‘die Große, Alte, die Mutter’, aus *magiā, zu Ai. mahī ‘die Große, Alte, die Erde’); deus Maius ‘Juppiter’ (Tusculum), wovon der Monat Maius (as osk. Maesius ‘Mai’ from dem verschollenen Gottesnamen stammt, s. Schulze Eigenn. 469 ff.), osk. PN Maiiúú Dat. Sg. (vgl. auch kelt. magio-); lat. (kelt., auch alb.) -a- ist idg. e; about lat. maiālis ‘verschnittenes Schwein’ s. WH. II 13;

lat. mactus ‘durch Gabe geehrt, gefeiert, verherrlicht’, macte Opferruf ‘Heil!’, mactō, -āre in der Bed. ‘durch ein Opfer verherrlichen, feiern’, mit anderem Objekt ‘jemanden as Opferweihen’, dann ‘schlachten, töten’ gehen auf ein Verbum *magere ‘augere, vergrößern’ zurück;

magmentum ‘Fleischstücke als Zusatz zum Opfer’ kann eine Bildung von *magnus* aus nach *augmentum* sein;

air. *mochtae* ‘gross’ (o!), mir. *maignech* ds. (**maginiākos*, vgl. gall. *Maginus* u. dgl.; vgl. das *n*-Formans von lat. *magnus*), mir. *mag-*, *maige* ‘groß’, *Poimp Maige* ‘Pompeius Magnus’, gall. *Magio-rīx*, *Are-magios* u. dgl. (formal = lat. *Maius*); mir. *māl* (**mag̃los*) ‘Edler, Fürst’, gall. *Maglo-s* in Götter- und PN, abrit. PN *Maglo-cune* (cymr. *Mael-gwn*), *Cuno-maglus* usw.; gall. *Magalu* Dat. Sg. Göttername, *Magalos* PN, mir. *mag-lorg* ‘Keule’ (**maglo-lorgā* ‘großer Knüttel ‘), *mass* ‘stattlich’ (**maksos* vgl. lat. *maximus*), Kompar. air. *maissiu*; cymr. corn. *mehin* ‘Fett’, mbret. *bihin* ‘réplétion’ (**magēsīno-*); mcymr. *maon* (**magōnes*) ‘die Großen’, *maith* ‘lang, groß’ (**mag̃tio-*), wahrscheinlich auch air. *do-for-maig* ‘auget’, *-magar* ‘augetur’, acymr. *di-guor-mechis* ‘hat hinzugefügt’ (acymr. *ch* aus *-*g-s-*); zu scheiden von cymr. *magu* ‘aufziehen’ (**mak-*);

ob air. *mag* n. ‘Ebene, das freie Feld’, mcymr. *ma-* ‘Ort’, gall. *Argantomagus* (wovon ir. *magen* ‘place’, cymr. *maen*, corn. *men*, bret. *mean* ‘Stein’), cymr. *maes* (**magesto-*) ‘Feld’, zu Ai. *mahī* ‘Erde’?

got. *mikils* ‘groß’, ahd. *mihhil*, as. *mikil*, ags. *micel*, aisl. *mikell* ds., ags. *mycel*, urg.**mikilaz* wohl mit *-lo* Suffix nach *leitils*, ahd. *luzzil*; aisl. *mjok* ‘sehr’ (engl. *much*) zunächst aus **meku-* nach *felu* ‘viel’;

toch. A *mak*, B *makā* ‘gross an Zahl, viel’; hett. *me-ik-ki-iš* (*mekkiš*) ‘groß’. WP. II 257 ff., WH. II 4 f., 10 ff., Szemerényi Word 8, 48. (IEW II: 708-709).

RV *mahānt-* Adj.: ‘groß, ausgedehnt, mächtig, bedeutend’; gr. μέγας ‘groß’; altheth. *mek-* ‘viel’; arm. *mec* ‘groß’; lat. *magnus*; got. *mikils* ‘groß’; RV *mahaán* ‘groß, hoch’;

RV *mahimán* m. ‘Größe, Ausdehnung, Umfang, Macht’;

maháy ‘erhöhen, verherrlichen’;

MAH ‘Zustande bringen’;

maghá zu **magh* (idg. ‘Macht haben’)

(EWA II: 336-339; Werba 1997: 434)

hett. *mekk-*, *mekki-/mekkai-* (adj.) ‘much, many, numerous’ (EDHIL: 572)

luw. Hierogl. *ma* ‘many, much’ (van den Hout 2010: 239)²

микен. *mezoe* ‘более широкий’; *megista* ‘наибольший’ (Казанскене, Казанский 1986: 148).

² Благодарю за новейшие анатолийские примеры Алексея Сергеевича Касьяна.

Итак, индоевропейская основа *meġ(h)*- имеет такие оттенки значения, как высота, множественность, могущество, значительность, превосходство, господство. Ею передается рост, высота положения, степень влияния на других, наличие силы и власти. *meġ(h)*- в функции глагола означает ‘осуществлять, создавать, совершать’ (вероятно, на основании имеющейся силы).

Рассмотрим теперь шумерскую основу mah (ETCSL: 3271 контекст)³. Она может передаваться в шумерской клинописи слоговыми знаками ma-ah, ma-ha, ma-he, но в абсолютном большинстве случаев (103 морфологических варианта из 106) в месопотамской клинописи употребляется знак с основным чтением МАН (Borger 2004: 264)⁴. Этот знак имеет также значения meh, mih, но при этом не существует клинописного знака для передачи слога mag/k. Это означает, что МАН вполне мог бы передавать и эти окончания (правда, в шумерском языке основы mag, mak не обнаружены). Следовательно, он мог бы употребляться и для обозначения *magh-*, *megh-*⁵. В крайне редких случаях основа mah передается знаком МАН₂. Конечный -h в шумерском mah всегда передается на письме (в отличие, например, от duh//du₈, в написании которого он весьма часто опускается). Фонологи предполагают, что следует говорить о нескольких вариантах h в шумерском. В частности, постоянно выписываемое окончание слова mah рассматривается как h₁ (-h), а окончание duh как h₂ (-h) (Канева 2006: 21, 24; Foxvog 2008: 21).

В шумерском языке основа mah может выступать в функции существительного, прилагательного и глагола. Вот данные силлабареив и билингв, в которых приводятся аккадские соответствия этого слова:

^(ma-ah) mah = ka-[ab-tum] ‘heavy, important’ (MSL 2, 139, 23; ANw, 418)
mah = ma-ah = МАН = *ṣi₂-i-rum* ‘exalted, supreme, splendid, outstanding’

³ Здесь и далее шумерские слова передаются прямым шрифтом, аккадские – курсивом.

⁴ На мой запрос о прообразе знака МАН специалист по протошумерской письменности Р. Энглунд ответил: “To the best of my knowledge, there is no credible speculation about the pictographic origins of this sign. I once, in a light spirit, thought I recognized a "tinur" oven in the sign, but could find no justification for it aside from the potential graphic similarity” (письмо от 24.04.2012).

⁵ Напротив, Р. Н. Орешко считает, что знак МАН мог передавать только кластер mah и никакой другой.

mah = *ma-du-um* ‘to be(come) many, numerous’

mah = *ma-aḥ-[ḥu-um]* ‘Ekstatiker, Prophet’ (AHw, 582); ‘ecstatic’ (CAD, M1, 90)⁶

mah = *ra-bu-[u₂-um]* ‘to be big, to grow’

mah = *ma-[am]-lum¹⁷* ‘to be impetuous, fierce’; ‘Ungestüm im Kampf’ (AHw, 600); ‘hero, noble, mighty’ (CAD, M1, 195)

(OB Aa 451: 1-5; цит. по: ePSD, mah)

lu₂ al-mah = [*ši-ru-u₂*] (Lu₂-azlag B = C, Seg. 2, 19; цит. по: ePSD, mah)

mah = *gap-šu* ‘massig; stolz’ (AHw, 281; Borger 2004: 264).

От основы mah образуется абстрактное существительное nam-mah = *narbû* ‘greatness’ (AHw, 746).

Согласно приведенным данным, mah обозначает: а) жреческую должность, связанную с трансом и пророчеством (в стВ текстах из Мари также *muhḥûm*, ср. CAD, M1, 90-91; Feliu 2003: 148–151); б) прилагательные, выражающие высоту, рост, выделенность, тяжесть, значительность, превосходство, многочисленность, неистовство и ярость; в) эти же прилагательные могут выступать в функции глаголов.

Существенным дополнением к данным силлабариев выступают еще два факта. Во-первых, известен составной глагол a₂-mah (‘рука – быть высоким’), традиционно переводимый как ‘to strengthen’ и не имеющий аккадского эквивалента (Klein 1981: 200). Составные глаголы в шумерском языке не могут образовываться по модели «существительное + прилагательное» (Канева 2006: 76–77). Следовательно, в данном случае mah воспринимается именно как глагол. Примечательной особенностью mah в функции глагола является отсутствие редупликации. Это означает, что интенсивность действия, выражаемого глаголом, с самого начала максимально высока и не нуждается в увеличении. Во-вторых, среди храмовых должностей известна должность lu₂-mah (букв. ‘человек высокий’, он же guda₂-tur-ra ‘младший умастител’), аккадскими эквивалентами которой являются *lu₂-maḥ-ḥu*, *lu-ta-ak-ku*, *pa-ši-šu* ‘жрец умощения’ (AHw, 563).

⁶ Обычное соответствие: LU₂.GUB.BA = *mahḥûm* (CAD, M 1: 90). Имеется также единственный случай *mahḥû* (в ж. р.) как шумеризма в аккадском: [an AŠ] mah.am₃ ki.a AŠ mah.am₃: [*ina šamê ediššiša m]aḥ-ḥa-at ina eršeti ediššiša šīrat* «В Небе (она) – единственная высокая, на Земле – единственная великая» (CAD M 1: 89).

Чтение *lumakku* позволяет подтвердить возможность произнесения mah как mak/g.

В шумерских хозяйственных текстах уже с самого раннего времени mah является определением к ряду предметов: ^{gi}ki₆-mah ‘высокий сад’, ma₂-gir₈-mah ‘высокая барка’, i₇-mah ‘высокая река’. Мы видим, что оно применяется к предметам, имеющим высоту или тенденцию к росту (река в пору своего разлива).

В старошумерских царских надписях mah является определением к различным неодушевленным существительным: e₂-mah ‘высокий храм’, ki-mah ‘высокое место’ (= кладбище), gidri-mah ‘скипетр высокий’, gi₄-gu₃-na-mah ‘высокая (храмовая) терраса’, bur-mah ‘высокий сосуд’. Оно встречается в обозначениях храмовых и административных должностей: sukkal-mah ‘великий визирь’, gala-mah ‘главный певчий’, lu₂-mah ‘умасти-тель’. Однако в некоторых контекстах оно применяется к статусу богов и правителей: ^dNin-gir₂-su en Nibru^{ki}-ta u₄-su₃-še₃ mah «Нингирсу – владыка, от Ниппура на долгие дни высокий» (Lug. 15, 2:6); [D]u-du [sa]nga-mah-^dNin-gir₂-su-ka «Дуду – высокий администратор храма Нингирсу» (Ent. 76b) 1–3) (Behrens, Steible 1983: 229–230)⁷.

В шумерских литературных текстах основа mah встречается 894 раза. Во многих случаях она заменяет определение gal ‘большой’: gal-di = mah-di ‘знаменитый’ (букв. ‘тот, о ком много судачат’) (Sjöberg, Bergmann 1969: 130). Встречается даже наложение эпитетов: mah-gal-la-am₃ ‘erhaben (und) gross’ (Römer 1965: 140). Издатели царских гимнов переводят ее как «(to be) very big, huge, greatest, main, magnificent, enormous, sublime, to make eminent» (Flückiger-Hawker 1999: 336). В литературных текстах определение-эпитет – mah, согласно данным ETCSL, применяется к следующим словам: город, одеяние, дракон, болото, МЕ, обряд, знамение, святилище, имя, слово, судно, пристань, престол, храм, река, корова, бык, корона, скипетр, вода, рука, битва, дерево, ошейник, крепость, двор, жилище, отец, мать, сын, табличка, поле, сад, штандарт, ворота, колесница, сияние, разум, хлеб, дворец, трон, женщина, бог, богиня. Этим эпитетом обозначали всё имеющее ценность, значение, и

⁷ Здесь и далее все шумерские тексты приводятся по ETCSL с учетом печатных изданий.

вследствие этого – особую магическую силу, влияющую на жизнь людей.

Имеются немногочисленные случаи употребления *mah* в качестве глагола в значении ‘сделать высоким, большим, значительным’. Например: *kalam-ma tu-ni-in-mah An-ne₂ [^dUr]-^dNin-urta tu-ni-in-mah* «в Стране высоким он его сделал, Ан Ур-Нинурту возвысил» (*Urninurta E*, 12).

В простонародной речи основа *mah* встречается в составе пословиц: *tur-bi gu₇-a mah-bi til₃-la* «Есть мало – прожить много»; *ni₃-mah gu₇-gu₇-e u₃ nu-um-ši-ku-ku* «Кто много ест, тот не спит»; *uzu-ur-bar-га nam-tu-ni-gu₇ mah-e ga-ba-an-gam* «Мясо волка ты не ел – я окружу (?) его (своей) мощью!» (здесь *mah* выступает в функции существительного); *i₇-a-mah a mi-ni-ib₂-de₂-a-zu bar-га-gu₁₀ nu-mu-sed₆ uš-gu₁₀ nu-tu-ni-til₃* «Воду высокой реки ты на меня льешь, но тела моего она не остудит, порчи моей не прекратит»; *lugal dub-sar lugal dur-mah i₇-da gib-ba* «Царь – писец, царь – стена высокая, реку запрудившая».

Следуя сопоставлению Г. Виттакера, мы можем сравнить шумерскую основу *mah* только с др.-инд. *māhā-*. О происхождении этой формы можно узнать у Т. Барроу: «Следы первоначального присутствия Н сохранились в санскрите в тех случаях, где ему непосредственно предшествовал смычный. <...> Примерами возникающих таким путем звонких придыхательных служат те случаи, когда придыхательный в санскрите соответствует непридыхательному в других языках, или когда конечный непридыхательный смычный корня выступает с придыханием в производном от него слове. В этом случае придыхание вызвано наличием в суффиксе Н. Например, *māhā-* ‘большой’, греч. Μέγας. Здесь за корнем следует суффикс аН (> ā), в своей слабой форме выступающий в род. пад. ед. ч., и это Н, находясь в непосредственном контакте с предшествующим g, дает придыхание (*meġ-N-és > meġhés > mahás*), а от этих форм придыхание распространилось уже на все склонение» (Барроу 1976: 86). Таким образом, вполне очевидна только возможность формального сопоставления шумерской и санскритской форм.

Теперь вернемся к жреческой должности *mah*, названной в силлабрии наряду с рассмотренными выше прилагательными. С ней связаны некоторые странные контексты, не укладываемые в обычный перевод. Так, например, в гимне богине тюрьмы Нунгаль есть строчка, общий смысл которой в том, что нельзя отворить двери Подземного мира с помощью заклятий. Здесь основа *mah* явно употреблена в качестве существи-

тельного или субстантивированного прилагательного: ^{giš}ig-bi gal₂-lu mah nu-um-zu mu₇-mu₇ ni₃-gig-bi (48). М. Сивиль переводит это трудное место «no powerful one knows (how to say) “open up this door!”, incantations for it are ineffective» (Civil 1993: 73). Почти аналогично в ETCSL: «Even a powerful man cannot open up its door, incantations are ineffective (?)». Перевод П. Аттингера вообще далек от текста: «*Totalement inconnus sont les ‘Ouvre cette porte!’*, les incantations pour cela sont interdites» (Attinger 2003: 23). Я понимаю эту строчку несколько иначе: «*Могущий* не знает (формулу для) этой двери “(Дверь), откройся!”, (произнесение) заклинательных формул запрещено». Литературный перевод: «Нет *могущего*, знающего, как открыть двери – заклятья запретны» (Емельянов 2011: 103). Речь не о безрезультатности заклятий, а о табу на подобные формулы в данном месте, а также о том, что здесь невозможна *магия*. Исходя из контекста, следует понимать здесь существительное mah как наименование человека, могущего при помощи заклятия отворить ворота мира мертвых. А такого могущего можно назвать *магом*. Вспомним теперь о существовании жрецов-*маххумов* в Месопотамии. Вероятно, речь в тексте идет именно о заклинаниях, произносимых *маххумами*-магами. Возможно предположить связь шум.-акк. mah = *mahhum* с индоевроп. основой *magh-* ‘können, vermögen, helfen’ > др.-инд. *maghá-* ‘Macht, Kraft, Reichtum, Gabe’ > инд. *maghavan-*, перс. *magu-*, *magus* ‘Magier, Zauberer’ (IEW II: 695)⁸.

Известные нам контексты позволяют установить, что *маххумы* были в Вавилонии оракулами, получающими информацию от самих богов, и считались вторым после священного сна источником связи с ними⁹. Более того, сам их экстаз нередко

⁸А. Лубоцкий считает *magha ‘gift, offering, sacrifice’ заимствованием из языков Бактрийско-Маргианского археологического комплекса, существовавших в Южном Туркменистане в эпоху бронзы и оказавших влияние на языки долины Инда. Он же полагает, что связь с гот. mag ‘can, may’ нельзя считать установленной (Lubotsky 2001: 306–307, 311).

⁹За сопоставление *маххумов* и магов говорит то, что др.-перс. *magā-* означало такого человека, который посредством ритуала (*ясна*) и питья хаомы вкусил экстаз, приносящий просветление (*чишти*) (Gnoli 1965; Eliade 1981: 315). О шаманических способностях магов сообщает и В.-Б. Хеннинг (Henning 1951: 7–8). Против такого сопоставления тот

называется в аккадских текстах сном (*šuttu šipir maḥ-ḥi-e* ‘сон, работа маххумов’). Среди маххумов известны как мужчины, так и женщины. Исполнение службы маххума предусматривало плату натуральными выдачами от храма, особенно часто упоминается выдаваемое им масло (CAD, M 1, 90–91). От названия жреческой должности в аккадском языке образован глагол *maḥû* ‘rasen’ (АНw: 586), ‘to become frenzied, to go into a trance’¹⁰ (CAD, M 1: 115), шумерским эквивалентом которого является *e₃* ‘выходить’ (CAD, M 1, 115–116). В состоянии транса жрец выходил из себя, впадал в экстаз, становился больше, значительнее себя самого.

Таким образом, на основании приведенных данных можно сделать три вывода:

1. Из всех индоевропейских вариантов *meġ(h)*- шумерская основа *maḥ* может быть сопоставлена по форме только с санскрит. *māhā*-;
2. Семантическое поле шумерской основы *maḥ* тождественно семантическому полю индоевроп. *meġ(h)*-;
3. Вполне вероятно, что индоевропейской жреческой должности *mag* соответствует шумеро-вавилонская жреческая должность *маххум*; с ней также связана должность *лумакум*. Однако следует считать должность *mag* производной от другого индоевропейского корня¹¹.

факт, что *маххумы*, в отличие от магов, нигде не связаны с дарами и жертвами.

¹⁰ В словарях аккадского языка, напротив, существительное *maḥhûm* выводится из глагола *maḥû*, что довольно странно, поскольку данный глагол отсутствует в остальных семитских языках, а число контекстов его употребления в аккадских текстах весьма невелико (8). Резоннее будет предположить происхождение самого глагола с редким значением (впадение в раж, в экстаз) от жреческой должности. Тогда староаккадская форма имени *maḥhûm* объясняется как отглагольное имя породы II₁, имеющей значение ‘приводить кого-либо в состояние, выраженное стативом основной породы’ (Каплан 2006: 85). То есть, это тот, кого приводят в состояние одержимости (Stativ *maḥi*), делают тем, кто по-шумерски называется *maḥ*.

¹¹ Впрочем, между значениями основ **magh-** и *meġ(h)*- просматривается скрытая семантическая ассоциация. Показателями могущества в древности были высота роста и положения, многочисленность имущества и потомства, способность к воинскому и жреческому экстазу. В свою очередь, источником самого могущества в ранней древности считались вовремя принесенные жертвы.

Никаких дальнейших выводов из этого сопоставления делать нельзя, пока не будут последовательно рассмотрены в аспектах морфологии и семантики все остальные основы, приводимые в работах Г. Виттакера¹². На сегодняшний день можно сказать, что присутствие индоевропейцев в Месопотамии в конце IV тыс. до н.э. маловероятно, но в середине III тыс. контакты шумеров и протоиндоариев были вполне возможны. Они могли происходить как на территории Ближнего Востока, так и в долине Инда, где поддерживались экономические и культурные связи между местным населением и пришельцами из бронзовых городов Бактрии. Поэтому семантическое и формальное сходство основ *meg(h)*- и *mah* может иметь исторические причины. Если же принимать во внимание примеры из лингвистики дальнего родства, то встает вопрос о более отдаленном времени шумеро-ностратических палеоконтактов.

Названия языков

abrit. – староанглийский, асумг. – древнекумбрийский, ags. – англосаксонский, ahd. – древневерхненемецкий, Ai. – древнеиндийский, air. – древнеирландский, aisl. – древнеисландский, alb. – албанский, altheth. – древнехеттский, arm. – армянский, as. – древнесаксонский, av. – авестийский, corn. – корнуэльский, сумг. – кумбрийский, engl. – английский, gall. – галльский, got. – готский, gthav. – авестийский язык (Гаты), gr. – древнегреческий, hett. – хеттский, idg. – нндогерманская форма, jav. – младоавестийский, kelt. – кельтские, lat. – латинский, luw. – лувийский, mbret. – среднебретонский, мсумг. – среднекумбрийский, mir. – среднеирландский, osk. – оскский, RV – ведический язык (Ригведа), Skt. – санскрит, toch. – тохарский, umbr. – умбрийский, urg. – прагерманский, микен. – микенский греческий, шумер. – шумерский.

¹² За пределами нашего рассмотрения остаются протоностратические спекуляции А. Бомхарда, сопоставляющего афразийскую, дравидскую и картвельскую основу *mah 'to increase, to swell, to exceed, to surpass, to be great' с шумер. *mah* 'to be or make great, magnificent; to be much, many' (Bomhard, Kerns 1994: 634–635). Тем не менее, следует отметить приведенные в базах данных А. Ю. Милитарева (афразийские языки) и А. Долгопольского (ностратический словарь) любопытные примеры: Central Chadic: *mVgw- 'long' 1, 'high' 2, 'big', 'length' 4; East Chadic: *mag- '(be) many, much'; Saho-Afar: *mag-/*mang- 'be strong' 1, 'be numerous' 2, 'fill' 3, 'plenty' 4 (Afroasiatic etymology; TB); Proto-South Dravidian: *mik- 'abundant, excessive; great; left over'; Proto-Telugu: *mig- (Nostratic Dictionary, no. 1387; TB).

Литература

- Барроу 1976 – Барроу Т. Санскрит. М; 1976.
- Емельянов 2011 – Емельянов В. В. Миры несвободы в шумерском гимне Нунгаль // Традиционные и новые религии в изменяющейся Евразии и Африке: история и современность. СПб., 2011. С. 196–121.
- Казанскене, Казанский 1986 – Казанскене В. П., Казанский Н. Н. Предметно-понятийный словарь греческого языка (крито-микенский период). М; 1986.
- Канева 2006 – Канева И. Т. Шумерский язык. СПб., 2006.
- Каплан 2006 – Каплан Г.Х. Очерк грамматики аккадского языка. СПб., 2006.
- Afroasiatic etymology – Militarev, A. Afroasiatic etymology // <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/query.cgi?root=config&morpho=0&basename=\data\semham\afaset>
- AHw – von Soden W. Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1958–1981.
- Attinger 2003 – Attinger, P. L’Hymne à Nungal // Literatur, Politik und Recht in Mesopotamien. Festschrift für Claus Wilcke. Wiesbaden, 2003. S. 15–34.
- Behrens, Steible 1983 – Behrens H., Steible H. Glossar zu den altsumerischen Bau- und Weihinschriften. Wiesbaden, 1983.
- Bomhard, Kerns 1994 – Bomhard, A., Kerns, J. C. The Nostratic Macrofamily: A Study in Distant Linguistic Relationship. Berlin, New York, Amsterdam, 1994.
- Borger 2004 – Borger, R. Mesopotamisches Zeichenlexikon. Münster, 2004.
- CAD – Chicago Assyrian Dictionary. 1956-
- Civil 1993 – Civil M. On Mesopotamian Jails and Their Lady Warden // “The Tablet and the Scroll”: Near Eastern Studies in Honor of William W. Hallo. Bethesda, 1994. P. 72–78.
- EDHIL – Kloekhorst A. Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon. Leiden-Boston, 2008.
- Eliade 1981 – Eliade M. A History of Religious Ideas. Vol. 1. From the Stone Age to the Eleusinian Mysteries. Chicago, 1981.
- ePSD – electronic version of Pennsylvanian Sumerian Dictionary (Philadelphia, 2004—): <http://psd.museum.upenn.edu/epsd/nepsd-frame.html>
- ETCSL – Black J. A., Cunningham G., Flückiger-Hawker E., Robson E., Zolyómi G. The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature (Oxford, 1998): <http://www-etcs1.orient.ox.ac.uk/>
- EWA II – Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Bd. II. Heidelberg, 1996.
- Feliu, 2003 – Feliu L. The God Dagan in Bronze Age Syria. Leiden, 2003.
- Flückiger-Hawker 1999 – Flückiger-Hawker E. Urnamma of Ur in Sumerian Literary Tradition. Fribourg, Switzerland / Göttingen, 1999.
- Foxvog 2008 – Foxvog, D. Introduction to Sumerian Grammar. University of California at Berkeley, 2008.
- Gnoli 1965 – Gnoli G. Lo stato di “mago” // Annali dell’Istituto Universitario Orientale di Napoli. N. s., XV. P. 105–117. Napoli, 1965.

- Henning 1951 – Henning, W. B. Zoroaster: Politician or Witch-Doctor? Oxford, 1951.
- Hout van den 2010 – van den Hout Th. The Hieroglyphic Luwian Signs L. 255 and L. 256 and once again Karatepe XI // Luwian and Hittite Studies Presented to J. David Hawkins on the Occasion of His 70th Birthday. Tel Aviv, 2010. P. 234–243.
- IEW – Pokorny, J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
- Klein 1981 – Klein J. Three Šulgi Hymns. Sumerian Royal Hymns Glorifying King Šulgi of Ur. Ramat-Gan, 1981.
- Lubotsky 2001 – Lubotsky A. The Indo-Iranian substratum // Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations. Papers presented at an international symposium held at the Tvärminne Research Station of the University of Helsinki 8-10 January 1999. Helsinki, 2001. P. 301–317.
- Nostratic Dictionary – Dolgopolsky, A. Nostratic Dictionary (unpublished) // <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=\data\nostr\nostret>
- Römer 1965 – Römer W. H. Ph. Sumerische Königshymnen der Isin-Zeit. Leiden, 1965.
- Rubio 2005 – Rubio G. On the Linguistic Landscape of early Mesopotamia // CR RAI 48. Ethnicity in Ancient Mesopotamia. Leiden, 2005. P. 316-332.
- Sjöberg, Bergmann 1969 – Sjöberg A. W. and Bergmann A. Sumerian Temple Hymns. New York, 1969.
- TB – The Tower of Babel. An Etymological Database Project: <http://starling.rinet.ru/main.html>
- Werba 1997 – Werba C. Verba Indoarica: die Primären und sekundären Wurzeln der Sanskrit-Sprache. Wien, 1997.
- Whittaker 1998 – Whittaker G. Traces of an Early Indo-European Language in Southern Mesopotamia // Göttinger Beiträge zur Sprachwissenschaft 1 (1998). S. 111–147.
- Whittaker 2004 – Whittaker, G. Some Euphratic Adjectives // Göttinger Beiträge zur Sprachwissenschaft 10/11 (2004–2005). S. 119–139.

**V. V. Emelianov. On the Semantic Similarity of Sumer. mah
and IE *meg(h)*-**

In his articles and reports of the last two decades, the linguist-anthropologist G. Whittaker has consistently pursued a theory of Indo-European presence in Southern Mesopotamia before the arrival of the Sumerians. As arguments, he compares the phonetically similar Indo-European and Sumerian words and tries to determine the Sumerian words as borrowings from Indo-European languages. This report aims to compare two phonetically similar lexemes mentioned in his article and to reveal either similarities or dissimilarities of their meanings.

On the basis of these data one can make three conclusions:

1. Of all the Indo-European variants of *meg(h)*- Sumerian root mah can be compared only with the form of Sanskrit *māhā*;
2. The semantic field of Sumerian root mah is identical to the meanings of IE *meg(h)*- 'high, big, numerous, mighty, magnificent, sublime, exalted, noble, supreme, outstanding; to be great, to grow, to be high';
3. It is likely that Indo-European name of priest *maga*- corresponds to the Sumerian-Babylonian priestly office *maḥḥum*, it also linked the post *lumakkum*. However, one should consider the position of the magician derived from the other Indo-European root *magh*-.

Special attention is also paid to examples from Afroasiatic and Nostratic dictionaries.

И. Е. Ермолова

DEDITICII В ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Резюме: В статье делается попытка понять содержание одного из терминов, которые встречаются в римских источниках и могут обозначать тех или иных поселенцев из числа варварских племен; выясняются основные характеристики такого понятия как дедитиции; тем самым затрагиваются проблемы взаимоотношений Римской империи с варварами в IV – начале V в.

Ключевые слова: Римская империя, варвары, дедитиции, поселенцы, земледельцы.

Процессы проникновения и внедрения варваров в римское общество, принципы и условия их существования внутри империи в наиболее драматические для нее IV–V вв. чрезвычайно сложны. Интерпретация терминов, которыми в источниках обозначаются различные группы варварского населения, далека от однозначности и единства понимания. Среди них не последнее место занимают *dediticii*¹.

Проблема дедитициев, такой категории жителей Римского государства, которую можно назвать «внутренними варварами», актуальна для всех периодов его существования. Появившись в эпоху завоевания Римом Италии, они известны и авторам IV–V веков. Но, несмотря на тысячелетнее существование данного понятия, о положении дедитициев не только в поздней античности, но даже и в республиканские времена мало, что известно.

Термин *dediticii*, возникший в процессе завоеваний, не получил юридической разработки в римском законодательстве. Он применялся как само собой разумеющийся, означая неприятеля, сдавшегося на капитуляцию после упорного сопротивления (Ранович 1946: 73). Тит Ливий один раз описывает процедуру сдачи. «Коллатинцы сдались (*deditosque*), и, насколько мне известно, порядок сдачи (*deditionis*) был таков. Царь спросил: “Это вы послы и ходатаи, посланные коллатинским народом, чтобы отдать в наши руки себя самих и коллатинский народ?” – “Мы.” – “Властен ли над собой коллатинский народ?” – “Властен.” –

¹ Отпущенники по закону Элия Сенция в данной статье рассматриваться не будут.

“Отдаете ли вы коллатинский народ, поля, воду, пограничные знаки, храмы, утварь, все принадлежащее богам и людям, в мою и народа римского власть?” – “Отдаем.” – “А я принимаю.”» (Liv. I. 38. 1–2). В римских правовых памятниках есть единственное определение дедитициев. Оно гласит, что «*peregrini dediticii* называются те, кто некогда с оружием в руках сражались против римского народа, а затем, будучи побеждены, сдались (*victi se dediderunt*)» (Gai. Instit. I. 14). Это определение почти дословно повторяет Исидор Севильский: *Dediticii primum a deditioe sunt nuncupati. Deditio enim dicitur quando se victi aut vincendi hostes victoribus tradunt* (Isidor. Hispal. Etymol. IX. 4. 49) и современные исследователи (Jones 1936: 231; 1964: I, 620; 1968: 131; Банников 2005: 135). Но иногда, вероятно, статус дедитициев получали те общины, которые под давлением тяжелых обстоятельств добровольно принимали власть римлян. Так, например, поступили жители Капуи под угрозой захвата их самнитами: «А потому, отцы-сенаторы, мы передаем под власть и покровительство ваше и народа римского народ кампанский и город Капую, земли, святилища богов и все, что принадлежит богам и людям; и отныне, что бы не случилось с нами, это случится с отдавшимися под вашу власть (*dediticii vestri*)» (Liv. VII. 31. 4).

Положение дедитициев было, вероятно, весьма неопределенным. Т. Моммзен считал, что это были жители государства, лишённые местного гражданства из-за роспуска тех общин, которые римляне насильно включили в союз или покорили (Mommsen 1910: 168). До настоящего момента данные представления не изменились, и *peregrini dediticii* называются члены тех общин, которые были распущены за то, что сопротивлялись римскому оружию до последнего. Они пользовались *ius gentium*, однако их собственное *ius civile* уже не признавалось (Санфилиппо 2002: 126).

Практика обращения в *dediticii*, то есть замирения племен на самых тяжелых условиях, когда они не только не получали никаких элементов римского гражданства, но формально теряли и свое, продолжалась и во времена империи, но теперь она осуществлялась в отношении варваров, которых принуждали переселиться на территорию римских провинций. Из «Жизни двенадцати цезарей» Светония известно, что император Октавиан Август «...подчинившихся ему (*dedentis se*) свевов и сикамбров перевел в Галлию и поселил на полях близ Рейна» (Suet. Caes. II. 21). Возможно, об этом же факте, имевшем место

во время войны с германцами, сообщается в биографии Тиберия: «он захватил сорок тысяч пленных (*quadraginta milia dediticiorum*), переселил их в Галлию и отвел им землю возле берега Рейна» (Suet. Caes. III. 9. 2). Вероятно, и впоследствии римские правители использовали пленных из варварских племен теми же способами (Dio LXXI. 11. 4; 21. 1; SHA. Marc. IV. 24. 3; Claud. XXV. 9. 4). Широкие масштабы данное явление приобрело после Марка Аврелия (Коптев 1995: 20).

Эдикт Каракаллы о даровании прав римского гражданства всему населению империи привлек к себе повышенный интерес исследователей после находки в 1910 году гиссенского папируса 40, поскольку в нем обнаружили подробности этого постановления, неизвестные по литературным и правовым источникам. Длительная дискуссия о содержании эдикта 212 г. касалась прежде всего судьбы тех, кто имел статус дедитициев. Из-за плохой сохранности текста гиссенского папируса мнения ученых разделились, но сейчас большая часть исследователей считает, что *dediticii* не получили права римского гражданства по *constitutio Antoniniana* (Ранович 1946: 70; Штаерман 1946: 87; Коптев 1995: 46; Mathisen 2006: 1014). Любопытную гипотезу о причинах такого изъятия высказал А. Х. М. Джонс. Он полагал, что государство таким образом защищало свои интересы от возможного посягательства городов: большинство новых римских граждан в провинциях продолжало оставаться членами городских общин, а *dediticii* несли повинности непосредственно в пользу государства (Jones 1936: 235).

Сложнейшим остается вопрос о том, какие группы населения Римской империи относились к дедитициям и остались перегринами и после 212 г. Р. Мэтизен не совсем прав, когда сетует на то, что данная проблема редко поднималась в антиковедении (Mathisen 2006: 1018). Она обсуждалась многократно, но однозначного решения, действительно, пока не имеет (Ростовцев 2001: 132, 358 – 359). Меньше всего сомнений у ученых по поводу сохранения прежнего негражданского статуса покоренных варваров, поселенных на римской земле. Но таких было еще немного (Ранович 1946: 74). Тезис Т. Моммзена о том, что все сельское население римских провинций не подпало под действие эдикта, был отвергнут (Ростовцев 2001: 358), но и после 212 г. есть надписи, упоминающие неграждан в III в., а также ряд военных дипломов, дающих права римского гражданства некоторым категориям солдат. Представляется, что новое прочтение надписей из Мезии и Дакии, когда бессы

указывают свою этническую принадлежность и одновременно являются римскими гражданами (старая интерпретация: это разные категории жителей), неверно (ср.: Штаерман 1946: 87 и Mathisen 2006: 1016). По мнению Е. М. Штаерман, нет никаких сведений, что люди, получившие гражданство только за службу, были варварами, лишь недавно переселившимися в империю (Штаерман 1946: 81–82, 85). Вероятно, на окраинах империи, заселенных варварскими народами, сохранявшими свою племенную организацию, могли еще рассматривать население *vici* как варваров, относящихся к категории *peregrini dediticii*. Е. М. Штаерман предполагала, что, может быть, исключение, сделанное из *constitutio Antoniniana* и затрагивавшее главным образом те области, которые доставляли наибольшее число солдат (дунайские провинции), имело целью сохранить некоторую притягательную силу за военной службой, дававшей римское гражданство (Штаерман 1946: 88). Данное предположение пересекается с указанной выше гипотезой А. Х. М. Джонса.

В IV в. количество варваров на землях Римской империи многократно увеличивается, какая-то их часть, может быть, значительная, попадает в положение дедитициев. Особенно это касается пленных. Аммиан Марцеллин в своем труде часто использует этот термин. Так, в 363 г. при взятии крепости «насчитали 2500 человек сдавшихся (*numerata sunt autem dediticiorum duo milia et quingenti*)» (Амм. XXIV. 2. 22). В 360 г. во время рейда против германцев «одни были перебиты, других, просивших пощады и предлагавших вернуть добычу, он [Юлиан – И. Е.] принял в подданство (*dediticios cepit*), а остальным, уцелевшим в схватке и дававшим обещание сохранять полное спокойствие, предоставил мир» (Амм. XXI. 4. 8). Во время драматических событий готского восстания на территории Фракии именно дедитиции² или пленники показывали взбун-

² *per Thraciarum latus omne dispersi caute gradiebantur, dediticiis vel captivis vicos uberes ostendentibus, eos praecipue, ubi alimentorum reperiri satias dicebatur.* Ю. А. Кулаковский следующим образом переводит данную фразу: «они рассеялись по всему берегу Фракии и шли осторожно вперед, причем сдавшиеся сами римлянам, их земляки, или пленники указывали им богатые селения, особенно те, где можно было найти изобильный провиант». Не совсем понятно, что значит «сдавшиеся сами» – добровольно? По тексту это неясно. Вероятнее, что здесь названа категория поселенцев. А о «земляках» вообще ничего не сказано.

товавшимися готам богатые селения (Amm. XXXI. 6. 5), то есть они уже хорошо ориентировались на местности.

Теперь, исходя из сведений источников, попытаемся охарактеризовать положение варваров дедитициев в Римской империи.

Данная категория населения находилась во власти государства. Во всех известных случаях выходцев из различных племен обращали в дедитициев императоры. Dediticii не связаны с городами и частными лицами. Сальвиан Марсельский, описывающий тяжкую долю трибутариев, податного римского населения, страдающих от непосильных налогов, сообщает что «они передают себя под защиту и покровительство более сильных, делают себя дедитициями богатых (*dedititios se divitum faciunt, et quasi in jus eorum ditionemque transcendunt*) и как будто переходят в их право и власть» (Salv. De gub. Dei. V. 8). Скорее всего, Сальвиан употребляет здесь термин *dediticii* в переносном смысле: самому себя превратить в дедитиция было невозможно и принадлежать кому-то конкретному тоже. Попутно следует заметить, что участь дедитициев, по-видимому, была еще худшей, чем даже трибутариев, весьма угнетенного слоя римского общества (Ермолова 2011: 69–77). В одной из конституций императоры Гонорий и Феодосий дают подробные указания префекту претория, каким образом он может распорядиться покоренным племенем скиров (*Scyras barbaram nationem imperio... nostro subegimus*): с очень строгими ограничениями и постоянным контролем за их положением раздать в качестве колонов землевладельцам (CTh. V. 6. 3). Таких колонов из числа варваров рассматривали, вероятно, как дедитициев (Коптев 1995: 167). В частности, их можно было использовать только в земледелии на работах, подходящих для свободных (*opera.. libera utantur*), нельзя было переводить в рабство или отдавать в городское подчинение (*in servitutem trahere urbanisve obsequiis addicere*) (CTh. V. 6. 3). По-видимому, главным занятием дедитициев, как во времена ранней Римской империи, так и поздней, была обработка земли, организуемая либо самим государством, либо через посредство землевладельцев. Они сохраняли свободу, но находились в очень зависимом положении.

Возможно, с III в. дедитициев стали привлекать на службу в римскую армию. Ранее о такой практике неизвестно, да и вряд ли она была возможна: служба в легионах и вспомогательных войсках долго была престижна и притягательна получением римского гражданства для провинциальных перегринов. Дефицит добровольцев заставил правительство использовать данный

ресурс. Если относительно III в. говорить об этом приходится с определенной степенью вероятности, то источники IV–нач. V в. подтверждают данный тезис. Аммиан Марцеллин пересказывает письмо Юлиана, которое он написал императору Констанцию после узурпации, стремясь прийти к соглашению с ним и избежать междоусобной войны. В этом письме изложена целая программа сотрудничества двух правителей, в частности, содержится обещание Юлиана всеми силами содействовать комплектованию армии Констанция, в том числе посылать воинов из дедитициев³, которые добровольно переходят к римлянам (*ex dediticiis qui ad nostra desciscunt*) (Amm. XX. 8. 13).

Одно из главных условий обращения в дедитиции – безоговорочная капитуляция, но и в республиканскую эпоху бывали исключения и добровольное принятие этого статуса (см. выше: Liv. VII. 31. 4), а в поздней Римской империи такое положение, видимо, было уготовано перебежчикам (Mommsen 1910: 169). Во всяком случае, глагол *descisco*, употребленный Аммианом Марцеллином, позволяет допустить подобную интерпретацию.

Конституция Аркадия, Гонория и Феодосия 406 г., адресованная провинциалам, подтверждает службу дедитициев в римской армии. Выпущена она была в момент угрозы вторжения в Галлию вандалов и аланов, но стала затем общим законом (Mommsen 1910: 169). Суровая опасность объясняет призыв на военную службу всех и вся: не только свободнорожденных, федератов, дедитициев, но их рабов (CTh. VII. 13. 16), чем порождает сложный вопрос об отношении *dediticii* к собственности.

Согласно Ульпиану, «...тот, кто находится в числе дедитициев, не может составлять завещания, ... потому что не может завещать как римский гражданин, так как он перегрин и не [может завещать] как перегрин, ибо не является гражданином какой-либо определенной гражданской общины и не может завещать согласно законам» (Ulp. fr. 20. 14–15). Фюстель де Куланж вслед за Ульпианом считал, что этот «термин не применим к тому, кто обладал правом собственности» (Фюстель 1904: 2 454). В связи с этим объяснить юридические основания наличия рабов у отдельных дедитициев пока не представляется возможным.

³ Перевод Ю. А. Кулаковского: «...из тех варваров, которые добровольно к нам переходят».

В целом, довольно приниженное положение, в которое попадали на территории империи варвары, становившиеся дедитициями, было, вероятно, уделом отдельных разрозненных групп, по большей части, вынужденных переселенцев или слабых племен.

Принятые сокращения

- Amm. – Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / Ed. W. Seyfarth. Vol. 1–2. Leipzig, 1978. Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. СПб., 1996.
- CTh. – Codex Theodosianus // Theodosiani libri XVI / Ed. Th. Mommsen et P. M. Meyer. Vol. 1 – 2. B., 1905.
- Gai. Instit. – Gai. Institutiones. Гай. Институции / Пер. Ф. Дыдынского. М., 1997.
- Dio – Dio's Roman History / With an Engl. Transl. By E. Cary. In Nine Vol. L.; N. Y., 1914 – 1927 (Loeb Class. Library).
- Isidor. Hispal. – Isidorus Hispalensis. Etymologiae IX / Texte établi, traduit et commenté par M. Reydellet. P., 1984.
- Salv. De gub. Dei – Salviani presbyteri Massiliensis De gubernatione Dei libri VIII / Rec. C. Halm // MGH. AA. T.I p. prior. Ber., 1877. P. 1–108.
- SHA – Scriptores Historiae Augustae / Ed. E. Hohl. Vol. I–II. Leipzig, 1971.
- Suet. Caes. – C. Suetoni Tranquilli De vita Caesarum libri VIII // Id. Opera / Ex rec. M. Ihm. Vol. I. Lips., 1907. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. с лат. М.Л. Гаспарова. М., 1988.
- Liv. – Titi Livi ab urbe condita libri, editio altera, quam curavit M. Müller. V. I. Lipsiae, 1905. Тит Ливий. История Рима от основания города / Ред. М. Л. Гаспаров и Г. С. Кнабе. Т. I. М., 1989.
- Ulp. – Domitii Ulpiani Fragmenta // Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана / Пер. Е. М. Штаерман. М., 1998.

Литература

- Банников 2005 – Банников А. В. Варвары в римской армии IV в. н. э. // Вестник СПбГУ. 2005. Сер. 2. Вып. 3. С. 134–137.
- Ермолова 2011 – Ермолова И. Е. Tributarii в позднеантичных источниках // Вестник РГГУ № 12(74)/11. Сер. «Ист. науки». Ист-фия, источн-ние, методы ист. исследований. М., 2011. С. 69–77.
- Коптев 1995 – Коптев А. В. От прав гражданства к праву колоната. Формирование крепостного права в поздней Римской империи. Вологда, 1995.
- Ранович 1946 – Ранович А. Эдикт Каракаллы о даровании римского гражданства населению империи // ВДИ. 1946. № 2. С. 66–80.
- Ростовцев 2001 – Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи. Т. II. СПб., 2001.

- Санфилиппо 2002 – Санфилиппо Ч. Курс римского частного права / Пер. с итал. М., 2002.
- Фюстель 1904 – Фюстель де Куланж. История общественного строя древней Франции. Т. II. Германское вторжение и конец империи. СПб., 1904.
- Штаерман 1946 – Штаерман Е.М. К вопросу о *dediticii* в эдикте Каракаллы // ВДИ. 1946. № 2. С. 81–88.
- Jones 1936 – Jones A. H. M. Another Interpretation of the “*Constitutio Antoniniana*” // *The Journal of Roman Studies*. Vol. I. 1936. P. 223–235.
- Jones 1964 – Jones A. H. M. *The Later Roman Empire, 284–602: A social, economic and administrative survey*. Vol. I–III. Oxford, 1964.
- Jones 1968 – Jones A. H. M. *Studies in Roman Government and Law*. N. Y., 1968.
- Mathisen 2006 – Mathisen R. W. *Peregrini, Barbari, and Cives Romani: Concepts of Citizenship and the Legal identity of Barbarians in the Later Roman Empire* // *American Historical Review*. Vol. 111. 2006. P. 1011–1040.
- Mommsen 1910 – Mommsen Th. *Gesammelte Schriften*. Bd. 6. Berlin, 1910.

I. E. Ermolova. *Dediticii* in the Late Roman Empire

This paper is an attempt to understand the meaning of a term used in Roman sources to describe certain groups of barbarian settlers and identify the principal characteristics of the *dediticii* concept. This analysis can help to shed light on some problems in the Later Roman Empire's relations with various barbarians tribes in IV – early V Centuries A.D.. The paper proposes a successive analysis of late ancient narrative tradition texts and law documents which contain the term *tributarii*.

В. Ю. Жаркая

МИХАИЛ ГЛИКА – ЧИТАТЕЛЬ АРИСТОТЕЛЯ

Резюме. Византийский историк и богослов Михаил Глика (XII в.) в своей «Всемирной хронике» широко использует материал зоологических трактатов Аристотеля в повествовании о пятом дне творения. Автор хроники редко воспроизводит текст буквально, зачастую изменяет его, сокращает или пересказывает. С другой стороны Глика дополняет отрывки из Аристотеля сведениями из научных и христианских сочинений. Знакомство Глики с текстами Аристотеля отражает общий интерес его современников к творчеству Стагирита. Тем не менее в главном труде эпохи, комментариях Михаила Эфесского, мы почти не находим сходства с Гликиным текстом.

Ключевые слова: византийская литература, Михаил Глика, Аристотель, Шестоднев, Стагирит, Михаил Эфесский.

Всемирная хроника византийского историка и богослова Михаила Глики, составленная во 2 пол. XII в., отличается от других сочинений этого жанра тем, что в нем отведено большое место повествованию о сотворении мира. Первая часть Хроники представляет собой подробный рассказ о «шести днях Творения» (Шестоднев). Ниже мы попытаемся проследить некоторую иерархию текстов, к которым обращается хронист.

Вне зависимости от широты использования того или иного текста Глика волен указать имя автора или же умолчать о нем. Так, несмотря на многократные обращения к научным текстам Михаила Пселла (XI в.), к сочинению Феофилакта Симокаты (VII в.), имена этих авторов ни разу не названы в Гликином тексте; подобным же образом он обходится и с некоторыми «христианскими источниками» (*Физиолог*, Севериан Гавальский). На этом фоне античные сочинения занимают более выигрышную позицию – в тексте Глики встречается немало имен языческих авторов. Тем самым, можно считать, что античные тексты имеют особый статус в Гликином повествовании. Хотя их и нельзя поставить в один ряд с крупными христианскими богословами, чьи имена мы встречаем у Глики постоянно, статус языческих мудрецов в хронике чрезвычайно высок.

Если говорить об использовании античных текстов, то они цитируются обильно и разнообразно. Для Глики важно сообщить своему читателю нечто, что он сам называет «античным

знанием». Как мы увидим впоследствии, это «античное знание» может принимать весьма разнообразные формы: от частной и весьма редкой детали – до банальностей, вроде бы не требующих ссылок на источник. Разумеется, рисуя христианскую картину мира, Глика не может до конца обойтись без критики языческой традиции, однако эта критика сведена к минимуму; если в основном Гликином источнике, *Шестодневе* Василия Великого, анти-языческой полемике отводится большое место, то у Глики мы встречаем лишь ее отголоски.

Языческий автор, чье имя Глика упоминает чаще всего в своем повествовании, – это Аристотель¹. Наиболее часто наш автор использует Стагирита в рассказе о пятом дне творения (в который были якобы созданы животные) – там привлечены отрывки по меньшей мере из двух сочинений Аристотеля: Глика использует *О частях животных* и *О происхождении животных*. При том, что Гликина привычная манера экцерпирования состоит в буквальном переписывании отрывков источников, в случае с Аристотелем мы лишь несколько раз встречаем дословное воспроизведение текста, в большинстве случаев Гликин нарратив представляет собой краткое изложение эпизодов с сохранением лексики оригинала.

Естественнонаучные тексты Аристотеля изобилуют специальными терминами и множеством деталей, поэтому Глике часто приходится адаптировать заимствованные отрывки под свое повествование, опуская детали и удаляя специальные термины. Вот как он воспроизводит отрывок про чернильную жидкость у моллюсков, заимствованный из сочинения *О частях животных*.

Ἔχει μὲν οὖν πάντα τὰ
μαλάκια τοῦτο τὸ μόριον
ἴδιον, μάλιστα δ' ἡ σηπία καὶ
πλεῖστον. Ὅταν γὰρ φοβη-
θῶσι καὶ δείσωσιν, οἷον
φράγμα πρὸ τοῦ σώματος
ποιοῦνται τὴν τοῦ ὑγροῦ
μελανίαν καὶ θόλωσιν. Αἱ μὲν
οὖν τευθίδες καὶ πολύποδες

Γίνωσκε δὲ καὶ τοῦτο, ὅτι
τευθίδες μὲν καὶ πολύποδες

¹ Нигде в научной литературе характер использования Аристотеля Гликой не рассматривается, ср. Oehler 1964: 133–146; Μπενάκης 1986: 52–55; Benakis 1987: 352–379.

ἔχουσιν ἄνωθεν τὸν θολὸν ἐπὶ τῇ μύτιδι μᾶλλον, ἢ δὲ σηπία πρὸς τῇ κοιλία κάτω· πλείω γὰρ ἔχει διὰ τὸ χρῆσθαι μᾶλλον. Τοῦτο δ' αὐτῇ συμβαίνει διὰ τὸ πρόσγειον μὲν εἶναι τὸν βίον αὐτῆς, μὴ ἔχειν δὲ ἄλλην βοήθειαν, ὥσπερ ὁ πολύπους τὰς πλεκτάνας ἔχει χρησίμους καὶ τὴν τοῦ χρώματος μεταβολήν, ἢ συμβαίνει αὐτῷ, ὥσπερ καὶ ἡ τοῦ θολοῦ πρόεσις, διὰ δειλίαν (Aristot. De partibus animalium, 114, 4–14)

ἔχουσι θόλωσιν, ἀλλὰ καθ' ἃ φησιν Ἀριστοτέλης ἐπὶ τῇ μύτιδι, σηπιῶν δὲ κατὰ τὴν κοιλίαν, ἀλλὰ καὶ πλείονα. οὐδὲ γὰρ ἄλλην τινὰ βοήθειαν ἔχει, καθάπερ ὁ πολύπους τὴν τοῦ χρώματος μεταβολήν (Glycas, 71, 20-72, 2)

Как мы видим, Глика сообщает лишь общий смысл, хотя использует почти исключительно лексику источника. Однако можно заметить, что он использует ее весьма небрежно, ведь согласно Аристотелю у моллюсков есть специальный орган (τοῦτο τὸ μόριον), при помощи которого они создают замутнение (ποιοῦνται τὴν τοῦ ὑγροῦ μελανίαν καὶ θόλωσιν). Глика же сокращает текст таким образом, что получается, что они имеют не орган, а замутнение (ἔχουσι θόλωσιν), то есть по видимости обладают способностью создавать замутнение. Глика не углубляется в детали и не использует слова терминологически, как это делает Аристотель.

Приведем другой пример. Глика заимствует из сочинения *Ο προихοждении животных* эпизод о зайце, в котором объясняется, почему он такой мохноногий.

τοῦτο γὰρ ἐπικυῖσκεται τὸ ζῶον· οὔτε γὰρ τῶν μεγάλων ἐστὶ πολυτόκον τε (πολυσχιδὲς γὰρ, τὰ δὲ πολυσχιδῆ πολυτόκα) καὶ σπερματικόν. δηλοῖ δ' ἡ δασύτης· ὑπερβάλλει γὰρ τοῦ τριχώματος τὸ πλήθος· καὶ γὰρ ὑπὸ τοὺς πόδας καὶ ἐντὸς τῶν γνάθων τοῦτ' ἔχει τρίχας μόνον τῶν ζῶων. ἢ δὲ δασύτης σημεῖον πλήθους περιττώ-

κατὰ τοῦτο δὲ καὶ δασύπους ὁ λαγῶς, καθά φησιν ὁ Ἀριστοτέλης, ὡς πλήρης περιττωμάτων ὢν· ἢ γὰρ δασύτης σημεῖον πλήθους περιττώματος. ὅθεν καὶ ἐπικυῖσκεται τοῦτο τὸ ζῶον. διὸ καὶ τῶν ἀνθρώπων οἱ δασεῖς ἀφροδισιαστικοὶ καὶ πολύσπερμοι μᾶλλον εἰσι τῶν λείων (Glycas, 102, 14–19)

ματός ἐστι, διὸ καὶ τῶν ἀνθρώπων οἱ δασεῖς ἀφροδισιαστικοὶ καὶ πολύσπερμοι μᾶλλον εἰσι τῶν λείων (Aristot. De generatione animalium, 452, 18–454, 2)

Глика вслед за Аристотелем объясняет повышенную мохнатость большой плодовитостью животного. Аристотель указывает на то, что заяц относится к неопытным животным (πολυσχιδῆς) и потому так плодовит. Глика пропускает эти сведения, однако приводит сравнение с любвеобильными людьми (τῶν ἀνθρώπων οἱ δασεῖς ἀφροδισιαστικοὶ), которое кажется ему интересным и достойным упоминания.

Вот еще образец работы компилятора с текстом источника:

τῶν δὲ χρόνων τῶν περὶ τὴν κύησιν τὸ μέγεθος τῶν γεννωμένων· οὐ γὰρ ῥάδιον ἐν ὀλίγῳ χρόνῳ λαμβάνειν τὴν τελείωσιν τὰς μεγάλας συστάσεις οὔτε ζῶων οὔτε τῶν ἄλλων ὡς εἰπεῖν οὐθενός. διόπερ ἵπποι καὶ τὰ συγγενῆ ζῶα τούτοις ἐλάττω ζῶντα χρόνον κυεῖ γὰρ πλείω χρόνον· τῶν μὲν γὰρ ἐνιαύσιος ὁ τόκος τῶν δὲ δεκάμηνος ὁ πλείστος. διὰ τὴν αὐτὴν δ' αἰτίαν πολυχρόνιος καὶ ὁ τῶν ἐλεφάντων ἐστὶ τόκος· διετής γὰρ ἡ κύησις διὰ τὴν ὑπερβολὴν τοῦ μεγέθους (Aristot. De generatione animalium, 476, 11–20)

103 Γίνωσκε δὲ καὶ τοῦτο, ὅτι διετής ὁ τῶν ἐλεφάντων τόκος· τίνος ἔνεκεν; ὅτι τὰ μείζονα κυήματα πλείονος χρόνου δεῖται πρὸς τελείωσιν· τὰ μὲν γὰρ δεκάμηνα, τὰ δὲ ἐνιαύσια, καθάπερ ἐπὶ ἵππου. κατὰ τοῦτο τοίνυν πολυχρόνιος ἐστὶ καὶ ὁ τῶν ἐλεφάντων τόκος· διετής γὰρ ἡ κύησις αὐτῶν διὰ τὴν ὑπερβολὴν τοῦ μεγέθους, ὡς Ἀριστοτέλης φησὶν (Glycas, 103)

Иногда Глика не просто сокращает текст, но выбирает несколько фраз из довольно обширного фрагмента и соединяет их между собой. Так, например, у Аристотеля в *О частях животных* есть отрывок, подробно описывающий систему дыхания у дельфинов и китов. Глика заимствует лишь основные сведения, и не вдается в детали, подобно автору источника.

Οἱ δὲ δελφῖνες καὶ αἱ φάλαιναί τε καὶ πάντα τὰ τοιαῦτα τῶν κητῶν βράγχια μὲν οὐκ ἔχουσιν, αὐλὸν δὲ διὰ τὸ πλεύμονα ἔχειν· δεχόμενα γὰρ κατὰ τὸ στόμα τὴν θάλατταν ἀφιασι κατὰ τὸν αὐλόν. Ἀνάγκη μὲν γὰρ δέξασθαι τὸ ὑγρὸν διὰ τὸ λαμβάνειν τὴν τροφήν ἐν τῷ ὑγρῷ· δεξάμενα δ' ἀφιέναι ἀναγκαῖον. Τὰ μὲν οὖν βράγχια ἔστι χρήσιμα τοῖς μὴ ἀναπνέουσιν· δι' ἣν δ' αἰτίαν, εἴρηται ἐν τοῖς περὶ ἀναπνοῆς· ἀδύνατον γὰρ ἅμα τὸ αὐτὸ ἀναπνεῖν καὶ βράγχια ἔχειν· ἀλλὰ πρὸς τὴν ἄφεσιν τοῦ ὕδατος ἔχουσι τὸν αὐλόν. Κεῖται δ' αὐτοῖς οὗτος πρὸ τοῦ ἐγκεφάλου· διελάμβανε γὰρ ἂν ἀπὸ τῆς ῥάχεως αὐτόν. Αἴτιον δὲ τοῦ πλεύμονα ταῦτα ἔχειν καὶ ἀναπνεῖν, ὅτι τὰ μεγάλα τῶν ζώων πλείονος δεῖται θερμότητος, ἵνα κινήται. Διὸ ὁ πλεύμων ἔγκειται αὐτοῖς θερμότητος ὧν πλήρης αἱματικῆς. Ἔστι δὲ ταῦτα τρόπον τινὰ πεζὰ καὶ ἔνυδρα· τὸν μὲν γὰρ ἀέρα δέχεται ὡς πεζά, ἄποδα δ' ἔστι καὶ λαμβάνει ἐκ τοῦ ὑγροῦ τὴν τροφήν ὡσπερ τὰ ἔνυδρα (Aristot. De partibus animalium, 164, 18–165, 12)

οἱ δὲ δελφῖνες καὶ αἱ φάλαιναί τε καὶ πάντα τὰ κητώδη βράγχια μὲν οὐκ ἔχουσιν, αὐλὸν δὲ διὰ τὸ ἔχειν πνεύμονα.

τὰ μὲν γὰρ βράγχια χρήσιμα ἐπὶ τοῖς μὴ ἀναπνέουσιν, ἀδύνατον δὲ τὸ αὐτὰ ἔχειν καὶ ἀναπνεῖν.

ἔστι δὲ ταῦτα τρόπον τινὰ πεζὰ καὶ ἔνυδρα, καὶ πεζὰ μὲν ὡς ἀέρα δεχόμενα, ἔνυδρα δὲ ὡς ἄποδα καὶ τὴν τροφήν ἐκ τοῦ ὑγροῦ δεχόμενα (Glycas, 73, 12–18)

Как мы видим, Глика очень выборочно приводит текст Аристотеля, сообщая только самое основное, лишь упоминает о легких и дыхательной трубке, но не объясняет их устройство.

Мы привели примеры того, как Глика сокращает Аристотеля, однако бывают и случаи, когда, напротив, он поясняет и дополняет его текст.

Так, иногда Глика дополняет Аристотеля фразами из совершенно иного дискурса. Например, у Аристотеля подробно описываются животные, покрытые мягкой скорлупой. Глика приводит лишь малую часть сведений источника.

Τὰ δὲ **μαλακόστρακα** πάντα καὶ πορευτικά, διὸ ποδῶν ἔχει πλῆθος. Ἔστι δὲ γένη μὲν τέτταρα τὰ μέγιστ' αὐτῶν, οἳ τε καλούμενοι **κάραβοι καὶ ἄστακοὶ καὶ καρίδες καὶ καρκίνοι** (Aristot. De partibus animalium, 127, 25-128, 1)

Μαλακόστρακα λέγονται **καρκίνοι κάραβοι ἄστακοὶ καὶ καρίδες**

Ταύτας δ' οὐ πορείας ἔχουσι χάριν, ἀλλὰ πρὸς τὸ λαβεῖν καὶ κατασχεῖν ἀντὶ χειρῶν (Aristot. De partibus animalium, 128, 5-6)

αὐτα δὲ ἄνευ τῶν καρίδων χηλὰς ἔχουσιν, οὐ χάριν τοῦ περιπατεῖν, τοῦ συλλαμβάνειν δέ τι (Glycas, 72, 21-73, 2)

Αἱ δὲ καρίδες τῶν μὲν καρκινοειδῶν διαφέρουσι τῷ ἔχειν κέρκον, τῶν δὲ καραβοειδῶν διὰ τὸ μὴ ἔχειν χηλὰς· ἄς οὐκ ἔχουσι διὰ τὸ πλείους ἔχειν πόδας (Aristot. De partibus animalium, 128, 23-129, 2)

Οἱ μὲν οὖν κάραβοι καὶ οἱ καρκίνοι πάντες τὴν δεξιὰν ἔχουσι χηλὴν μείζω καὶ ἰσχυροτέραν· **τοῖς γὰρ δεξιοῖς πάντα πέφυκε τὰ ζῶα δρᾶν μᾶλλον**, ἢ δὲ φύσις ἀποδίδωσιν ἀεὶ τοῖς χρῆσθαι δυναμένοις ἕκαστον ἢ μόνως ἢ μᾶλλον (Aristot. De partibus animalium, 129, 11-17)

ὅθεν καὶ μείζονες αἱ δεξιαὶ· **τοῖς γὰρ δεξιοῖς πέφυκε τὰ ζῶα δρᾶν μᾶλλον** (Glycas, 73, 2-3)

Далее в тексте Глики заимствования из Аристотеля прерываются весьма неожиданной фразой: «περὶ τούτων ὁ προφήτης

Δαυίδ „τὰ διαπορευόμενα τρίβους θαλασσῶν». Как мы видим, фраза Аристотеля «Τὰ δὲ μαλακόστρακα πάντα καὶ πορευτικά» перекликаются в сознании хрониста со словами из Писания (Ps., 8,9). Нашего автора, кажется, совершенно не смущает такая разница дискурсов, как раз наоборот, она позволяет ему в любой момент подняться на уровень максимального обобщения.

В другом месте Глика дополняет Аристотеля естественно-научными сведениями, разбивая при этом текст источника посередине. В контексте говорится о том, что бескровные животные нуждаются в малом количестве пищи, так как по причине своей холодности переваривают ее очень медленно, в пример приводятся кузнечики.

Πάντα μὲν οὖν ἐστὶν ὀλιγότροφα τὰ ἔντομα τῶν ζώων, οὐχ οὕτω διὰ μικρότητα ὡς διὰ ψυχρότητα (τὸ γὰρ θερμὸν καὶ δεῖται τροφῆς καὶ πέττει τὴν τροφήν ταχέως, τὸ δὲ ψυχρὸν ἄτροφον), μάλιστα δὲ τὸ τῶν τεττίγων γένος.

Ἰκανὴ γὰρ τροφή τῷ σώματι ἢ ἐκ τοῦ σώματος ὑπομένουσα ὑγρότης, καθάπερ τοῖς ἐφήμεροις ζώοις (γίνεται δὲ ταῦτα περὶ τὸν Πόντον), πλὴν ἐκεῖνα μὲν ζῆ μιᾶς ἡμέρας χρόνον, ταῦτα δὲ πλειόνων μὲν ἡμερῶν, ὀλίγων δὲ τούτων (Aristot. De partibus animalium, 123, 14–21)

πάντα δὲ τὰ ἀναίμα τῶν ζώων ὀλιγότροφα εἰσιν, οὐχ οὕτω διὰ μικρότητα ὡς διὰ ψυχρότητα· τὸ γὰρ θερμὸν καταπέπτει ῥαδίως τὴν τροφήν καὶ δεῖται καὶ τροφῆς ταχέως, τὸ δὲ ψυχρὸν ἄτροφον. μᾶλλον δὲ τὸ τῶν τεττίγων γένος ἄτροφόν ἐστι, διότι καὶ τῶν ἄλλων ζώων ψυχρότερον· ἐπὶ γὰρ τούτῳ καὶ θέρους ὥρα ζωογονούμενον ὥσπερ τῆς ᾠδῆς ἀπάρχεται. ἰκανὴ δὲ τροφή τῇ τέττιγι ἢ ἐκ τοῦ σώματος ὑπομένουσα ὑγρότης, ἣν ἐκ τῆς γενέσεως ἔχει, κατὰ δὴ καὶ τὰ ἐφήμερα ζῶα τὰ περὶ τὸν Πόντον γινόμενα· πλὴν ἐκεῖνα μὲν ἡμέρας μιᾶς χρόνον ζῆ, καὶ διὰ τοῦτο καὶ ἐφήμερα λέγονται, ταῦτα δὲ ζῶσι καὶ πλέον (Glycas, 72, 9–20)

Фраза, дополняющая по смыслу текст Аристотеля, «поэтому (кузнечики) размножаются в летнюю пору, тогда и петь начинают» (ἐπὶ γὰρ τούτῳ καὶ θέρους ὥρα ζωογονούμενον ὥσπερ τῆς ᾠδῆς ἀπάρχεται) заимствована Гликой из другого источника, из псевдонаучного сочинения византийского вре-

мени *Естественные вопросы* Феофилакты Симокаты, где говорится, что кузнечики холодны от природы, поэтому они начинают петь в середине лета и громче всего поют в полдень (Simocata 31, 4–7). Дополнения из других источников свидетельствуют о творческом подходе Глики. Однако сам текст Аристотеля в его изложении оставляет немало вопросов. Почему дословно приводятся только некоторые отрывки? Почему Глика склонен скорее пересказывать Аристотеля? И главное, почему в его пересказе мы встречаем детали, отсутствующие в источнике? Так, в последнем рассмотренном эпизоде, помимо отрывка из Симокаты, есть и еще одна фраза, отсутствующая у Аристотеля. Глика говорит, что кузнечик питается влагой, которую он имеет от рождения (ἦν ἐκ τῆς γενέσεως ἔχει). Эта фраза не могла появиться вследствие «переиначивания» текста, но является очевидным содержательным дополнением. Гликино обращение с текстом Аристотеля приводит нас к вопросу о бытовании сочинений Стагирита в эпоху правления Комнинов. В это время мы наблюдаем большой интерес к творчеству Аристотеля, нашедший наиболее яркое воплощение в трудах Михаила Эфесского (ср. Γεώργιος Αραμπιτζής, Παιδεία και ἐπιστήμη στον Μιχαήλ Εφέσιο. Αθήνα 2006). Ему принадлежат комментарии ко множеству сочинений античного автора, в том числе к произведениям о животных. В комментариях к *О частях животных* мы встречаем следующие сведения о кузнечиках (λέγει δὲ καὶ τρέφεσθαι τοὺς τέττιγας ἐκ τῆς καταλειφθείσης ἐκ τοῦ σώματος ὑγρότητος· ἐξ ὑγροῦ γὰρ τὴν σύστασιν ἔχοντες τῷ περιτεύσαντι ὑγρῷ ἐκ τῆς τοῦ σώματος αὐτῶν συστάσεως χρῶνται εἰς τροφήν) (Michael, 77, 32-35). Слова Михаила «ἐξ ὑγροῦ γὰρ τὴν σύστασιν ἔχοντες», напоминают нам фразу Глики «ὑγρότης, ἦν ἐκ τῆς γενέσεως ἔχει». Однако кроме данного отрывка нам не удалось найти других совпадений между двумя текстами. В целом Михаил Эфесский воспроизводит текст Аристотеля гораздо менее точно, чем Глика.

Особое отношение Глики к Аристотелю выражается также в том, что хронист упоминает его, даже когда не использует. Так, у Глики в рассказе о животных мы встречаем пассаж о том, какими качествами наделены животные в зависимости от их нрава (Ἀλλὰ καὶ τοῖς ὄπλοις αὐτοῖς τὰ ζῶα πρὸς ἄλληλα διενήνοχε. κατὰ τὰ ἦθη γὰρ τῶν ψυχῶν, καθὰ καὶ ὁ Ἀριστοτέλης φησί, δίδωσιν ὁ θεὸς καὶ τὰς τοῦ σώματος διαπλάσεις τε καὶ ἐνεργείας. οἷον τί λέγω; τῷ λαγωῷ καὶ τῷ

ἐλάφῳ δειλοῖς οὔσι κατὰ ψυχὴν δρόμον ἔδωκεν, ἵνα τὰς τῶν κυνηγούντων χεῖρας ἐκφεύγῳσι. τῷ χοίρῳ θυμῶδει καὶ πολεμιστῇ ὄντι τοὺς χαυλιόδοντας.....) (Glycas, 97, 19–98, 5).

В действительности, нигде у Стагирита мы таких слов не найдем. По сравнению с заимствованными из него отрывками, данный выделяется констатирующим характером, выражает очевидное. Он мог быть написан самим Гликой, ибо не предполагает специальных знаний. Аристотель нужен лишь как авторитет, на который следует ссылаться, он упоминается в рассказе о животных, подобно тому, как отцы церкви упоминаются для подтверждения всем известных христианских истин.

Цитаты из самого Аристотеля вообще ограничены его биологическими сочинениями. Упоминания Стагирита в других разделах Шестоднева не подтверждают знакомства Глики с иными его текстами. Так, рассуждения о том, что разум пребывает в сердце (Glycas, 136, 10–14), хоть и содержат ссылку на Аристотеля, но не имеют прямых заимствований и скорее всего почерпнуты из какого-то чужого обобщающего рассказа. Когда Глика утверждает, что Аристотель называет небо «пятым элементом» (Glycas, 11, 9–11), он очевидным образом не столько цитирует несохранившийся трактат *О философии*, сколько кого-то из его многочисленных комментаторов. Знание насчет «пятого элемента» было настолько банальным, что попадало у современников Глики даже в массовую литературу. В случае же с рассказом о происхождении ветра (Glycas, 14, 13–22) мы точно можем сказать, что здесь источником является Михаил Пселл и лишь через его посредство – сам Аристотель (Psellus, 147, 2–12).

Итак, Глика выказывает личное знакомство исключительно с зоологическими сочинениями Аристотеля, практически ничего не зная про основной корпус его трудов. В сфере же зоологии он, напротив, чувствует себя довольно уверенно. Это можно объяснить тем, что благодаря усилиям предыдущего поколения византийских ученых, в частности, Михаила Эфесского, этот слой работ Стагирита вошел в довольно широкий оборот. При том, что никаких цитат из сохранившихся комментаторов Аристотеля у Глики не прослеживается, тем не менее нельзя исключить, что он работал все же не с самим Аристотелем, а с какой-то обширной антологией его зоологических трудов, возможно, составленной в ученом кружке опальной принцессы Анны Комнины.

Источники

- Aristot. De partibus animalium – *Aristote*, Les parties des animaux, Paris, 1956.
- Aristot. De generatione animalium - *Aristotle: Generation of Animals*. Loeb Classical Library. 1979. No. 366.
- Michael - *Michaelis Ephesii* In libros de partibus animalium, de animalium motione, de animalium incessu commentaria, Berlin, 1904.
- Simocata - Teofilatto Simocata. *Questioni naturali*, Naples: Libreria Scientifica Editrice, 1965.
- Psellus - Michael Psellus, *De omnifaria doctrina*. Nijmegen, 1948.
- A. Rahlfs, Septuaginta, vol. 2, 9th ed. Stuttgart, 1935.

Литература

- Αραμπατζής 2006 – Αραμπατζής Γ. Παιδεία και επιστήμη στον Μιχαήλ Εφέσιο. Αθήνα, 2006.
- Benakis 1987 – Benakis L. Grundbibliographie zum Aristoteles-Studium in Byzanz // Aristoteles. Werk und Wirkung. P. Moraux gewidmet. Bd. II. Berlin; New York, 1987. S. 352–379.
- Μπενάκης 1986 – Μπενάκης Λ. Ο Αριστοτέλης στο Βυζάντιο και στην Τουρκοκρατία. Η σύγχρονη έρευνα // Διαβάζω, 1986. Τ. 135. Ρ. 52–55.
- Oehler 1964 – Oehler K. Aristotle in Byzantium // Greek, Roman and Byzantine Studies, 1964, No. 3, 133–146.

V. Yu. Zharkaya. Michael Glycas as a reader of Aristotle

The 12th Century *Chronicle of events from the creation of the world to the death of Alexius I Comnenus* by Michael Glycas significantly differs from works of the same genre. The author widely uses the material of zoological writings by Aristotle in his Hexaemeron stories. At the same time, his rendition of the original texts is rarely literal: he reduces them, puts together information from different parts of Aristotle's works, supplements the text with passages borrowed from other scientific or Christian sources, or even adds some information of his own. The fact of Glycas' knowledge of Aristotle's writings reflects a common interest of his contemporaries in Stagirite's texts. At the same time, Glycas' *Chronicle* bears practically no resemblance to Michael Ephesus' *Commentaries* viewed as the central work of the epoch. The two authors treat Aristotle's texts differently, which means that, being contemporaries, they represented independent traditions in the interpretation of Aristotle's works.

О ЗАГЛАВИИ ПЕРВОЙ КНИГИ ПРОПЕРЦИЯ

Резюме: Привычный историкам римской литературы тезис, согласно которому Первая книга Проперция носила заглавие «Кинфия», не находит опоры в тексте свидетельств. Причиной его широкого распространения стала соответствующая *inscriptio* в Гронингенском кодексе, который К. Лахман в 1816 г. объявил лучшей рукописью Проперция. К концу XIX в. авторитет Groninganus пал, однако теория о заглавии «Кинфия» успела к тому времени войти в филологическую «вульгату» и дожила до наших дней.

Ключевые слова: Проперций, Первая книга элегий, заглавие, Гронингенская рукопись, история классической филологии

Представление о том, что Первая книга элегий Проперция носила название «Кинфия», принадлежит к числу общераспространенных. Впервые оно засвидетельствовано уже в комментариях Домицио Кальдерини к Марциалу (1474) – т. е. вообще в первом комментарии к античному автору, выпущенном печатной книгой¹. С тех пор этот тезис получил широкое признание: только за последние сто лет (уводить историю вопроса далее означало бы безнадежно утомить читателя) заголовки «*Cynthia*», либо «*Cynthia Monobiblos*», выставили на первой странице с десяток издателей Проперция – от демонстративного консерватора Дж. С. Филлимора до яркого радикала Дж. П. Гульда². Впрочем, и те, кто этого не сделал – как П. Федели или Дж. С. Хейворт (Fedeli 1984; Heyworth 2007) – зачастую исходили лишь из предосторожности, что «*Cynthia*» могло быть обиходным названием «по первому слову первого стиха» (*Cynthia prima suis miserum me cepit ocellis*)³. Перечень исследователей,

¹ «*Cynthia. Monobyblos Propertii carmen ita inscribitur, quod ardentissime amavit Hostiam, ficto nomine appellatam Cinthiam*» (ad *Mart.* XIV, 189; мы пользовались изд.: Calderinus 1482 [без пагинации]). О комментируемой эпиграмме Марциала см. ниже.

² Помимо тех, кто еще будет упомянут ниже, см., напр.: Phillimore 1907; Richmond 1928; Helm 1965; Hanslik 1979; Goold 1999.

³ Так, «Энеиду» латинские авторы часто именуют *arma virum*. Эта идея впервые была высказана Г. Фридрихом (Friedrich 1907: 371). Стих *Prop.* II, 24, 2 (о нем см. ниже) занял прочное место в перечне

оперировавших титулом «Кинфия» в предисловиях, монографиях и статьях, много длиннее⁴. Более того, Ф. Лео и Виламовиц придали этому заглавию историко-литературное обоснование и тем самым словно бы дополнительный вес, вписав его в почтенную греческую традицию («Нанно» Мимнерма, «Лида» Антимаха, «Леонтион» Гермесианакта и пр.)⁵.

Эта идея кажется настолько естественной, что от нее трудно отказаться даже тем, кто отдает себе отчет в слабости аргументации⁶. Так, Г. Э. Батлер и Э. А. Барбер, со всей твердостью объявив титул «Cynthia» «далеко не доказанным», буквально на той же странице используют его для дальнейших литературоведческих построений – с оговоркой, что «первая книга могла быть названа именем Кинфии»⁷. Пусть и менее категорично, но зато более последовательно высказывался против этого названия У. Кэмпс: его «нельзя считать несомненным», поскольку соответствующие места из авторов (о них см. ниже) допускают и иную интерпретацию⁸. Только в 1999 г. Бьянка-Жанетта Шрёдер в монографии об античных заглавиях под-

пассажей, иллюстрирующих практику «заглавия по первому слову»; см., напр.: Jocelyn 1969: 350, n. 4; Kenney 1970: 290. Позиция Федели эксплицитно сформулирована в изд.: Fedeli 1980: 13; о позиции Хейворта см.: Heyworth 2007a: 211; Heyworth, Moorwood 2011: 7 («In publishing his *Cynthia*, he is also putting his *Cynthia* on public display...», с примечанием: «Ancient books were regularly known by their first words»).

⁴ См., напр.: Postgate 1895: XLV; Skutsch 1963: 239; Skutsch 1975: 229; Luck 1969: 104, n. 1; 145 (осторожнее Luck 1964: 401); Butrica 1996: 94 ff.; Butrica 2006: 28; Liberman 2002: 53 *sui v.*; Manuwald 2006: 219; etc. etc. Приведем только один пример того, как вопрос о заглавии Первой книги влияет на интерпретацию отдельных стихотворений: выдвигая (на наш взгляд, неприемлемый) тезис, согласно которому анонимную гетеру из *Prop.* I, 16 нужно отождествлять с Кинфией, П. Буше аргументирует: «читатель книги, озаглавленной “Кинфия”, неминуемо должен был так думать» (Boucher 1965: 463; cf. 443, n. 6).

⁵ Leo 1898: 182; Wilamowitz-Moellendorff 1913: 287 ff.; Wilamowitz-Moellendorff 1924: I, 232–233.

⁶ Вот типичный пассаж, характерный обилием смягчающих утверждение конструкций: «Cynthia, on the other hand, is extremely attractive as a generally acknowledged designation, almost, indeed, a nickname, if not so much as a formal title. Cynthia was both the first word of the book, and, in its sense, as its *incipit*, strictly speaking one form of its title, and also the book's dominant theme» (Horsfall 1981: 109).

⁷ Butler, Barber 1933: XXXIV (cf. XXXI: «whether the book was actually called by her name or no»).

⁸ Camps 1967: 162; доводы Кэмпса приняты в работе: Heiden 1982: 152.

вергла «теорию “Кинфии”» полноценной развернутой критике (Schröder 1999: 78–82) – которую, насколько нам известно, не заметил никто из писавших о Проперции.

Цель настоящей заметки – скорее историко-научная, чем историко-литературная; мы постараемся показать, какие причины привели к формированию сколь устойчивого, столь и малообоснованного общего мнения. Начать, однако, нужно с существа вопроса. Современный читатель – заглянувший, к примеру, в *Prolegomena* к изданию П. Я. Энка или в монументальный комментарий к Первой книге Паоло Федели (Enk 1946: I, 17; Fedeli 1980: 13), – узнаёт, что заглавие «Кинфия» засвидетельствовано двумя пассажами:

1. *Prop.* II, 24a, 1–2 (слова, которые Проперций вынужден всякий раз слышать от своих собеседников, стоит ему высказаться по вопросам морали или осудить чье-либо поведение)⁹: «*Tu loqueris, cum sis¹⁰ iam noto fabula libro / Et tua sit toto Cynthia lecta foro?*» Имя *Cynthia* предлагается понимать как название книги, упомянутой в ст. 1; издатели часто берут его в кавычки¹¹. Между тем легко заметить, насколько это необязательно. Как напомнили Кэмпс и Шрёдер, *legere* довольно регулярно упо-

⁹ Текст и толкование элегии II, 24a породили обширную полемику, на которой мы останавливаться не можем; помимо отдельных спорных мест, предметом обсуждения остается как независимость этих десяти стихов от предыдущей элегии II, 23, так и отношение к ним последующих отрывков II, 24b–c. Мы следуем толкованию начальных строк, данному Д. Шеклтоном Бейли (Shackleton Bailey 1956: 120).

¹⁰ Гуманистическая конъектура *sis* читается в ряде *recentiores*. Консенсус лучших рукописей дает *sit*, и один из наиболее консервативных издателей Проперция (Rothstein 1920, ad loc.) принимает в текст именно это чтение – при котором слово *Cynthia* становится общим подлежащим для обоих стихов и при наличии *iam noto libro* принудительно должно означать не заглавие книги, а имя ее героини. Мы, впрочем, вслед за абсолютным большинством издателей предпочитаем *sis*, которое кажется лучшим как по смыслу (поэт дальше будет говорить о себе и своей репутации, и поэтому вводная реплика может содержать упоминание обоих влюбленных или же одного Проперция, но не одной Кинфии), так и стилистически (вместо неловкого повтора связки, опущение которой в таких случаях является нормой даже в нехудожественной прозе, мы получаем фигуру *polyptoton*). *Sit* могло появиться в архетипе как из-за диттографии, так и из-за непонимания переписчиком конструкции, в которой *fabula* оказывается отнесенным к лицу.

¹¹ Один из последних по времени примеров: Viarre 2005: 64.

требляется с *accusativus personae* в смысле «читать о ком-то»¹²; можно добавить, что у самого Проперция встречается аналогичная конструкция при *scribere* (II, 10, 8: *bella canam, quando scripta puella mea est*). Кинфия-имя здесь как минимум столь же вероятно, что и «Кинфия»-заглавие; более того, два обстоятельства, как нам кажется, делают первое понимание более предпочтительным.

а) Если *Cynthia* – это заглавие (будь оно авторским или «читательским», данным по первому слову), то вторая часть дистиха предстает простым повтором первой: «когда твоя книга стала известна всем, твою книгу прочел весь форум». Если же это имя героини, на место плеоназма заступает симметричная композиция: «с тех пор как книга прославилась, все говорят о тебе и все читают о твоей Кинфии» – иными словами, перипетии ваших отношений стали общим достоянием.

б) В II, 20, 21–22 Проперций еще раз упоминает о шумной известности, которую получил его роман с Кинфией; этот дистих очень похож на наш: *septima iam plene deducitur orbita Lunae, / cum de me et de te compita nulla tacent*. Конечно, если поэт дважды высказывает одну и ту же мысль, от него вовсе не обязательно ждать совпадения в деталях; однако по содержанию элегии II, 20 и 24 настолько контрастны (первая открывается жалобами Кинфии на холодность Проперция, который оправдывается, но и ликует: «как же она меня любит!»; вторая – жалобами Проперция на холодность Кинфии, и в ней господствует полное отчаяние: «как же она меня не любит!»), что, по видимому, перед нами одна из тех пар противопоставленных друг другу стихотворений, которых в корпусе наберется немало¹³. В этом случае ст. II, 24, 1–2 не просто перекликаются с 20, 21–22, но сознательно их воспроизводят; а это значит, что мы вправе ожидать между ними не только общего, но и детального сходства.

2. Второе свидетельство в пользу титула «Кинфия» – эпитаграмма *Mart. XIV, 189*. Среди прочих *apophoreta* в литературном разделе XIV книги упоминается, согласно лемме, «*Monobiblos*

¹² У одного только Овидия см.: *Am. I, 15, 25; Epist. 2, 69; Fast. I, 10; V, 568; Trist. IV, 4, 13–14*.

¹³ Часто такие стихи стоят в книге хоть и неподалеку, но не подряд, так что работа по их соотнесению ложится на читателя, которому автор помогает автореминисценциями. См. об этом: Günther 1996.

Propertii»¹⁴: *Cynthia, facundi carmen iuvenale Properti, / Accipit famam, non minus ipsa dedit.* Здесь, как кажется, можно выразиться тверже: заключив первое слово эпиграммы в кавычки¹⁵, мы попросту ее обесмыслим. Можно сказать: «книга прославилась» и «книга прославила своего автора»; эти утверждения будут очень близки, почти тождественны, и ставить их в отношении дополнительности друг к другу нельзя («Роман “Анна Каренина” прославил Толстого не в меньшей степени, чем себя»?!). Неудивительно, что те, кто занимается не Проперцием, а Марциалом – то есть вынуждены не просто цитировать, но переводить и толковать эти строки, – вполне единодушно видят в нашем *Cynthia* имя героини, а *carmen* понимают метонимически, как «предмет стихов»: «Кинфия, став героиней юношеских стихотворений красноречивого Проперция, получила славу, но не меньшую славу дала»¹⁶. Примеры на *carmen* в таком значении выделены в особый раздел и в *Thesaurus linguae Latinae*, и в *Oxford Latin Dictionary*¹⁷; их не так уж много, но аналогичное употребление других схожих слов вроде *fabula* или *sermo* позволяет считать эту конструкцию естественной.

¹⁴ Слово *Monobiblos* послужило предметом отдельной дискуссии филологов и книговедов; не вдаваясь в детали, скажем только, что Марциал скорее всего имеет в виду именно отдельное издание Первой книги, которую называли *Monobiblos* для того, чтобы отличить от (по всей видимости, ходивших на римском книжном рынке вместе) книг II–IV. Разумеется, это заглавие не может быть авторским, так как подразумевает, что другие книги элегий уже написаны. Титул *Monobiblos* попал и в рукописную традицию Проперция – он предпослан Первой книге в Лейденском кодексе А, изготовленном в первой половине XIII в. в скриптории Ришара де Фурниваля, и в многочисленных гуманистических рукописях, зависящих от А. По мнению Дж. Л. Батрики, эта *inscriptio* не отражает независимой традиции и скорее всего была взята Фурнивалем из рукописей Марциала (Butrica 1984: 238). Подробнее обо всем круге вопросов см.: Butrica 1996: 89–97.

¹⁵ Так это сделано, напр., в «*Testimonia Propertiana*» издания М. Шустера – Ф. Дорнзайфа: Schuster, Dornseiff 1958: XXIV.

¹⁶ См., напр.: Friedländer 1886: II, 337 («zu verstehn ist: *Cynthia, der Gegenstand der jugendlichen Dichtung des Properz*»); Leary 1996: 253–254; etc.

¹⁷ *Aetna* 585: *tu quoque Athenarum carmen <...> Erigone*; *Claudian.* 27, 17: *Enceladus mihi carmen erit*; *carm. min. app.* 2, 10: *Alcides mihi carmen erit* (см.: ThLL. Vol. III. Col. 468; OLD, s. v. 2 c). Между прочим, OLD (но не ThLL) приводит в соответствующем разделе и марциаловское место.

К выводу Шрёдер «Die Apposition *carmen* zu *Cynthia* muß nicht konkret “das *carmen* mit dem Titel *Cynthia*” bedeuten» (Schröder 1999: 81) можно, как кажется, добавить еще одно соображение. Эпиграмма Марциала включает в себе нечто большее, чем простую констатацию «книга, которую преподносят в подарок, очень знаменита»; на это указывает уже порядок слов, при котором *non minus ipsa dedit* вынесено в конец, а значит – в пуанту. По нашему мнению, Марциал указывает в этих стихах на одну особенность поэтической позиции Проперция, отличающей его от других любовных элегиков. Если Лигдам и (особенно часто) Овидий любят упомянуть о том, что их стихи принесут возлюбленным славу у современников и потомков, то Проперций не устает подчеркивать: между ним и Кинфией существует своего рода *взаимная* порука бессмертия; не только он прославляет свою даму в веках, но и она, как единственный источник вдохновения, помогает поэту возвести собственный памятник; Проперция будут вспоминать за то, что он сумел пленить саму Кинфию. Этот мотив в корпусе настойчив: к примеру, ему целиком посвящено программное вступительное стихотворение II, 1. В качестве образца процитируем I, 7, 9–11: *hic mihi conteritur vitae modus, haec mea fama est, / hinc cupio nomen carminis ire mei. / Me laudent doctae solum placuisse puellae...* Именно на это и призваны намекнуть стихи Марциала: «да, Кинфия прославилась благодаря Проперцию; но ведь и она прославила его». Едва ли случайно, что второе упоминание нашего поэта у Марциала развивает ту же мысль (VIII, 73, 5: *Cynthia te vatem fecit, lascive Properti*).

Итак, из двух пассажей, как будто поддерживающих титул «Кинфия», в одном это слово означает *скорее* героиню, чем название, а в другом *безусловно* героиню, а не название. Судя по тому, что в архетипе элегий Проперция никакого заглавия не было¹⁸, а читателям уже во времена Марциала приходилось пользоваться термином *Monobiblos*, чтобы отличать Первую книгу от других, она скорее всего называлась просто *Elegi(ae)*. Если даже автор и дал ей заглавие, для нас оно не сохранилось, и среди попыток его восстановить *Cynthia* имеет столько же

¹⁸ Кодекс N начинается *ex abrupto* (слова «incipit Propertius» добавлены другой рукой; Butrica 1984: 323) и не предпосылает никаких заголовков книгам II–IV. Об искусственном заглавии кодекса A, принадлежащем Ришару де Фурнивалю, см. выше прим. 17; Butrica 1996: 89–90.

прав на существование, сколько, к примеру, «Puella» (если бы кто-нибудь взялся заключать в кавычки это слово в *Prop.* II, 10, 8: *bella canam, quando scripta puella mea est*) или «Ignes» (ведь из *Ov. Trist.* IV, 10, 45: *saepe suos solitus recitare Propertius ignes* при желании тоже можно вывести название). Римские элегики часто упоминают имена возлюбленных своих предшественников, подразумевая при этом не столько самих дам, сколько стихи, о них написанные¹⁹; однако у нас нет ни одного достоверного свидетельства о том, чтобы кто-нибудь из них озаглавил свою книгу женским именем – и напротив, об Овидии мы определенно знаем, что он этой возможностью пренебрег²⁰.

В этой связи позволительно задаться вопросом: как получилось, что представление, основанное на таких шатких свидетельствах, оказалось столь распространенным? Неужели несколько поколений филологов, включая Лахмана и Вилаговица, не увидели слабостей этой конструкции? Ниже мы попытаемся объяснить, почему так произошло.

Как уже было сказано, современному читателю в качестве источников заглавия «Кинфия» предлагаются места из Проперция и Марциала; однако триста лет назад дело обстояло иначе. В 1702 г. вышел в свет обильно откомментированный Проперций Я. ван Брукхёйзена (он же Janus Broukhusius, 1649–1707) – предпоследнее в ряду тех больших голландских изданий, благодаря которым период между Скалигером и Лахманом в истории изучения Проперция по справедливости

¹⁹ Ср., напр.: *Ov. Am.* I, 15, 29–30: *Gallus et Hesperii et Gallus notus Eois, / et sua cum Gallo nota Lycoris erit*; III, 9, 28; 31: *defugiunt avidos carmina sola rogos... / Sic Nemesis longum, sic Delia nomen habebunt*; *Rem.* 763–764: *carmina quis potuit tuto legisse Tibulli / vel tua, cuius opus Cynthia sola fuit?* etc. См.: McKeown 1987: 106; Schröder 1999: 81–82.

²⁰ Замечание Г. Лука о том, что сборник элегий Лигдама назывался «Неэра» (Luck 1969: 104, n. 1), вызвано, судя по всему, путаницей. В [*Tib.*] III, 1, 11 sqq. лирический герой отправляет в подарок возлюбленной книгу стихов, внешний вид которой любовно описывается; ключевой ст. 12 (*indicet ut nomen littera facta tuum*) входит в реплику Муз, беседующих с поэтом, так что открывающее свиток «твое имя» – это, конечно, имя самого Лигдама. Попытка того же исследователя (Luck 1961: 166–167; см. также: Cameron 1968) доказать, что первая редакция *Amores* Овидия называлась «Corinna» (в качестве аргумента он ссылался, естественно, на пример Проперция), встретила резкую критику, и во второе английское издание своей монографии (Luck 1969) Лук соответствующий пассаж не включил.

может быть назван *aetas Batava*. Во вступительном примечании к Первой книге (озаглавленной «*Cynthia*») Брукхёйзен перебирает *inscriptiones* известных ему рукописей и делает вывод: «*Veram epigraphen servavit nobis bonus codex ille Groninganus, in quo ita legitur: “Propertii Nautae Maevan. Umbri Cynthia”, et hoc quidem nomen, ut scias librarium intellexisse, auro illitis characteribus praeifulget <...>. Eius mihi assertionis fundus ipse noster Propertius <цитируются Prop. II, 24a, 1–2 и II, 34, 93–94> et Martialis <цитируется Mart. XIV, 189>»²¹. Упомянутый *codex Groninganus* (ныне Groningen, Rijksuniversiteitsbibliotheek Academiae 159 = 83 Hanslik = 40 Butrica) – это вполне рядовая гуманистическая рукопись Проперция, каких на сегодняшний день описано более сотни. Созданная ок. 1470 г. в Риме²², она в конечном итоге относится ко второй ветви традиции (восходящей к уже упоминавшемуся кодексу А), но вобрала в себя множество конъектур и интерполяций. Гронингенский кодекс рано привлек внимание филологов, и с XVI в. его чтения появляются в той бессистемной массе рукописных свидетельств, которыми оперируют старые издатели Проперция; однако в дальнейшем ему была суждена, пусть и не по заслугам, совершенно особая судьба.*

В 1816 г. двадцатитрехлетний Карл Лахман (не имевший времени держать корректуру, так как торопился записаться в армию, чтобы успеть повоевать с узурпатором – было время Ста дней) выпустил в свет свое революционное издание Проперция. Стремясь навести порядок в хаосе рукописей (на 99% – гуманистических), произвольно используемых издателями, Лахман задался целью четко определить, «*qui codices veterem ac sinceram scripturam tenerent, qui a doctis Italis interpolati essent*»²³, и использовать для установления текста только первые. Лахман выделил две рукописи: во-вторых (и это было выдающимся открытием), Неаполитанский кодекс рубежа XII–XIII вв. (N),

²¹ Цит. по посмертному переизданию: Broukhusius 1727: 1. Далее Брукхёйзен (оказываясь, таким образом, предтечей Лео и Виламовица) перечисляет греческих и (вполне проблематичных) латинских авторов, которые озаглавливали книги именами возлюбленных.

²² О Гронингенском кодексе см.: Butrica 1984: 152; 234–235 (с библиографией); Rose 2001, по ук.

²³ Lachmannus 1816: VII. Второе, «дипломатическое» издание, стремящееся представить текст архетипа практически без эмендаций: Lachmannus 1824. О месте этих изданий в истории становления «лахмановского метода» см.: Timpanaro 2005: 76–79.

который доныне считается важнейшим источником текста Проперция и стоит во главе одного из двух рукописных семейств, а во-первых (и это было ошибкой) – уже знакомый нам Groninganus: суровый гонитель *doctorum Itolorum* не устоял перед блеском гуманистических интерполяций. Если Лахман нуждается в оправдании, то в оправдание ему можно сказать, что сам он Гронингенского кодекса не видел²⁴ и, соответственно, не имел шансов правильно датировать.

Влияние лахмановского Проперция было, без преувеличения, колоссальным; последующие издатели или просто перепечатывали его текст (как, например, О. Группе) или во всяком случае следовали Лахману в принципах *resensio*; для Фр. Якоба, Г. Палдама, Б. А. Г. Херцберга и других Гронингенский кодекс, по завету Лахмана, был лучшей рукописью Проперция (а Неаполитанский – второй по качеству). Хр. Хаймрайх, в 1863 г. существенно поколебавший авторитет Groninganus, не без ехидства замечает, что издатели первой половины XIX в. в предисловиях ставят эту рукопись на первое место, даже если в тексте чаще принимают чтения N (Heimreich 1863: 3–4). Дальше последовали еще несколько атак; но только после издания Эмиля Беренса (1880), открывшего A и, таким образом, совершившего новую стемматическую революцию, чтения Groninganus стали исчезать из критических аппаратов²⁵. Тогда же Артур Палмер, для подготовки собственного издания съездивший в 1878 г. Гронинген и еще раз изучивший рукопись, писал, что Лахман пал жертвой какой-то «необычайной галлюцинации», что он никогда не придал бы кодексу такого веса, если бы видел его своими глазами, что это «one of the latest and worst manuscripts in existence» и что поездка была бы пустой тратой времени, не встретясь он в Гронингене с Беренсом, беседа с которым оказалась для дела гораздо полезнее (Palmer 1880: VI; Palmer 1881: 40).

В аппаратах современных издателей Проперция упоминания о Гронингенской рукописи закономерно отсутствуют; хуже то, что ее регулярно (и в т. ч. в нашем случае) обходит молчанием издание Р. Ханслика, главная особенность которого – щедро приводимые чтения бесчисленных гуманистических *codices*

²⁴ Лахман пользовался коллацией И. Шрадера, отложившейся в издании П. Бурманна (Burmmanus 1780); см.: Heimreich 1863: 1.

²⁵ Историю возвышения и ниспровержения Groninganus см., напр.: Plessis 1884: 30–34; Rose 2001: 190.

descripti²⁶. Между тем при анализе того или иного темного места Проперция подчас бывает трудно понять, почему старые издатели так упорно исходят из такого-то чтения, игнорируя другие, как будто более интересные и лучше засвидетельствованные – пока не выясняется, что это чтение Гронингенского кодекса²⁷.

Нечто подобное случилось, по-видимому, и с вопросом о заглавии «Кинфия». От Брукхёйзена дискуссия о титуле Первой книги перешла к П. Бюрману (Burmannus 1780: 1), а от него – к «лахманианцу» Б. А. Г. Херцбергу, чьи влиятельные «Quaestiones Propertianaе» (1843) стали первым комплексным исследованием биографии и творчества Проперция; в формировании занимающей нас opinio communis именно соответствующий пассаж Херцберга сыграл, как представляется, принципиальную роль (Hertzberg 1843: 220). Для Херцберга, как ранее для Брукхёйзена, главным доводом в пользу титула «Cynthia» был заголовок Гронингенского кодекса: «Propertii Nautae Mevan(ii) Umbri Cynthia»²⁸. Вот как звучит то место у Херцберга, где он толкует эпиграмму Марциала: «In plerisque (sic! – V. Z.)

²⁶ Hanslik 1979 (см. перечисление рукописных inscriptiones к Первой книге в аппарате ad loc.).

²⁷ Мы уже имели случай констатировать это в связи с *Prop.* II, 3, 22 (Zeltchenko 2005: 163).

²⁸ Вторая и последняя рукопись, в которой читается титул Cynthia (в форме «Auli Propertii Cynthia») – это Rom. Bibl. Casanatense 15 (= 103 Hanslik = 97 Butrica), автограф Помпония Лета ок. 1470 г., связанный с Groninganus; поскольку над обоими кодексами работал один и тот же рубрикатор – Бартоломео Санвито, – два заголовка выполнены в прямом смысле слова одной рукой (см. об этом: Butrica 1984: 291–292). И положение Гронингенского кодекса в стемме, и отсутствие следов заглавия в архетипе, разумеется, не дают никакой возможности рассматривать эту inscriptio как сколько-нибудь аутентичную. Как местом рождения Проперция в титуле Groninganus названа Мевания – и эта неверная информация взята прямо из *Prop.* IV, 1, 123, где поэт говорит о своем происхождении обвиняками, упоминая соседний город – так и заглавие для Первой книги, очевидно, было извлечено или из II, 26, 2, или из марциаловской эпиграммы (откуда его, судя по всему, взял Кальдерини [выше прим. 1] – который, впрочем, был связан с Помпонием и его Римской академией), или, наконец, просто явилось плодом фантазии переписчика. Что до курьезного agnomen Nauta, воспринятого из A, то его источник комментаторы разгадали давно: это ошибочное чтение navita (вместо non ita) dives eras в II, 24, 38, благодаря которому наш поэт, боявшийся моря еще сильнее, чем Гораций, неожиданно оказался зачислен в мореплаватели.

codicibus legitur: *Sexti Aurelii Propertii Cynthia Monobiblos*. <...> Нас accepta sententia multo significantius Cynthiam iuvenile vel iuvenale Propertii carmen dicit Martialis». Иными словами, Херцберг, по-видимому, вовсе не имел в виду, что Cynthia в тексте Марциала нужно ставить в кавычки: *при условии*, что Первая книга называлась «Кинфией» – а это для него доказывала лучшая рукопись Проперция – упоминание этого имени у Марциала получало дополнительный смысловой оттенок, не более того. Этот же ход рассуждений ясно прослеживается, к примеру, у П. Фридлендера в упоминавшемся комментарии к Марциалу (loc. cit. in n. 19). Переводя «Cynthia, carmen» как «Кинфия, предмет стихов», Фридлендер поясняет при этом: «Das erste Buch des Properz erschien unter den Titel “Cynthia” allein <...> und führt diesen Titel auch in dem cod. Groningensis», – и дает ссылку на Херцберга.

Таким образом, история заглавия «Кинфия» представляет пример любопытного герменевтического казуса – в сущности, логической ошибки: от Брукхёйзена до конца XIX в. это название было засвидетельствовано заголовком Groninganus, а пассажи из Проперция и Марциала в лучшем случае подтверждали подлинность рукописной *inscriptio*, а то и сами прояснялись из нее. С падением авторитета Гронингенской рукописи из под этой конструкции оказалось выбито основание – но сама конструкция странным образом устояла, и то, что раньше было следствием из уже доказанного тезиса, стало восприниматься как доказательство.

Литература

- Boucher 1965 – Boucher J.-P. *Études sur Propertius: Problèmes d’inspiration et d’art*. Paris, 1965.
- Broukhusius 1727 – Sex. Aur. Propertii Elegiarum libri quattuor / Ad fidem veterum membranarum curis secundis I. Broukhusii sedulo castigati. Amstelodami, 1727.
- Burmannus 1780 – Sex. Aurelii Propertii Elegiarum libri IV cum commentario perpetuo P. Burmanni Secundi <...> / Opus Burmanni morte interruptum L. Santenius absolvit. Traiecti ad Rhenum, 1780.
- Butler, Barber 1933 – *The Elegies of Propertius* / Ed. with an introd. and comm. by H. E. Butler and E. A. Barber. Oxford, 1933.
- Butrica 1984 – Butrica J. L. *The Manuscript Tradition of Propertius*. Toronto, 1984.
- Butrica 1996 – Butrica J. L. *The Amores of Propertius* // *Illinois Classical Studies*. 1996. Vol. 21. P. 87–158.

- Butrica 2006 – Butrica J. L. The Transmission of the Text of Propertius // Brill's Companion to Propertius / Ed. by H. Ch. Günter. Leiden; Boston, 2006. P. 25–43.
- Calderinus 1482 – Domitii Calderini Veronensis Commentarii in M. Valerium Martialem. Venetiis, 1482.
- Cameron 1968 – Cameron A. The First Edition of Ovid's *Amores* // Classical Quarterly. 1968. Vol. 62. P. 320–333.
- Camps 1967 – Propertius. Elegies. Book II / Ed. by W. A. Camps. Cambridge, 1967.
- Enk 1946 – Sex. Propertii Elegiarum liber I (Monobiblos) / <...> Ed. P. J. Enk. Vol. 1–2. Lugduni Batavorum, 1946.
- Fedeli 1980 – Sesto Propertio. Il primo libro delle elegie / Introd., testo crit. e comm. a cura di P. Fedeli. Firenze, 1980.
- Fedeli 1984 – Sexti Propertii Elegiarum libri IV / Ed. P. Fedeli. Stuttgartiae, 1984.
- Friedländer 1886 – M. Valerii Martialis Epigrammaton libri / Mit erkl. Anm. von L. Friedländer. Bd 1–2. Leipzig, 1886.
- Friedrich 1907 – Friedrich G. Zu Martial // Rheinisches Museum für Philologie. 1907. Bd 62. S. 366–379.
- Goold 1999 – Propertius. Elegies / Ed. and transl. by G. P. Goold. 2nd ed. Cambridge (Mass.); London, 1999.
- Günther 1996 – Günther G.-H. Properz und das Selbstzitat in der augusteischen Dichtung. München, 1996.
- Hanslik 1979 – Sex. Propertii Elegiarum libri IV / Ed. R. Hanslik. Lipsiae, 1979.
- Heiden 1982 – Heiden B. A. Book-Division within Propertius Book II // Quaderni urbinati di cultura classica. 1982. Vol. 11. P. 151–169.
- Heimreich 1863 – Heimreich Chr. Quaestiones Propertianae: Diss. Bonnae, 1863.
- Helm 1965 – Properz. Gedichte / Lat. und deutsch von R. Helm. Berlin, 1965.
- Hertzberg 1843 – Sex. Aurelii Propertii Elegiarum libri IV / <...> Illustr. B. A. G. Hertzberg. Vol. 1: Quaestiones Propertianae. Halis, 1843.
- Heyworth 2007 – Sexti Propertii Elegos apparatus critico instr. et ed. S. J. Heyworth. Oxonii, 2007.
- Heyworth 2007a – Heyworth S. J. Cynthia: A Companion to the Text of Propertius. Oxford, 2007.
- Heyworth, Moorwood 2011 – Heyworth S. J., Moorwood J. H. W. A Commentary on Propertius, Book 3. Oxford, 2011.
- Horsfall 1981 – Horsfall N. Some Problems in Titulature in Roman Literary History // Bulletin of Institute of Classical Studies. 1981. № 28. P. 103–114.
- Jocelyn 1969 – Jocelyn H. D. The Tragedies of Ennius. Cambridge, 1969.
- Kenney 1970 – Kenney E. J. That Incomparable Poem the «Ille ego»? // Classical Review. 1970. Vol. 84. P. 290.
- Lachmannus 1816 – Sex. Aur. Propertii Carmina / Emend. ad codicum meliorum fidem et ann. C. Lachmannus. Lipsiae, 1816.
- Lachmannus 1824 – Sex. Propertii Elegiae ex rec. C. Lachmanni. Berolini, 1829.

- Leary 1996 – Martial. Book XIV: The Apophoreta / Text with introd. and comm. by T. J. Leary. London, 1996.
- Leo 1898 – Leo F. [Bespr.:] Die Elegien des Sextus Propertius / Erkl. von M. Rothstein. Berlin, 1898 // F. Leo. Ausgewählte kleine Schriften / Hrsg. von E. Fraenkel. Roma, 1960. Bd 2. S. 179–209.
- Lieberman 2002 – Lieberman G. Remarques sur le premier livre des Élégies de Propertius // Revue de philologie. 2002. T. 76. P. 49–100.
- Luck 1961 – Luck G. Die römische Liebeselegie. Heidelberg, 1961.
- Luck 1964 – Propertius und Tibullus. Liebeselegien: Lateinisch und deutsch / Neu hrsg. und übers. von G. Luck. Zürich; Stuttgart, 1964.
- Luck 1969 – Luck G. The Latin Love Elegy. 2nd ed. London, 1969.
- Manuwald 2006 – Manuwald G. The First Book // Brill's Companion to Propertius / Ed. by H.-Ch. Günther. Leiden; Boston, 2006. P. 219–243.
- McKeown 1987 – McKeown J. C. Ovid. Amores. Vol. 1: Prolegomena and Text. Liverpool, 1987.
- Palmer 1880 – Sex. Propertii Elegiarum libri IV / Rec. A. Palmer. Londini; Dublini, 1880.
- Palmer 1881 – Palmer A. Propertiana: Baehrens and the Codex Neapolitanus // Hermathena. 1881. Vol. 4. P. 40–72.
- Phillimore 1907 – Sexti Propertii Carmina / Recogn. brevisque adnot. critica instr. Io. S. Phillimore, 2 ed. Oxonii, 1907.
- Plessis 1884 – Plessis F. Études critiques sur Propertius et ses élégies. Paris, 1884.
- Postgate 1895 – Select Elegies of Propertius / Ed. with introd., notes and appendices by J. P. Postgate. 2nd ed. London; New York, 1895.
- Richmond 1928 – Sexti Propertii quae supersunt opera / Ed. novoque apparatu critico instr. O. L. Richmond. Cantabrigiae, 1928.
- Rose 2001 – Rose A. Beroaldo der Ältere und sein Beitrag zur Propertius-Überlieferung. München; Leipzig, 2001.
- Rothstein 1920 – Die Elegien des Sextus Propertius / Erkl. von M. Rothstein. Bd 1–2. 2. Aufl. Berlin, 1920.
- Schröder.1999 – Schröder B.-J. Titel und Text: Zur Entwicklung lateinischer Gedichtüberschriften. Berlin; New York, 1999.
- Schuster, Dornseiff 1958 – Propertius / Ed. M. Schuster, ed. alteram curavit F. Dornseiff. Lipsiae, 1958.
- Shackleton Bailey 1956 – Shackleton Bailey D. R. Propertiana. Cambridge, 1956.
- Skutsch 1963 – Skutsch O. The Structure of the Propertian Monobiblos // Classical Philology. 1963. Vol. 58. P. 238–239.
- Skutsch 1975 – Skutsch O. The Second Book of Propertius // Harvard Studies in Classical Philology. 1975. Vol. 79. P. 229–233.
- Timpanaro 2005 – Timpanaro S. The Genesis of Lachmann's Method / Ed. and transl. by G. W. Most. Chicago; London, 2005.
- Viarre 2005 – Propertius. Élégies / Texte ét., trad. et comm. par S. Viarre. Paris, 2005.
- Wilamowitz-Moellendorff 1913 – Wilamowitz-Moellendorff U von. Sappho und Simonides. Berlin, 1913. S. 287.
- Wilamowitz-Moellendorff 1924 – Wilamowitz-Moellendorff U von. Hellenistische Dichtung in der Zeit des Kallimachos. Bd 1–2. Berlin, 1924.

Zeltchenko 2005 – Zeltchenko V. [Compte rendu:] Neri C. Erinna. Bologna, 2003 // *Hyperboreus*. 2005. Vol. 11. P. 149–167.

V. V. Zeltchenko. The Title of Propertius' First Book

The popular notion, according to which Propertius' First Book was entitled *Cynthia*, is in fact based not on the textual sources, but rather on the *inscriptio* of the humanistic *codex Groninganus*, unreasonably declared by Lachmann to be the best manuscript of Propertius.

«ХРИСТИАНЕ» КАК ОБОЗНАЧЕНИЕ ПОДДАНСТВА В СРЕДНЕВИЗАНТИЙСКИЙ ПЕРИОД

Резюме. Определение «христиане» изначально прилагалось к совокупности приверженцев христианской религии в противоположность сначала язычникам, а потом «еретикам». Однако с какого-то момента этим словом начинает обозначаться скорее подданство, чем религию.

Ключевые слова: Византия, христиане, подданство, греческий язык, лексическая семантика, средневизантийский период.

Определение «христиане» изначально прилагалось к совокупности приверженцев христианской религии в противоположность сначала язычникам, а потом «еретикам». Однако если присмотреться к реальным контекстам, станет заметно, что с какого-то момента этим словом начинает обозначаться скорее подданство, чем религию. Первоначально два эти значения еще трудно развести: в нескольких текстах VII в. византийцы названы христианами, когда они противостоят аварам и персам: «христианские воины» (Syncell., 82.3), «христианское племя» (Syncell., 93.22). Однако уже в следующем столетии соседство с упоминанием о враге-нехристе перестает быть обязательным: патриарх Никифор пишет, что «дела у христиан пошли совсем плохо (ἐπὶ τοσοῦτο κακώσεως Χριστιανοῖς ἤλασε τὰ πράγματα)» (Nicephor., 3.8–9), что «борьба за власть привела у христиан к гражданской войне» (Nicephor., 61.15–16) и т. д. При таком словоупотреблении становится ясно, что даже когда Никифор использует слово «христиане» в рассказе о взаимоотношениях с языческими соседями, вроде болгар, то слово имеет не религиозную, а гражданскую окраску: это просто «подданные Византии». К примеру, патриарх пишет, что император вызволил от дикарей-славян παρ' αὐτοῖς αἰχμαλωτισθέντας Χριστιανούς (Nicephor., 76.24–25) – он конечно не имеет в виду, что у пленных сначала спрашивали об их религиозных воззрениях. В анонимном сочинении об императоре Льве Армянине применительно к поражению византийцев от болгар написано: «Плача император говорил: Христиане претерпели все это из-за моих грехов» (Scriptor, 339–340, cf. 337–8).

В византийских исторических и политических текстах периода «Темных веков» почти нигде слово «христиане» не имеет религиозной окраски (ср. Theophan. Chron., 354.5; 356.13; 357.27; 358.15; 398.2; 453.3; 479.21; 488.8; 490.25; 491.14–16; 491.29; 493.13; 496.2; 497.7; 500.30; 501.28–31; 502.16; Constantin. De legat., 5.31; Constantin. De insidiis., 189.29; Constantin. De administr., 13.125; Costantin. De them., 10.37; Constantin. Narratio, 64.5; Constantin. Oratio, 31; 68; Constantin. De cerimoniis, 1.43; Genesisius, III.17; 19; IV.14; 15; Georg. Monach., 789.7; 794.18; 815.16; 817.16; 826.22; 873.18; 880.19; 895.9; Symeon Logothet. Chron., 147.6; 202.19; 205.2–8; 212.4; 213.2; 216.19; 231.6; 241.2; 287.21; 294.11; 307.22; Symeon Logothet. Epist. 83.3; Theodor. Daphnopat. Epist.1.69; Pseudo-Symeon, 623.7; 630.17; 664 .17; 717.17; 723.13; 738.1–3; Theophan. Continuat. 51.10; 78.2; 217.14; 218.1; 256.12; 380.11; 388.14; 403.5; 462.9). Это опять же становится понятно в контекстах, когда религиозная принадлежность очевидным образом неактуальна: к примеру, во время сражения с булгарами раненого императора «убили христиане» (Theophan. Chron. 491.26) – нет сомнений, что именно хочет сказать хронист: императора убили «свои». И когда Феофан рассказывает об опасениях, «как бы у христиан не возникла демократия» (Theophan. Chron., 492.27), здесь ни один из терминов не равен самому себе: ведь и под «демократией» следует понимать хаос, и под христианами – ромеев.

Конечно, религиозное значение не исчезало вовсе (ср. Theophan. Chron. 365.26; 501.22; Genesisius, IV.35; Georg. Monach. 801.22; Theophan. Chron. 48.4; 475.8), а в некоторых ситуациях оба значения причудливо переплетены. Скажем, Константин Багрянородный объясняет, почему его предшественник Роман Лакапин выдал замуж византийскую принцессу за болгарского царя: «Он выставил предлогом во-первых то, что благодаря этому поступку множество пленных христиан будет освобождено, а во-вторых, что болгары и сами христиане и наши единоверцы (προβαλλόμενος πρόφασιν, τοσοῦτον πλῆθος αἰχμαλώτων Χριστιανῶν διὰ τῆς τοιαύτης πράξεως ἀναρρῦεσθαι, καὶ τὸ Χριστιανοὺς εἶναι καὶ τοὺς Βουλγάρους <καὶ> ὁμοπίστους ἡμῶν)» (Constantin. 13.159–160, cf. Georg. Monach. 901.2–3; Symeon Logothet. Chron., 312.22–313.2;). Вообще, именно в подобных контекстах наиболее рельефно проявляет себя уверенность византийцев, что

варвар не может быть христианином, ср. «обманув многих варваров и христиан» (Georg. Monach. 784.7)

Наиболее интересным представляются следующие контексты: Петр игумен в сочинении о еретиках-павликианах говорит: «Они называют самих себя христианами, а нас – ромеями (Καλοῦσι δὲ ἑαυτοὺς μὲν Χριστιανούς, ἡμᾶς δὲ Ῥωμαίους)» (Petrus 9.7), Из этой фразы следует, что с точки зрения «православных» определение «христиане» полагается лишь ромеям. Более того, в рассказах о восстании Фомы Славянина те ромеи, которые сохранили верность императору, именуются «христианами» (Georg. Monach. Continuat. 765.20), несмотря на то, что повстанцы, разумеется, также ими были. Отсюда следует, что христианами имели право называться не просто византийцы, а византийцы верноподданные.

Окружающие народы также знали о том, что ромеи именуют себя христианами и что это имеет отношение не к религии, а к подданству. Например, один перебежчик от ромеев к славянам имел у последних прозвище «Христианин» (Theophan. Chron., 436.16) явно не из-за того, что вел среди них религиозную пропаганду, а по причине своего происхождения. Самым же убедительным является свидетельство извне: в грекоязычных болгарских надписях ханы спокойно именуют византийцев «христианами» безо всяких религиозных коннотаций, например, «болгары сделали христианам много добра, а христиане забыли» (Бешевлиев, 133, ср.: 152).

Причиной «слипания» конфессиональной принадлежности с политической была длительная изоляция Византии, явно ощущавшей себя с VII по конец IX в. единственной христианской державой. Однако эта ситуация начала постепенно меняться: во-первых, языческие народы начинали принимать новую религию; во-вторых, смертельная угроза самому существованию Империи, исходившая от язычников-булгар и мусульман-арабов, постепенно отступила; в-третьих, западные христиане все активнее выходили на мировую арену, отчего чувство конфессионального одиночества у ромеев должно было снижаться.

В связи с вышесказанным любопытно проследить, как меняется со временем наполнение термина «христиане» в договорах Руси с греками. Эти тексты, дошедшие до нас лишь в славянском переводе, были, разумеется, составлены изначально по-гречески и хранились в имперском архиве, пока не были в XII в. скопированы и переведены для нужд молодого киевского историописания. Договор 911 г. еще полностью пребывает в

русле того словоупотребления, о котором шла речь выше: текст упоминает «от многих лет межи христианы и Русью бывшую любовь» (ПВЛ, 18) и еще в десятках контекстов под «христианами» подразумеваются исключительно византийцы. Между тем, в следующем договоре (944 г.) ситуация уже совершенно иная: на Руси появились собственные христиане (они, в отличие от языческой Руси, приносят клятву в церкви), а значит, применение слова «христиане» как синонима слова «ромей» может лишь вводить в заблуждение, поэтому такое словоупотребление в договоре отходит на задний план. Уже в XI в. мы встречаем обозначение «христиане» исключительно в религиозно окрашенных контекстах.

Политическое значение вернулось в греческие тексты поздневизантийского периода, когда схизма превратила западных христиан в нехристей в глазах греков, а противостояние османам приобрело для греков характер борьбы за одновременное выживание веры и государства.

Литература

- Бешевлиев – В. Бешевлиев. Първобългарски надписи. София, 1979.
 ПВЛ – Повесть временных лет. СПб., 1996.
 Constantin. De administr. – G. Moravcsik (ed.). Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Washington, 1967. [= Corpus Fontium Historiae Byzantinae 1].
 Constantin. De cerimoniis – J. J. Reiske (ed.). Constantini Porphyrogeniti imperatoris de cerimoniis aulae Byzantinae libri duo. Vol. 1. Bonnae, 1829.
 Constantin. De insidiis – Constantinus VII Porphyrogenitus. De insidiis // C. de Boor. Excerpta historica iussu imp. Constantini Porphyrogeniti confecta. Vol. 3: excerpta de insidiis. Berlin, 1905.
 Constantin. De legationibus – Constantinus VII Porphyrogenitus. De legationibus // C. de Boor (ed.). Excerpta historica iussu imp. Constantini Porphyrogeniti confecta, vol. 1: excerpta de legationibus, pts. 1–2. Berlin, 1903.
 Constantin. Narratio – Constantinus VII Porphyrogenitus. Narratio de imagine Edessena // E. von Dobschütz. Christusbilder. Untersuchungen zur christlichen Legende Leipzig, 1899. [= Texte und Untersuchungen N. F. 3].
 Constantin. Oratio – Constantinus. Oratio ad milites // H. Ahrweiler. Un discours inédit de Constantin VII Porphyrogénète. Travaux et mémoires 2. Paris, 1967.
 Costantin. De them. – A. Pertusi (ed.), Costantino Porfirogenito. De thematibus [Studi e Testi 160]. Vaticano, 1952.
 Genesisus – Josephus Genesisus. Βασιλείαι // A. Lesmüller-Werner, J. Thurn (edd.). Iosephi Genesisii regum libri quattuor Berlin, 1978. [= Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Series Berolinensis 14].

- Georg. Monach. – I. Bekker (ed.), *Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus*. Bonnae, 1838.
- Nicephor. – C. de Boor (ed.), *Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica*. Leipzig, 1880.
- Petrus – Petrus Hegumenus. *Paulicianorum historia brevis* // C. Astruc. *Les sources grecques pour l'histoire des Pauliciens d'Asie Mineure II. Pierre l'Higoumène. Précis sur les Pauliciens*. Travaux et mémoires 4 (1970).
- Pseudo-Symeon – I. Bekker (ed.). *Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus*. Bonnae, 1838.
- Scriptor – *Scriptor Incertus de Leone Armenio* // Leonis Grammatici *chronographia* Bonn, 1842.
- Symeon Logothet. *Epistulae* – J. Darrouzès (ed.). *Épistoliers byzantins du X-e siècle*. Paris, 1960.
- Symeon Logothet. – I. Bekker (ed.). *Leonis Grammatici chronographia*. Bonn, 1842.
- Syncell. – L. Sternbach (ed.). *Analecta Avarica* // F. Makk (ed.). *Traduction et commentaire de l'homélie écrite probablement par Théodore le Syncelle sur le siège de Constantinople en 626*. Szeged, Hungary, 1975. [= *Acta universitatis de Attila Jozsef nominatae. Acta Antiqua et Archaeologica. Tomus 19. Opuscula Byzantina 3*]
- Theodor. *Daphnopat.* – J. Darrouzès, L. G. Westerink (edd.). *Théodore Daphnopatès. Correspondance*. Paris, 1978
- Theophan. *Continuat.* – I. Bekker (ed.). *Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus* [= *Corpus scriptorum historiae Byzantinae*. Bonnae, 1838.

Sergey A. Ivanov. 'Christians' as a designation of imperial subjects in Mid-Byzantine texts

The label 'Christians' was initially applied to groups of devotees as opposed to pagans or, later, heretics. Yet, in the period between the 7th and the 10th centuries, Byzantine authors described imperial subjects as 'Christians' without any religious connotation. When we read in a source that "Christians' affairs went wrong", there are no religious overtones here. Interestingly, when Byzantine chroniclers described the uprising of Thomas the Slav, they applied the label 'Christians' to people who remained loyal to the ruling emperor, though the insurgents were, naturally, Christians as well. This designation emerged when Byzantium, surrounded by non-Christian enemies, regarded itself as the world's only Christian Empire, and it was accepted as a given both in Bulgarian inscriptions and in the first treaty between Byzantium and Rus'. This usage of the word 'Christians' gradually subsided when neighboring "barbaric" countries began to convert into Christianity, the inveterate enemies of Byzantium, the Muslim Arabs, retreated, and Western Christians began to play a more significant role.

С. В. Иванов

К ТИПОЛОГИИ ОШИБОК НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКОГО «СКАЗАНИЯ ОБ АНТИХРИСТЕ»*

Резюме: В статье дан опыт приложения типологии ошибок, разработанной на материале русских переводов греческих текстов, к русскому переводу (предположительно, начала XVII века) с немецкого. Приведены и категоризированы примеры различных переводческих ошибок, а также обсуждаются некоторые дополнительные типы, выделенные на основе исследованного материала.

Ключевые слова: русские переводы XVII века, Сказание об Антихристе, переводы с немецкого, типология ошибок; Russian translations of the 17th century, Antichrist-Bildertext, translations from German, typology of errors.

В одной из своих работ Фр. Томсон (Thomson 1988) приложил к славянским переводам с греческого типологию ошибок, разработанную Лундстрёмом для латинских переводов греческих текстов. В данной работе мы рассмотрим возможность применения этой типологии к русскому переводу с немецкого. Материалом послужит русский перевод немецкого «Сказания об Антихристе». В основу перевода легли немецкие издания конца XV века: остается открытым вопрос, были ли это ксилографические или первопечатные издания, но в любом случае они датируются 1460-ми – 1480-ми гг. Оригинал представляет собой описание жизни Антихриста и его гибели с дополнением, описывающим 15 знамений пред Страшным Судом. Как нам удалось установить, существует два списка полного русского перевода этого «Сказания» в рукописях XVII века: это рукописи РНБ Q.I.1013 (далее – А) и Q.I.1007 (далее – В)¹. Эти списки в

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-04-00217а.

¹ Здесь мы ограничимся только самыми краткими сведениями о рукописной традиции этого перевода. В данный момент нами подготовлена к публикации статья, в которой подробно разбираются эти и другие вопросы. Об особенностях древнерусских переводов существует обширная литература, из которой в первую очередь следует упомянуть

ряде мест различаются между собой и дают прекрасную возможность рассмотреть работу редакторов текста, так как несомненно, что первоначальный перевод по крайней мере в одном из этих списков подвергся редактуре. Перевод носит достаточно буквальный характер, и это также облегчает задачу сопоставления перевода с оригиналом и выявления отклонений от буквы или смысла подлинника.

Важно принять во внимание, что, естественно, следует разграничивать собственно переводческие ошибки, возникающие при переводе иноязычного текста, и ошибки, возникающие в ходе дальнейшей трансмиссии перевода. В связи с этим весьма важное значение приобретает вопрос о соотношении двух наших списков: какой из них ближе к пра-переводу. Мы полагаем, что редактор варианта перевода, дошедшего до нас в списке (В), пользовался как немецким оригиналом, так и каким-то вариантом перевода, представленного в списке (А). Этим объясняется, в частности, тот факт, что нередко явная переводческая ошибка, имеющаяся в списке (А), отсутствует в списке (В). На наш взгляд, это говорит о том, что редактор списка (В) правил текст перевода, сличая его с оригиналом². Наличие двух списков перевода, один из которых носит явные следы редакторской правки, как мы уже отмечали, часто помогает лучше понять принципы перевода и переводческую технику, но ставит и сопутствующие вопросы, которые должны разрешаться применительно к каждому случаю разночтения. Мы должны предполагать ряд промежуточных стадий, отделяющих список (А) от первоначального перевода, так как в некоторых местах списка (А) имеются ошибки, явно возникшие в результате деятельности переписчиков; с другой стороны, и в списке (В) мы вряд ли имеем первоначальный редакторский вариант. Поэтому для каждого примера на ту или иную переводческую ошибку следует проводить дополнительный анализ, учитывая как вероятность принадлежности данной ошибки первоначальному переводу и (при наличии) редакторскую правку списка (В), так и

недавние работы А. А. Пичхазде (см., напр., 1998) и А. А. Алексеева (1999, особенно глава 3). См. также библиографию в этих работах.

² Подробнее этот вопрос обсуждается в упомянутой нами статье. Мы указываем для каждого примера все разночтения между (А) и (В). В тех случаях, когда расхождений не наблюдается, мы даем перевод без указания на список.

вероятность искаженной передачи текста (особенно в списке (А)) при рукописной трансмиссии. Кроме того, поскольку редактор варианта списка (В) в ряде мест выступает в качестве полноправного переводчика оригинала, соответственно, предлагаемые им варианты, если содержат ошибки, должны считаться такими же переводческими ошибками, как и те, которые следует относить к первоначальному переводу.

Следующий момент, заслуживающий отдельного обсуждения, заключается в том, что, по мнению Ф. Томсона (1988: 355), «грецизмы и кальки, как лексические, так и семантические, сами по себе не являются ошибками». Мы выделяем некоторые подобные случаи в особую категорию, поскольку, как нам представляется, для нашего перевода вполне можно установить, когда калька вызвана необходимостью (отсутствием слова / понятия в русском языке), а когда невниманием или оплошностью переводчика³.

Вслед за Лундстрёмом Томсон выделяет 25 типов переводческих ошибок. Мы не будем приводить их полный перечень, но сохраним порядковые номера, под которыми они значатся в списке Томсона. Примеры из нашего текста мы даем со сквозной нумерацией; если один и тот же отрывок содержит ошибки, попадающие в разные категории, мы каждый следующий раз приводим этот отрывок полностью под номером, присвоенным ему при первом упоминании. Для каждого примера мы будем приводить соответствующее место оригинала (в нашей транскрипции) и два варианта перевода: списка А и В (кроме тех случаев, естественно, где их чтения совпадают)⁴. Если немецкий текст не вполне понятен и неверно переведен в обоих списках, мы даем перевод отрывка на современный русский язык. Далее мы разберем ошибки нашего перевода, недвусмысленно подпадающие под известные типы, и в конце рассмотрим спорные и неясные случаи. Значения немецких и русских лексем проверялись по изданиям *Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm (DWB)*⁵, *Словарь русского языка XI–XVII вв.* и,

³ Относительно синтаксических калек см. Thomson, 357 с библиогр.

⁴ Русские переводы мы даем в упрощенной транскрипции, достаточной для целей настоящей статьи.

⁵ Неоднократно переиздавался. Нами использовано издание Leipzig, 1854, представленное в виде электронного ресурса на сайте <http://www.woerterbuchnetz.de/DWB>.

для тех слов, которые еще не вошли в этот Словарь, «Материалы» И.И. Срезневского (Срезневский 1893–1912).

5. Утрата буквы

(1) spricht also: billich glichet man den Endkrist der slangen

гласит так: справедливо уподобляют антихриста змее

(А) «глаголетъ сице, удобнѣе уподобляя аньтихриста змѣю»

(В) «глаголетъ, яко приточне уподобляетъ аньтихриста змѣю»

Здесь нем. *also* верно передано в (А) наречием *сице*, но в (В) появляется союз *яко*, очевидно, вследствие неправильного прочтения *also* как *als*.

(2) fünfzehnen zeichen geschehen sollen

пятнадцать знаменей должны случиться

(А) «пятнадесять знаменія увѣдѣтисѣя должни»

(В) «пятнадесять знаменія увидѣтисѣя должни»

В списке (В) *geschehen*, по-видимому, неверно понято как *gesehen*. Однако возникает два вопроса. Во-первых, следует ли относить данный пример именно к типу утраты буквы (в данном случае двух), а не, скажем, к типу 12 «смешение сходных слов» (см. ниже). То же самое, впрочем, относится и к предыдущему примеру. Подробнее о сложности проведения разграничения между различными категориями в типологии ошибок мы будем говорить далее. Во-вторых, не вполне ясно соотношение между (А) *увѣдѣтисѣя* и (В) *увидѣтисѣя*. Однако скорее всего, вариант (А) возник вследствие ошибки переписчика (см. аналогичную ошибку в примере (38)).

9. Ошибки вследствие «правки»

(3) in der glosz

(А) «в логозѣ»

(В) «во глозѣ»

В эту категорию попадают случаи, когда «переводчик, по-видимому, принимает неизвестное слово за ошибку и “исправляет” его на какое-либо другое слово» (Thomson 1988: 363). Здесь, как мы видим, в списке (А) явно было непонято слово *glosz*, которое было заменено на слово *логосъ*. В списке (В) этой ошибки нет.

10. Ошибки в именах собственных

(4) dem kunig von Moren land

(А) «царю мереньские и индииские земли»

(В) «царю мореньския земли»

(5) der kunig von Moren land

«царь мореньские земли»

В обоих этих примерах неправильно передано *Moren land* 'земля мавров'; в результате получилось обозначение *мереньская / мореньская земля*, которое, вероятно, казалось неверным уже переводчику (и / или переписчикам текста), поскольку в примере (4) списка (А) появляется обозначение *мереньские и индииские земли*, где вторая часть, скорее всего, является пояснением (отметим, также неверным), возникшим либо из инкорпорированной глоссы, либо из дублирующего перевода (другие подобные примеры см. ниже).

11. Неправильно понятая диакритика

(6) und wie er den über vierley lütt in vierley wisz richten wirt; die selben vier wisz und vierley lüt werden in zwen weg end nemen

И он рассудит затем четыре рода людей четырьмя способами, и те четыре способа и четыре рода людей примут конец двумя путями

(А) «и како он различными гласы и различными чинми судити будеть, тѣже различные чины и разные глосы будут двема пути конець прияти»

(В) «и како он четыремь людемь гласы четырма чинми судити будуть, тѣже четыре чины и четверы люди будут двема пути конець прияти»

В данном случае нас интересует передача *lütt / lüt* 'Leute, люди'. В списке (В) дается верный перевод, но в списке (А) это слово последовательно переводится как *гласы (глосы)*. По всей видимости, это переводческая ошибка, проистекающая из смешения *lütt* 'Leute, люди' и *lüt* 'Laut, звук'. Хотя на письме *ü* часто передавалось как *и* без диакритики, причина ошибки лежит, очевидно, именно в неразличении переводчиком *ü, ï, û*, и *и*. Отметим в (В) следы дублирующего перевода: *четыремь людемь гласы*.

12. Смешение сходных слов

(6) und wie er den über vierley lütt in vierley wisz richten wirt; die selben vier wisz und vierley lüt werden in zwen weg end nemen

В той же фразе, которая только что рассматривалась выше, мы находим пример смешения сходных слов. Здесь в списке (А) *vierley* последовательно переводится как *различные, разные*. Объяснить это можно только тем, что переводчик смешал нем. слова *vierley* и *vielerley*. Кроме того, вероятно, по инерции словосочетанию *die selben vier wisz*, где *vier* в общем не допускает двойкой интерпретации, также дается перевод *тѣже различные чины*. Опять же заметим, что в (В) эта ошибка исправлена.

(7) und die erd wirt luter als der cristall

(А) «и земля будеть сквозь видима звонка, яко кристаль»

(В) «и земля будеть чиста, яко кристаль»

Колебания в переводе относятся к форме *luter* ‘чистый, ясный’. В списке (В) это слово переводится правильно, в то время как в (А) содержится явно дублирующий перевод *сквозь видима звонка*, где *звонкий*, скорее всего, появилось вследствие смешения нем. *lauter* и *laut* ‘звонкий, громкий’, а первая часть *сквозь видима*, вероятно, является дублирующим переводом по контексту

(8) ungerad

«несмыслень»

ein geradener mensch

«смыслень человекъ»

Эти два примера следуют практически один за другим, и поэтому мы решили объединить их под одной рубрикой. Значение, передаваемое словами *смыслень* и *несмыслень* не зафиксировано у слова *gerad / ungerad* ‘прямой / не прямой, согбенный’. С другой стороны, оно имеется у нем. *ungerat(h)en* (см. DWB); вероятно, переводчик спутал похожие немецкие слова.

(9) menigklich

(А) «мниси»

(В) «прочие люди»

Нем. слово *menigklich* (*männiglich* ‘прочие, остальные’) неверно переведено в списке (А) как *мниси*, возможно, по аттракции с нем. *mönchlich*, ср. форму *tonglich* (DWB).

(10) [des Enndkristis vatter] wirbet umb synn lipliche dochter in ûppickeit

[отец антихриста] в похотливости [своей] домогается своей родной дочери

(А) «[антихристовъ отецъ] извѣщаетъ о нечистотѣ своая любимыя дщери»

(В) «[антихристовъ отецъ] бесѣдует о нечистотѣ своая плотския любимыя дщери»

Здесь интересен перевод нем. *lipliche*: в списке (А) дается вариант *любимыя (дщери)*, тогда как в (В) приводится, очевидно, дублирующий перевод *плотския любимыя (дщери)*. Судя по всему, редактор (переводчик) колебался между двумя интерпретациями формы *lipliche*, которую можно воспринимать либо как форму от *leiblich* ‘плотский, телесный’, или от *lieblich* ‘любимый’. В принципе, написание оригинала допускает обе трактовки. В любом случае, вариант (А) выбран неверно, так как из контекста явствует, что речь идет именно о «плотской, родной» дочери.

13. Ложная этимология

(11) *verheist und verführt ouch die lüt in virerley wisz*

привлекает к себе обещаниями и соблазняет людей четыремя способами

«призоветъ и губит люди четырьми чинми»

Глаголу *verheist* ‘обещает’ приписано значение *призоветъ*, по-видимому, в результате ложной этимологии: переводчик, не зная этого слова, опирался на известное ему слово *heissen* ‘звать, призывать’ и т. д.

(12) *alwegen*

(А) «всюду»

(В) «вездѣ»

Наречию *alwegen* ‘всегда, постоянно’ придано пространственное значение, видимо, вследствие этимологизации (к *Weg* ‘путь’).

(13) *Der kunig von Libie wil nit willig sin an den Enndkrist zû gelouben*

(А) «Царь ливийский повелѣнь быти во антихриста вѣровати»

(В) «Царь ливийский не восхотѣ поволень быти во антихриста вѣровати»

В данном случае вся конструкция *wil nit willig sin*, как видно, вызвала затруднения у переводчика (редакторов). Вариант (А) вообще опускает *не восхотѣ*, но это, вероятно, следует отнести к ошибкам переписчика. В обоих вариантах *willig sin*, как бы ни понимать смысл оригинала (‘не готов уверовать’ или ‘не хочет

уверовать'), явно ошибочно переведено *повелѣнь / поволень быти*, вероятно, вследствие этимологизации (*willig ~ Wille* 'воля'). Определенную роль могла сыграть и аттракция по сходству немецкого и русского слов (*willig ~ воля ~ поволень*).

(14) in den landen, dorynn der Enndkrist obgelegen ist

в тех землях, где властвовал антихрист

(А) «в земли той, идѣже антихристь положень»

(В) «в землях, идѣже антихристь лежит»

Явно переводческая ошибка, поскольку *obgelegen ist* (от *obliegen* 'иметь верх, побеждать, (здесь) властвовать', см. DWB *obliegen* 2) неверно передано в обоих списках, очевидно, по аналогии с *liegen / legen* 'лежать / класть'.

(15) und fürcht in begriff der Jungstag uff dem vellede

и боится, что Судный день застанет его на поле

(А) «и убоятся нятства судный день на полѣ»

(В) «и убоятся, да яко постижет его юностьный день на полѣ»

Здесь нас интересует перевод глагола *begriff*. Список (В) дает верную интерпретацию, но в (А) мы видим сразу несколько ошибок, одна из которых подпадает под данную рубрику. Во-первых, глагол *begriff* понят как существительное и, соответственно, переведен как *нятство*, видимо, по этимологическому толкованию *Begriff ~ begreifen* (в частности) 'хватать, ять'.

(16) Michahel schlach in zû tod, wan ich wil des unrechten nit lenger vertragen

Михаил, убей его, ибо я не хочу долее терпеть несправедности

(А) «Михаиль убьет его, и аз того не исправлень, а не хочу далече преднести»

(В) «Михаиль убьет, зане аз неправеднаго не хочу дале пустити»

В списке (А) обнаруживаются сразу две ошибки, связанные с ложной этимологией. В принципе весь контекст перевода говорит о том, что в этом варианте текст был либо крайне испорчен при переписке, либо переводчик (редактор) совсем не понял смысл оригинала. По крайней мере, похоже, что *не исправлень* дано как перевод *unrechten* по ошибочной этимологизации (*recht* 'правый' с отрицанием *un-* 'не'), а в случае с глаголом *vertragen*, по-видимому, мы имеем дело с двойной ошибкой: *vertragen* было прочитано как *vortragen*, а ему был дан неверный этимологический перевод *преднести* (*vor ~ пред, tragen ~ носити*). Отметим, что в списке (В) дан в принципе

верный перевод этого отрывка, если принять *пустити* в значении «попустить, попускать».

14. Ошибочные допущения

(17) Das geschicht dan von gottes usserwelten wegen
это произойдет ради избранных господних
«сие устроение есть божие»

К данному типу относятся случаи, когда, встретив незнакомое слово, переводчик дает перевод, опираясь на контекст. Видимо, мы имеем дело именно с таким примером, где переводчик не смог понять смысла *von gottes usserwelten wegen* и прибег к контекстуальной замене, неправильно передающей смысл оригинала.

(1) spricht also: billich glichet man den Endkrist der slangen
гласит так: справедливо уподобляют антихриста змее
(А) «глаголетъ сице, удобнѣе уподобляя аньтихриста змѣю»
(В) «глаголетъ, яко приточне уподобляетъ аньтихриста змѣю»

Пример разбирался выше. Здесь нас интересует перевод слова *billich*. В списке (В) перед нами явно результат редакторской правки. По-видимому, переводчику (редактору) показался бессмысленным вариант (А), где *billich* верно переводится как *удобнѣе* ‘подходяще, справедливо’, и, отталкиваясь от контекста, он заменил его на *приточне* ‘иносказательно’.

(18) würt der Enndkrist sich under stan der unkeüsch und unordenlicher lieb der frowen

здесь обратится антихрист к распутной и развратной любви с женщинами

(А) «будеть антихристь изобрѣсти нечистоты и бесчисленныя любы женьския»
(В) «будеть антихристь избран нечистоты и бещиния любы женьския»

В обоих списках *sich under stan* (от *sich unterstehen*, в данном случае ‘позволять себе, иметь наглость, дерзость’, см. DWB *unterstehen* А II 1с) переводится с помощью форм от глагола *изобрѣсти* ‘найти; получить; придумать’, явно не передающем смысла оригинала. Скорее всего, переводчик не знал значения *sich unterstehen* и опирался на контекст. Кроме того, отметим, что перевод *unordenlicher* как *бесчисленныя* в списке (А), если не является ошибкой переписчика (ср. верный вариант списка

(В) *бещиня*), то также, по-видимому, относится к числу ошибочных допущений.

(19) Nye predigt der prophet Helias wider den Enndkrist der heiligen kristenhait

(А) «проповѣдаетъ Илия пророкъ предъ антихристомъ святое християньство»

(В) «проповѣдаетъ Илия пророкъ супротив антихриста святое християньство»

В списке (А) сложно объяснимая ошибка, связанная с переводом предлога *wider* как *предъ*; список (В) дает правильный вариант. Вариант списка (А) вряд ли может объясняться ошибкой переписчика, поэтому мы предполагаем, что в данном случае редактор (переводчик) по каким-то причинам прибег к контекстуальному переводу.

(20) das er des ersten under sich bringet dise noch geschriben dry kung

что он подчинит себе первыми этих трех ниже перечисленных царей

(А) «се он и первое под себе привель се послѣ написанные три дѣла»

(В) «се он и первое под себе приведетъ сие послѣ написанные три дѣла»

Сложности в переводе вызвало слово *kung* ‘König, царь’. Отнесение этой ошибки к данной категории ошибочных допущений условно, поскольку не вполне понятно, чем она была вызвана. Из общего контекста оригинала совершенно очевидно, что речь идет именно о трех царях, поэтому чем именно руководствовался переводчик, переводя *kung* как *дѣла*, не ясно. Возможно, он прочитал или спутал немецкое слово с *Ding* ‘вещь, дело’, и тогда эту ошибку следует отнести к типу 12 «Смещение сходных слов», но это предположение маловероятно, так как а письме *kung* и *ding* все-таки довольно сильно отличаются. С другой стороны, остается возможность, что экземпляр оригинала, которым пользовался переводчик, был испорчен именно в этом месте (первые две буквы в слове *kung*), и поэтому он был вынужден восстанавливать чтение по контексту, предложив свой вариант.

(21) do von wirt ein grosz getōn

(А) «и от того будет великъ вопль»

(В) «и от того будет велика гроза»

В списке (В) нем. *getōn* ‘звук, шум’ передано как *гроза*; вариант (А) ближе к смыслу оригинала. По-видимому, (В) дает перевод по контексту.

15. Намеренные опущения

(22) mit den andern hornen tût er andern dingen ouch schaden

другими рогами причиняет ущерб также другим вещам

(А) «другими роги творить шкоты»

(В) «прочими роги творить онъ инымъ вещемъ шкоты»

К этому типу относятся те случаи, когда переводчик намеренно выпускает слово или фразу оригинала. Однако, как отмечает Томсон (1988: 367), зачастую невозможно определить, было ли опущение преднамеренным или же явилось следствием, скажем, недобросовестности переводчика. В данном случае мы видим пример, допускающий двойную интерпретацию: в списке (А) опущен перевод *andern dingen* (в списке (В) *инымъ вещемъ*), но совершенно неясно, имеем ли мы дело с ошибкой переписчика, или же следует предположить, что переводчик (редактор) списка (А) осознанно оставил фразу без перевода, потому что не понял ее смысла. Это допущение выглядит вполне вероятным, так как фраза не вполне прозрачна и в оригинале.

(23) den vor ny gewesen noch geschehen ist

какой никогда прежде не бывало и не случалось

(А) «якова же прежде не бысть»

(В) «якова же прежде не бѣ»

Здесь, скорее всего, речь идет именно о намеренном пропуске, обусловленном избыточностью (тавтологией) оригинала, но остается вопрос, считать ли такие варианты перевода ошибкой.

(24) darzû so beschribt ouch sant Jheronimus nit

об этом святой Иероним также не пишет

«о семъ такоже пишеть иероним»

Строго говоря, этот случай не подпадает под определение категории, так как опущение отрицания, меняющее смысл всей фразы, конечно же, не может быть преднамеренным. С другой стороны, поскольку это явно переводческая ошибка, отраженная в обоих списках, мы приводим этот пример в данном разделе.

(25) Der Enndkrist erstet an dem dritten tag

Антихрист восстанет на третий день

«Антихристь паки от мертвыхъ востанеть»

Здесь как раз мы видим пример очевидного недосмотра переводчика, опустившего в переводе *an dem dritten tag*, но

опять же, поскольку это явная ошибка, мы перечисляем ее наряду с остальными.

(26) durch die kraft des teufls, der in füret und erfullet alles ubels und aller posheit

силой дьявола, который его ведет и наполняет всяким злом и нечестием

«силою дияволею, иже исполненъ всякого беззакония и лукавства»

Намеренно ли была опущена фраза *in füret* или нет, результатом стало явное искажение смысла оригинала: утрата анафорического местоимения *in* ‘его’ (т. е. Антихриста) привела к переоформлению всего относительного предложения, которое оказалось соотнесено не с Антихристом, которого ведет и наполняет злом дьявол, а с самим дьяволом. Вследствие этого была перетолкована и форма *erfullet* – форма активного залога в оригинале, она превратилась в пассивную в переводе.

16. Неверный выбор значения многозначного слова

(27) uf die wort

«надъ сими словесы»

В этом примере предлог *auf* переведен в пространственном значении *надъ*, тогда как в оригинале он употреблен во временном значении ‘после’.

(28) das bûch der tugent

«книга сил»

(29) in dem bûch der tugend

«въ книзѣ сил»

(30) er würt aller untugent und bosheit vol

он будет исполнен всяких пороков и нечестия

«будеть всякихъ злыхъ силъ и лукавства исполненъ»

Во всех трех предыдущих примерах неверному истолкованию подверглось слово *tugend*. Русский текст последовательно дает перевод *сила*. Значение ‘сила, могущество, мощь’ действительно имелось у *tugend* (см. DWB *tugend* I), однако очевидно, что в оригинале оно употреблено в значении ‘добродетель’ (DWB *tugend* III). Интересен пример (30), где неправильный выбор значения слова *tugend* повлек за собой неверную интерпретацию производного *untugent* ‘нечестие’ как *злыхъ силъ*, где слово *злой* использовано для передачи форманта *in-*.

(31) rüget ein brüder den andren und ein schwester die ander
обвинит брат брата и сестра сестру

(А) «повѣдаетъ брат брату и сестра сестрѣ»

(В) «оклеветать брат брата и сестра сестру»

В списке (В) глаголу *rügen* приписано значение ‘клеветать, ложно обвинять’, в принципе соответствующее основному значению глагола *rügen* (DWB *rügen* 1,2), который, впрочем, не имеет коннотации именно с ложным обвинением. С другой стороны, список (А) ошибочно берет за основу далеко не основное значение глагола ‘извещать, оповещать, делать известным’ (DWB *rügen* 4), а это, в свою очередь, приводит к смене управления: *den andren* и *die ander* вместо вин. п. переводятся дательным *брату* и *сестрѣ*.

(32) allen menschen die zû der zyt in leben sint zû einer warnung
всем людям, которые будут жить в то время, [это служит]
предостережением

«всѣмъ человекомъ, в то время живымъ сущемъ, соблюдение»

Нем. *warnung*, которое в оригинале использовано в значении ‘предостережение’, переводится как *соблюдение* (ср. DWB *warnung* 4 ‘schutz, schirm, sicherung’) с утратой предлога.

(33) Und het sich do usgeben er sy heilig
и там выдавал себя за святого

(А) «и повѣдая пред собою, яко онъ есть»

(В) «и повѣдает собѣ, яко онъ есть святъ»

Слово *святъ* пропущено в списке (А) явно по писцовой оплошности. Нас в данном случае интересует перевод *sich usgeben* ‘выдавать себя за кого-л.’ Следует отметить, что глагол *ausgeben* входит в сочетания с существительными, обозначающими слова, речь и т. п., например, *Worte ausgeben*, и тогда такое сочетание означает ‘произнести, поведать, сказать’. Вероятно, переводчик ориентировался именно на это контекстуально обусловленное значение, не приняв во внимание то, что перед ним совсем другой контекст.

(10) [des Enndkristis vatter] wirbet umb synn lipliche dochter in ûppickeit
[отец антихриста] в похотливости [своей] домогается своей родной
дочери

(А) «[антихристовъ отецъ] извѣщаетъ о нечистотѣхъ своя любимыя
дщери»

(B) «[антихристовъ отецъ] бесѣдует о нечистотѣ своая плотския любимыя дщери»

Мы вернемся к примеру (10), который уже обсуждали выше в связи со смешением сходных слов. Здесь мы обратим внимание на перевод *wirbet umb*. DWB действительно фиксирует у глагола *werben* значение ‘беседовать с кем-либо, *conversari*’ (*werben* I C w. mit ‘*verkehren mit jem.*’), но с предлогом *um* он имеет совершенно другой смысл ‘домогаться, *sich um eine frau bemühen*’ (*werben* II B1), который, очевидно, и подразумевается в данном контексте. Заметим, что вариант (A) *извѣщаетъ* дальше отстоит от смысла оригинала, чем (B) *бесѣдует*.

(34) Des ersten prechen die roten Juden usz

(A) «и наихъпервие чермныхъ иудеи воспустят»

(B) «и наипервие чермныхъ июдѣов выпустят»

Этот случай, собственно говоря, может подпадать под определение как лексической, так и синтаксической ошибки, поскольку возможность неправильного истолкования глагола *ausbrechen* основывается скорее не на лексическом его значении, а на модели управления. В оригинале он употреблен явно в непереходной конструкции и с соответствующим значением ‘вырваться, прорваться’, но в переводе *воспустят / выпустят* он ошибочно дан в транзитивной ипостаси (ср. DWB *ausbrechen* 12), что потребовало изменения в падежном оформлении существительного (с им. п. на винительный).

17. Искаженный или неверно прочтенный текст оригинала

(1) spricht also: billich glichet man den Endkrist der slangen

гласит так: справедливо уподобляют антихриста змее

(A) «глаголетъ сице, удобнѣе уподобляя аньтихриста змѣю»

(B) «глаголетъ, яко приточне уподобляетъ аньтихриста змѣю»

(35) Ouch glechet man billich den Enndkrist der slangen coluber

(A) «Такоже уподобляетъ удобно антихриста змѣю колуберу»

(B) «Такоже уподобляетъ лѣто антихриста змѣю колуберу»

(36) enwürt geben alles, des man sy fragt

отвечать на все, что у него спрашивают

«отвещевати всѣмъ вопрошающим его»

Мы помещаем в эту категорию ошибки, явно относящиеся в области синтаксиса в целом, которые не попадают в предло-

женные Томсоном типы. Как мы увидим, во многих случаях речь идет не об искажении или неверном прочтении оригинала, а о непонимании синтаксических конструкций. Так, предыдущие три примера (один из которых мы обсуждали уже в самом начале) объединяются неправильной передачей немецкой безличной конструкции с *man*. В однотипных примерах (1) и (35) безличность никак не передается, из-за чего создается впечатление, будто глагольные формы *уподобляя* / *уподобляет* относятся к субъекту, упомянутому ранее в тексте, что не соответствует действительности. Благодаря этому, в частности, в примере (1) исчезает прямая речь. В примере (36) непонимание этой конструкции привело к полному переосмыслению оригинала и неверной интерпретации местоимений *alles* и *des*.

(37) Und die juden sprechen ir got sy kumen

и иудеи говорят, пришел их Бог

(А) «иудеи рекут его бога быти пришедша»

(В) «иудеи рекут своего бога быти пришедша»

Переводчик опять, как и в примере (1), столкнулся со сложностями при передаче речи, на сей раз косвенной. В результате в переводе получилось что-то вроде конструкции *Accusativus cum Infinitivo*, которая в принципе отражает смысл оригинала, но производит впечатление кальки, хотя ей и не является. Нем. форма сослагательного накл. *sy* переводится, как если бы на ее месте стоял инфинитив *sein*, а инфинитив *kumen* как причастие, в обоих списках им. п. *got* передан как винительный (что, в общем, можно было бы объяснить омонимией падежных форм в немецком), а в списке (А), кроме того, притяжательное местоимение *ir* переведено как личное *его* (возможно, из-за смешения *ir* и *ihn* / *in*).

(38) Und wie in die behalten sehen als got und menschen, aber die verdampften sehen in nit anders den allein als einen menschen

и если спасенные видят Его как Бога и человека, то осужденные видят его только как человека

(А) «и како его вспомнѣть вѣдѣще яко бог и человекъ»

(В) «и коего спасение узрѣть яко бога и человекѣка, а осужденныя възрѣть не инако токмо яко человека»

В списке (А) текст явно искажен; не ясно, относить ли это искажение на счет переводчика или переписчика. В любом случае, здесь налицо целая гроздь ошибок разного типа. Во-первых, нем. существительное *die behalten* ‘спасенные’ принято

за глагол, которому приписано значение ‘вспоминать’ (ср. DWB *behalten* 8: *memoria retinere*). Кроме того, *sehen* передано как *вѣдяще*, но, возможно, это погрешность писца, вставившего *ѣ* вместо *и* (ср. аналогичную ошибку в примере (2)). И, наконец, опущена вся следующая фраза *Aber die verdampften sehen in nit anders den allein als einen menschen*. Относительно списка (B) стоит отметить, что форма *спасение* вполне может являться вариантом написания сущ. *спасенные*, и тогда никакой ошибки здесь не наблюдается.

(39) *Der Enndkrist hat bey im meister, die in lerent gold machen*

(A) «Антихристь бѣ у магистра, иже учить его злато неражати»

(B) «Антихристь иматъ у себя бѣ у магистровъ, иже учать его злато наряжати»

Переводчик неверно понял притяжательную конструкцию оригинала и передал ее с зеркально противоположным смыслом. В оригинале речь идет о том, что «учители были у Антихриста», а в переводе получилось, что он был у них. Следует учесть, что в списке (B) дан дублирующий перевод, отражающий как ошибочную, так и правильную интерпретацию конструкции: *иматъ у себя / бѣ у*.

18. Ошибки в омонимичных грамматических формах

(40) *in aller der mosz, als ob er wer drysig ior alt oder in dem alter, als Cristus was*

(A) «во всемъ возрастомъ, яко бяше 30 лѣт или старее, яко христоръ бѣ»

(B) «во всѣхъ удех аки 30 лѣт или в томъ возрасте, яко христоръ бѣ»

Здесь стоит отметить явно контекстуальный перевод выражения *in aller der mosz* (A) *во всемъ возрастомъ*, (B) *во всѣхъ удех*, но главное – неверный перевод сущ. *der Alter* ‘возраст’ в списке (A), где эта форма спутана со сравнительной степенью прилагательного *alt* ‘старый’.

19. Неверная референция местоимений

Ошибки в употреблении местоимений мы уже рассматривали выше, поэтому ограничимся отсылкой к соответствующим примерам (36), (37) и (39), а также см. ниже пример (43).

21. Неправильный перевод падежных окончаний

(20) Nye predigt der prophet Helias wider den Enndkrist der heiligen kristenhait

проповедует пророк Илия против антихриста святому христианству

(А) «проповѣдаетъ Илия пророкъ предъ антихристомъ святое християнство»

(В) «проповѣдаетъ Илия пророкъ супротив антихриста святое християнство»

(41) Nye predigt der ander prophet Enoch der kristenheit

«проповѣдает второи пророкъ Енох християнство»

(42) Mer einer des Enndkrisz pot predigt der Cristenhait

«Но иныи посоль антихристовъ проповѣдаетъ християнство»

Все три приведенных выше примера (один из них мы обсуждали ранее), как легко можно заметить, весьма схожи между собой и содержат одинаковую ошибку: в оригинале стоит дат. падеж, «проповедует святому христианству», то есть, «христианскому миру», но в переводе он передан винительным падежом, в результате произошло изменение смысла. Обратим внимание, что эти примеры в принципе схожи с примерами из типа 14 «Ошибочные допущения»: здесь, как и там, переводчик, по видимому, переосмыслил оригинал, опираясь на контекст и предложив лучшее, на его взгляд, прочтение, поскольку спутать дательный падеж с винительным в данном случае довольно сложно.

22. Ошибки в формах числа

(43) Ein ander des Endkrist pot predigt dem kung von Libie und den sinen von sinem got messias, das er an in geloub

второй посол антихриста проповедует царю Ливии и его [людям] о своем боге [и] мессии, чтобы он в него уверовал

«Иныи посоль аньтихристовъ проповѣдаетъ царю ливиискому и всѣмъ его суцим о своемъ бозе мессии, дабы они в него вѣровали»

Здесь нас интересует передача местоимения *er* как *они*, повлекшая за собой и изменение в глагольной форме. В оригинале *er*, несомненно, относится к «ливийскому царю», тогда как в переводе фраза *дабы они в него вѣровали*, очевидно, к его народу (*den sinen* ~ *всѣмъ его суцим*). Ошибка в форме числа местоимения, как мы видим, тесно смыкается с типом 19 (неверная референция) и, вероятно, 14 (ошибочные допущения),

поскольку нельзя исключать, что переводчик в данном случае сменил число, исходя из соображений общего контекста.

(44) Der Enndkrist heist sich die tüfel uff füren

(А) «Антихристъ повелить дияволу вознести себе горѣ»

(В) «Антихристъ повелить дияволомъ вознести себе горѣ»

В списке (А) явная ошибка, которой нет в списке (В): *дияволу* вместо *дияволомъ*. Остается только гадать, была ли эта ошибка в первоначальном переводе или же ее нужно относить на счет переписчика (редактора) списка (А), возможно, избравшего такой вариант из каких-то общих соображений.

(39) Der Enndkrist hat bey im meister, die in lerent gold machen

(А) «Антихристъ бѣ у магистра, иже учить его злато неражати»

(В) «Антихристъ имать у себя бѣ у магистровъ, иже учать его злато наряжати»

Данный пример мы обсуждали выше в связи с неверным переводом притяжательной конструкции. Здесь обратим внимание на то, что в списке (А) допущена ошибка в переводе формы *meister*. Несмотря на омонимию форм множественного и единственного числа у этого существительного, неоднозначность снимается последующими формами мн.ч. *die* и *lerent*, однако список (А) последовательно заменяет формы мн. ч. на единственное. Этой ошибки нет в списке (В).

(14) in den landen, dorynn der Enndkrist obgelegen ist

(А) «в земли той, идѣже антихристъ положень»

(В) «в землях, идѣже антихристъ лежит»

Этот пример также был приведен для демонстрации неверной этимологии (тип 14). В данном случае нас интересует вариант (А), где нем. *in den landen* неверно переведено формой ед. ч. *в земли той*. В списке (В) дан верный перевод.

(15) der buman sins pflüges, sins vieches und syner kleider uff dem felld vergisst und heim loufft und fbrcht, in begriff der Jungstag uff dem vellde
крестьянин забывает свой плуг, свой скот и свои одежды на поле и бежит домой и боится, что Судный день застанет его на поле

(А) «селянинъ оряи свои плуг и свои скоть и своя ризы на полѣ забудеть и в дом притечет и убоятся нятства судный день на полѣ»

(В) «ратаи оряи свои плуг и свои скоть и своя ризы на полѣ забудеть и в дом притечет и убоятся, да яко постижет его юностьный день на полѣ»

Этот пример разбирался выше, но здесь мы приводим более обширный контекст, поскольку это необходимо для понимания сути допущенной ошибки в передаче числа. Собственно, это касается формы *förcht*, которая неверно передана в обоих списках с помощью мн. ч. *убоятся*. С другой стороны, поскольку все остальные глагольные формы верно переданы единственным числом, остается вероятность, что перед нами не переводческая, а писцовая ошибка.

25. Ошибки в наклонении

(16) Michahel schlach in zû tod, wan ich wil des unrechten nit lenger vertragen

Михаил, убей его, ибо я не хочу долее терпеть несправедности

(А) «Михаиль убьет его, и аз того не исправлень, а не хочу далече предносить»

(В) «Михаиль убьет, зане аз несправеднаго не хочу дале пустити»

Мы уже обращались к этому примеру, но в данном случае нас интересует передача формы императива *schlach* (от *schlagen*), которая в обоих списках переводится индикативом *убьет*.

(45) das alles gar lang zû schriben wer

(А) «та вся сыи исполнь долго будеть написовати»

(В) «та вся сысполнь долго будеть написовати»

Здесь форма сослагательного накл. *wer* (*wär*) переводится с помощью индикатива буд. вр. *будеть*. Впрочем, неясно, следует ли относить этот случай к ошибочным переводам, так как по сути смена грамматического значения в этом контексте практически незаметна.

Перейдем к тем случаям, которые не вписываются ни в одну из предложенных категорий. Начнем с тех примеров, которые проще всего назвать «буквальным переводом». Такие переводы нельзя объяснить ни опорой на контекст, ни осознанной правкой, ни ложной этимологией: ближе всего они к кальке, поскольку показывают, что переводчик либо явно не понимал смысла оригинала и переводил буквально слово за словом, как в примере (46) либо не дал себе труда приспособить синтаксис немецкого текста к нормам русского языка, как в примере (47).

Буквальный перевод

(46) *der tûfel tût alles sin vermügen dar zû*

дьявол прилагает к этому все свои силы

«дьяволь дѣиствует вся его можения в томъ»

Здесь явно дан пословный перевод немецкой фразы, о чем говорит буквальная передача *tût* как *дѣиствует* и *vermügen* как *можения*.

(47) *zerstört die gesacz als ver er mag*

(А) «разорывает уставы толь далече яко онъ можетъ»

(В) «разоряет уставы елико ему возможно»

Хотя синтаксическая калька не всегда может считаться ошибкой, учитывая расстояние, отделяющее нас от той эпохи, в которую был сделан перевод, в данном случае вариант (В) позволяет нам предположить, что перевод (А) воспринимался как неправильный, звучащий не по-русски.

(48) *Und das erhören denn die, die sy zû tod geschlagen haben*

(А) «и сие убо воими, еже они до смерти убиени будутъ»

(В) «и сие уведятъ убилицы их все»

Сложный случай в списке (А), который в принципе можно было бы отнести к типу 17, так как здесь текст оригинала очевидным образом был совершенно не понят. Ср. список (В), где дается верный вариант перевода. По-видимому, все-таки переводчик (А) прибег к буквальной передаче, поскольку *воими*, вероятно, следует считать искажением от *вонми* (к *erhören*), а *sy zû tod geschlagen haben* переведено как *они до смерти убиени будутъ* с переосмыслением временной формы. Попутно, естественно, неверно передана референция местоимений.

(49) *Und wirt denn nit mer denn ein geluob*

(А) «и к тому не будут токмо едина вѣра»

(В) «и тогда едина вѣра будетъ»

Явная синтаксическая калька в списке (А), исправленная редактором списка (В).

Следующий тип ошибок представляет собой пограничный случай в том смысле, что не вполне понятно, переводческая ли это собственно погрешность или же оплошность переписчиков. Речь идет о так называемом дублирующем переводе (см. Keipert 1988), когда переводчик (редактор) предлагает два (или больше)

варианта перевода одного и того же выражения оригинала. Поскольку мы лишены возможности установить, были ли это, например, глоссы, позднее внесенные в текст переписчиками, или же переводчик сразу давал два равноправных варианта, не заботясь о разделительных союзах, то иногда возникает тавтология, которую с равной вероятностью можно приписать первоначальному переводу или деятельности переписчиков, как в следующих двух примерах (см. также пример (4) выше):

Ошибки вследствие дублирующего перевода

(50) an der stirnen

(А) «на темѣни и на челѣкѣ»

(В) «на темѣни на челѣкѣ»

(51) von kriechischen büchern

(А) «из греческихъ книг и из еллинскихъ»

(В) «из греческихъ книг»

Восстановление цитаты

Обратимся к интересному случаю, когда переводчик опознает (скрытую) цитату и восстанавливает ее по нормативному чтению, не обращая внимания на чтение оригинала.

(52) Und er hõcht sich uber al gõtter und uber alles das, das got zûgehõrt
и он возвысится надъ всеми богами и надо всем, что принадлежит Богу
«и тои возвысится надъ всѣми боги и над всякимъ Божиимъ
чтилищем»

Здесь, скорее всего, переводчик увидел аллюзию на текст 2Фес. 2: 3–4: (по Острожской Библии) «и откроется человекъ беззаконию, сынъ погибели, противникъ, и превъзносяся паче всякаго глаголемаго Бога, или чтилища», и соответственно восстановил цитату, заменив *das, das got zûgehõrt* на *чтилище*.

Наконец, стоит отметить, что, как мы видели в ряде примеров, затруднения у переводчика (редакторов) неоднократно вызывала передача прямой и косвенной речи, а также в целом придаточных предложений, зависимых от глаголов речемыслительной деятельности, см. примеры (1), (15), (16), (36), (37). Частотность таких ошибок позволяет задать вопрос, не следует ли выделить их в отдельную категорию.

Таким образом, в нашем тексте были обнаружены примеры на 15 из 25 типов переводческих ошибок из списка Томсона. То, что примеры найдены далеко не ко всем категориям, объясняется прежде всего тем фактом, что мы исследовали один конкретный текст, тогда как д-р Томсон иллюстрировал типологию ошибок на богатом материале славянских переводов с греческого.

Кроме того, мы сознательно отказались от выделения таких категорий, как «смещение гласных» и «смещение согласных», поместив все подобные случаи в категорию «смещение сходных слов». Тип 5 «Утрата буквы» мы, по сути, сохранили только ради примера (1), который представляет собой очевидный случай подобного рода ошибки, хотя в целом также отнесли бы этот тип к «смещению сходных слов». Как отмечает сам Томсон, «во многих случаях невозможно определить, является ли неправильный перевод следствием смещения сходных слов или же опущения / добавления букв и слогов» (Thomson 1988: 365). Поскольку, выделение подобных случаев в особые типы имеет смысл только на большом материале, а, как мы уже ссылались ранее, наш текст сравнительно небольшого объема, мы предпочли избрать именно такой способ репрезентации. В целом, следует сказать, что для типологии переводческих ошибок было бы правильно, если бы были предложены какие-либо критерии для разграничения, с одной стороны, «смещения гласных / согласных», «утраты / добавления букв» и «метатезы» и, с другой стороны, «смещения сходных слов», поскольку эти категории очевидным образом накладываются одна на другую.

В результате в нашей подборке отсутствуют категории 1 «Смещение гласных», 2 «Смещение согласных», 3 «Неправильно прочитанные сокращения», 4 «Ошибки вследствие неверного словораздела», 6 «Добавление букв», 7 «Перестановка букв», 8 «Составные ошибки», 20 «Ошибки в референции прилагательных», 23 «Ошибки в согласовании по роду», 24 «Ошибки в формах залога».

С учетом всех отмеченных расхождений, относящихся, скорее, к самим принципам выделения тех или иных типов, тем не менее, следует сказать очевидную вещь: наш текст демонстрирует в принципе те же виды переводческих ошибок, которые свойственны переводам с греческого, или, иными словами, типология Лундстрема-Томсона вполне приложима к русским переводам с немецкого. С другой стороны, поскольку наше исследование проведено на материале одного сравнительно

небольшого текста, мы не можем делать выводов относительно возможной специфики, обусловленной разностью языковых пар, выступающих в качестве языка оригинала и языка перевода. Можем лишь обратить внимание на частотность некоторых типов ошибок, как, в частности, примеров на типы 13 «Ложная этимология», 14 «Ошибочные допущения» и 16 «Неверный выбор значения многозначного слова». Отметим также, что пример на тип 11 «Неправильно понятая диакритика» для данной языковой пары, наверное, близок к исключениям, и в том, что он встретился в нашем тексте, есть доля случайности.

В любом случае, обнаружение перевода немецкого «Сказания об Антихристе», который должен датироваться самое позднее первой половиной XVII века, расширяет крайне узкий круг переводов с немецкого, установленных для данной эпохи. Обилие ошибок по типу 16 позволяет предположить (со всеми оговорками), что, возможно, переводчик пользовался какими-то не дошедшими до нас словниками. Составление двуязычного словника к данному тексту, которое планируется нами, несомненно, поможет дать более четкую картину лексических соответствий и вариантов, которым отдавал предпочтение переводчик. Нельзя исключать и того, что с течением времени будут выявлены новые списки этого перевода, которые прояснят соотношение между вариантами, представленными в списках (А) и (В), а также между ними и первоначальным переводом. Как бы то ни было, каждый новообнаруженный (древне-)русский перевод с западноевропейских языков позволяет лучше понять переводческую технику и уточнить типологию ошибок, которую мы и рассмотрели в настоящей статье.

Литература

- Алексеев 1999 – Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб.
Пичхадзе 1998 – Пичхадзе А. А. Языковые особенности древнерусских переводов с греческого // XII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. М. С. 475–488.
Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М., 1975–2006.
Срезневский 1893–1912 – Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. В 3-х томах. СПб.
DWB – Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. Leipzig, 1854.
Keipert 1988 – Keipert H. Doppelüberetzung und Figura etymologica im methodianischen Nomokanon // Christianity among the Slavs. The Heritage of saints Cyril and Methodius. Acts of the International Congress held on the Eleventh Centenary of the Death of St.

Methodius. Rome, October 8-11, 1985. (*Orientalia Christiana Analecta*, 231). Roma. S. 245–260.

Thomson 1988 – Thomson F. J. *Towards a Typology of Errors in Slavonic Translations // Christianity among the Slavs. The Heritage of saints Cyril and Methodius. Acts of the International Congress held on the Eleventh Centenary of the Death of St. Methodius. Rome, October 8–11, 1985. (Orientalia Christiana Analecta, 231). Roma. P. 351–380.*

S. V. Ivanov. Towards a typology of errors in the Russian translation of the German ‘Antichrist-Bildertext’

This paper aims to identify various kinds of errors in the Russian translation from German on the basis of typology of errors in Slavonic translations from Greek. The material for this research was taken from the Russian late 15th century translation of the German ‘Antichrist-Bildertext’. The research allows to categorize errors found in the translation and to discuss some additional types as well as the principles of taxonomy.

Н. Н. Казанский

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О КИПРСКОМ ДИАЛЕКТЕ

(MARCUS EGETMEYER. LE DIALECTE GREC ANCIEN DE CHYPRE. TOME I: GRAMMAIRE. TOME II: REPERTOIRE DES INSCRIPTIONS EN SYLLABAIRE CHYPRO-GREC. BERLIN; NEW YORK : WALTER DE GRUYTER & Co., 2010).

Резюме: статья представляет собой рецензию на двухтомное описание кипрского диалекта книгу Маркуса Эгетмейера.

Ключевые слова: древнегреческий язык, аркадский диалект.

Монография Маркуса Эгетмейера подводит итог многолетним занятиям автора кипрским диалектом. Первое монографическое исследование на эту тему он опубликовал в 1992 г. – словарь к кипрским надписям (Egetmeyer 1992), широко используемый специалистами.

До сих пор основным собранием текстов на кипрском диалекте, большая часть которых записана кипрским слоговым письмом, остается издание, подготовленное О. Массоном (Masson 1961). Первый том книги Эгетмейера начинается с подробного обзора источников по кипрскому диалекту. Автор прослеживает историю его изучения, начиная с 1811 г., когда австрийский востоковед Й. фон Хаммер опубликовал первую надпись и когда М. Шмидт и В. Декке, а также Ю. Сигизмунд и Г. Аренс осуществили на основании текста, записанного и алфавитным, и слоговым письмом, дешифровку, плодами которой все пользуются до сих пор.

Подробный перечень всех надписей с современными археологическими датировками (с. 10–13) позволяет Эгетмейеру выделить несколько периодов в истории кипрского диалекта. Первый охватывает время с 1600 по 1050 гг. до н.э. и представлен текстами, записанными разными видами т. н. кипро-минойской письменности, из которых к настоящему времени только один (кипро-минойский III – CM III) был расшифрован Э. Массон. Этим видом письменности записаны тексты на хурритском языке.

Самый ранний текст на греческом языке датируется промежутком времени между 1050 и 950 гг. до н.э. Археологической датировки фактически не существует, поскольку памятники,

среди которых был найден наконечник копья с владельческой надписью *o-re-le-ta-u*, археологически датируются XI–VIII вв. Эгетмейер следует в датировке за Ж.-П. Оливье, который подчеркивает архаический (дореформенный) способ записи этого короткого текста и относит его к XI в. до н. э.

Для последующего времени мы располагаем единственной надписью из города Пафоса (между 900 и 750 гг. до н.э.), которая скорее всего написана не на греческом языке и может быть связана с так называемыми этеокипрскими текстами.

По-настоящему многочисленные тексты обнаружены в слоях начиная с 750 г. – архаический кипрский период, представленный 30-ю текстами, найденными не только на Кипре, но и в материковой Греции и в Лукании (Италия). Основная же масса текстов относится к периоду 600–310 гг. до н. э. Наконец, в эллинистический период (между 310–30 гг. до н. э.) засвидетельствовано несколько сот надписей, монетных легенд и т. д. Существенным является также и способ фиксации текста, включая надписи на камне, металле, глиняных сосудах¹, на памятниках архитектуры, монетах и т. д.

Разумеется, эти свидетельства составляют основу наших знаний о кипрском диалекте древнегреческого языка. Однако имеет смысл добавить, что до нас дошли свидетельства о кипрских поэтах, например, об эпическом поэте Евкле, и о кипрских песнях, которые обычно датируют архаической эпохой. Посвященные литературным источникам параграфы (с. 21–24) могли бы включать помимо этого упоминания о попытке А. Фикка показать, что по целому ряду лингвистических признаков гомеровский гимн Афродите имеет шансы отражать текст, который первоначально создавался именно на кипрском диалекте (Fick 1885: 195–246).

Подробный анализ глосс, дошедших до нас благодаря интересу эллинистического времени к особенностям местной истории, а также перечисление отдельных слов, сохранившихся в говорах современного Кипра, завершают раздел, посвященный источникам.

Для историков, помимо датировки эпиграфических текстов, существенный интерес могут представлять страницы 41–45, на

¹ В список библиографии можно было бы добавить книгу Иммервара (Immerwar 1998), с которой у рецензента была возможность ознакомиться в Блегеновской библиотеке Американской школы в Афинах.

которых не только на основании греческих данных, но и с привлечением финикийских и даже нововавилонских текстов по отдельным городам расписаны правившие на Кипре цари.

Грамматическому описанию полностью посвящен первый том. Во втором томе представлена транскрипция текстов основных памятников и их перевод. Эти тексты позволяют читателю в необходимых случаях свериться с контекстом, однако Эгетмейер не предлагает свою собственную нумерацию надписей, что несколько затрудняет поиск в корпусе. Следует особо подчеркнуть, что Эгетмейер тщательно выполняет постановление Римского коллоквиума 2006 г. и использует для транслитерации знаки *j*, *w* вместо традиционно использовавшихся *y*, *v* (Казанский 2007: 263–267).

Раздел «Фонетика» включает в себя почти 200 страниц первого тома и начинается с обзора графической системы кипрского диалекта и ее истории.

Далее следует подробное описание каждого из звуков, отраженных на письме, с попыткой установить фонемный состав диалекта. Подробное описание позволяет сразу увидеть все основные приметы кипрского диалекта. Предлагаются также и сопоставления с другими диалектами, однако не всегда последовательно. Так, сужение *-ao > -au* подается как исключительно кипрская черта (с. 99), напр., в имени собственном Νᾶυφανος ‘славный своими кораблями’ при кипрском имени Νεό-φυτος ‘рожденный на корабле’(?). Можно заметить, что такое же сужение обнаруживается в ряде других ареалов, например, в Северном Причерноморье, где встречаются написания типа Λᾶυ-δίκη (Доватур 1965: 803, §7, 2). Разумеется, такое, не связанное жестко с одним диалектом фонетическое развитие следует отличать от особенностей, не известных за пределами кипрского диалекта, таких как развитие группы *-ans > -aus* с конца III в. до н. э. (ср. с. 100) в написании асс. pl. *ki-jo-na-u-se /kijonaus/ < /kiwonans/*, ср. мик. *ki-wo* (PY Vn 46) ‘колонна’. Такое дифтонгальное развитие группы *-an-* перед *-s* в форме асс. pl. напоминает эолийское развитие *-ans > -ais*. В обоих случаях результатом становится новый дифтонг. Последнее помимо всего прочего ставит вопрос о дифтонгальном произношении и фонологическом статусе сочетаний */Vn/*, что восстанавливается для праиндоевропейского и следы которого обнаруживаются даже у Гомера (Lejeune 1972: 193, § 195).

Кроме того, само описание фонетических изменений при всей своей детальности далеко не всегда снабжено необходимыми

ми диахроническими соответствиями. Так, на с. 89, разбирая отражение кипр. gen. sg. ko-ri-o (ок. 450 г. до н. э.) в ионийском Κοῦριον (Hdt. V, 113,1), автор не упоминает о микенском прототипе ko-wo 'юноша', который сильно меняет интерпретацию как ионийской, так и кипрской формы, возникшей из *kōrwion еще в архаическую эпоху. Точно так же, разбирая кипрскую форму λᾶδανος, автор (с. 87) противопоставляет ее ионийско-аттическому λήδανος. Последняя форма засвидетельствована у Геродота и Гиппократом, но у Гераклита, а также Галена представлена только форма с -ā-; не упомянут ни позднеантичный период, ни христианская адаптация названия ладана именно в форме, которая представлена в том числе и в кипрском диалекте.

На с. 95. подробно разбирается итацизм, но только два примера, относящихся к VI–V вв. до н. э., по-настоящему надежны: ka-si-ki-ni-ta-i и di-ri. По поводу последнего приводится этимология для слова δῆρις < *deH₂s-ri-, которую предложил в еще не опубликованной статье Сутерн (Southern), что позволяет не только связать δῆρις с гомер. δαί 'в сражении', но и вернуться к напрасно оставленной этимологии, согласно которой греч. δοῦλος 'раб', засвидетельствованное уже в мик. do-e-ro /dohelos/ < *dH₂os-elo- и др.-инд. dāśa-, могли бы свидетельствовать о праиндоевропейском (по крайней мере объединяющем древнегреческую и индоарийскую традиции) институте превращения пленных противников в рабов (Mayrhofer 1963: 39).

Отдельно разбирается вопрос о назализованных гласных, на которые могли бы указывать написания типа ra-ta, за которым стоит либо /rãta/, либо /ranta/. Кипрский силлабарий использует несколько иные правила передачи, отличные от тех, которые были приняты в микенскую эпоху, ср. мик. a-di-ri-ja-pi (PY Ta 708 etc.) /andriant-phi/ при кипр. a-ti-ri-ja-ta-ne /adriantan/ /ãdriantan/. Тем не менее предполагалось бы, что основа совпадает с греч. ἀνδριάς, ἀνδριάντος. В таком случае рассуждения о назализованных гласных оказываются не до конца подтвержденными, поскольку в глоссах (в отличие от глосс, дошедших от памфилийского диалекта) нет следов исчезновения назальных, да и пример со словом для статуи показывает возможность использования в слоговой кипрской письменности определенных графических условностей.

На с. 101 предлагается для кипр. οῦιον 'дорога' этимология, которая связывает его с хеттским глагольным корнем huwai- / hui- 'бежать', от которого можно предполагать микенский глагол *oῦιημι и производное от него *H₂ow-no-. Такая этимоло-

логия подтверждает вполне определенным образом предположения о доместикации овцы еще в и.-е. период (гомер. $\delta\acute{\iota}\varsigma < *ow\acute{i}- < *H_2ow-i-$)² и показывает возрождение древней семантической модели в греч. $\tau\acute{\alpha} \rho\rho\acute{o}\beta\alpha\tau\alpha$ ‘мелкий рогатый скот’ (корень $*g^wep-$ ‘идти, приходиться’), хетт. $i\acute{y}ant-$ ‘то же’ (корень $*H_1ei-$ ‘идти’).

Очень добротное и последовательное описание фонетики в ряде случаев нарушается. Так, в параграфе 91 не упомянуто $ta-u-ka-na-ro-ri-o$ / $daukhnaphor\acute{o}$ /, которое попало в § 96, в котором разбирается дифтонг / ou /.

Столь же подробно Эгетмейер разбирает употребление сонантов, объединив рассмотрение $w-$ и $j-$ со вторыми элементами дифтонгов. При этом автор отмечает, что дифтонг / eu / отличается в слоговой графике $-e-u-$ от дифтонга / ei / без обозначения второго элемента дифтонга, так что графема $j-$ появляется только в качестве глайда. На эту особенность, которая полностью соответствует особенностям микенской графики, специально обращал внимание И. М. Тронский (Тронский 1962: 620–626), который предполагал, что в греческом языке существовало качественное различие между дифтонгами со вторым элементом i и u .

Среди прочих примеров Эгетмейер подробно разбирает такие варианты написаний, как $o-u-ki$ / $o-wo-k(a)$ – за обоими стоит отрицание $o\acute{u}\chi\acute{\iota}$, $o\acute{u}k$. Особое внимание уделено дифтонгу u , передача которого с помощью любой слоговой письменности вызывает затруднения. Уже в микенских текстах встречается $ga-ke-da-mo-ni-jo-u-jo$ / $Lakedaimonios hu\acute{i}os$ / (ТН Gr 227), выражение, являющееся обычным для гомеровских поэм ($\upsilon\acute{\iota}\epsilon\varsigma$ ‘ Ἀχαιῶν ’), в котором Вяч. Вс. Иванов предлагал видеть ближневосточное заимствование, ср. “сыны Израиля” или шумерское $DUMU LAGA\check{S}^{KI}$ ‘сын Лагаша’ в значении ‘житель’ (Иванов 1977: 19). При сравнении с микенской графикой очевидно, что отражение дифтонга u в кипрском диалекте с помощью слоговой письменности должно было представлять значительные трудности.

Подробно рассматривается отражение начального $*i$ -неслогового, в частности используется и излагается закон Шиндлера (Schindlers Zeta-Gesetz), согласно которому отражение начального $*i$ -неслогового в виде густого придыхания или же

² Как можно думать, уже в XVII в. до н. э. (Казанский 2010: 399–415).

аффрикаты зависит от наличия или отсутствия ларингального в самом начале слова. В связи с этим подробно анализируются (с. 120 сл.) формы относительных местоимений, как возможно содержащие начальное $H_{1/2}i-$, к которому Эгетмейер вслед за Вити и Дункелем склонен возводить не только греч. ὄτε, мик. o-te, кипр. o-te, но также a-ni (ἠί-κα) и даже первую часть местоимения ἰμέτερος < * H_i -usm-, в которой начальное /h-/ прежде объяснялось метатезой придыхания.

Интересны здесь же трактовки слова ἄναξ как ‘принц’ и ἄνασσα – как ‘принцессы’, однако в том, что касается исхода основы (-kt-y H_2 > -σσα) вопрос остается нерешенным, и ссылка на монографию Кл. Брикса явно недостаточна. Семантическое развитие в данном случае также нуждается в уточнении. В микенскую эпоху так обозначался главный правитель государства (wa-na-ka /wanaks/ ‘ванакт’), при котором важную роль играли воевода (ra-wa-ke-ta /lāwagetās/) и народ (da-mo /dāmos/), в ряде текстов выступающий как юридическое лицо, а также три должностных лица te-re-ta VIR 3 (PY Eg 312), которые возможно занимались священнодействиями³. В последующие века ἄναξ сохраняется а) как обращение к божеству (к Аполлону повсеместно в Греции), б) как титул царя во Фригии, а на Кипре, если верить интерпретации Эгетмейера, приобретает значение ‘принц’, которое недостаточно мотивировано семантически. Для микенского времени изящная интерпретация К. Ройха показывает различное обращение к владыке и наследному принцу (Ruijgh 1985:143–190).

Очень существенным для исторической грамматики является интерпретация текстов, показывающая, что род. пад. ед. ч. на -on представляет собой позднюю сугубо кипрскую инновацию. Любопытен относительно поздний переход в формах аккузатива ki-jo-na-u-se /kijonaus/ < *kijonans (напомним, что в эолийском диалекте асс. pl. *-ans > -αις). Несколько более сомнителен переход inis < *en-gn-is ‘сын’ < ‘норожденный’ с упрощением группы согласных.

³ Существуют две возможные интерпретации, из которых в настоящее время наиболее распространена связывающая микенское te-re-ta с элейским τερεστας. Другая точка зрения предполагает, что в основе лежит глагол τερέω. Обе точки зрения взвешивал уже М. Вентрис. Последнее обсуждение см.: Kazanskiene 1993: 603–613.

Для теонима Гера Эйгетмейер принимает начальное *s-, что с моей точки зрения ошибочно (Казанский 1989: 54–58). Интересна интерпретация глоссы Гесихия ζήτηρ· Ζεὺς ἐν Κύπρῳ от корня *ueh₂- ‘быть неистовым’ (№ 120).

Говоря о знаке, который читался прежде и как *za*, и как *ga*, Эгетмейер принимает единственное чтение *ga* и тем самым чтение ὕφαϊς γ’ ἄν (а не ζαν) в надписи из Идалия.

Переходя затем к отражению лабиовелярных, Эгетмейер показывает их переход в лабиальные (*k^w > p αἰπόλος; re-ra-me-ro-ne /re(m)p-āmeron/; re-i-se-i при аркадской форме ἀπυ-τεισάτω, ион.-атт. τίνω, ἔτεισα от корня *k^wei- ‘платить виру’, ср. мик. qe-ja-me-no с *g^w > /b/ как в слове βίος). Автор предлагает две схемы развития лабиовелярных, отмечая несколько не до конца надежных примеров с переходом *k^w > t. Между тем, на наш взгляд, недостаточно учитывается тот факт, что послемикенская стадия упразднения лабиовелярных происходила уже в диалектно раздробленном языке, но при этом приводила к сходным результатам (особенно яркий пример представляет собой частица τε, во всех диалектах кроме микенского -qe отраженная единообразно, при том что для эолийского мы вправе были бы ожидать /pe/).

В разделе, посвященном ударению, Эгетмейер рассматривает фразовое ударение в предложениях типа pī-lo-ta-o-se-mī /Philotāos ēmī/ и словесное ударение. Два написания, безусловно, отражают изменение в ударении: синкопа в именах с Ἄριστο- / Ἄριτο- / Ἄρτο- / Ἀστο-, для которых хочется привести напрашивающуюся параллель из фессалийского диалекта, где наряду с Λαρίσαῖοι ‘жители Ларисы’ встречается написание Λασαῖοι. Эта особенность эолийских говоров была предметом специального рассмотрения и в отечественной литературе (Зайцев 1979: 101–110) и позволяет, вслед за Гофманном, предполагать сдвиг ударения на начальный слог. Такая тенденция может быть прослежена на основании рукописей Геродота (Hdt., V, 104,1), где возникшее в результате действия закона Уилера ударение в форме Onāsílos (< Onāsílós), отражено как Ὀνήσιλος.

С типологической точки зрения интересны также неожиданные написания с удвоением гласных (в хеттской клинописи такой прием обозначает вероятное место ударения): o-na-si-i-se /Onāsis/ и ki-li-ka-a /Kilikās/. Здесь (с. 215) было бы уместно сопоставление с подобными написаниями, изредка встречающимися в текстах микенского времени, ср. мик. qo-o /g^wōs/.

Чрезвычайно важен и полезен специальный раздел, который посвящен орфографическим условностям кипрского диалекта. Эгетмейер, впервые осветивший эту проблему, отмечает, что кипрские тексты (в отличие от микенских) предназначались для более широкой публики, а также приводит различия в использовании графических условностей: в отличие от микенского необозначения конечных *-n*, *-r*, *-s*, в кипрских текстах они отражены слоговыми знаками <ne>, <re>, <se> как более редкими в конце греческих слов. Это наблюдение безусловно правильно для имени, в то время как в глаголе такие написания читаются полностью, ср. гетеросиллабическое <e-se-ta-se> и тавтосиллабическое <e-sa-ta-se>, за которыми стоит глагольная форма /estase/; регулярно обозначается /s/ перед смычным: sa-ta-si-ta-mo-se /Stāsi-dāmos/, wo-ro-i-ko /Wroikos/ при микенском ro-i-ko /Wroikos/, so-to-ro-pi-ki /Strophi(n)gi/ (στροφήξ). Сходные особенности наблюдаются при обозначении групп смычный согласный + s: wa-na-xe при мик. wa-na-ka /wanaks/, to-ko-zo-wo-ro-ko при мик. to-ko-so-wo-ko /tokso-worgoi/ ‘изготовители луков’.

В этом разделе очень бы хотелось видеть графические различия, восходящие еще к разделению, которое может датироваться III тыс. до н. э., – распадом первоначальной эгейской письменности на линейные критские и кипро-минойские варианты силлабария. И те, и другие, судя по всему, прошли несколько этапов приспособления к разным языкам: для линейных письменностей мы знаем преемственность между линейным А и линейным В, для кипро-минойского – от двух неизвестных языков в СМ I и СМ II к текстам СМ III на хурритском языке (Хачикян 1985; 2010: 129) и далее к текстам на кипрском диалекте греческого языка. Подход при адаптации к греческому языку не был единым (различение серии звонких дентальных есть только в микенском, только в кипрском разделяются фонемы /r/ и /l/, хотя знаки для их обозначения присутствуют уже в микенском: кипр. /lo/ = мик. /ro/). Простота использованных знаков говорит в этом и подобных случаях в пользу специального сведения двух серий знаков r- и l- в микенском силлабарии в одну, так же как отчетливо виден отказ от различения глухих и звонких смычных в кипрском письме. В обоих приведенных примерах речь идет о сознательном отказе от возможностей, уже заложенных в предшествующем состоянии слогового алфавита.

Особое внимание уделено морфологии имени и глагола. Эгетмейер отмечает, что корневые слова встречаются только в

композициях (Βώκαρος от βοῦς), если не считать глосс ἀλα·θάλασσαν. ἢ οἶνος. Κύπριοι. (Hesych.) и ἔαρ· αἶμα (< *h₁esh₂-r, ср. скр. ástj-). Основы на -ā представлены рефлексам двух суффиксов *-eh₂ и *-ieh₂, а также сложным *-ēwieh₂, cf. асс. sg. i-e-re-wi-ja-ne /ierēwijān/ ‘территория святилища’⁴, что находит хорошую параллель в мик. qa-si-re-wi-ja /g^wasilēwīā/ ‘резиденция или область, где правил g^wasileus’⁵, ср. греч. βασιλεια ‘царский дворец’. С временным значением та же словообразовательная модель представлена в названии праздника ko-ro-we-wi-jo /Korwēwios /в честь молодых девушек – /korwai/.

Интересны замечания по поводу отдельных слов, например, наблюдение над словом, обозначающим ‘необработанную землю’ – κῆπος < kâpos < *keh₂pos (с последующим развитием семантики в значение ‘сад’, что Эгетмейер сближает с голл. *huis en hof* и нем. *Haus und Hof*). Важно отметить, что κῆπος почти нигде у Гомера не обозначает обрабатываемую землю, а в табличке из Идалия отчетливо обозначает именно необработанную землю. Любопытны местные образования в значении ‘остановка, отдых’. Так же, как содержащая /ɥ/, может интерпретироваться глосса ἔστη· στολή, ἔστα· ἐνδύματα, γέστρα· ἔνδυσις, στολή /wes-tā, wes-trā/ от ἐννυμι < *ɥes-nū-mi, ср. лат. *uestis*, а также σκυδά· σκιά. Εὔκλος, соответствующая др.-англ. *scuwa* при др.-инд. *chāyā* ‘тень’ (< *skeh₁-iéh₂). В этом случае возможно дальнейшее сопоставление с κεύθω ‘прятать’.

Только с одной интерпретацией мне трудно согласиться, поскольку не совсем понятно, почему слово ἄρχος на основании контекстов, подобных слову μαγτίαρχος, начинает пониматься в религиозном значении, которого у слова нет. Исходя из такой логики религиозным термином будет и рус. *глава*, коль скоро можно сказать *глава церкви*. На с. 249, разбирая слово πόλις, автор не учитывает книгу Т. Я. Елизаренковой «Слова и вещи в Ригведе», в которой интерпретация индийского и греческого слов предположительно была объединена с археологической

⁴ Иную словообразовательную модель демонстрирует мик. i-je-re-ja ‘жрица’ при i-je-re-u /hierous/ ‘жрец’. Во всех диалектах святилище – существительное среднего рода и лишь в кипрском – женского.

⁵ В микенское время g^wasileus обозначает региональную должность, лишь позднее приобретая значение лица, облеченного царской властью (βασιλεύς), ср. Carlier 1984: 115.

культурой Аркаима. При транскрипции имени sa-ta-si-ta-mo-se (с. 221) случайно не обозначена вторая долгота /Stāsi-dāmos/.

В некоторых случаях читатель оказывается в затруднительном положении. В качестве примера приведем разбор формы ku-ro-ro-me-to-u-sa букв. ‘Заботящаяся о Кипре’ (с. 125), ср. мужское имя Κυπρομέδων (ICS 142). Эгетмейер указывает, что цитируется текст из Куриона ICS 179. В издании О. Массона этот текст, однако, выглядит следующим образом: a-re-ro-?-?-? Лишь из комментариев на с. 669 можно выяснить, что рассматривается более позднее чтение Г. Неймана, которое сам Эгетмейер отвергает как предельно сомнительное: L’ensemble est inutilisable (с. 125). При этом в соответствующем разделе фонетики эта (не принятая автором) форма подробно разбирается и лишь в конце фонетического разбора делается замечание о сомнительности чтения.

В списке библиографии отсутствует упоминание о статье А. Мейе, с которой собственно началось объединение аркадского, кипрского и памфилийского диалектов в группу греческих диалектов «первой волны» переселения, т. е. отражающих в определенной мере языковое состояние II тыс. до н. э. (Meillet 1908).

Невозможно пересказать все интерпретации слов, рассмотренные в книге; можно только настоятельно рекомендовать раздел, обозначенный как «Именное словообразование», учитывать при этимологических исследованиях.

В целом, книга М. Эгетмейера занимает достойное место в ряду описаний древнегреческих диалектов, появившиеся в последние десятилетия: подробное описание памфилийского диалекта, выполненное Кл. Бриксом⁶, описание аркадского диалекта Л. Дюбуа (Dubois 1986), критские данные М. Биль (Bile 1988), а также эолийские факты (Blümel 1982)⁷ и подробное описание языковых особенностей аттических надписей Л. Трета (Threatte 1996).

Нет ни малейшего сомнения, что этот монументальный и очень тщательно подготовленный труд, содержащий много новых интереснейших материалов и интерпретаций, станет настольной книгой не только для специалистов в области истории

⁶ Brixhe 1976. Рец.: ВДИ, 1982. N 2. С. 204–207.

⁷ Социолингвистический подход представлен в книге Vottéro 1998.

греческого языка и древнегреческой диалектологии, но и для всех, кто занимается индоевропейским языкознанием.

Литература

- Доватур 1965 – Доватур А. И. Краткий очерк грамматики боспорских надписей // Корпус боспорских надписей. М.; Л.: «Наука», 1965.
- Зайцев 1979 – Зайцев А. И. К вопросу о характере древнегреческого ударения // Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков / Отв. ред. С. Д. Кацнельсон. Л., 1979. С. 101–110.
- Иванов 1977 – Иванов Вяч. Вс. Древние культурные и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов // Балканский лингвистический сборник. М.: «Наука», 1977.
- Казанский 1989 – Казанский Н. Н. К этимологии теонима Гера // Палеобалканистика и античность. М., 1989. С. 54–58.
- Казанский 2007 – Казанский Н. Н. Международный коллоквиум по микенологии (Рим, 20–25 февраля 2006 г.) // ВДИ, 2007, № 1. С. 263–267.
- Казанский 2010 – Казанский Н. Н. Возможные следы ликийского языка в линейном письме А // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XIV (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы международной конференции, проходившей 21–23 июня 2010 г. В двух частях / Отв. редактор Н. Н. Казанский / СПб.: «Наука», 2010. Ч. 1. С. 399–415.
- Тронский 1962 – Тронский И. М. Слоговая структура древнегреческого языка и греческое слоговое письмо // Древний мир. Сборник статей в честь акад. В. В. Струве. М., 1962. С. 620–626.
- Хачикян 1985 – Хачикян М. Л. Хурритский и урартский языки. Ереван, 1985.
- Хачикян 2010 – Хачикян М. Л. Хурритский язык // Языки мира. Древние реликтовые языки Передней Азии. М., 2010.
- Bile 1988 – Bile M. Le dialecte crétois ancien. Paris, 1988 (= Etudes crétoises, XXVII).
- Blümel 1982 – Blümel W. Die aiolischen Dialekte. Phonologie und Morphologie der inschriftlichen Texte aus generativer Sicht. Göttingen, 1982.
- Brixhe 1976 – Brixhe Cl. Le dialecte grec de Pamphylie. Documents et grammaire. Paris, 1976. (Рец.: ВДИ, 1982. N 2. С. 204–207).
- Carlier 1984 – Carlier P. La royauté en Grèce avant Alexandre. Strasbourg: AECR, 1984.
- Dubois 1986 – Dubois L. Recherches sur le dialecte arcadien. T. I–III. Louvain-la-Neuve: Peeters, 1986.
- Egetmeyer 1992 – Egetmeyer M. Wörterbuch zu den Inschriften im Kyprischen Syllabar. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1992 (= Kadmos. Suppl. 3).
- Fick 1885 – Fick A. Die ursprüngliche Sprachform der homerischen Hymnen // Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. 1885. Bd. 9. S. 195–246.

- Immerwar 1998 – Immerwar H. *Corpus of Attic Vase Inscriptions. Preliminary edition. Parts I–IV.* 1998.
- Kazanskiene 1993 – Kazanskiene V. P. *Land Tenure and Social Position in Mycenaean Greece // R. Laffineur, W.-D. Niemeier (eds.) Politeia. Society and State in the Egean Bronze Age. T. II. (=Aegaeum XII).* 1993. P. 603–613.
- Lejeune 1972 – Lejeune M. *Phonétique historique du mycénien et du grec ancien.* Paris, 1972.
- Masson 1961 – Masson O. *Les inscriptions chypriotes syllabiques. Recueil critique et commenté.* Paris, 1961.
- Mayrhofer 1963 – Mayrhofer M. *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. II.* Heidelberg, 1963.
- Meillet 1908 – Meillet A. *La place de Pamphylien parmi les dialectes grecques // Revue des Etudes grecques.* 1908.
- Ruijgh 1985 – Ruijgh C. J. *Le mycénien et Homère // Linear B: a 1984 survey / ed. by A. Morpurgo Davies, Y. Duhoux.* Louvain-la-Neuve, 1985. P. 143–190.
- Threatte 1996 – Threatte L. *The Grammar of Attic Inscriptions. Vol. I-II.* Berlin; New York : Walter de Gruyter, 1996.
- Vottéro 1998 – Vottéro G. *Le dialecte béotien (7e s.–2e s. av. J.-C.) I. L'écologie du dialecte.* Nancy, 1998.

N. N. Kazansky. A New Book about ancient Cyprian dialect

The paper represents a review of the book by Marcus Egetmeyer (M. Egetmeyer. *Le dialecte grec ancien de Chypre. Tome I: Grammaire. Tome II. Répertoire des inscriptions en syllabaire chypro-grec.* Berlin; New York : Walter de Gruyter & Co., 2010).

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ГОТСКОГО *afþan*

Резюме: В статье рассматривается употребление готских союзов *ip* и *afþan* при переводе греческой частицы *δέ*. Союз *ip* выступает как противительный, в то время как союз *afþan* в зависимости от окружающего контекста может выражать ограничение, градацию, уточнение.

Ключевые слова: готский язык, адверсативный союз, проклитика; Gothic, adversative conjunction, proclitic.

В. Штрайтберг определяет гот. *afþan* ‘aber doch’ как адверсативный союз, который всегда занимает позицию абсолютного начала клаузы (Streitberg 1950: 13). Такая интерпретация действительно объясняет некоторые контексты, содержащие антонимическое противопоставление. При симметричных условных предложениях *afþan* синонимичен другому противительному союзу *ip*:

saei allis wili saiwala seinā nasjan, fraqisteip izai; **afþan** saei fraqisteip saiwalai seinai in meina, ganasjip þo — ὅς γὰρ ἂν θέλη τὴν ψυχὴν αὐτοῦ σῶσαι, ἀπολέσει αὐτήν: ὅς **δ'** ἂν ἀπολέσῃ τὴν ψυχὴν αὐτοῦ ἔνεκεν ἐμοῦ, οὗτος σώσει αὐτήν (Лс.9:24). «...кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; **а** кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее».

saei allis wili saiwala seinā ganasjan, fraqisteip izai: **ip** saei fraqisteip saiwalai seinai in meina jah in þizos aiwaggeljons, ganasjip þo — ὅς γὰρ ἔαν θέλη τὴν ψυχὴν αὐτοῦ σῶσαι ἀπολέσει αὐτήν: ὅς **δ'** ἂν ἀπολέσῃ τὴν ψυχὴν αὐτοῦ ἔνεκεν ἐμοῦ καὶ τοῦ εὐαγγελίου σώσει αὐτήν (Мс. 8:35). «...кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, **а** кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее».

Однако для значительного числа случаев толкование союза *afþan* как адверсативного затруднительно, ср.:

sa saijands waurd saijip. **afþan** þai wipra wig sind, þarei saiada þata waurd, jah ... qimip Satanas jah usnimip waurd.... — ὁ σπείρων τὸν λόγον σπείρει. οὗτοι δὲ εἰσιν οἱ παρὰ τὴν ὁδὸν ὅπου σπείρεται ὁ λόγος, καὶ ... ἔρχεται ὁ σατανᾶς καὶ αἶρει τὸν λόγον...(Мс. 4:14–15). «Сеятель слово сеет. Посеянное при дороге означает тех, в которых сеется слово, но... приходит сатана и похищает слово...».

Известно, что союзы в принципе плохо поддаются семантической декомпозиции (Урысон 2011: 7–10). В нашем случае эта ситуация усугубляется ограниченностью языкового материала. Учитывая сложность описания, имеет смысл верифицировать анализ гот. *arþan* употреблением союза *ip* δέ, καί «а, но» в тождественных контекстах.

Рассмотрим несколько отрывков из завершающей части Нагорной проповеди, в которой речь идет об ошибочных толкованиях Закона фарисеями и книжниками:

hausidedup þatei qīþan ist þaim airizam: ni maurþrjais; **ip** saei maurþreip skula wairþip stauai. **arþan** ik qīþa izwis þatei hvazuh modags broþr seinamma sware, skula wairþip stauai; **ib** saei qīþip broþr seinamma raka, skula wairþip gaqumþai; **arþan** saei qīþip dwala, skula wairþip in gaiainnan funins. — ἠκούσατε ὅτι ἐρρέθη τοῖς ἀρχαίοις, οὐ φονεύσεις: ὃς **δ'** ἂν φονεύσῃ, ἔνοχος ἔσται τῇ κρίσει. ἐγὼ **δὲ** λέγω ὑμῖν ὅτι πᾶς ὁ ὀργιζόμενος τῷ ἀδελφῷ αὐτοῦ ἔνοχος ἔσται τῇ κρίσει: ὃς **δ'** ἂν εἴπῃ τῷ ἀδελφῷ αὐτοῦ, ῥακά, ἔνοχος ἔσται τῷ συνεδρίῳ: ὃς **δ'** ἂν εἴπῃ, μωρέ, ἔνοχος ἔσται εἰς τὴν γέενναν τοῦ πυρός (Mt. 5:21 – 22). «Вы слышали, что сказано древним: «не убивай, кто же убьет, подлежит суду». А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего, подлежит суду; кто же скажет брату своему «рака́», подлежит синедриону; а кто скажет «безумный», подлежит геенне огненной».

Объясняется шестая заповедь, запрещающая убийство. Толкование иудейских учителей ограничивалось комментарием: «Кто убьет, подлежит суду». Таким образом, запрещался только греховный акт, но не греховное помышление. Понимание заповеди Христом гораздо шире: беспричинный гнев – то же убийство, совершаемое в сердце; порожденное злобой оскорбление (сирийское слово *raká* «пустой человек») – убийство словом.

Обращает внимание чередование союзов *ip* и *arþan*. Для всех случаев греческий оригинал указывает на частицу *δέ*, сочетающую в себе противительное и соединительное значения (Denniston 1954: 162–183).

По поводу первой пары союзов стоит указать, что в стихе Mt.5:21 *ip* выступает в характерном контексте, содержащем противопоставление положительной и отрицательной пропозиций. Употребление *arþan* проясняется при сближении контекста Mt.5:22 со следующими фрагментами, посвященными толкованию седьмой заповеди о прелюбодеянии:

hausidedup þatei qīþan ist: ni horinos. **arþan** ik qīþa izwis, þatei hvazuh saei saihvip qinon du luston izos, ju gahorinoda...—

ἠκούσατε ὅτι ἐρρέθη, οὐ μοιχεύσεις. ἐγὼ δὲ λέγω ὑμῖν ὅτι πᾶς ὁ βλέπων γυναῖκα πρὸς τὸ ἐπιθυμῆσαι αὐτήν ἤδη ἐμοίχευσεν αὐτήν... (Mt. 5:27 – 28). «Вы слышали, что сказано древним: «не прелюбодействуй». А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею...».

Господь не отрицает справедливость запрета *ni horinos* «не прелюбодействуй». Его комментарий расширяет само понятие прелюбодеяния: запрещается не только акт прелюбодеяния, но и всякое прелюбодейство в мыслях, а также развод мужей с женами, поскольку это служит одним из источников разврата:

qīpanuh ḥan ist ḥatei hvazuh saei afletai qen, gibai izai afstassais bokos. **ip** ik qīḥa izwis ḥatei hvazuh saei afletīḥ qen seina, inuh fairina kalkinassaus, taujīḥ ḥo horinon; jah sa ize afsatida liugaiḥ, horinon. – ἐρρέθη δέ, ὅς ἂν ἀπολύσῃ τὴν γυναῖκα αὐτοῦ, δότω αὐτῇ ἀποστάσιον. ἐγὼ δὲ λέγω ὑμῖν ὅτι πᾶς ὁ ἀπολύων τὴν γυναῖκα αὐτοῦ παρεκτός λόγου πορνείας ποιεῖ αὐτὴν μοιχευθῆναι, καὶ ὅς ἂν ἀπολελυμένην γαμήσῃ μοιχᾶται (Mt. 5:31 – 32). «Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную. А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует».

Отметим, что у иудеев развод считался обычной законной практикой. Союз *ip* поддерживает заданное контекстом противопоставление лояльных представлений иудеев и непримиримой позиции Христа, проповедовавшего запрет на расторжение брачного союза.

Что касается употребления разных союзов при описании иерархии грехов, необходимо отметить, что степень тяжести проступка определяется суровостью соответствующего ему наказания¹. Исходя из слов Христа, гнев более пагубен, чем оскорбление *raká*. Самый же нечестивый грех – назвать человека безумным, ибо на языке Священного Писания безумный значит презренный, находящийся вне благодати.

По всей видимости, здесь союз *ip* (обозначен подчеркиванием) играет роль скрепы с разделительной функцией. Союз

¹ Для правильного понимания данного эпизода важно отметить, что в судейской практике иудеев были приняты три смертных казни: отсечение головы, к которому приговаривал суд; побивание камнями, по приговору Синедриона; и сжигание в долине сына Енномова, применявшееся только в исключительных случаях (Хенри 2002: 73).

afþan указывает на самый тяжкий грех и выступает как усилитель индикативности, так как сочетается с наиболее маркированным представителем ряда.

Сходное значение *afþan* можно наблюдать в финальной части Нагорной проповеди, где объясняется третья заповедь, запрещающая лжесвидетельство и пустословные клятвы:

...qīþan ist þaim airizam: ni ufarswarais, iþ usgibais frauþin aiþans þeinans. **afþan** ik qīþa izwis ni swaran allis... — ...ἐρρέθη τοῖς ἀρχαίοις, οὐκ ἐπιορκήσεις, ἀποδώσεις δὲ τῷ κυρίῳ τοὺς ὄρκους σου. ἐγὼ δὲ λέγω ὑμῖν μὴ ὁμόσαι ὅλως... (Mt.5:33–34).
«...сказано древним: «не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои». А Я говорю вам: не клянитесь вовсе...».

Подразумевается, что эта заповедь запрещает не только ложную клятву, но всякую поспешную клятву. Очевидно, что употребление *afþan* охватывает те контексты, где Иисус не отрицает «сказанное древним», но существенно уточняет исходную формулировку.

Оба союза имеют общий семантический признак делимитативности, однако, в отличие от адверсативного *iþ*, *afþan* индуцирует семантику совместимости сопоставленных пропозиций. Сформулированный принцип объясняет распределение союзов в словах Христа по поводу закона о возмещении (Mt.5:38–39) и закона о братолюбии (Mt.5:43–44).

Как показывают контексты, семантика совместимости инвариантна для союза *afþan* и включает в себя достаточно обширный список отношений. Стоит указать на еще одну важную особенность: в тексте Евангелий все употребления приходятся на прямую речь. С этим фактом согласуется и то обстоятельство, что в Посланиях апостолов число употреблений возрастает в пять раз. Предлагаемое толкование *afþan* может иметь вид:

X afþan Y: «в качестве описываемой ситуации выступает X;
по тем или иным коммуникативным соображениям говорящий считает необходимым сообщить Y;
в качестве описываемой ситуации выступает Y».

Прагматический компонент в значении союза проявляется в способе связи между высказываниями и вмещает широкий спектр значений. Рассмотрим некоторые наиболее регулярные случаи:

• Сопоставление / сравнение в экспликативной функции:

Союз обеспечивает вхождение постороннего или смежного сюжета (аллегорической фабулы, цитаты, апелляции к «чужому примеру»), иллюстрирующего ранее упомянутый тезис. В следующем примере пророчество Иисуса получает буквальное истолкование через аллегорию смоковницы. Иисус говорит о начале великой скорби, предшествующей второму пришествию Сына Человеческого в сиянии славы. Недоумевающие ученики хотят знать, когда наступит это время, на что Иисус отвечает:

ap̄pan af smakkabagma ganimiḅ ḅo gajukon. ḅan ḅis juḅan asts ḅlaqus wairḅiḅ, jah uskeinand laubos, kunnuḅ ḅatei nehva ist asans. — ἀπὸ δὲ τῆς συκῆς μάθετε τὴν παραβολήν: ὅταν ἤδη ὁ κλάδος αὐτῆς ἀπαλὸς γένηται καὶ ἐκφύῃ τὰ φύλλα, γινώσκετε ὅτι ἐγγὺς τὸ θέρος ἐστίν (Mc. 13:28). «От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягкими и пускают листья, то знаете, что близко лето».

Общеизвестно, что смоковница, в отличие от многих вечнозеленых деревьев Палестины, с приближением зимы теряет листву. Появление новой листвы указывает на скорое наступление лета. Таким же образом и ученики должны научиться узнавать знаки, предвещающие грядущие перемены.

Существуют контексты, когда иллюстрацией тезиса и доказательством его истинности выступает ссылка на цитату из авторитетного источника (Священного Писания):

gahausjandans qeḅun ḅan: nis~sijai. iḅ is insaihvands du im qap: **ap̄pan** hva ist ḅata gamelido: stains ḅammei uskusun timrjans, sah warḅ du haubida waihstins? — ἀκούσαντες δὲ εἶπαν, μὴ γένοιτο. ὁ δὲ ἐμβλέψας αὐτοῖς εἶπεν, τί οὖν ἐστὶν τὸ γεγραμμένον τοῦτο: λίθον ὃν ἀπεδοκίμασαν οἱ οἰκοδομοῦντες, οὗτος ἐγενήθη εἰς κεφαλὴν γωνίας (Lc. 20:16–17). «Слышавшие же это сказали: да не будет! Но Он, взглянув на них, сказал: «что значит это написанное: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла»?».

Иисус рассказывает притчу о хозяине и виноградарях, предрекая переход веры к язычникам, на что фарисеи сказали: «да не будет». В ответ Христос приводит свидетельство из псалмов Давида.

Для описания значения *ap̄pan* существенно, что сюжет-иллюстрация не становится источником для дальнейшего развертывания основной линии повествования. Решающим для ситуации и ее общей оценки является тезис X.

• Уточнение:

Данная группа контекстов касается уточнения собственно языковой формы предшествующего высказывания *X*. В ряде случаев *Y* вводит дополнительную информацию, заранее не предусмотренную говорящим, однако не менее важную, чем предыдущее сообщение. В зависимости от конкретного контекста основанием для уточнения служат различные аспекты *X*: ограничение сферы действия, указание на причинно-следственные связи, восполнение недостатка информации, содержащегося в *X* (градация, см. также выше фрагменты из Нагорной проповеди), расширение сферы действия *X* (обобщение) др.

Четкое различие между данными оттенками не всегда очевидно: например, обобщение, поддерживаемое в контексте местоимением гот. *alls pāz*, ἅπας, ὅλος ‘весь, каждый’, сопровождается уступительно-ограничительной семантикой, на которую указывает частица гот. *sweþauh plīn, ἀλλὰ μὲν οὖν* ‘хотя, однако’, ср.:

akei þatei was mis gawaurki, þatuh rahnida in Xristaus sleiþa wisan. **arþan sweþauh all** domja sleiþa wisan in ufarassaus kunþjis Iesuis Xristaus frauþins meinis, in þizei allamma gasleiþiþs im jah domja smarnos wisan **allata**... — [ἀλλὰ] ἅτινα ἦν μοι κέρδη, ταῦτα ἤγημαι διὰ τὸν χριστὸν ζημίαν. **ἀλλὰ μενοῦνγε καὶ** ἠγοῦμαι **πάντα** ζημίαν εἶναι διὰ τὸ ὑπερέχον τῆς γνώσεως χριστοῦ ἰησοῦ τοῦ κυρίου μου, δι' ὃν **τὰ πάντα** ἐζημιώθην... (Phil. 3:7–8). «Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. **Да и все** почитаю тщетою ради превосходства познания Иисуса Христа, Господа моего: для Него я от **всего** отказался, и **все** почитаю за сор...».

Другой контекстно-обусловленный оттенок, который может приобретать союз *arþan*, наиболее близок к причинно-следственной связи. Назначение приводимого далее отрывка в том, чтобы показать последствия, к которым приводит отрицание Воскресения – средоточия евангельской вести:

...jabai usstass dauþaim nist, nih Xristus urrais. **arþan** jabai Xristus ni urrais, sware þau jas~so mereins unsara... — εἰ δὲ ἀνάστασις νεκρῶν οὐκ ἔστιν, οὐδὲ χριστὸς ἐγήγερται: εἰ δὲ χριστὸς οὐκ ἐγήγερται, κενὸν ἄρα [καὶ] τὸ κήρυγμα ἡμῶν... (Cor. I 15:13–15). «Если нет воскресения из мертвых, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна...».

Отрицавшие Воскресение, вероятно, полагали, что возвращение к жизни невозможно после смерти тела. Апостол Павел нарочно принимает их позицию и демонстрирует ее несостоя-

тельность, развивая до логического противоречия: если мертв Христос, то вера бесполезна, а Евангелие основано на лживом утверждении, ибо нет ни спасения, ни прощения грехов. Союз *ap̄pan* указывает адресату на особенную информативную важность правого контекста (усиление индикативности), в котором обосновывается несовместимость X с основами христианской догматики.

Указанный фрагмент сопоставим с похожим по структуре контекстом для союза *ip̄*. Христос, предсказав предательство Иуды, ободряет Своих учеников: сознание того, что они исполняют поручение Господа, поможет перенести унижения ради веры. Через образ Иисуса, посланника Божия, ученики, избранные Им «от мира», наделяются правом осуществлять на земле волю Бога-Отца:

...saei andnimip̄ pana panei ik insandja, mik andnimip̄; **ip̄** saei mik andnimip̄, andnimip̄ pana sandjandan mik — ...ὁ λαμβάνων ἄν τινα πέμψω ἐμὲ λαμβάνει, ὁ δὲ ἐμὲ λαμβάνων λαμβάνει τὸν πέμψαντά με (Ioh.13:20). «...принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает; **а** принимающий Меня принимает Пославшего Меня».

Основное отличие от *ap̄pan* состоит в том, что для проповедующего Христа и для внемлющих Ему учеников оба умозаключения риторически равноправны: ни одно не является предметом полемики.

Последнее обстоятельство значимо при анализе тех случаев, когда специфика *ap̄pan* сводится к указанию на бóльшую информативную силу правого контекста Y. Данное употребление можно определить как градационное, если учесть, что основанием градационности может выступать не только более или менее сильная степень проявления признака (Санников 2008: 315–318). Показателен следующий фрагмент:

...managizo im allaim [...] usaiwida, **ap̄pan** ni ik, ak ansts gudis mip̄ mis. —...περισσότερον αὐτῶν πάντων ἐκομίασα, οὐκ ἐγὼ δὲ ἀλλὰ ἡ χάρις τοῦ θεοῦ [ἡ] σὺν ἐμοί (Cor. I 15:10). «...я более всех их потрудился: не я, **впрочем**, а благодать Божия, которая со мною».

Обстоятельства призвания Апостола Павла, изначально гонителя христиан и Церкви, заставляют его считать себя недостойным звания апостола и приписывать успешность своих трудов и стараний одной лишь милости Божией. Поправка «*ap̄pan*

ni ik» касается грамматического значения личной глагольной формы *usaiwida* = praet. ind. act. 1Sg. ἐκομίασα = aor. ind. act. 1Sg. и предлагает видеть за фигурой деятеля волю Господа.

Ограничительное значение *arþan* проявляется в контекстах, где союз вводит предостережение или угрозу. В приводимом фрагменте эта семантика подкрепляется побуждением (императивом) в первой части сообщения:

waurkjaip nu akran wairþata idreigos jah ni duginnaiþ qipan in izwis: attan aigum Abraham... arþan ju so aqizi at waurtim bagme ligip: all nu bagme unbairandane akran god usmaitada jah in fon galagjada. — ποιήσατε οὖν καρπούς ἀξίους τῆς μετανοίας: καὶ μὴ ἄρξησθε λέγειν ἐν ἑαυτοῖς, πατέρα ἔχομεν τὸν ἀβραάμ, λέγω γὰρ ὑμῖν ὅτι δύναται ὁ θεὸς ἐκ τῶν λίθων τούτων ἐγεῖραι τέκνα τῷ ἀβραάμ. ἤδη δὲ καὶ ἡ ἀξίνη πρὸς τὴν ῥίζαν τῶν δένδρων κεῖται: πᾶν οὖν δένδρον μὴ ποιοῦν καρπὸν καλὸν ἐκκόπτεται καὶ εἰς πῦρ βάλλεται (Лс. 3:8 – 9). «Сотворите же достойные плоды покаяния и не думайте говорить в себе: «отец нам Авраам»... уже и секира лежит при корне деревьев: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь».

Показателен случай, когда союзы *ip* и *arþan* вводят сообщение с маркером таксиса, например, с наречием *faurþis* ‘прежде (этого)’:

swaswe raihtis lauhmoni lauhatjandei us þamma uf himina in þata uf himina skeiniþ, swa wairþiþ sunus mans in daga seinamma. arþan faurþis skal manag gaþulan... – ὡσπερ γὰρ ἡ ἀστραπὴ ἀστράπτουσα ἐκ τῆς ὑπὸ τὸν οὐρανὸν εἰς τὴν ὑπ' οὐρανὸν λάμπει, οὕτως ἔσται ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου [ἐν τῇ ἡμέρᾳ αὐτοῦ]. πρῶτον δὲ δεῖ αὐτὸν πολλὰ παθεῖν... (Лс. 17:24–25). «...ибо, как молния, сверкнувшая от одного края неба, блистает до другого края неба, так будет Сын Человеческий в день Свой. Но прежде надлежит Ему много пострадать...».

Беседуя с учениками о Царствии Божиим, Христос объясняет, что воцарение Господа будет сопровождаться не внешним великолепием, но многими страданиями и позорной смертью. В мирских гонениях на Господа залог Его вечной славы. Оба события обусловлены достижением единой цели и мыслятся как обязательные этапы одного неразрывного пути.

В аналогичном контексте с *ip* речь идет о том, как три человека выразили готовность следовать за Христом:

qaf þan jah anþar: laistja þuk, frauja; ip faurþis uslaubei mis andqipan þaim þaiei sind in garda meinamma — εἶπεν δὲ καὶ ἕτερος,

ἀκολουθήσω σοι, κύριε: πρῶτον δὲ ἐλίτρεψόν μοι ἀποτάξασθαι τοῖς εἰς τὸν οἶκόν μου (Лс. 9:61). «Еще другой сказал: я пойду за Тобой, Господи! **Но прежде** позволь мне проститься с домашними моими».

Каждый ответ соотносится с определенным искушением сойти с намеченного пути. Просьба проститься с домашними толкуется двояко: 1) служение Христу тягостно и исполнено лишений, потому что избрание этого пути равносильно смерти; 2) как обращенность помыслов к житейским заботам (Tenny 1985: 225). Антитеза богоугодного и мирского оправдывает использование союза *ip*. Попытка актуализировать в контексте Лс. 9:61 каузальную зависимость искажает исходный смысл утверждения «...последую за тобой, Господи, **потому что прежде** позволишь мне попрощаться с моими домашними». Соответствующее преобразование в стихе с *apfan* не нарушает традиций новозаветной герменевтики: «будет [сиять] Сын Человеческий в день свой, **потому что прежде** должен много выстрадать и быть изгнанным из рода человеческого».

- Спонтанный подбор пропозиций:

В ряде случаев *apfan* не выражает необходимой логической связи между соположенными сообщениями. Речь идет о контекстах, когда вводится перечисление, а также когда линия повествования переходит по ассоциации на новую тему или возвращается к уже упоминавшейся:

.... **apfan** wai þaim qifuhafom jah daddjandeim in jainaim dagam. **apfan** bidjaiþ ei ni wairþai sa þlauhs izwar wintrau. – οὐαὶ δὲ ταῖς ἐν γαστρὶ ἐχούσαις καὶ ταῖς θηλαζούσαις ἐν ἐκείναις ταῖς ἡμέραις. προσεύχεσθε δὲ ἵνα μὴ γένηται χειμῶνος (Мс. 13:17–18). «...Горе беременным и кормящим грудью в те дни. Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою».

haurds auk mis usluknoda mikila jah waurstweiga, jah andastapjos managai. **apfan** jabai qimai Teimaupaius, saihvip... **apfan** bi Araullon þana broþar bandwja izwis... – θύρα γάρ μοι ἀνέωγεν μεγάλη καὶ ἐνεργής, καὶ ἀντικείμενοι πολλοί. ἐὰν δὲ ἔλθῃ τιμῶθεος, βλέπετε... περὶ δὲ ἀπολλῶ τοῦ ἀδελφοῦ, πολλὰ παρεκάλεσα αὐτὸν...(Cor. I 16:9–12). «ибо для меня отверста великая и широкая дверь, и противников много. Если **же** придет к вам Тимофей, смотрите, ... **А что** до брата Аполлоса, я просил его...».

Приведенные контексты отличаются мозаичностью повествования. Союз создает ощущение продолжения ранее начатой

темы, хотя она могла и не упоминаться в предшествующем контексте. Используя предложенную А. Вежбицкой терминологию, данную функцию можно определить как метатекстовую (Вежбицкая 1978: 402–421): новая тема воспринимается как часть продолжающегося текста и маркирует линейное развитие повествования «по прямой» (Урысон 2011: 256–258, 284–290).

В сходном случае с *ip* спонтанность развертывания текста отсутствует. В приводимом фрагменте Христос утешает учеников перед предстоящей смертью. Речь идет о ниспослании Духа, которое должно состояться как плод Христова искупления. Возмездие осуществится через обличение мира и полное оправдание Евангелия:

jah qimands is gasakip þo manaseþ bi frawaurht jah bi garaihtifa jah bi staua; bi frawaurht raihtis, [þata] þatei ni galaubjand du mis; **ip** bi garaihtifa, þatei du attin meinamma gagga, jah ni þanaseiþs saihrivþ mik; **ip** bi staua, þatei sa reiks þis fairhvaus afdomiþs warþ. – καὶ ἐλθὼν ἐκεῖνος ἐλέγξει τὸν κόσμον περὶ ἀμαρτίας καὶ περὶ δικαιοσύνης καὶ περὶ κρίσεως: περὶ ἀμαρτίας μὲν, ὅτι οὐ πιστεύουσιν εἰς ἐμέ: περὶ δικαιοσύνης δέ, ὅτι πρὸς τὸν πατέρα ὑπάγω καὶ οὐκέτι θεωρεῖτέ με: περὶ δὲ κρίσεως, ὅτι ὁ ἄρχων τοῦ κόσμου τούτου κέκριται (Ioh.16:8–11). «...и Он, придя, обличит мир в грехе и в правде и в суде: в грехе, что не веруют в Меня; в правде, что Я иду к Отцу Моему, и уже не увидите Меня; в суде же, что князь мира сего осужден».

Приводится толкование каждого из этапов возмездия, упомянутых в основном тезисе. Таким образом, «список» строго ограничен и лишен спонтанности, а союз выступает в делимитативной функции.

В заключение, необходимо оговорить особое употребление *afþan* при инвокациях:

afþan þiudana aiwe, unriurjamma, ungasaihvanamma, ainamma, frodamma guda swerifa jah wulþus in aldins aiwe. amen. — τῷ δὲ βασιλεῖ τῶν αἰώνων, ἀφθάρτῳ, ἀοράτῳ, μόνῳ θεῷ, τιμὴ καὶ δόξα εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων: ἀμήν. (Tim. I 1:16–17). «Царю же веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во веки веков. Аминь».

Закреплению инвокации в литургии предшествует прочная традиция, как античная с инвокацией в лирике и в эпосе, так и ветхозаветная, отраженная, например, в Псалтири.

Этимология гот. *arþan* включает сопоставление с лат. *at*, др.-греч. ἀτάρ (<*h₂et)² (в том числе в составе эпических формул см., Miller 1982: 42), что в итоге позволяет видеть за данной формой проклитический комплекс частиц так называемого основного (или ваккернагелевского) типа (Зализняк 2007: 45–46; Зализняк 2008: 24–27).

В готском языке сохраняется не только обязательность начальной позиции, но и, по всей видимости, исходная семантическая диффузность, присущая комплексам клитик и партикул (Николаева 2008: 201–211). Инвариантное значение определяется как указание на совместимость последующего сообщения с предтекстом. Новое вхождение в текст приобретает высокую информационную релевантность, что подразумевает близкое расположение ортотонической лексемы-акцентоносителя (Носк 1996: 203–265).

В зависимости от окружающего контекста союз может выражать ограничение, градацию, уточнение, предупреждение или выступать в метатекстовой функции при утрате референциальной семантики. Выявленная семантическая структура объясняет характерную для *arþan* закрепленность за прямой речью и высокую частотность в тексте апостольских Посланий.

Литература

- Вежбицкая 1978 – Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М. С. 402–421.
- Зализняк 2007 – Зализняк А. А. «Слово о Полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., «Языки славянских культур».
- Зализняк 2008 – Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: «Языки славянских культур».
- Николаева 2008 – Николаева Т. М. Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих частиц»). М.: «Языки славянских культур».

² Изучение др.-греч. ἀτάρ и ἀντάρ на протяжении 20в. остается предметом острой полемики. Наиболее детальное освещение данной проблемы предлагает К. Ройх (Ruijgh 1957: 29–55), рассматривая данные единицы в составе эпических формул. Предполагается, что ἀτάρ относится к ионийскому диалекту, тогда как ἀντάρ представляет пласт ахейской лексики. Намечаются предпосылки реконструировать и стилистическое различие. Попытка Д. Дункеля (Dunkel 1988: 53–78) найти общие черты в морфологии и семантике ἀτάρ и ἀντάρ не получили поддержки (Klein 1988: 249–288; Katz 2001:1–18).

- Санников 2008 – Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: «Языки славянских культур».
- Урысон 2011 – Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов. М.: «Языки славянских культур».
- Хенри 2002 – Хенри М. Толкование на книги Нового Завета. Stichting Fridenstimme, Netherlands.
- Beekes 2010 – Beekes R. Etymological Dictionary of Greek. Leiden: Brill (= Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Ed. A.Lubotsky. Vol.10/1).
- Dunkel 1988 – Dunkel G. ‘Indogermanisch *át, vedisch átha’ // Historische Sprachforschung. Bd.101. S.53–78.
- Denniston 1966 – Denniston J. D. The Greek Particles. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press.
- Miller 1982 – Miller D. G. Homer and the Ionian Epic Tradition. Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- Hock 1996 – Hock H. H. Who’s on First? Toward a Prosodic Account of P2 Clitics // AS CSLI. P.199–270.
- Katz 2001 – Katz J. T. The Epic Adventures of an Unknown Particle. Princeton University Press.
- Klein 1988 – Klein J. Homeric Greek αὐ̄: a synchronic, diachronic, and comparative study // Historische Sprachforschung. Bd.101. S.249–288.
- Ruijgh 1957 – Ruijgh C. J. L’Élément achéen dans la langue épique. Assen.
- Streitberg 1950 – Streitberg W. Die Gotische Bibel. Heidelberg, Carl Winter Universitätsverlag.
- Tenny 1985 – Tenny M. C. New Testament Survey. Leicester: Inter-Varsity Press.

O. V. Kameneva. Some remarks on the semantic structure of Goth. conjunction *apþan*

The article considers the use of Goth. conjunctions *ip* and *apþan* to translate Gr. $\delta\epsilon$. While *ip* behaves as a proper adversative conjunction, *apþan* demonstrates a variety of meanings denoting co-occurrence of events, the latter bearing stronger indicative force.

М. С. Касьян

ROSEA CORONA И КОМПОЗИЦИЯ «МЕТАМОРФОЗ» АПУЛЕЯ

Habes crimen meum, Maxime, quasi improbi comisatoris
de sertis et canticis compositum¹.
(Apul. Apol. 10)

Odor rosarum manet in manu, etiam rosa submota.
(Erasmus. Colloquia familiaria 18)

Резюме. В статье рассматривается мотив розы (гирлянды и венка из роз) в связи с некоторыми аспектами сложного построения знаменитого романа Апулея «Метаморфозы».. Образ сплетенного венка, в том числе из роз, имеют у Апулея не только символический смысл, но и многослойные коннотации: сакрально-культовые, мифологические и, наконец, литературные. Если розы до того, как Луций-осел получит возможность их съесть и вернуться в человеческий вид, являются атрибутами Венеры и ее «субституттов» и бывают в различных видах (в саду, в гирляндах, в венках), то после превращения Луция они становятся цветами Исиды и имеют форму венка (corona). Автор приходит к выводу, что этот роман имеет кольцевую, а не линейную композицию, а венок из роз (corona rosea) является ключевым образом для этой композиции.

Ключевые слова: античный роман, Апулей, композиция, венки, розы, метаморфозы, литературная традиция

Тот факт, что *Метаморфозы* Апулея имеют законченную форму, усложненную композицию и изощренную стилистику, не вызывает сомнений. При некоторых вариациях выделяется 13 вставных новелл² (среди которых 4,28 – 6,24 – центральный рассказ-сказка, *fabula de Cupidine et Phsyhe* – далее *KuΠ*); отдельно насыщенный скрытыми и явными намеками на будущее повествование и всякого рода ключами *Пролог*, а также «дополнительная» 11-я³, т. н. «исидическая» книга. Сквозной

¹ «Значит, вот за что обвинение ты, Максим, выдвигаешь мне, словно кутиле бесстыжему, – за венки да песни».

² Имеются в виду именно те сюжеты, о которых герой только узнает, но не участвует в них сам – см. Shumate 1999: 96–106.

³ Число книг в известных нам греческих нарративах романного типа четное.

мотив романа – розы – отдельные, растущие на кустах или сплетенные в венки и гирлянды. Упоминания о них рассыпаны по тексту романа, поскольку найти эти розы и съесть их герой мечтает, начиная с третьей главы (3, 25) и вплоть до последней (11, 6), когда видит, наконец, в сакральной процессии в руках жреца «розовый венок» (*roseam coronam*).

Выскажем сразу нашу главную мысль в виде тезиса: венок из роз у Апулея – метафора для композиции всего романа, объединяющего таким образом вставные истории. Читатель, который их «съедает», прочитывая, также может сбросить ослиную шкуру и стать человеком. В некотором роде розы, а точнее, *corona rosea* – композиционный код романа.

Структура построения *Метаморфоз* обычно рассматривается как ряд эпизодов, объединенных общим сюжетом, где в поле зрения Луция-протагониста попадает ряд персонажей (из мира людей и богов), а один из главных мотивов для продвижения сюжета, розы, воспринимаются даже полукомически (осел и розы). Однако мы предлагаем видеть не только символический смысл этого образа у Апулея, но и его многослойные коннотации: сакрально-культовые, мифологические и, наконец, литературные.

Розы (всегда во множественном числе) упоминаются в *Метаморфозах* 13 раз в 11 разных эпизодах⁴. Стараясь не впасть в нумерологическую «ересь», заметим все же, что вставных новелл 13, а книг в романе 11. Розы встречаются в различном виде: сплетенными в венки или гирлянды, рассыпанными (отдельными цветками или как россыпь лепестков) и растущими в природе (в виде кустов). Первое упоминание роз в романе (2, 16) связано с любовной сценой Луция и служанки Фотиды, которая является на свидание с охапкой роз и украшает ими ложе, а последнее (11, 13) – с сакральной процессией и поеданием венка из роз в надежде на обращение физическое и духовное.

⁴ 13 раз именно в словоформе *rosae/rosa* (2,16; 3,25; 3,29 – 2 р.; 4,2 – трижды; 6,11; 6,24; 7,15; 10,29; 11,6; 11,13), а если считать с однокоренными словами, то чаще. Эпизоды с участием или упоминанием роз: 2,16; 3,25 (обещание Фотидой легкого исцеления); 3,27 (изображение Эпоны в конюшне); 3,29 (страх превратиться в человека среди разбойников); 4,1–3 (это ложные, ядовитые розы, *rosae laureae, uenenum rosarium*); 6,11 (украшение Венеры); 6,24 (божественная свадьба); 7,15 и 10,29 (надежда на скорый приход весны); 11,6 (обещание Исиды в видении Луция); 11,13 (венок, который съедает наконец герой).

Розы первой сцены сопровождают Луция любопытного и сладострастного, розы последней осеняют возвращение ему человеческого облика и приобщение к культуре Исиды⁵. Таким образом, основная интрига романа не только связана с ними как с магическим средством освобождения от ослиного облика, но имеет и второй низкий регистр – розы земной любви и сладострастия. Это, прежде всего, розы Венеры, и таким образом эпизоды с розами имеют два центра притяжения: это тематика любви-Венеры-брака и тематика спасения.

Розы и спасение

После того как Фотида успокаивает Луция и обещает ему избавление от ослиного облика при помощи роз, Луций-осел предпринимает несколько неудачных попыток до них добраться:

3,27. – 1-я возможность появляется у осла-героя ночью сразу после его превращения. Луций видит в конюшне изображение богини Эпоны и пытается дотянуться до украшающих его *corollae roseae*; но его отгоняет его собственный слуга (который явится после обратного превращения к хозяину с белым конем). В перспективе всего романа стоит обратить внимание на то, что первые розы, которые не достались Луцию – розы, украшающие божество, находящиеся в сакральном контексте, но божества не самого великого и, можно сказать, местного масштаба. Эпона – италийское божество, покровительница коней, но осел посягает и в этом случае на что-то такое, для чего он мал и чего недостойн. Луцию рано еще превратиться в человека, ибо его путь испытаний не пройден.

3,29. – 2-я возможность предоставляется также почти сразу – розовые кусты растут поблизости, от чего, однако, Луций благо-разумно сам отказывается из страха за свою жизнь (*Tunc igitur a rosis et quidem necessario temperavi et casum praesentem tolerans in asini faciem faena rodebam*); Луций опасается, что его человеческий облик будет ему возвращен на глазах разбойников и он будет обвинен в магии. Оказывается, его человеческий

⁵ Намного более бесхитростную, чисто «инструментальную» функцию имеют розы в греческой версии истории «Луций или Осел» и мест, где они упомянуты, всего 5.

облик может быть опасен и лучше до поры до времени оставаться ослом.

4,2. – 3-ю возможность исключает еще более прямая угроза: розы в садике оказываются ложными, ядовитыми «лавровыми розами» (*quos... uulgus indoctum rosas laureas appellant*), т. е. цветками олеандра; оказывается, что возможен ложный путь, ведущий не к спасению, а к смерти.

Больше Луций-осел и не встретит на своем пути роз, а ближе к концу, когда он будет находиться в самой нижней точке своих страданий и мук от ослиного облика, розы останутся для героя уже только мечтой в ожидании весны, когда снова расцветут эти цветы (7,15), и под конец уже совсем слабой надеждой (10,29 – *tenuis specula*) найти свежие розы. Таким образом, розы оказываются для Луция то недоступны, то опасны, появляются то в сказке (рассказ старухи о богах), то в мечтах, то в пророчестве (обещание Исиды). Средством же обратного его превращения и спасения в 11-й книге становится **веночек** из роз (*rosea corona* и *corona rosis amoenis intexta*).

Розы, прямо не связанные с основным сюжетом избавления, появляются в самой большой и занимающей центральное место в *Метаморфозах* вставной новелле о Купидоне и Психее (4,28–6, 24) как атрибут Венеры и брачного пира, где они будут украшать саму Венеру (6,11) и божественный брак Купидона с Психеей (6,24).

Господство розы

Будучи лейтмотивом романа, розы, можно сказать, вытеснили названия всех остальных цветов. При том, что речь о цветах в *Метаморфозах*, конечно, идет много раз, но ни разу не встретятся названия других цветов, а лишь упоминания о «цветах» вообще (*flores, flos*), или «разнообразных цветах» (*varii flores* 11, 3), или «прочих цветах» (*ceteri flores* 6, 24), а также *flos* может иметь иногда значение «цвет-окраска» или «цвет-цветение». Итак, розы – единственный цветок романа, так сказать, цветок *par excellence*, хотя прямо называются не так уж часто.

К розам и к «цветам вообще» добавляется розовый колорит, присутствующий постоянно в тексте. Дополнительную «розовую» окраску, одновременно и для словесной игры, и для акцента на центральном мотиве, дают однокоренные слова: *roseus* (многократно), *rosarium* (трижды: в конце 3-й и нач. 4-й кн., первое – надежда, второе – розы в этом розовом саду оказываются обманными), а также иные лексемы цветообозначения

розово-красно-пурпурной гаммы (*purpureus, purpurare, rubor, mineus, flammeus, rubere, rubescere*)⁶. «Розовеют» в романе не только цветы, но и женские персонажи. Так восторг Луция вызывает розовая кожа Фотида (2, 8 *de cutis roseo rubore* – при описании красоты женских волос, оттеняющих розовое тело) или ее «розовая ладошка» (2, 17 *rosea palmula*), прямо сравниваемой в этом месте с Венерой («преобразилась она прекрасно для радостного наслаждения, наподобие Венеры, входящей в волны морские», – пер. М. Кузмина); такая же деталь отразится в *KuII*, когда сама Венера «розовыми ступнями» (4, 31 *plantis roseis*) будет ступать по морю⁷; а на коже Психеи проступают «капельки розовой крови», когда она колется случайно стрелой Купидона (5,23 *sanguinis rosei guttae*). Еще одно место отмечено розовым отсветом – начало 3-ей книги, место особо важное, ибо именно здесь совершится превращение Луция в осла – восходит розовая Аврора (3,1 *Commodum poenicantibus phaleris Aurora roseum quatiens lacertum caelum inequitabat*). Все эти дамы в розовом – Фотида, Аврора, Венера, Психея, Исида – имеют отношение к главному герою, и, замещающая постепенно одна другую (Фотида – Венеру; Венера – Фотиду, Психея – Венеру, Исида – Венеру), сливаются в облике спасительной Икиды. Перед обратным превращением и обращением Луция богиня ему является в тунике, передающейся разными цветами, среди которых и цвет алой розы (11,3 – *tunica . . . nunc roseo rubore flammida*).

Учитывая «розовый свет», разлитый в романе, а также – разнообразие и частоту использования в тексте оттенков красно-розового, есть основания предполагать, что именно эти цвета (*varii* может означать разную окраску) подразумеваются и при упоминании «просто цветов». Вероятно, таковы и цветы, которые в рассыпанном и связанном виде разбрасывают девушки на театральном представлении суда Париса (10,32 –

⁶ В некоторых случаях *roseus* указывает на материал – «из роз» (3,27 и 11,6), а *purpureus, purpurare* и пр. имеют, скорее, значение красоты, а не буквально цвета. Однако стилистически Апулей всегда склонен к игре, как звуковой, так и семантической.

⁷ Иногда образ роз совершенно имплицитен, лишь ассоциативен – так в 8,25 в шутливо-ироническом контексте упоминается Венера «со своим Адонисом», а возникновение роз миф связывает с каплями крови Венеры, когда она спешила к мертвому Адонису и поранила себе ноги.

iaculis floris serti et soluti deam suam propitiantes), поскольку это место параллельно 6,24, где Оры на небесной свадьбе Купидона и Психеи все вокруг, рассыпая «розы и прочие цветы» (*rosis et ceteris floribus purpurabat omnia*). Действительно, в 10, 23 также цветы в собрании богов, только представленном на сцене, а не в небесных чертогах, как в увлекательном рассказе старухи, и рассыпают их тоже Грации и Оры, которые связаны с Венерой, задумывающей брак Париса⁸. И еще выскажем дополнительное наблюдение, что довольно частое использование в тексте прилагательных с вполне обычным суффиксом *-os-*, но присоединенным к корням, оканчивающимся на *-r-*, создает дополнительно звукопись *-ros-*; частотность таких слов по сравнению со всеми другими текстами Апулея высока – больше 40 случаев (при том, что подобные слова в других произведениях Апулея встречаются всего 2–3 раза)⁹.

Таким образом, Апулей не только постоянно играет звуковым обликом слова и его смыслом, но создает особо насыщенное, даже избыточное зрительно-звуковое восприятие текста.

Розами на ложе Фотиды начинается история метаморфозы героя, розами венка в руках жреца она заканчивается; одно божество, которому поклоняется Луций, замещается другим, Исида замещает Венеру, а в культе их обеих используются розы или венки из роз¹⁰.

Гирлянды и венки

Обратим теперь особое внимание именно на сплетенные розы и венки из роз. Как уже было сказано, первая встреча

⁸ Нельзя тут не вспомнить особым образом розовеющую шею Венеры у Вергилия в «Энеиде», как отличительный признак божественной ее природы и красоты: *Dixit et auertens rosea ceruice refulsit* (Aen. I, 402). Возможно, эта строка была отправной точкой для Апулея.

⁹ Такие, как *generosus*; *operosus/-e*; *facinerosus/facinorosus*; *umbrosus*; *numerosus*; *cinerosus*; *lucrosus*; *vaporosus*; *salebrosus*; *ambroseus*; *probrosus*; *scelerosus*; *lucrosus*. Тот же суффикс встречается и во множестве иных прилагательных в романе, не создавая звукового эффекта «-ros-», и число их намного больше, но в данном случае, как нам кажется, важно не числовое преобладание одних над другими, а заметное присутствие их в одном тексте и отсутствие в другом у одного автора.

¹⁰ О символике роз и их использовании в культах (в основном, египетских), в том числе и о венках из белых роз в культе Исиды см. комм. Гриффитса к 11-й кн. Метаморфоз (Griffiths 1975: 159–161).

ничего не подозревающего Луция с розами происходит в 2,16, но они не просто здесь названы «розы», а *rosa sarta et soluta* («розы сплетенные и розы отдельные»). Субстантивированная форма мн. ч. *sarta* (или *sarta, ae*) означает или гирлянду, или венок, т. е. каким-либо образом связанные цветы (колосья, лавр и пр.). *Sarta* характерна больше для поэтической, а не прозаической речи, выступая часто синонимом *corona*, венка, имеющего замкнутую или разомкнутую форму¹¹. В *Метаморфозах* такое выражение Апулей употребляет еще дважды, но уже не с розами, а с цветами. Само словосочетание *serti et soluti* весьма необычно¹² и вставлено в тексте не в случайных местах, а сюжетно значимых:

1. *ecce Photis mea... laeta proximat rosa sarta et rosa soluta in sinu tuberante* (2,16) – при первом любовном свидании с Фотидой, из чего позже и завяжется сюжет превращения Луция; здесь герой не устает сравнивать прелести своей возлюбленной с Венерой.

2. *iamque per plateas commeantem populi frequentes floribus sertis et solutis adprecantur* (4,29) – в центральной вставной фабуле о Купидоне и Психее, где эти гирлянды и цветы имеют культовое назначение, но увенчивают ими не изображения и алтари Венеры, а ее «двойник» – смертную Психею.

3. *hinc Gratiae gratissimae, inde Horae pulcherrimae, quae iaculis floris sertis et soluti deam suam propitiantes scitissimum construxerant chorum* (10,32) – на театральном представлении на сюжет суда Париса, где Оры и Грации появляются в свите Венеры, как и в сцене небесного брака в *KuII* (ср. 6,23).

Так, эти выражения, во-первых, во всех трех случаях (как и почти в каждом месте, где упомянуты розы) связаны с образом Венеры. Вероятнее всего, во всех этих местах имеются ввиду венки/гирлянды именно роз и рассыпанные розы/лепестки, ведь речь идет о венках собственно Венеры и ее «заместительниц» в разных частях романа – Фотиды, которая с Венерой постоянно

¹¹ Чаще понимается как 'гирлянда', поскольку *corona* и *sarta* нередко перечисляются в одном ряду (напр., Плавт, Азин. 803; Лукр. 1, 1132), обычно как атрибут культа или пира.

¹² В корпусе классических латинских текстов дословно такое сочетание не встречается. Сходная конструкция есть у Минуция Феликса: *Min. Oct. 38 2 cum capiamus et rosam veris et lilium et quicquid aliud in floribus blandi coloris et odoris est? his enim et sparsis utimur mollibus ac solutis et sertis colla conplectimur.*

сравнивается, и Психеей, ее «двойником». Во-вторых, они имеют некоторую особую композиционную значимость: эти культовые или псевдо-культовые атрибуты упоминаются а) до превращения Луция, б) в центральном вставном эпизоде, в) почти в конце его мытарств, в их кульминационной точке, самой опасной для его жизни.

Однако наш осел, когда получает избавление, съедает не просто розы, не просто их связки (*serta*), а венок (*corona*) из роз. Существенно ли такое разделение названий и их расположение в общей композиции романа? Мы полагаем, что существенно и оно не случайно, – *corona* сильнее нагружено символическим смыслом и коннотациями, а *flores serti*, как мы хотим показать, важны автору с литературной стороны, и сочетание этих почти синонимов может быть значимым для структурного принципа организации всего текста, т.е. композиции *Метаморфоз*.

В романе многократно упоминаются венки, веночки, венко-награда (*corona, corollae, corollarium*¹³). Венки (*coronae*) эти разнообразные – из цветов (в том числе и из роз – 4,27), из оливы (10, 30), с колосьями (6,2) или неизвестно из чего (несколько раз в кн. 11); они или знаменуют религиозное почитание (в 4,30 Венера возмущается, что из-за Психеи ее алтари останутся без венков – *incoronata simulacra*) или чью-то победу (9,16), или являются атрибутом богинь (Цереры, Минервы). Но большинство мест, где фигурируют в описании или действии *coronae*, – это заключительная «исидическая» книга, это – венки Исиды, ее сакральной процессии и культа (11,3; 11,4; 11,12; 11,13; 11,27). Если до роковой метаморфозы (или сразу после) Луций имеет дело с веночками (*corollae*), в том числе и из роз (2,16; 3,24; 3,27), то **венюк** из роз (*corona rosea; corona rosis amoenis intexta*) появляется только в сам момент перехода от ослиного вида к человеческому, в развязке и в последующем рассказе героя уже о своей дальнейшей судьбе (11,6 и 11,13). Как ни странно, упоминаний *corona* по всему тексту в целом тоже 13¹⁴.

¹³ *Corollarium* – награда, «бонус»; исключительно в сниженном контексте (магическом – 2,23 и эротическом 3,20).

¹⁴ Между тем существует и другая *corona*, в которой именно 13 звезд: это Южная корона (*Corona australis*), созвездие, посвященное, по преданию, Коринне, это – венок, полученный поэссой за победу, венок за стихи, за поэзию. Апулей не был астрологом, напротив, он

На наш взгляд, в *Метаморфозах* есть описания, существенные для понимания нарративного авторского принципа, метафорически указывающих на форму романа как на сплетенный венок. В тексте романа, на наш взгляд, есть два, по крайней мере, места, оба в 11-й книге: 11,3 (сплетение венков и роз-цветов) и 11,22 (сплетение слов и смыслов), которые можно прочесть как метафору романа-венка. Это – имплицитное указание автора на то, что его текст представляет собой не просто набор отдельных рассказов, скрепленных приключениями протагониста (на манер застольных или путевых историй), выстроенных не в линейной композиции от начала к концу истории, а именно в **сплетении** этих историй в определенной форме.

I. В эпифании Исиды (11,3–6), «царицы неба» (*regina caeli*), объединяющей в себе все божества (в том числе и Венеру, только уже небесную (11, 2), венки упомянут не раз. Фантастический вид поднимающейся из моря богини, как можно видеть, коррелируется со многими мотивами и сюжетами предыдущей части *Метаморфоз*:

1. Первое, это венок на ее голове – *corona multiformis variis floribus sublimen destrinxerat verticem* – из «разнообразных цветов», который имеет в центре «круглую пластину вроде зеркала» – *plana rotunditas in modum speculi*. Это – венок из цветов, скорее всего, роз различной окраски. Что соотносится с формой романа как «венка разнообразных историй», где *КуП*, расположенная точно по центру, выполняет, можно сказать, роль центрального зеркала.

2. Кроме цветов на голове присутствуют колосья – *spicae Ceriales*, из чего и принято сплести венки и гирлянды в культе Цереры. С Церерой встречается Психея, когда забредает в ее храм с массой разбросанных и сплетенных венками колосьев (6, 1 – *alias flexiles in corona et spicas hordei*).

высмеивает астрологов, как в *Метаморфозах* (см. 2,12–13 – халдей Диофан; 8,24), так и в *Апологии*. Но он считал, тем не менее, звезды видимыми богами (О демоне Сократа, 1), и предположить в его художественном арсенале литературную игру с образами созвездий, особенно такого, которое представляет собою награду за победу в поэтическом состязании, вполне можно. Ср. также в поэме *Манилия* (5,251–269) созвездия Северной Короны описаны как сад разнообразных цветов, в том числе и в венках, и имеют многие пересечения с венками *Метаморфоз*.

3. Далее описывается «многоцветная» туника богини – и разнообразие цветов ее головного венка передано разнообразием цвета, цветы как бы перетекают в цвета одежд. Но в этих переливах Луций отмечает всего три цвета: белый, желтый (шафрановый) и розово-алый (*nunc albo candore lucida, nunc croceo flore lutea, nunc roseo rubore flammida*), а именно таких, и только таких, цветов бывают в природе дикие розы. Хотя розы во всем повествовании преимущественно красные, здесь они получают единый образ розы самой по себе, т.е. идеи розы.

4. По подолу черного плаща вьются венки из цветов и плодов: *individuo nexu corona totis floribus totisque constructa pomis adhaerebat*. Отметим здесь также их «неразрывное сплетение», – так же, как связаны и все отдельные, но неразрывно сплетенные сюжеты (*fabulae*) в романе.

5. Наконец, в довершение описания, на ногах Исиды – сандалии из пальмовых листьев, причем эти листья определены как «победные» – *soleae palmae victricis foliis intextae*. Это – почти прямое указание на венки победы, предназначенный уже не для читателя, а для протагониста (Луций примет первое посвящение в «олимпийской школе» и венке из *foliis palmae candidae* – б, 24) или даже для автора.

К вполне справедливому заключению приходит М. Плаза при анализе семантики цвета (но не цветов) у Апулея, подчеркивая, что в этой сцене «термины, обозначающие одни и те же цвета в описании не аналогичны: *album* не то же, что *candor*, *croceus* – не *luteum*, *roseum* – не *flammidum*», но что все вместе они символизируют те божественные сферы, с которыми соприкасается Луций (от подземного мира до небесных чертогов), и создают такое сияние и переливы цвета, которые «неуловимы для восприятия человеческими органами чувств», а лишь даются намеком (см. Plaza 2008: 10–11). Однако намеки, игра на образах, звуковом облике слов и смыслах – характерная черта апулеевского стиля в романе; в данном случае они важны прежде всего для читателя, который должен как-то их улавливать.

Таким образом, Исида представляет собой с ног до головы что-то вроде «универсального», космического венка, где сплетены почти все виды и материалы венков, прикрытые сверху черным бархатом звездного неба – плащом богини. Это – видение божественного уровня, на несколько минут открытое взору героя. Так трагикомический сюжет с ослом-человеком,

начатый с охапки роз на ложе любви (*rosa sertā et soluta*), увенчивается небесным венком-Исидой.

II. Таинственные письма (11, 22), непонятные записи (папирусные свитки?), из которых жрец зачитывает Луцию наставление перед его первым посвящением в таинства богини. Знаки этого письма (= текста) совершенно неразборчивы, однако Луций подробно пересказывает читателю, как оно выглядело. Здесь можно увидеть тот же образ сплетения, на манер венка, только сплетения **слов, т. е. текста**, в особой вязи изображений животных и странных узлов, скрывающих смысл написанного. Книги эти были «покрыты неведомыми знаками; частью текст образовывался сокращенными словами с добавлением фигурок каких-то животных, частью – чтение оказывалось защищено от любопытства непосвященных узловыми сплетениями и закругленными, словно кольца и изгибы лозы, густо начертанными письменами»¹⁵.

Предположения о реальном прототипе подобного письма (напр., египетское иератическое письмо), высказывались неоднократно¹⁶, но автором акцент, скорее всего, ставится на совершенной невозможности разобрать его знаки, а совсем не на непонятности его смысла. Смысл текста лишь скрыт под этими густыми сплетениями. Жрец его читал, Луций выслушал и понял. Но и сходство с египетским письмом, которое тщательно отмечается в комментариях, не противоречит литературной игре и метафорике образа защищенного от профанного любопытства папируса, который автор переносит на все свое произведение. И сами *Метаморфозы* оказываются также неким неразборчивым, на первый взгляд, папирусом, на который автор указал еще в первой фразе романа (1,1) и который надо воспринимать не только буквально (занимательные приключения), но и символически (путь к спасению).

Оба места весьма далеки от прямого намека на такое их истолкование, но содержат много скрытых: Исида и ее облик,

¹⁵ 11,22 – profert quosdam libros litteris ignorabilibus praenotatos, partim figuris cuiusce modi animalium concepti sermonis compendiosa verba suggerentes, partim nodosis et in modum rotae tortuosis capreolatimque condensis apicibus a curiositate profanorum lectione munita.

¹⁶ См. Griffiths 1975: 285; О. Левинская в недавней статье дает интересную мифологическую интерпретацию египетских «меток», разобранных в романе (см. Левинская 2010).

где собраны воедино различные виды венков и розы – это кумуляция центрального образа-венка; загадочные письма на свитке жреца, это – сплетение слов и смыслов, которые автор истории о Луции-осле и его странствиях представил нам в образах и многообразных сюжетах.

Текст как венок

Поэтический сборник, представленный в виде венка (собственно *Антология*), хорошо известен в эллинистической поэзии (напр., *Венок Мелеагра*). Выстраивание своего сочинения как сплетения различных стихов – вполне бы отвечало такой традиции. Апулей же постоянно экспериментирует и с традицией играет, либо сознательно ей противоречит. *Метаморфозы* – нарратив крупной формы в прозе, и роль отдельных песен/стихов в таком случае структурно могут выполнять рассказы/истории. У самого нашего автора, т. е. Апулея, мы находим мини-образец поэтического послания-венка, где все построено на игре со словами *serta* и *carmina* и где обыграны многие мотивы и образы, использованные, вполне вероятно, позже в сложной структуре *Метаморфоз*. В *Апологии*, издеваясь над нелепыми обвинениями, в частности, в игривости и любовном содержании его стихов, Апулей приводит один из них (Апол. 9), изысканно отделанный в духе неотерической или анакреонтической поэзии. Тут не только присутствуют вполне обычные атрибуты любовного послания: и цветы, и розы, и весна, и венки (*serta*), но венки и песни находятся в неразрывном сплетении – это поэтический дар в знак любовной привязанности:

florea **serta**, meum mel, et haec tibi carmina dono.
carmina dono tibi, **serta** tuo genio,
carmina, uti, Critia, lux haec optata canatur,
 quae bis septeno uere tibi remeat,
serta autem, ut laeto tibi tempore tempora uernent,
 aetatis florem floribus ut decores.
 tu mihi das contra pro uerno flore tuum uer,
 ut nostra exuperes munera muneribus;
 pro implexis **sertis** complexum corpore reddes,
 proque rosis oris sauia purpurei.

quod si animam inspires donaci, iam carmina nostra
cedent uicta tuo dulciloquo calamo.¹⁷

Попробуем проанализировать эту «безделку» Апулея в сравнении с *Метаморфозами*: и *serta* и *carmina* употребляются хиастически и равное число раз, а на место цветов/роз в венке (которые также имеют топонимное определение «пурпурные»), можно подставить *carmina*. Слово *carmina* – ключевое и повторяется с усилением, общее определение, образ «сплетенной песни», которая будет побеждена «сладостно-звучащим тростником». Подозрительное совпадение лексики и мотивов с теми, которые мы разбирали выше, а также игра на двойном смысле *calamus* ('тростник' – музыкальный инструмент и инструмент письма) отсылает нас к *Метаморфозам*. И, прежде всего, к «нильскому тростнику» Пролога (1,1).

Начало *Метаморфоз*, пролог, обращенный к анонимному читателю, привлекает особое внимание исследователей Апулея¹⁸, прежде всего по причине как авторского начала, в отличии от греческого варианта, так и концентрации понятий и стилистической витиеватости, за которой просматривается далеко не простой выбор слов и их сочетаний. В целом это традиционное снискание благосклонности слушателя-читателя, свойственное и поэтическим и прозаическим литературным формам¹⁹.

1,1 At ego tibi sermone isto Milesio varias fabulas conseram auresque tuas benivolas lepido susurro permulceam — modo si papyrus Aegyptiam argutia Nilotici calami inscriptam non spreveris inspicere, — figuras fortunasque hominum in alias imagines conversas et in se rursus mutuo nexu relectas ut mireris. exordior.

¹⁷ В переводе Е. Рабинович: Вот тебе, сладкий ты мой, цветы в подарок и песня: // Песня — тебе, а венок — дивному стражу души! // Песнею, Критий, да славится свет благодатного утра // В день, как твоя занялась дважды седьмая весна; // Да увенчают чело на радость долгую розы, // Дабы в цветущих летах прелесть цветами цвела! // Ты же за вешний цветок воздай твоею весною, // Щедрой наградой твоей щедрость мою превзойди: // Крепкосплетенный венок отдари объятием крепким, // Пурпур роз отдари ласкою розовых уст; // Тоже и песни мои медовой уступят цевнице, // Ежели в гулкий тростник ты соизволишь подуть.

¹⁸ Комментарию и проблематике одной только первой главы *Метаморфоз* посвящен целый сборник статей: (Kahane 2005).

¹⁹ О Прологе и различных его истолкованиях (в том числе и о его сходстве с прологами комедий) см. (Dowden 1982: 427–429).

quis ille? Paucis accipe. «Вот я сплету тебе на милетский манер разные басни, слух благосклонный твой пораду лепетом милым, если только соблаговолишь ты взглянуть на египетский папирус, исписанный острием нильского тростника; ты удивишься на превращения судеб и самых форм человеческих и на их возвращение вспять тем же путем, в прежнее состояние. Я начинаю. «Но кто он такой?» — спросишь ты. Выслушай в двух словах.» (перев. М. Кузмина).

В вводных словах *Метаморфоз* усматривают аллюзию на еще один традиционный тип пролога – пролога к комедиям, где заранее кратко объясняется содержание²⁰. Но можно ли пытаться «вычитать» в этих нескольких строках и заданную автором форму? Другими словами – есть ли в них указание на композиционный принцип всего романа?

Апулей сразу указывает на сюжет – «превращения» (и обратное превращение *mutuo nexu*); на цель – услаждать (*aresque tuas benivolas lepido susurro permulceam*) и удивлять (*ut mireris*) слушателя; и, наконец, на адресат (обобщенно-личное – *tibi*). Милетские истории разного рода (*sermone isto Milesio variae fabulae*) намекают и на фривольность содержания, и на принцип соединения отдельных историй, т. е. указание на жанр и форму повествования; египетский же папирус и нильский калам остаются совсем неясными до заключительной, 11-й «исидической», книги. Но для способа предстоящего читателю изложения Апулей использует не очень часто применяемый к тексту, особенно в прозе, глагол ‘я сплету’, т. е. соединю – *tibi... conseram* (*OLD* s. v. *consero*², б). Комментарий Гаррисона-Винтерботтома связывает использование этого глагола, прежде всего, с аналогичным по значению греческим глаголом *synuphainen* у Фотия (в том фрагменте, где речь идет именно о греческих

²⁰ Сходство бросалось в глаза настолько, что многие гуманистические издатели *Метаморфоз* (начиная с первого изд. М. Тукка – Morianus Tuccius. 1512 г.) усматривали в первой фразе ямбические триметры и диметры. Так позднее Скалигер выстроил (не очень строго, вводя некоторые перестановки и изменения слов) ее таким образом: At ego tibi sermone isto Milesio // Varias fabellas conseram, // Auresque tuas lepido susurro <per>mulceam; // Modo si papyrus Aegyptiam // Inscriptam calami argutia Nilotici // Non ... spreveris <inspicere>. // Hominum figuras in alias imagines // In seque rursum mutuo // Refectas, ut mireris hinc exordiar. // Quis ille, paucis accipe. – цит. по изд. Удендорпа (van Oudendorp 1825: 1583).

«Метаморфозах»), и с жанровым авторским указанием – *sermone isto Milesio* – собрание рассказов (Kahane 2005: 11). Но это не совсем проясняет выбор Апулея, а даже уводит в сторону²¹. Если наш разбор справедлив, то Апулей использует здесь двойную аллюзию – и на сплетение венка историй, и на свое раннее стихотворение-веночек (шире, на литературную традицию). Как на дополнительный пример, когда глагол *conserere* использован при описании сплетения разных цветов для венков, можно указать на два немаловажных для нашего анализа контекста: из астрономической поэмы Манилия о Северной Короне (веночек-созвездие)²², и из «Комара» (погребальный веночек – цветы на могиле комара-спасителя – *App. Verg., Culex* 398 сл.). Так же и странное выражение «обратным сплетением» (*in se rursus mutuo nexu refectas*), связь которого с *conseram* комментарий справедливо отмечает, хорошо соотносится с образом не только переплетенных историй, но и переплетения слов в египетском папирусе 11-й книги (*nodosis... tortuosis capreolatimque condensis apicibus*).

Попытку связать концы с концами (как возражение на общепринятую точку зрения об «открытом конце» романа Апулея) предпринял Эндрю Лейрд (Laird 2005: 267–281). Сравнив текстуальные и смысловые совпадения Пролога (1,1) и последней главы *Метаморфоз* (11,30), Лейрд полагает, что Пролог следует рассматривать как эпилог, т. е. как *шифр* для всей истории. Другая стилистическая параллель, которая отмечена им в Прологе, – стилистика римских надгробных надписей (Laird 2005: 267). Действительно, тема смерти, пути жизни как пути по миру смерти (Тенар упомянут не только в истории *KuII*, но и в Прологе) проходит через роман, сохраняя свой отзвук и в последних словах героя-автора: «и <обязанности> выполнял я в радости до конца», *munia...gaudens obibam*. Таким образом хитросплетенный «веночек» романа смыкается, образуя *serta*, замененные к концу на тринадцать *coronae*, но по всему тексту (в 11-ти эпизодах, как и число книг) разбросаны также и *rosae solutae* (тринадцать вставных сюжетов, *fabulae*). Форма венка

²¹ У Ливия в знаменитом месте о раннеримских сценических представлениях сказано о соединении «эксодиев» с ателланами схожим выражением: unde **exodia** postea appellata **consertaque fabellis** potissimum Atellanis sunt (7, 2. 11).

²² В указанном выше – см. Plaza 2008: 10–11.

как знака отличия, в частности, как награды или дара своему адресату, не обязательно бывала замкнутой, венки бывают и разомкнутыми. Оставляя автору-Апулею право непроясненного конца, загадки, можно сказать, что *Метаморфозы* Апулея в целом являются идеей венка из идеи розы, а не только ее/их конкретным воплощением в сюжете или даже в общей композиции.

Таким образом, утверждение Лейрда о присутствии авторского указания на сплетение начала и конца (или конца и начала) его текста косвенно подтверждает и нашу гипотезу об общей конструкции произведения Апулея как веночной конструкции, о венке из роз как общей композиционной формы *Метаморфоз*, выстроенной автором сознательно и имеющей прямые литературные коннотации – поэтический сборник-веночек, веночек как дар своему адресату. Метафорически веночек из роз и есть история, предложенная читателю автором. Лишь съев такой веночек, герой иницируется, читатель получает этот дар (веночек историй), а автор – веночек-славу. Мы видим в этом случае не только веночек культовый, но и веночек как дар, и как знак победы (*Апология*), и как надгробный. Наградой же будет не только веночек на могиле, но триумфальный веночек победителя; а читателю – веночек-дар, восхищающий и доставляющий удовольствие, только сплетенный не из стихов (*carmina*), а из историй (*fabulae*), т. е. сам роман, выстроенный в тех же образах, что и изящный стишок того же автора.

Литература

- Левинская 2010 – Левинская О. Л. «Метаморфозы, или Золотой осел» Апулея как «роман с ключом»: египетский ключ // «Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIV» / отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2010 (ч. 2). С. 120–132.
- Apulei Metamorphoseon Libri XI. Rec. R. Helm. Teubner, Lipsiae. 1907.
- Dowden 1982 – Dowden K. Apuleius and the Art of Narration // The Classical Quarterly, New Series, Vol. 32, No. 2 (1982). P. 419–435.
- Griffiths 1975 – Griffiths J. Gwyn. (ed.) Apuleius of Madauros. The Isis-Book (Metamorphoses, Book XI). Leiden, 1975.
- Groningen Commentaries on Apuleius. Apuleius Madaurensis Metamorphoses. Books IV 28–35, V, VI 1–24. The Tale of Cupid and Psyche / M. Zimmerman, S. Panayotakis, V. C. Hunink et al. Groningen, 2004.
- Harrison 1988 – Harrison S. J. // The Classical Quarterly, New Series, Vol. 38, No. 1 (1988). P. 265–267.
- Kahane 2005 – Kahane A. and Laird A. (ed.). Companion to the Prologue of Apuleius' Metamorphoses. Oxf., 2001 (2005).

- Kenny 1990 – Kenny E. J. (ed.). *Apuleius. Cupid & Psyche*. Cambridge University Press, 1990.
- Laird 2005 – Laird A. *Paradox and Transcendence: The Prolog as The End* // Kahane A. and Laird A. (ed.). *Companion to the Prologue of Apuleius' Metamorphoses*. Oxf., 2001 (2005). P. 267–281.
- Shumate 1999 – Shumate N. *Apuleius Metamorphoses. The inserted tales* // *Latin Fiction. The Latin Novel in Context* ed. by Heinz Hofmann. Komdon; N.Y., 1999. P. 96–106.
- van Oudendorp 1825 – van Oudendorp Fr. *Apuleii Opera omnia, v. IV, ex editione Oudendorpiana cum notis et interpretatione in usum Delphini*. Londini, 1825.
- Plaza 2008 – Plaza M. *Colour Photo of a Universe: on colour as a sign in the Latin novel*. 2008 (доклад на ICAN-2008 в Лиссабоне; электр. версия).

M. S. Kasyan. *Rosea corona* and the composition of Apuleius' *Metamorphoses*

The paper considers the rose-motif and its metaphorical meanings for the structure of the famous Apuleius' novel "Metamorphoses". The crown of roses has in this novel not only symbolic sense, but also multilevel (sacral, religious, mythological and, finally, literary) connotations. Before Lucius the Ass has an opportunity to eat the roses that will restore him to his human form, the roses appear as the attribute of Venus and her "substitutes", and have various images: as proper roses in a garden, as garlands or crowns. But after the metamorphosis of Lucius, they become Isis-flowers and appear in the form of a crown (*corona*). The paper concludes that the Apuleius' novel has a ring structure, and the rose-crown (*corona rosea*) image is the "key" to this construction.

THE INDO-EUROPEAN ORIGIN OF LATIN *LEX*

Резюме. Латинское существительное *lēx, lēgis* f. ‘закон, правило, порядок, решение, договор’ принято связывать с латинским глаголом *legō* ‘собирать’. В статье обосновывается мнение автора о том, что это имя родственно санскритскому существительному *sraj-* ‘венки, гирлянда’; эти существительные возводятся к индоевропейскому корню **sleg-* ‘собирать’.

Ключевые слова: Latin *lēx, legō*, Sanskrit *sraj-*, Proto-Indo-European roots, IE. **leg-*, **sleg-*, s-mobile.

1. Introduction

The Latin word *lēx*, gen. sg. *lēgis* f. ‘(legal) formula; contract, arrangement, law; resolution; regulation, rule’ probably represents the root noun whose original meaning was ‘collection (of legal rules, principles)’, relating directly to the Latin verb *legō* ‘to gather, take off, tear off, pick, roll up, look through, read’¹. The foregoing derivation is not ruled out by the etymologists; for instance, the French linguists A. Ernout and A. Meillet (1951: 631, s.v. *lex*) state: «Il est possible, mais non évident, que ce nom appartienne à la racine de lat. *legō*». The similar position is maintained by A. Walde and J. B. Hoffmann (1938: 789, s.v. *lēx*) who nonetheless voice reservations about the semantic aspect. M. de Vaan (2008: 337) accepts the original meaning ‘collection’, adding the following comment: «The PIIt. [= Proto-Italic] root noun **lēg-* ‘law’ can be interpreted as a ‘collection’ of rules. Whether the root noun existed already in PIE [= Proto-Indo-European] is uncertain for lack of precise cognates» (de Vaan 2008: 337).

Following M. De Vaan, I accept the traditional etymology, which derives Latin *lēx* from the Latin verb *legō*. The verb in question represents an Indo-European heritage, cf. Greek λέγω ‘to gather, select, count, calculate’, secondarily ‘to speak, call’ (cf. Liddell, Scott 1996: 1033–1034; Montanari 2003: 1171–1172) and Albanian *mb(ë)ledh* ‘to gather, clean up crops’ (Aor. *mbloodh*). The Indo-

¹ So F. Bücheler apud A. Walde (1910: 424f., s.v. *lēx*); R. Meringer apud F. Muller (1926: 233); M. de Vaan (2008: 337, s. v. *lēx*).

European root is commonly reconstructed as **leĝ-* ‘to gather / sammeln, auflesen’ (see Pokorny 1959: 568; Rix 2001: 397).

In my paper I would like to demonstrate that (1) the Latin noun *lĕx* has a precise cognate in Sanskrit; (2) the root noun **(s)leĝ-s* existed already in Indo-European; (3) the reconstruction **sleĝ-* is more acceptable than **leĝ-*.

2. Latin *lĕx* and Sanskrit *sraj-*

In my opinion, the exact equivalent of the Latin lexeme appears not only in Italic (cf. Marrucian *lĭxs* nom. sg. ‘law’, Oscan *lĭgud*, abl. sg. *lĭgis*, abl. pl. ‘id.’ and so on), but also in Old Indic, cf. Sanskrit *sraj-* f. (nom. sg. *sraḥ*, instr. sg. *srajā*, loc. sg. *sraji*) ‘wreath of flowers, garland, chaplet worn on the head, any wreath or garland, circle, series, chain’ (Monier-Williams 1999: 1274), as well as *srajā-* f. ‘wreath of flowers / Blumenkranz’ (see especially Mayrhofer 1964: 553; 1996: 784). The Sanskrit term could indicate ‘garland, wreath’ as a ‘collection (of flowers)’. M. Mayrhofer considers the etymology of the Sanskrit word to be doubtful².

The suggested comparison is completely accurate from the viewpoints of the word-formation, semantics and phonology. Firstly, both Latin and Sanskrit terms represent the root formations (based on IE. **leĝ-* or **sleĝ-* ‘to collect, gather’), both are nouns of feminine gender, both belong to the abstracts (‘collection’). Secondly, both refer to the verbal root denoting the activity of ‘collecting, gathering’, though Latin *lex* denotes a ‘collection of rules’, Sanskrit *sraj-* means ‘wreath, garland’ i.e. ‘a collection of flowers’. Thirdly, the correspondences between Lat. *l* and Skt. *r* (as if from IE. **l*, Lat. *elĕ* and Skt. *a/lā* (as if from IE. **elĕ*), Lat. *g* and Skt. *j* (as if from IE. **ĝ*) seem certain. Fourthly, the presence of *s-* in Sanskrit is not troublesome, though it requires some important comments (see No. 3–6).

The original declension should be reconstructed as follows:

nom. sg. **slĕĝs* (cf. Lat. *lĕx*, Skt. *sraḥ*);

gen. sg. **sleĝ-ĕs* (cf. Skt. *srajās*, but Lat. *lĕgis* with an analogical lengthening);

dat. sg. **sleĝ-ĕi* (cf. Skt. *srajĕ*, but Lat. *lĕgī* instead of **lĕgī*);

acc. sg. **sleĝ-m* (cf. Skt. *srajam*, Lat. *lĕgem* instead of **lĕgem*);

loc. sg. **sleĝ-i* (> Skt. *sraji*);

² M. Mayrhofer (1964: 553): «Nicht überzeugend erklärt»; M. Mayrhofer (1996: 784): «Nicht sicher gedeutet».

instr. sg. **sleĝ-é* > Skt. *srajā*);

In plural we might expect: nom. pl. *sléĝ-es*; gen. pl. **sleĝ-óm*; acc. pl. **sléĝ-m̥s*; loc. pl. **sleĝ-sú*, instr. pl. **sleĝ-bhis*.

The long vocalism of Latin *lĕx* (gen. sg. *lĕgis*) seems expectable in the nominative singular, but it cannot be treated as original in the oblique cases (Sanskrit *sraj-* f. demonstrates only the short vowel -*ă*- in the root). Thus the lengthening should be regarded as resulting from the nominative case (by analogy) or alternatively from a long-grade verbal form (Sihler 1998: 581f.). In fact, the long-grade *ē*-root variant **lĕĝ-* (or **slĕĝ-*) is well attested in the Latin perfect tense *lĕgī*. ‘I gathered’ and the Albanian aorist *mblodh* ‘id.’ (as if from Proto-Albanian **ambi-llĕdh-* < IE. **ambhi-slĕĝ-*). Thus it is obvious that the long-vowel preterit form *(*s*)*lĕĝ-* was inherited from the parent language.

Though there are no traces of the verb **srájati* in Old Indic, the nouns *sraj-* and *srajā* (f.) seem to demonstrate that Old Indic preserved a pair of derivatives of the Indo-European root *(*s*)*leĝ-* ‘to gather, collect’. In any case, Sanskrit *sraj-* (f.) ‘wreath, garland’ (orig. ‘a collection of flowers’) should be regarded as an exact cognate of Latin *lĕx* f. ‘law’ (orig. ‘a collection of rules’).

3. The problem of the initial **s-*

The Sanskrit root noun *sraj-* (f.) differs from the Latin and Italic cognates in that it contains the initial sibilant **s-*. This difference might be explained in two ways:

1. The Sanskrit form *sraj-* contains the so called *s-mobile* added to the Indo-European root **leĝ-* ‘to collect, gather’. The movable **s-* occurs in the initial position of some Indo-European verbal and nominal roots, but it is absent from other examples. It is frequently explained as an addition created in the sandhi environment by the false decomposition.

2. It is not impossible to suggest that the initial **s-* was originally present in the Italic subgroup of languages, as well as in Greek. The initial cluster **sl-* has been simplified to *l-* in Latin and to *λ-* in Greek (see Rix 1992: 76f.; Sihler 1995: 171; Meiser 2006: 112), cf. Lat. *lĕmus* m. ‘slime, mud, dirt’ vs. Old Norse *slĕm* adj. ‘thin, slim’, Old Eng. *slĕm*, Old German *slĕmen* ‘clean’ (< **sleimos*); Lat. *lĕmāx* (m. and f.) ‘snail’, Greek dial. (Hesych.) *λείμακες* vs. Pol. *ślimak* ‘snail’ (< PIE. **slei-meh₂k-s*).

The former possibility allows us to reconstruct the Indo-European verbal root *(*s*)*leĝ-* (with the movable **s-*), the latter one

seems to suggest that the reconstruction **sleĝ-* (and not **leĝ-*) might be correct.

Below I intend to discuss the problem. It is obvious that the Latin and Italic examples are completely ambiguous (e.g. Lat, *legō* may derive both from **leĝ-* or **sleĝ-*). The Sanskrit *sraj-* contains the initial *s-*. Whether it represents *s*-mobile or not, the answer is uncertain.

In this situation we should review the Greek and Albanian lexical data, which demonstrate many verbal forms of the Indo-European root **leĝ-* or **sleĝ-* and a number of derivatives.

4. The Greek evidence for the cluster **sl-*

The Greek lexical material indicates quite convincingly that the Indo-European root originated in some consonantal cluster (e.g. **sl-*). Let us consider consecutively the confirmed forms:

A. The Aeolic form ἐπίλλογος m. (Alcaeus, Fr. 204, 2) (Rodriguez Somolinos 1998: 219, 247: see also Liddell, Scott 1996: 127) corresponds to the Attic-Ionian form ἐπίλλογος. The Aeolic geminate *-λλ-* remains inexplicable if the word in question stems from the traditionally reconstructed Proto-Indo-European pre-form **h₁epi-loĝos*. The gemination in the Aeolic dialect must represent some consonantal cluster (**σλ*, or **ϝλ*). So, in our attempt to clarify the origin of the Aeolic ἐπίλλογος it is necessary for us to assume the archetype **h₁epi-sloĝos*. Thereby, the Indo-European root must have sounded **sleĝ-*. The Aeolic form rules out the traditional reconstruction **leĝ-*.

B. The perfective form εἴλοχα might be derived from the reduplicated pre-form **se-slog-h₂m̄*, which comes down to the Proto-Indo-European root **sleĝ-*, showing a regular apophonic variant (with the vocalism **-o-*) as well as the aspiration of the velar consonant **ĝ* in the proximity of the laryngeal sound **h₂*. The aforementioned derivation of εἴλοχα is fully understandable in the light of the perfective form εἴληφα (Doric εἴλαφα), which is a continuation of the pre-form **he-hλαφα* (< Proto-Indo-European **se-sleh₂g^h-h₂m̄*). There is absolutely no doubt that the perfective forms λέλεχα and λέλεγα are secondary both in their structure and meaning (referring only to the sense 'to speak'). The regular perfective form, derived from the root would sound ***λέλοχα* (< Proto-Indo-European ***le-loĝ-h₂m̄*), which form is not in fact confirmed. Therefore, the perfective form εἴλοχα should be deemed original and archaic, whereas the forms λέλεχα and λέλεγα – secondary and analogous.

C. Greek Ionic-Attic ἀμφιλέγω, Doric ἀμφιλλέγω ‘to dispute, dispute about’ can be explained in two different ways: on the one hand, the referenced compound verb may contain the rare Greek prefix ἀμφίς adv. ‘from both sides, on both sides, around, round, from all sides’ (e.g. cf. Gr. ἀμφισ-βητέω ‘to go separate ways, disagree’), while on the other hand – the Greek common prefix ἀμφι adv. ‘on both sides, around, round’ (< Proto-Indo-European **h₂embhi*). The geminate -λλ-, confirmed in the Doric dialect, needs clarification. Unfortunately, we have no possibility of deciding whether the Greek verbum compositum comes down to the Proto-Indo-European **h₂embhis-leg̃-* (according to the traditional interpretation, that is what the universally accepted pre-form would look like), or to **h₂embhi-sleg̃-*. The Albanian counterpart *mb(ë)ledh* ‘gather, clean up crops’ does not resolve the problem of the alternative, either, although there is no doubt that the Albanian *-l-* comes back to a kind of geminate.

My conclusion is: The internal analysis of the Greek material shows that there are such Greek forms as, e.g., the Greek Aeolic ἐπίλλογος, Attic εἴλοχα, which clearly evidence that the onset of the Greek verb λέγω included originally a consonantal cluster (e.g. **sl-* or **ul-*). The Proto-Indo-European verbal root **leg̃-* ‘gather’ is therefore hard to keep up in the light of the Greek data. The alternative reconstruction **sleg̃-* is much better-grounded.

5. Albanian evidence

For the Greek λέγω and Latin *legō*, the etymologists quote *tertium comparationis* in the form of the Albanian compound verb (verbum compositum) *mb(ë)ledh* ‘to gather, clean up crops’ (Aor. *mbloodh*), demonstrating the Albanian prefix *mbë* corresponding to the Greek ἀμφι- and Latin amb- (cf. Walde, Hoffmann 1938: 780; Pokorny 1959: 658; Orel 1998: 251; Rix 2001: 356; Beekes 2010: 841–842). So, the Albanian verb is synonymous with the Greek ἀμφιλέγω, Doric ἀμφιλλέγω ‘to dispute about, dispute, question’ (Liddell, Scott 1996: 92). The Albanian counterpart is of great importance to the reconstruction of the original form of the Indo-European root as it shows the palatal character of the voiced guttural appearing in the root (Albanian *dh* < Proto-Indo-European **ǵ*). Besides, unlike the Greek verbum compositum having the figurative sense, the Albanian verb preserved the original meaning ‘to gather’. Therefore, both the phonetics and semantics provide sufficient evidence that the Albanian word was not a borrowed verb.

The Albanian phoneme *l* (pronounced as [l] or [l']) stems from the gemination **ll* in the intervocalic position, as found in numerous Latin loan-words (e.g. Alb. *ngjalë* 'eel' < Lat. *anguilla*; Alb. *bulë* f. 'bud' < Lat. *bullā*; Alb. *kāl* (Rom. *kal*) m. 'horse' < Lat. *caballus*; Alb. *qelë* 'priest's house' < Lat. *cella*; Alb. *fjalë* f. 'word, speech, tale' < Lat. *fabella*; Alb. *gjel* 'cock' < Lat. *gallus*, etc.), whereas the Albanian phoneme *ll* (pronounced as the English *w*) comes from the single liquid vowel in the same position (e.g. Alb. *engjëll* (dial. *êjill*) 'angel' < Lat. *angelus*; Alb. *prill* 'April' < Lat. *aprīlis*; Alb. *buell* 'bull' < Lat. *būbalus*; Alb. *qiell* 'sky' < Lat. *caelum*; Alb. *kallm* 'reed, straw' < Lat. *calamus*; Alb. *kallënduor* 'calendar' < Lat. *calendārium*; Alb. *këndellë* 'candle' < Lat. *candēla*, etc.³). The pre-Albanian geminate **ll* (whence Alb. *l*) could point to an original consonantal cluster (e.g. **sl-*, **ul-*, also **ln* or **lg̃*⁴), however not to the single Proto-Indo-European phoneme **l*.

The obvious conclusion is that the Albanian lexical data give a positive evidence to reconstruct the Indo-European root **sleg̃-* (and not **leg̃-*).

6. Indo-European **sleg̃-* 'to gather, collect'

The Latin lexical material offers no possibility of determining the original form of the Indo-European root (Lat. *legō* may continue not only the Indo-European root **leg̃-*, but also **sleg̃-* or **uleg̃-*). For this reason, the Greek, Albanian and Sanskrit data must be taken into consideration.

The Greek and Albanian data indicate the initial cluster **sl-* (or alternatively **ul-*), whereas the Sanskrit nominal forms contain the cluster *sr-* (as if from **sl-*). Thus we reach to the final conclusion that the Indo-European verbal root denoting 'to gather, collect' should be reconstructed as **sleg̃-*. It is necessary to conclude that the traditional reconstruction **leg̃-* should be treated as obsolete (out of date).

7. The root noun **sleg-s* f. 'gathering, collection'

The Italic languages (namely Latin, Marrucinian and Oscan) demonstrate the root noun **lēgs* which seems to come down to the

³ See especially Pedersen 1895: 535–551. Examples of the Albanian borrowings from Latin are quoted after Haarmann 1978: 200–271.

⁴ B. Demiraj (1997: 52, 55) derives the Albanian intervocalic *-l-* from IE. **-ln-* (e.g. Alb. *dal* 'to go out' = Gk. θάλλω 'to bloom' < IE. **dhalnō*), as well as from IE **-lg̃-* (e.g. Alb. *mjel* 'to milk' = Gk. ἀμέλω 'id.' < IE. **h₂melgō*).

archetype **slēĝ-s* (gen. sg. **slēĝes*). This root noun had to be created as early as in the Indo-European times, if my hypothesis, according to which the Sanskrit appellative *sraj-* (f.) ‘wreath, garland’ corresponds to the Latin word *lēx* (f.) ‘law’ and refers to the verbal root **slēĝ-*, appears to be correct.

References

- Beekes 2010 – Beekes R. Etymological Dictionary of Greek. Vol. 1–2. Leiden; Boston.
- Demiraj 1997 – Demiraj B. Albanische Etymologien (Untersuchungen zum albanischen Erbwortschatz). Amsterdam; Atlanta.
- De Vaan 2008 – De Vaan M. Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden; Boston.
- Ernout, Meillet 1951 – Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. 3e ed. Paris.
- Haarmann 1978 – Haarmann H. Balkanlinguistik (1). Areallinguistik und Lexikostatistik des balkanlateinischen Wortschatzes. Tübingen.
- Liddell, Scott 1996 – Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. With a Revised Supplement. Oxford.
- Mayrhofer 1964 – Mayrhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. III. Heidelberg.
- Mayrhofer 1996 – Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. II. Heidelberg.
- Meiser 2006 – Meiser G. Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache. 2. Auflage. Darmstadt.
- Monier-Williams 1999 – Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary. Delhi.
- Montanari 2003 – Montanari F. Vocabolario della lingua greca. Milano.
- Muller 1926 – Muller F. Altitalisches Wörterbuch. Göttingen.
- Pedersen 1895 – Pedersen H. Die albanesischen I-Laute // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der idg. Sprachen. Vol. 33. P. 535–551.
- Pokorny 1959 – Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München.
- Rix 1992 – Rix H. Historische Grammatik des Griechischen. Laut- und Formenlehre. 2. Korrigierte Auflage. Darmstadt.
- Rix 2001 – Rix, H. (Hrsg.) Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen. Zweite Auflage. Wiesbaden.
- Rodriguez Somolinos 1998 – Rodriguez Somolinos H. El lexico de los poetas lesblos. Madrid.
- Sihler 1995 – Sihler A. L. New Comparative Grammar of Greek and Latin. New York; Oxford.
- Walde 1910 – Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg.
- Walde, Hoffmann 1938 – Walde A., Hoffmann J. B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. neubearbeitete Auflage. Band 1 (A-L). Heidelberg.

М. Л. Кисилиер

РУМЕЙСКИЙ ЯЗЫК И НОВОГРЕЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТЫ*

Резюме. Традиционно язык приазовских греков считается либо понтийским, либо северногреческим диалектом. М. В. Сергиевский, а вслед за ним и А. А. Белецкий поставили под сомнение эту точку зрения. В статье предпринимается попытка сопоставить румейские данные с известными новогреческими диалектными изоглоссами.

Ключевые слова: румейский язык, приазовские греки, новогреческие диалекты, диалектная классификация, изоглосса; Ruméika, Azov Greeks, Modern Greek dialects, Classification of the dialects, isogloss

Новогреческие диалекты стали привлекать к себе исследователей еще в конце XIX в. Многие из первых работ — в частности, статьи замечательного лингвиста Георгиоса Хатзидакиса (Hatzidakis 1980: 73–92; 265–291) или монография о фонетике цаконского диалекта¹ Михаила Деффнера (Deffner 1881) — уже стали классическими; шкафы Центра диалектологии Афинской академии наук заполнены полевыми материалами (по большей части не изданными). Тем не менее диалектология до сих пор остается одной из наиболее проблемных областей неоэллинистики. Несмотря на то, что многие диалекты подробно описаны на более или менее современном уровне, до сих пор не существует диалектного атласа Греции². Скорее всего, сложившаяся ситуация вызвана двумя проблемами:

1. Плохо сформулированы основные критерии сопоставления диалектов (то есть изоглосс), и набор этих критериев явно меньше требуемого.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 11-04-00048а.

¹ Цаконский диалект традиционно считается потомком древнего лаконского диалекта и единственным греческим диалектом, который не прошел через койне.

² Важным шагом в этом направлении можно считать диалектный атлас Крита (Kontosopoulos 1988).

2. Имеющиеся классификации совершенно не учитывают данные новогреческих диалектов, находящихся за пределами Греции.

Первая проблема, к сожалению, не поддается решению в рамках одной статьи и требует комплексного исследования. Попытки вроде (Ralli 2006) могут лишь выявить отдельные недостатки существующих классификаций и предложить отдельные варианты уточнений, но никак не предложить принципиально новые критерии для объединения разных диалектов в диалектные группы. Тем не менее привлечение диалектов, традиционно не включаемых в существующие классификации, позволит, с одной стороны, обнаружить новые изоглоссы и проверить релевантность старых, а с другой (и это представляется еще более важным) — включает эти диалекты в систему новогреческих диалектов.

В качестве примера стоит разобрать случай с диалектом приазовских греков или румейским языком (*ruméjka*, далее — румейск.), как его называют сами носители (о вариантах названия и о происхождении самоназвания см. Кисилиер 2009b: 9; Баранова, Викторова 2009: 97). Выбор именно этого диалекта обусловлен тем, что диалект начали описывать еще в середине XIX в. (Хартахай 1859; Григорович 1874: 6–7, 49–51; Blau 1874a; 1874b), а уже в начале XX в. встал вопрос о том, к каким новогреческим диалектам следует относить румейский язык. На основании данных Ф. Блау (кстати, позаимствованных у В. И. Григоровича) Пауль Кречмер высказал две гипотезы. В первой он предположил, что румейский является одним из понтийских диалектов, поскольку палатализация в румейском очень похожа на палатализацию в понтийских диалектах (Kretschmer 1905: 18). Во-первых, перед /e/ и /i/ имеет место переход /x/ > /š/: румейск. *šon* ‘снег’ vs. нгр.³ χιόνι, румейск. *šnar* ‘гусь’ vs. нгр. χηνάρι, румейск. *sintišénu* ‘беседовать’ vs. нгр. диалектн. συτυχάνω, румейск. *mašér* ‘нож’ vs. нгр. μαχαίρι, румейск. *tš[i] en* ‘нет (букв. не есть)’ vs. нгр. диалектн. [ou]χ ἔνι⁴.

³ Нгр. = стандартный новогреческий (димотика).

⁴ В одной из лучших грамматик румейского языка (Symeonidis, Tompaïdis 1999: 133–139) отмечается, что у румейского и понтийского имеются сходные глагольные окончания, отрицания, частицы, предлоги и лексика.

Во-вторых, /k/ перед /e/ и /i/ становится /č/: румейск. *ščilí* ‘собака’ vs. нгр. *σκυλί*⁵.

Во второй гипотезе Кречмер предложил считать румейский одним из северногреческих диалектов (= сев.-гр.). Никос Кондосопулос, развивая идею Кречмера, отмечает три черты, сближающие румейским с северногреческими диалектами (Kontosopoulos 2001: 94): исчезновение безударного /i/ (румейск. *piγád’* ‘источник’ vs. сев.-гр. *πιγάδ’* vs. нгр. *πηγάδι*)⁶, сужение безударного /e/ (румейск. *pidíts* ‘ребенок’ vs. сев.-гр. *πιδί* vs. нгр. *παιδί*) и сужение безударного /o/ (румейск. *kurtsíts* ‘девочка’ vs. сев.-гр. *κουρίτσ’* vs. нгр. *κορίτσι*). Общей изоглоссой румейского (пример 1) и северногреческих диалектов (2) можно считать и употребление аккузатива в качестве падежа косвенного дополнения:

(1) *yo ípa tun* [ACC]

‘Я сказал **ему**’

(2) *i Ána tin* [ACC] *ípi tin mitéra* [ACC] *tis*

‘Анна **ей**⁷ сказала своей **матери**’ (Архив 1998–2000)

М. В. Сергиевский, описавший в 1934 г. румейский говор с. Сартана, не поддержал ни одну из гипотез Кречмера и даже предложил считать румейский язык особой единицей среди греческих диалектов (Сергиевский 1934: 585). С предложением М. В. Сергиевского согласился и А. А. Белецкий (1969: 13). Действительно, даже сам факт сосуществования двух равноправных гипотез позволяет усомниться в справедливости хотя бы одной из них. Кроме того, между румейским и понтийским, с одной стороны, и северногреческими диалектами, с другой стороны, наблюдаются определенные различия, которые сами могут выступать в роли изоглосс⁸. Ни П. Кречмер, ни

⁵ К сходствам можно также отнести употребление сентенциальной частицы *pa* и тенденцию к постпозиции местоименной клитики в глагольной группе (Кисилиер 2006).

⁶ Е. Ф. Журавлева указывает ряд чередований, где происходит переход /e/ > /i/: *métra* ‘считай’ vs. *mitrú* ‘читаю’, *féru* ‘несу’ vs. *ífra* ‘[я] принес’, *inéka* ‘женщина’ vs. *inikú* ‘женское’, *stóma* ‘рот’ vs. *stumí* ‘ротовой’, *ónima* ‘имя’ vs. *unímata* ‘имена’ (Журавлева 1982).

⁷ Местоименный повтор дополнения.

⁸ Например, в понтийском местоименная проклиза вообще невозможна: *ἄτὰ εἶχα νὰ ἔλεγα τὸν* ‘это [я] должен был сказать ему’ (Oikonomidis 1958: 236), тогда как в румейском наблюдается тенденция к формированию цепочек клитик (Кисилиер 2009а: 388–390), когда

М. В. Сергиевский, ни даже А. А. Белецкий не имели реальной возможности поместить румейский в систему новогреческих диалектов, поскольку первая приемлемая классификация появилась лишь в 1972 г. Ее автор — Брайан Ньютон — выделил девять фонетических изоглосс, на основании которых и разгруппировал греческие диалекты (Newton 1972)⁹. Интересно сравнить эти девять изоглосс с румейским материалом:

Изоглосса 1. Утрата гласных высокого подъема /i/ и /u/ и сужение безударных гласных /e/ и /o/ в /i/ и /u/ считается изоглоссой, отличающей северногреческие диалекты: нгр. *κουτί* ‘ящик, коробка’ vs. сев.-гр. *kíti*; нгр. *πιθάρι* ‘кувшин’ vs. сев.-гр. *pθar*. Хотя однокоренных лексем на румейском материале обнаружить не удалось, можно привести примеры типа румейск. *plí* ‘птица’¹⁰ vs. нгр. *πουλί*, румейск. *sp’it* ‘дом’ vs. нгр. *σπίτι*. Сужение /e/ и /o/: нгр. *φαίνεται* ‘кажется’ vs. сев.-гр. *féniti*, ср. с румейск. *fénit*; нгр. *κυτόπουλο* ‘курица’ vs. сев.-гр. *kutóplu*. Поскольку данная лексема отсутствует в румейском, в качестве примера можно привести *pistévu* ‘верить’ (ср. с нгр. *πιστεύω*).

появление частицы или другой проклитики при управляющем глаголе обязательно приводит к препозиции местоименного дополнения: *na sas l'éγi* ‘[я] вам скажу’ (как видно из понтийского примера, частица *va* не меняет порядок слов). Отличия северногреческих диалектов связаны с наличием перфекта, отсутствующего в румейском (справедливости ради, надо указать, что перфект в северногреческих диалектах возник, возможно, под влиянием стандартного новогреческого). Кроме того, стоит отметить, что и подчеркнутое в примерах 1 и 2 сходство носит не вполне типологический характер: хотя в северногреческих диалектах аккузатив употребляется как падеж косвенного дополнения, там есть и родительный падеж: *íni tis paréas* [GEN] *mas* ‘[он] из нашей компании’ (Архив 1998–2000). В румейском же родительный падеж отсутствует в принципе, и его следы сохранились лишь в некоторых атрибутивных конструкциях (Викторова 2009: 198 и сл., 205).

⁹ Брайан Ньютон выделил следующие диалектные группы: 1) пелопонесско-ионийская (Ионийские острова и большая часть Пелопоннеса = п.-и.); 2) северногреческие диалекты (Эпир, Фракия, Фессалия, северная Аттика, северная Эвбея, острова на севере Эгейского моря); 3) старо-афинский диалект (центральная Эвбея, Мани, Корсика = ст.-аф.); 4) критский диалект (Крит, Киклады, Наксос = критск.); 5) юго-восточные диалекты (Кипр, Хиос, Южные Спорады = ю.-в.). К этим группам, несомненно, надо добавить и цаконский (= цак.). Диалекты вне Греции (в частности, греческие диалекты Южной Италии (напр., грико = ю.-ит.) и румейский) в первой классификации не были учтены.

¹⁰ Правда, возможен и вариант *pulija*, см. также изоглоссу 4.

Стоит отметить, что /e/ > /i/ носит в румейском языке более регулярный и обязательный характер, чем /o/ > /u/; это, вероятно, не в последнюю очередь связано с влиянием русского языка.

Изогlossa 2. Палатализация. В критском, староафинском — в частности, в мегарском (= мегарск.), и юго-восточных диалектах — например, в кипрском (= кипрск.) и родосском (= родосск.), /k/, /x/ и /ɣ/ перед гласными переднего ряда палатализуются (/k/ > /č/, /x/ > /š/, /ɣ/ > /ž/). В ряде диалектов имеет место последующая депалатализация (/č/ > /ts/, /š/ > /s/, /ž/ > /z/): нгр. *καίρός* ‘время’ vs. критск. и кипрск. *čerós* vs. мегарск. и родосск. *tserós* vs. румейск. *čirós* или *t’irós*¹¹; нгр. *χέρι* ‘рука’ vs. критск. и кипрск. *šéri* vs. родосск. *séri* vs. румейск. *šer*¹². Очевидно, что румейский язык относится к тем диалектам, где происходит палатализация, причем без последующей депалатализации.

Изогlossa 3. Утрата геминат характерна для большинства греческих диалектов, кроме ряда диалектов юго-восточной группы. Например, в диалектах материковой Греции и Крита *thálasa* ‘море’ и *gráma* ‘письмо’ будут произноситься с одним /s/ и /m/ соответственно, как и в стандартном новогреческом (/θálasa/ и /ɣráma/, несмотря на то, что по правилам орфографии они пишутся *θάλασσα* и *γράμμα*). На островах, где распространены юго-восточные диалекты (на Кипре, Родосе и Хиосе), напротив, произносятся геминаты: *thálassa* и *grámma*. В румейском языке ситуация не вполне однозначна. Единственный общедоступный румейско-русский словарь Г. А. Анимицы¹³

¹¹ В румейских примерах наблюдается переход /e/ > /i/, описанный в изоглоссе 1.

¹² В *šer* происходит падение безударного /i/, см. изоглоссу 1.

¹³ Словарь выложен онлайн: <http://www.mak-mak.com/gendb/RomRus.asp>. Примеры из словарей здесь и далее приводятся в кириллическом алфавите А. А. Белецкого, впервые использованном в издании стихов румейского поэта Антона Шапурмы (Шапурмас 1986).

предлагает целый ряд лексем с двойным *s* и с двойным *m*: *téssera* ‘четыре’, *glóssa* ‘язык, морская коса’, *maíssa* ‘чародейка’, *níssa* ‘смола’, *tíssa* ‘бумажник’, *grámma* ‘письмо, буква’, *коммáт* ‘кусок (ткани)’. Словарь Диамантопуло-Риониса и др. приводит эти же слова без геминат: *tésera*, *glósa*, *maígisa*, *nísa*, *tísa*, *gráma*, *кумáт* (Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 60, 61, 153, 188, 335, 462, 463)¹⁴. Иногда словарь Г. А. Анимицы предлагает два параллельных варианта с одной и с двумя буквами, например: *лúхусса* ‘роженица’ и *лúхуса* или *псéмма* ‘ложь’ и *псéма*. Интересно также отметить, что производные от некоторых слов, которые пишутся с двойной согласной, в этом словаре даются с одной: *коммáт* ‘кусок (ткани)’, но *коматязу* ‘резать’; *grámma*, но *граматыц* ‘записка’, *граматэнюс* ‘образованный’ и *агрáматус* ‘невежда, безграмотный’¹⁵. Известно, что словарь Г. А. Анимицы в большой степени составлен на материале румейской поэзии XX в., которая изначально ориентировалась на димотику. Возможно, этим и объясняются указанные орфо-

<i>A a</i>	<i>Дж дж</i>	<i>O o</i>	<i>Ц ц</i>
<i>Б б</i>	<i>З з</i>	<i>П п</i>	<i>Ч ч</i>
<i>В в</i>	<i>Дз дз</i>	<i>Р р</i>	<i>Ш ш</i>
<i>Г г</i>	<i>И и</i>	<i>С с</i>	<i>Ы ы</i>
<i>Гк гк (= /g/)</i>	<i>Й й</i>	<i>Т т</i>	<i>Э э</i>
<i>Д д</i>	<i>К к</i>	<i>ТЬ ть (= /θ/)</i>	<i>Ю ю</i>
<i>Дь дь (= /δ/)</i>	<i>Л л</i>	<i>У у</i>	<i>Я я</i>
<i>Е е</i>	<i>М м</i>	<i>Ф ф</i>	
<i>Ж ж</i>	<i>Н н</i>	<i>Х х</i>	

Этот алфавит пришел на смену первому алфавиту, созданному в 20-е гг. XX в. на основе димотики и запрещенному в период массовых репрессий 30-х гг. Появление кириллического алфавита, без сомнения, сильно повлияло на возрождение румейской культуры, однако «новейшая» румейская литература уже не смогла подняться до прежнего уровня, а в связи с доминированием русского языка и возникшим в середине 90-х гг. влиянием новогреческого «новейшая» литература практически не востребована. Поэтому некоторые проблемные места новой письменности так и остались недоработанными, в частности, варианты написания одних и тех же слов (например: *дьявин* и *дъавин* и проч.) и принципы словораздела (Кисилиер 2005).

¹⁴ Стоит отметить, что, хотя в стандартной греческой орфографии в соответствующих примерах также пишутся две *σ* или *μ*, произносится лишь один звук.

¹⁵ Г. А. Анимица *агрáмматос* ‘профан, малограмотный’ с двумя *м*. Вероятно, это исключительно графическая особенность, не связанная с особенностями произношения: двойная буква отличает от слова *агрáматус*.

графические особенности. В то же время и (Диамантопуло-Рионис и др. 2006) приводит явно искусственные слова, заимствованные из новогреческого — *τῆάλασα* ‘море’ (с. 198) — однако записанные без привычной геминаты. Скорее всего, на современном этапе развития румейский язык относится к тем греческим диалектам, где геминаты исчезли.

Изогlossa 4. Переход безударного /i/ в /j/ перед гласным наблюдается во всех греческих диалектах (в пределах Греции), за исключением старо-афинского: нгр. παιδιά /peðjá/ ‘дети’ vs. ст.-аф. *pedía* vs. румейск. *pidíja*; нгр. φιλιά /filjá/ vs. ст.-аф. *filía* vs. румейск. *filíja*. Очевидно, что в старо-афинском диалекте переход /i/ > /j/ не происходит, так как ударение не сдвигается на последующий слог и /i/ остается ударным. В румейском, как свидетельствуют приведенные примеры (см. также сн. 10), также сохраняется /i/, препятствующее переходу /i/ > /j/, однако, в отличие от старо-афинского диалекта, в румейском после /i/ появляется /j/. Благодаря этому не возникает зияние.

Изогlossa 5. Переход древнегреческого /y/ в /u/. Как известно, звук, передававшийся в древнегреческом языке при помощи буквы υ и произносившийся как /y/, в стандартном новогреческом, в большинстве диалектов сузился в /i/. Тем не менее, в некоторых диалектах (в частности, старо-афинском и цаконском) произошел переход /y/ > /u/: нгр. ξύλο /ksílo/ ‘дерево, деревяшка’ vs. ст.-аф. *ksúlo* (Мегары) vs. румейск. *ks’íla* ‘лес, дрова’, *ksilíts/kslits*¹⁶ ‘деревашка’; нгр. κυλιά /kiljá/ ‘живот, брюхо’ vs. ст.-аф. *tsulía* (Мегары) vs. румейск. *t’ílíja/θlíja/čílíja*.¹⁷ Указанный переход наблюдается также в понтийском и цаконском диалектах, в первую очередь в сохранившихся древнегреческих лексемах. В румейском языке эти лексемы не зафиксированы, и он относится к большинству греческих диалектов, где происходит сужение /y/.

Изогlossa 6. Выпадение звонких фрикативных /v/, /ð/ и /ɣ/ в интервокальной позиции регулярно происходит в юго-

¹⁶ Пример с выпадением безударного /i/, см. изогlossу 1.

¹⁷ В румейских примерах, с одной стороны, как и в примере из старо-афинского диалекта, не наблюдается переход /-ía/ > /-ja/ (см. изогlossу 4), а с другой стороны, встречается палатализация (/ki/ > /t’i/ или /či/, см. изогlossу 2). Нельзя исключать, что в варианте выпадение безударного /i/, см. изогlossу 1.

восточных диалектах греческого языка: нгр. λάδι ‘масло (растительное)’ vs. ю.-в. *láin* vs. румейск. *lad*¹⁸; нгр. φόβος ‘страх’ vs. ю.-в. *fóos* vs. румейск. *fónus*; нгр. μάγος ‘волшебник’ vs. ю.-в. *máos* vs. румейск. *máyus*. Тем не менее, в румейском удалось найти однокоренные слова, где происходит выпадение /γ/: *máisa*¹⁹ ‘ведьма’ (ср. нгр. μάγισσα) и *maía* ‘магия’ (ср. нгр. μαγία). Таким образом, нельзя утверждать, что в румейском выпадение интервокальных звонких фрикативных невозможно.

Изогlossa 7. Сохранение конечного /-n/ наблюдается в большинстве южных диалектов: древнегреческое выражение τὸ καλὸν παιδίον ‘хороший ребенок’ соответствуют нгр. το καλό παιδί и ю.-в. *to kalóm beín*.²⁰ В румейском, как и в стандартном новогреческом, конечный /-n/ не сохраняется: *tu kaló píðits*.

Изогlossa 8. Диссимиляция фрикативного и взрывного характерна, прежде всего, для юго-восточных диалектов: нгр. αβγό /avγó/ ‘яйцо’ vs. ю.-в. *avgón* vs. румейск. *avγó*. В румейском диссимиляция не наблюдается.

Изогlossa 9. В критском и юго-восточных диалектах происходит эпентеза /γ/ в глаголах на -εύω: нгр. δουλεύω ‘работать’ vs. ю.-в. *dulévyo* vs. румейск. *δ[u?]lévu*. В румейском, таким образом, эпентезы не происходит.

К изогlossам Ньютона можно добавить еще одну, отмеченную им самим, но лишь позже возведенную в ранг изогloss (см., напр.: Trudgill 2003: 56–57):

Изогlossa 10. Переход ряда согласных — прежде всего /k, t/ — в /ts/ перед /e, i/, известный как **цитакизм**,²¹ характерен для староафинского и для цаконского диалектов: нгр. τίποτα ‘ничто’ vs. цак. *tsípta*; нгр. τι ‘что’ vs. цак. *tsi*. В румейском в указанных словах сохраняется /t-/: *típus* ‘ничто’ и *ti* ‘что’, однако встречаются лексемы, у которых есть варианты с цитакизмом: *tsambutí* ‘игра в жмурки’ vs. *kam[bu]tsí*.²²

¹⁸ В румейском происходит падение безударного /i/, см. изогlossу 1.

¹⁹ (Диамантопуло-Рионис и др. 2006: 462) приводится вариант без выпадения /γ/ — *mágusa*.

²⁰ В ю.-в. примере происходит ассимиляции по звонкости и по огубленности: /-n p-/ > /-m b-/.

²¹ Брайан Ньютон определяет цитакизм как депалатализацию (Newton 1972: 133), что представляется не вполне верным.

²² Возможно, и фонетическую вариативность в начале слова (*tsambutí* vs. *kambutsí*) также можно связывать с действием цитакизма.

Никос Кондосопулос (Kontosopoulos 2001) впервые предпринял попытку добавить к описанным фонетическим изоглоссам ряд морфологических, синтаксических и лексических параметров, релевантных и для румейского:

Изогlossa 11. Аорист заканчивается на *-sa*: нгр. *ἔγραψα* ‘[я] написал’, ср. с румейск. *éyrapsa* vs. цак. *orákame* ‘[мы] увидели’

Изогlossa 12. Вопросительное/относительное местоимение (‘что’) имеет форму *tí* в цаконском (*tsi*), каппадокийском, греческих диалектах Южной Италии и румейском. В большинстве юго-восточных диалектов, в понтийском и критском используется вариант *ínta*.

Изогlossa 13. Косвенное дополнение выражается **винительным падежом** во многих северногреческих диалектах (см. пример 2), в каппадокийском, понтийском и в румейском: *fer-mi* ‘принеси мне’ (ср. с примером 1).

Изогlossa 14. Постпозиция местоименного дополнения при личной форме глагола характерна для ряда юго-восточных диалектов (в частности, для кипрского: *aréski-mu* ‘мне нравится’, *lalí-tu* ‘говорит ему’ (Agouraki 1998), критского диалекта (Kontosopoulos 2001: *rotó-se* ‘спрашиваю тебя’), каппадокийского (Janse, unpublished: *píren-do* ‘[он] взял ее’) и понтийского (см. сн. 8). В румейском языке постпозиция местоименного дополнения также является предпочтительной: *ékleps’is-mi* ‘[ты] украл меня’ (Кисилиер 2009а: 375, 388).

Анджелла Ралли, попытавшись собрать собственно синтаксические изоглоссы, добавляет к изоглоссе 14 следующий параметр (Ralli 2006):

Изогlossa 15. Модальное слово/частица или подчинительный союз перед VP приводит к препозиции местоименного дополнения в критском диалекте (Kontosopoulos 1997: *tí na to káno* ‘как [мне] это сделать’), каппадокийском (Janse, unpublished: *op tu paíšje* ‘когда [он] его брал’), кипрском (Agouraki 1998: *pérki su ton dóki* ‘может быть тебе это дает’).²³ В румейском языке модальная частица приводит к препозиции

²³ Хотя традиционно считается, что в понтийском всегда преобладала постпозиция (см. сн. 8), Панайотис Паппас на материале рукописей из Вазелонского монастыря показывает, что в средневековом понтийском *’iva* и *va* приводили к препозиции местоименного дополнения (Pappas 2004; 2006).

местоименной клитики: *na tu páyut* ‘его отведем’, *tha ta fáyu* ‘их съем’ (Кисилиер 2009а: 388).

К перечисленным пятнадцати изоглоссам можно добавить еще несколько параметров, релевантных для румейского. Их нельзя в полной мере назвать изоглоссами, потому что пока нет данных по большинству диалектов/диалектных групп, однако имеет смысл их перечислить:

16. В каппадокийском в атрибутивных конструкциях несогласованное определение ставится перед определяемым словом и оформляется как родительный падеж (Janse, unpublished): *koritšjú to sokáx* ‘улица девочки (букв. девочки улица)’. Аналогичная модель наблюдается и в румейском: *pinkú trepí* ‘мышинная нора’ (*pinkó* ‘мышь’), *nirú pli* ‘водяная птица’ (*niró* ‘вода’), *átharpu laxardí* ‘человеческая речь’ (*átharpus* ‘человек’), *skól’as avlí* ‘школьный двор’ (*skól’a* ‘школа’) и проч. (Викторова 2009)²⁴.

17. В стандартном новогреческом языке в цепочке местоименных клитик действует правило рангов: косвенное дополнение предшествует прямому (μου το δίνεις ‘мне это даешь’).²⁵ Такое правило рангов действует в грико (Rohlf’s 1977: *dízze-tu-to* ‘покажи ему это’, *re-mtu-to* ‘скажи мне это’) и на Лесбосе (= сев.-гр. (Ralli, unpublished): *do-mi-tu* ‘дай мне это’, *đóti-mi-tu* ‘дайте мне это’). В каппадокийском, согласно (Janse 1998: 268), косвенное дополнение может стоять как до прямого (*ifares-tamas* ‘[ты] принес это нам’), так и после (*ifara-sis-ta* ‘[я] привел вам их’). В зафиксированных румейских примерах косвенное дополнение ставится перед прямым: *sas tu léyu ruméika* ‘вам это говорю по-румейски’, *đixnu-sas-tu* ‘показываю вам это’ (Кисилиер 2009а: 390).

Чтобы лучше увидеть, с каким диалектом/диалектной группой наибольшее количество общих изоглосс, имеет смысл построить таблицу, куда, кроме пяти групп, выделенных Ньютоном (см. сн. 9), вошли цаконский, каппадокийский (= капп.), понтийский (= понт.) и греческие диалекты Южной Италии. В таблице использованы следующие обозначения: +/- — употреб-

²⁴ Надо отметить, что такая модель работает не во всех субдиалектах румейского языка.

²⁵ Существует, правда, знаменитое исключение с односложными императивами: *dos to mou* ‘дай это мне’ (при нормативном порядке *dos mou to*).

ление необязательно/есть локальные варианты, где изоглосса не фиксируется; -/+ — есть отдельные случаи употребления.

Изоглосса	румейск.	п.-и.	сев.-гр.	ст.-аф.	критск.	ю.-в.	цак.	капп.	ю.-ит.	понт.
1. утрата /i/, /u/, сужение /e/, /o/	+	-(?)	+	-	-	-	-	+/-	+/-	-?
2. палатализация	+	+/-	+	+	+	+	-?	+	+	+
3. утрата геминат	+(?)	+	+/-	+/-	+	-	+	+	-	+
4. /i/ > /j/	-	+	+	-	+/-	+	+/-	-	+	-
5. /y/ > /u/	-	-	-	+	-	-	+	-	+/-	+
6. выпадение интервок. /v/, /ð/ и /ɣ/	-/+	-	-	+/-	-	+	+	-	+/-	
7. сохранение /-n/	-	-	-	-	-	+	-	+/-	+	+/-
8. /vy/ > /vg/	-	-?	-	-?	-?	+	-	?	?	-
9. эпентеза /ɣ/	-	+	+/-	-/+	+	+	-	+/-	-	+
10. цитакизм	-/+?	-	-/+	+	+	+	+	-	+	+/-
11. аорист на -sa	+	+	+/-	+/-	+	+/-?	-/+	+	-/+	+
12. <i>inta</i> вм. <i>tī</i>	-	-	-/+	+/-	+	+	-	-	-	+/-
13. вин. п. для косв. доп.	+	-	+/-?	-/+	-	-	+/-	+	-	+
14. постпозиция мест. доп.	+	-	-	-	+?	+	-?	+	-	+
15. препозиция мест. доп. вызвана союзом, частицей или мод. словом	+	?	-	?	+	+?	-?	+	-?	-
16. несогл. определение перед согл. в атрибу. констр. в форме род. п.	+	?	?	?	?	?	-?	+	?	-?
17. косв. доп. перед прямым в цепочке клитик	+	?	+	?	+?	+?	+?	+/-	+	?

Приведенная выше таблица демонстрирует две основные проблемы новогреческой диалектологии: 1) не всегда понятно, как в локальных вариантах одной диалектной группы действует изоглосса, вроде бы релевантная для этой группы; 2) далеко не для всех диалектных групп известно, релевантна для них определенная (чаще всего синтаксическая) изоглосса или нет. Этим вызвано большое количество вопросительных знаков в таблице. Тем не менее, таблица позволяет сделать предварительные выводы о типологической близости румейского и других диалектов. Меньше всего общих черт оказалось у румейского со ста-

роафинским, а больше всего — с каппадокийским. Одинаковое количество (не совпадающих друг с другом) параметров — с понтийским и северногреческими диалектами²⁶. Интересно, что общих черт с критским диалектом больше. Здесь уместно даже вспомнить наблюдение Т. Н. Чернышовой, согласно которой в приморском селе Ялта фраза «он говорит по-гречески» (то есть по-румейски) передается как «лѣі крѣтика» (Чернышова 1958: 3). По-видимому, М. В. Сергиевский и А. А. Белецкий были правы, не относя румейский ни к северногреческим диалектам, ни к понтийскому. Скорее всего, его надо считать диалектом смешанного типа, однако для более четкой картины необходимо провести сопоставление локальных вариантов.

Литература

- Архив 1998–2000 — Архив МДАБЯ в МАЭ «Кунсткамера» РАН. Греция, Западная Македония, село Эратира. Собиратели: А. Б. Борисова, А. Н. Соболев, В. В. Зайковский, Т. А. Зайковская, Ю. А. Лопашов. Материал собран в 1998–2000 гг.
- Баранова, Викторова 2009 — Баранова В. В., Викторова К. В. Румейский язык в Приазовье (Глава 4) // Кисилиер М. Л. (отв. ред.) Язык и культура мариупольских греков. Т. 1. Лингвистическая и этнокультурная ситуация в селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов. СПб. С. 97–112.
- Белецкий 1969 — Белецкий А. А. Греческие диалекты юго-востока Украины и проблема их языка и письменности // Ученые записки ЛГУ. № 343. Кафедра общего языкознания. Серия «Филологические науки». Вып. 73. Балканская филология. С. 5–15.
- Викторова 2009 — Викторова К. В. Именная система (Глава 8) // Кисилиер М. Л. (отв. ред.) Язык и культура мариупольских греков. Т. 1. Лингвистическая и этнокультурная ситуация в селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов. СПб. С. 193–205.
- Григорович 1874 — Григорович В. И. Записки антиквара о поездке его на Калку и Кальмиус, в Корсунскую землю и южные побережья Днепра и Днестра. Одесса.
- Диамантопуло-Рионис и др. 2006 — Диамантопуло-Рионис А. А., Демерджи Д. Л., Давыдова-Диамантопуло А. М., Шапурма А. А., Харабадот Р. С., Патрича Д. К. Румейско-русский и русско-румейский словарь пяти диалектов греков Приазовья. Мариуполь.
- Журавлева 1982 — Журавлева Е. Ф. Фонетическое описание греческого новокаракубского говора в сравнении с другими таврорумейскими говорами и северногреческими диалектами. АКД. М.

²⁶ Фонетические сходства между румейским и северногреческими диалектами, вероятно, могут объясняться тем, что оба диалекта существовали в славянском окружении.

- Кисилиер 2005 — Кисилиер М. Л. К вопросу о словоразделе в румейском языке // XXXIII международная филологическая конференция 2–20 марта 2004 г. Санкт-Петербург. Балканские исследования. Выпуск 26. Часть 2. СПб. С. 9–16.
- Кисилиер 2006 — Кисилиер М. Л. О происхождении румейского языка // Казанский Н. Н. (ред.). Индоевропейское языкознание и классическая филология 10. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб. С. 156–164.
- Кисилиер 2009a — Кисилиер М. Л. Порядок слов (Глава 12) // Кисилиер М. Л. (отв. ред.) Язык и культура мариупольских греков. Т. 1. Лингвистическая и этнокультурная ситуация в селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов. СПб. С. 374–393.
- Кисилиер 2009b — Кисилиер М. Л. Предисловие // Кисилиер М. Л. (отв. ред.) Язык и культура мариупольских греков. Т. 1. Лингвистическая и этнокультурная ситуация в селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов. СПб. С. 9–22.
- Сергиевский 1934 — Сергиевский М. В. Мариупольские греческие говоры. Опыт краткой характеристики // Известия АН СССР. Т. 7. С. 533–587.
- Хартахай 1859 — Хартахай Ф. А. Язык умирающего греческого наречия. [Греческий глоссарий]. Саргана.
- Чернышова 1958 — Чернышева Т. Н. Новогреческий говор сел Приморского (Урзуфа) и Ялты, Первомайского района Сталинской области. Исторический очерк и морфология глагола. Киев.
- Шапурмас 1986 — Шапурмас А. Кардьяко-м ту Приазовье. Стихя, пиимата, парамитья ки хуратайдья сты элиники (румэйку) глоса. Киев.
- Agouraki 1998 — Agouraki Y. The Position of Clitics in Cypriot Greek // Ralli A., Joseph B. D., Janse M. (eds.). Proceedings of the First International Conference of Modern Greek Dialects and Linguistic Theory. Patra. P. 1–18.
- Blau 1874a — Blau O. Griechisch-türkische Sprach-Proben aus Mariupoler Handschriften // Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft XXVIII. S. 562–576.
- Blau 1874b — Blau O. Über die griechischen-türkische Mischbevölkerung von Mariupol. Nach W. Grigorowitsch's Bemerkungen über die Sprache der Taten // Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft XXVIII. S. 576–583.
- Deffner 1881 — Deffner M. Zakonische Grammatik. Vol. I. Lautlehre. Berlin.
- Hatzidakis 1980 — Χατζιδάκις Γ. Ν. Γλωσσικάί έρευναί. Τόμος Α'. Αθήνα.
- Janse 1998 — Janse M. Cappadocian Clitics and the Syntax-Morphology Interface // Joseph B. D., Horrocks G., Philippaki-Warbuton I. (eds.). Themes in Greek Linguistics II. Amsterdam. P. 257–282.
- Janse, unpublished — Janse M. Cappadocian // Τζιτζιλής Χρ. (εκδ.). Νεοελληνικοί διαλέκτοι.
- Kontosopoulos 1988 — Κοντοσόπουλος Ν. Γ. Γλωσσικός Άτλας της Κρήτης. Ηράκλειον.

- Kontosopoulos 1997 — Κοντοσόπουλος Ν. Γ. Θέματα Κρητικής διαλεκτολογίας. Αθήνα, 1997.
- Kontosopoulos 2001 — Κοντοσόπουλος Ν. Γ. Διάλεκτοι και ιδιώματα της νέας ελληνικής. Αθήνα.
- Kretschmer 1905 — Kretschmer P. Der heutige lesbische Dialekt. Wien.
- Newton 1972 — Newton B. The Generative Interpretation of the Dialect. A Study of Modern Greek Phonology. Cambridge.
- Oikonomidis 1958 — Οικονομίδης Δ. Η. Γραμματική της Ελληνικής διαλέκτου του Πόντου. Αθήνα.
- Pappas 2004 — Pappas P. Medieval Greek Object Pronouns and Analogical Change: A Response to Condoravdi and Kiparsky (2001) // Journal of Greek Linguistics. N 5. P. 127–158.
- Pappas 2006 — Pappas P. Object Clitic Placement in the Dialects of the Modern Greek // Janse M., Joseph B. D., Ralli A. (eds.). Proceedings of the Second International Conference of Modern Greek Dialects and Linguistic Theory. Patra. P. 314–328.
- Ralli 2006 — Ralli A. Syntactic and Morphosyntactic Dialectal Phenomena in Modern Greek: The State of the Art // Journal of Greek Linguistics. N 7. P. 121–159.
- Ralli, unpublished — Ralli A. Η διάλεκτος των Κυδωνίων και Μοσχονησίων: Μια πρώτη προσέγγιση.
- Rohlf's 1977 — Rohlf's G. Grammatica storica dei dialetti italogreci (Calabria, Salento). Nuova edizione interamente riellaborata ed aggiornata. Transl. S. Sicuro. München.
- Symeonidis, Tompaidis 1999 — Συμεωνίδης Χ., Τομπαΐδης Δ. Η σημερινή Ελληνική διάλεκτος της Ουκρανίας (περιοχής Μαριούπολης) // Παράρτημα 20 του περιοδικού «Αρχαίον Πόντου». Αθήνα.
- Trudgill 2003 — Trudgill P. Modern Greek Dialects. A Preliminary Classification // Journal of Greek Linguistics. N 4. 2003. P. 45–64.

M. L. Kisilier. Ruméika and Modern Greek dialects

Though the Greek dialect of Marioupolis (or Ruméika) is now one of the best described Greek dialects, its place within Modern Greek dialects is still uncertain. Some scholars suppose that Ruméika is one of the Northern Greek dialects as there are some similarities between Ruméika and the Northern Greek dialects in phonetics and morphology. Others are sure about the Pontic origin of Ruméika. I agree with Andrey Beletsky who supported neither of the theories. In this article I compare the data from Ruméika with well-known isoglosses. The analysis definitely shows that Ruméika has more in common with Cappadocian and Cretan than with either Northern Greek or Pontic. I suggest that Ruméika should be treated as a “mixed type” dialect.

С. Д. Клейнер

**VERG. G. III, 82–83 HONESTI SPADICES GLAUCIQUE;
COLOR DETERRIMUS ALBIS ET GILUO**

Резюме: Статья представляет собой комментарий к строчке Verg. G. III, 82-83 *honesti spadices glaucique, color deterrimus albis, et giluo*. Решаются два вопроса: относится ли *glaucus* к цвету корпуса коня, или к его глазам, как полагал Исидор Севильский и такие важные исследователи, как Жак Андре; а также, почему Вергилий пишет *color deterrimus albis*, хотя высокий статус белых лошадей в древнем Риме общеизвестен, и сам же Вергилий в Энеиде (Aen. XII, 84) восхищается белоснежными конями Тавра.

Ключевые слова: латинский язык, Вергилий, Георгики, цветообозначения

Строка Вергилия *honesti spadices glaucique; color deterrimus albis et giluo* (G. III, 82–83) нуждается в прояснении: она, судя по комментариям Авла Геллия (Aul. Gel. Noct. Att. II, 26) и Сервия (Ad G. III, 82), вызывала непонимание еще у римлян. Более поздние исследования не сильно уточнили картину.

Первое слово, которое, безусловно, нуждается в комментарии, это *glaucique*. Авл Геллий трактует его следующим образом: *neque non potuit Vergilius colorem equi significare uiridem uolens caerulum magis dicere eum quam “glaucum”, sed maluit uerbo uti notiore Graeco, quam inusitato Latino. Nostris autem ueteribus “caesia” dicta est, quae a Graecis γλαυκῶπις ut Nigidius ait, “de colore caeli quasi caelia”*. «...И Вергилий вполне мог, желая обозначить зеленый цвет коня, назвать коня *caeruleus*, а не *glaucus*, но предпочел воспользоваться более знакомым греческим словом, нежели неупотребительным латинским. Да и наши предки говорили *caesia* о той, которая у греков γλαυκῶπις, как говорит Нигидий, “цвета неба, так сказать, *caelia* (небесная)”». Этот комментарий сам по себе вызывает вопросы: что такое *equus uiridis*? В корпусе латинских текстов это словосочетание более нигде не встречается. Через зеленый, впрочем, слово *glaucus* иногда трактуется, например, у Плацида (Gl. L. IV): *Glaucus color interdum pro uiridi ponitur et qui admixtum habet uirori alborem* «цвет *glaucus* иногда помещается возле зеленого и содержит примешанную белизну зеленого».

В комментарии Геллия интересно появление слова *γλαυκῶπις*. Это гомеровский эпитет Афины, который, судя по всему, означает ‘с яркими глазами’. Однако в более поздних источниках этот эпитет приравнивается к *γλαυκός* (Euph. 150 об оливе, Emp. 42.3 о луне и т. д.) Происхождение самого *γλαυκός* туманно; точный порядок связей между *γλαυκῶπις*, *γλαυκός* и *γλαῦξ* неизвестен (Chantraine I: 226). Нам кажется важным подчеркнуть, что в тексте Геллия указания, что *glaucus* – это именно цвет глаз, может и не быть. Даже если *γλαυκῶπις* действительно намекает именно на цвет глаз Афины (ср. Cic. De nat. D. I, 83, 3 *caesios oculos Minervae*, которые свидетельствуют о заимствовании традиции и действительно имевшем место сопоставлении *γλαυκός* – *caesius*), из этого не следует, что *glaucus* Вергилия Геллий считает характеристикой глаз лошади, а не ее шерсти; *γλαυκῶπις* явно приведен в качестве знакомого всем объекта, который имеет цвет *γλαυκός*. Об этом говорят прилагательные *uiridis* и *caeruleus*, которые употреблены выше не в применении к глазам, да и общий ход рассуждения в этом комментарии. Сам Геллий буквально через несколько абзацев пишет: *Id quoque a peritissimis rerum philosophis obseruatum est austris spirantibus mare fieri glaucum et caeruleum, aquilonibus obscurius atriusque* «И самыми сведущими философами замечено, что когда дуют южные ветры, море становится цвета *glaucus* и *caeruleus*, а при северных – темнее и чернее» (Noct. Att. II, 30, 11), используя *glaucus* в привычном для себя, судя по всему, значении.

Комментарий, который, безусловно, связывает *glaucus* с цветом глаз, написан Сервием: *glauci autem sunt felineis oculis, id est quodam splendore perfusis* «кошачьи глаза же цвета *glaucus*, то есть наполненные некоторым блеском» (Serv. ad G. III, 82). Этот пассаж чуть переиначен Исидором Севильским: *Glaucus vero est veluti pictos oculos habens et quodam splendore perfusos. Nam glaucum veteres dixerunt* «*Glaucus* – это, на самом деле, как бы с глазами голубыми и наполненными некоторым блеском. Дело в том, что словом “*glaucus*” [таких] называли в старину» (Orig. XII, I, 48). Изменение, внесенное Исидором, которое смотрится неуверенно из-за большой плотности *vero*, *veluti* и *quondam*, крайне важно: в отличие от Сервия, который говорит все-таки о кошачьих глазах, Исидор прямо сообщает, что *glaucus* относится к цвету глаз лошади. Именно эту интерпретацию затем, на мой взгляд, безосновательно повторяют такие исследователи, как д'Эрувиль (D'Herouville 1929: 47–49) и

ссылающийся на него Андре (André 1949: 178). Андре совершенно верно утверждает, что коневодческие римские терминология и культура испытали греческое влияние – но его не смущает приводимое им же замечание Платона (Phaed. 253c) о том, что μελάνομματοι предпочтительней, чем γλαυκόμματοι, которое противоречит строчке Вергилия, если считать, что *glaucus* – это цвет глаз.

Интересно, что в разных частях «Этимологий» Исидор дает очень разные определения *glaucus*: Orig. XII, 6, 28 (о рыбах): *glaucus a colore dictus, quod albis sit; Graeci enim album γλαυκον dicunt* «*glaucus*, сказанный о цвете, как белый; ведь греки называют белый γλαυκον»; Orig. XIX, 28, 7 (об одежде): *glaucus color est ferrugineus subniger* «цвет *glaucus* – это темноватый ржаво-красный». И если первое объяснение еще можно сопоставить со светлыми глазами лошадей, то второе ему совершенно противоречит. В целом неизвестно, насколько можно доверять Исидору в трактовке цвета и термина *glaucus*.

Наконец, прямо противоречит Исидору Варрон, который в перечне характеристик хорошего коня указывает *oculis nigris* ‘с черными глазами’ (R.R. II, 7, 5).

Таким образом, представляется, что трактовка *glaucus* в *honesti spadices glaucique* как лошади с голубыми глазами является неверной; не исключено, что приведенный Геллием пример объекта с цветом γλαυκός ‘глаза Афины’ сбил с толку дальнейших комментаторов – и в особенности Исидора, который истолковал и переделал комментарий Сервия так, что *glaucus* превратился в характеристику не масти, а цвета глаз.

Что же касается того, какая масть имеется в виду, то, судя по общей семантике *glaucus* (см. André 1949: 175–177; Клейнер 2011: 59–71), вероятнее всего, имелась в виду какая-то серая масть. Интересно, что комментаторы XVIII–XIX веков¹ отвергали идею о том, что *glaucus* может относиться к цвету глаз; эта мысль появляется заново в XX веке – ее продвигает Андре, книга которого настолько влиятельна, что отголоски встречаются, например, у Биггам (Biggam 1997: 108), где эта версия выдвигается как равноценная.

¹ Например, Дэвидсон, Мартин, Трапп и Таубманн считали, что речь о каком-то оттенке серого.

Второе слово, которое вызывает вопросы, – это слово *albus*. Известно, что в древнем Риме белые лошади имели высокий статус: они были посвящены Юпитеру. Использование их в триумфе полководца означало, что полководец считает себя богоравным (Подробнее см. Littlewood 2006: 212–213), в частности, Плиний упрекает за это тирана Дионисия (Plin. Hist. Nat. VII, 110). Тем не менее, есть указания на то, что белые лошади везли колесницу Цезаря в 46 году до н. э., а через некоторое после этого стали вполне обычной частью триумфальной процессии: в частности, они фигурируют в описанном в Ovid. P. 2.8.50 триумфе Тиберия над германцами, а Светоний упоминает, что юный Домициан сопровождал иудейский триумф отца, сидя на белом коне (Suet. Dom. II,1).

Почему же, несмотря на высокий статус, Вергилий пишет *color deterrimus albis et giluo*? Ж. Андре делает вывод о том, что *albus* означал, помимо всего, белый цвет с желтоватым оттенком² и высшие слои общества использовали выражение *albus equus* для обозначения лошади грязно-белого цвета, тогда как простой люд не знал об этой разнице и называл *albus equus* любую белую лошадь (André 1949: 29).

Тем не менее, упомянутые выше Светоний (Suet. Dom. II,1 *equo albo comitatus est*) и Плиний (Hist. Nat. VII, 110 *ipse quadrigis albis egredientem in litore excepit*), вполне образованные люди, называют белых лошадей, участвовавших в триумфе, словом *albus*, да и сам Вергилий (Aen. XII, 84) коней, *qui candore nives anteirent* «которые белизной превосходили бы снег», в строчке 164 характеризует как *albis*: *bigis it Turnus in albis* «Турн едет на белой паре». Словом *albus* Вергилий также описывает лилию (Aen. XII, 68) *ubi lilia multa alba*, поэтому согласиться с предположением о «грязно-белом» цвете *albus* достаточно сложно.

Сервий (Ad G. III, 82), комментируя эту строчку, пишет следующее: *atqui alibi ait, qui candore nives anteirent. Sed aliud est candidum esse, id est quadam nitenti luce perfusum, aliud album, quod pallori constat esse uicinum* «А вот в другом месте сказал “которые белизной превосходили бы снег”. Но одно дело *candidus*, то есть, как бы наполненный блестящим светом, другое дело *albus*, который стоит по соседству с бледностью».

² В пользу этого, по мнению Андре, свидетельствует и *sol albus* у Энния (Ann. frg. 89).

Несмотря на то, что оснований сомневаться в различии, которое приводит Сервий между словами *albus* и *candidus*, нет, те самые «превосходящие белизной снег» лошади, как уже было процитировано выше, все-таки называются у Вергилия словом *albus*, а не *candidus*.

Судя по комментарию того же Сервия [ibid.], эта строчка нередко вызывала недоумение: *multi ita legunt “albīs et giluo”, ut non album uel giluum, sed albogiluum uituperet. quod falsum est. quod si singuli colores uituperandi sunt, quanto magis mixtus uterque, id est albogiluus?* «А многие читают “albīs et giluo”, якобы он порицает не коней цвета *albus* или *giluus*, а коня цвета *albogiluus*. Это не так. Ведь если отдельные цвета стоят порицания, то насколько же больше [порицаемы] их смесь, то есть, *albogiluus?*» Из этого рассуждения можно вывести два следствия: во-первых, попытки убрать *albus* из списка «самых плохих мастей» делались, судя по всему, еще предшественниками Сервия; во-вторых, судя по словам *uituperandi sunt*, не исключено, что эти масти действительно невысоко ценились.

Получается, что Вергилий в Энеиде (см. выше) восхищается белоснежными конями, а в Георгиках считает этот цвет негодным?

Стоит напомнить, что в цитируемом отрывке Георгик речь идет о том, каких коней нужно выбирать для разведения. Помимо масти, перечисляются такие качества, как аллюр, бесстрашие, стать, напор и густая грива. О том, что текст третьей книги Георгик в значительной степени основан на работах предшественников – в основном, на труде Варрона и, возможно, других, не дошедших до нас источниках (Wilkinson 1969: 224–225) – известно было еще римлянам. В описании хорошего коня характеристики, приведенные Вергилием, достаточно точно совпадают с теми, что приводит Варрон в R.R. II, 7, 5 – вплоть до того, что грива, которая у Вергилия *densa iuba, et dextro iactata recumbit in armo* «густая грива, и, поднятая, падает на правое плечо» (G. III, 86), у Варрона *implicata in dexteriorem partem cervicis* «прижата к правой части шеи». При этом Вергилий, разумеется, сокращает, дополняет и переинтерпретирует рекомендации Варрона; так, у Варрона нет указания на предпочтительные масти, зато он дает их для быков: R.R. II, 5, 8 *colore potissimum nigro, deinde robeo, tertio helvo, quarto albo; mollissimus enim hic, ut durissimus primus* «цвета лучше всего черного, потом красного, в-третьих желтого, в-четвертых, белого; ведь последний из упомянутых самый нежный, а первый

– самый выносливый». Неизвестно, насколько представление о плохой выносливости белых животных распространялось на лошадей; по крайней мере, критерии, с которыми Вергилий подходит к лошадям и коровам, очень сильно отличаются друг от друга (подробнее см. Wrixon 1974: 65–71).

В описании экстерьера Варрон, помимо уже упомянутых *oculis nigris*, сообщает, что грива должна быть *crebra, fusca* ‘частая, темная’ (ibid.). Слово *fusca* представляется крайне важным, потому что оно позволяет понять, по какому принципу Вергилий разделяет масти на «хорошие» и «плохие», иллюстрируя, судя по всему, этот критерий Варрона. *Spadix* – какая-то темная рыжая или бурая масть (подробное обоснование см. Клейнер 2011: 71–74); а *gilius* – желтая масть (вероятнее всего, буланая)³. Таким образом, кони цвета *spadix* и *glaucus* (который стоит трактовать как ‘серый’) имеют темную гриву, а цвета *gilius* и *albus* – светлую. Никакого противоречия, между высоким статусом белых лошадей и тем фактом, что они не годятся для конезаводческих целей, не наблюдается: белые лошади могут быть очень красивыми, но одновременно считаться неподходящими для производства «достойного» потомства, которое будет применяться в областях, требующих иных качеств, нежели красивый цвет.

Литература

- TLL – Thesaurus linguae latinae.
 Etymologies sive Origines / Ed. W. M. Lindsay. Oxford: Clarendon Press, 1911.
 André 1949 – André J. Étude sur les termes de couleur dans la langue latine. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1949.
 Biggam 1997 – Biggam C. P. Blue in Old English: an interdisciplinary semantic study. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1997.
 Chantraine I–V – Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue Grecque. Histoire des mots. 5 T. Paris, 1968–1980.
 D’Herouville 1929 – D’Herouville P. Une épithète virgillienne // Musée Belge. 1929. Vol. 33. P. 47–49.
 Lewis C. T., Short A. A Latin dictionary. [Электронный ресурс.] URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.04.0059%3Aentry%3Dhonestus>

³ См. Serv. Ad G. III, 82 *gilius est melinus color, quen uulgo fuluum uocant* и Isid. Orig. XII, 1, 50 *gilius autem melinus est color et subalbidus*; Андре (Андре, 150) предлагает переводить его словом *isabelle* ‘буланный’.

- LSJ: A Greek-English Lexicon compiled by Liddell H.G., Scott R. Oxford, 1940.
- Littlewood 2006 – Littlewood R. J. A Commentary on Ovid: Fasti, Book VI. Oxford University Press, 2006.
- Publii Vergilii Maronis Opera, or the Works of Virgil... / ed. rev. J. G. Cooper. N.Y., 1836.
- P. Vergilii Maronis Georgicorum libri quatuor... / ed. J. Martyn. 5th ed., Oxford, 1827.
- P. Vergilii Maronis opera omnia ex editione Heyniana... Vol. 4. London, 1819.
- Wilkinson 1969 – Wilkinson L. P. The Georgics of Virgil. A Critical Survey. Cambridge, 1969.
- Wrixon 1974 – Wrixon C.G. Studies in Vergil's Third Georgic. PhD theses, 1974.
- Клейнер 2011 – Клейнер С. Д. Проблемы этимологии латинских лексем, обозначающих конскую масть. Дисс. канд. филолог. наук, СПб.: "Нестор-История", 2011.

S. D. Kleiner. Verg. G. III, 82–83 *honesti spadices glaucique; color deterrimus albis et giluo*

The article comments on Verg. G. III, 82–83 *honesti spadices glaucique, color deterrimus albis, et giluo*. Two issues are addressed, the first one being whether *glaucus* means the color of the coat of a good horse, or that of its eyes, as was suggested by Isidore of Seville, and later by major scholars like Jaques André. The second issue concerns the phrase *color deterrimus albis*: the status of white horses in Ancient Rome was high; Vergil himself admires the snow-white horses of Taurus in Aen. XII, 84 – so why does he consider them the least *honesti*?

P. A. Kocharov

ARMENIAN ONOMATOPOEIC VERBS¹

Резюме: Статья посвящена вопросу о морфологическом статусе и происхождении основообразующих элементов *-(a)č̣-*, *-(a)nč̣-*, *-(a)ṛ-* *(a)č̣-* и *-(a)ṛ-(a)nč̣-* в древнеармянских звукоподражательных словах. Рассматривается вопрос о возможности сопоставления этих элементов с древнеармянскими презентными суффиксами *-(a)č̣-* и *-(a)nč̣-* незвукоподражательных глаголов. При этом в рамках гипотезы о происхождении презентного суффикса *-č̣-* от стативного/инхоативного **-eh₁-skē/o-* ставится вопрос о возможной связи протоармянских звукоподражательных глаголов со стативом; рассмотрены свидетельства других индоевропейских языков, в частности, звукоподражательные глаголы, засвидетельствованные у Гомера в форме перфекта со значением настоящего времени типа *βέβροχε* ‘ревет’.

Ключевые слова: индоевропейский перфект, звукоподражательные глаголы, древнеармянский язык.

In 1989, A. Meillet published an article on Armenian etymology where he pointed out the resemblance of *hunc̣* ‘noise’, *hnč̣em* ‘to resound’ and *šunc̣* ‘breath’ and expressed skepticism about the attempts to establish the origin of that type: “les deux mots sont trop pareils pour n’avoir pas été modifiés l’un par l’autre, mais il est inutile d’essayer de faire des hypothèses sur l’histoire et la nature de ces influences réciproques trop compliquées pour se laisser deviner.” Further, he compared *šunc̣* to *śvasiti* ‘to hiss’, Skr. *svanás* ‘noise’, Lat. *sonus* ‘sound’ with the anlaut sound change as in *šun*, Skr. *śvā* ‘dog’, and claimed that the final *-č̣-* originated in **-sḳy-*. Despite the cited disclaimer, Hr. Ačāryan presented a systematic study of many more onomatopoeic verbs and their nominal derivatives (Ačāryan 1899: 202–205) integrated later into Ačāyan’s dictionary. The topic

¹ The paper presents results obtained within research programs supported by the Ministry of education and science of the Russian Federation (contract nr. 16.740.11.0292, research leader Petr Kocharov) and the Research Council of the President of the Russian Federation (grant nr. МК-389.2011.6, research leader Alexander Nikolaev). I am grateful to Prof. N. N. Kazansky and Dr. S. D. Kleiner for their valuable comments.

was revised again in 1995 by J.C.A. Greppin who referred to HAB but not to Ačařyan's earlier article.

Hr. Ačařyan noticed the high productivity of onomatopoeic verbs in the classical language and the relevance of this verbal class for comparative studies. He then proposed a classification of 29 derivational models attested for the Armenian onomatopoeics. Apart from the reduplication typical of this lexical class, the following stem extensions have been attested since the early classical Armenian texts: *-č̣-*, *-ač̣-*, *-nč̣-*, *-anč̣-*, *-rč̣-*, *-rnč̣-*, *-ārač̣-*, *-āranč̣-*. These extended stems followed *-e-* or *-a-* conjugations and served as the basis for the regular aorist forms in *-ec̣-* and *-ac̣-* in a way that their suffix status cannot be justified from the synchronic point of view (*hnč̣em*, *hnč̣eci*).

As Meillet justly noted, the interference of these derivational models should have led to a developed pattern according to which some of extensions could derive secondary synonymous variants from the same roots. Thus, *goč̣el* 'to cry (of man)', probably from *wok^w-ye/o- of PIE *wek^w- 'speak' (LIV: 673–674), modified into *gořoč̣el* 'id.' (Šapuh Bagratuni, 9 c.)², *gořoč̣* 'cry' (Nerses Palienc̣, 14 c.) by analogy to *-ač̣-* : *-ārač̣-* variation attested elsewhere. This interference, together with the onomatopoeic nature of the roots themselves, hinders any etymological attempts. However, the morphological pattern itself should have been motivated from the Proto-Armenian perspective and requires an explanation. The main question that arises in this respect is whether or not the onomatopoeic root extensions were motivated by the verbal present suffixes *-č̣-* and *-nč̣-*. If the answer is positive, further suggestions can be made about the grammatical background of this morphological phenomenon.

While Meillet and Ačařyan seem to favor the comparison of *-č̣-* and *-nč̣-* in onomatopoeics and the respective suffixes of non-onomatopoeic verbs, Greppin, on the contrary, remains skeptical in view of the lack of secure etymologies; G. Klingenschmitt noticeably does not approach this issue in his monograph on the Armenian verb.

² This and the other references to the Classical Armenian sources are based on the Leiden Armenian Lexical Textbase: <http://sd-editions.com>, ed. by Jos Weitenberg, and the on-line concordance of the Classical Armenian Bible (Constantinople 1895): http://212.34.228.170/bible_27E/about.htm, ed. by Thomas J. Samuelian.

2. Following Meillet, Ačařyan directly compared *-č̣-* in *ščel* ‘to hiss (of astonished or angry person; of snake)’ (Bible), *bčel* ‘to bellow (of cow)’ (John Chrysostom, 5 c.), *ččel* ‘to scream (of travailing or mourning woman; of swallow)’ (Bible), etc. to the imperfective suffix *-č̣i-* (e.g. in *p’ax-č̣-el* ‘to flee’, aor. *p’ax-e-ay*). Likewise, he compared the element *-nč̣-* of *šnčel* ‘to blow (of wind, God’s breath)’ (Bible), *bnčel* ‘to bellow (of calf)’ (Anania Sanahneči, 11 c.), *mnčel* ‘to mourn (of dove)’ (Bible), etc. to the suffix of *erk-nč̣-el* ‘to fear’ (aor. *erk-e-ay*), *kor-nč̣-el* ‘to disappear’ (aor. *kor-e-ay*), *mart-nč̣-el* ‘to fight’ (aor. *mart-e-ay*), and *yar-nč̣-el* ‘to belong to’ (aor. *yar-e-ay*). It should be noted that all of the above-cited verbs had **-i-* aorist stems that, most probably, continued the PIE stative **-ē-* stems.

However, the origin of the present suffix *-č̣-* remains problematic. Unlike Meillet, who reconstructed **-sḳ-ye/o-*, some scholars preferred to reconstruct **-sḳ-* in front of the front vowels (Olsen 1988), others – **-k-*, or **-k^w-* in front of the front vowels or **-ye/o-*. Thus, R. Godel compared the suffix *-č̣-* to Gk. *-σσ-*, cf. Arm. *takčim*, Gk. *πήσσω* (Godel 1982: 22). Finally, H. Pedersen assumed that the suffix *-č̣-* should be compared to **-k-* in Gk. *ἔθηκ-α* ‘I have put’, Lat. *fē-c-i* ‘I did’ (Pedersen 1906: 348).

It should be noted, that the latter sound change finds support in some verbs of sound performance: *gočem* ‘cry’ from a denominative **wok^w-ye/o-* or an iterative **wok^w-éye/o-* (Ved. *vācayati*), PIE **wek^w-* ‘speak’³, and *pčem* ‘blow, breath out’ < PArm. **p^huk^h-ye/o-* in view of *p’uk’* ‘breath, wind, fart’ (Meillet 1909: 357; Godel 1982 (=1965): 22). The assumption of PIE **-ky-* > Arm. *-č̣-* offers a new explanation of *alačem* ‘to prey, lament’ < **pl_h₂k-ye/o-* ~ OCS *плакать* ‘cry, lament’ < **pleh₂k-*, see (Derksen 2008) for Slavic comparanda. To this may be added a tentative comparison of the Armenian onomatopoeic root *b(i)-* (*bčem*, *bibem*, see below) to PIE **b^hi-k-* of OCS. *бъчела*, OIr. *bech* ‘bee’ (ESSJa, 3: 104–105; Derksen 2008: 72) or PIE **b^howk-* of PSlav. **bučati*, Lith. *baũkti* ‘to roar’ (ESSJa, 3: 74; Derksen 2008: 67).

³ B. Olsen (1988: 8) explains *kočem* ‘call, invite’ as an irregular reflex of **g^wet-ye/o-*, PIE **g^wet-* ‘speak’ (IEW: 480f.) influenced by semantically close *gočem*, cp. (Belardi 2009: 106). G. Djahukyan seems to accept **-ty-* > *-č̣-* for this and other lexemes, cf. *čič’* ‘cry’ < **gi-tyo-* or **gi-kyo-* (Джаукян 1982: 59, 171).

G. Djahukyan accepted *ščem* < PArm. **šičem* < **kwikiō* < PIE **kwey-k-*, cf. Lith. *švykšti* ‘to whistle’ and *šunc’* ‘breath’ < PIE **kwonkyo-*, cf. Lith. *švañkšti* ‘breath, snuffle’ (Джаукян 1982: 58, 171). W. Belardi suggested that both Armenian verbs may be ultimately related to each other and to *sulem* ‘to whistle’ < PIE **kowlo-*, cf. Skt. *śūt-kārā-* ‘whistling’, *śvásati* ‘to hiss’, thus, positing a Proto-Indo-European onomatopoeic root **kew-* ‘to hiss’ (Belardi 2009: 150, 154–155; Martirosyan 2010: 522). The comparison of Arm. *ščel* to Gk. *σίζω* ‘to hiss’ suggests the root **k^w*-. However, further comparison of the Armenian *-č’-* to the Greek *-ζ-*, probably, from **-g-ye/o-* is difficult to account for on formal grounds (Greppin 1995: 62; Sihler 1995: 516–517)).

3. The origin of *-nč’-* is even more controversial; its *-n-* has been interpreted as an infix, as part of the root, or as a separate derivational element. A detailed discussion of the present suffix origin is provided in (Klingenschmitt 1982: 78–84), see also (Olsen 1999: 522). The existence of *erkč’ot* ‘frightened; timid’ suggests that the stem of *erk-nč’im* (aor. *erk-eay*) ‘to fear’ is secondarily derived from Proto-Arm. **erkč’-* ~ Gk. *δεδίσκομαι* ‘to frighten’. However, this hypothesis does not explain why an infix was not added to the majority of *-č’-* stems even when the root ended in a voiceless obstruent, cf. *xrtč’im* ‘be(come) confused’.

Concerning the onomatopoeic extension, G. Djahukyan derived Arm. *dřnč’em* ‘to make ring’ (Philo, 6 c.) and *dřnč’im* ‘tingle (of ears)’ (Basil of Caesarea, 5 c.) from PIE **d^hren-k-ye-*, cf. Toch. B *trenk-* ‘to speak’ (for semantics cf. Rus. *trendet’* ‘to jingle’ > colloquial ‘to chat’), OIrl. *drēcht* ‘song’, and further PIE **d^hren-*, OInd. *dhrānati* ‘to sound’, Gk. *θρῆνος* ‘weep’, Goth. *drunjus* ‘sound’, etc. (Джаукян 1982: 182–183; Belardi 2009: 54). Moreover, this etymology, if correct, provides a Proto-Armenian model for the reanalysis of *-řn-* on which see below. However, the forms *dandač’em* ‘to ring (a bell)’ (Yeznik, 5 c.) and *dandač’ec’uceal* ‘having caused (a bell) to ring’ (Anania Narekac’i, 10 c.) show that *dřnč’em* could be part of a derivational pattern for the onomatopoeic root *d-*, as assumed in (Greppin 1995: 56–57), and not belong to the cited Indo-European comparanda.

In some cases, a phonetic explanation of the rise of the auslaut *-nč’-* is possible. The Classical Armenian reduplicated stems could contain expressive alternation in the final consonant of the second root, notably from *-r-* to *-ř-*, cf. *bar-baj-ank’* ‘aberration’; *dr-dř-iwn* ‘nonsense’. In his thorough analysis of such and other Classical Armenian reduplicated stems, M. Leroy assumes that *-n-* could be

inserted in front of the alternant *-j-* in onomatopoeic verbs, cf. *mṛ-mṛ-am* (Gk. *μормύρω*, Lat. *murmur*) → *mṛ-munj*, *mṛ-mumn* (Leroy 1986: 69). Alternatively, *mṛmṛjem* has been explained from **mur-mun-ye-* with a dissimilation of sonants and hardening of a glide, see (Martirosyan 2010: 481–482). Given the interchange of *-č-/j-* (e.g. *papačem*, *papajem* ‘to bleat (of goat)’) and *-nč-/nj-* (*šnčem*, *ššnjem* ‘to whisper’) attested for onomatopoeic verbs, it is not impossible that *-j-* is original in these forms.

4. Furthermore, Ačařyan identified the element *-ač-* in *šačel* ‘to rumple (of cart)’ (Bible), *bačel* ‘to cry (of animal)’ (Vahram Rabuni, 13 c.), *tačel* ‘to mumble (of men)’ (Jacob of Nisibis, 5 c.), *hačel* ‘to groan (of man)’, etc. with the suffix in *čan-ač-el* (aor. *can-e-ay*) ‘to understand; know’. However, the segmentation of *čan-ač-el* is probably no longer tenable, at least from the diachronic point of view; the present stem here looks as an Indo-European archaism, from **gṇh₃-sk(-y)e/o-*, cf. Gk. *γινώσκω*, Lat. *nāscor*, Toch. B *knastār* (LIV: 163–164). The same is true of *atačel* ‘to prey, supplicate’, where the internal *-a-* should be a reflex of a laryngeal, if from **slh₂-sk(-y)e/o-* (cf. Gk. *ιλάσκομαι* ‘to appease’ < **si-slh₂-ske/o-* (Klingenschmitt 1982: 68)) or **plh₃-sk(-y)e/o-* (cf. Lat. *plōro* ‘to weep’), see (Martirosyan 2010: 27–28) for a detailed etymological analysis. The dialect forms with *-n-* (cf. Tiflis *atančēm*) may be given as an evidence that the verb was considered a member of the onomatopoeic stock for which such stem variation is typical. Both verbs, *čanačel* and *atačel*, have **-H-sk(-y)e/o-* as the source of *-ač-*.

5. Ačařyan further compared *-anč-* in *gančel* ‘to cry out (of human)’ (Dawit’ Anyať, 6 c.), *tančel* ‘to mutter (of animals)’ (John Chrysostom, 5 c.; Ephrem, 5 c.), *xančel* ‘to grunt (of ass, boar)’ (Bible; Agat’angelos, 5 c.), and *kančel* ‘to cry (of human, lion)’ (Agat’angelos, 5 c.; Grigoris Aršaruni, 7 c.; T’ovma Arcruni, 10 c.) to *mel-anč-el* ‘to sin’ where the suffix can be synchronically segmented in view of *mel(k)* ‘sin’.

Apart from (Klingenschmitt 1982: 84), the issue of *melančel* ‘to sin’ has been recently addressed by B. Olsen (Olsen 2011) who interprets it as a *-či-* derivative from a nominal stem, the *-n-* of which continues Hoffmann’s suffix **-h₃n-* – **mel-h₃n-eh₁-ske-* ‘make enter into a state of defilement’. The grammatical value of Hoffmann’s suffix, a marker of quality adjectives, contributes to the functional relation of the present suffixes *-č-* and *-nč-* (connected to **-eh₁-* perfective stems) to the stative, or the perfect. One may wonder if the adjective suffix *-unč* attested in *anterunč’k* (Bible, Jer. 2.31) ‘without a master’ belongs here as well, see (Greppin 1975:

139; Olsen 1999: 612–613). In any case, the relation between the present suffix *-anč'*- and the onomatopoeic stems with *-anč'*- remains dubious.

6. No explanation has been proposed for the *-(a)r̄-* component of the remaining extensions: *-r̄č'*- (*k̄r̄č'el* 'to caw (of crows)' (Philo, 6 c.)); *-r̄nč'*- (*k̄r̄nč'el* 'to scream (of man), to creak (of dog), to caw (of crow)' (Bible; Philo; T'ovma Arcruni), *p̄r̄nč'em* 'to make a noise' (Bible), *x̄r̄nč'el* 'to grunt (of ass)' (Philo)); *-aṛāč'*- (*ṭaṛāč'el* 'to lament' (Nerses Lambronac'i, 12 c.; Barseṭ Maškeronc'i, 14 c.), *kaṛāč'el* 'to cry (of man)' (Aristakes Lastivertc'i, 11 c.; Nerses Lambronac'i, 12 c.), *haṛāč'em* 'to groan' (Bible)); *-aṛnč'*- (*xaṛnč'el* 'to grunt (of ass)' (Vardan Aygekc'i, 13 c.)), and *-aṛanč'*- (*ṭaṛanč'el* 'to lament' (John Chrysostom, 5 c.; Severian of Gabala, 6 c.), *kaṛanč'el* 'to cry' (Yovhannes Mandakuni, 5 c.)).

Due to the productivity of the stem variation pattern, the morphological borders within these root extensions became blurred. In some cases, the appurtenance of varying stems to the same onomatopoeic root is unmistakable, e.g. *ṭáč'em*, *ṭanč'em*, *ṭaṛāč'em*, *ṭaṛanč'em* 'to sigh, lament' or *xanč'el*, *xaṛnč'el* 'to grunt (of ass)'. However, this is not always so. An example of the ambiguities involved here may be illustrated by the onomatopoeic root *b-* 'to bellow' (NBH, I: 500; HAB, I: 458) that is attested in *b-nč'-em* 'to bellow (of cows and calfs)' (Anania Sanahnec'i, 11 c.); *b-č'-em* 'to bellow (of cow)', *b-č'-am* 'to bellow (of bull)' (John Chrysostom, 5 c.); *b-ḡ-em* 'to bellow (of cow)' (Vardan Arewelc'i, 13 c.); *b-b-č'-am* 'to growl (of lion)' (Grigor Taṭewac'i 14 c.); *b-b-č'-em* 'to growl (of beast)' (Karapet Sasnec'i, 12 c.), *bi-b-em* 'to cry (of calf)' (John Chrysostom, 5 c.). Now, the question is whether we shall, following Hr. Ačaṛyan, attribute *baṛāč'em* (Ephrem, 5 c.; Basil of Caesarea, 5 c.; Kirakos Drazarkec'i, 11 c.) and *baṛāḡ'em* 'to bleat (of a ram)' (Eusebius of Caesarea, 5 c.) to the same root *b-* 'to bellow; growl', or to a distinct root *baṛ-* 'to bleat'. A similar case of morphological ambiguity is presented by *munč'*- (NBH, II: 287) whence *mnč'em* 'to mourn (of dove)' (Nahum 2:7; Ezek 7:16), and *mrunc'*- (NBH, II: 302; I: 301; Hübschmann 476), whence *mrnč'em* 'to roar (of lion, desperate man)' (Bible) and *mṛnč'am* 'id.' (Kirakos Drazarkc'i, 11 c.).

In a number of contexts, forms without *-(a)r-* and with it appear next to each other in a way that allows for the interpretation of *-(a)r-* forms as markedly expressive. Cf. John Chrysostom: *Ew mek' yoržam zarṭnuč'umk', bazum žams and koreln ew and košk'op'eln, ew and ṭanč'eln ew and ṭaṛanč'eln hanemk'* 'And when we would awake,

there would be much time for stretching and yawning, and to utter sighs and laments' (trans. (Greppin 1995: 57)); John Chrysostom: *Yoržam i sud mtanic'es, hačesc'es, haṙač'es daṙnapēs* "When you would enter into mourning, you will cry out and sigh bitterly" (trans. (Greppin 1995: 60)); Bible (Jer. 47, 3): *I jaynē aspataki nora, i zinuc' otic' nora ew i šač'eloy kaṙac' nora ew i šaṙač'eloy anuoc'n nora* "At the noise of the stamping of the hoofs of his strong (horses), at the rushing of his chariots, (and at) the rumbling of his wheels"; T'ovma Arcruni: *Ibrew xzoz vayreni knčēr kṙnčēr* "he grunted like a wild pig" (NBH, I: 1127). Notably, *hač'el* appears along with *haṙač'el* in all the contexts (John Chrysostom, 5 c.; Yovhannes Mandakuni, 5 c.; Yovhannes Draxanakertc'i, 10 c.; T'ovma Arcruni, 10 c.) provided in (NBH, II: 48).

7. Although no decisive solution have been proposed concerning the relation between the present suffixes and onomatopoeic stem extensions, some very tentative considerations are presented below that attempt to find functional links between the alleged present suffix prototype **-eh₁-sk-* (matched by aorists in **-eh₁-*) and the onomatopoeic verbs in other Indo-European languages.

The overview of the Indo-European words for speech and sounds provided in (Mallory, Adams 352–367) leaves an impression that the lexical stock in question didn't have any prominent morphological features except reduplication. Some onomatopoeic verbs with reduplication can be safely reconstructed for Proto-Indo-European, e.g. **k^hak^ha-*, **lala-*, **murmur-*. Therefore, onomatopoeic verbs, in principle, could have been partly integrated into the perfect in some of the daughter languages due to the superficial morphological similarity of reduplicated stems rather than grammatical properties. Even though the question of relation between the Late Indo-European perfect and the Anatolian *hi*-conjugation remains largely unsolved, it may be noted that a number of Old Hittite verbs of speech or sound performance, including the reduplicated ones, follow the *hi*-conjugation, cf. *wai-/wi-* 'to cry (out)', *halzai-* 'to cry out, shout', *išhamai-* 'to sing', *mēma-/mēmi-* 'to speak', *wewakk-* 'to demand, ask', *wiwa-/wiwi-* 'to cry (out)', see (Kloekhorst 2008, s.vv.).

A more specific evidence comes from the Greek language that was probably the closest relative of Armenian and, thus, may reveal shared Late Indo-European innovations of the lexical and grammatical properties of the perfect. Apart from the stative and resultative (subject- and object-oriented) usage of the perfect amply attested in Homer (Perelmuter 1983), a group of verbs point to other archaic

functions of the Proto-Greek perfect. Thus, one finds perfect forms with purely present value, cf. *γέγηθα* ‘to rejoice’, *δέδορκα* ‘to observe’, *τέτριγα* ‘to chirp’, etc., see (Wackernagel 1926: 167; Chantraine 1927: 157–164). Even when a present by-form is available it is difficult to detect the difference between the grammatical nuances expressed by the two stems⁴.

The verbs attested in such perfect forms noticeably belong to several distinct lexical groups: 1) stable qualities: *ἕοικα* ‘to be similar’, *εἶωθα* ‘to be accustomed to’, etc.; 2) physical states: *δέδηγα* ‘to burn; to be burnt’, *σέσηπα* ‘to be rotten’; 2) states of mind, emotions, and perceptions: *γέγηθα* ‘to rejoice’, *δεΐδια* ‘to fear’; 3) auditory signals: *βέβρυχα* ‘to roar’ (of waves or warriors), *γέγωνα* ‘to cry’, **κέκληγα*, **λέληκα* ‘to scream’ (attested in the form of active participles), *μέμηκα* ‘to bleat’, *μέμωκα* ‘to moo’, *τέτριγα* ‘to utter a shrill cry’ (along with pres. *τρίζω*) (Perelmuter 1977: 5–6).

The first two groups belong to prototypical statives, the third one suggests object-oriented resultative interpretation, however, the last one remains problematic. It is difficult to treat it as a result of the secondary spread of the perfect morphology from stative or resultative verbs, and yet its general imperfective meaning is not coherent with the known lexical and grammatical features of the Indo-European perfect. One can hardly agree that the logical relation between the verbs of sense perception and those of sound performance could be a sufficient ground for their grammatical unification following the examples provided in (Lommel 1922), cf. Av. *goaš* ‘to hear’, Ved. *ghoṣati* ‘to sound’.

Yet, another interpretation is possible. In some contexts, where perfect forms are used to express the present tense, they have habitual aspect and seem to be in contrast to present forms with the grammatical value of the actual present, cf. *Il.* 8, 559: *...πάντα δὲ εἶδεται ἄστρα, γέγηθε δὲ τε φρένα ποιμήν* ‘...and all stars are seen,

⁴ The resultative evaluation of the perfect was proposed already in (Brugmann 1913: 83), similar reconstruction was accepted by (Hoffmann 1970), (Szemerényi 1970), etc. W. Cowgill insists on the stative value rather than resultative (Cowgill 1974: 563). J. Kuryłowicz qualified the perfect-present verbs as having a double function of *durative* (primary) and *resultative* (secondary) (Kuryłowicz 1964: 98, n. 4). See (Perelmuter 1977: 5-31) for detailed discussion of the approaches to the Homeric *perfecta tantum* with bibliographic references and textual evidence.

and the shepherd joyeth in his heart”⁵ (in the fragment giving an idyllic image of a clear night); *Il.* 14, 139-140: *Ἀτρεΐδῃ νῦν δὴ ποῦ Ἀχιλλῆος ὀλοὸν κῆρ γηθεῖ*... “Son of Atreus, now in sooth, methinks, doth the baneful heart of Achilles rejoice within his breast” (with an explicit reference to the actual present). To this may be added the reduplicated Indo-Iranian perfect stem derived from PIE *wek^w- ‘to speak’ (LIV: 673-674) and reconstructed on the basis of Ved. (*prá*) *vavāca* (RV 1.67.8b) and OAv. (*parā*) *vaoxamā* (Y. 1.34.5c). In both contexts, the perfect forms denote habitual actions, cf.: RV 1.67.8: a *ví yé crtánti ṛtā sápanṭah* b *āt ít vāsūni prá vavāca asmai* “They who release him, paying sacred rites, — truly to such doth he announce great wealth” (trans. R.T.H. Griffith); Y. 1.34.5c: *parā vā vīspāiš (parā.)vaoxamā daēuuāišcā xrafstrāiš mašiiāišcā* “We have (always) declared you (to be) over and above all the creepy old gods as well as (their?) men” (Skjaervo 2006: 45). This grammatical value of a non-actual present, pointed out already in (Renou 1924), could have been part of the basic functions of the Indo-European perfect. Since the verbs of sound performance are typical of different species of animals (only sheep bleat) or emotional states of humans, they may be interpreted as predicates of quality rather than predicates of intentional action. Thus, *βέβρυχα* may be considered not as a result of an action performed by a sheep, but as a result of its being a sheep.

References

- Джаукян 1982 – Джаукян Г. Б. Сравнительная грамматика армянского языка. Ереван: Изд. АН СССР.
- Перельмутер 1977 – Перельмутер И. А. Общеиндоевропейский и греческий глагол. Видо-временные и залоговые категории. Л.: Наука.
- Перельмутер 1983 – Перельмутер И. А. Статив, результатив, пассив и перфект в древнегреческом языке (язык Гомера) // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Под ред. В. П. Недялкова. Л.: Наука. С. 142–148.
- Асґауан 1899 – Асґауан Нр. *Hayērēni bnajayn ew krknawor baṛerə* (630 *baṛi k’nnuṭ’iwn*) // *Handēs amsoreay* 13: 202–207, 232–236.
- Belardi 2009 – Belardi W. *Elementi di armeno aureo*, III. Roma: Calamo.

⁵ The text and translation, here and below, are cited after: Homer. *Homeri Opera* in five volumes. Oxford, Oxford University Press. 1920. Homer. *The Iliad with an English Translation* by A.T. Murray, Ph.D. in two volumes. Cambridge, MA., Harvard University Press; London, William Heinemann, Ltd. 1924.

- Brugmann 1913 – Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. 2 Bearb. Bd. 2. T. 3. Strassburg.
- Chantraine 1927 – Chantraine P. Histoire du parfait grec. Paris: Champion.
- Cowgill 1974 – Cowgill W. More evidence for Indo-Hittite: The tense-aspect systems // L. Heilmann, ed., Proceedings of the Eleventh International Congress of Linguistics. Bologna: Società editrice di Mulino. Vol. 2. P. 557–570.
- Derksen 2008 – Derksen R. Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon. Leiden: Brill.
- Drinka 2003 – Drinka B. The development of the perfect in Indo-European: stratigraphic evidence of prehistoric areal influence // Henning Andersen (ed.). Language Contacts in Prehistory: Studies in Stratigraphy. P. 77–105. Amsterdam: Benjamins.
- ESSJa – Трубачев О. Н. (отв. ред.). Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука. 1974-.
- Godel 1965 – Godel R. Les origins de la conjugaison arménienne // Revue des études arméniennes, n.s. 2. P. 21–41 (= R. Godel. Linguistique arménienne. Études diachroniques. Paris: Frères Ghoukassiantz, 1982. P. 19–38).
- Greppin 1975 – Greppin J. A. C. Classical Armenian nominal suffixes. Wien: Mechitharisten-Buchdruckerei.
- Greppin 1995 – Greppin J. A. C. The Armenian onomatopoeic verbal infix in -(a)(n)č̣- // Annual of Armenian Linguistics 16. P. 53–66.
- НАВ – Acharian, Hrachia. 1971–1979. Hayerēn armatakan bařaran. 4 vols. Erevan.
- Hoffmann K. 1970. Das Kategoriensystem des indogermanischen Verbums // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, 28. S. 19–41.
- Kloekhorst 2008 – Kloekhorst A. Etymological dictionary of the Hittite inherited lexicon. Leiden: Brill.
- Kuryłowicz 1964 – Kuryłowicz J. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg: Winter.
- Leroy 1986 – Leroy M. Le redoublement comme procédé de formation nominale en arménien classique // Maurice Leroy and Francine Mawet (eds.), La place de l'arménien dans les langues indo-européennes. Louvain: Peeters. P. 62–75.
- LIV – Lexicon der indogermanischen Verben. 2. ed. by H. Rix. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001.
- Mallory, Adams 2006 – Mallory J. P., Adams D. Q. The Oxford introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European world. Oxford University Press.
- Meillet 1898 – Meillet A. Étymologies arméniennes // Mémoires de la société de linguistique de Paris, 10. P. 274–82.
- 1909. Armeniaca // Mémoires de la société de linguistique de Paris, 15. P. 353–357.
- NBH – 1979–1981. Nor bařgirk' haykazean lezui (Новый словарь древнеармянского языка). 1–2. Ереван: Изд. Ереванского университета.
- Neu 1968 – Neu E. Das hethitische Mediopassiv und seine indogermanischen Grundlagen (= Studien zu den Boğazköy-Texten, Heft 6). Wiesbaden: Harrassowitz.

- Olsen 1988 – Olsen B. The formation of the subjunctive paradigm in Classical Armenian // *Annual of Armenian Linguistics* 9. P. 7–14.
- Olsen 1999 – Olsen B. *The noun in Biblical Armenian*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- Olsen 2011 – Olsen B. Contributions to the Armenian etymology. Handout of a talk presented at the 23rd Annual UCLA Indo-European conference on October 28th.
- Renou 1925 – Renou L. *La valeur du parfait dans les hymnes védiques*. Paris: Champion.
- Sihler 1995 – Sihler A. *New comparative grammar of Greek and Latin*. Oxford University Press.
- Skjaervo 2006 – Skjaervo P.O. *An Introduction to Old Avestan* <http://www.fas.harvard.edu/~iranian/OldAvestan/oldavestanprimer.pdf>.
- Stang 1932 – Stang Chr. S. Perfektum und Medium // *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*, 6. S. 29–39.
- Wackernagel J. 1926. *Vorlesungen über Syntax mit besonderer Berücksichtigung von griechisch, lateinisch und deutsch*. 2 Aufl. Basel : Birkhäuser.
- Watkins 1973 – Watkins C. Hittite and Indo-European Studies: The Denominative Statives in -ē- // *Transactions of the Philological Society* 1971. P. 51–93.

Ю. К. Кузьменко

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ГЕРМАНСКОГО ФУТАРКА

Резюме. В статье приведены новые аргументы, показывающие справедливость гипотезы о том, что источником футарка был один из североиталийских алфавитов I в. до н. э. – I в. н. э. Эти аргументы таковы: 1) Порядок рун, обозначающих звонкие согласные /b/, /d/ и гласную /o/ в конце футарка соответствует порядку букв венецкого алфавита и отличается от порядка букв в других алфавитах. 2) Обозначение различия между /i/ и /j/, общее для футарка и для венецкой системы письма, но отличающееся от других предполагаемых в качестве источников систем письма. Кроме того, форма руны, обозначающей /j/ в футарке, похожа на форму диграфа, обозначающего /j/ в венецкой системе письма. 3) Сходство формулы, начинающей многие рунические надписи и надписи венецким алфавитом («я + имя»). Однако венецкий алфавит был не единственным источником футарка, который будучи созданным одним человеком или одной группой людей создавался с учетом других традиций письма, распространенных в северной Италии того времени (латинской, греческой и, возможно, кельтской), а также с учетом знания дорунических германских символов.

Ключевые слова: история алфавитов, старший футарк, венецкий алфавит; history of alphabets, elder futhark, Venetic alphabet

Введение

Самые древние памятники на германском языке датируются вторым веком нашей эры¹. Они написаны особым руническим

¹ К самым ранним руническим надписям относятся надпись на гребне из Вимосе (Фюн, Дания) и надпись на копье из Эвре Стабю (Оппланд, Норвегия) (Düwel 2001: 24). Четыре знака на фибуле из Мельдорфа (северная Германия), которую датируют началом первого века н. э., часто считают первой рунической надписью (Düwel 2001: 23–24). Однако среди знаков на фибуле из Мельдорфа нет ни одного, который мог бы однозначно интерпретироваться как руна. Столь же вероятна их североиталийская и латинская интерпретация или имитация латинской надписи, не говоря уже о том, что эти знаки вообще могли быть не знаками письма, а элементами орнамента. Вопрос о том, на каком языке сделана надпись одним из североиталийских алфавитов на шлеме из Негау (около 300 до н. э.), продолжает оставаться дискуссионным (см. напр., Ганина 2005).

алфавитом, который отличается от современных ему европейских алфавитов и порядком следования рун, и их формой, и их названием, и частично формой рун и их значением. Поскольку порядок букв в руническом алфавите отличается от традиционных алфавитов, принято называть этот алфавит не *алфа-витом*, а *fupark*‘ом в соответствии с порядком следования первых шести рун. С момента появления рунологии продолжают спорить об источниках германского рунического письма. При решении этого вопроса традиционно учитываются форма рун, их значение и название, порядок рун в футарке и их группировка, направление письма и расположение надписи, место находки и материал, на котором написаны самые старые надписи, исторические и археологические данные о германцах. В литературе последних десятилетий представлены четыре гипотезы о том, какой алфавит был основным источником рунического письма. Наиболее популярны гипотеза о латинском происхождении германского рунического алфавита (см., напр., Seebold 1991; Quak 1996), которая в наиболее полном виде впервые была изложена Виммером (Wimmer 1887), и гипотеза о том, что основным источником футарка были появившиеся на основе северозетрусского алфавита различные североиталийские алфавиты (ср., напр., Макаев 1966; Rix 1992), которая была впервые изложена Марстрандером (Marstrander 1928) и Хаммарстрёмом (Hammarström 1930). Высказанная Софусом Бугге (Bugge 1913) гипотеза о том, что источником футарка был греческий алфавит первых веков нашей эры, претерпела сейчас некоторые изменения. Бугге считал, что руническое письмо появилось у готов, которые создали его на основе греческого алфавита, когда столкнулись с греческой культурой в районе Черного моря. Однако, поскольку оказалось, что самые древние рунические надписи относятся к началу II века или даже к середине I века (если надпись на фибуле из Мельдорфа действительно руническая), т. е. к тому времени, когда готов еще не было у Черного моря, от предположения о созднии футарка готами отказались. Однако существует и другой вариант греческой гипотезы. Еще в конце девятнадцатого века было высказано предположение о том, что прообразом футарка был не греческий алфавит начала нашей эры, а архаический греческий алфавит VI века до н. э. (Nemprl 1899), что нашло отклик у рунологов конца XX века (см., напр., Morris 1988; Antonsen 1996). Наконец, в последнее время появилось предположение о еще более раннем появлении футарка. Его уже связывают не с греческим, латинским или

североиталийским алфавитами, а с одним из семитским алфавитов, относя появление футарка к 1000 г. до н. э. (Bang 1998: 149). Тео Феннеманн, предложивший идею о пуническом суперстрате в германском (см., напр., Vennemann 2004), считает, что непосредственным источником футарка был финикийский алфавит (Vennemann 2009). Однако он не осмеливается отнести появление футарка к предполагаемому им периоду пунического суперстрата в германском, т. е. к III тыс. до н. э., а говорит лишь о двухсотлетнем периоде формирования футарка, т. е. относит первый вариант футарка (прафутарк) к I или II веку до н. э. (Vennemann 2009: 854–855).

Аргументы и возражения

Рассмотрим основные аргументы сторонников вышеприведенных гипотез и приведем ряд новых аргументов в пользу гипотезы о том, что основным источником футарка был один из североиталийских алфавитов.

Поскольку порядок рун в футарке, распределение рун по трем группам² и названия рун³ отличают футарк от всех алфавитов, которые предполагаются как его источники, в качестве основного критерия, позволяющего определить источник футарка, рассматривается обычно форма и значение рун. Однако и этот критерий не всегда является однозначным, поскольку все европейские алфавиты произошли из греческого алфавита, источником которого, в свою очередь, был финикийский алфавит. Поэтому многие формы букв и графические приемы оказываются в греческом, этрусском, латинском и североиталийских системах письма одинаковыми, в том числе и формы тех букв, которые имеют сходство с формой рун футарка. В ранних греческих и этрусских надписях сохраняется и характерное для финикийского письма необозначение носовых согласных перед

² В некоторых надписях, в которых приведен футарк, он разделен на три группы по восемь рун в каждой ($8 \times 3 = 24$). Цель такого разбиения на группы становится понятной только в самых первых надписях младшими рунами, например в надписи на Рёкском камне (нач. IX в.), где использована руническая тайнопись, в которой руны обозначены разного рода знаками, указывающими на номер группы руны в футарке и номер руны в группе.

³ Использование руны $\diamond(\eta)$ вместо ее названия есть уже в самых ранних рунических надписях.

шумными смычными. Такая же особенность свойственна руническим надписям. Форма и значение многих рун, соответствующих формам букв вышеназванных алфавитов, и необозначение носовых перед шумными смычными не позволяют однозначно определить непосредственный источник футарка. Однако в некоторых случаях форма рун все же помогает предположить их прообраз. Так форма и значение рун f (**f**) и r (**r**) соответствуют форме и значению соответствующих латинских букв, и отличаются и от соответствующих греческих букв и от букв североиталийских алфавитов. Греческая дигамма F обозначала /w/, а в североиталийских алфавитах и в этрусском /f/ обозначалось либо сочетанием FH или HF , либо особым знаком, отличным по форме от F , а /r/ в этрусском и североиталийских алфавитах обозначалось по греческому образцу (ср., напр., Pfiffig 1969: 18; Lejeune 1974, *Tableau des signes*). Сходство формы и значения латинских букв F и R и рун f (**f**) и r (**r**) наряду с историческими и археологическими свидетельствами о латинском влиянии на германские племена является основным аргументом сторонников латинской гипотезы. Кроме рун f и r полные латинские соответствия имеют руны k (**k**), i (**i**), t (**t**), b (**b**) и один из вариантов написания руны h (**h**), однако сходные с рунами формы этих букв можно найти и в греческом и в североиталийских алфавитах. Высказывалось предположение и о том, что прообразом руны e (**e**) послужила латинская буква E (см., напр., Arntz 1944: 35). Однако, поскольку одним из первоначальных вариантов этой руны был знак Π , предположение о латинском источнике руны e (**e**) вряд ли верно. По-видимому, руна e (**e**) была видоизмененной формой (формой без горизонтальных линий, свойственной всем рунам футарка) первоначального знака Π , который, в свою очередь, был несколько видоизмененной формой венецкого диграфа $||$, одним из значений которого было /e/ (см., напр., Naarman 1998: 456). Сторонники латинской гипотезы ищут латинские прообразы даже для тех рун, которые обозначают фонемы, отсутствующие в латинском (см., напр., Wimmer 1887; Rausing 1991). Однако при гипотезе о латинском влиянии на форму всех рун приходится допускать многочисленные изменения исходной формы, которые лишают доказательной силы эту гипотезу, ср., напр., предположение о том, что источником руны R (**R**) была латинская буква R (Rausing 1991: 203) или латинская буква Z (Wimmer 1887: 128) или предположение о том, что источником руны p (**p**) была латинская буква P (ibid.: 117–119) и т. п. Правда, даже наиболее ярые сторонники латин-

ской гипотезы не могли вывести всех рун из латинского алфавита. У Виммера не нашлось латинских прообразов для трех рун X, ⋈ и ⋊ , у Раусинга для ⋈ , ⋊ , ⋋ , X и ⋌ .

В пользу латинской гипотезы могли бы свидетельствовать данные истории и археологии, говорящие о тесных контактах германцев последних веков до н. э. и первых веков н. э. с Римом, однако против нее свидетельствует, прежде всего, направление рунического письма и разделительные знаки. В самых архаичных рунических надписях (II–IV век н. э.) встречаются и надписи справа налево, и надписи слева направо, и надписи бустрофедоном, в то время как направление письма справа налево было характерно только для самых старых латинских надписей (VII–VI вв. до н. э.), ср., напр., Urbanová 1997: 30; Naarmann 1998: 294–296. Уже в латинских надписях IV–III века до н. э. абсолютно преобладает направление письма слева направо. Кроме того, формы латинских букв, более всего соответствующие форме рун (ср. архаичные формы латинских букв A, C и S, см., напр., Sandys 1969: 48) и разделительные знаки, соответствующие знакам, разделяющим слова в рунических надписях (точка, две точки или несколько точек), были также характерны только для самых ранних латинских надписей. Иными словами, предположение о латинском источнике футарка еще можно было бы признать для V–IV века до н. э., хотя и в это время основное направление письма было слева направо, но латинская гипотеза представляется невероятной, если время возникновения футарка и время появления известных нам рунических надписей (II век н. э.) не слишком далеко отстояли друг от друга.

Представители старой греческой гипотезы не отрицают, что форма некоторых рун была заимствована из латинского алфавита (по Бугге к таким рунам относились руны ᚠ (**f**), ᚨ (**h**), ᚱ (**r**) и ᚩ (**j**) – Bugge 1913). Руна ᚵ (**w**) была даже заимствована по Бугге из грузинского алфавита (Bugge 1913, 136), что, правда, по хронологическим соображениям совершенно невероятно. Согласно новой греческой гипотезе Морриса (Morris 1988), которая восходит к гипотезе Хэмпла (Hemphill 1899), формы абсолютно всех рун выводимы из форм греческого письма. Однако, чтобы показать сходство рун и греческих букв Моррису приходится обратиться ко времени гораздо более отдаленному, чем традиционно предполагаемое время появления футарка (I в. до н. э. – I в. н. э.), т. е. к VI–V вв. до н. э., когда греческая *heta* еще могла значить /h/, и направление письма могло быть разным. Поскольку Моррис сводит все формы рун к одному источ-

нику, количество предполагаемых им изменений исходных форм знаков оказывается даже большим, чем у предшественников, см., напр., возведение рун \mathfrak{J} (j), \mathfrak{H} (h), \mathfrak{R} (r), \mathfrak{K} (k), \mathfrak{P} (p) к греческим йоте, коппе, ро, дзете и дигамме – Morris 1988: 152–152).

Возражения против гипотезы о том, что прообразом футарка был греческий алфавит V–VI вв. до н. э., во многом соответствуют возражениям против латинской гипотезы, однако временное различие между предполагаемым временем появления футарка и временем первых рун оказывается еще большим, чем при латинской гипотезе. Направление письма и разделительные знаки греческого письма во время, непосредственно примыкающее ко времени первых известных нам рунических надписей, также как и при латинской гипотезе, абсолютно не соответствуют рунической традиции. При греческой гипотезе проблемой является и отсутствие исторических и археологических свидетельств о столь ранних контактах германцев с греческой культурой VI–V вв. до н. э. Даже известное плавание Пифея из Массалии вокруг Европы датируют более поздним временем (330 г. до н. э.).

Согласно семитской гипотезе Банга, относящего время появления футарка к 1000 году до н. э. (Bang 1998), временной промежуток между временем появления футарка и первыми надписями оказывается еще большим. Направление финикийского письма (справа налево) тоже оказывается не вполне соответствующим направлению письма древнейших рунических надписей (справа налево, слева направо, бустрофедон). Кроме сообщений древнеисландской литературы о том, что Один, которому приписывается создание рунического письма, и другие скандинавские асы пришли с востока, и упоминания о том, что источником всех европейских алфавитов был финикийский алфавит, Банг фактически не приводит никаких аргументов. Более последователен Феннеманн (Vennemann 2009), который относит время появления футарка из финикийского алфавита к концу новой эры. В качестве доказательства он приводит схожие формы некоторых знаков и сходный принцип значимых названий букв алфавита. Причем Феннеманн считает, что именно финикийский алфавит послужил основой для появления особого порядка рун футарка. Так в частности он полагает, что первое место руны **f** в футарке объясняется ее названием «скот, движимое имущество», которое соответствует названию первой буквы семитского алфавита «'алеф, бык». Правда, это, пожалуй, единственный из приводимых Феннеманном примеров, в котором можно усмотреть какую-то связь между порядком рун в

футарке и названием букв в семитском алфавите. В целом финикийская гипотеза происхождения футарка оставляет еще больше вопросов, чем две предыдущие.

Североиталийская гипотеза была наиболее обстоятельно изложена Марстрандером, который считал, что футарк появился у маркоманов, свебов и квадов во второй половине I в. в северной Италии и оттуда распространился на север (Marstrander 1928: 97). Причем на формирование футарка оказало влияние и то, что значительная часть северной Италии испытала сильное влияние кельтов, появившихся здесь в V в. до н. э. Именно кельтский огамический алфавит и оказал по Марстрандеру влияние на формирование футарка (ibid.: 145). Разделение букв на группы, значимые названия букв, существование особого знака для обозначения сочетания фонем /ng/ и нетрадиционный порядок букв в алфавите объединяет футарк с огамическим алфавитом. Форма же рун соответствует по Марстрандеру форме североиталийских алфавитов (Марстрандер не находил соответствия в североиталийских алфавитах только для руны \diamond (η)).

Недавно Н. Б. Пименова, развивая идеи Марстрандера, продемонстрировала значительное сходство огамического алфавита и футарка в отношении порядка расположения знаков в алфавите (Пименова 2009: 122–124). Сходство между огамическим алфавитом и футарком стало, таким образом, еще более очевидным. Однако, поскольку пока не найдено огамических надписей в северной Италии, а древнейшие огамические надписи в Ирландии относятся к IV в. н. э., периоду более позднему, чем первые надписи футарком, гипотеза Марстрандера о кельтском влиянии на формирования футарка остается в высшей степени гипотетичной. Пименова считает невозможным прямое выведение огама из футарка и футарка из огама и предполагает сходное параллельное развитие из «близких источников» (Пименова 2009: 124). Однако огам и футарк имеют ряд особенностей, которые характерны только для них и не имеют типологических соответствий в письменностях Европы. Кроме установленного Пименовой сходства порядка следования рун в футарке и огаме, сюда относится разделение знаков письма на группы, что использовалось в рунической тайнописи. Напомним, что и огамический алфавит интерпретировался многими как тайнопись (Marstrander 1928; Haarmann 1991: 467). Кроме

знал венетский алфавит, но и был хорошо знаком с системой венетского письма.

Если мы обратим внимание на то, что предполагаемые Риксом лепонтийские образцы рун | > ꝛ ꝛ могли иметь такую же форму и в венетском алфавите (ср. Pellegrini, Prosdocimi 1967; Lejeune 1974, Tableau des signes), а руны ꝛ ꝛ ꝛ ꝛ, которые Рикс связывает с ретийским алфавитом, прямо не выводимы и из него, то наиболее вероятно, что основным источником футарка был алфавит типа венетского. Направление письма и разделительные знаки первых рунических надписей также соответствуют направлению письма и разделительным знакам поздних североиталийских алфавитов, включая североэтрусские; см., напр., венетские надписи слева направо (Es 4, 82, 87, 88, 93, Pa 8, 15 etc), справа налево (Es 21, 23, 64, 73, Pa 7, 9, 11 etc.) и бустрофедоном (Es 6, 10, 12 etc) (Pellegrini, Prosdocimi 1967). Поздние надписи североиталийскими алфавитами испытали влияние латинского алфавита. Так в поздних венетских надписях появляются латинские буквы для обозначения звонких смычных B D G (Lejeune 1974: 23). Становится распространенным и смешение латинского и венетского алфавита в одной и той же надписи. Появляются и латинские надписи венетским алфавитом и венетские надписи латинским алфавитом (Pellegrini, Prosdocimi 1967). Поздние венетские надписи свидетельствуют о том, что человек, владевший венетским письмом во II и I вв. до н. э., владел, как правило, и латинской системой письма.

Приведем еще несколько аргументов в пользу гипотезы о североиталийском источнике футарка. Как мы видели выше, самыми трудными для объяснения являются руны, которые обозначают фонемы, отсутствующие в греческом и латинском, прежде всего руны > (j), > (ŋ), ↓ (ī) и ꝛ (p). На происхождении одной из них хотелось бы остановиться подробнее.

Источник руны > /j/ в футарке

Вопрос об источнике руны > много обсуждался. Ни в образе этрусского алфавита западногреческом алфавите, ни в этрусском, ни в латинском алфавитах не было особого знака для обозначения [j], по-видимому, потому, что [j] не был в этих языках самостоятельной фонемой, а был аллофоном /i/. Нет знака для [j] и в каноническом венетском алфавите, в том виде в каком он представлен в надписи на бронзовой пластинке из Эсте (Es 23) (Pellegrini, Prosdocimi 1967, 102). В футарке однако /i/ и

/j/ обозначены разными рунами, поскольку были разными фонемами (Steblyn-Kamenskij 1962). Виммер (Wimmer 1887) и Марстрандер (Marstrander 1928) возводили руны \mathfrak{G} к латинской букве G, которая появилась в III веке до н. э. в результате добавления черточки к C. Они полагали, что в момент создания футарка латинское /g/ было щелевым между передними гласными, и такое произношение стало основанием для использования латинской буквы G для обозначения германской фонемы /j/. Такое предположение, однако, мало вероятно, поскольку руна \mathfrak{G} очень мало похожа на форму латинской буквы G, какой бы дукт латинского письма мы ни имели в виду, да и реконструкция реализаций латинской фонемы /g/ не подтверждает справедливость гипотезы Виммера и Марстрандера. Моррис возводил руны \mathfrak{G} к греческой йоте, которую он считал прообразом сразу трех рун \mathfrak{I} , \mathfrak{J} и \mathfrak{K} (Morris 1988: 153). Ни греческая, ни латинская гипотеза о происхождении руны \mathfrak{G} не кажутся, однако, убедительными. Считалось, что и в североиталийских алфавитах нельзя найти ее прообраза (Arntz 1944: 46). Поэтому наиболее вероятными казалось либо предположение о том, что эта руна, подобно ряду другим рун футарка были созданы его создателем (см., напр., Hammarström 1930: 32–33), либо она восходит к доруническому германскому символу. В качестве ее источника называли дорунический символ разделенного на две половины года (Arntz 1944: 153, 206). Напомним, что название этой руны реконструируется как **jēra* (>**jāra*) «урожай, урожайный год, год», ср. др.-англ. ее название *ger* или *gear* (англ. *year*) в рунических акростихах, ее употребление в надписи из Стентофтена в значении ‘урожайный год’ и значение восходящей к ней руны \mathfrak{a} младшего футарка в древнескандинавских рунических акростихах (см., напр. Bauer 2003: 113–213).

Однако думается, что можно найти аналогию употребления руны \mathfrak{J} и даже аналогию формы этой руны в венетских надписях. Хотя в алфавите из Эсте нет особого знака для обозначения фонемы /j/, а в соответствии с греческим, этрусским и латинским алфавитами есть только одна буква для обозначения [i] и [j], во многих венетских надписях /i/ и /j/ обозначались по-разному. В венетском письме /j/ обозначался удвоением буквы I, причем таким образом обозначалось /j/ и в начале слова (Lejeune 1974: 33). Такое удвоенное I могло иметь вид двух параллель-

ных вертикальных линий || (двух I)⁵, одной изогнутой линии и одной вертикальной линии <| и двух изогнутых линий << (ibid., Tableau des signes). По-видимому, появление графем <| и << для обозначения /j/ связано со стремлением избежать двусмысленности знака ||, который наряду с обозначением /j/ мог обозначать и /e/ (см. выше). Графическое противопоставление | и << говорит не только о структурном сходстве венетской графической системы с футарком, где /i/ и /j/ также обозначены разными знаками, но и о сходстве формы знака, обозначающего /j/. В футарке также как и в венетском письме фонема /j/ обозначалась руной, состоящей из двух изогнутых линий, правда, расположенных по отношению друг к другу несколько по-другому (↯). Таким образом, можно предположить, что источником руны, обозначающей /j/, было изображение фонемы /j/ в алфавите типа венетского (т. е. прообразом руны ↯ был венетский диграф <<). Форма венетской графемы, обозначающей фонему /j/ была, однако, несколько изменена, вероятно, в соответствии с формой и значением дорунического знака, символизирующего урожайный год и соответствующего разделенному на две половины кругу. Напомним, что год у германцев делился только на две части, лето и зиму, о чем свидетельствуют общие названия только этих времен года во всех германских языках, древнеисландская традиция деления года на лето, начинающееся в апреле и зиму, начинающуюся в октябре, и шведские рунические календари, также делящие год на две половины и отмечающие 14 апреля как день начала лета и 14 октября как день начала зимы.

Последние руны футарка

Хотя первые надписи относят ко второму веку нашей эры, первые сведения о порядке следования рун в футарке появляются только в IV или V веке н. э. Именно этим временем датируют надпись на могильной плите из Чюльвера (Готланд), в которой приведен весь футарк:

<X P H T | S C J Y S T B M M T O X X F N B T R
f u þ a r k g w h n i j p i R s t b e m l ŋ d o.

⁵ Возможно последний знак в группе согласных на другой алфавитной бронзовой табличке из Эсте (Es 25), который выглядит как две параллельные линии (Pellegrini, Prosdociami 1967: 110), является знаком, обозначающим /j/.

Существует еще восемь надписей, в которых приведен футарк полностью или частично (Düwel 2001: 44). На брактеатах, с руническими надписями из Вадстены и Мариедама, которые датируются V–VI веками, сохранен почти такой же порядок следования рун за исключением двух моментов. В этих надписях ᚗ (**i**) стоит перед ᚢ (**p**), а ᚛ (**o**) перед ᚦ (**d**) (Krause, Jankuhn 1966: 14). В древнеанглийских надписях и в рукописях, в которых приводится футарк, последовательность рун **d** и **o** также может быть различной (**d o** или **o d** – Arntz 1944: 68).

Вопрос о причине необычного порядка следования рун в футарке имеет давнюю историю (библиографию см. Seebold 1991; Düwel 2001; Пименова 2009) и, несмотря на многочисленные гипотезы, еще не нашел своего окончательного решения, хотя, вероятнее всего, появление нового порядка рун в футарке связано с перестановкой большинства букв в исходном алфавите, порядок следования букв которого соответствовал традиционному порядку букв в классических алфавитах. Однако некоторые участки рунического алфавита полностью соответствуют порядку следования букв в алфавите источнике, см. порядок рун **p R s t**. Для ответа на вопрос об источнике футарка важным представляется и порядок следования рун, обозначающих звонкие согласные и **o**.

Можно предположить, что последней руной футарка была руна ᚛ , по образцу греческого алфавита, последней буквой которого была омега, по своей форме похожая на руны ᚛ (Bugge 1913). Кроме того, количество букв классического греческого алфавита (24) совпадает с количеством рун футарка, что вряд ли случайно, тем более, что две руны футарка, который в остальном отличается своей фонографичностью, оказываются фонологически лишними (Steblin-Kamenskij 1962). К таким рунам относятся руны ᚗ , которая в соответствии со своим названием **Ing(w)az* (бог Инг) чаще всего обозначала не просто сочетание фонем /ng/, а фонемную последовательность /ing/, и руны ᚗ , которая употреблялась очень редко, а в том случае, когда она употреблена в текстовой надписи, ее значение было /i/ (Steblin-Kamenskij 1962: 1–3)⁶. Вполне вероятно поэтому предположение

⁶ Предполагали, что руна ᚗ обозначала в первоначальном футарке либо германское /ē2/, либо открытое /æ:/, либо отличающийся и от /ī/, и от /ē/ продукт стяжения исконного дифтонга /ei/, либо согласный /ç/ (обзор литературы см. Bauer 2003: 38–39). Эта руна редко встречается

о том, что к фонологически необходимым 22 рунам футарка, обозначавшим двадцать две германские фонемы, были добавлены еще два знака, для достижения соответствующего греческому алфавиту числа знаков и для возможности создания такого количества знаков, которое бы обеспечило существования трех групп рун по восемь рун в каждой группе ($3 \times 8 = 24$). Эти соображения могут свидетельствовать о том, что форма и место руны ð объясняется влиянием греческого алфавита. Причем в данном случае имеется в виду не ставший прообразом этрусского и соответственно североиталийских алфавитов западногреческий алфавит, в котором не было омеги в конце алфавита, а греческий алфавит классического периода. Однако второй вариант порядка двух последних рун футарке (o d) свидетельствует о возможности влияния порядка следования букв не греческого, а какого-то другого алфавита.

В венецкий алфавит известен нам по надписи на бронзовой пластинке из святилища Рейтии из Эсте (Es 23). Он состоит из 20 букв, написанных справа налево, причем последними буквами алфавита являются буквы, обозначающие /b/, /g/ и /o/ (Pellegrini, Prosdocimi 1967, I: 102; Lejuene 1974: 25). Появление O в конце венецкого алфавита обычно трактуется как то, что эта буква была добавлена в алфавит позднее (Beeler 1949, 4). В западногреческом алфавите было 20 букв, причем в нем не было омеги, и последней буквой алфавита были буквы Φ и Ψ , обозначающие /ph/ и /kh/ (Naarmann 1998: 425). В этрусском алфавите буква O была, однако она не использовалась в надписях (Pfiffig 1969: 19–22). Таким образом, место руны o в конце футарка могло быть связано и с влиянием места омеги в греческом алфавите, и с влиянием места буквы O в венецком алфавите. Порядок следования рун, обозначающих звонкие смычные в футарке, более однозначно свидетельствует о связи футарка с алфавитом типа венецкого.

Как известно, источником венецкого алфавита был североэтрусский алфавит, однако, поскольку венецкая фонологическая система отличалась от североэтрусской, веныты изменили значение некоторых североэтрусских букв. В первую очередь

в текстовых надписях. В надписях старшими рунами она может значить /ī/, а в древнеанглийских надписях в Нортумбрии есть значение /ç/. Ее значение в акростихах свидетельствует о том, что исконно она обозначала гласный.

это изменение касалось обозначения венетских звонких /b d g/. В этрусском языке не было звонких шумных /b d g/ (Steinbauer 1999: 24), и в надписях не использовались буквы, восходящие к греческим буквам Β и Δ, а этрусская буква, восходящая к греческой гамме (Γ), могла обозначать /k/ или /j/. Хотя буквы, соответствующие греческим Β и Δ, встречаются в алфавитных надписях, см., напр., этрусские алфавиты из Формелло, Черветери и Сиены (Naarmann 1998: 291), они не используются в этрусских текстовых надписях. Поэтому в венетском алфавите для обозначения звонких шумных были использованы не буквы, восходящие к греческим Β Δ Γ, а буквы, которые и по форме и по месту в алфавите сопоставимы с греческими буквами Φ, Ψ и Ζ. В этрусском эти буквы обозначали /pf/ или /ph/ (Φ), /kx/ или /kh/ (Ψ) и /ts/ (Ζ) (Pfiffig 1969: 27; Steinbauer 1999: 24–25). Буквы, соответствующие Φ и Ψ, стояли в конце этрусского алфавита, ср., напр., алфавиты из Формелло и Черветери, а буква, соответствующая Ζ занимала в этрусском алфавите седьмое место, соответствующее месту дзеты в греческом алфавите. В венетском алфавите на пластинке из Эсте (Es 23) буква, обозначающая /d/, имела чаще всего форму, похожую на форму греческой дзеты и на форму, соответствующую букве этрусского алфавита, однако она занимала в венетском алфавите Es 23 четвертое место, т. е. место греческой дельты. Однако порядок следования буквы, обозначающей /d/ в алфавите на другой бронзовой пластинке из святилища Рейтии в Эсте (Es 25 – Pellegrini, Prosdocimi 1967) отличается от вышеприведенного. Здесь наряду с текстовой надписью с часто встречающейся формулой *meḡo donasto* («меня дал» + имя собственное в именительном падеже + теоним в дательном падеже) изображены повторяющиеся шестнадцать раз четыре гласные буквы, а под этими буквами должны были стоять шестнадцать согласных букв⁷. Однако, поскольку часть пластинки обломана, сохранились не шестнадцать, а только девять согласных. К счастью, сохранилась именно вторая часть алфавита, и в ней последними буквами алфавита оказываются буквы для /d/, /b/, /g/ и знак похожий на диграф, обозначающий /j/. Венетская буква, обозначающая /d/, источником формы которой была буква, восходящая к греческой дзете, переместилась в надписи Es 25 с

⁷ Таким образом показывались все возможные слоги, состоящие из сочетания СГ.

седьмой позиции в этрусском и четвертой позиции в венецком алфавите Es 23 в конец алфавита, оказавшись рядом с другими буквами, обозначавшими звонкие смычные. Несомненно, что конечное положение венецких букв, обозначающих /b/ и /g/, связано с их положением в алфавитах источниках (в западно-греческом и этрусском, ср. Φ и Ψ). Но перемещение буквы, обозначающей /d/, в эту же группу в Es 25 несомненно связано с ее фонологической значимостью. Таким образом, именно в венецком алфавите буквы, обозначающие звонкие шумные /d/, /b/, /g/, расположились рядом друг с другом в конце алфавита. По-видимому, такое же расположение букв для обозначения звонких фонем в алфавите было характерно и для алфавита венецких надписей из Падоне, хотя алфавитных надписей из этой области не найдено. Но здесь фонема /d/ обозначалась не знаком, восходящим к греческой дзете, а знаком, соответствующим греческой букве Χ (Lejeune 1974: 31), которая и в греческом и в этрусском алфавите стоит рядом с буквами Φ и Ψ.

В футарке руна, обозначающая /d/ стоит в конце алфавита (...o **d** или **d** o). Руна, обозначающая /b/, также стоит в последней группе рун. Только руна, обозначающая /g/, занимает седьмое место в первой группе рун. Можно предположить, что появление рун **d** и **b** в последней группе рун футарка связано с влиянием порядка букв алфавита, в котором буквы, обозначающие звонкие шумные /b/, /g/ и /d/ стояли в конце алфавита. Именно алфавитами такого типа и были североиталийские алфавиты и, прежде всего, венецкие. При такой трактовке остается, правда, непонятным почему руна **g** занимает в футарке седьмую позицию, однако интересно, что это позиция греческой дзеты и соответствующей этрусской буквы, которая использовалась в венецком алфавите для обозначения фонемы /d/. Именно буква, обозначающая /d/, употреблялась иногда в венецких надписях вместо слов со значением «дар», и точно так же называлась руна **g** (см. выше объяснение Риксом появления формы руны **g**).

Таким образом, и форма и значение руны, обозначающей /j/ и отчасти порядок следования последних рун в футарке, прежде всего рун /d/, /b/ и /o/, подтверждает тезис о том, что основным источником футарка был североиталийский алфавит типа венецкого. Однако вывод о том, что основным источником футарка был алфавит венецкого типа, не означает, что прообразом футарка был только этот алфавит. Для создателя футарка было характерно и знакомство с латинским (ср. руны ǰ и ǰ) и, возможно, с греческим алфавитом, что было совершенно естест-

венно для человека, владевшего североиталийским письмом в последние века до н. э. и первом веке н. э. Культура Рима того времени была двуязычной (греко-латинской), а на севере Италии, там где еще продолжали говорить на местных языках, она была трехязычной. Представить себе германца, находившегося на государственной службе в северной Италии в, и знающего наряду со своим родным языком венетский и латинский вполне вероятно. Хотя вопрос о возможности кельтского влияния на формирование футарка остается открытым, исключить такое влияние особенно в формировании особого построения футарка и принципов его тайнописи никак нельзя.

Если сравнить признаки футарка, то очевидно, что этот алфавит развивался не постепенно, что характерно для алфавитов появившихся стихийно, а является алфавитом авторским (о стихийных и авторских алфавитах см. Кузьменко 1985). Футарк появляется сразу, причем и названия рун, и порядок рун футарка, и разделение на три группы появились одновременно с появлением футарка. Не удивительно, что форма рун могла быть не только полностью или частично заимствованной из известных создателю алфавитов, но быть либо авторской (какой, вероятно, была форма рун \downarrow \downarrow \downarrow), либо восходить к форме дорунических знаков, использовавшихся в предсказаниях (такими, вероятно, были руны Ψ \diamond и частично \diamond). Германские дорунические символы были употреблены в первую очередь для обозначения фонем, которых либо не было в венетском и латинском (Ψ /R/ и частично \diamond /j/), либо обозначений которых не было в венетском и латинском (\diamond /ng/). О существовании у германцев гаданий по знакам, вырезанным на кусочках дерева, сообщает нам Тацит.

Формула начала надписи

Кроме формы отдельных рун и порядка последних рун в футарке, направления письма (слева направо, справа налево и бустрофедон) и формы разделительных знаков, на венетский источник футарка может указывать и соответствие одной из самых распространенных формул надписей старшими рунами «я + имя собственное или прозвище», ср., напр., надписи типа **ek hlewagastiR holtijaR** (К 43), **ek erilar sa wilagaR** (К 29), **ek fakaR** (К 132); ср. также надписи К 12; 16, 17а, 27, 39, 53, 65, 56, 128 (Krause, Jankuhn 1966). Такая же формула (ego + имя собственное) характерна и для начала многих венетских надписей

(см., напр., Es 1, 2,4, 6, 7, 10, 11, 12, 15, 16, 17, 19 – Pelligrini, Prodocimi 1967).

Выводы

Из существующих четырех гипотез о возможных источниках футарка (семитской, греческой, латинской и североиталийской) наиболее вероятной представляется гипотеза о том, что основным источником футарка был североиталийский алфавит венетского типа. Этот вывод основывается не только на установленном сторонниками этой гипотезы соответствии многих рун буквам венетского алфавита и на сходстве типа письма (его направлении и употреблении разделительных знаков) во время непосредственно предшествующее времени создания футарка (I век до н. э. – I век н. э.), но и на установленном в данной статье соответствии между порядком следования венетских букв и рун футарка, обозначающих звонкие смычные согласные и фонему /o/. Кроме того, к устанавливаемым обычно североиталийско – руническим соответствием следует добавить и соответствие в обозначении противопоставления /i/ – /j/, причем на форму руны \diamond повлияла форма знака <<, обозначавшего в венетском /j/. Сходной оказывается и одна из наиболее распространенных формул начала надписи «я + имя». Появление футарка сразу со всеми его признаками и очевидное наличие нескольких его источников, несмотря на преобладание влияния венетского письма, свидетельствует о том, футарк был алфавитом авторским и о том, что его создатель обладал обширными знаниями языков и письменных традиций, распространенных в северной Италии. При создании футарка его создатель использовал не только венетскую традицию, но и латинскую, греческую и, возможно, кельтскую традиции, а также свое знание германских дорунических символов.

Литература

- Ганина 2005 – Ганина Н. А. Надпись на шлеме В из Негау: проблемы языковой и культурной интерпретации // Индоевропейское языкознание и классическая филология IX. СПб. С. 53–62.
- Кузьменко 1985a – Кузьменко Ю. К. Фонологический статус велярного носового в германских языках // Лингвистические исследования. Структура языка и языковые изменения. М. С. 96–100.
- Кузьменко 1985b – Кузьменко Ю. К. Появление письменности в средневековой Европе // История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л. С. 77–97.
- Пименова 2009 – Пименова Н. Б. Несколько гипотез о происхождении порядка знаков древнегерманского рунического алфавита и

- древнеирландского огамического письма // *Proceedings of the Second International Colloquium of Societas Celto-Slavica. Moscow 14–17 September 2006* / eds. T. Mikhailova et al. М. С. 110–127.
- Макаев 1965 – Макаев Э. А. Язык древнейших рунических надписей. М.
- Antonsen 1996 – Antonsen E. Runes and Romans on the Rhine // *Amsterdamer Beiträge zur Älteren Germanistik. Bd. 45. S. 5–13.*
- Bauer 2003 – Bauer A. *Runengedichte. Texte, Untersuchungen und Kommentare zur gesamten Überlieferung.* Wien (= *Studia Mediaevalia Septentrionalia* 9).
- Bang 1998 – Bang J. Chr. Runernes herkomst og medbyrd // *Selskab for Nordisk Filologi København. Årsberetning 1996–1997. København. S. 46–162.*
- Beeler 1949 – Beeler M. S. *The Venetic language.* Los Angeles et al.
- Bugge 1891–1913 – Bugge S. *Om Runeskiftens Oprindelse og ældste Historie.* Christiania.
- Düwel 2008 – Düwel K. *Runenkunde.* Stuttgart, Weimar. Vierte Auflage.
- Haarmann 1998 – Haarmann H. *Universalgeschichte der Schrift. 2. Aufl.* Köln.
- Hammarström 1930 – Hammarström M. Om runinskriftens härkomst // *Studier i nordisk filologi. Bd. 20. S. 1–67.*
- Hempl 1899 – Hempl G. The Origin of the Runes // *Journal of English and Germanic Philology. Vol. 2. P. 370–374.*
- Krause, Jankuhn 1966 – Krause W., Jankuhn H. *Die Runeninschriften im älteren Futhark.* Göttingen.
- Lejuene 1974 – Lejuene M. *Manuel de la langue Vénète.* Heidelberg.
- Marstrander 1928 – Marstrander C. J. S. Om runene og runenavnens oprindelse // *Norsk tidsskrift for sprogvidenskap. Bd. 1. S. 5–179.*
- Moltke 1976 – Moltke A. *Runerne i Danmark og deres oprindelse.* København.
- Morris 1988 – Morris R. L. *Runic and Mediterranean Epigraphy.* Odense. (NOWELE, Suppl. V. 4.)
- Quak 1996 – Quak A. Noch einmal die Lateinthese // *Amsterdamer Beiträge zur Älteren Germanistik. Bd. 45. S. 171–179*
- Pelligrini, Prosdocimi 1967 – Pelligrini G. B., Prosdocimi A. L. *La lingua Venetca. V. 1–2.* Padova.
- Pfiffig 1969 – Pfiffig A. J. *Die etruskische Sprache. Versuch einer Gesamtdarstellung.* Graz.
- Rausing 1991–1992 – Rausing G. On the Origin of the Runes // *Fornvännen. Bd. 86/87. P. 200–204.*
- Rix 1992 – Rix H. Thesen zum Ursprung der Runenschrift // *Etrusker nördlich von Etrurien. / Hg. von L. Aigner-Foresti. Wien, S. 411–441.* (= *Österreichische Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. Sitzungsberichte. Bd. 589.*)
- Sandys 1969 – Sandys J. E. *Latin epigraphy: An introduction to the study of Latin inscriptions.* Gronningen.
- Seebold 1991 – Seebold E. Die Herkunft der Runenschrift // *Festschrift til Ottar Grønvik på 75-årsdagen den 21. oktober 1991 / Utg. Av J. O. Askedal, H. Bjorvand og E. F. Halvorsen. Oslo. S. 12–32.*

- Steinbauer 1999 – Steinbauer D. H. Neues Handbuch des Etruskischen. St. Katharinen.
- Stebliin-Kamenskij 1962 – Stebliin-Kamenskij M. Noen fonologiske betraktninger over de eldre runer // Arkiv för nordisk filologi. Bd. 77. N 1. S. 1–6.
- Urbanová 1997 – Urbanová D. Paleografia latina // Sborník prací filozofické fakulty Brneské univerzity. R. N 2. Seria classica. P. 29–46.
- Vennemann 2004 – Vennemann Th. Phol, Balder and the birth of Germanic // Etymologie, Entlehnungen und Entwicklungen. Festschrift für Jorma Koivulehto zum 70. Geburtstag / Hrsg. I. Hyvärinen et al. Helsinki. P. 439–459.
- Vennemann 2009 – Vennemann Th. Zur Reihung der Runen im älteren Fupark // Analeca Septentrionalia. Ergänzungsband zum Reallexikon für germanische Altertumskunde 65. Berlin; New York. S. 832–861.
- Wimmer 1887 – Wimmer L. Die Runenschrift. Berlin.

Yu. Kuzmenko. On the origine of *futhark*

In the article new arguments have been adduced to show that the most probable hypothesis about the origin of the Germanic futhark is the hypothesis deriving it from a North-Italian alphabet in the 1st centuries BC and the 1st century AD. These arguments are following: 1) the order of runes designating voiced consonants /d/, /b/ and vowel /o/ at the end of the futhark corresponds to the order of letters in the Venetic alphabet and differs from the order of letters in the other possible source alphabets, 2) designation of the difference between /i/ and /j/ which is common for futhark and Venetic tradition and differs the both alphabets from the other possible source alphabets. Besides, the form of the rune designating /j/ in futhark resembles the form of a Venetic digraph designating /j/, 3) the common initial pattern „I + name“ in many Venetic inscriptions and in the inscriptions in futhark. However, the Venetic alphabet has not been the only source of futhark, which being a creation of one person or one group of persons has been created with taking into account other writing traditions characteristic of the Northern Italy in this time (Latin, Greek) and possibly Celtic as well as traditional Germanic prerunic signs.

С. В. Кулланда

К ПРОБЛЕМЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ, ИНДОИРАНСКИХ И КЛАССИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ

Резюме: В индоиранском и классических языках есть ряд явно родственных слов, демонстрирующих нерегулярные фонетические соответствия или нехарактерную для исконной лексики фонетическую структуру (др.-инд. *kéśa-* ‘волосы’, авестийское *gaēsa-* ‘курчавые волосы’, лат. *caesariēs* ‘пышные кудри’ и пр.). В статье предлагается этимология некоторых из них как северокавказских заимствований. Приводимые лексические параллели свидетельствуют о контактах индоевропейских и северокавказских народов после распада праязыков.

Ключевые слова: греческий, латынь, индоиранские языки, северокавказские языки, этимология, межъязыковые контакты.

В хорошо изученных классических и древних индоарийских и иранских, прежде всего древнеиндийском и авестийском (в своем роде тоже «классических» с точки зрения сравнительно-исторического языкознания) есть лексемы, не имеющие убедительной индоевропейской этимологии и/или демонстрирующие нерегулярные фонетические соответствия или нехарактерную для исконной лексики фонетическую структуру¹. В научной литературе уже предпринимались попытки объяснить некоторые из них заимствованием из северокавказских языков (см., например, Николаев 1985). Ниже предлагается этимология нескольких «неопознанных» (или не вполне опознанных) слов такого рода.

Древнеиндийское *kéśa-* ‘волосы’ и авестийское *gaēsa-* ‘курчавые волосы’ явно восходят к одной праформе, а нерегулярное

¹ Целый пласт таких слов выделил в индоиранском А. М. Лубоцкий (Lubotsky 2001), который счел их заимствованиями из некоего субстратного языка, по его мнению – языка носителей бактрийско-маргианского археологического комплекса (БМАК) (на том основании, что среди субстратной лексики присутствуют слова, связанные с ирригацией и строительством), который он лингвистически не отождествлял (если не считать двух сопровождаемых вопросительными знаками отсылок к дравидийским языкам, к одной из которых дается еще и аккадская параллель).

соответствие авестийского *g-* древнеиндийскому *k-* объясняется, по Лубоцкому, заимствованием из субстратного языка (см. выше, примеч. 1)². Источником заимствования могло быть прапахское **qēs* ‘грива’ (чеч., инг. *qes*, в кириллическом написании *кхес*) (к правосточнокавказскому **GwēžV* – см. NCED: 468³). Тот же этимон, но с показателем косвенных падежей (ср. чеч. косв. основу *qēsar-*), видимо, заимствован латинским: *caesariēs* ‘пышные кудри’. Заманчиво было бы возводить к той же косвенной основе древнеиндийское *kēsara-* ‘волосы; грива’⁴, но ввиду наличия суффикса **-ra* в индоиранском я на этом не настаиваю. Так или иначе, нерегулярный перебой *ś/s* в древнеиндийском – еще один аргумент в пользу разновременного заимствования. Во всех случаях, т. е. в иранском, индоарийском и латинском прапахский долгий **ē* был воспринят как дифтонг (древнеиндийский *e*, не являющийся результатом подъема *i* в среднюю ступень, может восходить только к дифтонгу – в индоарийском, как известно, праязыковые дифтонги подверглись стяжению). Что касается латинского слова, то оно считается производным от основы **caesar*, возможно, давшей также имя Цезарь, *Caesar*, где интервокальный *s* сохранился (а не перешел в *r*) из-за наличия *r* в конечном закрытом слоге (хотя есть и возражения против такого объяснения – см. Pinault 1998: 16–17, с литературой)⁵. Сюда же может относиться и когномен

² Нужно отметить, что речь вряд ли может идти о единовременном заимствовании в индоиранский праязык – в таком случае рефлекс в дочерних языках были бы регулярными. Скорее слово было заимствовано уже разошедшимися праиндоарийским и праиранским по отдельности (на это обстоятельство обратила мое внимание А. В. Дыбо).

³ Авторы северокавказского этимологического словаря приводили в качестве параллели восточнокавказским формам осетинское *qīs/gesæ* (< иранского **gaisa-*) и отмечали, что если бы не огубленность, отраженная в праиндийском **^wisV*, было бы заманчиво рассматривать кавказские формы как старое заимствование из иранского. Рассматриваемые здесь языковые факты свидетельствуют, что не только восточнокавказская лабиализация, но и собственно индоиранский материал указывает на обратное направление заимствования.

⁴ Нерегулярный *-s-* вместо *-ś-* традиционно объясняют через предполагаемую промежуточную форму **kesra-* (Wackernagel 1896 I: 232; Pokorný 1959: 520), но см. возражения Пино (Pinault 1998: 17–18).

⁵ Имя Цезаря обычно считают этрусским по происхождению (Ernout, Meillet 2001: 84), что небезынтересно в свете гипотезы о северокавказской принадлежности этрусского (Иванов 1988; Orël, Starostin 1990 [переиздано в Старостин 2007]).

Цезон (*Kaesō*), также не подвергшийся соответствующему фонетическому преобразованию (ввиду древности и престижности, как и в случае с начальным *K*-?). Индоевропейскую этимологию латинского *caesar* предложил Ж.-Ж. Пино (Pinault 1998), реконструировавший праиндоевропейское **kaikro⁶-kseh₂-es⁷*- ‘с причесанными волосами’ с последующим развитием > **kaikerksās-* > **kairksās-* > **kairsās-* > *caesār-*, однако предполагаемые фонетические переходы, прежде всего упрощение **kaikerksās-* > **kairksās-*, чересчур многоступенчаты и потому не вполне убедительны, да и семантика оставляет желать лучшего (см. об этом De Vaan 2008: 81–82). Основное же возражение состоит в том, что этимология Пино никак не объясняет авестийские формы, которые невозможно отделить от древнеиндийских и латинских. Древнеиндийское *késara-* и латинское *caesariēs* возводил к северокавказскому С. А. Старостин (1988: 118; переиздано в Старостин 2007: 319–320), но он привлекал к сравнению другой северокавказский корень, в NCED (709) восстанавливаемый в виде **k(w)iswi/ə/a* и дающий в разных языках рефлекссы со значением ‘веревка из конского волоса’, ‘шерсть’, ‘петушиный гребень’, ‘коса’, ‘грива’ и пр., что фонетически и семантически менее правдоподобно, чем предложенная выше этимология, и думал о заимствовании на праиндоевропейском уровне, едва ли возможном ввиду упомянутых нерегулярных соответствий.

Общеарийское⁸ обозначение зятя **jāmH/ə-* (ашкун *zamā́*, др.-инд. *jāmā-tar-*, авест. *zāmā-tar-*, пашто *zūm* ‘зять’, парачи *zām-*, авест. *zāma-oīia-* = *zāma-vya-* ‘брат зятя’) обычно возводят к той же индоевропейской праформе, что и лат. *gener*, алб. *dhëndër*, лит. *žentas*, русское *зять* и пр. При этом все исследователи отмечают нерегулярность соответствия *m – n* (De Vaan 2008:

⁶ К индоевропейскому **kaik* ‘чесать; причесывать’, контаминированному с гипотетическим **kais* ‘волосы’ (Pokorny 1959: 520).

⁷ К индоевропейскому **ks-es-*, нулевой степени корня **kes-* ‘чесать; причесывать’, с расширением *-es-* (Pokorny 1959: 585–586).

⁸ Традиционно понятия «арийский» и «индоиранский» употреблялись как синонимы, но в настоящее время представляется, что арийское языковое единство первоначально разошлось на нуристанскую и индоиранскую ветви, а уже затем последняя распалась на индоарийскую, иранскую и дардскую подгруппы (Эдельман 1992; 1999; 2009: 88, схема 2; Коган 2005: 202).

258)⁹ и подчеркивают, что на рефлексы этого термина свойства оказали влияние народные этимологии и адаптации (dans ce nom... il s'est produit toutes sortes d'étymologies populaires et d'adaptations – Ernout, Meillet 2001: 270; ср. также Beekes 2010, I: 259). Предполагается, что все формы восходят к индоевропейскому корню *ǵ(e)mh₁- ‘возмещать’ (ср. авест. *zamanā*- ‘плата, вознаграждение’, хотанское *ysam̐tha*- ‘плата за услугу; лихва’ и пр. – Schwartz 1975; Cheung 2007: 464) с дальнейшим развитием *m > n* в латинском и балто-славянском (De Vaan, loc. cit.), либо что формы с *n* возникли под влиянием корня *ǵ(e)nh₁- ‘рождать’ (Beekes 2010, loc. cit.), а то и суть непосредственные его рефлексы (Ernout, Meillet 2001, loc. cit.). Поскольку все эти объяснения, в свою очередь, подозрительно напоминают народные этимологии, есть смысл обратить внимание на северокавказские параллели, тем более, что имеются и другие случаи разительного совпадения терминов родства и особенно свойства между этими языковыми семьями (ср. и.-е. **snus*- ‘сноха’ и северокавказское **n̥sA* ‘невестка’ – NCED: 856, и.-е. **suesor* ‘сестра’ и северокавказское **swēsə* ‘невеста’ – NCED: 969), которые логичнее всего объяснить заимствованием (см. подробнее Kullanda 2002: 97–98, с литературой). Источником арийских форм могло быть пранахское **zāmV* ‘дружка; жених’ (чеч. *zam-ō*, инг. *zam-e* ‘дружка, шафер’) или восходящее к тому же восточнокавказскому этимону пралезгинское **č:am* (лезгинское **č:am*, табасаранское *žam*, агульское *žam/žam* ‘жених’) (восточнокавказский материал см. подробно в NCED: 1001).

В глоссе Гезихия *σάναπτιν· τὴν οἰνώτην. Σκύθαι* (в рукописи) / *σανάπτην· τὴν οἰνοπότιν. Σκύθαι* (в издании Латте-Хансена, где принята конъектура Скалигера) / *σάναπτιν· τὸν οἰνοπότιν. Σκύθαι* (в издании Шмидта) («*σάναπτις* / *σανάπη* [называют] пьяницу скифы») благодаря сравнению с осет. *sæn/sænæ* ‘вино’ опознается скифское **sana* ‘вино’ (вторая часть слова, видимо, восходит к корню со значением ‘пить’ – см.

⁹ Как писал по этому поводу П. Фридрих: “the Greek and Indo-Iranian forms for the daughter’s and sister’s husband contain an /-m-/, and... simply cannot be reconciled with the /-n-/ in all the other forms... Nowhere else in Indo-European does a Greek and Indo-Iranian /-m-/ correspond to an /-n-/ in the other stocks... I emphasize that the Indo-Europeanists have not been able to resolve the various discrepancies in the phonetic and semantic evidence” (Friedrich 1966: 13–14).

Vasmer 1923: 50, с литературой). Это слово принято сопоставлять с др.-инд. *śaṇá*, ср.-перс. и новоперс. *šan* ‘конопля’, восходящим к этимону с перебоем сибилант/смычный в анлауте, давшему также нем. *Hanf*, осетинское *gæn/gænæ*, русское конопля ‘id.’ и пр. (ИЭСОЯ I: 512–513; III: 66–68, с литературой; EWAia II: 605). Однако семантически куда более правдоподобно заимствование из западнокавказского – ср. прасеверокавказское **swǫnē* ‘барбарис; смородина’ – аварское *saní* ‘барбарис’, лакское *sunī* ‘гранат’, адыгейское *sāna*, кабардинское *sāna* ‘виноград, вино’ – NCED: 971). У адыгов это слово было важным культовым термином: день ‘винопития’ (адыгейское *sānas*^və, кабардинское *sānafə*) считался священным, в этот день нельзя было убивать врага (Кумахов, Кумахова 1998: 133–136).

К числу выделяемых в индоиранском по нерегулярным соответствиям субстратных заимствований относятся и древнеиндийское *gandharvá-*, авестийское *gandərəβa-*. Как пишет Майрхофер (EWAia I: 462), приводя индоарийские и иранские формы, “Weiteres bleibt unklar”. Гипотеза о заимствовании объяснила бы и нерегулярность соответствия анлаутного согласного в индийских и иранских формах, с одной стороны, и греческом *Κένταυροι* ‘горное племя в Фессалии (Гомер), впоследствии мифические существа, полулюди-полукони’, с другой. Вторую часть греческого слова уже очень давно сопоставляли с *ταῦρος* ‘бык’ (см., например, Alexandre 1872: 776), но в научной литературе это сравнение признания не получило и в современных этимологических словарях даже не упоминается. Лишь в последнее время Л. С. Клейн высказал предположение, что вторая часть слова подверглась народной этимологизации, возможно, под влиянием образа Минотавра (Клейн 2010: 441) – объяснение остроумное и правдоподобное. Л. С. Клейн считает Гандхарву божеством инициации, что весьма вероятно, учитывая, что древнеиндийские гандхарвы были мифологическим воплощением социовозрастных мужских союзов: подобно молодежи индийских племен нового и новейшего времени, обитавшей в «мужских домах», гандхарвы занимались пением, музыкой и танцами (Васильков 2010: 165), а также совершали набеги на соседей (как в известном мифе о Пуруравасе и Урваши), в том числе и для похищения невест, именовавшегося *gandharva-vivāha-* ‘браком по обряду гандхарвов’, и считались, подобно

иницируемым юношам, «духами, пребывающими в промежутке между двумя рожденьями» (Васильков 2010: 194, ср. также там же: 117)¹⁰. Если гандхарва – член половозрастного класса юношей, слово для его обозначения могло быть заимствовано из нахского **kan(a)t* (чеч., инг. *kant*, бацб. *knat* – NCED: 714) ‘мальчик; юноша; молодец, удалец’ + **vāri* ‘шайка, банда’ (чеч. *vēre*, инг. *vār*, бацб. *vajrī* – NCED: 475) в значении ‘ватага юношей’ (с озвончением **t* и развитием придыхания в индоарийском под влиянием звонкого увулярного фрикативного **v*). Такие сложные слова типа татпуруша обычны в нахских языках, ср. чеч. *sergkow* ‘щербина’ (где *serg* ‘зуб’, *kow* ‘ворота’), *husamdā* ‘домохозяин; pater familias’ (*husam* ‘дом’, *dā* ‘отец; хозяин’), бацб. *juqmatt* ‘полдень’ (*juqa* ‘середина’, *mott* ‘место’) и т. п. (Дешериев 2006: 387).

Явным заимствованием по своему фонетическому облику является и иранское обозначение меча: греческое ἀκινάκης, Персικὸν ξίφος ‘персидский меч’, по Геродоту (VII, 54), как Отец истории называет также скифские мечи (IV, 62; 70), согдийское *kyn’k*. Иноязычное его происхождение проявляется в сохранении **k*, который в исконной лексике перед передним гласным регулярно переходил в *č*. В греческом также признается заимствованием, обычно иранским (Frisk 1960–73, I: 53; Chantraine 1999: 47) или субстратным догреческим (Beekes 2009, I: 51), этимологии не предлагается. Видимо, из пранахского **hāhki* (‘железо’; ср. чеч. *ēčig*, инг. *äšk*¹¹, бацбийское *ʃajhkī* ‘id’ – прасеверокавказскую этимологию см. в NCED: 851–852) + *-in* (суффикс прилагательных) + *neḳV* (ср. бацбийское *neḳ* ‘нож’) ‘железный нож’¹². Сложение **hāhki-in* объясняет долготу йоты,

¹⁰ Превращение этого божества в кентавра Л. С. Клейн объясняет тем, что «конь у всех индоевропейских народов связан с божествами воды и загробным миром», миром предков, а инициируемые воспринимались как умирающие и возрождающиеся к новой жизни, благодаря чему бог инициации и обрел облик кентавра, получеловека-полуконя, но подчеркивает, что вопрос требует дальнейшего исследования (Клейн 2010: 459).

¹¹ Чеченская и ингушская формы – результат добавления уменьшительного суффикса **-k* и дальнейшей регулярной палатализации (NCED: 851).

¹² По фонетическим соображениям менее вероятно (хотя и возможно) заимствование из пранахского суффиксального образования *hāhkin-ig* ‘железный’, ‘сделанный из железа’ или из пранахского **=ʃāḳ-in* (где =

на которую в заимствованном из греческого *acīnacēs* указывает латинская просодия (Hog. Od. I, 27, 5) (Chantraine 1999: 47; Beekes 2009, I: 51).

Анализ даже столь ограниченного материала позволяет, как представляется, выявить определенные закономерности передачи северокавказских фонем средствами рассматриваемых индоевропейских языков. Так, северокавказский долгий *ē и в индоиранском, и в латыни отражается в виде дифтонга. Северокавказский увулярный *q в иранском передается как g, а в индоарийском и (пра)латинском как k. Северокавказский глоттализованный *k̥ отражается в греческом как k, а в индоарийском и иранском как g. Небезынтересны и исторические импликации рассмотренных лексических связей, свидетельствующих, что носители общеиранского, индоарийского, пралатинского и прагреческого контактировали с носителями языков отдельных ветвей уже распавшейся северокавказской языковой семьи. Судя по тому, что из западнокавказского, точнее, видимо, из адыгейско-кабардинского, было заимствовано сугубо восточноиранское слово *sana*, не засвидетельствованное в западноиранских языках, носители восточноиранских языков уже после их выделения из общеиранского массива также продолжали находиться в зоне контакта с северокавказцами, то есть не так уж далеко от своей прародины, видимо, не восточнее Каспийского моря и реки Урал. Это обстоятельство нужно учитывать, в частности, при анализе происхождения скифской культуры, которую многие археологи выводят из Центральной Азии, опираясь прежде всего на ранние дендрохронологические датировки кургана Аржан I в Туве.

Библиографические сокращения

- ВЯ – Вопросы языкознания. М.
 ИЭСОЯ – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–V. Л.; М., 1958–1995.
 ЭСИЯ – Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Москва. Т. 1 – 2000, т. 2 – 2003, т. 3 – 2007, т. 4 – 2011 (издание продолжается).
 EWAia – Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Bd. I–III. Heidelberg 1992–1996–2001.

указывает на классный показатель, ср. бацбийское *d-aχē*, чеченское *d-eχa*, ингушское *d-ſäχa* ‘длинный’) *nekV* ‘длинный нож’.

NCED – Nikolayev S. L., Starostin S. A. A North Caucasian Etymological Dictionary. Ed. by S. A. Starostin. Moscow: Asterisk Publishers, 1994.

Литература

- Васильков 2010 – Васильков Я. В. Миф, ритуал и история в «Махабхарате». СПб.
- Дешериев 2006 – Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Издание 2-е, исправленное. М.
- Иванов 1988 – Иванов Вяч. Вс. Древневосточные связи этрусского языка // Древний Восток: этнокультурные связи. М.
- Клейн 2010 – Клейн Л. С. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб.
- Коган 2005 – Коган А. И. Дардские языки. Генетическая характеристика. М.
- Кумахов, Кумахова 1998 – Кумахов М. А., Кумахова З. Ю. Нартский эпос: язык и культура. М.
- Николаев 1985 – Николаев С. Л. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом // Древняя Анатолия. М.
- Старостин 1988 – Старостин С. А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. М.
- Старостин 2007 – Старостин С. А. Труды по языкознанию. М.
- Эдельман 1992 – Эдельман Д. И. Еще раз об этапах филиации арийской языковой общности // ВЯ 3.
- Эдельман 1999 – Эдельман Д. И. Индоиранские языки // Языки мира: дардские и нуристанские языки. М.
- Эдельман 2009 – Эдельман Д. И. Некоторые проблемы сравнительно-исторического иранского языкознания // Вопросы языкового родства. Международный научный журнал. № 1.
- Alexandre 1872 – Alexandre C. Dictionnaire grec-français composé sur un nouveau plan où sont réunis et coordonnés les travaux de Henri Estienne, de Schneider; de Passow et des meilleurs lexicographes et grammairiens anciens et modernes augmentés de l'explication d'un grand nombre de formes difficiles et suivi de plusieurs tables nécessaires pour l'intelligence des auteurs. Treizième édition avec un vocabulaire des noms historiques, mythologiques et géographiques par A. Pillon. Paris.
- Beekes 2010 – Beekes R. with the assistance of Lucien van Beek. Etymological Dictionary of Greek. Leiden; Boston (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Ed. By A. Lubotsky. Vol. 10/1–2)
- Chantraine 1999 – Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Nouvelle édition mise à jour. Avec un Supplément sous la direction de : Alain Blanc, Charles de Lamberterie, Jean-Louis Perpillou. Paris.
- Cheung 2007 – Cheung J. Etymological Dictionary of the Iranian Verb. Leiden; Boston (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Ed. By A. Lubotsky. Vol. 2)

- Ernout, Meillet 2001 – Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Retirage de la quatrième édition augmentée d'additions et de corrections par J. André. Paris.
- Friedrich 1966 – Friedrich P. Proto-Indo-European kinship // *Ethnology* 5 (1).
- Frisk 1960–73 – Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–III. Heidelberg.
- Kullanda 2002 – Kullanda S. Indo-European “Kinship Terms” Revisited // *Current Anthropology* 43 (1).
- Lubotsky 2001 – Lubotsky A. The Indo-Iranian substratum // *Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations*. Ed. by Chr. Carpelan, A. Parpola and P. Koskikallio. Helsinki.
- Orël and Starostin 1990 – Orël V. E., Starostin S. A. Etruscan as an East Caucasian Language // *Proto-Languages and Proto-Cultures*. Bochum.
- Pinault 1998 – Pinault G.-J. Analyse de latin *caesaries* // *Moussyllanea. Mélanges de linguistique et de littérature anciennes offerts à Claude Moussy (Bibliothèque d'études classiques dirigée par Guy Serbat et Paul-M. Martin 15)*. Louvain; Paris.
- Pokorny 1959 – Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München.
- Schwartz 1975 – Schwartz M. Proto-Indo-European $\sqrt{*g\acute{e}m}$ // *Monumentum H.S. Nyberg (Acta Iranica, deuxième série: Hommages et Opera)*. Leiden, etc.
- De Vaan 2008 – de Vaan M. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden; Boston (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Ed. By A. Lubotsky. Vol. 7).
- Wackernagel 1896 – Wackernagel J. *Altindische Grammatik*. Bd. I. Lautlehre. Göttingen.

S. V. Kullanda. Towards a problem of lexical contacts between Classical, Indo-Iranian, and North Caucasian languages¹³

The etymology of some Classical and Indo-Iranian words showing irregular phonetic correspondences implies borrowing. Thus, Old Indian *kéśa-* ‘hair’ and Avestan *gaēsa-* ‘curls’ can be traced back to Proto-Nakh **qēs* ‘mane’. The oblique stem of the latter, cf. Chechen oblique cases *qēsar-an*, *qēsar-na*, etc., was adopted in Latin as *caesar-iēs* ‘luxuriant hair.’

Aryan **jāmH/ə-* ‘son-in-law,’ cf. Ashkun *zamā*, Old Indian *jāmā-tar-*, Avestan *zāmā-tar-*, etc. ‘id.’ can be derived either from Proto-Nakh **žāmV* ‘best man, cf. Chechen *zam-ō*, Ingush *zam-e* ‘id.’, or from Proto-Lezghian **č:am* ‘bridegroom,’ cf. Lezghi *č:am*, Tabasaran *žam*, etc. ‘id.’ Hypothetical Indo-European cognates of the Indo-Iranian etymon (Lat. *gener*, Greek γαμβρός) seem to be unrelated.

The Scythian **sana* ‘wine’ inferred from Hesychius’ gloss (σάναπτιν / σανάπην seems likely to be a West Caucasian borrowing: cf. North

¹³ See NCED for the relevant North Caucasian forms.

Caucasian **swānē* ‘barberry; currants’ > Adyghe *sāna*, Kabardian *sāna* ‘grape; wine.’

The character of Old Indian mythical beings *gandharvá-* and Avestan *gandərəθa-* show traits of the age-class of young warriors. Therefore the name is probably a loanword from North Caucasian, i.e. Proto-Nakh **qant* ‘boy; hero’ Chechen, Ingush *qant*, Batsbi *qnat* ‘id.’ + **kāri* ‘band, gang,’ cf. чеч. *к̄ере*, Ingush *к̄är*, Batsbi *к̄ajrĩ*.

The Iranian word adopted in Greek as ἀκινάκης ‘Persian sword,’ cf. Sogdian *kyn* ‘k’, does not belong to the inherited Iranian wordstock where **ki* > *ci*. It can be traced back to Proto-Nakh **hāhḳīnekV* ‘iron knife’: **hāhḳi* ‘iron,’ cf. Batsbi *ʕajhḳĩ* ‘id.’ + suffix forming adjectives *-in* + *nekV* ‘knife,’ cf. Batsbi *nek* ‘id.’

It seems likely that the native speakers of Indo-European and North Caucasian languages were in contact after the split of their respective proto-languages.

А. Д. Курилова

MEMORIA И ACTIO В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОССИЙСКИХ РУКОПИСНЫХ РИТОРИК XVIII ВЕКА НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Резюме. В статье рассматривается трактовка двух частей античного риторического канона – памяти (*memoria*) и произнесения (*actio*) – в нескольких рукописных латинских риториках, составленных в России XVIII века. Определяется место и значение разделов, посвящённых памяти и произнесению, в структуре разных рукописных руководств, анализируется сходство и своеобразие интерпретаций.

Ключевые слова: рукопись, риторика, Россия XVIII века, память, произнесение.

Key words: manuscript, rhetoric, Russia of the 18th century, memory, action.

В основу композиции многочисленных рукописных руководств по риторике на латинском языке, имевших распространение в России XVIII века, был положен, как правило, античный риторический канон (*inventio, dispositio, elocutio, memoria, actio*). При этом логика расположения материала, отражавшаяся в наличии и последовательности глав, трактовавших отдельные части канона, в структуре риторик могла быть различной. В частности, последним двум частям канона не во всех руководствах посвящались специальные разделы и главы, а их трактовка разными авторами отличалась определенным своеобразием.

Так, в «Наставлениях по риторике на примерах из латинских авторов...», составленных в Вологодской семинарии в 1746 году (Наставления 1746), запоминанию и произнесению уделяется внимание в разделе «*Dispositio*».

Раздел «Расположение» в вологодской риторике построен своеобразно и несколько хаотично. Он содержит сведения о расположении частей большой (цицеронианской) речи, но не включает материал о видах расположения аргументов, относя его в раздел «Изобретение». В этом же разделе есть главы, посвящённые отдельным видам красноречия, среди которых ритор выделяет панегирик, хрию, любезную речь (*orationem officiosam*), письмо и историю. Завершает раздел глава о памяти и произнесении.

Заключительные части риторического канона рассматриваются в вологодской риторике внимательно и детально, хотя и считаются её составителем менее важными («*minoris momenti rhetoricae partes*») (Наставления 1764: 104 (об)).

Особенностью вологодской рукописи являются многочисленные ссылки на античных писателей. Ссылаясь на «Риторику к Гереннию», автор руководства определяет память как «прочное восприятие духом вещей, слов и их расположения» («*memoria est firma animi rerum et verborum et dispositionis perceptio*») (Наставления 1764: 104об.). Различается естественная, «процветающая сама по себе» память и искусственная, требующая упражнений и стараний. Примерами обладателей прекрасной естественной памяти служат Сенека-оратор и Фемистокл. В руководстве приводятся практические советы по тренировке памяти. В частности, даны рекомендации, в какой последовательности лучше всего запоминать текст. Сначала ритор советует всё отчётливо понять и как следует разобрать, затем разделить текст на части и, наконец, многократно повторять. Подчёркивается необходимость ежедневной тренировки памяти: «*Quotidie aliquid memoriter disce: alias enim silvescet memoria*» («Каждый день учи что-нибудь наизусть. Ведь иначе память одеревенеет») (Наставления 1764: 105). По мнению ритора, лучше всего учиться утром и в уединении (ведь, как известно, Аврора – подруга Муз), не читать сразу несколько книг, чтобы не рассеивать внимание и тем самым не ослаблять память, заботиться о здоровье и трезвости головы («*capitis sanitatem et sobrietatem curet orator*»), избегать волнения чувств («*commotio affectuum vitanda*») (Наставления 1764: 105об.). Наилучшим инструментом помощи памяти вологодский ритор считает «старательные упражнения в стиле и упорное подражание лучшему писателю, к которому стремишься приблизиться» («*stili diligens exercitatio et assidua optimi auctoris, quem familiarem tibi vis reddere, imitatio*») (Наставления 1764: 105об.).

В вологодском руководстве выделяются две части, касающиеся произнесения – «*figura vocis et motus corporis*» («звучание голоса и движения тела») (Наставления 1764: 105об.). Многочисленные рекомендации относятся к тому, каким голосом нужно произносить различные части ораторской речи. Например, автор риторики советует в начале речи, чтобы сохранить силы, говорить тихо и приглушённо, а затем постепенно усиливать мощь голоса; когда в речи передаётся разговор, отражать

разнообразии голосов; о том, что было сделано проворно, говорить быстро, а говоря о сделанном без спешки, замедлять голос, в остальных же случаях говорить простым, открытым голосом; при демонстрации использовать немного повышенный тон, частые паузы и остановки; в споре быстро и громко закончить речь, чтобы закрепить её мимолётную силу («vim volubilem»); в эпилоге, когда возбуждаются аффекты, говорить страстно, словно уже одержав победу, и т. д. (Наставления 1764: 106).

Произнесение признаётся плохим, «si sit rudis, vel delicata, vel jactantia puerili; si fiat cantu, vel uno tono; si ululando et supra vires clamando; suspiriis interrumpatur; si per nares declametur; si praecipitanter vel nimis tarde; si sternutando, oscitando, tusciendo et mucendo; si integrae dictiones, vel syllabae maxime ultimae absorbeantur; si verborum sensus, aut periodorum junctura discerpatur; si denique supra dictiones accentus non efficax, non conveniens neque naturalis imprimatur» («если оно грубое, вялое, по-мальчишески хвастливое; если оно напоминает пение или монотонно; если с завываниями или криком на пределе сил; если прерывается вдохами; если говорят в нос; если торопливое или слишком замедленное; с чиханием, зеванием, кашлем и сплёвыванием; если проглатываются целые слова или слоги, особенно последние; если теряется смысл слов или связь периодов; если, наконец, ставится неправильное, непривычное или неестественное ударение») (Наставления 1764: 106).

Столь же конкретные и обстоятельные советы даются вологодским ритором относительно использования жестикюляции и мимики, которые объединяются понятием *motus* и определяются как «corporis gestus et vultus moderatio quaedam, quae pronuncianti convenit et probabiliora reddit ea, quae pronunciantur» («движения тела и изменения в лице, подобающие произносящему и делающие более достоверным то, что произносится») (Наставления 1764: 106 (об)). Последовательно рассматриваются *caput*, *vultus*, *humeri*, *brachia*, *manus*, т.е. положение и движения головы, лица, плеч, предплечий, рук. Объединяют все рекомендации требования сдержанности, умеренности и уместности. Например, голова, по мнению ритора, не должна быть чересчур выпрямленной или совсем склонённой, но естественно поставленной, плечи не следует поднимать, руками не двигать (в редких случаях допускаются движения правой рукой или попеременные движения рук при противопоставлении). Лицо в соответствии с природой вещей должно быть радостным, печальным, мягким, грозным,

высоко поднятым, склонённым («*debet pro rerum natura esse laetus, tristis, blandus, minax, erectus, demissus*») (Наставления 1764: 106об.). К порокам в жестах и движениях оратора относятся следующие: «*supercilia tollere, humeros superbe allevare, minibus more histrionum gesticulare, plaudere, fulcire latera, pectus ferire aut femur, supplodere pedibus, cachinnari, ejulare*» («высоко поднимать брови, высоко поднимать плечи, гримасничать по обычаю актёров, хлопать, упираться руками в бока, бить себя в грудь или бёдра, топтать ногами, хохотать, рыдать») (Наставления 1764: 106об.).

Более подробные рекомендации автор руководства советует искать у Цицерона, которого он считает автором «Риторики к Гереннию», а также в книге для проповедников «Духовное наставление» («*Regulamentum spirituale*»), и завершает раздел напутствием: «*in hac re tua te prudentia diriget, perspicax oculus aliorum, et frequens usus omnium magister optimus plura docebit*» («пусть тобой руководит твой разум, проницательный взгляд других, а ещё большему научит частый опыт, лучший наставник во всём») (Наставления 1764: 106об.).

Детально, в отдельных главах, рассматриваются память и произнесение в смоленской риторике Мануила Базилевича (*Basilevicz 1756*). Изложение материала имеет форму вопросов и ответов. Память определяется как «*facultas animae conservans, quae cognovimus, vel est comprehensiva mentis virtus, qua ea retinemus, quae sensu vel mente praecipimus*» («способность души сохранять то, что мы узнали, иначе – сохраняющая способность ума, благодаря которой мы удерживаем то, что воспринимаем чувствами или умом») (*Basilevicz 1756: 124об.*). Среди многочисленных советов по развитию памяти встречаются оригинальные и неожиданные рекомендации – например, М. Базилевич советует начинать заучивать речь с конца, чтобы лучше всего усвоить её важнейшую часть, представлять разные образы зданий, садов, комнат и с ними связывать определённые части речи или периоды, а также использовать зрительную память, например, учить речь с того же листа бумаги, на котором составлялась речь, «*ne locatis memoria confundatur*» («чтобы не загружать память расположением») (*Basilevicz 1756: 124об.*). Столь же конкретные советы даются и относительно произнесения, но все они сводятся к требованиям уместности и умеренности. М. Базилевич подчёркивает важность и необходимость школьных риторических упражнений, хотя и не отрицает разницу между

школьной теорией и реальной жизненной практикой. По его мнению, «очевидно большое различие между теми, чьи руки подобающе научены школьным жестам, и теми, у кого правая рука беспорядочно движется или покоится, словно высохшая, как у парализованного оратора» («magnum apparet discrimen inter eos, quorum manus scholasticis gestibus probe sunt instructae, et inter eos, quorum dextra sine lege vagatur, aut veluti arida in paralytico oratore quiescit») (Basilevicz 1756: 126). Смоленский ритор, ссылаясь на Цицерона и Коссена, который именуется «первым из риторов нашего времени» («rhetorum huius aevi princeps»), подкрепляет свою мысль сравнением получивших школьное образование ораторов с игроками в мяч, прошедшими обучение в палестре, и с гладиаторами (Basilevicz 1756: 126).

В риторике из Нижегородской семинарии (Rhetorica 1766) память трактуется как часть произнесения: «Actio sive pronuntiatio est vocis et gestus in dicendo moderatio cum venustate, ea tria potissimum complectitur: memoriam, vocem et gestum» («Произнесение есть умеренность и прелесть голоса и жестов в речи, включает прежде всего три части: память, голос и жест») (Rhetorica 1766: 57). В нижегородской риторике в трактовке запоминания и произнесения имеются буквальные совпадения с текстом риторики из Рязанской семинарии (Praecepta 1759). Очевидно, тексты обеих риторики восходят к общему источнику. Несмотря на то, что рязанское руководство хронологически более раннее, в нём больше неточностей, опусок и ошибок, которые можно объяснить неправильным прочтением письменного источника (например, «monstroniae» вместо «monotoniae»).

Следует отметить, что в рязанском руководстве трактовке двух последних частей риторического канона посвящена отдельная книга «De memoria et pronuntiatione», разделённая на главы и параграфы. Книга открывается подробным рассуждением о важности памяти и произнесения. В качестве своего источника рязанский ритор называет Квинтилиана: «Quanquam autem ista naturae potius, quam artis dona sunt, observarunt tamen antiqui sophistae multa in hanc rem praecepta, quorum selectiores Fabius collegit, ex his aliqua hic subjiciemus» («Хотя это больше дары природы, чем искусства, античные мудрецы составили относительно этого много предписаний; Фабий собрал избранные предписания, некоторые из них мы здесь приведём») (Praecepta 1759: 109).

Нижегородский ритор лишь один параграф отводит в своём руководстве памяти, утверждая, что она упражняется учением («*memoria discendo excolitur*»), и сообщая три условия, при которых облегчается запоминание: «*quum orator 1) dispositionem sermonis, quem dicturus est probe tenet; 2) connexiones potiores firmiter animo imprimit. 3) constructiones permutare in tempore addiscit*» («когда оратор 1) хорошо представляет расположение речи, которую ему предстоит произнести; 2) твёрдо запечатлел в душе важнейшие связи; 3) научился в нужное время менять конструкции») (*Rhetorica 1766: 57*).

Рязанский автор более обстоятельно говорит о памяти, отводя ей особый раздел. Тренировку памяти он советует начинать с заучивания поэтических произведений, а затем переходить к ораторским, подчёркивает, что после сытного обеда память ослабевает (*Praecepta 1759: 110*).

Что касается голоса, нижегородский ритор советует обратить внимание на звук и ударение. Звук (*sonus*) должен быть: «а) *clarus, qui audiatur*, б) *expressus, qui intelligitur*, в) *suavis, qui aures demulceat*» («а) звонким, чтобы был слышен; б) выразительным, чтобы был понятен; в) приятным, чтобы улаждал слух») (*Rhetorica 1766: 57*). Ударение (*accentus*) понимается в широком смысле как интонация. Ударение должно быть: «а) *efficax, qui sensum verborum cum impressione indicet*, б) *conveniens, qui debito loco adhibeatur*, в) *naturalis, qui ab indole dicentis non videatur alienus*» («а) действенным, т.е. подчёркивающим смысл слов; б) уместным, т.е. применённым на должном месте; в) естественным, т.е. не казаться чуждым природе говорящего») (*Rhetorica 1766: 57об.*). В формулировке требований к звуку и ударению отметим дословное совпадение с текстом рязанской риторики (*Praecepta 1759: 110об.–111об.*). В примечании к параграфу нижегородский ритор напоминает о том, что голос оратора должен соответствовать чувствам: («*In lenitate quippe debet esse submissa, in gravitate inclinata, in zelo incitata, in dolore et commiseratione inflexa atque interrupta, in amore suavis, in metu ac verecundia contracta et demissa, in alio adfectu alia*» («в нежности должен быть тихим, в суровости низким, в ревности возбуждённым, в скорби и сострадании смягчённым и прерывистым, в любви сладостным, в страхе и почтительности тихим и приглушённым, во всех чувствах разным») (*Rhetorica 1766: 57об.*). Рязанский ритор говорит о голосе оратора гораздо подробнее и добавляет рассуждение о соответствии голоса разным частям

ораторской речи. Так, во вступлении заслуживает похвалы голос приглушённый, сдержанный, мягкий, скромный («*vox submissa, sedata, lenis, verecunda*») (Praecepta 1759: 111), только в стремительных вступлениях бывает уместно выражать аффекты. В повествовании одобряется голос, соответствующий разговорной речи, открытый и простой («*vox sermoni proxima, aperta et simplex*») (Praecepta 1759: 111). В части, содержащей доказательство, необходимо большее разнообразие голоса, так как аргументация обычно требует более веского, живого, пылкого произнесения («*argumentatio plerumque graviorem, agiliorem, acriorem pronuntiationem postulat*») (Praecepta 1759: 111). Аффектация допускается и в заключении, где, согласно ритору, голос должен следовать душевным аффектам («*affectus animorum vox sequi debet*») (Praecepta 1759: 111).

Жесты как в нижегородском, так и в рязанском руководствах определяются как положение всего тела и важнейших его частей («*gestus totius corporis ac praecipuorum ejus membrorum conformationem comprehendit*») (Rhetorica 1766: 57об.; Praecepta 1759: 111об.). Чтобы правильно использовать жесты, начинающему ритору рекомендуется внимательно подумать над тем, каков сам оратор, каковы слушатели и каков предмет, о котором пойдёт речь. Этот универсальный совет не содержит конкретных рекомендаций о применении жестов и, безусловно, может иметь отношение к любому этапу подготовки речи. В рязанской риторике, кроме этого совета, приводится предписание, отсутствующее в нижегородской рукописи: «*gestus itaque omnis fons et praecipuus moderator adfectus esse debet, nisi histrionum more gesticulari voluerimus: praestatque in agendo eo partio-rem?] esse oratorem, quam inani vanitatis adfectione ridiculum atque odiosum*» («итак, жесты должны быть всеобщим источником и главным усмирителем аффектов, если мы не хотим жестикулировать подобно актёрам; и лучше, чтобы оратор в произнесении был скуповат, чем смешон и ненавистен пустой и суетной аффектацией») (Praecepta 1759: 111 (об)).

Лаконичность трактовки произнесения ощущается самим автором нижегородской риторики. Главу «*De actione sive pronuntiatione*» он заключает такими словами: «*Quae hoc loco breviter et in aliis libellis rhetoricis copiosius praecipuntur, a naturae benignitate potissimum petenda sunt. Emendari tamen, augeri ac perfici in dies possunt vel maxime crebra discentium exercitatione. Nihil enim credimus esse perfectum, nisi ubi natura cura juvetur*»

(«Всё то, что здесь кратко, а в других риторических книгах – более пространно рассматривается, более всего зависит от благосклонности природы, но постепенно может быть исправлено, дополнено и улучшено частыми упражнениями учащихся. Ведь мы верим: ничто не совершенно, если природе не помогают усердием») (*Rhetorica* 1766: 57об.).

Таким образом, в интерпретации памяти и произнесения как частей классического риторического канона авторы различных рукописных риторик XVIII века на латинском языке подчёркивают главную роль природных дарований, но и указывают на необходимость усердных упражнений. В своих наставлениях они приводят многочисленные практические советы, опираясь не только на античную и европейскую риторическую теорию, но, очевидно, и на свой жизненный опыт.

Литература

- Наставления 1764 – Наставления по риторике на примерах из латинских авторов... Вологодская семинария. 1764 // РГБ. Великоустюжское собрание. Ф. 122, № 14.
- Basilevicz 1756 – Basilevicz, Manuel. *Opus artis oratoriae...* Смоленская коллегия. 1756 // РГБ. Ф. 733 (Смолен.), № 21. 154 л.
- Præcepta 1759 – *Præcepta oratoria ex antiquis atque recentioribus auctoribus excerpta...* Рязанская семинария. 1759 // РГБ. Ф. 194 (К. И. Невоструева), № 43. 249 л.
- Rhetorica* 1766 – *Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam libellus.* Курс лекций по риторике, читанных в Нижегородской семинарии. 1766 // РГБ. Ф. 312, № 78. 95 л.

A. D. Kurilova. *Memory and action in the interpretation of manuscript Latin Rhetorics composed in the 18th century Russia.*

The article considers the interpretation of two parts of the ancient rhetoric canon – memory and action – in some manuscript Rhetorics. The article considers the place and importance of memory and action sections, in the structure of different manuscript manuals. Similarities and peculiarities of interpretations are analyzed.

К. Н. Лемешев

К ИЗУЧЕНИЮ СЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА ЖИТИЯ ВЕЛИКОМУЧЕНИКА АРТЕМИЯ

Резюме. Статья посвящена раннему церковнославянскому переводу дометафрастовского Жития святого великомученика Артемия. В русских средневековых рукописях находим разные варианты этого текста. Анализ разночтений в сопоставлении с греческим оригиналом позволяет определить причины варьирования.

Ключевые слова: Агиография, текстология, церковнославянский, переводная литература.

Пространная дометафрастовская редакция Жития великомученика Артемия в славянской письменности представлена двумя переводами (Творогов 1990: 204; Пичхадзе 2011: 31). Точное время и место этих переводов неизвестно, однако есть основания считать по крайней мере один из них созданным в Киевской Руси (скорее всего, болгарским переводчиком – при возможном участии русского). Впервые на это обратила внимание А. А. Пичхадзе, она же привела языковые факты, свидетельствующие о древности славянского перевода – не позднее XIII века – и его связь с восточнославянским языковым ареалом (Пичхадзе 2002: 246–248). Следует отметить, что именно этот ранний перевод Жития был включен в Великие Минеи Четы митрополита Макария под 20 октября (ВМЧ Окт. 19–31: 1573–1633). Один из его списков, находящийся в рукописи РНБ, Соловецкое собрание, № 503/522 (далее – Сол.), привлекает к себе особое внимание в палеографическом и текстологическом отношении. В «Предварительном списке славяно-русских рукописных книг XV в.» эта рукопись, связанная с деятельностью священноинока Досифея, датируется 15 веком (ПС XV: 126), однако кодикологические наблюдения указывают на то, что некоторые ее части могут иметь более позднее происхождение (Розов 1962: 297, примечание 12; Описи 2003: 294). Житие Артемия в Сол. интересно тем, что в ряде случаев отступает от текста, содержащегося в ВМЧ и в другом полном списке раннего перевода – РНБ, Софийское собрание, № 1385 (конец XV века; далее – Соф.), причем часто эти отступления являются исправлением ошибочных чтений Соф. и ВМЧ. В настоящей

статье мы рассматриваем несколько таких различий, позволяющих, с нашей точки зрения, определить место Сол. в истории славянского текста Жития¹.

ἄλλως τε καὶ τῶν Γαλατῶν ὀξύτατα δὴ καὶ ὀπότε προθυμηθεῖεν εἰς τὰς τυραννίδας ἐγειρομένων (PG, 1265).

еще(ж) и галатомъ напрасно подобно. и ег(д)а же оумыслить кто на мѹчительствіе вѹстающимъ (Соф., л. 240 об.).

еще(ж) и гала та(м) напрасно (погѹби) и подобно. и егда же оумыслить кто на мѹчительствіе вѹстающи(м) (Сол., л. 277).

еще же и Галатонъ (так! – *К. Л.*) напрасно подобно и егда же умыслить кто на мучительство вѹстающимъ (ВМЧ, стб. 1585).

В данном примере ни один из вариантов славянского текста не соответствует греческому. При этом чтение Соф. представляет собой пословный перевод с ясным соотношением славянских и греческих слов. К искажению оригинального текста приводят несколько ошибок, в частности, соответствие δή = **подобно**. В древнерусских переводных текстах встречается употребление форм от **подобати** и **подобный** в соответствии с безличным δεῖ (СДЯ XI–XIV б: 653, 660–661). Выбор **подобно** для передачи частицы δή (никак не связанной с δεῖ) является, скорее всего, результатом смешения δεῖ и δή (произносилось /d̥i/), которое могло произойти как непосредственно в греческом тексте, так и в результате переводческой ошибки. Косвенное подтверждение этому находим в «Повести о Варлааме и Иоасафе»: в этом памятнике также встречается соответствие δή = **подобати**, отмеченное в словоуказателе как ошибочное (Лебедева 1988: 120).

В отличие от Соф., содержащего пословный, хотя и ошибочный, перевод, в Сол. находим переосмысление текста, при этом 1) вводится отсутствующий в греческом оригинале глагол **погѹби**, который становится предикатом, соотнесенным с субъ-

¹ В примерах сопоставляемые чтения выделяются подчеркиванием. Греческий текст цитируется по Патрологии Миня (Patrologiae cursus completus. Series graeca / Ed. J.-P. Migne. Parisiis, 1864. Т. 96. 1249–1320; далее – PG), затем приводятся фрагменты из Соф. и Сол. Для сравнения приводится чтение ВМЧ (в упрощенной орфографии), как правило, совпадающее с вариантом Софийского списка. Написанные над строкой слова и выносные начертания букв в примерах из рукописей заключаются в круглые скобки. Сокращения слов под титлом раскрываются в соответствии с ВМЧ.

ектом **костантїи** (имеется в виду император Констанций II); 2) изменяется словоделение: вместо правильного **галатомъ** в Сол. находим **гала та(м)**², что также не соответствует греческому, но дает необходимое для глагола **погуби** прямое дополнение (*Гала* – вин. ед. от *Галь*) и изменяет смысл фразы: речь идет уже не о галатах, а о Констанции, погубившем Галла: **костантїи же ѡ вещь(х) оубоавса ...еще(ж) и гала та(м) напрасно (погуби)**. Что могло быть основанием для подобных изменений? Обращение к тексту, в котором содержится рассматриваемое чтение, позволяет предположить, что редакция осуществлялась на основе анализа широкого контекста: речь здесь действительно идет об убийстве Галла, к которому был причастен и Констанций, и данный факт упоминается несколькими строчками выше (**тако и галь оубїенъ бы(с)**) и ниже (**костантїи ... і оумомъ хъды(м) тогда каше(т)са гала оубивъ**). Таким образом, редактор Сол. исправляет ошибочное чтение, переосмысляя его и используя для этого данные самого текста. В результате чтение Сол. еще в большей степени отстает от греческого оригинала. Важно отметить, что изначально в Сол. был вариант, аналогичный Соф., исправленный непосредственно в самом Соловецком списке.

¹ Ἄλλα τί μοι τῶν σατρῶν τε καὶ ὀδωδότην Ἑρμοῦ ῥημάτων τῶν παρ' ὑμῖν τιμωμένων (PG, 1277).

но что ми ѡ гнилы(х) и смердѣщи(х) глаголы ерміевами чтомыимъ
(Соф., л. 248).

но что ми о гнилы(х) и смердѣщи(х) глаголъ і ерміевами книгами чтомы(х)
(Сол., л. 293 об.).

Но что ми о гнилыхъ и смердящихъ глаголы Ерміевами чтомыимъ
(ВМЧ, стб. 1595).

Как и в предыдущем случае, варианты обоих списков и ВМЧ не соответствуют греческому тексту. Однако чтение Соф. ближе

² На то, что написание **гала та(м)** является именно двухсловным сочетанием (имени собственного *Галь* в винительном падеже и наречия *там*), а не формой дат. мн. от этнонима *галаты*, указывает распределение флексий в самом Соловецком списке: *амъ* употребляется исключительно у существительных женского рода, и точно также вариант с огласовкой *о* характеризует только лексемы мужского рода. В соответствии с этим распределением дат. мн. от *галаты* в Соловецком списке должен был бы выглядеть как *галатомъ*.

к оригиналу с точки зрения последовательности и состава употребленных слов. Искажения произошли при переписывании: можно предполагать первоначальное правильное **ГЛАГОЛЪ КРМІЕВЪ ВАМИ ЧТОМУХЪ** с графическим переразложением и упрощением в условиях слитного письма на стыке слов **ГЛАГОЛЪКРМІЕВЪ** и **КРМІЕВЪВАМИ**, что привело к образованию контекста, аналогичного читаемому в Соф., с нарушенными грамматическими связями и смыслом.

Это становится причиной для правки в Сол. Редактура и здесь осуществляется на основе анализа широкого контекста: несколькими строчками выше в тексте говорится о *книгах Ермиевых* (кто **Ъ** кни(г) **Ерміевы(х)** и **пифагоровыхъ мертвеца воскреси**; Сол., л. 292 об.). Редактор Сол. «заимствует» отсюда лексему *книги* и вводит ее в редактируемое чтение, согласуя с формой **ерміевами** (в данном случае псевдоархаичной, получившейся в результате ошибки копирования). Таким образом, и в данном случае можно говорить о соотносительности исправления Сол. с чтением, аналогичным Соф. Следы правки (**чтомы(х)** из **чтомы(м)**) также присутствуют в самом Соловецком списке. В результате возникает новое, отсутствующее в греческом словосочетание и новый смысл: речь уже идет не о *гнилых Ермиевых глаголах*, а о *гнилых глаголах, почитаемых Ермиевыми книгами* (или *в Ермиевых книгах*).

Ἐν δὲ τῷ τόπῳ τῆς αὐτῶν τελειώσεως, θαῦμα γέγονε μέγα· μὴ ἔχοντος γὰρ τοῦ τόπου ὕδωρ τὸ σύνολον, πηγὴ ἀνέβλυσεν ὕδατος, πᾶσαν ἀποδιώκουσα νόσον (PG, 1288).

в мѣсто же то идеже скончастася святаа. чю(д) бы(с) веліе. не имощѣ бо мѣстѣ томоу воды бошію, и исто(к) недѣгъ ѿтгонящѣ.
(Соф., л. 254 об.).

на мѣстѣ же тѣ(м) идѣже скончастася свата чю(до) бы(с) веліе. не имощѣ бо мѣстѣ томѣ воды, бы(с) сима источникъ недѣги ѿгонящѣ.
(Сол., л. 303 об.).

В мѣсто же то, идеже скончастася святая, чюдо бысть веліе. Неимущу бо мѣсту тому воды бошію, и истокъ, недугъ отгонящѣ
(ВМЧ, стб. 1604).

В Соф. ошибка копирования: пропуск сказуемого на месте греческого ἀνέβλυσεν. В Сол. отражается вариант с «реконструированным» сказуемым **бысть** (в рукописи с выносным сокращением – **бы(с)** в сочетании с зависимым местоимением **сима**, что дает исправный контекст, не совпадающий при этом с

греческим оригиналом. Отметим, что и здесь можно предполагать палеографическую мотивированность чтения Сол.: источником сочетания **бысть сима** мог стать один из вариантов написания наречия **бъшію** (с ъ вместо о). Само наречие при этом оказалось устраненным из текста.

Ὁ τοίνυν Κωνσταντῖνος θρασύτητι γνώμης τὴν βασιλείαν ἀφῆρπασε (PG, 1289).

ко^нста^нтин же ... **ярою велею** царствіе восхыти (Соф., л. 255).

ко^нста^нтин же ... **яростію велею** царствіе восхити (Сол., л. 304 об.).

Костянтинъ же ... **ярою волею** царствіе восхити (ВМЧ, стб. 1605).

В Соф. ошибка копирования: **велею** из первоначального правильного **волею** (представленного в ВМЧ) в результате графической антиципации. При этом **велею** начинает восприниматься как форма прилагательного, что приводит к дальнейшей правке, отраженной в Сол.: в текст вводится существительное **яростію**. Заметим, что оно допустимо как соответствие для θρασύτητι, однако отсутствующее в греческом **велею** указывает на вторичность всего сочетания. Результатом этой правки становится чтение, правильное и в грамматическом, и в смысловом отношении, но не соответствующее оригиналу.

ἀλλ' οἱ θεοὶ διεκώλυσαν, αὐτοψεί μοι τὴν σωτηρίαν μηνύσατες (PG, 1289).

но бози застоупиша ны **в лице ми** спасеніе наречествоваша (Соф., л. 255).

но бози застѹпиша ны **велице ми** спасеніе наречествоваша (Сол., л. 304 об.).

но бози заступиша ны, въ лице ми спасеніе наречествоваша (ВМЧ, стб. 1605).

Точным соответствием для αὐτοψεί было бы **очивисть** (ср., например, Срезн. II: 845). Трудно судить о том, является ли перевод **в лице ми** ошибкой с точки зрения древнерусского языкового и переводческого узуса. Кроме того, здесь можно предполагать и смешение с ἐν ὄψει. В любом случае вариант Соф. соотносится с греческим текстом, в то время как вариант Сол. очевидным образом выводится именно из чтения **в лице ми**, которое интерпретируется редактором как искаженное **велице**. В результате правки «восстанавливается» прилагательное, отсутствующее в греческом оригинале, однако подходящее к данному контексту и грамматически, и по смыслу.

Τίς γάρ τὴν γνώμην ἀμφίβολος, ἥλιον βλέπων ἐν οὐρανῷ διππεύοντα
(PG, 1289).

кто бо волю всюдоу солнце видѣвъ на небеси яздѣще
(Соф., л. 255).

кто бо въ людѣ(х) всюдѣ солнце видѣ(в) на небеси я(с)дѣще
(Сол., л. 305).

Кто бо волю всюду, солнце видѣвъ на небеси яздящи (ВМЧ, стб. 1606).

Чтение Соф. представляет собой пословный перевод с неверной передачей ἀμφίβολος, основанной, возможно, на расширительном (и в данном случае – ошибочном) понимании значения ἀμφί (ср., например, перевод некоторых лексем с начальным элементом ἀμφί в Дворецкий I: 103: ἀμφίβροτος *закрывающий человека отовсюду*, ἀμφιδαίω *отовсюду воспламеняться*). Получается бессмысленный текст, который исправляет редактор Сол., однако не в соответствии с греческим, а на основе очередной собственной «семантико-палеографической» интерпретации. В качестве ошибочной формы рассматривается **волю**, которая переправляется в предложно-падежную форму **въ людѣ(х)** в самом Соловецком списке. В результате получился грамматически правильный и осмысленный контекст, не совпадающий при этом с греческим оригиналом.

<ή σελήνη> ταῖς ἀγρύπνοις φωτοβολίαις, ὑπνοῦν τοὺς ἀνθρώπους
паракелеύεται (PG, 1289).

<луна> **бдѣщимъ свѣтлыми лучами** **человѣкомъ спѣщемъ**
повелѣваетъ (Соф., л.255об.).

<луна> **бдѣти** **свѣтлыми лучами** **человѣкомъ спѣщимъ**
повелевает(т) (Сол., л. 305).

<луна> бдѣщимъ свѣтлыми лучами **человѣкомъ спѣщемъ** **повелѣваетъ**
(ВМЧ, стб. 1606).

Ни один из вариантов не соответствует греческому тексту. Ошибки Соф, как видно из примера, обусловлены неверным пониманием грамматических форм и синтаксических связей греческого оригинала. При этом в славянском тексте возникает смысловое противоречие: к дополнению **человѣкомъ** одновременно относятся взаимоисключающие атрибуты **бдѣщимъ** и **спѣщемъ**.

В Сол. форма **бдѣти** исправлена из **бдѣщимъ** в самом списке. В результате этой замены, с одной стороны, устраняется отмеченное противоречие, с другой – меняется смысл всего фрагмента сравнительно с греческим оригиналом, согласно которому, луна повелевает людям спать (ὑπνοῦν), а не бодрствовать.

<τὸ σῶμα τοῦ Ἀπόλλωνος> παιθαυμάστη δὴ τέχνη πρὸς μιᾶς συμφύιας ἰδέαν συναρμοσθέν (PG, 1300).

кѡмиръ же аполоновъ тако имаше оустрои. ѿ виннаго древа тѣло его сдѣланѡ. и поставлено бѣаше. въ едино бо бѣ събралоса брѣдивною (sic!) хитростію. образъ сѣклю(м)ь (sic! пропущен слог чи, ср. чтение ВМЧ) (Соф., л. 260 об.).

кѡмиръ же аполоновъ тако имаше оустрои. ѿ виннаго древа тѣло его сдѣланѡ. и поставлено бѣаше. во едино бо бѣ собралоса предивною хитростію ~~образъ с(т)кланъ~~ (Сол., л. 313).

во едино бо бѣ собралоса прѣдивною хитростію образъ сѣклучимъ (ВМЧ, стб. 1615).

В Соф. правильное чтение. Допустимость соответствия συμφύια = **сѣклучимъ** подтверждается данными словарей (ср., например, значение «связь, скрепление» у слова **сѣклученик** в Срезн. III: 718). Возникшая при копировании погрешность – пропуск слога **чи** в форме **сѣклучимъ** – стала причиной для правки, возможно, непосредственно в самом Соловецком списке. Конъектура **с(т)кланъ** дает чтение, не соответствующее греческому и несколько неожиданное (в оригинале речь идет о разросшемся винограднике, отнюдь не стеклянном), но с формальной точки зрения правильное и объяснимое именно как результат исправления ошибочного чтения **сѣклю(м)ь** в антиграфе.

σβέσον τὸν θυμόν σου τὸν δίκαιον καὶ τὴν ὀργὴν ἣν ἡμεῖς ἐξεκαύσαμεν (PG, 1313).

оугаси гнѣвои (sic! вместо гнѣвъ свои) праве(д)ныи, и яростію мы раж(д)егохомъ (Соф., л. 269 об.).

оугаси гнѣвъ свои прв(д)ны(и) иже яростію мы раж(д)ьгохомъ (Сол., л. 325 об.).

угаси гнѣвъ свои праведныи, и яростию мы раждегохомъ (ВМЧ, стб. 1627).

В Соф. ошибка копирования: **и яростію мы раж(д)егохомъ** из правильного первоначального **и ярость юже мы раж(д)егохомъ**. Пропуск конечного **же** в союзе **юже** в одном из промежуточных списков приводит к появлению написания **яростію**, совпадающему по форме с творительным падежом существительного **ярость**. Возникнув в результате механической ошибки, это чтение закрепляется в тексте, так что правка, отраженная в Сол., затрагивает не эту форму, а союз **и**, который изменяется в **иже**, в результате чего получается правильный и в грамматическом, и в смысловом отношении контекст, который при этом совершенно не соответствует греческому: ярость оказывается не

проявлением праведного Божьего гнева, а свойством согрешающих людей.

ὁ τε προῤῥηθεὶς Δαλμάτιος, καὶ Ἀναβαλλιανὸς, καὶ Κωνσταντίος· οὗς καὶ Καίσαρας ὁ Κωνσταντῖνος καὶ νοβελλησίμους ἐτίμησε. (PG, 1257).

нареченыи же преже далматин. и аनावалианъ и константин ихже константинь кесарь вѣискыимъ и новелесенскыимъ саномъ почте.

(Соф., л. 236 об.).

нареченыи же преже далматин. і аनावалианъ и константин ихже константинь кесарь воиски, є(м), и новелесенски(м) сано(м) почте.

(Сол., л. 271).

нареченныи же прежде Далматии і Анаваліянъ и Костянтии, ихже Костянтинь кесарь войскимъ и новелесіискимъ саномъ почте.

(ВМЧ, стб. 1578).

Вероятная ошибка копирования в Соф.: можно предполагать возникновение двух словоформ **кесарь вѣискыимъ** из правильного первоначального **кесаревьскыимъ (саномъ почте)**. Именно такую форму производного от **кесарь** находим в тексте чуть далее во фразе **іако съ гала совлещи ѡдеж(д)ю кесаревьскѡю.**

Вариант, отраженный Сол., не соответствует греческому и исправлен из чтения, аналогичного Соф. Прилагательное **вѣискыимъ** было переосмыслено как сочетание существительного в творительном падеже **воиски** и краткого причастия мужского рода от глагола **ѡти** с закономерной «реконструкцией» начального **є** : **воиски є(м)**.

Как видно из приведенных примеров, ошибочные чтения Соф. и ВМЧ совпадают, а исправления Соловецкого списка (кроме не вполне ясного **воиски є(м)**) дают в результате правильные в грамматическом и смысловом отношении контексты, которые при этом не соответствуют оригиналу, из чего можно заключить, что сверка с греческим текстом не проводилась. Важно отметить, что чтения Соловецкого списка соотносятся с чтениями Соф., могут быть «выведены» из них палеографически, а в некоторых примерах исправление произведено непосредственно в самом Сол. Наконец, ни в одном из контекстов невозможно обратное направление изменений: от Сол. к Соф. Все это свидетельствует о том, что 1) чтения Соловецкого списка вторичны и что 2) антиграф Соловецкого списка был чрезвычайно близок к Соф. и в некоторых случаях мог содержать такие же ошибки (например, **сѣклю(м)ь** вместо **сѣклю(м)ь**, что стало причиной правки в Соловецком списке). Кроме того, зависимость чтений Сол. от чтений, аналогичных представленным в Соф., указывает на то, что варианты Соло-

вещного списка не восходят к каким-либо вариантам греческого Жития, но представляют собой самостоятельное развитие древнерусского переводного текста. Таким образом, текстологические и кодикологические данные позволяют предполагать, что Соловецкий список Жития великомученика Артемия отражает новый (поздний) этап в истории данного памятника в древнерусской письменности.

Литература

- ВМЧ Окт. 19–31 – Великие Минеи Чети, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Октябрь. Дни 19–31. СПб., 1880.
- Дворецкий I – Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. / сост. Дворецкий И. Х. Т. 1. М., 1958.
- Лебедева 1988 – Словоуказатель к тексту «Повести о Варлааме и Иоасафе», памятника древнерусской переводной литературы XI–XII вв. / сост. И. Н. Лебедева. Л., 1988.
- Описи 2003 – Описи Соловецкого монастыря XVI века / Сост. Дмитриева З. В., Крушельницкая Е. В., Мильчик М. И. СПб., 2003.
- Пичхадзе 2002 – Пичхадзе А. А. О происхождении славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2002. С. 232–249.
- Пичхадзе 2011 – Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
- ПС XV – Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР). М., 1986.
- Розов 1962 – Розов Н. Н. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей // Труды Отдела древнерусской литературы Т. XVIII. Л., 1962. С. 294–304.
- СДЯ XI–XIV 1–8 – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–8. М., 1988–2008. Т. 6. 2-е изд. М., 2009 (издание продолжается).
- Срезн. I–III – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. Репринтное издание. М., 1989.
- Творогов 1990 – Творогов О. В. Древнерусские четьи сборники XII–XIV вв. (Статья вторая: памятники агиографии) // Труды Отдела древнерусской литературы Т. XLIV. Л., 1990. С. 196–225.
- PG – Patrologiae cursus completus. Series graeca / Ed. J.-P. Migne. Parisiis, 1864. Т. 96.

K. N. Lemeshev. The Church Slavonic translation of Passio of St. Artemios

The paper is dedicated to the early Church Slavonic translation of the pre-metaphrastic *Passio of St. Artemios*. An analysis of some relevant textual variants in Russian medieval manuscripts in comparison with the Greek original reveals the causes for the textual changes.

П. Б. Лурье

СОГДИЙСКИЕ ДОКУМЕНТЫ ИЗ РАСКОПОК РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО МАРТШКАТА

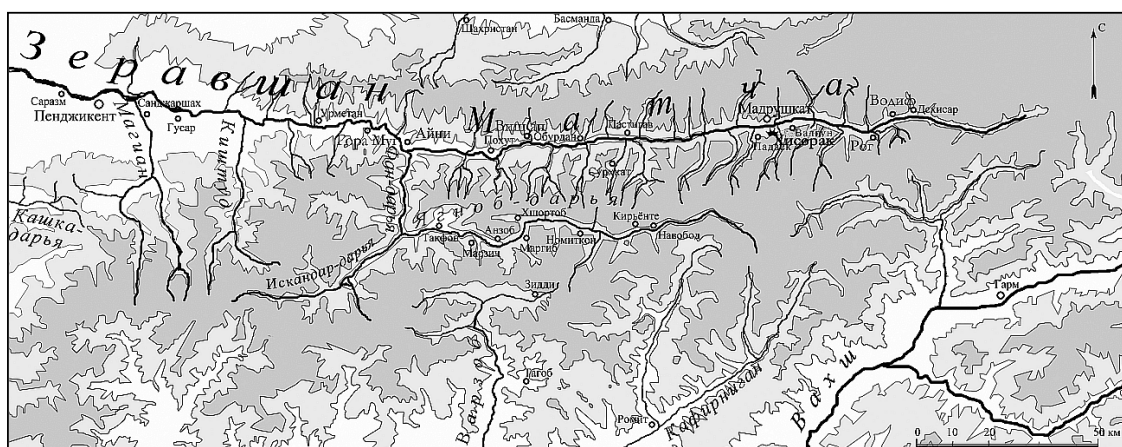
Предварительное сообщение¹

Резюме. В статье дается первое издание согдийских документов на дереве, найденных в 2011 г. Пенджикентской археологической экспедицией на городище Хисорак (раннесредневековый Мартшкат) в Горной Матче в Таджикистане. Самый крупный документ представляет собой письмо «охранника построек города» старейшине Рага (совр. Рог в 30 км. к востоку от Хисорака). В нем содержится просьба о предоставлении одежды и обуви (или тряпичной обуви) автору. Следующие два документа, один целый, другой фрагментированный, являются расписками некоего Нанедада в получении 16 тасуджей соли (в одном случае) и 10 сосудов ячменя (в другом) от двух разных лиц. Документы датированы 30 и 31 годом правления некоего Закангуна. Четыре оставшихся документа более фрагментарны. Особенности языка (обнаруживающие параллели с современным ягнобским языком, потомком близкого к согдийскому диалекта), формуляр, археологический контекст находки позволяют относить их предположительно к концу VIII – началу IX вв. н.э.

Ключевые слова: согдийские документы, городище Хисорак, Пенджикентская археологическая экспедиция.

¹ Настоящее сообщение в несколько измененном виде публикуется также в кн. Материалы Пенджикентской археологической экспедиции (МПАЭ). Вып. XIV. Работы 2011 г. СПб, 2012. Крупнейшие из издаваемых здесь документов были найдены и извлечены из земли к. ф. н. О. М. Ястребовой (Российская Национальная Библиотека) и художником-реставратором С. Н. Макеевым (Государственный Эрмитаж), руководил объектом «Цитадель II» автор этих строк. Черновик данной заметки был послан ряду коллег. Ютака Ёсида (Киото), Илья Якубович (Оксфорд), Десмонд Дуркин-Майстерернст (Берлин) и Николас Симс-Уильямс (Кембридж) прислали (весьма оперативно) свои замечания насчет чтения документов. Автор выражает им свою искреннюю признательность. При написании настоящей статьи автор интенсивно пользовался «Согдийским корпусом», составленным Николасом Симс-Уильямсом при участии Йоста Гипперта и Ютаки Ёсиды и размещенном в Интернете на сайте проекта TITUS (<http://titus.uni-frankfurt.de/indexe.htm?/texte/texte2.htm#sogd>).

Городище Хисорак расположено в долине реки Матча, основного истока Зеравшана, который несет воду и плодородный лесс в Самарканд и Бухару, область, известную в древности и средневековье как Согдиана. Оно лежит на обрыве террасы южного берега в 230 км. к востоку от Пенджикента, самого восточного города равнины Согда, и в 80 км к западу от ледника, являющегося истоком Матчи, примерно напротив расположенного на северном берегу реки современного кишлака Мадрушкат, до 1950-х гг. – центра Матчинского района Таджикистана (илл. 1).

Илл. 1. Карта верховий Зеравшана.

Составлена автором и Н. В. Семеновым

В согдийских документах, найденных в 1932–33 гг. на горе Муг – в 80 км. от Пенджикента и 150 от Хисорака – и являющихся остатками архива последнего независимого правителя Пенджикента, Деваштича (казнен в 722 г.), несколько раз упоминается Мартшкат: его правитель, начальник каналов и бассейна, мартшкатские кожи, доспехи, меры объема (Лившиц 2008: 68–69; Лурье 2011: 45–47, и более ранняя литература). Поскольку в округе Мадрушката других крупных археологических памятников не выявлено, общепринята идентификация Мартшката согдийских документов с нынешних Хисорак.

Это городище площадью 7 га является крупнейшим в долине Зеравшана выше Пенджикента, и состоит из крупной городской части (*шахристана* в среднеазиатской археологической терминологии), трех сильно укрепленных отдельных холмов в северо-западной части – цитадели (*арк*, *кухандиз*), пригорода (*рабат*) на склоне шахристана в сторону реки, и линии обороны на менее защищенной южной стороне городища (илл. 2).

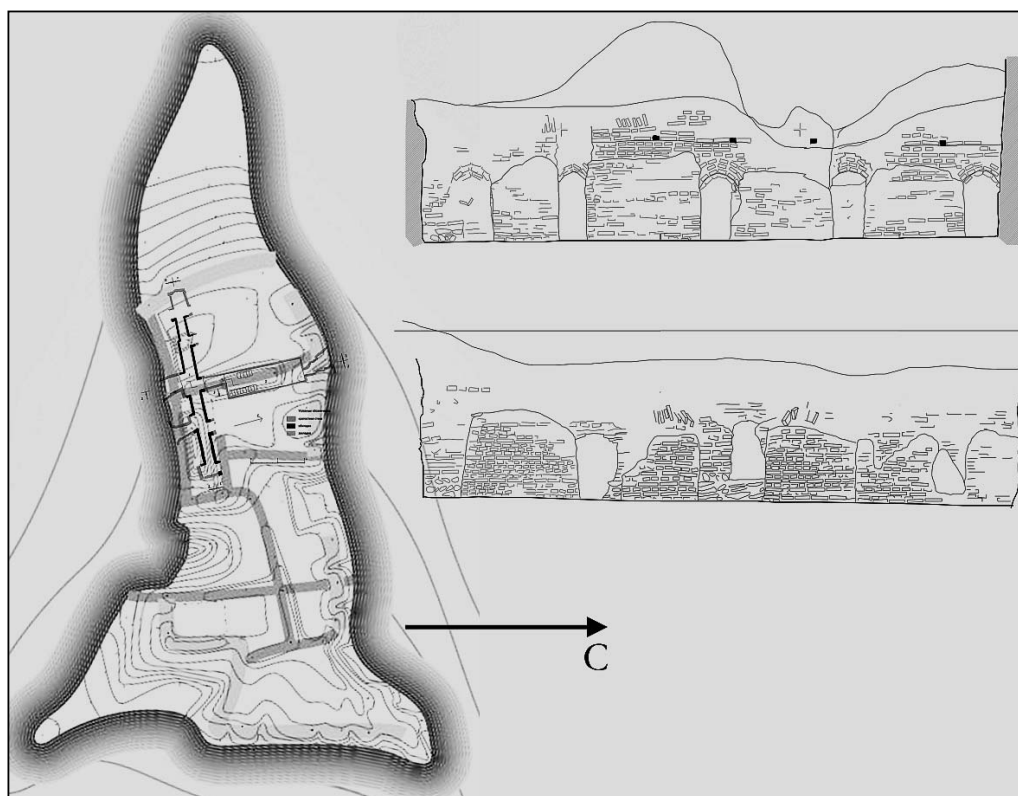
Городище Хисорак было открыто О. И. Смирновой еще в 1948 г. (Смирнова 1960: 15), однако относительно масштабные раскопки на нем были проведены экспедицией Б.Я. Ставиского и Ю. Я. Якубова только в 1998 г. (Ставиский, Якубов, Гарифуллина, Давутов: 2000). Археологи открыли несколько помещений на холме «цитадели 1», в том числе две богато декорированные «капеллы» с пристенным очагом-алтарем и подиумами – *суфами* вдоль других трех стен. Раскопки показали, что вследствие особенностей микроклимата и почвы Хисорака здесь превосходно сохраняется органика. Были найдены деревянное перекрытие (причем сохранились не только прогоны и балки, но и ивовые ветви крыши и соломенные веревки, крепившие ветви к балкам), фрагменты музыкального инструмента. Такая сохранность органики является совершенно исключительной для равнинной части Средней Азии, однако в горах это не редкость. В похожих условиях в замке на горе Муг 1210 лет пролежали предметы из органических материалов, в том числе документы на бумаге, коже и дереве.

Илл. 2. Вид Хисорака с горы с южной стороны. Стрелка указывает на «Цитадель 2». Фотография К. С. Васильцова

В 2008 г. Пенджикентская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа и Института истории, археологии и этнографии АН Таджикистана посетила памятник, задокументи-

рвала его фотографически и собрала подъемную керамику, в 2010 г. мы в сотрудничестве с акад. Ю. Я. Якубовым извлекли и отреставрировали присыпанные на «Цитадели I» фрагменты монументального декора и сняли инструментальный план городища², а в 2011 г. заложили четыре раскопа: в пригороде, на шахристане и цитаделях I и II. На последней и были найдены согдийские документы, которые являются темой настоящего сообщения.

Илл. 3. Цитадель 2. План и разрезы.
Чертежи А. Г. Акулова, И. О. Гурова

Еще до раскопок можно было представить себе примерно планировку центральной части «цитадели 2» – вытянутого с востока на запад холма в юго-западном секторе Хисорака. Это был так называемый «замок коридорно-гребенчатой планировки», в котором в основной коридор (в нашем случае вытянутый на 17,5 м. вдоль южного обрыва холма) выходили расположенные перпендикулярно к нему сводчатые помещения. Этот

² МПАЭ, вып. XII, 2010, с. 9, илл. 11–17; МПАЭ, вып. XIII, 2011, с. 34–44, илл. 88–106, 110–111.

тип сооружений, совмещавших складские оборонительные и жилые функции, хорошо известен в архитектуре Согда, и упоминавшийся памятник на горе Муг является эталоном малого коридорно-гребенчатого замка; ядро замка Чильхуджра около Шахристана, который будет упомянут ниже в связи с найденным там документом, имеет ту же структуру (см. Семенов 1996: 171 и сл.). В 2011 г. мы расчистили длинный коридор с тремя окнами на юг и пятью проходами на север, и центральное из пяти перпендикулярных к нему сводчатых помещений (илл. 3). Заполнение обеих комнат было весьма богато органикой, а ближе к полу почти полностью состояло из растительных и животных остатков: солома, кизяк, палочки, тряпки, кожи, веревки, зерна, орехи сохраняли запах «старого сундука», кое-где были видны еще зеленые листочки. Видимо, сырцовый свод помещений из местного мелкодисперсного лесса с галькой, упав, закрыл доступ воздуха, и органика оказалась в вакуумном саркофаге.

Илл. 4. Документ 2 *in situ*. Здесь и далее фото автора

Всего было открыто 9 текстов, из них 2 целых, один сохранившийся более чем наполовину, 4 фрагмента, на которых можно что-то прочесть, на остальных видны только следы букв. Целый документ (№1) был найден на полу сводчатого помещения, остальные – в коридоре (илл. 4). Все они были начертаны тушью на ивовых палках, рассеченных надвое и очищенных от коры, часто обточенных с одной стороны. Начало документа располагалось на выпуклой стороне, окончание, в случае необходимости, было на резе, писали вдоль волокон древесины.

Использование рассеченных веток в качестве дешевого письменного материала характерно для согдийских текстов с горы Муг и ведет свое происхождение, вероятно, от использования рассеченных веток в качестве бирок – тессер, когда на палку наносилось определенное договором число насечек и половинки палки отдавались сторонам договора. Сложив половинки, обе стороны могли подтвердить начальные условия договора. Такие бирки найдены в Китайском Туркестане, Бактрии (Sims-Williams 2008), Хорезме (Лившиц 1984: 279).

Из трех крупных документов один является письмом, другие два – расписками. Остальные, насколько можно судить, также относятся к хозяйственным документам. Это вполне бытовые тексты, которые, видимо, были попросту забыты в двух помещениях замка на полу, заваленном соломой, кизяком и разным хламом.

Ниже мы издаем все семь документов, двигаясь от более полных к более фрагментарным³.

1. Половина рассеченного надвое деревянного колышка, 145 X 12 X 25 мм, восемь строк, первые пять на полукруглой поверхности, последние три на резе (илл 5).

Илл. 5. Документ 1

³ В соответствии со сложившейся практикой, документы издаются в латинской транслитерации. Квадратные скобки указывают на утерянные знаки, круглые – на частично сохранившиеся или имеющие нехарактерную форму. Дефис указывает на раздельное написание букв в слове, заглавные буквы – на арамеограммы.

1. 't βγw x(w)βw βγw <β{r}'t> хурδ'(w')n(t)
 Господину правителю, <брату?> господину властителю
2. βry-'kk r'γyk x(w)š(t)
 Фрияку Рагскому старейшине
3. (M-N) хурδ βntk
 От его собственного раба
4. knδy prδy sp'n ptškw nh
 Охранника построек города, донесение.
5. (rtβγ) 'zw tw' prn хw(ty)
 И, господин, я твоему величеству лично
6. pt'y(š)kwу rty βγ mn(') x'š(y) kβš
 докладывал. И, господин, мне одежды-обуви
7. γwtskwn rtβγ tyw w'β krcnwxt
 недостает. И, господин, ты скажи Карчнухту,
8. pr(m)-'y pr'yšt kys x'(š)y (kβš)
 прикажи прислать одежду-обувь.

Комментарий.

Строки 1–2 представляет собой особый вариант формулы адресования согдийского типа к вышестоящему («господину, государю, великой надежде, Деваштичу...»), начинающейся с предлога 't, который в других контекстах не используется. Слово βγw 'господину' повторено два раза, как будто предваряя хwβw 'правителю' в первом случае и хурδ'wnt 'властителю' во втором.

Если первое из них очень часто встречается в формулах адресования, то второе мы видим тут впервые. Оно хорошо известно в манихейских и христианских текстах (в формах хурδ'wnd и хурθ'wnt соответственно), реже в буддийских и однажды в документе с горы Муг, вслед за βγw, но не в адресе письма (B16, 6; последнее издание Лившиц 2008: 137). Контексты употреблений указывают на спектр значений «владелец, властитель, правитель, Господь». Нелишним будет напомнить этимологию согдийского слова, являющегося неполной калькой западноиранского хwadāwan(d) (из др.-ир. *xwa-tāwan(t)- 'само-мощный'), где первая часть была истолкована как хwad 'сам' = согд. хурδ (Bartholomae 1920: 51). Написание конечного t без верхней дужки в хурδ'w'nt (как и в хwšt) необычно. Ср. также t с исправлением помарки в ptškw nh в строке 4. Ютака Ёсида предложил читать хурδ'w'nt с *алефом* после *вава*, что является допустимым вариантом написания того же слова.

Написанное над строкой $\beta't$ (или $\beta nt?$) также вызывает вопросы. Можно ли его понимать как III Sg. subj. глагола бытия 'да будет он', как благопожелание $xw\beta w$ достичь более высокого ранга $xur\delta'wnt?$ Другое, как мне сейчас кажется, более рациональное объяснение предложил в письме Ёсида: $\beta't$ нужно исправлять на $\beta r't$ 'брат'. Последнее (в виде арамеограммы 'XUw, выражении $pruw$ 'XUw 'дорогому брату') встречается в адресах в ряде согдийских писем, причем такие письма строятся по модели «от низшего к высшему»⁴. По мнению Дуркин-Майстерэрнста (в письме), это слово относится не к формуле адресования, а к окончанию письма (на оборотной стороне палки все пространство было занято): "may it be so!"

$\beta ry-'kk$ – вероятно, имя адресата. При данном чтении это гипокористик к имени, основанному на согд. pry , βry^5 $lfril$ 'дорогой, любимый', ср. хорезмийское и.с. $pry'kk$, бактр. *Фриако* (Lurje, in preparation). Иначе можно читать $\beta rz-'kk$ букв. 'длинный, высокий'⁶, $\beta uw-'kk$.

$r'yuk$ $xwšt$ – видимо, реальная должность Фрияка. $r'yuk$ – прилагательное от $r'y$, топонима, значащего буквально «склон, ровное место, пустыня», др.-ир. $*rāga-$, русск. *логь*, и т.д. От него образуется множество топонимов, включая древнюю Рагу – совр. Рей под Тегераном, $Rāy$ в Афганском Бадахшане, $Rāyan$ под Самаркандом в раннеисламское время (см. Лурье 2004: 114; Grenet 2002: 197–198), *Розиф* в нижней Матче. Наиболее близок нам географически *Роз*, селение в Матче, самое верхнее на южном берегу реки, в 30 км. к востоку от Хисорака. Никаких археологических памятников там не выявлено, однако в 9 км. к западу от него расположено село *Демнора* (собств., «деревня с минаретом»), где отмечено поселение раннеисламского времени, а в 2 км – кишлак Палдорак с развалинами бекской крепости XIX в., между ними разрушенная крепость – кала в

⁴ Так читает мугский документ В-9, а также согдийское писцовое упражнение из Старого Мерва Николас Симс-Уильямс, ср. <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/iran/miran/sogd/sogdnswc/sogdnlex.htm>; Yoshida *apud* Grenet, Vaissière 2002: 190 n. 84; Lurje 2010: #1255, #1556; также в безкликсом письма С, Yoshida 2000: 118.

⁵ Такое написание отмечено, см. Sims-Williams 1990: 1. 3.

⁶ В согдийском встречается три носителя этого имени, см. Lurje 2010: #313. Первая буква едва ли может быть r , иначе можно было бы читать $ruw-'kk$, как и имя отправителя мугского документа В16.

кишлаке Пахшеф⁷. *xwšt* (опять же, с нехарактерной формой *t*) является более поздней формой согд. *xwūšt*. Так титуловался чиновник или жрец по имени *Ухушукан*, сын царя Самарканда (?) *Вархумана*, перед лицом которого был заключен брак Чатты и Уттегина⁸. Ср. *xwšty* из более раннего *xwūštk* ‘учитель’, букв ‘старший’, от того же корня с суффиксом *-k*⁹.

В строках 3–4 указан отправитель и тип сообщения. Расположение отправителя под строкой адреса в письме характерно для реляций от низшего к высшему, которые именуется термином *ptškw(')nh* ‘донесение’¹⁰, характерно для них и использование однокоренного глагола *ptškw'yu* ‘докладывать, сообщать’. Выноска параграфа об отправителе в левую часть поля документа также встречается (напр., в мугских документах А-14, Nov. 2, в манихейских письмах из Безеклика, в уйгурских письмах, следующих согдийской традиции), однако в нашем письме вторая строка параграфа занимает все поле. «Собственный раб» – обязательная формула в письмах от низшего к высшему.

Свое имя отправитель письма не указывает, дает только должность «охранник построек поселения». Согд. *knđh* (тут в косвенном падеже с суффиксом *-u*, потому и без графического компонента имен женского рода *-h*) обычно переводится как «город», хотя, особенно в топонимии, может указывать на любой населенный пункт, вне зависимости от размера и наличия атрибутов городской жизни (Lurje 2003: 185–212). Единственным «городом», крупных размеров, со стенами, дворцом правителя и цитаделью в округе являлся в то время сам Хисорак. Возможно, именно там и служил автор письма, и, в таком случае, письмо отправлено не было, либо мы имеем дело с черновиком письма.

⁷ Смирнова 1953: 184. Археологических разведок в Раге, насколько могу судить, не проводилось. Это одна из задач будущего полевого сезона в Хисораке.

⁸ Nov. 3, V 18; Nov. 4, V 11, см. Лившиц 2008: 29 и сл.

⁹ Этимологию см. в статье Sims-Williams, Tucker 2005: 587–604, где приводится однокоренное бактр. *χουαχο*, частое в титулатуре правителей.

¹⁰ Ёсида (в письме) предлагает транслитерировать тут *ptškw'n*, Дуркин-Майстерэрнст (в письме) – *ptškwnn* или *ptškw'n* (последнее чтение также предложил в письме Н. Симс-Уильямс), что значения слова не меняет.

prδyṣp'n – ἄλαξ λεγόμενον, состоящий из согд. *prδyṣ* ‘постройка, строительство’ и суффикса *p'n* ‘охраняющий’ (ср. согд. хр. *r'θp'n* ‘разбойник’, букв. ‘страж дороги’, *rwcp'n* ‘палач’, букв. ‘страж дней’, (*'*)*xwšp'n(y)* ‘пастух, чабан’, букв. ‘страж овец’). Его следует отделять от *†prδyṣp'(n)* ‘садовник’ в мугском документе А5, 22, который, более того, теперь предложено читать как *prδyṣp(y)* с тем же значением (Sims-Williams 2003: 213–217).

Фраза в строках 5-6 (*rtβγ*) *'zw tw' prn xw(ty) pt'y(š)kwu* хотя и ясная по написанию большинства слов, остается загадочной в части согласования. Наиболее удовлетворительным представляется объяснение И. С. Якубовича (в письме), что *pt'y(š)kwu* – редкая форма первого лица единственного числа оптатива прошедшего времени от глагола *ptškw(')y* ‘я докладывал’. Эти формы образуются от аугментированной основы имперфекта и окончания *-e/-ēm* (Sims-Williams 1989: 188; cf. Yoshida 2009: 308). Николас Симс-Уильямс указал на *ptyškw'y/ptyškwuy* в I лице прошедшего времени в «Сказке о сверлильщике жемчуга» в изводах национальным и манихейским письмом (Henning 1945: 466; Gershevitch 1954: § 691). Выражение *tw' frn* ‘твоя слава’ в согдийском может переводиться и как ‘your Excellency’ (Provasi 2003: 315–316). Контекст аналогичных согдийских писем указывает, что тут должно быть какое-то славословие в адрес адресата: «и, господин, хорошим был бы день у того, кто увидел бы тебя здоровым, спокойным, счастливым, и ... если бы я лично узнал о твоём здоровье, я считал бы себя бессмертным» («Старые письма», по Sims-Williams 1991: 176–187), или «и если будет мудрый учитель, хорошо правящий государь в славе, хорош, несменяем, стабилен, то у меня, тысячекратно малого раба, будет сильная радость»¹¹; «и, господин, (тебе,) великославному, много почтения. И если ты, господин, государь, во славе благополучным и благоденствующим пребываешь, то, господин, я, холоп, себя считаю счастливым» (Муг, В-16, см. Лившиц 2008: 137–138); «и, господин, (тебе), великославному, много почтения я адресую» (Муг, А-14, Лившиц 2008: 86–87).

В строке 6–7, *rtγ βγ mn(') x'š(y) kβš ywtskwn*, автор переходит к теме письма: «мне нужны одежда – обувь». Раздельное напи-

¹¹ Безекликское манихейское письмо С (начало XI в.), см. Yoshida 2000: 118 (с китайским переводом и комментарием).

сание *rtu βy* (вместо более частого *rtβy* ‘и, господин’) встречается в согдийском, в том числе в мугских документах А-9, А-14, и др. В *mn*’, косв. падеж местоимения I Sg., конечный алеф сильнее наклонен вниз, чем в *tw*’ строкой выше, хотя такое написание и встречается в мугских документах (Б-19, Nov.-6) (см. теперь Исхаков 2008: табл. LXIII, LXXV). *γwtskwn* – III Sg. продолженного презенса (с частицей *skwn*) от глагола *γ(’)w* ‘быть нужным’, который согласуется с логическим объектом. *x’š(y) kβš* – бессоюзный бином ‘одежда (и) обувь’ (ср. *βyrt pr’yup* в документах 2 и 3). *x’š* отмечается только во множественном числе, *x’št*, Obl. pl. *x’šty. kβš-*, согд. хр. *qfš-* ‘обувь’ отмечается довольно часто, преимущественно во множественном числе. Слово относится к «легким» основам, требующим суффикса (асс. *qfšw*, abl. *kβš’*, ном. pl. *kβšth*), написание его без суффикса является приметой позднего текста. Однако конечный йод в *x’šy* также требует объяснения: особенность бинома? Или косвенный падеж для выражения, значащего «тряпичная обувь»?

Строки 7–8 выражают просьбу автора о предоставлении недостающего: *rtβy tyw w’β krcnwxt pr(m)-’y pr’yšt kus x’(š)y (kβš). w’β* ‘скажи’ и *prm’y* ‘прикажи’ выступают в повелительном наклонении, *pr’yšt* тут является «инфинитивом прошедшего времени», часто сочетающимся с глаголом *prm’y*. Инфинитив прошедшего времени у «тяжелых» основ имеет суффикс *-t*, как с конечным йод-ом, так и без него¹². Следующее за *w’β* слово допускает разные чтения (*krcnwxt*, *kym’pšt*, *k(δ)mnp’nt* и т. д.), возможно, тут представлен исполнитель, который должен доставить обувь «охраннику построек». Предложить этимологию этого имени собственного (?) я не могу.

Иную трактовку этого пассажа предлагает Ютака Ёсида. По его мнению *w’β* – наречие ‘настолько’ (так же Симс-Уильямс в письме), а следующее за ним слово *kus’w’nt* ‘обладающий *kus* (последнее неясно)’. Предлагается перевод ‘You (who are) so rich ([in] ?), please (= *prm’y*) send (me)...’

Слова за *pr’yšt* читаются очень плохо. За ним идет *kus* (или *krs?*, едва ли *kβš*¹³, *kym*, *kry*), и следующее *x’šy* также весьма

¹² Ср. Муг, В-9, 9: *mrts’r prm’y pryšty* ‘прикажи сюда прислать’ (Лившиц 2008: 184); Yoshida 1979: 182 и сл.

¹³ Ёсида в письме: ‘anticipation of *kβš?*’. Якубович в письме: «нельзя ли понять *kus* как ‘сюда’ < **kntrs’r*, ср. *cys*’ < *cntrs’r*».

сомнительно, третья буква больше похожа на *s*. Читать *xnsy* от *xns* ‘крепкий’¹⁴? В конце виден верх от *kβš* ‘обувь’.

2. Половина рассеченной надвое палочки, обструганной на конус с одного конца, 245 X 12 X 20 мм., пять строк, из них четыре (четвертая короткая) на выпуклой сторона, а пятая – на резе (илл. 6). Возможно, в конце второй строки имеется утрата одного слова, либо эта строка на 2,5 см. короче соседних (чтение документа не требует признания тут какой-то лакуны); в остальном документ целый. По содержанию он очень близок документу 3, и сопоставление этих двух текстов позволяет объяснить темные места в обоих.

Илл. 6. Документ 2

1. *ZKn (x)wβw z-'k'nywn(y) 20+10 srδy xwβw '('z)*
Правителя Закангуна 30 лет правителя есть
2. *m'xy ''p-'nc mnspt rwc βyrt pr(yr)*
Восьмой месяц, 29-й день. Получил –унес
3. *nny-t't cnp w'ty(β)c ryp-w'n 10+3+3 tsw*
Нанедад от Репуана из Вадифа 16 тасуджей
4. *nm'δkyh pr судк-ук*
соли в чилекских (?)
5. *t(sw) rty npxš-ty nny-t'(t)ο*
тасуджах. И написал Нанедад *Z*

¹⁴ Ёсида предлагает *xnsy* вместо *x'šy* в обоих случаях.

Комментарий.

Строка 1–2 является формулой датировки – непременно атрибутом согдийского хозяйственного документа. В начале указывается год правления правителя, потом название месяца и дня по согдийском варианту младоавестийского календаря. В данном случае документ составлен в 29-й день – день ‘бес- смертных святых’ – амэшаспентов (*mrsṣnt rwc*, *ṣṣnt rwc* (Муг, А-12, III/2, см. Фрейман 1962: 54), *mṣṣnd rwc* в манихейских текстах) восьмого месяца – месяца божества вод Абана (’*p’nc*, ’*b’nc*, ’*p’nz* в манихейских сочинениях, ’*p’nc* в документе из Чильхуджры – Лившиц 2003: 77–88; Лившиц 2008: 283–297). В VIII–IX вв. восьмой месяц согдийского календаря приходился на январь – февраль. В мугских документах названию дня (заканчивающемуся на заимствованное из ахеменидского календаря *rwc* ‘день’) предшествует согдийское *tud* ‘день’, но не в нашем случае (как и не в случае документа из Чильхуджры). Косвенный падеж в *srḍu*¹⁵ и *m’xu* формулы датировки также имеет параллели только в чильхуджринском документе. Имя правителя выписано нечетко и читается с той или иной надежностью только при сопоставлении двух документов. Первые две буквы бесспорны, за ними – *k* или *r*, две «короткие» буквы, далее *x*, *γ* или *ǰ*, *w*, короткая буква и конечный *y* характерной формы. Предлагаемое чтение *z’k’nywn-* (с флексией косвенного падежа единственного числа тяжелых основ -*y*) этимологизируется как «подобный ребенку», с согд. *z’k* ‘ребенок’ в первой части и *’nywn* ‘подобный’ во второй, ср, напр. *βy’n ’nywn* ‘подобный богам’. Наиболее близко тут имя *ḍywtynwncḥ* из мугского брачного контракта, которое интерпретируется как «подобная дочери»¹⁶. Такие имена, возможно, могли даваться при усыновлении и удочерении (Дгутгончу замуж выдавал ее опекун). Можно предположить, что Закангун правил в Мартшкате, причем правил не менее 31 года, его имя в иных источниках, насколько могу судить, отсутствует. Необычно повторение

¹⁵ Ёсида (в письме) предполагает, что тут *srḍu* является исправлением из *srḍ’z*, Десмонд Дуркин-Майстерэрнст (также в письме) предлагает транслитерировать *srḍ’y*. Так же Николас Симс-Уильямс, который предлагает и транслитерацию имени правителя как *z-’k’nywn’y*.

¹⁶ Lurje 2010: No. 423, с литературой. Такое объяснение имени принадлежит И. С. Якубовичу (Yakubovich 2006: 317–318).

слова *хwβw* ‘правитель’ в датировке. Ср. двойное употребление слова *βуу* ‘господин в формуле адресования письма 1’.

βурт прур – выражение, состоящее из глаголов *βур* ‘получить’ и *прур* ‘увести’ (здесь, очевидно, ‘унести’¹⁷). Первое из них часто встречается в расписках (наряду с *'s* ‘взять’), в формах имперфекта 1 лица Sg. *βурw* ‘я получил’ или 3 Sg. *βур*. Форма *βурт* может быть инфинитивом, причастием прошедшего времени, 3 л. ед. ч. имперфекта реликтового медиального залога, 3 л. ед. ч. презенса или 3 л. непереходного перфекта. Она выступает в качестве основного глагола расписки в согдийском документе из Чильхуджры, где также расположена после даты непосредственно перед именем получателя¹⁸. В недавно открытых согдийских документах из Хотана *βурт* толкуется как 3 л. ед. ч. непереходного претерита (в иной терминологии, перфекта) и переводится как ‘received’ (Bi Bo, Sims-Williams 2010: 499 ff.). Второй глагол, без суффиксов, может быть либо 3 Sg. имперфекта, либо, что менее вероятно, императивом ед. ч.

Бессоюзный парный глагол – явление, насколько могу судить, исключительное для согдийского. Глаголы могут повторяться только через союз, как в мугской расписке Б-20: *βур ZY pty[cx]š* ‘получил и принял’ (Боголюбов, Смирнова 1963: 66). Вместе с тем, такие двойные глаголы хорошо известны в тюркских языках, в современных иранских, в том числе в таджикском и ягнобском. При этом в ягнобском в парных глаголах второй находится в т.н. «зависимой парадигме», с сокращенным (или вовсе отсутствующим) личным суффиксом (Хромов 1972: 41–42). В северных говорах таджикского понятие «унес» выражается через *гирифта бурд*, букв. ‘взяв (причастие прош. вр.) унес (прош. вр.)’, которое калькирует узбекское *олип кетди*, букв. ‘взяв ушел’. Можно предположить, что в данном тексте мы видим некое подобие этой конструкции в согдийском, где *βурт* выступает как перфектное причастие или медиальный имперфект, а *прур* – как имперфект.

¹⁷ Ср. хотано-сакское *prev* ‘to obtain’, бактрийское *пароиаβуо* ‘disposable’, мунджанское *purōv-/purvī* ‘to find, obtain’, cf. Cheung 2007: 162. В согдийском пока представлено только с одушевленными объектами.

¹⁸ Лившиц 2003: 80; переводится ‘получил’; также в плохо сохранившемся документе 2 из Чильхуджры (цит. соч., с. 88).

Наконец, можно читать вместо *pryp pruw*. Это слово можно сравнивать с *pruw* в христианском согдийском, что является сочетанием предлога *pr* и косвенной формы местоимения 3 лица. *βyrt pruw* значило бы что-то типа ‘получил к себе’ (ср. христ. согд. *pcprty pruw by'nyq šyr'qty* ‘divine grace rests upon him’¹⁹).

nnyt't – получатель товара и автор в обеих расписках. В начале имени легко распознается согд. *nny*, Нанайа, самая популярная богиня согдийского пантеона, которая формирует множество собственных имен. Вторая часть имени менее ясна, хотя буквы читаются надежно. Отмечено согдийское имя *t'tc*, родственное хорезмийскому *t'tk*, бактрийскому *Tato*, однако его объяснение через «детское» слово **tāta-* ‘отец, тятя’ (Lurje 2010: # 1219) едва ли позволяет видеть его в композитном имени с теонимом в начале. Иначе, в конце можно предположить запись средствами согдийского письма средне- или новоперсидского *dād* ‘данный’ (др.-ир. **dāta-*, характерно для собственных имен). В согдийском смычное *lɖl* (отличное от щелевого */ɖ/*) часто выписывалось через *<t>*, как в *t'dyst'n* ‘суд’ из среднеперсидского *dādīstān*. По-видимому, в среднеперсидском и ранненовоперсидском срединное *d* имело щелевую артикуляцию [*ɖ*], однако во многих случаях эта тенденция не проявляется (Lazard 1963: 143–144). Ср. и.с. *nnyδ(')t* в «Старых письмах» (позднее, причастие *δ't* в согдийском вышло из употребления). Ср. также имя *βmwt't* (этимология неизвестна) в согдийском документе из Хотана (Bi Bo, Sims-Williams 2010: 499).

Следующий за именем получателя предлог *sn* ‘из, от’ может указывать как на лицо, передавшее соль, так и место, откуда она была взята. Слово *w'tyβc* (или *w'tyyc*) является прилагательным от топонима *w'tyβ-*. В последнем мы видим современный *Водиф*, третий с востока кишлак Матчи по правому берегу реки, в 40 км напрямую от Хисорака. В первой части топонима – согд. *w't* ‘ветер’, во второй – характерный для

¹⁹ Sims-Williams 1985: 61R 22–23. Ютака Ёсида (в письме) предлагает понимать тут *pruw* как прилагательное ‘дорогой’, весьма частое в согдийских текстах, однако синтаксически я ему тут места не вижу. Он полагает, что в текстах из Хисорака конечный *vav* имеет короткий «хвост», а у *nə* «хвост» длиннее, однако ограниченность материала, как кажется, не может быть основой для такого умозаключения. Симс-Уильямс (в письме) предлагает *pr'w* ‘затем’.

иранской топонимии Памира и Алайской системы (а отчасти и Согда) суффикс *-iv* (Хромов 1968). За ним может стоять имя или какой-то тип хозяйственной единицы, читается он как *gyp-w'n*, или *šp-wx*, *xp-wš*, вряд ли *guy-y'n* (отмеченное в мугских документах имя собственное, букв. 'милость (бога богатства) Реуа' или ''рwx 'наилучший из вод (божество и день месяца)', ср. и.с. ''рwxу'n). Или в начале идеограмма RYPW = согд. *βrywr* 'тьма, 10 000'? Расположение имени после указания на его происхождение (т. н. *нисбы*) редко, хотя такой порядок приведен в Турфанском документе о продаже рабыни (Yoshida, Moriyasu 1988: б) (вслед за китайской моделью расположения личного имени после кланового)? Ютака Ёсида (в письме) предлагает читать *gypwx* и сравнивать с согд. 'rp(')wx 'great(ly) experienced, well versed' (О значении слова см. Yoshida 1996: 170. Здесь как имя собственное или прозвище?).

Далее указан объект передачи: 16 тасуджей соли. Согд. *nm'δkh* 'соль', отмечено один раз само по себе и один раз в имени *nm'δk'unch* 'соленая'. Здесь конечный *h* указывает на женский род слова, а йод перед ним – примета нумеративной формы существительных, в согд. это *-u* в именах ж.р. «легкой» (и иногда «тяжелой») основы (Sims-Williams 1979: 341–342), в ягнобском – конечное безударное *-i/-e* при всех существительных, оканчивающихся на согласный²⁰; ср. *ууу* в док. 3 и 4. Слово *tsw*²¹ встречается в согдийском впервые, хотя его наличие было «предугадано» Вальтером Бруно Хеннингом: в манихейском среднеперсидско-согдийском глоссарии среднеперсидскому *tsw(q'n)* (plur.) соответствует начальное согдийское *tʃ*, которое было предложено восстанавливать как *tʃswyt* (Henning

²⁰ В грамматиках не описано. Ср. примеры под числительными в словаре к Андреев, Пещерева 1957.

²¹ Ёсида (в письме) предлагает вместо этого слова, а также вместо *tpc* документов 3 и 4, читать *tsn* или *tsk*. Последнее он сравнивает с *c(tβ'r)* *tsk* 'четыре т.' во фрагментарном мугском документе Б23, изданном только в фотографии (Документы 1962: XLVIII). Мне кажется, что в нем также можно читать *ts(w)*. Замечу попутно, что в этом документе хорошо видно имя собственное *tymšyr*, которое задокументировано в документах Б1, Б9, Б14 (Lurje 2010: #1280, 81). То же чтение *tsk* предлагает в обоих случаях Симс-Уильямс, и сопоставляет его с *таско* бактрийских документов, мерой зерна и вина. Этимологически эта мера также выводится из древнеперсидского **taçuka-* (Sims-Williams 2007: 269).

1940: 24–25). Хеннинг в комментарии к этому тексту привел *tsw* в раннем уйгурском тексте, как заимствование из среднеперсидского *tasūg* ‘четверть’ (ср. также Yoshida 1988: 168). Этот же термин был заимствован в сирийский как *tasūgā*, в арабском – *tas(s)ūj*, в новоперсидском развился в *tasū*. Согдийская форма исследуемого документа (как и уйгурская) соответствует на первый взгляд новоперсидской, однако можно предположить и заимствование из языка более раннего периода: в согдийской записи западноиранских манихейских гимнов конечный *-g* после долгих гласных выпадал, как среднеперсидское *nwg* ‘новый’ выписывалось как *nww*, *qnyg* ‘дева’ – как *kny*, *pw’g* ‘чистый’ – *pw*’ (Durkin-Meisterernst 2004 s. vv). Этимологически *tasū(g)* демонстрирует юго-западноиранское развитие: др.-ир. **čaθruka-* дало **časuk*, вследствие диссимиляции *č* перешло в *t* (как в манихейском среднеперсидском *tis* ‘нечто’ < *čišči*) (Nyberg 1964, II: 192), *-u-* перед конечным озвонченным *-g* удлинилось (Korn 2009: 197–213).

Что же до реального значения меры *tasū(g)*, то тут из средневековых текстов можно почерпнуть самую разнообразную информацию. В сирийском *tswg*’ означает какую-то монету²², у арабов *тасудж* – это четверть *дāнақа* – в свою очередь, шестой части *мисқāля*; таким образом, это меньше двух десятых грамма (Хинц 1970: 40), что в данном контексте явно не подходит. В Хорезме XIV в. тасудж был четвертью дирхама, т.е. 0,78 грамма (Давидович 1970: 104), что тоже ничтожно мало. Персидские толковые словари дают указание на 24-ю часть любой единицы: суток (тут *тасу* равно одному часу), *газ-а* (шага) и меры веса *сīра*²³. При *сīре* в 750 гр. (как в Иране) (Хинц 1970: 39), тасудж оказывается около 30 гр., при крупном *сīре* (сороковой части крупного *манна*) в Средней Азии в 10-18 кг (Давидович 1970: 103), *тасу* находится в пределах 0,4 – 0,75 кг, а зафиксированный объем соли в документе – 6,5 – 12 кг. М. С. Андреев сообщал, что на один дом в Ягнобе закупалось около 3 пудов (ок. 50 кг) соли в год (Андреев 1970: 88). Соль не добывается в горах Ягноба и Матчи, и ее ввозили, это был один из самых необходимых импортов в натуральном хозяйстве

²² «Numus quidam», Payne Smith 1879 vol. I: 1491; также переводил среднеперсидское *tswq* Хеннинг.

²³ См. сводку в *Luyatnāma-i Dehjudā* (в Интернете по адресу <http://www.loghatnaameh.org/>), под словом *تسو*.

горцев. В Ягноб соль поступала из Гиссара (Душанбе) и копей в районе Нурека (на Вахше). Кроме того, соляные копи были в северо-западной Фергане (Хаджистане – вероятно, самый близкий к Матче источник соли), Каракуле ниже Бухары (Массон 1953: 65, 30–31, 55); особенно ценилась красная соль, добывавшаяся в горах около Кеша – Шахрисябза, которая многократно упомянута в нарративных источниках и разрабатывалась кустарным способом до середины XX в. (Пругер, Дресвянская, 1989: 52–56).

Предлог *pr* в согдийских документах обычно сопровождает стоимость в сделке, «за», однако *tsw* в последней строке документа (не вызывающее сомнений, хотя и потертое) заставляет вспомнить о выражении *460 kpc 'rt'kw pr mrtš'kw kpcw* ‘460 кафчей муки мартшакскими кафчами’ в мугском договоре об аренде мельниц (Муг, В-4, 14–15, Лившиц 2008: 62–69; ср. Лурье 2011 насчет *mrtš'kw*). В этом случае слово посередине значит какой-то атрибутив к тасуджам. Тут можно видеть либо расплывчато написанное *(n)m(')dk-uk* ‘соляной’, либо прилагательное от топонима. В этом случае можно читать *судк-ук* и вспомнить о *Чилек-е*, достаточно крупном городище согдийского времени в 50 км. к северо-западу от Самарканда, на котором были найдены серебряные чаши (Маршак, Крикис 1969)²⁴. Еще один вариант – видеть в *судк-ук* прилагательное от среднеперсидского *čehel*, новоперсидского *či(hi)l* ‘40’, *čilla* ‘40 дней’. Возможно и *c'dr-uk* ‘нижний’.

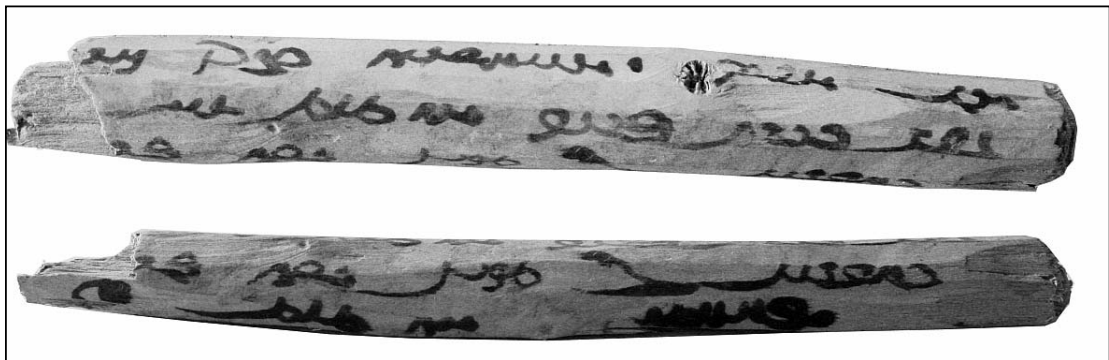
Последняя фраза документа – стандартная: «и написал такой-то» (часто «написал такой-то по приказу такого-то»). Поскольку Нанедад, автор расписки, сам был грамотным, в чьей-либо помощи в написании документа он не нуждался. Последний знак текста, напоминающий басовый ключ (он же, несколько менее аккуратно написанный, завершает документ 3) можно было бы признать за роспись Нанедада или его тамгу. Однако таким же знаком заканчивается документ из Чильхунджры, написанный Гушнаспичем по приказу Парнанч (Лившиц 2003: 80; Lurje 2010: # 900), и договор о продаже рабыни²⁵,

²⁴ Впрочем, топоним Чилек в средневековых текстах не упоминается. Этимологически, это узб. *чиллак* ‘ведро’ (переосмысление старого названия?).

²⁵ Yoshida, Moriyasu: 1988. На эту аналогию мне любезно указал Десмонд Дуркин-Майстерэрнст.

записанный старшим писцом Чинанчката Патормом.. Тот же знак стоит после первой фразы мугского текста Б2 (Документы 1962: ХХХа; Фрейман 1962: 76). Таким образом, правильнее думать, наверное, о специальном знаке, закрывающем документ с тем, чтобы к нему ничего нельзя было приписать. Современные отечественные канцеляристы с этой целью используют перечеркнутое Z во все оставшееся свободным поле документа.

3. Фрагмент рассеченной палки, обструганной с одной стороны, 145 X 17 X 10 см., 4 строки, все на внешней стороне (илл. 7). Конец строк (около 4 слов в строке, почти половина строки) утрачен, однако многое можно реконструировать по аналогии с документом 2.

Илл. 7. Документ 3

1. $ZKn\ x(w\beta w)\ z-'k'n(\gamma)wny\ 20+10+1\ sr[\delta y\ ''z\ m'xy\ ?\ ?-]$
Правителя Закангуна 31 год, [месяц – ?, день – ?]
2. $rwc\ \beta yr(t)\ pryp\ nny-t't\ cnn\ [$
роч. Получил-унес Нанедад от/из
3. $\beta ywc'n\ 10\ tpc\ ywy\ pr\ [?\text{-}k\ tpc?\ rty?$
Вагучана 10 сосудов ячменя [?-скими сосудами и]
4. $npx\check{s}ty\ nny-t't\ o$
Написал Нанедад Z

Комментарий:

Строки 1 и 2 соответствуют документу 2, хотя этот текст был написан в следующем году правления Закангуна (не менее чем на 126 дней позднее, название дня и месяца в документе не сохранилось). Обращает на себя внимание нижний завиток строки за γ в имени правителя, как будто автор документа хотел написать конечную форму γ , но затем продлил слово. Лицо (или

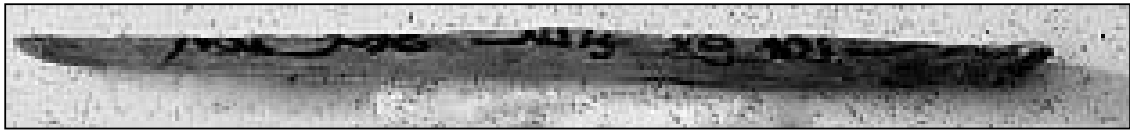
место), от которого Нанедад получил продукт, утрачено, хотя слово *βγwc'n* (*uxwscnn*, *βšpc'h?*) в третьей строке может замыкать клаузу о поставщике. Ср. *βγ'usc* в Старом Письме 4, которое можно истолковывать как имя собственное 'уповающий на бога' (др.-ир. **bagaya-canah-*, в нашем случае скорее **bagam-canah-*). Чтение *βšpc'n* могло бы указывать на кишлак *Вишан* на северном берегу Матчи где-то в 70 км. к западу от Хисорака (уже в районе Айни, историческом Паргаре), однако он, по-видимому, отмечен в прилагательном *wušpsh* в мугском документе А-5 (Боголюбов, Смирнова 1963: 108), а *w* и *β* указывают на разные звуки (которые в субстратных словах и топонимах в таджикском языке слились в *v*).

ууу – согд. *uw-*, древнеиранское **uawa-*, таджикское *чав* 'ячмень', встречается в мугском документе Б-10, Б-20 (Боголюбов, Смирнова 1963: 34, 65–66; Лившиц 2008: 140, прим. 236), манихейском фрагменте М746с 13²⁶, двух надписях на хумах из Пенджикента (Лурье 2008: δ2, δ14). Он выступает как легкая основа мужского рода (в мугских документах в нумеративе *uw'*), для конечного *u* ср. *nm'dkuh* в док. 2. Ячмень являлся важнейшей культурой, которая произрастала в горной части Зеравшанской долины, в старину (до внедрения современной хладостойкой пшеницы) ячмень был главным злаком. *tpc*²⁷ является мерой веса или объема ячменя (в мугских документах ячмень исчисляется в единице *рднуh* = новоперсидское *palanj*, в надписи из Пенджикента – в *kpc*, кафизах). Его можно понимать как гипокористик (с суффиксом *-c*) от *tp-* 'сосуд, посудина', номинатив *tpu*, который отмечен в христианском согдийском в выражении *rwynu tpu*: 'jar of oil' (Sims-Williams 1985: *94V21: 169–170). *tpu* соответствует *qrn'* 'рог' сирийского перевода Эваргия Понтика. Контекст, по мысли издателя, может также указывать на перевод 'jar, pitcher'; дается указание И. Гершевича на сопоставление с персидским *āftāba* 'кувшин для воды' (Sims-Williams 1985: *94V21: 169–170). Вероятно, ближе может стоять таджикское диалектное *табанч*, ягнобское *tibángča* 'деревянная посуда для масла' (Андреев, Пещерева 1957: 334).

²⁶ Gershevith 1954: § 519, 1183. Фото документа см. по адресу www.bbaw.de/forschung/turfanforschung/dta/m/images/m0746ad_seite2.jpg.

²⁷ В свете предложений, изложенных в прим. 52, правильно, наверное, отказаться от чтения *tpc* в пользу *tsk* 'тассудж'.

Крупный фрагмент палки, 180 X 12 X 3 мм, одна строка, верх которой обломан, а начало не сохранилось (илл. 8):

Илл. 8. Документ 4

[*tp*](*c*) *уwy pr mz-y(x) (tp)c nβy*

[какое-то количество] сосудов²⁸ ячменя в больших сосудах, хорошего качества

В этом документе многое восстанавливается по аналогии с док. 3, также распиской в получении ячменя (который исчисляется в *tpc*-ах), и документе 2, где упомянут счет в «чилекских (?) тассуджах». Наше чтение *mz-yx* ‘большой, крупный’ (такая форма конечного *x* с длинным хвостом налево возможна в согдийском, но в других документах с Хисорака конечное *x* не встречено²⁹), возможно чтение *mrykk* (или *my-βyk*, *mz-βrk*), которое могло бы указывать на топоним, который, впрочем, нам неизвестен (едва ли Мерв, согд. *mrv*). Ёсида (в письме) в качестве альтернативы предлагает читать *my(δ)'kk* ‘средний’. Конечное *nβy* (ср. написание *rtβy* в док. 1, 7) соответствует согд. *nβy-*, *nywβ-*, *nyβ-* ‘великолепный, тонкий’, часто в паре с *p'r'γz* ‘великолепный’, *py'stk* ‘украшенный’³⁰. Насколько могу судить, оно встречается только в буддийских текстах, и относится к прилагательным с «легкими» основами, так что не встречается без падежного суффикса (им. -*y*, вин. -*w*). Написание его без гласного окончания указывает на позднюю дату текста, на сходство с именной флексией современного ягнобского языка.

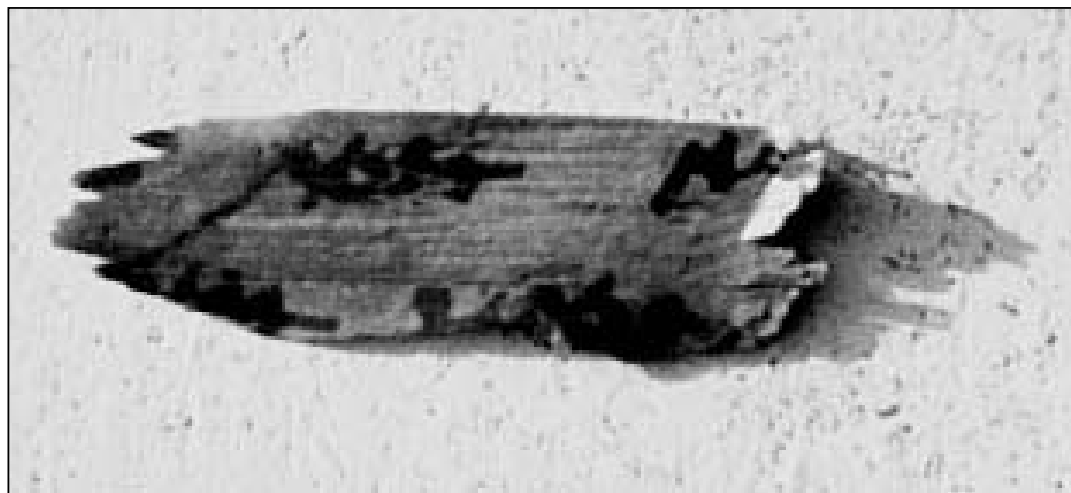
4. Щепка от выпуклой поверхности палки, 55 X 15 X 0,5 мм (илл. 9). Сохранились отдельные знаки и слова от двух строк: 1.](*●*)*y c-yty (●)*[2.] *ct(β'r) m'n*[. В этом тексте надежно читается только *ctβ'r* ‘четыре’. Последняя буква первого слова может быть также *ǰ*, во втором слове вторая буква может быть *r* или *k*, последняя может быть *n* или *алефом*. Согд. *cytk*, *cyty* ‘дух,

²⁸ Ср. прим. 27.

²⁹ Встречается в ряде документов с горы Муг; очень похожая форма в азбуке из Пенджикента. См. теперь Исхаков 2008: табл. XXIII и сл.

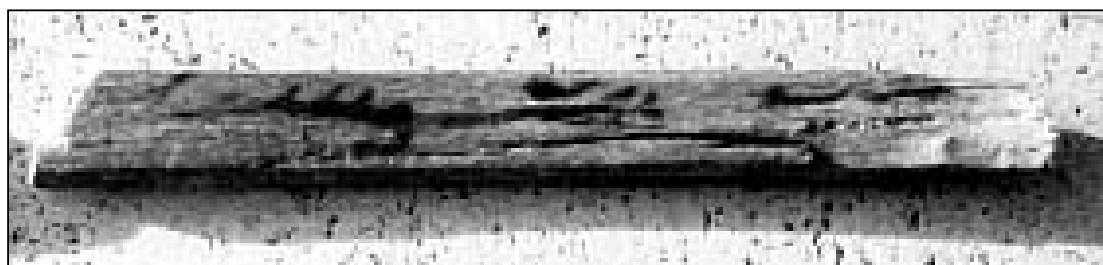
³⁰ Н. Симс-Уильямс (в письме) предлагает читать тут *ry* союз ‘и’.

демон' в данном контексте видеть странно. В согдийском «Старом письме» 2, R54, встречается *cyty* 'from you' (Sims-Williams 2001: 278), однако этот текст 312 г. н.э. не менее чем на четыре столетия отстоит от нашего документа, и имеет в грамматике ряд отличий от более позднего «стандартного» согдийского (в том числе в образовании местоименных энклитик). Ютака Ёсида (в письме) предлагает читать *mrtu* 'человек' как второе слово в обеих строках, Н. Симс-Уильямс в первой строке видит написание *mytš / mytc*.

Илл. 9. Документ 5

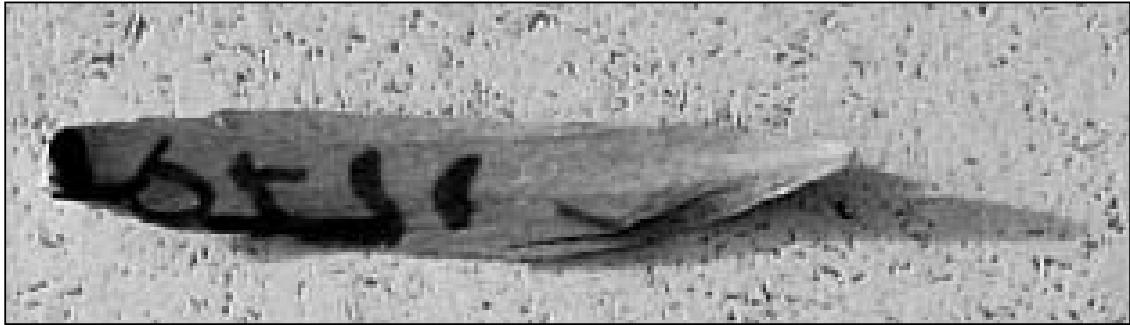
5. Щепка от палки, 73 X 8 X 4 мм (илл. 10). Текст сохранился плохо, фрагменты двух слов: $J(\bullet) 'nc\ mn'(h)[$. Последнее слово можно понимать как местоимение *mn'* (встречается и написание *mn'h*) 'мой', либо как *m'nh* 'ум, мысль', либо даже как *m'x* 'луна', 'мы', 'месяц'. В этом случае предшествующее *'nc* можно понять как окончание название месяца, такого как *βyk'nc*, *ps'k'nc*, *'p'nc* в док 2.

Илл. 10. Документ 6

6. Щепка от выпуклой поверхности палки, 47 X 8 мм. (илл. 11), сохранилось одно слово (вероятно, начало слова): $J 'ust(y?)[$. Можно понимать написанное как косвенный падеж

множественного числа (суффикс *-tu*) от согдийского *'udc*, более позднее *'uc* 'что-то', в мугских документах *''uc*. Форма алефа (или *z*, *l* ?) и йода (*r*, *'*, едва ли β) выглядит спорной, следующие за ними *s* и *t* сомнению не подлежат. Ёсида (в письме) транслитерирует *z-uct(δ)*.

Илл. 11. Документ 7

В данном сообщении мы почти не касались вопроса о дате документов и их положении среди прочих согдийских текстов. По ряду признаков, в первую очередь связанных с форматом и формулировкой текстов, он оказывается близким документу из раскопок замка Чильхуджра недалеко от Шахристана в северном Таджикистане. Это и форма рассеченной и обструганной с концов палки³¹, и косвенный падеж *srδu* и *m'xu* в формуле датировки, и формулировка с использованием глагола *βyrt*, и знак окончания текста в виде «басового ключа». Много сходств и в почерке документов, особенно в тяжелом, из трех штрихов, конечном йоте.

Другие особенности указывают на близость документа современному ягнобскому языку, потому что близкого к согдийскому диалекта. Это утрата склонения по типа «легкой» основы (*kβš* в док. 1, *nβy* в док. 4, ожидалась бы легкая основа и в *tpc*), генерализация суффикса *-y* как маркера косвенного падежа (безударное *-i*, *-e* в ягнобском): в формуле датировки, в выражениях *knδu prδusp'n* и *x'syu kβš* (?) в док. 1, и нумератив на *-y* в *uwu*, *nm'δkyh*. Тяготеют к современным языкам региона и бессоюзные гендиады: *βyrt pryp*, *βyw xwβw βyw xурδ'wnt*, *x'syu kβš* (?). Возможно, заимствованы из новоперсидского имя *nnyut't* и мера *tsw*.

³¹ Впрочем, шахристанский документ написан на рассеченной с обеих сторон щепе. Его можно видеть на экспозиции в Национальном музее древностей в Душанбе.

Документ из Чильхуджры датирован 30 годом правителя (*xwβw*) по имени *swuws*. В этом имени В. А. Лившиц видит местную форму имени Кавуса (др.-ир. **Kavi Usan-*). Действительно, *афшиин* (такой титул носили правители Уструшаны, области к северо-востоку от Согда, согласно арабским источникам) *Kāwus* упоминается под 822 г. как правитель, который был вынужден признать сюзеренитет арабов и принять ислам (Лившиц 2003: 83–84). Надо заметить, что связь имени *swuws* с *Kāwis* небесспорна, и что ныне найдено регулярное согдийское отражение этого древнеиранского имени: *(k)[']ws MLK'*; Ёсида отказывается видеть в *sw'ws* (так он читает имя из документа) отражение *Кавус*-а (Yoshida, forthcoming, line 9).

В любом случае, нужно принять во внимание и «археологическую» дату Чильхуджры, двухэтажного замка, расположенного в 2,5 км к югу от Шахристана, где расположен памятник Калаи Кахкаха, столица уструшанских афшинов, сразу к северу за перевалом, отделяющим верховья Зеравшана от бассейна Сырдарьи. Замок пережил несколько перестроек, в третью фазу возведен второй этаж, где и были найдены три документа (два из них обгорели и слабо читаются). Он продолжал существовать до большого пожара (пятый этап). Третий этап жизни замка датируется VII – нач. VIII вв., а большой пожар связывается с арабским походом в Уструшану в 822 г. (Пулатов 1975: 163).

Абсолютная датировка Хисорака пока остается открытой темой. На городище была найдена одна монета – уструшанский чекан, относящийся к VII–VIII вв., в расположенном у его подножия захоронении – арабский дирхем 714–15 гг. н. э. Керамический комплекс, особенно крупные формы с защипами по низу венчика, указывает на параллели в шахристанской группе памятников, которая датируется VIII–IX вв. – в Пенджикенте они в ограниченном количестве появляются в самых поздних слоях после 750-х гг. Деревянное убранство «Цитадели 1» находит наиболее близкие аналогии, опять же, в Шахристане; можно даже думать, что резчик Хисорака копировал (насколько ему позволяли умения) Шахристанские, Кахкахинские прототипы конца VIII – начала IX вв. Кажется возможным относить наши документы к концу VIII – началу IX вв., однако только дальнейшие раскопки смогут дать более точную и основательную датировку, как и другие исправления к чтению документов, представленному выше.

Литература

- Андреев 1970 – Андреев М. С. Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, 1970.
- Андреев, Пещерева 1957 – Андреев М. С., Пещерева Е. М. Ягнобские тексты. С приложением ягнобско-русского словаря, составленного М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик, М.; Л., 1957.
- Боголюбов, Смирнова 1963 – Боголюбов М. Н., Смирнова О. И. Согдийские документы с горы Муг. Вып. III. Хозяйственные документы, М., 1963.
- Давидович 1970 – Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии, приложение к Хинц, 1970.
- Документы – Документы с горы Муг. Фотоальбом. М., 1962
- Исхаков 2008 – Исхаков М. М. Центральная Азия в системе мировой письменной культуры. Ташкент, 2008.
- Лившиц 1984 – Лившиц В. А. Документы // Ю. А. Рапопорт, Е. Е. Неразик (ред.), Топрак-кала. Дворец (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, XIV) М., 1984. С. 251–286.
- Лившиц 2003 – Лившиц В. А. Согдийские документы из замка Чильхуджра // Scripta Gregoriana, Сборник в честь семидесятилетия академика Г. М. Бонгард-Левина. М., 2003. С. 77–88.
- Лившиц 2008 – Лившиц В. А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб., 2008.
- Лурье 2004 – Лурье П. Б. Историко-лингвистический анализ согдийской топонимии. КД. СПб, 2004 (http://orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_personalities&Itemid=74&person=582).
- Лурье 2008 – Лурье П. Б. К чтениям согдийских надписей, открытых в Пенджикенте // Рахмат-наме, сборник статей в честь 70-летия Р. Р. Рахимова. СПб., 2008. С. 213–225.
- Лурье 2011 – Лурье П. Б. Мартшкат в согдийских документах с горы Муг // МПАЭ. Вып. XIII. СПб, 2011. С. 45–47.
- Маршак, Крикис 1969 – Маршак Б. И., Крикис Я. К. Чилекские чаши // ТГЭ, X, 1969. С. 55–80.
- Массон 1953 – Массон М. Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953.
- Пругер, Дресвянская 1989 – Пругер Е. Б., Дресвянская Г. Я. Соль Кеша // Вехи времен. Альманах. Ташкент, 1989. С. 52–56.
- Пулатов 1975 – Пулатов У. П. Чильхуджра. Душанбе, 1975.
- Семенов 1996 – Семенов Г. Л. Согдийская фортификация V–VIII вв. СПб., 1996.
- Смирнова 1953 – Смирнова О. И. Археологические разведки в верховьях Зеравшана в 1948 г. // Труды Таджикской археологической экспедиции, том II (Материалы и исследования по археологии СССР, № 37), М.; Л., 1953. С. 165–188.
- Смирнова 1960 – Смирнова О. И. Карта верховий Зеравшана по мугским документам. М., 1960.
- Ставиский, Якубов, Гарифуллина, Давутов 2000 – Ставиский Б. Я., Якубов Ю. Я., Гарифуллина З. А., Давутов Д. Д. Отчет о раскопках российско-таджикской археологической экспедиции (РТАЭ) на верхнем Зеравшане в 1998 году // АРТ, вып. 27. 2000. С. 59–70

- Фрейман 1962 – Фрейман А. А. Согдийские документы с горы Муг, вып. I. Описание, публикации и исследования. М.; Л., 1962.
- Хамиджанова 1973 – [Хамиджанова М. А.] Пища // Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе, 1973. С. 138–181.
- Хинц 1970 – Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970.
- Хромов 1968 – Хромов А. Л. Еще раз о согдийском топоформанте -уβ // Известия Академии Наук Таджикской ССР, № 3 (53), 1968. С. 85–89.
- Хромов 1972 – Хромов А. Л. Ягнобский язык. М, 1972.
- Bartholomae 1920 – Bartholomae Chr. Zur Kenntnis der mitteliranischen Mundarten, III. Heidelberg, 1920.
- Bi Bo, Sims-Williams 2010 – Bi Bo, Sims-Williams N. Sogdian documents from Khotan, I: Four Economic Documents // Journal of the American Oriental Society, 130. 4, 2010. P. 497–508.
- Cheung 2007 – Cheung J. Etymological Dictionary of the Iranian Verb, Leiden-Boston, 2007.
- Durkin-Meisterernst 2004 – Durkin-Meisterernst D. Dictionary of Manichaean Middle Persian and Parthian, Turnhout, 2004.
- Gershevith 1954 – Gershevith I. A grammar of Manichean Sogdian. Oxford, 1954.
- Grenet 2002 – Grenet F. Zoroastre au Badakhshān // St. Ir., 31, 2002. P. 191–214.
- Grenet, de la Vaissière 2002 – Grenet F., de la Vaissière É. The last days of Panjikent // SRAA 8, 2002. P. 155–196.
- Henning 1977 – Henning W. B. Sogdica. London, 1940 (= Henning, Selected Papers, Vol. II (Acta Iranica, 15), Leiden: Téhéran-Liège, 1977. P. 1–68).
- Korn 2009 – Korn A. Lengthening of i and u in Persian // Exegisti monumenta. Festschrift in Honour of Nicholas Sims-Williams (Iranica, 17). Wiesbaden, 2009. P. 197–213.
- Lazard 1963 – Lazard G. La langue des plus anciens monuments de la prose persane. Paris, 1963.
- Lurje 2003 – Lurje P. B. The Element -kaθ/-kand in the place-names of Transoxiana // St. Ir., 32/2, 2003. P. 185–212.
- Lurje 2010 – Lurje P. B. Personal names in Sogdian texts (IPNB, II/8), Vienna, 2010.
- Lurje, in preparation – Lurje P. B. Chorasmian names (IPNB, II/9), in preparation.
- Nyberg 1964 – Nyberg H. S. A manual of Pahlavi, Wiesbaden, 1964.
- Payne Smith 1879–1901 – Payne Smith R. Thesaurus Syriacus, Vol. I–II, Oxford, 1879–1901.
- Provasi 2003 – Provasi E. Sogdian farn // Religious themes and texts of pre-Islamic Iran and Central Asia, Studies in honour of Professor Gherardo Gnoli on the occasion of his 65th birthday on 6th December 2002. Wiesbaden, 2003. P. 305–322.
- Sims-Williams 1979 – Sims-Williams N. On the Plural and Dual in Sogdian // BSOAS, 1979, 42/2. P. 337–346.

- Sims-Williams 1985 – Sims-Williams N. The Christian Sogdian manuscript C2, Berlin, 1985.
- Sims-Williams 1989 – Sims-Williams N. Sogdian // R. Schmitt (ed.), *Compendium linguarum iranicarum*. Wiesbaden, 1989.
- Sims-Williams 1990 – Sims-Williams N. The Sogdian Fragments of Leningrad II: Mani at the Court of Shahanshah // *BAI Bulletin of the Asia Institute*, 4, 1990. P. 281–288.
- Sims-Williams 1991 – Sims-Williams N. A Sogdian greeting // *Corolla Iranica. Papers in honour of Prof. Dr. David Neil MacKenzie on the occasion of his 65th birthday on April, 8th, 1991, Frankfurt am Main etc.*, 1991. P. 176–187
- Sims-Williams 2001 – Sims-Williams N. The Sogdian Ancient Letter II // M. G. Schmidt, W. Bisang (ed.), *Philologia et Linguistica. Historia, Pluralitas, Universitas. Festschrift für Helmut Humbach zum 80. Geburtstag am 4. Dezember 2001*. Trier, 2001. P. 267–280.
- Sims-Williams 2003 – Sims-Williams N. Three notes on Iranian words in Arabic sources // *Silk Road Studies VIII (Iranica Selecta. Studies in honour of Professor Wojciech Skalmowski on the occasion of his seventieth birthday)*. Turnhout, 2003. P. 213–217.
- Sims-Williams 2008 – Sims-Williams N. Bactrian tallies // *Chomolangma, Demawend und Kasbek. Festschrift für Ronald Bielmeier*. Halle (Salle), 2008, II. P. 525–532.
- Sims-Williams, Tucker 2005 – Sims-Williams N., Tucker E. Avestan *huuōišta-* and its cognates // *Indogermanica, Festschrift Gert Klingenschmitt* (hg. G. Schweiger). Tübingen, 2005. P. 587–604.
- Yakubovich 2006 – Yakubovich I., *Marriage Sogdian Style // Iranistik in Europa: gestern, heute, morgen* (hg. H. Eichner et alii). Wien, 2006. P. 307–344.
- Yoshida 1979 – Yoshida Y. On the Sogdian Infinitives // *Journal of the Asian and African Studies* (Tokio). No. 18, 1979. P. 181–195.
- Yoshida 1988 – Yoshida Y. Sogdian miscellany (II) // *Oriente*, 31–2 (1988). P. 165–176 (на японском яз.).
- Yoshida 1996 – Yoshida Y. The Sogdian Dhūta text and its Chinese Original // *BAI*, 10, 1996. P. 167–173.
- Yoshida 2000 – Yoshida Y. Edition of Sogdian texts // Liu Hongliang (ed.). *Studies in the new Manichean texts recovered from Turfan*. Beijing, 2000. P. 3–199.
- Yoshida 2012 – Yoshida Y. Heroes of the Shahnama in a Turfan Sogdian Text: a Sogdian Fragment Found in the Lushun Otani Collection // *Sogdians, their Precursors, Contemporaries, and Heirs. Volume in the memory Of Boris Il'ich Marshak (1933–2006)*, SPb, 2012, forthcoming.
- Yoshida, Moriyasu 1988 – Yoshida Y. Moriyasu T. A Sogdian sale contract of a female slave from the period of the Gaochang kingdom under the rule of Qu clan // *Studies in the Inner Asian Languages*, IV, 1988. P. 1–50.

Список сокращений

АРТ – Археологические работы в Таджикистане. Душанбе
МПАЭ – Материалы Пенджикентской археологической экспедиции СПб.
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа, Ленинград – СПб.
BAI – Bulletin of the Asia Institute, Bloomington
BSOAS – Bulletin of the School of Oriental and African Studies, London.
IPNB – Iranisches Personennamenbuch, Wien.
SRAA – Silk Road Art and Archaeology, Kamakura.
St. Ir. – Studia Iranica. Paris.

P. B. Lurje. Sogdian documents from the early mediaeval Martshkat excavations. Preliminary report.

The paper provides the first edition of the Sogdian documents on wood discovered by the Panjakent archaeological expedition in 2011 at the site of Hisorak (the early mediaeval Martshkat) in the Upper Matcha district in Tajikistan. The largest document of the collection is the letter from “the guard of town buildings” to the elder of Ragh (the present-day Rogh, located 20 miles to the east of Hisorak). It contains a request to supply the sender with garments and shoes (or rag shoes). The next two documents, one of which is complete and the other is only partially preserved, are receipts by certain Nanedad who received 16 tasujs of salt (in one case) and 10 jars of barley (in the other case). The documents are dated to the 30th and 31st years of the rule of certain Zakanhun. The other four documents are more fragmentary. The peculiarities of the language (showing isoglosses with modern Yaghnobi, the descendant of a dialect close to Sogdian), the formulary, and the archaeological context of the find make it possible to provisionally date them to the late 8th – early 9th centuries CE.

Л. В. Луховицкий

Как читали святоотеческий текст в поздней Византии? (Геннадий Схоларий о Псевдо-Феодоре Начертанном)

Резюме. На материале двух кратких сочинений Геннадия Схолария рассматриваются принципы, которыми руководствовались поздневизантийские интеллектуалы при использовании в полемике святоотеческих свидетельств. Анализируя цитаты из Псевдо-Феодора Начертанного и Августина Блаженного, Схоларий развивает предложенный Максимом Исповедником экзегетический принцип, согласно которому любая цитата обретает смысл только в рамках произведения в целом: в зависимости от контекста и исторической ситуации одни и те же формулировки могут иметь разный смысл, но также возможны и контексты, в которых на первый взгляд взаимоисключающие утверждения обозначают одно и то же.

Ключевые слова: поздняя Византия, Геннадий Схоларий, святоотеческие цитаты, экзегеза, богословская полемика, иконоборчество, исихазм; Late Byzantium, Gennadios Scholarios, patristic quotations, exegesis, theological polemics, iconoclasm, hesychasm.

В середине XV в. интенсивные контакты православных и католических богословов, связанные прежде всего (но не исключительно) с подготовкой и проведением Ферраро-Флорентийского собора (1438–1439 гг.), привели к взлету филологической мысли в Византии (Mohler 1923: I, 112–115; Ševčenko 1955/1982: 3–13). Так, известно, что для выявления искажений патристических свидетельств, приводившихся обеими сторонами на Соборе, нередко использовались методы текстологической критики (Медведев 1997: 310–321). В нашем сообщении мы рассмотрим один малоизученный поздневизантийский источник, не имеющий непосредственного отношения к проблематике Собора, но в то же время позволяющий судить о филологических принципах, которыми руководствовались в этот период византийские интеллектуалы при изучении и использовании в полемике святоотеческих творений.

Интересующее нас сочинение принадлежит Геннадию Схоларию, первому патриарху, занявшему Константинопольскому кафедре после падения Византии в 1453 г. (PLP: 27304). Оно имеет следующее надписание: «...к господину Иоанну Васи-

лику, спросившему об изречении блаженного Феодора Начертанного, из-за которого шумят суемудрые акиндинисты» (...πρὸς κῦρ Ἰωάννην τὸν Βασιλικὸν ἐρωτήσαντα περὶ τῆς τοῦ μακαρίου Θεοδώρου τοῦ Γραπτοῦ ῥήσεως, ἀφ' ἧς οἱ ματαιόφρονες Ἀκινδυνισταὶ θορυβοῦσιν) (Scholarios: III, 204–228). Рукопись, по которой оно опубликовано (Coisl. gr. 101), переписана великим экклесиархом Константинопольской церкви Сильвестром Сиропулом в августе 1445 г.

Личность адресата послания остается неизвестной: нет определенности даже с тем, является ли Βασιλικός фамилией, или же речь идет о должности в императорской канцелярии (Scholarios: III, XVII; Tinnefeld 2002: 500). Более поздний список ГИМ № 253 нач. XVI в. (Фонкич, Поляков 1993: 92) содержит в заглавии указание на императора Иоанна «...πρὸς τὸν βασιλέα κῦρ Ἰωάννην» (Владимир, архимандрит 1894: 348). Однако отождествить адресата с Иоанном VIII Палеологом, царствовавшим с 1425 по 1448 г., не позволяет дружеский и покровительственный тон послания, из которого мы, к примеру, узнаем, что Иоанн «хотя и не сумел проявить себя ученым (τῶν ἐπισταμένων) <...> но все же показал себя достаточно образованным (τῶν ἀρκοῦντως πεπαιδευμένων)» (Scholarios: III, 204. 29–32).

«Изречение блаженного Феодора Начертанного», привлечшее интерес Геннадия Схолария, в действительности принадлежит не исповеднику второго периода иконоборчества Феодору Начертанному, вместе с братом пострадавшему при императоре Феофиле в 836 г. (PMBZ: 7526), а Никифору I, патриарху Константинопольскому в 806–815 гг. (PMBZ: 5301). Слова, цитирующиеся в сочинении, восходят его к антииконоборческому трактату «Apologeticus atque Antirrhethici»: Scholarios: III, 210. 35–211. 17 = Nicephorus *Antirrhethici*: 304C–305A. К XV в. ошибочная атрибуция основных богословских трактатов Никифора Феодору Начертанному, восходящая, по меньшей мере, к «Первым Антирретикам» Никифора Григория (ок. 1347 г.), стала уже традиционной (Featherstone 1981). Цитаты из Никифора под именем Феодора Начертанного использовались в XIV в. в исихастской полемике такими авторами, как Никифор Григора, Исаак Аргир, Феодор Дексий, Иосиф Калофет, Григорий Палама, Иоанн VI Кантакузин, Иоанн Кипариссиот, Филофей Коккин и Мануил Калека (Lukhovitskiy [в печати]).

Ключевыми в цитате из Никифора (Псевдо-Феодора) были слова о невозможности существования в Боге ни «безэнергичной сущности», ни «бессущностной энергии», поскольку их разделение привнесло бы сложность в «то, что превышает всякой простоты»: ...οὐ γὰρ διοριστέον ταῦτα ἀλλήλων, ἵνα μὴ σύνθετον τὸ ὑπὲρ πᾶσαν ἀπλότητα νοοῖτο· οὔτε γὰρ ἡ θεία οὐσία ἀνενέργητος εἴη ἂν ποτε, οὔτε ἀνούσιος ἡ ἐνέργεια (Scholarios: III, 211. 7–9). Каков контекст этого утверждения? Никифор опровергает мнение иконоборцев, согласно которому истинная икона Христа невозможна, поскольку на ней пришлось бы «соописать» (συμπεριγράφεσθαι) Его божественную природу, атрибутом которой является «неописуемость» (τὸ ἀπερίγραφον) (Nicephorus Antirrhethici: 301C). Ответ Никифора заключается в следующем: Логос не только не претерпевает описания/ограничения (в оригинале используется сложный для перевода термин περιγραφή) при изображении тела, но также Он не был описан/ограничен и в момент Воплощения, поскольку даже и тогда Логос пребывал как сущностью, так и энергией с Отцом и «не покинул отеческого лона» (Ibid.: 305A). Заявлять обратное равносильно тому, чтобы утверждать, что материал, из которого изготовлен перстень (например, золото), «смешивается и сливается» с воском, на котором перстень оставляет отпечаток (Ibid.: 308B).

Каков бы ни был первоначальный смысл и контекст слов Никифора, они оказались весьма удобны противникам учения Григория Паламы о нетварных энергиях, отличных от Божественной сущности¹, и не раз цитировались Никифором Григорой, Феодором Дексием и Иоанном Кипариссиотом. Защитники учения Григория Паламы, напротив, обычно уклонялись от разбора этого свидетельства (за исключением Иосифа Калофета): оно не упоминается ни самим Паламой, ни его убежденным последователем Филофеем Коккином. Тщательного разбора цитата удостоилась только в XV в. При этом Геннадий Схоларий замечает, что до него это свидетельство уже было подвергнуто анализу Марком Эфесским (Евгеником): «...блаженный предстоятель Эфесский Марк в сочинении против Калеки весьма справедливо и мудро толкует предложенное изречение блажен-

¹ Литература по данному вопросу весьма обширна, в качестве краткого введения см.: Мейендорф 1997: 273–308.

ного Феодора таким образом, как было бы угодно самому автору (ὡς ἂν αὐτὸς ὁ τὴν ἀρχὴν συνθεῖς βουλευθείη)» (Scholarios: III, 212. 8–11). Вероятно, речь идет о двух «Антирретиках о различении Божественной энергии и сущности против речений Мануила Калеки», которые, к сожалению, остаются неизданными по сей день (Constas 2002: 425).

На наш взгляд, ценность анализа Схоларием цитаты из Псевдо-Феодора состоит в том, что в сравнительно небольшом по объему сочинении он сумел четко сформулировать правила критики и экзегезы святоотеческого текста, на которые опирался также и в более сложных по структуре сочинениях антилатинской и антииудейской направленности². Особенно интересно читать этот анализ в сопоставлении с другим, несколько более поздним (1449 – нач. 1450 г.), произведением Схолария, озаглавленным «Краткий и ясный ответ об изречениях западных святых, на которые более всего опираются латиняне» (Περὶ τῶν ῥητῶν τῶν δυτικῶν ἀγίων, ἐφ’οἷς μάλιστα ἐρεΐδονται Λατῖνοι, ἀπόκρισις σύντομος καὶ σαφῆς) (Scholarios: III, 49–63). Это рассуждение относится к корпусу антилатинских творений Схолария и представляет собой анализ свидетельств из Августина Блаженного, использовавшихся в Западной церкви для обоснования догмата Filioque. Как мы увидим, общие методологически установки Схолария в обоих произведениях совпадают, однако набор конкретных приемов напрямую зависит от того, является ли автор свидетельства представителем Западной или Восточной церкви.

Рассматривая слова Псевдо-Феодора, Схоларий видит свою задачу в том, чтобы совершить «исследование этого изречения, дабы не могло показаться, что оно каким-либо образом оправдывает наглецов», т. е. последователей Акиндина (Scholarios: III, 221. 37–38). Он осознает, что формулировка Псевдо-Феодора, «как кажется (δοκοῦσι), своим словесным выражением (τῷ τῶν ῥημάτων ἦχῳ) говорит в пользу злодеев и ниспровергателей» (Ibid.: III, 211. 35–36). Сравним сходную формулировку: «...они цепляются за словесную форму (τῆς λέξεως δραττόμενοι) высказываний Феодора, в которых, как кажется (δοκεῖ), он запрещает благочестивым считать сущность чем-то одним, а

² Мы намеренно оставляем в стороне вопрос о месте сочинения Схолария в истории византийской философии и о влиянии на его мысль западной схоластики (Beck 1959: 331–332; Kapriev 2005: 344).

энергию – чем-то другим» (Ibid.: III, 222. 4–6). Однако, по мнению Схолария, это всего лишь иллюзия (отметим навязчивое повторение глагола δοκεῖ). Уже во вступлении он говорит, что последователи Акиндина «выставляют речение блаженного Феодора Начертанного, в котором, как кажется (δοκεῖ), он приписывает еретикам учение об отличии в Боге сущности и энергии, а сам якобы (ὡς αὐτὸς δήπου) полагает, что они суть одно и то же» (Ibid.: III, 206. 27–30).

Следовательно, чтобы избежать ошибки и не принять мнимое за истинное, при оценке того или иного патристического свидетельства необходимо, во-первых, учитывать контекст цитаты и обстоятельства возникновения текста, к которому она восходит, а во-вторых, владеть терминологическим аппаратом и иметь представление о церковном консенсусе по рассматриваемому вопросу. Вынести суждение об истинном смысле свидетельства можно только «рассматривая его соответственно моменту (προσφυῶς τοῖς καιροῖς) и иным обстоятельствам того времени», когда оно возникло (Ibid.: III, 211: 34–35), но также и в соотнесении с «общими основаниями веры (κοινῶν τῆς πίστεως ὑποθέσεων) и общим и единокорным мнением (τῆς κοινῆς <...> καὶ συμφώνου γνώμης) всех отцов» (Ibid.: III, 212. 1–2). Претворяя этот принцип в жизнь, Схоларий посвящает несколько параграфов изложению взглядов отцов Церкви на вопрос различения в Боге энергий и сущности, а также затрагивает проблематику нетварного Фаворского света, как будто бы забывая на время о самой цитате из Псевдо-Феодора (Ibid.: III, 212. 18 – 221. 31).

К сожалению, этот методологический принцип (интерпретировать ту или иную святоотеческую цитату только в контексте общего мнения Церкви) не получает должного теоретического осмысления в рассматриваемом нами сочинении. Несколько более подробно Схоларий высказывается по этому поводу при анализе цитат из Августина (Ibid.: III, 53. 13–54. 1). Он соглашается допустить, что Августин действительно писал об исхождении Святого Духа «и от Сына» и его сочинения не были испорчены. Однако даже это вовсе не означает, что «Церковь в целом» (τὴν καθόλου Ἐκκλησίαν) должна переменить свое учение, ведь «это она устанавливает Августину и любому иному святому законы веры», а не наоборот. Православным не следует отступать от Писания и постановлений Вселенских соборов, а «от одного или даже двух святых нужно благоговейно

отстраняться (ἄγιον δέ τινα ἕνα ἢ καὶ δύο χρὴ εὐλαβῶς παρατεῖσθαι) в тех случаях, когда они (вынуждаемые потребностями спора с еретиками, или в силу каких-то иных обстоятельств) не соглашаются с общим мнением (κοινῆ δόξει), однако совершают это без злоумышления против Церкви (ἀνευ τῆς πρὸς τὴν Ἐκκλησίαν φιλονεικίας). Таким образом, Схоларий вводит критерий, позволяющий отличить еретика от учителя Церкви. По его мнению, отдельные ошибки в догматических вопросах еще не делают богослова еретиком, еретиком его делает злоумышление против Церкви: «Вот что отличает (τοῦτ' ἔστι τὸ διακρίναν) еретиков от православных учителей, они отличны вовсе не тем, что одни (святые) не думают и не заявляют ничего отклоняющегося (ἀπ᾿ ἁδον) [от общего учения], а другие (еретики) поработены ложью, а тем, что одни злоумышляют, а другие – нет (τῶ φιλονεικῆσαι καὶ μὴ φιλονεικῆσαι). Многие без какого-либо злоумышления имели отличные от общего мнения взгляды, с которыми мы не согласны (οἷς ἡμεῖς οὐ τιθέμεθα), однако самих этих людей мы восхваляем как святых и учителей». Следовательно, «допустимо, чтобы один учитель как-то погрешил против истины, но при этом и не впал в ересь» (Ibid.: III, 54. 31–32), однако в таком случае «не следует предпочитать одного многим» (Ibid.: III, 54. 28–29).

Изложив «общее мнение» Церкви, Схоларий возвращается к Феодору Начертанному. Отметим, что он не сомневается ни в его святости, ни в аутентичности приписанных ему сочинений. При этом еще в 1350-е гг., когда интересующие нас цитаты только начинали входить в оборот полемистов-антипаламитов, в среде их противников подобные настроения были весьма популярны, о чем подробно пишет Никифор Григора в «Ромейской истории» (Gregoras: III. 381. 19 – 382. 4). Отметим, что в отношении Августина Схоларий несколько более суров. С одной стороны, он признает его святость: «Если кто не считает и не называет Августина святым и блаженным (ἄγιον καὶ μακάριον), анафема» (Scholarios: III, 59. 3–4). С другой, – не исключает вероятности сознательного или невольного искажения его текстов: «...у нас нет никакой уверенности относительно подлинности (γνησιότητος) изречений, и поэтому никто из наделенных умом не станет отказываться от признанного и достоверного (γνώριμα καὶ πιστὰ) и склоняться к сомнительному (ἀμφιβόλοις) (Ibid: III, 50. 31–33). Затем Схоларий

объясняет и механизм проникновения искажений: поскольку догмат *Filioque* уже утвердился на Западе, переписчики, «будучи в большинстве неспециалистами (*ἰδιῶται*), где находят что-то об исхождении Святого Духа, переписывают согласно исповеданию своей церкви, а не так, как написано в оригинале (*οὐ καθὼς εὐρίσκουσιν αὐτὸ κείμενον*), полагая, что оригинал содержит ошибку» (Ibid.: III, 53. 5–9).

В случае цитат из Псевдо-Феодора Схоларий подобных сомнений не высказывает, однако все же замечает, что авторитет Феодора Начертанного небесспорен. Приступая к разбору, он спрашивает противников, почему они «прежде Феодора (*πρὸ Θεοδώρου*) не обратили взор на Василия Великого, который стоит на вершине Церкви и в гораздо более славном чине (*πολὺ δῆπου περιφενεστέρα τῇ τάξει*)» (Ibid.: III, 222. 6–8). По мнению Схолария, авторитет отцов Церкви не одинаков: Василий Великий, «по крайней мере с точки зрения древности (*ἀρχαιότητι γοῦν*), далеко отстоит от блаженного Феодора, и это именно сочинения Феодора должно сверять с сочинениями Василия, а не наоборот (*τὰ ἐκείνου πρὸς τὰ τοῦ μαγάλου Βασιλείου δεῖ κρίνεσθαι, οὐ τὸ ἀνάπαλιν*), и [Василий] Великий должен везде стоять на первом месте (*προῖστασθαι*), а Феодора и иных поздних отцов (*τοὺς ὑστέρους πατέρας*) нужно пытаться привести в согласие с [Василием] Великим» (Ibid.: III, 222. 34–38). Отметим, что приступая к анализу цитат из Августина, Схоларий также задается вопросом об авторитете тех или иных богословов: для него очевидно, что учителя Восточной церкви (*ἐκ τῆς Ἀσίας διδάσκαλοι*) «более достойны» (*ἀξιωματικότεροι*), ибо они выступали в поход против ересей и собирались на Вселенские соборы» (Ibid.: III, 50. 9–11)³.

Таким образом мы видим, что, согласно Схоларию, рассмотрение любого святоотеческого свидетельства предполагает две предварительные стадии: первая – изложение «общего мнения» Церкви, вторая – оценка авторитета автора высказывания (здесь

³ И все же вряд ли можно согласиться с радикальным мнением И. Шевченко, полагавшим, что представители Восточной церкви бравовировали своим незнанием творений отцов Западной церкви: «As for Latin fathers, the Orthodox were not interested in them and freely admitted, perhaps even exaggerated, their ignorance. When faced with a passage supporting the Latin position, they shouted “Forgery!”» (Ševčenko 1955/1982: 10).

учитывается как его принадлежность Западной или же Восточной церкви, так и древность). Только после такого предварительного анализа можно приступать к рассмотрению свидетельства «самого по себе» (αὐτὸ δ' ἐφ' ἑαυτοῦ) (Ibid.: III, 223. 7). В качестве обоснования избранного метода экзегезы (μέθοδον <...> τῆς ἐξηγήσεως) Схолярій приводит слова Максима Исповедника из «Вопросоответов к Фалассию»: «Не всегда и не все звучащее одинаково (τὴν αὐτὴν ἐκφώνησιν ἔχοντα) будет обязательно пониматься одним и тем же образом (κατὰ τὸν αὐτὸν τρόπον). Если только мы стремимся к тому, чтобы верно разобраться в замысле автора, каждое высказывание следует понимать в соответствии со смыслом, присущем конкретному месту Священного Писания (πρὸς τὴν ὑποκειμένην <...> τῷ τόπῳ τῆς Ἁγίας Γραφῆς δύναμιν)» (Scholarios: III, 223. 9–13 = Maximus: 672AB).

Весьма интересно, что такой экзегетический метод был близок и истинному автору цитаты, привлеченной Схолярия, т. е. Никифору Константинопольскому. Как убедительно показал на примере использования свидетельств из свт. Григория Богослова К. Демоев, Никифор, во-первых, всегда стремится интерпретировать те или иные спорные места проводя параллели с другими сочинениями того же автора, а во-вторых, также как и Схолярій, упрекает оппонентов в том, что они уделяют чрезмерное внимание словесному оформлению тех или иных высказываний, забывая, что одни и те же слова в разных контекстах могут иметь противоположное значение. По его словам, иконоборцы «убеждаются одним лишь звучанием речи (ψιλῇ τῇ προφορᾷ τοῦ λόγου) и ошибаются в том, что касается выражаемого смысла (τὰ ἐκ τῆς διανοίας δηλούμενα)» (Nisephorus *Refutatio*: 232; Demoen 2000: 156–157). На наш взгляд, противопоставленные истинному содержанию высказывания «ὁ τῶν ῥημάτων ἦχος» Схолария и «ἡ ψιλὴ προφορὰ τοῦ λόγου» Никифора обозначают приблизительно одно и то же. Было бы слишком смело усматривать здесь прямое влияние, однако родство их экзегетических методов несомненно.

Приступая непосредственно к разбору цитаты, Схолярій настаивает на том, что «акиндинисты ложно трактуют святого», не понимая, что говорить как о различии, так и о тождестве можно «разными способами» (πολυτρόπως). Как одно, так и другое может быть не полным, «как они этого хотят» (ὡς αὐτοὶ βούλονται), а частичным. Следовательно, отвергая мысль о

том, что сущность и энергия суть «одно и другое» (ἄλλο καὶ ἄλλο), Псевдо-Феодор вовсе не «лишает их всех видов инакости» (τοὺς τρόπους πάντας τῆς ἑτερότητος ἐξ αὐτῶν ἀναίρω)⁴. Он «отвергает лишь некий вид различия (τινα τρόπον διαφορᾶς), но при этом и не усваивает им всех видов тождества (πάντα τρόπον ταυτότητος)» (Scholarios: III, 223. 16–33). Чтобы разобраться в том, какой именно вид тождества отвергает Псевдо-Феодор, Схоларий предлагает взглянуть на контекст цитаты. Первое, что он замечает, это то, что автор не ставил себе задачи специально разбирать вопрос о тождестве и различии энергии и сущности, а обратился к этой проблематике «мимоходом» (παρέργως) (что, заметим, абсолютно справедливо). Во-вторых, тактической задачей автора было продемонстрировать, что учение иконоборцев покоится на тех же основаниях, что и учение некоей неназванной древней секты, гласившее, что сущность Логоса оказалась при Воплощении заключена в человеческом теле, а «присутствовал повсюду» Логос только энергией (Ibid.: III, 223. 34 – 224. 7).

Примечательно, что Схоларий ни разу не употребляет слово «иконоборец» и обозначает противников Псевдо-Феодора только как «тех, с кем он вел борьбу» (πρὸς οὓς ὁ ἀγὼν ἦν αὐτῶ) (Ibid.: III, 224. 6). В связи с этим встает вопрос, как он представлял себе исторические обстоятельства возникновения трактата, к которому восходит цитата. В любом случае очевидно, что историческая память об иконоборческом конфликте и его участниках в это время была существенно искажена. Не в последнюю очередь причиной этому стало плачевное состояние источниковой базы для иконоборческого периода. Так например, сам Геннадий Схоларий мог цитировать одно и то же место из Никифора Константинопольского то как слова Феодора Начертанного, следуя традиции XIV в., то как слова прп. Феодора Студита: *Nicéphorus Antirrhēticī* 580D–581A = Scholarios: II, 238. 11–18 (Γραπτὸς Θεόδωρος) = Scholarios: III, 102. 21–29 (Στουδίτης Θεόδωρος). Последняя атрибуция тем интереснее, что список, в котором она сохранилась (Paris. suppl. gr. 681), является автографом Схолария!

⁴ Ср. сходное выражение: «объединить всеми способами» (πᾶσι τρόποις ἐνοῦν) (Scholarios: III, 225. 9).

Отвечая на вопрос о «виде различия», Схолярий утверждает, что Псевдо-Феодор, с одной стороны, отвергает «сущностное» (οὐσιωδῶς) различие, поскольку оно вело бы к «отделению» (χωρισμός), а следовательно и к «сложности» (σύνθεσις) (Scholarios: III, 224. 8–30), а с другой, – и «не отождествляет их полностью (πάντη), так чтобы они не отличались друг от друга определениями и не различались по природе вещей (φύσει τοῦ πράγματος), а разделялись только лишь в нашем сознании (ἐν ταῖς ἐπινοίαις)» (Ibid.: III, 224. 30–32). Что же могло привести к неверному толкованию? Согласно Схоларию, только то, что автор, донося свою мысль, использовал фигуру умолчания: он отверг лишь один вид инакости (ταύτην μὲν τὴν ἑτερότητα), а другой (ἑτέραν δὲ τινα), – напротив, утвердил. Однако он «предпочел» (ἠγάπα) сделать это «неявно» (μὴ φανερώς): избежав однозначных формулировок, он описал лишь признаки сущности и энергии. Однако различие этих признаков явным образом указывало и на различие самих объектов, которое происходит «от природы вещей» (ἐκ τῆς τοῦ πράγματος φύσεως), а вовсе не «от нашего установления» (ἐκ τῆς ἡμετέρας θέσεως) (Ibid.: III, 224. 33 – 225. 12). Завершающим этапом в анализе становится попытка снять противоречие между утверждениями Псевдо-Феодора и Василия Великого: «...таким образом “не одно и другое” (τὸ μὴ ἄλλο καὶ ἄλλο) Феодора и “одно и другое” (τὸ ἄλλο καὶ ἄλλο) Василия⁵ прекрасно согласуются (συνέρχονται)» (Ibid.: III, 225. 13–14). Таким образом, Схолярий развивает мысль Максима: если в зависимости от контекста одни и те же слова могут иметь разный смысл, то значит, возможны и контексты, в которых противоположные выражения будут обозначать одно и то же⁶.

Такая установка если и не делает принципиально невозможным, то, по крайней мере, заставляет сомневаться в излюбленном византийском методе ведения богословской полемики – использовании догматических флорилегиев. На протяжении

⁵ Речь идет о цитировавшемся ранее 234-м послании Василия: Basile: III, 42. 20–31 = Scholarios: III, 222. 13–22.

⁶ Отметим, что такой подход весьма близок и современной патристической науке: «Тождественность вероучительных формул не является достаточным основанием для вывода о тождественности богословских учений» (Лурье 2006: 114).

веков собрание святоотеческих свидетельств представлялось неким арсеналом или складом боеприпасов, которые по мере необходимости следует извлекать и использовать в войне с еретиками. Это нашло отражение уже в самих названиях сочинений Евфимия Зигабена, Никиты Хониата («Πανοπλία δογματικῆ») и Андроника Каматира («Ἱερά ὀπλοθήκη»). Такой подход предполагает твердую уверенность в том, что цитата может быть истолкована только одним определенным образом, а следовательно, ее можно безболезненно вырвать из исторического и культурного контекста. Методологические установки Схолария, как мы видели, полностью противоположны: чтобы верно интерпретировать то или иное свидетельство, нужно, во-первых, владеть соответствующей терминологией и знать, что писали по рассматриваемому вопросу другие авторы, во-вторых, иметь представление об авторитете автора и его заслугах перед Церковью, в-третьих, видеть цитату в контексте и понимать ее роль в структуре оригинального произведения в целом.

Источники

- Basile – Saint Basile Lettres / Texte établi et traduit par Y. Courtonne. 3 t. P., 1957–1966.
- Gregoras – Nicephori Gregorae Byzantina historia / Ed. E. Bekker, L. Schopen. 2 vols. Bonn, 1829–1855.
- Maximus – Maximi Confessoris Quaestiones ad Thalassium de Scriptura sacra // Patrologiae cursus completus. Series graeca / Ed. J. P. Migne. T. 90. P., 1963. Cols. 213–786.
- Nicephorus Antirrhethici – Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Antirrhethici tres. Apologeticus pro sacris imaginibus // Patrologiae cursus completus. Series graeca / Ed. J. P. Migne. T. 100. P., 1865. Cols. 205A–832A.
- Nicephorus Refutatio – Nicephori Patriarchae Refutatio et eversio definitionis synodalis anni 815 / Ed. J. M. Featherstone. Turnhout, Leuven, 1997. (Corpus Christianorum Series Graeca; 33).
- Scholarios – Oeuvres complètes de Georges Scholarios / Publiées pour la première fois par L. Petit, X. A. Siderides, M. Jugie. 8 vols. P., 1928–1936.

Литература

- Владимир, архимандрит 1984 – Владимир, архимандрит. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Ч. 1: Рукописи греческие. М.
- Лурье 2006 – Лурье В. М. (при участии В. А. Баранова) История византийской философии: Формативный период. СПб.
- Медведев 1997 – Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб.
- Мейендорф 1997 – протопресвитер Иоанн (Мейендорф). Жизнь и труды святителя Григория Паламы: введение в изучение. СПб. (Subsidia byzantinorossica; 2).
- Фонкич, Поляков 1993 – Фонкич Б. Л., Поляков Ф. Б. Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки. М.
- Beck 1959 – Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München.
- Constas 2002 – Constas N. Mark Eugenikos // La théologie byzantine et sa tradition. Vol. II: XIIIe–XIXe s. / Sous la direction de C. G. Conticello, V. Conticello. Turnhout. P. 411–475.
- Demoen 2000 – Demoen K. Expliquer Homère par Homère: Nicéphore de Constantinople philologue et rhéteur // Studia Nazianzenica I / Ed. B. Coulie. Turnhout, Leuven. P. 147–173. (Corpus Christianorum Series Graeca; 41).
- Featherstone 1981 – Featherstone J. M. An iconoclastic episode in the Hesychast Controversy // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Bd. 33. S. 179–198.
- Каприев 2005 – Каприев G. Philosophie in Byzanz. Würzburg.
- Lukhovitskiy – Lukhovitskiy L. Historical Memory of Byzantine Iconoclasm in the 14th c.: The Case of Nikephoros Gregoras and Philotheos Kokkinos // *Aesthetics and Theurgy in Byzantium* / Hrsg. S. Mariev, W.-M. Stock. В. (в печати).
- Mohler 1923 – Mohler L. Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann: Funde und Forschungen. 3 Bde. Paderborn.
- PLP – Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit / Hrsg. E. Trapp, R. Walther, H.-V. Beyer u. a. 12 Bde, Addenda und Register. Wien, 1976–1996.
- PMBZ – Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. 1. Abteilung (641–867) / Hrsg. R.-J. Lilie, C. Ludwig, Th. Pratsch, I. Rochow, B. Zielke u. a. 7 Bde. В., N.-Y.: 1998–2001.
- Ševčenko 1955/1982 – Ševčenko I. Intellectual Repercussions of the Council of Florence // Church History. Vol. 24. P. 291–323 (цитируется по: Idem. Ideology, Letters and Culture in the Byzantine World. L., 1982. P. 3–35).
- Tinnefeld 2002 – Tinnefeld Fr. Georgios Gennadios Scholarios // La théologie byzantine et sa tradition. Vol. II: XIIIe–XIXe s. / Sous la direction de C. G. Conticello, V. Conticello. Turnhout. P. 477–549.

**L. V. Lukhovitsky. How was a patristic text read in Late Byzantium?
(Gennadios Scholarios on Pseudo-Theodore Graptos)**

In 1445–1450 Gennadios Scholarios, the future Patriarch of Constantinople, composed two opuscula: a) *...On the saying of blessed Theodore, which disturbs the empty-minded followers of Akindynos* and b) *Brief and clear response about the sayings of Western saints*. The first deals with several lines from an anti-iconoclastic treatise of Nicephorus, Patriarch of Constantinople (806–815), erroneously ascribed to Theodore Graptos (subject to repressions under emperor Theophilos ca. 836) and employed in theological polemics by anti-hesychasts since the mid-14th c. The second focuses on certain quotations from St. Augustine used by Latin theologians to support the Filioque doctrine. Both texts cast light on exegetical principles employed by late Byzantine intellectuals in interpreting the patristic legacy.

Scholarios, adopting Maximus's the Confessor exegetical method, claims that apparently similar statements may acquire opposite meaning under different historical and cultural circumstances, and the same way round, seemingly contradictory expressions in certain contexts may bear the same meaning. Thus, every patristic saying (χρησις) is meaningless without its original context and must be subjected to a thorough analysis including several obligatory stages. Having defined the problem, an exegete proceeds to provide basic definitions and recapitulate briefly a "common view" (κοινή γνώμη) of the fathers. Then he evaluates the relative authority of the quotation's author (he takes into consideration his antiquity as well as his services to the Church). At this step only he starts to interpret the saying "from itself" (αὐτὸ δ' ἐφ' ἑαυτοῦ), his task being to understand whether the problem in question was of major interest to the author or not, and also to identify all possible figures of speech and understatements that may result in misinterpretation.

СИЛИЙ ИТАЛИК: К ИСТОРИИ РЕЦЕПЦИИ

Резюме. В статье рассматриваются примеры, связанные с чтением и переводом «Пунической войны» Гая Силия Италика в России: самый ранний из известных на сегодняшний день переводов, анонимно опубликованный в 1765 г., реминисценции в поэме «Россиада» М. М. Хераскова, неопубликованный перевод М. Н. Муравьева, а также книги Силия Италика в библиотеках семьи Муравьевых и генерала А. П. Ермолова.

Ключевые слова: рецепция, М. М. Херасков, Силий Италик, М. Н. Муравьев, П. М. Строев, стихотворный перевод

І. Самый ранний перевод

В приложении к Санкт-Петербургским ведомостям под заглавием «Примечания астрономические, исторические, географические и физические, при С. Петербургских ведомостях издаваемые», в № 3–11 за 1730 г. была помещена статья «О возгорении серной горы Геклы»¹, проиллюстрированная многочисленными отрывками на «вулканическую» тематику из латинской поэзии и прозы. Все эти отрывки (из античных классиков – Вергилий, Гораций, Овидий, Валерий Флакк, Силий, Марциал и др.) были приведены в оригинале. В 1765 г. в Москве было издано, по словам Сопикова, «сокращение» этого периодического издания – «Исторические, генеалогические и географические примечания, в ведомостях издаваемые в Санктпетербурге при Академии Наук с 1729 по 1740 год»². На с. 71 («О возгорении

¹ Исторических, генеалогических и географических примечаний в Ведомостях часть III. В Санктпетербурге 8 дня генваря, 1730 года. IV, 12.01: Прибавление к прежнему. V, 15.01: Продолжение к прежнему. На с. 20 – эпиграмма Марциала. VI, 19.01: Прибавление к прежнему. С. 22: первый отрывок Силия (XII, 152 и XVII, 597 sqq.); VII, 22.01: Прибавление к прежнему. VIII, 26.01: Прибавление к прежнему. IX, 29.01: Прибавление к прежнему. С. 34: отрывок из Горация; с. 36: отрывок из «Георгик». X, 2.02: Прибавление к прежнему. С. 40: Силий, XIV, 59 слл. XI, 5.02: Прибавление к прежнему. Непереведенные отрывки из этих и других авторов мы не упоминаем.

² Печатаны в Москве при Сенатских Департаментах 1765 года.

серной горы Геклы») дан перевод эпиграммы Марциала (IV, 44)³.

На сей горѣ растеть зеленой виноградъ,
И сладки ягоды мѣста сїи родяты,
Везувій Бахусу прїятнѣй прочихъ горъ,
Недавно Сатиры тамъ составляли хоръ;
Венерѣ мѣсто здѣсь милѣй Лакедемона,
И Геркулесомъ есть гора извѣстна она:
Теперь погнбло все погранное огнемъ,
Жалѣють жители небесныи о семъ.

В материале «О горе Везувии» приведены стихи Силия «Италианца» (с. 73, XVII, 591 sqq.):

Въ зеленыхъ гдѣ лугахъ источники лились,
Гдѣ хлѣбъ родился, зрѣль, овечки гдѣ паслись,
Тамъ сила нѣкая Везувія тѣснить,
Тамъ мечеть изъ себя, чрезъ нѣсколько вѣковъ,
Жестокой пламень вонь почти до облаковъ;
Сожегши каменя озера тамъ сушить.

На с. 86 – перевод из Горация (ars 464–466):

Поэты Греческа погнбель я вѣщаю,
Эмпедокль Богомъ быть безсмертнымъ захотѣль
И въ Этну пламенну какъ зябнувши слетѣль.
Поэтамъ всѣмъ пропасть законъ бы былъ желяю.
На с. 87 – Вергилий (Georg. I, 472–473):
Изъ Этны видѣль я пылаеть какъ огонь,
И изъ разсѣлинъ какъ валятыя слитки вонь.

В продолжении – «О горе Этне» – на с. 90 дан еще один перевод из Силия (XIV, 58 sqq.):

Тамъ слышенъ шумъ и трескъ, гдѣ дымомъ Этна дышетъ
Жестокой гдѣ огонь изъ пропасти сей пышетъ,
Вся движется гора, и день и ночь тамъ стукъ
И около ее далеко слышенъ звукъ;
Но безпрестанно тотъ огонь хотя стремится,

³ Переводы из Вергилия, Горация и Марциала мы приводим потому, что они – ни в первой публикации, ни в перепечатках – не отражены в указателе Е. В. Свиясова «Античная поэзия в русских переводах. XVIII–XX вв.». ИРЛИ. Библиотека, 1998.

И часъ хоть отъ часу онъ болѣе родится,
Однакъ весь снѣгомъ верхъ горы покрытъ и льдомъ,
Вѣкъ зиму и морозъ Вулкановъ терпитъ домъ.

Эти переводы были перепечатаны будущим создателем русской палеографии П. М. Строевым в заметке «Письмо к Издателям С. Отечества»⁴. Они привлекли его тем, что силлабо-тонические переводы он принял за произведения, предшествующие экспериментам Тредьяковского и Ломоносова, и представляют собой его вмешательство в спор «Московского Телеграфа» и «Сына Отечества» о приоритете Ломоносова или Тредьяковского в создании силлабо-тоники⁵: «Но тонические шестистопные стихи (кажется, ямбы), с цезурою и почти все мужеские, находим в 1729 году; след. за год до приезда Тредиаковского, за шесть лет до первых его хореев, и ровно за десять до Ломоносова. Неизвестно, кем они писаны: vive l'auteur! — Где ж эти знаменитые стихи? В *Исторических, Генеалогических и Географических примечаниях к Ведомостям 1729 года*. Сии примечания к С. Петербургской Академической газете, издавались с 1729 по 1744 год (Сопик. *Опыт Росс. библиограф.* ч. IV, N. 9016 и 9017), и ныне очень редки <...> До личных справок, Г-да соперники поверят мне на слово: я, как антикварий, не введу их в заблуждение <...>». Заметка подписана одной фамилией – *Строев* – и датирована: *Москва, 21 Апреля 1828*. П. Н. Берков вскрывает ошибку Строева, который, ограничившись перепечаткой 1765 года, не сверил – вопреки обещаниям «не ввести в заблуждение» читателя – с первоизданием, ошибочно отнес материалы к 1729 г., а не к 1730-му, когда они были в действительности напечатаны, и не извлек всей информации из двух параллельных описаний Сопикова (кото-

⁴ *Сын Отечества*, журнал литературы, политики и современной истории, издаваемый Николаем Гречем и Фаддеем Булгариным. Часть сто оснадцатая. СПб., в типографии Н. Греча. 1828. № VII. С. 261–264. Эпиграмма Марциала на с. 263; Силий – 263 и 264; остальные переводы – 264.

⁵ Подробно об этом: Берков П. Н. Из истории русской поэзии первой трети XVIII века (К проблеме тонического стиха) // XVIII век. Сб.1. М.; Л., 1935. С. 62–65. Переводы анонимны; Берков пишет: «Перевод же их был помещен лишь в московском «Сокращении» 1765 г., осуществленном, повидимому, кем-либо причастным к херасковскому университетскому кружку» (с. 64).

рый в свою очередь был неточен, сообщив о петербургском адресе перепечатки). Безусловно, П. Н. Берков прав в том, что принадлежность заметки именно П. М. Строеву нужно доказывать; он ссылается на аргументацию Н. М. Петровского⁶ и дает весьма строгую оценку промаху автора письма: «следует, во избежание принятия на веру сообщенных им сведений, помнить, что „открытие“ его есть результат большой неосмотрительности, никак не простительной такому осторожному автору, каким был Строев» (с. 63–64). Он также пишет: «Повидимому, письмо Строева прошло незамеченным и, во всяком случае, не вызвало среди последующих историков литературы интереса, соответствующего важности сообщения археографа. Единственная ссылка на эту статью находится в работе Ольги Покотиловой „Предшественники Ломоносова в русской поэзии XVII и начала XVIII столетия“»⁷. Однако нам удалось найти одну довольно раннюю публикацию: в хрестоматии В. Золотова⁸ под общим заголовком «Примеры древнего тонического сложения» приведены «Перевод из Марциала» (с. 340), «Описание Везувия. Перевод из Силия, Италианца» (340–341), «О Эмпедокле. Переведено из Горация» (с. 341). Второй перевод из Силия и двустигии из «Георгик» у него отсутствуют. Вся перепечатка сопровождается примечанием: «Взято из Исторических, Генеалогических и Географических примечаний к Ведомостям, кои были издаваемы в Санкт-Петербурге при Академии Наук с 1729 по 1740 год». Отметим, что эта формулировка (очень точно воспроизводящая титул издания 1765 г., но не соответствующая ничему в тексте Строева, в т. ч. и относительно датировки) заставляет предполагать, что по крайней мере издание 1765 г. у него было. Кроме того, он недостаточно хорошо понял грамматический смысл первой строки перевода из Горация: его «Поэты Гречески! погибель я вѣщаю» очевидным образом грубо искажает смысл, но, поскольку Строев (вообще очень достоверно передавший текст) здесь отходит от него и

⁶ *Analecta metrica* // Русский Филологический Вестник, 1914, № 1, стр. 38–49 (прим. П. Н. Беркова).

⁷ М. В. Ломоносов. Сборник статей под ред. В. В. Сиповского, СПб., 1911, стр. 91–92. Ср. также статью Н. М. Петровского, с. 59–44 (прим. П. Н. Беркова).

⁸ Русская стихотворная хрестоматия. Собрана Васильем Золотовым. Часть вторая. М., в Университетской типографии. 1829.

меняет форму родительного падежа «поэты» на «поэта», это обстоятельство окончательно убеждает нас: Золотов пользовался не текстом Строева, а первой публикацией.

Впрочем, это еще не доказывает его независимости от Строева: чрезвычайно маловероятно, что мысль искать примеры древней силлабо-тоники возникла у него независимо от публикации в «Сыне Отечества» примерно через год после выхода строевского письма. Таким образом Силий – неожиданно для себя – в рамках учебного пособия и в обществе более популярных поэтов проник в школу, дабы продемонстрировать ложный тезис о древности русского силлабо-тонического стихосложения.

II. Реминисценции «Пунийской войны» в «Россиаде» Хераскова

Безусловно, текстуальное сходство еще не является доказательством прямого – или даже косвенного – заимствования. Уверенность в этом может дать либо «критическая масса» пересечений, либо их очень яркий характер.

1. Наказание в подземном мире нечестивых царей: *Pun.* XIII, 600 sqq.:

Has inter formas coniunx Iunonis Auernae
Suggestu residens cognoscit crimina regum.
Stant uincti, seroque piget sub iudice culpae:
Circum errant Furiae Poenarumque omnis imago.
Quam uellent numquam sceptris fulsisse superbis!
Insultant duro imperio non digna nec aequa
Ad superos passi manes, quaeque ante profari
Non licitum uiuis, tandem permissa queruntur...
Vipereo domat hunc aeterna Megaera flagello.
Talia letiferis restant patienda tyrannis⁹.

⁹ Среди этих картин супруг Авернской Юноны, сидя на возвышении, разбирает преступления царей. Они стоят в оковах, и – поздно уже – при судье им досадно то, в чем виноваты; вокруг блуждают Фурии и все образы кар. Как хотели бы они никогда не блистать надменным скипетром! Нападают на жестокую власть, обращаясь к высшим, маня тех, кто в жизни претерпел не по заслугам и не по справедливости, и что при жизни заявить не было дозволено, теперь можно – и они жалуются. Того вечная Мегера укрощает змеиным бичом. Такие кары остаются для пагубных тиранов. Мы пользовались текстом РНБ, т. е.

Россиада, IV, 63 слл.¹⁰:

Тамъ пышность на себя съ отчаяньемъ взираетъ,
 И мнится каждый часъ съ Царями умираетъ;
 Къ лежащей гордости свирѣпый змѣй ползетъ,
 И внутренну ея терзаетъ и грызетъ;
 Тамъ рвется узами окованна кичливость;
 Подъ камнями лежитъ стена несправедливость;
 Всечасно видимы тамъ всѣ пороки тѣ,
 Которые Цари творили въ животѣ:
 Неправедна война, забвенье вѣрной службы,
 Презрѣнье къ сиротамъ и нарушенье дружбы;
 Тамъ горестъ мучить ихъ, тоска, и зной, и хладъ.
 Во образѣ такомъ изображаютъ адъ,
 Въ который мстящими включенны Небесами,
 Порочные Цари мученье терпятъ сами....

Параллелью является сама идея потустороннего наказания именно неправедных царей; она не встречается в других выдающихся эпосах. В остальном – подробности, которые, в общем-то, диктуются логикой вещей (окованная кичливость).

2. Свидание с покойными матерью и отцом. Сам по себе образ еще гомеровский, но оба покойных родителя в этом контексте не встречаются ни у кого, кроме Силия и Хераскова; при этом у обоих решающая роль и первое место отводится матери. *Pun.* XIII, 648 sqq.:

His alacer colla amplexu materna petebat,
 Umbraque ter frustra per inane petita fefellit.
 Succedunt simulacra uirum concordia, patris
 Unanimique simul patrum¹¹.

Россиада, VIII, 425 слл.

На небѣ Іоаннъ живущу мать узрѣлъ,
 Вокругъ ея главы изъ звѣздъ вѣнецъ горѣлъ;

издания Silius Italicus. *Punica* (Corpus Poetarum Latinorum. Vol. 3, ed. W. C. Summers, 1905).

¹⁰ М., в Университетской типографии, 1796.

¹¹ Взбодренный этим, он пытался обнять шею матери, но тень, к которой он стремился, трижды обманула его – его руки прошли сквозь пустоту. Затем идут образы согласных мужей, отца и единокровного с ним дяди...

Увы! вскричалъ въ слезахъ, назначено ль судьбою,
 Мнѣ въ небѣ обитать, любезна мать! съ тобою?
 Въ восторгахъ онъ желалъ ее обლობызать,
 Но тѣла не возмогъ устами осязать;
 То былъ единый духъ; и Вассіянъ вѣщаетъ:
 Пойдемъ отсель! тебя сей нѣжный видъ смущаетъ,
 Имѣющъ радости сіяніе въ лицѣ,
 Царю отецъ его встрѣчается въ вѣнцѣ...

3. Царство Зимы в Альпах, пожалуй, наиболее яркая и убедительная реминисценция: *Pin.* III, 479 sqq.:

Cuncta gelu canaque aeternum grandine tecta
 aequaeuam glaciem cohibent: riget ardua montis
 Aetherii facies surgentique obuia Phoebos
 Duratas nescit flammis mollire pruinas <...>
 Nullum uer usquam nullique aestatis honores.
 Sola iugis habitat diris sedesque tuetur
 Perpetuas deformis hiemps; illa undique nubes
 Huc atras agit et mixtos cum grandine nimbos.
 Iam cuncti flatus uentique furentia regna
 Alpina posuere domo. caligat in altis
 Obtutus saxis, abeuntque in nubila montes¹².

Россиада, XII, 1 слл.:

Въ пещерахъ внутреннихъ Кавказскихъ льдистыхъ горъ,
 Куда не досягаль отважный смертныхъ взоръ,
 Гдѣ мразы вѣчный сводъ прозрачный составляютъ,
 И солнечныхъ лучей паденье притупляютъ;
 Гдѣ молнія мертва, гдѣ цѣпенѣтъ громъ,
 Изсѣченъ изо льда стоитъ обширный домъ:
 Тамъ бури, тамо хладъ, тамъ вьюги, непогоды,
 Тамъ царствуетъ Зима, снѣдающая годы.

¹² Все, покрытое корою и седым смерзшимся градом, содержит в себе равнолетний лед: крутое лицо достигающей до неба горы, противостоящее восточному солнцу, не может уже дать растопить его пламени сгущенный лед. Здесь не бывает весны и лета с его красами: на мертвенных хребтах живет в одиночестве и сторожит свой вечный дворец страшная зима; она сгоняет к себе отовсюду черные тучи и смешанные с градом ливни. Все дхновения и ветры расположили свое яростное царство в альпийском доме: взгляд туманится на высоких скалах, горы уходят в облака.

Сія жестокая другихъ времянь сестра,
Покрыта сѣдиной, проворна и бодра;
Соперница весны, и осени, и лѣта,
Изъ снѣга сотканной порфиною одѣта...
Стихія каждая движенья не имѣеть:
Ни воздухъ тронуться, ни огонь пылать не смѣеть;
Тамъ пестрыхъ нѣтъ полей, сіяють между льдовъ
Одни замерзлыя испарины цвѣтовъ...

4. Отметим еще, что Силий Италик (VIII, 400 sqq.) в каталоге италийских контингентов, которым предстояло принять участие в битве при Каннах, упоминает родину Цицерона и ее великаго питомца. Херасков в аналогичном каталоге (VI, 67–72) упоминает Ломоносова. Оба они прославляются как литераторы (Цицерон мог бы – как политик, Ломоносов – как ученый, и, таким образом, в обоих случаях «словесный» аспект не предопределен). Количеством реминисценций Силий несомненно уступает прочим эпикам, но в этом – учитывая его относительный вес – нет ничего удивительного. Полагаем, что обращение к нему Хераскова и неслучайный характер отмеченных параллелей по крайней мере весьма вероятны.

III. Перевод М. Н. Муравьева

В одной из рабочих тетрадей Михаила Никитича Муравьева с черновиками сохранился и перевод начала поэмы Силия¹³. В объемистом томе перевод расположен близко к началу, что указывает на его раннюю датировку.

¹³ Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ. Фонд 178. Музейное собрание. Картон 11161. Мураев Михаил Никитич. Записная книга – стихотворения, поэмы, драматические произведения, заметки о литературе. 1771–1803. Л. 22. Текст перечеркнут. Подчеркнутое мы выделяем курсивом; в случаях с выносками это те фрагменты текста, которые заменяются новыми с помощью выносок на полях (их мы даем в примечаниях). Перевод указан в статье Л. И. Алехиной «Архивные материалы М. Н. Муравьева в фондах Отдела рукописей // Записки отдела рукописей. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. М., «Книжная палата», 1990. С. 69. Перевод относится к первому журналу («Забава праздности. Журнал вологодских упражнений. Месяц август 1771 года», с. 12) и датируется автором статьи 1774 г. (под знаком вопроса).

Начало *Поэмы Силия Италика Пунической брани*

Сраженія гласить я нынѣ предприемлю,
 Что славою Римлянъ наполнили¹⁴ всю землю,
 Кичливыхъ наконецъ, низвергли сопостать,
 И поплѣнили ихъ, презорства полный градъ.
 Подаждь, о Муса! мнѣ повѣдать днесь какія
*Воздвигнула труды*¹⁵, старинна Гесперія,
 И сколько и какихъ воздвигнуль *Римъ*¹⁶ мужей
 Какъ¹⁷ хитрый Кадмовъ родъ возсталъ противу ей!
 Повѣждь и то, что такъ медлительно рѣшилось
 Куда оружіемъ вождь и щастіе склонилось¹⁸
 Три краты обуявъ кровавою войной
 Нарушили вожди Сидонски миръ святой;
 И злочестивый мечъ въ ихъ ярости трикраты
 Въ спокойствѣ извлекли, строптивы сопостаты.
 Но въ браняхъ ихъ сіи народы во чреду,
 Влекли съ собой всегда, и гибель и бѣду.
 И ближе ко своей погибели тѣ были,
 Которымъ одолѣть, судьбы опредѣлили.
*Дарданскій вождь града Нумидски разхищаль*¹⁹
*И Римъ свое едва*²⁰ спасенье защищаль
Пенонскими вокругъ обставленный полками,
И сопротивными объемлемый стѣнами,
 Довлѣеть мнѣ открыть, поя сіи труды,
 Вины толикихъ злобствъ и вѣчныя вражды
 И брань, что въ родъ родовъ, потомство сохраняло;
 Толикаго повѣмъ движенія начало!
 Изъ странъ тѣхъ убѣжавъ гдѣ царь Пигмаліонъ,
 Злодѣйствіемъ своимъ окровавилъ свой тронъ,
 Дидона къ берегамъ Ливійскимъ привалила,
 Гдѣ землю изкупивъ, градъ новый заложила,
 Что кожею объять воловею могла.

¹⁴ Выноска на полях: «ис».

¹⁵ Выноска на полях: «Подъяла подвиги».

¹⁶ Выноска на полях: «ла».

¹⁷ Поверх «Когда».

¹⁸ Выноска на полях: пре.

¹⁹ Над словами в стихе расставлены номера в такой последовательности: 4 – 3 – 1 – 2 – 5.

²⁰ Над «свое» стоит 2, над «едва» – 1.

Юнона въ градѣ семь (такъ вѣчна²¹ древность чла)
 Ушельцамъ²² основать жилище уповала,
 Доколѣ ни Микень, ни Аргосъ не...

В библиотеке Муравьевых, хранящейся в Отделе редких книг и рукописей НБ МГУ, два издания Силия. Одно – компактное цвейбрюкенское издание – *Caji Sili Italici Punicorum libri septemdecim ad optimas editiones collati. Præmittitur notitia literaria studiis Societatis Vipontinae. Editio accurata*²³. По-видимому, оно появилось у Муравьева уже после того, как им был выполнен этот перевод. Издание не имеет помет. Второе – *Caius Silius Italicus. Punicorum libri septemdecim ad optimas editiones collati cum varietate lectionum perpetuis commentariis præfationibus argumentis et indicibus, curante N.-E. Lemaire*²⁴ из серии *Bibliotheca classica latina*. Купленный много лет спустя после смерти Михаила Никитича, этот двухтомник свидетельствует о том, что отцовские интересы были не чужды – хотя бы *in spe* – его старшему сыну, Никите Муравьеву.

IV. Книги Силия Италика в библиотеке А. П. Ермолова

В собрании одного из крупнейших латинистов среди русских военных – генерала А. П. Ермолова²⁵ – Силий Италик представлен очень хорошо, тремя изданиями. В нем есть знаменитый том Дракенборха – *Caji Sili Italici Punicorum libri septemdecim, cum excerptis Ex Francisci Modii Novantiquis Lectionibus, Et Casp. Barthii Adversariis, tum Danielis Heinsii, nunc primum editis, curante Arnolde Drakenborch, Cujus etiam annotationes passim*

²¹ Поверх «древня».

²² В тексте: «Ушельцамъ».

²³ *Viponti Ex Typographia Societatis MDCCLXXXIV*. Шифр: Мур. 1 Is 1. Инв. №: Мур. 279.

²⁴ *Volumen prius. Parisiis Colligebat Nicolaus Eligius Lemaire poesos Latinæ Professor. MDCCCXXIII. [Excudebat Julius Didot natu major, Regis Typographus]*. Шифр: Мур. 1 Is 4. Инв. №: Мур. 280. *Volumen secundum et ultimum*. Инв. №: Мур. 281, с отчеркиванием коричневым карандашом (?) на с. 354, напротив XVII, 127 и примечаний.

²⁵ Также ОРКиР НБ МГУ. О латинской библиотеке А. П. Ермолова см. подробнее наши работы: Alexius Philtrius (qui et Liubzhin) Inguari f. De Alexii Jermolovii Petri f. bibliotheca latina // Индоевропейское языкознание и классическая филология–VII. 16–18 июня 2003 г. СПб., «Наука», 2003. С. 59–62; Латинская библиотека генерала А. П. Ермолова // Альманах библиофила. Вып. 29. М., 2005. С. 37–46.

editae sunt²⁶. На полях издания неоднократно встречаются отчеркивания простым карандашом; принадлежность их владельцу вероятна, но надежно доказана быть не может. Наряду с этим – издание, аналогичное первому муравьевскому²⁷. Оно, в отличие от предыдущего, не имеет помет. То же самое можно сказать и о латинско-французском билингвическом издании *Seconde guerre punique, poème de Silius Italicus, corrigé sur quatre manuscrits et sur la précieuse édition de Pomponius, donnée en 1471, inconnue de tous les Editeurs; complété par un long fragment, trouvé dans la Bibliothèque du Roi; & traduit par M. Lefebvre de Villebrune*²⁸. Таким образом, в библиотеке А. П. Ермолова Силий представлен на уровне первоклассных поэтов (а с учетом того, что он издавался далеко не так активно, то и намного представительнее) – и, по-видимому, читался.

Silius Italicus. Caius Silius Italicus. Punicorum libri septemdecim ad optimas editiones collati cum varietate lectionum perpetuis commentariis præfationibus argumentis et indicibus, curante N.-E. Lemaire Volumen prius. Parisiis Colligebat Nicolaus Eligius Lemaire poeseos Latinæ Professor. MDCCCXXIII. [Excudebat Julius Didot natu major, Regis Typographus]. ОРКиР НБ МГУ: Шифр: Мур. 1 Is 4. Инв. №: Мур. 280. Volumen secundum et ultimum. Инв. №: Мур. 281

Silius Italicus. Caji Siliii Italici Punicorum libri septemdecim ad optimas editiones collati. Præmittitur notitia literaria studiis Societatis Vipontinæ. Editio accurata. Viponti Ex Typographia Societatis MDCCCLXXXIV. ОРКиР НБ МГУ: Шифр: Мур. 1 Is 1. Инв. №: Мур. 279; Ермол. XX 106. Инв. №: 4812.

Silius Italicus. Caji Siliii Italici Punicorum libri septemdecim, cum excerptis Ex Francisci Modii Novantiquis Lectionibus, Et Casp. Barthii Adversariis, tum Danielis Heinsii, nunc primum editis, curante Arnaldo Drakenborch, Cujus etiam annotationes passim editae sunt. Trajecti ad Rhenum, Apud Guilielmum Vande Water,

²⁶ Trajecti ad Rhenum, Apud Guilielmum Vande Water, Academ. Typogr. M. DCC. XVII. Шифр: Ермол. XX 105. Инв. №: 4811. Наклейка на корешке: Scr.-veter. 111.

²⁷ Шифр: Ермол. XX 106. Инв. №: 4812. Наклейка на корешке: Scr.-veter. 112.

²⁸ Tome premier. A Paris, rue et hôtel Serpente. M. DCC. LXXXI. Avec approbation & Privilège du Roi. Шифр: Ермол. XX 107. Инв. №: 4813. Наклейка на корешке: Scr.-veter. 113. Tome second. Инв. №: 4814, без наклейки. Третий том отсутствует.

Academ. Typogr. M. DCC. XVII. ОРКиР НБ МГУ: Шифр: Ермол. XX 105. Инв. №: 4811.

Silius Italicus. Seconde guerre punique, poème de Silius Italicus, corrigé sur quatre manuscrits et sur la précieuse édition de Pomponius, donnée en 1471, inconnue de tous les Editeurs; complété par un long fragment, trouvé dans la Bibliothèque du Roi; & traduit par M. Lefebvre de Villebrune. Tome premier. A Paris, rue et hôtel Serpente. M. DCC. LXXXI. Avec approbation & Privilège du Roi. ОРКиР НБ МГУ: Шифр: Ермол. XX 107. Инв. №: 4813. Tome second. Инв. №: 4814

Литература

Silius Italicus. *Punica* (Corpus Poetarum Latinorum. Vol. 3, ed. W. C. Summers, 1905 (= РНІ 5).

Алехина Л. И. Архивные материалы М. Н. Муравьева в фондах Отдела рукописей // Записки отдела рукописей. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. М., «Книжная палата», 1990.

Берков П. Н. Из истории русской поэзии первой трети XVIII века (К проблеме тонического стиха) // XVIII век. Сб.1. М.; Л., 1935.

НИОР РГБ. Фонд 178. Картон 11161.

О возгорении серной горы Геклы // Исторических, генеалогических и географических примечаний в Ведомостях №№ 3–11, 1730.

О возгорении серной горы Геклы; О горе Везувии; О горе Этне // Исторические, генеалогические и географические примечания, в ведомостях издаваемые в Санктпетербурге при Академии Наук с 1729 по 1740 год. Печатаны в Москве при Сенатских Департаментах 1765 года.

Примеры древнего тонического сложения // Русская стихотворная хрестоматия. Собрана Васильем Золотовым. Часть вторая. М., в Университетской типографии. 1829.

Строев П. М. Письмо к Издателям С. Отечества // Сын Отечества, журнал литературы, политики и современной истории, издаваемый Николаем Гречем и Фаддеем Булгариным. Часть сто осмнадцатая. СПб., в типографии Н. Греча. 1828. № VII.

Херасков М. М. Россияда. [3-е изд.] М., в Университетской типографии, 1796.

A. I. Liubzhin. Silius Italicus: towards the history of reception

The paper provides examples involving the reading and translation of Caius Silius Italicus' "Punica" in Russia: the earliest known to date translation, anonymously published in 1765; reminiscences in M. M. Kheraskov's poem "Rossiyada"; and the unpublished translation by M. N. Muraviov. The paper is appended a list of Silius Italicus' books held in the libraries of the Muraviovs and of General A. P. Ermolov.

С. И. Межеричкая

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ НАДГРОБНЫЕ РЕЧИ ЧАСТНЫМ ЛИЦАМ И РИТОРИЧЕСКИЙ КАНОН

Резюме. В работе реконструируется древнегреческий риторический канон фактически утраченного жанра индивидуальной надгробной речи. Анализируются *logoi epitaphioi* разного времени в сопоставлении с данными риторической теории. Автор отмечает индивидуализацию образа адресата речи и усиление патетического элемента, а также существование риторического канона, который в ряде случаев нарушался на практике, поскольку в надгробных речах частным лицам существенно возросла степень авторского самовыражения.

Ключевые слова: древнегреческая литература, надгробные речи, *logoi epitaphioi*, Менандр, “*Περὶ ἐπιδεικτικῶν*”, Гиперид.

Древнегреческие надгробные речи, посвященные частным лицам, несмотря на многовековую традицию существования жанра надгробных речей (*logoi epitaphioi*), известны нам, главным образом, по немногочисленным произведениям позднеримской эпохи. Если оставить в стороне надгробные речи христианских авторов, которые требуют отдельного изучения, от всего периода древнегреческой литературы с IV в. до н. э. по IV в. н. э. сохранилось только три памятника этого жанра (Boulanger 1923: 317): речь “*Μελάγκομος Α*” («Меланком I») Диона Хризостома, возможно, написанная по заказу будущего императора Тита для произнесения на похоронах знаменитого кулачного бойца Меланкома, и две речи Элия Аристида – “*Ἐπὶ Ἀλεξάνδρῳ ἐπιτάφιος*” (“Надгробная речь Александру») и “*Εἰς Ἐτεωνέα ἐπικήδειος*” («Надгробная речь Этеонею»). Первая написана на смерть учителя Аристида – Александра, выдающегося ритора эпохи Антонинов, воспитателя Марка Аврелия и Луция Вера; вторая посвящена талантливому ученику самого Аристида – юноше по имени Этеоней. К этим трем надгробным речам в собственном смысле примыкает еще одна короткая речь Аристида, написанная в жанре монодии – особом риторическом

жанре¹, сходном по своему содержанию и характеру с *logoi epitaphioi*, – это “Μονωδία ἐπὶ Σμύρῳ” («Монодия Смирне»), составленная Аристидом в качестве отклика на трагедию, постигшую город в результате землетрясения в 142 г.

Что касается остальных древнегреческих надгробных речей, дошедших до наших дней от указанного приода, то все они относятся к классической эпохе и являются коллективными похвалами воинам, погибшим на войне в защиту родины. Прежде всего, это “Ἐπιτάφιος τοῖς Κορινθίωι βοηθοῖς” («Надгробное слово в честь афинян, павших при защите Коринфа») Лисия, датируемое ок. 391 г. до н. э.², “Ἐπιτάφιος” («Надгробная речь») Демосфена, посвященная воинам, погибшим в Херонейском сражении (338–337 гг. до н. э.)³, и, наконец, большой отрывок из надгробной речи Гиперида в честь афинян, павших в Ламийской войне 323–322 гг. до н. э. При этом только в отношении последней можно с уверенностью сказать, что она действительно была произнесена самим оратором в 322 году⁴. Наряду с этими тремя надгробными речами афинских ораторов

¹ Менандр Лаодикейский посвящает монодии отдельную главу в своем риторическом трактате, см.: Menander. Peri epideik. 3, 434–437 Sp. В частности, он говорит о том, что первый образец монодии дал Гомер, вложив монодические речи (λόγοι μονωδικοί) в уста Андромахи, Приама и Гекубы (p. 434). Характеризуя этот жанр как разновидность надгробной речи, Менандр пишет: «Итак, чего хочет монодия? Оплакивать и выражать сетования (θρηεῖν καὶ κατοκτιζεσθαι), и даже если умерший не является близким родственником, нужно не только его оплакивать, но и перемежить плач с похвалой (παρὰ μὲν γὰρ τὰ ἐγκώμια τοῖς θρήνοισι), при этом все время не прекращать плач, чтобы это был не просто энкомий и чтобы энкомий служил основанием для плача (πρόφασις τοῦ θρήνου ἢ τὸ ἐγκώμιον)» (P. 434). – *Перевод автора статьи.*

² Сомнения в принадлежности этой речи Лисию неоднократно высказывались различными учеными: Blass 1868, 1: 436 ff.; Burgess 1902: 149; Pohlenz 1948: 46–74. Противоположной точки зрения придерживаются, в частности: Walz 1936: 1–55; Dover 1968.

³ Принадлежность этой речи Демосфену оспаривалась еще в древности, в частности, Дионисием Галикарнасским и Либанием. Мысль о том, что подлинная речь Демосфена, произнесенная им в 338 г. до н. э., не сохранилась, высказывалась многими учеными (Blass 1868, Abth.1: 436; Abth. 3. Abschn. 1. S. 404 ff.; Burgess 1902: 148 etc.). Об аргументах в пользу ее подлинности см.: Sykutris 1928: 242–252; M. Pohlenz 1948.

⁴ Подробное исследование этой речи см.: Colin 1938: 209–266; 305–394.

весьма ценным ранним образцом этого жанра является знаменитая надгробная речь Перикла в честь воинов, погибших в первый год Полопоннеской войны (431 г. до н. э.), которая дошла до нас в пересказе Фукидида (II, 35–46)⁵. Наконец, необходимо также упомянуть надгробную речь Сократа в диалоге Платона «Менексен», посвященную, как и речь Лисия, погибшим в сражении афинянам (236d-249c)⁶. От надгробной речи Горгия, написанной между 426 и 420 г. до н. э., сохранился лишь незначительный фрагмент⁷. Отдельные пассажи из «Панегирика» Исократ (74–81) и речи Ликурга «Против Леократа» (46–51) также напоминают по своему характеру надгробные речи. Этим перечнем фактически исчерпываются известные нам надгробные речи классической эпохи.

Если мы обратимся от конкретных памятников это жанра к древнегреческой риторической литературе, то и здесь нас ждет некоторое разочарование. Как правило, в основе сохранившихся до наших дней трактатов и руководств, в которых упоминаются *logoi epitaphioi*⁸, лежит классическое учение Аристотеля о трех родах красноречия и, в частности, об этической и стилистической основах похвалы и хулы (Aristot. Rhet. I 9, 1366 a – 1368 a). Таким образом, в позднеантичной теории ораторского искусства жанр надгробной речи относился к эпидейктическому роду красноречия (см.: Pernot 1993) и рассматривался как частный случай более общего учения о принципах составления энкомия, то есть на *logoi epitaphioi* по сути распространялись все те же формальные предписания, которые касались и традиционной похвалы. Это, как правило, избавляло авторов от необходимости специально касаться вопросов теории надгробной речи. В частности, у Теона в самом начале его трактата читаем: «Энкомий – это речь, демонстрирующая величие доблестных

⁵ О ней подробно см.: Oppenheimer 1933; Kakridis 1961: 1–119; Flashar 1969; Faber 2009: 117–132.

⁶ Хотя эта речь – скорее пародия на современное Платону софистическое красноречие, тем не менее, она дает представление о риторическом каноне надгробных речей, произносившихся в честь павших на войне. См., в частности: Oppenheimer 1933; Loewenclau 1961: 1–159; Carter 1991: 209–232; Faber 2009.

⁷ Об этой речи Горгия см.: Blass 1868, Abth. 1: 59 ff.; Vollgraff 1952; Prinz 1997: 207.

⁸ См.: Theon. Progyrnasmata 2, 109 ff. Sp.; Menander. Peri epideiktikōn 3, 418 ff. Sp.; Pseudo-Dionysius Ars rhetorica 6, 1.

деяний и прочих достоинств какого-либо уполномоченного лица, та же речь применительно к частным лицам тоже называется энкомием. По отношению к мертвым она зовется надгробной, по отношению к богам – гимном. Восхваляет ли кто живых или мертвых, героев или богов – способ [произнесения] речей один и тот же» (Теон. Progymn. 2, 109 Sp.)⁹. Пожалуй, единственным, весьма ценным для нас исключением в этом отношении является сочинение ритора Менандра Лаодикейского (конец II – начало III вв. н. э.), в котором надгробным речам посвящена отдельная глава и даются подробные рекомендации по их составлению (Menander. Peri epideik. 3, 418 ff. Sp.).

Объяснение этой, на первый взгляд, парадоксальной ситуации может быть найдено, как ни странно, в самом осознании той важной роли, которую играли надгробные речи в повседневной общественной жизни древних греков. Как известно, с начала эллинистической эпохи утратив свое влияние на ход политической истории, греческое красноречие нашло прибежище в стенах многочисленных риторических школ, создав тем самым исключительные условия для дальнейшего развития и процветания теории ораторского искусства¹⁰. С другой стороны, вне риторических школ продолжало существовать прагматическое красноречие, которое, отражая интересы и вкусы широких слоев общества и отвечая его разнообразным потребностям, способствовало появлению огромного количества риторической продукции. Главным образом, это так называемые «речи по случаю» (надгробные, свадебные, поздравительные, приветственные и т. д.), которые обычно либо произносились самими ораторами по поводу различных событий, либо составлялись ими по заказу частных лиц. В дальнейшем спрос на речи такого рода только возрастал, достигнув, наконец, апогея в эпоху Второй софистики¹¹. Разумеется, сугубо утилитарный и прикладной характер этой заказной литературы существенным образом сказывался на

⁹ Греческий текст Теона дан в переводе автора статьи.

¹⁰ О роли риторики в системе античного образования см.: Volkmann 1957; Marrou 1956; Kennedy 1994; Morgan 1998; Education in Greek and Roman Antiquity 2001.

¹¹ Интерес к феномену Второй софистики среди исследователей существенно возрос во 2-ой половине XX века, что привело к появлению большого количества работ общего и частного характера. См., в частности: Bowersock 1969; Bowie 1970: 3–41; Russel 1983; Anderson 1993; Glaeson 1995; Paideia 2004; The second sophistic 2005.

ее качестве, что не могло не вызывать сомнений в ее принадлежности к высокому ораторскому искусству. Этим, по всей видимости, и может объясняться тот факт, почему «речам по случаю» в риторических трактатах уделяется так мало внимания. Более того, нетрудно предположить, что и сами ораторы, и их публика часто воспринимали такие речи как своего рода «окололитературную продукцию», не заслуживающую специальной публикации (Korenjak 2000: 23).

При попытке описать риторический канон фактически утраченного для нас жанра индивидуальной надгробной речи, что и является главной целью данной статьи, следует опираться как на единичные образцы *logoi epitaphioi*, сохранившиеся от различных периодов античной эпохи, так и на те немногочисленные свидетельства об их составлении и практике произнесения, которые оставила нам древнегреческая риторическая литература. Однако при этом необходимо помнить, что любой оратор, следуя тому или иному риторическому канону, обладал известной свободой в выборе и компоновке материала. И чем выше был профессиональный статус оратора, чем большим талантом он обладал, тем большей индивидуальности стиля и тем большего отклонения от общепринятого канона мы в праве от него ожидать¹². Кроме того, не следует упускать из виду и тот факт, что нередко трактаты и руководства по риторике, особенно относящиеся к более позднему времени (а таковые в основном и имеются в нашем распоряжении), составлялись их авторами с опорой на творчество того или иного крупного оратора, чьи сочинения воспринимались как бесспорный образец для подражания. Таким образом, реконструируя риторический канон индивидуальной надгробной речи на основании дошедших до нас памятников древнегреческой литературы, при установлении иерархии источников необходимо отдавать себе отчет в существовании такой опасности, как *circulus vitiosus*. Чтобы ее избежать, следует в равной степени опираться как на произведения самих ораторов, так на существующую риторическую литературу.

Как уже говорилось выше, определенное представление о риторическом каноне надгробных речей, посвященных частным

¹² В частности, это убедительно показал Дж. Оливер на примере двух эпидейктических речей Элия Аристида: Oliver 1953; 1968.

лицам, дают несколько сохранившихся до нашего времени риторических трактатов. Главным из них является трактат ритора Менандра под названием “Περὶ ἐπίδεικτικῶν” («Об эпидейктическом красноречии»). Для нас это не только важнейший источник по теории античной надгробной речи, но и единственный сохранившийся памятник древнегреческой риторической традиции, в котором этому жанру посвящена отдельная глава. Но прежде чем к нему обратиться, укажем на одну интересную деталь, весьма существенную для нашего анализа, а именно, что трактат Менандра скорее всего был составлен под влиянием творчества знаменитого оратора того времени и личного кумира Менандра – Элия Аристиды (см: Boulanger 1923: 322–323). В интересующей нас главе Менандр прямо ссылается на три уже упоминавшиеся выше речи этого автора (Menander. Peri epideik. 3, 418, 5 Sp.). Это обстоятельство, конечно, дает некоторое основание подозревать Менандра в возможной субъективности и односторонности подхода при изложении теории надгробной речи. Однако этот недостаток может показаться не таким уж значительным, если принять во внимание, что надгробные речи даже такого прославленного оратора, как Элий Аристид (творческая оригинальность которого, впрочем, иногда ставилась под сомнение – Baumgart 1874: 39; Van Groningen 1965: 41–56), должны были писаться в более или менее строгом соответствии с общепринятым риторическим канонам.

Итак, в главе, посвященной надгробным речам – “Περὶ ἐπιτάφίου” – Менандр прежде всего дает определение данного жанра: «У афинян “надгробной” (ἐπιτάφιος) называется речь, произносившаяся ежегодно в честь павших в войнах, название же свое она получила ни от чего иного, как от обычая произносить ее над самым телом [покойного]... Произносил ее обычно военачальник, когда афиняне оказывали ему такую честь...» (Menander. Peri epideik. 3, 418 Sp.)¹³. В дальнейшем название “λόγος ἐπιτάφιος” сохранялось уже за любой надгробной речью – в том числе (а в позднейшую эпоху исключительно) посвященной частному лицу, а ее произнесение непосредственно над могилой покойного, как показывает пример Аристиды, более не являлось обязательным условием функционирования жанра.

¹³ Здесь и далее греческий текст Менандра дается в переводе автора статьи.

Согласно Менандру, надгробные речи могли писаться и произноситься спустя значительное время после трагического события. Так, рассматривая λόγος ἐπιτάφιος как сложный жанр, представляющий собой сочетание трех основных составляющих: похвалы (ἐγκώμιον), плача (θρήνος) и утешения (παράμυθια), автор рекомендует варьировать эти элементы в зависимости от отношения времени произнесения речи ко времени смерти восхваляемого (один год – шесть-восемь месяцев – меньше полугода), наличия у него родственников, степени близости говорящего к умершему и т. д. Например, ни плач, ни утешение, по мнению автора, в надгробной речи не уместны, если с момента смерти прошло уже много времени, так как забвение избавляет от страданий. То же самое касается случая, если у умершего нет родителей или родственников, которые единственно способны испытывать в подобном случае сильную печаль¹⁴ – в противном случае возникает опасность ложного пафоса. Если даже таковые лица имеются, но надгробная речь произносится спустя некоторое время после смерти человека, также не рекомендуется включать в нее плач, поскольку естественно предположить, что печаль по этому поводу уже утихла. Если же после смерти прошло немного времени (по представлениям автора, это шесть или восемь месяцев), то можно включить в речь утешение, но только в тех случаях, когда ее произносит не близкий родственник покойного, – в противном случае надгробная речь и через год сохранит патетический характер. Таким образом, речь в память умершего, в которой отсутствует и плач, и утешение, Менандр характеризует уже не как λόγος ἐπιτάφιος, а как «чистый энкомий», проводя аналогию с «Эвагором» Исократ¹⁵. Итак, подчеркнем, что наличие одновременно всех трех элементов – похвалы, плача и утешения – является,

¹⁴ Традиционно индивидуальные надгробные речи произносились близкими родственниками или друзьями умерших, о чем, в частности, свидетельствует вступление к «Меланкому» Диона Хризостома (Melan.,1): «Лично мне кажется странным обычай, принятый в отношении умерших, что тех, кто испытывает наибольшее горе, считают подходящими для произнесения речей при их погребении. Ведь тот, кто скорбит сильнее всего, по этой самой причине не способен произносить речи». – *Перевод автора статьи.*

¹⁵ Менандр пишет: «οὐκοῦν ὁ μετὰ χρόνον πολὺν λεγόμενος καθαρὸν ἐστὶν ἐγκώμιον, ὡς Ἴσοκράτους ὁ Ἐυαγόρας (Menandr. Peri epideik. 3, 419 Sp.).

согласно Менандру, важнейшим жанрообразующим признаком надгробной речи.

Определив природу той разновидности надгробной речи, которую он называет «патетической» (ὁ παθητικός), то есть исполненной пафоса, или страдания (πάθος) (это речь, произносимая в адрес недавно умершего), Менандр переходит к рассмотрению ее структуры. Тезис Менандра о том, что λόγος ἐπιτάφιος отличается от энкомия, главным образом, присутствием в ней таких патетических элементов, как плач и утешение, означает, что в ее основе лежит та же похвала, что и в основе жанра энкомия. Отсюда следует дальнейшее заключение о том, что в надгробной речи необходимо следовать основным общим местам энкомия (τοῖς ἐγκωμιαστικοῖς κεφάλαιος), добавляя к ним плач (τὰ κεφάλαια μὴ καθαρῶς τῶν θρήνων).

Начинать надгробную речь Менандр советует, как и энкомий, с топоса похвалы славному происхождению покойного. Итак, прежде всего нужно сказать, что он происходил из всеми уважаемой семьи, высоко почитался согражданами и был украшением своего рода. Однако, говоря о его происхождении, вместо обычных loci communes энкомия (восхваление предков и родителей, перечисление их достоинств и т. д.), автор предлагает оплакивать несчастную мать и ее напрасные родовые муки. За топосом похвалы происхождению покойного, как и в энкомии, следует топос похвалы его прекрасному воспитанию и образованию. При этом произносящий речь должен не только хвалить неординарные способности ее адресата и говорить о тех больших надеждах, которые на него возлагали его воспитатели, но и сетовать на то, что злое божество безжалостно надсмеялось над всеми, неожиданно похитив несчастного из мира живых.

Далее, следуя по порядку остальным топосам энкомия, Менандр рекомендует постепенно усиливать плач (τοῖς λοιποῖς ἐπεξελεύσῃ κεφαλαίοις τοῖς ἐγκωμιαστικοῖς, αὖξων δὲ καὶ τὸν θρήνον). Таким образом, оплакивать нужно все то, что обычно восхваляется в энкомии (ἕλη σοι γινέσθω τὰ ἐγκώμια τῶν θρήνων), – предков, рождение, природный склад, воспитание, образование, род занятий. Что касается природных качеств умершего, то здесь, как и в энкомии, автор рекомендует сначала восхвалять красоту его тела, а затем – благородство души. Говоря о красоте умершего, следует возобновлять плач (ἐπίστρεφε δὲ τὸν ἀκροατὴν αὖθις ἐπὶ τὸν θρήνον). Упомянутые же качества характера покойного необходимо, как это принято в энкомии,

подтверждать примерами из сферы его воспитания, образования и рода занятий. По поводу воспитания, например, следует сказать о благородстве его души, по поводу образования – что он опережал в познаниях своих сверстников, по поводу его деятельности – что он был справедливым, человеколюбивым, обходительным, кротким. Если в энкомии главным объектом внимания является перечисление благих дел, которые характеризуют род занятий данного лица, то в надгробной речи автор советует каждое из описываемых деяний сопровождать плачем (ἐν ἐκάστῃ πράξει θρήνον ἐπεμβαλεῖν). После этого нужно сказать об удаче, которая при жизни во всем сопутствовала умершему – прежде всего в том, что касается его благосостояния, потомства, друзей, взаимоотношений с властями и т. д. Далее Менандр рекомендует возобновлять плач, изрекая жалобы и всяческими способами вызывая слезы у слушателей.

Если традиционным завершением энкомия является молитва к богам о том, чтобы они и впредь являли свою благосклонность и покровительство всем окружающим, то в надгробной речи между последним аспектом похвалы и финальной молитвой возникает совершенно особый топос, характерный только для этого жанра. Это уже упоминавшееся выше обращение оратора ко всем присутствующим с заключительными словами утешения (τὸ παραμυθητικὸν κεφάλαιον), знаменующее прекращение плача (οὐ δεῖ θρηνεῖν). Топос утешения традиционно представлял собой философское рассуждение о смысле жизни – например, о том, что человек смертен, что все происходит по воле богов, что покойный пребывает ныне на Островах блаженных и т. д. Утешение Менандр рекомендует обращать отдельно к жене, отдельно – к детям. Если дети слишком малы, то вместо утешения лучше обратиться к ним с увещательной речью, так как по юности лет они еще не способны испытывать настоящее страдание. Лучше же всего, считает Менандр, обращаться и к жене, и детям одновременно – и с утешением, и с советом. Если они при этом слишком юны, то жену следует призывать к подражанию древним и лучшим из женщин и мифологическим героиням, а детей – доблестям отца. После слов утешения необходимо обратиться к согражданам с призывом заботиться о семье покойного и чтить его память. Завершается λόγος ἐπιτάφιος, как и энкомий, традиционной молитвой к богам.

Приводимые Менандром правила составления индивидуальной надгробной речи по большей части использовались еще

с классических времен применительно к коллективным надгробным речам. Они касаются как общей структуры речи, так и составляющих ее отдельных топосов – благородного происхождения, достойного воспитания, выдающихся качеств личности, совершенных деяний (в данном случае – военные подвиги и добровольная смерть во имя родины), утешения родственников и призыва сограждан к подражанию. Вместе с тем, имеются и существенные отличия. Например, в дошедших до нас коллективных надгробных речах за топосом похвалы происхождению погибших воинов обычно следует обширная часть речи, посвященная славному историческому прошлому их родного города – победам в многочисленных войнах, социально-экономическим и культурным достижениям, заслугам перед Грецией и человечеством и т. д. В индивидуальных же речах эта часть полностью отсутствует, зато большое внимание уделяется таким темам, как воспитание и образование умершего, раннее проявление и исключительность его способностей, замечательная внешность, высокие моральные качества и т. д. Для того, чтобы установить причину этих и других значительных расхождений в структуре индивидуальных надгробных речей более позднего времени и коллективных надгробных речей классической эпохи, необходимо, насколько это возможно в условиях крайней ограниченности имеющихся в нашем распоряжении сведений, проследить историю развития данного жанра.

Появление коллективных надгробных речей связано с существовавшим в Афинах IV–V вв. до н. э. обычаем хоронить всех погибших за год войны граждан в общей могиле¹⁶. Эта

¹⁶ В древности установление этого обычая приписывалось Солону (Thuc. II 35), однако это мнение было оспорено Гоммом (Gomme 1956: 103). В настоящее время не вызывает сомнения факт возникновения жанра надгробной речи в результате трансформации фрэна как поэтического жанра (примеры его см.: II. XXIV, 725 ff; Pindar pp. 409 f. Christ; Eurip. Suppl. 780, 857, 960 ff.) приблизительно в конце VI в. до н. э. (Burgess 1902: 146 ff.). Причина этого видится в глубоких социально-политических и культурных изменениях, произошедших в греческом обществе вскоре после победы над Персией (Snell 1887: 9). Поводом для введения афинянами ежегодного ритуала произнесения надгробной речи явилось, по мнению Оветта (Hauvette 1898: 139 ff.), состоявшееся в Элевсине перезахоронение костей Тезея под руководством Кимона, который и выступил в качестве учредителя соответствующего закона.

торжественная церемония погребения, традиционно сопровождавшаяся произнесением похвальной речи в честь павших воинов, описана Фукидидом применительно к окончанию первого года Пелопонесской войны (Thuc. II 34). Произнесение такой речи обычно поручалось выборному лицу, занимавшему в городе высокое социально-административное положение и пользовавшемуся большим авторитетом у своих сограждан. Задачей оратора являлось восхваление доблести и мужества погибших и репрезентация последних как героических защитников отечества, что составляло специфическое ядро речи (см.: Brock 1998: 227), вокруг которого располагались все остальные топосы и темы, позволявшие лучше раскрыть центральный тезис¹⁷. Обычно надгробная речь начиналась с короткого вступления, в котором оратор обосновывал возложенную на него обязанность публичного выступления ссылкой на существующую традицию и заявлял предстоящую тему. Этому неизбежно сопутствовал топос, заключающийся в словах о необходимости достойно почтить павших и в то же время – о трудновыполнимости данной задачи и выражавший сомнение оратора в собственных силах (Thuc II, 35; Lys. 1–2; Demosth. 1–3; Hyper. 1–3). Далее следовала основная часть речи, которая состояла из очередности нескольких топосов. Поскольку для полисного менталитета классической эпохи было характерно восприятие любого гражданина с точки зрения его принадлежности к родовой общине, то и героизм погибших воинов мыслился не как следствие их личной инициативы и собственная заслуга, а как проявление коллективной морали, носителями которой они являются и которая есть не что иное, как верность заветам предков. Тем самым главный акцент похвалы переносился с образа погибших на их отцов, дедов и прадедов, а также на легендарных первооснователей и законодателей города (Burgess 1902: 150 ff.). В дошедших до нас надгробных речах этот топос реализуется в пространном изложении социально-политической, военной или культурной истории государства (Faber 2009). Так, в речи Перикла затрагивается тема государственного устройства, проистекающих из него нравственных приоритетов и ценностей афинян, культурных достижений и просветительской деятельности

¹⁷ О топосах и общих местах в речах этого жанра см.: Ziolkowski 1981; Loraux 1986: 65–77, 88–91, 136–137, 277; Burgess 1902: 146–157; Walters 1980: 1–27.

Афин на благо всей Греции (Thuc. 36–42,1). Лисий, напротив, уделяет много внимания как легендарному, так и историческому военному прошлому Афин начиная с мифологического сражения с амазонками и заканчивая греко-персидскими и Пелопонесской войнами (Lys. 3–66). Этой теме посвящена практически вся оставшаяся часть «Надгробного слова», таким образом, к своему главному предмету – подвигу погребаемых в настоящий момент афинян – Лисий возвращается вновь лишь в последних главах речи. Демосфен и Гиперид также обращаются к теме славной военной истории Афин (Demosth. 4–11; Hyper. 4–5), однако этот топос является у них, скорее, данью традиции и подготовительным этапом к следующей части речи – собственно похвале недавно погибшим воинам. Завершалась надгробная речь традиционными словами утешения к присутствующим и призывом чтить память погибших и подражать их примеру¹⁸.

Не случайно теме блестящего прошлого афинского государства в рассматриваемых надгробных речах уделяется столь большое внимание. Это связано с тем, что традиция произнесения надгробных речей над телами павших воинов была вызвана не только очевидной необходимостью оказать погребаемым должный почет, но и имела более глубокое обоснование, корнящееся в особой психологии древнегреческого общества классического периода. Выше уже говорилось о специфическом коллективистическом мировоззрении древних греков, выражавшемся в приоритете общественного начала над личностным. Помимо коллективного характера похвалы погибшим, отголоски этого можно усмотреть также в афинском обычае хоронить погибших в общей могиле и на средства государства (Thuc. II 34, 1–5). Публичный характер похорон и сами произносимые надгробные речи в свою очередь призваны были служить общей спланивающей всех граждан идее – необходимости строго блюсти свой гражданский долг и готовности по первому зову пролить свою кровь за отечество. Таким образом, коллективная похвала павшим воинам служила выражением идеологии патриотизма, коллективизма и гражданской общности всех жителей Афин (см.: Hesk 2009: 157). Это подтверждают слова Перикла о том, что «любой из граждан и иностранцев имеет право при-

¹⁸ Детальное исследование структуры надгробных речей классической эпохи представлено в работах: Prinz 1997; Frangeskou 1999: 315–336; Faber 2009: 122 ff.

соединиться к похоронной процессии» (Thuc. II 34, 4)¹⁹ и что в погребении участвовали также и женщины. А Гиперид, говоря о погибших в Ламийской войне, подчеркивает, что считает бессмысленным занятием произносить похвалу каждому роду в отдельности, а посвятит свою речь афинянам, которые, будучи гражданами одного города, принадлежат к одному общему роду²⁰. В свете вышесказанного становится понятным, почему в надгробных речах классической эпохи храбрость и мужество погребаемых не только восхвалялись, но и сознательно вписывались ораторами в более широкий социально-исторический контекст посредством сравнения их деяний с деяниями предшествующих поколений афинских воинов, также сражавшихся и погибавших за отечество. Создавая длинную галерею героических образов с помощью топоса похвалы историческому прошлому Афин и устанавливая тем самым преемственность поколений, коллективные похвалы павшим воинам должны были воспитывать в афинских гражданах чувство патриотизма, внушать им мысль о желанной смерти в бою, вызывать зависть к славе погибших и стремление подражать их подвигам. Яркими примерами этого могут служить надгробные речи Перикла и особенно Лисия, который посвящает данной теме большую часть своей речи, говоря о том, что «о них (т. е. войнах предков – С. М.) должны помнить все, – прославлять их в песнях, говорить о них в похвальных речах, оказывать им почет во времена, подобные теперешним, учить живых примерами деяний усопших» (Lys. Epit. 3)²¹. В речи платоновского Сократа также подробнейшим образом излагается военно-политическая история Афин, причем перечисление всех войн, которые вели афиняне, –

¹⁹ Здесь и далее цитируется по изданию: Фукидид. История. Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. М., 1993.

²⁰ Так, у Гиперида читаем: “νῦν δὲ πόθεν ἄρξωμα[ι λέγων], ἢ τίνος πρῶτον μνησθῶ; πότερα περὶ τοῦ γένους αὐτῶν ἐκάστου διεξέλθω; ἀλλ’ εὔηθες εἶναι ὑπολαμβάνω: τὸ <ν> μὲν <γὰρ> ἄλλους τινὰς ἀνθρώπους ἐγωμιάζονται, οἱ πολλαχόθεν εἰς μίαν πόλιν συνεληλυθότες οἰκοῦσι γένος ἴδιον ἕκαστος συνεισενεγκάμενος, τοῦτον μὲν δεῖ κατ’ ἀνδρα γενεαλογεῖν ἕκαστον: περὶ δὲ Ἀθηναίων ἀνδρῶν τοῦ <ς> λόγου <ς> ποιούμενον, οἷς ἡ κοινὴ γένεσις ἀ[ὐτόχ]θοσιν οὔσιν οὔσιν ἀνυπέβλητ[ον] τὴν εὐγενεῖαν ἔχει, περίεργον ἡγοῦμαι εἶναι ἴδια [τα] γένη ἐγκωμιάζειν” (Hyper. Epit., 6–7).

²¹ Здесь и далее цитируется по изданию: Лисий. Речи. Пер. и коммент. С. И. Соболевского. М., 1994.

от греко-персидских до Пелопонесской, – как и у Лисия, занимает практически две трети речи (237 b – 246 a). Кроме военной темы, в надгробных речах, как уже говорилось выше, широко представлена тема культурной гегемонии Афин, являющихся, по словам Перикла, «школой всей Эллады» (Thuc. II, 41). Особенно показателен в этом отношении знаменитый пассаж из надгробной речи Гиперида, где он сравнивает благодеяния, оказываемые Афинами Греции, с благами, которыми обязана Солнцу вся земля (Nugent. 4–5). Разумеется, картина славного прошлого и блистательного настоящего Афин, воссозданная в надгробных речах классической эпохи, является в определенном смысле риторической гиперболой. В частности, в упомянутом пассаже из речи Перикла о величии Афин, изображаются не столько исторические Афины этого времени, сколько некое «идеальное государство», что помимо всего прочего должно было служить целям определенной идеологической пропаганды (см.: Anderson 1991). Нечто подобное мы встречаем и у Платона, когда Сократ, вопреки естественной хронологии событий выступая свидетелем позднейшего упадка Афин, тем не менее, не только продолжает находить все новые и новые доказательства величия афинян в самых неблагоприятных для них обстоятельствах, но даже их явные просчеты и неудачи трактует как успехи.

Говоря о структуре коллективной надгробной речи, необходимо рассмотреть и остальные топосы, которые наряду с топосом похвалы происхождению павших воинов от достойных предков и топосом похвалы величию их общей родины составляли ее большую часть. Возвращаясь к главной теме изложения – образу погибших героев, оратор переходил к следующему топосу – похвале их воспитанию и образованию. Например, необходимо было показать, что они с самого начала отличались прилежанием в учебе, способностями к наукам, положительными качествами характера (Demosth. 16). Также оратор мог, минуя этот топос, перейти непосредственно к топосу похвалы храбрости и мужеству погребаемых и совершенных ими подвигов, как мы это видим в речах Перикла, Сократа, Лисия и Гиперида. Последний прямо заявляет, что не будет упоминать о детстве погибших героев, как это обыкновенно делают другие ораторы, поскольку все присутствующие при погребении хорошо знают, как афиняне воспитывают своих детей: то, что, оказавшись на войне, эти мужи явили свою доблесть, по мнению

Гиперида, ясно свидетельствует об их достойном воспитании (Нурер. 8).

Топос похвалы военной доблести павших воинов образует второе поле эмоционального напряжения в надгробной речи, уравнивая предшествующий топос похвалы их предкам и родине. Тема мужества и самопожертвования погибших афинян раскрывается, как правило, все на том же мифологическо-историческом фоне, который является как бы продолжением темы славного исторического прошлого города. Таким образом, изложение материала в надгробной речи движется как бы по спирали – делая очередной виток, оно возвращается к прежнему тезису, но уже на новом уровне. Так, едва закончив свой экскурс в военно-политическую историю Афин, Лисий, переходя к похвале доблести погребаемых, не забывает вставить, что «в новой борьбе (т. е. в войне афинян и фиванцев в поддержку коринфян – С. М) они подражали древней доблести предков» (Lys. Epit. 61). Демосфен, говоря о причинах, побудивших сражавшихся при Херонее с честью принять смерть, наряду с их происхождением, воспитанием, склонностью к достойному образу жизни и принципами всего общественного строя Афин называет преданность погибших «обычаям своих фил». В подтверждение этого он вводит в свою речь довольно значительный по объему пассаж, в котором приводит многочисленные примеры самопожертвования и несгибаемой воли отдельных мифологических героев, предпочетших славную смерть жизни в позоре (Demosth. 27–31). Этот же прием сравнения восхваляемых с величайшими личностями прошлого мы найдем и в позднейших надгробных речах частным лицам. Другой излюбленный у ораторов риторический прием, используемый при похвале погребаемым, – это гипербола, которая, в индивидуальных надгробных речах римской эпохи переросла в устойчивый риторический штамп²². Приведем в качестве примера отрывок из над-

²² Этот штамп – ни что иное, как доведенный до логического предела и взятый за аксиому принцип аристотелевской «Риторики» (I 9, 1368a): «Преувеличение по справедливости употребляется при похвалах, потому что похвала имеет дело с понятием превосходства, а превосходство принадлежит к числу вещей прекрасных, поэтому, если нельзя сравнивать человека с знаменитыми людьми, следует сопоставлять его вообще с другими людьми, потому что превосходство служит признаком добродетели. Вообще из приемов, одинаково принадлежащих всем [трем] родам речей, преувеличение всего более подходит к речам эпи-

гробной речи Демосфена: «...Мне кажется, не погрешил бы против истины тот, кто сказал бы, что доблесть этих мужей была душою Эллады; ибо как только их дыхание рассталось с телом, было уничтожено и достоинство Эллады. <...> Подобно тому, как если бы кто лишил света Вселенную, то вся остальная жизнь оказалась бы безрадостной и мучительной, так вся прежняя гордость эллинов с гибелью этих мужей погрузилась во мрак и полное бесславие» (Demosth. Epit. 23–34)²³.

Особого внимания в отношении топоса похвалы погибшим афинянам заслуживает надгробная речь Гиперида. В отличие от всех остальных надгробных речей, представляющих собой коллективную похвалу афинян «в массе», а отдельных военачальников прошлого упоминающих очень кратко, Гиперид посвящает значительную часть своей речи военным и политическим достижениям Леосфена – предводителя греческого войска в Ламийской войне (Huper. 9–15). Так, сразу после краткой (в отличие от других надгробных речей) похвалы Афинам, включающей в себя упомянутое выше сравнение Афин с солнцем, Гиперид, минуя традиционный топос похвалы воспитанию и образованию павших воинов, сразу переходит к похвале Леосфену: «Итак, я полагаю, что самым простым было бы рассказать об [их] доблести и о том, что они явились причиной многих благ для своей родины и всех эллинов. Я же начну прежде всего с военачальника, ибо это будет справедливо. Так как Леосфен видел, что вся Эллада пала духом и... пребывает в страхе, будучи разорена прихвостнями Филиппа и Александра, действующими во вред своим родным городам, и что наш город нуждается в человеке, а вся Эллада – в городе, который бы смог взять на себя руководство, он предоставил себя самого в распоряжение родине, а [свой] город – эллинам для [их] освобождения» (Huper. Epit. 10)²⁴. Далее, говоря о блестящих военных операциях Леосфена в Беотии и Фермопилах, Гиперид под-

дейктическим, потому что здесь оратор имеет дело с деяниями, признанными за неоспоримый факт; ему остается только облечь их величием и красотой». Здесь и далее цитируется по изданию: Аристотель. Риторика. Пер. Н. Платоновой / Античные риторика. М., 1978.

²³ Здесь и далее цитируется по изданию: Демосфен. Речи. В 3-х т. Под ред. Е. С. Голубцовой, Л. П. Маринович, Э. Д. Фролова. Т. 2. М., 1994.

²⁴ Здесь и далее греческий текст Гиперида дается в переводе автора статьи.

черкивает, что «справедливо в первую очередь благодарить Леосфена – не только за то, что он сделал, но и за позднейшее сражение, произошедшее уже после его смерти, и за остальные успехи, которые сопутствовали эллинам в этой военной капании. Ибо на фундаменте, заложенном Леосфеном, зиждутся дальнейшие деяния его последователей» (Hyper. Epit. 14). Таким образом, в речи Гиперида – возможно, впервые за всю историю существования жанра коллективной похвалы погибшим воинам – заслуга спасения отечества приписывается одному конкретному человеку. Во всяком случае, Гиперид находит возможным вывести фигуру полководца на первый план, тем самым затронув нехарактерную для этого жанра тему роли личности в истории. Однако при всем этом оратору мастерски удается соблюсти в своей речи хрупкий баланс между традиционной пропагандой идеологии коллективизма и явным желанием увековечить память отдельной личности (см.: Hesk 2009: 158). Как бы в оправдание своего повышенного внимания к личности Леосфена Гиперид предваряет дальнейшую коллективную похвалу погибшим героям следующими словами: «И пусть никто не заподозрит меня в том, что я нечего не говорю о других гражданах, а восхваляю одного Леосфена. Ибо подобает, чтобы похвала Леосфену за эти сражения была похвалой и остальным гражданам. Ведь успешная стратегия зависит от военачальника, а победа в сражении – от тех, кто решился подвергнуть опасности свою жизнь. Поэтому, когда я восхваляю одержанную победу, я в одно и то же время воздаю хвалу и предводителю Леосфену, и доблести остальных» (Hyper. Epit. 15).

Существенным для нас новаторством Гиперида является и то, что вместо широко распространенного топоса сравнения восхваляемых с героями прошлого (Aristor. Rhet. I 9, 1368 a) с целью подчеркнуть, что первые, следуя во всем примеру предков, не посрамили их память и отстаивали честь родины, оратор обращается к приему гиперболы, вследствие чего погибшие признаются самыми стойкими и отважными воинами за всю историю человечества. Своими подвигами и доблестью они превосходят героев предшествующих войн: «Ни одна война не явила доблесть сражавшихся больше, чем эта, во время которой им целые дни напролет приходилось строиться в боевом порядке, участвовать одному войску в большем числе сражений, чем те, в которых довелось участвовать всем вместе взятым воинам прошлого, да еще при крайне суровых условиях зимы и

столь многих ежедневных лишениях, что это трудно описать» (Нурег. Еrit. 23). Более того, сравнивая Леосфена с героями Троянской войны, Гиперид говорит, что эти «так называемые полубоги» с помощью всей Греции захватили один город, в то время как Леосфен с помощью одного только города (т. е. Афин) ниспроверг власть Македонии, подчинившей себе всю Европу и Азию (Нурег. 35). И если те вступились за поруганную честь одной-единственной женщины, то Леосфен вместе со своими солдатами – за честь всех женщин Греции (Нурег. 36). Вспоминая героев греко-персидских войн, Гиперид утверждает, что Леосфен превзошел мужеством и разумом даже Мильтиада и Фемистокла, так как последние лишь остановили нашествие варваров, а Леосфен предотвратил его (Нурег. 38). Этот ряд сравнений в пользу Леосфена завершается сопоставлением его заслуг перед всей Грецией с заслугами тираноубийц Гармодия и Аристогета перед афинским народом. В позднейших надгробных речах частным лицам использование подобной гиперболы стала обязательным топосом, лежащим в основе похвалы.

Итак, сделанные наблюдения позволяют нам усмотреть в примененном Гиперидом приеме индивидуализации похвалы в адрес отдельной личности важнейшую инновацию, произошедшую в традиции коллективных надгробных речей этого периода. Речь Гиперида является для нас ценным свидетельством того, что уже с конца классической эпохи в этом жанре начинают появляться определенные тенденции, которые со временем должны были привести к появлению надгробных речей, посвященных частным лицам. Разумеется, этому процессу немало способствовали и те новые культурно-исторические условия, в которых, как уже говорилось, оказалось греческое красноречие в эллинистическую эпоху. И хотя от этого периода до нас не дошло ни одного соответствующего памятника, мы имеем полное основание предполагать, что жанр индивидуальной надгробной речи должен был сформироваться именно в этот период.

Завершая анализ структуры коллективных надгробных речей, обратимся к двум последним топосам, которые следуют за похвалой павшим воинам. Это традиционные слова утешения, обращенные к родственникам и согражданам погибших, и призыв всех присутствующих при их погребении стремиться прожить свою жизнь так же, как они. Призыв к подражанию усопшим – *locus communis* во всех дошедших до нас надгробных

речах (Thuc. II, 43; Plat. Menex. 246 d – 247 сб 248 e; Lys. 69–70, 76, 81; Demosth. 26; Hyper. 40). В коллективных же похвалах погибшим воинам – это еще и способ идеологической пропаганды, который, наряду с топосом похвалы предкам и славному прошлому города, выполняет важнейшую дидактическую функцию. Центральным для этого топоса является тезис о том, что смерть на войне – завидный удел для каждого гражданина, так как, отдавая свою жизнь за отечество, он обретает, как говорит Перикл, «непреходящую славу и самую почетную гробницу не только здесь, ... где они погребены, но и повсюду, где есть повод вечно прославлять их хвалебным словом или славными подвигами. Ведь гробница доблестных – вся земля...» (Thuc. II 43, 2–3). Другой не менее значимый тезис, к которому часто прибегают ораторы в таких случаях, – хорошо выражен в словах Демосфена о том, что лучше предпочесть «прекрасную смерть позорной жизни» (Demosth. Epit. 26).

С топосом призыва к подражанию тесно связан топос утешения, который либо предшествует ему, либо непосредственного из него вытекает (Thuc. II, 44–45; Plat. Menex. 247 с – 248 d; Hyper. 41–43). Слова утешения обычно обращены к близким родственникам погибших, которые призываются к тому, чтобы мужественно переносить это несчастье и быть достойными славы своих погибших сыновей, отцов или братьев. Основу этого топоса обычно составляет философское рассуждение о краткосрочности жизни и о том, что истинными благами для людей являются доблесть и слава среди потомков. Погибших следует считать счастливыми людьми, так как они «закончили свою жизнь в борьбе за величайшие и лучшие блага, ...не ожидая естественной смерти, но выбрав себе самую лучшую» (Lys. Epit. 79). В связи с этим мужчинам, как правило, дается совет во всем равняться на погибших, а женщинам – не забывать о своей женской природе, то есть о священной роли материнства и его пользе для общества. Счастливыми погребаемых следует считать еще и потому, что им больше неизвестны физические страдания и душевная боль, оставшаяся на долю живущих. Более того, «они сидят рядом с подземными богами и на островах блаженных пользуются почетом, одинаковым с доблестными мужами предшествующих времен» (Demosth. Epit. 34). Еще одним существенным элементом топоса утешения является тезис о том, что чрезмерная скорбь и страдания родственников не доставили бы радости умершим, а наоборот, были бы им

крайне неприятны, так как поставили бы под сомнение ценность и оправданность принесенной ими жертвы. В этом отношении показательна утешительная речь платоновского Сократа, построенная на философском принципе «ничего сверх меры»: не следует ничему чрезмерно радоваться и ни о чем слишком печалиться, ибо в этом залог мудрой и разумной жизни (Plat. Menex. 248 a). Призыв к ритуальному оплакиванию покойников, являвшемуся заключительной частью официальной церемонии погребения, обычно содержится в одной короткой фразе в конце речи и выдержан в умеренном тоне, что указывает на этот топос как на общепринятое завершение надгробной речи (Demosth. Epit. 37; Thuc. 46 (2); Plat. Menex. 249 c). Исключением служит только надгробная речь Лисия, финальной части которой свойственен пафос, отдаленно напоминающий топос плача из менандрова канона. Так, Лисий говорит: «Они окончили жизнь, как подобает окончить ее хорошим людям, – отечеству воздав за свое воспитание, а воспитателям оставив печаль. Поэтому живые должны томиться тоской по ним, оплакивать себя и сожалеть об участи их родных в течение остальной их жизни. В самом деле, какая радость им остается, когда они хоронят таких мужей, которые, ставя все ниже добродетели, жен сделали вдовами, детей своих оставили сиротами, братьев, отцов, матерей покинули одинокими? <...> Да, какое горе может быть сильнее, чем похоронить детей, которых ты родил и воспитал, и на старости лет остаться немощным, лишившись всяких надежд, без друзей, без средств, возбуждать жалость в тех, которые прежде считали тебя счастливым, желать смерти больше, чем жизни? Чем лучше они были, тем больше печаль у оставшихся» (Lys. 71-73). В качестве одной из возможных интерпретаций подобного нехарактерного для коллективной надгробной речи пафоса видится нам связанное с давней полемикой вокруг аутентичности речи предположение о возможном влиянии на Лисия личности заказчика и других неизвестных нам обстоятельств, что в конечном итоге могло привести к некоторым отклонениям в традиционном стиле оратора. В заключение нашего обзора структурных особенностей коллективной надгробной речи упомянем еще один немаловажный элемент, обычно входящий в топос утешения, а именно – призыв к постоянной заботе, всеобщем внимании и глубоком почтении, которые должны проявляться всеми гражданами города по отношению к родителям или соответственно детям погибших.

Итак, проведенный сравнительный анализ дошедших до нас коллективных надгробных речей в честь павших воинов свидетельствует о существовании в классическую эпоху вполне сложившегося риторического канона, которому с большей или меньшей точностью следовали все ораторы, писавшие в этом жанре. Что же касается его соответствия описанному выше риторическому «канону Менандра», то при общем сходстве структуры коллективных и индивидуальных надгробных речей в них имеются и существенные различия, по всей видимости, обусловленные развитием жанра в последующие эпохи. Так, в индивидуальных надгробных речах подверглись значительной переработке топоры похвалы рождению, воспитанию и образованию усопшего. Если в коллективных надгробных речах в соответствии с их общей дидактической направленностью похвала предкам и воспитанию погибших воинов служит в определенном смысле лишь поводом к более расширенной похвале родному городу – его блестящему прошлому и не менее славному настоящему, то в надгробных речах частным лицам похвала касается, прежде всего, личных заслуг покойного. Как уже говорилось выше, это топоры похвалы благородному происхождению погребяемого, его исключительной одаренности, раннему проявлению всевозможных талантов и способностей, прилежанию в учебе и т. д.

Что касается похвалы самим покойным, то в коллективных надгробных речах оратора обычно мало интересуют какие-либо другие черты характера восхваляемых, кроме важнейших и общепринятых гражданских добродетелей, таких, например, как храбрость, преданность заветам предков, способность к самопожертвованию. Автор индивидуальной надгробной речи, напротив, стремится охватить самые разные стороны натуры усопшего. Стандартный набор традиционно восхваляемых моральных качеств, как правило, следующий: это благоразумие, скромность, справедливость, доброта, человеколюбие, бескорыстие и т. п. (см. приведенный выше разбор трактата Менандра). Разумеется, излюбленным риторическим приемом ораторов является в данном случае гипербола. Помимо рассматриваемых в обоих типах надгробных речей внутренних качеств, обязательным топором похвалы в индивидуальной надгробной речи является также внешняя красота усопшего. Таким образом последовательно проводится важнейший эстетический принцип – калокагатии восхваляемого. Наконец, топор похвалы деяниям, имею-

щий отношение в коллективных надгробных речах к военным подвигам погибших героев, в речах частным лицам затрагивает разнообразную общественную деятельность усопшего на благо города (или даже всех эллинов), которая, согласно Менандру, призвана проиллюстрировать предшествующий топос о высочайшем уровне его воспитания и образования. Нетрудно заметить, что эта часть индивидуальной надгробной речи почти полностью построена по принципу «чистого энкомия».

Итак, совершенно очевидно, что значительное расширение в частных надгробных речах по сравнению с речами коллективными топоса похвалы воспитанию, образованию, природным качествам и деятельности усопшего связано с иными целями и задачами, стоящими перед авторами этих речей. Прежде всего, в таких случаях оратор стремится создать образ уникальной личности умершего, которой настолько же во всех отношениях превосходит остальных своих сограждан, а нередко даже поколения прежде живших людей (опять-таки гипербола), насколько восхваляемые в коллективных речах погибшие воины, напротив, целиком и полностью вписываются в традиционное, хотя и несколько идеализированное, сообщество афинских граждан. И если они нередко называются авторами надгробных речей лучшими из граждан, то рассматриваются при этом только как *primi inter pares*, которые не уронили честь и славу предков, а явились достойными продолжателями их дела.

Общий для обоих типов речей топос утешения, представляющий собой завершающую часть любой надгробной речи, в индивидуальных речах менее всего подвергся изменению. Это хорошо видно по рекомендациям, которые дает на этот счет Менандр (см выше.). Зато практически полностью исчез топос призыва к подражанию умершим (во всяком случае Менандр ничего о нем не говорит), в то время в коллективных похвалах погибшим воинам он имел огромное значение. Напомним, что коллективные надгробные речи классической эпохи помимо своей прямой функции воздавать почести покойным во время официальной церемонии их погребения преследовали еще одну в известной степени завуалированную, но, тем не менее, весьма важную цель – поднять боевой дух граждан, в большинстве случаев все еще продолжающих участвовать в военных действиях. Для достижения этой цели в речи используются все мыслимые средства – создание идеализированного образа государства, восхваление мужества и храбрости павших воинов,

утешение родственников и близких, обещающее погибшим вечную славу у потомков и счастливое обретение покоя в царстве мертвых и т. д. Заключительным аккордом в чреде этих ключевых моментов является топос призыва к подражанию погибшим, адресованный ко всем присутствующим. Отсутствие последнего в риторическом каноне Менандра наряду с высказанным Теоном замечанием о природе энкомия (см. выше) ясно свидетельствует о том, что ораторы более позднего времени рассматривали надгробную речь как определенную вариацию широко распространенного жанра энкомия. Единственным элементом, сохранившимся в индивидуальных надгробных речах от классического топоса призыва к подражанию, – это упоминаемый Менандром и традиционный для коллективных речей топос призыва сограждан заботиться и всячески поддерживать семью усопшего. В классическую эпоху эту обязанность, как и расходы по погребению павших солдат, несло государство. Что же касается грекоговорящих областей Римской империи, то подобной практики, по крайней мере, в отношении частных лиц, по всей видимости, уже не существовало, и введение в речь данного топоса носило исключительно символический характер. Напоминая согражданам о необходимости заботиться о семье покойного, оратор прежде всего стремился к тому, чтобы обеспечить ему посмертную славу и вечную память среди живущих. Кроме того, важнейшим элементом этого топоса, согласно Менандру, являлся традиционный со времен коллективных надгробных речей совет жене и детям умершего: первой – брать пример с лучших женщин и мифологических героинь Греции, а последним – во всем подражать своему отцу.

Наиболее заметное расхождение между риторическим каноном коллективных надгробных речей и канонем Менандра касается такого важнейшего элемента в структуре речей частным лицам, как плач. Как уже говорилось выше, плач в них тесно переплетается с похвалой и завершается традиционным утешением живых. В индивидуальных надгробных речах, не преследующих никаких особенных дидактических целей, топос плача выполняет свою прямую и очень важную функцию – достойно оплакать покойного и оказать ему последние почести. Если учесть заказной характер таких речей, становится понятным вполне естественное желание родственников как можно более полно выразить всю глубину постигшего их несчастья. Это достигается неукоснительным соблюдением двух важней-

ших правил, которым Менандр рекомендует следовать при составлении λόγος ἐπιτάφιος: во-первых, поочередно оплакивать все то, что обычно восхваляется в энкомии, и, во-вторых, постепенно усиливать плач (см. выше). Отсутствие этого топоса в чистом виде в коллективных надгробных речах совершенно закономерно, поскольку излишнее выражение печали и скорби в таких случаях должно было вызывать у сограждан жалость и сочувствие к умершим. А это, в свою очередь, поставило бы под сомнение всякую целесообразность последующего топоса утешения, в основе которого лежит тезис о том, что жизнь погибших на войне, говоря словами платоновского Сократа, «получила прекраснейшее ... завершение» и что «следует ее прославлять, а не оплакивать» (Plat. Menex. 248 c)²⁵.

Наконец, насколько мы можем судить по риторическим трактатам Теона и Менандра, близостью индивидуальной надгробной речи к энкомии по своей структуре объясняется и обязательное присутствие в обеих финальной молитвы к богам, которой мы не встречаем в дошедших до нас коллективных надгробных речах.

Трансформация риторического канона надгробных речей в процессе развития этого жанра в сторону его дальнейшей индивидуализации – то есть от речей, носящих коллективный характер, к речам, посвященным частным лицам, – как об этом уже говорилось, связана в первую очередь с изменившимися социально-политическими и культурно-историческими условиями жизни античного общества в эллинистический период. Однако поскольку от всего этого огромного отрезка времени не сохранилось ни одной такой речи, мы можем лишь догадываться о тех общих тенденциях, которые привели в итоге к формированию нового типа речей этого жанра – индивидуальной надгробной речи. Риторический канон Менандра дает более или менее точное представление о специфических особенностях таких речей и требованиях, предъявлявшихся к их составлению. Это становится еще более очевидным, если вспомнить, что образцами для Менандра в соответствии с риторическими вкусами и модой того времени служили, в частности, речи Элия Аристида. Благодаря счастливой случайности они наряду с

²⁵ Цитируется по изданию: Платон. Собр. соч. в 4-х т. Под ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. Т. 1. М., 1990.

единственной надгробной речью Диона Хризостома сохранились до наших дней. Таким образом, мы имеем редкую возможность наблюдать теорию и практику жанра индивидуальных надгробных речей в их непосредственном взаимодействии. Кроме того, анализ структуры этих речей позволит нам составить некоторое представление и о том, в каких случаях и в какой мере оратор мог отклоняться от общепринятого канона.

Прежде всего нужно отметить, что структура речей Аристиды и Диона в целом соответствует канону Менандра, однако как у того, так и у другого автора наблюдается ряд особенностей в построении речи и трактовке материала. Рассмотрим подробнее, как тот или иной топос риторического канона реализуется в речах обоих ораторов. Каждая из трех анализируемых речей начинается с традиционного топоса трудности возложенной на оратора задачи – почтить в своей речи память умершего. Автор поясняет причину, по которой он был принужден взять на себя такую обязанность. Обе речи Аристиды не являются заказными, то есть они написаны по его собственному желанию и велению долга, так как они касаются близких ему людей – в одном случае учителя, в другом – ученика. С речью Диона вопрос обстоит сложнее. Некоторые исследователи, в частности, фон Арним (Arnim 1898), автор обширного труда, посвященного биографии и творчеству Диона Хризостома, считает, что надгробная речь «Меланком» посвящена вполне конкретному историческому лицу – кулачному бойцу по имени Меланком, однако при этом полагает, что сам Дион ее не произносил. Основываясь на целом ряде фактов, фон Арним выдвигает предположение о том, что эта речь была написана Дионом вскоре после Неапольских игр в честь Августа (*Ludi Augustales*) в 74 г. н. э. по заказу будущего императора Тита, который являлся главным распорядителем на этих играх, а затем был избран для произнесения речи на похоронах Меланкома. Другие исследователи, например, Ламаршан (Lemarchand 1926: 30 ff), приводят доводы в пользу того, что данная речь носит чисто литературный характер и написана с программной целью противопоставить исконно греческий и вполне гуманный вид спорта – атлетику – жестоким гладиаторским играм римлян. Если фон Арним прав, то следует принять во внимание заказной характер надгробной речи Диона. Так или иначе, лицо, произносящее эту речь, как и Аристид, ссылается на близкое знакомство с умершим, что служило достаточным основанием (и до определенной

степени оправданием) для ее написания (произнесения). Впрочем, данный факт не отменял и известного нам с древности обычая произнесения надгробных речей официальным лицом, занимающим государственные должности, как это видно из проэмия в речи Диона.

За проэмием во всех трех речах следует топос похвалы происхождению умершего, однако, если в «Меланкоме» и аристидовой «Надгробной речи Этеонею» они выдержаны во вполне традиционных тонах, то в «Надгробной речи Александру» Аристид проявляет некоторое новаторство. Вместо того чтобы объяснить благородное происхождение Александра его принадлежностью славному фригийскому роду, Аристид, говорит о том, что, напротив, это Александр «прославил свой город и весь народ» (Aristid. XXXII 5)²⁶, так что теперь все гордятся единым с ним гражданством и происхождением. Та же гипербола лежит в основе следующего топоса этой речи – темы воспитания и образования усопшего, где Аристид сообщает, что хотя у Александра «были лучшие учителя..., он превзошел их всех, словно детей» (Aristid. XXXII 6).

Центральная часть всех трех надгробных речей представляет собой похвалу воспитанию, образованию, природным качествам и деятельности усопшего. Как показывает сравнительный анализ, развитие этих тем в каждой из указанных речей не является полностью идентичным и зависит, прежде всего, от личности самого восхваляемого. Так, если восхваляется молодой атлет, то основной акцент делается на внешних проявлениях его натуры – красоте лица и тела, физической силе, выносливости, и т. д. Совершенно очевидно, что в таком случае нет необходимости подробно говорить о его учителях и воспитателях, способностях к учебе и прочих интеллектуальных качествах. Всего этого мы не находим в «Меланкоме». На первое место здесь выдвигается «всеми признанная красота» Меланкома, которая «из всех человеческих благ является ... самым заметным, доставляет величайшее удовольствие как богам, так и людям» (Dio Chrys. XIX, 7)²⁷. Далее восхваляется мужество, выносливость, самообладание и непобедимость атлета. Все эти качества, как и

²⁶ Здесь и далее греческий текст Элия Аристида дается в переводе автора статьи.

²⁷ Здесь и далее греческий текст Диона Хризостома дается в переводе автора статьи.

предписывается канонам, иллюстрируются многочисленными примерами из его профессиональной деятельности. Наряду с другими приемами, Дион использует уже упоминавшийся выше прием сравнения покойного с героями древности, никому из которых Меланком «не уступал в доблести – ни тем, кто сражался под Троей, ни тем, кто позже противостоял варварам» (Dio Chrys. XIX, 14). В том случае, если похвала адресована человеку, проявившему свои таланты в сфере учебы, науки или творчества, объектом похвалы являются его внутренние качества. Об Этеонее Аристид говорит, что ему были свойственны благовоспитанность, щедрость, рассудительность, сдержанность, человеколюбие. В подтверждение этого он ссылается на доверительные отношения, связывавшие Этеонея с матерью, любовь к брату, прилежание в учебе, которое проявлялось в регулярном посещении юношей лекций самого Аристида, в поведении во время сеансов показательных декламаций, в постоянном чтении книг и упражнении в ораторском искусстве (Aristid. XXXI, 4–10). Лишь мимоходом Аристид упоминает о внешней красоте Этеонея. В «Надгробной речи Александру» похвала строится на основе целого ряда взаимосвязанных топов (Aristid. XXXII, 6–29). Сначала Аристид упоминает о периоде ученичества своего учителя. Сравнивая Александра с другими, он подчеркивает его удивительную восприимчивость и открытость к любым знаниям, глубочайшее постижение им всяческих наук, первенство в ораторском искусстве и риторике. Затем он переходит к преподавательским и педагогическим заслугам Александра, приводя примеры его щедрого и бескорыстного отношения к своим ученикам, помощи и поддержки, которую он многим из них оказывал, почтения к нему со стороны коллег. После этого рассматривается разносторонняя общественная и государственная деятельность Александра, в частности, его служба в императорском дворце в качестве воспитателей будущих императоров Марка Аврелия и Луция Вера. При этом подчеркивается неизменная скромность, доброта и человеколюбие Александра, говорится о множестве благодеяний, которые он оказал бесчисленному количеству людей, перечисляются его заслуги перед родным городом Котизем. Наконец, Аристид обращается к наиболее значимой и важной теме похвалы – теме научных достижений Александра как исследователя, комментатора и издателя текстов древнейших и классических греческих авторов. Слава, которую принес

Александр своей родине, сравнивается Аристидом со славой, которую принесли в древности Гомер – Смирне, Архилох – паросцам, Гесиод – беотийцам, Симонид – кеосцам, Пиндар – фиванцам, Сапфо и Алкей – мителенцам и т. д. «Это великая честь и для города, и для народа, – заключает Аристид, – иметь в числе своих граждан такого уникального мужа, первого во всем» (Aristid. XXXII, 20). Благодаря научной и просветительской деятельности Александра его город стал, по словам Аристида, «метрополией Древней Эллады» (ibid., 21), в то время как сам он был для эллинов как бы «основателем колонии» (ibid., 10) – столько своих последователей он один воспитал и дал миру. Что же касается топоса похвалы внешности, то, поскольку речь идет о пожилом человеке, Аристид находит возможным упомянуть только о том, что «еще ни у кого в пору глубокой старости не было такого цветущего и прекрасного вида» (ibid., 28). Сравнивая своего учителя с двумя другими величайшими личностями в истории Греции – с Платоном и Аристотелем, Аристид представляет его в более выгодном свете, потому что дружба Александра с сильными мира сего, то есть с римскими императорами, принесла ему всеобщее уважение и почет, в то время как дружба Платона с Дионисием, а Аристотеля – с Филиппом и Александром Македонскими нельзя назвать ни безупречной с моральной точки зрения, ни счастливой для каждого из философов.

Итак, рассмотренные выше принципы построения похвалы в надгробных речах частным лицам свидетельствуют об индивидуальном и вполне творческом подходе авторов к своей задаче. Наряду с похвалой, как уже говорилось выше, важнейшим элементом структуры данного типа надгробных речей является плач. Отсутствие этого топоса в «Меланкоме» Диона свидетельствует о том, что вопрос выбора и компоновки материала в надгробной речи, как, впрочем, и в речах других жанров, оставался на усмотрение автора²⁸. Исходя из этого можно предположить,

²⁸ Напротив, плач являлся неотъемлемой частью монодии. Характеристика этого жанра у Менандра сводится к следующему: во-первых, монодия обычно произносится в адрес молодых, а не старых, ибо бессмысленно и тщетно оплакивать в речи старых, как молодых. Во-вторых, монодия особенно подходит для тех случаев, когда речь произносит близкий родственник умершего, например, муж – в адрес жены. В-третьих, наиболее подходящим объемом для монодии

что в том случае, когда надгробная речь составлялась в расчете на ее произнесение официальным лицом, она носила более строгий, сдержанный характер. Напротив, обе надгробные речи Аристиды, написанные им от собственного имени и несущие на себе яркий отпечаток личности автора (Аристид много говорит в них о себе самом), отличаются повышенной эмоциональностью и пафосом. Так, в «Надгробной речи Александру» Аристид прямо говорит о том, что он обращается к согражданам умершего как лицо неофициальное (Aristid. XXXII, 40). Сразу после топоса похвалы в ней следует пассаж, который состоит из ряда коротких риторических вопросов и восклицаний, основанных на гиперболе:

«Кого из людей не достигла молва о нем теперь или прежде? Разве есть кто-нибудь, кто населяет такие окраины земли? Кто настолько равнодушен к прекрасному? Кто не рыдает над пришедшим известием? Ведь если даже его смерть наступила в свой черед, потеря этого мужа не была своевременной для эллинов. Ныне вся поэзия лишилась своего цвета, вся проза утратила свой размах, ибо они потеряли своего наставника и покровителя. Риторика же овдовела, ибо, редко встречаясь среди людей, она стала еще большей редкостью. То, что Аристофан говорит об Эсхиле – будто, когда тот умер, все погрузилось во мрак, – подобает теперь сказать и об этом муже и его образовании. О ты, почтеннейший из эллинов, наивысшее воплощение красоты, восхищавший всей свою жизнью! О ты, желанный для тех, кто тебя окружал, а у остальных вызывавший желание приблизиться к тебе!» (Aristid. XXXII, 31–33).

Другой пример плача находим в «Надгробной речи Этеонею»:

«О тебе печалются хоры твоих сверстников, печалются старшие товарищи, печалится город, который возлагал на тебя величайшие надежды и который ты еще так недавно радовал – в первый и последний раз. Что за ночи и дни оставлены твоей матери, которая

признается не более 150 слов, так как она не должна принуждать оплакивающих сдерживаться в течение большого времени (P. 436–437 Sp.). Перечисленные Менандром признаки монодии помогают лучше понять, в чем заключалось принципиальное отличие этого жанра от жанра обычной надгробной речи.

прежде слыла «прекраснодетной», а теперь познала всю тщетность тяжких родов. О, эти глаза, закрывшиеся навеки! Голова, прежде прекраснейшая, а теперь лежащая в пыли! Руки, незримые более! Ноги, ныне недвижимые, какого господина вы носили! Ты вызываешь больше сочувствия, чем новобрачный, только что охваченный погребальным огнем, ибо ты достоин праздничных венков, а не траурного плача. Какая безвременная кончина постигла тебя в пору твоего расцвета, если она заставила нас оплакивать тебя раньше, чем настала пора спеть тебе свадебный гимн! О, этот прекрасный облик! Этот голос, вызывавший восторг у всех эллинов! Едва вступив в жизнь, ты уходишь от нас, доставив не меньше печали, чем радости. Говоря словами Пиндара: «И звезды, и реки, и морские волны» возвещают твою безвременную кончину!» (Aristid. XXXI, 11–12).

Топос утешения во всех трех речах представлен традиционными мотивами. Это напоминание о скоротечности жизни и о том, что смерть является общим уделом всех людей; рассуждение о благе своевременной смерти, так как по-настоящему счастливым может считаться только тот, кто «провел отмеренный ему жизненный срок в славных деяниях и, как поэт, завершил драму, когда все еще хотят слышать и видеть ее продолжение» (Aristid. XXXI, 17); обещание вечной и блаженной жизни в царстве мертвых в окружении героических личностей и лучших представителей человеческого рода; сравнение с мифологическими героями – детьми и любимцами богов, из которых никто не прожил долгой жизни.

Топос призыва к подражанию, как и плач, судя по обеим речам Аристиды, являлся необязательным элементом в структуре надгробных речей частным лицам. Отсутствие этого топоса в «Надгробной речи Этеонею», скорее всего, связано со слишком юным возрастом погребяемого, которому вследствие этого не удалось полностью реализовать свои таланты и до конца раскрыть личностный потенциал. Однако мы не находим его и в «Надгробной речи Александру», хотя масштаб личности Александра и его высокие заслуги перед обществом не вызывают сомнений. По всей видимости, это объясняется тем, что, как саму Аристиду, так и его читателям стремление подражать такому человеку, как Александр, который является воплощением всевозможных человеческих добродетелей, кажется настолько очевидным, что оратор не видит необходимости в вербализации этого топоса. Кроме того, в речи сохраняется один из его

главных мотивов, а именно – призыв сограждан, с одной стороны, почитать умершего, а с другой – заботиться о его семье. У Аристиды он отчасти трансформирован в похвалу – на этот раз в адрес самих жителей города – за то, что они «и Александру всяческими способами оказывают заслуженные почести, и его близких не забывают, поступая... в высшей степени разумно и справедливо» (Aristid. XXXII, 17). В «Меланкоме» Диона – в соответствии с ее официальным характером – топос призыва к подражанию умершему представлен в полном объеме. Юношей оратор призывает усердно тренироваться, чтобы со временем занять место Меланкома, стариков – стремится к такой же славе и почету, какими пользовался Меланком, – насколько, разумеется, это допустимо в их положении, а всех вместе граждан – к труду и добродетели. Следует заметить, что общий сдержанный тон этой надгробной речи, о чем говорилось выше, проявляется еще и в том, что в завершение всего сказанного Дион в духе ораторов классической эпохи призывает граждан достойным образом, то есть проявляя самообладание и не давая волю слезам, почтить память Меланкома.

Что касается заключения, то ни в одной из рассматриваемых нами речей мы не находим финальной молитвы к богам, рекомендуемой Менандром для этого жанра. Совершенно нетрадиционно заканчивается «Надгробная речь Александру». Помимо того, что вся эта речь составлена в необычной для данного жанра форме письма к городскому Совету Котизя (а это свидетельствует о том, что Аристид не присутствовал на похоронах лично), ее концовка представляет собой некоторое отступление от главной темы речи, то есть похвалы усопшему, и возврат к начальному топосу – теме своих близких отношений с Александром. Здесь автор еще раз упоминает о том, что Александр на протяжении всей своей жизни заботился о нем, во всем оказывал ему поддержку и всеми способами стремился продвинуть карьеру своего знаменитого ученика. В заключение Аристид говорит: «Все это побуждает меня вспомнить о нем и воспринять случившееся как великое несчастье, тем более что я обращаюсь к вам в качестве лица неофициального. Я бы желал иметь более крепкое здоровье, чтобы, помимо всего прочего, также быть вам в чем-то полезным. Ибо все его (т. е. Александра – С. М.) прежние обязанности, я думаю, равным образом подобает нести и мне» (Aristid. XXXII, 40). Таким образом, в

центре внимания слушателей в конце речи неожиданно оказывается образ самого Аристида и его дружба с Александром.

Обращает на себя внимание и длинный начальный пассаж речи, в котором автор также много говорит о себе – о том, какую роль Александр сыграл в его жизни, что он был ему одновременно и наставником, и учителем, и отцом, и товарищем, о том, что их связывала гордость друг за друга – «я почитал его как своего учителя, он же считал мой успех частью собственной славы» (Aristid. XXXII, 2), – наконец, о своем общении с Александром через письма. Постоянное и иногда даже несколько навязчивое присутствие образа автора в надгробной речи – в противоположность тому, что мы наблюдаем в коллективных надгробных речах классической эпохи, где оратор упоминал о себе лишь мимоходом (см.: Hesk 2009: 158), – наряду с другими изменениями, произошедшими в структуре этого жанра, свидетельствует о менее формализованном характере подобных речей и о значительной индивидуализации образа как восхваляемого, так и восхваляющего.

Итак, сопоставление канона Менандра с тремя дошедшими до нас индивидуальными надгробными речами, с одной стороны, и с классическим риторическим каноном, известным нам по нескольким сохранившимся от этой эпохи коллективным надгробным речам, с другой стороны, позволяет сделать следующие выводы:

1. Развитие жанра надгробной речи, первоначально представлявшей собой сочетание похвалы умершему и последующего утешения его родственников, вследствие очевидных причин социально-исторического характера шло по пути как индивидуализации похвалы, так и усиления патетического элемента речи, трансформировавшегося в итоге в отдельный топос – плач, который наряду с топосами похвалы и утешения характеризует структуру индивидуальной надгробной речи.

2. Наличие определенного риторического канона в отношении индивидуальной надгробной речи, о котором мы можем составить представление по трактату ритора III в. н. э. Менандра, не означало для оратора необходимости строго и неуклонно следовать ему во всем. Как показывают надгробные речи частным лицам, принадлежащие авторству двух знаменитых ораторов римской эпохи – Диону Хризостому и Элию Аристиду, оратор, будучи ограничен более или менее жесткими рамками

предъявляемых к этому жанру требований, пользовался достаточно большой свободой при выборе и компоновке материала.

3. Набор топосов при традиционной в целом структуре таких речей мог варьироваться в зависимости от конкретных обстоятельств – личности умершего, времени и места написания речи, общественного статуса оратора, степени его близости к погребаемому и его семье и т. д.²⁹. При этом автор по своему усмотрению имел полное право исключать из речи одни топосы, расширять другие, сокращать третьи. Если надгробная речь посвящалась официальному лицу или человеку, чей социальный статус был весьма высок, оратор мог, например, в подражание древним сохранять спокойный и сдержанный тон, отдавать приоритет в своей похвале его моральным качествам и заслугам перед отдельным городом или всем государством, усиливать акцент на топосе подражания умершему. Если речь касалась безвременно умершего юноши, она, как правило, отличалась повышенной эмоциональностью и пафосом, обязательным присутствием топосов плача и утешения. Профессиональная деятельность умершего, его склонности и интересы накладывали отпечаток и на характер похвалы в речи. Так, объектом похвалы, адресованной атлету, должна была являться, прежде всего, внешняя красота его тела и качества характера, связанные с его профессией. Начинаящий молодой оратор, напротив, восхвалялся за его особые способности к наукам, прилежание в учебе, трудолюбие. Совершенно очевидно, что в зависимости от того, восхвалял ли оратор старика или юношу, он должен был ставить во главу угла те природные качества, которые в наибольшей степени свойственны тому или иному возрасту.

4. Наконец, в надгробных речах частным лицам существенно возрастает роль авторского «я». Образ оратора, произносящего или пишущего речь, сильнее выражен и постоянно присутствует в речи – в отличие от коллективных надгробных речей классической эпохи. Это усиление индивидуального начала про-

²⁹ Такой поход оратора к материалу полностью соответствовал хорошо известному тезису Аристотеля о том, что, составляя похвалу, «нужно обращать внимание и на то, среди кого произносится похвала, потому что, по выражению Сократа, нетрудно восхвалять афинян среди афинян же. Следует усвоить [восхваляемому лицу] то свойство, которое ценится у данного класса людей, например у скифов, или у лаконцев, или у философов» (Aristot. Rhet. I 9, 1367 b).

является как в отношении выбора и компоновки материала, так и с точки зрения степени авторского присутствия в тексте.

Литература

- Голубцова, Маринович, Фролов 1994 – Демосфен. Речи. В 3-х т. Под ред. Е. С. Голубцовой, Л. П. Маринович, Э. Д. Фролова. Т. 2. М., 1994.
- Лосев, Асмус, Тахо-Годи 1990 – Платон. Собр. соч. в 4-х т. Под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. Т. 1. М., 1990.
- Платонова 1978 – Аристотель. Риторика. Пер. Н. Платоновой / Античные риторика. М., 1978.
- Соболевский 1994 – Лисий. Речи. Пер. и коммент. С.И. Соболевского. М., 1994.
- Стратановский 1993 – Фукидид. История. Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. М., 1993.
- Anderson 1993 – Anderson G. The Second Sophistic. A Cultural Phenomenon in the Roman Empire. London, 1993.
- Anderson, 1991 – Anderson B. Imagined communities: Reflections on the origin and spread of the nationalism. London, 1991.
- Arnim 1898 – Arnim H. von Leben und Werke des Dio von Prusa. Berlin, 1898.
- Baumgart 1874 – Baumgart H. Aelius Aristides als Repräsentant der sophistischen Rhetorik des zweiten Jahrhunderts der Kaiserzeit. Leipzig, 1874.
- Behr 1976 –P. Aelii Aristidis Opera quae extant omnia. Vol. 1. Ed. A. Behr. Leiden, 1976.
- Bekker 1831–1870 – Aristotelis opera. Ed. I. Bekker. Berlin, 1931–1870.
- Blass 1868–1880 – Blass F. Die attische Beredsamkeit. Abth. 1–3. Leipzig, 1868–1880.
- Boulanger 1923 – Boulanger A. Aelius Aristides et la sophistique dans la province d'Asie au IIe siècle de notre ère. Paris, 1923.
- Bowersock 1969 – Bowersock G. W. Greek sophists in the Roman Empire. Oxford, 1969.
- Bowie 1970 – Bowie E. L. Greeks and Their Past in the Second Sophistic // Past and Present, 1970. № 46. P. 3–41.
- Brock 1998 – Brock R. Mythical polypragmosyne in Athenian Drama and Rhetoric // Bulletin of the Institute of Classical Studies, 1998. Vol. 42. P. 227–238.
- Burgess 1902 – Burgess T. C. Epideictic literature. Chicago, 1902.
- Carter 1991 – Carter M. F. The ritual functions of epideictic rhetoric: The case of Socrates' funeral oration // Rhetorica, 1991. № 9. P. 209–232.
- Clark 1957 – Clark D. L. Rhetoric in Greco-roman Education. New York, 1957.
- Cohon 1950 – Dio Chrysostom. Vol. 2. London-Cambridge, 1950.
- Colin 1938 – Colin G. L'oraison funèbre d'Hypéride. Ses rapports avec les autres oraisons funèbres athéniennes // Revue des Études Grecques, 1938. № 51. P. 209–266; 305–394.
- Dindorf 1870 – Demosthenis orationes. Ed. W. Dindorf. Leipzig, 1870.

- Dover 1968 – Dover K. J. *Lysias and the Corpus Lysiacum*. Berkeley, 1968.
- Education in Greek and Roman Antiquity. Ed. Y.L. Too. Leiden, 2001.
- Faber 2009 – Faber E. Macht der Rhetoric – Rhetoric der Macht. Zum Attischen Epitaphios // Potestas. Revista del grupo Europeo de investigación Histórica, 2009. № 2. P. 117–132.
- Flashar 1969 – Flashar H. Der Epitaphios des Perikles. Seine Funktion im Geschichtswerk des Thukydides // Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Philosophischhistorische Klasse, 1969. № 1
- Frangeskou 1999 – Frangeskou V. Tradition and originality in some Attic funeral orations // *The Classical World*, 1999. Vol. 92, № 4. P. 315–336.
- Glaeson 1995 – Glaeson M. W. *Making Men: Sophists and Self-presentation in Ancient Rome*. Princeton, 1995.
- Gomme 1956 – Gomme A. W. *A historical commentary on Thucydides*. Vol. II. Toronto, 1956.
- Hauvette 1898 – Hauvette A. Les Eleusiniens d'Eschyle et l'institution du discours funèbre à Athènes / *Mélanges Henri Weil*. Ed. A. Fontemoing. Paris, 1898.
- Hesk 2009 – Hesk J. Types of oratory / *The Cambridge companion to Ancient rhetoric*. Ed. by E. Goold 1929 – Plato: Timaeus, Critias, Cleitophon, Menexenus, Epistles. Loeb Classical Library. Vol. 9. Ed. G. P. Goold. London-Cambridge-Massachusetts, 1929. Gunderson. Cambridge, 2009. P. 145–161.
- Kakridis 1961 – Kakridis J. Th. Der thukydideische Epitaphios. Ein stilistischer Kommentar // *Zetemata*, 1961. Heft 26. S. 1–119.
- Kennedy 1994 – Kennedy G. A. *A new history of classical rhetoric*. Princeton, 1994.
- Kenyon – *Hyperidis orationes et fragmenta*. Ed. F. G. Kenyon. Oxford, 1906.
- Korenjak 2000 – Korenjak M. *Publikum und Redner: ihre Interaktion in der sophistischen Rhetorik der Keiserzeit*. München, 2000.
- Loewenclau 1961 – Loewenclau I. von. Der platonische Menexenos // *Tübinger Beiträge*, 1961. Heft. 41. S. 1–159.
- Loroux 1986 – Loroux N. *The invention of Athens. Histoire de l'oraison funèbre dans la "sité classic"*. Harvard, 1986.
- Lemarchand 1926 – Lemarchand L. *Dio de Prusa. Les Oeuvres d'avant l'Exile*. Paris, 1926.
- Marrou 1956 – Marrou H.-I. *Histoire de l'éducation dans l'antiquité*. London, 1956.
- Morgan 1998 – Morgan T. *Literate Education in the Hellenistic and Roman Worlds*. Cambridge, 1998.
- Oliver 1953 – Oliver J. H. *The ruling power. A study of the Roman Empire in the second century after Christ through the Roman Oration of Aelius Aristides*. Philadelphia, 1953.
- Oliver 1968 – Oliver J. H. *The civilizing power. A study of the Panathenaic discours of Aelius Aristides against the background of literature and cultural conflict*. Philadelphia, 1968.
- Oppenheimer 1933 – Oppenheimer K. *Zwei attische Epitaphien*. Berlin, 1933.

- Paideia 2004 – Paideia: The world of the Second Sophistic. Ed. by B. E. Borg. Berlin, 2004.
- Pernot 1993 – Pernot L. La rhétorique de l'éloge dans le monde Gréco-Romain. T. 1. Paris, 1993.
- Pohlenz 1948 – Pohlenz M. Zu attischen Reden auf Gefallenen // Symbolae Osloenses 26, 1948. S. 46–74.
- Prinz 1997 – Prinz K.: Epitaphios Logos. Struktur, Funktion und Bedeutung der Bestattungsrede im Athen des 5. und 4. Jahrhunderts. Frankfurt, 1997.
- Russel 1983 – Russel D. A. Greek Declamation. Cambridge, 1983.
- Smith 1956 – Thucydides. History on the Peloponnesian War. Loeb Classical Library. Vol. 1–4. Ed. by C.F. Smith. London-Cambridge-Massachusetts, 1956.
- Snell 1887 – Lysias' Epitaphios. Ed. by F. J. Snell. Oxford, 1887.
- Spengel 1853 – Rhetores Graeci. Bd. 1–3. Ed. L. Spengel. Leipzig, 1853.
- Sykturis 1928 – Sykturis J. Der demosthenische Epitaphios // Hermes, 1928. Bd. LXIII. S. 242–252.
- Thalheim 1910 – Lysiae orationes. Ed. Th. Thalheim. Leipzig, 1910.
- Usener 1904 – Pseudo-Dionysius of Halicarnassus. "Ars Rhetorica". Dionysii Halicarnaei opuscula. Ed. H. Usener and L. Radermacher. Vol. 2. Leipzig, 1904.
- Van Groningen 1965 – Van Groningen B. A. General literary tendencies in the second century A. D. // Mnemosyne, 1965. Vol. 18. P. 41–56.
- Volkman 1885 – Volkman R. Die Rhetorik der Griechen und Römer. Leipzig, 1885.
- Vollgraff 1952 – Vollgraff C. W. L'oraison funèbre de Gorgias. Leiden, 1952.
- Walters 1980 – Walters K. R. Rhetoric as ritual: The semiotics of the Athenian funeral oration // Florilegium, 1980. № 2. P. 1–27.
- Walz 1936 – Walz J. Der lysianische Epitaphios // Philologus, 1936. Bd. 29, 4. S. 1–55.
- Whitmarsh 2005 – The second sophistic. Ed. by T. Whitmarsh. Oxford, 2005.
- Ziolkowski 1981 – Ziolkowski J. Thucydides and the tradition of funeral speeches at Athens. New York, 1981.

S. I. Mezheritstkaya. Ancient Greek individual eulogies and the oratorical canon

The paper proposes a reconstruction of the oratorical canon of the actually lost genre of individual eulogies. *Logoi epitaphioi's* of different periods are analyzed and compared with the rhetorics theory data. The paper highlights such features as individualization of the image of the addressee and enhancement of the dramatic component, as well as the existence of an oratorical canon. The latter was often disobeyed in practice, because individual eulogies began to show a significant trend towards the speakers' self-expression.

Т. А. Михайлова

БРИТТСКИЕ И ЛАТИНСКИЕ ИМЕНА НА ТАБЛИЧКАХ ИЗ ХРАМА СУЛИС-МИНЕРВЫ В БАТЕ: СТОЛКНОВЕНИЕ КУЛЬТУР?

Резюме: Исследование является продолжением нашего анализа функций имен собственных в заговорной традиции. В свое время нами была предложена следующая классификация: фоновые имена (имена языческих божеств и христианских святых и субъектные имена (реальное имя человека для/против которого исполняется заговор). Согласно «правилу Топорова» текст заговора обретает силу только тому случае, когда «в его тело» вводится имя. Однако в ряде случаев введение имени собственного кажется невозможным: речь идет о многочисленных заговорах против воров, чьи имена не были известны составителю заговора. Аналогичным образом, не могло быть введено имя вора и в многочисленные «таблички с проклятиями» античного мира, направленные против анонимных воров. Как может показаться, обязательность введения имени в данном случае исполняется замещающей формулой «тот, кто украл», однако мы полагаем, что это не так. В табличках данного типа всегда упоминается имя потерпевшего, каковое в данном случае мы и предлагаем считать субъектным именем. В работе проводится анализ текстов 130 табличек из римского храма Сулис-Минервы (Британия), в ходе которого была обнаружена закономерность: в табличках с латинскими именами глагол «похищения» употреблен в перфекте (*involavit*), тогда как бритты употребляли второе будущее со значением «если украдет» – *involaverit*. Мы полагаем, что последние видели в табличке не послание божеству, но скорее оградительный амулет, текст которого включался в оберегаемый объект. Заимствованное латинское письмо для бриттов еще не стало письменностью, но не прошло стадию эпиграфики.

Ключевые слова: таблички с проклятиями, заговоры против воров, имя собственное, романизация Британии, поздняя латынь, храм Сулис-Минервы, термы, памятники ранней письменности в кельтских странах, эпиграфика; curse tablets, charms against thieves, personal name, Romanization of Britain, late Latin, temple of Sulis-Minerva, bath, early writing in Celtic countries, epigraphic.

Как писал В. Н. Топоров, «заговорный текст есть только текст и не более до тех пор, пока в его большое и неизменное “тело” не введено имя. Только введение имени, само произнесение его, делает текст, слово еще и ритуалом, действием, т. е. подлинным “живым” заговором, или заговором в действии»

(Топоров 1993: 100). Данное правило действительно соблюдается неуклонно, хотя ряд конкретных случаев и вызывает определенные затруднения для интерпретации (например – заговоры, в которых вместо имени употреблено – *Я, Мне*). Многочисленные собрания заговорных текстов, как мы понимаем, собственно заговорами не являются, но представляют лишь материал для создания «заговорного действия», которое может считаться совершенным только после произнесения (написания) ИМЕНИ¹. Заговорный текст без субъектного имени может быть назван магическим лишь потенциально: в книге Дж. Гаджера об античных табличках (Gager 1992) вводится понятие «рецепта», т.е. магического текста, который магическим еще не является и станет магическим только после введения имени. Подобные «рецепты» широко распространялись в греко-римском мире и многочисленные их образцы дошли до нас.

Проводить аналогию устного заговора с греческими и латинскими магическими табличками безусловно правомерно. *Defixiones* (гр. *katadesmoi*) также были ориентированы на ИМЯ, причем сам текст проклятия при этом оказывался не так уж важен, т. к. акт нанесения имени на табличку и помещения ее в могилу уже «по умолчанию» предполагал, что эти лица прокляты. Причем проклиняемое лицо должно было быть максимально конкретизировано, и для этого вместо официального патронима часто упоминалось имя матери по принципу: *mater certa, pater incertus*. Как отмечал еще О. Одоллан, упоминание в первую очередь имени матери человека свойственно *всем* магическим табличкам: «упоминание имени матери точно обозначало врага» (Audollent 1904: lii). Наиболее распространённой формулировкой при этом было «такой-то (такая-то) сын (дочь) такой-то» или «такой-то (такая-то), которого (которую) родила такая-то». В ряде случаев в записи русских заговоров также можно встретить формулу типа «Иван, Матренин сын».

Сближает заговор с *defixiones* и их ориентация на единый «для жанра» шаблон, трафарет. Русский специалист по магическим табличкам Е. Г. Кагаров также сравнивал их с заговорами, отмечая, что «Многие из дошедших до нас *tabellae defixionum*

¹ В свое время нами была предложена формулировка – «субъектное имя», которое противостояло «фоновому имени» – именам божеств и святых, к которому адресуется исполнитель заговора (см. Михайлова 2006; 2010).

обнаруживают такое близкое сходство между собою, что могли быть написаны... одним и тем же лицом по общему **шаблону**» (Кагаров 1918: 24). Как пишет практически то же самое, но о славянских устных заговорах Н. Познанский (причем в то же беспокойное для нашей страны время): «Ни в одном виде народной словесности не господствует в таких размерах **шаблон**, как в заговорах. /.../ Большинство заговоров создано по раз установленной схеме, с определенными приемами» (Познанский 1917: 75).

Однако иногда введение субъектного имени в «тело» заговора оказывается невозможным: ни заказчик заговора, ни его исполнитель его не знают, поскольку сам субъект, против которого заговор направлен, им не известен. Мы имеем в виду распространенный случай заговаривания вора. Заговоры подобного типа получили в англоязычной традиции обобщенное название – *Justice Prayers* – «молитвы о справедливости»². Таблички против воров изредка находят начиная с 1805 г., однако их серьезные исследования начались после находки *tabella defixionum* на латинском языке в 1972 г. возле города Италика (Italica, в Испании):

Domna Fons Foyi [...] ut tu persequaris tuas res demando quiscunque caligas meas telluit et solias tibi illa demando (ut) illas aboitor si quis puella si mulier siue [ho[mo inuolauit [...] illos persequaris.

(Versnel 1991: 60)

Условно (текст отчасти поврежден) она может быть переведена как:

О, госпожа источника Фовия. Я прошу тебя вернуть свое имущество. Кто бы ни украл мои сандалии и туфли, прошу тебя... Будь то женщина или девушка, или мужчина, кто бы ни взял их, не давай ему покою...

Более ранняя греческая традиция также знает множество аналогичных свинцовых табличек, основной задачей которых является возврат украденных вещей.

Значительное количество табличек данного типа было найдено в ходе раскопок на месте храма галло-римской богини Сулис-Минервы в Бате (см. подробнее в – Tomlin 1988), который почитался еще в до-римскую эпоху и находился под покро-

² История термина, а также традиция изучения *tabellae* данного типа – см.: Versnel 1991 история термина, а также традиция изучения *tabellae* данного типа – см.: Versnel 1991.

вительством богини Сулис, позднее отождествленной римлянами с Минервой. В I в. н. э. на этом месте был выстроен храм и открыты термы. Это место, известное в латинской традиции как *Aquae Sulis*, стало объектом паломничества римлян, а также британской знати. Люди проводили там много времени, поскольку источник продолжал считаться целебным, несмотря на смену конфессии его посетителей. При этом уже среди римлян отчасти сохранялась прежняя вера в то, что его покровительница, богиня Сулис, сама способна излечить болезни. Таким образом, с одной стороны, шел поток почитателей древнего божества, которые приходили со своими просьбами в храм, с другой стороны, люди просто сидели в термах и справедливо полагали, что это полезно для здоровья.

Среди многочисленных находок, обнаруженных археологами на месте священного источника³ (более 12000 монет, изображения отдельных частей тела, излеченных богиней), было найдено 130 свинцовых табличек различного содержания, значительную часть которых составляют таблички, которые также могут быть квалифицированы как *Justice Prayers*: их автор призывает богиню Сулис помочь ему вернуть украденную вещь. Ср., например (предварительный перевод по интерпретации Томлина):

Docilianus Bruceri deae sanctissimae Suli devoveo eum qui caracellam meam involaverit si vir si femina si servus si liber ut [...] dea Sulis maximo letum adigat nec ei somnum permittat nec natos nec nascentes donec caracallam ad templum sui numinis pertulerit.

Докилиан, сын Брукера, святейшей богине Сулис. Проклинаю того, кто украл (?) мой шерстяной плащ, будь то мужчина или женщина, раб или свободный. Прошу тебя, богиня Сулис, доведи его до смерти, не давай ему сна и покоя, пусть не сможет он иметь детей, ни сейчас, ни потом, пока не принесет он назад мой шерстяной плащ и не оставит его в храме богини.

(Tomlin 1988: 122)

Или:

deae Suli Minervae Solinus dono nutnini tuo maiestati paxsam balnearem et palleum nec permittas somnum nec sanitatem [...] ei qui mihi fraudem fecit si vir si femina si servus si liber nissi se retegens istas species ad templum tuum detulerit...

Солинус богине Минерве. Я оставил тебе для сохранности мою купальную тунику и плащ. Не давай сна и здоровья тому, кто

³ Раскопки производились в основном в 1979-80 гг. (см. о них подробнее в – Cunliffe 1995), однако отдельные объекты были известны ранее.

причинил мне зло, будь то мужчина или женщина, раб или свободный, пока он не вернет взятое в твой храм.

(Tomlin 1988: 150).

Обращает на себя внимание формульность данных текстов, которые различаются в назывании украденного объекта, но, как правило почти идентичны в указании на предполагаемого вора: «будь то мужчина или женщина, раб или свободный».

В целом аналогичные «просьбы о справедливости» строятся по следующей модели:

- имя обладателя объекта
- обращение к божеству
- сообщение о (возможной) краже называемого объекта
- «формула условного именованя» (раб или свободный, мужчина или женщина, мальчик или девочка)
- угрозы (не пить, не есть, ни мочиться, не испражняться, лишиться мужской силы, не знать ни сна, ни покоя, изойти кровью и пр.)

- требование «пока он/она не вернет названный объект.

Далеко не всегда названная схема реализуется полностью.

Исходя из очевидной формульности табличек, Б.Мис, автор недавно вышедшей книги «Проклятия кельтов» полагал, что в термах сидел специально нанятый и обученный «проклинатель» с чистыми табличками, которые он по мере надобности заполнял содержанием (Mees 2009: 33). Однако, по мнению их издателя Р. Томлина, ни одна из надписей эпиграфически не тождественна другой (они различаются по почерку), что заставляет предположить, что все писавшие скорее ориентировались на один шаблон, который либо просто был известен, либо может быть действительно был в наличии в термах, но писали тексты угроз и проклятий самостоятельно.

Сам факт обилия табличек данного типа именно в храме богини Сулис Минервы не должен вызывать удивления: согласно римскому обычаю, посетители терм оставляли свои вещи в особых раздевалках, которые, хотя и имели подобие шкафчиков, никак не запирались. Обращение к богине Сулис предполагает, с одной стороны, что именно она должна была заботиться о сохранности «доверенных» ей вещей. С другой стороны, как пишет Р. Томлин в своем предисловии к изданию текстов, часто сторожить вещи поручали рабам, которые либо сразу ложились и засыпали, либо сами могли продать одежду и украшения, а потом сослаться на сон и невнимательность. Но

дело даже не в этом: оставивший ценности искренне верил, что богиня Сулис сама должна следить за их сохранностью, точнее – что в случае похищения их вор будет жестоко ею наказан.

Естественное отсутствие в текстах подобного рода «субъектного имени» (которое просто не было известно потерпевшему) заставляет нас предположить, на первый взгляд, что его функцию исполняла в данных «заговорах» спецификация прокливаемого как «тот, кто украл принадлежащую мне вещь», и таким образом отмеченная В. Н. Топоровым необходимость введения имени «в тело заговора» оказывается исполненной. Специфицированный таким образом человек оказывается подвластным заклинанию, которое в основном направлено на принесение ему вреда. Отчасти – это действительно так. Но с другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что в античных *Justice Prayers*, в отличие от традиционных *defixiones*, как правило, называется **имя** потерпевшего, тогда как обычные таблички с проклятиями чаще анонимны⁴. Мы полагаем, что именно **это имя** и является в описанных случаях необходимым субъектным именем заговора, и таким образом схема заговора в данном случае предстает не как «пусть будет плохо НН (укравшему у меня X)», как можно было бы подумать, а как «Я, НН, прошу божество вернуть мне X (посредством причинения зла вору)»⁵. То есть – главным message заговора оказывается не месть, а восполнение недостатка. И субъектное имя называется при этом открыто, более того – сам факт его называния оказывается соответствующим приведенному нами «правилу» В. Н. Топорова о необходимости введения ИМЕНИ в текст заговора для его действительности.

Все сказанное, однако, носит скорее преположительный характер, поскольку универсальной модели введения в текст субъектного имени на материале «заговоров от/против воров»

⁴ Есть и исключения – ср. например текст таблички с проклятием из Юли (№ 49, Англия): *Aunillus Vicariana Covitius Mini filius donat Varicillum Minura Atavacum* – «Ауниллус (и) Викариана (и) Ковитус сын Мина вручает (= прокликает) Вирикилла, Минура (прокликает) Атавака».

⁵ Текст таблички № 8, напротив, избегает упоминать имя заказчика (автора), но зато указывает имена подозреваемых (автор почти точно уверен в том, что деньги взяли они). Поэтому все равно «срабатывает» правило субъектного имени, но оно должно быть только одно – либо (предполагаемого) вора, либо – пострадавшего!

мы так и не получили. Более того, возвращаясь к табличкам из храма Сулис Минервы, мы должны отметить, что в некоторых случаях имена или списки имен и составляют собственно текст таблички. Томлин полагает, что это списки подозреваемых воров, согласно нашей интерпретации – это скорее списки потерпевших. Сомнения заставили нас обратиться к 130 табличкам еще раз и посмотреть на них более пристально.

В первую очередь следует обратить внимание на то, что число 130 на самом деле является числом собственно находок, тогда как самих текстов значительно меньше. Так, 56 табличек сохранились настолько фрагментарно, что текст на них реконструировать практически невозможно, причем – некоторые из них – пустые, то есть, видимо, представляют собой заготовки для будущих текстов, которые так и не были использованы (№№ 117–120, 123–130). 7 представляют собой так называемые «псевдо-тексты»: на них изображены волнистые линии, черточки, имитирующие буквы. Предположительно, эти таблички явились результатом неграмотности потерпевшего, который, с одной стороны, не хотел в этом признаться и делал вид, что наносит соответствующий текст, с другой – полагал, что богиня Сулис сама поймет, что следует сделать, и маркированным в данном случае является сам факт нанесения линий на табличку и оставления ее в водах источника. 8 табличек содержат только списки имен (от двух до одиннадцати).

Из оставшихся 59-ти – 1 представляет собой начало алфавита (№ 1, выполнена инициалом), № 14 представляет собой не дешифруемый текст, который некоторые считают бриттским (однако Томлин, не согласен с этим, поскольку, как он пишет, даже бритт все равно постарался бы написать по латыни, «поскольку было известно, что богиня понимает только этот язык» (Tomlin 1988: 129); № 16 представляет собой неповрежденный, но явно не законченный текст – *nomen furis qui* ‘имя вора, который...’, который мы предлагаем считать не магическим текстом, но скорее – «рецептом»; №№ 28 и 27 содержат лишь фрагменты слов, которые трудно интерпретировать – *vendi, er*. № 35 представляет собой просто призыв к мести тому, кто «причинил зло» (см., однако № 32, где под злом понимается кража туники), аналогичным образом № 37 представляет собой обычную табличку с проклятием, на одной стороне которой написан список имен, а на другой пожелание: *illorum anima lassetur* – «пусть их души ослабеют» (Tomlin 1988: 156). Табличка № 40

также, скорее всего представляет собой традиционное *defixio*, направленное против клеветы (текст читается плохо, можно разобрать слова *qui calamea*). № 94 представляет собой уникальный текст, который обращен к богине Сулис с просьбой подтвердить некую клятву:

Uricalus Docilosa uxor sua Docilis filius suus et Docilina Decentius frater suus Alogosia nomina eorum qui iuraverunt ad fontem deae Sulis pridie idus Apriles quicumque ille periuraverit deae Suli facias illu, sanguine suo illud satisfacere

Уракалус (и) Докилоза его жена (и) Докилис его брат и Докилина (и) Декентиус его брат (и) Алогосия (вот) имена тех, кто поклялись перед источником богини Сулис 12 апреля. Кто бы ни нарушил клятву, богиня Сулис заставь его своей кровью заплатить.

(Tomlin 1988: 122, № 10)

Табличка № 18 представляет собой объект, вообще находящийся вне анализируемого списка: это бронзовая круглая пластина с ушком сбоку и бриттским текстом, к которому мы предполагаем обратиться особо.

Таким образом, из 130-ти табличек возврату или сохранению собственности может быть отнесено всего 49, причем 24 из них могут быть квалифицированы как относящиеся к данному типу лишь условно, т.к. в них текст значительно поврежден и в нем либо прочитывается обращение к богине Сулис, либо видны фрагменты формулы типа «раб или свободный», либо видно слово «украл», либо сохранились элементы формулы проклятия («ни пить, ни есть, ни спать, ни испражняться пока...»). Таким образом, остается 25 относительно полных текстов, несомненно касающихся кражи имущества, что не так уж мало для обобщений и выводов.

В приведенной нами выше табличке № 10, относящейся к одной из наиболее сохранных и каллиграфических, в качестве глагола, обозначающего правонарушение, был употреблен глагол *involverit* – перфект конъюнктива либо второй футурум глагола *involo* ‘краду, похищаю, уношу’. Для I-II вв. предпочтительнее – вторая трактовка⁶, т.е. смысл высказывания состоит не в том, что некий неизвестный «украл» шерстяной плащ (как это понимает Томлин), а в том, что Докилианус заранее вручает богине Сулис того, кто «украдет мой плащ», что принципиально

⁶ Мы благодарим за консультацию А. И. Солопова.

меняет прагматику надписи. Р.Томлин предлагает видеть в данных формах *future perfect*'а сослагательное наклонение, «которое выражает косвенную просьбу» (Tomlin 1988: 123), то есть трактовать все эти формы не как «если украдет», а «пусть бы украл». Мы не уверены в правильности такой трактовки. Аналогичные превентивные тексты известны с древних времен; на ларцах с драгоценностями в древне-германском мире писались рунические знаки, символизирующие зло или болезнь, чтобы таким образом отпугнуть вора, а в современной Германии до сих пор существует практика помещать в ряде мест, которые не могут находиться под постоянным надзором, таблички с формулой: *Wer (hier) klaut, stirbt!* – «Кто (здесь) украдет, умрет».

Р. Томлин, настаивающий на том, что все таблички были написаны *post factum*, предполагает, что моделью здесь могли послужить надписи против осквернения гробниц, в которых употреблено то же время. Ср. приведенные им же примеры:

qui me (commoverit), habebit deos iratos et vivus ardebit – кто меня сдвинет, будет иметь богов разгневанных и живой будет гореть;
qui hoc titulum sustulerit, habeat iratas unbras – кто эту плиту украдет, будет иметь разгневанными тени;
qui hic mixterit aut cacarit, habeat deos superos et inferos iratos – кто здесь будет мочиться или испражняться, будет иметь богов верхних и нижних разгневанными.

(Tomlin 1988: 66).

Но ведь приведенные им фразы как раз носят превентивный характер!

Анализ текстов показал, что в 13-ти случаях «глагол утраты объекта» был употреблен в прошедшем времени (как правило – *involverit*, но также – *fraudem fecit* и *perdidi* ‘я потерял, утратил’), в 10-ти – употреблено второе будущее время (*involverit, furaverit* – №№ 10, 11, 15, 34, 38, 61, 63, 66, 98, 99), два случая – не ясны, так как глагол пропущен. Из десяти табличек, которые могут быть квалифицированы нами как «превентивные», лишь в пяти случаях ясно прочитываются имена потенциальных потерпевших, причем все эти имена самим Р.Томлином квалифицируются как бриттские: *Docilianus, Docca, Lovernisca, Cantissena, Demiorix*⁷.

⁷ Этим списком список бриттских имен не ограничивается: они также фигурируют в именных списках – табличках, содержащих только собственно имена.

Таким образом, мы можем сделать очень осторожное предположение (осторожное – поскольку для более определенных выводов материала все-таки не достаточно), что существует тенденция: для римлян – оставлять вещи на хранение рабам или вообще без присмотра, но затем, в случае их пропажи, обращаться к божеству с просьбой вернуть украденное и наказать виновного; для бриттов – заранее обеспечить себе покровительство богини, которой данные вещи «даются» или «вручаются». Особенно интересна с данной точки зрения табличка № 99, в которой речь идет не о краже мелких вещей, но о сохранности дома:

exesto qui involaverit qui⁸ Deomiorix de hospitio suo perdiderit
quicumque res deus illum inveniatur sanguine et vitae suae illud redemat
Проклинаю (того), кто украдет (то), который Деомиорихс из дома
своего утратит, кто бы ни был тот, бог его пусть найдет, кровью и
жизнью своей пусть заплатит.

(Tomlin 1988: 235, № 99)

Как можем мы предположить, указанный бритт специально изготовил (или велел изготовить) охранный текст своего находящегося неподалеку жилища и поручил богине Сулис охранять его. Текст, как и большинство ему подобных, содержит множество грамматических ошибок, но адресатом его, как и текстов-проклятий является богиня. В данном случае табличка с проклятием, античная *tabella difixionis* отчасти превращается в своего рода оградительный амулет, однако – не в полной мере. Бритт, по имени Докилианус, автор таблички № 10, который в надписи из храма Сулис Минервы представлен с характерным кельтским генитивным патронимом *Bruceri*, по мнению Р. Томлина, является также автором другой таблички, найденной уже в храме на месте современного Юли (Uley, в 12 км. к востоку от современного города Лидни и примерно в 35 км. севернее Бата). Этот храм, построенный в начале II в. н. э. и посвященный Меркурию, также находился в романизованной зоне и там также в ходе раскопок, предпринятых в конце 1970-х годов было найдено множество табличек с проклятиями, часть которых оказалась посвящена кражам. Однако в отличие от терм Сулис Минервы, речь в них идет в основном о краже или порче скота. Как

⁸ Предположительно – *quid* (= *quod*), см. (Adams 1992: 3), там же – см. анализ специфической лексики табличек из Бата и содержащихся в них традиционных грамматических ошибок.

полагает Томлин, фигурирующий в табличке № 43 Докилинус идентичен Докилианусу из Бата (оба имени представляют собой романизованные формы кельтского имени *Docca*). Оба текста написаны идентичным (или по крайней мере – похожим) каллиграфическим почерком и в обоих присутствует формулы «страшная (максимальная) гибель» и «не давать сна»:

deo Mercurio Docilinus /.../ Varianus et Peregrina et Sabinianus qui pecori meo dolum malum intulerunt et /.../ prolocuntur rogo te ut eos maximo leto adigas nec eis sanitatem nec somnum permittas nisi a te quod mihi administraverint redemerint

богу Меркурию Докилиан /.../ Вариан и Перегрина и Сабиниан, которые моему скоту злой вред причинили и /.../ Прошу тебя, чтобы ты на них страшную смерть наслала и им не здоровья ни сна не разрешала, если только то, что мне они устроили не искупят.

Однако на этот раз проклятие выполнено уже *post factum* и речь идет не о сохранении имущества, но о наказании подозреваемых врагов. Отметим все же, что речь в тексте идет не о краже, но о наведении порчи, что, как мы теперь понимаем, вряд ли могло быть реальным фактом. Таким образом, данная табличка свидетельствует скорее о подозрительности и мстительности этого, видимо, состоятельного бритта, который опасался, что его плащ будет украден, а скот – «испорчен». Во второй табличке Докилина названы имена подозреваемых в этом действии и ее адресатом является божество.

Употребленная им форма глагола – *intulerunt*, строго говоря, является перфектом (3 pl.), однако теоретически можно представить себе, что он действительно не строго различал времена и автоматически употреблял в подобных случаях формы на *-erit*.

Что же, на фоне всего сказанного, могут означать списки имен без «комментариев», также представленные среди табличек в храме Сулис Минервы? Ответить на этот вопрос довольно сложно. Р. Томлин полагал, что все это – имена подозреваемых в краже или врагов (Tomlin 1987: 18), однако мы не можем с этим согласиться, по крайней мере – полностью. Это могли быть и имена пострадавших (кстати, имена матерей при них не фигурируют), и имена просто прокливаемых (аналогичные списки имен встречаются и в самой Империи), или, по аналогии с граффити на стенах христианских соборов, имена тех, кто нуждался в помощи богини. Несомненным остается лишь тот факт, что все эти списки были адресованы божеству.

Особое место среди находок в храме занимает табличка № 18, отличающаяся от других своим материалом и формой. Она представляет собой, а бронзовый диск диаметром примерно 35-38 мм, у одного из краев которого размещено специальное «ушко». Текст надписи расположен горизонтально по отношению к этому «ушку», что скорее исключает предположение о возможности ношения ее на груди в качестве подвески. Текст выполнен латинским инициалом и отличается довольно низким качеством каллиграфии, что предполагает, что его автор был не очень хорошо знаком с техникой письма.

Р. Томлином был реконструирован текст, подвергшийся затем переработке П. И. Ламбера:

ADIXOVI / DEVINA / DEIEDA (?) / ANDAGIN / VINDIORIX / CVAMII(?)NAI(?)

Не вызывает сомнений и разночтений имя автора бронзовой подвески (или того, для кого она была выполнена) – Виндиорихс, характерное кельтское имя, раскладывающееся на элементы – *wind* ‘белый, светлый’ и *rix* ‘король’. Стоящее непосредственно перед ним слово *andagin*, как убедительно показал П. И. Ламбер, соотносится с галльским *andogna*, представленном в табличке из Ларзака и имеющем значение ‘местная, уроженка’ (Lambert 2002: 305; см. также Delamarre 2003: 48)⁹. Остальные слова поддаются расшифровке менее убедительно. Ламбер предлагает видеть в первом слове сочетание *ad Ixovi*, в последнем видя название реки, нигде, однако, не засвидетельствованное (ср. при этом приведенный им гидроним *Dexsiva* ‘правая’ – название реки в Галлии, в районе Воклюз). *Devina* – возможно, также соотносится с кельтскими гидронимами типа *Deva*, *Devona* – названия рек и источников, посвященных божествам. *Dieda* – не поддается интерпретации, если только слово прочтено именно так. Последнее слово – *cvamiinai* (читающееся очень плохо) по мнению Р.Томлина должно представлять собой патроним Виндиорихса, а по мнению

⁹ Следует признать, что данная интерпретация не является единственной из возможных. Так, П. Симс-Вильямс видит в данной форме аккумулятив от **Andagenā* < **an-daga* ‘не-хорошая’ (Sims-Williams 2007: 17), однако вся его интерпретация объекта в целом (проклятие против дурной женщины) не поддерживается «материальным конвоем» надписи, которая не выглядит как традиционное проклятие и которая должна быть интерпретирована в контексте бытования.

П. И. Ламбера – является искаженным латинским *commendat* ‘поручает’.

Таким образом, в результате предположительно мы получаем послание, в котором сообщается, что местный Виндиорихс у священного источника (что соответствует контексту памятника в целом) что-то поручает. Но при этом, в отличие от других найденных в термах текстов, не сказано – ни кому он поручает, ни – что поручает. Мы полагаем, что тот факт, что нечто было поручено им богине Сулис как бы уже предполагается «по умолчанию», тогда как отсутствие названного в тексте объекта объясняется тем, что данная табличка должна была при помощи ушка прикрепляться к оставляемому в раздевалке объекту. Такой объект, как мы понимаем, мог использоваться многократно. Причем табличка *вместе* с прикрепленным к ней объектом образовывала фразу-послание. Ср., например, галльская посвятельная надпись L-33: DOIROS SEGOMARI IEVRV ALISANV (Lambert 2002: 351-54) – «Дойрос (сын) Сегомара посвятил Алисану», написанная на ручке бронзового ковшика. Посвящаемый ковшик в данном случае является объектом глагола и составляет, таким образом, как бы элемент фразы.

Более того, мы предполагаем, что истинным адресатом текста таблички № 18 была уже не только богиня, но также предполагаемые воры, которые, увидев владельческую надпись, должны были понять, что плащ или туника находятся под защитой божества и поостеречься брать их. Возможно, отчасти такой же прагматикой отличались и другие, проанализированные выше тексты с бриттскими именами – лежащий поверх объекта текст должен был служить его оберегом не только для Сулис-Минервы, но и для видящих его людей. Обращает на себя внимание использование глагольных форм в «угрозах» в текстах, которые, по данным нашего анализа, могут быть квалифицированы как превентивные. Так, в табличке № 10, написанной Докилианом, сыном Брукера, говорится, что в случае кражи плаща богиня Сулис *maximo letum (leto?) adigat nec ei somnum permittat* – «страшную смерть пусть найдет и сна не разрешит». В табличке из Юли, описывающей уже предположительно свершившийся факт (порча скота) эти же глаголы стоят во втором лице: *maximo leto adigas nec eis sanitatem nec somnum permittas* – «страшную смерть нашли и его здоровья и сна не разреши» (ср. аналогичное употребление глагольных форм в табличке № 32, где также речь идет о свершившемся зле – *mihi*

fraudem fecit). То есть, адресатом текста во втором случае от начала и до конца является богиня, тогда как в первом случае, в начале обращенный, якобы, в Сулис текст, во второй его части превращается в констатацию факта обращения к богине. Таким образом, мы можем вывести две модели: «того, кто украл X, богиня, накажи» (предположительно – латинская) и «того, кто украдет X, богиня накажет» (предположительно – бриттская).

Мы полагаем, что в данном случае мы сталкиваемся с разницей мировосприятия: суеверный римлянин считал, что даже если плащ будет украден, написанное им богине письмо окажет на вора немедленное воздействие, начав ощущать которое, тот, также будучи суеверным, поспешит украденное вернуть. Бритты, видимо, могуществу Сулис в данной области доверяли меньше и полагали, что дополнительное косвенное обращение к потенциальным ворами также может послужить гарантией сохранности «порученных» богине предметов. Но дело не только в этом: табличка № 18, как нам кажется, демонстрирует и тот факт, что для бриттского общества письменность еще не являлась укорененным в повседневной культуре элементом и пока оставалась лишь на стадии эпиграфики.

Литература

- Кагаров Е. Г. Греческие таблички с проклятиями (*defixionum tabellae*). Харьков, 1918.
- Михайлова Т. А. Имя в заговоре: устная и письменная традиция // Семантика имени (Имя – 2). Отв. ред. Т.М.Николаева. М., Языки славянских культур, 2010.
- Михайлова Т. А. Функция имени в письменной заговорной традиции (Ирландия и Россия) // Известия РАН, Серия литературы и языка, 2006, № 4.
- Познанский Н. Ф. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Пг., 1917.
- Топоров В. Н. Об индоевропейской заговорной традиции (избранные главы) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993.
- Adams J. N. British Latin: The Text, Interpretation and Language of the Bath Curse Tablets // *Britannia*, Vol. 23, 1992.
- Audollent A. *Defixionum tabellae quotquot innotuerunt tam in Graecis orientis quam in totius occidentis partibus praeter Atticas in Corpore inscriptionum Atticarum editas*. Luteciae, 1904.
- Cunliffe B. W. *The Book of Roman Bath*. London, 1955.
- Gager J. G. *Curse Tablets and Binding Spells from the Ancient World*. New York – Oxford, 1992.
- Lambert P. Y. *Recueil des inscriptions Gauloises (RIG)*, vol. II, f.2 – textes Gallo-Latins sur instrumentum. Paris, CNRS, 2002.

Mees B. *Celtic Curses*. Woodbridge, 2009.

Tomlin R. S. O. *The Curse Tablets*. In: *The Temple of Sulis Minerva at Bath*. Vol. 2: *The Finds from the Sacred Spring*. Ed. B. Cunliffe, Oxford, Oxford University Committee for Archeology, Mon. № 16, 1988.

Versnel H. S. 'Beyond Cursing: The Appeal to Justice in Judicial Prayers' // *Magika Hiera*. *Ancient Greek Magic and Religion*. Ed. Chr. Faraone. Oxford, 1991.

T. A. Mikhailova. Brittonic and Latin names on the curse-tablets from the temple Sulis-Minerva: an opposition of two cultures?

The present research continues our earlier work on the functions of personal names within charm texts: background name (a name of a deity/ saint, referring to the author's confessional identity) or subject name (the particular name of a person for/ against whom the charm is intended). According to the observation of V. N. Toporov, introducing a personal name into a charm is mandatory. However, in many cases putting a name (subject name) into the charm is impossible, because it is not known either to the charmer or to his/ her customer. This is exactly the case with charms (and tablets) against thieves, which are quite widespread. Tablets of that type were found in abundance during the excavations at the Bath site of the Roman temple dedicated to the goddess Sulis Minerva. Among the multiple archaeological findings made at the site, there are 130 lead tablets of diverse contents. Along with name lists and commendations addressed to the goddess, there is a considerable proportion of tablets that can also be categorized as Justice Prayers. Their authors address Sulis in order to return stolen things. The explainable absence of subject names in these texts seems to indicate that they were replaced in the charms (Graeco-Roman *defixiones* being indeed charms) by the formula identifying the potential victim as 'the one who has stolen my property'. Therefore, the invariable rule of introducing a personal name into the body of the charm, predicted by Toporov, seems to be fulfilled: we can suggest that the formula *the man who took it* might be classified as a substitute for the unknown subject name and is functionally aimed at creating the kind of uniqueness a charm needs to be actualized. But it is to note, that *Justice Prayers*, unlike conventional *defixiones*, contain, as a rule, the name of the aggrieved party. Conceivably, it is their name that stands for the subject name of the charm. The analysis of the use of verbal tenses in the tablets gave us a strange tendency: people with Roman names use the perfect of the verb *involare* 'to steal' (*involavit*), but persons with Brittonic names prefer to use the second future of the same verb – *involaverit*. We could suggest, the Brittons used to write their tablets not post factum, but ante factum and transformed Roman curse tablets into, rather a kind of protective amulets. Using Latin and Latin letters they at the same time stopped on the stage of epigraphic but not of the writing.

Т. А. Михайлова (Смирнова)

ИЕЗЕКИИЛЬ-ТРАГИК: ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Резюме. Статья посвящена изучению художественных особенностей трагедии «Исход» Иезекииля-трагика, сохранившейся во фрагментах. Разбираются два эпизода, на примере которых выявляется специфическое словоупотребление, характерное для автора. Также на основе сделанных наблюдений дается интерпретация последнего фрагмента, описывающего необычное «животное» в оазисе, предположительно являющееся фениксом.

Ключевые слова: Иезекииль-трагик, «Исход», феникс, художественные особенности, эллинистическая трагедия.

Иезекииль трагик – автор, известный довольно мало. Дошедшее до нас его сочинение называется «Исход» («Ἐξαγωγή») и представляет собой пьесу об исходе Моисея из Египта, написанную на греческом языке. Текст, хотя и не полностью, дошел до нас благодаря труду Евсевия Кесарийского, включившего в девятую книгу «Евангельского приуготовления» (9.28.1–9.29.16) фрагменты из Александра Полигистора из Милета, который в свою очередь собрал у себя много прямых или перефразированных выписок из греко-иудейских авторов. В общей сложности мы располагаем сейчас объемом в 269 строк, традиционно разделяемых на 17 фрагментов. Размер фрагментов колеблется от 1 строки до 50. Некоторая трудность заключается в том, как провести подсчет фрагментов в тех случаях, когда текст, кажущийся связным, разбит репликой комментатора. Так как в таких местах мы не можем быть уверены в целостности текста даже при изъятии этих реплик, здесь мы будем придерживаться традиционной разбивки на фрагменты.

С датировкой «Исхода» существует ряд проблем. Можно утверждать, что сочинение появилось уже после создания Септуагинты. Другой границей становится время жизни Александра Полигистора, заимствовавшего цитаты из Иезекииля, то есть первый век до н. э. Таким образом, сочинение Иезекииля

датируется примерно II в. до н. э., хотя более точные, но не подтвержденные датировки, предлагались в большом количестве¹.

Местом написания, возможно, была Александрия. Остаются под вопросом, тем не менее, и условия создания пьесы, и ее предполагаемая аудитория, и вероятность реальной постановки трагедии на сцене, и наличие в ней хора, а также многие другие аспекты.

Дошедшее до нас произведение демонстрирует хорошее знакомство автора с классической греческой трагедией: прослеживается влияние, прежде всего, Еврипида. И все же стиль пьесы на первый взгляд не обладает высокой художественностью. «Исход», безусловно, представляет для нас большой интерес как сохранившийся образец эллинистической трагедии (хотя мы не можем знать, насколько он репрезентативен). Он не отличается наличием свойственных трагедии художественных приемов, и изложение событий периодически напоминает скорее ритмически организованную прозу. Однако при ближайшем рассмотрении можно выявить некоторые особенности авторского стиля, что мы собираемся показать в данной статье.

Сама пьеса, как явствует из названия, рассказывает о событиях жизни Моисея, связанных с исходом из Египта, и о дальнейшем путешествии. В качестве персонажей фигурируют сам Моисей, Бог, Сепфора (будущая жена Моисея), ее отец Рагуил, а также вестники, сообщающие о произошедшем. Кроме этого, косвенно, через чужие реплики, в действие вводятся и некоторые другие персонажи.

В данной статье мы бы хотели, в первую очередь, сконцентрироваться на двух эпизодах. Один из них – отправная точка нашего исследования – является последней из сохранившихся частей «Исхода». Этот эпизод состоит из двух фрагментов (16-ый и 17-ый), которые имеют длину в 11 (243–268) и 14 строк (254–269) и, по-видимому, представляют собой слитный текст, хотя между ними и есть реплика Евсевия². В этом отрезке пьесы дается описание оазиса, причем непосредственно

¹ Обзор датировок, а также разбор теорий о происхождении трагедии и историю ее издания см. в Jacobson 1983: 1–47; Lanfranchi 2006: 1–100.

² Г. Джекобсон полагает, что если между данными фрагментами вообще был еще отрезок текста, то, вероятнее всего, очень небольшой и незначительный по содержанию (Jacobson 1983: 157–158).

о самом оазисе рассказывается в шестнадцатом фрагменте, а следующий содержит описание необычного существа, которое увидели там разведчики. Фрагмент 17 давно привлек внимание исследователей и комментаторов, стремящихся идентифицировать странное «животное». Приведем здесь фрагмент целиком:

«ἕτερον δὲ πρὸς τοῖσδ' εἶδομεν ζῶον ξένον, / θαυμαστόν, οἰονοῦδέπῳ ὄρακέ τις. / διπλοῦν γὰρ ἦν τὸ μῆκος ἀετοῦ σχεδόν, // πτεροῖσι ποικίλοισιν ἠδὲ χρώμασι. // στῆθος μὲν αὐτοῦ πορφυροῦν ἐφαίνεται, // πτεροῖσι ποικίλοισιν ἠδὲ χρώμασι. // στῆθος μὲν αὐτοῦ πορφυροῦν ἐφαίνεται. // σκέλη δὲ μιλτόχρωτα, καὶ κατ' αὐχένων // κροκωτίνοις μαλλοῖσιν εὐτρεπίζετο. // κάρα δὲ κοττοῖς ἡμέροις παρεμφερές, // καὶ μηλίνη μὲν τῇ κόρῃ προσέβλεπε // κύκλω κόρῃ δε κόκκος ὡς ἐφαίνεται. // φωνὴν δὲ πάντων εἶχεν ἐκπρεπεστάτην. // βασιλεὺς δὲ πάντων ὀρνέων ἐφαίνεται, / ὡς ἦν νοῆσαι· πάντα γὰρ τὰ πτήν' ὁμοῦ // ὄπισθεν αὐτοῦ δειλῶντ ἐπέσσυτο, // αὐτὸς δε πρόσθεν, ταῦρος ὡς γαυρούμενος, // ἔβαινε κραιπνὸν βῆμα βαστάζων ποδός»³.

Основываясь на чертах описанного существа, многие исследователи, включая еще древнейших комментаторов, предположили, что перед нами феникс. Рассказы об этой чудесной птице есть уже у античных авторов, из которых наиболее полно описал ее Геродот⁴. Уже сравнение описаний внешнего вида «зве-

³ Цит. по: *Tragicorum Graecorum fragmenta*, vol. 1. Göttingen 1971. «К этому же вдобавок мы видели животное странное, // удивительное, которого никто не видел никогда. // В два раза больше по высоте, чем орел, примерно. // С пестрыми крыльями. // Грудь его была пурпурная. // Голени красные, и на его шее // шафранная шерсть была. // Головой же ручным петухам подобен, // и желтым зрачком смотрел // вокруг. Зрачок же как семечко выглядел, // как казалось. Все же птицы // позади него испуганные следовали, // он же впереди, как горделивый бык, // шел стремительно шагая».

⁴ Геродот «История» II:73: «Есть еще одна священная птица под названием феникс. <...> он редко прилетает в Египет: в Гелиополе говорят, что только раз в 500 лет. Прилетает же феникс только, когда умирает его отец. <...> внешний вид этой птицы и величина вот какие. Его оперение частично золотистое, а отчасти красное. Видом и величиной он более всего похож на орла. О нем рассказывают вот что <...>. Феникс прилетает будто бы из Аравии и несет с собой умащенное смирной тело отца в храм Гелиоса, где его и погребает. <...>. Сначала приготовляет из смирны большое яйцо, какое только может унести, а потом пробует его поднять. После такой пробы феникс про-

ря» из «Исхода» и геродотовского феникса делает весьма вероятной такую идентификацию. Исследователи подкрепляют эту версию предположением о том, что, во-первых, феникс как существо, появляющееся крайне редко – по Геродоту, раз в 500 лет – может маркировать события особой важности. Кроме этого, феникс мог выступать здесь как символ перерождения и обновления, в данном случае – освобождения иудеев от египтян (Jacobson 1983: 158–159; Broek 1972: 113; Lanfranchi 2006: 290–296).

Тем не менее, отсутствие в тексте прямого указания на то, что за существо обитало в оазисе, дало повод некоторым ученым сделать предположение, что это был не феникс. С этих позиций, например, написана статья Б. Вахолдера и С. Боумана, где на основе анализа данного фрагмента делается вывод, что описанное существо – орел, символизирующий Бога, а сам образ основан на сходных образах из Исхода (19:14) и Книги пророка Иезекииля (1; 17) (Wacholder, Bowman 1985).

Сам Иезекииль не дал названия своему необычному существу из оазиса и, вероятно, сделал это по некоторым веским причинам. Г. Джекобсон объясняет это тем, что мальчик, посланный на разведку, просто не знал, кого он увидел, и поэтому не упомянул слово «феникс» в своем рассказе. Однако эта трактовка кажется нам слишком поверхностной⁵. Мы считаем, что причины здесь были более глубокими.

Зададимся вопросом: а мог ли Иезекииль упомянуть феникса, если он даже и имел его в виду? Не было ли у него причины опустить название птицы? Для ответа на этот вопрос приведем сходный пример. Речь идет об истории Иосифа Прекрасного и Асенеф. Упомянутый в книге Бытия брак Иосифа с Асенеф, дочерью египетского жреца, создавал проблему в отношении возможности брака иудея с представительницей другой веры. Повесть «Иосиф и Асенеф», вероятно, написанная в то же

бывает яйцо и кладет туда тело отца. Затем опять заклеивает смирной пробитое место в яйце <...>. Яйцо с телом отца становится теперь таким же тяжелым, как и прежде. Тогда феникс несет яйцо [с собой] в Египет в храм Гелиоса <...>». Пер. Г. А. Стратановского.

⁵ Фрагмент 14 (193–242), например, содержит рассказ о гибели египетского войска в море во время преследования иудеев, что, однако, не мешает автору вложить это сообщение в уста одного из египтян, участников преследования.

время, что и трагедия Иезекииля, предлагает один из вариантов решения проблемы: это рассказ о преображении Асенеф, ее раскаянии в своем язычестве и, наконец, мистическом преображении. Однако такой вариант не был единственным. Так, например, существовал и другой способ снятия этого противоречия. В книге Бытия мы читаем рассказ о том, как Дина – дочь Иакова – оказалась беременна от Сихема, насильно овладевшего ею. Братья Дины Симеон и Левий жестоко мстят народу Сихема, а Дине приказывают оставить ребенка в пустыне. Более поздняя легенда рассказывает о том, что девочка все же не погибла, так как орел, подхватив ее, перенес на алтарь бога солнца в Гелиополь (Aptowitzer 1924: 246–247). Автор мидраша, очевидно, имел в виду легенду о фениксе, но, не желая помещать в такой контекст явно языческого «зверя», заменил его на орла.

На наш взгляд, подобным же образом поступил и Иезекииль, сохранив внешний вид птицы, но не указав ее названия. Не ограничившись все же описанием самой птицы, он дал еще и намек на нее. Этот намек содержится во фрагменте 16, то есть в предыдущем. Описание оазиса заканчивается следующими словами (251–252):

«στειλέχη δ' ἐβερνὰ πολλὰ φοινίκων πέλει / ἔγκαρπα...»

«Деревьев там много крепких финикийских / плодородных...»

По нашему мнению, пальма введена здесь не случайно. Греческое слово «φοίνιξ» должно было служить для читателя или слушателя намеком на феникса. И здесь мы возвращаемся к тому, с чего начали: к стилю Иезекииля. Насколько правомерно увидеть в этом месте художественный прием? Обратимся к другому эпизоду «Исхода», тоже довольно значительному. Это фрагмент под номером 6 (68–82), где описывается видение Моисея. Во сне перед Моисеем появляется некий муж, сидящий на троне на вершине горы Синай⁶. Для обозначения этого не совсем понятного персонажа Иезекииль использует слово «φῶς», предположительно, создавая игру слов: «φῶς» – муж / «φῶς» – свет. Например, именно таким образом интерпретируется этот фрагмент в статье С. Бунта, который исследует, в частности, традицию образа светящегося Адама (Bunta 2007). Ученый предполагает, что Иезекииль не случайно использует здесь

⁶ «...ἐν τῷ καθῆσθαι φῶτα γενναῖόν τινα...» – «[я видел трон,] на нем сидящего некого мужа благородного» (70).

слово «φώς», а отсылает к данной традиции⁷. Здесь мы снова видим «игру слов».

Приведем, наконец, и третий пример. В том же эпизоде сна Моисей, сев на трон, видит звезды, проходящие строем перед ним:

«καί μοί τι πλῆθος ἀστέρων πρὸς γούνατα //
ἔπιπτ', ἐγὼ δὲ πάντας ἠριθμησάμην,
κάμου παρήγεν ὡς παρεμβολή βροτῶν»⁸.

Странный сон требует разгадки, и в конечном итоге часть его станет реальностью, когда иудеи будут спасаться бегством от египтян. Когда египтяне разбивают свой лагерь во время передышки в погоне, Иезекииль описывает это как: «ὑπ' αὐτοῦς θήκαμεν παρεμβολήν» – «Перед ними мы разбили лагерь» (215). И дальше он еще раз назовет словом «παρεμβολή» лагерь египтян (223)

Итак, подведем итог. В своем произведении Иезекииль использует прием, когда употребленное им слово как бы *раздваивается* и может быть понято двумя способами: «φώς» – это «муж» с намеком на «свет», «φοίτιξ» – пальма с намеком на «феникса», «παρεμβολή» – строй и звезд и войска. Основываясь на этой художественной особенности, мы можем предложить интерпретацию эпизода со «зверем» в оазисе, которая опирается на все произведение в целом, а не только на само описание птицы в пределах одного фрагмента.

Литература

- Aptowitz 1924 – Aptowitz V. Asenath, the Wife of Joseph. A Haggadic Literary-Historical Study. *HUCA* 1 (1924). P. 239–255.
Bunta 2007 – Bunta S. One Man (φως) in Heaven: Adam-Moses Polemics in the Romanian Versions of *The Testament of Abraham* and Ezekiel

⁷ Кстати, отметим, что в упомянутой выше повести «Иосиф и Асенеф» мы также становимся свидетелями появления светящегося небесного человека. Асенеф видит на небе звезду, небо у которой раскалывается, и в комнату спускается человек, испускающий свет. О звезде Асенеф говорит: «Ведь звезда эта возшла вестником и глашатаем света великого дня» – «διότι ὁ ἀστὴρ οὗτος ἄγγελος καὶ κήρυξ τοῦ φωτὸς τῆς μεγάλης ἡμέρας» (цит. по Burchard 2003: 174–176). Так, звезда оказывается вестницей не только света, но и мужа.

⁸ «И у меня такое множество звезд к коленям / упало, и я их все пересчитал. / И передо мной они прошли как строй людей» (79–81).

- the Tragedian's *Exagoge* // Journal for the Study of the Pseudepigrapha. Vol. 16.2 (2007). P. 139–165.
- Burchard 2003 – Burchard Ch. *Joseph und Aseneth*. Kritisch herausgegeben von Christoph mit Unterstützung von Carsten Burfeind und Uta Barbara Fink. Leiden. 2003 (Pseudepigrapha Veteris Testamenti Graece 5).
- Jacobson 1983 – Jacobson H. The *Exagoge* of Ezekiel. Cambridge University Press. Cambridge. 1983.
- Lanfranchi 2006 – Lanfranchi P. L'Exagoge d'Ezchiel le Tragique. Introduction, texte, traduction et commentaire. Brill, 2006.
- Wacholder, Bowman 1985 – Wacholder B. Z., Bowman S. Ezechielus the Dramatist and Ezekiel the Prophet: Is the Mysterious ζῶν in the Ἐξαγωγή a Phoenix? // The Harvard Theological Review. Vol. 78, N 3/4 (Jul. – Oct., 1985). P. 253–277.

T. A. Mikhailova (Smirnova). Ezekiel the Tragedian: some literary techniques

The paper is dedicated to the analysis of the “Exagoge”– the drama by Ezekiel the Tragedian. The text, preserved only in fragments, narrates about the life of Moses and especially about his escape from Egypt. The purpose of this article is to demonstrate some literary techniques used by Ezekiel. Two episodes are analyzed in the first place: the description of the oasis in Elim (and especially the peculiar “ζῶν” there) and the Moses’ dream. The conclusion is that the author of the “Exagoge” sometimes uses the same words with different meanings. Thus, he names the palm tree as “φόνιξ” to make an allusion on the phoenix as a bird. He also applies “παρεμβολή” both to refer to the star formation and to the soldiers. And he uses the word “φῶς” to refer to an image of a luminous man.

В. Т. Мусбахова

ПИНДАР, ЭСХИЛ, РУДИМЕНТАРНЫЕ МОТИВЫ И МИФ О РОКОВОМ БРАКЕ ЗЕВСА

Резюме. Упоминание Посейдона в мифе о грядущем падении Зевса от сильнейшего сына в *Прометее Прикованном* Эсхила (PD 924f) является рудиментарным мотивом оригинального пиндаровского мифа о браке Фетиды, которого добивались как Зевс, так и Посейдон (I. 8. 27-35). Автор приходит к такому выводу на том основании, что мотив о рождении сильнейшего сына является составной частью мифа о смене высшего божества и, таким образом, в традиционном восприятии не может иметь отношения к Посейдону. В пользу этого свидетельствует *sing. ἄνακτα* (I. 8. 47), который можно понять как рудиментарный мотив традиционного мифа о свадьбе Фетиды, на которой среди прочих богов присутствовал даже Зевс (II. 24.59-63). По Пиндару в результате избежания катастрофы божественной власти возникает система трех взаимосвязанных уровней эллинского космоса (вечные боги – герои в лице Ахилла – смертные в лице Никокла). По Эсхилу (в перспективе трилогии) результатом избегнутой катастрофы также является утверждение трехуровневого греческого космоса: боги – герои – смертные, однако достигается это не путем сохранения *status quo*, как у Пиндара, а благодаря ограничению первоначальной тирании Зевса, поскольку выдача секрета рокового брака зависит от освобождения Прометея. Такой ход мысли Эсхила может быть пояснен в контексте осмысления эллинами победы над персами. Если ее внутренним обоснованием является аналогия между современными эллинами и Ахиллом (троянскими героями), то взгляд извне дан в *Персах* Эсхила: победа эллинов над персами была осмыслена в этой трагедии как победа свободных людей над рабами одного властелина. При том что образ Зевса-тирана PD многими чертами перекликается с совокупным портретом персидских владык, становится понятно, что Эсхил в трилогии о Прометее рассматривает ограничение первоначальной тирании Зевса как основную предпосылку возникновения свободного эллинского космоса.

Ключевые слова: древнегреческая литература, Пиндар, Эсхил, рудиментарные мотивы, миф о роковом браке Зевса

В финале трагедии *Прометей Прикованный* (далее – PD), подготовленном, а точнее, драматически спровоцированном сценой с несчастной жертвой любовного преследования Зевса Ио, Прометей произносит, наконец, прорицание о грядущем браке Зевса, который станет для него роковым, PD 907–10:

ἢ μὴν ἔτι Ζεὺς, καίπερ αὐθάδης φρενῶν,
 ἔσται ταπεινός, οἷον ἐξαρτύεται
 γάμον γαμεῖν, ὃς αὐτὸν ἐκ τυραννίδος
 θρόνων τ' ἄιστον ἐκβαλεῖ...

Зевс может сколько угодно сотрясать небо своим перуном, – ничто не спасет его от позорного падения, *PD 915-19*:

...πρὸς ταῦτά νυν
 θαρσῶν καθήσθω τοῖς πεδαρσίοις κτύποις
 πιστὸς τινάσσων τ' ἐν χεροῖν πύρπνουν βέλος·
 οὐδὲν γὰρ αὐτῶι ταῦτ' ἐπαρκέσει τὸ μὴ οὐ
 πεσεῖν ἀτίμως πτώματ' οὐκ ἀνασχετά.

Ибо он сам себе готовит такого сокрушителя, необоримое чудовище, у которого будет оружие сильнее грома и молнии и сильнее трезубца Посейдона, *PD 920-25*:

τοῖον παλαιστὴν νῦν παρασκευάζεται
 ἐπ' αὐτὸς αὐτῶι, δυσμαχώτατον τέρας,
 ὃς δὴ κεραυνοῦ κρείσσον' εὐρήσει φλόγα
 βροντῆς θ' ὑπερβάλλοντα καρτερόν κτύπον,
 θαλασσίαν τε γῆς τινάρκτειραν ἑνόσοντ'
 τρίαιναν, αἰχμήν τὴν Ποσειδῶνος σκεδᾶι.

Упоминание Посейдона в прорицании Прометея, на первый взгляд, не кажется неуместным. В самом деле, создается впечатление, что поэт усиливает впечатление от описания грядущего низвергателя Зевса, упоминая самое мощное в арсенале богов – гром и молнию Зевса и трезубец Посейдона, которые окажутся ему нипочем. Однако с точки зрения логики мифа, который создает Эсхил¹, оно совершенно излишне.

В самом деле, в трагедии речь очевидным образом идет о поединке, в котором Зевс потерпит поражение. Грядущий победитель Зевса не случайно назван здесь «необоримым чудовищем». Эсхил уподобляет его чудовищу Тифону (*PD 352*: δάλιον τέρας), который, хотя и был сражен Перуном Зевса, все же не был побежден им окончательно, как это засвидетельствует, по

¹ Согласно выводам диссертационного исследования, посвященного проблеме подлинности и датировки трагедии Прометей Прикованный (Мусбахова 2010), я считаю трагедию произведением Эсхила, созданным между 479 и 470.

словам Прометея, грядущее извержение Этны (Мусбахова 2009). Согласно новому предсказанию Прометея, следующий соперник-чудовище, и он же собственный сын Зевса, будет победителем. Эсхил здесь комбинирует два мифа: о чудовище, порожденном Геей, чтобы отомстить за участь Титанов (Hes. *Th.* 821), и о рождении у Зевса сильнейшего сына, который станет новым владыкой богов и людей (см. ниже). Т. о. Эсхил явно имеет в виду единоборство, в котором упоминание оружия Посейдона неуместно².

Посейдон, однако, упоминается на равных правах с Зевсом как претендент на руку Фетиды в мифе, излагаемом Пиндаром в восьмой истмийской оде. Согласно этому мифу, Зевс и Посейдон, спорившие за Фетиду, отказались от своих притязаний, когда Фемида предсказала, что от брака произойдет отпрыск, который будет сильнее отца, т. к. будет обладать оружием сильнее перуна и трезубца, в зависимости от того, кто из двух богов станет ее супругом, Pi. I. 8.27–35:

Ζεὺς ὅτ' ἀμφὶ Θέτιος ἀγλαός τ' ἔρισαν Ποσειδᾶν γάμωι,
ἄλοχον εὐεϊδέ' ἐθέλων ἑκάτερος
ἂν ἔμμεν· ἔρωσ γὰρ ἔχεν.
ἀλλ' οὐ σφιν ἄμβροτοι τέλεσαν εὐνὰν θεῶν πραπίδες,

ἐπεὶ θεσφάτων ἐπάκουσαν· εἶπε δ'
εὐβουλος ἐν μέσοισι Θέμις,
οὐνεκεν πεπρωμένον ἦν φέρτερον γόνον ἄνακτα πατρὸς τεκεῖν
ποντίαν θεόν, ὃς κεραινοῦ τε κρέσσον ἄλλο βέλος
διώξει χερὶ τριόδοντός τ' ἀμαιμακέτου, Δί τε μισγομένην
ἢ Διὸς παρ' ἀδελφεοῖσιν.

Посейдон является полноправным действующим лицом данной истории, тогда как в тексте Эсхила его упоминание было совершенно нефункциональным. Одного этого уже достаточно, чтобы воспринимать последнее как рудиментарный мотив³

² Единоборство Зевса с Тифоном могло пониматься как вынужденное, ср. миф о том, как боги в страхе бежали от Тифона в Египет. Но грядущий соперник Зевса будет еще страшнее Тифона.

³ Ф. Ф. Зелинский определил понятие рудиментарного мотива следующим образом: «Если поэт трагик в какой-нибудь частности своей фавулы расходится со своим предшественником, то он не просто ставит свой вариант на место варианта этого предшественника, а оставляет

мифа, изложенного у Пиндара. Но этого еще не достаточно, чтобы говорить о зависимости Эсхила от Пиндара.

В самом деле, мы не располагаем убедительными стилистическими признаками, чтобы говорить об интертекстуальных связях данных текстов Пиндара и Эсхила⁴. Поэтому для прояснения соотношения между ними, важно знать, была ли оригинальной пиндаровская версия, или же поэт использовал уже существовавший миф⁵. Крист склонялся к тому, чтобы считать именно Пиндара автором истории о соперничестве Зевса и Посейдона за Фетиду (Christ 1896: 376)⁶. Разделяя эту точку зрения, Кенкен предположил, что Пиндар ввел Посейдона в миф о Фетиде как покровителя Истмийских игр, в которых одержал победу адресат оды (Köhnken 1975: 28). По мнению исследователя, использование в мифе пары Зевс – Посейдон было подсказано Пиндару торжеством воспетого им в эпиникиях Клеандра, который победил в Немейских и в Истмийских играх (*I. 8. 4 sq.*: Κλεάνδρω... Ἰσθμιάδος τε νίκας... καὶ Νεμέαι), покровителями которых были Зевс и Посейдон соответственно. Однако точно такой же была и ситуация с адресатом третьей ист-

этот последний, в качестве намерения, предположения, выдумки и вообще фикции» (Зелинский 1912: 3). Важнейшим признаком рудиментарного мотива является его нефункциональность: он, как правило, не влияет на дальнейшее развитие событий драмы.

⁴ Выражение κεραυνού κρείσσον / κρείσσον' (*I. 8. 34 / PD 922*), можно считать почти неизбежным для выражения этой мысли. Предположения о других аллюзиях (Griffith 1983: 251) представляются еще менее убедительными. Таковыми нельзя считать эпитеты ἀμαϊάκετος (*I. 8. 35*) и δυσμαχώτατος (*PD 921*), тем более что они характеризуют разные стороны конфликта (Посейдона и низвергателя Зевса). Эпитет φέρτερος (*I. 8. 33 / PD 768*) широко употребляется в эпосе, причем в одном случае в контексте, связанном с рождением сильнейшего сына (*Нутп. Ар. 339*: ἄλλ' ὃ γε φέρτερος ἔστω ὄσον Κρόνου εὐρύοπα Ζεύς).

⁵ Версия с участием Посейдона, приведенная Аполлодором, как справедливо отметил Кенкен (Köhnken 1975: 34 n. 20), представляет собой пересказ Пиндара. Аполлодор приводит три варианта мифа о браке Фетиды: в изложении Пиндара, Эсхила, и, наконец, эпическую версию (*Киприи, Каталог*),

⁶ “Themidem... hoc vaticinium edidisse Pindarus ipse finxisse videtur”. С этим предположением, как кажется, был согласен Баура (Bowra 1964: 309). Так же считал Фарнел, основывая свой вывод на отсутствии каких-либо следов этого мифа в предшествующей традиции; с его мнением соглашается Хуббард (Hubbard 1987: 10ff).

мийской оды, Мелисом Фиванским, победившим до этого в Немейских играх (I. 3. 9–12). Похоже обстоит дело в пятой и шестой истмийских одах, где вместе с истмийскими победами Филакида упоминается немейская победа его брата Пифея (I. 5. 17–19; I. 6. 3–5). Эти свидетельства значительно ослабляют аргумент Кенкена. Очевидно, что победа в тех и других играх отнюдь не представляла собой исключительную ситуацию и едва ли может объяснять создание нового мифа.

Если же Пиндар использовал уже существовавший миф, то вопрос о зависимости от него Эсхила, не может быть решен однозначно. Поэтому сторонники этой точки зрения склоняются к предположению о существовании общего источника (Wilamowitz 1922: 174ff; Solmsen 1949: 128f, p.19). Однако бытование такого мифа до Пиндара ничем не подтверждается. С другой стороны интуиция исследователей, чувствовавших в этой истории авторский миф, также кажется не случайной. Подтвердить это мнение с помощью анализа структуры пиндаровского мифа и его оценки с точки зрения логики мифотворчества не представляется возможным.

Пиндару, вероятно, был известен целый набор мифов о Фетиде и ее браке, из которого он выбирал рассказы сообразно своему очередному замыслу. В самом деле в пятой немейской оде Пиндар использовал какой-то миф, повествовавший о претензиях Посейдона на брак с Фетидой, от которых тот отказался под влиянием Зевса (N. 5. 37: γαμβρὸν Ποσειδάωνα πείσας)⁷. Компенсацией за это стал, как подразумевается в рассказе Пиндара, Истмийский культ Посейдона (N. 5. 37–39). Помимо этой интересной версии о Посейдоне как божественном претенденте на брак с Фетидой, известна эпическая история с участием Зевса, которая излагалась как в *Киприях*, так и в *Каталоге женщин*, Hes.Fr. 210 (Philodemus π. εὐσεβείας):

⁷ Некоторые думают, что γαμβρός означает здесь просто родственника по женской линии (Посейдон приходится Фетиде таковым через Амфитриту), т.е. зятя (Köhnken 1975: 28). Однако тогда непонятно, почему Зевс должен убедить Посейдона, предоставив ему в дар возмещение в виде Истмийского культа. Кроме того, значение ‘жених’ для γαμβρός у Пиндара вполне нормально, см также Burnett 2005: 73.

ὁ δὲ τ]ὰ Κύπ[ρια ποιήσας Ἦ]ραι χαρ[ιζομένη]ν φεύγειν αὐ[τοῦ τὸ]ν γάμον, Δ[ία δὲ ὀ]μόσαι χολω[θέντ]α διότι θνη[τῶι συ]νοικίσει· κα[ὶ παρ' Ἦ]σιόδωι δὲ κε[ῖται τ]ὸ παραπλήσ[ιον]⁸.

Согласно этой версии Фетида уклонялась от домогательств Зевса из признательности к Гере, которая, как поясняет Аполлодор, ее вырастила (см. прим. к тексту). Наконец, достаточно содержательный рассказ о Фетиде имеется в *Илиаде*. Гера говорит о том, что именно она вырастила и воспитала Фетиду, а также выдала замуж за Пелея, любезного богам. Она напоминает богам об особом положении Ахилла (по сравнению с Гектором), говоря, что все они были на свадьбе Фетиды, и особо указывает на это Зевсу (и ты ведь с ними вместе пировал там с формингой), *Ил.* 24.59–63:

αὐτὰρ Ἀχιλλεύς ἐστι θεᾶς γόνος, ἣν ἐγὼ αὐτὴ
 θρέψα τε καὶ ἀτίτηλα καὶ ἀνδρὶ πόρον παράκοιτιν
 Πηλεί, ὃς περὶ κῆρι φίλος γένετ' ἀθανάτοισι.
 πάντες ἀντιάσθε θεοὶ γάμου· ἐν δὲ σὺ τοῖσι
 δαίνυ' ἔχων φόρμιγγα κακῶν ἔταρ', αἰὲν ἄπιστε⁹.

Сопоставляя две эпические версии, можно заметить, что в *Киприях* произошло важнейшее изменение по сравнению с *Илиадой*: Зевс, возможно, впервые лично предстал там претендентом на брак с Фетидой¹⁰.

Таким образом, просматриваются варианты мифа о Фетиде. При этом ни в одной из этих версий, кроме *I. 8*, мы не встречаем мотива о возможном рождении Фетидой от Зевса сильнейшего сына. Можно допустить, что мотив о сильнейшем сыне на каком-то этапе вошел в миф о Фетиде, в котором она уже являлась, как в *Киприях*, объектом вожделения Зевса.

Когда Анн Бернетт в своей книге о пиндаровских одах, связанных с эгинетами, называет главу, посвященную Восьмой

⁸ Ср. версию мифологической Библиотеки, [Apollo.] 3. 169: τινὲς δὲ λέγουσι Θέτιν μὴ βουληθῆναι Διὶ συνελθεῖν ὡς ὑπὸ Ἦρας τραφεῖσαν, Δία δὲ ὀργισθέντα θνητῶι θέλειν αὐτὴν συνοικίσει.

⁹ В рассматриваемой оде Пиндара также используется представление о благочестивости Пелея, за которую боги устроили его брак с Фетидой (Pi. I. 8. 40 ὄντ' εὐσεβέστατον, ср. N. 5. 26ff), см. ниже.

¹⁰ Если только использованное Герой обращение αἰὲν ἄπιστε не подразумевает предшествовавшего увлечения Зевса Фетидой.

истмийской оде, «Избегнутое чудовище»¹¹, она, конечно, ошибочно проецирует на текст Пиндара вариант мифа, представленный в *PD* (см. выше). У Пиндара нет и намека на чудовище, и это не случайно. Представление о сыне, сильнейшем отца, лежит, согласно *Теогонии*, в основе смены божественных поколений. Каждый раз новым владыкой богов оказывался сильнейший сын. Гея и Уран предрекли Крону, что власть у него отнимет собственный сын, но и у самого Урана власть была отнята сыном силой. Зевсу, согласно *Теогонии*, также было предсказано рождение сильнейшего сына от Метиды,¹² и он проглотил ее по той же причине, по которой и его отец глотал рождавшихся детей, – т.е., чтобы не допустить воцарения сильнейшего сына, *Th.* 892 sq.:

ἵνα μὴ βασιλῆίδα τιμὴν
 ἄλλος ἔχοι Διὸς ἀντὶ θεῶν ἀειγενετάων
 ...чтобы царскую честь
 никто из вечно живущих богов не имел, кроме Зевса

Ведь после Афины, которая, согласно этому рассказу, была проглочена в утробе матери, Метиде должна была родить будущего царя богов и людей, *Th.* 897f:

αὐτὰρ ἔπειτ' ἄρα παῖδα θεῶν βασιλῆα καὶ ἀνδρῶν
 ἔμελλεν τέξεσθαι, ὑπέρβιον ἦτορ ἔχοντα
 ибо затем она должна была родить
 царя богов и людей мощного духом.

Он однозначно назван царем богов и людей и как таковой является следующим в ряду Уран – Крон – Зевс. Поэтому пиндаровское φέρτερον γόνον πατρός, конечно, должно означать будущего верховного бога (*I.* 8. 33).

¹¹ A Monster Avoided (Burnett 2005: 102–118); исследовательница ясно называет это чудовище представителем сил хаоса (*ibid.* 114).

¹² Некоторые исследователи высказывали сомнения в том, что пассаж о Метиде относился к раннему слою *Теогонии* (Solmsen 1949: 67f), считая его поздней вставкой, неизвестной ни Пиндару, ни Эсхилу. Уэст, однако, считает этот пассаж вполне логичным для ранней теогонической мысли. С этим надо согласиться. Ведь предшествующие два божественных переворота должны были генерировать неуверенность в отношении власти Зевса. Рассказ о Метиде благополучно закрывает эту тему, дав Зевсу возможность избежать рождения рокового сына.

Именно это обстоятельство, т.е. генетическая связь мотива о сильнейшем сыне с верховной божественной властью, позволяет вскрыть противоречие пиндаровской версии: этот мотив, будучи применимым к Зевсу, не имеет никакого смысла в случае Посейдона. Даже если представить себе Посейдона в роли обладателя Фетиды, чтобы дело дошло до этого, Зевс должен был либо уступить Фетиду Посейдону, либо потерпеть от него поражение в случае силового разрешения конфликта. И то и другое представляется невозможным. Таким образом, миф, изложенный в *I. 8*, при ближайшем рассмотрении оказывается алогичным соединением разных мотивов. Это дает нам более серьезные основания считать его оригинальным созданием Пиндара, целью которого было продемонстрировать, какая катастрофа ожидала мир в случае, если бы Фемида и другие боги не вмешались в спор Зевса и Посейдона (Bowra 1964: 309; Carey 1981: 195).

Одна деталь в тексте оды, на наш взгляд, может дополнительно свидетельствовать о том, что миф о соперничестве Зевса и Посейдона за Фетиду является детищем Пиндара. Когда Фемида завершила свою речь, обращенную к Кронидам, они оба ей кивнули согласно (*I. 8. 45*). И плод ее слов не пропал, – говорит дальше Пиндар, поясняя это фразой, в понимании которой среди исследователей имеются существенные разногласия, *I. 8. 46f*:

φαντὶ γὰρ ξύν' ἀλέγειν
καὶ γάμον Θέτιος ἄνακτα.

Уже при первом прочтении ясно, что речь здесь, скорее всего, идет о знаменитой свадьбе Пелея и Фетиды, которую, согласно традиционному мифу, почтили своим присутствием все боги (*II. 24.62*). Именно свадьба в контексте рассказа Пиндара подтверждала бы пророчество Фемиды. Однако единственное число ἄνακτα, засвидетельствованное всеми рукописями, после предшествующей фразы, где субъектами являются оба Кронида, вызывает, как будто, вполне обоснованные затруднения. Уже Триклиний предложил в качестве конъектуры Dual. ἄνακτε, что, казалось бы, снимает эту трудность. Но рукописное чтение при этом остается необъяснимым и, несомненно, более трудным чтением. С другой стороны, приняв Dual., мы сталкиваемся с интерпретационными трудностями. В зависимости от понимания ἀλέγειν ('заботиться' или 'выказывать почтение') фраза будет означать либо, что оба владыки вместе позаботились о свадьбе Фетиды, либо, что они оба почтили ее своим

присутствием. Если понять заботу как согласие на брак Фетиды с Пелеем (Burnett 2005: 106), эта фраза окажется менее ясным повтором предшествующего стиха (45: τοὶ δ' ἐπὶ γλεφάροις νεῦσαν ἀθανάτοισιν). Если же принять второе значение, окажется, что на свадьбе Фетиды были только Зевс и Посейдон.

Фарнел отстаивал рукописное чтение, связывая его с Зевсом, однако своеобразное понимание ξύν' ἀλέγειν привело его к слишком абстрактной интерпретации целого: Zeus had a care for the common weal (of the gods), and the marriage of Thetis (Farnell 1965: 382). Иную интерпретацию на базе рукописного чтения предложил фон дер Мюль, связавший ἄνακτα с Пелеем (von der Mühl 1965: 49–52). Однако, хотя его гипотеза и получила некоторую поддержку у исследователей (Thummer 1969, В. 2: 137; Privitera 1982: 236), трудно согласиться с тем, что ἄνακτα без упоминания имени могло подразумевать Пелея (Carey 1981: 199)¹³.

Трудно согласиться и с общей интерпретацией этого стиха, который Туммер, например, перевел так: Es heisst nämlich, der Herrscher habe sich auch seinerseits um die Ehe mit Thetis bemüht (Thummer 1969, В. 1: 195). Забота Пелея о браке, по мысли исследователя, состояла в том, чтобы усмирить Фетиду, которая меняла обличья (N. 3. 35). Однако ξυνά (вместе) ставит Пелея в одно положение с богами, которые позаботились о браке Фетиды¹⁴, что странно. Если бы Пиндар хотел подчеркнуть роль Пелея в «организации» своего собственного брака с Фетидой, он несомненно нашел бы для этого более однозначные средства выражения. Но в этой оде, в отличие от N. 3, где Пелей изображен активным героем (34-36: ὃς καὶ Ἴωλκὸν εἶλε μόνος ἄνευ στρατιᾶς, καὶ ποντίαν Θέτιν κατέμαρψεν ἐγκομητί), Пелей представлен пассивно: Фетида дается ему в дар за благочестие (I. 8. 38-40: Πηλεί γάμου θεόμορον / ὀπασσαι γέρας Αἰακίδαί / ὄντ' εὐσεβέστατον., ср. N. 5. 33-36). Наконец, указанной интерпретации препятствует то обстоятельство, что глагол ἀλέγειν у Пиндара во всех известных случаях имеет значение 'оказывать почет, уважение'.

¹³ Пиндар употребляет слово ἄνακτα по отношению к Пелею (аргумент фон дер Мюля), но только вместе с именем, N. 3. 33.

¹⁴ См. интерпретацию фон дер Мюля: «... wie erzählt wird, auch Peleus seinerseits ξυνά, d. h. in Gemeinschaft mit jenem Götterwillen, auf die Heirat mit Thetis (γάμον Θέτιος) bedacht war» (von der Mühl 1965: 51f).

Между тем, наиболее простое понимание интересующего нас стиха Пиндара было предложено еще Сандисом, который под ἄνακτα понимал только Зевса: ‘for they tell how that Zeus joined in favoring even the marriage of Thetis’ (Sandys 1978: 505). Необходимо только объяснить, почему из поля зрения поэта внезапно исчез Посейдон. Я полагаю, что здесь мы имеем дело с рудиментарным использованием мотива предшествующей традиции, в котором Фетиды добивался только Зевс. Пиндар, закончив изложение своего мифа в предыдущем стихе вместе с завершением пророчества Фемиды (45: ὦς φάτο... ἀθανάτοισιν), вдруг словно вновь оказывается в поле традиционной версии о свадьбе Фетиды: ибо говорят, что вместе (с другими богами) владыка почтил и (даже) свадьбу Фетиды (46). Эта реплика звучит весьма схоже со словами, которые Гера говорит Зевсу в Илиаде, напоминая богам об исключительном положении Фетиды: все вы (боги) были на ее свадьбе, и ты там с ними (богами) пировал (см. выше).

В пользу этой интерпретации можно привести еще одно соображение. Слово ἄνακτα встречается в этой оде еще раз как приложение к γόνον во фразе πεπρωμένον ἦν φέρτερον γόνον ἄνακτα πατρός τεκεῖν (33), и здесь оно определенно подразумевает будущего верховного владыку (ср. Hes. *Th.* 897: παῖδα θεῶν βασιλῆα καὶ ἀνδρῶν, см. выше). Это наводит на мысль, что и здесь ἄνακτα должно означать верховного владыку. Если исходить из того, что речь идет о Зевсе, то в ситуации, когда угроза свержения сильнейшим сыном миновала, это слово получает дополнительный вес, – Зевс сохранил свое положение верховного владыки и именно в этом качестве почтил свои присутствием свадьбу Фетиды.

Итак, мы пришли к выводу, что введение Посейдона в качестве соперника Зевса в его претензиях на брак с Фетидой, дело рук самого Пиндара. Что касается самого мотива о роковом браке Зевса с Фетидой, то он, вероятно, вошел в исходный миф о Фетиде раньше. Возможно, особые обстоятельства брака с Фетидой, запечатленные в этом мотиве, должны были объяснить исключительный статус ее сына Ахилла среди ахейских героев. В этой связи интересно присмотреться к варианту мифа, сохраненному для нас позднейшей мифографической хрестоматией (Westermann 1843: 379):

Θέτιν ὁ Ζεὺς ἐθαύμαζε τοῦ κάλλους, παρὰ δὲ τῆς Νυκτὸς ἀκούσας, ὡς ὁ τικτόμενος ἐκ Θέτιδος ἀμείνων ἔσται τοῦ πατρὸς, αὐτὸς μὲν οὐ μίγνυται, Πηλεΐ δὲ δίδωσι.

Согласно этой версии, услышав от Ночи, что рожденный от Фетиды сын будет сильнее своего отца, Зевс сам с ней не стал сходиться, но отдал Пелею. Этот текст при всей его неприхотливости наглядно показывает, что, когда история Фетиды спустилась с божественного на полубожественный уровень, идея сына, сильнейшего отца, в ней сохранилась. При этом она не просто утратила негативные черты и перестала нести опасность для отца, но наоборот приобрела исключительный положительный потенциал. Если от брака с Зевсом Фетиде суждено было родить сильнейшего бога, сулившего падение Зевсу, то в союзе со смертным Пелеем она должна была родить сильнейшего героя, сулившего родителю только славу.

Именно такое понимание разрешения конфликта этого мифа присутствует и у Пиндара, ибо он приводит два подтверждения тому, что предсказание Фемиды сбылось. Первое – это то, что Зевс почтил свадьбу Фетиды в качестве владыки богов, т.е. избежав возможного падения (см. выше), и оно означает сохранение гармонии в мире богов. Вторым подтверждением правоты Фемиды является юная доблесть Ахилла (47 sq.: νεαρὰν... ἀρετὰν Ἀχιλλέος), которую Пиндар описывает с помощью эффектного каталога деяний героя (49-55). Ахилл в нем представлен не просто сильнейшим героем, как было предсказано Фемидой (37: χεῖρας Ἄρεϊ <τ' > ἐναλίγκιον στεροπαῖσι τ' ἀκμὰν ποδῶν), но исключительным виновником победы греков в Троянской войне, обеспечившим возвращение Атридов и освобождение Елены (51: γεφύρωσε τ' Ἀτρεΐδαῖσι νόστον, / Ἑλέναν τ' ἐλύσατο). Это второе подтверждение относится к миру героев.

Помимо божественного и героического уровней мифа в повествовании Пиндара возникает еще один, третий уровень, непосредственно связанный с двумя предыдущими. Это смертные, почитающие Ахилла и связанные с ним одной родиной. В узком смысле это Эгина, прославленная Ахиллом (55: Αἴγιαν σφετέραν τε ρίζαν πρόφαινεν). Но в широком смысле это мир современников Пиндара, эллины, отстоявшие недавно свою свободу от персидского ига под Платеями (I. 8. 5–7: ἐκ μεγάλων δὲ πενθέων λυθέντες... παυσάμενοι δ' ἀπρήκτων κακῶν).

Конкретным представителем смертных мужей у Пиндара является Никокл, погибший родственник непосредственного адресата оды, а связь смертного с героическим осуществляется по Пиндару через посредство Муз, которые сейчас спешат воспеть Никокла так же, как они когда-то воспели Ахилла. Весь пассаж, в котором говорится об этом (56-63), важен, прежде всего для понимания того, за что Музы воспевают Никокла. Ахилл был столь славен, что песни о нем не иссякли даже после его смерти, и Музы встали у его погребального костра, разливая многоголосый плач, 56–58:

τὸν μὲν οὐδὲ θανόντ' ἀοιδαὶ ἔλιπον,
ἀλλὰ οἱ παρὰ τε πυρᾶν τάφον θ' Ἑλικώνια
παρθένοι
στάν, ἐπὶ θοῆνόν τε πολύφαμον ἔχεαν.

Ибо боги решили, доблестного мужа, даже умершего, (должно) воспеть в гимнах богинь, 59–60:

ἔδοξ' ἄρα τόδ' ἀθανάτοις,
ἔσλόν γε φῶτα καὶ φθίμενον ὕμνοις θεᾶν δίδόμεν.

Поскольку вся эта фраза имеет характер божественного установления, φῶτα здесь означает уже не столько Ахилла, сколько всякого доблестного мужа, даже если его, как Ахилла, уже нет в живых. И это установление богов и ныне несет славу,¹⁵ а доказательством тому являются Музы, устремившиеся воспеть память о кулачном борце Никокле, 61-63:

τὸ καὶ νῦν φέρει λόγον, ἔσσυταί τε
Μοισαῖον ἄρμα Νικόκλεος
μνᾶμα πυγμάχου κελαδῆσαι.

Весь этот пассаж имеет четкую симметричную структуру: Ахилл (3) – божественное установление (2) – Никокл (3). Исходя из этого понимания, Никокл характеризуется как ἔσλός и φθίμενος. Последнее в сочетании с тем фактом, что воспевается память (μνᾶμα) о нем, ясно свидетельствует о том, что Никокл находится среди мертвых, а недавние события в свете сближения с Ахиллом, который погиб на войне (36: θανόντ' ἐν

¹⁵ В интерпретации фразы τὸ καὶ νῦν φέρει λόγον я присоединяюсь к Кенкену, понимающему λόγος в обычном для Пиндара значении 'слово, речь, похвала, слава' (Köhnken 1975: 30; Nagy 1990: 204f).

πολέμῳ), подсказывают, что он, скорее всего, отдал жизнь в одном из сражений с персами¹⁶. При этом то обстоятельство, что Никокл был славным кулачным борцом, не уменьшает, но усиливает аналогию с Ахиллом, который, как всякий герой был и атлетом.

Через Никокла Пиндар приходит, наконец, к прямой цели своей оды, персональному восхвалению ее адресата Клеандра, двоюродного брата или племянника Никокла. Последний связан с Ахиллом как воин и атлет. В свою очередь юный Клеандр пока проявил себя только как атлет. В этом качестве, несмотря на юность, он достоин Никокла (65: τὸν μὲν οὐ κατελέγχει). Это означает, что в будущем при необходимости он не посрамит своего родственника и как воин. Таким образом, Клеандр демонстрирует потенциальную аналогию между героическим и смертным уровнем, а это и есть важнейшая скрепа в обществе, чтящем Ахилла и благодаря этому победившем персов.

Финальное обращение к Клеандру замыкает циклическую композицию оды, начавшуюся с призыва пропеть ему победную песню (1–4: Κλεάνδρῳ τις... ἀνεγειρέτω κῶμον). Примечательно, что восьмая истмийская ода – единственный эпиникий Пиндара, начинающийся непосредственно с имени победителя (Köhnen 1975: 32, n.3). Сам факт того, что Клеандр стал победителем в состязаниях и сейчас в его честь исполняется гимн, в понимании Пиндара является прямым следствием избавления от угрозы персидского порабощения (5–6: ἐκ μεγάλων δὲ πενθέων λυθέντες / μήτ' ἐν ὄρφανίαι πέσωμεν στεφάνων). Таким образом, Пиндар начинает с победы Клеандра, которая в силу сопутствующих ей обстоятельств времени наводит его на размышления о ценности свободы (15: ἰατὰ δ' ἔστι βροτοῖς σὺν γ' ἐλευθερίαι καὶ τὰ)¹⁷, далее из разных мотивов сплетает миф,

¹⁶ Большинство исследователей полагают, что Никокл погиб на войне (Burnett 2005: 107 n. 3), но Привитера, например, считает, что, если бы Никокл погиб на поле боя, Пиндар об этом сказал бы прямо (Privitera 1982: 239). И все же аналогия с Ахиллом слишком очевидна.

¹⁷ Весь зачин оды написан рывками (Burnett 2005: 110). Пиндар подходит к главной части, словно с трудом преодолевая свое тягостное настроение (5: καίτερ ἀχνύμενος θυμόν), которое справедливо связывают с тем обстоятельством, что Фивы, родной город поэта, в решающем сражении при Платеях оказался на стороне персов (Bowra 1964: 112ff). А. Бернет полагает, что дополнительную трудность для Пиндара создавало то обстоятельство, что и эгинеты не отличились в битве

демонстрирующий трехступенчатую структуру ценностного мира эллинов, в которой миры богов, героев и смертных мужей оказываются связанными отношениями аналогии, что объясняет, в частности, победу над персами, и, наконец, у же на новом уровне возвращается к Клеандру, представив его победу в играх как закономерный результат аналогического действия той же структуры.

Итак, брак Фетиды с Пелеем позволил сохранить гармонию в божественном мире (первый уровень), и одновременно от него явился на свет сильнейший герой, благодаря которому была взята Троя (второй уровень), а почитающие его смертные мужи совершили аналогичный подвиг, сокрушив персидское нашествие (третий уровень). Всей этой триадической структуре, воплощающей идеал эллинского космоса на другой чаше весов противопоставлена катастрофа, которой едва удалось избежать. Пиндар дает о ней представление, индуцируя мощный образ поединка перуна с трезубцем (Зевса с Посейдоном), который заставляет и слушателя и читателя забыть о его бессмысленности также, как и о бессмысленности угрозы сильнейшего сына для Посейдона. Очевидно, что текст Пиндара произвел и на автора *Прометей Прикованного* сильное впечатление: он сохранил упоминание о Посейдоне в виде рудиментарного мотива, как мы теперь уже точно можем считать из пиндаровского мифа.

С подачи Пиндара Эсхил возвращает мифу о Зевсе и сильнейшем сыне первоначальную теогоническую силу, создавая при этом свою версию гармонизации миропорядка. Зевс будет стремиться к браку, от которого родится сын, которому суждено свергнуть отца. Предотвратить эту катастрофу может только Прометей, знающий секрет от своей матери Фемиды-Геи. От исходной эпической версии здесь – мотив рокового брака и знающая о нем Гея. От Пиндара – пророчествующая Фемида и Фетида как объект вождения Зевса. Однако передача секрета посреднику, от которого теперь зависит, сбудется пророчество или нет, придает всей коллизии импульс драматического развития. В руках Прометей секрет оказывается орудием, способным

при Платеях, ссылаясь на Hdt. 9. 85 (Burnett 2005: 107f). Однако до сообщения об эгинской могиле стыда в Платеях, Геродот дважды упоминает эгинетов в расположении общеэллинских сил (Hdt. 9. 28; 31). Обстоятельства участия эгинского контингента из 500 человек, видимо, требуют дополнительного исследования.

воздействовать на Зевса, такого, каким он представлен в трагедии, и изменить его.

В мифе, созданном Эсхилом в пределах трилогии¹⁸, не просто сохраняется status quo для Зевса (сохранение власти), как у Гесиода и Пиндара, но сам он идет на ряд уступок, свидетельствующих об изменении качества его власти: выпускает Титанов, освобождает Прометея, дает смертным огонь на законных основаниях, чудесным образом наделяет потомством Ио и отказывается от Фетиды. Результатом этих ограничений божественного произвола становится рождение величайших героев в лице Геракла и Ахилла и спасение смертных, получивших законное право пользоваться огнем и почитать Прометея, т. е. гармонизация жизни на трех уровнях, божественном, героическом и человеческом.

В рамках данной статьи невозможно углубляться в детальное обсуждение сложного и много дискутировавшегося вопроса о том, имела ли место в рамках трилогии эволюция Зевса¹⁹. Но на основании текста дошедшей трагедии и фрагментов недошедшей, а также самой общей реконструкции содержания заключительной драмы трилогии можно определенно говорить о том, что в ней, несомненно, происходило изменение качества власти Зевса: от необузданного молодого тирана (*PD* 96/310: *vέος*

¹⁸ Вслед за некоторыми другими исследователями я отстаиваю существование трилогии о Прометее, первой трагедией которой был *Прометей Прикованный*, и ее принадлежность Эсхилу (Мусбахова 2010).

¹⁹ Библиография этого вопроса обширна (Lesky 1972f, n. 123; Conacher 1980: 120–137). Видимая эволюция Зевса в трилогии, для многих послужила важным аргументом в пользу ее поздней датировки, однако представление о развитии божества нам неизвестны и в послеэсхилловское время. В своей знаменитой статье Ллойд-Джонс пришел к выводу, что в трагедии имело места не изменение Зевса, а его сделка с Прометеем (Зевсу не надо было меняться, чтобы освободить Прометея, поскольку ценой освобождения было его собственное спасение), в результате которой, как в случае Эвменид, изменилось и его последующее поведение (Lloyd-Jones 1956: 55–67). Однако Титаны были отпущены Зевсом еще до освобождения Прометея. Изменение отношения к Ио и чудесное зачатие Эпафа также должны были произойти задолго до того, как ее потомок Геракл избавил Прометея от мучений. Конахер также указывает на то, что правление Зевса представлено в *PD* в слишком неприглядном свете, чтобы допустить возможность его сохранения (см. сл. прим.), и справедливо полагает, что речь в трилогии идет об изменении характера правления, а не природы Зевса (Conacher 1980: 132).

ταῦρος/τύραννος), пришедшего к власти в результате «дворцового» переворота²⁰, к зрелому Зевсу, сумевшему ограничить свой произвол и предоставить свободу другим (Титанам, Прометею, Ио, Фетиде). Именно такой Зевс, по мысли Эсхила, дает существование свободному эллинскому космосу и утверждается в качестве его верховного бога. Возвращаясь к интересующему нас мифу о Фетиде, можно сказать, что ограничение произвола Зевса и рождение Ахилла выступают в трагедии как причина и следствие.

Чрезвычайно интересен вопрос об историческом контексте появления у Эсхила подобных размышлений. Восьмая истмийская ода Пиндара была создана, скорее всего, в 478 г., после битвы при Платеях (Bowra 1964: 407)²¹. Есть все основания думать, что роль Ахилла (и других троянских героев) как прототипа поведения нынешних, смертных героев, которую мы видели в оде Пиндара, стала предметом особо интенсивного осознания именно в период Греко-персидских войн. Об этом свидетельствует, в первую очередь, *Платейская элегия* Симонида, в которой Ахилл и троянские герои сопоставляются с павшими при Платеях (Rutherford 2001: 38–50). Их объединяет бессмертная слава (Fr. 11.15/28: κλέος ἀθάνατον), которую через поэтов обеспечивают им музы. Весьма сходная конструкция имеется, как мы видели, в тексте Пиндара²². Кроме этого у нас имеются и другие свидетельства, говорящие о том, что в это время осознание связи героического и смертного уровней становится

²⁰ Эсхил представляет победу Зевса над Кроном именно как переворот, которому предшествовала борьба сторонников и противников устранения Крона и, соответственно, воцарения Зевса (*PD* 199–221), тогда как, согласно традиционной версии, у Зевса практически не было другого выхода, кроме как расправиться с пожиравшим детей отцом (*Hes. Th.* 453 sq.).

²¹ О других соображениях по поводу датировки см. Carey 1981: 184; Burnett 2005: 107 n.1.

²² Если это не клише, что представляется маловероятным, то произведения Пиндара и Симонида должны быть связаны, однако определение источника влияния в данном случае значительно осложняется их временной близостью. Платейская элегия Симонида была создана после победы над персами в 479 г. и до 477 г., когда предводитель спартанцев Павсаний, упоминаемый в элегии с пиететом, впал в немилость у себя на родине (Voedeker 2001b: 154 n. 36).

среди эллинов довольно устойчивым топосом²³. Это взгляд изнутри эллинского космоса.

Взгляд извне дан в единственной дошедшей до нас исторической трагедии, связанной с теми же событиями. В *Персах* Эсхила победа эллинов над персами представлена как победа свободных людей над рабами одного властелина²⁴. Тем самым по Эсхилу получается, что сохранение свободы всего эллинского социума, свободы от внешнего захватчика, обеспечивает личная свобода эллинов. В призыве освободить родину, освободить женщин и детей, храмы отеческих богов и могилы предков (*Pers.* 403–05: ἐλευθεροῦτε πατρίδ', ἐλευθεροῦτε δὲ / παῖδας γυναικας θεῶν τε πατρώων ἔδη / θήκας τε προγόνων) эта общая эллинская свобода понимается как сохранение своего образа жизни (*Pe* 405: νῦν ὑπὲρ πάντων ἀγών), и в этом понимании ощутимо соединяется как ее общее, так и персональное значение. Свободе эллинов Эсхил противопоставляет подневольное положение персов, о котором мы узнаем через характеристики их владык. И здесь в высшей степени любопытно, что их совокупный портрет по целому ряду признаков сближается с образом Зевса-тирана в *Прометее Прикованном*.²⁵ Едва ли это может быть случайно. Возникает впечатление, что Эсхил, уловив идею зависимости свободы Эллады от персональной

²³ Другим ярким отпечатком этого мироощущения является эпиграмма с афинской агоры, датируемая годами вскоре после Платейской победы (40 FGE), в которой проводится аналогия между афинским героем Менестеем, отличившимся под Троей и отмеченным Гомером, и афинянами, победившими персов во Фракии. Об этом, а также о сходных аналогиях у Геродота см. Voedeker 2001a: 124ff.

²⁴ Aeschyl. *Pers.* 241f:

τίς δὲ ποιμάνωρ ἔπεστι κἀπιδεσπόζει στρατῶι;
οὐτινος δοῦλοι κέκληνται φωτὸς οὐδ' ὑπήκοοι.

Царица расспрашивает об афинянах в терминах, привычных для нее в отношении своего народа.

²⁵ Подобно Дарию Зевс называется ταγός (*Pers.* 763f / PD 96), он так же как и Дарий получил власть в результате дворцового переворота (*Pers.* 776–79 / PD 199ff см. прим 21; не сведения ли о Дарии подтолкнули Эсхила к такой трансформации известного мифа?); с Ксерксом Зевса сближает представление о молодости как причине безрассудных действий (*Pers.* 782 / PD 96, 310), а также неподотчетность как общая черта тиранов (*Pers.* 213 / PD 324). Конспективно я уже написала об этом (Мусбахова 2011), но эта тема достойна подробного исследования.

свободы каждого эллина, задался целью отыскать ее предпосылки непосредственно в сфере религии. И это понятно, ведь эллины добыли победу под покровительством своих богов. Так, по сообщению Фукидида, в Платеях после победы было совершено жертвоприношение Зевсу Элевтерию, т. е. Освободителю (Thucyd. 2.71.2), а позднее там же был установлен алтарь Зевса Элевтерия с запечатлевшей этот факт эпиграммой (“Simon.” 15 FGE = AP 6.50). Зевс освобождающий, а с учетом сказанного выше, сохраняющий свободу свободных людей, был, таким образом, почтен как податель победы над персами. Поклонение такому Зевсу могло поставить перед пытливым умом задачу примирить его образ со всеми brutальными фактами традиционной теогонии: уничтожением соперников, расправой над оппонентами, пренебрежением смертными. Толчком к подобного рода поискам могли послужить уже бытовавшие рассказы о том, что Зевс освободил Титанов и позволил Гераклу избавить от мучений Прометея²⁶. В результате в драматической форме возник миф о том, как стало возможным возникновение взаимопроникающих миров богов, героев и смертных. Трилогия о Прометее стала, таким образом, своеобразным исследованием предпосылок его возникновения.

Литература

- Зелинский 1912 – Зелинский Ф. Ф. Рудиментарные мотивы в греческой трагедии. Одесса, 1912.
- Мусбахова 2010 – Мусбахова В. Т. Сравнительно-историческое изучение текста и проблема авторства (на материале трагедии «Прометей Прикованный»): автореферат канд. дисс. СПб., 2010.
- Мусбахова 2011 – Мусбахова В. Т. О трех употреблениях существительного ταῦρος в древнегреческой драме: *Ag. Eq.* 159 – *Soph. Ant.* 1057 (156?) – Aesch. *PD* 96 // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XV: Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. СПб. 2011.
- Boedeker 2001a – Boedeker D. Heroic Historiography / *The New Simonides*, ed. by D. Boedeker, D. Sider. Oxford 2001. P. 120–134.
- Boedeker 2001b – Boedeker D. Paths to Heroization at Platea / *The New Simonides*, ed. by D. Boedeker, D. Sider. Oxford 2001. P. 148–163.

²⁶ Миф об освобождении Титанов, кроме трилогии о Прометее, упоминается у Пиндара (*P.* 4. 291), ср. также Aeschyl. *Eum.* 640–46. Рассказ об освобождении Геракла содержится в дошедшей до нас Теогонии (Hes. *Th.* 526–29), но, по мнению исследователей, не относится к ее раннему пласту.

- Bowra 1964 – Bowra C. M. *Pindar*. Oxford 1964.
- Burnett 2005 – Burnett A. P. *Pindar's Songs for Young Athletes of Aegina*. Oxford, 2005.
- Carey C. *A Commentary on Five Odes of Pindar*. New York, 1981.
- Christ W. von. *Pindari carmina*. Lipsiae, 1896.
- Conacher 1980 – Conacher D. J. *Aeschylus' Prometheus Bound*. Toronto; Buffalo; London, 1980.
- Farnell 1965 – Farnell L. R. *Critical Commentary to the Works of Pindar*. Amsterdam 1965 (rep.).
- Hubbard 1987 – Hubbard T. K. Two Notes on the Myth of Aeacus in Pindar // GRBS. Vol. 28. 1987. P. 5–22.
- Köhnken 1975 – Köhnken A. Gods and Descendants of Aiakos in Pindar's Eight Isthmian Ode // BICS. Vol. 22. 1975. P. 25–36.
- Lesky 1972 – Lesky A. *Die tragische Dichtung der Hellenen*. Studienhefte zur Altertumswissenschaft. 3. Aufl. Göttingen. 1972.
- Lloyd-Jones 1956 – Lloyd-Jones H. Zeus in Aeschylus. JHS. Vol. 76. 1956. P. 55–67.
- Mühlh 1965 – Mühlh P. von der. Weitere pindarische Notizen // Museum Helveticum. Bd. 22. 1965. S. 49–52.
- Nagy 1990 – Nagy G. *Pindar's Homer*. Baltimore; London, 1990.
- Privitera 1982 – Privitera G. A. *Pindaro*. Le Istmiche. Milano, 1982.
- Sandys 1978 – *The Odes of Pindar, with an introduction and an English translation by Sir John Sandys*. Loeb Classical Series. Cambridge, Massachusetts – London. 2nd Ed. 1978 (reprinted).
- Solmsen 1949 – Solmsen F. *Hesiod and Aeschylus*. New York, 1949.
- Thummer 1968–1989 – Thummer E. *Pindar. Die Istmischen Gedichte*. Bd. I–II. Heidelberg, 1968–1989.
- West 1966 – West M. L. *Hesiod: Theogony*. Oxford, 1966.
- Westermann 1843 – Westermann A. (ed.) *Μυθογράφοι. Scriptores poeticae historiae Graeci*. Brunsvigae, 1843.
- Wilamowitz-Moellendorff 1922 – Wilamowitz-Moellendorff U. von. *Pindaros*. Berlin, 1922.

V. T. Musbakhova. Pindar, Achilles, rudimentary motives, and the myth about Zeus' fatal wedding

1. The paper argues that the mention of Poseidon in the prophecy about the future fall of Zeus from the hand of his mightiest son in *Prometheus Desmotes* (PD 924f) is a rudimentary motif of the original Pindaric myth about Zeus and Poseidon as Thetis' suitors (I. 8. 27-35). This conclusion is based on the fact that the motif of a son surpassing his father makes a part of the succession myth which normally involves only divine rulers and would thus be irrelevant to apply to Poseidon. In support of this view, the paper adduces the Sing. ἄνακτα (I. 8. 47) which, if referred to Zeus only, can be interpreted as a rudimentary return to the traditional story about Thetis' wedding honored, along with other gods, even by Zeus (II. 24.59-63).

2. According to Pindar, the avoidance of the catastrophe in the divine rule resulted in the genesis of the three-level Hellenic cosmos (the eternal gods – the demigod heroes in the person of Achilles – the mortal heroes in

the person of Nicocles). Aeschylus, too, conceives the prevention of Zeus' fall as the origin of the triple structure of the Greek world (the gods – the heroes – the mortals), which, however, has been achieved not through the preservation of the status quo, as in Pindar's writings, but thanks to the restriction of the initially tyrannical regime of Zeus, because the revelation of the fatal secret depends on the release of Prometheus. This train of thought acquires particular significance in the context of the conceptualization by the Greeks of their victories over the Persians. If, from the internal viewpoint, it was substantiated by the analogy between contemporary Greeks and Achilles (Trojan heroes), the view from outside was represented in the Aeschylean *Persae*, where the victory of the Greeks over the Persians was conceived as the victory of free people over the slaves of a despotic ruler.

Given that the image of Zeus the tyrant in *PD* in many ways corresponds to the collective portrait of the Persian kings, it becomes clearer that Aeschylus conceives the restriction of the primary tyranny of Zeus as the main precondition for the formation of the free Hellenic cosmos.

О. Е. Нестерова

**ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ
И АЛЛЕГОРИЧЕСКИХ МОТИВОВ У ГРИГОРИЯ
ЭЛЬВИРСКОГО В TRACTATUS DE LIBRIS SANCTARUM
SCRIPTURARUM VII**

Резюме. В статье рассматривается содержащий лакуну текст гомилии Григория Эльвирского (ок. 330–405) на историю рождения Моисея, где автор без видимой мотивации переходит от образа корзины младенца Моисея к теме эсхатологического огня. Анализ параллельных типологических мотивов, толкуемых в других трактатах Григория, позволяет реконструировать содержание утраченного фрагмента.

Ключевые слова: Григорий Эльвирский, Ориген, патрология, типологическая экзегеза, толкования Библии.

Книга Исхода открывается рассказом о том, как Фараон, дабы воспрепятствовать процветанию поселившегося в египетских пределах народа Израиля, распорядился топить в реке всех еврейских младенцев мужского пола, и о том, как мать Моисея три месяца скрывала новорожденного сына, а затем уложила его в тростниковую корзину, осмоленную «асфальтом» (т. е. битумом, минеральной смолой), и оставила в камышах у реки, где корзину с младенцем обнаружила дочь Фараона, впоследствии усыновившая найденыша, нареченного Моисеем, то есть «взятым из воды», и воспитавшая его во дворце (См. Исх. 1–2).

Легендарные подтексты этого сюжета слишком известны, чтобы останавливаться на них подробно¹. Считается, что его источником могла послужить ассирийская легенда VII в. до н. э. о происхождении великого аккадского царя Саргона Древнего (правил в XXIV в. до н. э.): рожденному вне брака и втайне от окружающих матерью-жрицей ребенку угрожает смертельная опасность, поэтому мать, чтобы сохранить ему жизнь, кладет сына в камышовую корзину, запечатывает ее крышку битумом и

¹ См., напр., Ackerman 1974; Redford 1967; Childs 1965. Нельзя не вспомнить и знаменитый опыт психоаналитической интерпретации соответствующего мифологического комплекса, предпринятый Отто Ранком, см. Rank 1909.

отпускает плыть по течению реки². Вообще же мотив корзины³ с младенцем, отданной во власть водной стихии и обеспечивающей спасение героя-подкидыша, которому предназначено великое будущее, в тех или иных вариантах встречается в мифологии, героическом эпосе и фольклоре у разных народов – например, в рассказах об обстоятельствах рождения Карны (Махабхарата III, 292–3), Персея (Аполлодор, Мифологическая библиотека II, 4, 1), а также царя Эдипа, Ромула и Рема и многих других героев, великих правителей и религиозных вождей, легендарных и исторических⁴.

Отголоски универсального мифа о чудесном рождении и чудесном спасении провиденциального младенца можно расслышать и в повествовании евангелиста Матфея о Рождестве Иисуса Христа. В частности, у Матфея на первый план выступает отсутствующая у Луки тема астрального знамения, указывающего точные время и место рождения младенца⁵, и тема проскинезы царей-волхвов, подносящих символические дары (золото, ладан и смирну) новорожденному Мессии, а исходящим от тех же волхвов свидетельством о царском достоинстве еще не знакомого им младенца объясняется жестокое решение царя Ирода, который, из опасения за собственный трон, отдает приказ о беспощадном избиении всех вифлеемских младенцев младше двухлетнего возраста (См. Мф. 2. Ср. также Прото-евангелие Иакова, 21–22.). При этом следует отметить, что для автора Евангелия от Матфея, обращавшегося преимущественно к иудеям, было особенно важно не только подчеркнуть в рассказе о рождении, жизни и служении Иисуса такие детали, которые свидетельствовали бы об исполнении ветхозаветных мессианских пророчеств, но еще и указать на антитетический параллелизм фигуры Моисея, величайшего иудейского законодателя, и фигуры Иисуса Христа, возвестившего новый Завет и новый закон.

² См. Pritchard 1950: 119. См. также рус. пер. И. Дьяконова в книге: Афанасьева, Дьяконов 2000: 297.

³ В других случаях – коробка, деревянного ларя, бочонка и проч. в том же роде.

⁴ Об этом мотиве см., напр., Redford 1967; Binder 1964: 125–250 – синопсис параллельных мотивов; Гринцер 1974: 318–321; Невелева 1985; Ибрагимов 2009: 19–26; Пропп 1976.

⁵ Ср. мессианское пророчество Валаама о грядущем восходе «звезды от Иакова», Числ. 24:17.

Правда, в библейском рассказе о рождении Моисея мотив избранничества и царского достоинства выражен в ослабленной форме: Фараон ополчается не лично на Моисея, но на всех отпрысков еврейского народа; о харизматичности родившегося в еврейской семье младенца свидетельствует лишь его необычайная красота; наконец, в Библии отсутствуют явные указания на ожидаемое династическое соперничество подкидыша с действующим правителем, хотя дочь Фараона и воспитывает Моисея как собственного сына. Понятно, что отступления от универсальной мифологической парадигмы, где провиденциальному младенцу чаще всего приписывалось происхождение от божественного отца (как вариант: от девственной матери, служительницы культа божества) и где роль приемных родителей обыкновенно отводилась представителям низших сословий (пастухам, рыбакам, садовникам), а порою даже животным (как в легенде о Ромуле и Реме), были обусловлены специфическим пониманием миссии самого Моисея, которого иудеи почитали как избавителя от египетского рабства, вождя, законодателя и посредника между Богом и народом Израиля, но не как царя и уж тем более не как основателя новой династии, легитимность которой гарантировалась бы божественным предком.

Однако иудейская агадическая традиция восполняла этот рассказ легендарными подробностями, возвращавшими его в контекст мифа о «рождении героя». Так, согласно Иосифу Флавий, некий египетский жрец-прорицатель (букв. «священно-книжник», греч. ἱεροῦραμματαεὺς) предрекает рождение ребенка, которому суждено освободить Израиль и погубить Египетское царство, и именно этим мотивируется последующий приказ Фараона об истреблении еврейских младенцев мужского пола (См. Иосиф Флавий. Иудейские древности II, 9, 2.); в дальнейшем усыновленный дочерью Фараона ребенок изумляет египтян своим богатырским ростом, красотой и необычайным умом (См. Иосиф Флавий. Иудейские древности II, 9, 6); тот же Иосиф Флавий рассказывает о том, как Фараон, приласкав трехлетнего Моисея, в шутку возложил ему на голову свой царский венец, Моисей же сбросил венец на землю и принялся топтать его ногами, что справедливо было расценено как дурное предзнаменование для Фараона (См. Иосиф Флавий. Иудейские древности II, 9, 7). В раввинической традиции чудесным обстоятельствам, связанным с рождением будущего иудейского религиозного вождя и законодателя, уделяется еще больше внимания, чем у

Иосифа Флавия, ориентировавшегося на языческих читателей и сознательно применявшегося к умонастроению и вкусам последних⁶. В частности, толкователи-мидрашим выводят на сцену египетских мудрецов, истолковывающих вещей сон Фараона⁷, или волхвов-звездочетов, заранее вычисляющих время рождения опасного для Фараона младенца⁸. Они же удерживают оригинальную версию адаптированной Иосифом Флавием истории о демонстративном посягательстве малолетнего Моисея на атрибуты царской власти: Моисей *сам* срывает с Фараона венец и либо возлагает его на себя, либо – как у Иосифа – сбрасывает на землю, так что только вмешательство архангела Гавриила, внушающего свидетелям этого акта мысль подвергнуть младенца испытанию, призванному доказать его неразумность, предотвращает немедленную расправу над потенциальным соперником Фараона⁹.

⁶ Анализ приводимой Иосифом Флавием версии легенды о рождении и младенчестве Моисея, со ссылками на параллельные источники, см. в работе: Feldman 1992 (о рождении и младенчестве Моисея: 295–307). См. также Pinnick 1996.

⁷ Видение весов, на одной чаше которых собраны египетские мудрецы и знать, а на другой – младенец, перевешивающий их всех (Яшар Шмот, 128а–130b; Дибре га-Ямим 1). См. Ginzberg 1909–1928: vol. 2, 254–256.

⁸ См. Ginzberg 1909–1928: vol. 5, 393, n. 21, со ссылками на Сота 12а–12b, Танхума II, 122 (Buber), Мидраш Ваякель 4, Шмот Рабба 1, 18. В этом отношении еще более яркую параллель к новозаветной традиции обнаруживают легенды о рождении Авраама, в свою очередь сложившиеся не без влияния легенд, связанных с Моисеем. Здесь венценосным антагонистом новорожденного младенца выступает царь Нимрод. Появление на свет Авраама ознаменовалось явлением великой звезды, которая двигалась по небу от восхода солнца и поглотила четыре великих звезды, см. Strack, Billerbeck 1922–1928: 1. Bd, 77–78; Ginzberg 1909–1928: vol. 1, 207–209 (ср. Вифлеемскую звезду). Мать Авраама, опасаясь преследований Нимрода, бежит в пустыню и разрешается от бремени в уединенной пещере (ср. мотив вертепа в апокрифическом Протоевангелии Иакова 21, отсутствующий у Матфея и у Луки), которая при рождении младенца наполняется светом (ср. аналогичный мотив *шехины* в преданиях о Моисее, см. Strack, Billerbeck 1922–1928: 1. Bd, 78); о новорожденном, вынужденно покинутом матерью в пещере (мотив, хорошо знакомый также из греческой мифологии), заботится архангел Гавриил, см. Ginzberg 1909–1928: vol. 1, 186–193.

⁹ См. Яшар Шмот 131b–132b; Танхума Шмот 8; Шмот Рабба 1, 26 и др. Младенцу предлагают на выбор оникс (или золото) и раскаленный

Тем самым агадическая традиция усиливает мотив угрозы для враждебного евреям правителя, исходящей от новорожденного ребенка, но при этом отвлекается от ключевой для библейского рассказа мифологемы младенца, помещенного в корзину и преданного волнам, хотя эта мифологема по сути имела аналогичный смысл (быть может, уже утративший очевидность для толкователей). В новозаветной традиции, напротив, антагонизм новорожденного Мессии и основателя идумейской династии Ирода Великого был акцентирован изначально и, как уже говорилось, подразумевал установление аналогии с историей рождения Моисея, хотя образ корзины в этой аналогии уже не участвовал. Вместе с тем, сама эта аналогия прочно укореняется в христианском сознании, и если апокрифическое Протоевангелие Иакова вводит в основанный на двух канонических версиях рассказа о событиях Рождества не упоминаемый ни у Луки, ни у Матфея образ пещеры, где рождается Иисус, и специально указывает, что Мария, спеленав сына и уложив его в воловьи ясли, спрятала таким образом Иисуса от посланных Иродом убийц¹⁰, то в более поздней христианской иконографии прослеживается тенденция к символическому отождествлению этих яслей с плетеной корзиной, в которой спасся от гибели Моисей¹¹.

Обратимся теперь непосредственно к нашей теме, а именно – к приводимому Григорием Эльвирским (*Gregorius Iliberritanus*)¹² в XX *Tractatus de libris sanctarum scripturarum VII*

уголь; он тянется к драгоценному камню, но ангел направляет его руку к углю. Об этой легенде см. Ginzberg 1909–1928: vol. 2, 272–275, vol. 5, 402, п. 65 (с указанием раввинических источников и опирающихся на них памятников, включая греческие и древнерусские).

¹⁰ См. Протоевангелие Иакова 22. Здесь же приводится параллельный и имеющий очевидные иудеохристианские корни рассказ о Елисавете, которая спасает своего сына Иоанна и вовсе чудесным способом: она бежит в пустыню, и по ее молитве гора отверзает ей свое лоно, чтобы укрыть в себе мать с младенцем, причем пещера озаряется светом, а вынужденных затворников охраняет ангел Господень.

¹¹ Ясли в виде корзины представлены, например, в сцене пеленания Христа на горельефе центрального портала Реймского собора (XIII в.).

¹² Григорий, епископ иберийского города Эльвира (лат. *Iliberis*; ныне Гранада), – испанский богослов IV в. (ум. в глубокой старости после 405 г.). Большая часть его сочинений сохранилась под чужими именами; в частности, принадлежащий ему цикл из двадцати гомилий на

толкованию рассказа о рождении Моисея (Исх. 2:1–10) и специально к образу осмоленной корзины, в которой дочь Фараона обнаружила еврейского младенца.

Для большинства христианских экзегетов подразумеваемый у Матфея параллелизм обстоятельств, связанных с историями рождения Моисея и Иисуса, служил достаточным основанием для того, чтобы включать Моисея – наряду с патриархами и некоторыми другими важными персонажами библейской истории – в систему ветхозаветных «типов» (то есть символических образов) Христа. Однако развивающаяся типологическая традиция, не отказываясь от парадигм «исторической» типологии (особенно характерной именно для Матфея), в интерпретации начальных глав книги Исхода предпочитала опираться в большей степени не на «аналогию событий», а на «аналогию лиц». Соответственно, типологическое отождествление младенца Моисея с младенцем Иисусом позволяло усматривать в образе родной матери Моисея тип Синагоги, а в образе дочери Фараона – тип Церкви, и интерпретировать весь сюжет как пророчество об иудеях, отрекшихся от рожденного среди них Спасителя, и о христианской Церкви, собранной от грешников и язычников, но очистившейся крещением (купание дочери Фараона) и уверовавшей во Христа (усыновление Моисея). Такой схемы толкования, основанной на моделях, применявшихся для экклесиологической интерпретации ряда других библейских сюжетов¹³, придерживался, в частности, Иларий Пиктавийский (См. Иларий, *Tract. myst.* 1, 29).

Ориген расходится с этой традицией лишь в одном, но весьма существенном пункте: Моисей олицетворяет для него Закон, а не Христа, – как и в большинстве других случаев, когда

библейские темы долгое время был известен и публиковался под заглавием «Двадцать трактатов Оригена». Достоверная атрибуция этого и некоторых других сочинений Григория была осуществлена лишь в XX в. В настоящее время доказано, что Григорий познакомился с гомилиями Оригена лишь в самом конце жизни, причем не по греческим подлинникам, а по латинскому переводу, осуществленному Руфином Аквилейским и опубликованному в нач. V в.

¹³ Прежде всего – Песни песней (Жених – Христос, Невеста – Церковь), истории Агари и Сарры (у апостола Павла в послании к Галатам 4) и истории Сусанны (Сусанна – Церковь, Иоаким – Христос, похотливые старцы – иудеи и язычники, омовение Сусанны – крещение Церкви, см. Ипполит, *In Dan. com.* I, 14-16).

Ориген обращается к образу великого иудейского вероучителя¹⁴. Поэтому у Оригена выходит, что Церковь (т. е. дочь Фараона), придя к водам крещения (т. е. к реке), обрела вместе с тем и Закон, который, однако, был заключен в корзину, осмоленную смолой и асфальтом (*rice et bitumine oblita*). А корзина (*tibis*), поясняет далее Ориген¹⁵, – это «своего рода оболочка (*tegmen*¹⁶), сплетенная из лозы или из папируса или даже изготовленная из древесной коры», и, значит, «Закон лежал (*jacebat*) заключенным внутри такого рода оболочек, обмазанный смолой и битумом, – то есть пребывал в ничтожестве, будучи заслоняем ничемными и мерзкими иудейскими толкованиями (*sensibus*), покуда не явилась Церковь от язычников и не забрала его из грязи болотной и не приняла во дворце Премудрости, под царским кровом (*adsumeret eam de luteis et palustribus locis atque intra Sapientiae aulas et regalia tecta conscisceret*)» (Ориген, *In Ex. hom.* 2, 4). Иными словами, для Оригена Моисеева корзина означает *внешний покров*, то есть «букву» Ветхого Завета и его «иудейский» смысл, принижающий, затемняющий и даже мараящий истинный, скрытый под ним духовный смысл Закона. Это типично оригеновский мотив, который Ориген развивает при каждом мало-мальски удобном случае, доказывая средствами иносказательной экзегезы необходимость применения соответствующего, то есть духовно-иносказательного, метода интерпретации Писаний.

Григорий Эльвирский явно знаком с этим толкованием, однако он, как это вообще ему было свойственно, ищет компромисс, адаптируя чужой материал и стараясь свести индивидуальные оригеновские мотивы к более или менее общему месту, по возможности придав им традиционную, то есть преимущественно типологическую, окраску.

¹⁴ См. Ориген, *In Ex. hom.* 2, 4 (ср. *ibid.*, 4, 6; 5, 4; 13, 2; ср. также *In Lev. hom.* 6, 2; 14, 3). Ср. у Илария Пиктавийского: младенец Моисей – это Христос, мать Моисея – Синагога, дочь Фараона – Церковь, а Закон – это сестра Моисея, так как именно она указала на Синагогу как на кормилицу Моисея-Христа, научив тем самым Церковь тому, что Христу должно было родиться по плоти от Синагоги и быть вскормленным оной. См. Иларий, *Tract. myst.* 1, 29.

¹⁵ Если только нижеприведенная глосса не принадлежит переводчику Оригена Руфину.

¹⁶ Лат. *tegmen* (*tegimen*, *tegumen*) – все то, что кроет или облекает («оболочка», «покров», «кожух», «кровля» и проч.).

Так, у него младенец Моисей отождествляется не с Законом (как это было у Оригена), а со Христом, и он отказывается от воспроизведения оригеновских спекуляций по поводу смолы и прибрежного ила, не только скрывающих Закон, но и марающих его чистоту. Вместе с тем, Григорий, как и Ориген, почитает нелишним разъяснить смысл употребленного в Септуагинте для обозначения Моисеевой корзины экзотического термина *tibis* (в тексте Григория он приводится в форме *tibin*), хотя при этом он демонстрирует несколько иные семантические предпочтения. Если для Оригена корзина – это прежде всего оболочка или своего рода пелены, лат. *tegmina*, то для Григория это «род посуды (емкости, *vasculum*), сплетенной наподобие короба (*scrinium*) из веток кустарника», само же «еврейское» слово *tibis* Григорий предлагает переводить на латинский как *capsa* (от *capio*) – «вместилище, короб, ларь (для хранения книг или плодов)», или как *cistola* (= *cistula*, уменьшительное к заимствованному из греческого *cista* – «ящик, ларец»), или, лучше всего, как *scrinium* – т. е. «ларец для писем или короб для книг», поскольку, как объясняет Григорий, все тайны (*archana* = *arcana*)¹⁷ закона были отложены во Христе (*Tract. script. VII, 16*).

Далее в тексте Григория – лакуна. Мы располагаем лишь началом обрывающейся фразы: «*Nam et sicut hoc vas tibin dicitur...*» – «Ведь как этот сосуд именуется корзиной (*tibin*) ...». После чего у Григория следует рассуждение о двух родах огня, «один из которых – от дьявольского искушения (*ex temptationis maligni*), когда пеклом гонения подвергается испытанию наша добродетель терпения, ибо сказано: “многими скорбями надлежит вам войти в Царствие Божие” (Деян. 14:22), другой же, как часто я говорил, – от благодати Божьего Духа, каковым <огнем> просвещаются умы верных и до конца оставшихся стойкими» (*Tract. script. VII, 17*).

В библейском рассказе о чудесном спасении Моисея отсутствуют какие-либо упоминания об огне, поэтому непонятно, как связаны были в сознании Григория и в контексте его проповеди тема Моисеевой корзины, оставленной на берегу реки, и тема двух родов огня – мучающего дьявольского и просвещающего Божьего.

¹⁷ По рукописи В; в рукописи F – *decreta* («установления»).

Мартин Дюлаи, в настоящее время готовящая трактаты Григория к изданию в серии *Sources chrétiennes*, полагает, что восстановить разорванную логическую цепочку в данном случае позволяет апелляция к связующему мотиву огнетворной «смолы» (то есть асфальта, или битума), позаимствованному Григорием у Оригена. В качестве параллели она ссылается на то место в 12-й гомилии Оригена на кн. Чисел, где говорится, что «битум есть снедь и пища огня» (См. Ориген, *In Num. hom.* 12, 2).

Однако такое объяснение не выглядит достаточно убедительным. Ориген вводит ремарку, касающуюся сродства между битумом и огнем, в весьма специфическом контексте и руководствуется при этом прозрачной и ясной логикой. Двенадцатая гомилия посвящена тому месту из книги Чисел, где сообщается, что Моисей привел народ Израиля к Беэр («колодцу»): «Отсюда [отправились] к Беэр; это тот колодезь, о котором Господь сказал Моисею: собери народ, и дам им воды. Тогда воспел Израиль песнь сию: наполняйся, колодезь, пойте ему; колодезь, который выкопали князья, вырыли вожди народа с законодателем жезлами своими» (Числ. 21:16–18). Беэр (равно как и все прочие колодцы или источники, упоминаемые в Ветхом и Новом Заветах) у Оригена рассматривается как символический образ источника живительного и спасительного божественного учения или знания¹⁸. Именно такому или таким источникам Ориген противопоставляет колодцы (в Библии – «ямы») со смолой (битумом), в которых сгнули цари Содома и Гоморры¹⁹ и

¹⁸ Символическое отождествление любых вообще источников питьевой воды, колодцев, вырытых патриархами, и в особенности – колодца, фигурирующего в кн. Чисел 21, с Торой и с заключенным в ее книгах спасительным учением, было общим местом иудейской традиции, продолженной христианами. Примеры раввинической трактовки этой темы см. в: Strack, Billerbeck 1922–1928: 2. Bd, 433–436. Символично-аллегорическое толкование колодца кн. Чисел приводится в *Дамасском документе*: «колодезь» – это Закон, «копатели» колодца – уведенные в плен евреи, поселившиеся близ Дамаска и называемые «князьями» за их приверженность Господу, «жезл» – Толкователь Закона, а «вожди народа» – это иудеи, которые «искапывают колодец», то есть даже в эпоху нечестия живут по законам, данным Законодателем, см. *Cod. Damasc.* 6:2–11.

¹⁹ См. Быт. 14:10: «В долине же Сиддим было много смоляных ям. И цари Содомский и Гоморрский, обратившись в бегство, упали в них [...]».

которые символизируют для Оригена богопротивные учения гностиков-еретиков, в связи с чем у него и возникает тема «питающегося смолою» огня Гееннского, заведомо уготованного приверженцам отождествленного со смолой лжеучения. То есть упоминание об огне обусловлено у Оригена желанием установить аналогию между содомскими «смоляными ямами» и Гееннской пещью, где будут гореть грешники. Между тем у Григория толкуется текст, где нет и намека на что-то подобное смоляным ямам, которые – в свете впечатляющей истории низведения испепеляющего огня на Содом и Гоморру – вызывали произвольные ассоциации с Гееннским пламенем: там говорится всего лишь о корзинке (пусть даже и осмоленной), то есть о простейшем предмете повседневного обихода, к тому же – оставленном не подле костра и не близ асфальтового озера, а подле воды или даже просто в воде²⁰.

Поэтому мы предпочли бы поискать более очевидную и надежную связь между двумя мотивами, на которых построено интересующее нас толкование.

Григорий Эльвирский утверждает, что не однажды учил своих слушателей о двух родах огня – благодатного божественного света и губительного дьявольского пламени. Действительно, сходную тему он развивает в 18-м трактате, толкуя рассказ кн. Даниила о трех отроках, брошенных в пещь огненную. У Даниила сказано, что Навуходоносор «повелел разжечь печь в семь раз сильнее, нежели как обыкновенно разжигали ее», так что «поднимался пламень над печью на сорок девять локтей» (Дан. 3:19 и 47). Григорий, ранее размышлявший о значении числа 6 и связывавший это число, во-первых, с самим дольным миром, сотворенным Богом в шесть дней, и, во-вторых, – со сроком существования этого мира, который завершится на исходе шестого тысячелетия заключением в оковы и низвержением в бездну дьявола, напоминает, что седьмой день творения, когда Бог опочил от Своих трудов, соответствует седьмому тысячелетию, когда Христос воцарится с праведниками, а грешники будут ввергнуты в пламень Геенны²¹. Поэтому число 49 он

²⁰ Ср. приводимую в Библии этимологию имени Моисея: «вынутый из воды», Исх. 2:10.

²¹ Григорий рассуждает с позиций миллениаризма (учения о тысячелетнем царстве Божиим на земле), вплоть до конца IV в. удерживавшего статус общепринятой доктрины в западной Церкви. Решительным

рассматривает как 7^2 и разлагает на две семерки, каковые символизируют для него два рода пламени. Он говорит: «И какой же смысл заключался в том, что пламя печи поднималось на сорок девять локтей? Мир, где <все> мы – и злые и добрые – пока пребываем, был в шесть дней сотворен, на седьмой же благословлен. Так и в продолжение шести дней Господних, то есть шести тысяч лет мира, как уже было сказано, совершается дело <спасения>, а в седьмой день Господень настанет Царство святых. И вот, сорок девять дают семь на семь, когда же сие исполнится (*quibus completis*), является пещь Гееннская и открывается смерть вторая, чтобы тогда праведные были вознаграждены седмиобразным сиянием (*septiformis claritas*)²², аки духом росным (*roris spiritus*)²³, а грешникам чтобы было назначено седмеричное наказание, по числу глав дракона, и – как о том написано в Апокалипсисе – Гееннский пламень (*incendium*)» (Tract. script. XVIII, 19).

противником и критиком этой доктрины выступал Ориген, однако трансценденталистское эсхатологическое учение последнего осталось чуждым Григорию.

²² Ср. Ис. 11:2: «и почиет на нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия». В качестве материального символа семи светлых даров Духа могли выступать иудейская менора и христианский семисвечник. Ср. также Откр. 1:20: «Тайна семи звезд, которые ты видел в деснице Моей, и семи золотых светильников [есть сия]: семь звезд суть Ангелы семи церквей; а семь светильников, которые ты видел, суть семь церквей»; там же, 4:5: «И от престола исходили молнии и громы и гласы, и семь светильников огненных горели перед престолом, которые суть семь духов Божиих». О седмиобразной благодати Духа (*septiformis gratia Spiritus*) см. также у Илария Пиктавийского, In Matth. 12, 23, Амвросия Медиоланского, In Luc. 6, 82 *al.*, Августина, Serm. Domin. 1, 4 и др.; см. также: Parmentier 1999.

²³ В Септуагинте – *πνεῦμα ῥόσου*, Дан. 3:50. В качестве возможной ассоциативной параллели, основанной на вербальных пересечениях, можно привести также пророчество Исайи, где сопрягаются мотивы покоя, сияния света и влажной росы: «Ибо так Господь сказал мне: Я спокойно смотрю из жилища Моего, как светлая теплота после дождя, как облако росы во время жатвенного зноя» (Ис. 18:4); в Септуагинте: «ὅτι οὕτως εἶπέν μοι κύριος Ἀσφάλεια ἔσται ἐν τῇ ἐμῇ πόλει ὡς φῶς καύματος μεσημβρίας, καὶ ὡς νεφέλη ῥόσου ἡμέρας ἀμήτου ἔσται»; в лат. пер. Иеронима: «*quia haec dicit Dominus ad me quiescam et considerabo in loco meo sicut meridiana lux clara est et sicut nubes roris in die messis*».

В этом случае мотив губительного огня, приготовленного грешникам, но не имеющего власти над осененными благодатью праведниками, непосредственно связан с образом раскаленной печи, причем особый акцент у Григория делается именно на эсхатологические (и специально миллениаристские) коннотации этого мотива.

Как известно, ветхозаветный образ трех отроков занимал важнейшее место в раннехристианской иконографии (особенно погребальной) (См., напр., Carletti 1975), литургике и экзегезе. Естественно, что три иудейских отрока, отказавшиеся поклониться идолу, с готовностью согласившиеся принять жестокую смерть и чудесно спасенные Богом, в эпоху гонений на христианство могли служить вдохновляющим примером для христианских мучеников. Однако этот сюжет очень рано оказался включен в сложную систему символических и типологических интерпретаций (См. Dulaey 1997).

В основном эти интерпретации развивались в эсхатологическом и сотериологическом ключе. И в иудейской, и в наследовавшей ей новозаветной традиции топоним Геенна²⁴ привычно использовался для обозначения рода и места наказания грешников после судного дня. Аналогичный смысл имеет и приводимый евангелистом Матфеем метафорический образ огненной печи²⁵, который без труда проецировался на печь, упомянутую в рассказе о трех отроках²⁶. Ириней Лионский видел в казни, назначенной иудейским юношам, пророчество об *испытании огнем*, которое ожидает праведников в конце времен (См. Ириней, Haeres. 4, 20, 11.) и о котором говорилось у апостола

²⁴ Собственно – долина Еннома близ Иерусалима, где некогда находился Тофет (место жертвоприношений Молоху), а позднее – свалка, где жителями Иерусалима сжигались мусор, трупы животных и даже трупы людей.

²⁵ Мф. 36:40–43: «Посему как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их».

²⁶ Стоит отметить, что в процитированном отрывке из Евангелия от Матфея уже обозначено противопоставление адского пламени, терзающего грешников, и сияния праведников, принятых в Царство Божье, на котором Григорий строит свое толкование Даниила 3.

Петра²⁷, однако у большинства других авторов печь, в которую бросили отроков, ассоциируется не только с апокалиптическими казнями и с пожаром, в котором истребится нынешний мир, но и с вечными муками, уготованными грешникам, а чудесное избавление этих отроков – с ожидающей праведников славой, причем нередко в этой связи затрагивалась тема избирательного действия огня, губительного для нечестивцев, но безвредного для святых²⁸. В последнем случае эсхатологический мотив мог сопрягаться с сакраментальным (основанном на противопоставлении Иоаннова крещения водою и Иисусова огненного крещения, см. Мк. 1:8, Деян. 1:5, или крещения Духом, который сходит на апостолов языками пламени, см. Деян. 2:3), что позволяло рассматривать печь огненную даже и как символ крещальной купели²⁹.

В подобном контексте для Григория Эльвирского было более чем естественно говорить, применительно к печи огненной, о двух родах огня – божественного и дьявольского. Однако Моисеева корзина имеет мало общего с раскаленной печью, в которой благочестивых отроков осенила спасительная благодать, и в типологической традиции образ этой корзины вообще никогда не наделялся эсхатологическим смыслом. Правда, корзина Моисея включалась в репертуар типов крещения, но на принципиально иных основаниях: она ставилась в один ряд с образами, построенными на парном мотиве воды (источника, реки, моря) и дерева (деревянного предмета, символизирующего крестное дерево)³⁰.

Зато очевидные эсхатологические импликации (в сочетании с сакраментальными) прослеживаются в толкованиях другого важного ветхозаветного образа – образа Ноева ковчега, который сам по себе мог рассматриваться в качестве параллели

²⁷ 1 Петр. 4:12: «Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь...».

²⁸ См., напр., Ипполит, *In Dan.* 2, 28, 7, cf. *ibid.* 2, 31, 3; Амвросий, *In Ps.* 36, 26; Зенон Веронский, *Tract.* 1, 2.

²⁹ См. Паулин Ноланский, *Ep.* 32, 5; Псевдо-Фульгенций, *Serm.* 8; Зенон Веронский, *Tract.* 2, 27; Дидим Александрийский, *De Trinit.* 2, 12.

³⁰ Таковые усматривались в рассказах об услащении горьких вод Мерры (Исх. 15:23), об источении воды из скалы Моисеем (Исх. 17:1-6), о всплывшем топоре пророка Елисея (4 Цар. 6:4-6) и др. им подобных.

одновременно и к огненной печи пророка Даниила, и к корзине книги Исхода.

Ноев ковчег выступает в качестве *типа* христианского крещения, обеспечивающего спасение, уже в 1 послании Петра³¹, где речь идет также и об *огненном искушении* (πύρωσις), которому подвергаются христиане (4:12). А типологическая аналогия между вселенским потопом и ожидаемым концом света устанавливается в Евангелии от Матфея³² и подробно разрабатывается во 2 послании Петра³³. Впоследствии оба этих мотива получили развитие в христианской экзегетической литературе, где Ной, кроме этого, начинает рассматриваться в качестве типа Христа, а ковчег – типа Церкви (См. Daniélou 1950: 55–94; Lundberg 1942: 73–116; Lewis 1968; Cohn 1999; Dulaey 2001: 191–212; Jensen 2011).

В том же русле строит свое толкование рассказа о ковчеге и сам Григорий Эльвирский в трактате De arca Noe (не входящем

³¹ Петр. 1:20–21: «... во дни Ноя, во время строения ковчега, в котором немногие, то есть восемь душ, спаслись от воды. Так и нас ныне подобное сему образу крещение (ὁ ... ἀντίτυπον ... βάπτισμα), не плотской нечистоты омытие, но обещание Богу доброй совести, спасает воскресением Иисуса Христа ...».

³² См. Мф. 24:37–39: «но, как было во дни Ноя, так будет и в пришествие Сына Человеческого: ибо, как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, – так будет и пришествие Сына Человеческого».

³³ 2 Петр. 4:5–9: «Ибо, если Бог ... не пощадил первого мира, но в восьми душах сохранил семейство Ноя, проповедника правды, когда навел потоп на мир нечестивых; ... то, конечно, знает Господь, как избавлять благочестивых от искушения, а беззаконников соблюдать ко дню суда, для наказания ...»; там же, 3:6–13: «Думающие так не знают, что вначале словом Божиим небеса и земля составлены из воды и водою: потому тогдашний мир погиб, быв потоплен водою. А нынешние небеса и земля, содержимые тем же Словом, сберегаются огню на день суда и погибели нечестивых человеков. Одно то не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день. ... Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят. Если так все это разрушится, то какими должно быть в святой жизни и благочестии вам, ожидающим и желающим пришествия дня Божия, в который воспламененные небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии растают? Впрочем мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда».

в цикл двадцати трактатов). Ной для Григория – это тип Христа, на что указывает значение имени Ноя – «покой», лат. *quies*, и касающееся смысла этого имени пророчество Ламеха (См. Быт. 5:29), не исполнившееся над Ноем, но, по свидетельству Евангелиста, исполняющееся во Христе (См. Мф. 11:28–29), а ковчег – это тип Церкви³⁴. Здесь же проводится параллель между «водным катаклизмом», истребившим почти все живое во времена Ноя, и «огненным катаклизмом», ожидаемым в конце света. Григорий говорит: «Ведь подобно как Ной был единственным праведником, сыскавшимся на всей земле, и когда все погибли в водном катаклизме, он единственный с домом своим был спасен, ибо он один праведной жизнью снискал благоволение Бога, гнев Которого мир навлек на себя обратным тому поведением, так и тогда, когда Господь придет судить нынешний мир (*saeculum*) в пламени огненном, людям злым, и ангелам падшим, и всем преступлениям мира будет положен конец, но одни лишь святые удостоятся покоя в Царстве будущего века» (*De arca*, 5). И еще: «Ведь как праведные через воду спасаются, так грешники и нечестивцы караются, и так же оные семь церквей при конце света, когда все народы погибнут, через Христа непременно будут спасены в оном огненном, как я сказал уже, катаклизме и снищут славу Царства небесного; ибо как никто, кроме уцелевших в ковчеге, не смог избежать водного катаклизма, так никто в день Божественного суда не сможет спастись бегством – за исключением тех, кого сбережет ковчег католической Церкви» (*De arca*, 15).

Таким образом, и в новозаветной типологии в целом, и у Григория Эльвирского история вселенского потопа и история трех отроков в печи огненной понимаются как фигуры, указывающие на одно и то же событие, ожидаемое в эсхатологическом будущем, а именно – на гибель всего мира в огне и спасение праведников в лоне Церкви. Не случайно в христианской иконографии два этих внешне не связанных между собою библейских сюжета часто объединялись. На знаменитой фреске из катакомб Прискиллы (Рим) над тремя отроками в печи огненной изображен голубь с масличной ветвью в клюве; на саркофаге, хранящемся в берлинском Музее позднеантичного и

³⁴ См. *De arca*, 4–5. Аналогичную интерпретацию приводит и Ориген, см. *In Gen. hom.* 2, 3.

византийского искусства, три отрока изображены не в печи, а перед лицом Навуходоносора (отказ поклониться идолу), однако слева от этой сцены помещается изображение Ноя в ковчеге, посылающего голубя; наконец, на саркофаге из ватиканского музея Пио-Кристиано слева изображены Ной в ковчеге и голубь с масличной ветвью, справа – отроки в печи огненной.

Причем для нас особенно важно то, что толкование этих параллельных сюжетов всегда подразумевало оппозицию воды и огня, данную как бы в зеркальном отображении: в первом случае – это, как выражается Григорий, два катаклизма (диахронических), водный и огненный, во втором – «огонь Гееннский» и «дух росный». А перенесение этой оппозиции в плоскость типологии крещения (с акцентом на противопоставление водного и огненного крещения) естественно порождало тему двух родов огня.

С другой стороны, образ Ноева ковчега обнаруживал структурное и функциональное сходство с образом Моисеевой корзины, очевидное для христианских толкователей. В обоих случаях речь идет о некоем кузове или коробе³⁵, плавающем по воде и послужившем средством избавления от грозившей гибели для заключенных внутри душ. Этих элементов было достаточно для того, чтобы осуществить проекцию типологических коннотаций, связанных с образом ковчега, на корзину младенца Моисея, упрочив тем самым семантическую связь между двумя фигурами ветхозаветной истории: младенец Моисей, как и Ной, оказывается типом Христа, а корзина Моисея включается в постоянно расширяющийся круг ветхозаветных типов крещения³⁶. Однако спонтанная семантическая ассимиляция Ноева ковчега и Моисеевой корзины могла иметь и другие, более глубокие корни.

В Септуагинте для обозначения Ноева ковчега использован термин κιβωτός – (короб, ящик, ларь) – как и для обозначения

³⁵ Напомним: Ноев ковчег описывается в Библии как деревянная конструкция с прямоугольным основанием, а не как лодка или корабль.

³⁶ Тот факт, что корзина была оставлена на берегу реки, а плыла по течению, мог не приниматься во внимание (учитывая двусмысленность самого библейского текста) или получать специальное толкование, как у того же Григория Эльвирского, который напоминает, что Господь обретается верующими при реке омовения и при водах крещения, см. Tract. script. VII, 18.

хранившегося в скинии ковчега Завета (κιβωτός τῆς διαθήκης). Что касается Моисеевой корзины, то Семьдесят толковников оставляют без перевода заимствованное из египетского языка и употребленное в еврейском тексте слово *tēbāh* (короб, корзина), которое в греческом тексте передано как *θήβις*. Между тем в Масоретском тексте и Ноев ковчег, и корзина Моисея называются одним и тем же словом, *tēbāh*, тогда как ковчег Завета обозначен иным термином – *'arōn ha-berīt* (совпадающим с термином, обозначающим храмовый и синагогальный ларь или шкаф – *'arōn*, предназначенный для хранения свитков Торы).

Сложной истории взаимодействия и взаимоподмены перечисленных терминов, соотнесенных с четырьмя различными объектами (1. ковчег Ноя; 2. корзина Моисея; 3. ковчег Завета; 4. ящик для хранения свитков Торы), посвящена обстоятельная статья М. Арль (См. Harl 1992). Нам достаточно будет отметить лишь следующее. Ориген, вслед за Септуагинтой, удерживает наименование *κιβωτός* (в латинском переводе Руфина: *arca*) для Ноева ковчега и ковчега Завета, а *θήβις* (лат. *tibis*) – для Моисеевой корзины, однако ему известен еврейский термин *'arōn* и его греческий эквивалент *ὑλωσσόκομοον* (ящик, ларь, в том числе – ларь для хранения книг), предложенный Аквиллой; именно отсюда у Оригена не только знаменитая тема ковчега-библиотеки, развиваемая им как в толковании рассказа о Ное, так и в толковании рассказа об устройстве ковчега Завета (См. Ориген, *In Gen. hom. 2, 6* и *In Ex. hom. 9, 4*. Cf. Harl 1992: 111 sq.), но, по-видимому, и отождествление положенного в корзину младенца Моисея с Законом (подразумевающее аналогию со скрижалями, хранящимися в ковчеге Завета, или со свитком Торы, лежащем в ларце) в толковании рассказа о Моисее (См. *In Ex. hom. 2, 4*). Иероним в Вульгате, вопреки своим правилам, в данном случае также предпочитает держаться терминологической стратегии Семидесяти толковников: у него ковчег Ноя и ковчег Завета обозначены общим термином *arca*, а *tēbāh* Исхода 2:3 передается нейтральным латинским *fiscella* (корзинка), что, в общем, соответствует значению слова *θήβις*.

Однако начало фразы, на которой прерывается текст Григория, явно указывает на параллельную синтаксическую конструкцию, так что можно с большой степенью уверенности полагать, что он хотел подчеркнуть не различие, а лексическое или семантическое тождество наименований Моисеевой корзины и Ноева ковчега, что позволяло ему уже беспрепятственно

перейти от имплицитной последней темы потопа к теме мирового пожара (как в трактате «О Ное») и к сопряженной с ней теме двух родов огня (как в трактате о трех отроках). В подтверждение справедливости высказанного предположения можно привести еще несколько аргументов.

Во-первых, у Григория Эльвирского корзина Моисея отождествляется с Церковью, что весьма необычно. В типологической традиции такое толкование применялось к образу Ноева ковчега³⁷, что же касается сюжета, связанного с историей спасения Моисея, то здесь олицетворением Церкви выступала дочь Фараона, купание которой в реке воспринималось как образ крещения язычников. Это общее место; такую интерпретацию мы находим и у Оригена, и у других, более консервативных толкователей (включая и самого Григория). Так что подобное удвоение типологического мотива Церкви у Григория – удвоение структурно оправданное, но по сути излишнее, можно объяснить лишь ассимиляцией образов корзины и ковчега, подразумевающей механический перенос типологических значений из одного контекста в другой.

Во-вторых, сам Григорий выбирает из числа возможных синонимов для перевода иноязычной лексемы $\theta\acute{\iota}\beta\iota\varsigma$ (*tibin*) не нейтральное *fiscella* ‘корзинка’ (как у Иеронима), но *scrinium*, означавшее преимущественно короб для хранения книг³⁸. Очевидно, что этот терминологический выбор у Григория был обусловлен проекцией на сюжет с Моисеевой корзиной оригеновской интерпретации Ноева ковчега как (1) библиотеки, которую христианин собирает в душе и которая составлена из речений пророков и апостолов, и как (2) смыслового субститута ковчега Завета, в котором хранились скрижали Закона, подкрепленной оригеновским отождествлением корзины Моисея с облекающей Закон буквой иудейских Писаний.

В-третьих, обращаясь в *Tract. VII, 17* к теме двух родов огня, Григорий подчеркивает мотив «огненного искушения» (*temptatio ignis*). Однако в 1 Петр. 4:12 этот мотив возникает в связи с

³⁷ См., напр., Тертуллиан, *De bapt.* 8, 17-24, Киприан Карфагенский, *De unit. eccl.* 6.

³⁸ См. OLD s. v.: ларец для хранения важных документов и писем, короб для хранения свитков в библиотеке или книжной лавке; cf. Forcellini TLL, s. v.: ларец для драгоценностей, документов или писем, короб для книг.

типологией потопа, а Ириной Лионский (См. *Haeres.* V, 29, 2) и Ориген (См. *De oratione* 13, 3-4) переносят его на рассказ о трех отроках в печи огненной, где тему мученических страстей и огненных испытаний диктует ближайший контекст – в отличие от истории младенца Моисея, где подобную связь можно было усмотреть только опосредованно, то есть лишь при условии, что за образом Моисеевой корзины толкователю отчетливо виделись бы образы Ноева ковчега и мученичества трех отроков.

Все это позволяет утверждать, что утраченное звено в рассуждении Григория – это не упоминание о смоле и ее физических свойствах, наводящих на мысль об огне, а указание на двойную референцию слова *tibis*, за счет которого в круг обсуждения вовлекается тема ковчега и мирового потопа – со всеми сопутствующими эсхатологическими, сотериологическими и сакраментальными коннотациями последнего, включающими также и установление аналогии между Ноевым ковчегом и пещью пророка Даниила.

В целом же можно заключить, что толкование у Григория строится не на интерпретации одного изолированного сюжета, а на интерпретации системы параллельных сюжетов, транслирующих друг другу свою семантику. Именно такой экзегетической тактики придерживался Ориген, зависимость от которого у Григория прослеживается с очевидностью. Однако если Ориген в своем толковании рассказа о рождении Моисея опирался на установление связи между образами ковчега Ноя, ковчега Завета и корзины Моисея, где в качестве семантической доминанты выступала фигура ковчега Завета со скрижалями Закона, то у Григория доминантой оказывается образ огненной печи (посредством которого в толкование вовлекается эсхатологическая и миллениаристски окрашенная тема двух родов огня, не используемая Оригеном). Соответственно, толкование Оригена разрабатывается в аллегорическом ключе: младенец Моисей олицетворяет для него Закон, смысл которого скрыт от иудеев за «буквой» Писания. У Григория этот мотив также присутствует, но существенно видоизменяется, поскольку Моисей отождествляется у него не с Законом, а со Христом, что позволяет ему находить компромисс между оригеновским аллегоризмом и традиционным типологизмом. Поэтому, рассуждая об образе Моисеевой корзины, Григорий ограничивается указанием на то, что во Христе (= младенец Моисей) заключались все тайны Закона (= корзина, *scrinium*) (См. *Tract. script.* VII, 16), а

собственно оригеновскую тему «оболочек» (*tegumenta*), скрывающих истинный смысл иудейских Писаний, он предпочитает развивать не в связи с корзиной, в которую положен был Моисей, но в связи с рассказом о том, как мать Моисея (= Синагога) три месяца *скрывала* новорожденного сына (= Христа), уподобляемого зарытому в поле «сокровищу» из притчи Самого Спасителя (см. Мф. 13:44). «А сокровище, – говорит Григорий, – есть Христос, Которого во поле века сего сохраняли сокрытым писания Ветхого Завета, ибо там в ветхих письменах (*in veteribus monumentis*) тайна (*sacramentum*) древнего Закона была окутана некими подобиями (*imaginibus*), словно покрывами (*ut tegumentis*), и типические тайны аллегорической загадки (*allegoric[a]e aenigmatis typica misteria (-y-)*) скрывались в самих тенях образов (*inter ipsas figurarum umbras*), пока еще глубоко зарытые и утаенные» (См. *Tract. script.* VII, 14).

Издания цитируемых текстов

- Gregorius Iliberritanus. *Tractatus de libris sanctarum scripturarum* / Ed. V. Bulhart, J. Fraipont, M. Simonetti // *Corpus Christianorum – Series Latina* 69. Turnhout: Brepols, 1967. P. 3–146.
- Gregorius Iliberritanus. *Tractatus de arca Noe* / Ed. V. Bulhart, J. Fraipont, M. Simonetti // *Corpus Christianorum – Series Latina* 69. Turnhout: Brepols, 1967. P. 147–155.
- Origène. *Homélie sur la Genèse* / Ed. L. Doutreleau, H. de Lubac. 2e édition. Paris : Cerf, 1976 (*Sources chrétiennes*, 7 bis).
- Origène: *Homélie sur l'Exode* / Ed. P. Fortier, H. de Lubac. Paris : Cerf, 1947 (*Sources chrétiennes*, 16).

Литература

- Ackerman 1974 – Ackerman J. S. *The Literary Context of the Moses Birth Story (Exodus 1-2)* // *Literary Interpretations of Biblical Narratives* / ed. K. R. R. Gros Louis, J. S. Ackerman, T. S. Warshaw. Nashville: Abingdon. P. 89–96.
- Binder 1964 – Binder G. *Die Aussetzung des Königskindes Kyros und Romulus*. Meisenheim am Glan: Anton Hain.
- Carletti 1975 – Carletti C. *I tre giovani ebrei di Babilonia nell'arte cristiana antica*. Brescia.
- Childs 1965 – Childs B. S. *The Birth of Moses* // *JBL* 84. P. 109–122.
- Cohn 1999 – Cohn N. *Noah's Flood. The Genesis Story in Western Thought*. New Haven, London : Yale University Press.
- Daniélou 1950 – Daniélou J. *Sacramentum futuri*. Paris.
- Dulaey 1997 – Dulaey M. *Les trois Hébreux dans la fournaise (Dn 3) dans l'interprétation symbolique de l'Eglise ancienne* // *Revue des sciences religieuses*. Vol. 71, n°1. P. 33–59.

- Dulaey 2001 – Dulaey M. «Des forêts de symboles». L'initiation chrétienne et la Bible (Ier–VIe siècles). Paris.
- Dulaey 2006 – Dulaey M. Le *De arca Noe* de Grégoire d'Elvire et la tradition exégétique de l'Église ancienne // *Graphè*, № 15: L'arche de Noé. P. 79–102.
- Feldman 1992 – Feldman L. H. Josephus' Portrait of Moses // *The Jewish Quarterly Review* LXXXII, Nos. 3–4. P. 285–389.
- Ginzberg 1909–1928 – Ginzberg L. *The Legends of the Jews*. 6 vols. Philadelphia: Jewish Publication Society of America.
- Harl 1992 – Harl M. Le nom de l'«arche» de Noé dans la Septante. Les choix lexicaux des traducteurs alexandrins, indices d'interprétations théologiques ? // *Idem*. *La langue de Japhet. Quinze études sur la Septante et le grec des chrétiens*. Paris : Cerf. P. 97–125.
- Jensen 2011 – Jensen R. M. *Living Water: Images, Symbols, and settings of Early Christian Life and Language*. Leiden, Boston, Köln : Brill.
- Lewis 1968 – Lewis J. P. *A Study of the Interpretation of Noah and the Flood in Jewish and Christian Literature*, Leiden.
- Lundberg 1942 – Lundberg P. *La typologie baptismale dans l'ancienne Église*. Uppsala.
- Parmentier 1999 – Parmentier M. *The Gifts of the Spirit in Early Christianity // The Impact of Scripture in Early Christianity* / Ed. Boeft J. den, Poll M. L. van. Leiden, Boston, Köln : Brill. P. 58–78.
- Pinnick 1996 – Pinnick A. K. *The Birth of Moses in Jewish Literature of the Second Temple Period*. Cambridge (Mass.), (Thesis).
- Pritchard 1950 – Pritchard J. B. *Ancient Near Eastern Texts relating to the OT*. Princeton: University Press.
- Rank 1909 – Rank O. *Der Mythos von der Geburt des Helden. Versuch einer psychologischen Mythendeutung*. Leipzig, Wien (Schriften zur angewandten Seelenkunde, Heft 5) (рус. пер.: М. 1997).
- Redford 1967 – Redford D. B. *The Literary Motif of the Exposed Child // Numen* 14. P. 209–28.
- Strack, Billerbeck 1922–1928 – Strack H. L., Billerbeck P. *Kommentar zum Neuen Testament aus Talmud und Midrasch*. 1–4. Bd. München: Beck.
- Афанасьева, Дьяконов 2000 – Когда Ану сотворил небо. Литература древней Месопотамии / Пер. с аккад. Сост. В. К. Афанасьевой и И. М. Дьяконова. М.: Алетейа.
- Гринцер 1974 – Гринцер П. А. *Древнеиндийский эпос. Генезис и типология*. М.
- Ибрагимов 2009 – Ибрагимов А. Р. *Образ Карны в Махабхарате. Разыскания о трагическом герое индийского эпоса*. М.
- Невелева 1958 – Невелева С. Л. Сюжет о Карне в третьей книге «Махабхараты» // *Древняя Индия. Язык. Культура. Текст*. М. С. 76–87
- Пропп 1976 – Пропп В. Я. *Эдип в свете фольклора // Он же. Фольклор и действительность*. М. С. 258–299.

O. E. Nesterova. An interference of typological and allegorical motives in Gregory of Elvira, *Tractatus de libris sanctarum scripturarum VII*

The paper deals with a text in the treatise of Gregory of Elvira (ca. 330–405) on the birth of Moses, skipping from the image of the infant Moses' basket to the theme of eschatological flame. The text comprises a lacune. By examining certain echoing and concurrent typological motives, involved by Gregory in his other treatises, the missing passage might have a plausible reconstruction.

A. S. Nikolaev

AVESTAN *HAĒCAT.ASPA-* AND THE MYTH OF THE DIVINE TWINS*

Резюме. Предметом данной статьи служит имя мифического предка Заратуштры *Haēcat.aspa-*: в статье обосновывается перевод ‘тот, чьи лошади плещутся, обрызгиваются (водой)’. Это имя находит фразеологическое соответствие в ведийском гимне Ашвинам: (*sindhur*) *siñcad ásvān* (RV 4.43.6). Интерпретация этого сложного места, в котором речь идет о дочери Солнца, становится возможным благодаря параллелям с латышскими дайнами: в древнем и.-е. мифе божественные близнецы-всадники спасают тонущую богиню Зари или Солнца, и их лошади при этом вынуждены искупаться в водах мирового океана. *Haēcat.aspa-* содержит в себе отсылку в эту мифу.

Ключевые слова: Авеста, Ригведа, сравнительная мифология, Ашвины, Диоскуры, ономастика.

Avestan *Haēcat.aspa-*, known from later Zoroastrian tradition as the name of an ancestor of *Zaraθuštra*,¹ is twice attested in the *Gāthas*. In Y. 46 the singer addresses several characters of the *Gāthic* world by name, beginning with *Zaraθuštra* himself and continuing in stanza 15 with *haēcat.aspā spitamāñhō* (voc. pl.), apparently a branch of *Zaraθuštra*'s own clan. Bartholomae interpreted the form as a genitival formation ‘descendants of H.’, derived from the name of that individual through accent shift (Bartholomae 1904: col. 1728), but it seems likelier that *haēcat.aspā* here is simply the plural of the ancestor's name used to designate the entire family (Rau 2007: 60 n. 27). In addition, in Y. 53.3 we learn that *Zaraθuštra*'s daughter *Pourucistā* had a patronymic *haēcat.aspānā* (on the patronymic

* It is a pleasure to thank Timothy Barnes, Jay Jasanoff, Alexis Manaster Ramer, Jeremy Rau, Martin Schwartz, Daniel Sheffield, and Martin West for their careful reading of an earlier version of this note and for their remarks. Usual disclaimer applies. I would also like to gratefully acknowledge the financial support from the Research Council of the President of the Russian Federation (grant nr. MK-389.2011.6).

¹ *Haecataspa* (*Pāzand*) was *Zaraθuštra*'s great-great-grandfather according to the Iranian *Bundahišn* 35.52 (ed. Pakzad = *IranBund* 32.1) and *Dēnkard* 7.2.70 (ed. Molé).

suffix *-āna-* see Rau 2007: 60–65). On the basis of this evidence a personal name **haičát-ačua-* can be safely posited².

The first member of this verbal governing compound is clearly derived from the root of Avestan *hiñca-*^{ti}, Vedic *siñcá-*^{ti} ‘pour out’³. This verb is used with different kinds of liquids and substances, including semen and urine; accordingly, *Haēcaṭaspa-* has been translated as ‘having stud-horses’ (Justi⁴) or as ‘having horses that urinate’ (Humbach, followed by Mayrhofer)⁵. Both of these translations lack conviction. Humbach’s reference to Yt. 5.120 for a myth about the urine of the heavenly steeds does not support his argument, because the critical form *mīšti* which he, following Geldner⁶, translated as ‘with urine’ is extremely unclear: the context and etymology allow a plethora of other possibilities, including ‘with seed’, ‘by care’, ‘always’ or ‘together’⁷. The alleged Vedic parallel cited by Humbach also fails, if RV 10.96.1 *ghṛtām ná yó háribhiś cāru sécate* means “[soma] which flows like lovely butter in golden

² The accent is reconstructed based on the accentuation of Vedic compounds of the *bharád-vāja-* type.

³ Schwartz 2006: 55, 61 has shown that Pourucistā’s patronymic is compositionally connected with instr. sg. *hīcā* in Y 32.14b (see also Schwartz 2009: 431).

⁴ Justi 1895: 124: “Springhengste besitzend”.

⁵ Humbach 1973: 96: “mit sich ergießenden Rossen”. This interpretation was accepted by Mayrhofer 1979: 48–49 and Remmer 2006: 210 n. 210.

⁶ Geldner 1881: 399; 1904: 1095. Geldner, apparently, assumed that *mīšti-* was remade from **mīždi-* (Avestan *maēz-*, Sanskrit *mih-*). According to de Vaan (2003: 238), Oettinger in his 1983 monographic study of Yt. 5 likewise translated *mīšti* as ‘mit Harnen’.

⁷ The text of Yt. 5.120 is: *yeñhe caθβārō aršāna / haṃ tāšaṭ ahurō mazdā / vātəmca vārəmca maēγəmca fīiañhumca / mīšti* (v. l. *mūšti*) *zī mē hīm / spitama zaraθuštra / vārəntaēca snaēžintaēca / srasciñtaēca / fīiañhunṭaēca / yeñhe auuauuat haēnanəm / nauua satāiš hazanrəmca* “for whom Ahura Mazdâ fashioned together four males: the wind, the rain, the fog, and the hail. For by *mīšti*, O Spitama Zarathustra, they rain, snow, drip, and hail on her for me, who has as many armies as nine hundred and a thousand.” The translation ‘seed’ is based on a comparison with Khotanese *māṣṣa-* ‘field’, Lithuanian *miēžiai* ‘barley’ (Bailey 1956: 38). However, ‘care’ has been proposed as well, this time on the basis of Old Avestan *minaš*, *mizən* (Kellens 1984: 166). Next, the problematic *mīšti* could be the same word as *mišti* (Yt. 7.2; Ny 3.6) ‘together’, ‘l’un avec l’autre’, viz. ‘in mixture’ (Kellens 1974: 302). Lastly, Bartholomae also analyzed *mīšti* as derived from the root of Sanskrit *meksáy-*^{ti} ‘mix’ (1904: col. 1187; 1906: 207–8), but attributed to it the rather different meaning ‘always’ on the basis of the Armenian borrowing *mišt*.

[drops]” (Gotō 1987: 327), and not “[soma], like lovely butter, which is gushed out by the golden [steeds]”⁸.

In my opinion, the translation of *Haēcat,aspa-* to be preferred is ‘having horses that splash’, ‘having horses that besprinkle themselves (with water)’⁹. Importantly, the first member of the compound is synchronically associated with the *middle* stem¹⁰: even though **haēca-^{īē}* is not attested in Avestan, its absence is likely to be fortuitous, since such a stem is the expected cognate of Vedic *séca-^{te}*¹¹. The translation of the compound should therefore be ‘having horses that besprinkle/bathe themselves’ and not ‘sprinkling/bathing the horses’¹².

But what is such a name actually supposed to mean? It looks like a reference to a mythological narrative of some sort. The first step towards a solution was made by Kellens, who noted *en passant* that both members of **haját-ačua-* corresponded exactly to the Vedic phrase *siñcad ásvān* (RV 4.43.6)¹³. Kellens did not attempt to build on this important observation, and this Vedic parallel has been overlooked by nearly all later scholarship¹⁴. It behooves us therefore to examine the context in which *siñcad ásvān* is attested.

RV 4.43 is a hymn to the *Aśvins*. In it we learn first that *Sūryā* had chosen the chariot of the divine twins (2cd: *rátham ... yám*

⁸ Geldner 1951: 3, 304: “Oder ist gemeint daß die Falben den Soma als Harn herabgießen?”

⁹ Cf. Bartholomae’s “Rosse mit Wasser besprengend, badend” (1904: col. 1728).

¹⁰ For a middle stem used in a *bharád-vāja-* compound cf. *rapśád-ūdhan-* ‘having an udder that is full’ (RV 2.34.5) vs. *rapśa-^{te}* ‘is full’, perf. *rarapśé*.

¹¹ The stem *séca-^{te}* is only attested in the Rigveda once (RV 10.96.1, cited above in the main text), but nevertheless seems quite secure: the pair *séca-^{te}* (intrans.) : *siñcá-^{ti}* (trans.) corresponds to a pattern that is well established in the language; moreover, the full grade **seik^we/o-* is also reflected in Germanic **sejh^wa-* ‘sieve’ (trans.), see Joachim 1978: 166–67.

¹² This was seen by Kellens, who had originally followed Bartholomae (above n. 9), translating *Haēcat,aspa-* as “celui qui asperge les chevaux” (Kellens–Pirart 1988: 8), but later changed this to “celui dont les chevaux s’écaboussent” (Kellens 1991: 68; 1995: 72).

¹³ Kellens 1977: 663 n.5; the Vedic–Avestan correspondence is mentioned in Kellens–Pirart 1988: 8 and Pirart 1995.

¹⁴ It is missing from Mayrhofer’s standard handbook of Iranian onomastics (1979: 49) and his Sanskrit etymological dictionary (that Mayrhofer did not take the Vedic parallel into account is all the more surprising given that it was pointed out in a review of his own earlier book).

sūryasya duhitāvṛṇīta), that this chariot came from the ocean (5ab: *rāthaḥ ... ā yāt samudrād abhī vārtate vām*), and finally (in stanza 6) that the Aśvins obtained Sūryā on a trip during which their horses were bathed in the water:

sindhur ha vāṃ rasāyā siñcad áśvān
ghṛṇā váyo aruṣāsaḥ pári gman
tād ū śú vām ajiráṃ ceti yānaṃ
yéna pātī bhāvathaḥ sūriyāyāḥ

Sindhu sprinkled your horses together with Rasā¹⁵;
 the red birds (viz. horses — *A. N.*) have escaped the heat¹⁶.
 This rapid journey of yours appeared splendid,
 through which you have become the masters of Sūrya.

There is no consensus among the commentators regarding this passage. Bergaigne thought that *áśvān* here is a metaphor for streams poured forth by both Sindhu and Rasā (Bergaigne 1878: 258). Others have assumed that *siñcad áśvān* refers to a moistening that protected the horses from overheating during a race: as the result, Aśvins won and obtained Sūryā (Geldner 1951: 1, 476). But nothing else in the hymn suggests a chariot race, nor are there any hints of such a competition in two other Rigvedic stanzas, where the Aśvins' horses are said to suffer from heat in the presence of Sūryā¹⁷. Moreover, whenever in the Rigveda Sūryā ascends the Aśvins' chariot, she does so of her own will (*avṛṇīta*), which seems to be at odds with the interpretation according to which Sūryā was a prize in a race.

¹⁵ Or: “with moisture / water”, see below n. 18.

¹⁶ The second pada has a few problems which, while not insurmountable, are significant enough to be signaled here. First, the padapāṭha has instr. sg. *ghṛṇā*, for which acc. pl. *ghṛṇā(h)* is usually accepted (Oldenberg 1909: 303). Secondly, the meaning ‘to avoid’ is not attested for *pári-gam-* and is posited solely on the strength of the usage of *pári-gā-* (e.g. RV 2.33.14b *pári tveṣāsya durmatir mahī gāt* ‘may the great hatred of the boisterous one pass (us) by’, cited by Lüders 1951: 139). While Geldner apparently considered both difficulties negligible and translated “Sindhu mit der Rasa benetzte eure Pferde; die rötlichen Vogelrosse entgingen den Gluten”, Renou with some hesitation offered an alternative translation: “ils ont fait le tour (du ciel) sous la chaleur-torride” (1967: 35).

¹⁷ RV 5.73.5; 7.69.4. The race for the Sun Maiden is known only from the Brāhmaṇas (JB 1.213; AB 4.7–11; KB 18.1–5), but see Oertel (1909: 174) who compellingly argued that the legend about a race of the gods was only secondarily connected with originally separate story of the wedding.

According to yet another proposal the horses were moistened for some other purpose, for instance, in grooming, but this idea lacks textual support and as such is difficult to prove or disprove (Schwartz 2006: 56).

Now the presence of *sīndhu-* in pada 6a is potentially significant, and the word is a promising starting point for the exegesis of the entire passage, because *sīndhu-* is not just any river, but rather the frontier of the inhabited world (Thieme 1970) or a mythical stream in heaven (Lüders 1951: 138–51). What the Vedic text is telling us therefore is that the Aśvins went to the ends of the earth or to heaven, where their horses got wet in the waters of some mythical stream¹⁸, and as the result of this adventure Sūryā willingly got into the Aśvins' chariot. Is there any evidence for a myth in which the Aśvins took such a trip? Yes, but it has to be reconstructed from scattered parts¹⁹.

Firstly, we know that the Aśvins, one of whose epithets is *sīndhumātarā* 'having *sīndhu-* as their mother' (RV 1.46.2), are strongly associated with water. The evidence is ubiquitous: they are said to be in company with rivers²⁰, their chariot comes out of the sea²¹ or is parked right at a ford²², they often ride it at sea, etc.

Secondly, the Aśvins are known for their ability to save others, especially from drowning; in fact, their "middle name" *Nāsatyā*

¹⁸ As for *rasā-*, this word elsewhere denotes a remote mythical stream (just like its Avestan cognate *raṇhā-*): for instance, it is in the Rasā that the island with the Vala cave and primordial cows is located. Still, the etymological meaning of the word is 'dew' (cognates include Latin *rōs*, OCS *rosa*, Lithuanian *rasà* 'dew'), and in principle nothing seems to stand in the way of translation 'water, liquid, moisture' for our passage: this was Sāyaṇa's understanding, followed by the St. Petersburg dictionary and Lommel 1926: 194: "Sindhu mit ihrem Nass". (Cf. Lüders' heated objection: "Ein Femininum *rasā* mit der Bedeutung "Feuchtigkeit" [...] ist gänzlich unwahrscheinlich" (1951: 139 n. 1)).

¹⁹ The following review of the relevant facts is admittedly cursory; the excuse for this is that these facts will be quite familiar to most readers. For the Aśvins see Zeller 1990; Oberlies 1992; 1993; Gotō 2006.

²⁰ RV 5.74.2 *kó vām nadīnām śacā* "Which of you two is in company with rivers?"

²¹ RV 4.43.5 *ráthaḥ ... / ... samudrād abhí vartate vām* "your chariot turned up from the ocean".

²² RV 1.46.8 *tīrthé sīndhūnām ráthaḥ* "[your] chariot is at the ford of the rivers".

(Avestan *Nāñhaiθiia-*) is derived from the root *nes- ‘to save’²³. The most frequently occurring story is the one about Tugra’s son Bhujyu, who was drowning in a shipwreck, when the Aśvins came to the rescue (18x in the RV) (see recently Ronzitti 2010). The theme of rescue at sea must predate the Rigveda simply because the immense ocean (*samudrā-*) in which Bhujyu was fighting for his life is unlikely to have been inspired by any of the river basins with which the Rigvedic Aryans were familiar (e.g. the Punjab) (Michalski 1961: 12). And indeed, this narrative finds a close parallel in Yt. 5.61–63 (the story of Pāuruua) and can therefore be projected to the Common Indo-Iranian period (Oettinger 1988; Gotō 2000: 152 n. 18).

Thirdly, Sūryā is one of the three female deities to which the Aśvins are linked in the Vedic myth (along with Uṣās and Saraṇyū). Their tangled relationship is characterized by polyandry and incest: the *divó nāpātā* “scions of the sky” act as suitors and joint husbands of the “Sun maiden”, *divó duhitā* (RV 1.92.5+)²⁴.

All of the above is also true of the “sons of the sky” in Baltic mythology, Lithuanian *Dievo suneliai* and Latvian *Dieva dēli*, whose unmistakable affinity with the Vedic Aśvins has long been noted and has become firmly entrenched in handbooks of comparative mythology²⁵.

²³ Gothic *nasjands* ‘σωτήρ’, Vedic *násate* and Greek *véομαι* ‘return home safely’ (see Güntert 1923: 259; Frame 1978: 134–52; Gotō 2006: 262–63).

²⁴ E.g. RV 1.116.17: *ā vāṃ rátham duhitā sūriyasya / kārṣmeyātiṣṭhad árvatā jáyantī // víśve devā ánv amanvanta hrdbhíh / sám u śrivā nāsativā sacethe* “the Daughter of the Sun stepped on your chariot, as if she were winning a race on a steed. All deities assented with their hearts, and you, Nasatyas, united yourselves with the beauty” (*śrī* = Sūryā). In RV 10.85 (the *Sūryā-Sūkta*) the Aśvins appear as suitors wooing Sūryā both for them and for Soma.

²⁵ Mannhardt 1875; Ward 1968: 9–29; Puhvel 1987: 284–90; Euler 1987: 46–51; Nagy 1990: 92–93, 112–13; West 2007: 186–91; Frame 2009: 59–102. The *tertium comparationis* for the Aśvins and the *Dieva dēli* has long been sought in the Greek Dioscuri who exhibit all the characteristics intrinsic to the Divine Twins in the other traditions: they often act as rescuers from danger, hence their most frequent epicleris σωτήρες ‘saviors’ (cf. ὦ Ζηνὸς καὶ Λήδας κάλλιστοι σωτήρες “O most handsome saviors, of Zeus and Leda (born)” PMG 1027c adesp. = Terp. fr. 9 Gostoli). The Dioscuri were protectors of the sailors, invoked before a sea trip or during the storm (see Jaisle 1907: 6–23; Ξυπνητός 1982–83). Finally, Dioscuri are closely associated with a female figure, their sister Helen: the key theme of this relationship is the saving of Helen, whether from Athens or from Egypt (see West 1975).

The Latvian *dainas*, despite being merely short folk songs, nearly devoid of plot, actually help us to tie up the loose ends and reconstruct the relevant exploits of the *Nāsatyās*. In several *dainas* the “sons of the sky” are called the suitors (*precinieki*²⁶) of the daughter of the sun, which immediately calls to mind the *Aśvins* wooing *Sūryā* even more importantly, one can easily glimpse a narrative about the sons of the sky coming to the rescue of the daughter of the sun, who was drowning. For instance: *Saules meita jūru brida, / Ne matiņus neredzēja; / Dieva dēli gan redzēja, / Kur met jūra burbulīšus* “Daughter of the sun went to walk in the sea, (and now) not even a hair to be seen, the sons of the sky only saw where the sea bubbled (over her)” (*LTD* 11.33965); *Saules meita jūru brida, / Vainadziņu vien redzēja. / Iriet laivu, Dieva dēli, / Glābiet Saules dvēselīti* “Daughter of the sun was wading in the sea, (and now) only her crown was visible, row your boat, sons of the sky, rescue the soul of the sun” (*LTD* 11.33969).

It is thus only in Latvian folk songs that we find all of the three themes, each of which is amply, but separately attested in the *Rigveda* in connection to the *Aśvins*: the sea, the rescue, and the Sun Maiden. In view of the comparative evidence marshalled above, it seems quite plausible that the inherited mythological narrative, reconstructible on the basis of at least three traditions, featured the Divine Twins rescuing the drowning Sun Maiden from the sea.²⁷ The union of the *Aśvins* and *Sūryā*, in *RV* 4.43 and elsewhere in the *Rigveda*, can therefore be viewed as a result of her successful deliverance from the waters of the *sindhu*-²⁸.

²⁶ For instance: *Saules meita jostas auda, / Mēnesnīcā sēdēdama; / Dieva dēli precinieki, / Ābolaini kumelīni* “Sun’s daughter was weaving a band, while the moon was sitting; sons of heaven – suitors, dappled studs” (*LTD* 11.33962).

²⁷ As far the interpretation of this myth is concerned, ever since A. Weber the Indologists have viewed the story of *Sūryā* / *Uṣās* (and *Bhujyu*) rescued by the *Aśvins* as an allegory of the sun, going into the ocean in the west and brought back by the morning star and the evening star (Weber 1862: 234; Myriantheus 1876: 161–69; von Schroeder 1916: 442–43; Oldenberg 1917: 207–15; Güntert 1923: 253–77). Crusades against the “solar mythology” rendered this interpretation unpopular for some time, but first G. Nagy and D. Frame in 1970’s, and then, more recently, T. Gotō and A. Manaster Ramer, have shown that in the case of the Divine Twins and the Sun Maiden the arguments in favor of a solar interpretation are overwhelmingly strong (Nagy 1973: 172–73; Gotō 2006: 263–66; Manaster Ramer ms.).

²⁸ Under the allegorical interpretation presented in the previous footnote

Let us sum up what we have learned thus far. One of the episodes in the career of the Indo-European divine twins involved rescuing a person from drowning somewhere at the ends of the earth and taking her home across a large mass of water. We know from Latvian *dainas* that the drowning person in this myth was the twins' consort or sister who also had distinctive solar properties. Now the role of the Sun Maiden in the story is confirmed through a new interpretation of RV 4.43: this hymn features Sūryā, rescued by the Aśvins, and the horses of the *Nāsatyās* who get wet in the waters of the ocean during the most important rescue operation of the divine Twins. This is the myth that the phrase *sai̯k- *aśuā(n)s reconstructible for Common Indo-Iranian refers to²⁹.

I have tried to demonstrate a relationship between the phraseology and the myth; but it does not follow from the results of this inquiry that a personal name like *Haēcat.aspa-* was necessarily a “speaking name” at the time when the Gāthas were composed. Rather, I have shown what *sai̯cat-aśuā- may have meant when it was first coined, but the name may have lost any connection to the

sīndhu- in RV 4.43.6 denotes a mass of water into which the sun is thought to go on sunset and which is therefore thought of as situated on the earth. As Lüders (n.) and others have repeatedly emphasized, *sīndhu-* may also denote a heavenly river (e.g. RV 1.164.25 *sīndhum divī*), but there is no reason to think that the word has this meaning in our passage: the Aśvins perform their rescuing feats in various locations, some of them quite bizarre (for instance, Bhujyu is drowning *anārambhané tāmasi* ‘in the anchorless darkness’ RV 1.116.5; 182.6), but never in heaven.

²⁹ Many features of the Aśvins find correspondences not only in the Baltic folklore, but also in Greek (see above n. 25): a Greek juncture “moistening horses” *vel sim.* would therefore be entirely expected. It is found, I think, in the Athenian personal name Νόθιππος, well attested in Attic prosopography from the 5th century onwards: e.g., one bearer of the name was an Athenian tragedian who probably performed 430/29 BC (Hermippus fr. 46 PCG). The name is translated as “spurius” in Pape-Benseler, and Bechtel (1917: 335) likewise connects it to νόθος ‘bastard’, but this does not give a satisfactory sense for the compound. A personal name in Greek could be mechanically construed from frequent elements and therefore be meaningless, but the names in -ίππος normally make sense, either as verbal governing or as possessive compounds. A better way of analyzing Νόθιππος seems to align the first member of the compound with such words as νότιος ‘wet’, νοτέω ‘to be wet’, νοτερός ‘damp’, thus *Νοτ(ο)-ίππος ‘having wet horses’, a reasonably close match to *Haēcat.aspa-*. (Thematic νοτός ‘moist’ does not seem to be attested, but its erstwhile existence can be inferred from its abstract ὁ νότος reinterpreted in the meaning ‘south wind’).

myth it encapsulated on the way from Indo-Iranian to the lineage of Zaratuštra, real or fictional, where it was inserted into a series of names in *-aspa*³⁰.

References

- Топоров 1991– Топоров В. Н. АШВИНЫ // Мифы народов мира / Ред. С. А. Токарев. Т. 1. М., 1991. С. 144–145.
- Bartholomae 1904 – Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg: K. J. Trübner, 1904.
- Bartholomae 1906 – Bartholomae Chr. Zum altiranischen Wörterbuch. Nacharbeiten und Vorarbeiten. Strassburg: K. J. Trübner, 1906.
- Bechtel 1917 – Bechtel Fr. Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit. Halle a.d.S.: M. Niemeyer, 1917.
- Bergaigne 1878 – Bergaigne A. La religion védique d'après les hymnes du Rig-Veda. Vol. 1. Paris, 1878.
- Frame 1978 – Frame D. The myth of return in early Greek epic. New Haven, 1978.
- Frame 2009 – Frame D. Hippota Nestor. Washington D.C., 2009.
- Geldner 1881 – Geldner K. (F.) Uebersetzungen aus dem Avesta // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. 1881. Bd. 25. H. 4. S. 378–419.
- Geldner 1904 – Geldner K. (F.) Die neunte Gāthā des Zarathustra und der Honover als Probe einer vollständigen Übersetzung der zarathustrischen Reden. Berlin: Weidmann, 1904. (Sitzungsberichte der Königlichen Preussischen Akademie der Wissenschaften. 33).
- Geldner K. F. 1951 – Geldner K. F. Der Rig-veda aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt und mit einem laufenden Kommentar versehen. Cambridge MA: Harvard University Press, 1951.
- Gotō 1987 – Gotō T. Die “I. Präsensklasse” im Vedischen. Untersuchung der vollstufigen thematischen Wurzelpräsentia. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1987.
- Gotō 2000 – Gotō T. Vasiṣṭha and Varuṇa in RV VII 88 // Indoarisch, Iranisch und die Indogermanistik: Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 2. bis 5. Oktober 1997 in Erlangen / Hrsgg. von B. Forssman und R. Plath. Wiesbaden: L. Reichert, 2000. S. 147–161.
- Gotō 2006 – Gotō T. Ásvín and Nāsātya in the Ṛgveda and their prehistorical background // Proceedings of the Pre-Symposium of RHIN and 7th ESCA Harvard-Kyoto Roundtable / Ed. by T. Osada and N. Hase. Kyoto, 2006. P. 253–283.
- Güntert 1923 – Güntert H. Der arische Weltkönig und Heiland. Halle, 1923.
- Humbach 1973 – Humbach H. Neue chwaresmologische Arbeiten // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1973. Bd. 123. S. 83–97.

³⁰ Pāzand *Pōrūšāspō*, *Paītīrāsp*, *Urvandasp*, *Paētīrasp*.

- Jaisle 1907 – Jaisle K. Die Dioskuren als Retter zur See bei den Griechen und Römern, und ihr Fortleben in christlichen Legenden. Tübingen, 1907.
- Joachim 1978 – Joachim U. Mehrfachpräsentien im Ṛgveda. Frankfurt a. M.: P. Lang, 1978.
- Justi 1895 – Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg: N. G. Elwert, 1895.
- Kellens 1974 – Kellens J. Les noms-racines de l’Avesta. Wiesbaden: L. Reichert, 1974.
- Kellens 1977 – Kellens J. Rec. ad op.: M. Mayrhofer, Zum Namengut des Avesta. Wien, 1977 // *Onoma. Bibliographical and information Bulletin*. 1977. T. 21. Fasc. 3. P. 662–667.
- Kellens 1984 – Kellens J. Le verbe avestique. Wiesbaden: L. Reichert, 1984.
- Kellens 1991 – Kellens J. Zoroastre et l’Avesta ancien. Quatre leçons au Collège de France. Paris, 1991.
- Kellens 1995 – Kellens J. Liste du verbe avestique. Wiesbaden: L. Reichert, 1995.
- Kellens–Pirart 1988 — Kellens J., Pirart E. Les textes vieil-avestiques. T. 1: Introduction, texte et traduction. Wiesbaden: L. Reichert, 1988.
- Lommel 1926 – Lommel H. Rasā // *Zeitschrift für Indologie und Iranistik*. 1926. Bd. 4. S. 196–206.
- LTD* – *Latviešu tautas dziesmas (Chansons populaires lettonnes)* / Ed. by A. Švābe, K. Straubergs, E. Hauzenberga-Šturma. V. I–XII. Copenhagen, 1952–1956.
- Lüders 1951–Lüders H. Varuṇa. Vol.1: Varuṇa und die Wässer. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1951.
- Manaster Ramer (to appear) – Manaster Ramer A. Rabies exegetica, I: RV 10:106 and AV 20:133, 135:1cd-2.
- Mannhardt 1875 — Mannhardt W. Die lettischen Sonnenmythen // *Zeitschrift für Ethnologie*. 1875. Bd. 7. S. 73–104; 209–44; 281–330.
- Mayrhofer 1979 – Mayrhofer M. Iranisches Personennamenbuch. Bd. 1: Die altiranischen Namen. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1979.
- Michalski 1961 – Michalski S. F. Asvins et Dioscuri // *Rocznik Orientalistyczny*. 1961. T. 24. P. 9–52.
- Myriantheus 1876 – Myriantheus L. Die Aṣvins oder arischen Dioskuren. München, 1876.
- Nagy 1973 – Nagy G. Phaethon, Sappho’s Phaon, and the white rock of Leukas // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1973. Vol. 77. P. 137–177.
- Nagy 1990 – Nagy G. Greek mythology and poetics. Ithaca NY: Cornell University Press, 1990.
- Oberlies 1992 – Oberlies Th. Rec. ad op.: Zeller 1990 // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1992. Bd. 142. S. 412–425.
- Oberlies 1993 – Oberlies Th. Die Aśvin: Götter der Zwischenbereiche // *Studien zur Indologie und Iranistik*. 1993. Bd. 18. S. 169–189.
- Oertel 1909 – Oertel H. Contributions from the Jāiminīya Brāhmaṇa // *Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences*. 1909. Vol. 15. P. 153–216.
- Oettinger 1983 – Oettinger N. Untersuchungen zur avestischen Sprache am

- Beispiel des Ardvīsur-Yašt / Habilitationsschrift, München, 1983.
- Oettinger 1988 – Oettinger N. Zu den Mythen von Bhujyu- und von Pāuruua- // *Indo-Iranian Journal*. 1988. Vol. 31. P. 299–300.
- Oldenberg 1909 – Oldenberg H. *Ṛgveda: kritische und exegetische Noten*. Erstes bis sechstes Buch. Berlin: Weidmann, 1909.
- Oldenberg 1917 – Oldenberg H. *Die Religion des Veda / 2. Aufl.* Berlin; Stuttgart: J. G. Cotta, 1917.
- Puhvel 1987 – Puhvel J. *Comparative mythology*. Baltimore; London: John Hopkins University Press, 1987.
- Rau 2007 – Rau J. The origin of Indic and Iranian feminines in -ānī^d // *Journal of the American Oriental Society*. 2007. Vol. 127. Fasc. 1. P. 57–66.
- Remmer 2006 – Remmer U. *Frauennamen im Rigveda und im Avesta: Studien zur Onomastik des ältesten Indischen und Iranischen*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2006.
- Renou 1967 – Renou L. *Études védiques et pāṇinéennes* T. 16. Paris: E. de Boccard, 1967.
- Ronzitti 2010 – Ronzitti R. Bhujyu and Rigveda X.129: an unexplored relationship // *International journal of diachronic linguistics and linguistic reconstruction*. 2010. Vol. 7. P. 83–96.
- Schroeder 1916 — Schroeder L. von. *Arische Religion*. Bd. 2: *Naturverehrung und Lebensfeste*. Leipzig, 1916.
- Schwartz 2006 — Schwartz M. How Zarathushtra generated the Gathic corpus: inner-textual and intertextual composition // *Bulletin of the Asia institute*. 2006. Vol. 16. P. 53–64.
- Schwartz 2009 – Schwartz M. Pouruchista's Gathic Wedding and the Teleological Composition of the Gathas // *Exegisti monumenta: Festschrift in Honour of Nicholas Sims-Williams / Ed. by W. Sundermann, A. Hintze and F. de Blois*. Wiesbaden: Harrasowitz, 2009. P. 429–448.
- Thieme 1970 – Thieme P. Sanskrit sindhu- / Sindhu- and Old Iranian hindu- / Hindu- // *W. B. Henning memorial volume / Ed. by M. Boyce and I. Gershevitch*. London: Lund Humphries, 1970. P. 447–450.
- Ward 1968 – Ward D. *The Divine twins: An Indo-European myth in Germanic tradition*. Berkeley; Los Angeles, 1968.
- Weber 1862 – Weber A. *Vedische Hochzeitssprüche // Indische Studien*. 1862. Bd. 5. S. 177–266.
- West 1975 – West M. L. *Immortal Helen. An inaugural lecture delivered on 30 April 1975*. London, 1975 (= *Hellenica*. Vol. 1: *Epic*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 80–96).
- West 2007 – West M. L. *Indo-European Poetry and Myth*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Xyprnitos 1982–1983 – Xyprnitos N. P. [Ξυπνητός Ν. Φ.] Οι Διόσκουροι ως προστάται των ναυτιλλομένων // *Πλατων*. 1982–1983. T. 34–35. P. 23–48.
- Zeller 1990 – Zeller G. *Die vedischen Zwillingsgötter. Untersuchungen zur Genese ihres Kultes*. Wiesbaden: Harrasowitz, 1990.

A. S. Nikolaev. Avestan *Haēcat̥aspa-* and the myth of the Divine Twins

This paper argues that Gathic *Haēcat̥aspa-*, the name of Zaraθuštra's mythical ancestor, should be translated as 'he whose horses splash, besprinkle themselves'. This name finds an exact parallel in the Rigvedic hymn to the Aśvins: (*sīndhur*) *siñcad áśvān* (RV 4.43.6). This obscure stanza also features Sūryā; its contents become clear once viewed through the lens of comparative mythology: drawing on the material of Latvian *dainas*, we can reconstruct the core myth about the Divine Twins in which they rescue the Sun Maiden from drowning. The horses of the *Nāsatyās* get wet in the waters of the ocean during this rescue operation, and this is the part of the myth that Avestan *Haēcat̥aspa-* contains a compressed reference to.

Д. С. Николаев, М. В. Шумилин

АНТИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИРЛАНДСКОЙ «АХИЛЛЕИДЫ»

Резюме. В работе высказывается предположение, что некоторые из вставок в ирландском переложении «Ахиллеиды» Стация могут восходить к несохранившемуся античному мифографическому источнику.

Ключевые слова: ирландские переложения античных текстов, Ахиллеида, мифография, схолии.

Введение

В состав корпуса средневековой ирландской словесности входит потенциально важный и плохо изученный филологами-классиками набор текстов — переложения античных литературных произведений (Дарета Фригийского, «Энеиды» Вергилия, «Гражданской войны» Лукана, «Фиваиды» Стация; большинство из них датируются XII–XIII вв.). Теоретически использованные ирландцами рукописи могли бы представлять интерес как древние или как рано отделившаяся традиция¹. Трудно сказать, можно ли извлечь из них какую-то ценную информацию для текстологии самих латинских классиков², но во всяком случае заслуживают внимания содержательные дополнения к текстам (Mac Gearailt 1996, Harris 1997, Ní Mhaonaigh 2006). Настоящая работа будет посвящена вставкам в ирландской версии «Ахиллеиды» Стация: с нашей точки зрения, в этом случае можно

¹ Рукописи латинских текстов активно ввозились в Ирландию уже в VII в. из Испании: Hillgarth 1961/1963. Позднее в ходе многочисленных войн рукописные коллекции сильно пострадали — в итоге сегодня с рукописями античных авторов в библиотеках Ирландии дело обстоит совсем плохо. Впрочем, интеллектуальный обмен с континентом продолжался: в ирландских рукописях XII в. находят следы знания свежей континентальной науки — трактата De abaso и французского неоплатонизма (Bieler, Bischoff 1956; Ó Néill 1997).

² Единственный известный нам случай попытки защищать чтение на основании ирландского переложения — Dewar 1987 (Stat. Theb. 9.120 iaculorum). Meyer 1959: 362–363 отмечает некоторые чтения, отразившиеся в ирландской версии Лукана, но они совсем не специфичные. Возможно, дело в том, что обмен рукописями с континентом был слишком активным и изолированных традиций не образовывалось.

утверждать, что вставки восходят к какому-то не дошедшему до нас позднеантичному тексту, сопровождавшему поэму в рукописи.

Текст, который опубликовал Ó hAodha 1979 как ирландскую «Ахиллеиду»³, представляет собой вставку, появляющуюся в третьей редакции *Togail Troí* («Захвата Трои», в основе своей — ирландского переложения Дарета Фригийского, обросшего множеством добавлений). Третья редакция датируется 1150–1200 гг. Вставка имеет заголовок *geinimain Aichil ḡ a macgníma* «рождение Ахилла и его юношеские подвиги» (A 2), и этот титул хорошо отражает смещение акцентов относительно поэмы Стация: основное внимание теперь уделяется не любовной истории на Скиросе, а списку подвигов, совершенных Ахиллом во время воспитания у Хирона; соответствий этому списку у Стация почти нет.

Заметные в ирландском переводе дополнения к тексту поэмы Стация можно с точки зрения их происхождения гипотетически разделить на две группы. К первой группе будут принадлежать латинские комментарии и глоссы в тексте «Ахиллеиды», попавшие в ирландский перевод. Вторую группу составляют добавления, сделанные уже в рамках ирландской рукописной традиции⁴. В данной работе мы сосредоточимся на добавлениях из первой группы.

³ Далее сокращенно А.

⁴ Удачным образом, у нас есть средства, чтобы попытаться идентифицировать часть поздних добавлений: сохранилась также отдельная от «Захвата Трои» поэтическая версия ирландской «Ахиллеиды» (далее сокращенно AV, ок. 1150 г.), тоже опубликованная Ó hAodha 1979. Она написана так, что ее, по-видимому, невозможно понять, не зная заранее соответствующего прозаического текста. При этом, однако, вставленный в «Захват Трои» рассказ об Ахилле не может быть этим прозаическим текстом, поскольку в поэтическом тексте есть один дополнительный подвиг Ахилла — изгнание Сперкуса с 21 кораблем с острова Скирос, — детальное содержание которого, соответственно, непонятно. Значит, существовал общий источник прозаической и стихотворной «Ахиллеид», и можно попытаться его частично реконструировать по соответствиям между двумя текстами. Этот общий источник должен был быть ирландским (как видно из совпадений в ирландской орфографии некоторых имен, которые сложно независимо возвести к латинскому прототексту), и Ó hAodha 1979 датирует его началом XII века.

1. Первый подвиг Ахилла

Главное нововведение ирландской «Ахиллеиды» (включая гипотетический ранний перевод, см. прим. 4) — список юношеских подвигов Ахилла. Только для одного из 9 (10 в поэтической версии) подвигов указывались античные параллели (Ó hAodha 1979: 86), хотя это тоже довольно неожиданная история. Рассмотрим ее.

А 6–7

Is é-seo dano cetgnim Aichil iarna geinemuin. Laa n-aen do-chuaidh a mathair do thaebh na catrach co slogaib ⁊ socraidi imda lé a comdhail an tsaccairt gentslighi dianad ainm Proteus do baisdig a mic .i. Aichil. Ocus is ann sin ro faillsighed do Neptuin in mac-sin ica baistid ⁊ do foillsighid dó comadh e-sin do muirfed a mac .i. Cuicnius mac Neptuín. Ocus is airi sin do-rat Neptuin torathar muiridhi do marbad Aichil, ⁊ at-racht an torathur-sin asin topur ar amus in tsluaigh ⁊ ba forgranna a delb .i. a chenn amal cenn con co clusaibh leomuín fair. Mucc mara co cosaib con fos asa medon. Nathair a deiridh. Cidh tra acht ro mebaid arna sluaighaib re fhaicsin ⁊ ro facbad Aichil a aenur acon peist. Ocus for-fobuir ica letradh ⁊ iaghuis Aichil a da laim ima braight ⁊ feraidh comrac co fergach feochair ria i nd-airdi ⁊ tachtuis in pheist ⁊ nirus-leig uadh gurus-marb. Ocus o't-conairc lucht na catrach in ni-sin ro impaidset ar amus Aichil ⁊ rucsat leo he, ⁊ ro bensat a croicind don peist ⁊ ro taiscidh e-sidhe isin catraigh chaidhchi i comurtha cetgaiscid Aichil ann sin.

«Вот первый подвиг Ахилла после его рождения. Однажды его мать отправилась из города в сопровождении войска и большой свиты к языческому священнику⁵, которого звали Протей, чтобы окрестить своего сына Ахилла. Когда его крестили, о мальчике стало известно Нептуну, и ему было открыто, что это этот мальчик убьет его сына, т. е. Кукнюса, сына Нептуна. И поэтому Нептун послал морское чудовище убить Ахилла. И чудовище вылезло из купели⁶ и бросилось

⁵ Рационализация языческих элементов античных мифологических сюжетов — чуть ли не общая черта средневековых переложений (см., напр., Philips 2010). Проблема может решаться по-разному: божества могут оказываться ведьмами, эльфами, демонами, языческими жрецами. Такая рационализация была свойственна уже самому Дарету Фригийскому (Захарова 1997: 48–49).

⁶ Используемое в тексте слово *torag* в первую очередь значит ‘колодец, источник’, но также может значить ‘залив, бухта’ и, по крайней мере в средне- и новоирландский период, ‘сосуд с водой, купель’ (см. DIL s. v. *torag*). Появление монстра заставляет предположить, что речь

на войско. Его облик был ужасен: голова его была подобна голове собаки со львиными ушами; посередине это была морская свинья с собачьими ногами; сзади у него был змеиный хвост. Как бы то ни было, войско обратилось в бегство, увидев его, и Ахилла оставили одного рядом с чудищем. Оно бросилось, чтобы растерзать его, а Ахилл обхватил обеими руками его шею и яростно и жестоко сдавил его руками сверху, и придушил чудище, и не отпускал его от себя, пока оно не издохло. И когда жители города увидели это, они бросились к Ахиллу и забрали его [чудище?] к себе, и сняли с чудища шкуру, и хранили ее с тех пор в городе в память о том, что свой первый подвиг Ахилл совершил там».

Соответствующее место в поэтической версии (AV 2):

Cedgnima Aichil in fuilt,
da rugad dachum sagairt;
ba garb a gnim is a glac
o thorohtar na tibrad.

«Первый подвиг длинноволосого Ахилла, когда его привели к священнику: были суровы его подвиг и его хватка для чудовища купели».

Очевидно, что «Кукнюс» (Cuicnius) должен быть Кикном, сыном Нептуна, убитым Ахиллом. Об этом сюжете можно было узнать из *Ov. Met.* 12.72–145 (хотя следы знания Овидия в Ирландии в это время очень скудны)⁷. Для остальных деталей,

должна идти о бухте или заливе: в ирландской литературной традиции именно море — типичное место обитания чудовищ (в морском заливе обитает чудовище, с которым сражается Фергус сын Лейте, Vinchu 1952, Шкунаев 1991; в море живут твари, которых усмиряет святой Колумба, см. Borgsje 1996). Если сюжет о появлении чудовища восходит к античному тексту, то уже там могло подразумеваться море (Протей — морское божество, и в сюжете об Ипполите насланное Посейдоном чудовище выходило именно из моря). Впрочем, омовение младенца в купели после рождения фиксируется, напр., в *Pind. Olymp.* 1.26.

⁷ См. Miles 2007: 76. До XII в. свидетельства знания Овидия в Ирландии, как кажется, носят совсем спорадический характер: в каком-то ирландском континентальном монастыре в IX в. был переписан кусочек из «Метаморфоз» (рукопись Bernensis 363, см. Tarrant 2004: viii); существуют спорные гипотезы о влиянии Овидия на «Похищение быка из Куальнге»: см. Mallory 1986, Mallory 1992.

однако, параллелей найти не удастся (возможно, что появление Протея связано с тем, что, согласно Stat. Ach. 1.32, Фетида знает о судьбе Ахилла из его пророчества). В данном случае мы можем допустить, что ирландец сам «развил» сюжет об Ахилле и Кикне.

Мы полагаем, однако, что следы чего-то похожего на античные сюжеты можно найти еще в двух местах «юношеских подвигов Ахилла».

2. Гибель Пелора

A 14

Gnim aili do-roine Aichil .i. la n-aen do-chuaid 7 a oiti .i. Ciron do tseilg a sliab Peil, 7 is é-sin la do-rala do Pealoir mac Beirgitlamhaig tect do ghabhail a úamadh for Chiron air ba mac bidhbhadh do Chiron he. Ocus o dho-ruacht dano Pealoir co dorus na huamadh fuair lorg na deisi seca isin sliab 7 ro len Pealoir co mullach tsleibi Peil 7 fuair Ciron ina inadh tselga 7 sé ina codlad ann ar ndul Aichil uadh fon caill do tseilg. Iar sin tra ro dhuisigh Pealoir é uair nir mhiadh leis a marbad 7 se ina chodlad. Ocus imarainicc doib comlann co cuala Aichil imesargain na n-arm 7 tainicc co solum do foircin a aiti 7 ro dingaib in comlann de. Ocus ro fopair Aichil in comlann co ferrda i n-aigi Pealoir 7 do-rochair Pealoir le hAicil isin comruc-sin 7 gidh é Aichil dano ro crechtnaighidh co mór hé.

«Еще один подвиг, совершенный Ахиллом: однажды они с приемным отцом Хироном отправились охотиться на горе Пелион. И как раз в этот день Пелор, сын Бергидлавага, отправился, чтобы отобрать у Хирона его пещеру, ибо он был сыном Хиронова врага. И когда Пелор пришел к порогу пещеры, он увидел следы двух мужей, ведущие через этот порог к горе, и Пелор пошел по их следам на вершину горы Пелион и нашел Хирона спящим в том месте, где они охотились, после того как Ахилл ушел в лес охотиться. Тогда Пелор разбудил его, потому что счел, что не будет почетно убить его спящим. И вышел у них поединок, так что Ахилл услышал шум соударяющегося оружия и быстро пришел на помощь своему приемному отцу и отвлек нападавшего. И тогда Ахилл с яростью бросился биться с Пелором, и Пелор пал от руки Ахилла в этом бою, хотя и сам Ахилл был сильно ранен».

AV 7

An cóiced gnim do gen cheilg,
 dia mbai Aichil agon tseilg;
 torchair leis Peloir – gen bron –
 dia mbai a chomlonn fri Ciron.

«Пятый его подвиг, без обмана, — когда Ахилл был на охоте; пал от его руки Пелорь (ничуть не жалко), когда он сражался с Хироном».

Имя Пелор (Pe(a)loir) выглядит как соответствующее латинскому Pelorus (ср. Neptunus > Neptuin, Hercules > Ercail) или Pelorius (ср. Pelium > Peil). Ирландец мог встретить где-нибудь (в Hug. рг. 2?) имя гиганта Пелора и приплести его к своей истории. Примечательно, что гигант Пелор действительно иногда связывается с Фессалией, причем в таких источниках, которые никак не могли быть доступны средневековым ирландцам: Sch. in II. 16.176 (по одной из версий, в ходе гигантомахии Посейдон швырнул Пелора в воды Сперхея и заколол там трезубцем, по другой — гигант Пелор изнасиловал Полидору, дочь Пелея, во время ее купания в водах Сперхея) и — особенно любопытное место — Nonn. Dion. 48.37–40 (речь о бое Диониса с гигантами):

ἀμετρήτοισι δ' ἄγαστοῖς
 Πήλιον ὑψικάρηνον ἀνηκόντιζε Πελωρεύς,
 γυμνώσας Φιλύρης γλαφυρὸν δόμον· ἀρπαμένου δέ
 ἄσκεπέος σκοπέλοιο γέρων ἐλελίζετο Χείρων.

«А Пелорей своими непомерными ладонями бросил в качестве снаряда высоковершинный Пелион, оголив выдолбленное жилище Филиры [матери Хирона]; и, когда был утащен утес, переставший служить укрытием, зазвучали вопли старика Хирона».

У Нонна Панополитанского довольно часто, по-видимому, можно найти завуалированные изложения не дошедших до нас и очень экстравагантных мифографических текстов (см., напр., в Wiseman 1995: 47–8 хороший разбор сюжетов о Фавне у используемых Нонном греческих мифографов; ср. Knox 1988, Hollis 1994). Значит, связь Пелора/Пелорея с Пелионом и Хироном может быть не случайной (особенно в свете гомеровских

схолий)⁸. Однако узнать о такой связи (или по крайней мере о связи Пелора/Пелорея с Фессалией) из дошедших до нас латинских источников автор ирландской «Ахиллеиды» уже явно не мог.

3. Убийство Ота сына Эвала

A 22

Is e Aicil do-roini in comlann diumsach doiligh iar toidhecht asin sruth-sin .i. Dia tainic Otus mac Ebail [*v.l.* Eóthus mac Eabhail] ri na coradh 7 na centuri do indarbad Ciron 7 Aicil a tír na Tesalta, ar ba ro-mor leis a ndenadh Aicil do faghlaib 7 do écoraib ina ferann. Ocus ima-comraicc dó 7 do Aichil, acht cena boi socraidi mór dia muintir i farrud Éothais 7 ba hanglond é bodein 7 nir raibi Aicil acht a aenur dano. Ro forbuir Aicil in comlann co croda 7 niro scar re Eotus coro torcair lais 7 na coraidh 7 na centuire. Cid he Eotus dano ni terna Aicil uadh gan crechnugad co mor uair is e do-rat in athais n-anmigh for Aicil .i. fuirmid do tsleigh neimnigh boi aigi coro tesc a tengaid i n-Aichil gurbo god coidci iar sin. Ro dicuir tra Aicil na coraid 7 na cendtuire.

«После выхода же из этой реки [Сперхея, борьба с которым в А 21 излагается по Stat. Ach. 2.429–439] Ахилл устроил дерзкое тяжелое сражение, т. е. когда Эотус, сын Эвала, царь воителей и кентавров, пришел выгнать Хирона и Ахилла из фессалийской земли, потому что он не мог терпеть, что Ахилл творит разорения и беззакония в его землях. И они столкнулись с Ахиллом, но если Эотуса сопровождало большое множество его людей, да и сам он был великим воином, то Ахилл был против них всех один. Ахилл яростно бросился в бой и не отступал от Эотуса, пока тот не пал от его руки вместе с воителями и кентаврами. Но все же и Ахилл не ушел от Эотуса без сильного ранения, потому что тот нанес Ахиллу увечье: он бросил свое отравленное копье так, что оно разрезало язык Ахилла, и после того он на всю жизнь остался шепелявым⁹. Так Ахилл истребил воителей и кентавров».

⁸ Возможно, впрочем, что встреча Пелора и Хирона в тексте Нонна является следствием случайности: описывая сцену гигантомахии в Фессалии, поэт упомянул персонажей, связанных с этим сюжетом (Пелор) и этим локусом (Хирон); ср. Sen. HF 971 videat sub Ossa Pelion Chiron suum «пусть Хирон увидит Оссу на своем Пелионе».

⁹ Античная традиция не говорит нам о шепелявости Ахилла (правда, в Dar. 12 и Malal. Chron. 105 Dindorf шепеляв Гектор). Вероятно, этот мотив попал в текст из ирландской нарративной традиции, где

AV 11

Ind naomadh gnim Aichil ain,
 marbad Othais mic tE bail,
 co n-ilar a laech malle,
 go ceantuiribh gentlige.

«Девятый подвиг блистательного Ахилла — убийство Отаса, сына Эвала, вместе с множеством его воинов и язычниками-кентаврами».

Имя героя, с которым сражается Ахилл в этой главе, в прозаическом тексте выглядит как (E)ó(t)h)us mac E(a)bail. Ожидаемая исходная форма при таких вариантах скорее должна выглядеть как Eóthus (как ее и восстанавливает Ó hAodha 1979: 107), но, учитывая орфографию стихотворного текста, в общем архетипе скорее следует восстановить Othus. Принимая же во внимание характерную для текста высокую степень искажения латинских имен (так, Протей в A 25 оказывается Proteicsius), вполне можно допустить, что речь идет об «Оте, сыне Эфиальта», т. е. античные братья Алоады оказываются соединены в одного персонажа¹⁰. Появление Алоадов в Фессалии тоже не бессмысленно: обычно среди корчюемых ими гор упоминаются Пелион и Осса (см., напр., Hom. Od. 11.308–316: ᾠτόν τ' ἀντίθεον τηλεκλειτόν τ' Ἐφιάλτην... Ὅσσαν ἐπ' Οὐλύμπω μέμασαν θέμεν, αὐτὰρ ἐπ' Ὅσση / Πήλιον εἰνοσίφυλλον, ἔν' οὐρανὸς ἀμβατὸς εἶη «богоборца Ота и Эфиальта, слава которого простирается далеко... Они вознамерились поставить Оссу на Олимп, а на Оссу — Пелион с дрожащей листвой, чтобы по ним можно было забраться на небо», а тж. Verg. Geo. 1.280–282, Hor.

остающиеся на всю жизнь увечья — широко распространенный элемент характеристики героя или описания сражения. Так, в саге Уладского цикла «Сага о кабане Мак-Дато» (Thurneysen 1951, Михайлова 2004), воин из стана коннахтов по имени Кет, обращаясь к воину-уладу Кускрайду Заике, насмешливо вспоминает, почему у него такое прозвище: «Отправился ты в наши земли. Осталась там треть твоих людей, и, сдаётся, сам ты ушел оттуда с дротиком в горле, так что трудно тебе теперь выдавливать слова из своей головы, потому-то и зовут тебя Кускрайд Заика» (пер. Т.А. Михайловой в: Михайлова 2004: 426).

¹⁰ Ph в нашем тексте чаще всего дает p: Poloe, A(i)mpit(e)rionis, но при этом оно могло начать писаться как b, поскольку p и b в заимствованных словах были порой взаимозаменяемы, ср. форму Ioip в A 33 < Iovis, Ioib в классической ирландской орфографии.

Carm. 3.4.52, Luc. 6.410–412). Почти во всех этих контекстах, однако, имена Ота и Эфиальта не называются; самого Гомера в Ирландии XII в. практически наверняка не читали, и из достаточно популярных поэтических текстов имена можно было извлечь чуть ли не только из Claud. Bell. Get. 74–76 *dum vellere Pelion Otus / nititur, occubuit Phoebo, moriensque Ephialtes / in latus obliquam proiecit languidus Ossam* «От, пока пытался вырвать Пелион, был убит Фебом, и умирающий Эфиальт, изнемогая, уронил в сторону накрененную Оссу». Однако в это время период популярности Клавдиана в Европе еще только-только начинался (Hall 1969: 67–68, Cameron 1970: 426–427). Если же предположить, что данный эпизод был ирландцем выдуман, то проще всего объяснить его комбинацией текста Вергилия (...*et coniuratos caelum rescindere fratres. / ter sunt conati imponere Pelio Ossam / scilicet atque Ossae frondosum involvere Olympum...* «...и братьев, сговорившихся вломиться на небо. Трижды они пытались поставить Оссу на Пелион, ну а на Оссу взвалить покрытый листвою Олимп...») с Serv. in Geo. 1.280 (*fratres: Otum [Othum cod. Vaticanus 3317] et Ephialtem* «Братьев: Ота и Эфиальта») и Serv. Auct. in Geo. 1.282 (*Pelios mons est Thessaliae, Olympus Macedoniae, Ossa Thraciae* «Пелион — гора в Фессалии, Олимп — в Македонии, Осса — во Фракии»), или комбинацией текста Luc. 6.410–12 (в описании Фессалии: *inpius hinc prolem superis inmisit Aloeus, / inseruit celsis prope se cum Pelion astris / sideribusque vias incurrens abstulit Ossa* «Отсюда нечестивый Алоэй напустил своих детей на небожителей, когда Пелион почти что встрял между высокими звездами и Осса, высунувшись, загородила пути светилам») с Comm. Bern. ad loc. (*cum scilicet Martem alligaverunt Otos et Ephialtes [oto setefi altes cod.: corr. P. Danielis]...* «То есть когда От и Эфиальт связали Марса...») или Adn. sup. Luc. ad loc. (*Aloeus: Oti et Ephialti [Epialti cod. Wallersteinensis I 2] pater* «Алоэй: отец Ота и Эфиальта»), или же использованием только какого-нибудь чисто мифографического текста вроде Hyg. 28 (*Otos [Othos cod.: corr. Muncker] et Ephialtes... montem... Ossam super Pelion posuerunt* «От и Эфиальт... поставили гору Оссу на Пелион»)¹¹.

¹¹ Как видно из примеров, орфографию Othus и Epialt(es) вполне можно объяснить и внутри латыни: буква h могла свободно добавляться для придания слову греческого облика (как в Othus) и, соответственно, исчезать (как в Epialti).

Требуемая интеллектуальная операция была бы довольно сложной для ирландца (не так просто вывести из связи Ота и Эфиальта с Пелионом и Оссой через связь с Фессалией и с молодостью Ахилла), а обращение к мифографической литературе нам все равно приходится допускать, так что (в контексте других отмеченных выше параллелей) вполне можно отнести и само установление связи между Отом, Эфиальтом и Ахиллом к какому-то не известному нам латинскому мифографическому тексту.

Выводы

Что могло послужить источником этих вставок? Похоже, нужно постулировать какой-то позднеантичный источник. Можно предположить, что непосредственно использовались схолии (древние схолии ко второй книге «Ахиллеиды», где описывается воспитание Ахилла, до нас не дошли вообще¹²; возможно, в XII веке еще можно было найти их или что-то от них производное)¹³. Мы можем реконструировать некоторые их фрагменты. Так, в них должна была идти речь (1) об убийстве Ахиллом насланного Нептуном из-за пророчества о Кикне чудовища; (2) об убийстве Ахиллом гиганта Пелора, возможно, в связи с отношениями Пелора с Хироном; (3) об убийстве Ахиллом Ота и Эфиальта (или Ота, сына Эфиальта). В общем, Ахилл в этом тексте убивал разных чудовищ, в основном так или иначе связанных с Фессалией. «Компрессия» мифологического времени может указывать на позднее происхождение текста¹⁴. Может быть, это просто были несколько строчек, излагающие, какие еще подвиги приписываются Ахиллу в годы его фессалийской юности (подвиги (2) и (3) выглядят как придуманные *ad hoc*).

¹² См. Sweeney 1997. То, что опубликовал в качестве схолий ко II книге «Ахиллеиды» Clogan 1968, представляет собой случайную выборку из средневековых маргиналий, к тому же не очень добросовестно изданную (Hall, Richie, Edwards 2008: 201–206).

¹³ О проникновении в переводной текст фрагментов схолий см. Gwynn 1930, Meyer 1959, Kobus 1995.

¹⁴ Сведение мифов к единой «хронологии» в античной мифографии (см. Graf 2011), впрочем, оставило много противоречий и анахронизмов, которые эксплуатировались на всем протяжении античности: см., напр., O'Hara 2006.

Литература

- Захарова 1997 — Захарова А. В. Об истории книги // Дарет Фригийский. История о разрушении Трои / Пер. А. В. Захаровой. СПб. С. 7–73.
- Михайлова 2004 — Саги об уладах: пер. с ирланд. / Сост. Т. А. Михайловой. М.
- Шкунаев 1991 — Мифы и предания средневековой Ирландии / Сост., пер., вступ. статья и комм. С. В. Шкунаева. М.
- Bieler, Bischoff 1956 — Bieler L., Bischoff B. Fragmente zweier frühmittelalterlicher Schulbücher aus Glendalough // *Celtica*. Bd. 3. S. 211–220.
- Binchy 1952 — The saga of Fergus mac Léti / Ed. and tr. by D. A. Binchy // *Ériu*. Vol. 16. P. 33–48.
- Borsje 1996 — Borsje J. From Chaos to Enemy: Encounters with Monsters in Early Irish Texts. Brepols.
- Cameron 1970 — Cameron A. Claudian: Poetry and Propaganda at the Court of Honorius. Oxford.
- Clogan 1968 — Clogan P. M. The Medieval Achilleid of Statius: Edited with Introduction, Variant Readings, and Glosses. Leiden.
- Dewar 1987 — Dewar M. A Note on Statius, Thebaid 9. 120 // *CQ*. Vol. 36. P. 533–535.
- DIL — Dictionary of the Irish Language: Based Mainly on Old and Middle Irish Materials. Dublin, 1994. (См. также электронную версию: www.dil.ie)
- Graf 2011 — Graf F. Myth and Hellenic Identities // A Companion to Greek Mythology / Ed. by K. Dowden and N. Livingstone. Malden. P. 211–226
- Gwynn 1930 — Gwynn E. Review of: Togail na Tébe / Ed. by G. Calder. Cambridge, 1922 // *Hermathena*. Vol. XX. P. 435–439.
- Hall 1969 — Hall J. B. Introduction // Claudian. De raptu Proserpinae / Ed. by J. B. Hall. Cambridge. P. 1–114.
- Hall, Richie, Edwards 2008 — P. Papinius Statius: Thebaid and Achilleid / By J. B. Hall in collaboration with A. L. Ritchie and M. J. Edwards. Vol. 3. Cambridge.
- Harris 1998 — Harris J. R. Adaptations of Roman Epic in Medieval Ireland: Studies in the Interplay of Erudition and Oral Tradition. Lewiston.
- Hillgarth 1961/1963 — Hillgarth J. N. Visigothic Spain and Early Christian Ireland // *PRIA*. Vol. 62C. P. 167–194.
- Hollis 1994 — Hollis A. Nonnus and Hellenistic Poetry // Studies in the Dionysiaca of Nonnus / Ed. by N. Hopkinson. Cambridge. P. 43–62.
- Knox 1988 — Knox P. Phaethon in Ovid and Nonnus // *CQ*. Vol. 38. P. 536–551.
- Kobus 1995 — Kobus I. Imtheachta Aeniasa: Aeneis-Rezeption im irischen Mittelalter // *ZCP*. Vol. 47. P. 76–86.
- Mac Gearailt 1996 — Mac Gearailt U. Change and Innovation in Eleventh-Century Prose Narrative in Irish // (Re)oralisierung / Hgb. von H. L. C. Tristram. Tübingen. S. 443–496.

- Mallory 1986 — Mallory J. P. Silver in the Ulster Cycle of Tales // Proceedings of the Seventh International Congress on Celtic Studies Held at Oxford, from 10th to 15th July, 1983 / Ed. by D. Ellis Evans, J. G. Griffith and E. M. Jope. Oxford. P. 31–78.
- Mallory 1992 — Mallory J. P. The World of Cú Chulainn // Aspects of the Táin / Ed. by J. P. Mallory. Belfast. P. 146–153.
- Meyer 1959 — Meyer R. T. The Middle-Irish Version of the Pharsalia of Lucan // Papers of the Michigan Academy of Science, Arts and Letters. Vol. 44. P. 355–363.
- Miles 2007 — Miles B. Riss in Mundtuirc: The Tale of Harmonia's Necklace and the Study of the Theban Cycle in Medieval Ireland // Ériu. Vol. 57. P. 67–112.
- Ní Mhaonaigh 2006 — Ní Mhaonaigh M. Classical Compositions in Medieval Ireland: The Literary Context // Translations from the Classical Literature in the ITS Series: Imtheachta Aeniasa and Stair Ercuil agus a Bás / Ed. by K. Murray. London. P. 1–19.
- Ó hAodha 1979 — Ó hAodha D. The Irish Version of Statius' Achilleid // PRIA. Vol. 79C. P. 83–138.
- O'Hara 2006 — O'Hara J. J. Inconsistency in Roman Epic: Studies in Catullus, Lucretius, Vergil, Ovid and Lucan. Cambridge.
- Ó Néill 1997 — Ó Néill P. P. An Irishman at Chartres in the Twelfth Century — the Evidence of Oxford, Bodleian Library, MS Auct. F. III. 15 // Ériu. Vol. 48. P. 1–35.
- Philips 2010 — Philips H. Medieval Classical Romances: The Perils of Inheritance // Christianity and Romance in Medieval England / Ed. by R. Field, P. Hardmann and M. Sweeney. Cambridge. P. 3–25.
- Sweeney 1997 — Lactantii Placidi in Statii Thebaida commentum: Vol. I: Anonymi in Statii Achilleida commentum, Fulgentii ut fingitur Planciadis super Thebaiden commentariolum / Rec. R. D. Sweeney. Stutgardiae et Lipsiae.
- Tarrant 2004 — Tarrant R. J. Praefatio // P. Ovidi Nasonis Metamorphoses / Recognovit brevique adnotatione critica instruxit R. J. Tarrant. Oxonii. P. v–xxxviii.
- Thurneysen 1951 — Scéla Mucce Meic Dathó / Ed. by R. Thurneysen. Dublin.
- Wiseman 1995 — Wiseman T. P. Remus: A Roman Myth. Cambridge.

D. S. Nikolayev, M. V. Shumilin. Classical Sources of the Irish Achilleid

The paper suggests that some of the insertions in the Irish version of Statius' *Achilleid* can reflect some unknown classical mythographic source.

Н. А. Николаева

ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В III-II ТЫС. ДО Н. Э. ПО ДАННЫМ ЛИНГВИСТИКИ И АРХЕОЛОГИИ

Резюме: Статья посвящена установлению лингвистической атрибуции носителей археологических культур западной и центральной части Северного Кавказа как индоарийской и «древнеевропейской» на основании данных языкознания о древнейших индоевропеизмах в картвельских языках.

Ключевые слова: индоевропейские языки, миграции, картвельские языки, бронзовый век Северного Кавказа.

Индоевропеизмы в картвельских языках исследованы с исчерпывающей полнотой в последнем труде известного картвелиста Г.А. Климова (1994) и являются несомненным доказательством физического присутствия на Кавказе разных групп индоевропейцев (далее ИЕ). В то же время ряд вопросов культурно-исторического характера (локализация ИЕ на Кавказе; реальная диалектная репрезентативность ИЕ на Кавказе; район картвело-индоевропейских контактов; пути появления ИЕ на Кавказе; локализация исходной ИЕ территории) не может быть решен только на основании данных лингвистики, поэтому возникает необходимость привлечения данных археологии.

Систематизация фонда индоевропеизмов в картвельском, периодизация, хронология, а также *обоснование их ареальной природы* (Климов 1994: 8, 206) позволяют очертить ареал картвело-индоевропейских контактов в зависимости от исходного центра пребывания картвелов и индоевропейцев, а также их локализации на Кавказе в III–II тыс. Мнение большинства кавказоведов об автохтонности картвелов в Закавказье исключают возможность локализации картвелов и картвело-индоевропейских контактов на Северном Кавказе; отвергается также появление ИЕ в Закавказье с севера, как и европейское происхождение индоевропейцев (Климов 1994: 209, 212). В отношении прародины индоевропейцев хотя не существует

одной общепризнанной гипотезы¹, наиболее плодотворной остается идея о расселении поздних праиндоевропейцев в Подунавье (Дьяконов 1982; Сафронов 1983), а носителей северной ветви индоевропейского праязыка (условно «древнеевропейского»)² к началу индоевропейских миграций IV/III тыс. до н.э. – к северу от Карпат.

Относительно времени картвело-индоевропейских контактов единства среди лингвистов также нет³, хотя «по факту доисторических контактов между картвельскими и индоевропейскими языками картвелисты придерживаются положительного мнения» (Климов 1994: 24). Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов считают, что непосредственное соприкосновение индоевропейских и картвельских языков имело место на их праязыковом уровне, еще в V–IV тыс. (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 865). По Г. А. Климову, «наиболее ранний пласт картвельских индоевропейизмов относится к IV–III тыс. до н.э., а взаимодействие индоевропейских и картвельских языков продолжается на протяжении едва ли не всех последующих эпох вплоть до исторически засвидетельствованного периода» (Климов 1994: 40, 206, 213).

В работе Г.А. Климова «рассматриваются 15 параллелизмов, претендующих на *общекартвельский* характер (Климов 1994:

¹ Гипотез много, но чаще других упоминаются курганная (Гимбутас 2006); переднеазиатская (Гамкрелидзе, Иванов 1984); анатолийская (Renfrew 1987); степная (Malloy 1989). Автор придерживается концепции нескольких ИЕ прародин: Прикарпатье, Малая Азия, Сев. Балканы, Подунавье (Сафронов 1983; 1989; Николаева 2010: 58–71), а также лингвистических аргументов в пользу позднеиндоевропейской прародины в Центральной Европе (Дьяконов 1982).

² Термин введен для определения ареала индоевропейской/праиндоевропейской гидронимии от Рейна до Прикарпатье, очерченного Г. Крае (Krahe 1962; 1964). Речь не идет о детерминировании «древнеевропейского» как промежуточного между ПИЕ языком и кельто-италийскими, германскими, балтскими, славянскими языками. Термин используется для обозначения области расселения носителей кельтских, германских, балтских и славянских языков, которую они занимали с распадом последней ИЕ общности, а также ареала археологических эквивалентов культуре носителей этих ИЕ языков.

³ В. М. Иллич-Свитыч (1971; 2009) и А. Бомгард (Bomhard 1990) относят начало пракартвельского и праиндоевропейского к ностратическому уровню, хронология которого определяется по культурно-историческим характеристикам – XI тыс. до н.э. и по лингвистическим основаниям – VIII тыс. до н.э. (Дыбо, Терентьев 1998: 339).

40–84, 243), т. е. датированных ранее 19 в. до н. э.; 40 параллелизмов *грузинско-занского* хронологического уровня (Климов 1994: 84–164, 243–244), т. е. от 20 до конца 13 в. до н. э.; 40 параллелизмов более позднего, но все еще «*доисторического*» уровня, т. е. до появления армян, греков, персов» (Климов 1994: 164–205).

Проведенное Г. А. Климовым сравнение реконструированных картвельских архетипов с праиндоевропейским или с индоевропейским диалектным архетипом, а также выявление их *континуантов*, указывающих, с носителями каких индоевропейских языков-диалектов преимущественно контактировали носители картвельских языков, позволяет нам считать, что наиболее контактными с картвельским были, с одной стороны, языки «древнеевропейского» ареала (балтийские, славянские, германские, италийские, кельтские), а с другой, – греческие, индоиранские и индоарийские языки, которые также имели ареальные контакты в определенный период времени как между собой в Среднем Подунавье (IV/III тыс.), так и с «древнеевропейскими» в Северном Причерноморье (25–20 вв. до н. э.) и на Кавказе.

Из 15 картвельских индоевропеизмов общекартвельского уровня⁴ корнеслов *‘сердцевина, ядро плода’* имеет продолжение в германских, балтских и славянских языках; корнеслов *‘четыре’* отражает развитие, имеющее место в кельтских и германских языках (Климов 1994: 62); корнеслов *‘игла, колючка’* находит продолжение в кельтских, балтских, славянских языках (Климов 1994: 93); картвельская основа *‘стоять’* (*о засухе, жаре*) имеет аналогичное продолжение в кельтских и германских языках.

Анализ грузинско-занского фонда индоевропеизмов показывает, что 12 из 40 лексем (33%) являются производными от диалектного ИЕ архетипа и имеют континуанты только в языках

⁴ По мнению Г. А. Климова, «материал *общекартвельского* уровня не обнаруживает (за редким исключением) сколько-нибудь заметного тяготения к формам каких-либо известных ветвей индоевропейских языков» (Климов 1994: 209). Это свидетельствует, по нашему мнению, о присутствии рядом с пракартвелами либо носителей индоевропейского праязыка, что могло быть вне Кавказа; либо носителей общности языков-диалектов, еще близких к праиндоевропейскому, ко времени начала ИЕ миграций на восток.

«древнеевропейского», по Г. Крае, ареала. 5 из 40 лексем (12%) имеют континуанты только в индоиранских, иранских, индоарийских языках. 6 из 40 лексем имеют континуанты как в индоиранских, так и в древнеевропейских языках. Шесть из 40 лексем имеют континуанты только в греческом и древнеевропейских языках. 12 из 40 лексем имеют продолжения в хеттском+ древнеевропейских+индоиранских+ тохарских.

Таблица 1

Извлечение из грузинско-занского фонда
древнейших индоевропеизмов
с континуантами только в «древнеевропейских языках»

№№ стр. (Климов 1994)	Груз.-занский архетип	ИЕ языки с континуантами картвело-и.е. архетипа
101	‘безрогий’	лит., лтш.
103	‘сбивать масло’	неиндоарийский антецедент
108	‘лоза’	славянский
110	‘жаба’	широкая изолекса в балто-слав., герм., итальянских
112	‘поросенок’	ИЕ лексема со значением ‘теленки’, отчетливые продолжения есть в вост.-лит., слав.
118	круглый	греч., лат., лит., нем.
119	‘срывать плоды’	лит., лат., др.-в. нем.
124	‘лиса’	гот., др.- ирл.
133	‘бронза’	лат., лит.
146	‘гнилой’	итал., кельт.
156	‘обух топора’	кельт.-итал., балто-слав. континуанты ПИЕ основы ‘ковать, ударять’
163	‘журавль’	греч., лат., лит., лтш., др.-рус.

Особого внимания заслуживает грузинско-занская основа ‘обух топора’, имеющая континуанты в кельтских, итальянских, германских и балто-славянских ветвях индоевропейского пра-

языка, но не имеющая соответствия в греко-арийских языках (Климов 1994: 156), причем, фонетически и семантически эта основа особенно близка к славянской.

Эти лингвистические данные позволяют датировать появление праиндоевропейцев/древнеевропейцев на Северном Кавказе не позднее 19 в. до н. э., Предположительно соответствующая носителям ИЕ языков «древнеевропейского» ареала (кельто-италийских, германских и балто-славянских диалектов) культурно-историческая общность культуры воронковидных кубков (КВК), культуры шаровидных амфор (КША) и культуры шнуровых керамик (КШК) сохранялась в Европе также только до конца III тыс. до н.э. (Сафронов 1989).

Таблица 2

Извлечение из фонда доисторических
картвельских индоевропеизмов с континуантами только в
«древнеевропейских» языках

№№ стр. (Климов 1994)	Перевод картвелло-и.е. архетипа	И.Е. языки с континуантами картвелло-и.е. архетипа
172	мальчик, сын	ст.-лит., лтш., гот., др.исл.
174	небольшая возвышенность	лит., лтш., др.в.-нем., др.-исл.
178	впадина, низина	лит., лтш.
179	осетр	лит., лтш.
182	шершень, овод	балт., герм., слав., тох.?
183	желудь, дуб	кельт., итал., кельто-итал.
184	ключ, запор	кельт., итал., балт., слав., герм., греч.
186	грязь	др.-исл.
187	благодарение, милость	балт. формы
193	сени	алб., герм. и балто-слав.
197	теленочек однолетний	герм.
199	рог	кельт., герм.
201	ил, тина	лат., балт., герм.
202	жена дяди	слав.
204	пиявка	герм., балто-слав.
204	клубника	балт., герм., итал.

16 из 41 лексемы (т. е. 39 %) фонда «доисторических» картвельских индоевропеизмов происходит из диалектного индо-

европейского архетипа, который можно назвать «древне-европейским», учитывая, что его континуанты зафиксированы в балтийских, германских, кельтских, иллирийском (албанском), латинском языках «древнеевропейского» ареала. Это самая большая группа картвельских индоевропеизмов, которая имеет продолжение в европейских языках.

Остальные 23 из 41 лексемы распределяются по признаку языка, в котором имеются континуанты картвельского индоевропеизма, следующим образом. 6 из 41 лексемы (14%) имеют продолжение в индоиранских и древнеевропейских языках. 7 из 41 лексемы (17%) имеют продолжение только в индоиранских (иранские+индо-арийские) языках.

9 из 41 лексемы (21%) имеют рефлексy во многих индоевропейских языках-диалектах. 5/41 – (12%) имеет континуанты в греческом и в одном из древнеевропейских языков.

В целом, анализ данных Г. А. Климова показывает, что почти половина индоевропеизмов в картвельских языках появилась за счет контактов с индоевропейцами, которые в историческую эпоху занимали территории на севере Центральной Европы (от Рейна до Днепра). Северный Кавказ заселялся индоевропейцами в несколько этапов.

Со второй половины III–до середины II тыс. до н.э. история Северного Кавказа оказывалась несколько раз напрямую связанной с древней историей Европы. Выделяется три этапа миграций населения Центральной Европы, сформировавшего этнокультурное пространство центрального Северного Кавказа в бронзовом веке (Николаева 2011: 182).

1 этап влияния этнокультурных процессов в Центральной Европе на формирование раннебронзового века на Северном Кавказе выразился в появлении двухосновной культуры поселений предмайкопского горизонта с керамикой с накольчато-жемчужной орнаментацией, связанной с зооморфными конеголовыми скипетрами. Будучи причастными по хронологии и содержанию к горизонту Чернавода I – Сэлкуца IV– Болераз/Баден, они разделяют и лингвистическую атрибуцию этого горизонта, с долей *условности*, как греко-арийскую (Сафронов 1989). С другой стороны, скипетры и керамика, их сопровождающая, маркируют те памятники, которые стали исходными для афанасьевской культуры, неизменно называемую археологическим эквивалентом пратохар или близкой к ним несохранившейся диалектной группы (Даниленко 1974; Сафронов 1989;

Козинцев 2009 и другие). *Это, по крайней мере, говорит о близких по времени миграциях ариев и пратохар. «Тохарский след» есть в древнейших индоевропеизмах в картвельском* (Климов 1994: 124, 126, 182, 188).

2 этап влияния на Северный Кавказ этнокультурных процессов в Центральной/Восточной Европе (трансформация культуры Триполье «В» (прахетты) вследствие инфильтрации групп культур КВК, КША, КШК («древнеевропейцев») и образование в этой области ряда памятников Триполья «С») выразился в появлении комплекса гробниц у ст. Новосвободной, который однокультурен с инновационной («древнеевропейской») компонентой в поздне трипольских памятниках усатовского и касперовского типа. В этот период на Северном Кавказе появились также и индоарии (кубано-днепровская культура с повозками). Синкретичные памятники с повозками и новосвободненскими амфорами и кубками (Нижнее Прикубанье, Крупская 1981, 3/16; Николаева 2007 рис. 4) свидетельствует об определенном симбиозе между этими ИЕ группами: индоариями и «древнеевропейцами», что с лингвистической точки зрения находит выражение в континуантах картвельского архетипа как в индоарийском, так и в славянских, германских, балтских языках.

Таким образом, новосвободненская и кубано-днепровская культуры могут рассматриваться как археологический эквивалент индо-хетто-древнеевропейского союза, если мы принимаем тезис, что Кукутени А-Триполье В и Гумельница – археологический эквивалент соответственно хеттскому и лувийскому диалектам анатолийской языковой общности (Николаева 2011:192).

3 этап влияния этнокультурных процессов в Европе на культурное пространство Северного Кавказа выразился в перманентном формировании культуры среднебронзового века в центральной части Северного Кавказа. Корни выделенной нами предгорной кубано-терской культуры (21–13 вв. до н. э.), хронологически граничившей с культурой Новосвободной, уходят в область тех же «древнеевропейских» культур – культур шаровидных амфор и шнуровых керамик на пограничье Центральной и Восточной Европы (Николаева 2011: 514–517).

Кубано-терская культура принадлежит к индоевропейским культурам, поскольку в своей исходной форме (Николаева 2011: 468–1) является результатом процесса миксации культуры

шаровидных амфор и шнуровых керамик, происходящих от праиндоевропейской/древнеевропейской культуры воронковидных кубков Сафронов 1989). Кубано-терская культура оформлялась на Северном Кавказе, включая такие компоненты, как *куроаракскую (картвельскую)*, продвинувшуюся из Закавказья в среднегорье центральной части Северного Кавказа, и *стенную кубано-днепровскую (индоарийскую)* из Прикубанья. Усиление «центральноевропейской» индоевропейской компоненты в Предкавказье и на Северном Кавказе происходит с распространением в начале II тыс. до н. э. из районов Северо-Западной Франции (культура СУМ в области исторических кельтов) через Малопольшу (культура Злота) новой формы могилы – катакомбы – ставшей основной характеристикой катакомбных культур юга Восточной Европы. Лингво-культурная атрибуция ранних катакомбных памятников Кавказа будет смешанной, поскольку другие составляющие обряда погребения принадлежат культуре субстрата.

Таким образом, индоевропейская атрибуция памятников бронзового века западной и центральной части Северного Кавказа, исходя из атрибуции их исходных форм и компонентов центральноевропейского происхождения, согласно концепции о прародинах праиндоевропейцев В. А. Сафронова, подтверждается. Кроме того, лингвистическая идентификация этих культур уточняется данными ареальной лингвистики, в рамках которой выявляются древнейшие индоевропеизмы в северокавказских (Старостин 1988: 112–163; 2007: 312), картвельских (Климов 1994) языках и «древнеевропеизмы» в осетинском языке (Абаев 1965).

Литература

- Абаев 1965 – Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
Гамкрелидзе, Иванов 1984 – Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1–2. Тбилиси, 1984.
Гимбутас 2006 – Гимбутас М. Цивилизация Великой богини: мир Древней Европы. М., 2006.
Дыбо В. А. Язык – этнос – археологическая культура // Язык, этнос, культура. М., 1994.
Дыбо, Терентьев 1998 – Дыбо В. А., Терентьев В. А. Ностратические языки // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1998.
Дьяконов 1982 – Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // Вестник Древней истории, № 3. С. 3–30; № 4. С. 11–25.

- Иллич-Свитыч 1971 – Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (b-Қ). М. 1971.
- Иллич-Свитыч 2009 – Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский. Введение. Сравнительный словарь (b-Қ). Вступительная статья В. А. Дыбо. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
- Климов 1994 – Климов Г. А. Древнейшие индоевропейские языки картвельских языков. М.: Наследие, 1994.
- Козинцев 2009 – Козинцев А. Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // Археология, этнография и антропология Евразии. Вып. 4 (40). Новосибирск, 2009. С. 125–136.
- Николаева 2006 – Николаева Н. А. Древнеевропейцы на Северном Кавказе // Вестник Московского гос. обл. университета. Серия «История и политические науки». №1. М., 2006. С. 3–12.
- Николаева 2007 – Николаева Н. А. Индоарии на Северном Кавказе // Вестник Московского гос. обл. университета. Серия «История и политические науки. №1. М., 2007. С. 3–26.
- Николаева 2010 – Николаева Н. А. Четыре прародины индоевропейцев в концепции В. А. Сафронова // Индоевропейская история в свете новых исследований. М.: Изд-во Московского государственного областного университета, 2010. С. 58–73.
- Николаева 2011 – Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М., 2011.
- Николаева, Сафронов 1983 – Николаева Н. А., Сафронов В. А. Проблема появления колесного транспорта в Европе. Древнейшие повозки Восточной Европы. Выделение кубано-днепровской культуры – культуры древнейших кочевников Восточной Европы // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983. С. 43–83.
- Николаева, Сафронов 1999 – Николаева Н. А., Сафронов В. А. Истоки славянской и евразийской мифологии. М.: Белый волк, 1999.
- Сафронов 1983 – Сафронов В. А. Проблемы индоевропейской прародины. Орджоникидзе. 1983.
- Сафронов 1989 – Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький. 1989.
- Старостин 1988 – Старостин С. А. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. М. Наука. 1988. С. 112–163
- Старостин 2007 – Старостин С. А. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Труды по языкознанию. М., 2007.
- Трубачев 1999 – Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999.
- Трубачев О. Н., Шапошников А. К. Этимологический словарь языковых реликтов INDOARICA // Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999. С. 220–319.

- Шрамм 1997 – Шрамм Готфрид. Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М.: Eastern Communication, 1997.
- Bomhard 1990 – Bomhard A. R. A survey of the comparative phonology of the so-called “Nostratic” Languages // *Ph.Baldi* (Ed.) Trends in Linguistics. Studies and Monographs 45 / Linguistic Change and Reconstruction Methodology. Berlin-New York. 1990.
- Krahe 1962– Krahe H. Die Struktur der alteuropäischen Hydronimie.// Akademie der Wissenschaft und der Literatur. Abhandlungen des Geistes-und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Wiesbaden. 1962. № 5 .
- Krahe 1964 – Krahe H Unsere ältesten Flussnamen. Wiesbaden, 1964.
- Mallory 1989 – Mallory J. P. In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. London: Thames&Hudson. 1989.
- Renfrew 1987 – Renfrew C. Archaeology and Language. The Puzzle of the Indoeuropean Origin. London, 1987.

Nadezhda A. Nikolaeva. The Indo-Europeans in the North Caucasus (III–II mill. B.C.) in the light of linguistic and archaeological data

The Indo-European loanwords in the Kartvelian languages that were gathered and classified by G. A. Klymov witness that the Indo-Europeans arrived to the Caucasus at the end of the 3rd millenium B.C. These events coincide with the appearance of Bronze Age cultures in the Northern Caucasus such as the Novosvobodnaya, Kuban-Terek, and Catacomb cultures. The creators of these cultures came from the north of the Central Europe and, based on both linguistic and archaeological data, can be described as people of the Indo-European-speaking origin.

Б. М. Никольский

ДВОЙНОЙ αἰδώς В «ИППОЛИТЕ» ЕВРИПИДА

Резюме. Статья посвящена одному из ключевых понятий в «Ипполите» Еврипида – αἰδώς. Автор предлагает новую интерпретацию рассуждения Федры о двойном αἰδώς (Hipp. 375–390). Согласно этой интерпретации, Федра говорит о том, как αἰδώς, обычно хорошее и достойное чувство, в некоторых ситуациях и при определенном стечении обстоятельств (καίρως) оказывается злом, желание проявить αἰδώς становится тогда опасным искушением, которому следует противостоять, сохраняя верность своим сознательным моральным решениям. Рассуждая об амбивалентности αἰδώς, Федра анализирует частную ситуацию, в которой она оказалась в первом эпизоде, но создаваемая ею модель оказывается по крайней мере частично применима и к другим драматическим положениям, становясь общим законом, характеризующим нравственный мир трагедии.

Ключевые слова: трагедия, Еврипид, социальная добродетель, целомудрие, уважение, амбивалентность

Слово αἰδώς и родственный ему глагол αἰδέομαι встречаются в трагедии «Ипполит» несколько раз, и, что еще важнее, это понятие лежит в основе практически каждой ситуации и определяет многие поступки персонажей. Семантика и функционирование данного понятия в трагедии, таким образом, представляет собой проблему, разрешение которой может пролить свет на некоторые важные стороны общего замысла произведения. Однако прежде чем перейти к исследованию данной темы, стоит сделать несколько замечаний о значении и употреблении слова αἰδώς в Афинах 5 в. до н. э.

В самом общем смысле, αἰδώς обозначало чувство, продиктованное пониманием человеком своего места в социальной структуре и своих обязанностей по отношению к другим (см., напр., Redfield 1975: 118). Эта социальная направленность αἰδώς могла быть двойной: αἰδώς предполагал внимание к статусу других людей и, подобно нашему понятию «стыда перед кем-то», внимание к мнению других о своих собственных поступках.

Существовал некоторый набор типичных ситуаций, к которым это понятие применялось особенно часто, и весь этот набор мы встречаем в тех или иных трагедиях Еврипида. αἰδώς мог

проявляться в почтении к богам («Вакханки» 263), в соблюдении обязанностей по отношению к близким, например, к другу и гостю («Алкеста» 601, 857), к родственникам («Гераклиды» б), сына к отцу («Алкеста» 601), мужа к жене («Медея» 439). Особой сферой проявления αἰδώς было уважение к просителям («Медея» 326, 349, «Гераклиды» 101). Часто αἰδώς получал значение морального самоограничения, удерживающего от поступков, способных причинить ущерб достоинству других или собственному достоинству перед лицом других – например, от трусости на войне («Гераклиды» 813). Одной из важнейших сфер такого самоограничения оказывается сфера сексуальная, так что αἰδώς регулярно имеет значение целомудрия и скромности (ср., напр., «Ифигения в Авлиде» 821, 833, 839), оказываясь синонимом слову σωφροσύνη (ср. Платон «Хармид» 160e, 161a, «Федр» 253d-e).

В большинстве своих употреблений αἰδώς противоположен понятию ὕβρις. В основе ὕβρις также лежит идея собственного и чужого статуса, но если αἰδώς подразумевает правильное их разграничение, обусловленное вниманием к чужому статусу, то ὕβρις, напротив, предполагает чрезмерное самоутверждение, унижающее достоинство других. В той же мере, в которой αἰδώς коннотирует с самоограничением, ὕβρις связан с самопроизволом или попустительством себе, и потому может стать антонимом к αἰδώς и σωφροσύνη в смысле воздержности, целомудрия и скромности, принимая значение душевной разнузданности и распущенности, в частности, в сексуальной сфере.

Как мы видим, понятие αἰδώς было приложимо к разнообразным ситуациям, получая в них различные смыслы. В 5 в., однако, в философской литературе αἰδώς начинает осмысляться как единое понятие и входит в формулируемую в это время систему общественных и политических добродетелей. Например, в мифе о происхождении политических добродетелей, который Платон вкладывает в уста Протагора в одноименном диалоге и который, возможно, до некоторой степени воспроизводит идеи и рассуждения самого Протагора, в качестве двух добродетелей, данных людям Зевсом с тем, чтобы они научились жить общественной жизнью, выступают δίκη и αἰδώς.

Часто исследователи отмечают в «Ипполите» только одну, сексуальную, форму αἰδώς. Тем самым, драматическим центром трагедии представляется конфликт излишнего целомудрия с силой эроса. Сложно отрицать, что этот конфликт присутствует

в драме и занимают важное место в ее структуре. Однако, как я попытаюсь показать, импликации понятия αἰδώς в трагедии значительно шире и разные его значения сознательно связываются автором, так что оно выступает в своем самом общем смысле социального чувства или социальной добродетели. Различные частные формы, которые принимает это понятие в ходе трагедии, служат для того, чтобы выявить разные, часто противоположные и конфликтующие аспекты этой добродетели.

Слова αἰδώς и αἰδέομαι появляются в трагедии в различных ситуациях, выражая самые разные аспекты социального чувства. В прологе Ипполит наделяет αἰδώς нетронутый луг, посвященный Артемиде. За этим лугом, срывать цветы на котором дозволено лишь тому, кто от природы наделен σωφροσύνη (81), возвращает αἰδώς (αἰδώς δὲ ποταμίαισι κητεύει δρόσοις, 79). Αἰδώς, выступающий здесь в паре с σωφροσύνη, обозначает главное свойство самих Артемиды и Ипполита – их сексуальную чистоту.

Затем в первом эпизоде Федра стыдится своего любовного безумия, заставившего ее рассказать о тайных желаниях перенестись в мир дикой природы, где пребывает ее возлюбленный Ипполит. Свой стыд Федра называет глаголом αἰδέομαι (αἰδοῦμεθα γὰρ τὰ λελεγμένα μοι, 244), который в данном контексте вновь ассоциируется с идеей сексуальной чистоты.

Тот же целомудренный αἰδώς приводит Федру к самоубийству; по словам хора, она убивает себя, «устыдившись своего отвратительного жребия» (δαίμονα στῦνὸν καταδεσθεῖσα, 772)

Однако αἰδώς применяется в «Ипполите» и к иным ситуациям, не связанным с целомудрием. В первом эпизоде Федра обозначает глаголом αἰδέομαι чувство, заставляющее ее удовлетворить настойчивые просьбы кормилицы и рассказать ей о причине своей болезни – любви к Ипполиту: δώσω· σέβας γὰρ χεῖρὸς αἰδοῦμαι τὸ σόν «Я уступлю, потому что я уважаю твою почтенную руку» (335). Здесь мы сталкиваемся с другим традиционным случаем αἰδώς – с проявлением уважения к просителю.

Еще один раз глагол αἰδέομαι появляется в конце драмы, отмечая постепенный переход в умонастроении Тесея: сначала, узнав об исполнившемся наказании Ипполита, Тесей выказывает радость, но услышав подробный рассказ об этом наказании, выказывает сочувствие, продиктованное αἰδώς:

... νῦν δ' αἰδούμενος
 θεούς τ' ἐκεῖνόν θ', οὐνεκ' ἐστὶν ἐξ ἐμοῦ,
 οὐθ' ἡδομαι τοῖσδ' οὔτ' ἐπάχθομαι κακοῖς

«Теперь, испытывая αἰδώς
 К богам и к нему, поскольку он рожден мною,
 Я не радуюсь этим несчастьям, хотя и не скорблю о них» (1258–60).

В большинстве других драматических ситуаций слово αἰδώς не употребляется, но тем не менее подразумевается, поскольку все они являются примерами наиболее типичных импликаций этого понятия. К такого рода ситуациям относятся: почтительность Ипполита к Артемиде, наиболее выразительно показанная в прологе; дружеская забота кормилицы о Федре; верность Ипполита данной им клятве кормилице; наконец, финальное прощение Ипполитом Тесея. С другой стороны, некоторые поступки персонажей оказываются противоположны αἰδώς, обладая признаками ὑβρις. Таковы надменность Ипполита по отношению к Афродите и к женщинам, сводничество кормилицы, противоречащее заботе о сексуальной чистоте, клевета Федры на Ипполита и убийство Ипполита Тесеем.

Чтобы разобраться в семантических особенностях употребления слова αἰδώς, имеет смысл сначала обратиться к центральному в трагедии моральному рассуждению, имеющему своей темой αἰδώς – к главному монологу Федры в первом эпизоде; тем более что именно на той или иной интерпретации этого монолога основывают свои выводы о роли αἰδώς в драме большинство исследователей.

В начале монолога Федра говорит:

ἤδη ποτ' ἄλλως νυκτὸς ἐν μακρῶι χρόνῳι
 θνητῶν ἐφρόντισ' ἦι διέφθαρται βίος.
 καί μοι δοκοῦσιν οὐ κατὰ γνώμης φύσιν
 πράσσειν κάκιον· ἔστι γὰρ τό γ' εἶδη φρονεῖν
 πολλοῖσιν· ἀλλὰ τῆιδ' ἀθρητέον τόδε·
 τὰ χρήστ' ἐπιστάμεσθα καὶ γινώσκομεν,
 οὐκ ἐκπονοῦμεν δ', οἱ μὲν ἀργίας ὑπο,
 οἱ δ' ἡδονὴν προθέντες ἀντὶ τοῦ καλοῦ
 ἄλλην τιν'· εἰσὶ δ' ἡδοναὶ πολλαὶ βίου,
 μακράι τε λέσχαι καὶ σχολή, τερπνὸν κακόν,
 αἰδώς τε· δισσαὶ δ' εἰσὶν, ἡ μὲν οὐ κακή,
 ἡ δ' ἄχθος οἴκων· εἰ δ' ὁ καιρὸς ἦν σαφής,

οὐκ ἄν δὴ ἦσθιν ταῦτ' ἔχοντε γράμματα.
 ταῦτ' οὖν ἐπειδὴ τυγχάνω φρονοῦσ' ἐγώ,
 οὐκ ἔσθ' ὁποῖωι φαρμάκωι διαφθερεῖν
 ἔμελλον, ὥστε τοῦμπάλιν πεσεῖν φρενῶν.

«Уже как-то в долгие ночные часы
 Я размышляла о том, что губит жизнь смертных.
 И мне кажется, дела их плохи
 Не от природы их сознательных намерений, ведь думать правильно
 Свойственно многим. Нет; вот как нужно на это взглянуть:
 Мы понимаем и знаем благо,
 Но не стараемся, кто-то от лени,
 Кто-то, поскольку предпочитает нравственно прекрасному
 Какое-либо другое наслаждение. Есть много наслаждений в жизни:
 Долгие беседы и досуг, приятное зло,
 И αἰδώς. Их два, один не плох,
 Другой – тягость для дома. А если был бы ясен момент,
 Их не было бы два с одинаковым названием.
 Ну так вот, поскольку таковы мои мысли,
 Никакое зелье не смогло бы их погубить
 И вернуть меня к прежним взглядам» (375–90).

Этот пассаж стал предметом особого внимания ученых; ему одному посвящено едва ли не больше исследований, чем всему остальному тексту «Ипполита». Одна из главных причин полемики по поводу этих строк, заключается в том, что αἰδώς помещен здесь в парадоксальный контекст: понятие это, обозначающее добродетель, неожиданно противопоставлено моральному благу – «нравственно-прекрасному» (τὸ καλόν), и названо наслаждением. Кроме того, в объяснении нуждается замечание Федры о двойном αἰδώς.

Прежде чем обратиться к интерпретации необычной характеристики αἰδώς, необходимо сказать несколько слов об общем моральном содержании данного рассуждения в целом. В основе его лежит противопоставление двух сил, управляющих человеческими поступками – сознательной моральной воли (γνώμη) и наслаждения (ἡδονή). Случай, который описывает Федра, являет собою пример ἀκρασία «несдержанности»: человек сознает, в чем состоит правильное и нравственное поведение, но наслаждение ослабляет его волю, заставляя совершать неверные поступки.

Описание ἀκρασία, содержащее антитезу γνώμη / ἡδονή, нередко встречается в текстах философов 5 и 4 вв. Например, Платон обсуждает эту антитезу в «Протагоре», представляя ее общепринятым мнением (353b-c), и ставит под сомнение ее справедливость, пытаясь доказать, что все проступки людей обусловлены ошибками их γνώμη¹.

Из некоторых контекстов у афинских ораторов становится ясно, что наслаждение, в отличие от негативных эмоций, также создающих ἀκρασία – таких, как страх или скорбь – служило обычно отягчающим обстоятельством, и случаи ἀκρασία, в которых реализации правильной моральной воли препятствовало наслаждение, заслуживали осуждения.

Этот общий фон позволяет определить интенцию рассуждения Федры. Ошибки людей, по ее мнению, происходят не от их совершенной моральной испорченности, не от их неверных моральных представлений. Сознательная нравственная воля обращена обычно на благо, однако реализации этой воли препятствует иной, внешний фактор. Этим фактором, впрочем, оказывается не та сила, противостоять которой невозможно, которая заставляет признать поступок невольным и потому оправдать его – не сильные негативные эмоции, незнание или стечение обстоятельств, – но наслаждение, не снимающее ответственности за проступок. Федра видит в уступке наслаждению лишь слабость моральной воли (οὐκ ἐκπονοῦμεν); эту волю следует напрячь, и тогда удастся преодолеть искушения.

Такой смысл рассуждения Федры, естественно, должен быть подчинен драматической логике и обусловлен ситуацией, в которой оказывается в этот момент героиня. Отсылка к нынешнему положению Федры содержится в употребленном ею слове ἄλλως во фразе

ἤδη ποτ' ἄλλως νυκτὸς ἐν μακρῶι χρόνῳι
θνητῶν ἐφρόντισ' ἦι διέφθαρται βίος (375–6).

¹ Я не касаюсь здесь часто обсуждавшегося вопроса о том, можно ли видеть в словах Федры ответ на точку зрения Сократа, изложенную в «Протагоре» (Snell 1948: 125 ff., 1964: 23 ff., Dodds 1951: 186 f., Irwin 1983: 183–197, Holzhausen 1995: 33–35). Я не вижу оснований предполагать, что слова Федры отсылают к высказыванию Сократа (см. убедительную, по моему мнению, критику этой точки зрения Барреттом, Barrett 1964: 228–229); но, в любом случае, решение этого вопроса не столь важно для интерпретации «Ипполита».

Как показал Барретт на нескольких аналогичных примерах², слово ἄλλως имеет коннотацию «и вообще», т. е. подчеркивает, что общие соображения, к которым Федра пришла прежде, так или иначе подтверждаются ее собственным случаем. Независимо от того, насколько это рассуждение вызвано предшествующими поступками Федры, о чем я скажу немного позже, оно, во всяком случае, связано со следующей частью ее монолога, где заходит речь о новом поступке, который решается совершить героиня – о ее самоубийстве. Именно мысль о самоубийстве является главной во второй части монолога, и именно самоубийство связывается в сознании Федры с моральным благом (τὸ καλόν, 382), представляясь ей единственным нравственно правильным выбором:

... καθαναεῖν ἔδοξέ μοι,
κράτιστον (οὐδεὶς ἀντερεῖ) βουλευμάτων (401-2, ср. 419-21).

Потому главной интенцией рассуждения Федры должно быть выражение ее готовности с крайним упорством и до конца (ср. ἐκπονοῦμεν) следовать своему сознательному моральному выбору, заключающемуся в самоубийстве.

Теперь обратимся к части пассажа, где перечислены наслаждения (ἡδοναί) – искушения, которые могут мешать осуществлению нравственного замысла. Необычность списка наслаждений (ἀργία ‘праздность’, μακρὰὶ λέσχαὶ ‘длинные разговоры’, σχολή ‘досуг’ и αἰδώς) заставляет исследователей по возможности его сокращать. Барретт, например, оставляет среди наслаждений только μακρὰὶ λέσχαὶ и σχολή, которые названы сразу после фразы εἰςὶ δ' ἡδοναὶ πολλαὶ βίου, а второе к тому же и прямо охарактеризовано как τερπνὸν κακόν. ἀργία исключается Барреттом на том основании, что ἄλλην τινά может означать не только «другое [наслаждение]», но и «другое [а именно наслаждение]», и потому фразу можно понимать как «одни от праздности, другие – предпочтя моральному благу нечто другое, а именно, наслаждение», не относя к наслаждением праздность. Ковач возражает на это довольно убедительным аргументом, замечая, что в большинстве примеров

² См. Barrett 1964: 227, on 375, где в качестве параллелей к подобному употреблению ἄλλως приводятся Платон «Теэтет» 172e, «Законы» 650a, Эсхил «Хоэфоры» 680.

употребления подобной конструкции ἄλλος стоит близко к управляющему слову, в то время как здесь оно помещено в эмфатический hyperbaton³. К этому можно добавить также, что если наслаждением несомненно названо σχολή, зачем тогда нужно отделять от наслаждений весьма близкое ему понятие ἀργία? Кроме ἀργία, Барретт исключает из числа наслаждений и αἰδώς. По его мнению, αἰδώς τε в начале ст. 385 не следует относить в качестве однородного члена к примерам ἡδοναί в ст. 384, но необходимо считать логическим продолжением конструкции в 382–3: οἱ δ' ἡδονὴν προθέντες ἀντὶ τοῦ καλοῦ ἄλλην τιν'. αἰδώς τε в таком случае должно заменять подразумеваемую фразу οἱ δ' αἰδῶ προθέντες; такое изменение грамматической конструкции Барретт объясняет влиянием группы номинативов в ст. 383–4: «Она [Федра], как и публика, уже забыла, какова была грамматическая конструкция в более ранней части списка, и добавляет αἰδώς так, будто бы весь список стоял в номинативе» (Barrett 1964: 230, ст. 381–5). Ковач справедливо оспаривает этот аргумент: «И мы – публика, и «она» должны быть исключительно забывчивыми, чтобы полтора стиха простых согласованных номинативов могли заставить нас забыть конструкцию». Кроме того, как убедительно замечает Ковач, едва ли кто-либо из публики мог, услышав αἰδώς τε, понять эти слова в значении οἱ δ' αἰδῶ προθέντες – поскольку αἰδώς связывается союзом τε с предыдущим стихом, и соединительный союз τε не может замещать разделительное οἱ δ' (Kovacs 1980: 288).

Очевидно, что в обоих случаях, и с ἀργία, и с αἰδώς, приводимые Барреттом грамматические аргументы должны убеждать не сами по себе. Они лишь дают ему возможность прочесть предложение иначе, не относя эти два понятия к наслаждениям; исходит же он из предполагаемой им логической необходимости исключить ἀργία и αἰδώς из наслаждений.

Если не принимать интерпретацию Барретта, мы остаемся перед проблемой достаточно своеобразного и необычного перечня наслаждений. Кроме того, в любом случае требует объяснения, почему αἰδώς противопоставлен моральному благу

³ Kovacs 1980: 293. Примеры отделения ἄλλος от управляющего слова, конечно, есть (ср., напр., Od. 6.84: ἄμα τῇ γε καὶ ἀμφίπολοι κίον ἄλλαι), однако нигде мы не встречаем столь подчеркнутого отделения как в данном месте.

(τὸ καλόν) и какой смысл Еврипид может вкладывать в слова о «двойном αἰδώς» в 383–7.

Способ решить почти все эти проблемы сразу предложил Уиллинк (Willink 1968), которому последовали Клаус (Claus 1972) и затем Ковач, дополнивший филологические аргументы своих предшественников некоторыми общими соображениями о поведении и характере Федры. Этот способ заключается в радикальной реинтерпретации всей фразы. Прежде всего, они предлагают понимать под ἄλλην τινά «другое» по отношению не к ἀργία, а к τὸ καλόν, усматривая в τὸ καλόν обозначение одного из наслаждений. В качестве параллели к такой характеристике τὸ καλόν Клаус приводит фрагмент Демокрита 68B207 ἡδονὴν οὐ πᾶσαν, ἀλλὰ τὴν ἐπὶ τῷ καλῷ αἰρεῖσθαι χρεών «Нужно выбирать не всякое наслаждение, а наслаждение нравственно-прекрасным». Ковач упоминает также рассуждение Аристотеля о том, что добродетельный человек получает наивысшее наслаждение от добродетельных поступков (EN 1099a7 сл.); к этим параллелям можно было бы добавить выражение, вложенное Платоном в уста Протагора («Протагор» 351b): Τὸ μὲν ἄρα ἡδέως ζῆν ἀγαθόν, τὸ δ' ἀηδῶς κακόν. – Εἴπερ τοῖς καλοῖς γ', ἔφη, ζῶν ἡδόμενος «Жить в наслаждениях – это благо ... если жить, наслаждаясь нравственно-прекрасным».

Вторая идея Уиллинка дополняет первую: он предлагает относить δισσοί не к αἰδώς, а к ἡδοναί. Тогда оказывается, что некоторые наслаждения, или, точнее, некоторые предметы наслаждения, такие как μακρὰι λέσσαι и σχολή, являются дурными, в то время как другие, т. е. τὸ καλόν, благими. При таком прочтении αἰδώς, естественно, должно быть связано с τὸ καλόν и отнесено к благим наслаждениям⁴.

Это толкование позволило Ковачу увидеть в словах Федры утверждение ее морального кредо – признание τὸ καλόν и αἰδώς

⁴ Едва ли заслуживает специального обсуждения и опровержения точка зрения В. Н. Ярхо, который вслед за Уиллинком относит «два» к наслаждениям, но, в отличие от Уиллинка, хочет видеть благие наслаждения в долгих беседах и досуге, а дурное наслаждение – в αἰδώς: «На наш взгляд, Федра мыслит прямо противоположным образом: с ее, женской, точки зрения, в долгих беседах и досуге едва ли может быть какой-нибудь вред для дома; это – невинные развлечения греческой женщины, замкнутой на всю жизнь в четырех стенах гинекея» (Ярхо 2004: 211). У Еврипида досуг вполне определенно назван злом (τερπνὸν κακόν).

безусловными ценностями: «Речь Федры показывает ее решительной женщиной, ясно понимающей моральные проблемы, с которыми она сталкивается, готовой к активным действиям. У нее ясное видение ... того способа поведения, который необходим, чтобы достичь в жизни τὸ καλόν» (Kovacs 1980: 300).

Интерпретация Уиллинка, Клауса и Ковача позволяет снять большинство вопросов, которые ставит перед нами данный пассаж. В нем нет больше парадоксального противопоставления αἰδώς и τὸ καλόν, мы не должны искать варианты для хорошего и дурного αἰδώς, получает смысл включение αἰδώς в число наслаждений, и, наконец, таким способом удается объяснить слова ἄλλην τινά, не относя к наслаждениям ἀργία. И все же, при всех очевидных выгодах этого толкования, против него можно привести некоторые возражения, которые не позволяют его принять.

Во-первых, характеристика τὸ καλόν как ἡδονή всюду, где она появляется, выглядит особым философским тезисом, а не общепринятым мнением. Как кажется, философы специально показывают, что можно получать наслаждение, причем наивысшее наслаждение, от нравственных поступков, а отнюдь не обращаются к этой идее как распространенной и всем известной. Еврипид, конечно, не раз вводит в свои драмы современные философские взгляды, однако они нуждаются в некотором пояснении; фраза же οἱ δ' ἡδονὴν προθέντες ἀντὶ τοῦ καλοῦ ἄλλην τινά «другие – предпочтут морально прекрасному какое-либо другое наслаждение» может быть прочитана предложенным способом, только если отнесение τὸ καλόν к ἡδονή представляется всем зрителям естественным, несомненным и не вызывающим вопросов.

Второе, более сильное возражение состоит в том, что интерпретация Уиллинка разрушает общую логику морального рассуждения Федры. Как я попытался показать, оно основано на достаточно распространенной антитезе двух разных мотиваций человеческих поступков – γνώμη и ἡδονή; γνώμη обычно направлено на благо, а ἡδονή представляет собой иной, отличный от сознательной моральной воли мотив, руководствуясь которым человек совершает дурные поступки. Если отнести τὸ καλόν к ἡδονή, то окажется, что в некоторых случаях и наслаждение, и γνώμη мотивируют одни и те же правильные нравственные поступки, и тогда используемая Федрой антитеза теряет свой смысл.

Несколько возражений можно высказать и против отнесения δισσαί к ἡδοναί. Во-первых, странным выглядит единственное число во фразе ἡ μὲν οὐ κακή, ἡ δ' ἄχθος οἴκων «одно не плохо, другое – тягость для дома», особенно после утверждения εἰσὶ δ' ἡδοναί πολλὰ βίου «есть много наслаждений в жизни». Во-вторых, в предложении δισσαί δ' εἰσίν, ἡ μὲν οὐ κακή, ἡ δ' ἄχθος οἴκων логический акцент сделан на втором члене противопоставления, т. е., если речь идет здесь о наслаждениях, на наслаждении дурном – иначе первый член не был бы определен лишь отрицательным образом (οὐ κακή). Если же встать на точку зрения Уиллинка – Клауса – Ковача и полагать, что смысл пассажа – в том, чтобы утвердить αἰδώς и τὸ καλόν в качестве истинной моральной ценности, признав его правильным и хорошим наслаждением, акцент должен был бы падать не на дурные, а на благие наслаждения, и они должны были бы получить не отрицательное, а положительное определение. В-третьих, данная интерпретация совершенно лишает смысла высказывание про καῖρός, который служит критерием для различения между дурным и благим видом: εἰ δ' ὁ καῖρός ἦν σαφής, οὐκ ἂν δὴ ἦσθην ταῦτ' ἔχοντε γράμματα «А если был бы ясен момент, их не было бы два с одинаковым названием» (386–7). Если благое наслаждение – это добродетель, а дурные наслаждения – болтовня и досуг, то они уже отличаются друг от друга по своему содержанию, независимо от обстоятельств и момента (καῖρός), когда их вкушают. Чтобы выйти из этого затруднения, Ковачу приходится принять для слова καῖρός совершенно невозможный смысл – «правильный способ называния» (propriety in speaking – Kovacs 1980: 297, n. 19), и переводить фразу следующим образом: «Если бы был ясен правильный способ называния, то их не было бы два с одними и теми же буквами» (т. е. мы бы называли плохие и хорошие наслаждения разными именами, а не одним общим словом ἡδονή).

Итак, интерпретацию Уиллинка, Клауса и Ковача приходится отвергнуть, и все парадоксы и проблемы рассматриваемого пассажа остаются неразрешенными. Второе направление в толкованиях данного места ставит своей целью не снять вопросы, но ответить на них исходя из логики всей драмы. К этому направлению можно отнести идеи Доддса, Сигала, Кернса и в некоторой степени Барретта, с той оговоркой, что Барретт, как я уже отметил, стремится избежать отнесения αἰδώς к ἡδονή. Главные вопросы, интересующие этих исследователей, таковы:

как объяснить мысль Федры о двойном αἰδώς и почему αἰδώς назван ἡδονή. Разумнее всего эти два вопроса разделить и разобрать ответы на каждый из них по очереди.

Если мы отказываемся от гипотезы Уиллинка – Клауса – Ковача и предполагаем, что αἰδώς не тождественен τὸ καλόν, но противопоставлен ему, и что суждение Федры о «двух видах» относится не к наслаждению, а к αἰδώς, то естественно считать, что это суждение некоторым образом описывает прежние ошибки героини – иначе появление αἰδώς в ряду негативных мотивов поведения выглядит не только парадоксальным, но и драматически не оправданным. Потому все упомянутые интерпретации αἰδώς в данном пассаже так или иначе связывают это понятие с предшествующим поведением Федры.

Доддс (Dodds 1925: 102–3) видит в словах Федры о «двойном αἰδώς» отсылку к двум ситуациям, в которых героиня выказала это чувство и где был употреблен глагол αἰδέομαι. В первых, после того, как Федра, не сдержав любовного безумия, раскрыла кормилице свои мечты оказаться в мире Ипполита, она, устыдившись своего порыва, говорит: αἰδοῦμεθα γὰρ τὰ λελεγμένα μοι (244). Этот αἰδώς, сдерживающий проявления ее безумной страсти, Доддс отождествляет с αἰδώς οὐ κακή в ст. 385. Затем, однако, Федра уступает чувству αἰδώς, вызываемому в ней мольбами кормилицы, и рассказывает о своей страсти, изменяя тем самым способу поведения, который кажется ей единственно правильным – молчать и скрывать свою любовь. Эту уступку Федра объясняет соображениями αἰδώς: σέβας γὰρ χεῖρὸς αἰδοῦμαι τὸ σόν «я уважаю [«испытываю αἰδώς»] твою почтенную руку» (335). В данном случае, по мнению Доддса, героиня выказывает ту форму αἰδώς, которую в монологе она характеризует как κακή и ἄχθος οἴκων (385–6). Если первое проявление αἰδώς было для Федры спасительным, то второе губит ее.

Видеть в словах Федры о двойном αἰδώς отсылку к предшествующей сцене, по крайней мере, к проявлению этого чувства в ст. 335, представляется мне вполне логичным. Как уже было отмечено, если Федра не вспоминает здесь о своих прошлых ошибках, которых она намерена впредь избегать, то парадоксальное и подчеркнутое отнесение αἰδώς к наслаждениям, противопоставленным моральному благу, оказывается драматически необоснованным и потому непонятным. Соглашаясь с этой идеей, я, однако, не могу принять некоторых

общих выводов, которые делают из нее и сам Доддс, и его последователи.

Доддс полагает, что хороший αἰδώς является внутренним и истинным, а плохой – внешним и ложным. Тем самым, возникает представление об антитезе в драме двух αἰδώς, противоположных по своему содержанию. Конфликт между ними описывается Доддсом как конфликт между стремлением героини к внутренней чистоте и ее вниманием к социальным условиям, т. е. как конфликт между внутренней и внешней моралью. Эта идея Доддса была развита Сигалом и легла в основу его интерпретации и монолога Федры, и всей трагедии в целом.

С точки зрения Сигала, динамика поведения Федры на протяжении пьесы состоит в движении от внутреннего αἰδώς, т. е. αἰδώς, направленного на сохранение внутренней чистоты, к внешнему и конвенциональному αἰδώς, выражающемуся в конце концов в желании любой ценой спасти свою репутацию и приводящему ее к клевете на Ипполита. Забота о репутации постепенно подменяет заботу о подлинной внутренней нравственности (Segal 1970: 281). Вслед за Доддсом, Сигал усматривает контраст между внутренней и внешней чистотой в двух употреблениях αἰδέομαι в ст. 244 и 335, и в свете этого контраста трактует слова Федры о двух αἰδώς в 385–6: «Одна сторона этого двойного αἰδώς должна указывать на внимание Федры к мнению других людей, на ее заботу о том, как она выглядит в обществе... Второй αἰδώς должен быть ее внутренним чувством скромности, стыда и целомудрия. Этот хороший αἰδώς, таким образом, тесно связан с ее внутренней чистотой...» (Segal 1970: 283–4).

Той же интерпретации в целом следует Кернс, соглашаясь с Сигалом в разграничении «внутреннего» и «внешнего» в поведении Федры, в отождествлении дурного αἰδώς в ст. 385–6 с αἰδώς, проявленным героиней в ст. 335, и в объяснении этого дурного αἰδώς как внешнего и конвенционального: «В ст. 335 αἰδώς связан, на поверхностном уровне, с внешним ритуалом, и, в более глубоком смысле, с репутацией, а не с моральным характером поведения. Следовательно, αἰδώς, который противостоит τὸ καλόν, – это тот, который связан с внешним аспектом поведения человека перед глазами других людей» (Cairns 1993: 333).

С такой точкой зрения, однако, невозможно согласиться сразу по нескольким причинам.

Во-первых, у нас нет никаких оснований усматривать в αἰδώς Федры по отношению к кормилице проявление того же внимания ко внешней репутации, которое заставит героиню впоследствии погубить Ипполита. Скорее напротив, удовлетворив просьбу кормилицы и рассказав ей о своей любви, Федра жертвует своей репутацией. Забота Федры о своей репутации действительно занимает важное место в сцене ее беседы с кормилицей, однако выражается эта забота не в уступке просьбам кормилицы, а наоборот, в молчании и утаивании страсти. Если какое-то проявление αἰδώς в первом эпизоде и предвосхищает последующее поведение героини – ее стремление любой ценой избежать разглашения тайны, приводящее в конце концов к губительной клевете на Ипполита – то таковым оказывается не «дурной» αἰδώς в ст. 335, а «благой» αἰδώς в ст. 244, т. е. стыд после невольных признаний. Мнение Доддса, Сигала и Кернса, что αἰδώς в ст. 244 есть αἰδώς «внутренний», ошибочно, поскольку Федра стыдится здесь не столько самой испытываемой ею страсти, сколько того внешнего выражения, которое находит эта страсть – своих безумных признаний, высказанных в присутствии других людей (αἰδοῦμεθα γὰρ τὰ λελεγμένα μοι). Этот αἰδώς заставляет героиню не исторгнуть из души порочную страсть, добиваясь внутренней чистоты, как полагает Сигал, но не давать этой страсти внешнего выхода, ни в поступках, ни в словах.

Противопоставление «внутреннего» αἰδώς в ст. 244 и «внешнего» в ст. 335 оказывается, таким образом, своего рода научной фикцией, и потому не может объяснять фразу о двух αἰδώς в монологе Федры. Помимо этого, можно привести еще два серьезных возражения против той интерпретации рассматриваемого пассажа, которую предлагают Доддс, Сигал и Кернс.

Если предполагать, что под дурным αἰδώς в ст. 385 подразумевается внешний и конвенциональный αἰδώς, т. е. то повышенное внимание к репутации, которое впоследствии приведет Федру к преступлению против Ипполита, то данное моральное рассуждение героини оказывается драматически абсурдным. Получается, что Федра на опыте убедилась в опасности этого внешнего αἰδώς, заставившего ее сделать ненужное признание. Очевидно при этом, что впредь она намерена избегать подобных ошибок – об этом свидетельствуют и тон ее речи, и логическая

связь ее общих моральных рассуждений со второй частью монолога⁵. Но почему же тогда Федра повторяет свою ошибку и клеветает на пасынка, спасая свою репутацию? Можно было бы предположить, что дурной αἰδώς вновь действует так же, как и в первый раз – подчиняет себе волю героини, не позволяя ей поступать в согласии с ее верными сознательными намерениями (γνώμη). Однако если в первом случае, в беседе с кормилицей, проявление ἀκрасία было достаточно очевидным (Федра знала, что ей не следует признаваться, и пыталась избежать признания, но уступила αἰδώς), то в ситуации с клеветой на Ипполита никакой ἀκрасία уже нет. Федра сознательно губит Ипполита, полагая, что именно в этом поступке и заключается для нее моральное благо:

εὕρημα δὴ τι τῆσδε συμφορᾶς ἔχω
 ὥστ' εὐκλεᾶ μὲν παισὶ προσθεῖναι βίον
 αὐτῆ τ' ὄνασθαι πρὸς τὰ νῦν πεπτωκότα.
 οὐ γάρ ποτ' αἰσχυνῶ γε Κρησίους δόμους
 οὐδ' ἐς πρόσωπον Θησέως ἀφίξομαι
 αἰσχροῖς ἐπ' ἔργοις οὐνεκα ψυχῆς μιᾶς.

«Я придумала средство от этого несчастья,
 чтобы и детям позволить жить в почете,
 и самой получить пользу, какую могу в нынешних обстоятельствах.
 Ради одной жизни я не буду позорить Критский дом
 И не предстану пред глазами Тесея
 С постыдными делами» (716–21).

Наконец, против интерпретации двух αἰδώς как «внешнего» и «внутреннего» можно привести то же возражение, что и против отнесения δισσαι к ἡδοναί: если под двумя αἰδώς подразумевать два вида, разные по своему содержанию, то бессмысленной становится фраза Федры, полагающая различительным критерием дурного и хорошего αἰδώς обстоятельства и правильный момент (καιρός). Внешний и конвенциональный

⁵ Ср. 388–90:

ταῦτ' οὖν ἐπειδὴ τυγχάνω φρονοῦσ' ἐγώ,
 οὐκ ἔσθ' ὁποῖωι φαρμάκωι διαφθερεῖν
 ἔμελλον, ὥστε τοῦμπάλιν πεσεῖν φρενῶν.

«Ну так вот, поскольку таковы мои мысли,
 Никакое зелье не смогло бы их погубить
 И вернуть меня к прежним взглядам».

αἰδώς всегда был бы плох, внутренний и моральный всегда хорош, и понимание правильного момента для каждого из них было бы излишним.

Статья Доддса положила начало еще одному роду ошибок, присутствующих в большинстве исследований данного пассажа – поиску обязательной связи αἰδώς с какими-либо определенными позитивными удовольствиями. Совершенно справедливо включая αἰδώς в число называемых Федрой ἡδοναί, Доддс решил найти основания для такой необычной характеристики этого чувства. Поскольку общий смысл трагедии он усматривает в изображении подавленной сексуальности, это значение он проецирует и на рассуждение Федры. По его мнению, «дурной» конвенциональный αἰδώς, проявленный Федрой в ст. 335, характеризуется как наслаждение, поскольку он дает выход подавляемому желанию эротической исповеди. Убедительные аргументы против этого мнения сформулировал Ковач. Во-первых, предполагаемое Доддсом скрытое желание Федры рассказать о своей страсти нигде в тексте не упоминается, так что взгляд этот основан на достаточно произвольном понимании психологии героини. Но самое главное возражение состоит в том, что Доддс смешивает случайное с сущностью. Предложенная им связь между уважением к чужой просьбе и желанием поделиться своими переживаниями является не необходимой, а случайной, подобно тому, как, например, если я обязан посетить званый ужин и использую эту социальную обязанность как повод, чтобы наесться и напиться, неправильно было бы называть опасным наслаждением и искушением не еду и напитки, а самое чувство социального долга (Kovacs 1980: 290).

Более тонкое объяснение, почему конвенциональный αἰδώς в ст. 335 может быть назван наслаждением, предлагает Сигал. По его мнению, этот αἰδώς является одним из социальных наслаждений: Федре приятно получить одобрение окружающих, исполнив требуемые в обществе условности (Segal 1970: 284–5). Если рассуждать абстрактно, такая интерпретация не подвержена возражению, высказанному против идеи Доддса. Одобрение окружающих вполне может быть связано с αἰδώς сущностной, а не случайной связью. Однако это объяснение совершенно не согласуется с драматическим развитием сцены между Федрой и кормилицей. Вместо одобрения Федра слышит от кормилицы и хора слова ужаса, лишь умножающие ее страдания, так что ни о каком «социальном удовольствии» здесь нет и речи. Таковую ре-

акцию героиня предвидит (κάκ' ὦ τάλαινά σοι τάδ', εἰ πεύσῃ, κακά «Плохой, плохой будет тебе эта новость, если ты ее узнаешь, бедняжка», 327) и потому до последнего момента старается избежать признания. Конечно, негативная реакция кормилицы вызвана не исполнением Федрой ее социального долга, а содержанием ее признания, но тем не менее вся сцена настолько подчинена одной эмоции, эмоции горя и ужаса, что видеть здесь какое бы то ни было удовольствие совершенно невозможно.

Мне представляется ошибочным само исходное стремление Доддса и Сигала связывать αἰδώς с какими-либо удовольствиями, сопутствующими проявлению этого чувства. Федра называет наслаждением сам по себе αἰδώς, что оказывается возможным, когда слово это служит характеристикой определенного рода поступков, совершать которые приятно. Приятна может быть отнюдь не только ситуация, приносящая некую осязаемую выгоду человеку, как-то одобрение или уважение окружающих; приятным вполне может быть и сам по себе поступок, совершаемый на благо другим людям. Эту довольно очевидную общечеловеческую истину можно подкрепить и литературными примерами (ср. Dulce et decorum est pro patria mori «Сладко и прекрасно умереть за родину», Гораций «Оды» 3.2.13), и даже английской формулой вежливости – ответом «My pleasure», объясняющим причину оказанной кому-то услуги. Только в таком смысле – удовольствия от самого по себе совершения благородных поступков, а не от получаемого за них почета – можно понимать и приводившиеся выше примеры из разных греческих философов о наслаждении, доставляемом добродетельными делами.

Подведем теперь некоторые промежуточные итоги. αἰδώς назван Федрой наслаждением, однако не потому, что он сопряжен с каким-то конкретным наслаждением, а для того, чтобы представить его объектом нерационального влечения, т.е. искушением. Тем самым, понятие это вводится в традиционную антитезу γνώμη/ἡδονή, описывающую состояние ἀκρασία. Затем, естественно предполагать, что рассуждение Федры имеет какое-то отношение к ее ошибочному поведению в предшествующей сцене с кормилицей; возможно, оно отсылает к αἰδώς в ст. 335. Остается теперь уточнить, какой именно смысл вкладывает героиня в понятие дурного αἰδώς, каким образом он противопоставлен τὸ καλόν и что имеет в виду Федра, говоря о двух αἰδώς.

Начнем с последнего из этих вопросов. Я попытался показать, что видеть в благом и дурном αἰδώς оппозицию внутренней подлинной и внешней конвенциональной добродетели сразу по нескольким причинам невозможно. Однако больше того, упоминаемые Федрой два αἰδώς вообще не могут быть различными по своему содержанию, поскольку тогда лишается смысла фраза про καῖρός. Только καῖρός, т. е. момент времени, или обстоятельства, в которых проявляется αἰδώς, служит критерием для различения благого и дурного αἰδώς. Если же Федра не может разделять αἰδώς по его содержанию, она должна противопоставлять их только по признаку оценочному. Другими словами, есть два αἰδώς, поскольку αἰδώς может быть или благим, или дурным, а оказывается он тем или иным в зависимости от уместности. Если было бы ясно, в каких обстоятельствах следует, а в каких не следует проявлять αἰδώς, то их не было бы два – при верном понимании момента всякий случай этого чувства оказывался бы хорошим и правильным.

Посмотрим теперь, какое отношение фраза о двух αἰδώς может иметь к предыдущей сцене трагедии и чем αἰδώς может быть плох.

Барретт (Barrett 1964: 230, on 385-6) предложил сопоставить высказывание Федры с одним пассажем из «Трудов и дней» Гесиода, в котором также высказана мысль об амбивалентности αἰδώς. Гесиод советует работать и зарабатывать себе богатство, не подчиняясь ненужному αἰδώς – чувству, которое иногда приносит пользу, но иногда причиняет вред:

αἰδώς δ' οὐκ ἀγαθὴ κεχρημένον ἄνδρα κομίζει,
αἰδώς, ἢ τ' ἄνδρας μέγα σίνεται ἢδ' ὀνίνησιν.

«Недобрый αἰδώς ведет бедняка –
αἰδώς, который приносит как пользу, так и большой вред» (317–8).

Этот плохой αἰδώς, причина бедности, противопоставляется Гесиодом смелости (θάρσος), приносящей богатство: αἰδώς τοι πρὸς ἀνολβίῃ, θάρσος δὲ πρὸς ὄλβῳ «αἰδώς у бедности, смелость у богатства» (319). Очевидно, Гесиод имеет в виду такую коннотацию αἰδώς как неуверенность и нерешительность – состояние, заставляющее человека колебаться и мешающее ему действовать по его собственной инициативе.

Перенося это значение αἰδώς на его употребление в монологе Федры, Барретт высказывает предположение, что Федра описывает таким образом вообще своей характер и все свое

поведение: она недостаточно сопротивляется страсти, она медлит с самоубийством, позволяет кормилице выведать ее тайну и не удерживает кормилицу от разговора с Ипполитом, хотя и догадывается о ее своднических намерениях.

С такой интерпретацией сложно согласиться. Слово αἰδώς само по себе едва ли может обозначать «нерешительность». У Гесиода «нерешительность» оказывается лишь коннотацией, которую получает αἰδώς в определенной и достаточно специфической ситуации. Собственно говоря, αἰδώς у него обозначает, как всегда, внимание к чужому достоинству, но поэт подчеркивает, что это внимание может выражаться в ситуации бедняков в чрезмерном ощущении своего низкого социального положения, что лишает их необходимой смелости и инициативы. Таким образом, семантический оттенок «нерешительности», позволяющий Гесиоду противопоставить αἰδώς и θάρσος, является лишь сопутствующим смыслом, в некоторых ситуациях вытекающим из главного и обычного значения αἰδώς – социального чувства, выражающегося во внимании к собственному статусу и статусу других людей. К положению и поведению Федры гесиодовский αἰδώς неприменим. Даже если она действительно ведет себя нерешительно, то нерешительность эта в большинстве случаев, указанных Барреттом, не происходит от внимания к другим, а потому никак не может быть названа αἰδώς. Абсурдно было бы говорить, что αἰδώς препятствует Федре в ее борьбе со страстью или удерживает ее от немедленного самоубийства.

Стоит отметить, что точка зрения Барретта в большой степени обусловлена толкованием пассажа о двойном αἰδώς, которое содержится у Плутарха в его сочинении «О моральной добродетели», 448f. Барретт ссылается на слова Плутарха как на «лучший комментарий» к рассматриваемому пассажиру. Плутарх объясняет данный пассаж следующим образом: τοῦτο τὸ πάθος πολλάκις μὲν ἀκολουθοῦν τῷ λόγῳ καὶ συγκατακοσμούμενον, πολλάκις δὲ παρὰ τὸν λόγον ὄκνοις καὶ μελλήσεσι καιροῦς καὶ πράγματα λυμαινόμενον «Эта эмоция часто согласна с разумом и упорядочена, но часто вопреки разуму нерешительностью и промедлениями портит моменты и дела».

Даже если оставить в стороне стоические идеи, лежащие в основе этой интерпретации (приводимая здесь стоическая антитеза ἀκολουθοῦν τῷ λόγῳ и παρὰ τὸν λόγον никак в общем не может исказить смысл пассажа из Еврипида), нельзя не обратить внимание на то, что Плутарх в своей трактовке исходит из

неверного понимания следующей и не цитируемой им фразы о $\kappa\alpha\iota\rho\acute{o}\varsigma$. Плутарх видит в словах Федры $\epsilon\acute{\iota}\ \delta'\ \acute{o}\ \kappa\alpha\iota\rho\acute{o}\varsigma\ \eta\acute{\nu}\ \sigma\alpha\phi\acute{\eta}\varsigma$ не указание на критерий, отличающий хороший $\alpha\acute{\iota}\delta\acute{\omega}\varsigma$ от дурного, а характеристику следствия, проистекающего от дурного $\alpha\acute{\iota}\delta\acute{\omega}\varsigma$. Согласно его трактовке, неясность $\kappa\alpha\iota\rho\acute{o}\varsigma$ не ведет к ошибочным проявлениям $\alpha\acute{\iota}\delta\acute{\omega}\varsigma$, а наоборот, вызвана ими: дурной $\alpha\acute{\iota}\delta\acute{\omega}\varsigma$, по его словам, «портит $\kappa\alpha\iota\rho\acute{o}\varsigma$ » ($\kappa\alpha\iota\rho\acute{o}\upsilon\varsigma\ \kappa\alpha\acute{\iota}\ \pi\rho\acute{\alpha}\gamma\mu\alpha\tau\alpha\ \lambda\upsilon\mu\alpha\iota\nu\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\nu$), т. е. мешает правильно оценивать и соблюдать его. Именно на такой своеобразной интерпретации и основано понимание $\alpha\acute{\iota}\delta\acute{\omega}\varsigma$ как чувства, приводящего к нерешительности и промедлениям ($\acute{o}\kappa\nu\omicron\iota\varsigma\ \kappa\alpha\acute{\iota}\ \mu\epsilon\lambda\lambda\acute{\eta}\sigma\epsilon\sigma\iota$).

Итак, значение «нерешительности» для плохого $\alpha\acute{\iota}\delta\acute{\omega}\varsigma$ столь же невозможно, сколь и значение внешней и конвенциональной добродетели. И все же один из примеров неправильного $\alpha\acute{\iota}\delta\acute{\omega}\varsigma$, приводимых Барреттом, представляется мне совершенно верным. Это уступка Федры мольбам кормилицы, выразившаяся в ее любовном признании. Во-первых, ответ Федры на просьбу является типичным примером $\alpha\acute{\iota}\delta\acute{\omega}\varsigma$ и прямо назван $\alpha\acute{\iota}\delta\acute{\omega}\varsigma$ самой героиней. Во-вторых, ее поведение в этой сцене со всей очевидностью изображается автором как $\acute{\alpha}\kappa\rho\alpha\sigma\acute{\iota}\alpha$, т.е. то самое состояние, которое она описывает в своем большом монологе. Федра понимает, что ей не следует признаваться, вся ее сознательная воля направлена на сохранение тайны, но все же уступает искушению $\alpha\acute{\iota}\delta\acute{\omega}\varsigma$.

Соотнесение плохого $\alpha\acute{\iota}\delta\acute{\omega}\varsigma$ с поведением Федры в сцене с кормилицей позволяет понять и весь необычный перечень $\eta\delta\omicron\nu\acute{\alpha}\iota$ в ее моральном рассуждении в большом монологе. Этот перечень характеризует ее собственное состояние, причем каждое предыдущее наслаждение в нем относится к следующему как более общее к более частному и как условие к следствию. Барретт прав, замечая про эти примеры: «Ее примеры представляют собой столь нетипичный набор, что мы сразу же узнаем, чем они являются – искушениями ее монашеской жизни; под ее обобщениями, при всем их общем значении, скрываются ее собственные обстоятельства и ее собственный характер» (Barrett 1964: 229, on 381–5). Однако примеры эти не просто описывают жизнь Федры вообще, но все более и более отчетливо связывают данное рассуждение с предшествующей сценой. «Праздность» ($\acute{\alpha}\rho\upsilon\acute{\iota}\alpha$), которая вполне может быть отнесена к наслаждениям на том же основании, что и $\alpha\acute{\iota}\delta\acute{\omega}\varsigma$, т. е. как нерациональное желание, ослабляющее волю, представляет собой

наиболее общий негативный фактор. Очевидно, он вводится в качестве антитезы к слову ἐκπονοῦμεν, рядом с которым он назван (οὐκ ἐκπονοῦμεν δ', οἱ μὲν ἀργίας ὑπο, 381): ἐκπονεῖν предполагает усилия, ἀργία – отсутствие усилий. σχολή схоже с ἀργία, однако несет в себе уже не общий психологический, а конкретный ситуативный смысл, и является, в свою очередь, обстоятельством и условием для еще более частного фактора – μακρὰ λέσχαί, отсылающим к беседе Федры с кормилицей (логичнее было бы сначала назвать σχολή и затем уже μακρὰ λέσχαί; переставляя их местами, Еврипид строит фигуру hysteron proteron). Наконец, μακρὰ λέσχαί служат таким же обстоятельством и условием для главного наслаждения – αἰδώς, т. е. случившейся в процессе этой беседы уступки мольбам кормилицы.

Интерпретация дурного αἰδώς в связи со ст. 335 представляется мне наиболее очевидной и простой. В принципе, она лежит в основе и точки зрения Доддса, Сигала и Кернса, которые, как кажется, ошибочно добавляют излишние соображения о содержательном отличии дурного αἰδώς от благого. Не уверен я, впрочем, и в справедливости их идеи о том, что хороший αἰδώς должен отсылать к ст. 244. Видеть такую отсылку в принципе можно, но едва ли необходимо. Смысл слов Федры об αἰδώς – показать, что это чувство, обычно являющееся благим и признаваемое всеми за добродетель, иногда, напротив, противоречит моральному благу. Барретт справедливо заметил, что «Федру, конечно, интересует только дурной αἰδώς; она упоминает благой αἰδώς только ради различения» (Barrett 1964: 230, ст. 385–6).

Смысл рассуждения Федры можно пересказать следующим образом. αἰδώς, обычно хорошее и достойное чувство, в некоторых ситуациях и при определенном стечении обстоятельств (καίρός) оказывается злом, желание проявить αἰδώς становится тогда опасным искушением, которому следует противостоять, сохраняя верность своим сознательным моральным решениям. Федра сожалеет, что уступила искушению αἰδώς в предшествующей сцене, и намерена впредь подобных ошибок не совершать.

Эта интерпретация слов Федры позволяет сблизить данный пассаж с одним местом из «Медее», где также высказана мысль об амбивалентности αἰδώς. С моей точки зрения, амбивалентность αἰδώς имеет в «Медее» почти тот же смысл, что и в

«Ипполите», тем более что утверждается она в схожей драматической ситуации.

В первом эпизодии «Медеи» царь Креонт приговаривает Медею к изгнанию, опасаясь зла, которое может причинить разгневанная героиня его семье. Медея просит царя позволить ей остаться; не сумев убедить его аргументами, она обращается к нему с мольбою, сопровождая ее просительным жестом (μή, πρὸς σε γονάτων τῆς τε νεογάμου κόρης, «Не надо! Умоляю тебя твоими коленями и новобрачной дочерью!» 324), и вызывает к его чувству αἰδώς (ἀλλ' ἐξελαῖς με κοῦδὲν αἰδέσει λιτάς; «Неужели ты изгонишь меня и не проявишь αἰδώς к моим мольбам?», 326). Эта сцена и драматически, и лексически перекликается со сценой умоления кормилицей Федры: ср., напр., схожие реакции Креонта, τί δ' αὖ βιάζῃ κοῦκ ἀπαλλάσσει χερὸς; «Зачем ты совершаешь насилие и не отпускаешь мою руку?», «Медея» 339, и Федры, τί δρᾷς; βιάζῃ, χερὸς ἐξαρτωμένη; «Что ты делаешь? Ты совершаешь насилие, схватив за руку!», «Ипполит» 325. Наконец, когда Медея ограничивается просьбой оставить ее хотя бы на один день, Креонт сдается. Уступая, он произносит реплику, по содержанию совершенно совпадающую со словами Федры из ее большого монолога:

ἤκιστα τοῦμὸν λῆμ' ἔφν τυραννικόν,
αἰδούμενος δὲ πολλὰ δὴ διέφθορα·
καὶ νῦν ὁρῶ μὲν ἐξαμαρτάνων, γύναι,
ὅμως δὲ τεύξει τοῦδε (348–51).

«Мой характер по природе своей совсем не тиранический.

Проявляя αἰδώς, я много напортил.

И сейчас я вижу, что ошибаюсь, женщина,

Но все равно ты получишь то, о чем просишь».

Во-первых, Креонт говорит здесь про тот же губительный αἰδώς, что и Федра, – про αἰδώς к просителю, заставляющий совершить неверный поступок. Под влиянием этого чувства он точно так же уступает просьбам Медеи, как и Федра просьбам кормилицы. Во-вторых, слово διέφθορα «напортил» в ст. 349 являет собой несомненную параллель к фразе Федры θνητῶν ἐφρόντισ' ἧι διέφθαρται βίος «Я размышляла о том, что губит жизнь смертных» («Ипполит» 376). Наконец, что любопытнее всего, Креонт помещает губительный αἰδώς в такое же описание ἀκρασία («несдержанности»), что и Федра: он знает, как было

бы правильно поступить, понимает, что совершает ошибку, но все равно делает ее, повинуюсь чувству αἰδώς:

καὶ νῦν ὄρω μὲν ἑξαμαρτάνων, γύναι,
ὅμως δὲ τεύξει τοῦδε.

«И сейчас я вижу, что ошибаюсь, женщина,
Но все равно ты получишь то, о чем просишь».

Сходство двух пассажей и двух ситуаций столь очевидно, что заставляет именно в свете этой аналогии трактовать дурной αἰδώς Федры. Больше того, хронологическая близость двух трагедий позволяет нам предположить, что мы встречаемся здесь с автореминисценцией, т. е. что рассуждение о дурном αἰδώς перенесено автором из одной трагедии в другую. Однако между высказываниями об αἰδώς в «Медее» и «Ипполите» есть и одно весьма существенное различие.

Креонт упоминает только о практической вреде, который причиняет порой αἰδώς, и не вкладывает в это понятие никакого морального значения. Напротив, αἰδώς для него всегда морально хорош. О своем характере, которому присуще это чувство, он говорит: ἤκιστα τοῦμόν λῆμ' ἔφυ τυραννικόν «Мой характер по природе своей совсем не тиранический», употребляя слово τυραννικόν, которое предполагает безусловное моральное осуждение противоположного его натуре «тиранического нрава». Во фразе αἰδοῦμενος δὲ πολλὰ δὴ διέφθορα «Проявляя αἰδώς, я много напортил» глагол διέφθορα «напортил» имеет исключительно практический и никак не моральный смысл.

Федра, напротив, помещает это заимствованное из «Медее» рассуждение в контекст нравственной антитезы между сознательной моральной волей (γνώμη) и моральным благом (τὸ καλόν), с одной стороны, и наслаждением, с другой. От такого переноса высказывания об αἰδώς из практического контекста в моральный проистекает морально-практическая двусмысленность всего в целом пассажа «Ипполита», на которую обратил внимание еще Барретт (Barrett 1964: 227–8, к стихам 376; 377–81). Рассуждение Федры содержит либо переходы от практического значения к моральному, либо амбивалентные выражения, допускающие оба значения. В ст. 376 θνητῶν ἐφρόντισ' ἦι διέφθαρται βίος «Я размышляла о том, что губит жизнь смертных» глагол «губить» (διέφθαρται), как отмечает Барретт, «мог бы сам по себе относиться и к крушению их судьбы, и к испорченности их поведения; Федра имеет в виду второе, но упо-

требление амбивалентного слова тем более естественно, что по крайней мере в ее собственном случае оба значения неразрывно связаны» (Barrett 1964: 227, к стиху 376). В следующей фразе

καί μοι δοκοῦσιν οὐ κατὰ γνώμης φύσιν
πράσσειν κάκιον·

«И мне кажется, дела их плохи
Не от природы их сознательных намерений» (377–8)

Барретт, склоняясь к моральной интерпретации, меняет рукописное κάκιον на κακίον¹, что дает смысл «они поступают плохо». Однако, учитывая устойчивость выражения κακῶς πράσσειν и присутствующее во всем рассуждении неразрывное единство морального и практического смыслов, стоит, возможно, оставить традиционное чтение πράσσειν κάκιον и предполагать здесь переход к практическому значению. Далее, в предложении

... ἔστι γὰρ τό γ' εἶ φρονεῖν
πολλοῖσιν·

«... думать правильно
Свойственно многим»

глагол εἶ φρονεῖν амбивалентен, поскольку может обозначать как практическую, так и нравственную мудрость. Точно так же оба значения может принимать τὰ χρηστά ‘благо’ в следующем стихе (τὰ χρήστ' ἐπιστάμεσθα καὶ γινώσκομεν, «Мы понимаем и знаем благо», 380). Лишь τὸ καλόν ‘нравственно прекрасное’ в ст. 382 указывает однозначно на моральный смысл, но и он перебивается в ст. 386 практической характеристикой дурного αἰδώς как ἄχθος οἴκων «тягость для дома».

Эта двузначность пассажа связана с той ситуацией, в которой находится Федра. Ее уступка кормилице одновременно и сбивает ее с избранного ею морального пути, и ведет героиню к гибели. Практическая двойственность αἰδώς была, по-видимому, традиционным топосом: помимо «Медеи» стоит вспомнить и приводившуюся выше цитату из «Трудов и дней» Гесиода, 318, и, наконец, пассаж из 24 песни «Илиады», в котором употреблена та же формульная конструкция о двойственности αἰδώς – пассаж, где Аполлон, обвиняя Ахилла, измывающегося над телом Гектора, в отсутствии у того жалости и αἰδώς, заме-

чает между прочим, что αἰδώς может приносить и вред, и пользу (ἢ τ' ἄνδρασ μέγα σίνεταί ἢδ' ὀνίνησι, 24.45)⁶.

Постулируемая в монологе Федры и показанная в предыдущей сцене моральная двойственность αἰδώς является своеобразной особенностью той нравственной реальности, которую создает Еврипид в «Ипполите». Она видна не только в сцене беседы Федры с кормилицей и не только в монологе Федры; однако прежде чем рассмотреть роль «двойного» αἰδώς в общей тематической структуре драмы, стоит сделать несколько дополнительных замечаний о непосредственной драматической функции рассматриваемого пассажа.

Итак, Федра вспоминает мысли, приходившие к ней и прежде долгими бессонными ночами – мысли о том, что αἰδώς не всегда одинаково хорош, что порой он приносит вред и препятствует нравственным поступкам. Ее нынешний собственный опыт лишний раз доказывает справедливость ее прежних умозаключений. Теперь, окончательно убедившись в их правильности, она полна решимости впредь всегда следовать только своей сознательной моральной воле, не поддаваясь искушениям проявить αἰδώς. Если мы посмотрим на поведение героини в следующей сцене, то слова ее монолога приобретут зловещее звучание.

В чем, собственно, заключается для Федры τὸ καλόν – моральное благо, к которому она постоянно стремится и которому противоречил ее дурной αἰδώς в сцене с кормилицей? В том, чтобы никак не выказать и не раскрыть свою страсть, ни поступками, ни словами. Различия между поступками и словами, между реальностью и видимостью Федра не делает с самого начала, стараясь одновременно и не согрешить против мужа, и не быть уличенной в грехе. Раскрытие тайны, молва о ее преступной страсти равносильны для Федры самому преступлению, и потому она придает своему молчанию и сокрытию своей любви моральный смысл. Этот моральный смысл, которым наделяется для героини ее молчание, и позволяет ей применить к ее

⁶ См. также место из «Одиссеи» (17.347), напоминающее пассаж Гесиода уже не лексически, но по содержанию. Телемах, рассуждая о том, как переодетый нищим Одиссей будет просить подаяния у пирующих женихов, утверждает, что нищему αἰδώς не приносит блага (αἰδώς δ' οὐκ ἀγαθὴ κερημένῳ ἀνδρὶ παρεῖναι).

ошибочному поступку – уступке доводам кормилицы – антитезу τὸ καλόν / αἰδώς.

Теперь, когда тайна стала известна ее близким, а именно, кормилице и хору, Федра выбирает для себя новый способ сокрытия – самоубийство, которое позволит ей скрыть испытываемый ею стыд, освободив ее от необходимости взглянуть в глаза мужу. Посмотрим, однако, на дальнейшее развитие этой антитезы τὸ καλόν / αἰδώς. Во втором эпизоде по вине кормилицы секрет Феды узнает Ипполит; узнает в искаженном виде: он считает, что Федра сама подслала к нему кормилицу, намереваясь вступить с ним в тайную связь. Ипполит угрожает выдать этот секрет Тесею. В этой новой ситуации Федра продолжает занимать ту же моральную позицию, что и в начале пьесы. Для нее по-прежнему моральное благо состоит в том, чтобы одновременно и быть, и слыть целомудренной. Перед героиней могла бы встать теперь проблема: пожертвовать ли моральным благом и допустить дальнейшее разглашение ее тайны, прославив неверной женой (Федра, одержимая страхом и отчаянием, не слышит запоздалого обещания Ипполита молчать) или же нарушить αἰδώς, погубив Ипполита. Эту проблему она сразу разрешает с той твердостью, которая пришла к ней после неудачного проявления αἰδώς по потношению к кормилице в первой сцене трагедии. Больше жертвовать τὸ καλόν ради αἰδώς Федра не намерена, и потому губит Ипполита. Свое решение Федра формулирует в реплике:

οὐ γάρ ποτ' αἰσχυνῶ γε Κρησίους δόμους
οὐδ' ἐς πρόσωπον Θησέως ἀφίξομαι
αἰσχροῖς ἐπ' ἔργοις οὐνεκα ψυχῆς μιᾶς (719–21)

«Я ни за что не опозорю Критский дом,
И не предстану пред лицом Тесея
С позорными деяниями – ради одной жизни»,

перекликающейся с ее решением покончить с собой, принятым в большом монологе из первого эпизода

ἡμᾶς γὰρ αὐτὸ τοῦτ' ἀποκτείνει, φίλαι,
ὡς μήποτ' ἄνδρα τὸν ἐμὸν αἰσχύνασ' ἄλω (419–20)

«Подруги, именно это нас и убивает –

Как бы не оказаться уличенной в том, что я опозорила моего мужа»;

перекличка эта подчеркивает непрерывность и единство моральных взглядов героини на протяжении всего ее участия в драме.

Однако в той же мере, в какой αἰδώς Федры по отношению к кормилице в первой сцене был неуместен и ошибочен, теперь ошибочным и преступным оказывается пренебрежение αἰδώς. После сцены с кормилицей Федра приходит к правильному выводу о двойственности αἰδώς, затем исходя из этого представления отвергает αἰδώς в новой ситуации, губит Ипполита, и совершает уже противоположную ошибку. Причина этой ошибки – в том, что для героини так и остается неясным καῖρός, т. е. обстоятельства, отличающие правильный и хороший αἰδώς от дурного и ошибочного. Используя драматические возможности жанра – ситуационную динамику спектакля – Еврипид самим развитием действия показывает, как καῖρός ускользает от Федры, всегда оказывающейся слишком медленной в своих оценках и не поспевающей за меняющейся реальностью.

Пассаж о двойном αἰδώς имеет не только непосредственный драматический смысл, но и смысл более общий. Федра анализирует в своем рассуждении частную ситуацию, в которой она оказалась в первом эпизоде, но создаваемая ею модель оказывается по крайней мере частично применима и к другим драматическим положениям, становясь общим законом, характеризующим нравственный мир трагедии.

Антитеза γνῶμη/ἦδονή специфична для Федры, поведение которой прежде всего мотивировано ее сознательной моральной волей, противостоящей эмоциям и искушениям. Однако что касается центральной нравственной идеи данного пассажа, двойственности αἰδώς и зависимости его от καῖρός, то она приложима почти ко всем поступкам всех персонажей.

Прежде всего, необходимо отметить, что τὸ καλόν, к которому стремится в своих поступках Федра, сохранение целомудрия в поступках и репутации целомудренной жены, также является типичным случаем αἰδώς. Само слово αἰδώς в значении целомудрия было употреблено в прологе пьесы (78) Ипполитом, для которого забота о целомудрии также является одним из главных характерообразующих качеств. Затем в начале первого эпизода на сцене появляется Федра с покрытой головой – характерная деталь, выражающая αἰδώς. Открыв на время голову, героиня сразу же лишается сдерживающей силы своего целомудрия и оказывается неспособна противостоять изливающимся из нее полубезумным мечтаниям перенестись в мир Ипполита; затем, устыдившись своих невольных речей, она просит вновь покрыть ей голову и произносит при этом глагол

αἰδέομαι (αἰδοῦμεθα γὰρ τὰ λελεγμένα μοι, 244). Самоубийство, на которое героиня решается, желая укрыться от стыда и избежать взгляда в глаза мужу, представляет собой следующий пример все того же целомудренного αἰδώς (δαίμονα στῦγνὸν καταιδεσθειῖσα, 772). Тот же αἰδώς проявляется, наконец, и в ее преступлении против Ипполита, на которое Федра идет, чтобы сохранить свою репутацию и скрыть от глаз людей свою порочную любовь. Таким образом, мотив целомудренного αἰδώς Федры развивается по той же модели, что и всякий другой αἰδώς в этой драме: в определенных обстоятельствах этот αἰδώς оказывается благим, в другие моменты – дурным и преступным, Федра же не способна согласовать свои поступки с меняющимися обстоятельствами.

Кроме того, что Еврипид изображает один и тот же αἰδώς морально двойственным, он намеренно сталкивает друг с другом различные по своему содержанию αἰδώς. В первом эпизоде Федра стоит перед выбором, сохранить ли тайну и тем самым спасти репутацию своего целомудрия или же уступить мольбам кормилицы, проявив αἰδώς к просителю. Удовлетворяя просьбу кормилицы, героиня тем самым жертвует αἰδώς ради αἰδώς. Таким образом, автор создает конфликт между разными проявлениями одной и той же социальной добродетели и подчеркивает этот конфликт переключкой между употреблениями слова αἰδώς в ст. 244 (целомудренный αἰδώς) и 335 (αἰδώς в значении уважения к просьбам). Схожий конфликт возникает и дальше, когда Федра во имя своей репутации губит Ипполита, вновь жертвуя одним αἰδώς ради другого.

По той же модели строится поведение и других персонажей. Ипполит в прологе выказывает благочестие по отношению к Артемиде, обнаруживая добродетель, также входившую в сферу обычных значений αἰδώς. Однако это благочестие и связанное с его любовью к Артемиде особое внимание к своему целомудрию мешает герою с той же почтительностью относиться к Афродите; таким образом, одно проявление εὐσέβεια исключает другое и приводит к противоположности – к ἀσέβεια и к ὕβρις по отношению к богине. Преданность идеалу целомудрия, т. е. один случай αἰδώς, не позволяет Ипполиту и оказывать должное уважение женщинам, ассоциирующимся в его сознании с распущенностью, т. е. исключает для него другое проявление αἰδώς. Именно поэтому, вследствие своего αἰδώς, Ипполит обрушивает на женщин несправедливые обвинения, не сомневается в дур-

ных намерениях Федры и готов даже нарушить данную им кормилице клятву. Наконец, в третьем эпизоде, соблюдая свое обещание – что также является типичным примером αἰδώς – и потому храня молчание, Ипполит жертвует своей репутацией – как раз той формой αἰδώς, во имя которой его погубила Федра.

Тот же выбор между двумя противоположными требованиями αἰδώς совершает кормилица. Все ее поведение обусловлено тем чувством, которое она испытывает к госпоже – чувством, соответствующим ее статусу служанки и отношениям φιλία, связывающим ее с Федрой, и потому также являющимся примером αἰδώς. Кормилица не способна контролировать и умерять это чувство, в чем она сама признается в начале первого эпизода (254–60). Под воздействием этого чувства кормилица нарушает требования другого αἰδώς – целомудрия, и пытается свести свою госпожу с Ипполитом.

Такой же конфликт между двумя αἰδώς характеризует и поведение Тесея, который поспешно наказывает своего сына за его грех, исходя из идеи целомудрия (ср. обвинительный монолог Тесея, 936–80, главной и единственной темой которого является целомудрие), пренебрегая установленным процессуальным порядком и тем самым не оказав уважения праву Ипполита на защиту.

Таким образом, мы сталкиваемся в «Ипполите» со своеобразным представлением конфликта ценностей. Еврипид сталкивает между собой ценности одного порядка, связанные с одной и той же добродетелью. Почти всякий поступок персонажей оказывается ошибочен и морально неверен, но аморальность эта происходит не от их порочности и дурной моральной воли, а от неспособности делать правильный выбор между разными и часто противоположными требованиями добродетели. Причиной моральных ошибок оказываются, тем самым, не особенности характера того или иного персонажа, но противоречивый и двойственный характер самой социальной добродетели.

Литература

- Ярхо 2004 – Ярхо В. Н. Семь дней в афинском театре Диониса. М.
Barrett 1964 – Euripides Hippolytus / ed. by W. C. Barrett. Oxford.
Cairns 1993 – Cairns D. L. Aidos. Oxford.
Claus 1972 – Claus D. Phaedra and the Socratic Paradox // YCS 22. P. 223–238.
Dodds 1925 – Dodds E. R. The αἰδώς of Phaedra and the Meaning of Hippolytus // CR 39. P. 102–104.

- Dodds 1951 – Dodds E. R. *The Greeks and the Irrational*. Berkeley, Los Angeles.
- Holzhausen 1995 – Holzhausen J. *Eros und Aidos in Phaidras Monolog*. Mainz.
- Irwin 1983 – Irwin T. H. *Euripides and Socrates* // CP 78. P. 183–197.
- Kovacs 1980 – Kovacs D. *Shame, Pleasure, and Honor in Phaedra's Great Speech* // AJP 101. P. 287–303.
- Redfield 1975 – Redfield J. M. *Nature and Culture in the Iliad: the Tragedy of Hector*. Chicago and London.
- Segal 1970 – Segal C. P. *Shame and Purity in Euripides' Hippolytus* // Hermes 98. P. 278–299.
- Snell 1948 – Snell B. *Das früheste Zeugnis über Socrates* // Philologus 97. P. 125–134.
- Snell 1964 – Snell B. *Scenes from Greek Drama*. Berkeley, Los Angeles.
- Willink 1968 – Willink C. W. *Some Problems of Text and Interpretation in Hippolytus* // CQ 18. P. 11–43.

B. M. Nikolsky. The double *aidos* in Euripides' Hippolytus

The paper deals with one of the key words in Euripides' Hippolytus, *aidos*. A new interpretation of the famous passage on double *aidos* (Hipp. 375-390) in Phaedra's great speech is proposed. According to this interpretation, Phaedra argues that *Aidos*, normally a good and worthy feeling, turns out to be evil in certain situations; the desire to display *aidos* becomes then a dangerous temptation that must be resisted if one wants to remain true to one's conscious moral decisions. Phaedra is sorry to have yielded to the temptation of *aidos* in the preceding scene and intends to avoid such errors in the future.

However, to the same extent that Phaedra's *aidos* towards the Nurse was inappropriate and erroneous in the first scene, her disregard for *aidos* is erroneous in the scene at hand. After the scene with the Nurse, Phaedra comes to the correct conclusion about the duality of *aidos* and then, proceeding from this notion, she rejects *aidos* in the new situation and ruins Hippolytus, thus making a mistake of the opposite nature. The cause for this mistake is that *kairos*—i.e., the circumstances distinguishing the right and good *aidos* from the bad and erroneous one—still remains unclear to the heroine. Using the dramatic possibilities of the genre—the situational dynamics of the play—Euripides shows by the very development of the action how *kairos* slips away from Phaedra who appears to be always too slow in her assessments and thus falls behind the changing reality.

The passage about the dual *aidos* has not only an immediate dramatic meaning but a more general meaning as well. In her reasoning, Phaedra analyzes the particular situation in which she found herself in the first episodion; however, the pattern that she creates proves to be applicable to other dramatic situations as well, thus becoming a general law characterizing the moral world of the tragedy.

Е. П. Новикова

ЗАКОН ТУРНЕЙЗЕНА И АВЕ – ПРАИТАЛИЙСКИЙ ПРОЦЕСС?

Резюме: В статье рассматриваются основные точки зрения на причины и относительную хронологию действия перехода $*oi > ai$ (т. н. «закона Турнейзена и Аве»), хорошо отраженного рядом латинских примеров. Излагается история вопроса вплоть до сегодняшнего дня и приводятся выводы, которые можно сделать, основываясь на одной из гипотез об относительно ранней хронологии действия данного закона (действие закона относится к праиталийской эпохе) и возможном влиянии на характер действия перехода $*oi > ai$ праиндоевропейского удара.

Ключевые слова: италийские языки, историческая фонетика латинского языка, относительная хронология фонетических изменений, развитие праиталийского вокализма

В западной лингвистической литературе «законом Турнейзена и Аве» принято называть переход $*oi > ai$, наблюдаемый в ряде примеров из латинского языка при сопоставлении с другими индоевропейскими языками, преимущественно с древнегреческим. Именно под таким названием описан этот фонетический переход в книге Н. Коллинджа (Collinge 1985: 193). В русскоязычной литературе этот переход описывается, но никак не называется. Например, И. М. Тронский пишет: «В начальном слоге, находясь перед *и, о* > *а*: *саиеō*, ср. греч. *κοέω* < $*κοϕεω$; *фаиеō*, но арх. *FOVE* = *faiē* (CIL 1².573); *лаиō*, ср. гом. *λόω* < $*λοϕω$; *саиус* < $*соиос$, которое отражено в исп. *сиена*, порт. *сова* ‘пещера’, ср. греч. *κόοι* < $*κοφοι$. С другой стороны, *иа-* > *ио-*: арх. *иосīиус* < $*иасīиос$ (ср. *иасиус*). Условия этих переходов еще недостаточно выяснены» (Тронский 2001: 84).

Иногда можно встретить замечания о том, что первооткрывателем «закона» является Фердинанд де Соссюр. Действительно, в знаменитом «Мемуаре о первоначальной системе гласных» он обращал внимание на некоторые факты отражения реконструируемого и.-е. $*o$ как *а* перед *и* в латинском языке, точнее, на соответствие греческого *-οϕ-* латинскому *-ai-* (Saussure 1879: 104, 108).

Чуть позже, в статье, датированной ноябрем-декабром 1884 года (но вышедшей в 1887; впрочем, уже в 1885 с ней был

знаком Луи Аве, а в 1886 – Карл Бругманн (Brugmann 1886: 74)), Рудольф Турнейзен, со ссылкой на Соссюра, разбирает восемь основных примеров соответствий (*octāuus, faueō, caueō, cauus* и *cohut, caulis* (и ряд соотносимых с ним примеров перехода **ou* > *au* перед согласным), *lauō, fauilla, Fauī*), затем приводит исключения *bouis* и *ouis*, для последнего в качестве деминутива предполагает более закономерный с точки зрения описываемого фонетического перехода *auillus*, а также редкое производное слово *aububulcus*. Затем Турнейзен отмечает и примеры на переход **olu* > *alu*, а именно *ualuae* и *saluus* (Thurneysen 1887: 160).

В статье Турнейзена содержится констатация факта: в определенном (пока не установленный) период в латинском языке происходил переход сочетания **ou* > *au* и, возможно, **olu* > *alu*.

Несколько иначе построено рассуждение Луи Аве: он начинает с указания на известный переход *eu* > *oi* и выводит систему правил (*règles*), которые определяют, что всякое лат. *eu* неизбежно является отражением слогового сонанта + *u*, лат. *oi* – отражением более раннего **eu*, а лат. *ai* – древнего **ou* или непосредственно **ai* (Havet 1885: 19). Рассматривая *auris* (ср. греч. οὔς; пример ещё соссюрровский), *cauus*, *caueō* и *raueō* как непосредственный результат перехода **ou* > *ai*, он объясняет исключения: *bouis* – как результат заимствования, а *ouis* – как результат попыток избежать омонимии со словом *avis* ‘птица’.

Дальнейшая полемика вокруг выделенного и, можно сказать, эмпирически наблюдаемого процесса (точнее, фонетического перехода – Lautwandel, согласно Турнейзену, или правила – *règle*, как это формулирует Аве), ведется либо с целью установления более точной (абсолютной или относительной) хронологии этого фонетического процесса, либо вокруг примеров, для каждого из которых подбираются объяснения, которые могли бы служить опровержением того, что наблюдаемые соответствия носят системный характер.

Раннюю датировку первым предлагает в 1892 году Роберт фон Планта. Он учитывает результаты исследований Турнейзена и Аве при написании своей «Грамматики оскско-умбрского диалекта» и предлагает итальянское соответствие для перехода **olu* > *alu*: оск. *салаҫ*, а также несколько примеров, которые, по его мнению, свидетельствуют о том, что фонетический переход **ou* > *ai* несомненно общеиталийский (von Planta 1892: 115).

Критике хронологии фон Планты, подробному разбору и утверждению «закона Турнейзена и Аве» посвящена объемная

статья Лайонела Гортон-Смита (опубликована по частям в 1895–96 году), который внес весомый вклад в изучение «закона Турнейзена и Аве», прежде всего, детальной проработкой каждого предлагаемого примера, внимательной критикой предшествующих теорий и полной библиографией, а также – наличием положительно новых выводов о хронологических рамках действия закона и формулировкой этого закона, впоследствии ставшей классической (Horton-Smith 1896: 196).

Датировка Гортон-Смита основана на опровержении всех примеров из италийский языков – с одной стороны, и на примерах типа исп. *cueva* и порт. *cova* ‘пещера’ – с другой (Horton-Smith 1895: 457). Утверждая, что фонетический облик лат. *cohut*, *coit* и *coiut* у Энния объясняется тем, что Энний не был в Риме до 204 года до н. э., Гортон-Смит устанавливает своего рода *terminus ante quem* и относит время действия перехода **oi > ai* к III веку до н.э. для «upper classes», т.е. для носителей классической нормы, но не ранее начала II века – для «lower classes», т.е. для предполагаемых носителей «Vulgar Latin».

Откликом на исследование Гортон-Смита послужил сперва небольшой ответ Эдвина Фейя (1899), а затем и критическая статья (1902), где утвержденный «закон» отрицается, а каждой рассматриваемой форме находится то или иное объяснение частного характера.

О причинах действия «закона Турнейзена и Аве», после подробной статьи Феликса Зольмзена о самом «законе» (также в ответ на исследования Гортон-Смита), рассуждает и Пауль Кречмер (Kretschmer 1904: 276), приводя новые исключения и пытаясь на основании этих исключений вывести определенные закономерности.

Так, П. Кречмер отмечает, что *toieō*, *foieō*, а также *ioieō* являются исключениями из закона в том виде, в котором он формулировался ранее. Далее, Кречмер и Зольмзен приводят пары *fauissae – fouea*, *fauilla – foueō*, *auillus – ouis* и выводят на основании этих пар **акцентную теорию**, согласно которой переход **oi > ai*, во-первых, зависел от ударения, каким оно было в классическую эпоху, а во-вторых, собственно, действовал именно в первом предударном слоге.

Интересное наблюдение, приводимое Ф. Зоммером (Sommer 1914: 110) и получившее подробное рассмотрение у К. Жюре (Juret 1918: 191), заключается в том, что, в случае, если бы выве-

денное Зольмзенем и Кречмером акцентное правило действительно работало, то *poiember*, где *o* оказывается в предударном слоге (в отличие от *poiet*), перешло бы в **naiember*; однако этого не произошло. Более того, в таком случае *oi* < **ei* также было бы подвержено действию «закона Турнейзена и Аве», а этого не происходит.

Собственную интерпретацию фактов предложил в 1952 году О. Семереньи (Szemerényi 1952: 68). По его мнению, первыми подвергались действию «закона» формы перфекта типа *cāui*, *lāui*, *fāui*, содержащие долгий гласный, а *caueō*, *fauēō* и др. приобрели гласный *a* под влиянием соответствующих форм перфекта.

Построениям Семереньи убедительно возражает Петер Схрейвер (Schrijver 1991: 438), приводя в пример лат. *ōiuit*, где переход долгого гласного в *ā* не происходит.

Схрейвер также отрицает наличие связи между примерами типа *octāuius*, *flāuius*, *rāuius* и *gnāuius* и «законом Турнейзена и Аве» на том основании, что, по его мнению, реконструкция подразумевает в этих словах сочетание **-eh₃-uo-*, т. е. совершенно другую последовательность звуков.

Это рассуждение базируется на мысли Схрейвера, заключающейся в том, что переход **oi* > *ai* был достаточно ранним. Схрейвер перепроверяет реконструкцию основных примеров, где предполагается действие перехода **oi* > *ai*, и, где это необходимо, уточняет ее с точки зрения ларингальной теории.

В результате Схрейвер приводит список примеров (Schrijver 1991: 446), которые непосредственно отражают, по его мнению, переход **oi* > *ai*, и классифицирует примеры, которые этот переход не отражают (доказательством всякий раз служит пересмотр реконструкции каждого конкретного примера).

К несомненным примерам относятся: *cauius*, *fauēre*, *lauere*, *rauiēre*.

К возможным примерам: *caudex*, *cauēre*, *fraus*, *rāuius*.

Наконец, совершенно отвергает Схрейвер следующие традиционно приводимые примеры: *auillus*, *cauilla*, *fauilla*, *fauissae*, *Faiōnius*, *Faiī*, *faiius*, *laus*.

Далее, Схрейвер утверждает, что «закон Турнейзена и Аве не обязательно является относительно поздним процессом» (Schrijver 1991: 452) и, признавая, что «закон Турнейзена и Аве» мог быть общеиталийским, приводит новую относительную хронологию.

Во-первых, он постулирует, что переход $*ai > oi$ предшествовал переходу $*ei > oi$; во-вторых, на основании примеров типа *ioiēre* и *fouiēre* утверждает, что действие закона Турнейзена и Аве приходится на время до перехода $*g^w, *g^wh > ɟ$ в интервокальном положении (Schrijver 1991: 453).

При этом основным методом объяснения тех случаев, где перед *i* возникает *o*, для Схрейвера является возведение этих форм к корню с гласным *e* (примеры типа *Louis*, *noius* и *oiāre* в этом отношении легко поддаются интерпретации и оказываются уже примерами перехода $*ei > oi$).

Тем же способом Схрейвер пытается объяснить и *mouiēre*, отрицая факт отражения в этой латинской форме индоевропейского каузативного аблаута с *o*-ступенью корня (Schrijver 1991: 448). Впрочем, ему возражает Гергард Мейзер, настаивая на том, что глагол *mouiēre* сохраняет за собой статус исключения из «закона Турнейзена и Аве». Далее Мейзер предлагает считать гласный *o* в *mouiēre* восстановленным под влиянием *fouiēre* или же учитывать тот факт, что в *mouiēre* согласный *m*, предшествующий последовательности *oi*, теоретически мог препятствовать делабиализации $o > a$. Кстати, в связи с этим предположением Мейзер вспоминает и *bouis* (Meiser 1998: 85).

В новейшем этимологическом словаре М. де Фаана форма *mouiēre* признается восходящей к корню со ступенью *e*, а суффикс – приобретенным из соответствующей формы каузативного аблаута (de Vaan 2008: 390).

Вполне удовлетворительно Схрейвер решает вопрос о соотношении *faiēre* и *fouiēre* (также принято в словаре де Фаана (de Vaan 2008: 236)), возводя их к разным корням (*faiēre* соотносится со слав. *gověti*, тогда как *fouiēre* возводится к тому же корню, что и скр. *dāháyati*).

В связи с тем, что Схрейвер был сторонником ранней датировки перехода $*oi > ai$, особый интерес вызывает как раз его интерпретация примеров, которые, по мнению предыдущих исследователей, служили подтверждением для поздней датировки «закона».

Так, пример из надписи CIL 1².573 (форма FOVE), как казалось, мог служить подтверждением, что переход $*oi > ai$ имел место уже в историческую эпоху. Схрейвер замечает в связи с этим, что в качестве одного из объяснений может быть принято то, что FOVE является местным вариантом для ожидаемого *faiē*

так же, как **coiuis* могло быть местным вариантом для *cauius* на территории Иберии (Schrijver 1991: 442).

Интересным возражением против соотнесения формы FOVE с глаголом *fauēre* является предложенная ещё Эдвином Феем интерпретация текста самой надписи: по мнению Фея, за FOVE кроется вовсе не форма глагола *fauēre*, а основа, соотносимся с *fuī*: в написании OV Фей предлагал видеть диграф, обозначающий гласный *u* (Fay 1899: 91-92).

Что касается упомянутого уже *cauius* и соотносимого с ним исп. *cuena* и порт. *cova*, а также гапакса *cohut* (Paul. Fest. 34, 28), то эти примеры как основание для датировки Схрейвер полностью отвергает и замечает, что на основании *cohut* лучше вообще не делать никаких общих заключений (Schrijver 1991: 441).

Классические исключения из «закона Турнейзена и Аве», *bouis* и *ouis*, в связи с признанием Схрейвером ранней хронологии действия этого «закона», также нуждаются в новом объяснении (поскольку отсылки к заимствованию из других италийских языков уже не могут выступать в качестве аргумента).

Наиболее убедительны в отношении объяснения исключений доводы, высказанные в 2006 году (а в формате устных выступлений – уже в 2004) Brentom Вайном. Опираясь на анализ примеров, приводимый Схрейвером, и на его версию относительной хронологии, Б. Вайн разрабатывает новую **акцентную теорию**.

Во-первых, Вайн, продолжая дело, начатое в свое время фон Плантой, но уже с учетом новейших достижений в области исторической фонетики индоевропейских языков, приводит новые примеры из умбрского, а именно умбр. *sauitu* (Tab. Ig. VIb 60, VIIa 49), в котором предлагается видеть глагол, однокоренной с лат. *saucius*. Тем самым Вайн стремится показать, что «закон Турнейзена и Аве» действительно можно отнести к эпохе италийского единства, а отсутствие достоверных примеров есть следствие неполноты имеющихся данных относительно лексического состава сабелльских языков (в силу жанровых особенностей сохранившихся текстов).

Во-вторых, в статье Вайна, посвященной разбору умбрских примеров (одного примера в пользу признания перехода **oi* > *ai* общеиталийским и нескольких возможных контрпримеров), приводится также изложение его версии **акцентной теории**, так как теория Кречмера-Зольмзена, основанная на ударении,

имевшем место в латинском языке уже в классическую эпоху, не соответствует установленной Схрейвером и принятой Вайном относительной хронологии (Vine 2006: 212). Теория Вайна приобретает дополнительную привлекательность в связи с тем, что основана на реконструируемой системе индоевропейского ударения, в изучении которого за последние полвека были достигнуты заметные успехи.

Речь идет в первую очередь об исследованиях В. А. Дыбо, на которые опирался Б. Вайн, впрочем, чаще указывая на это косвенно, чем прямо (Vine 2006: 231). Б. Вайн воспринимает сам метод рассуждения и отталкивается от построений В. А. Дыбо, описывающих особенности развития «долгих сонантов» в латинском языке (Дыбо 1961: 10). Без привлечения ларингальной теории последовательность *-Rā-* и *-Ra-* традиционно возводится к долгому слоговому сонанту, а последовательности *-oR-* и *-aR-* – к краткому, см., напр., у М. Лёйманна (Leumann 1977: 57–59).

В отличие от В. А. Дыбо, Б. Вайн пользуется реконструкцией с ларингалами; впрочем, на общей идее Вайна это практически не сказывается. В своих последующих исследованиях Вайн развивает идею, согласно которой италийские языки, в частности, латинский, сохраняют следы древних акцентных парадигм в гораздо большей степени, чем это считалось ранее (Vine 2009: 58).

Действительно, как показал ещё В.А. Дыбо, влиянием ударения хорошо объясняются случаи, когда италийская последовательность *CR̄NC*, дающая впоследствии *CaRaC*, под ударением переходит в *CaRC* (*palma*, ср. греч. *παλάμη*), тогда как безударном положении *CR̄NC* > *CRāC* (ср. *plānus* < **plh₂-nó-*).

Называя свою теорию «модифицированной теорией Кречмера-Зольмзена» (Vine 2006: 232), Б. Вайн пытается связать переход **ou* > *au* с отражением древних акцентных парадигм. Переход **ou* > *au*, по его мнению, происходил в тех случаях, когда сочетание **ou* оказывалось в одном из предударных слогов. Основными примерами служат прилагательные, имевшие ударение типа *тоμός* (*cauius*, *rāuius*, *saucius*), отглагольные прилагательные с суффиксом **-etó* (*lautus*, *cautus*) и глаголы, имевшие в древности итеративно-каузативный суффикс **-éiole-* (умбр. *sauitu*, лат. *fauēre*, *lauāre*, *cauēre*, *auēre*). Слова *bouis* и *ouis*, по мнению Б. Вайна, относились к типу *тоμός*, поэтому **ou*, находясь под ударением, не переходило в *au*. (Vine 2006: 244).

Как это часто случается при смене теоретических установок, система, построенная Вайном, с точки зрения метода реконструкции отражает современные подходы к сравнительно-историческому индоевропейскому языкознанию, поэтому ей трудно противопоставить что-либо по существу, разве только вернуться к ранее высказанным объяснениям для каждого из исключений. С точки зрения теории Б. Вайна, «закон Турнейзена и Аве»:

- 1) предшествует переходу $ei > oi$ и, являясь очень ранним процессом, относится к праиталийской эпохе;
- 2) вероятнее всего, зависит от и.-е. ударения (точнее говоря, отражает следы фонологизации влияния на тембр гласных в безударных слогах того ударения, которое на италийской почве было довольно рано утрачено).

Принятие теории Б. Вайна и относительно ранней хронологии действия «закона Турнейзена и Аве» может повлечь за собой пересмотр прежних интерпретаций развития сочетаний гласных с сонантами r и l , а также с u .

Во-первых, интерес представляет процесс развития групп $CR̥C$ и $CR̥V$ на италийской почве. Считается, что характер развития этих групп зависит от положения сонанта перед гласным или перед согласным (Meiser 1998: 64). Неясными остаются причины такой зависимости тембра, как не реконструируется обычно и сама историческая последовательность изменений, которые привели к таким результатам.

Если принять, что первоначально глаголы типа *caleō* имели гласный o (т. е. $*coleō$, что соответствует регулярным рефлексам в закрытых слогах, типа *fulgeō*), то, возможно, в раннеиталийскую эпоху, тогда же, когда проходила фонологизация результатов действия «закона Турнейзена и Аве», рефлексы сонантов перед гласными (не зависящие напрямую от ударения) изменились по аналогии, с одной стороны, с рефлексами долгих сонантов в безударном положении, с другой – по аналогии с формами, где действовал переход $*oi > ai$. Интересно, что в таком случае наблюдаются параллели не только между развитием $*ol > al$ и $*oi > ai$, но и, уже в историческое время, $el > ol$ (в случае именно с велярным l) и $ei > oi$.

Во-вторых, сам переход $ei > oi$ не может рассматриваться обособленно от перехода $oi > ai$, когда речь идет о развитии праиталийского вокализма. Прав был ещё Луи Аве, отдельно указавший на то, что источником лат. *oi* является чаще всего и.-е. $*ei$, тогда как и.-е. $*oi > ai$. Об этом часто забывают, гово-

ря о совпадении или смешении *ei* и *oi* в праиталийскую эпоху. Следует ввести уточнение, что к моменту действия перехода *ei* > *oi* в праиталийском языке дифтонга *oi* уже практически не существовало, за исключением тех (весьма редких) случаев, когда дифтонг *oi*, находившийся когда-то под ударением, сохранился.

Литература

- Дыбо 1961 – Дыбо В. А. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии // Вопросы славянского языкознания. М., 1961. № 5.
- Тронский 2001 – Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). Изд. 2, испр. и дополн., М., 2001.
- Brugmann 1886 – Brugmann K. Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1886.
- Collinge 1985 – Collinge N.E. The Laws of Indo-European. Amsterdam; Philadelphia, 1985.
- Fay 1899 – Fay E. W. Establishment and Extension of the Law of Thurneysen and Havet by Lionel Horton-Smith // The American Journal of Philology. 1899. Т. 20–1.
- Havet 1885 – Havet L. Mélanges latins // MSL. 1885. №6.
- Horton-Smith 1895 – Horton-Smith L. Establishment and Extension of the Law of Thurneysen and Havet. I // The American Journal of Philology. 1895. № 16–4.
- Horton-Smith 1896 – Horton-Smith L. Establishment and Extension of the Law of Thurneysen and Havet. II // The American Journal of Philology. 1896. № 17–2.
- Juret 1918 – Juret C. Questions de phonétique latine // MSL. 1918. № 20.
- Kretschmer 1904 – Kretschmer P. Zum lateinischen wandel von ov in av // KZ. 1904. № 37–2.
- Leumann 1977 – Leumann M. Lateinische Laut- und Formenlehre. München, 1977.
- Meiser 1998 – Meiser G. Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache. Darmstadt, 1998.
- von Planta 1892 – von Planta R. Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte. Strassburg, 1892.
- Saussure 1879 – de Saussure F. Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes, Lipsiae, 1879.
- Schrijver 1991 – Schrijver P. The reflexes of the Proto-Indo-European Laryngeals in Latin. Amsterdam; Atlanta, 1991.
- Solmsen 1904 – Solmsen F. Beiträge zur geschichte der lateinischen Sprache // KZ. 1904. Bd. 37.
- Sommer 1914 – Sommer F. Kritische Erläuterungen zur lateinischen Laut- und Formenlehre. Heidelberg, 1914.
- Szemerényi 1951 – Szemerényi O. Ein lateinischer Lautwandel: $\bar{o}w > \bar{a}w?$ // KZ, 1951. Bd. 70.

- Thurneysen 1887 – Thurneysen R. Lateinischer Lautwandel // KZ, 1887. Bd. 8.
- de Vaan 2008 – de Vaan M. Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden; Boston, 2008.
- Vine 2006 – B. Vine. On 'Thurneysen-Havet's Law' in Latin and Italic // Historische Sprachforschung. 2006. Bd. 119.
- Vine 2009 – B. Vine. PIE mobile accent in Italic: further evidence // The sound of Indo-European. Phonetics, phonemics, and morphophonemics. Copenhagen, 2009.

E. P. Novikova. The Law of Thurneysen and Havet – the Proto-Italic development ?

The article deals with the Law of Thurneysen and Havet and the history of the problem, including analysis of the latest investigations of Brent Vine, who tries to find any reflections of the PIE accentuation in Proto-Italic and gives the hypothesis that the development *ou > au is Proto-Italic and depends on the PIE accentuation. There are also some consequences that may be given when we try to analyze the historical phonetic changes of the Proto-Italic period from this point of view.

Р. Н. Орешко

КУБАНТА: «ВЕЛИКАЯ ВЛАДЫЧИЦА» ЗАПАДНОЙ АНАТОЛИИ?

Резюме. В статье в едином комплексе рассматриваются два сюжета, связанных с западной Анатолией эпохи поздней бронзы. Дается анализ элемента kubanta-, засвидетельствованного в нескольких западно-анатолийских именах, позволяющий предположить, что речь идет об имени божества. Затем предлагается анализ иероглифического текста KARAKUYU-TORBALI, в котором, как можно предполагать, упоминается имя того же божества. В заключение представлен этимологический анализ имени Кубанта.

Ключевые слова: западная Анатолия, поздняя бронза Анатолии, иероглифический лувийский, KARAKUYU-TORBALI, Кубанта.

Имеющийся в распоряжении исследователей материал по культуре западной Анатолии периода поздней бронзы (2-ая пол. II тыс. до н. э.) чрезвычайно скуден, причем это касается практически всех ее аспектов – языка, истории, политического устройства, религии и т. д. Основная сложность заключается в том, что письменные памятники, приходящие собственно с территории западной Анатолии и датируемые этим временем, исчисляются единицами. Речь идет о нескольких надписях, выполненных так называемым лувийским иероглифическим письмом, изобретенным, по всей вероятности, в самой Анатолии и использовавшимся (по крайней мере со второй половины II тыс. до н. э.) наряду с клинописью. Обнаруженные до сих пор надписи, в силу своего характера, дают в руки исследователей очень мало конкретной информации. Обе известные к настоящему времени группы надписей из западной Анатолии – надписи на скалах и надписи на печатях или буллах – содержат лишь имена собственные, снабженные титулами¹. Только в последнее время

¹ К первой группе относятся граффити SURATKAYA, два «лапидарных» граффити AKPINAR, и группа надписей KARABEL (A, C1 и C2). Надписи второй группы представлены серебряной печатью царя Миры Таркашавы, бронзовой печатью из Трои и недавно опубликованной печатью из собрания Перк; несколько булл, несущих отпе-

западно-анатолийские надписи пополнились еще одним фрагментарным текстом, который представляет из себя нечто большее, чем граффито.

Основная часть данных, касающихся западной Анатолии II тыс. до н. э. происходит из клинописных хеттских источников, найденных в центральной Анатолии. Это, безусловно, важнейший источник по западной Анатолии. Эти тексты фрагментарны, и во многих случаях есть основания сомневаться в их объективности – западно-анатолийцы на протяжении большей части истории были политическими соперниками хеттов. Несмотря на фрагментарность источников можно составить хотя бы общее представление об этапах политической истории этого региона. Сведения такого рода можно найти в так называемых Анналах хеттских царей, в текстах «вассальных» договоров хеттских царей с западноанатолийскими правителями и в корреспонденции. Другой аспект западноанатолийской культуры, который интересовал хеттов, были ритуальные практики. Известно немало текстов ритуалов, составленных, как указано в самих этих текстах, «специалистами» из западной Анатолии, и переведенных затем на хеттский. Что же касается политического устройства, основных религиозных представлений и мифов, этнического состава или языков западной Анатолии, то все это, не говоря уже о многих других аспектах культуры, не находит практически никакого отражения в хеттских текстах.

Такая ситуация вынуждает обратить самое пристальное внимание на те фрагменты информации, которые, тем не менее, являются непосредственным и достоверным отражением культуры западной Анатолии – западно-анатолийскую ономастику. Этот источник информации ценен в двух аспектах. Во-первых, имена собственные содержат *языковой* материал. Во-вторых, ономастика является отражением определенных представлений, свойственных данному обществу. Поскольку речь в данном случае идет о древнем обществе, то в именах собственных можно надеяться обнаружить отражение прежде всего каких-либо *религиозных* представлений. Представленный ниже этюд посвящен одному из элементов, засвидетельствованному несколько раз в составе имен собственных: *kubanta-*.

чатки печатей с иероглифическими надписями, найдены на Сархёюке и Чине-Тепеджике.

1. Элемент *kubanta-* фигурирует в имени собственном *Kubanta-K(u)runtiya* (¹*Kubanta-D*KAL в клинописи), – имени двух западно-анатолийских царей: царя Арцавы в XIV в. до н.э. и царя Миры в XIII в. до н.э. (см. Laroche 1966: s.v. *Kuranta-D*KAL). В не так давно опубликованном тексте из Ортакёя (хетт. Сапинува) обнаруживается еще одно имя, содержащее этот элемент: ¹*Kubanta-zalma* (Süel 2001: 671, Vs. 10.). Это имя позволяет сделать некоторые предположения относительно значения *kubanta-*. Как установили уже Э. Ларош и О. Карруба, лексический элемент *zalma-*, чередующийся в клинописи с шумерограммой PAP, может быть вполне достоверно интерпретирован как «защита, щит» (Laroche 1966: 327, Carruba 1966: 81, прим. 5). Кроме ¹*Kubanta-zalma*, можно привести следующие имена (ср. Neumann 1976: 139сл.): *Tarhunta-zalma* (¹*D*U-*zalma* в клинописи и ¹TONITRUS-hu-za+ra/i-ma- в иероглифическом написании в EĞREK §1), *Nani-zalma* (¹DOMINUS-ni-za+ra/i-ma- в KULULU lead strip 1 §5, 29)², *Iarra-zalma* (¹Iyarra-PAP-a-), ¹*Huha-zalma*, ¹É.GAL.PAP-ma- и ¹*Huliya-zalma-nu*³. Во всех случаях, кроме семантически неясного *Huliya-zalma-nu-* и ¹É.GAL.PAP-ma- (букв. ‘дворец-защита’⁴), первая часть имен представляет собой основу *одушевленного* существительного: либо имя божества (*Тархунт(а)* или *Йарри*), либо существительные ‘господин’ (DOMINUS/*nani-*) или ‘предок’ (*huha-*). С осторожностью можно предположить, что и *kubanta-* является либо именем божества, либо термином, обозначающим человека.

Первое из упомянутых имен, содержащих элемент *kubanta-*, *Kubanta-K(u)runtiya*, свидетельствует скорее в пользу первого варианта. Если интерпретировать *kubanta-* как имя божества, то имя *Kubanta-K(u)runtiya* находит структурные соответствия в ряде других имен, содержащих во второй части имя божества-хранителя *K(y)рунтии*: *Sauska-K(u)runtiya* (Sà-us-ka-CERVUS₂ в

² Чтение /*nani-*/ для логотипа DOMINUS обосновывается мною в докладе, сделанном на 8-ом хеттологическом конгрессе в Варшаве.

³ Ссылки на тексты, где засвидетельствованы клинописные имена см. соответствующие номера в Laroche 1966. Последнее имя засвидетельствовано в уже упомянутом тексте из Ортакёя (Süel 2001).

⁴ Впрочем, «дворец» можно понимать и как одушевленное понятие: «совокупность обитателей дворца».

иероглифике или ^DLIŠ-^DKAL в клинописи⁵), Santa-K(u)runtiya (^ISanta-^DKAL) и, возможно Tiwada-K(u)runtiya (SOL-CERVUS₂-ta или SOL-ta-CERVUS₂ на булле SBo II 191). Все эти имена нужно интерпретировать, по-видимому, как «DN – (мое) Божество-Хранитель».

Конечно, два имени, содержащие элемент kubanta-, едва ли могут стать достаточным основанием для того, чтобы постулировать божество Кубанта. Предложенная интерпретация является лишь одной из множества возможных, хотя, пожалуй, и самой простой. Однако, в недавно найденном в западной Анатолии иероглифическом тексте неожиданно обнаруживается свидетельство, подкрепляющее предложенную интерпретацию.

2. Несколько лет назад на окраине деревни Каракую, неподалеку от города Торбалы в провинции Измир, был обнаружен фрагмент каменной стелы. Памятник опубликован в 2011 г. группой турецких ученых (Işık, Atıcı, Tekeoğlu 2011). На лицевой стороне стелы сохранилась часть рельефа, с изображением части мужского торса, ноги и части копья. Рельеф выполнен в стиле, близком к стилю рельефов, известных на территории как западной Анатолии (KARABEL A), так и центральной Анатолии, датируемых периодом Хеттской империи. Стилистические характеристики рельефа, как это отмечается издателями, позволяют датировать памятник XIII–XII вв. до н.э.

Фрагментарная надпись лувийским иероглифическим письмом (обозначенная как KARAKUYU-TORBALI) находится на боковой стороне стелы (см. рис 1). Надпись содержит две строки, разделенных линией, однако первоначальное число строк было, по-видимому, большим. Вторая и, насколько можно судить, последняя строка надписи сохранилась относительно хорошо. Чтение и интерпретация всей надписи, довольно сильно отличающиеся от предложенных Р. Текоглу в первоначальной публикации (Işık, Atıcı, Tekeoğlu 2011: 22сл.), была недавно дана мною в статье, посвященной надписям западной Анатолии (Oreshko 2012). Здесь нет возможности подробно останавливаться на чтении каждого знака во второй строке, – к тому же интересующее нас в связи с элементом kubanta- место

⁵ В дополнение к свидетельствам, собранным в Laroche 1966 s.v. *Šauška-^DKAL, Suppl. 1144 и Beckman 1983, 625, имя засвидетельствовано также на буллах, найденных на Нишантепе в Хаттусе (см. Herbordt 2005: Kat. 373–381).

содержится в первой, сильно поврежденной строке, – и я лишь кратко суммирую полученные результаты, прежде чем перейти к детальному анализу первой строки.

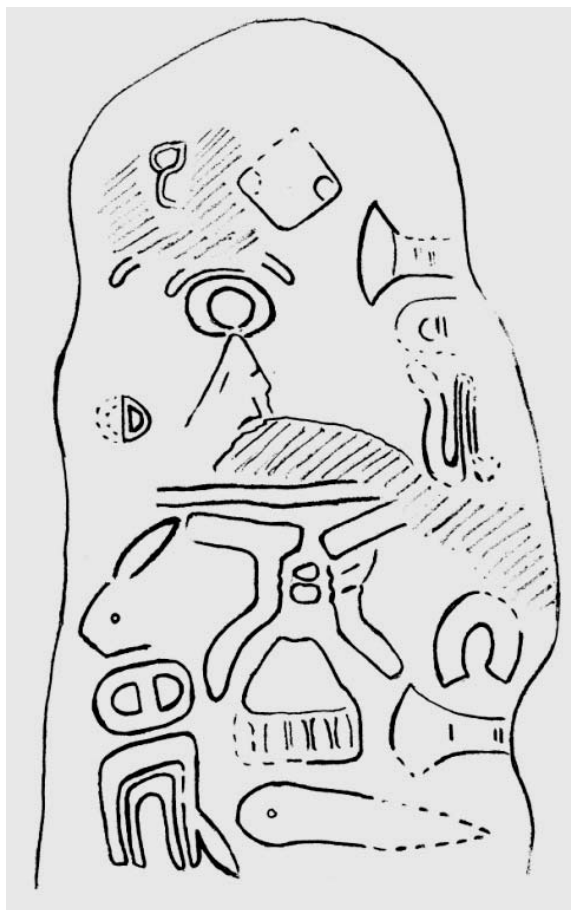

Рис. 1. Прорисовка надписи KARAKUYU-TORBALI, выполненная автором.

Начиная со второго знака первой колонки⁶, вторая строка может быть прочитана и интерпретирована следующим образом DEUS *430+ra/i LIS-l[i]-sa-tú «... пусть все боги преследуют (его/их)». Это предложение является частью так называемой «формулы проклятия», засвидетельствованной в десятках иероглифических текстов, найденных в центральной Анатолии и Сирии позднехеттского периода (XI–VIII вв. до н. э.). Эта формула обычно обнаруживается в конце текста и обращена к потенциальным «злодеям», которые могут попытаться что-то

⁶ Знак SÀ/GAZELLA, предшествующий знаку DEUS, относится, судя по всему, к предыдущей лексеме, содержащейся в лакуне.

сделать либо с самим текстом, либо с сооружением, с которым был связан текст (напр., священным участком или гробницей).

Что касается первой строки, то вся ее верхняя часть довольно сильно стерта. Зато в нижней части, прямо над большой трещиной, обнаруживается лигатура, состоящая из двух знаков, которую можно надежно идентифицировать. Это сочетание MAGNUS.DOMINA, которая интерпретируется как «великая владычица». Эта лигатура, скрывающая фонетическое чтение /hassusara-/, хорошо засвидетельствована на печатях эпохи Хеттской империи как титул хеттских цариц (см., например, Herbordt, Wawanureck, Hawkins 2011: Kat. 14, 16, 21, 29–33, 46–52 etc.). В иероглифических же текстах позднехеттской эпохи это сочетание выступает как эпитет женских божеств. Так, в текстах из Каракамиша (KARKAMIŠ A23 §§ 3, 10; KARKAMIŠ A25a §6; KARKAMIŠ A31 §7) эпитет «Великая Владычица Каркамиша» носит главное женское божество Сирии Кубаба; в текстах MEHARDE (§§1, 6, 8) и SHEIZAR (§7) засвидетельствовано женское божество, называемое «Великая Владычица Страны», которое является, возможно, местным воплощением той же Кубабы.

Таким образом, есть две возможности: в первой строке упоминается либо некая западно-анатолийская царица, либо под «великой владычицей» подразумевается некое женское божество. Существует несколько сильных аргументов в пользу второй интерпретации. Во-первых, на лицевой стороне стелы, как отмечалось выше, изображена мужская фигура, поэтому в тексте следовало бы ожидать скорее упоминание «великого царя», а не «великой царицы». Еще важнее то обстоятельство, что большая часть «формул проклятий», содержащихся в поздних текстах, длиннее, чем содержащаяся во второй строке KARAKUYU-TORBALI часть предложения. Обычно такие формулы содержат имена конкретных божеств. Например, в KARKAMIŠ A4a §13 «формула проклятия» выглядит следующим образом:

wa/i-tu-u “CAELUM” (DEUS)TONITRUS-hu-za-sá-´ (DEUS)kar-hu-ha-sa (DEUS)ku-AVIS-pa-pa-sa-ha (DEUS)LUNA+MI-sa-´ (DEUS)SOL-sa-[ha-´] (DEUS)pa+ra/i-[k]a+ra/i-sa-ha-´ |LIS-la/i/u-sa-tu

«Небесный Бог-Гроза, Кархуха и Кубаба, Бог-Луна и Бог-Солнце, а так же Паринкар(а) пусть его преследуют!».

Таким образом, есть все основания ожидать, что в первой строке KARAKUYU-TORBALI также упомянуты конкретные божества, а обобщающее «все боги» является лишь последним пунктом списка, что является нормой для многих хеттских текстов, например, для списков божеств-свидетелей «вассальных» договоров.

Изучение остатков знаков в первой строке под таким углом зрения оказывается вполне плодотворным. В левой части строки оказывается возможным обнаружить остатки знаков, которые соответствуют написанию одного из самых частых имен божеств, засвидетельствованных в иероглифических текстах: DEUS.TONITRUS, Тархунт(а). Далее, знак, стоящий над знаком DEUS может быть вполне надежно отждествлен как TU и интерпретирован, соответственно, как часть цепочки энклитик в начале предложения, а именно как энклитическое местоимение 3 л. ед./мн. ч., соответствующее стандартному началу «формулы проклятия» (ср. выше KARKAMIŠ A4a §13).

Таким образом, божество, имеющее эпитет «великая владычица», оказывается на втором месте списка божеств, следуя за Богом-Грозой, главным мужским божеством. Почти все знаки, предшествующие лигатуре MAGNUS.DOMINA, в той или иной степени повреждены. И все же знак, который, судя по его положению, является первым знаком в имени, может быть достаточно надежно идентифицирован как KU. Следующий знак, находящийся слева от KU сильно поврежден, однако на основании сохранившихся частей можно было бы предполагать, что это PA. Третий знак, составляющий имя, поврежден слишком сильно. Зато часть знака слева от MAGNUS.DOMINA вполне однозначно может быть идентифицирована как часть знака HA. Знак передает, по-видимому, энклитическую соединительную частицу -ha, вполне уместную в данном случае. Наконец, знак DEUS, который должен предшествовать имени богини, содержался, судя по всему, в верхней, утраченной части строки.

Итак, две сохранившиеся строки могут быть восстановлены следующим образом:

1.1 [*a-wa/i-t]ú '(DE[US]TO)NITRUS [x] [(DEUS)]k^ru¹-p[a²]-[x]
MAGNUS.DOMINA-h[a...]

1.2 ...]-^rsa¹ DEUS *430+ra/i LIS-l[i]-sa-tú

«Пусть Бог-Гроза и Куба(?)..., Великая Владычица, ... и все боги преследуют (его/их)»

Первой мыслью, на которую наводит последовательность ku-ра-, передающая начало имени великой богини, является то, что в тексте упоминается Кубаба, фактически единственное женское божество, засвидетельствованное в десятках иероглифических текстов позднешеттского периода. Однако, в данном случае такая интерпретация наталкивается на неразрешимые противоречия. Кубаба является исконно сирийским божеством, чьим главным культовым центром был Каркамиш (Laroche 1960, Hawkins 1981, Roller 1999: 41ff., ср. также Hutter в Melchert et al. 2003: 272f.). Хотя имя Кубабы и засвидетельствовано в некоторых текстах из Хаттусы в период Хеттской империи, едва ли есть основания предполагать реальное распространение ее культа в центральной Анатолии уже в этот период. Вероятно, ее культ распространился здесь в какой-то степени лишь несколькими веками позже, в период взаимодействия позднешеттских государств. Что же касается западной Анатолии, то присутствие культа Кубабы можно предполагать на основании сообщений греческих авторов лишь для гораздо более позднего времени, да и то с большой долей осторожности, поскольку нет никакой уверенности, что Κυβήβη, имеющая, согласно Геродоту, храм в Сардах (Hdt. V, 102), действительно является сирийским божеством Кубабой. Если же это так, то культ Кубабы должен был распространиться в западной Анатолии в эпоху интенсивных контактов в восточно-средиземноморском бассейне, в так называемый «ориентализирующий период» (т. е. около VII в. до н. э.). Объяснить появление сирийского божества в западной Анатолии уже в XII–XI вв. до н. э. едва ли возможно. Не более убедительной выглядела бы и попытка увидеть в MAGNUS.DOMINA текста KARAKUYU-TORBALI Кибелу, фригийское женское божество, чей культ засвидетельствован в Центральной Анатолии с VII–VI вв. до н. э.

Наблюдения относительно возможного значения элемента kubanta- в западно-анатолийских именах, представленные выше, предлагают еще одну альтернативу: Кубанта. Сразу с нескольких точек зрения эта альтернатива выглядит более правдоподобно. Действительно, и по времени появления, и по географической соотнесенности личные имена, содержащие элемент kubanta-, практически точно соответствуют датировке и месту обнаружения текста KARAKUYU-TORBALI – западная Анатолия эпоха поздней бронзы. Более того, высокое положение богини Ku-ра-... в западноанатолийском пантеоне, предпо-

лагаемое ее появлением на втором месте после Тархунта, также как и ее эпитет «великая владычица», прекрасно согласуются с появлением Кубанты в *царском* имени Kubanta-K(u)runtiya. Наконец, с точки зрения эпиграфики восстановление в первой строке текста ku-ra-tà представляется вполне возможным, в то время как увидеть RA в последнем знаке совершенно невозможно. Итак, хотя свидетельства и немногочисленны, они кажутся все же достаточными, что бы принять – по крайней мере, как рабочую гипотезу – существование богини Kubanta в пантеоне западноанатолийцев.

3. Предложенная гипотеза открывает весьма интересные перспективы в плане этимологического истолкования имени, что, в свою очередь, позволяет сделать некоторые выводы относительно общего характера богини. Морфологически, имя Kubanta находит поразительно точные соответствия в двух именах божеств лувийского пантеона: Tarhunta и Santa. Оба имени содержат суффикс -nt- и являются производными от корня tarhu(wa)- ‘покорять, завоевывать, быть сильнее’ (см. Hutter в Melchert et al. 2003: 220f. с дальнейшей литературой) и sāi- ‘гневаться’ (ibid.: 228) соответственно. По всей видимости, этот суффикс является рефлексом общеиндоевропейского суффикса, образующего причастия⁷. Выделение суффикса -nt- из имени Kubanta дает основу kub-. Эта основа достаточно хорошо засвидетельствована в клинописных текстах и имеет значения ‘замышлять; устраивать заговор; плести интриги; строить козни’ (Tischler 1977–1983: s.v., Puhvel 1997: s.v., ср. Melchert 1993: s.v.). Хотя этот глагол обнаруживается в хеттских текстах, обычно он снабжен так называемым «глоссовым клином», что указывает на его не-хеттское происхождение. Есть все основания видеть в нем именно лувийскую основу. Имя богини может быть интерпретировано, таким образом, как «замыслительница; устроительница козней; плетушая интриги».

Такая интерпретация имени наводит на мысль о коварной и переменчивой природе месопотамской богини любви и войны Иштар или хурритской богини Шавушки. Можно вспомнить также сходные эпитеты, которые характеризуют Афродиту в архаической греческой лирике: δολοπλόκα (fem.) ‘плетушая

⁷ Ср. также имя божества, засвидетельствованное в КВо 4.11 rev. 52: ^DAyant(i), которое с формальной точки зрения может быть объяснено как причастие от лувийской глагольной основы ā-/āya- ‘делать’.

козни' в знаменитом гимне Сапфо, обращенном к Афродите (Sapph.1.2, см. Page 1955), и *δολόμητις* (v.l. *δολομήδης*), 'коварная, вероломная' в одном из фрагментов Симонида (Page 1962: Nr. 70.).

Любопытно, что в центральной Анатолии хорошо засвидетельствовано имя Sauska-K(u)runtiya, которое, как и Kubanta-K(u)runtiya, является *мужским* именем, в отличие от большинства имен содержащих имена богинь. Не исключено, что параллелизм имен не случаен и является отражением общего концепта покровительства «Богини Войны-и-Любви» именно мужчинам-воинам.

Таким образом, хотя имеющийся материал не позволяет сделать однозначные выводы, представляется, что Кубанта являлась западно-анатолийской богиней, сходной по своему характеру с восточно-анатолийской Шавушкой.

Литература

- Beckman 1983 – Beckman G. A Contribution to Hittite Onomastic Studies // JAOS 103. P. 623–627.
- Carruba 1966 – Carruba O. Die Verbalendungen auf *-wani* und *-tani* und das relative Alter der hethitischen Texte, Sprache 12. S. 79–89.
- Hawkins 1981 – Hawkins J. D. Kubaba at Karkamiš and Elsewhere // Anatolian Studies 31. P. 147–176.
- Herbordt 2005 – Herbordt S. Die Prinzen- und Beamtsiegel der hethitischen Grossreichszeit auf Tonbullen aus dem Nişantepe-Archiv in Hattusa mit Kommentaren zu den Siegelinschriften und Hieroglyphen von J. David Hawkins. Mainz (= Boğazköy-Ḫattuša 19).
- Herbordt, Bawanypeck, Hawkins 2001– Herbordt S., Bawanypeck D., Hawkins J. D. Die Siegel der Grosskönige und Grossköniginnen auf Tonbullen aus dem Nişantepe-Archiv in Hattusa. Darmstadt-Mainz (= BoHa 23).
- Işık, Atıcı, Tekoğlu 2011 – Işık F., Atıcı M., Tekoğlu R. Die nachhethitische Königsstele von Karakuyu beim Karabel-Pass. Zur kulturellen Kontinuität vom bronzezeitlichen Mira zum eisenzeitlichen Ionia, Asia Minor Studien. Bd. 66: Studien zum antiken Kleinasien VII. S. 1–33.
- Laroche 1960 – Laroche E., Koubara, déesse anatolienne, et le problème des origines de Cybèle, in: *Éléments orientaux dans la religion grecque ancienne*. Paris. P. 113–128.
- Laroche 1966 – Laroche E. Les noms des Hittites. Paris (= *Études linguistiques* 4).
- Melchert 1993 – Melchert H. C. Cuneiform Luvian Lexicon. Chapel Hill (Lexica Anatolica 2).
- Melchert et al. 2003 – Melchert H. C. et al. The Luwians. Leiden; Boston (= HdO I/68).
- Neumann 1976 – Neumann G. Zu einigen hethitisch-luwischen Personennamen // KZ. 90. S. 139–144.

- Oreshko 2012 – Oreshko R. Hieroglyphic Inscriptions of western Anatolia: Long Arm of the Empire or Vernacular Tradition(s)? (в печати).
Page 1955 – Page D. L. Sappho and Alcaeus. Oxford.
Page 1962 – Page D.L. (ed.) Poetae Melici Graeci. Oxford, 1962.
Puhvel 1997 – Puhvel J. Hittite Etymological Dictionary. Vol. 4. Words beginning with K. Berlin; New York.
Roller 1999 – Roller L. E. In Search of God the Mother: The Cult of Anatolian Cybele. Berkeley; Los Angeles.
Süel 2001 – Süel A. Ortaköy Tabletleri Işığında Batı Anadolu ile İlgili Bazı Konular Üzerine // Wilhelm G. (ed.), Akten des IV. Internationalen Kongresses für Hethitologie. Würzburg, 4.-8. Oktober 1999. Wiesbaden, 2001. S. 670–678 (= StBoT 45).
Tischler 1977–1983 – Tischler J. Hethitisches Etymologisches Glossar. Teil 1, A-K. Innsbruck (= IBS 20).

R. N. Oreshko. Kubanta: the ‘Great Queen’ of western Anatolia?

The article analyses two topics concerning the culture of western Anatolia in the Late Bronze Age; the topics supposedly form a single complex. On the one hand, one is presented with an analysis of the element *kubanta-*, attested in several west-Anatolian personal names, such as *Kubanta-K(u)runtiya* and *Kubanta-zalma*. It is shown that a probable interpretation would be to see it as a divine name. The second part of the article is an analysis of the text from the newly found stele with a hieroglyphic inscription KARAKUYU-TORBALI. It is demonstrated that in the first line of the text a name of a goddess is attested. In the text the goddess is called MAGNUS.DOMINA ‘Great Queen’, and her name begins in all probability with the signs *ku-pa-*. Since both the Syrian goddess Kubaba and the Phrygian deity Kybele could hardly be present in the western Anatolia of 13-12 c. BC, it is assumed that it is Kubanta which is meant. The third and fourth parts of the article provide considerations on the etymology of the name, and on the possible connection of the goddess with Artemis of Ephesos.

Н. Б. Пименова

**ПУТИ РАЗВИТИЯ ГЕРМАНСКИХ N-ОСНОВ:
ОТВЛЕЧЕННЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ
ДРЕВНЕНЕМЕЦКОГО АРЕАЛА¹**

Резюме. В статье анализируются семантические закономерности включения общегерманского основообразующего суффикса *-n-* в словообразовательные корреляции в древневерхненемецком языке. Рассматриваются различия семантической структуры типов с формантами *-an-* и *-ōn-*, исторические и синхронные соотношения *nomina agentis* и отвлеченных имен, межкатегориальные связи отглагольных и отадективных типов, соотношение центра (продуктивные отглагольные типы) и периферии (отадективные типы) словообразовательной системы. Предложенные детализирующие параметры описания и анализа имеют значение для реконструкции предыстории и путей эволюции древнегерманских языков.

Ключевые слова: n-основы, отвлеченные словообразовательные типы, номинализация, отвлеченные и конкретные значения, отглагольные и отадективные имена, системные отношения, эволюция системы, древнегерманские языки, древневерхненемецкий язык; n-stems, word formation types with abstract semantics, nominalization, abstract and concrete meanings, verbal and adjectival nouns, system relations, system evolution, Old Germanic languages, Old High German.

Вопрос о развитии именных основ с разными основообразующими суффиксами (ООС) связан с одним из важных аспектов эволюции близкородственных индоевропейских языков. Кроме фонеморфологических процессов, морфологического варьирования и перераспределения морфологической продуктивности, первоочередной интерес здесь представляют малоизученные и недооцененные механизмы и факторы включения ООС в словообразовательные корреляции и их функционирования в качестве формантов словообразовательных типов.

Обычно по умолчанию предполагается, что основные различия близкородственных языков в данной словообразовательной сфере складываются в результате перераспределения продук-

¹ При поддержке фонда им. А. Гумбольдта, РГНФ (проект №11-04-00282а) и Ин-та современных лингвистических исследований при Московском гос. гуманитарном университете им. М. А. Шолохова.

тивности мотивирующих основ между различными частями речи, а также в ходе фонеморфологических изменений, через форманты воздействующих на соотношения типов (ср. для древнегерманских языков СГГЯ 1963, Meid 1969). Однако попытки уточнить характер дописьменных и раннеписьменных процессов сразу наталкиваются как на недостаточную детализацию описываемых синхронных срезов, так и на отсутствие ясных параметров, которые позволили бы фиксировать релевантные особенности систем и выделять закономерные соотношения, отличая случайные изменения от направленных.

Между тем исследование фрагментов систем древних германских языков позволяет утверждать, что словообразовательные корреляции и участие в них ООС в значительной степени регулируются именно внутрисистемными, собственно словообразовательными закономерностями, доступными для анализа при применении специальных методов.

Так, ряд параметров, выделенных и примененных в ходе изучения древнегерманских и родственных древнегерманских словообразовательных типов «отвлеченного действия» и «отвлеченного свойства» (Пименова 2011), позволяет фиксировать наиболее существенные семантические тенденции и соотношения, которые формируют индивидуальные признаки словообразовательных типов (внутренней семантической структуры словообразовательных типов) внутри системы. Для отвлеченных типов такими параметрами в первую очередь являются соотношения мотивирующих основ различных семантических классов и специфический набор сопутствующих конкретных значений. Эти детализующие параметры не только создают необходимую базу для сопоставления близкородственных языков и фиксации ранних расхождений в их системах, но и позволяют формулировать новые, более сложные задачи, касающиеся закономерностей функционирования и эволюции словообразовательных систем.

Обратимся к примеру словообразовательных закономерностей, регулирующих соотношения древневерхнегерманских n-основных мотивированных имен со значением «отвлеченного действия» и «отвлеченного свойства».

Имеющий индоевропейское происхождение германский тип n-основ характеризуется как тип, получивший индуцирующее влияние среди немотивированных слов и высокую продуктивность среди мотивированных образований. В древнегерман-

ских языках *-n-* образует в сочетании с тематическим гласным словообразовательные форманты *-an-* (имена мужского рода) и *-ōn-* (имена женского рода)², участвующие в образовании обозначений лиц (для отглагольных имен – *nomina agentis*), неодушевленных предметов, а также обозначений отвлеченных действий и свойств. Две модели образования имен на *-n-*: от прилагательных и от глаголов, – имеют догерманское происхождение (Wessén 1914: 8); к общегерманской эпохе относятся процессы дифференциации парадигмы *n*-имен на парадигму мужского (плюс среднего) и женского рода, в ходе которой в самостоятельные типы выделились имена женского рода на *-ōn-* и *-īn-* (Wessén 1914: 129–130; СГГЯ 1963: 207). При этом развитие различных *n*-типов (деадъективных и девербальных типов различных родовых классов) и распределение между ними значений происходит по-разному в отдельных древнегерманских языках.

Более подробный анализ развития *n*-типов древненемецкого ареала позволяет выделить следующие проблемные моменты исследуемых соотношений:

– вопрос о семантической гомогенности и интегрированности различных мотивирующих основ и значений производных в составе типов;

– вопрос о формировании различных признаков типов с формантами *-an-* и *-ōn-*, комбинирующими *-a-*, *-ō-* и *-n-*;

– вопрос о соотношении и взаимовлиянии в системе моделей имен деятеля и моделей отвлеченных имен;

– вопрос о различии и сходстве внутрисистемной семантической организации отадъективных и отглагольных типов;

– вопрос о соотношении центра и периферии словообразовательной системы.

Центр системы: продуктивные типы. В древневерхненемецком языке продуктивными³ типами с формантами, содержащими *-n-* (формантами *-an-* и *-ōn-*) являются типы отглагольные.

² Здесь не рассматривается суффикс *-ī(n)-* единственный древнегерманский основообразующий суффикс, всегда имеющий словообразовательную функцию.

³ Используется понятие «количественной продуктивности». К количественно продуктивным типам в двн. корпусе мы относим типы, представленные хотя бы несколькими десятками образований.

Значительная продуктивность *-an-* и *-ōn-* образований с субъектной мотивацией (т. е. имен, обозначающих носителя-источника глагольного признака), поддержанная неограниченной синхронной продуктивностью *nomina agentis* (личных имен), позволяет ставить вопрос о выделении не двух, а четырех отглагольных типов: собственно отвлеченных типов и типов с субъектным значением (*nomina agentis*, инструментальных имен и других субъектных образований).

Для типа с формантом *-an-* эта трактовка поддерживается изоляцией субъектных и отвлеченных имен на уровне мотивирующих основ: субъектные имена образуются от глаголов всех семантических классов, включая глаголы изменяющего воздействия на объект, в то время как среди относительно немногочисленных отвлеченных *an-* имен подобные базы не представлены. Мотивирующие основы отвлеченных *an-* имен представлены преимущественно глаголами состояния, глаголами неконтролируемых процессов, а также некоторыми глаголами неизменяющего действия (в абсолютном непереходном употреблении)⁴. Ср. напр. *giloubo* 'вера' к *gilouben* 'верить', *gidingo* 'надежда' к *gidingen* 'надеяться', *swero* 'боль, мука' к *sweran* 'болеть, страдать', *huosto* 'кашель' к *huostōn* 'кашлять', *niumo* 'пение, ликование' к *niumēn*, *niumōn* 'петь, ликовать', *kradamo* 'шум' к *kradamen* 'шуметь, кричать, бушевать, ворчать'.

Историческое взаимовлияние субъектных имен и отвлеченных имен на синхронном уровне проявляется в присутствии ряда нерезультативных образований от глаголов воздействия на объект, обозначающих болезни («квазиагенсы»), ср. *dampfo*, *dempfo* 'насморк' к *dempfen* 'душить' (с возможностью субъектной мотивации 'душащее'), а также с комбинированным формантом *-adan-* (*-ad-* плюс *-an-*) *stehhado* 'колотьё в боку' к *stehhan* 'колоть', *magabizzado* 'колики, резь в животе' к *bîzan* 'кусать, колоть' и др.

В связи с явной непродуктивностью чисто отвлеченных *an-* имен от глаголов изменяющего воздействия на синхронном уровне в структуре типа оказываются изолятами и немногочисленные конкретные объектно-результативные имена от

⁴ К списку слов, приведенному в Пименова 2011, может быть добавлено *zweho* 'сомнение' от *zwehōn* 'сомневаться, колебаться' (Gl. 765 г.) лат. *ambiguitas*, (*anceps*), *dubium*, *nimirum* (= двн. *ûzar zwehon* 'без сомнения').

таких глаголов, ср. напр. *bizzo* ‘кусок’ от *bîzan* (сн. гл.) ‘кусать’, *stopfo* ‘укол, точка’ (лат. *punctus*) от *stopfôn* (сл. гл.) ‘ударять’.

Чисто отвлеченные результативные имена среди зафиксированных *an*-имен также не представлены. Таким образом, синхронное положение *an*-типа в древневерхненемецкой системе характеризуется доминантной ролью «нерезультативности» и «безобъектности».

Семантическая структура двн. отглагольного типа на *-ōn-*, на первый взгляд, представляющего собой не более чем общегерманское морфологическое ответвление от *n*-образца, обнаруживает совершенно иные особенности.

Во-первых, состав мотивирующих основ древневерхненемецких *ōn*-имен лишен семантической специфичности, свойственной древневерхненемецким именам на *-an-*. Среди отвлеченных *ōn*-имен есть как имена, мотивированные глаголами состояния и глаголами неконтролируемых процессов, так и имена, мотивированные глаголами действия, в том числе глаголами, обозначающими изменяющее воздействие на объект, ср., с одной стороны, *gihōra* ‘слух’ к *gihōren* ‘слышать’, *biba* ‘дрожь, благоговение’ к *bibēn* ‘дрожать’ и *umbisnīda* ‘обрезание’ к *umbisnīdan* ‘обрезать’ и др. При этом имена к глаголам состояния и неконтролируемых процессов составляют меньшую часть засвидетельствованных *ōn*-имен (Пименова 2011: 185). Благодаря присутствию среди отвлеченных имен на *-ōn-* образований к глаголам действия значение результативного объекта в *ōn*-типе не изолировано от основного, отвлеченного значения, как в именах мужского рода на *-an-*. Кроме того, наличие *ōn*-имен с конкретно-предметным значением результативного объекта соответствует присутствию среди отвлеченных *ōn*-имен образований от объектных предельно-результативных глаголов.

«Объектный» полюс *-ōn*-имен представлен не только объектно-результативными образованиями, но и некоторыми именами внешнего нерезультативного объекта, ср. *binisūga* (с вариативностью *-ō-* и *-ōn-* основы) ‘пчелиный цветок’ к *bini* ‘пчела’ и *sūgan* ‘пить, сосать’, т.е. ‘то, что сосет пчела’, *āleiba* ‘остаток’ (*-ō-*, *-ōn-*) от **āleiben, leiben* ‘оставлять’. Тем самым *-ōn*-тип обнаруживает внутри системы явное, хотя и лишь частичное движение к ‘объектным’ двн. типам, характеризующимся продуктивностью имен внешнего нерезультативного объекта, внешнего эффицированного (полностью созданного) объекта и локативов. Это движение, по-видимому, поддерживается широкой морфо-

логической вариативностью *-ōn-* и *-ō-*имен и влиянием смежного *ō-*типа, имеющего ярко выраженный «объектный полюс».

Семантические свойства отглагольных типов на *-an-* и *-ōn-*, по всей очевидности, не являются наследием общегерманской системы, поскольку готские *-an-* и *-ōn-*типы подобных особенностей не обнаруживают.

Периферия системы. На периферии древненемецкой словообразовательной системы представлены малопродуктивные отадъективные типы. Периферия проявляет возможные направления функционирования *n-*имен, не получившие «поддержки» в связи с особенностями построения древневерхненемецкой системы и конкуренцией других типов. Ее анализ важен и для изучения путей развития других древнегерманских языков, поскольку имена, непродуктивные в древневерхненемецком языке, могут представлять группы, обладающие реликтовой или приобретенной продуктивностью в других языковых ареалах.

Периферийные отадъективные двн. типы на *-an-* и *-ōn-*, как и продуктивные типы, отличаются друг от друга некоторыми особенностями.

Для отадъективных двн. *an-*имен мужского рода, представленных единичными образованиями, характерен сдвиг в сторону обозначения предметных носителей признака. Ср. *holo* не ‘пустота’, а ‘дыра, подвал’ от *hol* ‘пустой, полый’, *morganrôto* ‘утренняя заря’ (N. Gl.) наряду с *morganrôta* (Gl.12 в.) от *morgan* ‘утро’ и *rôt* ‘красный’, *rôto* ‘рыба красного цвета’ (‘голец’), *tolo* ‘пьяная вишня’ от *tol* ‘глупый, дурацкий’, а также *wolo* ‘богатство, роскошь’ от *wol* ‘хороший, добрый, превосходный’ (как перевод лат. *deliciae* ‘привлекательные вещи, роскошь, отрада’, *divitiae* ‘богатства, драгоценности’, *tammona*) с явным сдвигом к предметной семантике по сравнению с *wola* ж. р. (*-ō-*, *-ōn-*) ‘благо, счастье, богатство’ (лат. *prospera* ‘благополучное, благоприятствующее’)⁵. Отсутствие явной предметности наблюдается лишь у слова *balo* ‘злое, зло’ (как перевод лат. *malum* с атрибуцией *n-*основам в единственном контексте), однако в этом случае можно предполагать и аналогическое переосмысление *wa-*основы *balo* (м. р., ср. р.) по образцу *n-*основ, также характеризующихся финалью *-o* в именительном падеже ед. числа.

⁵ Полный список по данным сплошной выборки на основе словаря Г. Кёблера (Köbler 1993).

Аналогичный сдвиг к вещно-предметной семантике засвидетельствован в образовании с комплексным формантом, содержащим *-an-* (*-od-* + *-an-*) *holodo* ‘дыра, яма’.

Как очевидно, в системе древневерхненемецкого языка положение периферийных отадъективных *an*-имен находит примечательную параллель с продуктивными отглагольными именами на *-an-* (включая имена с комплексными формантами, содержащими *-an-*): значение предметного признака отадъективных *an*-имен соответствует наиболее продуктивному агентивно-предметному значению отглагольных имен на *-an-* (и в том, и в другом случае обозначается предметный носитель признака). Другими словами, отадъективные *an*-имена проявляют употребительность в значении, аналог которого в сфере наиболее продуктивен у отглагольных *an*-имен. В системе представлены и отадъективные *an*-имена лиц, являющиеся наиболее близкой параллелью к отглагольным *nomina agentis*, ср. напр. *holdo* ‘друг, помощник’ от *hold* ‘верный’, *kundo* ‘знакомый’ от *kund* ‘известный’.

Ограничение сферы продуктивности и употребительности *an*-имен мужского рода областью предметных обозначений представляет собой существенное отличие по сравнению с древнеанглийским и древнеисландским языками, где деадъективные *an*-имена активно употребляются для обозначения отвлеченных свойств.

Среди древневерхненемецких отадъективных имен женского рода на *-ōn-*, как и среди *an*-имен, также представлены обозначения лиц, ср. напр. *altihha* ‘старуха’ от *altih* ‘старый’, а также неодушевленные предметные имена. Однако, в отличие от *an*-имен, у *ōn*-имен более употребительными оказываются обозначения отвлеченных свойств. Ср. предметные обозначения: *truhtinlîhha* ‘воскресенье (день недели)’ от *truhtinlîh* ‘относящийся к Господу’, *manalîhha* ‘человеческий образ’ от *manalîh* ‘человеческий’, *wassa* ‘лезвие, острый кончик’, *tola* ‘виноград’ от *tol* ‘пьяный’ и нек. др.; отвлеченные обозначения: *heidiska* ‘язычество’ (N. Gl., лат. *paganismus*), *giwona* ‘обычай, обыкновение’, *freisa* ‘опасность’ (базовая именная основа представлена в производном прилагательном с суффиксом *-îg-* *freisîg*), *skanta* ‘стыд’, *wola* ‘благо’, *wela* ‘счастье, богатство’, вероятно, также *harta* ‘жесткость’. Ср., далее, с совмещением отвлеченного и конкретно-предметного значения *folla* ‘полнота, обилие’ (в доказательство адъективной мотивации можно привести лат.

plenitudo, ubertas) и *fûstfolla* 'пригорошня', букв. 'полнота горсти' (лат. *pugillus*).

На внутрисистемном межкатегориальном уровне бóльшая употребительность отвлеченных *ōn*-обозначений с адъективной мотивацией соответствует большей универсальности отвлеченных *ōn*-обозначений с глагольной мотивацией. Таким образом, периферия отадъективного производства обнаруживает диспропорции в продуктивности разных семантических классов имен, симметричную соотношению в сфере отглагольного словопроизводства.

Рассмотрение двн. мотивированных *n*-имен позволяет сделать ряд нетривиальных выводов, имеющих значение для типологии словообразования и для близкородственной реконструкции.

– В мотивированных именах распределение *n*-основ регулируется параметрами словообразовательных типов с соответствующими формантами. Как можно судить по полному исследованию древненемецкого материала и по выборочному анализу материала других древнегерманских языков, в отдельных языковых ареалах происходят различные сдвиги в продуктивности унаследованных отвлеченных *n*-типов. Эти сдвиги касаются не только статистического перераспределения продуктивности между родовыми классами, базами разной частеречной принадлежности и перераспределения между конкурирующими типами с различными словообразовательными значениями (имена деятеля vs. отвлеченные имена), но и соотношения отдельных значений и «активных семантических зон» внутри типов, межкатегориальных связей типов, а также семантического соотношения центра и периферии системы.

– Несмотря на исторические связи *n*-моделей с отвлеченным значением и *n*-моделей имен деятеля, на синхронном уровне древнегерманских языков наблюдается относительная независимость сохранения агентивных значений (значений носителей признака) от соотношения семантических зон внутри отвлеченных *n*-типов.

– Семантическая дифференциация типов на *-an-* и *-ōn-* складывается под влиянием смежных типов в системе; так, характеристики типа на *-ōn-* имеют связь с характеристиками типа-конкурента с формантом *-ō-*.

– В подсистеме малопродуктивных деадъективных типов отражаются семантические закономерности, действующие в

подсистеме девербальных типов и касающиеся соотношения отвлеченных обозначений и обозначений конкретного носителя признака. Это отражение говорит, во-первых, о весьма примечательном межкатегориальном взаимодействии словообразовательных подсистем и, во-вторых, о взаимосвязи центра (продуктивные типы) и периферии словообразовательной системы.

– Наконец, древневерхненемецкая подсистема *n*-номинализаций дает любопытный пример функционирования морфологосинтаксического интерфейса, управляемого как морфологическими, так и чисто деривационными закономерностями и нуждающегося в типологическом изучении.

Сокращения:

Gl. - глоссы, N. Gl. - глоссы к текстам Ноткера

Литература

Пименова 2011 – Пименова Н. Б. Древневерхненемецкие словообразовательные типы отвлеченных имен (реконструкция системных отношений). М.: Языки славянских культур.

СГГЯ 1963 – Сравнительная грамматика германских языков. Т. III: Морфология. М.: Издательство Академии Наук СССР.

Köbler 1993 – Köbler G. Wörterbuch des althochdeutschen Sprachschatzes [Электронная версия печатной публикации] Paderborn u.a.: Ferdinand Schöningh.

Meid 1969 – Meid W. Germanische Sprachwissenschaft von Hans Krahe. III. Wortbildungslehre. 7.Auflage bearbeitet von W. Meid. Berlin u.a.: Walter de Gruyter.

Wessén 1914 – Wessén E. Zur Geschichte der germanischen *n*-Deklination. Uppsala: Universität Dissertation.

N. B. Pimenova. The evolution of the Germanic *n*-stems: word formation types with abstract semantics in Old Germanic languages

The paper deals with the semantic regularities which determine the behavior of the Old Germanic stem formation suffix *-n-* in Old High German derivational relations. The paper investigates the different semantic structures of the word-formation types with the suffixes *-an-* and *-ōn-*, the diachronic and synchronic relations of nomina agentis and abstract nouns, the connections of verbal and adjectival nouns, and of the center and periphery in the word formation system. The employed description and analysis parameters make it possible to describe and reconstruct the evolution of Old Germanic languages.

Е. Э. Пчелинцева

ГЛАГОЛЬНЫЙ ВИД И ИСТОРИЯ РУССКИХ NOMINA ACTIONIS

Резюме: В статье исследуются возможные причины исчезновения ряда отглагольных имен действия в процессе исторического развития русского языка. Делается предположение, что распад именных «видовых» пар в русском языке и появление заметных ограничений на их образование и употребление были вызваны семантическими изменениями внутри глагольной категории вида. Есть основания предполагать, что в процессе формирования русского совершенного вида в нем последовательно усиливалась, постепенно занимая доминирующее положение, семантика временной определенности, которая оказалась несовместимой со стабильным во временном плане характером существительных. Побочным следствием этого процесса и стали изменения в системе отглагольных имен.

Ключевые слова: отглагольное имя действия, категория вида, семантика временной определенности.

Проблема категории вида и видовой семантики русских отглагольных имен действия в синхроническом и диахроническом аспектах уже более века привлекает интерес исследователей. Девербатив – образование семантически сложное, синкретичное, причудливо совмещающее в себе морфологические признаки имени с типично глагольной семантикой. Возможно, поэтому мнения о категории вида в современных и в древних именах действия полярны: с одной стороны, утверждается, что «категории вида не существует у отглагольных имен и никогда не было» (Хохлачева 1969: 45–53; см. также: Булин 1965: 8), с другой стороны, высказывается мнение, согласно которому «категория вида присутствует у всех имен действия, независимо от их аффиксальной характеристики» (Иванникова 1972: 115–122; см. также более сдержанные оценки аспектуальных возможностей девербативов: Винокур 1939; Яубасарова 1979: 101; Казаков 1993: 104; Золотова 1982 и др.). При этом большинство исследователей отмечает, что отглагольные имена существительные на -ние, -тие в гораздо большей степени сохраняют глагольность мотиватора, чем другие девербативы (например, с суффиксами -к(а), -Ø, -б(а), -ств(о), -ж(а) и др.).

Поэтому в дальнейшем изложении основное внимание будет сосредоточено на анализе отглагольных имен на -ние / -тие

Аспектуальная характеристика девербативов различно оценивалась и классиками отечественной грамматической мысли XIX–XX вв. А. Х. Востоков в своей «Русской грамматике» писал: «В существительном отглагольном теряется означение времени настоящего и прошедшего, принадлежащее причастиям и деепричастиям, но сохраняется вид глагола, неокончательный, совершенный и многократный, например *чтение, прочтение, читывание*» (Востоков 1831: 112). По мнению А. А. Потебни, «то, что можно бы считать здесь за различие совершенности и несовершенности, на деле есть только различие степеней длительности... и многократности, например, в “*подавание помощи*” обязательна только мысль о многократности действия, но не определено, состояло ли действие из незаконченных моментов (“что помощь подавалась”) или законченных (“что бывала каждый раз подана”)» (Потебня (1874) 1977: 351–352). А. М. Пешковский обнаруживал оттенки видовых значений в парах типа *удвоение – удваивание* (например, процесса, «собранного в точку», «разбитого на части», «длительного» и т. д.) (Пешковский 1956: 100–101, 112). По мнению же В. В. Виноградова, «субстантивация действия, его “опредмечивание” парализуют грамматические свойства глагола» (Виноградов 1972: 99), само значение процесса ещё далеко от соотносительных видовых значений и лишено «оттенков недлительности – длительности, результативности и неограниченности течения» (Виноградов 1947: 118–119). Таким образом, все исследователи находят в *nomina actionis* отдельные компоненты аспектуальной семантики, но мнения в отношении ее категориального статуса расходятся.

В работах, посвященных истории русских отглагольных имен действия, для нашего исследования важны две мысли: во-первых, об архаичности, древности самой языковой формы *nomina actionis*, ее «естественности» для древнерусского языка (Потебня 2010), во-вторых, о наличии видовой корреляции у русских имен действия XVI–XVIII вв. и ее ослаблении и разрушении в языке XIX века (Шелихова 1967, Мусатенко 1976). В. В. Виноградов отмечает, что видовые оттенки в формах отглагольных существительных на *ние/-тие* «сильнее выступали в русском литературном языке XVIII и начала XIX вв., особенно в его официально-канцелярских стилях» (1947: 119), эта точка

зрения позже поддержана в (Романова 1964, Свердлов 1959 и др.). В целом, если отвлечься от деталей, можно обобщить все высказанные на этот счет мнения следующим образом. В древнерусском языке имя действия было весьма распространенной языковой формой. В течение XIV–XVIII вв., вместе с развитием глагольных видовых форм, появилось множество парных именных образований, отличающихся аспектуальной семантикой, в которых можно усмотреть категорию вида (типа *подвязание – подвязывание*), что выглядит вполне естественным процессом. Затем, в течение последующих двух столетий, из русского языка по какой-то причине исчезло значительное количество отглагольных имен, что обусловило утрату их парности и, соответственно, свело к минимуму «видовую» дифференциацию. Возникает вопрос: почему эти имена действия так стремительно и массово исчезли в русском языке и почему они в гораздо большей степени сохранились в польском, чешском и других западнославянских языках?

Поставленный вопрос, как представляется, дает возможность рассмотреть проблему наличия вида у отглагольных имен под несколько иным, по сравнению с традиционным, углом зрения. Мы предполагаем, что одной из причин распада именных «видовых» пар в русском языке и появления заметных ограничений на образование и употребление отглагольных имен действия стали семантические изменения внутри самой глагольной категории вида.

Согласно новейшим сопоставительным исследованиям семантики и функционирования глагольного вида, грамматическое содержание совершенного вида в западных и восточных славянских языках отнюдь не идентично: в западнославянской подгруппе основным значением совершенного вида является простое понятие целостности, в восточнославянской – значение временной определенности¹. К этому выводу приходит С. Дики в работе (Dickey 2000): «My overall point, which may not be clear

¹ Вслед за А. В. Бондарко мы понимаем целостность как представление действия вне членения на фазы, без выражения внутренней динамики его протекания во времени (Бондарко 2011: 360–367), а временную определенность – как ограниченность действия пределом, акцентирование временной границы проявления действия (в этом смысле временная определенность, по всей видимости, соответствует понятию количественно-временного предела действия).

from this chapter alone, is that one can explain the lack of pairs of verbal nouns in contemporary Russian and Ukrainian by assuming the incompatibility of “temporal definiteness” as the meaning of the perfective aspect in those languages with the temporally stable nature of nouns. This clash does not occur in other languages, e. g., Polish, where the simpler concept of “totality” (celostnost') is a main meaning of the perfective» (Dickey 2000). Эта же идея высказывается в работах амстердамской аспектологической группы под руководством А. Барентсена, а также в исследованиях Р. Бенаккьо: анализ поведения разных групп славянских языков при выражении повторяемости действия указывает на «экспансию» совершенного вида в западнославянских языках по сравнению с восточнославянскими (Barentsen 2011; Benacchio 2011). Это означает, что, несмотря на общую историю формирования этой глагольной категории, семантическое пространство совершенного вида в западнославянских языках шире, чем в восточных. Существен в этом контексте тот факт, что именно в западнославянских языках имена действия имеют практически регулярную соотносительность по виду. Возможно, что целостность не препятствует образованию имен действия, в то время как временная определенность оказывается несовместимой со стабильным во временном плане характером существительных. Эта мысль подтверждается и нашим исследованием на материале современного русского языка (Пчелинцева 2007; 2012). Сплошной анализ продуктивности русских глаголов в зависимости от их аспектуальной семантики показал, что имена действия не образуются от глаголов, содержащих семантический признак количественно-временного предела действия, если это аспектуальное значение является для них единственным (*попугать, покипеть, додуматься, уездиться, надавать, перецеловать, отлюбить* и т. д.)². В случае, если количественно-времен-

² Отдельного комментария заслуживают слова *постой* (простореч.), *побывка* (разг.), *посиделки* (простореч.), *пробежка, прогулка, передышка, перекур – перекуривание – перекурка*, формально образованные от делимитативных глаголов. Их существование в языке не опровергает, а, скорее, подтверждает нашу мысль, поскольку в них неизбежно происходит трансформация аспектуальной семантики: они не указывают на количественно-временной предел действия, а называют целую ситуацию.

ной предел – это только одно из аспектуальных значений глагола, то имя действия потенциально возможно, но соотносится оно с другими ЛСВ мотивирующего глагола, например, с общерезультативными: *нажатие* – действие по значению глаголов *нажать* – *нажимать* в значении «произвести давление, нажать на что-то», ЛСВ «выжать сок в определенном количестве» (*нажать целую банку сока*) не образует имени действия. Аналогично в следующих девербативах: *нанесение* (*нанести подарков* – **нанесение подарков*), *порез* (*порезать всех кур* – **порез всех кур*), *подавление* (*подавить всех комаров* – **подавление всех комаров*) и т. д. (*попрыгать, застучать, просидеть, додуматься, уездиться, надавать, перецеловать, отговорить, отлюбить* и т. д.). Другие же аспектуальные признаки – однократность, многократность, результативность, интенсивность, длительность и пр. – не препятствуют транспозиции глагола в имя. Вполне возможно, что в процессе развития категории русского глагольного вида не только происходило формирование средств перфективации и имперфективации, «морфологического механизма средств СВ и НСВ» (Маслов 1984: 102), но вместе с тем определенные изменения претерпевало и содержательное наполнение категории, она была (а возможно, и остается) семантически подвижной. В частности, есть основания предполагать, что в процессе формирования русского совершенного вида в нем последовательно усиливалась, постепенно занимающая доминирующее положение, семантика временной определенности. Побочным следствием этого процесса и стали изменения в системе отглагольных имен.

Обратимся к фактам истории русских *nomina actionis*. А. А. Потебня, рассуждая об архаичности оборотов с существительными, писал, что «глагол... отвлеченнее существительного» и поэтому именные предложения древнее глагольных, «именной характер предложения увеличивается по направлению к древности. Вместе с этим увеличивается конкретность языка» (Потебня 2010: 4–6). Таким образом, А. А. Потебня усматривает в широком распространении имен действия в прежние века причины внутренние, связанные с естественными закономерностями развития языка. Действительно, наиболее продуктивная словообразовательная модель на *-ъје*, из которой вследствие переразложения основ возникли суффиксы отглагольных имен *-аниј-*, *-ениј-*, *-тиј-*, – праславянского происхождения (Филин 1981: 34), об этом свидетельствует ее наличие во всех славян-

ских языках, включая их диалекты (см., например: Пантелеева 1976, Булатова 1957). Но активность образования *nomina actionis* в древнерусском языке, по всей видимости, была обусловлена и внешним влиянием. Сложная языковая ситуация в Древней Руси: фактическая диглоссия, сосуществование двух письменных языков – древнерусского и церковнославянского – обусловила множественность заимствований из старославянского, в котором модель на *-ние* отличалась высокой продуктивностью (например, генетические древнеславянизмы **сътъдание**, **оттъвление**, **сътпасение**, **освяштение**, **искоушение**, и др., см. также об этом: Gradinarova 1999).

Кроме того, активная деятельность древнерусских и южнославянских переводчиков приводила к проникновению в древнерусский язык грецизмов (как непосредственно, так и через старославянские источники), в том числе – существительных, означающих действия или состояния, например: **икономство** (иконмия), **проелиписъ**, **догматъ**, **епитѣмья** (опитѣмья) и под. Это также способствовало распространению интересующей нас категории слов (хотя, по свидетельству А. А. Пичхадзе, древнерусские переводчики менее активно использовали книжные грецизмы, чем южнославянские – Пичхадзе 2011: 288). Состав древнерусских отглагольных имен расширялся также благодаря образованию множества калек с греческого, – в особенности это касается сложных слов типа **добродѣяние**, **добротворение**, **многожелание**, **трудолюбие** и под. (Пичхадзе 2011: 284–286). Представляется, наконец, вполне справедливой и точка зрения Ф. П. Филина, писавшего, что «под влиянием самого содержания греческих оригиналов продуктивность образований на *-ание*, *-ение* и др. резко возросла» (Филин 1981: 35).

В результате действия совокупности этих факторов в древнерусском языке *nomina actionis* становится распространенной формой выражения значений действия и состояния. По данным А. Г. Мусатенко, в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и в памятниках XI–XIV вв. обнаружено более двух тысяч (!) отглагольных имен (Мусатенко 1976: 29). Это подтверждается и результатами нашего исследования словарных данных. Анализ параллельной выборки из Материалов для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского (Срезневский 1893) и Словаря древнерусского языка (СДРЯ 2010) (около 350 единиц) свидетельствует о том, что в период XI–XIV вв. имена действия свободно образуются от

большинства глаголов, причем их состав существенно отличается от корреспондирующей части современного корпуса девербатов. В частности, заметно большее количество единичных имен действия словообразовательно и семантически соотносится с глаголами СВ или с глаголами так называемого «общего» или «нейтрального» вида: они составляют около трети нашего корпуса (изглаголанье, взятие, взискание и под.). Приблизительно 30% девербатов имеют значение неопределенного процесса или состояния (блещанье, блюденье, веселованье), 40% – это парные образования (жаленье – пожаленье, въдаанье – въданье). Такие имена действия могут иметь разное лексическое значение (например, запрѣнье – прѣнье, игранье – поигранье, жалованье – пожалованье), отличаться количественными оттенками действия (въздыханье – въздохновение) или быть почти полными синонимами (чиханье – зачиханье, жадаанье – пожаданье). В некоторых контекстах такие имена действия аспектуально дифференцируются: префиксальные указывают на свершившийся факт, законченное действие, беспрефиксные выражают значение обычного или повторяющегося действия, реже – актуально длительное действие: **Всяко гравление, еже погравить братъ твой ꙗ тебе** (Срезневский 1893, 1: 574) – **Людие на с(ы)на его възсташа про зажъжение градное и за погравление монастырьское** (Там же, Т. 2: 1019). **Съ велиемъ въздохновениемъ оударь ся по главѣ – Греховъ своих плакали съ въздыханиемъ д(е)нь и ношь** (Срезневский 1893, 1: 356).

Но такая дифференциация не имеет системного характера. Примечательно, что даже когда глаголы уже имеют явные аспектуальные отличия, как, например, в паре «хотѣти – похотѣти» (хотеть – захотеть), ожидаемой аспектуальной дифференциации в именах может не быть: хотѣнье – похотѣнье различаются, скорее, оттенками лексического значения: **По своему хотѣнью собрав епископы крестияньския, иже въ области его живущихъ** (Срезневский 1893, Т. 3: 1389) – **Похотѣниемъ тоу страсть прияли отъ зависти и дѣинства сотонина** (Срезневский 1893, 2: 1319).

Обращает на себя внимание регулярность образования имен от глаголов на -нѣти (их насчитывается более 30-ти единиц: дързнѣние – дързновение, плюновение, дѣхновение, възпряновение и т. д.). В современном русском языке такие девербативы практически полностью исчезли, а те, что остались (например,

поползновение, дерзновение, исчезновение), утратили тесную связь с производящим глаголом. Как замечает В. А. Плунгян, в современном языке «семельфактивное *-ну-* – это единственный русский глагольный показатель, который однозначно определяет совершенный вид глагольной словоформы» (Плунгян 2011: 401). Это замечание можно, с наших позиций, трактовать в том смысле, что по мере формирования СВ, усиления определенности его границ категориальная семантика входит в противоречие с именной формой, и постепенно имена действия, содержащие эксплицитные показатели СВ, выходят из употребления или теряют глагольные компоненты значения.

Большее, по сравнению с современным русским языком, количество имен действия, соотнесенных с глаголами СВ, свидетельствует, на наш взгляд, о более широких и мягких границах семантического пространства формирующейся категории вида в древнерусском языке. Действительно, приставочные глаголы в некоторых случаях являются лишь вариантами, семантическими дублетами исходного глагола (Караванов 1992: 104). На семантическую дублетность бесприставочных и приставочных глаголов (*покрасти – красти*) в древнерусских летописях указывали многие исследователи; в частности, В. Б. Силина пишет, что в XI–XII вв. приставочные глаголы часто еще не являются глаголами СВ, а представляют собой глаголы «общего вида» (Силина 1982: 229–230). В работе А. А. Караванова приводятся многочисленные примеры практически синонимического употребления глаголов, выступающих нередко в одном контексте: «И пожгоша домъ святыя владичицѣ вогородици; и приидше къ церкви и жгоша двери и влъзше въ притворъ у гроба Феодосиева Моск. Лет., 17. к. XV в. И раздѣлишася надвое: половина ихъ пойде къ погребу, а другая ихъ иде по мосту. Ник. лет. IX, 95. 1068 г.» (Караванов 1992: 103–112). Симптоматично, кстати, что некоторые глаголы в нашей выборке из Срезневский 1893, образующие пары, по всей видимости являются семантическими дублетами, на что указывают словарные статьи: *изымати – иземлю и изымаю* (Срезневский 1893, 1: 1058), *завязати – завязу и завязую* (там же: 906), *загънати = загнати* (там же: 908) и т. п. Такая неопределенность, размытость семантических границ позволяла образовывать имя действия почти от любого глагола.

В русском языке XVI–XVIII вв. также не отмечено каких-либо заметных ограничений на образование *nomina actionis*.

Напротив, вследствие активного развития категории вида, возникновения множества глагольных видовых пар, в языке происходит аналогичный процесс и в интересующей нас сфере: литературные памятники и словари этого периода фиксируют большое количество парных отглагольных имен типа *вбежание – вбегивание, набеление – набеливание* и т. д. Сплошная выборка имен действия из двух первых томов Словаря Академии Российской (САР 1789) дала корпус девербативов объемом более 300 единиц. Дополнительно также привлекались материалы из Словаря русского языка XVIII века (СлРЯ XVIII в.). Примечательно, что составители САР в подавляющем большинстве случаев очень четко описали «видовое» значение имен действия, и это чаще всего бинарная оппозиция, например: «отганиваніе – дѣйствиѣ отгоняющаго», «отогнаніе – исполненное дѣйствиѣ отгоняющаго» (САР, Т. 2: 216); «довѣгиваніе – доканчиваніе вѣга», «довѣжаніе – достиженіе вѣгомъ назначенного предѣла» (САР, Т. 1: 417) – хотя в Предисловии к Словарю указывается, что глаголы в русском языке, в отличие от европейских языков, имеют четыре (!) «неокончательных наклонения» (имеются в виду – в современном понимании – аспектуальные характеристики действия): неопределенное (*скакать*), единичное (*скокнуть*), окончательное (*скачить*) и сомнительное (*скакивать*) (САР, Т. 1, XII). Процентное распределение имен в зависимости от их аспектуально-семантической характеристики в нашей выборке оказалось следующим: более 60% девербативов имеют парное по «виду» образование типа *нагруживаніе – нагруженіе*, около 30% составляют единичные имена действия, значение которых составители словаря определяют как «продолжаемое действие» (*изубытчиваніе*), и менее 10% составляют единичные девербативы со значением «окончания действия» или «исполненного действия» (*сбытіе*). Это очень сильно отличается от положения дел в современном русском языке: по нашим подсчетам, сделанным на основании сплошной выборки из МАС и БАС, в СРЯ парных имен действия (типа *рассматривание – рассмотрение*) менее 10% (около 400 единиц), при этом их семантическая коррелятивность в большинстве случаев полностью утрачена (Пчелинцева 2007; 2012).

Представленные в САР парные по «виду» имена принадлежат к разным словообразовательным типам: *сгребаніе – сгребеніе, избѣганіе – избѣжаніе, выгруживаніе – выгруженіе, горѣніе – возгорѣніе*. Интересно, что в ряде случаев пояснение

дается через такую же пару имен: «**обриваніе – обрѣзываніе волосъ бритвой**», «**обритіе – обрѣзаніе волосъ бритвой**», что может рассматриваться как свидетельство четкой аспектуально-семантической дифференциации имен действия в языковом сознании составителей САР. Нечеткость в толковании наблюдается лишь в нескольких случаях, и это касается только немногочисленных имен с суффиксом **-к(а)** и нулевым суффиксом, например, в паре **вывиваніе – вывивка** значение deverbatива с **-к(а)** определяется как «**оконченное вывиваніе**», а в паре **ввивка – ввитіе** deverbatив с **-к(а)** называется «**дѣйствіе того, кто ввиваетъ**». Аналогичным образом, имена с нулевым суффиксом имеют значение «**продолжаемого действия**» в парах **прогонъ – прогнаніе**, **сгонъ – согнаніе** и т. п. и «**окончанія дѣйствія**» / «**исполненного дѣйствія**» в парах **возводъ – возвожденіе**, **овводъ – оввожденіе**³.

Интересна группа deverbatивов с префиксом **по-**, отсутствующих в современном русском языке: **поволочка – «влаченіе, тасканіе кого за волосы по землѣ»**, **повоеваніе – «опустошеніе, произведенное войной»**, **погравленіе – «исполненное дѣйствіе гравившаго»** (пара к **гравленіе – «дѣйствіе гравящаго»**), **погонка – «напускъ, строгой выговоръ»**, см. также **погубленіе, похотѣніе, поболеніе, повранка** и некоторые другие. На первый взгляд, в них должен выражаться различный количественный предел действия, как в современных глаголах *повоевать, похотеть, поболеть, поволочь* и т. д. Но здесь речь идет не о длительно-ограничительных, пердуративных или инхоативных значениях, префикс **по-**, по всей видимости, придает глаголу (и производному имени) оттенки пространственного и общерезультативного значения.

В САР очень мало имен действия, образованных от так называемых учащательных глаголов: **повалтываніе, повѣгиваніе – «частое и недолговременное вѣганіе»**, **подвѣгиваніе – «частое**

³ Нечеткость в толковании наблюдается лишь в нескольких случаях, и это касается только немногочисленных имен с суффиксом **-к(а)** и нулевым суффиксом, например, в паре **вывиваніе – вывивка** значение deverbatива с **-к(а)** определяется как «**оконченное вывиваніе**», а в паре **ввивка – ввитіе** deverbatив с **-к(а)** называется «**дѣйствіе того, кто ввиваетъ**». Аналогичным образом, имена с нулевым суффиксом имеют значение «**продолжаемого действия**» в парах **прогонъ – прогнаніе**, **сгонъ – согнаніе** и т. п. и «**окончанія дѣйствія**» / «**исполненного дѣйствія**» в парах **возводъ – возвожденіе**, **овводъ – оввожденіе**.

подвѣганіе», вывѣгиваніе – «частое вывѣганіе». Крайне редко имя действия указывает на начало действия: **возгорѣніе** – «начинаніе горѣти», **завон** – «начало звона, особливою приступъ к звону», – при том, что начинательные глаголы в САР представлены, хотя их меньше, чем в БАС. От глаголов с дистрибутивными, длительно-ограничительными, интенсивно-качественными, усилительно-интенсивными значениями **повбросываю** – «все, безъ остатку бросаю», **перебравиваю** – «все, вѣздѣ, всѣ улицы», **повбрюзжать**, **пробрюзжать**, **разбрюзжаться**, **навѣгиваюсь** – «много вѣгаю» и под. – имен действия нет.

Хотя приведенные данные носят предварительный характер, а подсчеты требуют уточнений, количественные и качественные отличия корпуса девербативов, зафиксированных для конца XVIII – первой половины XIX вв., от современного корпуса, в котором удельный вес парных имен действия уменьшился минимум в 10 раз и в котором почти исчезли единичные имена действия, соотносимые с непарным глаголом совершенного вида (их осталось около 40 единиц, то есть меньше 1%), – очевидны. На этом фоне выводы многих исследователей русского языка XVIII в. о том, что «различение видовых оттенков у отглагольных имен существительных... было живой категорией» (Свердлов 1959: 131; см. также: Романова 1958), выглядят вполне объяснимыми. Тем более, что отглагольные образования активно использовались в книжной речи, ср.: *Пшеница, после тщательнаго вывеванія и подсеянія, чтоб все постороннія зерна отделить, вывевается* (Левшин 1795–1797) – *Повторяя вывеваніе, очиститъ оную (рожь) от пыли* (Левшин 1788). Можно полагать, что этим положением дел и обусловлен тот факт, что А. Х. Востоков, Г. П. Павский, а позже А. А. Потебня находили в именах действия или категорию вида, или, по меньшей мере, ее отдельные значения.

Но в контексте нашего исследования важно и другое: сама категория глагольного вида в тот период еще формировалась. О незавершенности процесса ее развития в конце XVI века пишет С. Д. Никифоров, указывая на значительное количество нейтральных (недифференцированных) в видовом отношении глаголов (*ночевать, наймовать, даровать*), а также на неразличение видов однокоренных префиксальных глаголов с суффиксом -и-/-а- (*порушить – порушать, измерить – измерять, покоритися – покарятися и пр.*) (Никифоров 1952: 127–129). М. В. Ионина указывает на меньшую степень абстрактности этой грамма-

тической категории еще в языке XVIII в., когда были «недостаточно дифференцированы еще способы выражения видового значения» и «было больше, чем в современном языке, глаголов, не вовлеченных в сферу действия категории вида» (Ионина 1958: 162). В. Б. Силина полагает, что современный облик видовой система русского языка приобрела лишь к началу XIX в. (Силина 1982: 275). Но как раз в течение XIX в. русские имена действия утрачивают прежнюю меру «глагольности», их регулярная видовая противопоставленность разрушается, у них появляется ряд неглагольных значений. Исчезают сотни имен действия, причем в большинстве случаев соотносительные с глаголами СВ, например: *вскочение, вскопание, вымучение, выброшение, выстреление, вделание, вваление, вязание, выписание, разбросание, распаханье, разварение, перевязание, окопание, созрение, уговорение* и пр. Думается, что для понимания причин этого процесса необходимо рассматривать историю имен действия как составляющую сложнейшего процесса становления и развития глагольной категории вида. Чрезвычайно важным в этом аспекте представляется наблюдение Ю. С. Маслова, согласно которому с постепенным распространением категории вида семантическое содержание этой категории меняется: значение НСВ становится более широким, а СВ, бывший поначалу фоном, «нейтральным видом», становится, напротив, «положительным, более весомым членом оппозиции... из суффиксальной имперфективации возник несовершенный, а затем – по контрасту с ним, как его противочлен, и совершенный вид» (Маслов 1984: 110). Мы полагаем, что именно изменение содержания категории русского глагольного вида могло стать одной из причин исчезновения ряда отглагольных имен действия.

Целесообразно вспомнить и историю самих исследований проблемы вида, которая длится уже более двух столетий. Подходы к этой глагольной категории разрабатывались отечественными лингвистами начиная с XVII в.: вид включался в систему глагольных времен (М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков), рассматривался как словообразовательная категория (Н. И. Греч), смешивались качественные и количественные оттенки глагольных значений, вид и способ действия. В поисках основания деления русских глаголов на виды были предложены разные классификации – приведем только некоторые:

- вид первообразный и производный (начинательный и учащательный) (двучленная классификация; М. Смотрицкий, 1619);
- начинательный (*белеть*), неопределенный (*делать*), учащательный (*делывать*), однократный (*дернуть*), совершенный (*приделать*) (пятичленная классификация; А. В. Болдырев, 1812);
- однократный, многократный, многократный дальний (трехчленная классификация; Г. П. Павский, 1842);
- конкретно-длительные, отвлеченно-длительные, многократные, однократные глаголы (четырёхчленная классификация; А. А. Потебня, 1874);
- совершенный и несовершенный вид (Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, С. О. Карцевский).

Как видим, основной спор был сосредоточен преимущественно вокруг трех оснований классификации: кратности (А. В. Болдырев, Г. П. Павский), степени длительности (А. А. Потебня) и совершенности / несовершенности действия (А. А. Шахматов, В. А. Богородицкий, С. О. Карцевский и др.). Позволительно предположить, что разнообразие взглядов отражало не только трудности научного поиска, но и продолжающийся процесс формирования самой категории глагольного вида. Если это предположение верно, то «верхнюю» границу этого процесса действительно придется передвинуть на несколько более поздний период – хотя, может быть, и не столь радикально, как предлагает В. Б. Силина.

Такое предположение как будто подтверждается и многочисленными случаями «нарушения» норм употребления видов в литературе XIX в. – например, в текстах Ф. М. Достоевского: *Если б Колумб перед открытием Америки стал рассказывать свою идею другим, я убежден, что его бы ужасно долго не поняли. Да и не понимали же.* (Пд 65) <...> *навестил его сам командир полка и что-то долго ему отсоветовал, но он не послушался;* <...> ... (Пд 334); «*Любящее и гордое сердечко, – подумал я [Иван Петрович], – а как долго надо мне было заслужить, чтоб ты для меня стала... Нелли*». (УО 297)⁴. Очевидно, что перед нами не те контексты, которые создают

⁴ Примеры неразличения видов взяты из (СЯД 2010). Благодарим Е. А. Осокину за помощь в их поиске и ценные советы.

условия для нейтрализации видового противопоставления. Для современного русского языка такое неразличение видов совершенно нехарактерно. Если сплошное обследование корпуса текстов русской классики подтвердит распространенность (а не исключительность) подобных фактов, это будет служить основанием для вывода о том, что значение и употребление русского глагольного вида в течение XIX–XX вв. определенным образом изменялись. Между тем именно за эти 200 лет исчезли и значительное количество имен действия, и их «видовая» парность.

Конечно, вряд ли стоит полностью отвергать общепринятое представление, согласно которому вид в русском языке в основном сформировался уже к XVI в. (см., например: Никифоров 1952; Ремнева 1967). Однако применительно к этому периоду речь, на наш взгляд, должна идти о сформированности глагольной категории вида в целом, в основных чертах. Это не исключает возможности дальнейших сдвигов внутри категории, а значит – ее внутреннего движения, постепенной модификации. Приняв эту точку зрения, легко объяснить явления русской книжной речи середины XIX – начала XX в.: немотивированную (с точки зрения современного носителя языка) конкуренцию видов, использование глаголов, которые мы сегодня воспринимаем однозначно как СВ, в функции НСВ (или наоборот). Антиисторично представлять семантический, по своей сущности, процесс как достигший некой финальной точки, исчерпавший себя и полностью завершившийся, так что можно – с известными оговорками – назвать дату завершения, допустим, с точностью до столетия (вроде процесса падения редуцированных). Другими словами, вопрос о сформированности категории вида имеет, скорее, не абсолютный, а относительный характер.

Если принять высказанную гипотезу, то вполне допустимым представляется суждение о том, что категориальная семантика СВ и НСВ не только могла, но и должна была в течение XV–XIX вв. продолжать «добирать по инерции» какие-то компоненты, что, в частности, и показывают приведенные выше примеры неразличения видов в текстах XIX в. А имя действия – категория по отношению к глаголу периферийная – совершенно логично, тоже «по инерции», могло оставаться почти в архаичном состоянии еще долго после того, как условия для его существования приобрели новые – и существенные – ограни-

чения. Поэтому САР и фиксирует такое огромное количество имен действия, многие из которых, возможно, в эпоху составления этого словаря уже не употреблялись, но мыслились составителями как еще актуальные, ибо язык XVII в. был для них едва ли не ближе, чем для нас язык XIX в.

Итак, одной из причин утраты «видовой» дифференциации русскими именами действия могло стать изменение грамматического содержания совершенного вида в русском языке, усиление в нем семы временной определенности, что привело к постепенному ограничению его продуктивности по отношению к именному словопроизводству и, в результате, к утрате «видовой» парности русского отглагольного имени действия.

Источники

- БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.
- МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981.
- САР 1789 – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1789–1794, ч. 1–6 // Электронное издание: <http://it-claim.ru/Projects/ESAR/SAR.htm>
- СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. Л., 1984–, вып. 1 и след.
- СЯД 2010 – Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Г – З // Под ред. Ю. Караулова, М., 2010.
- Срезневский 1893 – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. М., 1893–1907.
- СДРЯ 1988 – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. М., 1988 // <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2641>
- Левшин 1795 – Левшин В. А. Словарь поваренный, приспешничий, кандиторский и дистиллаторский, содержащий по азбучному порядку подробное и верное наставление к приготовлению всякого рода кушанья. М., 1795–1797.
- Левшин 1788 – Левшин В. А. Словарь ручной натуральной истории, содержащий историю, описание и главнейшие свойства животных, растений и минералов. Пер. с франц., 2 ч. М., 1788.

Литература

- Болдырев 1812 – Болдырев А. В. Рассуждение о глаголах // Труды Общества любителей российской словесности. Ч. II. М., 1812.
- Богородицкий 1918 – Богородицкий В. А. Русская грамматика. Казань, 1918.
- Бондарко 1962 – Бондарко А. В. К вопросу о глаголах движения в древнерусском языке // Всесоюзная конференция по славянской

- филологии 17–22. 12. 1962. Программа и тезисы докладов. Л., 1962, С. 58–59.
- Бондарко 2011 – Бондарко А.В. Категоризация в системе грамматики. М., 2011.
- Булатова 1957 – Булатова Л. Н. Отглагольные существительные на -нье, -тье в русских говорах // Труды Института языкознания АН СССР, том VII. М., 1957. С. 302.
- Булин 1965 – Булин П. В. Отглагольные парные имена на -ние и -ка в современном русском литературном языке: Автореф. дисс.... канд. филол. наук. – Горький, 1965.
- Виноградов 1972 – Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
- Винокур 1939 – Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИИФЛИ, т. 5, М., 1939. С. 3–54.
- Востоков 1831 – Востоков А. Х. Русская грамматика. СПб., 1831.
- Золотова 1982 – Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Иванникова 1972 – Иванникова Е. А. К вопросу об аспекте изучения категории вида у отглагольных существительных в русском языке // Известия АН СССР. Сер лит. и яз., т. 31, 1972, вып. 2. С. 113–120.
- Ионина 1958 – Ионина М. В. Категория вида в русском литературном языке начала XVIII века // Мовознавство. Збірник наукових праць. Т. 1. К., 1958. С. 151–172.
- Казаков 1993 – Казаков В. П. Имена действия в грамматике и словаре // Филологические науки. 1993. № 3. С. 102–108.
- Караванов 1992 – Караванов А. А. К вопросу о характере категории предельности древнерусского глагола. ВЯ, 1992, № 6. С. 103–112.
- Карцевский 1962 – Карцевский С. О. Система русского глагола (в извлечениях) // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 218–230.
- Ломоносов (1755) 1952 – Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М., 1952.
- Маслов 1984 – Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984. С. 102–110.
- Мусатенко 1976 – Мусатенко А. Г. О регулярных и нерегулярных моделях отглагольных существительных на -ние, -тие в языке памятников XI–XVI вв // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Межвузовский сборник. Вып. 1. Томск, 1976. С. 29–39.
- Никитинская 1962 – Никитинская Р. П. Отвлеченные существительные с суффиксами -ни(е), -ни(е), -ти(е) в литературном языке Петровской эпохи // Ученые записки КГПИ. Сборник трудов кафедры русского языка, литературы и методики. Кемерово, 1962. С. 46–88.
- Никифоров 1952 – Никифоров С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М. 1952.
- Павский 1842 – Филологические наблюдения над составом русского языка протоирея Г. Павского. Рассуждение 3: О глаголе. СПб., 1842.

- Пантелеева 1976 – Пантелеева Е. М. Образование и функционирование отвлеченных существительных в говорах средней части бассейна р. Оби // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Межвузовский сборник. Вып. 1. Томск, 1976. С. 40–46.
- Пешковский 1956 – Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Плунгян 2011 – Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Пичхадзе 2011 – Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: Лингвистический аспект. М., 2011.
- Потебня (1874) 1977 – Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 4. М., 1977.
- Потебня 2010 – Потебня А. А. Предикативность существительного. Устранение подлежащего. М., 2010.
- Пчелинцева 2007 – Пчелинцева Е. Э. Семантический потенциал имен действия в сфере аспектуальности // Типология языка и теория грамматики – Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. СПб., 2007. С. 168–170
- Пчелинцева (в печати) – Пчелинцева Е. Э. (в печати) Отглагольные имена существительные в русском языке и аспектуальные разряды // Проблемы функциональной грамматики. Принцип естественной категоризации (в печати).
- Ремнева 1967 – Ремнева М. Л. К истории глагольного вида в русском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1967. №6. С. 54–64.
- Романова 1958 – Романова Н. П. Из истории отглагольных существительных на -ние, -ение, -тие в русском языке 16 века // Слов'янське мовознавство. Т. 2, Киев, 1958. С. 54–58.
- Свердлов 1959 – Свердлов Л. Г. Проблема вида в отглагольных именах существительных (на материале русского литературного языка XVIII в.) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1959. № 4, С. 119–131.
- Силина 1982 – Силина В. Б. История категории глагольного вида // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982. С. 158–279.
- Смотрицкий (1619) 2000 – Смотрицкий М. Грамматика Славенская правильное Синтагма // Грамматика Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, науч. коммент. и указатели Е. А. Кузьминовой. М., 2000. С. 129–470.
- Филин 1981 – Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.
- Фортуатов 1910 – Фортуатов Ф. Ф. Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1910 г. СПб.
- Хохлачева 1969 – Хохлачева В. Н. К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени. М., 1969. С. 45–53.
- Шахматов 1925 – Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1925.

- Шелихова 1967 — Шелихова Н.Т. Семантика отглагольных имен существительных в древнерусском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1967. № 2. С. 50–61.
- Яубасарова 1979 – Яубасарова Г. Х. К вопросу о транспозиции глагольного узла в именной // Проблемы развития и современного состояния русского языка. Сб. науч. трудов. М., 1979. С. 90–102.
- Barentsen 2011 – Barentsen A., Genis R., van Duijkeren-Hrabova M. О сходствах и различиях между русским, польским, чешским и хорватским языками при выборе вида в случаях “ограниченной кратности” // Тезисы III Конференции Комиссии по Аспектологии Международного Комитета Славистов. Падуя, 2011. С. 13–14.
- Venacchio 2011 – Venacchio R., Pila M. Выражение повторяемости действия в словенском языке (в сопоставлении с русским) // Тезисы III Конференции Комиссии по Аспектологии Международного Комитета Славистов. Падуя, 2011. С. 14–15.
- Gradinarova 1999 – Gradinarova A. Semantics of Russian and Bulgarian Deverbal Nouns. Sofia, 1999.
- Dickey 2000 – Dickey S. Parameters of Slavic Aspekts. A cognitive approach. Stanford, 2000.

E. E. Pchelintseva. The verbal category of aspect and the history of Russian nomina actionis

The paper addresses possible causes for the disappearance of a large number of nomina actionis in Russian in the process of its historical development. Apparently, the decay of nominal "aspectual" pairs in Russian and the emergence of significant restrictions on their derivation and use were caused by semantic changes within the verbal category of aspect. Some facts suggest that during the formation of the Russian perfective aspect, the importance of the semantic temporal definiteness component was consistently growing to occupy a dominant position. This component, in turn, proved to be incompatible with the stable temporal nature of nouns. The remarkable changes in the system of Russian nominal deverbatives may be seen as a side effect of this process.

Е. Г. Рабинович

«ВСЕЯ РУСИ САМОДЕРЖЕЦ»

Резюме. В статье рассматривается история русского титула «самодержец», использовавшегося после Василия II Темного московскими великими князьями и царями, а затем сохраненного Петром также и в императорской титулатуре. Хотя «самодержец» заимствовано из южно-славянских языков, где служило калькой греческого αὐτοκράτωρ, семантика его иная, так как на Руси первым носителем этого титула был не суверенный монарх с полномочиями главнокомандующего, а вассал ордынского хана, всецело от него зависящий, – поэтому единственным реальным значением русского «самодержец» является, в согласии со словарем Даля, «наш государь».

Ключевые слова: полководец, полномочия, князь, царь, император, автократ, перевод, Византия, Орда, Москва, монархия, дипломатия, титулатура, латынь.

В русской исторической традиции до сих пор нередко напоминает о себе уверенность, что первым носителем титула «всея Руси самодержец» был Иван III: уверенность эта отчасти восходит к явившейся при Иване IV и в XIX веке приобретшей популярность концепции «третьего Рима», но не менее к преувеличенным представлениям о значимости женитьбы великого князя, интерпретируемой как восстановление в Москве римского преемства¹, и о его делах, будь то «освобождение Руси от татарского ига» или «собираение земель». В действительности, однако, «царем и всея Руси самодержцем» довольно систематически назывался уже отец Ивана III, Василий II Темный (Острогорский: 168, Сокольский: 68, Успенский: 79, 96), который не был женат на племяннице последнего Палеолога, не

¹ Вопрос о влиянии брака Ивана III и Зои Палеолог на московскую политику и протокол подробно рассматривает в своей замечательной книге В. И. Савва, последовательно опровергающий как это влияние, так и самое его возмозможность (Савва: 1–57); более того, ища союзников для войны с Портой, Венецианский сенат в 1473 не совсем законно, при жизни Андрея Палеолога, признал права московского князя на царьградский престол, но Иван с турками воевать не хотел и никогда не пытался претендовать на какое-либо наследство Палеологов (Савва: 21–27).

стоял с Ахматом на Угре, не разорял Новгород – и все же около 1460 года, внес в свою титулатуру названные изменения. Зачем это понадобилось ему, а вернее, ведавшему московской идеологией митрополиту Ионе – другой вопрос, и за отсутствием документированных мотивировок все предположения останутся предположениями, хотя ясно, что титул должен был как-то способствовать подтверждению легитимности несчастного князя.

«Самодержец» – точная калька греческого αὐτοκράτωρ и заимствовано у южных славян: не желавшие подчиняться византийскому автократу сербские и болгарские правители принимали этот титул в знак своей автономии от василевса (Острогорский: 95–187), а позднее и не только: скажем, сербский король Андрей по возвращении из Крестового похода (1218) стал величаться «самодержцем всей Сербской земли» в знак независимости от Стефана Венгерского, чьим вассалом прежде считался. Чрезвычайно редко, но все же употреблялось это слово и в русских текстах домонгольской эпохи: так, в первой же строке «Повести о Борисе и Глебе» говорится, что дело было «сущю самодръжьцю въсей Русьской земли Володимиру, сыну Святославлю», а веком позже в первой же фразе Галицко-Волынской летописи сказано: «по смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержьца всея Руси». Нет сведений, что В. К. Владимир или В. К. Роман титуловались «самодержцами» официально, скорее всего слово это попало в повествовательные тексты как случайное южнославянское заимствование² – тем естественнее, что после монгольского завоевания оно из употребления, пусть даже чрезвычайно редкого, совершенно вышло, пока вдруг не явилось в титулатуре Василия Темного, чтобы сохраниться у всех его преемников. Никаких оснований называться самодержцем у Василия не было: «посаженный на стол», как и все московские князья до него, послом золотоордынского хана (Савва: 112), он даже с

² В «Библиотеке литературы древней Руси», первые пять томов которой включают домонгольские тексты, в сопровождающих эти тексты превосходных переводах «самодержец» встречается чуть чаще, чем в оригиналах: например, в «Слове о законе и благодати» так переводится «единодержец», а в «Повести временных лет» (6420 год) «самодержцами» названы василевсы-соправители Константин и Василий, в оригинале «кесари», – это подтверждает известную специфику русского восприятия титула «самодержец», о которой см. ниже.

помощью татар держался на этом столе еле-еле, и говорить о какой-либо его автономии было бы нелепо. Между тем от всякой кальки ожидается семантическое тождество калькированному слову, раз у них общее означаемое, как у «кислорода» и «южнославянский «самодержац» этому требованию отвечает, отнести его по аналогии к ВКК. Владимиру и Роману тоже допустимо, в целом же у русского «самодержца», как уже отмечалось (Чичуров: 202) семантика иная – а какая?³ Для более детального анализа полезно обратиться к греческому αὐτοκράτωρ⁴.

Слово это вошло в обиход относительно поздно, примерно в середине V века до н. э., и относилось к полномочным должностным лицам – иногда к послам, но главным образом к полководцам; нельзя исключить, что и слово-то потребовалось и тут же привычным способом было слеplено из двух корней именно тогда, когда политическая ситуация актуализировала необходимость наделения должностных лиц полномочиями для действий вдали от носителя суверенитета. Изредка классические авторы называют так не должностное лицо, а чуть ли не любого полномочного агента: Ксенофонт – совершеннолетнего гражданина (Mem. II.1.21), Фукидид – государство, которое действует «не как автократор», то есть обладает ограниченным суверенитетом (Hist. III.62.4), наконец, Платон со ссылкой на Анаксагора называет «автократором» Ум (Crat. 413 C). Подобные употребления, однако, наперечет и напрашивается предположение, что отнесение αὐτοκράτωρ к самодовлеющему уму, взрослому гражданину или целому полису является в этих случаях метафорическим. Характер полномочий каждого автократора

³ Омонимия церковнославянских и русских слов была предметом детального анализа (Седакова: passim), но в словарь О. А. Седаковой включена церковнославянская лексика, а «самодержец» – хоть и калька греческого слова, взято не из церковнославянского, так что и судьба у него несколько иная.

⁴ Различия и сходства между византийским автократором и русским самодержцем анализировались не раз; из относительно новых работ см. e.g. (Glötzner: 393–418), но анализировались в контексте сходства и различия двух политических систем – поэтому вопрос «что значит *самодержец?*» либо оставался за скобками как имеющий очевидный ответ («калька *автократора*»), либо лишь этот очевидный ответ и получал, пусть даже (как у И. С. Чичурова) с оговоркой о неполном семантическом соответствии.

(посол он или полководец, командует силами одного государства или же целого союза) всегда ясен из контекста: уже у Аристофана легко понять, что, когда в «Птицах» Посейдон с Гераклом приходят «автократорами» посулить хорошую погоду (Av. 1595), они – полномочные послы богов, а когда в «Мире» хор просит Тригея «говорить и направлять, как автократор» (Pax. 359), речь идет о полномочном полководце вроде Перикла; впрочем, в «Лисистрате» хотят назначить πρέσβεις αὐτοκράτορας (Lys. 1010), при том что по контексту αὐτοκράτωρ не нужно, и так понятно, что речь о послах⁵. Однако чаще всего, как сказано, автократорами назывались полководцы, хотя «стратеги автократоры» в текстах классической эпохи встречаются нечасто – у Фукидида, например, на дюжину автократоров «стратег автократор» всего один (VI.8.2).

Сочетание στρατηγὸς αὐτοκράτωρ употребительнее у авторов римского времени: оно постоянно встречается у Диодора Сицилийского, у Плутарха, у Кассия Диона, у Аппиана, etc. Правда, вслед Полибию, у которого один στρατηγὸς αὐτοκράτωρ – диктатор Фабий Максим (Hist. III.87.8), другой – этолиец Кленойт, чья должность официально называлась именно так (ibid. V.46.6), а еще чуть ниже – ушедший в поход и оставивший коллегу в Городе консул (ibid. VI.15.2), – итак, вслед Полибию писатели римского времени называли «автократорами» и «стратегами автократорами» уже не преимущественно, а едва ли не исключительно главнокомандующих, равно греческих и римских, хотя всегда *sine collega*, что естественно вытекает из внутренней формы слова. Соответственно, при переводе названий римских должностей «автократорами» и «стратегами автократорами» именовались не только императоры (как республиканские полководцы, так и монархи), а иногда и диктаторы, – но в общем в римское время αὐτοκράτωρ относилось прежде всего к императорам, причем преимущественно к правящим принцип-

⁵ Примеры из Аристофана ценны не только тем, что достаточно ранние, но и тем, что Аристофан, в отличие от историков и философов, сочинял для всех и должен был быть понятен всем – а значит, уже в его время слово «автократор» было афинской публике понятно. Это поддерживает предположение о метафоричности «юноши автократора», «ума автократора» и «полиса автократора»: для метафоры используются слова ходовые, как «роза» или «буря», а коль скоро, как явствует из Аристофана, слово «автократор» тоже было ходовым, оно для метафоры, пусть нечастой, годилось.

сам, потому что греческая словесность римского времени развивалась главным образом при Империи. Итак, после «восстановления республики» Августом, когда диктаторов не стало, а императором мог провозглашаться лишь принцепс, αὐτοκράτωρ естественным образом вошло в его неофициальную, но общепринятую греческую титулатуру вместе с βασιλεύς; другое дело, что глава государства мог (пусть реже) называться также ἡγεμών, κύριος, δικαστής и не только – при присущей грекам приблизительности в переводе римской номенклатуры (Рабинович: 267–287) для «римского императора» набиралось в общей сложности полтора десятка названий (Mason: 188), и за отсутствием правил ни одно не было неправильным. Притом αὐτοκράτωρ, в настоящем относившееся лишь к здравствующему главе государства, в рассказе о прошлом могло относиться чуть ли не к кому угодно: к покойным императорам (хоть республиканским полководцам, хоть монархам-принцепсам), к полномочным греческим военачальникам и послам, словом, ко всем, кого по тем или иным причинам называли так старые и новые классики от Аристофана и Ксенофонта до Плутарха и Диона. Грекоязычный дискурс римской эпохи и вообще в весьма значительной своей части был рассказом или рассуждением о прошлом: многие тысячи почти не сохранившихся школьных и показательных декламаций едва ли не все были о прошлом⁶, из упомянутой старой и новой классики старая была о прошлом, так сказать, по определению, но и новая больше, чем наполовину была о прошлом – как, например, лишь частично дошедшие до нас исторических сочинения, жизнеописания, etc. Слово αὐτοκράτωρ в этом корпусе, разумеется, использовалось и совсем не обязательно означало здравствующего или покойного кесаря, это мог быть хоть Алкивиад, хоть Филипп Македонский, хоть вымышленный Тригей. При всем том после Августа глава государства обладал исклю-

⁶ В «Жизнях софистов» Филострата немало названий показательных речей, и почти все они – об эпохе независимости; вот для примера названия трех речей Полемона: «Демосфен, клятвенно отрицающий принятие взятки в пятьдесят талантов, каковое обвинение возвел на него Демад, сообщил же сие афинянам Александр, найдя в счетных книгах Дария», «Что надобно по заключении мира в Пелопоннесской войне разрушить воздвигнутые эллинами трофеи», «Что афиняне после Эгоспотамов должны разойтись по своим округам» (Vit. soph. I.25.538).

чительным правом называться «императором» (а значит, и «автократом») именно потому, что действительно был единственным полномочным главнокомандующим и в этом качестве отличался от полководцев республиканского времени пожизненностью, но не характером командных полномочий – не говоря уж, что стать императором без содействия армии было, как и при республике, невозможно. Поэтому не будет ошибкой утверждать, что при всех своих, на протяжении столь долгого времени естественных, семантических модификациях слово *αὐτοκράτωρ* основное свое значение сохранило, относясь прежде всего к полномочному главнокомандующему, кем бы он ни был.

В Византии латынь довольно быстро стала выходить из употребления, и уже в 629 году император Ираклий сделал официальным языком греческий, а потому и титул «автократ» превратился в официальный – и (с небольшими вариациями) оставался таковым до 1453 года; оглядка на прежнюю титулатуру была тем естественнее, что ромейская традиция при всех своих отличиях от римской продолжала демонстративно на нее ориентироваться, хотя многие греческие и эллинизированные латинские слова, преобразуясь в термины «табели о рангах», приобретали новые значения (скажем, консул *ὑπάτος* превратился в чиновника невысокого ранга и без определенной должности). Однако *αὐτοκράτωρ* по понятным причинам в табель не входил, оставаясь титулом ненаследственного главы государства⁷, а василевсы, как и римские императоры, были главнокомандующими, неважно, командовали на самом деле армией или (едва ли не чаще) не командовали. К этим общеизвестным фактам нужно добавить еще один, тоже общеизвестный: в Византии не было «темных веков», ромеи по большей части были люди грамотные, часто образованные и школьную клас-

⁷ Уже в 1860-х известный нумизмат (и не менее известный бонапартист-заговорщик) Пьер Сабатье не поленился сосчитать, что за тысячу лет существования «Второго Рима» лишь 39 из 109 василевсов оставались на престоле до смерти (у 36 естественной, у троих на поле боя), остальные были низвергнуты; притом более трети царствовали лишь несколько лет, а то и месяцев, хотя не непременно были низвергнуты (Sabatier: 21–22). В таких условиях династии (вернее, псевдинастии) возникали, как и в Риме, нечасто и ненадолго, что вносит необходимые поправки в представление о характере власти византийских императоров, которые и в этом были похожи на императоров римских.

сику хуже или лучше знали – вместе с Ксенофонтом, Полибием, Плутархом и прочими, у кого «автократорами» назывались не только василевсы, но и самые разные главнокомандующие, как Фабий или Алкивиад. Соответственно, αὐτοκράτωρ у ромеев мог включаться во многие (пусть в разной степени актуальные) высказывания, по-прежнему ассоциируясь с начальством над армией и относясь к монарху пусть в преобладающих частотно, но всё же не во всех речевых контекстах – и тем более не во всех книжных контекстах⁸.

Таким образом, две с лишним тысячи лет – с V века до н. э., когда потребовалось и появилось слово αὐτοκράτωρ, и до 1453 года – слово это не без помощи греческой хрестоматии сохраняло главное и самое распространенное свое значение, «полномочный главнокомандующий», а полторы тысячи лет, после битвы при Акции, преимущественно относилось к ненаследственному монарху с полномочиями главнокомандующего, то есть сначала к римскому императору и затем к византийскому императору. Южнославянская калька этого слова относилась к монарху уже не преимущественно, а исключительно, так как сербами и болгарами ромейский αὐτοκράτωρ был, конечно, воспринят и калькирован вне своего хрестоматийного контекста и на фоне древних автократоров не воспринимался. Другое дело, что, хотя во внутренней форме как «автократора», так и «самодержца» ничего военного нет, смысл дается слову еще и преобладающим контекстом, а суверенный монарх всегда главнокомандующий – стало быть, хотя славянские монархи величались самодержцами, чтобы обозначить свою независимость (неважно, от ромейского ли василевса или от венгерского короля),

⁸ Как любезно указал мне П. В. Шувалов, «стратегами автократорами» изредка назывались ранневизантийские полководцы; действительно, Прокопий называет так Велисария (Procop. Hist. V.5.4), а Агафий Нарсеса (Agath. Hist. IX.9); приведенными двумя случаями материал исчерпывается. Оба историка были современниками Юстиниана и обоих полководцев, но греческая номенклатура не была тогда официальной, и «стратег автократор» могло (у каждого автора лишь по разу) быть старомодным по стилю и панегирическим по назначению переводом какого-то латинского звания, которое в греческом тексте звучало бы варваризмом. Когда латынь вышла из употребления, латинские звания свой «варварский» акцент утратили, однако при Юстиниане назвать великих полководцев так, как они назывались у классических авторов, могло быть вопросом скорее стиля, чем смысла.

отсюда естественно следовало, что верховные военные полномочия тоже у них, и всё это полностью соответствовало действительности, недаром после турецкого завоевания не стало ни византийских автократов, ни сербских и болгарских самодержцев. И когда древнерусские писатели называли самодержцами, пусть очень редко, Владимира Мономаха или Романа Галицкого, ошибки тут тоже не было, потому что и эти князья были суверенными монархами и верховными главнокомандующими, – а потом пришли татары и, строго говоря, вплоть до Ивана Грозного никаких самодержцев на Руси быть не могло. Но пусть бы не так, пусть бы Иван III, пренебрегая своими не столь уж регулярными отношениями с Казанью, после стояния на Угре на радостях назвался «всея Руси самодержцем»⁹, тут была бы известная логика, некий «протокол о намерениях» и повод для похода на Новгород, недаром же историческая традиция предпочитает именно такую версию... – однако на деле Иван III просто наследовал титул от отца, едва ли не самого ничтожного из московских князей.

Итак, если балканское «самодржац» в качестве кальки было семантически тождественно или почти тождественно греческому *αὐτοκράτωρ*, русское «самодержец», через эту кальку также восходившее к «автократору», было заимствовано готовым и поначалу, в домонгольскую эпоху, ничем от «самодржаца» не отличалось – но и настоящего заимствования тогда не произошло, так как несколько упоминаний «самодержцев всей Русской земли» свидетельствуют не столько о вхождении слова в язык, сколько об общеизвестной близости древнерусской книжной традиции к южнославянской. Близость эта в значительной мере сохранялась и в XV веке, но московское «самодержец» было уже не случайным употреблением, а накрепко вошедшим в русский язык словом, так что вернее будет и заимствование датировать этим временем – однако, если прежде хоть у греков автократорами, хоть у сербов, болгар, а несколько раз и у русских самодержцами величались суверенные монархи, теперь так был назван князь, на суверенитет не претендовавший, абсолютно зависящий от Орды и в своих отношениях к тамошнему хану бывший чем-то вроде главного на податной территории

⁹ После избавления от «ордынского ига» Иван III долго платил ясак казанскому хану, платил ясак Гиреям и его сын, Василий III (Похлебкин: 77–115).

сборщика дани, а если дань эта не всегда собиралась с прежней регулярностью, то лишь из-за продолжавшегося по не зависящим от Москвы причинам ослабления Орды. Понятно, что в качестве титула несuverенного правителя «самодержец» не могло иметь прежнего семантического наполнения, а так как все слова что-то означают, слово это по естественной прагматической пресуппозиции стало указывать на московского князя, каков он есть, – неважно, Василий II или Иван III.

Между тем, хотя автономизация территорий Золотой Орды и легитимизация их правителей в суверенных (или претендующих быть таковыми) монархов шла своим чередом, этот процесс не предполагал радикальной смены способа правления: за ярлыком в Орду больше не ездили, но ясак собирали по-прежнему. Анализ московского и затем российского самодержавия в мои задачи, разумеется, не входит, хотя ордынское его происхождение почти ни у кого сомнений давно не вызывает – к сожалению, по понятным причинам эта преемственность обсуждалась почти только в первые десятилетия после Великих реформ. В пределах исследуемой темы, однако, нужно отметить, что, пока московский князь был орудием власти ордынского хана, это не предполагало наличия на его податной территории каких-либо самостоятельных государственных институтов, а затем выгода от отсутствия таких институтов была оценена самим князем – всё это, вкупе с элементами ордынского этикета давало заезжим европейцам повод ассоциировать Московию с азиатской деспотией.

При этом европейские монархи, с которыми у московских князей и затем царей завязывались сношения, справедливо считали значимым для дипломатического протокола титул «царь», а не сопутствующий ему титул «самодержец», так что увлекательно описанные В. И. Саввой дипломатические битвы велись почти исключительно из-за «царя» – но даже Иван IV, после венчания на царство буквально выколачивавший у Европы признание этого титула¹⁰, ничего не добился, разве что Филипп

¹⁰ В письме к Курбскому Грозный описывал себя как одного из русских самодержцев, которые «изначально сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи», в отличие от европейских монархов, которые «как им укажут подданные, так и управляют» (Переписка Ивана Грозного: 123), – но это политическая полемика, а реально от

II один раз назвал его «императором», как называли прежде в латинском мире и ордынского хана, которого русские называли «царем» (Похлебкин: 15). Ничего толком не добились ни царь Федор, ни царь Борис, ни первый Лже-Дмитрий, именовавший себя *imperator et rex* (Савва: 287–374)¹¹, при том что Василий III, которого германский император Максимилиан I однажды назвал «кесарем», сам себя в письмах к Папе титуловал *imperator et dominator totius Russiae* (Савва: 103, 284) – ясно, что это перевод «царя и самодержца» и что для «самодержца» использовано *dominator*, а значит, в «императоре» русскому уху «автократор-самодержец» не слышен или слышен очень плохо. Как бы там ни было, все переговоры успевали споткнуться уже на слове «царь»: нечастыми попытками перевести его на латынь московские государи никогда не бывали довольны (Савва: 390–394) и до «самодержца» дело просто не доходило. Лишь однажды, в Испании, куда прибыло посольство Алексея Михайловича, испанцы готовы были перевести «царя и самодержца» в соответствии с любыми пожеланиями послов, но просили разъяснить, что означают эти слова, а послы в ответ рассказывали о походе Владимира на Царьград и о завоевании Казанского и Астраханского царств Иваном Грозным (Савва: 396–397) – без понятного объяснения не получилось и перевода. В релевантном для данного анализа аспекте здесь важно лишь то, что на языке дипломатии, по-латыни, регулярного соответствия слову «самодержец» не было, более того, даже в самой Московии никто не умел удовлетворительно объяснить, что значит это слово, – кроме того, что так титуловался московский великий князь и затем царь всея Руси. Между тем после Ивана Грозного преемники его вплоть до Петра I и Ивана V включительно избирались на царство Земскими соборами, и при избрании Романовых процедура эта была далеко не декоративной, да и в целом огромная многоукладная и без закона о престолонаследии

этих-то мало им уважаемых европейских венценосцев царь хотел и не сумел добиться признания.

¹¹ Любопытно, что именно Лже-Дмитрий едва ли не первый заинтересовался титулом «император» и подготовил латинский меморандум, который так и не успел разослать и в котором, отчасти вслед «отцу», сравнивал свою власть с властью царей Ассирийских и Мидийских, ибо тоже никого, кроме бога, над собою не знает, и в державе своей «не просто высший законодатель, но сам закон» (Pierling: 103).

держава при всех своих различиях с Византией была достаточно на нее похожа, чтобы ассоциация «царя и самодержца» с βασιλεὺς αὐτοκράτωρ напрашивалась сама собой, а этот двойной титул давно имел в латыни регулярное соответствие, так что не зря ученый самозванец называл себя *imperator rex* – пусть в упоминавшемся меморандуме никак этого не пояснил, углубившись в римские и восточные древности.

Переломным моментом должны были, казалось бы, явиться петровские реформы, вызвавшие к жизни множество новых и чаще всего заимствованных титулов, – какова бы ни была петровская европеизация по сути, в номинативной своей части она была самой подлинной европеизацией. Изменения коснулись всех номинативных зон, включая наиболее значимые: на месте Руси явилась Российская империя, а на месте царя император, рядом с которым «самодержец» по смыслу явно был лишним, – однако, в отличие, например, от «тишайшего», Петр этот титул сохранил, причем без всякого перевода, и стал называться не просто «императором», а «императором и самодержцем». Ситуация, однако, далеко отличалась от (пусть не столь уж давних) времен, когда послы Алексея Михайловича рассказывали испанцам о Владимире Мономахе: отношения с Европой укреплялись, через династические браки Россия постепенно входила в европейскую монархическую семью – и европеизированная титулатура должна была этому способствовать или хотя бы не препятствовать. Возник дипломатический казус: европейские монархи с новой титулатурой соглашались¹², но надо было ее перевести – а раз по-латыни «самодержец» и есть «император», из «императора и самодержца» получается *imperator imperator*, что нелепо. Поэтому «самодержца» решено было писать по-гречески латиницей, *autocrator*, и получилось *totius Russiae imperator et autocrator*¹³ – как на известной гравюре Алексея Зубова, подписанной именно *Petrus Magnus totius Russiae imperator et autocrator*. Когда сравнительно вскоре дипломатическим языком сделался французский, русский царь стал зваться *empereur et autocrate* – никто из преемников Петра от титула «самодержец»

¹² В Англии, например, Петра называли императором и прежде официального венчания в 1721; сразу после венчания этот титул был признан не всюду, но уже лет через двадцать стал общепринятым.

¹³ Благодарю А. И. Солопова за консультацию в латинском дипломатическом протоколе.

тоже не отказался, что, впрочем, согласуется с династическим авторитетом Петра.

При всем том и в послепетровскую эпоху семантика слова «самодержец» не изменилась, что видно по словарю В. И. Даля (1-е изд. 1861–1868), толкующего «самодержец» как «самодержавный государь, титул нашего государя» – и всё. Словарь, тем более словарь Даля, – источник не только авторитетный, но и доступный, способный влиять на речевые практики; более пространственные толкования тоже, конечно, предпринимались, но были сложны и касались в основном сущности самодержавия, а самодержца лишь заодно, как живого носителя самодержавной власти. Между тем титулатура, хоть и допускает комментирование, никак не может быть на него рассчитана: титул может быть малопонятен¹⁴ или не согласоваться с политической реальностью¹⁵, но оттого не становится менее подлинным. Зато объяснение Даля отличается простотой и внятностью: действительно, раз московские князья и затем цари величались «самодержцами», а Петр сохранил этот титул как императорский, других объяснений не требуется – это титул «нашего государя» и всё тут. Неудивительно, что даже в 1906 году, когда не только независимый суд давно существовал, но и Дума уже появилась, то есть произошло разделение властей, при котором самодержавие невозможно, – итак, даже в 1906 году в «Своде законов Российской империи» официальная титулатура монарха в статье 59 по-прежнему начиналась с «мы, император и самодержец всероссийский» (ст. 59), потому что передаваемые по наследству титулы, столь убедительно поэтизированные Прустом, обладают собственной инерцией.

Однако инерция титула предполагает, что, если Имярек, король обеих Сицилий, и не владеет ни одной из них, его предок когда-то хоть недолго владел обеими, и поэтизация Прустом старинной титулатуры основана именно на этой презумпции.

¹⁴ Ср. сохраненный П. А. Вяземским в «Старой записной книжке» и приобретший независимое хождение анекдот о ямщике, уверенном, что «император» и «оператор» (хирург) синонимы, причем сам Павел I разубедить его в этом не мог.

¹⁵ Так, Роберт Мудрый *de facto* был (с 1309) королем Неаполя, но титуловался также королем обеих Сицилий, хотя Анжуйская династия утратила Сицилию в 1282; более того, этот виртуальный титул явно был ему дороже реального – иначе Петрарка во вступлении к «Африке» не величал бы его исключительно «властелином Тринакрии».

Между тем первый русский самодержец назвался самодержцем безо всякого внятного основания: он был всего лишь ордынский данник, правил по ханскому ярлыку, и если даже предположить, что в сложных обстоятельствах тогдашней междоусобицы митрополит Иона счел полезным для московского государя принять великое в православном мире звание – и тогда этот новообретенный титул отражал не политическую реальность, а лишь притязания на дополнительный престиж, вышеописанный или иной. А значит, в заключение можно лишь с некоторыми уточнениями повторить сказанное: «самодержец» было титулом московского великого князя, каков он есть, а также титулом всех его преемников, московских великих князей и московских царей, а от последних, через Петра, также и императоров все-российских. Именно поэтому не только отец и дед Николая II, но и он сам титуловались самодержцами, а что таким совсем уже несамодержавным самодержцем поневоле оказался только Николай II – всего лишь поворот истории, никак не связанный с употреблением изначально десемантизированного титула. Повернись история иначе, возникни на месте Российской империи (по мировым стандартам политически отсталой, но уже имевшей суд и парламент) конституционная монархия европейского типа, декоративный глава этого государства почти наверняка титуловался бы «император и самодержец Всероссийский» – просто потому, что именно так положено зваться «нашему государю».

Литература

- Библиотека литературы древней Руси. Т. 1–5. СПб., 1997.
- Острогорский Г. Автократор и Самодржац // Глас Српске Краљевске Академије. Т. 84 (1935).
- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979.
- Похлебкин В. В. Татары и Русь. М., 2000.
- Рабинович Е. Г. Латынь по-гречески // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Вып. 4, СПб., 2010.
- Савва В. Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901.
- Седакова О. А. Церковнославяно-русские паронимы. Материалы к словарю. М., 2005.
- Сокольский В. Участие русского духовенства и монашества в развитии единой державы и самодержавия в Московском государстве в конце XV и первой половине XVI в. Киев, 1902.
- Успенский Б. А. Царь и самозванец // Б. А. Успенский. Избранные труды. Том I. М., 1994.

- Чичуров И. С. Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2007.
- Glötzner U. Das Moskauer Cartum und die Byzantinische Kaiseridee // Saeculum. Bd. 21 (1970).
- Mason H. J. Greek Terms for Roman Institutions. A Lexicon and Analysis. Toronto, 1974.
- Pierling P. Rome et Démétrius. Paris, 1878.
- Sabatier P.-J. Description générale de monnaies Byzantines. T. I. Paris, 1862. P. 21–22.

Elena G. Rabinovitch “Samoderzhets of all Russia”

After Vasily II the grand dukes and then the tzars of Moskovia were called “samoderzhetsy of all Russia”; Peter the Great kept the title for himself and all Russian emperors. The word *samoderzhets* was borrowed from southern Slavs, who used it as a calque of Greek αὐτοκράτωρ; however the meaning of the Russian title was not the same, because its first owner, Vasily II, was not a sovereign ruler with authority of high commander, but only a vassal, absolutely depending on the Golden Horde. Thus, the only real meaning of Russian *samoderzhets* was the one given by Vladimir Dahl in his Explanatory Dictionary, – “our gosudar’ (master)”.

И. В. Рыбакова

КАТАЛОГ ГЕРОЕВ В «АРГОНАВТИКЕ» АПОЛЛОНИЯ РОДОССКОГО

Резюме: Одной из особенностей устной поэзии исследователи считают использование каталогов (Гринцер П. 1974: 113). В данной статье рассматривается, как этот композиционный элемент использует в своей поэме Аполлоний Родосский. Мы ставим перед собой задачу выяснить, в чем александрийский поэт ориентируется на предшествующую традицию, и чем каталоги в «Аргонавтике» отличаются от каталогов в «Илиаде» Гомера.

Ключевые слова: древнегреческая литература, Аполлоний Родосский, «Аргонавтика», «Каталог героев», Гомер, «Илиада», «Каталог кораблей».

Исследователи называют каталогами информационные блоки, которые представляют собой списки имен и/или географических названий, объединенных одной темой (Minchin 1996: 11). Как правило, они не связаны с основным повествованием. Большинство исследователей считает, что эпические поэты использовали в своих произведениях каталоги для ретардации последующих событий (Gaertner 2001: 299). П. А. Гринцер в книге, посвященной проблемам древнеиндийского эпоса, пишет, что «обилие подобного рода каталогов, или перечислений объясняется, по-видимому, тем, что владение ими составляло непосредственную часть обучения эпического певца его искусству. Они служили для него необходимым реестром эпических имен, названий, сюжетов и, кроме того, с их помощью он всегда мог регулировать темп исполнения сказания, заполнять в нем временные лакуны и замедлять течение событий» (Гринцер П. 1974: 114). А. Б. Лорд на основании югославского материала делает вывод, что каталоги также облегчали «задачу сказителя, задавая определенный способ введения действующих лиц» (Лорд 1994: 107).

Наиболее ярким примером каталога в гомеровских поэмах, послужившим образцом для Аполлония Родосского, исследователи считают «Каталог кораблей» во второй песни «Илиады» (494–759). В его основе лежит географический принцип построения (Allen 1910). М. Эдвардс выделяет в Каталоге кораблей следующие структурные элементы: место проживания народа,

имя его предводителя и количество кораблей, которые он с собой привел (Edwards 1980: 83).

Исследователи считают Каталог самым древним композиционным элементом созданной устно эпической поэмы (Minton 1962: 205). Его возникновение они относят к микенскому времени. Д. Л. Пейдж в книге «История и «Илиада» Гомера» пишет, что многие города, упомянутые в «Каталоге кораблей», были населены до нашествия дорийцев и были неизвестны самим грекам в историческое время (Page 1959: 120–122). Он считает, что каталог представляет собой «правдивое, хотя и избранное описание микенской Греции» (Page 1959: 122) и впервые он был составлен в это время.

Р. В. Гордезиани находит этой точке зрения подтверждение в том, что «многие гомеровские названия городов засвидетельствованы в письменных документах линейного Б»; среди них «обнаружены различные каталоги, принцип составления которых напоминает гомеровский «Каталог кораблей» (Гордезиани 1978: 172). В качестве примера Гордезиани приводит каталог «гребцов, идущих в Плеврон» и «боевые таблички, точнее списки тех героев, которые собирались во время войны» (Гордезиани 1978: 328).

Сторонники микенского происхождения «Каталога кораблей» считают, что в текст «Илиады» он попал следующим образом: названия мест и имена предводителей сопровождалась в нем описательными эпитетами, затем в виде формул он был унаследован эпическими певцами, в том числе Гомером (Page 1959: 123–124).

Э. Виссер на основании структурного анализа строк Каталога, содержащих названия мест, делает вывод, что они созданы в соответствии с гомеровской техникой поэтической импровизации. В них можно выделить:

- а) семантически функциональные слова, которые не могут быть заменены какими-нибудь другими;
- б) изменяемые, метрически подвижные слова;
- в) свободные элементы (глаголы и эпитеты).

Например, приведя все возможные варианты, исследователь показывает, что в 496 стихе второй песни (οἱ θ' Ὑρίην ἐνέμοντο καὶ Αὐλίδα πετρῆεσσιν) значимым является слово «Αὐλίδα», а изменяемым – «Ὑρίην» (Visser 1997: 324 – 329).

Содержащиеся в Каталоге сведения об участниках похода против Трои, по мнению Виссера, были почерпнуты Гомером из

героических мифов, а перечисление городов и областей основано на его географических познаниях.

Исследователи считают «Каталог кораблей» значимым элементом в гомеровской поэме. А. Лорд пишет, что «такие ссылки помогают ему (Гомеру – И. Р.) создать именно «Илиаду», описав тот мир, в котором происходят события поэмы» (Лорд 1994: 420). Дж. Гертнер в своей статье дополняет А. Лорда следующим образом: перечисляя наиболее значимых представителей армий ахейцев и троянцев (2, 816–877), поэт направляет внимание читателя и определяет «его впечатление о событиях и героях» (Gaertner: 302); таким образом слушатель включается в действие произведения (Gaertner: 304). Таким образом, «Каталог кораблей», пишет Г. М. Темненко, «организует не только событийный ряд, но и смысловые акценты поэмы» (Темненко 2011: 495). Р. В. Гордезиани, подробно рассматривая в своей кандидатской диссертации проблему связи «Каталога кораблей» с «Илиадой» (Гордезиани 1967) делает следующие основные выводы:

1) В каталоге слиты воедино картины собрания ахейских кораблей в Авлиде и подготовки ахейцев в Скамандрской долине к битве.

2) Гомер вводит в действие второстепенных персонажей после того, как они представлены в каталоге.

3) Поэт распределяет сведения о героях в поэме и каталоге (в каталоге сообщается о второстепенных персонажах, а в тексте поэмы – о главных).

4) «Каталог кораблей» и «Илиада» дополняют друг друга. Например, в 685 стихе второй песни поэмы Гомер сообщает, сколько кораблей привел с собой Ахилл, а в 168 – 197 стихах шестнадцатой песни поэт называет имена предводителей мирмидонцев.

5) Без «Каталога» некоторые места «Илиады» были бы непонятны. Например, по мнению Гордезиани, поэт не мог упоминать корабли Протесилая в 13, 681; 15 705; 16, 286, если бы прежде не сообщил, почему тот не участвует в сражениях.

Исходя из этих соображений, ученый и приходит к убеждению, что Каталог является неотъемлемой частью «Илиады».

Такой же подход лежит в основании гипотезы происхождения «Каталога кораблей», которую предлагает Э. Минчин (Minchin 1996). Исследовательница считает, что он принадлежит

автором «Илиады». Однако в отличие от всей остальной поэмы он был составлен Гомером заранее, а не в присутствии слушателей. Минчин приводит следующие аргументы: элементы в каталоге должны были следовать в определенном порядке; их последовательность не допускала альтернативы; существительные редко сопровождались формульными эпитетами и, следовательно, требовали запоминания. Имена героев оставались в памяти Гомера благодаря семантическим, тематическим и контекстуальным ассоциациям, а их последовательность – как своего рода карта. При исполнении поэмы эпический поэт вставлял в нее каталог уже в готовом виде. Таким образом, считает Минчин, каталог представляет собой самостоятельный жанр устной поэзии (Minchin 1996: 3), требующий особого мастерства певца.

Чтобы показать, какое важное место занимает Каталог кораблей в его поэме, и обратить на него внимание слушателей, считает исследовательница, Гомер начинает его с обращения к Музам:

Ἔσπετε νῦν μοι Μοῦσαι Ὀλύμπια δώματ' ἔχουσαι·
ὕμεῖς γὰρ θεαί ἐστε πάρεστε τε ἴστέ τε πάντα,
ἡμεῖς δὲ κλέος οἶον ἀκούομεν οὐδέ τι ἴδμεν·
οἳ τινες ἠγεμόνες Δαναῶν καὶ κοίρανοι ἦσαν·

Музы, имеющие дома на Олимпе, ведь вы – богини, вы присутствуете везде и знаете все, мы же слышим только молву и ничего не знаем, теперь расскажите мне, кто были вождями и повелителями данайцев (2, 484–487).

Н. П. Гринцер об этом пишет следующее: «Певец вынужден иметь дело с огромным, бесчисленным множеством материала; упорядочить («расчислить») его он не в состоянии и обращается за помощью к Музам. Вступление к «Каталогу кораблей» наглядно демонстрирует такую ситуацию («Всех же бойцов рядовых не могу назвать, ни исчислить») ... Обращение к богиням, покровительствующим поэзии, продиктовано «поиском числа» как способа упорядочивания материала, нахождения правильной последовательности его изложения» (Гринцер Н., Гринцер П. 2000: 31).

С обращения к Музам Гомер начинает изображение сцен андроктасии, которые исследователи рассматривают как разновидность каталога (Beue 1964: 352):

Ἔσπετε νῦν μοι Μοῦσαι Ὀλύμπια δώματ' ἔχουσαι
 ὅς τις δὴ πρῶτος βροτόεντ' ἀνδράγρι' Ἀχαιῶν
 ἦρατ', ἐπεὶ ῥ' ἔκλινε μάχην κλυτὸς ἐννοσίγαιος.
 Αἴας ῥα πρῶτος Τελαμώνιος ὕρτιον οὔτα
 Γυρτιάδην Μυσῶν ἠγήτορα καρτεροθύμων·
 Φάλκην δ' Ἀντίλοχος καὶ Μέρμερον ἐξενάριξε·
 Μηριόνης δὲ Μόρουν τε καὶ Ἴπποτίωνα κατέκτα,
 Τεῦκρος δὲ Προθόωνά τ' ἐνήρατο καὶ Περιφήτην·
 Ἀτρεΐδης δ' ἄρ' ἔπειθ' Ὑπερήνορα ποιμένα λαῶν
 οὔτα κατὰ λαπάρην, διὰ δ' ἔντερα χαλκὸς ἄφυσσε
 δηώσας· ψυχὴ δὲ κατ' οὔταμένην ὠτειλὴν
 ἔσσυτ' ἐπειγομένη, τὸν δὲ σκότος ὄσσε κάλυψε.

Скажите теперь мне Музы, имеющие дома на Олимпе, кто первым из ахейцев приобрел окровавленные доспехи, когда славный колеблющий землю Посейдон изменил ход битвы. Аякс Теламонид первый поразил Иртия, сына Гиртия, предводителя мужественных мизов, а Антилох снял доспехи с Фалка и Мермера. Мерион же убил Мориса и Иппотиона, Тевкр вывел из строя Протоона и Перифета. Атрид затем поразил в пах пастыря народов Иперенора, и медь, пройдя через внутренности, отсекала их. Гонимая душа через зияющую рану устремилась вон, и очи закрыла мгла (14, 508–519)¹.

С вопроса, кто был первым, без обращения к Музам начинаются также перечисления воинов, побежденных каким-нибудь одним героем, например, Гектором:

Ἐνθα τίνα πρῶτον τίνα δ' ὕστατον ἐξενάριξαν
 Ἐκτωρ τε Πριάμοιο πάϊς καὶ χάλκεος Ἄρης;
 ἀντίθεον Τεύθραντ', ἐπὶ δὲ πλήξιππον Ὀρέστην,
 Τρηχόν τ' αἰχμητὴν Αἰτώλιον Οἰνόμαόν τε,
 Οἰνοπίδην θ' Ἐλενον καὶ Ὀρέσβιον αἰολομίτρην,

Кого же первым и кого последним лишил доспехов Гектор, сын Приама, и медный Арес? Равного богам Тевтранта, а затем погоняющего коня Ореста, и сражающегося копьем Трехона, и Ойомая из Этолии, и Гелена, сына Ойнопа, и опоясанного блестящим поясом Оресбия (5, 703–707)².

¹ По такому же принципу описываются подвиги Агамемнона в одиннадцатой песне «Илиады» (218 – 263), только герой в основном отражает нападение противников.

² См. также 8, 273–277; 11, 299–309; 16, 692–697.

Наконец, поэт может не задавать вопрос Музам, кто был первым, но описание сражения и в этом случае представляет собой ответ на него:

Πρῶτος δ' Ἀντίλοχος Τρώων ἔλεν ἄνδρα κορυστὴν
 ἐσθλὸν ἐνὶ προμάχοισι Θαλυσιάδην Ἐχέπωλον·
 τὸν ῥ' ἔβαλε πρῶτος κόρυθος φάλον ἵπποδασειῆς,
 ἐν δὲ μετώπῳ πῆξε, πέρησε δ' ἄρ' ὀστέον εἴσω
 αἰχμὴ χαλκείη· τὸν δὲ σκότος ὄσσε κάλυψεν,
 ἦριπε δ' ὡς ὄτε πύργος ἐνὶ κρατερῇ ὑσμίνῃ.

Антилох первый убил троянского мужа, облаченного в шлем, лучшего из сражающихся впереди воинов, Эхепола, сына Фалисия. Он первый ударил его в гребень украшенного конскими волосами шлема и пронзил его лоб, и медное острие копье прошло внутрь кости. Мгла закрыла его очи, и он упал, как башня, в ожесточенной битве (4, 457–461)³.

Таким образом, каталоги павших в сражении воинов в «Илиаде» представляют собой развернутый ответ Муз на вопрос, заданный им поэтом (Minton 1962: 188). Упорядоченность перечисления подчеркивается словом *πρῶτος* («первый») в вопросе и ответе (Minton 1962: 191). Поэт расставляет элементы, составляющие список, в алфавитном порядке или согласно какому-нибудь другому организационному принципу. Гомер создает сцены сражений механически, поскольку они, как правило, содержат идентичную информацию – имена победителей и побежденных. Переход от одной пары сражающихся воинов к другой придает динамичность и драматичность описанию битвы. Иногда поэт сопровождает смерть противника героя описанием или комментарием (Minchin 1996: 3). Таким образом он выделяет этот эпизод битвы из числа других и «делает его запоминающимся» (Minchin 1996: 10).

Отметив основные приемы построения каталогов героев у Гомера, теперь можно перейти к использованию этого же элемента эпической техники в «Аргонавтике» Аполлония Родосского. Александрийский поэт начинает перечислять участников экспедиции в Колхиду, на первый взгляд, традиционным образом:

³ См. также 5, 38–42; 6, 5–11; 8, 256–260; 11, 738–746 (Нестор вспоминает о своих подвигах в молодости) и др.

Πρῶτά νυν Ὀρφῆος μνησώμεθα, τόν ῥά ποτ' αὐτή
 Καλλιόπη Θρηκί φατίζεται εὐνηθεῖσα
 Οἰάγρω σκοπιῆς Πιμπληίδος ἄγχι τεκέσθαι.
 αὐτὰρ τόνγ' ἐνέπουσιν ἀτειρέας οὔρεσι πέτρας
 θέλξαι ἀοιδάων ἐνοπῆ ποταμῶν τε ῥέεθρα·
 φηγοὶ δ' ἀγριάδες κείνης ἔτι σήματα μολπῆς
 ἀκτῆ Θρηκίῃ Ζώνης ἔπι τηλεθόωσαι
 ἐξεῖης στιχόωσιν ἐπήτριμοι, ἄς ὄγ' ἐπιπρό
 θελγομένας φόρμιγγι κατήγαγε Πιερίθην.
 Ὀρφέα μὲν δὴ τοῖον ἔων ἐπαρωγὸν ἀέθλων
 Αἰσονίδης Χείρωνος ἐφημοσύνησι πιθήσας
 δέξατο, Πιερίῃ Βιστωνίδι κοῖρανέοντα·

Вначале давайте мы сейчас вспомним об Орфее, которого, говорят, родила около Пимплейской вершины сама Каллиопа после того, как возлегла на ложе с фракийцем Эагром. Итак, об Орфее говорят, что он очаровал в горах звучанием песен несокрушимые скалы и течения рек. На фракийском берегу около Зоны еще издалека видны знаки этой песни – стоящие близко друг к другу огромные буки, которых он свел, очаровав лирой, прямо с Пиэрийской горы. Этого Орфея, правителя бистонской Пиэрии, Ясон взял помощником в своих подвигах, следуя наставлениям Хирона. (1, 23–34).

Поэт обращается к Музам, которых он упоминает в 22 стихе («Пусть мою песню разгласят Аонийские сестры»). Далее следует каталог аргонатов. Однако следует отметить, что меняется положение певца по отношению к Музам. Форма μνησώμεθα («давайте вспомним») показывает, что он уже не подчиняется их руководящей воле, как автор традиционного эпоса, а выступает с ними на равных, если не берет инициативу в свои руки. Музы в «Аргонавтике» выступают не как источник информации, а как гарантия ее достоверности или своего рода знак «авторитета» певца.

Кроме того, у Гомера со слова с корнем -πρῶτ- начинается не каталог участников похода против Трои, а описания сражений. Аполлоний Родосский следует этому правилу, когда рассказывает о победе аргонатов над бебриками:

... πρῶτός γε μὲν ἀνέρα Κάστωρ
 ἦλασ' ἐπεσσύμενον κεφαλῆς ὑπερ· ἢ δ' ἐκάτερθεν
 ἔνθα καὶ ἔνθ' ὤμοισιν ἐπ' ἀμφοτέροισι κεάσθη·

Первым Кастор отразил устремившегося на него какого-то человека, ударив его по голове. И она оказалась на плечах с обеих сторон (2, 102–104).

В первой песни «Аргонавтики» слово *πρωτα* является уже формальным признаком, показателем того, что далее последует перечисление. Таким образом, александрийский поэт как бы сознательно «выводит на поверхность» гомеровский прием.

Как пишет О. В. Смыка, «выяснение полного состава аргонавтов, а также их генеалогии и обстоятельств их мифологических биографий было делом вовсе не легким и не простым. Автору пришлось проделать большую работу сугубо научного характера при освоении различных источников и увязывании различных мифологических версий для выработки собственной установки при решении этой проблемы» (Смыка 1976: 109). Аполлоний Родосский, в отличие от Гомера, «помещает каталог сразу после вступления, ставя его, таким образом, как бы перед действием» (Смыка 1976: 112). По мнению исследователя, александрийский поэт таким образом подчеркивает свой особый интерес к вопросу об участниках экспедиции. На это также указывает тот факт, что александрийский поэт дополняет каталоги аргонавтов в его основном источнике – четвертой Пифийской оде Пиндара⁴ – и в несохранившиеся трагедиях Эсхила («Кабиры») и Софокла («Лемнианки») именами, которых в них нет. Например, только в поэме Аполлония как аргонавты перечислены родственник Ясона Ификл и отец Патрокла Менетий.

Критическое отношение Аполлония к источникам нашло отражение в тексте «Аргонавтики». Например, александрийский поэт опровергает точку зрения, что Тесей был спутником Ясона⁵, сообщением, что тот в это время был в цепях в Аиде (1, 101–104). Таким образом, в каталоге Аполлоний демонстрирует свою образованность и оригинальность в трактовке темы.

⁴ В «Аргонавтике» и в четвертой Пифийской оде Пиндара (175 – 191) как участники похода аргонавтов указываются сыновья Зевса Диоскуры и Геракл, сыновья Борея Зет и Калаис, сыновья Гермеса Эрит и Эхион, а также Периклимен, Эвфем и Мопс. Отцом Орфея Аполлоний называет не Аполлона, а Эагра.

⁵ Эта точка зрения нашла отражение в произведениях Аполлодора (Мифологическая библиотека. 1, 9, 16), Гигина и Стация (Фиваида. 5, 431).

В источниках также не было единого мнения об участии в экспедиции в Колхиду Геракла. Полемика по этому вопросу находит отражение в «Мифологической библиотеке» Аполлодора: «Но Геродор говорит, что Геракл и не начинал вовсе похода, но находился тогда в рабстве у Омфалы. Ферекид же рассказывает, что Геракл был оставлен в гавани Афеты, в Фессалии, ибо сам корабль Арго провещал человеческим голосом, что не в силах вынести его тяжесть. Демарат же передает, что Геракл доплыл до Колхиды, а Дионисий даже говорит, что он стал предводителем аргонавтов» (1, 9, 19). В своей поэме Аполлоний Родосский высказывает свое мнение по всем этим вопросам. Он пишет, что Геракл присоединился к аргонавтам (1, 122–131), уступил первенство Ясону, но на пути в Колхиду был вынужден вернуться к своим подвигам.

Как пишет Бейе (Beue 1982: 22), «справка» о том, что Тесея в это время пребывал в Аиде, определяет «время», когда происходили легендарные события поэмы. Подвиги Геракла также служат в «Аргонавтике» временными координатами: действие поэмы начинается, когда он возвращался после победы над Эриманфским кабаном (1, 124–131), и завершается, когда он добыл яблоки Гесперид (4, 1433–1435). Еще одним временным маркером в каталоге «Аргонавтики» является война лапифов с кентаврами, участниками которой были Полифем (1, 40–44) и отец аргонанта Корона Кеней (1, 59–64). Таким образом, александрийский поэт помещает каталог в начале «Аргонавтики» для того, чтобы познакомить читателя с действующими лицами поэмы и определить место экспедиции аргонавтов в мифологической истории. Оставаясь «знаком» гомеровской традиции, каталог на сей раз занимает логически обоснованное место в самом начале поэмы, вводя читателя в некий «исторический контекст» и одновременно демонстрируя позицию, занимаемую автором в ученых спорах относительно содержания используемых им мифов.

Аполлоний, перечисляя аргонавтов, подробно останавливается на их генеалогии⁶. Это особенно важно для людей с одинаковыми именами, потому что только таким образом можно их разграничить. Как пишет Р. Клэр, задача поэта состояла в

⁶ Наиболее подробно Аполлоний Родосский в своей поэме восстанавливает генеалогию аргонанта Навплия, охватив в ней четыре поколения (1, 133–138).

сопоставлении сведений об участниках экспедиции в разных источниках (Clare 2002: 176). Поэтому, рассказывая о происхождении героев, Аполлоний захватывает и поколение их отцов. Сведения о некоторых из них можно найти в гомеровских поэмах. Например, о сражении лапифа Кеня с кентаврами Гомер упоминает в первой песни «Илиады» (264), а о ссоре Еврита с Аполлоном, которого он вызвал на состязание в стрельбе, – в восьмой песни «Одиссеи» (224). Таким образом, в дополнение к демонстрации собственной «учености» александрийский поэт создает переключки с произведениями предшественника.

Об этом свидетельствует и то, что сообщив имена предков персонажей своей поэмы, Аполлоний не только восстанавливает их генеалогию, как пишет Д. Левин (Levin 1971), но и обращает внимание читателей на родственные связи между ними и героями «Илиады». Например, в 90–94 стихах первой песни «Аргонавтики» сообщается, что Пелей и Теламон были братьями. Таким образом выясняется, что Ахилл и Аякс были двоюродными братьями. В экспедиции принимает участие Периклемен, который является сыном Нелея и, следовательно, братом Нестора. Точно также сын Кеня аргонавт Корон оказывается братом гомеровского героя Леонтея (Илиада. 2, 745–746). Таким образом, каталог аргонавтов в поэме Аполлония является своеобразным «комментарием» к «Илиаде».

В «Аргонавтике» есть отсылки и к «Каталогу кораблей», которые носят как бы «двусторонний» характер. Например, Аполлоний Родосский указывает, что из упомянутого Гомером города Олена (2, 639) был отец аргонавта Палемония, а отец и дед Астерия и Амфиона были героями-эпонимами городов Гипересии и Пелены, жители которых входили в состав ахейского войска (2, 573–574). В «Каталоге кораблей», в свою очередь, сообщается о потомках аргонавтов, которые принимали участие в Троянской войне. В числе предводителей ахейских войск Гомер упоминает внуков Навбола Схедия и Эпистрофа (2, 517–518), Аякса Оилида (2, 527), Аякса Теламонида (2, 557), сына Мелеагра Фоаса (2, 638), сына Геракла Глиполема (2, 653), внуков Геракла Фидиппе и Антифе (2, 676). Таким образом создается впечатление, что события поэмы Аполлония Родосского происходят «и до и после гомеровских поэм» (Knight 1995: 28). «Аргонавтика» и «Илиада» вступают во взаимодействие: они становятся своего рода фоном друг для

друга, в результате одно произведение как бы включает в себя другое.

С точки зрения традиционности и новаторства в построении каталога в поэме Аполлония оригинальную, на наш взгляд, интерпретацию предлагает в своей монографии «Лучший из аргонатов: Определение эпического героя в первой песни «Аргонавтики» Аполлония Родосского» Дж. Клаус (Clauss 1993). Он считает, что Аполлоний Родосский делит героев поэмы на две группы, первую из которых возглавляет Орфей, а вторую – Геракл (Clauss 1993: 30). Такая структура соответствует перечням воинов противоборствующих армий «Илиады»: Каталогу кораблей (2, 494–759) и каталогу троянцев (2, 816–877). В двухчастной структуре списка аргонатов, по мнению исследователя, находит отражение деление героев не на две армии, как в поэме Гомера, а на два типа. Одни герои достигают цели, полагаясь на свои «коммуникативные способности»; другие добиваются успеха благодаря своей физической силе (Clauss 1993: 32). Воплощением этих двух типов в каталоге являются Ясон и Геракл, а также одетый в элегантный плащ Акаст и облаченный в бычью шкуру Арг, которые присоединяются к аргонатам в Пагасах (1, 324–326). Если принять точку зрения Клауса, то такое внутреннее членение каталога делает его своего рода «ключом» к общей интерпретации поэмы (в ходе которой главный «герой силы», Геракл покидает аргонатов, а Ясон добивается конечного успеха прежде всего силой слова) и лишней раз подчеркивает степень авторской рефлексии в использовании традиционного приема.

Большинство исследователей считает, что каталог аргонатов в «Аргонавтике» строится по такому же принципу, как Каталог кораблей в «Илиаде», то есть географическому отмечая его симметричность (Levin 1971: 25). Однако в отличие от гомеровского «Каталога кораблей» перечень героев «Аргонавтики» имеет кольцевую композицию (Clauss 1993: 27). Как пишет Бейе, «заканчивая на Акасте, местном жителе, он (Аполлоний – И. Р.) возвращает нас обратно в Иолк, из которого экспедиция отплывает» (Beue 1982: 22). По мнению О. В. Смыки, «перечисление героев Аполлоний старается осуществить так, чтобы создать впечатление, будто герои при этом собираются к месту действия» (Смыка 1976: 114, Beue 1982: 23).

Перечислив членов экспедиции в Колхиду, александрийский поэт изображает их шествие по городу к снаряженному кораб-

лю, отмечает, какое впечатление они оказывают на жителей Иолка:

... ἀμφὶ δὲ λαῶν
 πληθὺς σπερχομένων ἄμυδις θεόν, οἱ δὲ φαεινοὶ
 ἀστέρες ὡς νεφέεσσι μετέπρεπον. ὧδε δ' ἕκαστος
 ἔννεπεν εἰσορόων σὺν τεύχεσιν αἰσσοντας·
 “Ζεῦ ἄνα, τίς Πελῖαιο νόος; πόθι τόσσον ὄμιλον
 ἠρώων γαίης Παναχαΐδος ἔκτοθι βάλλει;
 αὐτῆμάρ κε δόμους ὀλοῶ πυρὶ δηώσειαν
 Αἰήτεω, ὅτε μή σφιν ἐκὼν δέρος ἐγγυαλίξη·
 ἀλλ' οὐ φυκτὰ κέλευθα, πόνος δ' ἄπρηκτος ἰοῦσιν.”
 Ἔως φάσαν ἔνθα καὶ ἔνθα κατὰ πτόλιν· αἱ δὲ γυναῖκες
 πολλὰ μάλ' ἀθανάτοισιν ἐς αἰθέρα χεῖρας ἄειρον,
 εὐχόμεναι νόστοιο τέλος θυμηδὲς ὀπάσσαι.

А вокруг собиралась в спешке толпа народа. Они же сияли, как звезды, появляющиеся среди облаков. И каждый, кто видел их, идущих с оружием, говорил: «О, владыка Зевс, чего же хочет Пелий? Зачем он такое собрание героев отсылает из Панахейской земли? Если Ээт не захочет по доброй воле отдать им руно, они в тот же день сожгут в губительном пламени его дом. Но дороги не избежать, и труды их не будут напрасны». Так говорили тут и там по городу, а очень многие женщины поднимали руки кверху, к бессмертным богам, умоляя их о благополучном исходе (1, 238–249).

В данном месте обращает на себя внимание сравнение всей совокупности героев со звездами – сравнение, очевидным образом отсылающее к Гомеру. Однако Гомер использует это сравнение при описании воина, готового совершить подвиг, выступившего вперед: Диомеда (5, 4–6), Гектора (11, 62–64) и Ахилла (22, 25–32)⁷, у него это скорее индивидуальная характеристика, которую Аполлоний распространяет на весь сонм героев, возможно, подразумевая уникальность каждого из участников похода.

Надо сказать, что эта уникальность подчеркивается и куда более развернутыми, чем в «Каталоге кораблей», характеристиками каждого отдельного героя (достаточно вспомнить приведенное выше описание Орфея). Такая индивидуализация достигается указаниями прежде всего на качества, специфичные

⁷ Аполлоний также прибегает к этому сравнению при описании Полидевка, готовящегося к бою с Амиком (2, 38–43).

именно для данного персонажа, но при этом «поданные» в соответствии с традиционной техникой каталога. Например, вот как вводится в повествование кормчий аргонатов Тифис:

Τίφυς δ' Ἀγνιάδης Σιφαιέα κάλλιπε δῆμον
Θεσπιέων, ἐσθλὸς μὲν ὀρινόμενον προδαῆναι
κῦμ' ἄλὸς εὐρείης, ἐσθλὸς δ' ἀνέμοιο θυέλλας,

«Феспиец Тифис, сын Агния, лучше всех предвидящий, когда в широком море поднимутся волны, и к тому же лучше всех разбирающийся в порывах ветра, покинул народ сифаев» (1, 105–107).

Сообщения, в чем каждый аргонавт особенно «хорош», ἐσθλός, несколько раз встречаются в данном каталоге (ср. 1, 58, 106) – но что особенно интересно, полностью идентичная формула ἐσθλὸς μὲν ... ἐσθλὸς δὲ встречается еще раз в третьей песни, применительно к прорицателю Мопсу Ампикиду, который:

Ἄμπυκίδης, ἐσθλὸς μὲν ἐπιπροφανεύτας ἐνισπεῖν
οἰωνούς, ἐσθλὸς δὲ σὺν εὖ φράσσασθαι ἰοῦσιν.

«лучший, с одной стороны, в истолковании появившихся птиц, а с другой стороны, дающий лучшие советы идущим» (3, 917–918).

Мопс уже упоминался в открывающем поэму каталоге, где о нем было сказано, что «его сын Лето научил лучше всех гадать по птицам»:

... ὃν περὶ πάντων
Λητοῖδης ἐδίδαξε θεοπροπίας οἰωνῶν· (1, 65–66).

Однако своего рода «формулу каталога» мы имеем применительно к нему именно в третьей песни, где способность Мопса «давать советы идущим» особенно уместно упомянуть перед выходом Ясона в сопровождении Арга и Мопса, собственно на главный «подвиг»: встречу с Медеей (правда, как известно, его советы не понадобились, поскольку вещей ворон заставил его оставить влюбленных наедине). Таким образом, элементы каталога проникают непосредственно в повествование, что еще раз подчеркивает стремление Аполлония максимально естественно соединять традиционные вставные элементы, вроде каталога, с собственно развитием сюжета. Как отмечает Левин, в каталоге александрийский поэт также задает перспективу, что «Идмон, Мопс и Канф погибнут на пути в Колхиду или обратно» (Levin 1971: 36).

О. В. Смыка применительно к каталогу в первой песни пишет, что «пытаясь тем самым придать своему искусно составленному перечню некоторые функции действия и включая его в сюжетное действие, Аполлоний стремится следовать гомеровскому образцу, хотя и делает это достаточно своеобразно» (Смыка 1976: 114). Каталог в «Аргонавтике» становится органичным элементом сюжета.

В таком построении каталога Аполлоний по всей видимости ориентировался на произведения Гесиода, у которого, как отмечает Минтон, «черта между информативным материалом, или каталогом, и повествованием не всегда четко обозначена» (Minton 1962: 189). Р. Хантер в своей статье показывает, что в поэме Аполлония есть отсылки к «Каталогу женщин» (Hunter 2005: 249–250). Исследователь отмечает сходство в сведениях, которые сообщают о героях Гесиод и Аполлоний. Например, Мелеагр и в «Аргонавтике», и в «Каталоге женщин» назван вторым по силе после Геракла. Также исследователь находит аллюзии на «Каталог женщин» в 77–78 и 86–89 стихах первой песни «Аргонавтики». В ряде случаев, отмечает Хантер, сложно сказать на кого ссылается Аполлоний – на Гесиода или на Гомера⁸.

Таким образом, александрийский поэт в своей поэме воссоздает «весь мир каталоговой поэзии» (Hunter 2005: 245). «Военный каталог» Гомера в «Аргонавтике» совмещается с генеалогическим каталогом Гесиода. Как пишет В. П. Завьялова, «александрийцы впервые подходят к пониманию «эволюции литературного ряда» или «развития» литературы, когда вся совокупность исторически сложившейся литературной реальности, т. е. совокупность реально существующих (от прошлого до настоящего) литературных произведений составляют фон, на котором возникает новое произведение» (Завьялова 2009: 137).

Завершая каталог аргонавтов, Аполлоний подытоживает его следующей «причиной»:

τοὺς μὲν ἄριστῆας Μινύας περιναίεταόντες
κίκλησκον μάλα πάντας, ἐπεὶ Μινύαο θυγατρῶν

⁸ Например, о Еврите и его сыновьях рассказывается в 27–30 строках двадцать шестого фрагмента «Каталога женщин» и в 224–228 стихах восьмой песни «Одиссеи»; о Перо сообщается в 8–9 стихах тридцать седьмого фрагмента произведения Гесиода и в 287–297 стихах одиннадцатой песни «Одиссеи».

οἱ πλεῖστοι καὶ ἄριστοι ἀφ' αἵματος εὐχετόωντο
ἔμμεναι, ὥς δὲ καὶ αὐτὸν Ἴησωνα γείνατο μήτηρ
Ἄλκιμέδη Κλυμένης Μινυηίδος ἐκγεγαυῖα.

Живущие вокруг всех этих лучших людей в совокупности называют минийцами, поскольку лучшие из них в большинстве гордятся, что происходят из крови дочерей Миноса. Из них матерью Ясона стала Алкимеда – порождение дочери Миноса Климены (1, 229–234)

Точно также «причинами» в «Аргонавтике» зачастую оканчиваются и каталоги, связанные с андроктасией. Так, например, завершается перечисление павших в битве с аргонавтами долионов (1, 1030–1048)⁹ и рассказ о гибели жены Кизика Клиты:

... τὴν δὲ καὶ αὐταὶ
νύμφαι ἀποφθιμένην ἀλσηίδες ὠδύραντο·
καὶ οἱ ἀπὸ βλεφάρων ὅσα δάκρυα χεύατ' ἔραζε,
πάντα τάγε κρήνην τεῦξαν θεαί, ἦν καλέουσιν
Κλείτην, δυστήνοιο περικλεῆς οὔνομα νύμφης.
αἰνότατον δὴ κεῖνο Δολιονίησι γυναιξίν
ἀνδράσι τ' ἐκ Διὸς ἤμαρ ἐπήλυθεν· οὐδὲ τγὰρ αὐτῶν†
ἔτλη τις πάσασθαι ἐδητύος οὐδ' ἐπὶ δηρόν
ἐξ ἀχέων ἔργοιο μυληφάτου ἐμνώοντο,
ἀλλ' αὐτῶς ἀφλεκτα διαζώεσκον ἔδοντες.

И когда она умерла, ее оплакали сами нимфы, и они пролили из своих глаз столько слез, что из всех их богини создали источник, который называется Клита в честь знаменитого имени несчастной невесты. И настал по воле Зевса самый страшный день для долионских женщин и мужчин. Ведь никто из них не осмеливался прикасаться к пище. И долго, скорбя, они не вспоминали о молотом на мельнице зерне, и, таким образом, они жили, употребляя его в пищу не печеным. С тех пор сейчас, когда живущие в Кизике ионийцы ежегодно возливают смешанное с водой деревянное масло для натирания, они всегда постоянно мелят муку для жертвенных лепешек на общественной мельнице (1, 1065–1077).

⁹ В. Найт в качестве параллелей к этому эпизоду приводит 511–522 стихи 14-ой песни «Илиады» и 329–342 стихи 15-ой песни «Илиады». Как отмечает исследователь, Гомер и Аполлоний перечисляют имена убитых с одной стороны и имена тех, кто их победил, меняя при этом глаголы, имеющие значение «убивать» (Knight 1995: 89).

Гибель Кизика и его дружины служит также объяснением, почему аргонавты были вынуждены задержаться и умиловать Рею жертвами (1, 1131–1139).

Надо отметить, что с точки зрения техники построения каталога, Аполлоний Родосский, в отличие от Гомера, по-разному изображает сцены сражения в первой и второй книгах «Аргонавтике». Как пишет В. Найт, битва аргонавтов с долионами изображается как одно сражение, «за которым следует каталог смертей», а во второй песни после победы Полидевка над Амиком следует «последовательность кратко описанных сцен убийства» (Knight 1995: 83). Истребление бибриков изображается с большей детализацией, чем сражение с долионами. Подобное описание характерно для гомеровских сцен андроктасии. Исследователь отмечает, что в первой песни сравнения обрамляют эпизод, как бы заменяя собой действие, а во второй песни они сосредоточены в конце сцены и служат для описания атмосферы сражения.

Во второй песни «Аргонавтики» «причина» следует не в самом конце эпизода сражения с бибриками, а немного позднее. Когда аргонавты прибывают к мариандянам, их царь Лик обещает воздавать божественные почести Полидевку и его брату Кастору как одержавшим победу над его злейшими врагами (2, 806–810).

Таким образом, сцены андроктасии, также как каталог героев в начале поэмы, органично вписаны в сюжет произведения. Александрийский поэт, используя каталог как традиционный композиционный элемент эпического произведения, согласует его с потребностями избранного им жанра, которому, с нашей точки зрения, Т. Ф. Теперик дает точное определение – «этиологическая поэма» (Теперик 2010: 360). Это согласование состоит, прежде всего, в насыщении каталога дополнительной генеалогической и географической информацией, в завершении его с помощью «причин», объясняющих происхождение того или иного названия, обряда и т. п. В то же время каталоги Аполлония отличаются гораздо более продуманным и отрефлексируемым построением, как с точки зрения их включенности в общую структуру повествования, так и в качестве своеобразной отсылки к традиции, сознательного параллелизма или контраста по отношению к гомеровским образцам. Тем самым каталоги в «Аргонавтике» являются одной из форм реализации характерных принципов александрийской поэтики, сочетая в себе

«ученость» с «разноцветьем», следование традиции с искусным ее варьированием.

Литература

- Гордезиани 1967 – Гордезиани Р. В. «Каталог кораблей» «Илиады» (филологическо-исторический анализ). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тбилиси, 1967.
- Гордезиани 1978 – Гордезиани Р. В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978.
- Гринцер Н., Гринцер П. 2000 – Гринцер Н. П., Гринцер П. А. становление литературной теории в Древней Греции и Индии. М., 2000.
- Гринцер П. 1974 – Гринцер П. А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., 1974.
- Лорд 1994 – Лорд А. Б. Сказитель. М., 1994.
- Смыка 1976 – Смыка О. В. Замечания о каталоге у Аполлония Родосского // Вопросы классической филологии. Вып. 6. М., 1976. С. 105–114.
- Темненко 2011 – Темненко Г. М. Перечень кораблей в «Илиаде» Гомера // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XV. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2011. С. 489–495.
- Теперик 2010 – Теперик Т. Ф. Художественная роль экскурсов в «Аргонавтике» Аполлония Родосского // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIV: Материалы XIV-х чтений памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2010. С. 360–368.
- Allen 1910 – Allen T. W. The Homeric Catalogue // The Journal of Hellenic Studies 30. 1910. P. 292–322.
- Beye 1964 – Beye C. R. Homeric Battle Narrative and Catalogues // Harvard Studies in Classical Philology 68. 1964. P. 345–373.
- Beye 1982 – Beye C. R. Epic and Romance in the Argonautica: Literary Structures. Carbondale, 1982.
- Edwards 1980 – Edwards M. W. The Structure of Homeric Catalogues // Transactions of the American Philological Association. Vol. 110. 1980. P. 81–105.
- Carspecken 1952 – Carspecken J. F. Apollonius and Homeric Epic // Yale Classical Studies 13. 1952. P. 33–143.
- Clare 2002 – Clare R. J. The Path of Argo: Language, Imagery and Narrative in the Argonautica of Apollonius Rhodius. Cambridge, 2002.
- Clauss 1993 – Clauss J. J. The Best of the Argonauts. The Redefinition of the Epic Hero in Book One of Apollonius' Argonautica. Berkeley; Los Angeles, 1993.
- Gaertner 2001 – Gaertner J. F. The Homeric Catalogues and their Function in Epic Narrative // Hermes. Bd. 129. H. 3. 2001. P. 298–305.
- Hunter 2005 – Hunter R. The Hesiodic Catalogue and Hellenistic Poetry // Hunter R. (ed.) Hesiodic Catalogue of Women. Constructions and Reconstructions. Cambridge, 2005. P. 249–250.

- Knight 1995 – Knight V. H. *The Renewal of Epic. Responses to Homer in the Argonautica of Apollonius*. Leiden, 1995.
- Levin 1971 – Levin D. N. *Apollonius' Argonautica Re-examined*. Leiden, 1971.
- Minchin 1996 – Minchin E. The performance of lists and catalogues in the Homeric Epics // I. Worthington (ed.) *Voice into Text: Orality and Literacy in Ancient Greece*. Leiden, 1996. P. 3–20.
- Minton 1962 – Minton W.W. Invocation and Catalogue in Hesiod and Homer. P. 188. // *Transactions of the American Philological Association*. Vol. 93. 1962. P. 188–212.
- Page 1959 – Page D. L. *History and the Homeric Iliad*. Berkeley; Los Angeles, 1959.
- Visser 1997 – Visser E. *Homers Katalog der Schiffe*. Stuttgart; Leipzig, 1997.

**I. V. Rybakova. The Catalogue of Heroes in the “Argonautica”
by Apollonius Rhodius**

The use of catalogues is viewed as a characteristic feature of oral poetry. The paper analyzes the way this traditional element of epic composition is handled by Apollonius Rhodius in his poem. The paper aims to find out in what way the Catalogue of the Argonauts follows the older poetic tradition, and where it differs from the catalogues used in *Iliad*.

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ НОВОГРЕЧЕСКИХ ГОВОРОВ ОСТРОВА КАРПАТОС С ДОРИЙСКИМ ДИАЛЕКТОМ¹

Резюме. В статье рассматривается вопрос о связи новогреческих говоров о. Карпатос с дорийским диалектом. Перечисляются примеры употребления дорийских черт в говоре на материале словаря говоров острова Карпатос, народных песен и записанных во время полевого исследования отрывков спонтанной речи. В заключении делается вывод, что связь с дорийским диалектом действительно есть, но на данный момент примеров черт дорийского диалекта немного, поэтому данный вопрос требует дальнейшего исследования.

Ключевые слова: новогреческая диалектология, говоры Карпатоса, дорийский диалект, койне, новогреческий язык, история греческого языка, дорийский [а].

Греческий остров Карпатос расположен в юго-восточной части Эгейского моря, между островами Родос и Крит. В силу своего географического положения, удаленности от культурных центров, патриотичного менталитета жителей², свято чтущих свои традиции, он представляет огромный интерес для фольклористов и диалектологов. Карпатос изучался как лингвистами-выходцами с этого острова, так и греческими и зарубежными исследователями, занимавшимися сбором, обобщением и публикацией фольклорного материала острова. Самыми серьезными исследователями Карпатоса являются: Эм. Манолакакис (Μανωλάκας 1896), Д. Хавиарас (Χαβιαράς 1891), М. Михаилидис-Нуарос (Μιχαηλίδης-Νουάρος 1928), Эм. Протопсалтис (Πρωτο-

¹ Автор, следуя греческой традиции (Κοντοσόπουλος 2001), разделяет понятия «говор» и диалект». Под понятием «говор» подразумевается форма языка более близкая к литературному языку, чем диалект.

² Жителей Карпатоса отличает местный патриотизм и самосознание, четкое разделение на «мы» и «вы», понимая под «мы» свою деревню, а под «вы» всех остальных, постоянно сравнивая себя как общество, а не индивида, с другими обществами. Например, фразам *σας δώσαμε* 'мы вам дали', *σας πήραμε* 'мы у вас взяли', *μας πήρατε νύφες, έθιμα* 'вы у нас взяли невест, традиции', *πώς ετρώ'αμε, πώς εγλεντούσαμε τότες* 'как мы тогда ели, как мы праздновали' придается оттенок собственного превосходства как социума (Κρητισιώτη, Ράφτης 2003: 32).

ψάλτης 1933), К. Минас (Μηνάς 1970; 2004; 2006), Минас. Ал. Алексиадис (Αλεξιάδης 1983; 1997). Из зарубежных ученых лингвофольклорные исследования проводили: Людвиг Росс (Ross 1840–1845), Ричард Доукинс (Dawkins 1971) и Самуэль Бод-Бови (Baud-Bovy 1984).

Для понимания современной языковой ситуации на острове следует сказать несколько слов о периодизации истории и языка. Основными периодами истории и, соответственно, языка являются: древнегреческий период, когда остров находился в ареале распространения дорийского диалекта; эллинистическо-римский период (III в. до н. э. – IV в. н. э.), период распространения эллинистического койне, поглотившего древнегреческие диалекты; византийский период (IV–XV вв. н. э.), когда начали образовываться основные новогреческие диалекты и говоры, в т. ч. и говоры остров Эгейского моря; период османского ига (1437–1912); период итальянского владычества (1912–1945). С 1945 по 1947 остров принадлежал Англии, а в 1947 г. перешел к Греции. С точки зрения языка, данная периодизация достаточно схематична, т. к. требует гораздо более тщательного рассмотрения. Вопросы о распространении койне, о практически полном исчезновении древнегреческих диалектов, о времени образования новогреческих говоров и об их связи с древнегреческими диалектами, являются наиболее спорными среди исследователей греческого языка.

Что касается датировки новогреческих говоров, несмотря на то, что можно достаточно точно определить момент, когда те или иные изменения в языке начинают отображаться в письменной речи, трудно определить время возникновения новогреческих говоров, так как разговорный язык не сразу стал фиксироваться на письме. В связи с этим вопросом среди многих лингвистов и диалектологов возникли разногласия. Немецкий исследователь греческого языка А. Хайзенберг полагает, что новогреческие диалекты начали формироваться не ранее четвертого Крестового похода (начало XIII в.) (Heisenberg 1918: 20). Известный греческий лингвист Г. Хатзидакис началом образования новогреческих диалектов считает рубеж XIV–XV веков (Χατζιδάκις 1915: 7), а А. Мейе в связи с данным вопросом упоминает еще более раннюю дату – VIII–IX вв. н. э. (Meillet 1921: 125). Вышеперечисленные исследователи и многие другие, кто придерживается такой датировки времени появления диалектов, основываются на свидетельстве появившихся

примерно в этот период письменных источников, в которых начинают отражаться диалектные неологизмы (на Кипре, Додеканезах, Крите). Но диалект или говор не характеризуется только наличием неологизмов или заимствований из других языков, но и наличием архаизмов.

Поэтому другая группа ученых, принимая во внимание и архаизирующую лексику, придерживается точки зрения, что началом новогреческих диалектов и, соответственно, в целом новогреческого языка, является более ранний период: по мнению П. Кречмера, – примерно III в. до н. э. (Kretschmer 1921: 232), по мнению А. Тумба, – первые века Христианства (Thumb 1901: 166), по мнению Г. Анагностопулоса, корни новогреческих диалектов ведут к VII в. н.э. (Αναγνωστόπουλος 1924: 103).

Но, несмотря на столь разные мнения о датировке новогреческих диалектов, нельзя не согласиться с фактом, что именно в период с 1204 по 1453 гг. формирование диалектов и говоров проходило очень интенсивно, что связано не только с внутренним развитием языка, но и с внешними факторами, такими как духовный и политический упадок Византии. Архаизмы и неологизмы в диалекте – это две разные стадии многовекового его становления и развития. Архаизмы – это своеобразная точка отсчета, а неологизмы – это конечная стадия формирования диалекта (Μηνάς 2004: 33). Не совсем корректно приходиться к заключению, что новогреческие диалекты не существовали, по мнению Г. Хадзидакиса, до того времени, когда они были зафиксированы в письменных источниках, поскольку до XI века вся письменная традиция создавалась на книжном языке, но наряду с ней бытовал и разговорный язык необразованного, по большей части, не городского населения. Но по некоторым косвенным источникам и упоминаниям, например, у византийских авторов X–XII веков (Михаила Пселла, Анны Комнин) можно предположить, что в это время диалектная речь была распространена.

Поскольку византийский греческий язык, или «позднегреческий койне» (Широков 2003: 386), считается, как пишет О. С. Широков, предшествующей диалекту языковой формой, диалектологи чаще всего обращаются к ней в поисках корней тех или иных диалектных форм и не уделяют должного внимания эллинистическому койне. Но для изучения эволюции новогреческих диалектов и говоров, в особенности Крита, Кипра, Цаконии, Додеканез, Понта, Южной Италии, необхо-

димо исследовать как эллинистический койне, так и древнегреческие диалекты соответствующих регионов. В подтверждение вышесказанного, можно отметить, что в говорах остова Карпатос сохранилось множество архаизмов, восходящих корнями к древнегреческому языку: карп. диал. *ανομβρία*³ /anombri'ia/, η 'бездожде' < др.-гр. *ἀνομβρία*, η 'бездожде', карп. диал. *αγγείον*, το 'улей' < др.-гр. *ἀγγεῖον*, το 'сосуд', карп. диал. *ακία*, η 'рыбья кость' < др.-гр. *ἀκίς*, η 'острие'. карп. диал. *κωλύω*, олимп. *κωλύντζω*⁴ /kol'idzo/ 'препятствовать' < др.-гр. *κωλύω* 'препятствовать', карп. диал. *ξαορεύγω* /ksaor'evgo/ 'исповедовать, открывать тайну' < др.-гр. *ἐξαγορεύω* 'высказывать, открывать тайну', карп. диал. *σκύλλω* 'перемешивать' < др.-гр. *σκύλλω*, 'разрывать, растрепывать' и многие другие⁵.

С проблемой возникновения и преемственности новогреческих говоров, связан вопрос о распространении койне и судьбе древнегреческих диалектов. Самым привычным и распространенным ответом является то, что койне вытеснил все древние диалекты, которые теряются после I или III вв. н. э. Но многое указывает на то, что все развивалось не так стремительно. Существует множество доказательств, подкрепляющих противоположное мнение, что «господство койне на древнегреческих территориях не было абсолютным, и темпы его распространения были медленнее, чем мы обычно считаем, опираясь на свидетельство надписей и отсутствие других данных» (Τσοπανάκης 1983: 265). По мнению А. Цопанакиса, нельзя не принимать во внимание тот факт, что влияние любого «общего языка» на область распространения единого диалекта не может означать полное поглощение диалекта, на котором говорили жители этой области, как считает Г. Хадзидакис и некоторые другие ученые (Αναγνωστόπουλος 1924). Напротив, древние

³ Поскольку говор близок к литературному новогреческому языку, и различия небольшие, примеры для удобства чтения даются в греческой графике, а диалектные слова с особым произношением приводятся с транскрипцией.

⁴ Между говорами Карпатоса существуют некоторые различия, на основе которых говоры принято делить на 4 группы: южная, центральная, северная и самая северная. Больше всего от остальных говоров отличается говор самой северной группы, к которой относится самая отдаленная из всех деревня Олимпос (Μιχαηλίδης-Νουάρος 1928: 9).

⁵ Примеры взяты из словаря говоров Карпатоса под ред. К. Минаса (Μηνάς 2006).

формы приспособляются к требованиям времени под влиянием внешних и внутренних факторов, а заимствуются общие формы с наиболее частым употреблением. В основном это касается морфологии, синтаксиса и общеупотребительной лексики и, в гораздо меньшей степени, фонетики и специальной лексики, например связанной с земледелием и скотоводством.

Как полагает А. Цопанакис, Г. Хадзидакис оказал огромное влияние на исследование новогреческого языка, внес ценнейший вклад в изучение языковых вопросов, поэтому его точка зрения, что древнегреческие диалекты полностью отступили под сильнейшим давлением койне, возникшем из аттического диалекта, затмила любое другое мнение. Но, по мнению А. Цопанакиса, не было проведено детальных исследований ни тех характерных черт древних диалектов, которые имели место в формировании койне и через него перешли в новогречекий язык, ни тех черт, которые перешли напрямую из древних диалектов в новогреческие говоры, миновав койне, продолжая существовать на своей исторической и географической территории в тех областях (таких как Карпатос), которые не претерпели сильного изменения населения и избежали в силу своего географического положения ощутимого влияния других культур. Детальный и внимательный анализ языка помог бы нам ответить на многие спорные вопросы. Через глубокий анализ особенностей современных греческих говоров можно узнать много нового как о древних диалектах, так и о койне.

Авторитетное мнение А. Цопанакиса и других диалектологов конца XIX века, более плотно занимавшихся фольклором острова (Thumb 1901: 42, Χαβιάρας 1891: 272, Πρωτοψάλτης 1933: 153), послужило основанием для анализа собранного диалектного материала на предмет наличия в нем черт дорийского диалекта. Также интересной при изучении данного вопроса была самоидентификация жителей деревни Олимпос, наблюдаемая во время полевого исследования на Карпатосе (21.08.2012–31.08.2012). Например, информант из деревни Олимпос, Махалис Зографидис сказал: *«Мы дорийцы»*, а в деревне Отос другой информант, Илиас Василаракис, описал жителей деревни Олимпос следующим образом: *«Те люди были дорийцами, они были людьми небольшими, низкими»*.

В данной статье мы попытаемся продемонстрировать те дорийские черты, которые сохранились в говорах Карпатоса. А также через фонетические, морфологические и лексические диа-

лектные особенности имеющегося материала мы попробуем проследить связь говоров острова с дорийским диалектом. Возможно, древний диалект представлен в говорах в большей степени, чем обычно считается.

Материалом нашего исследования являются народные песни и сказки острова, опубликованные с учетом всех диалектных особенностей, записанные с 1876 по 1913 год, и песни, зафиксированные во время полевого исследования (9 песен из деревни Олимпос, 3 песни из деревни Отос), а также записи разговоров с информантами в деревнях Менетес, Отос и Олимпос. Некоторые примеры берутся из словаря говоров о. Карпатос (Μηνάς 2006). На его материале можно выделить несколько особенностей дорийского диалекта. Их мы приводим далее.

I. Самой бесспорной чертой дорийского диалекта является сохранение дорийского [a] на месте η в аттическом диалекте.

1) В топонимах, которые, как известно, являются самыми устойчивыми к языковым изменениям: *Αχούσα* (атт. *ήχούσα* ‘звучащая’), *Κάπι* (атт. *Κηπίον* ‘сад’), *Χαλές* (атт. *χηλή* зд. ‘ряд утесов’), *Σακκασταρέα* (атт. *σηκάζω* ‘загонять скот в стойло’).

2) В лексемах, связанных с названиями растений, земледелием и скотоводством, которые, как и топонимы, более устойчивы к изменениям: *απουράνος* /apurnos/ – атт. *απύρηνος* ‘растение-колючка’, *μβακουνία* /mbakun'ia/ (также встречается на Родосе – *μακκωνία* /makkon'ia/ и в Мани – *μαγουνίδα* /magun'ida/ – Βαγιακάκος 1994: 57) – дор. *μακωνίς*, атт. *μήκων* ‘мак’; *χάλος* /χ'alos/ ‘большая ветвь’ – атт. *χηλή* ‘стержень’; *σακκάτζω* /sakk'adzol/, *ασάκκαστον* /as'akkaston/ – дор. *σακάζω*, атт. *σηκάζω* ‘загонять скот в стойло’; *κυνομαλέα* /kinomal'ea/ (Олимпос), *κυνομαλά* /kinomal'a/ (ост. Карпатос), *κινόμαλον* /kin'omalon/ – дор. *κυνομαλέα*, атт. *φασκομηλιά* ‘шалфей’, но *χαμομήλιν*. Пример употребления слова *κυνομαλέα* можно наблюдать в следующей мандинаде (двустиишии):

Ερέομαί тот τοβ βοσκότ σαп πάσει την οξέα
Και φοντζιαστεί την έρεικακ και τηκ **κυνομαλέα**.

(Μηνάς 2006: 967)

Я желаю, чтобы пастух взял свой посох
И украсил бы его вереском и шалфеем

3) В общеупотребительной лексике: *αλακατέα* /alakat'ea/ (также встречается на о. Сими – *αλακάτη* /alak'ati/ и в Мани – *αλακάτα* /alak'ata/ (Βαγιακάκος 1994: 57)) – дор. *αλακάτα*, атт. *ηλακάτη* ‘прялка’, *μαρουκιασμένος* /marukjazm'enos/ ‘изнуренный болезнью, бессонницей’ – дор. *μαρυκώμαι*, атт. *μηρυκαομαι* ‘пережевывать’; *συνιμάλικος* /sinom'alikos/ – дор. *συνομάλιξ*, атт. *συνομηλικος*.

Также интересно заметить, что в отрывке, записанном нами в деревне Менетес (2011 г.), представляющем собой спонтанную речь информантки Софии Хадзипахули 88 лет, замечено употребление глагола *ήταν* как *άτο(v)*:

«Αμα **άτον**⁶ ο πατέρας κ' η μάνα προκομμένοι κ'αι ουλεύγασει
εκάναν και αορασιές
ama 'aton o pat'eraʃ tɛi m'ana prokomm'eni tɛe ul'evgasi
'ekanan tɛe aoraʃ'es
‘Если были отец и мать хозяйственными и работали,
делали и покупки

επαίρνανε [προίκα] κ' οι δεύτερες κόρες...
ep'ernane [pr'ika] tɛi i ð'efteres k'ores
брали [приданное] и вторые дочери...

Μόο τα προύατα εν ήξερε πόσα **άτο** να γράψει κ'αι ήμασταν
m'oo ta pr'uata en 'iksere p'osa 'ato na gr'apsi tɛe 'imastan
γιο κόρες ακόμα ελεύτερες.
jo k'ores ak'oma el'efteres.

Только овец, он не знал, сколько было, чтобы записать, а нас было две дочери еще незамужние.

Εν ήξερε πόσα **άτο** κ'ε είπε να τα μοιράσομεν εγώ κ'ε, αερφή μου τα προύατα
en 'iksere p'osa 'ato tɛe 'ipe na ta mir'asomen eɣ'o tɛe aerf'i mu ta pr'uata

Он не знал, сколько было, и сказал поделить мне и моей сестре овец,

κ'ε κ'ίνος ούλη την περιουσία απ' την άλλη...»
tɛe tɛ'inos 'uli tin perius'ia ap tin 'alli
а тот [взял] все состояние из остального...'

Данный отрывок примечателен тем, что информантка никогда не жила за пределами не только острова, но и деревни, никогда не посещала школу, что является большой редкостью в

⁶ Следует отметить, что здесь и ниже отчетливо слышны конец предыдущего слова, оканчивающегося на α, и начало следующего, начинающегося с α, то есть не идет речь о слиянии гласных, или афэрезе.

наше время. Но следует ометить, что этот случай единичен, на его основе нельзя делать выводы. Аналогичный вариант глакола *ήταν* на данный момент не был встречен нами ни в записанных отрывках спонтанной речи информантов из той же местности (хотя речь информантов не была столь диалектна), ни в записях речи информантов из деревни Олимпос, ни в народных песнях.

II. Более спорными чертами дорийского диалекта, присутствующими в говорах Карпатоса, но о которых говорит А. Цопанакис в своей статье «Eine Dorische dialektzone im Neugriechischen» (Tsoranakes 1955), являются:

1. Произношение υ как [u]: *εσού* [es'u] (*εσύ* 'ты'), *κρούβω* /kr'uvɔ/ (*κρύβω* 'прятать'), *χρουσός* /χrus'os/ (*χρυσός* 'золотой'), *μπρούμυττα* /br'umutta/ (*μπρούμυτα* 'ничком'), *κρουφός* /kruf'os/ (*κρυφός* 'тайный') и др. Пример такого произношения можно наблюдать в следующем отрывке из песни «Ο αποχαρетиσμός», записанной в деревне Олимпос около 1891 года (Μιχαηλίδης-Νουάρος 1928):

Ἔμμ ἀλήθεια τὴν ἀάτη μου ματζίμ μου τὴν επαίρω
 ὡς πὺ να βρω τοχ χρουσοχό /χrusox'o/ να μου τὴν εχρυσώσει
/exrus'osi/
 Ω χρουσοχέ /χrusox'e/ κ'αι χρούσωσε /χr'usose/ εννεά μηνών ἀάτη...

‘Но правда, любовь свою я возьму с собой,
 пока не найду ювелира, чтобы он мне ее позолотил.
 О ювелир, позолоти девятимесячную любовь...’

Хотя в таком же отрывке, записанном нами в 2011 году в деревне Отос, данная особенность уже не фиксируется:

Μ' ἀλήθεια τὴν ἀγάτη σου μαζί μου τὴν επαίρω...
 Ἦο правда, любовь твою я возьму с собой,
 θα πάω να βρω το χρυσοχό /χrisox'oo/ να μου τὴν εχρυσώσει /exris'osi/
 пойду найду ювелира, чтобы он мне ее позолотил.
 Ω χρυσοφέγκε /χrisof'enge/ χρύσωσε /χr'isose/ εννιά μηνών ἀγάτη...
 О озарящий золотом, позолоти девятимесячную любовь...’

2. Переход ε в ι перед α, ο, ω: *λίω* /l'io/ (*λέω* 'говорить'), *αποκρίατος* /apokr'iatos/ (*αποκρέβατος* 'место под кроватью') и т. д.

3. Ассимиляция сонорного с последующими глухими взрывными [k], [p], [t] (Μηνάς 1987): *έρκουτται* /'erkutte/ (*έρχονται* 'приходят'), *συμπέθερος* /sipp'etheros/ (*συμπεθερός*

‘сват’), *τοκ κόσμο* /tokk’ozmo/ (*τον κόσμο* ‘мир’), *τοп πατέρα* /toppat’era/ (*τον πατέρα* ‘отца’), *τοτ τοίχο* /tott’iho/ (*τον τοίχο* ‘стену’) и т. д.

4. Некоторые лексемы, восходящие корнями к дорийским: (*β*)*ώτυρος* (дор. βώτυρος ‘масло’); *μισός* (дор. μικρός ‘маленький’); местоимение *απατός*, восходящее к дор. *αυταυτός* ‘тот самый’ (Тсопанάκης 1983: 333–346).

Из древнегреческого языка, но через койне в говоры Карпатоса перешли следующие особенности:

1) Отсутствие синизесы, т.е. произношение дифтонга [ja], как два разных звука [ea], [ia]: *αλευρέα* /alevr’ea/ (*αλευριά* ‘каша из муки и воды’), *μακρέα* /makr’ea/ (*μακριά* ‘далеко’), *μηλέα* /mil’ea/ (*μηλιά* ‘яблоня’), *αμυγδαλέα* /amiɣdal’ea/ (*αμυγδαλιά* ‘миндальное дерево’), *φωτιά* /fot’ia/ (*φωτιά* ‘пожар’), *χρονέα* /xron’ea/ (*χροδιά* ‘год’) и др. Данное явление широко распространено как в деревне Олимпос на Карпатосе, так и в Мани на Пелопоннесе.

2) Произношение двойных согласных и удвоение согласных (геминаты): *κόκκαλο* /k’okkalo/ (*κόκκαλο* ‘кость’), *άμμος* /’ammos/ (*άμμος* ‘песок’), *άλλος* /’allos/ (*άλλος* ‘другой’), *Απρίλλης* /apr’illis/ (*Απρίλης* ‘апрель’), *μμάτια* /mm’atja/ (*μάτια* ‘глаза’), *πολλά* /poll’i/ (*πολύ* ‘много’) и т.д.

3) Сохранение конечного -v: «*να πιάσομεν έναv αποάυλιν να φέγγομεv να πάμε στο σπίτι, γιατί ’εν έχει φεγγάρι*» ‘давай возьмем головешку, чтобы освещать дорогу домой, потому что нет луны’ (Μηνάς 2006: 121).

4) Произношение сочетаний βγ, βδ, γδ, ργ, ρδ как [vg], [vd], [γd], [rg], [rd]: *ραβδί* /ravd’i/ (*ραβδί* ‘палка’), *εβδομά* /evdom’a/ (*εβδομάδα* ‘неделя’), *γδέρω* /γd’ero/ (*γδέρνω* ‘драть’), *αργά* /arg’a/ (*αργά* ‘поздно’), *σκόρδος* /sk’ordos/ (*σκόρδο* ‘чеснок’), *φεύγω* /f’evgo/ (*φεύγω* ‘уходить’) и т.д.

5) Сохранение глагольных окончаний наст. или буд. вр. сов. в. 3 л. мн. ч. -(σ)ούσιν и аориста или простого прошедшего вр. 3 л. мн. ч. -(σ)ασιν (Тсопанάκης 1983 «Βυζαντιακά διαλεκτικά στοιχεία στην Κωνσταντινούπολη» 265-267): *λύννουσιν*, *’αλύσουσιν*, *ελύσασιν* (*λύνουν, θα λύσουν, έλυσαν* ‘развязывать’), *’ουλευγασι* (*δούλευαν* ‘работать’) и т.д.

Итак, из представленных в работе примеров можно сделать вывод, что черты дорийского диалекта в говорах Карпатоса, несомненно, присутствуют, и их немало. Действительно, говоры острова достаточно устойчивы к языковым изменениям, так как сохранили большое число архаичной лексики, некоторые

дорийские слова и особенности дорийского диалекта. Некоторые из них, например, дорийский [a], являются бесспорной чертой древнего диалекта и явно представлены в говорах, но скорее всего уже как лексическая, а не фонетическая особенность. Однако, следует заметить, что, помимо представленных примеров в работе, нами были проанализированы на наличие дорийского [a] ряд песен и двадцатиминутный разговор информантов 75–85 лет из деревни Олимпос. В них мы не нашли больше примеров, то есть данное явление встречается не часто. Отсюда можно сделать вывод, что в случае говоров Карпатоса трудно судить о прямой преемственности от дорийского диалекта, как, например, в цаконском диалекте (Кисилиер, Федченко 2010: 47), но некоторая, даже весьма ощутимая, связь, как на уровне лексики, так и на фонетическом и морфологическом (местоимение *απατός*) уровнях, несомненно, есть, и не только, в говоре, как считается, самой консервативной деревни Олимпос, но и в говорах остальной части острова.

В заключение, необходимо отметить, что материал исследования на данный момент небольшой, и это в основном песни, которые имеют наддиалектный характер, поэтому выводы неокончательны и требуют дальнейшего исследования.

Литература

- Елоева 2004 – Елоева Ф. А. Понтийский диалект в синхронии и диахронии. СПб., 2004
- Кисилиер, Федченко 2010 – Кисилиер М. Л., Федченко В. В. «Евангелие Любви» (Иоанн 20: 19–25): цаконский вариант // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIV Ч. 2, 2010. С. 47–57.
- Широков 1983– Широков О. С. История греческого языка. М., 1983.
- Широков 2003 – Широков. О. С. Языковедение. Введение в науку о языках. М., 2003.
- Αλεξιάδης 1983 – Μηνάς Αλ. Αλεξιάδης. Η έντυπη λαϊκή ποίηση στην Κάρπαθο: μορφή-λειτουργία-σημασία. Ιωάννινα, 1983.
- Αλεξιάδης 1997 – Μηνάς Αλ. Αλεξιάδης. Η λαογραφική έρευνα της Καρπάθου (1948–1997). Αθήνα, 1997.
- Αναγνωστόπουλος 1924 –Αναγνωστόπουλος Γ. Εισαγωγή εις την Νεοελληνική Διαλεκτολογία. Α' Περί της αρχής των νέων ελληνικών διαλέκτων // Ε.Ε.Β.Σ. 1, 1924. Σ. 93–108.
- Andriotis 1976 – Andriotis N. Lexikon der Archaismen in neugriechischen Dialekten. Wein, 1976.
- Baud-Bovy 1984 – Baud-Bovy S. Δοκίμιο για το ελληνικό δημοτικό τραγούδι. Ναύπλιο, 1984.
- Βαγιακάκος 1994 – Βαγιακάκος Δ. Β. Κοινά διαλεκτικά Δωδεκανήσου και Μάνης // Νεοελληνική Διαλεκτολογία Τ. 1, 1994. Σ. 43–63.

- Dawkins 1971 – Dawkins R. Notes from Karpathos // The annual of the British School at Athens No 9, 1971. P. 176–210.
- Beck 1988 – Beck H.-G. Ιστορία της Βυζαντινής δημόδους λογοτεχνίας. Αθήνα, 1988.
- Γιακουμάκη 1994 – Γιακουμάκη Ελευθερία. Βυζαντινή Ελληνική και νεοελληνικές διάλεκτοι // Νεοελληνική Διαλεκτολογία. Τόμος πρώτος. Αθήνα, 1994.
- Heisenberg 1918 – Heisenberg A. Dialekte und Umgangssprache im Neugrieschen. München, 1918.
- Κοντοσόπουλος 2001 – Διάλεκτοι και ιδιώματα της Νέας Ελληνικής. Αθήνα, 2001.
- Kretschmer 1900 – Kretschmer P. Die Entstehung der Koine. Wein, 1900.
- Kretschmer 1921 – Kretschmer P. Glotta 11. 1921.
- Κρητσιώτη, Ράφτης 2003 – Κρητσιώτη Μ., Ράφτης Α. Ο χορός στον πολιτισμό της Καρπάθου. Αθήνα, 2003.
- Μανωλακάκης 1896 – Μανωλακάκης Εμ. Καρπαθιακά. Αθήνα, 1896.
- Meillet 1921 – Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale. Paris, 1921.
- Μηνάς 1970 – Μηνάς Κ. Τα ιδιώματα της Καρπάθου. Αθήνα, 1970.
- Μηνάς 1987 – Μηνάς Κ. Αφομοίωση του ερρίνου με τους άηχους κλειστούς φθόγγους στην ελληνική γλώσσα // Πρακτικά Β' Κυπριολογικού Συνεδρίου, τομ. Γ'. Λευκωσία, 1987.
- Μηνάς 2004 – Κωνσταντίνος Μηνάς. Μελέτες Νεοελληνικής Διαλεκτολογίας. Αθήνα, 2004.
- Μηνάς 2006 – Μηνάς Κ. Λεξικό των ιδιωμάτων της Καρπάθου. Αθήνα, 2006.
- Μιχαηλίδης-Νουάρος 1928 – Μιχαηλίδης-Νουάρος Μιχ. Γ. Δημοτικά τραγούδια Καρπάθου. Αθήνα, 1928.
- Newton 1972 – Newton B. The Generative Interpretation of Dialect. A study of modern Greek Phonology. Cambridge, 1972.
- Πρωτοψάλτης 1933 – Πρωτοψάλτης Ε. Γ. Τραγούδια και μοιρολόγια της Καρπάθου. Θεσσαλονίκη, 1933.
- Schwyzler 1939 – Schwyzler E. Griechische Grammatik, 1. München, 1939.
- Ross 1840–1845 – Ross L. Reisen auf den griechischen Inseln des Agaischen Meeres. 3 v. Stuttgart, 1840–1845.
- Thumb 1901 – Thumb A. Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus. Strassburg, 1901.
- Trudgill 2003 – Trudgill P. Modern Greek dialects. A preliminary Classification // Journal of Greek linguistics 4, 2003. P. 45–64.
- Tsopanakes 1955 – Tsopanakes A. G. Eine dorische Dialektzone im Neugriechischen. Byzantinische Zeitschrift 48, 1955. P. 49–72.
- Τσοπανάκης 1983 – Αγαπητός Γ. Τσοπανάκης. Συμβολές στην ιστορία της ελληνικής γλώσσας. Θεσσαλονίκη, 1983.
- Τσοπανάκης 1992 – Αγαπητός Γ. Τσοπανάκης. Ροδιακά γλωσσοϊστορικά μελετήματα. Αθήνα, 1992.
- Χαβιαράς 1891 – Χαβιαράς Δ. Ζωγράφιος αγώνας. Αθήνα, 1891.
- Χατζιδάκις 1915 – Χατζιδάκις Γ. Σύντομος ιστορία της ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 1915.
- Χατζιδάκις MNE – Χατζιδάκις Γ. Μεσαιωνικά και Νέα Ελληνικά, 1–2. Αθήνα, 1905–1907.

P. A. Rylik. On a connection between modern Greek idioms used on the Island of Karpathos and the Dorian dialect

The paper addresses certain aspects of a connection between idioms used on the Greek Island of Karpathos and the ancient Dorian dialect. The paper discusses the various modern views on the periodization of the history of Greek, on the influence of Koine on Ancient Greek dialects, and on links between Modern Greek and Ancient Greek dialects. Examples of Dorian features in the Karpathos dialect are provided to conclude that, though the Karpathos-Dorian connections appear to be evident, the number of the examples at hand is insufficient to postulate a direct succession.

О. М. Савельева

ГРЕЧЕСКАЯ ЛИРИКА КАК «БЕССПОРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Резюме. Ода Сапфо (Sa. 16, Loebel-Page) рассматривается с позиций тезиса И. М. Тронского о раннеклассической греческой лирике как о «бесспорной литературе». В качестве иллюстрации этого положения в тексте Сапфо выделяются: особая позиция «поэта-автора», его «вовлеченность» в текст, диалогичность, отраженная в структуре текста, соединение мотивов размышления/медитативности и напряженной эмоции как основной признак поэтики сольного мелоса.

Ключевые слова. древнегреческая лирика, Сапфо, текстология, поэтика, поэт-автор, диалогичность, медитативность, эмоция.

Слова, которые вынесены в название статьи, принадлежат Иосифу Моисеевичу Тронскому, его тезису о полидиалектной греческой поэзии – о раннеклассической лирике VII–VI вв. до н. э.: «Гомеровский эпос остановился на грани литературы, <...> Отныне же мы имеем бесспорную литературу» (Тронский 1973: 163). Имеется в виду, что, главная особенность ранней лирики состоит в ее новой, в сравнении с эпосом, художественной программе – программе уже литературного характера. Прежде всего, подчеркивает Тронский, приходится говорить об особой роли поэта-автора в этом жанре, и лирика реализуется через непосредственный, субъективный взгляд поэта-автора.

Поэт-лирик, в отличие от эпического аэда, особо чувствительно осознает себя как автора фиксированного текста, что часто называют внутренним признаком литературы, а известный уже и в эпосе прием указания автором в стихах своего имени (Гесиод) в лирике практически становится ее важнейшей жанровой характеристикой. Хорошо известно, что лирический поэт говорит в своих стихах о себе, связывая свою жизнь с культовым служением, часто – о конкретной социальной ситуации в родном полисе, причем, четко выражая свое отношение к реальным событиям и их участникам – друзьям и противникам. Поэты собственно лирического направления, поэты-мелики, обращаясь к темам местного фольклора, преломляют их, ориентируясь на свои личные реальные обстоятельства и настроения, вводят имена близких им людей, описывают их внешность и

характер. Однако всегда интересен вопрос, как реализуются постулаты общего характера в конкретном тексте? Поэтому хотелось бы предложить здесь небольшую иллюстрацию к приведенному выше тезису И. М. Тронского и одновременно к достаточно большому для истории и теории литературы вопросу – к вопросу об особенностях поэтики греческой лирики как вида литературы – и сделать эту иллюстрацию на материале известной оды Саффо οἱ μὲν ἰππῆων στρότων, οἱ δὲ πέσδων (16 Lobel-Page, Campbell, Voigt).

Фрагмент Sa.16 с тех пор, как его издали В. Р Grenfell и А. S. Hunt в 1914 г. в числе других Оксиринхских открытий (текст папируса 1231 позже был сверен с 2166(a) 2), справедливо считается одним из самых ярких стихотворений Саффо и продолжает привлекать к себе внимание как объект разнообразных интерпретаций и комментариев. Для этого фрагмента существует достаточно большое число реконструкций (Willamovitz 1914; К. W. Schmidt 1916; J. M. Edmonds 1928; 1934; Ernest Diehl 1936; Loebel-Page 1955; Е.-М. Voigt 1971; D. A. Campbell 1982 и ряд др.). Предлагаемый здесь перевод основан на редакции Кэмпбелла, которая следует реконструкции Пейджа, после 1955 г. ставшей канонической (Austin 1994: 54) и, соответственно, базовой для последующих изданий.

Предлагается следующий авторский перевод текста Саффо.

«Одни говорят, что на черной земле самое прекрасное – это строй всадников, другие – что строй пеших войск, третьи – что строй кораблей, я же – (это) то, что кто-то любит (I). Очень легко сделать это понятным каждому: ведь (вот) Елена, столь превосходящая (περσκέθοισα – partic. от глагола ὑπερέχω, эол. περρέχω ‘превосходить’) всех людей красотой, покинув лучшего мужа (II), отправилась в Трою¹, и она уже совсем не

¹ В русской традиции эта ода, привлекая внимание таких выдающихся переводчиков, как В. В. Вересаев, Вяч. Иванов, Г. Ф. Церетели, Я. Э. Голосовкер и др. (см.: Свиясов Е. В. Сафо и русская любовная поэзия XVIII – нач. XX в. СПб. 2003), известна под условным названием «К Анактории» по имени подруги, уехавшей (вышедшей замуж) в Лидию.

В названных переводах содержание II строфы основано на принятой для изданий того времени конъектуре περσκέθοισα в 6-ой строке (при испорченном состоянии 5-ти знаков) как причастии от глагола περισκέπτομαι ‘осматривать все вокруг, всесторонне обдумывать’ и предложенном [κρίνεν ἄρ] в 8-ой строке:

помнила ни про свое дитя, ни о милых родителях, но [далеко] увел ее [охваченную любовью (*букв.* полюбившую)]. (III) [Эрос]. Ведь податливо (*букв.* «может быть легко согнуто») [женское естество]... Я же, Анактория, помню о тебе, хотя ты далеко (IV). Я бы хотела увидеть ее прелестную поступь (*ἔρατόν ... βᾶμα*) и светлое сияние (*καμάρουχια λάμπρον ... προσώπω*) (ее) лица больше, чем лидийские колесницы или даже пешее войско в бою. (V). ...ведь невозможно, чтобы случилось [поэтому] ... людям ... же молиться, чтобы иметь участие... И даже неожиданно».

В начале оды через риторическую фигуру Priamel, которая была любима греческими поэтами² весьма категорично высказано утверждение субъективного, даже личного характера – «самое прекрасное на земле – то, что кто-то любит»³, причем, оно высказано как противопоставление важным в эпосе ценностям войны: строю всадников, кораблей, пешему войску. (Мы не рассматриваем хорошо разработанную тему «Оппозиция «любовь-война» у Сапфо»). Поэт сразу же заявляет о себе: «Я же (говорю) ...» и далее, чтобы «Очень легко объяснить каждому / всем», что этот выбор абсолютно верен, т. е. что прекраснее всего любовь, по традиции следует мифологическая аллюзия, связанная с Еленой и ее выбором – бегством в Трою, т. е. выбором любви. В предлагаемом «легком объяснении» поведения Елены проводится мысль, что «женское начало / естество» (*θηλυ* – по чтению строки 13 Edmonds, Diehl) может быть «легко сломлено, *букв.* согнуто» (*εὐκαμπτον*) любовью. Известный сюжет в этой оде преломляется, так сказать, в семейную сторону: Елена, охваченная любовью, покинула супруга, лучшего из всех, и забыла о своих любимых – о дочери Гер-

ἀ γὰρ πόλυ περσκέθοισα [κάλλ]λος ἀνθρώπων Ἑλένα τὸν ἄνδρα [κρίνεν ἄρ]ιστον\ ὅς τὸ πᾶν σέβας Τροΐας ὄλεσσε – «Так Елена, много мужей прекрасных Пред собою видя, того признала Лучшим из лучших, Кто разрушил Трои оплот священный» (Г. Ф. Церетели). Ср.: «...Елена, мало ль видеть ей довелось красавцев? Всех же милее Стал ей муж, позором покрывший Трою» (В. В. Вересаев). Такое чтение дает трактовку Париса как «наилучшего мужа», что в свое время позволило В. Н. Ярхо заметить: «Брошенного Еленой Менелая Сапфо даже не упоминает...» (Ярхо 2001: 49).

² Как пример этой фигуры часто приводится начало OI. I Пиндара: Ἄριστον μὲν ὕδωρ...

³ Hermann Fraenkel сопоставляет эту строку Сапфо с утверждением Демокрита: ἀνθρώποις πᾶσιν τῶντὸν ἀγαθὸν καὶ ἀληθές· ἡδὺ δὲ ἄλλω ἄλλο (Fraenkel 1962: 211).

мионе, о родителях. Мотив любви к дочери (так атрибутированы песни к Клеиде, лексически передающие особо нежное и трогательное отношение: ἔστι μοι κάλα πάϊς χρυσίοισιν ἀνθέμοισιν... ἔχοισα μόρφαν... ἀγαπατα...fr. 98 (b) V etc.) вообще один из любимых у Сапфо, и в актуализации семейной темы, в отсылке к родителям, вероятно, есть особая нравственная значимость. «Ведь семья, – как настойчиво подчеркивает Эрик Доддс важнейшую для индоевропейских обществ характеристику, – была краеугольным камнем архаической социальной структуры...», и в качестве аргумента он добавляет (ср.: так называемые «заветы Харона»), что «По шкале обязанностей почтение к родителям идет сразу после почитания богов, после этого – уважение к гостям и чужестранцам» (Доддс 2000: 75, 95)⁴. Огромная масса греческих сюжетов по линии «отец – сын», «отец – дочь» (приходится допустить не вполне корректное сближение мифа и социума) развивает тему власти родителей и почтения к ним, включая и неизбежные наказания со стороны богов в случаях неповиновения или оскорбления родителей⁵.

Мы не находим у Сапфо прямого осуждения знаменитой героини, но упрек в адрес Елены все же ощущается, и ситуация с ней явно противопоставляется ситуации с Анакторией по мотиву «помнить о любимых / забыть о них», а из этого уже вычленяется идея оценки героинь и предпочтений.

В следующей строфе вновь вводится мысль «помнить/забыть»: «я помню о тебе, Анактория, (букв.) – (даже) не находящейся рядом – σ' οὐ] παρθεοίσας» (чтение particip. f. gen. sg. является предпочтительным).

Повтор мотива «помнить / забыть» показывает, что этот смысл является существенно значимым для структуры текста и что именно по этой линии Сапфо проводит не высказываемую прямо оценку, которая явно не в пользу Елены: та бежала в Трою на корабле и забыла о своих любимых, подруга же помнит об уехавшей Анактории, и, вне всяких сомнений, «помнить о любимых» – это хорошо, это добродетель.

⁴ Об этом: Pind. Pyth. 6. 23 сл.; Xen. Mem. 4.4.19, 21.

⁵ Например, у Гомера старик Феникс взволнованно рассказывает о драме в его семье, о конфликте с отцом Аминтором и даже о своей готовности убить его, но боги удержали Феникса от такого преступления, внушив ему мысль, что он покроет себя позором, если прослышит πατροφόνος (Il. IX. 456 сл.)

Для поэтики этого текста также принципиально важным является введение или, как обозначил этот прием М. Л. Гаспаров, «... вкрапление ... голоса повествователя» (Гаспаров 2000: 420). Связывая это явление – введение речи от первого лица – с характером того или иного жанра в античной литературе и проводя мысль о «смешанных жанрах», Гаспаров отмечает, что в эпосе «голос повествователя...перебивается монологами и диалогами действующих лиц».

В лирике же прием «от 1-го лица» сочетается с иным материалом и нарративом другого типа: в этой «малой форме» речь идет не о масштабных событиях прошлого, не о жизненно важных наставлениях, не о героях и битвах, напротив, тема войны, как мы видели, отвергнута а priori, а здесь говорится о небольшом эпизоде из жизни фиаса – об отъезде Анактории, и «голос повествователя»...сообщает тексту стилистику приближенности, участия лица «я» в мелосе и особую проникновенность интонации. М. Л. Гаспаров отмечает такой эффект от введения 1-го лица в знаменитом гимне Сапфо к Афродите, и в рассматриваемой оде этот же прием, вообще применяемый Сапфо с высокой частотностью, формирует важный элемент «присутствия повествователя» как признак новой поэтики. «Она (лирика – курсив мой – О.С.) всегда диалогична», справедливо замечает И. М. Тронский. Констатация «диалогичности», своего рода «обратной связи» с лирическим героем, включая обращение к «душе», подтверждается практически для всех поэтов – лириков (ср.: у Архилоха, у Алкмана, Алкея и мн. др.), и в этом проявляется новая стилистика, стилистика лирики, здесь перед нами другой материал и другой ответ. Иными словами, в тексте поэта-лирика важен не только факт как таковой, но он становится поводом, чтобы отразить связь с другим лицом («диалог»), а такая связь согласуется с поэтической задачей передать чувства и рассуждения

Заметим, что для Сапфо сближение мифа о бегстве Елены в Трою и простого эпизода с отъездом подруги, происходит совершенно естественно и органично, но при этом сам факт отсутствия подруги вызывает достаточно сильное поэтическое выражение.

Дальше, в 5-ой строфе, опять представлен контраст личного прирострастия и военной темы и высказан естественный для мелической идеи выбор: «Лучше увидеть красоту Анактории, чем знаменитые лидийские колесницы или даже пехоту в бою».

Экспрессия сильного желания, передаваемая традиционно оптативом с частицей ἄν (здесь она в позиции эмфатического элемента) позволяет вспомнить слова Я. Э. Голосовкера: «...эллинская мелика есть неистовство души».

Оставляя в стороне постоянную у Сапфо «лидийскую тему», в том числе упоминание приятных дорогих предметов лидийского стиля (пектида, «пестро-шитая шапочка ... из Сард» (С. Я. Лурье), «пестрый сапожок... лидийской тонкой работы» (М. Гаспаров) и сведения о личных связях Сапфо и ее брата Харакса с Алиаттом, расценим «лидийские колесницы» в 16-ой оде как общее место, т. е. как символ военного искусства, великолепия и доблести: конница была главной силой лидийской армии, особенно же славились их боевые колесницы («самое быстрое транспортное средство своего времени»). Однако и это зрелище, и военные доблести уже не вызывают интереса, а для нашей темы важно, они уступают привязанности к подруге и ее красоте. Красота подруги дана не в развернутом описании, а путем визуализации облика через призму двух черт: «привлекательная походка и сияние лица». Сапфо любит слово ἀμάρουμα – «сияние» и часто употребляет его при описании женской красоты. Сложно согласиться с Т. Г. Мякиным в том, что сравнение героинь этой миниатюры более всего касается внешности: «во фр. 16 отсутствующая Анактория ... сравнивается с Еленой, причем, на первое место ставится «прелестный шаг»... (Мякин 2012: 55). Представляется, что при любом значении βᾶμα, будь это просто «шаг, походка» или «движение в танце», линия сравнения/противопоставления героинь все же касается их душевной стороны и умонастроения – отношения к близким, любимым (φιλότατος)⁶. Оппозиция «помнить/забыть» сообщает тексту ментальную доминанту, эта мысль повторяется, и она важна для поэтического мира оды. Н. Fraenkel был глубоко прав в своем выводе об этой миниатюре: «So kurz <das Gedicht> ist, enthält es doch seinem Inhalt nach alle Elemente der großen Chorlyrik; Meditation dominiert über den Ausdruck des momentanen Gefühls» (Fraenkel 1962: 211).

⁶ Если вспомнить, пусть уже сейчас и не релевантное, восстановление (Edmonds) обращения к Анактории в 15-16 стр. [ἄμ]με.... [σ]ὺ μέμνηαι[σ'οὺ] παρροίσαίς – «ты помнишь о нас, даже если мы далеко», то главное в этом прочтении – похвала на эту же тему, но адресованная Анактории, которая «помнит...».

Медитативность, которую отмечает Г. Френкель, во-первых, ощутимо соседствует с выражением эмоции, но не подчинена ей. Именно по линии осмысления, рассуждения проходит сближение с созерцательностью хоровой мелики, во-вторых, медитативность может отражать связь песни Сапфо с культовым контекстом. Не всеми подтверждаемая 22-я строка (Campbell принимает 20 строк) содержит [...π]εδέχην δ' ἄρασθαι, и с этим можно совместить в предполагаемой 32-й строке конечное τ' ἐξ ἄδοκῆτ]ω, лексически близкое формульному сочетанию молитвы.

Своими словами о лирике как о «бесспорной литературе» Тронский не только обозначил проблему движения и исторического развития форм литературы, но и затронул важный аспект теоретического плана: в чем, собственно, проявляются основные черты лирики как литературы?

Характеристика «бесспорная литература», безусловно, опирается на авторство как на основной фактор. Однако новая поэтика жанра лирики богаче одного этого базового признака.

В рассмотренной миниатюре Сапфо присутствие автора, поэта-лирика, четко заявлено и, даже при плохой сохранности текста, можно видеть, что оно достаточно полно и своеобразно реализовано. С точки зрения содержания, поэт, выражая отношение к «старым», эпическим, темам и к новой сюжетике, связанной со служением в фиасе, с личными обстоятельствам и близкими людьми, категорично подтверждает свою приверженность личностным ценностям, отношениям с подругами, конкретным фактам и эмоциям. С позиции организации текста, важно и ново, что «голос поэта» участвует в оде, и этот прием обеспечивает не просто повествование, а формирует стилистику вовлеченности «голоса поэта» в «диалог», и эта диалогичность четко индивидуализирует лирику как форму.

В оде Sa. 16 с самого ее начала проводится и развивается идея размышления и оценки, результатом чего становится тот или иной выбор (см. об этом: Савельева 2002: 517–525), и в структуре текста значительное место занимает оценочное высказывание. В этой сфере особо акцентируется способность помнить о близких, видимо, как одна из важнейших черт φιλότας. В тексте присутствует определенная философичность, обязательная именно для греческой поэзии. Одновременно для этого текста столь же важен достаточно напряженный эмоциональный фон (сожаление об отъезде подруги, пылкое

описание ее красоты, желание видеть ее), который органично соединяется с первым мотивом. Отмеченное соединение эмоции и рассуждения можно считать главной чертой рассмотренной сольномелической миниатюры и стилеобразующим фактором ее поэтики, как литературного текста.

Литература

- Гаспаров 2000 – Гаспаров М. Л. Об античной поэзии. СПб., 2000.
Доддс 2000 – Доддс Э. Греки и иррациональное. СПб., 2000.
Мякин 2012 – Мякин Т. Г. Через Кельн к Лесбосу: встреча с подлинной Сапфо. Новосибирск, 2012.
Савельева 2002 – Савельева О. М. Семантика оценочного высказывания как характеристика перехода «от певца к поэту» // *Colloquia Classica et Indogermanica*. III. Классическая филология и индоевропейское языкознание. СПб., 2002. С. 517–525.
Тронский 1973 – Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л. 1973.
Ярхо 2001 – Древнегреческая литература // Обретенные страницы. История древнегреческой литературы в новых папирусных открытиях. М., 2001.
Austin 1994 – Austin N. *Helen of Troy and Her Shameless Phantom*. Ithaca: Cornell University Press, 1994.
Campbell 1982 – *Greek Lyric: Sappho and Alcaeus* / ed. David A. Campbell. Cambridge: Harvard University Press, 1982 (= Loeb Classical Library 142).
Fränkel 1962 – Fränkel H. *Dichtung und Philosophie des frühen Griechentums*. H. Beck 2. München, 1962.

O. M. Savelieva. Greek lyrics as the «literature indisputable»

In Sappho's poem (Sa. 16 Page, Campbell), the following features are evident: the function of the poet-author as a participant in the so-called "dialogue" (a communicative shift as a poetic strategy in lyric texts); a concerted use of two main motives – of the mental process (evaluation, choice, and memory) and of a strong emotional motive. These features prove the Sappho's stanza to be an example of "literature indisputable".

А. В. Сафронов

**ГОСУДАРСТВА РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПАЛИСТИН
И (АХ)ХИЯВА В СЕВЕРНОЙ СИРИИ И КИЛИКИИ:
еще раз об отражении миграций «народов моря»
в греческой эпической традиции¹.**

Резюме: В статье рассматриваются два государства раннежелезного века в Северной Сирии и Киликии – Палистин и (Ах)хиява, которые были созданы «народом моря» в начале 12 в. до н.э. Опираясь на надписи Рамсеса III, данные археологии Восточного Средиземноморья и греческую эпическую традицию о походе Мопса и Амфилоха в Киликию, Сирию и Финикию, автор предполагает, что греческая традиция зафиксировала две волны «народов моря». Одна из них происходила из Южной Греции и была вызвана коллапсом микенского мира, вторая – с северо-запада Анатолии, где согласно надписям Рамсеса III произошла война. Возникновение царств Палистин и (Ах)хиявы, которые были созданы разными этническими группами, еще раз подтверждает представление о длительном и неоднородном процессе миграций «народов моря».

Ключевые слова: ахейцы, Аххиява, Новохеттское царство, Мопс, «народы моря», Рамсес III, Тайта, Телль Тайнат, филистимляне.

В 2009 году Д. Хокинс издал лувийскую иероглифическую надпись, которая была найдена в 2003 году при раскопках Телль Тайнат на территории юго-восточной Турции, в долине Амука. Археологические слои I тыс. до н. э. в Телль Тайнат сейчас идентифицированы как Кулула, столица государства с двойным названием Патина/Унки (Harrison 2010: 84), упоминаемого в надписях ассирийских царей Ашшурнацирапала II и Салманасара III 9 в. до н. э.² Текст же надписи следующий:

(§ 1) Я – Тайта, герой, царь страны *Pa-TA₅-sà-ti-ni*. (§ 2) Моему господину, бога Грозы Халеба я посвятил изображение. (§ 3) Бог Грозы Халеба сделал меня... (§ 4) (Тот), кто придет в этот храм

¹ Работа выполнена в рамках гранта МК-3263.2012.6. Автор благодарен Совету по грантам при Президенте Российской Федерации за финансовую поддержку.

² Ассирийское название Унки (^{KUR} Unqaja) происходит из арамейского 'mq «низменная равнина». Оттуда же происходит современное название Амука (RLA IV, 160; Hawkins 2009: 171).

поклониться богу, (§ 5) если он – царь, (§ 6) да будет позволено ему пожертвовать быка и овцу. (§ 7) Если же он царский сын, (§ 8) или землевладелец, (§ 9) или господин приречной страны, (§ 10) да будет ему также позволено пожертвовать овцу. (§ 11) Если же он – человек более низкого ранга, (§ 12) Пусть это будут хлеб, возлияние и..... (Hawkins 2009: 169).

Сама по себе эта стандартная посвяtitельная надпись не представляла бы большого исторического интереса, если бы не упоминаемый в ней политоним. Правитель Тайта и его жена Купапаяс уже были известны до этого из других лувийских иероглифических надписей на стелах, найденных в Мехарде и Шейзаре, неподалеку от Хамы в Сирии. В них Тайта именуется как царь страны *wā/i-TA₄-sà-ti-ni* (Hawkins 2000: 403, 415–417). Однако Д. Хокинс указал, что графемы T₄/T₅ лувийской иероглифического письма в период Новохеттского Царства передавались в клинописи как *ali* и *ala*, а в постхеттский период слились в *lai* (Hawkins 2009: 171). Таким образом, название страны, которой правил Тайта, на самом деле, звучало как *Palistin-/Walistin!*³

Исследователи сразу же сопоставили название государство Тайты с филистимлянами, одним из племен коалиции «народов моря», обрушившихся на Восточное Средиземноморье в начале 12 в. до н. э. (Hawkins 2009: 171; Harrison 2010: 83). Действительно, египетское название *Prst.w*, которое впервые упоминается в надписях 5-го и 8-го годов правления Рамсеса III (1193 и 1190 гг. до н. э. соответственно)⁴, полностью совпадает с обозначением государства Тайты. Упоминаемое в Ветхом Завете 294 раза этноним *Pelištîm* (мн.ч.)/*Pelešet* (ед. ч.) и производное от него прилагательное *Pelištî* (Machinist 2000: 54), как и страна *Palastú/Pilišta* ассирийских надписей 9–8 вв. до н. э. (RLA X: 527) также совпадают с наименованием царства Палистин на севере долины Оронта. Хронологически государство Палистин не могло возникнуть ранее конца Новохеттского Царства в начале 12 в. до н. э. и позднее начала 9 в. до н. э., когда она уже

³ Более позднее написание в новоассирийских надписях *Pat(t)in*, второго наименования государства Унки, восходит к лувийскому иероглифическому *Palistin* (Hawkins 2009: 171–172).

⁴ Здесь и далее используется средняя линия новоегипетской хронологии, согласно которой начало правления Рамсеса II приходится на 1290 г. до н. э.

в видоизмененной форме Пати́на/Унки встречается в надписях Ашшурнацирапала II и Салманасара III.

Палеографические особенности надписи из Телль Тайнат указывают, что она была создана около 1100–1000 г. до н. э. (Hawkins 2009: 171–172). Иными словами, государство Палистин должно было существовать в период с начала 12 до 10 в. до н. э. Оно, судя по находкам надписей Тайты, охватывала районы Алеппо и Хамы, а также территории государств I тыс. до н. э. Унки, Арпада и Хамата (Hawkins, 2009: 171–172). В поздне-бронзовом веке это были территории государств Мукиша, Нийи и Нухашше (Harrison 2010:84; см. также карты в: Witcke, Olshausen, Szydlak 2007: 15, 33, 43). Директор «Tayinat Archaeological Project» Т. Харрисон в отчетах о раскопках слоев ранне-железного века Телль Тайнат указал, что в начале 12 в. до н. э. этот город был вновь заселен после 800-летнего перерыва, причем исследователь отмечает находки большого количества керамики Позднеэлладского периода III:C₁ (далее – ПЭ III:C₁), а также грузил для натяжения нитей в ткацких станках, которые единодушно отождествляются как эгейские артефакты, распространенные как на юге Балканского полуострова (Микены, Тиринф), так и в левантийских городах начала 12 в. до н. э. с керамикой ПЭ III:C₁ (Harrison 2010: 88–90). Кроме того, исследователь отмечал наличие культовых статуэток, что также позволяет говорить об сильном эгейском влиянии в Телль Тайнат начала 12 в. до н. э. (Harrison 2009: 187; 2010: 90–91).

Таким образом, сходство названия царства Палистин с именем филистимлян и данные археологии Телль Тайнат свидетельствуют о возникновении на равнине Амук мощного государственного образования, созданного «народами моря» во время их передвижений в начале 12 в. до н. э. Происхождение же большей части «народов моря» на основании анализа их материальной культуры в Леванте сейчас связывается исследователями с областями Эгейды (Yasur-Landau 2010: 192–193).

Если мы обратимся к египетским источникам времени Рамсеса III и угаритским текстам времени падения Угарита, мы увидим, что гипотеза о создании «народами моря» государства Палистин в Сирии ими прямо подтверждается. В надписи 5-го года, когда впервые упоминается столкновение Рамсеса III с филистимлянами (Сафронов 2006: 124–125), в череде простран-ных славословий фараону неожиданно упоминается следующее: (13) Страна Амурру (превратилась) в пепел, (14) нет семени его,

пленены все люди его, рассеяны и покорены. Все <люди> земли его (т. е. Амурру) пришли как просители, ⁽¹⁵⁾ чтобы увидеть великого Ра Египта для себя. Прекрасен Атон для них, Ра, выходящий (и) ⁽¹⁶⁾ поднимающийся над землей, Шу Египта, тот, который в вышине. Говорили они: «Будь высоко, Ра, страна наша уничтожена. Мы ⁽¹⁷⁾ – в стране жизни, где тьма изгнана» (МН I: Pl. 27)⁵. В надписи же 8-го года правления Рамсеса III дается более детальная информация о разрушении страны Амурру: «⁽¹⁶⁾Чужеземья заключили союз на своих островах. Пришли в движение и рассеялись в сутолоке борьбы страны в один миг. Не устояла ни одна страна перед руками их, начиная с Хатти, Коде, Каркемиша. Арцава и ⁽¹⁷⁾ Аласия опустошены в [один миг]. [Разбит был ими] лагерь в месте одном посреди Аммуру. Уничтожили они людей его, землю его, которые (стали) несуществующими. Они шли, и пламя занималось впереди них по направлению к Земле Возлюбленной. Их конфедерация (состояла) ⁽¹⁸⁾ из *пелесет, текер, шакалуша, дану(на), вашаша*. Страны объединенные, наложили они длань свою на земли до круга земли. Сердца их (были) тверды и уверенны: «Наши замыслы сбудутся!» (МН I: Pl. 46). В обеих надписях речь идет о разрушении «народами моря» государств Малой Азии и Сирии и создании своих поселений. Примечательно, что государство Амурру названо промежуточным пунктом на пути «народов моря» в Египет, которое они уничтожили, и на территории которого создали свое государство (Safronov 2008: 315). Если посмотреть на карту Сирии позднебронзового – раннежелезного века, то государство Палистин фактически граничило с землями, которые в позднебронзовом веке входили в состав Амурру (Witcke, Olshausen, Szydlak, 2007: 15, Karte A: C2, 33, Karte B: C2). На основании египетских надписей можно предположить, что государство Палистин было создано в начале 12 в. до н. э. после разрушения «народами моря» государств Сирии. Это подтверждают и тексты, найденные в Угарите. Незадолго до падения Угарита о нападении «народов моря» на вошедшее позднее в состав страны Палистин царство Мукиш со

⁵ В целях экономии места здесь и далее транслитерация надписей Рамсеса III опущена. С иероглифической транскрипцией издания экспедиции Восточного института Чикагского университета в Мединет Абу, по которой осуществлен перевод, можно ознакомиться онлайн <http://oi.uchicago.edu/pdf/oip8.pdf> (дата обращения: 20. 05. 2012).

столицей в Алалахе сообщает письмо RS 16.402. Угаритский чиновник Эвир-Шуррума в письме своей госпоже (возможно, матери последнего угаритского царя Аммурапи) упоминает, что враг перевалил через Аманус и захватил Мукиш (Astour 1966: 257–258; Singer 1999: 724–725). Возможно, в этой же связи следует рассматривать аккадское письмо RS 34.143, в котором царь Каркемиша упрекает правителя Угарита за то, что последний удерживает лучшую часть колесничих войск и посылает ему вопреки вассальному договору с царем хеттов небоеспособные контингенты (Singer 1999: 723–724). Базироваться же угаритские воинские подразделения должны были в как раз Мукише.

Таким образом, мы видим, что в начале 12 в. до н. э. в Северной Сирии мигрирующими «народами моря» было создано государство, название которого является одинаковым с наименованием Палестины в Южном Леванте⁶. Факт существования двух Палестин – северной и южной, указывает на то, что передвижения «народов моря», зафиксированные египетскими источниками в 12 в. до н. э., были достаточно длительным процессом, в ходе которого основывались новые города и государства, и происходило смешение мигрантов с местным населением. Наличие же поселений «народов моря», достаточно удаленных от моря, позволяет предположить, что основным путем миграции «народов моря» был сухопутный (Yassar-Landau 2010: 163, 329). Приведенные выше данные заставляют отказаться от высказывавшихся предположений о проникновении филистимлян на юг Леванта главным образом по морю (Barako 2001: 220–221), а также от гипотезы (Drews 2000: 166),

⁶ Недавно было выдвинуто предположение, что упоминание t3 Prst.w «земля пелесет/филистимлян» в надписях Рамсеса III относится не к Палестине в Южном Леванте, перешедшей к филистимлянам после утраты египтянами контроля над этой территорией, а к сирийскому государству Палистин (Kahn 2011: 3–5). В дальнейшем Палестина именно как обозначение страны точно фиксируется в египетских текстах лишь при XXII династии, в 10 в. до н. э. (Steindorff 1939: 32, Pl. VII: 2, 32–33), хотя в Ветхом Завете филистимляне уже определено населяют Палестину в эпоху Судей, Саула и Давида, т. е. в 12–11 вв. до н. э. (Hawkins 2009: 171). Поэтому вопрос о соответствии «земли Пелесет» надписей Рамсеса III «южной» Палестине требует дальнейшего исследования.

согласно которой данные надписей и рельефов заупокойного храма в Мединет Абу, свидетельствующие о миграционном характере передвижений «народов моря», недостоверны.

В связи проблемой возникновения новых государств на пути следования «народов моря» к Египту необходимо упомянуть еще об одной находке, тесно связанной с эгейскими миграциями начала 12 в. до н. э. В 1997 году в 30 км к югу от Аданы в Чинекёй на постаменте статуи, изображающей стоящее на бычьей упряжке божество, была обнаружена финикийско-лувийская билингва царя страны Куэ Урикки, современника Тиглатпаласара III и Саргона II (Tekoglu, Lemaire 2000: 974). Надпись гласит: ⁽¹⁾Я – Варика, сын [...], потомок Мукаса, царь (Ах)хиявы, [слуга] бога Грозы, [человек бога Грозы]. ⁽²⁾Я, Варика, расширил [(территорию) города (Ах)хиявы, ⁽³⁾и сделал процветающей] равнину (Ах)хиявы благодаря помощи бога Грозы и моих отеческих богов. ⁽⁴⁾Я прибавил коней к коням, ⁽⁵⁾Я добавил войско к войску. ⁽⁶⁾Царь Ассирии и весь царский дом Ассирии стали мне как отец и мать. ⁽⁷⁾И (Ах)хиява и Ассирия стали единым домом. ⁽⁸⁾Я сокрушил [могучую] крепость, ⁽⁹⁾[и я построил] крепости – восемь на востоке и семь на западе. ⁽¹⁰⁾Эти места были.... для дворца приречной страны. ⁽¹¹⁾И я сам [.....] в стране... города [...] ⁽¹²⁾ [...]все] очень хорошие вещи (Beckman, Bryce, Cline 2011: 265).

Как уже неоднократно отмечалось, название страны Хиявы в надписи Урикки является формой с аферезой от названия страны Аххиява (Tekoglu, Lemaire 2000: 982–983; Beckman, Bryce, Cline 2011: 266), хорошо известного государства текстов периода Новохеттского царства, которое сейчас практически всеми сопоставляется с греками-ахейцами и помещается либо в Эгеиде в общем, либо конкретно на юге Балканского полуострова (Beckman, Bryce, Cline 2011: 281–283; Kelder 2010: 119–120; обзор библиографии по проблеме Аххиявы см.: Fischer 2010: 69–124). Появление на территории позднейшей Киликии царства (Ах)хиявы теперь рассматривается как свидетельство миграции ахейских греков из Эгеиды на территорию южной Анатолии в начале 12 в. до н. э. (Beckman, Bryce, Cline 2011: 266). В этой связи примечательно то, что в хорошо известной финикийско-лувийской билингве Азитиватаса из Кара-тепе страна (Ах)хиява упоминается под названием Аданавана, а народ, ее населявший, назван данунитами (Hawkins 2000: 49–51). В надписи же 8-го года правления Рамсеса III в коалиции

«народов моря» упоминаются *дануна* (МН I: Pl. 46), которых сопоставляли с данунитами, обитателями Киликии, отказываясь признать их связь с данайцами и, следовательно, участие ахейских греков в миграциях «народов моря» начала 12 в. до н. э. (см. обзор мнений: Гиндин, Цымбурский 1996: 159–164). Теперь, когда появилась возможность соотнести Аххияву и данунитов, можно констатировать участие ахейских греков в передвижениях «народов моря», что и до этого наглядно демонстрировалось данными археологии, свидетельствующими о появлении в Восточном Средиземноморье носителей поздне-микенской культуры в начале 12 в. до н. э. (Cline 2010: 813–814).

Поскольку в надписях из Каратепе и Чинекей правители описаны как династы из Дома Муксуса/Мопса (BT MPŠ финикийской надписи) (Hawkins 2000: 49–51), для объяснения его появления в Киликии уже пытались привлечь достаточно многочисленные свидетельства греческой традиции о лидийском герое Мопсе (Vanschoonwinkel 1990: 195–199; Yakubovich 2008: 190–195). Вкратце ее можно изложить следующим образом. После взятия Трои ахейцы под предводительством Амфилоха и Калханта сожгли свои корабли и вместе с соратниками пришли по суше в Колофон в Лидии. Здесь они встретили сына Аполлона Мопса, который вступил в состязание с Калхантом в искусстве прорицания. После поражения Калхант умер, а Мопс, Амфилох и их спутники продвинулись далее на восток, перешли Тавр и осели в Памфилии и Киликии, где основали ряд городов (Vanschoonwinkel 1990: 185–187). По данным Страбона, Амфилох и Мопс вступили в поединок из-за царской власти в Киликии и в поединке убили друг друга (Strabo. XIV.5.16). Геродот и греческий поэт Каллин сообщают, что Мопс и его люди продвинулись в Сирию и Финикию (Vanschoonwinkel 1990: 192). Ксанф Лидийский упоминает, что Мопс, сын Лида пришел в Аскалон и бросил там местную богиню Атаргатис в озеро (Vanschoonwinkel 1990: 193; Гиндин, Цымбурский 1996: 153).

Традиция о походах Мопса, несомненно, восходит, по меньшей мере, к первой половине I тыс. до н.э. Она была известна жившему в 7 в. до н. э. Калину. Неоплатоник 5 в. н. э. Прокл упоминает о том, что он описывает сюжет о смерти Калханта в Колофоне по сочинению жившего не позднее первой половины VI в. до н. э. Гагия из Трезена. Последнему приписывалось составление киклической поэмы Νόστος о возвращении гречес-

ких героев после взятия Трои (Тронский 1988: 70–71). Согласно Страбону (Strabo. XIV. 1: 27), миф о состязании в искусстве прорицания между Калхантом и Мопсом был хорошо знаком Гесиоду, жившему в конце 8 – начале 7 вв. до н. э. (Тронский 1988: 61). Крайне важное свидетельство привел Геродот (Herod. VII: 91): «Эти (килийцы/Κίλικες) в древние времена назывались гипахейцами» (οὗτοι δὲ τὸ παλαιὸν Ὑπαχαιοὶ ἐκαλέοντο). Имя Киликии впервые встречается в 723 г. до н. э. в надписях ассирийского царя Салманасара V (Гиндин 1993: 58, 70). Однако к 8 в. до н. э. киликийцы обитали не в самой Киликии, а к северу от нее, в Катаонии в верховьях Галиса. В Киликию же они пришли же лишь на рубеже 8–7 вв. до н. э. (Гиндин 1993: 70). Таким образом, Геродот сохранил древнее название обитателей позднейшей Киликии, которое, по меньшей мере, должно восходить ко времени, не позднее 9 в. до н. э. Это тем более интересно, поскольку само название Ὑπ-αχαιοί означает «под-ахейцы», т. е. те, кто находятся под властью ахейцев (Гиндин, Цымбурский 1996: 154). В таком случае представляется полностью обоснованным провести параллели между Хиявой надписи Урикки, Аххиявой хеттских текстов и древним обозначением названием киликийцев Ὑπαχαιοί зафиксированным Геродотом (Tekoglu, Lemaire 2000: 982–984).

Подводя итог, можно сказать, что мы имеем весомые аргументы, которые свидетельствуют, что после падения Хеттского царства в начале 12 в. до н. э. на территории Киликии возникает царство Аххиява, название которого было принесено эгейскими мигрантами. Это подтверждается и данными археологии Киликии, в частности, Тарса, которые свидетельствуют, что после пожара, уничтожившего поселение Позднебронзового периода Па (период Новохеттского царства), в Тарсе возникает позднемикенское поселение (Vanschoonwinkel 1990: 192; Yasur-Landau 2010: 140–154, 159–161).

А. А. Немировский, проанализировав данные греческой традиции о Мопсе, Калханте и Амфилохе, отметил их противоречия относительно места присоединения Мопса к походу Амфилоха и Калханта. На этом основании он пришел к выводу, что изначально существовало два независимых сюжета, лишь впоследствии объединенных традицией в единое целое. Первый из них был связан с движением Амфилоха и Калханта после взятия Трои на юг Анатолии, в Сирию и Финикию. Второй отражает совершенно независимую традицию о Мопсе, при-

шедшем из Лидии в Киликию (Немировский 2000: 11). Исследователь предположил, что предание о походе Амфилоха и Калханта является реминисценцией передвижений «народов моря» при Рамсесе III (Немировский 2000: 11–12). При этом сообщение Каллина о том, что Мопс возглавил поход людей Амфилоха и Калханта и дошел с ними до Сирии и Финикии, А. А. Немировский считает поздней интерполяцией в более ранний текст, в котором изначально Мопс отсутствовал (Немировский 2000: 11–12). Само же предание о передвижении Мопса из Лидии в Киликию так и осталось необъясненным исследователем.

Учитывая новые данные о существовании в Сирии и Киликии созданных «народами моря» государств Палистин и (Ах)хиява, которой правили возводившие свой род к Мопсу династы, позволим себе дополнить и несколько видоизменить гипотезу исследователя. Нами уже неоднократно приводился перевод надписи 5-го года правления Рамсеса III, в котором, на наш взгляд, упоминается война, опустошившая родину трех племен «народов моря» – *пелесет*, *текер* и *турша* и вызвавшая их передвижение в Восточное Средиземноморье (Сафронов 2006: 124–130; Сафронов 2009: 144–152; Safronov 2008: 311–315). Эти племена на основании сопоставления египетских текстов, данных археологии и греческой традиции мы помещали в северо-западной Анатолии (Сафронов 2006: 130–138). Кроме того, у нас есть неоспоримые данные археологии о том, что после коллапса микенского мира в конце ПЭ III В греки мигрируют из Южной Греции в Восточное Средиземноморье, прежде всего, на Кипр и в Киликию (Yasur-Landau 2010: 140–154, 159–161). Таким образом, по независимым от греческой традиции источникам прослеживаются две волны переселений начала 12 в. до н. э. – одна из распадающегося микенского мира, другая – из районов Западной и Северо-Западной Анатолии. Это позволяет предполагать, что в традиции о походах Мопса, Амфилоха и Калханта, по-видимому, действительно слились воспоминания как о миграции ахейских греков, так и о миграции населения западной Анатолии в начале 12 в. до н. э. на юг Анатолии и в страны Леванта. Возникновение государственных образований Палистин и (Ах)хиявы на пути следования «народов моря» в Южный Левант, которые, по-видимому, были созданы разными этническими группами, а также данные текстов Рамсеса III, описывающие «народы моря» как разно-

шерстную коалицию племен, еще раз подтверждает представление о смешанном и неоднородном характере миграций «народов моря», которые могли продолжаться длительное время и происходить из разных районов Эгеиды и Западной Анатолии (Yasur-Landau 2010: 335–345).

Сокращения

MH – Medinet Habu, Volume I. Earlier Historical Records of Ramses III. Chicago, 1930.

NEA – Near Eastern Archaeology. Boston.

RLA – Reallexicon der Assyriologie. Bd. 1 – ... В., 1928 – ...

Литература

- Гиндин 1993 – Гиндин Л. А. Население гомеровской Трои. Историко-филологические исследования по этнолоии древней Анатолии. М.
- Гиндин, Цымбурский 1996 – Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М.
- Немировский 2000 – Немировский А. А. К вопросу об отражении анатолийского этнополитического переворота начала XII в. до н. э. в греческой традиции // Античность: общество и идеи. Казань.
- Сафронов 2006 – Сафронов А. В. Упоминание о войне на северо-западе Анатолии в надписях Рамсеса III // Вестник древней истории. № 4.
- Сафронов 2009 – Сафронов А. В. К трактовке сткк. 51–52 надписи 5-го года правления Рамсеса III из его заупокойного храма в Мединет Абу // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. № 1.
- Тронский 1988 – Тронский И. М. История античной литературы. М.
- Astour 1965 – Astour M. C. New Evidence of the Last Days of Ugarit // American Journal of Archaeology. Vol. 69/3.
- Barako 2001 – Barako J. The Seaborne Migration of the Philistines. Ph.D. dissertation, Harvard University.
- Beckman, Bryce, Cline 2011 – Beckman G. M., Bryce T. R., Cline E. H. The Ahhiyawa Texts. Atlanta.
- Cline 2010 – The Oxford Handbook of the Bronze Age Aegean / Cline E.H. ed. Oxford; New York.
- Drews 2000 – Drews R. Medinet Habu: Oxcarts, Ships, and Migration Theories // Journal of Near Eastern Studies. Vol. 59/3.
- Harrison 2009 – Neo-Hittites in the “Land of Palistin”: Renewed Investigations at Tell Ta’yinat on the Plain of Antioch // NEA. 2009. 72/4.
- Harrison 2010 – Harrison Th. The Late Bronze/Early Iron Age Transition in the North Orontes Valley // Societies in Transition: Evolutionary Processes in the Northern Levant between Late Bronze Age II and Early Iron Age. Papers Presented on the Occasion of the 20th Anniversary of the New Excavation in Tell Afis : Bologna, 15th November, 2007. / Fabrizio Venturi ed./ Bologna.
- Hawkins 2000 – Hawkins J. D. Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions. Volume 1: Inscriptions of the Iron Age. Berlin; New York.

- Hawkins 2009 – Hawkins J. D. Cilicia, the Amuq, and Aleppo. New Light in a Dark Age // NEA. № 72/4.
- Machinist 2000 – Machinist P. Biblical Traditions: The Philistines and Israelite History // Sea Peoples and their world: the Reassessment / Oren E. ed. Philadelphia.
- Kahn 2011 – Kahn D. The Campaign of Rameses III against Philistia // Journal of Ancient Egyptian Interconnections. Vol. 3/4 (<https://journals.uair.arizona.edu/index.php/jaei/article/view/12638>).
- Safronov 2008 – Safronov A. One unusual example of the sentence with impersonal subject in Ramses' III 5th year inscription // *Lingua Aegyptia. Journal of Egyptian Language Studies*. Vol. 16. Göttingen.
- Singer 1999 – Singer I. A Poplitical History of Ugarit // *Handbook of Ugaritic Studies* / Watson W. G. E., Wyatt N. eds. Leiden; Boston; Köln.
- Steindorff 1939 – Steindorff G. The Statuette of an Egyptian Commissioner in Syria // *Journal of Egyptian Archaeology*. Vol. 25.
- Tekoglu, Lemaire 2000 – Tekoglu R., Lemaire A., Ipek I., Kasim Tosun A. La bilingue royale louvito-phénicienne de Çineköy // *Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes-rendus des séances de l'année 2000 Janvier – Mars*. Paris. T. 144/3.
- Vanschoonwinkel 1990 – Vanschoonwinkel J, *Mopsos: légendes et réalité* // *Hethitica X*. Louvain-la-Neuve.
- Witcke, Olshausen, Szydlak 2007 – Witcke A.-M., Olshausen E., Szydlak R. *Historiker Atlas der antiken Welt (= Der Neue Pauly Supplemente Band 3)*. Stuttgart; Weimar.
- Yakubovich 2008 – Yakubovich I. *Sociolinguistics of the Luvian Language*. Ph.D. dissertation, http://oi.uchicago.edu/pdf/yakubovich_diss_2008.pdf.
- Yasur-Landau 2010 – Yasur-Landau A. *The Philistines and Aegean Migration at the End of the Late Bronze Age*. New York.

A. V. Safronov. The Early Iron Age states Palistin in Syria and (Ah)hiyawa in Cilicia: a reflection of the sea peoples' migrations in the Greek epic tradition

The paper considers data about two Early Iron Age states, Palistin in Syria and (Ah)hiyawa in Cilicia, established by migrant Sea People tribes in the early 12th Century B.C. Based on Ramses III inscriptions, archaeological data from Eastern Mediterranean, and the Greek epic tradition about Amphilochus and Mopsus (who after the fall of Troy moved with their companions to Cilicia, Syria and Phoenicia), the the paper argues that the Greek epic tradition captured two waves of migrations in the early 12th Century B.C. The first wave of these migrations came from the Southern Aegean after the collapse of the Mycenaean world at the end of LH IIIB period. The other one was connected with Western Anatolia where, according to Ramses III Inscriptions, a great war had taken place. The emergence of the Early Iron Age states Palistin in Syria and (Ah)hiyawa in Cilicia, established by different ethnic groups of the Sea Peoples on their routes to Southern Levant, confirms the mixed and long-lasting processes of Sea Peoples infiltration from the Aegean and Western Anatolia to East Mediterranean regions.

М. Г. Селезнев

СЕПТУАГИНТА ГЛАЗАМИ ОБРАЗОВАННОГО ГРЕКА: ПСЕВДО-ЛОНГИН И $\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\epsilon}\omega\mu\alpha$

Резюме. В работе рассматривается цитата из библейской книги Бытия в греческом трактате «О возвышенном» (Περὶ ὕψους). Выдвигается тезис о том, что различие между цитатой и ее оригиналом вызвано языковой и культурной пропастью между миром грекоязычного иудаизма и миром классической античности, которая привела к неправильному пониманию греческим ритором библейского текста. Выражение $\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\epsilon}\omega\mu\alpha \acute{\epsilon}\nu \mu\acute{\epsilon}\sigma\omega \tau\omicron\upsilon \acute{\upsilon}\delta\alpha\tau\omicron\varsigma$ «твердое тело среди воды» для образованного грека было естественно соотнести не с небом, а с землей.

Ключевые слова: Библия, книга Бытия, Септуагинта, греческий язык, перевод, цитата, Псевдо-Лонгин, «О возвышенном», эллинизированный иудаизм

Первые переводы текстов еврейской Библии на греческий язык стали появляться уже с начала III в. до н. э. (предание, которое современные исследователи считают заслуживающим доверия, относит перевод Пятикнижия к эпохе Птолемея II Филадельфа). Однако греки, похоже, совершенно игнорировали эти переводы: хотя греческие авторы эллинистическо-римского времени и писали о евреях, их информация основывалась на бытовом знакомстве с евреями, на популярных анекдотах и т. п. – но не на греческом переводе еврейских Писаний. Видимо, язык, стиль, да и сама жанровая структура переведенных на греческий язык библейских книг казалась утонченным эллинам слишком «варварской».

На этом фоне особенно интересной представляется цитата из книги Бытия в трактате «О возвышенном» (Περὶ ὕψους), который был написан, по-видимому, в первом веке н. э. Неизвестного автора этой книги в научной литературе принято именовать Псевдо-Лонгином. Неоспоримо, что автор трактата читал греческую Библию (или выдержки из нее). Но что он понял в прочитанном? Разрыв между двумя культурами был слишком велик. В данной статье мы покажем, что греческий язык греческой Библии запросто мог ввести природного грека в заблуждение.

1

Цитата из Библии, о которой у нас идет речь (Περὶ Ὑψους, 9, 9), приводится в трактате Псевдо-Лонгина как пример литературы, которая должным образом передает величественную природу Божественного. Прочитывая гомеровское описание Посейдона, автор переходит к Моисееву рассказу о творении мира:

Ταύτη καὶ ὁ τῶν Ἰουδαίων θεσμοθέτης, οὐχ ὁ τυχὼν ἀνὴρ, ἐπειδὴ τὴν τοῦ θεοῦ δύναμιν κατὰ τὴν ἀξίαν ἐχώρισε κἀξέφηεν, εὐθὺς ἐν τῇ εἰσβολῇ γράψας τῶν νόμων εἶπεν ὁ θεός, φησι, — τί; ἑγένεσθω φῶς, καὶ ἐγένετο· γενέσθω γῆ, καὶ ἐγένετο.¹

Подобным образом и законодатель иудеев, человек необычайный, поскольку должным образом постиг и провозгласил Божью мощь, в самом начале Законов пишет: «Бог сказал» — что же именно? — «“Да будет свет” — и стало так. “Да будет земля” — и стало так»¹

¹ Синтаксис этого места «О возвышенном» непросто, и неясно, где следует провести границы придаточного предложения, вводимого союзом ἐπειδὴ. Я следую членению, предложенному Д. А. Расселом (Longinus 1964: 92–94), а именно, предполагаю, что придаточное, вводимое союзом ἐπειδὴ, завершается словом κἀξέφηεν. Однако возможны и другие интерпретации синтаксиса этих строк.

Так, О. Иммиш (Immisch 1925: 11) полагал, что придаточное, вводимое союзом ἐπειδὴ, завершается словом ἐχώρισε: Ταύτη καὶ ὁ τῶν Ἰουδαίων θεσμοθέτης, οὐχ ὁ τυχὼν ἀνὴρ, ἐπειδὴ τὴν τοῦ θεοῦ δύναμιν κατὰ τὴν ἀξίαν ἐχώρισε, κἀξέφηεν εὐθὺς ἐν τῇ εἰσβολῇ γράψας τῶν νόμων εἶπεν ὁ θεός, φησι, — τί; ἑγένεσθω φῶς, καὶ ἐγένετο· γενέσθω γῆ, καὶ ἐγένετο. *Подобным образом и законодатель иудеев, человек необычайный, поскольку он должным образом постиг Божью мощь, провозгласил ее, написав в самом начале Законов: «Бог сказал» — что же именно? — «“Да будет свет” — и стало так. “Да будет земля” — и стало так».*

Норден (Norden 1966: 305–306) полагал, что придаточное, вводимое союзом ἐπειδὴ, завершается словами εἶπεν ὁ θεός: Ταύτη καὶ ὁ τῶν Ἰουδαίων θεσμοθέτης, οὐχ ὁ τυχὼν ἀνὴρ, ἐπειδὴ τὴν τοῦ θεοῦ δύναμιν κατὰ τὴν ἀξίαν ἐχώρισε κἀξέφηεν εὐθὺς ἐν τῇ εἰσβολῇ γράψας τῶν νόμων εἶπεν ὁ θεός, φησι, — τί; ἑγένεσθω φῶς, καὶ ἐγένετο· γενέσθω γῆ, καὶ ἐγένετο. *Подобным образом и законодатель иудеев, человек необычайный, поскольку должным образом постиг и провозгла-*

Естественно, в науке высказывались сомнения в подлинности данной цитаты, но в настоящий момент эти сомнения оставлены². Каким образом мог греческий ритор познакомиться с Септуагинтой?

Т. Рейнак (Reinach 1893: 43–44) предположил, что автор трактата Περὶ Ὑψους заимствовал интересующую нас цитату из недошедшего трактата того же названия и с тем же содержанием, написанным Цецилием из Калакты, знаменитым ритором начала I в. н. э. С одной стороны, согласно лексикону Суды, Цецилий был «иудейской религии» (Adler 1928–1938, vol. 3, p. 83). С другой стороны, Цецилий и его трактат постоянно упоминаются в Περὶ Ὑψους. С самых первых строк своего трактата Псевдо-Лонгин сопоставляет его с трактатом Цецилия (Περὶ Ὑψους, 1). Возникает даже подозрение, что сама идея трактата о возвышенном родилась у Псевдо-Лонгина под влиянием Цецилия. Цецилий упоминается также в главах 4, 8, 21. Можно возразить, что эти упоминания, по большей части, представляют собой критические нападки на Цецилия – но критика никоим образом не исключает плагиата! Не исключено, что Псевдо-Лонгин мог заимствовать у Цецилия намного больше материала, чем кажется с первого взгляда. Так, Плутарх обвиняет Цецилия в том, что тот осмелился сравнить стиль Демосфена и Цицерона (*Demosthenes* iii, 847a). Такое сравнение мы находим

сил Божью мощь, написав в самом начале Законов: «Бог сказал», – что же именно? – «Да будет свет» – и стало так. «Да будет земля» – и стало так».

² Первые сомнения в подлинности цитаты были высказаны еще в XVI веке. Наиболее развернутую аргументацию в пользу ее неподлинности выдвинул К. Циглер (Ziegler 1915). Доводы Циглера были убедительно опровергнуты Х. Мутчманом (Mutschmann 1917). Норден показал, что цитата из Бытия является органической частью дискуссии в Περὶ Ὑψους, 9 (Norden 1966: 305–306).

Попытку Л. Херрмана (Herrmann 1964: 84) интерпретировать цитату как «еврейскую или христианскую глоссу, инспирированную пассажем Страбона (*Geographica*, XVI, 36)» вряд ли можно считать убедительной (уже хотя бы потому, что христианскому или еврейскому интерполятору не было нужды обращаться к Страбону за библейской цитатой!).

также в Перὶ Ὑψους, 12 – и более нигде в дошедшей до нас античной литературе!

В. Р. Робертс (Roberts 1928: 212–213) считал, что упоминание Феодора Гадарского в Перὶ Ὑψους 5, 3 говорит о том, что автор трактата был учеником Феодора, и предположил, что именно Феодор и познакомил своего ученика с Библией. Однако ничего не говорит нам о том, чтобы Феодор был близок к еврейской культуре. Гадара, действительно, находится в Палестине, но население ее было преимущественно языческим и город немало пострадал от Хасмонеев и Ирода.

Э. Норден (Norden 1966, см. в особенности стр. 305–306) привлек внимание ученых к некоторым моментам сходства между языком Перὶ Ὑψους и языком Филона, и на этом основании отождествил безымянного философа, упоминаемого в Перὶ Ὑψους 44, с Филоном Александрийским. Соответственно, по мнению Нордена, свои знания о книге Бытия автор трактата тоже почерпнул из личного общения с Филоном. Перед нами предстает возвышенная картина двух мыслителей – величайших представителей греческой риторики и еврейской философии, соответственно, – которые на закате античности беседуют о творении мира и о преимуществах демократии над диктатурой. Эта красивая, но фантастическая картина убедила немногих.

В научной литературе рассматривалась также и возможность того, что автор Перὶ Ὑψους сам был эллинизированным иудеем либо прозелитом (См., напр., Russell 1964: XXX).

Быть может, учитывая скудость внешних свидетельств об авторе Перὶ Ὑψους и его возможных связях с еврейским миром, имеет смысл обратиться к анализу самой цитаты? Такой анализ не даст нам «имена и явки», но, по крайней мере, поможет исключить некоторые варианты и сценарии.

2

Библейская цитата в Перὶ Ὑψους существенно отличается от греческого текста книги Бытия, который приведен ниже (выделены те места, которые будут обсуждаться в данной статье):

[1] Ἐν ἀρχῇ ἐποίησεν ὁ θεὸς τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν. [2] ἡ δὲ γῆ ἦν ἄορατος καὶ ἀκατασκεύαστος, καὶ σκότος ἐπάνω τῆς ἀβύσσου, καὶ πνεῦμα θεοῦ ἐπεφέρετο ἐπάνω τοῦ ὕδατος. [3] καὶ εἶπεν ὁ θεός Γενηθήτω φῶς. καὶ ἐγένετο φῶς. [4] καὶ εἶδεν ὁ θεὸς τὸ φῶς ὅτι καλόν. καὶ διεχώρισεν ὁ θεὸς ἀνὰ μέσον τοῦ

φωτὸς καὶ ἀνὰ μέσον τοῦ σκότους. [5] καὶ ἐκάλεσεν ὁ θεὸς τὸ φῶς ἡμέραν καὶ τὸ σκότος ἐκάλεσεν νύκτα. καὶ ἐγένετο ἑσπέρα καὶ ἐγένετο πρωί, ἡμέρα μία.

[6] Καὶ εἶπεν ὁ θεός Γενηθήτω στερέωμα ἐν μέσῳ τοῦ ὕδατος καὶ ἔστω διαχωρίζον ἀνὰ μέσον ὕδατος καὶ ὕδατος. καὶ ἐγένετο οὕτως. [7] καὶ ἐποίησεν ὁ θεὸς τὸ στερέωμα, καὶ διεχώρισεν ὁ θεὸς ἀνὰ μέσον τοῦ ὕδατος, ὃ ἦν ὑποκάτω τοῦ στερεώματος, καὶ ἀνὰ μέσον τοῦ ὕδατος τοῦ ἐπάνω τοῦ στερεώματος. [8] καὶ ἐκάλεσεν ὁ θεὸς τὸ στερέωμα οὐρανόν. καὶ εἶδεν ὁ θεὸς ὅτι καλόν. καὶ ἐγένετο ἑσπέρα καὶ ἐγένετο πρωί, ἡμέρα δευτέρα.

[9] Καὶ εἶπεν ὁ θεός Συναχθήτω τὸ ὕδωρ τὸ ὑποκάτω τοῦ οὐρανοῦ εἰς συναγωγὴν μίαν, καὶ ὀφθήτω ἡ ξηρά. καὶ ἐγένετο οὕτως. καὶ συνήχθη τὸ ὕδωρ τὸ ὑποκάτω τοῦ οὐρανοῦ εἰς τὰς συναγωγὰς αὐτῶν, καὶ ὤφθη ἡ ξηρά. [10] καὶ ἐκάλεσεν ὁ θεὸς τὴν ξηρὰν γῆν καὶ τὰ συστήματα τῶν ὑδάτων ἐκάλεσεν θαλάσσας. καὶ εἶδεν ὁ θεὸς ὅτι καλόν³.

Первая половина цитаты действительно близка к Библии, разница чисто стилистическая: γενέσθω вместо γενηθήτω⁴:

LXX: καὶ εἶπεν ὁ θεός Γενηθήτω φῶς. καὶ ἐγένετο φῶς
 Περὶ Ὑψους: γενέσθω φῶς, καὶ ἐγένετο·

Зато вторая половина цитаты (γενέσθω γῆ, καὶ ἐγένετο) не имеет явных аналогов в библейском тексте. Нигде не сказано, что Бог повелевает земле «быть». Он повелевает водам собраться и тем самым сделать сушу (ξηρά) видимой.

Все ученые, пытавшиеся объяснить отличие второй половины цитаты от ее источника, предполагали (явно или неявно), что автор Περὶ Ὑψους изменил звучание стихов Быт 1:9-10 таким образом, чтобы оно было как можно ближе

³ Септуагинта цитируется по изданию Genesis, ed. J. W. Wevers, Göttingen, 1974.

⁴ Я благодарю проф. де Ваарда, обратившего мое внимание на то, что перевод евр. в Περὶ Ὑψους, отличаясь от Септуагинты, близок к тексту Акилы: γενέσθω φῶς· καὶ ἐγένετο φῶς (Origenis Hexaplorum quae supersunt, ed. F. Field, Oxford 1875, v. 1, p. 8). Нельзя исключать, что источник Псевдо-Лонгина находился под влиянием какой-то иудейской рецензии (одного из «предшественников Акилы»). Но стилистическая правка Псевдо-Лонгиным постклассической формы на классическую также вполне вероятна

ритмически к первой части цитаты (Быт 1: 3). Но встает вопрос: почему автор полностью опустил Быт 1:4–8?

Строки, описывающие творение неба, очень хорошо подходили бы для целей автора трактата как по форме, так и по содержанию. Что касается содержания, то что может быть возвышеннее и величественнее, чем сотворение Неба? Что касается формы, то рассказы о творении света (Быт 1:3) и неба (Быт 1:6) совершенно параллельны друг другу по структуре и ритму, меж тем, как рассказ от творении морей и земли намного длиннее и имеет совершенно другую структуру. Если бы автор *Περὶ Ὑψους* просто решил процитировать в двух частях своей цитаты два первых творческих акта Бога в Быт 1 (творение света в Быт 1:3 и неба в Быт 1:6), то смысловый и ритмический параллелизм двух частей цитаты был бы обеспечен даже без существенных изменений в цитируемом тексте. Сравним:

[3] καὶ εἶπεν ὁ θεός Γενηθήτω φῶς. καὶ ἐγένετο φῶς.

[6] Καὶ εἶπεν ὁ θεός Γενηθήτω στερέωμα... καὶ ἐγένετο οὕτως.

[9] Καὶ εἶπεν ὁ θεός Συναχθήτω τὸ ὕδωρ τὸ ὑποκάτω τοῦ οὐρανοῦ εἰς συναγωγὴν μίαν, καὶ ὀφθήτω ἡ ξηρά. καὶ ἐγένετο οὕτως.

Зачем же автор *Περὶ Ὑψους* решил выпустить из своей цитаты так хорошо подходивший к его задачам стих про творение неба и перешел к рассказу о разделении моря и суши, который потребовал перефразировки и сокращения? Или он, на самом деле, ничего и не выпускал – а только нам так кажется?

3

Попробуем представить себе, как греческий ритор, знающий классическую литературу, но не Библию, мог прочесть и понять начало книги Бытия. Это не простая задача: ведь Септуагинта часто употребляет слова греческого языка в значениях, далеких от классического греческого словоупотребления.

Например, слово στερέωμα в Быт 1:6 означает «небесная твердь». Это неологизм: слово στερέωμα в таком значении впервые употребляется только в Септуагинте. Дело в том, что в еврейской Библии употребляются два слова со значением «небо»: *небо* и *твердь*. Переводчики Септуагинты, следуя своим переводческим принципам, должны были использовать для двух разных еврейских слов два разных греческих слова. Еврейское *небо* последовательно передается в Септуагинте как

οὐρανός, поэтому для требовалось подобрать какой-то другой греческий эквивалент. Возможно, слово στερέωμα было выбрано исходя из некоторого этимологического параллелизма между στερέωμα и : слово στερέωμα произведено от глагола στερεῶω *укреплять*, в то время как слово произведено от глагола *чеканить*.

Но классическому греческому такое значение чуждо. Слово στερέωμα вообще нечасто встречается в классическом греческом. Thesaurus Linguae Graecae отмечает несколько сотен вхождений этого слова в корпус греческих текстов, но за единичными исключениями речь идет о еврейских либо христианских текстах, зависящих в своем словоупотреблении от Септуаганты. В «языческой» литературе, вплоть до 2 в. н.э. слово στερέωμα встречается 13 раз: у Аристотеля (*De partibus animalium* II, 655a); Феофраста (*Historia plantarum* 5, vii, 3); Гиппократ (*De flatibus*, 8, 38); Анаксагора и Демокрита (в Aetius, *Placita philosophorum* 2, xxv, 9); у Герона (*Stereometrica* 2, 37; *Belopoeika*, 28, 26; *ibid.*, 19, 18); Полемона (*Declamationes*, 1, 45) и Птолемея (*Syntaxis Mathematica*, ed. J.L.Heiberg, Leipzig, 1898, vol.1, p. 23, 17; *ibid.*, vol.2, p.183, 20)⁵.

«Классические» значения слова στερέωμα таковы:

- 1) *сила* (Герон, *Belopoeika*);
- 2) *поддержка* (Полемон, *Declamationes*);
- 3) *скелет* змей (Аристотель, *De partibus animalium*); *остов* корабля (Феофраст, *Historia plantarum*);
- 4) *твердое тело* (Гиппократ, *De Flatibus*; Анаксагор и Демокрит, согласно доксографам; Герон, *Stereometrica*; Птолемей, *Syntaxis Mathematica*).

Птолемей (*Syntaxis Mathematica*) называет землю στερέωμα τῆς γῆς «*твердь земная*». Анаксагор и Демокрит, согласно доксографам, говорили, что Луна есть στερέωμα διάπυρον *раскаленная твердь*. Но ни один «языческий» текст до II в. н. э. не использует слово στερέωμα применительно к небу.

Начиная со второй половины II в. н. э. слово στερέωμα в значении «*твердь небесная*» начинает из иудео-христианской литературы проникать в языческие мистические и магические

⁵ Я выражаю благодарность сотрудникам Thesaurus Linguae Graecae (University of California, Irvine), которые по моей просьбе предприняли поиск всех вхождений слова στερέωμα в полную базу данных TLG.

тексты. Видимо, первый «языческий» текст, использующий слово στερέωμα в значении «небо», это *Oracula Chaldaica*, fr. 57 (ed. E. des Places, Paris 1971). Однако и в этом тексте возможно значение «планета», ср. Ioannes Lydus, *De mensibus*, ed. R. Wuensch, p. 6, 12.

Тем не менее, еще в конце III в. н.э. мы встречаем в одном из магических заклинаний выражение στερέωμα τῆς γῆς «*твердь земная*» (*Papyri Graecae Magicae*, ed. K. Preisendanz, vol. 2, par. 62, p. 193).

Особенно интересно для нас свидетельство Василия Великого в «Шестодневе». Отмечая, что значение слова στερέωμα в Септуагинте отлично от классического («языческого») словоупотребления, Василий пишет:

Οἱ μὲν γὰρ ἔξωθεν στερεὸν λέγουσι σῶμα τὸ οἶον ναστὸν καὶ πλήρης

«*Внешние*» (т.е. языческие) писатели говорят στερεὸν когда речь идет о теле твердом и заполненном (*Hexaemeron*, III, 60С).

Но это классическое словоупотребление, пишет Василий, не должно вводить нас в заблуждение, когда речь заходит о тверди небесной:

Οὐχὶ τὴν ἀντίτυπον καὶ στρέμνιον φύσιν, τὴν ἔχουσαν βάρος καὶ ἀντέρεισιν, οὐ ταύτην λέγει στερέωμα. Ἡ οὕτω ἀνκυριώτερον ἢ γῆ τοιαύτης κλήσεως ἠξιώθη.

[Писание] называет словом στερέωμα отнюдь не естество твердое и упругое, обладающее тяжестью и сопротивлением. Если бы это было так, то скорее уж земля заслуживала бы такого наименования (*Ibid.*, III, 68В-С).

Иными словами, если бы грек, незнакомый с еврейским или христианским словоупотреблением, встретил бы в рукописи слово στερέωμα, он решил бы, что это слово означает не «небо», а «землю»! Может быть, автор *Περὶ Ὑψους* тоже понял слово στερέωμα в Быт 1:6–7 как обозначение земли? Мог ли непосредственный контекст этого слова в Быт 1:6–7 предостеречь его от такой ошибки?

4

Небо (στερέωμα), согласно Библии, создано и находится «среди воды» (ἐν μέσῳ τοῦ ὕδατος). Это древневосточное представление о водах над небесами чуждо классической греческой натурфилософии. Небо, согласно греческим философам, есть сфера, окружающая весь видимый мир. Земля

и вода, наполняющая углубления в земле, находится в середине этого мира, отделенная от неба слоем воздуха (или воздуха и эфира).

ἡ μὲν γῆ ἐν τῷ ὕδατι, τοῦτο ἐν τῷ ἀέρι, τοῦτο ἐν τῷ αἰθέρι, ὁ δ' αἰθήρ ἐν τῷ οὐρανῷ, ὁ δ' οὐρανὸς οὐκ ἔτι ἐν ἄλλῳ.

Земля находится в воде, вода в воздухе, воздух в эфире, эфир в небе, а небо ни в чем другом. (Аристотель, *Physica* IV 212b)

Если что-то и существует по ту сторону неба (хотя Аристотель говорит: ничего не может), то это могут быть лишь нематериальные сущности.

Τὸν δὲ ὑπερουράνιον τόπον οὔτε τις ὑμνησε πῶ τῶν τῆδε ποιητῆς οὔτε ποτὲ ὑμνήσει κατ' ἀξίαν. ἔχει δὲ ᾧδε· [...] ἡ ἀχρώματός τε καὶ ἀσχημάτιστος καὶ ἀναφῆς οὐσία ὄντως οὐσα, ψυχῆς κυβερνήτη μόνῳ θεατῆ νῶ, περὶ ἣν τὸ τῆς ἀληθοῦς ἐπιστήμης γένος, τοῦτον ἔχει τὸν τόπον.

Занебесную область не воспел никто из здешних поэтов, да никогда и не воспоем по достоинству. Она же вот какова... эту область занимает бесцветная, без очертаний, неосязаемая сущность, подлинно существующая, зримая лишь кормчему души – уму; на нее-то и направлен истинный род знания. (Платон, *Phaedrus* 247c).

Мы видим, что как наш анализ «классического» употребления слова στερέωμα, так и наш анализ его непосредственного контекста в Быт 1:6 подталкивают нас к одному и тому же выводу. Выражение Στερέωμα ἐν μέσῳ τοῦ ὕδατος – *твердое тело посреди воды* – для образованного грека было естественно соотнести не с небом, а с землей. Ср.:

Септуагинта: στερέωμα ἐν μέσῳ τοῦ ὕδατος

Аристотель: ἡ μὲν γῆ ἐν τῷ ὕδατι

5

Предположим, что автор трактата Περὶ Ὑψους заимствовал интересующую нас цитату не прямо из Септуагинты, а у какого-то посредника (например, у Цецилия), не зная более широкого контекста. В этом случае нам станет понятно, каким образом из текста греческого Бытия получился текст Περὶ Ὑψους.

Скорее всего источник Περὶ Ὑψους цитировал начало книги Бытия без существенных отклонений от текста дошедших до нас рукописей Септуагинты:

καὶ εἶπεν ὁ θεός Γενηθήτω φῶς. καὶ ἐγένετο φῶς ... καὶ εἶπεν ὁ θεός Γενηθήτω στερέωμα ἐν μέσῳ τοῦ ὕδατος ... καὶ ἐγένετο οὕτως.

Псевдо-Лонгин не опустил из своего источника ничего существенного, ничего не прибавил. И ничего вообще не менял, кроме нескольких (как ему казалось) чисто стилистических) вещей. А именно:

1) заменил постклассическую форму γενηθήτω на классическую форму γενέσθω;

2) сократил выражения καὶ ἐγένετο φῶς и καὶ ἐγένετο οὕτως до более сжатого и энергичного καὶ ἐγένετο;

3) опустил слова ἐν μέσῳ τοῦ ὕδατος (и последующие восемь слов, если они наличествовали в его источнике) из соображений ритма и симметрии между первой и второй частью цитаты;

4) заменил редкое слово στερέωμα на обычное γῆ.

Он не понимал, что эта замена меняет смысл всего пассажа! Даже если автор Περὶ Ὑψους и был знаком с эллинизированными иудеями (например, как полагал Норден, с Филоном), он явно не просил их проверить его трактат перед публикацией!

Литература

- Adler 1928–1938 – Adler A. (ed.). Suidae Lexicon, 5 vols. 1928–1938 (reprint, Stuttgart, 1967–1971).
- Herrmann 1964 – Herrmann L. Recherches sur Dion de Pruse et le Traité du Sublime. L'Antiquité Classique XXIII (1964). P. 73–85.
- Immisch 1924–25 – Immisch O. Bemerkungen zur Schrift vom Erhabenen. Sitzungsberichte d. Akad. d. Wiss. Heidelberg, Phil.-hist. Klasse, II, 1924–25. Heidelberg, 1925.
- Longinus 1964 – Longinus. On the sublime, ed. with introduction and commentary by D. A. Russel. Oxford, 1964.
- Norden 1966 – Norden E. Das Genesiszitat in der Schrift vom Erhabenen. Kleine Schriften zum klassischen Altertum, Berlin, 1966. P. 286–313 [впервые опубликовано (посмертно) в Abhandl. d. Deutsch. Akad. d. Wiss. zu Berlin. Kl. f. Sprachen, Literatur und Kunst Jg. 1954, Nr. 1, Berlin 1955].
- Mutschmann 1913 – Mutschmann H. Tendenz, Aufbau und Quellen der Schrift vom Erhabenen. Berlin, 1913.
- Mutschmann 1917 – Mutschmann H. Das Genesiszitat in der Schrift Περὶ Ὑψους // Hermes, 1917. LII. S. 161–200.
- Reinach 1893 – Reinach T. Quid Iudaeo cum Verre? // Revue des Études Juives. XXVI (1893). P. 36–46.
- Roberts 1928 – Roberts W. R. Longinus on the sublime. Some historical and literary problems // Philological Quarterly, 1928, VII, № 3. P. 209–219.

Ziegler 1915 – Ziegler K. Das Genesiszitat in der Schrift Περὶ Ὑψους // Hermes, 1915, L. S. 572–603.

M. G. Seleznev. The Septuagint as it was understood by a Greek rhetorician: Pseudo-Longinus and στερέωμα

The paper deals with the first (and only) quotation from the Bible in the classical Greek literature: a quotation from the opening chapter of Genesis in a treatise on eloquence, Περὶ Ὑψους, written presumably in the first century CE by an anonymous Greek author, commonly referred to as Pseudo-Longinus. One can see at a glance that the wording of the quotation differs considerably from that of the Greek Genesis. We suggest that the difference is due to the wrong understanding of Gen 1:6 by the author of Περὶ Ὑψους.

The present paper attempts to reconstruct how a Greek rhetorician, experienced in classical literature but not versed in the Bible, could understand and interpret the biblical account of the creation of the Heavens, especially the word στερέωμα “solid body” used in the Greek Bible (Gen 1:6) in the meaning “heaven”. This meaning is a neologism coined by the authors of the Septuagint. The paper shows, with a reference to the classical literature and Basil the Great (Hexaemeron), that the word στερέωμα would seem to a Greek rhetorician as a much more appropriate designation for the Earth than for the Heaven. It also shows that what was said about the στερέωμα in Gen 1:6 would also point in the same direction. The biblical Στερέωμα ἐν μέσῳ τοῦ ὕδατος – “a solid body in the midst of the waters” – could not have been understood by a Greek philosopher or rhetorician as “the Heaven”. One may rather suppose, it **must** have been understood as “the Earth”.

If we assume that Pseudo-Longinus borrowed the quotation of Gen 1:6 from some source without knowing its wider context, we shall be able to explain how the wording of Περὶ Ὑψους emerged from that of the Septuagint: as a result of misreading caused by linguistic and cultural differences between the world of the Greek-speaking Jews and that of classical antiquity.

А. В. Сидельцев

ВЫНОСЫ ВПРАВО С МЕСТОИМЕННОЙ РЕПРИЗОЙ В ЛУВИЙСКОМ

Резюме: Статья посвящена первому синхронному описанию выносов вправо в лувийском (клинописном) языке. Функции (различные типы топиков) и структура (местоименная реприза, ИГ в постглагольной позиции) лувийских выносов полностью вписываются в выносы вправо, которые описываются для языков мира. Поэтому предположение о калькированном характере лувийских выносов вправо Э. Рикен не находит подтверждения.

Ключевые слова: выносы вправо, местоименная реприза, лувийский язык, типология.

0. Введение.

Выносы вправо с местоименной репризой упоминаются в работах, посвященных лувийскому синтаксису (Melchert 2003: 201; Rizza 2007: 76–79, 2009), однако никакого сколько-нибудь содержательного их описания до настоящего момента предпринято не было. Стандартно для лувийского отмечаются лишь выносы вправо тяжелых именных групп, далее – ИГ (Rizza 2007: 76–79, 2009). В настоящей статье ставится задача полного описания выносов вправо легких ИГ. Кроме важности данной задачи самой по себе, это описание значимо для хеттского синтаксиса.

Роспись корпуса клинописного лувийского языка Ф. Штарке (Starke 1985) дала следующие результаты относительно структуры выносов вправо: в постглагольной позиции фиксируются 9 легких ИГ и 11 тяжелых ИГ. Таким образом, даже самый беглый анализ позволяет отказаться от сведения выносимого вправо составляющего к тяжелой ИГ, как это делается в (Melchert 2006; более эксплицитно Rizza 2007: 76–79; 2009).

Примером выноса вправо легкой ИГ является:

Пр. 1. MS (CTH 758.1.C) KUB 35.54 Rs. III 32

launai[miš=aš_i ā]šdu hūmtiš_i #

«Пусть он_i будет вымыт, фронтоц_i»

(вслед за Melchert 1993: 119. Ср. Starke 1990: 566).

В типологической перспективе выносы вправо тяжелых ИГ¹ являются скорее *afterthought*, категорией таксономически отличной от выносов вправо легких ИГ (Lambrecht 1981). *Продемонстрировать* это на лувийском материале при отсутствии просодической информации и невозможности синтаксических тестов не представляется возможным², однако выносы синтаксически тяжелых ИГ достаточно четко отличимы от выносов легких ИГ в лувийском, чтобы составлять отдельную таксономическую категорию.

Также недавно было выдвинуто предположение о том, что лувийские выносы вправо представляют собой кальки с хаттского, как минимум по происхождению (Rieken 2011).

В последующем изложении я постараюсь показать, что лувийские выносы вправо легких ИГ являются вполне стандартными с типологической точки зрения выносами вправо: вынесенная ИГ коиндексируется энклитическим местоимением, согласующимся по роду, числу и падежу с ИГ в постглагольной позиции. С прагматической точки зрения выносы вправо легких ИГ также вписываются в типологически частотные функции выносов вправо³.

1. Выносы вправо в типологической перспективе

Прежде чем перейти к анализу конкретных лувийских примеров, сделаем несколько общих замечаний относительно функций выносов вправо в типологической перспективе. Во-первых, в типологической литературе представлены, как минимум, три подхода к определению значения выносов вправо⁴. Первый подход сводится к постулированию значения топики для вынесенной вправо ИГ, без дальнейшего эксплицирования, например (Gordon 2008; Mithun 1999; Lambrecht 2001). Вопрос синонимии энклитических местоимений и выносов вправо (т. е. энклитических анафорических местоимений, с одной стороны, и энклитических анафорических местоимений + полная ИГ, с другой) либо не затрагивается (Erkü 1983; Erguvanlı 1984; Ward, Birner 1996), либо отмечается катафорический характер референции

¹ См., например, первое и третье предложения Пр. 5.

² См., например, для норвежского Fretheim 1995.

³ Понятийный аппарат работы базируется на Lambrecht 1994.

⁴ Как я уже писал, *afterthought* я считаю таксономически отдельным явлением.

выноса вправо, с двумя вариантами: (1) вынос вправо маркирует конец дискурсивного фрагмента, для которого ИГ является установленным топиком (Ashby 1988; Givón 2001: 268), (2) вынос вправо маркирует дискурсивный топик для *последующего* фрагмента дискурса (Averintseva-Klisch 2006). При втором подходе выводится единое топикальное значение. При этом предполагается, что выносы вправо маркируют некоторые более конкретные виды топиков – либо доступный или выводимый топик как будто бы он был установленным в рамках стратегии «taking for granted», либо установленный топик с дополнительными значениями (Lambrecht 1981). Третий подход описывает функции выносов вправо, не стремясь во что бы то ни стало выделить единое значение. Напротив, при этом подходе отмечается значительное разнообразие и неоднородность функций данного прагматического явления в рамках маркирования топикальности даже в тех языках, где невозможно списать отклоняющиеся функции на счет межъязыковых контактов (Ashby 1988). Также, скорее всего, имеет место межъязыковое варьирование в области того, какие именно виды топиков маркирует вынос вправо в конкретном языке.

Строго говоря, все три подхода не исключают, а, скорее, дополняют друг друга. Они представляют разной степени детальности и дробности описания одного прагматического явления. В последующем изложении я буду пользоваться третьим подходом как максимально детализированным.

2. Прагматические функции лувийских выносов вправо

В нашем первом примере вынос вправо маркирует установленный топик с дополнительными значениями:

Пр. 2. МН (СТН 761.2) KUB 32.9+ Vs. 1-3

1. [nu=za^{MUNUSŠ}]U.GI išnāš parkui[n taluppin dāi] #
2. [n=an=šan ANA BEL SÍSKUR ANA R]AMANI=ŠU anda tam[ašzi] #
3. [nu^{MUNUSŠ}ŠU.GI tezzi] # §
4. [zāwiy]=aš; wišita halā[liš] taluppi[š]; #

«(1) ‘Старая женщина’ берет чистый комок теста. (2) Она прижимает его к господину ритуала, к его телу. (3) ‘Старая женщина’ говорит так: (4) “Он_i только что появился, чистый комок;”»⁵.

⁵ Вслед за Melchert 2003: 204. Ср. Starke 1990: 485.

В данном фрагменте дискурса референт *parkui[n taluppin]* «чистый комок» вводится как полная ИГ *in situ* в первой клаузе. В клаузе 2 он, скорее всего⁶, маркируется как установленный топик энклитическим анафорическим местоимением. В предложении 4, однако, этот же установленный топик маркируется и энклитическим местоимением, и полной ИГ (*halā[liš] taluppi[š]* «чистый комок») в составе выноса вправо. Обе кореферентные полные ИГ в клаузе 1 и предложении 4, однако, неидентичны: первая (*parkui[n taluppin]*) номинирует референт по-хеттски, вторая (*halā[liš] taluppi[š]*) – по-лувийски. Таким образом, вынос вправо маркирует иную номинацию установленного топика, что типологически является функцией выносов вправо, например, во французском языке (Ashby 1988; Lambrecht 1981).

В следующем примере вынос вправо также маркирует установленный топик. В данном случае дополнительным значением является катафорическая дискурсивная функция:

Пр. 3. NS (СТН 760.П.2.А) KUB 35.45+ Vs. П 18–27

1. *x x EN-ya tiwā⁷¹liya piya=aš LÚKÚR^{MEŠ}-inz[(i)] kattawatnallinza ūtnaššinza hišhišašši[n]za taparuwaššinza tātariyammanaššinza hīrut[(aš)]šinza EN^{MEŠ}-anza #*
2. *kuiš=an_i šahhaniššatta #*
3. *kuiš=an_i ippatarri<š>šatta EN SÍSKUR-ššin_i ALAM-ša mišanza hašša halhalzanin uwarannahiša yunahiša lalpin kuwannanin maššanallin KASKAL-an #*
4. *mān=aš_i huiduwališ #*
5. *šarriy=an_i DUTU-za darawiddu #*
6. *mān=aš_i ulantiš #*
7. *a=an_i tiyammaššiš DUTU-za darawiddu tātariyammanaššin hirutaššin EN-an_i # §*

«(1) [], Бог солнца господин, выдай их: врагов, истцов, господ слова, заклинания, *чего-то дурного*, проклятия, лжеклятвы. (2) Кто навязал феодальную повинность на него, (3) кто наложил арест **на него**_i, господина ритуала_i, (в отношении к) статуе, плоти, кости, *части тела*, у., мобильному богатству, реснице, брови, пути богов. (4) Если он_i жив, (5) пусть Бог солнца выдаст его_i. (6) Если он_i мертв, (7) пусть Бог солнца земли выдаст **его**_i, господина проклятия (и) лжеклятвы_i.»⁷

⁶ Хотя контекст фрагментарен.

⁷ Вслед за И. Якубовичем, pers. comm. Cp. Garrett 1990: 255.

Выносы вправо употребляются в обоих случаях в последнем из предложений, относящихся к одному из референтов, являющихся установленными топиками для данного контекста – ‘господин ритуала’ в предложениях 2–3 и ‘господин проклятия (и) лжеклятвы’ в предложениях 4–7. Предыдущие клаузы используют анафорические энклитические местоимения. Из контекста абсолютно ясно, какой именно референт маркируется соответствующим анафорическим местоимением в предложениях 3 и 7. Поэтому я не отношу этот пример к выбору топика. Как уже указывалось, дополнительным значением установленного топика является катафорическая функция выносов вправо в понимании Т. Гивона: выносы вправо в каждом случае маркируют конец тематической цепочки/ параграфа, сигнализируя слушающему катафорическую прерывность и референта, и темы.

В следующем случае вынос вправо маркирует выводимый топик (*inferable topic*), одну из наиболее частотных функций выносов вправо. Она засвидетельствована в каталанском (Mayol 2007), французском (Lambrecht 1981; Ashby 1988: 214), турецком (Erkü 1983: 142–3; Erguvanlı 1984: 56–7, 60), английском (Ward, Birner 1996).

Пр. 4. NS (СТН 763) КВо 29.6 Vs. 19’–24’

1. *zawiy=ata_i wišita šapiy[a]šanza warran[-_i] #*
2. [] *hāšati awīmman #*
3. *šap[i]yati=pa=tta aw[īmman[?]] #*
4. *awiduw=aš=tta malhaššašš[i]š EN-aš harratnā[ti] # §*
5. *zaš=pa=tta kuwatin zammitātīš^{NA4} harrāti [] awīmmiš #*
6. *awidu=pa=aš=tta m[a]lhaš<šāš>šiš EN-aš h[arratnāti] waškulimmā[ti] # §*

«(1) Оно_i только что появилось, в. очистительного средства. (2) [Оно?] пришло из кости. (3) (Оно) пришло из очистительного средства. (4) Пусть он, господин ритуала, придет из оскорбления. § (5) Как эта мука пришла от жернова, (6) Пусть он, господин ритуала, придет из греховного оскорбления §» (вслед за Starke 1990: 445).

Контексту предшествует описание приготовления *в. очистительного средства* из ингредиентов. Т. о. референт выноса вправо в первом предложении⁸ выводим из компонентов, хотя как таковой и не представлен в предшествующем дискурсе.

⁸ Остальные выносы вправо будут разобраны позднее – см. Пр. 5 из этого же контекста.

Особенно интересна следующая функция выносов вправо в лувийском – смена топика в коррелятивном контексте. В ряде описаний функция смены топика отвергается для выносов вправо (Givón 1976; Bresnan, McHombo 1987: 764–5, 768; Iemolo 2010; Lambrecht 1981: 94; Lambrecht 2001: 5.2). Однако, как минимум для французского (Ashby 1988)⁹, эта функция убедительно выделяется. Впрочем, в лувийском мы имеем дело не просто со сменой топика, а со сменой топика в коррелятивном контексте. В таком случае парадоксальным образом референт выноса вправо более доступен по сравнению с обычной сменой топика, т. к. контекст демонстрирует сопоставление топика предложения с выносом вправо с предшествующим топиком. Наиболее близкой параллелью в данном случае является одна из функций норвежских выносов вправо, описанная в работе Fretheim 1995: 34–35: «[...] a right-dislocated phrase can also serve to indicate a shift of discourse topic, or the introduction of information which the speaker assumes to be not central, or maximally relevant, to the communicative goals pursued by the interlocutor. In the following dialogue, all of the utterances B₁-B_[3] are appropriate alternative responses to A's utterance [...].

(4) A: I dag snakket jeg med en som kjente deg fra den tida da du bodde på Kirkenær – Axel Aarvoll.

‘Today I spoke with someone who knew you from the time when you were living at – Kirkenær – Axel Aarvoll.’

B₁: Han_i var gift med søskenbarnet mitt en gang i tida, han_i.

‘He_i was once married to my first cousin, he_i.’ Jcnfkmyst dsyjcs

B₂: Han_i var gift med søskenbarnet mitt en gang i tida, Axel Aarvoll_i.

‘He_i was once married to my first cousin, Axel Aarvoll_i.’

B₃: Axel_i var gift med søskenbarnet mitt en gang i tida, han_i.

‘Axel_i was once married to my first cousin, he_i.’

[...] Right dislocation [...] signals the speaker's recognition of the possibility that he may have introduced a topic which distracts the interlocutor from what she had planned to say next. [...]».

Как, впрочем, видно из сравнения, даже норвежские выносы вправо не являются точной типологической параллелью данной лувийской функции, однако она вполне вписывается в функциональную сферу выносов вправо и не должна вызывать сомнений.

⁹ Ср. Lambrecht 1981.

В лувийском смена топика в коррелятивном контексте представлена в двух контекстах, из которых процитируем один:

Пр. 5. NS (СТН 763) KBo 29.6 Vs. 19'–24'

1. *zawiy=ata wišita šapiy[a]šanza warran[-] #*
2. [] *hāšati awīman #*
3. *šap[i]yati=pa=tta aw[īman?] #*
4. *awiduw=aš_i=tta malhaššašš[i]š EN-aš_i harratnā[ti] # §*
5. *zaš=pa=tta kuwatin zammitātiš^{NA4}harrāti [] awīmiš #*
6. *awidu=pa=aš_i=tta m[a]lhaš<ššaš>šiš EN-aš_i h[arratnāti] waškulimmā[ti] # §*

«1) Оно только что появилось, в. очистительного средства. (2) [Оно?] пришло из кости. (3) (Оно) пришло из очистительного средства. (4) Пусть он_i, господин ритуала_i, придет из оскорбления. § (5) Как эта мука пришла от жернова, (6) Пусть он_i, господин ритуала_i, придет из греховного оскорбления §» (вслед за Starke 1990: 445).

В данном контексте представлены два сопоставления – между *šapiy[a]šanza warran[-]* «в. очистительного средства» и *malhaššašš[i]š EN-aš* «господин ритуала» в клаузах 1–4 и между *zammitātiš* «мука» и *malhaššašš[i]š EN-aš* «господин ритуала» в клаузах 5–6. Точнее говоря, сопоставляются не непосредственно референты, а действия с референтами/ референтов (см. Torgi 2003), поэтому мы не можем говорить об одновременной ана- и катафорической референции местоимений в предложениях 4 и 6. Тем не менее в данных контекстах смена топика явным образом сочетается с анафорической преемственностью и большей доступностью antecedента выносов вправо, чем в обычных случаях смены топика, в которых в лувийском выносы вправо не употребляются.

Любопытно, что данный контекст демонстрирует употребление выноса вправо как в сочетании с коррелятивной конструкцией (в клаузах 5-6: *kuwatin* «как»), так и без нее (в клаузах 1–4).

Последним значением является выбор топика при наличии нескольких установленных/ активных топиков в предшествующем фрагменте дискурса:

Пр. 6. MS (СТН 758.1.C) KUB 35.54 Rs. III 25–36

1. [w]ārša kuwatīn ha[l]āl #
2. [a=(a)]ta_i halāl āšdu zā [p]arnanza [DI]NGIR^{MEŠ}-ninzi hūhhurša[nt]inzi [d]āruša tiyammiš h[ū]mmatiš [GU]NNI-tiš^{GIŠ}kattaluz[zi]ša_i #
3. a=(a)ta_i halāl āšd[u] # §

4. [GAL G]IR4 *dāi* #
 5. x[*par*]ā *ēpzi* #
 6. [nu *mem*]ai #
 7. *launai*[*miš*=*aš*_{ii} *ā*]š*du hūmti*_{ii} #
 8. [nu *n*]amma *dāi* #
 9. *nu par*[ā] *ēpzi* #
 10. [nu *me*]mai #
 11. *lāunaimi*_š=*aš*_j *āšdu* [t]a*rušša* *tiyammiš* [DINGIR^{MES}-e]nzi
[h]ūhhuršantinzi GUNNI-[*tiš*]_j #

«“(1) Как вода чиста, (2) пусть **они**_i будут чисты: этот дом, боги х., статуя, земля, фронтон, очаг, порог_i. (3) Пусть они_i будут чисты”. (4) Он(а) берет кубок (5) (и) протягивает. (6) Он(а) говорит: (7) “Пусть **они**_{ii} будет вымыт, фронтон_{ii}”. (8) Затем он(а) берет (кубок) (9) (и) протягивает (его). (10) Он(а) говорит: “(11) Пусть **они**_j будут вымыты: статуя, земля, боги х., очаг_j”» (вслед за Melchert 1993: 119; 2006: 297. Ср. Starke 1990: 566).

Прямая речь контекста записана по-лувийски, ритуальные действия по-хеттски.

Контекст построен следующим образом: сначала упоминается группа референтов в предложении 2. Затем две части этой группы упоминаются по-отдельности – пьедестал в предложении 7 и статуя, земля, боги х., очаг в предложении 11. Выносы вправо маркируют выбор топика из группы в предложении 2. Контрастивность в контексте отсутствует.

Выбор топика описывается как функция выносов вправо для ряда языков, например, для языка лакота: «[n]ominals following the nuclear clause, termed ‘antitopics’ by Chafe (1976), usually serve to confirm established information. [...] They often occur in contexts where reference is potentially ambiguous, as when action or speech shifts rapidly back and forth between participants. Both participants remain active discourse topics throughout the interchange, so they need not be reintroduced or recalled to consciousness with each new action. The right-detached nominals simply confirm matches between the participants and their actions» (Mithun 1999: 196). Интересно, что в других языках, например, в языке омаха-понца (Omaha-Ponca) данное значение блокирует употребление выноса вправо (Gordon 2008: 79).

Таким образом, мы видим, что каждая из функций выносов вправо в лувийском по-отдельности представлена у выносов

вправо в языках мира. В качестве параллели совокупности функций ближайшей параллелью может служить французский язык в описании (Ashby 1988), в котором представлены функции установленного и выводимого топика, а также смены топика и выбора референта из нескольких установленных топиков. Разумеется, все функции входят в типологически универсальную для выносов вправо топикальность (Lambrecht 2001; Givón 2001).

3. Структура лувийских выносов вправо

Рассмотрим теперь структуру лувийских выносов влево. К сожалению, ввиду невозможности синтаксических тестов, относительно синтаксической структуры мы можем обсуждать только порядок слов.

Из приведенных выше примеров **Пр. 3** предложение **7** представляет собой прототипический вынос вправо с глаголом, находящимся непосредственно перед вынесенной вправо ИГ. **Пр. 3** предложение **3** демонстрирует глагол во второй позиции. Тот факт, что за глаголом следуют две ИГ, должен объясняться тем, что вторая ИГ оказалась вынесенной в постглагольную позицию из-за своей синтаксической тяжести.

Пр. 2, 4 и 6 предложение **7** состоит из двух составляющих. Теоретически, они могут быть проинтерпретированы и как вынос глагола в первую позицию, и как вынос ИГ вправо. Наличие местоименной репризы заставляет нас выбрать вторую возможность.

Остальные три примера состоят из более чем двух составляющих и демонстрируют глагол в начальной или первой позиции. Поэтому, как отмечает И. Якубович (pers.com.), они более похожи на вынос глагола в первую или начальную позицию. В двух случаях¹⁰ начальная или первая позиция глагола объясняется тем, что помимо прагматически обусловленного выноса легкой ИГ в предложениях присутствует и структурно обусловленный вынос тяжелой ИГ. Таким образом они должны объясняться аналогично **Пр. 3** предложение **3**. Предположение выноса глагола в первую позицию опровергается также наличием местоименной репризы.

К сожалению, таким же образом невозможно объяснить **Пр. 5** предложения **4** и **6**, оба из которых демонстрируют глагол в

¹⁰ МН (СТН 761.2) KUB 32.9+ Vs. 7–10 и NS (СТН 762.1.A) KUB 35.11 Vs. II 8'–11'.

первой позиции и две легких ИГ после глагола. Для удобства я повторю **Пр. 5** как **Пр. 7**:

Пр. 7. NS (СТН 763) КВо 29.6 Vs. 19'-24'

1. *zawiy=ata wišita šapiy[a]šanza warran[-] #*
2. *[] hāšati awīmman #*
3. *šap[i]yati=pa=tta aw[īmmanʔ] #*
4. *awiduw=aš_i=tta malhaššašš[i]š EN-aš; harratnā[ti] # §*
5. *zaš=pa=tta kuwatin zammitātiš^{NA4} harrāti [] awīmmiš #*
6. *awidu=pa=aš_i=tta m[a]lhaš<šaš>šiš EN-aš; h[arratnāti] waškulimmā[ti] # §*

«(1) Оно только что появилось, в. очистительного средства. (2) [Оно?] пришло из кости. (3) (Оно) пришло из очистительного средства. (4) Пусть он_i, господин ритуала_i, придет из оскорбления. § (5) Как эта мука пришла от жернова, (6) Пусть он_i, господин ритуала_i, придет из греховного оскорбления §» (вслед за Starke 1990: 445).

Как я уже отметил, постглагольная позиция ИГ *harratnā[ti]* «из оскорбления» в обоих предложениях не может быть мотивирована его синтаксическим весом. В обоих предложениях *harratnā[ti]* является ремой.

При прагматическом анализе контекста выше (как **Пр. 5**) я уже отмечал, что мы имеем дело со сменой топики в коррелятивном контексте. Если мы посмотрим на идентичные глагольные формы *awidu* «пусть приходит» в обоих предложениях (4 и 5), то поймем, что они, собственно, и обеспечивает сопоставление, как это и ожидается в коррелятивных контекстах (Torri 2003): обе части сопоставления употребляют глагол *awī-* «приходить» в разных формах. Таким образом, первая позиция глагола может быть мотивирована его тематическим характером. См. Bauer 2011 о сходном явлении в хеттском¹¹. В таком случае получается, что смена топики в коррелятивном контексте в данном случае маркируется и выносом глагола в первую позицию, и выносом вправо с местоименной репризой. Если мы вспомним, что в хеттском имеются и выносы вправо с местоименной репризой и собственно местоименная реприза с именной группой *in situ* (Sideltsev 2011), возможно этот пример надо понимать как содержащий вынос глагола в начальную

¹¹ Ограничение подобной структуры двукомпонентными предложениями, в большинстве случаев действующее для хеттского и очень странного типологически, в лувийском явно не прослеживается.

позицию и местоименную репризу ИГ *in situ*, т. е. без выноса вправо. В таком случае до выноса глагола предложение выглядело как $a=a\check{s}_i=tta \underline{malha\check{s}\check{s}a\check{s}[i]\check{s}} \text{ EN-}a\check{s}_i \text{ harratn\ddot{a}ti awidu}$. Такое решение представляется наиболее экономичным, однако собственно местоименная реприза ИГ *in situ* для лувийского на данный момент не описана в отличие от хеттского (Sideltsev 2011). Поэтому при нынешнем состоянии лувистики окончательное решение по поводу этого контекста невозможно.

4. Заключение

Выносы вправо в лувийском являются вполне тривиальными с типологической точки зрения выносами вправо. Они маркируют разнообразные значения в сфере топикальности (установленный топик с дополнительными значениями, выводимый топик, выбор топика и смену топика в коррелятивном контексте) и демонстрируют местоименную репризу. Поэтому я не считаю возможным следовать мнению Э. Рикен, которая объясняет лувийские выносы вправо кальками с хаттского (Rieken 2011).

Литература

- Averintseva-Klisch 2006 – Averintseva-Klisch M. ‘Separate Performative’ Account of German Right Dislocation // Ebert C., Endriss C. (Hg.), Proceedings of the Sinn und Bedeutung 10, ZASPiL 44.
- Bauer 2011 – Bauer A. Verberststellung im Hethitischen // Krisch, Thomas (eds.). Proceedings from the Fachtagung der Indogermanische Gesellschaft Salzburg, September 2008. Wiesbaden: Reichert, 2011.
- Bresnan, McHombo 1987 – Bresnan J., McHombo S. Topic, Pronoun, and Agreement in Chichewa // Language 63/4, 1987.
- Erguvanli 1984 – Erguvanli E. E. The Function of Word Order in Turkish Grammar / University of California Publications. Linguistics. Vol. 106. University of California Press, 1984.
- Erkü 1983 – Erkü F. Discourse, pragmatics and word order in Turkish. A thesis submitted to the faculty of the graduate school of the University of Minnesota, 1983.
- Fretheim 1995 – Fretheim T. Why Norwegian Right-Dislocated Phrases are not Afterthoughts // Nordic Journal of Linguistics, Vol. 18, 1995.
- Garrett 1990 – Garrett A. J. The Syntax of Anatolian Pronominal Clitics. Ph.D. Diss., Harvard University, 1990.
- Givón 1976 – Givón T. Topic, Pronoun and Grammatical Agreement // Ch. Li (ed.). Subject and Topic. New York: Academic Press, 1976.
- Givón 2001 – Givón T. Syntax: An introduction. Vol. II. John Benjamins Publishing Company: Amsterdam; Philadelphia, 2001.
- Gordon 2008 – Gordon B. J. Antitopic and afterthought. Givenness and grammar in Ponca and Omaha // Kansas Working Papers in Linguistics Vol. 30, 2008.

- Iemmolo 2010 – Iemmolo G. Topicality and differential object marking. Evidence from Romance and beyond // *Studies in Language* 34/2, 2010.
- Lambrecht 1981 – Lambrecht K. Topic, Antitopic and Verb Agreement in Non-Standard French / *Pragmatics and Beyond. II: 6*. Amsterdam: John Benjamins B.V., 1981.
- Lambrecht 1994 – Lambrecht K. *Information Structure and Sentence Form*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Lambrecht 2001 – Lambrecht K. Dislocation // Martin Haspelmath, Ekkehard König, Wulf Oesterreicher & Wolfgang Raible, eds. *Language Typology and Language Universals: An International Handbook / Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft*, 20. 2001, Vol. 2. Berlin, New York: Walter de Gruyter.
- Mayol 2007 – Mayol L. Right-dislocation in Catalan: Its discourse function and counterparts in English // Behrens, Bergljot, Cathrine Fabricius-Hansen, Hilde Hasselgård and Stig Johansson (eds.). *Information Structuring Resources in Contrast: Special issue of Languages in Contrast* 7:2 (2007). 2007.
- Melchert 1993 – Melchert C. *Cuneiform Luvian Lexicon*. Chapel Hill, N.C. 1993.
- Melchert 2003 – Melchert C. *Language // The Luwians*. Ed. by C. Melchert. / *Handbook of Oriental Studies*. Vol. 68. Leiden – Boston: Brill, 2003.
- Melchert 2006 – Indo-European Verbal Art in Luvian // G.-J. Pinault, D. Petit (eds.). *La langue poétique indo-européenne. Actes du Colloque de travail de la Société des Études Indo-Européennes*. Paris, 22–24 octobre 2003. Leuven-Paris: Peters, 2006.
- Mithun 1999 – Mithun M. *The Languages of Native North America*. Cambridge University Press, 1999 (Cambridge Language Surveys).
- Rieken 2011 – Rieken E., *Verbanfangstellung in den hethitischen Übersetzungstexten* // Krisch, Thomas (eds.). *Proceedings from the Fachtagung der Indogermanische Gesellschaft Salzburg, September 2008*. Wiesbaden: Reichert, 2011.
- Rizza 2007 – Rizza A. *I pronomi enclitici nei testi etei di traduzione dal hattico* // *Studia mediterranea* 20. Pavia: Italian University Press, 2007.
- Rizza 2009 – Rizza A., *Left and Right Periphery in Hittite. The case of the translations from Hattic* // E. Rieken, P. Widmer (eds.). *Pragmatische Kategorien. Form, Funktion und Diachronie. Akten der Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 24. bis 26. September 2007 in Marburg*. Wiesbaden: Reichert, 2009.
- Sideltsev 2011 – *Clitic Doubling: a New Syntactic Category in Hittite* // *AoF* 2011, 38/1.
- Starke 1985 – Starke F. *Die Keilschrift-luwische Texte in Umschrift* // *StBoT* 30. Wiesbaden: Harrassowitz, 1985.
- Starke 1990 – Starke F. *Untersuchung zur Stammbildung des keilschrift-luwischen Nomens* // *StBoT* 31. Wiesbaden: Harrassowitz, 1990.
- Torri 2003 – Torri G. *La similitudine nella magia anatolica ittita* // *Studia Asiana* 2. Roma: Herder, 2003.
- Ward, Birner 1996 – Ward G., Birner B. J. *On the Discourse Function of Rightward Movement in English* // *Conceptual Structure, Discourse and Language*, ed. by A. Goldberg. Cambridge University Press: Center for the Study of Language and Information Publications, 1996.

A. V. Sideltsev. Right dislocations with pronominal reduplication in Cuneiform Luwian

The paper provides the first systematic description of Cuneiform Luwian right dislocations. Both functionally and structurally, CLuwian right dislocations are typical right dislocations: the right dislocated single NP is coindexed by the enclitic pronoun. The following functions, all within the topic sphere, are delimited: established topic with additional meanings, inferable topic, topic disambiguation, topic shift in the correlative context. Both the individual functions and their array in one category are paralleled by cross-linguistic data for right dislocations. This disproves the idea about their calquing the Hattian verb first word order (Rieken 2011). Heavy NPs in the post-verbal position constitute a separate taxonomic type, best described in the cross-linguistic light as afterthoughts.

М. В. Скржинская

ПОТРЕБНОСТЬ В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Резюме. В статье рассматриваются надписи Тиры, Ольвии, Херсонеса и городов Боспорского царства, которые свидетельствуют о том, что в государствах Северного Причерноморья в V и IV вв. до н. э. начальное школьное образование стало необходимым не только для всех граждан, но и для многих свободных, но неполноправных жителей греческих городов (иностранцев). К последней категории относились учителя грамоты, глашатаи, трапезисты (менялы) и др.

Ключевые слова: Древняя Греция, граффити, начальное образование, учитель, повседневная жизнь.

В монографиях и статьях по истории античных государств Северного Причерноморья ученые нередко отмечали широкую распространенность грамотности среди греческого населения, что подтверждается находками множества граффити различного содержания (Сапрыкин, Масленников 2007; Толстой 1953; Яйленко 1980; 1982; 1988). Однако до сих пор исследователи обращали мало внимания на то, какую роль играли школьные знания в повседневной жизни, и как они помогали некоторым добывать средства к существованию. В отличие от начального среднее, а тем более высшее образование было доступно далеко не всем свободным жителям греческих государств. Однако даже знания, полученные в начальной школе, открывали возможность овладения рядом профессий, о которых пойдет речь в этой статье.

Когда в греческих колониях на северных берегах Понта в классический период выросло население городов и увеличилась их площадь, появилась необходимость иметь глашатаев, обладающих громким голосом, ясной дикцией и умением читать врученные им документы. Грамотные люди становились глашатаями, когда их на это толкала бедность. Платон в «Законах» (918в) и Феофраст в «Характерах» (гл. 6) называли такую деятельность недостойной гражданина. Но в римский период отношение к этой профессии изменилось, так как глашатаев включали в число граждан, состязавшихся на мусических агонах

(Герцман 1995: 166, 167, 175, 176). Так было и в Северном Причерноморье, о чем свидетельствует надпись на мраморной стеле из Херсонеса; там среди победителей на праздничных состязаниях записан глашатай (НЭПХ № 127).

Глашатаи ходили по городу, объявляя даты сбора граждан на Народное собрание и на заседание Совета, исполнительного органа власти, они извещали о днях проведения судебных разбирательств и других мероприятий, например, публичных торгов. Перед началом Народного собрания или Совета глашатай по имевшемуся у него утвержденному списку проводил переключку присутствующих граждан. Этот древний обычай, восходящий к архаическому периоду, упомянул в своих стихах Алкей (fr. 24 с): «как хочется услышать глашатая, выкрикивающего в Народном собрании и Совете мое имя Агесилаид».

Прямые и косвенные сведения о глашатаях в Северном Причерноморье в наибольшем количестве сохранились в эпитафических памятниках Ольвии, отдельные упоминания о них встречаются в надписях Тире и Херсонеса (IOSPE I². № 2, 31, 32, 34, 38, 40, 46, 51, 52, 57, 344, 433; НО № 28, 43), а на Боспоре они отсутствуют, хотя трудно представить какой-либо греческий город без глашатая. Это объясняется тем, что упоминания о глашатаях в основном имеются в почетных декретах, которые оканчивались словами о решении увенчать золотым венком либо поощрить иной наградой гражданина или иностранца, оказавшего значительные услуги государству, и провозгласить текст декрета на самых многлюдных праздниках. Так было принято в государствах с демократической формой правления. Боспором же правили цари, которые не практиковали такую форму благодарности своим согражданам и иностранцам, хотя сами охотно получали такие почести в Афинах (МИС. № 3, 4).

Глашатаи читали декреты на празднествах Диониса в театрах Ольвии и Херсонеса, на празднике Парфении в честь главной богини Херсонеса и во время наиболее престижных конных состязаний на Ахилловом Дроме (IOSPE I². № 31, 34, 344, 352), а в Ольвии благодарственные декреты провозглашались также во время торжественных похорон граждан, имевших заслуги перед отечеством (IOSPE I². № 40, 46, 51, 52).

По аналогии с другими греческими городами можно думать, что в Северном Причерноморье глашатаи ходили по городу, объявляя день заседания суда и извещали об этом истца и

ответчика. Они вызывали желающих взять на откуп сбор государственных налогов и штрафов или подрядиться выполнить какой-либо государственный заказ, например, на строительство или ремонт общественных зданий или оборонительных сооружений. Относительно сдачи на откуп штрафов известно из ольвийского декрета об обмене денег, а в декрете в честь Протогена сказано, что он через глашатая объявил о том, что оплачивает возведение городской стены, защищающей город со стороны реки, и предлагает подрядчикам взять на откуп это строительство (IOSPE I². № 24, 32).

Овладение грамотностью потребовалось также каменотесам, в сферу деятельности которых входили заказы на исполнение различных надписей. Такие специалисты появились в Северном Причерноморье в начале V в. до н. э. Сначала они не достаточно хорошо владели этим ремеслом, что видно на древнейших ольвийских надписях, сделанных по заказу государства и частных лиц. Такова первая из известных сейчас проксений в Северном Причерноморье, две посвятительные надписи и три эпитафии. Буквы на них вырезаны глубоко и небрежно, не соблюдены расстояния между строками и отдельными буквами, мастер не делал предварительной разметки, поэтому иногда в строку помещались не все буквы (IOSPE I². № 212, 213, 215; НО № 1, 103, 167). Большинство же более поздних надписей из Северного Причерноморья исполнены на хорошем профессиональном уровне, сохранявшемся практически до конца античной эпохи. Однако ошибки в надписях, исполненных красивым шрифтом, показывают, что не всякий хороший мастер был достаточно образованным и не всегда правильно разбирал текст, с которого делал надпись (см., например, КБН. № 119, 128).

Начальное образование со знанием счета требовалось тем, кто занимался торговлей, ростовщичеством и обменом денег. Простейшие расчеты производили торговцы и покупатели на рынках, употребляя мелкие местные монеты. В Борисфене, Ольвии и Пантикапее их стали массово выпускать уже в конце архаического времени, а позже их чеканили и во многих других городах Северного Причерноморья. Цифровые записи постоянно находят при раскопках не только городов, но и небольших поселений.

Начиная с VI в. до н. э., несколько сотен греческих городов и их колоний выпускали собственные монеты в разных денежно-весовых системах. Интенсивная торговля требовала возможнос-

ти приравнивать друг к другу денежные единицы разных полисов. Так появилась профессия менялы. Он раскладывал деньги и проверял качество монет на особом столе, называвшемся трапезой, откуда произошло греческое название этой профессии – трапезиты. Они существовали в каждом греческом городе, и их деятельность требовала определенного образования. Ведь трапезиты занимались не только обменом денег одной денежной системы на другую и проверкой качества монет, но также составляли документы о различных денежных операциях, например, при осуществлении денежных переводов в другие города или выдаче займов под проценты. Кроме того, за определенную плату трапезиты хранили ценности и разные документы, совершали от имени клиента различные сделки, выступали посредниками при заключении договоров и разных платежей.

О трапезитах в Северном Причерноморье известно по эпиграфическим источникам и различным косвенным данным. Например, без их помощи не мог действовать ольвийский закон об обмене иностранных монет на местные (IOSPE I². № 24). В декрете Протогена сохранилось имя ольвийского трапезита Полихарма, которому архонты на городские нужды заложили священные сосуды. Срок выкупа подходил к концу, и трапезит собирался отдать эти сосуды на переплавку, но Протоген выкупил их за 100 золотых. Стоит подчеркнуть, что Полихарм назван иностранцем, то есть не гражданином Ольвии. Ведь профессия трапезита считалась в древности не достойной гражданина, и ею занимались в основном свободные, но неполноправные жители греческих городов (Глускина 1975: 73–74).

О местных учителях уцелели лишь косвенные сведения, к которым можно отнести широкое распространение грамотности в античных государствах Северного Причерноморья и находки граффити со школьными упражнениями и исправлениями учителя. Его деятельность считалась мало подходящим занятием для гражданина (Plat. Prot. 313 b; Dem. XVIII, 358). Учителями начальной школы становились те, от кого отвернулась удача (Marqu 1998: 204–205). Такими людьми были, например, политические изгнанники или разорившиеся граждане. Их нужда заставляла учить, причем за небольшую плату. (Athen. IV, 184). В школе могли обучаться не только дети граждан, но и дети из семей свободного неполноправного населения. Начальное обучение оплачивали родители, а работа по найму частных считалась недостойной гражданина. Поэтому над учителем можно

было посмеяться и упрекнуть за такой заработок. Демосфен, чтобы выставить в невыгодном свете своего оппонента оратора Эسخина, говорил, что его отец был учителем начальной школы, и сын ему помогал (Dem. XVIII, 129-131; XIX, 129). Такими же сведениями старались унижить философа Эпикура его противники (Diog. Laert. X, 4).

Обязанность учителя начальной школы ограничивалась чисто техническим обучением ребенка чтению, письму и счету; никакие воспитательные задачи перед ним не ставились. Для этого ремесла не считалась нужной никакая особая подготовка, просто грамотный человек вспоминал, как его самого учили в детстве. Ученики писали на дощечках, натертым воском, а домашние задания зачастую прочерчивали заостренным предметом на обломках керамических сосудов или на черепице. Упражнения на знание алфавита найдены при раскопках всех греческих городов Северного Причерноморья. Древнейшие из этих граффити из Тире и Борисфена относятся к архаическому периоду (Яйленко 1988: 57), но большинство к V–III вв. до н. э. Позже граффити на керамике почти исчезают, так как удешевляется стоимость папируса, и он становится широкодоступным писчим материалом, но к сожалению не сохраняется в земле; античные тексты на папирусе находят только в песках Египта.

На некоторых граффити со школьными упражнениями можно увидеть, как учитель исправлял ошибки ученика. Хороший пример такого рода сохранился на фрагменте черепицы V–IV вв. до н. э., найденной в Тире. Из античной литературы известно, что дети начинали учиться писать по линейкам (Plat. Prot. 326), и на тирском граффито буквы помещены в заранее размеченную сетку. Учитель перечеркнул упражнение, отметив допущенные ошибки в алфавите: на месте дзеты еще раз поставлена дельта, после ро вырезано тау вместо сигмы, а в конце отсутствует омега (Яйленко 1988: 56). Другой пример поправки учителя замечен на черепке, где исправлена ошибка в написании слова АВΔΗΡΑ, где вместо Η было написано Ε. На свободном пространстве черепка учитель еще дважды прочертил букву, которую ему исправил учитель (Яйленко 1980: 96. № 105).

В большинстве семей подросток, получив элементарные знания, становился помощником отца в его мастерской или на сельскохозяйственных работах, либо мальчика отдавали учиться какому-нибудь ремеслу на сторону. В дальнейшем свое знание

грамоты он проявлял, участвуя в общественной жизни государства или обращаясь в суд; он мог сделать краткую запись, чтобы чего-нибудь не забыть, а также отправить небольшое письмо.

Например, когда в Народном собрании решали изгнать из полиса по политическим соображениям какого-либо гражданина, каждый участник писал на черепке-остракоме имя изгоняемого. Обычно остраконом служил осколок чернолакового сосуда, так как на нем хорошо видны прочерченные буквы, имеющие желтый цвет глины. Приговор вступал в силу, если собиралось необходимое количество граждан и большинство голосовало за изгнание. Такие остраконы V в. до н. э. в большом количестве найдены при раскопках Херсонеса Таврического и на Афинской агоре (Виноградов, Золотарев 1999: 106–114). Интересно отметить, что среди надписей на афинских остраконах V в. до н. э. есть имена Аристид и Фемистокл. Эти выдающиеся политические деятели, как рассказывает Плутарх в их биографиях, были подвергнуты остракизму: первый в 483 г. до н. э., второй – в 471 г. до н. э. (Plut. Aristid. 7; Them. 22).

Множество граффити показывают, что в ежедневной жизни греки делали для себя на память всевозможные небольшие заметки, а также писали имена богов на сосудах, которые они посвящали в храмы. Чаще всего имя бога писалось сокращенно и довольно небрежно, гораздо реже вырезали несколько слов ясно и аккуратно. Примеры красиво прочерченных граффити сохранились на ольвийских сосудах, посвященных Аполлону Дельфинию и другим божествам (Леви 1985: 68, рис. 49, 50).

Благодаря умению читать каждый гражданин мог ознакомиться с законами, почетными декретами и другими постановлениями Народного собрания. Их тексты, написанные на деревянных или металлических досках, либо на каменных стелах, выставлялись на видном месте в городе. Это имело и практическую пользу. В частности, знание законов было необходимо при обращении в суд, что нередко случалось в жизни многих эллинов. Судьи разрешали всевозможные денежные споры и имущественные тяжбы наследников, выносили решения относительно жалоб на злоупотребления опекунов, налагали штраф за избивание одного гражданина другим; постоянно рассматривали иски купцов, особенно связанные с займом денег под проценты. Таким образом, большинству граждан случалось выступать в роли истца, ответчика или свидетеля, для этого требовалось

быть грамотным человеком, чтобы уметь прочесть закон, составить судебную речь или выучить такую речь, написанную по заказу.

В заключение скажем несколько слов о чтении в античности. Им было гораздо труднее овладеть, чем сейчас, поэтом обучение в начальной школе длилось 4–5 лет. Ведь в тексте слова не отделялись одно от другого, не было знаков препинания, так что нужно было самому определить, где оканчивалось предложение, и где начинался и кончался тот или иной грамматический оборот. Если же перед читателем были стихи, то требовалось уловить их размер, особенно трудно это было в драматических произведениях, где варьировалось несколько размеров. Такие навыки имели лишь хорошо образованные люди, а человек с начальным образованием мог разобрать небольшой текст, например, законы и декреты, которые составлялись по определенным правилам и формулам, бывшим на слуху. Он мог делать несложные расчеты, написать небольшие деловые заметки и незатейливые письма. Вот два примера таких элементарных записей, иллюстрирующих применение грамоты в ежедневной жизни. На обломке краснофигурного сосуда читаются слова: «Родон приветствует Герака. Получил» (На краю ойкумены 2002. № 74). Другое граффито III в. до н. э., начертано ольвийским торговцем на черепке чернолакового сосуда (Яйленко 1980: № 106). Он записал, что у него было вино стоимостью в 102 статера, по 14 статеров за амфору; он отпустил (вероятно, в долг) Эвксену пряного вина на статер, Диотиму – на 5 статеров, Кимону – на обол. Чаще встречаются цифровые записи для памяти, понятные только самому писавшему: это либо просто цифра, либо цифра с указанием имени человека, которому следует отдать долг или, наоборот, получить его.

Литература

- Виноградов, Золотарев 1999 – Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы 1996–1997. М.
- Глускина 1975 – Глускина Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л.
- Герцман 1995 – Герцман Е. В. Музыка древней Греции и Рима. СПб.
- Леви 1985 – Леви Е. И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л.
- Марру 1998 – Марру А. История воспитания в античности (Греция). М.
- На краю ойкумены. Греки и варвары на Северном берегу Понта Эвксинского. М., 2002.

- Сапрыкин, Масленников 2007 – Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь, Керчь.
- Толстой 1953 – Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л.
- Яйленко 1980 – Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани, Ольвии. // ВДИ. № 3.
- Яйленко 1982 – Яйленко В. П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. М.
- Яйленко 1988 – Яйленко В. П. Начальное школьное образование в античных греческих городах Северного Причерноморья // Памятники культуры. Новые открытия. М.

Список сокращений

- ВДИ – Вестник древней истории
- КБН – Корпус боспорских надписей. М., Л. 1965.,
- НО – Надписи Ольвии. Л., 1968.
- НЭПХ – Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. Т.1.; Киев, 1972. Т.2.
- МИС – Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3.
- IOSPE – Latyshev V. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916.

M. Skrzhinskaja. The need in school education for the citizens of ancient states on the Northern littoral of the Black Sea

The article analyses a large complex of graffiti and lapidary inscriptions from Tyra, Olbia, Chersoneses and the towns of the Bosporean kingdom. It is testified that by the fifth and fourth centuries BC citizens as well as free, yet not possessing full rights inhabitants of ancient states of the Northern littoral of the Black Sea were in need of elementary school. The latter category included the most teachers of reading and writing, heralds, and trapezites. The mastership of reading and writing was essential for participation in social life of a polis and in court, while elementary knowledge of mathematics was used for calculations in the market and household.

Е. В. Скударь

АПОЛЛОН АПОЛЛОНОВИЧ ГРУШКА И ПЁТР ВАСИЛЬЕВИЧ НИКИТИН. ОБ ОДНОМ ПИСЬМЕ

Резюме. Цель предлагаемой публикации – познакомить читателей с письмом вице-президента Императорской Академии наук в 1900–1916 гг. Петра Васильевича Никитина декану историко-филологического факультета Московского университета с 1911 по 1921 г. профессору Аполлону Аполлоновичу Грушка, сопроводив его необходимыми комментариями. Приводятся краткие сведения из биографии П. В. Никитина.

Ключевые слова: история классической филологии в России, А. А. Грушка, П. В. Никитин.

Занимаясь изучением биографии, научной и общественной деятельности филолога-классика, профессора Московского университета, заведующего кафедрой классической филологии и декана историко-филологического факультета с 1911 по 1921 год и просто выдающегося и невероятно обаятельного и интеллигентного человека А. А. Грушка (31 декабря 1869/12 января 1870 – 1929; его называли «профессором-джентльменом», например Д. К. Петров¹ в своём письме, и «интеллектуальным кумиром Арбата»² – Т. П. Каптерева), среди писем его корреспондентов мы обнаружили письмо ещё одного замечательного учёного, также филолога-классика, представителя, петербургской школы классической филологии – П. В. Никитина.

Прежде чем обратиться к самому письму, хочется познакомить читателей, хотя бы коротко, с биографией этого выдающегося человека.

Родился Никитин в 1849 году в семье протоиерея Богородице-Рождественского собора г. Устюжны Новгородской губернии (ныне Устюжна относится к Вологодской области) Василия

¹ Петров Дмитрий Константинович (1872–1925). Историк романских литератур, ученик А. Н. Веселовского. Профессор Петербургского университета, с 1922 года член-корреспондент Российской АН. Весной 1915 года работал вместе с А. А. Грушка в испытательной комиссии Новороссийского университета (Одесса). С тех пор они подружились.

² Каптерева-Шамбинаго Т. П. Арбат, дом 4. М., 2006. С.164.

Феофилактовича Никитина. Детство провёл в этом городке, расположенном на берегу реки Мологи. Учился сначала в местном духовном училище, затем в Новгородской и Санкт-Петербургской духовных семинариях, однако после окончания семинарии решил в Академию не поступать. В 1871 году Никитин поступил в Историко-филологический институт в Санкт-Петербурге (считается учеником Августа Наука³), по окончании которого преподавал русский язык и латынь в классической гимназии, а потом был направлен в Лейпциг для продолжения образования.

По возвращении из-за границы с 1873 по 1879 год П. В. Никитин работал в Нежинском институте⁴ князя Безбородко в звании профессора и заведующего кафедрой классической филологии. В 1876 году Пётр Васильевич защитил в Киеве магистерскую диссертацию на тему «Об основах для критики текста эолических стихотворений Феокрита».

В 1879 году Никитин становится приват-доцентом по кафедре греческой словесности Санкт-Петербургского университета. В 1883 году Никитиным опубликован и защищён в качестве докторской диссертации самый капитальный его труд «К истории афинских драматических состязаний». Незаурядное знание греческого языка и литературы, умение видеть главное, делать точные выводы проявились уже в первых его работах. В диссертации им на основе эпиграфических документов рассматриваются состав и порядок состязаний. Многие положения, признававшиеся ранее бесспорными, были опровергнуты или переосмыслены Никитиным.

Из работ П. В. Никитина наибольший интерес представляют заметки к Эсхилу 1876 года, к «Медее» Еврипида 1880 года, к «Царю Эдипу» и «Эдипу Колонскому» Софокла 1886 года, а также к Аристофану, Платону, Ксенофону, Плутарху.

³ Наук, Август Карлович (1822–1892) – немецкий и русский филолог-классик. На русской службе с 1859 года. Профессор греческого языка и литературы Петербургского университета, затем Историко-филологического института. В 1861 году избран членом Петербургской АН. Ординарный академик Императорской АН с 1883 г.

⁴ До того как стать институтом назывался Нежинской гимназией. В ней учились в 20-е годы XIX века Н. В. Гоголь, Н. В. Кукольник, Н. Я. Прокопович, А. С. Данилевский, Е. П. Гребёнка и другие выдающиеся люди.

В сферу его интересов всегда входила не только греческая диалектология, но и славянская. Он принимал участие в издании материалов по церковной истории, собранных епископом Порфирием⁵. Некоторое время увлекался византиноведением.

В 1886 году Никитин уже ординарный профессор греческого языка и литературы Петербургского университета, в то же время продолжает преподавать в Историко-филологическом институте. В этом же году он был утверждён адъюнктом Императорской Академии наук по классической филологии и археологии.

В 1890 году Пётр Васильевич становится деканом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, а в декабре того же года – ректором, исполняя эти обязанности вплоть до 1897 года, затем, до 1900 года – снова деканом.

В 1900 году П. В. Никитин избирается вице-президентом Императорской АН, одновременно продолжает читать лекции по истории греческой литературы и греческой диалектологии. В том же году торжественно отмечалось 30-летие учебно-педагогической и научной деятельности Никитина («Филологическое обозрение», 1900, Т. XVIII. С.158 – 160). Учениками Никитина себя считали С. А. Жебелёв, М. И. Ростовцев, Ф. И. Шмит и др.

В 1911, 1912 году выходят его незаурядные работы из области греческой археографии «Иоанн Карпафийский и Патерики» и «О житии Стефана Нового».

На протяжении долгих лет П. В. Никитин вынужден был заниматься ещё и организационно-хозяйственной деятельностью, нести груз общественных обязанностей.

Он умер в Петрограде 5 мая 1916 года. Посмертно вышел его перевод «Фесмофорий» Аристофана с материалами для комментария (Пг., 1917).

А. А. Грушка испытывал к П. В. Никитину огромное уважение. Посчитал для себя за честь переслать Никитину написанный им подробнейший некролог, посвящённый Фёдору Евгеньевичу Коршу⁶ – любимому учителю и другу, скончавшемуся в феврале 1915 года.

Вашему вниманию предлагается ответное письмо П. В. Никитина.

⁵ Порфирий, епископ (в миру Константин Александрович Успенский; 1804–1885) – русский востоковед, византолог, археолог, путешественник.

⁶ Грушка А. А. Фёдор Евгеньевич Корш. М., 1916. 79 с.

Москва

Императорский Университет

Его Высокородию

Аполлону Аполлоновичу

Грушка

Сердечно благодарю Вас, глубокоуважаемый Аполлон Аполлонович, за экземпляр превосходного некролога незабвенного Фёдора Евгеньевича.

Читая Вашу с такой любовью исполненную работу, и отрадно, и грустно было переживать воспоминанием те счастливейшие минуты, когда приводилось любоваться тем чувством даровитости, каким был Ваш покойный учитель, В портрете, мастерски Вами написанном, есть, мне кажется, только один неверный штрих: усвоение мирозерцания Фёдора Евгеньевича «аполитичным». Человек, не придающий значения политике и равнодушный к ней, не стал бы трудиться писать, а, особенно, никогда бы не напечатал «Голоса из партии 17 октября»⁷.

С искренним уважением преданный Вам

26 апр. 1916 г.

П. Никитин

Литература

- Басаргина Е. Ю. Вице-президент Императорской Академии наук П. В. Никитин: Из истории русской науки (1867–1916). СПб., 2004.
- Жебелёв С. А. П. В. Никитин // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1916, Ч. LXIV, № 8, С. 43–71.
- Латышев В. В. Памяти Петра Васильевича Никитина // Известия Академии наук, серия VI, 1916, №12. С. 921–936.
- Ростовцев М. И. Памяти П. В. Никитина // Гермес, 1916, №№ 17, 18, 19.

⁷ Партия «Октябристов» («Союз 17 октября»), созданная в ноябре 1905 г. как право-либеральная политическая партия чиновников, помещиков и крупной буржуазии (лидер партии А. И. Гучков), придерживалась позиций умеренно-консервативного либерализма. Членами этой партии были некоторые представители научной интеллигенции, например, В. И. Герье – профессор Московского университета и создатель Высших женских курсов в Москве, В. И. Сергеевич – ректор Петербургского университета, М. М. Алексеенко – ректор Харьковского университета, Л. Н. Бенуа – известный петербургский профессор архитектуры. В ряде городов возникли немногочисленные студенческие фракции партии. Видимо, и Ф. Е. Корш придерживался некоторых аналогичных позиций.

Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Исторические очерки. СПб, 2006. С. 228–232.

**E. V. Skudar'. Apollon Apollonovich Gruschka's letter
to Piotr Vasilyevich Nikitin**

The aim of the publication is to acquaint readers with the letter of vice-president of Emperor's Academy of sciences in 1900 – 1916 P.V. Nikitin to the dean of historical-philological faculty from 1911 – 1921 to the professor to A.A. Gruschka

Н. С. Сорокина

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ
ЛАТИНСКИХ ПРЕДЛОГОВ *AB* И *EX*
И ИХ УПОТРЕБЛЕНИЕ С ТОПОНИМАМИ
(на материале «Естественной истории» Плиния Старшего)**

Резюме: В статье на материале текста Плиния Старшего рассматривается употребление в латинском языке близких по значению предлогов *ab* и *ex* с географическими названиями в тех случаях, когда речь идет о пространственном значении этих предлогов. Указано, от каких слов могут зависеть сочетания топонимов с этими предлогами: сочетания с *ab* употребляются с глаголами, обозначающими ‘находиться на расстоянии’, ‘разделять’, ‘начинаться’ в географических описаниях. Предлог *ex* употребляется, когда речь идет об истоках рек. Употребление предлогов в одной и той же функции (с глаголами движения), по-видимому, зависит от вида географического объекта, обозначаемого топонимом.

Ключевые слова: Плиний Старший, топонимы, города, предлог *ex*, предлог *ab*

В латинском языке существует несколько способов выражения сепарационного значения, или значения отправной точки, которые в самом общем виде можно разделить на две неравные группы: беспредложный, или *ablativus separationis*, и с такими предлогами, как *ab* (*a*, *abs*) и *ex* (*e*). Употребление географических названий в аблативе без предлога при ответе на вопрос ‘откуда?’ в известной степени ограничено: этот способ применим только когда речь идет о названиях городов и небольших островов (Солопов 2007: 288–289)¹: *Corintho* ‘из Коринфа’, *Athenis* ‘из Афин’ и др. Кроме того, во времени Плиния Старшего *ablativus separationis* зачастую заменяется предложно-падежным сочетанием с *ab*².

Помимо предлога *ab*, для обозначения отправной точки может использоваться предлог *ex*. Функции этих предлогов во

¹ В указанной статье приведены примеры названий городов, но не островов.

² Об отдельных случаях такого употребления уже у Цицерона см.: Солопов 2007: 289.

многим совпадают: оба предлога используются для указания отправной точки или источника³.

Предлог *ab* употребляется с топонимами:

1) после глаголов, обозначающих ‘находиться на расстоянии, отстоять’: *absum, disto*. Примеры: *a Narone amne <C> p. abest Epidaurum colonia – Plin. nat. III 143 et al.; distat Ios a Thera <XXV> p. – Plin. nat. IV 71 et al.;*

2) при указании на расстояние без глаголов: *oppida adluuntur Epiphania et Antiochia, quae ad Euphraten vocantur, item Zeugma <LXXII> p. a Samosatis – Plin. nat. V 86 et al.;*

3) при словах, обозначающих расстояние: *iter* ‘путь’, *intervallum* ‘расстояние’, *via* ‘дорога, путь’. Примеры: *Agrippa hoc idem intervallum a freto Gaditano ad sinum Issicum per longitudinem directam <XXXIII> <XL> taxat – Plin. nat. VI 207; alia via, quae certior <e>t iniri terreno maxime potest, a Gange ad Eu<ph>raten amnem <LXIX> – Plin. nat. II 244;*

4) при словах *proxime* ‘близко’ и *procul* ‘далеко’: *a Sura autem proxime est Philiscum, oppidum Parthorum ad Euphraten – Plin. nat. V 89; Laevi et Marici condidere Ticinum non procul a Pado – Plin. nat. III 124*

5) при словах со значением ‘отделять, разделять’: *dirimo, discerno, discludo, dispesco, distermino, distinguo, divido, separo, summoveo*. Примеры: *Tiberis ... Etruriam ab Vmbris ac Sabinis, mox citra <XVI> p. urbis Veientem agrum a Crustumino, dein Fidenatem Latinumque a Vaticano dirimens – Plin. nat. III 53; Narbonensis provincia appellatur pars Galliarum quae interno mari adluitur, Bracata antea dicta, amne Varo ab Italia discreta – III 31; ipse Bu<c>es a Coreto, Maeot<i> lacus sinu, petroso discluditur dorso – Plin. nat. IV 84; (Nilus) Africam ab Aethiopia dispescens – Plin. nat. V 53; a Neocaesarea supra dicta Minorem Armeniam Lycus amnis disterminat – Plin. nat. VI 9; Tarraconensis ... Solorio monte et Oretanis iugis Carpetanisque et Asturum a Baetica atque Lusitania distinguitur – Plin. nat. III 6; inde Persidis initium ad flumen Oratim, quo dividitur ab Elymaide – Plin. nat. VI 111; ipse (mons Amanus) ab Syris Ciliciam separat – Plin. nat. V 80; (Alpes) centum milia excedunt*

³ См. соответствующие статьи в Oxford Latin Dictionary, также обзор функций этих предлогов см.: (Нетушил 1880: 157–160), отдельно об употреблении *ab* с топонимами для обозначения отправной точки: там же, 139–142.

aliquando, ubi Germaniam ab Italia summovent – Plin. nat. III 132;

б) при слове incipio ‘начинаться’ в географических описаниях, а также при словах, обозначающих различные измерения: latitudo ‘ширина’, longitudo ‘длина’, magnitudo ‘величина’: Armenia autem Maior incipit a Parihedris montibus – Plin. nat. VI 25; Polybius latitudinem Europae ab Italia ad oceanum scripsit <XII> <L> esse – Plin. nat. IV 121; для обозначения начальной точки при глаголах pateo, pertineo;

7) для обозначения отправной точки при глаголах движения. Здесь можно выделить два случая: движения субъекта (venio ‘приходить’, fugio ‘бежать’, navigo ‘плыть на корабле’) и перевозки объектов (inveho ‘ввозить’, adfero, adporto ‘привозить’). Сюда же примыкают сочетания с предлогом *ab*, представляющие собой несогласованное определение: Marinorum maxime laudatur (sal) Cyprius a Salamine – Plin. nat. XXXI 84.

Последняя указанная функция предлога *ab* сходна с одной из основных функций предлога *ex*: этот предлог употребляется в таких же случаях.

Одной из особенностей предлога *ex* и его основным отличием от *ab* является то, что *ex* используется для указания на исток рек. При этом не имеет значения, говорится ли о водоемах или источниках, из которых вытекает река (это может быть озеро, родник или другая река), о горах, с которых река течет, или о территории, покидая которую, река втекает в область с другим названием.

Река вытекает из источника или водоема: in eum (Ambracium sinum) defertur amnis Acheron, e lacu Thesprotiae Acherusia profluens – Plin. nat. IV 4; quam (Histriam) cognominatam a flumine Histro, in Hadriam effluente e Danuvio amne – Plin. nat. III 127; et al.

Река течет с гор: Aufidus ex Hirpinis montibus Canusium praefluens – Plin. nat. III 102 et al.

Река имеет исток на указанной территории: supra Silicas Sitrae, per quos Lycus ex Armenia fertur – Plin. nat. VI 118.

Таким образом, с глаголами, обозначающими ‘течь’, ‘вытекать’ (fluo, effluo, defluo, praefluo, profluo, effundor, profundor et al.) используется предлог *ex*. Он же используется в составе несогласованного определения при словах amnis, flumen, fluvius ‘река’, fossa ‘канал’ для обозначения их источника: amnes Menotharum, Imit<u>en ex montibus Cissiis – Plin. nat. VI 21; Sequitur

decima regio Italiae, Hadriatico mari adposita, cuius Venetia, fluvius Silis ex montibus Tarvisanis, oppidum Altinum, flumen Lipientia ex montibus Opiterginis – Plin. nat. III 126; ultra fossae ex Rhodano, C. Mari opere et nomine insigne<s> – Plin. nat. III 34. Что же касается употребления глагола *infundo* с *ab* во фразе: (Baetis) Baeticae primum ab Ossigitania infusus – Plin. nat. III 9, – то здесь город Оссигитания является не начальной точкой течения реки, а местом, в котором река втекает в провинцию Hispania Baetica, при том что исток ее находится в другой области. У Плиния Старшего это единственный случай употребления глагола, обозначающего течение, с предлогом *ab*.

С глаголами движения и перевозки, как уже было сказано, могут употребляться оба рассматриваемых предлога.

С глаголом *inveho* ‘ввозить’ предлог *ex* используется у Плиния Старшего при топонимах Aethiopia (gemmae tantum, quam carbunculum vocamus, ex Aethiopia investae – V 34), Pontus (is (sc. Lucullus) primum <in>vexit e Ponto (cerasiam) – XV 102), India (milium intra hos X annos ex India in Italiam investum est nigrum colore, amplum grano, harundineum culmo – XVIII 55), Armenia (vicere postea ex Armenia investae (cotes) – XXXVI 54), предлог *ab* – при топониме Babylo (est vero liquidum bitumen, sicut Zasynthium et quod a Babylone invehitur – XXXV 178). Очевидно, что предлог *ab* выбран для названия города (Babylo), а предлог *ex* – для других топонимов. Подобный выбор предлога не ограничивается глаголом *inveho*: (pluma) e Germania laudatissima – X 53 (страна, предлог *ex*); (caseum) Cebanum hic e Liguria mittit ovium maxime lacte, Sassinatem ex Vmbria mixtoque Etruriae atque Liguriae confinio Luniensem magnitudine conspicuum, ... proximum autem urbi Vestinum eumque e Caedicio campo laudatissimum (области, предлог *ex*); Marinorum maxime laudatur (sal) Cyprius a Salamine – XXXI 84 (город, предлог *ab*). Особенно примечателен следующий пример: (oenanthe) praecipua ex Parapotamia, secunda ab Antiochia atque Laudicea Syriae, tertia ex montibus Medicis (XII 133), где разные предлоги в одной и той же функции встречаются в одном предложении, где предлог *ab* используется при названиях городов Antiochia и Laudicea, а предлог *ex* – с названием области Parapotamia и с названием горного массива montes Medici.

Таким образом, не остается сомнений в том, что выбор предлога здесь зависит от вида географического объекта, обозначаемого топонимом, и для названий городов не используется тот же

предлог, что и для остальных топонимов, что еще раз подчеркивает особое место названий городов в системе латинской грамматики⁴.

Литература

- Нетушил И. В. Латинский синтаксис. Харьков, 1880.
Солопов А. И. Особенности обозначения места и отправной точки в прозе Цицерона // Индоевропейское языкознание и классическая филология-ХІ. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 18–20 июня 2007 г. СПб.: Нестор-История, 2007.
Glare, Peter G.W. Oxford Latin Dictionary. Oxford, Clarendon Press, 1st edition published 1982, reprinted with corrections 1996, reprinted 2006.

Издания текстов

- C. Plinius Secundus. Naturalis Historia (C. Plini Secundi Naturalis Historiae Libri XXXVII. Vols. 1–5, ed. C. Mayhoff, 1892–1909).

N. S. Sorokina. Latin prepositions *ab* and *ex* with place-names in Pliny's *Natural History*

The paper based on Pliny's *Natural History* shows similarities and difference in the use of Latin prepositions *ab* and *ex* with place-names. The difference is that *ab* may be used with any place-names to denote separation, as well as to indicate distances, whereas *ex* is used when talking about rivers that flow from springs, other rivers, or mountains. Both prepositions can be used with words meaning "import" (*inveho*, *adporto*). In this case *ab* is used with town-names, *ex* is used with any other place-names.

⁴ Вспомним, что названия городов, в отличие от других топонимов, сохраняют древнюю форму локатива при ответе на вопрос «где?», а также могут употребляться без предлога в аккумулятиве при ответе на вопрос «куда?», что тоже выделяет их из числа прочих топонимов.

М. А. Таривердиева

О «СИМВОЛАХ» В ЛАТИНСКОМ СИНТАКСИСЕ

Резюме. Статья посвящена исследованию семантики многозначных синтаксических операторов в латинском языке, коммуникативная информативность и семантическая вариабельность которых при лаконичности используемых языковых средств обеспечили их приоритетное использование в нормативном письменном языке классического периода как согласующихся с официальными жанрами и строгой стилистикой литературных сочинений этого времени.

Ключевые слова: знаки-символы, латинская картина мира, латинский синтаксис, латинский конъюнктив в подчиненной позиции.

Nominantur singularia, sed universalia significantur
«Единичное называется, а общее означивается»
Иоанн Солсберийский «Металогика» (XII в.)

Крупнейший лингвист и филолог XX века Р. Якобсон в статье «В поисках сущности языка», обратившись к исследовательской традиции проблемы знака и значения, подробно останавливается на трудах американского философа и логика Чарлза Сандерса Пирса (1839–1914), полувековая работа которого по созданию общих основ семиотики характеризуется Якобсоном как имеющая эпохальное значение.

Пирс выделяет три типа знакообозначений, основанных на разных взаимоотношениях между означающим и означаемым, и, соответственно, три основных типа знаков: *иконический знак*, действие которого основано на фактическом подобии означающего и означаемого (рисунок животного и само животное); *индекс*, чье действие базируется на фактической, реально существующей смежности означающего и означаемого (дым и огонь); наконец, *символ* – его действие основано главным образом на установленной по соглашению, усвоенной смежности означающего и означаемого. Сущность этой связи «состоит в том, что она является правилом» и не зависит от наличия или отсутствия какого-либо сходства или физической смежности. При интерпретации любого символа знание этого конвенционального правила обязательно (Якобсон 1983: 103–104).

Якобсон приводит следующие определения символа (по Пирсу): «истинный символ – это символ, который имеет общее значение», и, в свою очередь, это значение «может быть только символом»; символ «обозначает род вещи»; «он и сам является родом, а не отдельной вещью»; символ является «общим правилом», которое получает значение только через разные случаи его применения... Знаки, носящие преимущественно символический характер, – это единственные знаки, которые, благодаря тому, что обладают общим значением, способны образовывать суждения (Якобсон 1983: 116).

Термин «символ» в приведенных определениях, по нашему мнению, очень точно характеризует сущность латинских многозначных подчинительных союзов *cum* и *ut*, а также относительного местоимения *qui*, *quae*, *quod* – в тех случаях, когда в придаточных предложениях, присоединяемых названными синтаксическими операторами, глагол-сказуемое употреблен в формах конъюнктива. Конъюнктив в данном случае тоже выступает как «символ», поскольку он свидетельствует о наличии авторской интерпретации характера подчинительной связи.

Несмотря на известную по грамматическим описаниям многозначность перечисленных синтаксических операторов в сочетании с конъюнктивом в придаточном предложении, необходимо подчеркнуть, что факт их одновременного присутствия в сложном синтаксическом построении еще не дает возможности выявить их значения в каждом отдельном случае. Что же является основанием для определения конкретного характера подчинительной связи, выраженной описанным способом?

В современной учебной практике при комментированном чтении латинских текстов значения подчинительной связи устанавливаются, как правило, путем интуитивного анализа содержания обеих частей сложного предложения и выявления (в ориентации на «житейский опыт и здравый смысл») характера их логической взаимозависимости. Но корректен ли такой способ анализа применительно к древнему языку, в котором установление характера логических связей определялось картиной мира его носителей, живших в эпоху, отделенную от нас двумя тысячелетиями? Что указывает на то, что названные синтаксические операторы – союзы и местоимение – в сочетании с глаголом-сказуемым придаточного предложения в конъюнктиве воспринимались носителями латинского языка как многозначные, а выделяемый в грамматиках перечень значений четко диф-

ференцировался обоими участниками коммуникации – пишущим (говорящим) и читающим (слушающим)?

Достоверный и обоснованный ответ на поставленные вопросы возможен лишь при использовании объективного критерия, каковым, по нашему мнению, может считаться только сам язык – его структура, используемые лексические и грамматические средства. Дошедшие до нас латинские тексты дают возможность поиска в этом направлении.

* * *

Литературный латинский язык классического периода (I в. до н. э. – II в. н. э.) отличался значительной кодифицированностью, что проявляется как в отборе лексики, так и в использовании грамматических форм и синтаксических конструкций. Однако в дошедших до нас текстах названного периода обнаруживаются языковые свидетельства, позволяющие говорить о значительно большем разнообразии языковых средств в латинской речи по сравнению с литературной нормой. Так, при отображении обстоятельственных связей, наряду с используемым в этой роли согласно стилистическому регламенту литературного языка союзом *cum*, встречаются (хотя и значительно реже) союзы, передающие конкретные обстоятельственные значения – время (*antequam*, *priusquam*, *postquam*, *dum*, *ubi...*), причину (*quod*, *quia*, *quoniam*), уступку (*quamquam*, *quamvis*). Эти союзы являются языковым свидетельством, позволяющим говорить о дифференциации и конкретизации соответствующих категорий в латиноязычной картине мира, а следовательно – и о включенности таких значений в сферу представлений, которую передавал допускаемый литературной нормой союз *cum*. Стимулом к интерпретации адресатом (читателем) конкретного содержания связи, существующей между разными частями высказывания, является конъюнктив в придаточном предложении – своего рода символ авторской характеристики содержания этой связи. Конкретное содержание того или иного рода связи определяется на основе общей картины мира в сознании обоих участников коммуникации (автора и читателя), о чем свидетельствуют, в частности, приведенные выше союзы с конкретными обстоятельственными значениями: *Haec cum dixisset, risus omnium cum hilaritate coortus est* (Nep. 15, 8, 5) – *cum historicum* («когда...»); *Cum solitudo et vita sine amicis insidiarum et metus plena sit, ratio ipsa monet amicitias comparare* (Cic. Fin. 1, 20, 66) –

cum causale («так как...»); *Nihil prohibet, cum omnia amicis dicamus esse communia, aliquid amico donari* (Sen. Benef. 7, 12, 1) – *cum concessivum* («хотя...»).

Обстоятельственные значения оказывается возможным выделить и у союза *ut*, но это случается нечасто, и обычно в текстах архаического периода (Плавт). В нормативных грамматиках *чаще* указывается на иное употребление этого союза – в значениях, отображающих виртуальное положение дел (*ut obiectivum, ut finale, ut consecutivum, ut explicativum*). Как и в случае с союзом *cum*, для подтверждения возможности вариативной интерпретации союза *ut* необходимо наличие объективных языковых свидетельств, позволяющих говорить о выделении рассматриваемых значений в латиноязычной картине мира.

В отличие от ситуации с союзом *cum*, для союза *ut* синонимов – союзов с аналогичными конкретными значениями – в текстах классического периода не отмечается. Использование конъюнктива в придаточных предложениях, присоединяемых к главной части союзом *ut*, свидетельствует о присутствии в семантике этих придаточных предложений общего признака субъективности, но не является основанием для дальнейшей детализации значений союза *ut*.

В поисках объективного критерия, подтверждающего, что носители латинского языка выделяли логические отношения, отмечаемые в нормативных грамматиках в качестве значений союза *ut*, обратимся к семантике управляющих предикатов в главной части высказывания. Семантический анализ таких предикатов проведен в нормативных грамматиках лишь отчасти, будучи сводимым – при указании некоторых значений союза *ut* – к простому перечислению глагольных лексем (при *ut explicativum*), если только он просто не привлекает внимания (при *ut finale*). Иногда в качестве дифференцирующего признака указывается на присутствие в главной части сложного предложения частиц-индикаторов *sic, ita, tam...* (при *ut consecutivum*).

Для характеристики управляющих предикатов на единой методической основе необходимо выполнить их последовательное семантическое описание. Наша попытка такого описания приводится ниже.

Наибольшей содержательной конкретности в грамматиках достигает описание предикатов, вводящих придаточные предложения с помощью союза *ut*, охарактеризованного как *ut*

obiectivum – это *verba studii et voluntatis*: Moneo te, *ut cum viris bonis, iucundis, amantibus tui vivas* (Cic. Fam. 9, 24, 3).

Для следующей группы предикатов, управляющих придаточными предложениями с помощью союза, именуемого *ut finale*, но никак не охарактеризованных в семантическом ракурсе, мы предлагаем следующее определение: все они обозначают *целенаправленное действие* или *осознанность поведения*: Longiore mora opus est, *ut solvas quaestionem, quam ut proponas* (Sen. Ep. 48, 1).

Содержание придаточного предложения при *ut consecutivum* указывает на возможный или реальный результат действия субъекта главной части высказывания, информация о котором нередко носит общий характер (*perficit...*). Назовем эти действия *результативно ориентированными*. В главной части сложного предложения часто присутствуют уточняющие частицы *ita, sic, tam...*, стимулирующие ожидание дальнейшего развития событий в придаточном предложении: Numquam imperator *ita* paci credit, *ut non se praepararet bello* (Sen. Vita 26, 2).

В последнюю группу включены предикаты, присоединяющие придаточные предложения с помощью союза *ut explicativum*. Семантика этих предикатов лишена конкретности. Их назначение – охарактеризовать положение дел, на которое указывается при их посредстве, в параметрах реальности – виртуальности – казуальности (*est – fit – accidit...*). Предлагаем именовать эти предикаты *идентификаторами*: Fieri potest, *ut errem* (Cic. Fin. 1, 33).

Выполненная нами на семантическом основании систематизация предикатов, управляющих придаточными предложениями посредством союза *ut*, подтверждает правомерность принятых семантических характеристик союза. В то же время она подчеркивает отсутствие оснований для противопоставления этих значений друг другу. Во всех рассмотренных случаях отношение содержания придаточных предложений к содержанию главной их части можно охарактеризовать как *дополнительность*.

Необходимо, однако, упомянуть об одном формальном признаке, отличающем семантическую группу *verba voluntatis* от всех других рассмотренных предикатов – это возможность употребления при них (и даже регулярность – при *volo, iubeo...*) синтаксического «синонима» придаточных предложений с союзом *ut* – оборота *accusativus cum infinitivo*: Caesar noluit eum locum, unde Helvetii discesserant, vacare (Caes. B. G. 1, 28, 4).

Употребление инфинитивного оборота после названных предикатов указывает на наличие у них обязательной синтаксической и семантической валентности «объект желания» (выражение желания без указания на его объект бессмысленно).

Прочие семантические группы предикатов, присоединяющих придаточные предложения с помощью союза *ut*, выстраиваются в нисходящую шкалу по степени обязательности их связи с конкретным объектом: осознанное, целенаправленное действие (*ut finale*) – потенциальная результативность (*ut consecutivum*) – констатация возможного развития событий (*ut explicativum*).

Присутствие субъективного компонента в семантике придаточных определительных предложений также отмечено употреблением в их составе глагола-сказуемого в формах конъюнктива. Анализ модального содержания таких предложений обычно осуществляется путем интуитивных рассуждений. Между тем возможно и объективное описание, и оно основывается на последовательном рассмотрении языковых фактов.

Формальным экспонентом семантической связи придаточных определительных предложений с главной частью сложного синтаксического целого является относительное местоимение *qui, quae, quod*, с помощью которого указывается на их структурную функцию – присоединение в развернутой форме информации о субъекте или объекте действия, описанного в главной части высказывания. Использованием конъюнктива в придаточном предложении автор указывает на субъективный характер интерпретации его содержания.

Базируясь на универсальном характере логических зависимостей, естественно предположить, что авторская интерпретация содержания придаточных определительных предложений осуществлялась по тем же параметрам, какие использовались в высказываниях, когда логическая зависимость между его частями составляла основу их связи, передаваемой союзами *ut* и *cum*. Анализ текстов подтверждает это: *Clusini legatos Romam, qui auxilium ab senatu peterent, miserē* (Liv. 5, 35, 4) ~ *ut finale*; *Non is sum, qui mortis periculo terrear* (Caes. B. G. 5, 30, 2) ~ *ut consecutivum*; *Actio maluimus iter facere pedibus, qui incommodissime navigassemus* (Cic. Att. 5, 9, 1) ~ *cum causale*; *Egomet, qui sero ac leviter Graecas litteras attigissem, tamen, cum Athenas venissem, complures tum ibi dies commoratus* (Cic. De or. 1, 82) ~ *cum concessivum*.

Заметим, что в придаточных определительных предложениях с предикатом – глаголом в формах конъюнктива, реализуются не все значения, выделяемые в придаточных предложениях, присоединяемых к главному союзами *ut* и *cum*. Отсутствию ряда значений существует объяснение. Доминирование в структуре придаточного определительного предложения функции определения субъекта или объекта в главной части исключает структурную возможность и семантическую потребность реализации – ввиду очевидности данного субъекта или объекта – функции дополнения (как это бывает при *ut obiectivum*). То же можно сказать и о функции пояснения (ср. *ut explicativum*). Что касается нереализуемости в придаточном определительном предложении функции временной характеристики (ср. *cum historicum*), то, как известно, она не реализуется и в высказывании-«прототипе». В придаточном предложении, присоединяемом союзом, трактуемым в грамматиках как *cum historicum*, использование конъюнктива мотивировано не временным соотношением описываемых событий, а установлением между ними причинно-следственной зависимости (ср. семантическую близость придаточных предложений, присоединяемых союзами *cum historicum* и *cum causale*). На возможность же реализации в рамках придаточного определительного предложения причинной мотивации мы указали выше.

Проведенный семантико-структурный анализ сложных предложений, придаточная часть которых присоединена к главной посредством союзов *cum*, *ut* и относительного местоимения *qui*, *quae*, *quod*, а предикат-сказуемое представлен формами конъюнктива, позволяет охарактеризовать данные синтаксические операторы как знаки-символы – коммуникативно исчерпывающие, семантически вариативные и обладающие потенциалом широкого применения. Эти качества обусловили предпочтительное использование данных знаков-символов в литературном латинском языке классического периода, поскольку они обеспечивали строгий и одновременно емкий стиль изложения, гармонизировавший с официальными жанрами, характерными для древнеримской литературы этого времени.

Якобсон приводит высказывание Пирса (Якобсон 1983: 116–117): «Бытие символа состоит в том реальном факте, что нечто определенно будет воспринято, если будут удовлетворены некоторые условия, а именно если символ окажет влияние на мысль и поведение его интерпретатора... Ценность символа в том, что

он служит для придания рациональности мысли и поведению и позволяет нам предсказывать будущее». В знаках-символах проявляется творческая способность (*enérgeia*) языка: «Общее правило... это потенциальность; и его способ существования – *esse in futuro*».

Литература

Якобсон 1983 – Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика / Общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга. С. 102–117.

M. A. Tariverdieva. Symbols in Latin syntax

The paper is dedicated to the research of polysemantic operators (symbols) in Latin syntax. Extensive communicative capacity and semantic plenitude ensured their priority in the standard written Latin as conforming to the official genres and the severe style of Latin literature in the classical age.

Т. Ф. Теперик

ПОЭТИКА АВТОРСКИХ ОБРАЩЕНИЙ В «ФАРСАЛИИ» ЛУКАНА

Резюме: В статье рассматриваются различные аспекты приёма авторского обращения в «Фарсалии». Тесно связанное с риторической традицией, обращение у Лукана становится полифункциональным приёмом, во-первых, позволяющим замедлить ход эпического изложения путем введения в монологический текст диалогического, во-вторых, усилить драматизм эпической поэтики введением микросюжета с контрастным содержанием, в-третьих, продемонстрировать авторское отношение к герою. Таким образом, обращение становится многоплановым художественным средством, способным решать самые различные художественные задачи в контексте поэтики «нового стиля».

Ключевые слова: Lucan, poetics, addressing, dramaticism.

Поэма Лукана – одно из наиболее ярких проявлений «нового стиля» – литературного направления, оппозиционного по отношению к августовскому классицизму (Аверинцев 1989: 23), где гармонию сменило напряжение, культ крайностей заменил культ меры, а эстетика ужасного – эстетику прекрасного. Очевидно, что эта полемика не могла не затронуть традиционных эпических средств, но не вполне ясно, в какой мере она коснулась авторских обращений, которых в «Фарсалии», заметим, около ста. Будучи одной из форм авторского присутствия, обращения, безусловно, связаны со стилевыми тенденциями «нового стиля», в первую очередь, – с его риторической доминантой (Morford 1987: 14). Однако риторика – по нашему мнению, лишь средство, но не цель приёма, состоящего во введении в повествовательный текст иного дискурса. Кроме того, смысл риторических приёмов не всегда состоит в увеличении авторского присутствия, хотя оно и представлено в «Фарсалии» весьма разнообразно (Альбрехт 2004 : 1000). Это может быть и вопрос, и призыв, и восклицание, и недоумение, и возмущение, причем, далеко не во всех случаях требующее конкретного адресата. Иными словами, всякое авторское обращение к герою является формой проявления авторского присутствия, но не всякое авторское присутствие в тексте является обращением, хотя в сравнении с другими эпическими авторами Лукан действительно чрезвычайно активно вмешивается в своё повест-

вание (Петровский 1993: 288). Именно частые обращения автора как к своим героям, так и к различным мифологическим и географическим реалиям, а также разного рода отступления от сюжета свидетельствуют, как это традиционно считается, о сильной лирической струе, удаляя жанр «Фарсалии» от чистой эпики и приближая его к лиро-эпике (Альбрехт 2004: 1006).

И поскольку авторские «интервенции» в текст в виде прямых обращений не избирательный приём, они касаются практически всех персонажей¹, логично рассмотреть поэтику обращения как художественного средства в целом, так как при всех различиях на содержательном уровне есть и общий компонент, заключающийся в одинаковых грамматических изменениях, где третье лицо, константа нарративного текста, изменяется на второе.

Как известно, смена лица может быть семантически значимой: при изменении второго единственного на первое множественное (как мы себя чувствуем? Как наши дела?) происходит интимизация высказывания, в отличие, например, от смены второго лица на третье, где соотношение грамматического и понятийного имеет иной смысл (мой господин знает) (Есперсен 2006: 248). Иными словами, смена лица в нарративном дискурсе – приём, цели которого меняются в зависимости от задач. Он может придавать высказыванию эмоциональную окраску, а может маркировать социальные приоритеты, наделять высказывание психологическим содержанием, и т. д. (Есперсен 2006: 254) Кроме того, в естественном языке это может выполнять одни функции, а в языке литературы – иные, соответственно в разных жанрах обладать и различными смыслами. Например, в «Записках» Юлия Цезаря замена первого лица на третье преследует цели, связанные с общей установкой на объективизацию жанра мемуарного повествования, в то время как в трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» цели данного приёма заключаются в выражения высокой самооценки (Есперсен 2006: 25).

Таким образом, если сменой лица со второго на третье коммуникативная дистанция удлиняется, то сменой, наоборот, с

¹ Помпей, Брут, Антоний, Кассий, Цезарь, Корнелия, Птолемей, Аппий, Сцева, Лентул, Домиций, Сципион, Курион – трудно найти героя поэмы, к которому автор не обратился бы с каким-то призывом, возмущенным вопросом, сожалением, осуждением, ободрением, утешением, и т. д.

третьего на второе она сокращается, и грамматические изменения с «говорю о нём» на «говорю о тебе» позволяют не только субъективировать повествование, но и сфокусироваться на качествах персонажа, наиболее важных для конкретного момента действия. Что лукановские обращения – не вторичный, но один из важнейших художественных приемов, следует из того, что наибольшее число их приходится на долю не второстепенных, (каких в «Фарсалии» немало), но именно главных героев: Помпея и Цезаря, причём на долю Помпея, которому автор симпатизирует, больше, чем Цезаря. И хотя количество обращений в отдельных книгах колеблется, (от пяти-шести до пятнадцати-шестнадцати), во второй половине поэмы их больше. Возможно, потому, что динамика действия во второй части поэмы ускоряется, там изображена битва при Фарсале, сражение войска Катона со стихией пустыни, там описывается и гибель Помпея, и прибытие в Египет Цезаря, а также начало александрийской войны.

Следует учесть, что обращения – не исключительно авторский приём, им пользуются и персонажи в своих речах. Однако у автора гораздо больше, а, главное, функция их совершенно иная. В речи героя, по природе диалогичной, обращенной не в пространство, а к какому-то другому герою, функция обращения отличается от авторского, в первую очередь, тем, что обращение к третьему герою (как правило, отсутствующему или умершему), меняет адресата. Как, например, в речи Корнелии, обращённой к сыну Помпея, где она, вспоминая о муже, прибегает ко второму лицу (IX, 100–106). Традиционный эпический приём, имевший место еще в речах гомеровских героев, причем не только главных, интегрирован у Лукана в систему средств новой поэтики², где значимым является то, что в с помощью обращения адресат не меняется, он появляется, тем самым, появляются и новые смыслы. В некоторых случаях, правда, краткие обращения, без предикативности, могут быть чисто декламационными, как правило, тогда, когда речь идет о разного рода реалиях, но не о персонажах, авторские обращения к которым, количественно варьируясь, с функциональной стороны представляют собой явление достаточно однородное.

² Так, Эвриклея, обращаясь к отсутствующему, как она думает, Одиссею, выражает всего в нескольких словах всю глубину своего отношения к нему (Od. XIX, 364–365).

Поэтому в тех частях поэмы, где либо много речей самих героев, либо много описаний военных будней, вроде перехода через Альпы, осады Массилии, различных религиозных обрядов, и т. д., и авторских обращений оказывается меньше. То есть меньше их там, где либо, из-за обилия речей героев мало авторского текста, либо там, где, хотя авторского текста и много, ключевых событий изображается мало. Там же, где сконцентрированы наиболее серьёзные для развития и кульминации поэмы действия, и авторских обращений оказывается больше.

Например, когда Цезарь после Фарсальской битвы запрещает хоронить погибших противников, и сидя на холме, любуется видом фарсальской равнины, усеянной непогребенными трупами, то автор своим обращением дает его приказу свою оценку: «Что тебе злоба дает? Не все ли едино – истлеют или сгорят мертвецы?»³ (809–810), и здесь реализуется семантика авторского отношения к герою. Когда герой находится в диалоге с другим героем, автор в этот диалог вступить не может, но при отсутствии такого диалога в случае необходимости он вмешивается, часто – с помощью обращений, функция которых определена не только риторикой, но и чисто художественными задачами. Прежде всего, связанными с образом персонажа, так как те или иные действия и поступки героев детерминированы, по Лукану, не только судьбой, но и определёнными чертами человеческого характера. Поэтому они, хотя и различны по содержанию и отнесены к разным героям, включены в различные, иногда прямо противоположные ситуации, в художественном смысле обращения подчинены общей цели. В предшествующем Лукану эпосе доля этого приёма, во-первых, была меньше, во-вторых, обращения были ситуативными, не столь тесно связанными с главными героями. В «Илиаде», например, это были Патрокл и Менелай, но не Гектор и не Ахилл. В «Аргонавтике» обращений гораздо больше, но адресат их (то ли читатель, то ли литературный собрат) неизвестен, поскольку номинация отсутствует. У Лукана же именно номинация – один из постоянных элементов авторского обращения. Другой общей чертой является место в композиции, так как, различаясь содержательно, обращения обладают определённым сходством: весьма часто

³ Здесь и далее перевод Л. Остроумова.

начало или конец книги, а иногда и начало, и конец обращениями маркируются. Еще одна общая функция обращений, при всем их разнообразии заключается в изложении иного взгляда на излагаемые события. Иного, разумеется, в сравнении с нарративным текстом, как, например, при описании сновидения Помпея, где автор предлагает не одну, а три возможные интерпретации этого сновидения (VII, 19–24). И если содержание этих толкований подвергнуто в научной литературе тщательному анализу, то форма их принимается во внимание реже, как, например, тот факт, что одна из этих интерпретаций (не случайно, именно та, что считается наиболее убедительной – *seu vetito patrias ultra tibi cernere sedes // sic Romam Fortuna dedit*, V II, 24), отступает от нарративного дискурса, по форме являясь именно авторским обращением. Таким образом, между толкованием сновидения и формой этого толкования существует определенная связь, поскольку интерпретация обращения вступает в противоречие с интерпретациями повествовательного дискурса. Такого же рода противоречие можно наблюдать и в других случаях, как, например, в сцене гибели Куриона, которую автор завершает негативной характеристикой этого героя: «*emere omnes, hic vendidit urbem*», «все они Рим покупали, а он его продал» (IV, 824). Как правило, в первую очередь обращают внимание на краткость и афористичность данного высказывания, но интересно, что когда автор говорит о Курионе в позитивном смысле, он переходит на второе лицо: «жизни достойной твоей воздаем мы, о юноша, славу. Рим не возвращал никогда гражданина тебя даровитей, кто бы вернее закон соблюдал, когда праву был верен» (IV, 811). Такого рода противоречия объясняются тем, что в обращении часто происходит расширение времени – либо в прошлое, как в ситуации с Курионом, либо в будущее, (как с Помпеем), поскольку тема времени для исторического эпоса, как показано в исследованиях последнего времени, далеко не вторична (Шумилин 2011: 26–27). Но история в «Фарсалии» тесно соединена с «новым стилем», поэтому мотив времени в поэтике обращения оказывается связанным с другим мотивом «нового стиля» – танатологическим, так как обращение возникает по большей части либо в момент гибели героя, либо в момент его действий по отношению к тому, кто гибнет от его руки, как, например, в сцене с Цезарем после фарсальского сражения, когда он с наслаждением смотрит на погибших, что вызывает у автора крайне негативные эмоции. И

даже тогда, когда Цезарь покидает поле битвы, танатологическая семантика авторских обращений не уменьшается («Ты же, кто мстишь племенам, их всех погребенья лишая, // Что ж ты от мёртвых бежишь?»):

*Sed tibi tabentes populi Pharsalica rura
Eripiunt camposque tenent victore fugato* (VII, 824–825).

Тем самым обращение подчеркивает, что поле битвы не осталось за победителем, и ценность победы этим не увеличивается, а умаляется.

Когда же Цезарь, увидев поднесённую египтянами голову Помпея, проливает слезы (в искренности которых никто из античных историков не сомневался), то у Лукана эта сцена вызывает глубокие сомнения, что акцентируется, в первую очередь, авторским обращением: «Какое б тебя побужденье не заставляло рыдать – оно чуждо высокому чувству» – *quisquis te flere coegit // impetus a vera longe pietate recessit* (IX, 1055–1056).

И совершенно иначе звучит обращение автора к Помпею после фарсальского поражения: «Хоть и в изгнанье пойдешь ты, один, в неизвестные страны, Хоть и претерпишь нужду, пред фаросским тираном склонившись, Верь во всевышних, поверь в благосклонность долгую судеб: было бы хуже тебе победить» – *vincere reius erat!* (VII, 795) Утешая своего героя тем, что военное поражение лучше морального, и не в виде нейтральной сентенции, а в виде прямой речи, обращенной к персонажу, меня тем самым и дискурс, автор меняет этим и точку зрения на события, давая им не только политическую оценку, но и нравственную. И поскольку герой знать об этой авторской точке зрения не может, то предназначена она, конечно, для читателя, имеющего возможность благодаря обращениям сравнить различные трактовки одних и тех же событий. События эти связаны с политической историей Рима, отношение к которым власти и различных слоёв римского общества было различным, поэтому Лукан, представляя точку зрения альтернативную официальной, стремится в то же время избежать односторонности и тенденциозности.

Поэтому диалогичность его стиля – явление не только формальное, но и содержательное, обращения различаются своей нравственной оценкой, то, что обращено к Цезарю, невозможно отнести к Помпею, и наоборот. Еще один важный компонент обращений заключается в том, что в них речь идет о качествах,

важных не только для судеб, но и характеров героев «Фарсалии», то есть они касаются действий и поступков, затрагивающих внутренний мир персонажей. Как средство поэтики, таким образом, обращения являются тем, что современная наука о литературе определяет как косвенные формы психологизма: Цезарь выиграл сражение, но то, что он делает после него, превращает его из победителя в побежденного, потому что он оказывается в плену мести и собственных страстей. А Помпей проиграл, но нравственно он оказывается выше Цезаря. Курион делал много недостойного, венцом чего стало то, что он, по Лукану, «продал Рим» но смерть его была в высшей степени достойной. Цезарь плачет при виде головы Помпея, но автор ему не верит. Тем, что об этом говорится не в третьем лице, а во втором, усиливается не эпическое начало, и не лиризм, а усиливается модус драматизма, поскольку противоречия в действиях и реакциях героев – важная составляющая часть их характеров. Речь в данном случае идет не об амбивалентности или о неоднозначности художественного образа, а о его полноте и, тем самым, о реалистичности. Авторскими обращениями характеристика героя углубляется и расширяется, герой – не носитель какой-либо одной страсти, одной идеи, одно качество может соединяться в нём с прямо противоположным, выигрышные ситуации могут вскрыть его отрицательные черты, а проигрышные – наоборот. Постоянные риторические обращения свидетельствуют, таким образом, не о тенденциозности, не об однообразии, но о более сложном, более глубоком мироощущении автора исторического эпоса, где традиционное средство эпической поэтики становится одним из средств поэтики психологизма, которая психологизма представлена в «Фарсалии» и другими формами, например, такими, как внутренний монолог Помпея перед смертью (VIII, 621–634), или описание поведения воинов Цезаря (I, 257–261). Но невербальное было в эпосе и до Лукана, например, у Вергилия, однако не в этом пункте автор «Фарсалии» пытался превзойти автора «Энеиды», не здесь он с ним соревновался и полемизировал. Главным образом – в самой возможности субъективировать эпос, внося туда сильное личное начало, резко усилив роль авторского присутствия в тексте, не только в комментировании событий, но и в подчеркивании характера в образах тех, кто участвовал в этих событиях, как правило, – посредством многочисленных авторских обращений. Но этим художественная роль обращений не исчерпывается.

Потому что, когда автор, повествуя о своём герое в третьем лице, неожиданно переходит на второе, то это прерывание нарративного потока создаёт определённое напряжение, так как эта непредсказуемость не только композиционная, но и содержательная. С одной стороны, в изложении событий наступает композиционная пауза, с другой – происходит смена точек зрения, смена дискурса – приём, разрушающий монотонность эпического повествования⁴ и создающий определенное напряжение, которое, как известно, как раз и является одной из главных черт поэтики «нового стиля». Но напряжение может создаваться и иными средствами, особой структурой, мотивикой, образностью. Для нашей темы важно, что это происходит и с помощью авторских обращений, которые, таким образом, являются приёмом полифункциональным, способным решить не одну, а сразу несколько художественных задач. Во-первых, это один из способов проявления авторского отношения к герою. Во-вторых, это прием композиционный, позволяющий замедлить ход эпического изложения посредством введения в монологический текст диалогического. В-третьих, это – прием стилевой, поскольку та характеристика, которая дается путем обращения, вступает в противоречие с характеристикой нарративного текста, в конфликт с ним, чем запускается собственно модус драматизма. И хотя в эпической поэтике «нового стиля», как и в поэтике эллинистического барокко, сосуществовали элементы различных жанров, в маньеризме Лукана, более позднем явлении (Burch 1973: 49) стилевая доминанта этого сосуществования становится иной, происходит не соединение приёмов, а совмещение их функций, один и тот же приём выполняет функции, свойственные художественным средствам различных жанров. Лирическое и драматическое соединяются в обращении таким образом, что это позволяет автору, с одной стороны, высказать свою точку зрения на характеры и события, с другой – показать их с различных, иногда прямо противоположных сторон. Следовательно, благодаря увеличению форм проявления авторского присутствия в поэме о гражданской войне больше в ней стало – не автора. Больше, как мы стремились показать стало – героя.

⁴ С этой точки зрения функция обращений, аналогична той, что в «Аргонатике» выполняли экскурсы.

Литература

- Аверинцев 1989 – Аверинцев С. С. Внешнее и внутреннее в поэзии Вергилия // Поэтика древнеримской литературы. М., 1989. С. 22–53.
- Альбрехт 2004 – Альбрехт М. ф. Лукан // Альбрехт М. ф. История римской литературы от Андроника до Боэция и её влияние на позднейшие эпохи. Пер. с нем. А. И. Любжина. Т. II. М., 2004. С. 997–1017.
- Есперсен 2006 – Есперсен О. Понятийное и грамматическое лицо // Есперсен О. Философия грамматики. М., 2006.
- Петровский 1993 – Петровский Ф. А. Марк Анней Лукан и его поэма о гражданской войне. // Марк Анней Лукан. Фарсалия или поэма о гражданской войне. Пер. Л. Е. Остроумова. М., 1993. С. 251–301.
- Теперик 2011 – Теперик Т. Ф. Римский эпос в оценках западноевропейских классицистов: Лукан. // Романские языки и культуры от античности до современности. М., 2011. С. 324–332.
- Шумилин 2011 – Шумилин М. В. Тема времени в «Фарсалии» Лукана: историко-культурный контекст и литературная интерпретация. Автореф. канд. дисс. М., 2011.
- Lucan 2009 – M. Annaei Lucani. De bello civili libri X. Ed. D.R. Shackleton Balley. Berolini, 2009.
- Burch 1973 – Burch E. Vom romischen Manierismus. Von der Dichtung der frühen römischen Kaiserzeit. Darmstadt, 1973.
- Morford – 1987. Morford M. P. O. The poet Lucan. Studies in Rhetorical Epic. Oxford, 1967.

T. F. Teperik. Author's addressing poetics in Lucan's «Farsalias»

The paper discusses different aspects of author's addressing devices used in “Farsalias”. Lucan's addressing devices, closely connected with the rhetorical tradition, acquire multifunctional character and serve to: 1) slow down the epic narration by introducing dialogue into monologue texts, 2) enhance the dramaticism of epic poetics by introducing microplots with contrasting content, and 3) demonstrate the author's attitude to the hero. So, the author's addressing becomes a multilevel artistic tool to achieve various artistic tasks in the “The New Style” poetics context.

Т. В. Топорова

О ВАРИАЦИЯХ МИФА О МЁДЕ ПОЭЗИИ В «СТАРШЕЙ ЭДДЕ»

Резюме: Опьяняющий напиток в «Старшей» и «Младшей Эддах» обозначают 7 лексем (др.-исл. *míodr, hunang, heidr, lögr, veig, Kvasir, Óð-rærir*); в качестве денотата выступает прозрачная, блестящая жидкость, отождествляемая с большой долей вероятности с мёдом. Опьяняющий напиток функционирует в составе сюжетной схемы, объединяющей следующие микромотивы: *влага – персонифицированная влага – жертвоприношение соответствующего мифологического персонажа – его превращение в опьяняющий напиток – познание.*

В задачи настоящей статьи входит анализ различных обозначений опьяняющего напитка на материале древнеисландского эпоса – «Старшей Эдды». Исследуемый семантический комплекс включает три страты – *космогоническую*, имеющую отношение к мифу творения, *номинативную* (обозначения напитка) и *эпистемиологическую*, апеллирующую к сфере познания. Опьяняющий напиток функционирует в составе сюжетной схемы, объединяющей микромотивы *влага – персонифицированная влага – жертвоприношение соответствующего мифологического персонажа – его превращение в опьяняющий напиток – познание.*

Ключевые слова: древнеисландский эпос, номинация, контекстуальный анализ, семантическая реконструкция, мифопоэтическая модель мира, миф творения, эпистемиология.

Как известно, «в большинстве религиозно-мифологических и ритуальных традиций *опьяняющий напиток* является важным атрибутом мифологических персонажей и средством достижения особого сакрально отмеченного состояния» (Мифы народов мира 1982: 256). Представления об опьяняющем напитке реализуются в знаменитом древнеисландском мифе *о мёде поэзии*, детальному изложению которого посвящён один из разделов «Младшей Эдды». Вкратце его содержание сводится к тому, что в знак перемирия между двумя группами богов – асами и ванами – в чаше была смешана слюна, из которой сделали мудрого Квасира, впоследствии убитого карликами Фьяларом и Галаром. Кровь Квасира была смешана с мёдом, и так появился опьяняющий напиток, дарующий высшие знания и поэтическое вдохновение, оказавшийся в собственности великана Суттунга и охраняемый его дочерью Гуннлёд в скале,

из которой его удаётся похитить верховному богу скандинавского пантеона Одину¹.

В задачи настоящей статьи входит анализ различных обозначений опьяняющего напитка, изучение контекстов, в которых прослеживается их связь с эпистемиологической сферой, и обобщение полученных результатов, в частности, реконструкция сюжетной схемы соответствующего мифа, а также установление их индоевропейских параллелей, если это окажется возможным. Таким образом, главная цель исследования заключается в выделении семантического комплекса *опьяняющий напиток* – *познание* на материале древнеисландского эпоса – «Старшей Эдды», сохранившейся до наших дней в составе рукописей конца XIII – начала XIV вв. и включающей песни мифологического и героического содержания, в течение длительного периода функционирующие в устной традиции.

В конституировании рассматриваемого нами семантического комплекса, объединяющего три страты – *космогоническую*, имеющую отношение к мифу творения (а), *номинативную* (обозначения напитка (б)) и *эпистемиологическую*, апеллирующую к сфере познания (в), – принимают участие следующие лексемы:

1) мёд (др.-исл. *mioðr*)

а) *Heiðrún heitir geit, er stendr höllo á Heriaföðrs / oc bítr af Læráðs limom; / scapker fylla hon scal ins scíra mioðar, / knáat sú veig vanaz* (Grm. 25) ‘Хейдрун коза, на Вальхалле стоя, ест Лерад листву; / мёд сверкающий в чан она цедит, тот напиток не иссякнет’;

б) *Hér stendr Baldri of brugginn mioðr, scírar veigar* (Bdr. 7) ‘Мёд здесь стоит, он сварен для Бальдра, / светлый напиток’;

в) ‘мёд Мимира’²: *alt veit ec, Óðinn, hvar þú auga falt: / í inom tæra Mímis brunn. / Dreccr mioð Mímir morgin hverian / af veði Valföðrs* (Vsp. 28) ‘Знаю я, Один, где глаз твой спрятан: / скрыт он в источнике славном Мимира! / Каждое утро пьет мёд / с залога владыки’; ... *þar er Mímisbrunnr, er spekð ok manvit er í folgit, ok heitir sá Mímir, er á brunninn; hann er fullr af vísendum, fyrir því at hann drekkur ór brunninum a horninu Gjallahorni. Þar kom Alföðr ok beiddisk eins drykkjar af brunninum, en hann fekk*

¹ Подробную интерпретацию см.: Мифы народов мира 1982: 127–128.

² Верховный бог Один отдаёт в залог свой глаз и получает доступ к медовому источнику Мимира, в котором скрыты знания.

eigi, fyrr er hann lagði auga sítt at veði (SnE 14) ‘... там источник Мимира, в котором сокрыты знания и мудрость. Мимиром зовут владельца этого источника. Он исполнен мудрости, оттого что пьет воду этого источника из рога Гьяллярхорн. Пришел туда раз Всеотец [Один] и попросил дать ему напиток из источника, но не получил он ни капли, пока не отдал в залог свой глаз’. Данный фрагмент «Младшей Эдды» не оставляет сомнений в том, что мудрость Мимира черпается из *источника*, отождествляемого с первопространством – Мировой бездной, и состоит в причастности *prima materia* с момента ее возникновения, замещения Мировой Бездны начиная с *illo tempore*, сакрального прецедента преобразования хаоса в космос, фиксации и сохранении всех событий, происходящих в космизированной вселенной, то есть *памяти*³ обо всем случившемся.

‘мёд & руны’: *Allar vóro af scafnar, þær er vóro á ristnar, / oc hverfðar við inn helga mioð, / oc sendar á víða vega* (Sd. 18) ‘Руны резные все соскоблили, / с мёдом священным смешав, / разослали’;

‘мёд поэзии’: *Gunnlöð mér um gaf gullnom stóli á / drycc ins dýra miaðar* (Háv. 105) ‘Гуннлед меня угостила мёдом / на троне из золота’ [слова Одина]; *oc ec drycc of gat ins dýra miaðar, / ausinn Óðreri. / Þá nam ec frøvaz oc fróðr vera ... / orð mér af orði orðz leitaði* (Háv. 140–141) ‘мёду отведал великолепно, / что в Одрерип налит. / Стал созревать я и знания множить ... / слово от слова слово рождало’; ... *þeir blendu hunangi við blóðit, ok varð þar af mjóðr sá, er hverr, er af drekk, verðr skáld eða fróða-maðr* (SnE 83) ‘... и смешали с той кровью мёд, и получилось медовое нитьё, да такое, что всякий, кто ни выпьет, станет скальдом либо ученым’;

2) **hunang**

а) ‘живая вода’, орошающая мировое древо: *Ask veitk ausinn, heitir Yggdrasill, ... þaðan koma döggar ... Sú dög, er þaðan af fellr á jörðina, þat kalla hunangfall, ok þar af föðisk býflugur* (SnE 24) ‘Ясень я знаю по имени Иггдрасиль, / древо, омытое влагой

³Ср. семантическую мотивировку имени: др.-исл. *Mímir* представляет собой редупликацию **mi-moro-* ‘память’ < и.-е. **(s)mer-* ‘вспоминать, заботиться’ (ср. др.-англ. *mimorian* ‘вспоминать’, *gi-mimor* ‘известный’, нидерл. *mijmeren* ‘размышлять’, др.-инд. *mimara-*, лат. *memoria* ‘память’, др.-греч. μέμμερος ‘требующий заботы, трудный’ (IEW 969; Vries 1977: 387).

мутной, / ... росы от него на доли нисходят ... Росу, выпадающую при этом на землю, люди называют *медвяной*, и ею кормятся пчелы’;

б) составная часть ‘мёда поэзии’: ... *þeir blendu hunangi við blóðit, ok varð þar af mjöðr sá, er hverr, er af drekk, verðr skáld eða fróða-maðr* (SnE 83) ‘... и смешали с той кровью мёд, и получилось *медовое титьё*, да такое, что всякий, кто ни выпьет, станет скальдом либо ученым’;

3) **heiðr** ‘светлая жидкость’

а-б) *Veit hon Heimdalar hlióð um folgit / undir heiðvönom helgom baðmi; / á sér hon ausaz aurgom forsi / af veði Valföðrs, vitoð ér enn, eða hvat?* (Vsp. 27) ‘Знает она, что Хеймдалля слух / спрятан под священным деревом, привыкшим к *светлому* (светлой жидкости); / видит, что блестящий течет водопад / с залога владыки, — довольно ли вам этого?’;

в) ср. также упоминаемую в Vsp. 22 колдунью Хейд (*Heiði*), идентифицируемую с Гульвейг⁴;

4) **lögr** ‘влага, вода’

а) эсхатологический мотив: *Kiöll ferr austan, koma munu Muspellz // um lög lýðir* (Vsp. 51) ‘Ладья едет с востока, появиться должны Муспелля // через *море* люди’;

б) **hreina-lögr**: *Öl heitir með mönnum, enn með ásom biórr, // kalla veig vanir, // hreinalög iötnar* (Alv. 34) «Пивом люди зовут, а Брагою – асы, ваны – Пьянящим, *Чистой Влагою* – великаны»;

в) *Hugrúnar scaltu kunna, ef þú vilt hveriom vera / geðsvinnari guma; ... // þær um hugði Hroptr, // af þeim legi, er lekið hafði // ór hausi Heiddraupnis // oc ór horni Hoddrofnis* (Sd. 13) ‘Руны мысли познай, если хочешь стать мудрейшим из людей! // Хрофт их измыслил // из *влаги* такой, что некогда вытекла // из мозга Хейддраупнира // и рога Ходдрофнира’;

5) **veig** ‘жидкость’

а) *Heiðrún heitir geit, er stendr höllo á Heriaföðrs / oc bítr af Læráðs limom; / scapker fylla hon scal ins scíra miáðar, / knáat sú veig vanaz* (Grm. 25) ‘Хейдрун коза, на Вальхалле стоя, ест Лерад листву; / мёд сверкающий в чан она цедит, тот *напиток* не иссякнет’; *Hér stendr Baldri of brugginn mjöðr, scírar veigar* (Bdr. 7) ‘Мёд здесь стоит, он сварен для [Бальдра, / светлый *напиток*’;

⁴ Об этом женском мифологическом персонаже см. ниже, др.-исл. *veig*.

б) см. 4б;

в) эпистемиологическая функция, связанная с др.-исл. *Gull-veig*. Этот ономастический композит обычно трактуется как ‘золота сила’, а его обладательница считается символом губительной страсти к золоту, богатству, послужившей причиной раздора между двумя группами богов – асами и ванами. Однако такая интерпретация как имени, так и функции данного мифологического персонажа кажется слишком рационалистической и абсолютно не согласующейся с древнеисландской мифопоэтической моделью мира, чуждой морализации. Если принять другой вариант истолкования имени как *gull* ‘золото’ & *veig* ‘напиток’⁵ то есть ‘золота напиток (имеющая)’, ‘золотой (светлый, блестящий) напиток (имеющая)’, то Гулльвейг можно рассматривать как персонификацию *опьяняющего напитка*, посланного ванами асам ради их искушения, а в случае успешного прохождения испытания их приобщения к космогоническому познанию, в случае же неудачи – гибели и единовластия ванов, более древнего поколения богов. Подобно второму компоненту имени *veig* ‘напиток’ первый *gull* ‘золото’ (< и.-е. **ghel-* ‘блестеть’ (IEW 430)) также имеет непосредственное отношение к интересующей нас теме, репрезентирует мифологему *огня*, указывает на ‘огненность’ духа, прилив жизненных сил как одно из свойств опьяняющего напитка⁶. Светлый, блестящий напиток (*gull-veig*) может быть отождествлен с *медом*, имеющим устойчивые ассоциации с *познанием*. Идентификацию *veig* именно с *мёдом* верифицируют эддические примеры (ср., например, Grm. 25 или Vdr. 7)⁷. Мотив обладания Гулльвейг магическими знаниями актуализируется в упоминании о ее колдовстве в обличье Хейд: *Heiði hana héto, hvars til húsa kom, / völo velspá, vitti hon ganda; / seið hon, hvars hon kunni, seið hon hug leikinn* (Vsp. 22) ‘Хейд ее называли, в домах встречая – / вещей колдуньей, – творила волшбу жезлом колдовским, / умы покорялись ее чародейству’, где анаграммируется обозначение

⁵ О неотделимости значений ‘напиток’ и ‘сила’ и выводимости второго из первого см. (Vries 1977: 651).

⁶ Ср. кодирование и.-е. **ghel-* ‘блестеть’ опьяняющего напитка в других языках, например в рус. *зелье*.

⁷ Если в качестве денотата *veig* выступает не мёд, значение лексемы всегда уточняется при помощи модификатора, ср. др.-исл. *biór-veig* ‘пива напиток’ в Num. 8.

прорицательницы и название эддической песни: др.-исл. *völu-sprá* ‘вельвы пророчество’ (*völo velsprá*). В свете приводимых здесь аргументов сцену пронзания Одином копьём⁸ Гулльвейг⁹, ее троекратного сожжения и возрождения можно объяснить как ритуальные действия, направленные на усвоение магических знаний, воплощаемых опьяняющим напитком. Композиция *Vsp.*, предшествование данного эпизода изложению конфликта между асами и ванами имплицитно указывает истинную причину их противостояния, заключающуюся в соревновании за владение основной космологической ценностью – знанием о прошлом и будущем вселенной.

Сочетание *veig* с понятиями из интеллектуальной сферы не ограничиваются повествованием о Гулльвейг, некоторые примеры фиксируют их взаимное притяжение. Ср., в частности, *Sd. 2 pr.*: *Hon tók þá horn, fult miðar, oc gaf hánom minnisveig* ‘Тогда она взяла рог, полный мёда, и дала ему напиток памяти’; *Dr. 5: Þat var til sætta, at þeir scyldo gipta hánom Guðrúno, oc gáfo henni óminnisveig at drecca, áðr hon iátti at giptaz Atla* ‘Помирились на том, что они должны были отдать ему в жёны Гудрун. Они дали ей выпить напиток забвения, прежде чем она согласилась выйти замуж за Атли’.

б) **Kvasir**, имя мифологического персонажа, персонифицирующего опьяняющий напиток¹⁰

а-в) ... *goðin höfðu ósætt við þat fólk, er vanir heita, ... ok settu grið á þá lönd, at þeir gengu hvárir-tveggju til eins kers ok spýttu í hráka sínum. ... goðin ... vildu eigi láta tynask þat griðamark ok sköpuðu þar ór man; sá heitir Kvasir, hann er svá vitr, at engi spyrr hann þeira hluta, er eigi kann hann órlausn. Ok hann fór víða heim at kenna mönnum fræði, ok þá er hann kom at heimboði til dverga*

⁸ Именно копьё является орудием самозаклания Одина, познающего руны, в *Háv.* 138.

⁹ Ср. соответствующий эддический контекст: *Þat man hon fólcvíg fyrst í heimi, / er Gullveigo geirom studdo / oc í höll Hárs hána brendo; / þrysvar brendo, þrysvar borna, / opt, ósialdan, þó hon enn lifir (Vsp. 21)* ‘Помнит войну она первую в мире: / Гулльвейг погибла, пронзённая копьями, / жгло её пламя в чертоге Одина, / трижды сожгли её, трижды рождённую, / и всё же она доселе живёт’.

¹⁰ Ср. однокорневые н.-исл. *kvasa* ‘обессиливать’, н.-дат. *kvas(s)e* ‘давить, выжимать сок’, англ. *quash*, н.-в.-н. диал. *quatschen* ‘выжимать’, рус. *квас* (Vries 1977: 336).

*nökkura, Fjalars ok Galars, þá kölluðu þeir hann með sér á einmæli ok drápu hann, létu renna blóð hans í tvau ker ok einn ketil, ok heitir sá Óðrærir ... þeir blendu hunangi við blóðit, ok varð zar af mjóðr sá, er hverr, er af drekkur, verðr skáld eða fróða-maðr. Dvergarnir sögðu ásum, at **Kvasir** hefði afnat í manviti, fyrir því at engi var þar svá fróðr, at spyria kynni hann fróðleiks (SnE 83) ‘... боги враждовали с народом, что зовется ванами ... и в знак мира те и другие подошли к чаше и плюнули в нее. ... боги, чтобы не пропал втуне тот знак мира, сотворили из него человека. Он зовется *Квасир*. Он так мудр, что нет вопроса, на который он не мог бы ответить. Он много странствовал по свету и учил людей мудрости. И однажды, когда он пришел в гости к неким карлам, Фьялару и Галару, они позвали его как будто затем, чтобы поговорить с глазу на глаз, и убили. А кровь его слили в две чаши и котёл, что зовется Одрёрир ... и смешали с той кровью мёд, и получилось медовое питье, да такое, что всякий, кто ни выпьет, станет скальдом либо ученым. Асам же карлы сказали, будто *Квасир* захлебнулся в мудрости, ибо не было человека столь мудрого, чтобы мог выпросить у него всю мудрость’. Образ Квасира как воплощения напитка, приготовленного из измельченных частей растения, смешанных с забродившей слюной, трактуемый как жертва, приносимая карликами ради обладания мудростью, можно считать вариантом аграрного мифа, центральной темой которого является умерщвление бога растительности и его воскресение, сопровождающееся увеличением плодородия¹¹;*

7) **Óð-rærir**, название мёда поэзии и метонимически сосуда, в котором он хранится < др.-исл. *óðr* ‘безумие, ярость, дух’ & др.-исл. *hræra* ‘двигать’, букв. ‘приводящий дух в движение’;

б-в) *oc ec drycc of gat ins dýra miðar, / ausinn Óðreri* (Háv. 140) ‘мёду отведал великолепного, / что в *Одрерир* налит’.

В результате исследования обнаруживается, что в номинации *опьяняющего напитка* в «Старшей» и «Младшей Эддах» принимают участие 7 лексем (др.-исл. *mjóðr, hunang, heiðr, lögr,*

¹¹Точная параллель обнаруживается в древнеиндийском соме, вдохновлявшем певцов, принимавших участие в изготовлении этого напитка, рассматриваемом как ритуальное заклятие бога Сомы (МНМ 1982: 257). Ср. также сюжет о растерзании титанами Загрея, архаичной ипостаси Диониса, бога плодоносящих сил земли, виноградарства и виноделия (МНМ 1980: 380).

veig, *Kvasir*, *Óð-rærir*); в качестве денотата выступает прозрачная, блестящая жидкость, отождествляемая с большой долей вероятности с мёдом. Опьяняющий напиток функционирует в составе сюжетной схемы, объединяющей следующие микромотивы: *влага – персонифицированная влага – жертвоприношение соответствующего мифологического персонажа – его превращение в опьяняющий напиток – познание*. Продемонстрируем наиболее полные варианты реализации данного сюжета в др.-исл. *veig* ‘жидкость’ – др.-исл. *Gull-veig* ‘золотую жидкость имеющая’ – тоекратное сжигание Гулльвейг и её пронзение копьём с последующим возрождением – получение магических знаний (Vsp. 22). В изучаемых нами текстах схема может быть представлена не полностью. Ср., например, др.-исл. **kvas-* ‘жидкость’, реконструированный на основании индоевропейских лексем, восходящих к тому же самому корню и обозначающих опьяняющий напиток (русск. *квас*), – др.-исл. *Kvasir*, мифологический персонаж – умерщвление Квасира – получение опьяняющего напитка в результате смешивания его крови с мёдом – познание (скальд, учёный в SnE 83). Возможны различные модификации рассматриваемой схемы, в частности, пропуск звена *жертвоприношение*. Ср. др.-исл. *heið-* ‘влага’ (< др.-исл. *heiðvönom* (Vsp. 27) ‘привыкшему к влаге’, эпитет мирового дерева) – др.-исл. *Heiðr*, имя колдуньи – магические знания (Vsp. 22). Репрезентированы редуцированные варианты схемы, в которых фигурируют только первое и последнее звенья, например, др.-исл. *hunang* ‘мёд’ – познание (скальд, учёный в SnE 83) или др.-исл. *lögr* ‘влага’ – познание («руны мысли» в Sd. 13). Предельная степень редукции представлена в Háv. 140, где содержится всего один элемент, обозначающий сосуд, в котором находится опьяняющий напиток, и метонимически сам напиток (др.-исл. *Óð-rærir*). Наряду с усечением сюжетной схемы возможны и расширения отдельных звеньев, ср., например, три модификации познания у др.-исл. *miðr* как «мёда Мимира», мёд & руны, «мёд поэзии». Детальный анализ эддического материала позволяет конкретизировать природу познания как *памяти* – сопричастности *gríma material* («мёд Мимира»), *рунической магии* и *поэтического искусства*. Нельзя не обратить внимания и ещё на одно весьма значимое явление, а именно на взаимное притяжение обозначений опьяняющего напитка, их функционирование в одном и том же контексте. Ср. аттракцию *heiðr – miðr* (Grm.

23), *Heiðr – veig* (Vsp. 22), *Kvasir – Óð-rærir* (SnE 83), *miðr – veig* (Bdr. 7), свидетельствующую либо об их восприятии как синонимов в рамках эддической модели мира, либо как о неотъемлемых компонентах определённого мифа¹².

Сокращения

Alv.	Alvíssmál	‘Речи Альвиса’
Bdr.	Baldrs draumar	‘Сны Бальдра’
Dr.	Dráp Niflunga	Убийство Нифлунгов
Grm.	Grímnismál	‘Речи Гримнира’
Háv.	Hávamál	‘Речи Высокого’
Нум.	Нумисквиða	«Песнь о Хюмире»
Sd.	Sigrdrífomál	‘Речи Сигдривы’
SnE	Edda Snorra Sturlusonar	‘Младшая Эдда’
Vsp.	Völuspá	‘Прорицание вёльвы’

Источники

Тексты цитируются по следующим изданиям:

Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Hrsg. von Gustav Neckel. I. Text. Vierte, umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn. Heidelberg, 1962.

Snorri Sturluson. Edda. Udg. af Finnur Jónsson. København, 1900.

Переводы текстов цитируются по следующим изданиям:

Младшая Эдда. Изд. подготовили О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. М., 1970.

Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. Перевод А. И. Корсуна. Редакция, вступительная статья и комментарии М. И. Стеблин-Каменского. М.; Л., 1963.

Словари

Мифы народов мира (МНМ). Энциклопедия. Гл. ред. С.А. Токарев. М., изд. «Советская энциклопедия». Т. 1, А – И, 1980; т. 2, К – Я, 1982.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch (IEW). Bern, München 1959. 2 Bde.

Vries J. de. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Leiden, 1977.

¹² Это относится к др.-исл. *Kvasir – Óð-rærir* (SnE 83).

T. V. Toporova. On the variations of the Myth about Mead of Poetry in the Elder Edda

The present article undertakes an analysis of different denotations of inebriant drinks in the Old Icelandic epos *Elder Edda*. The corresponding semantic complex includes three strata: a cosmogonic layer linked to the creation myth; a nominative layer (denotation of the drink); and an epistemological layer that appeals to the domain of knowledge. The inebriant drink appears in a subject scheme that brings together the micromotifs of moisture – personified moisture – sacrifice of the corresponding mythological figure – its transformation into an inebriant drink – knowledge.

В. В. Файер

ПРОБЛЕМА ГОМЕРОВСКОЙ ВУЛЬГАТЫ И АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Резюме. Гомеровская вульгата (большинство гомеровских рукописей) – это скорее проблема, чем очевидная реальность. Текст вульгаты зависит от того, на какие рукописи опирается текстолог: на все доступные, включая поздние, как в издании «Илиады» Т. Аллена (1930 г.), или на важнейшие и наиболее древние, как в издании «Илиады» М. Уэста (2000 г.). Среди различий этих вульгат особенно интересны примеры, когда чтение Аристарха Самофракийского в одном случае оказывается вариантом большинства, в другом – меньшинства рукописей.

Ключевые слова: Греческая текстология, Гомер, Илиада, схолии, Аристарх Самофракийский.

«Илиада» и, в меньшей степени, «Одиссея» отличаются от других произведений древнегреческой литературы богатством рукописной традиции в самые разные эпохи. Эта особенность – не просто количественный фактор; она сыграла большую роль в истории текста гомеровских поэм. Рукописи большинства греческих текстов могли сопоставляться между собой в гораздо меньшей степени просто потому, что редко могли оказаться рядом¹. Изобилие экземпляров «Илиады» и «Одиссеи» чаще обычного допускало возможность такой сверки, что приводило к многочисленным случаям «горизонтального переноса» чтений при сопоставлении далеких по своему происхождению манускриптов. При этом одним из источников чтений были схолии, богатые разнообразными вариантами. Благодаря этим обстоятельствам рукописи «Илиады» и «Одиссеи» чрезвычайно трудно объединить в стемму². Не случайно и библеистический термин «вульгата» был принят текстологами для обозначения совокупности чтений большинства гомеровских рукописей.

¹ Разумеется, речь не идет о сверке «близкородственных» рукописей: например, оригинала и копии на последнем этапе производства последней.

² В трехтомном издании «Илиады» Т. Аллена (Allen 1930) группы рукописей вообще не выделяются. Не играют они существенной роли и в издании М. Л. Уэста (West 2000).

Ясно однако, что понятие «чтение большинства» зависит от того, к какому набору рукописей обращается текстолог. Так, Т. Аллен опирается в своем издании 1930 г. на почти 200 средневековых рукописей «Илиады» (не считая папирусов), а М. Уэст – только на 16³, привлекая другие лишь sporadically (они объединены сиглом «гг» – *recentiores*). Более того, Уэст использует знак «Ω», который традиционно указывает на большинство или на все рукописи издаваемого текста («*omnes*»), для обозначения согласия всего 11 рукописей из этих 16. На первый взгляд может показаться, что уменьшение количества используемых рукописей – это шаг назад по сравнению с титаническим трудом Аллена. Однако принцип *eliminatio codicum descriptorum* в ситуации, когда вопрос со стеммой неочевиден, а горизонтальный перенос чтений нередок, снижает значение поздних рукописей в целом. Стремление издателя привлекать поздние рукописи только при наличии нетривиальных чтений, которые не могут быть объяснены ошибками традиции, выглядит оправданным⁴. Как пишет об этом сам М. Уэст, «пожалуй, небольшая выборка древнейших рукописей создает достаточную базу для *recensio* и содержит практически все античные варианты, которые попали в средневековую традицию» (West 2001: 38).

Таким образом, «Ω» Уэста и «*vulg.*» Аллена отсылают к совершенно различным совокупностям текстов. Какая реальность стоит за каждой из этих интерпретаций вульгаты? Не ставит ли множественность этих интерпретаций под угрозу само понятие «большинство гомеровских рукописей»?

По-настоящему полное и аргументированное решение проблемы вульгаты, как мне представляется, сравнимо по масштабности с изданием гомеровских поэм и не может быть задачей этой статьи. Однако можно попытаться дать ответ на другой, более частный, вопрос: как в двух названных изданиях отражается соотношение чтений Аристарха Самофракийского с большинством рукописей «Илиады»?

Этот вопрос связан с проблемой, которой была посвящена моя недавняя статья (Файер 2011): насколько достоверны сведе-

³ К ним добавляются две фрагментарные рукописи (IX и XI вв.), а также манускрипт IX в., содержащий леммы и схолии D.

⁴ Не будем также забывать и о том, что обращение к такому огромному количеству рукописей не может не приводить к разного рода ошибкам, неточностям и непоследовательностям в самом издании.

ния Т. Аллена о несовпадении большинства чтений Аристарха с вульгатой? Его подсчеты (Allen 1930: I 199–200) свидетельствуют о том, что александрийские филологи не оказали существенного влияния на чтения гомеровских рукописей. При этом большинство ученых согласны с утверждением, что стандартизация гомеровских папирусов во II в. до н. э. связана с деятельностью Аристарха⁵. Не претендуя на решение этого парадокса, я попытался показать, что число чтений, совпадающих с вульгатой, в статистике Аллена занижено и составляет не 20–25%, а 40% и даже более. Если же опираться на указания в аппарате Уэста (который содержит много гипотетических сведений о чтениях Аристарха), то доля совпадающих вариантов⁶ заметно превысит половину. Таким образом, подсчеты выявляют проблематичность выводов Аллена; существует, как мы увидим, и проблема соотношения чтений большинства рукописей с вариантом Аристарха.

Рассмотрим три примера из XIII книги «Илиады», приводя чтение схолиев по (Erbse 1988):

1. τὴν βάλεν ἦ ρ' ἔχε τόξον ἐϋξοον· ἐν δ' ἄρα τόξῳ (13.594)

Scholium: < ἦ > μετὰ τοῦ ι αἰ Ἀριστάρχου

В аппарате Аллена указывается всего 14 рукописей, содержащих чтение ἦ, т. о., большинство манускриптов дают несовпадающий вариант. Однако из этих 14 многие входят в список Уэста, и Аристарх оказывается согласен с большинством из этого списка («Ω*»). Уэст не корректирует аппарат Аллена⁷, но соотношение варианта александрийца с рукописной традицией у двух издателей получается прямо противоположным.

⁵ См., например, (Lamberton 1997: 44): «Хотя время формирования вульгаты более-менее очевидно из-за исчезновения большинства “диких” стихов в папирусах и цитатах после II в. н. э., детали этого процесса неясны. Можно было бы предположить, что Аристарх оказал решающее влияние, но текст вульгаты ему не принадлежит». См. тж. (West 1988: 47).

⁶ Здесь и далее для краткости чтения Аристарха, аналогичные вульгате, будут называться просто «совпадающими», а отличные от нее – «несовпадающими».

⁷ В примерах, приводимых ниже, аппарат Аллена и Уэста иногда отличается чтениями отдельных рукописей. Эти случаи далее специально не оговариваются, так как не имеют существенного значения для данной темы.

В схолиях к еще одному стиху сохранились чтения Аристарха и его предшественника Аристофана Византийского:

2. οὐ γάρ σφι σταδίη ὑσμίνη μίμνε φίλον κῆρ (13.713)
Scholium: οὕτως Ἀρίσταρχος χωρὶς τοῦ ν <σφι.> Ἀριστοφάνης δὲ σὺν τῷ ν.

По Аллену Аристарху принадлежит несовпадающее чтение, а Аристофану – совпадающее. Уэст, напротив, трактует вариант последнего как соответствующий лишь меньшинству. Действительно, из его 11 рукописей только 4 (и еще одна в виде исправления) дают вариант Аристофана, тем более, что три из этих четырех (В, С и Е) составляют одну семью. Итак, в данном случае оба издателя также демонстрируют различия в трактовке вульгаты и, как следствие, в интерпретации чтения Аристарха.

Обратный случай наблюдаем через несколько десятков стихов:

3. ἡμεῖς δ' ἐμμεμαῶτες ἅμ' ἐψόμεθ' οὐδέ τί φημι (13.785)
Scholium: οὕτως Ἀρίσταρχος, ἄλλοι δὲ δὲ μεμαῶτες.

Здесь, в отличие от двух предыдущих примеров, по Уэсту Аристарх согласен с меньшинством рукописей (3 из 11), а по Аллену – с подавляющим большинством.

Приведу теперь в виде таблицы случаи из второй половины «Илиады», когда между Алленом и Уэстом наблюдаются разногласия в указанном выше отношении.

Таблица 1. Разногласия Т. Аллена и М. Уэста по поводу совпадающих/несовпадающих вариантов Аристарха (книги XIII–XXIV).

№	Стих	Вариант Аристарха	Другой вариант	Совпадение с вульгатой	
				Аллен	Уэст
1.	13.594	ῆ	ῆ	–	+
2.	13.713	σφι	σφιν	–	+
3.	13.785	δ' ἐμμεμαῶτες	δὲ μεμαῶτες	+	–
4.	15.31	ἀπολήξης	ἀπολλήξης	+	–
5.	15.72	παύω	παύσω	–	+
6.	15.82	εἶην	εἶη	–	+
7.	15.741	μειλιχίη	μειλιχίη	–	+
8.	16.261	ἔχοντας	ἶχοντες	+	–
9.	16.430	κεκλήγοντες	κεκληγότες ⁸	–	+

⁸ Это чтение представлено только в 3 рукописях Уэста, а Аллен помечает его как вариант вульгаты. Имеется и еще одно чтение

10.	16.636	τ'	–	–	+
11.	17.20	παρδάλιος	πορδάλιος	+	–
12.	17.681	ἴδοιτο	ἴδουντο и ἴδοιο	–	+
13.	20.84 ⁹	ὑπίσχεο	ὑπέσχεο	–	+
14.	20.138	ἄρχωσι	ἄρχησι	–	+
15.	21.172	μεσσοπαλές	μεσσοπαγές	–	+
16.	21.573	παρδάλιος	πορδάλιος	+	–

Итак, обобщая данные таблицы, можно сказать, что противоречия в интерпретации вульгаты¹⁰ разными издателями «Илиады» приводят к тому, что одни и те же чтения александрийца трактуются как совпадающие или несовпадающие. При этом есть отчетливая тенденция: Аристарх в трактовке Аллена значительно реже соглашается с вульгатой, чем в трактовке Уэста. Иными словами, небольшой набор древнейших рукописей ближе к версии александрийца, чем совокупность из почти двух сотен более поздних рукописей.

Интересна еще одна деталь: в некоторых книгах второй половины «Илиады» рассматриваемые случаи отсутствуют вовсе, в других же мы находим сразу несколько примеров. Не могу представить доказательств, но у меня сложилось впечатление, что причина тому – неравномерное распределение сохранившихся вариантов Аристарха по тексту «Илиады». Если это впечатление верно, то возможны два объяснения: либо филолог в неодинаковой степени интересовался различными частями поэмы, либо до нас не дошли какие-то разделы его труда. Если так, то тщательное исследование схолиев могло бы помочь локализовать эти лакуны.

Случай 10 из Таблицы 1 заслуживает отдельного внимания. В аппарате к этому стиху Аллен и Уэст по-разному понимают, какое чтение принадлежало Аристарху. В схолиях ad loc.

κεκλήγηθε, которое также принадлежит Аристарху, но в рукописях не встречается.

⁹ В схолиях отсутствует прямое указание на Аристарха, но оба исследователя сходятся в атрибуции этого чтения.

¹⁰ В некоторых случаях эксплицитное «vulg.» в аппарате Аллена отсутствует. Тогда я руководствуюсь принципом умолчания: считаю перечисленные рукописи носителями чтения X, а все неназванные – альтернативного ему чтения Y. Возможно, что в некоторых случаях мнения Аллена и Уэста на самом деле совпадают, а умолчания старшего из издателей вводят в заблуждение. Но я строго руководствуюсь тем, что напечатано.

читаем: ἄμεινον εἶχε φησὶν ὁ Ἀρίσταρχος εἰ ἐγέγραπτο βοῶν εὐποιητάων ἔξω τοῦ τέ συνδέσμου. Согласно Аллену, чтение без союза принадлежит Аристарху; Уэст трактует указание схолиев иначе (мне эта интерпретация кажется предпочтительной). Он полагает, что александриец, имея в рукописи вариант с τέ, не стремится исправить его, а предлагает возможный (лучший с его точки зрения) конъектуральный вариант. Таким образом, чтение с союзом оказывается в рукописи Аристарха, а чтение без τέ – остается на полях его комментария (ср. Ar = «coniect Aristarchus», как пишет Уэст). С одной стороны, можно связать эту трактовку с гипотезой Г. ван Тилья о параллельных местах (van Thiel 1992; см. однако критику в: Schmidt 1997). Г. ван Тиль полагает, что многие варианты александрийских филологов на самом деле являются не разночтениями, а разного рода заметками, не претендующими на исправление текста.

С другой стороны, можно предложить следующее рассуждение. Как известно, александрийские филологи различали две операции: исключение какой-либо строки из текста и атетеза (ср.: Ζηνόδοτος οὐδὲ γράφει Ἀριστοφάνης ἀθετεῖ – Sch. ad 16.237). В последнем случае выражалось сомнение в подлинности (уместности) данного стиха, но он сохранялся в тексте, причем атетеза не мешала одновременно предлагать к тексту какие-либо исправления. Таким образом, на уровне вертикальных вариантов¹¹ мы находим два типа разночтений: так сказать, обязательные и необязательные. Возможно, такое же разделение существовало и у горизонтальных вариантов, причем из-за отсутствия ясной терминологии (наподобие οὐδὲ γράφει – ἀθετεῖ) и сложности традиции эти два типа часто трудно различить. Не исключено, что обсуждаемый случай как раз и является примером необязательного горизонтального чтения.

Итак, 16 чтений Аристарха, принадлежащих второй половине «Илиады», в изданиях Аллена и Уэста интерпретируются по-разному. Каков же удельный вес этих примеров среди общего числа вариантов? В моей статье (Файер 2011) этот вопрос затрагивался на примере начальных книг «Илиады»; рассмотрим теперь вторую половину поэмы.

¹¹ Вертикальными чтениями называют варианты, затрагивающих количество стихов, горизонтальными – чтения, не выходящие за пределы строки.

В Таблице 2 приводится количество чтений Аристарха по аппарату изданий Аллена (1930 г.) и Уэста. Они сравниваются с данными схолиев, в которых эксплицитно упоминается разночтение Аристарха. Например, если схолий гласит Ἰακῶς φάρμακα πάσσειν (5.900), он не учитывается в моих подсчетах, а аналогичный случай с упоминанием имени филолога: Ἄρισταρχος Ἰακῶς αὐτίς δῶκε (21.84), рассматривается. Разумеется, в схолиях часто встречаются противоречия и неточности. Легко показать, что некоторые упоминания Аристарха явно ошибочны, а в других случаях, наоборот, имя александрийца следует конъектурально восстановить. Однако, чтобы достичь ясности в нашем запутанном случае, такой строго формальный подход необходим.

Данные по изданию Уэста и схолиям я собрал самостоятельно; подсчеты Аллена даются по (Allen 1930: I 199–200). Эти последние в оригинале представлены в виде таблицы с заголовками столбцов: «Все рукописи», «Большинство», «Около половины», «Меньшинство», «Несколько», «Ни одной». Цифры в первом столбце показывают количество тех чтений Аристарха, которые распространены в традиции повсеместно, а в последнем – тех, которые известны нам только из схолиев и не встречаются в рукописях. Классификация Аллена неудобна из-за излишней подробности: мы сравниваем два издания с принципиально разным набором рукописей. Поэтому я объединил данные Аллена в макрогруппы: «Более половины» (I), «менее половины» (II) и «около половины» (III). Аналогично я распределил подсчеты по изданию Уэста, причем в третью группу включены не только случаи (очень немногочисленные), когда неясно, следует ли считать вариант совпадающим, но и двойные чтения Аристарха. Нередко одно из его чтений совпадает с вульгатой, а второе – нет (например, διχῶς Ἄρισταρχος δεδεγμένα καὶ δεδεχμένα – Sch. ad 23.73). В ячейку «схолии» столбца III я также включил те 16 случаев, которые рассматривались выше; при желании читатель сможет сам внести необходимую поправку.

Таблица 2. Чтения Аристарха в 13–24 книгах «Илиады»: совпадающие (I), несовпадающие (II) и трудные случаи (III).

	I	II	III	Всего
Аллен	118	246	29	393
Уэст	516	296	33	846
Схолии	159	212	41	412

Можно видеть, что Уэст насчитывает вдвое больше чтений, чем Аллен и я. Это происходит за счет гипотетических вариантов, которые приписываются Аристарху по аналогии¹². Итак, получается, что, согласно М. Уэсту, совпадающие чтения Аристарха составляют примерно 60%. Если мы согласимся с этим, нам, возможно, придется пересмотреть представления о незначительном влиянии александрийских филологов на большинство рукописей.

Статистика Т. Аллена обратная: 63% чтений Аристарха не совпадают с вульгатой. При этом общее их число очень близко с моими результатами подсчета по схолиям (в пределах погрешности метода калькуляции¹³), но у Аллена совпадающих вариантов примерно на 40 меньше, а несовпадающих примерно на столько же больше. «Лишние» варианты в столбце II легко объясняются конъектурами Аллена (которыми он пользуется гораздо реже, чем Уэст). Мое исследование показало, что некоторую группу случаев Аллен игнорирует. Приведу несколько примеров из одной книги «Илиады»; все они представляют собой совпадающие чтения Аристарха и должны были бы увеличить число чтений в столбце I.

Таблица 3. Игнорируемые Т. Алленом чтения Аристарха из XVI книги.

Стих	Схолии
129	<ἀγείρω> ὁμοίως τῷ ἀγερῶ... οὕτως δὲ καὶ Ἀρίσταρχος.
185	<ἀκάκητα> Ἀρίσταρχος προπαροξύνει.
324	<ἄχρις> ἄραξε· Ἀρίσταρχος ὡς μέχρις ἀνεγίνωσκε παρὸ καὶ ἐγένετο.
415	<Ἀμφοτερόν> εἰς διαστολὴν τὸ κύριον ὀξύτόνως ἀνέγνω ὁ Ἀρίσταρχος ὡς δεξιτερόν.
483	<οὔρεσι τέκτονες> Ἀρίσταρχος κατ' ἰδίαν τὸ οὔρεσι καὶ τὸ τέκτονες. Νικίας δὲ συνθέτως ἀνέγνω.
508	<ἄϊοντι> ὡς λέγοντι. οὕτως Ἀρίσταρχος.
542	<εἶρυτο> Ἀρίσταρχος τρίτην ἀπὸ τέλους τὴν ὀξεῖαν ποιεῖ ὑγιῶς πάνυ.

¹² Кроме того, нередко в схолиях негативно упоминается какой-либо вариант, отсутствующий в рукописях. Часто можно предположить, что в этих случаях Аристарх согласен с вульгатой.

¹³ Достаточно сказать, что иногда вариант, затрагивающий два слова, можно считать одним или двумя различиями.

Итак, во всех этих случаях, относящихся только к одной (правда, самой богатой в этом отношении) XVI книге, аппарат изданий Аллена игнорирует чтения Аристарха и, надо думать, именно подобные случаи не учитываются статистикой исследователя. Всё это – «тривиальные» варианты, относящиеся или к ударению (*πρῶτοροξύνει*), или к словоразделу (*οὐρεσι τέκτορες* вместо *οὐρεσιτέκτορες*), противостоящие какому-то эксцентричному разночтению. Эти примеры не показались Аллену полноценными элементами александрийской критики текста, которые следует учитывать. Таким образом, мы имеем дело не со случайностью, не с ошибками Аллена, а с некоторыми принципиальными установками, которые влияют на статистику. Мне эти установки кажутся спорными.

С другой стороны, я не считаю все гипотетические чтения Уэста подлинными вариантами Аристарха. Однако трудно отрицать, что сохраненные схолиями варианты Зенодота были известны Аристарху и обычно критиковались им (если прямо не сказано иное). Поэтому нередко можно с большой уверенностью восстановить чтение Аристарха как противоположное Зенодоту и согласное с вульгатой. Если согласиться с этим тезисом, мы получаем целую серию гипотетических совпадающих вариантов Аристарха. Этот факт и другие данные, изложенные выше, ставят под сомнение тезис об отсутствии связи между деятельностью александрийцев и рукописной традицией.

«Никому, по-моему, – пишет Грегори Надь, – пока не удалось удачно опровергнуть наблюдение Т. У. Аллена, что издательские наставления Аристарха не оказали почти никакого воздействия на гомеровский текст, сохраненный средневековой рукописной традицией «вульгаты» (Nagy 1996: 97)». Представляется, что приведенные выше рассуждения уже не позволяют принять выводы Аллена. Однако, опровергнув это мнение, мы не можем считать доказанным, что Аристарх значительно воздействовал на рукописную традицию. Похоже, исследование этой проблемы пока не приводит нас к очевидным решениям.

Литература

- Файер 2011 – Файер В. В. Варианты Аристарха в издании «Илиады» // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XV. С. 545–554
- Allen 1930 – Allen T. W. *Homeri Ilias*. Vol. I–III. Oxford, 1930.
- Erbse 1988 – *Scholia Graeca in Homeri Iliadem*, rec. H. Erbse. Vol. I–VII. Berlin, 1969–88.

- Finkelberg 2006 – Finkelberg M. Regional Texts and the Circulation of Books: the Case of Homer // Greek, Roman, and Byzantine Studies 46. 2006. P. 231–248.
- Lamberton 1997 – Lamberton R. Homer in Antiquity // I. Morris and B. Powell (eds.), A New Companion to Homer. Leiden, 1997. P. 33–54.
- Nagy 1996 – Nagy G. Homeric questions. Austin, 1996.
- Schmidt 1997 – Schmidt M. *Variae Lectiones* oder Parallelstellen: Was notierten Zenodot und Aristarch zu Homer? // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik 115, 1997. S. 1–12.
- van Thiel 1992 – van Thiel H. Zenodot, Aristarch und andere // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik 90, 1992. S. 1–32.
- West 1988 – West S., The transmission or the text // A Commentary to a Homer's Odyssey, edd. A. Heubeck, S. West, and J. B. Hainsworth. Vol. I. Oxford, 1988. P. 33–50.
- West 2000 – West M. L. *Homeri Ilias*. Vol. 1. Stuttgartiae-Lipsiae, 1998. Vol. 2. Monachii-Lipsiae, 2000.
- West 2001 – West M. L. *Geschichte des Textes // Homers Ilias*. Gesamtkommentar (Basler Kommentar / BK). Hg. von Joachim Latacz. Prolegomena. B.; NY., 2001.

V. V. Fayer. The Problem of Homeric Vulgate and the Alexandrian textology

The Homeric vulgate (i.e. the majority of the existing manuscript readings) represents rather a problem than a solution. The vulgate text depends on the sample of the manuscripts used, i.e. whether the textualist relies on all available manuscripts, including later manuscripts as in *Illiad* published by T. Allen in 1930, or only on the most important and the earliest manuscripts such as those published in 2000 by M. West. The most interesting differences between these vultgates are examples where the readings of Aristarchus of Samothrace coincide with the majority of manuscripts in one instance, and only with a minority of manuscripts, in other instances. The problems of the Homeric vulgate and of its relations to Aristarchean edition(s) remain unsolved and need further investigation.

А. И. Фалилеев

MISCELLANEA CELTO-BALCANICA¹

Резюме. В статье рассматриваются данные кельтского присутствия на Балканах в античную эпоху. В первой части работы анализируются кельтские (и псевдо-кельтские) антропонимы, известные по латинским надписям территорий, некогда занимаемых яподами (Босния и Хорватия). Вторая часть посвящена междисциплинарному анализу кельтского присутствия на территории современной Албании. В третьей части анализируется надпись CIL III, 13975 (Хорватия).

Ключевые слова: кельты на Балканах, галльский язык, ономастика, эпиграфика, палеобалканистика; Celtic Balkans, Gaulish, personal names, toponymy, epigraphy, Paleobalkan languages.

I. Japodo-Celtica

Яподы (япиды), по свидетельству авторов античности, обитали в восточной Адриатике на территории современной центральной Хорватии и Боснии и Герцеговины к северу от либурнов и истров в ареале, ограниченном реками Colapis (ныне Купа) и Oineo (ныне Уна). Горная возвышенность Mons Baebius (Велебит) отделяла их от живущих на берегу Адриатического моря либурнов. Имеется ряд косвенных свидетельств и о том, что яподы могли находиться за пределами обозначенной территории. Предыстория яподов остается невыясненной (ср. Olujić 1999: 59). Античные же источники называют яподов иллирийцами, кельтами и смешанным кельто-иллирийским народом. Соответственно, эти этнические атрибуции мы находим и в трудах историков XIX–XX века. В более поздних работах, посвященных истории данного региона, как мы знаем, происходит существенная переоценка концептуального аппарата исследования, и недавняя статья Д. Джино в принципе ставит под сомнение существование яподов как особого сообщества в до-римские времена (Dzino 2008). Согласно обобщениям Джино, материальная культура яподов сопоставима с памятниками либурнов, истрийцев и венетов, а также обнаруживает

¹ Настоящее исследование выполнено в рамках проекта РГНФ 11-04-00220а.

связи с колапианами. В то же время, современная наука настаивает на том, что яподам свойственны некоторые уникальные археологические черты, и их сочетание делает возможным выделение своеобразной «яподской археологической культуры» с соответствующим центром и периферией. Влияние в регионе латенской археологической культуры, связываемой непосредственно с кельтами, считается ныне достаточно опосредованным: речь идет об отдельных влияниях извне, а не о прямом сосуществовании.

Этнические обобщения авторов древности и причины, их вызвавшие, были в центре внимания исследования Д. Джино и не будут рассмотрены в этой работе. В скобках, впрочем, можно отметить, что упомянутый Страбоном и рассмотренный хорватско-австралийским исследователем вопрос о татуировке яподов можно анализировать и по-другому. Здесь же следует остановиться исключительно на лингвистической составляющей этого вопроса. Как полагает Джино (Dzino 2008: 374), данные палеолингвистики свидетельствуют против кельтского языкового присутствия на территории яподов в античности. При этом исследователь ссылается на известную статью Р. Катичича, опубликованную в 1965 г., которая действительно указывает на то, что в латинских надписях региона в римское время количество кельтских по происхождению имён существенно ограничено. Как представляется, это (в общем верное наблюдение) не имеет прямой связи с установлением языковой ситуации на рассматриваемой территории в доримское время. Что же касается топонимики региона, то она, как и ожидалось, не содержит ни одного географического названия, которое можно было бы безоговорочно признать кельтским.

Антропонимикой, известной по латинским надписям региона, занимались такие известные ученые, как Р. Катичич, Д. Рендич-Миочевич и Г. Алфёльди, и недавно известный хорватский индоевропеист Р. Матасович подвел некоторые предварительные итоги этого направления ономастического исследования. При анализе антропонимики «яподского» ареала Матасович всецело полагается на работы предшественников, и, в принципе, его работа имеет в этой своей части ярко выраженный характер обобщения. Исключением из этого общего правила является его попытка рассмотреть личное имя *Andes* как возможно кельтское. Действительно, оставляя в стороне соображения экстралингвистического характера, это имя непротиво-

речиво возводится к гальск. **ande-*, *ando-* ‘inner, intense’ < и.-е. **n-d^hi* (IEW: 312), так что сходные имена, в том числе и известные по латинским надписям на Балканах, нередко рассматривались как кельтские. Так, Кс. Деламарр полагает, что *Andius* (*Austeri filius*) из надписи, найденной в Призрене (AE 1981, 728), является гальским (Delamarre 2007: 21; ср. Holder I: 147). Впрочем, известно, что значительное количество антропонимов, включенных Деламарром в этот компендиум, кельтскими не являются, и кельтская атрибуция личного имени *Andius* из Косово также является, несомненно, ошибочной. В этой связи следует просто обратить внимание на обширную литературу, посвященную географическому распространению этих имен, а также на посвящение *Deus Andinus*, который признается локальным божеством (ср. Mirdita 2007: 29–30). Об «иллирийском» (в широком смысле этого термина) происхождении теонима и соответствующих антропонимов писал еще в 1885 году сэр Артур Эванс (Evans 1885: 74); в наше время эти личные имена с полным основанием рассматриваются как *nomina sacra*, свойственные этому региону, ср. Mirković 2007: 968. Тем самым, несмотря на возможную кельтскую этимологию антропонима *Andes*, зафиксированного в яподском ареале в римское время, факторы экстралингвистического порядка свидетельствуют скорее в пользу его «иллирийской» лингвистической принадлежности.

Что же касается засвидетельствованных в данном регионе личных имен, которые исследователи уже традиционно рассматривают как кельтские, то сразу следует отметить следующее. К сожалению, надписи римского времени, по крайней мере, не сохранили до наших дней ни одного двусоставного кельтского *resp.* гальского антропонима. Тем самым, в нашем распоряжении имеется группа антропонимов, кельтская лингвистическая атрибуция которых является традиционной, однако по понятным причинам точность этой идентификации можно поставить под сомнение. Эта проблема не прошла незамеченной в исследовании Матасовича, который резонно отвергает принятую Алфёльди и / или Рендич-Миочевичем гипотезу о кельтском происхождении антропонимов *Maxa*, *Silus*, *Sinnus*, *Gratula*, *Ninnia*, *Pusticus* и *Muntanus*. Можно в этой связи отметить, что, согласно Кс. Деламарру, личное имя *Ninnius* является кельтским по происхождению (Delamarre 2007: 141). Этот исследователь предполагает (Delamarre 2003: 235), что оно сопоставимо с

др.-ирл. *nen* ‘служанка’. В этом отношении можно отметить, что в ирл. зафиксировано еще два омонимичных *nen*, а *nen* ‘служанка’, согласно Вандриесу, относится к «детскому» языку. Более того, ареальное распространение этого имени (OPEL III: 102 значительно искажает эту перспективу) с преобладающим числом фиксаций в Италии при практически полном отсутствии в Галлии делает его галльскую атрибуцию еще более проблематичной. Таким образом, антропоним *Ninnia* с территории яподов действительно не является кельтским; следует также отметить, что даже реальность его аттестации может быть поставлена под сомнение.

Матасович видит в личных именах *Ammida*, *Mellito*, *Nonntius* и *Seneca* возможно (а не обязательно) галльские антропонимы, и, хотя он не приводит никакой дополнительной аргументации, с этим подходом трудно не согласиться. Впрочем, последний из приведенных им примеров вряд ли является кельтским, хотя такого же мнения придерживался, к примеру, Г. Алфёльди (Alföldy 1969: 120). Сходно выглядящие имена действительно иногда рассматриваются как кельтские, однако за пределами Галлии и Британии (где имена, образованные от галл. **seno-* ‘старый’, являются наиболее популярными, см. Mullen 2007: 48–9) они, по большей части, таковыми не являются, ср. Falileyev 2007: 124–125 с дальнейшей библиографией. Контекст, в котором это имя встречается (*Sene/ca Ses(tenius?) / Rus(tici) fil(ius) / an(norum) XXXXV / h(ic) s(itus) e(st)*, CIL III, 15081) также не может быть использован в пользу его галльской атрибуции. *Mellito* же действительно допускает кельтскую интерпретацию (ср. галльск. **melid̄dos*, *melissos* ‘приятный’ *vel sim.*, cf. др.-ирл. *milis*, валл. *melys* < **melit-ti-*, см. далее Delamarre 2003: 224 и ср. Delamarre 2007: 131, 227), однако сопоставимые формы на Западных Балканах традиционно рассматриваются как иллирийские (Краэ, Майер, неоднократно Катичич). Более того, контекст надписи, в которой мы это имя находим (CIL III, 10022), ни в коем случае не свидетельствует о возможных «кельтских» связях носителя этого имени. То же можно сказать о личном имени *Ammida* (CIL III, 15089); более того, согласно OPEL I: 49, оно засвидетельствовано только в этой надписи (с амендацией!), и хотя теоретически его можно связать с кельтскими именами на *am-*, в этом, как представляется, нет реальной необходимости. *Nonntius* (recte *Nonntio*) из латинской надписи Боснии и Герцеговины (ILJug 1479A) остается по ряду

причин сложным именем и его кельтская идентификация отнюдь не кажется самоочевидной.

Более уверенно Матасович высказывается в пользу кельтской принадлежности личных имен *Catta*, *Matera*, *Nantia*, *Poia*, *Sicu* и *Vobenna*. Действительно, *Catta* и *Nantia* выглядят как галльские гиперкористики, однако однозначная кельтская интерпретация остальных имен остается проблематичной, тем более что соответствующие латинские надписи не содержат никакой дополнительной информации, способствующей такой идентификации. В любом случае, вопреки мнению Г. Алфёльди (Alföldy 1969: 268, 297 и 330), опирающемуся на труд Хольдера, из этого списка следует исключить антропонимы *Poia*, *Sicu* и *Vobenna*. Личное имя *Matera* действительно рассматривается как кельтское многими исследователями (ср., напр., Delamarre 2007: 128), но возможна его и иноязычная атрибуция, в том числе и венетская (в связи с этим см. известные работы Ю. Унтерманна в рамках теории о венетском присутствии в регионе, отстаиваемой целом рядом ученых). Таким образом, гипотеза о наличии пласта кельтских по происхождению имен на яподских территориях не находит на сегодняшний день своего подтверждения.

II. «Кельтская Албания»?

Название недавно вышедшей брошюры «Кельтская Болгария» (Falileyev, Emilov, Theodossiev 2010) предполагает следующий вопрос: а к каким странам Балканского полуострова (и, шире, восточной Европы) этот эпитет уместно применять? Несмотря на то, что термин «кельтский» в последние десятилетия оказался в центре ожесточенных дискуссий (в частности, в среде археологов), он все равно остается весьма удобным общим названием, объединяющим исследования различных дисциплин, см. Falileyev 2011 с дальнейшей библиографией. Сочетание же прилагательного «кельтский» с современными названиями стран отнюдь не является оксимороном, ср. Falileyev, Emilov, Theodossiev 2010: 3 и сл. Для Восточной Европы в целом комбинация исторических (информация, сохраненная древними авторами) и археологических (La Tène) источников в сочетании с данными топонимики может указывать на анклав физического присутствия носителей кельтских диалектов в древности. В этой связи уместно, скажем, говорить о «кельтской» Румынии (Falileyev 2007) и «кельтской» Польше (ср. библиографию в Фалилеев 2010). В этой заметке планируется рассмот-

реть возможность применения определения «кельтская» к Албании.

В этой связи сразу можно отметить, что известнейший «кельтский поход» III в. до н. э., приведший, помимо прочего, к захвату Дельф, формированию скордисков и «кельтского царства» во Фракии, по сведениям историков древности, лишь косвенно затронул территории современной Албании. Археологические данные, связанные с кельтским присутствием, весьма разрознены и существенно ограничены. Как отмечал Н. Чека в своем удачном обзоре соответствующих археологических памятников (Сека 1999), в Албании их относительно большое скопление было обнаружено в районе совр. г. Подградец близ Охридского озера и в долине реки Шкумбини, берущей своё начало в горах к юго-западу от Охридского озера: вблизи от иллирийского поселения (совр. Белш, на полпути из Эльбасана в Люшню) и в верховьях реки. Понятно, что известный албанский исследователь рассматривает здесь не отдельные случайные находки, а целые (хотя и небольшие) группы артефактов, которые, в свою очередь, оказываются привязанными географически к *Via Egnatia*. Чека также отмечает возможное (но весьма ограниченное) кельтское влияние в нумизматике и резонно полагает, что кельто-иллирийские контакты были достаточно ограничены в этом регионе. Это подразумевает, что в нашем распоряжении не имеется сведений о поселении на этих территориях людей, говорящих на каком-либо диалекте галльского языка, что, между прочим, подтверждается и полным отсутствием топонимов, которые можно хотя бы условно выделить как лингвистически кельтские. Этим Албания существенно отличается от других стран Балканского полуострова, за исключением Черногории, и (в меньшей степени) – от Греции с Македонией.

Римское присутствие на территории современной Албании не принесло с собой – как во многих других странах Балканского полуострова – переселенцев с отчетливо кельтскими именами. Недавно изданный корпус латинских надписей Албании (Anamali, Сека, Deniaux 2009) не содержит ни одного имени или теонима отчетливо кельтского происхождения. Более того, даже носители латинских имен, коих было немало в римское время, скажем, на территории отчетливо «кельтских» Галлии или Норика, известные по надписям этого региона, ни в коем случае не могут быть связаны с «кельтским западом», как, к примеру, в случае с Felix'ом, ассоциируемом с *civis Ambianensis* в Галлии,

известном по надписи III в. из Софии (см. недавно Woods 2006; детали чтения ошибочны). Конечно, ряд личных имен в принципе допускает кельтский подход, как, например *Lartidius* (Anamali, Seka, Deniaux 2009: 163), с учетом того, что антропоним *Lartius* традиционно рассматривается как галльский (ср. Delamarre 2007: 115), а деривационная модель на *-idi-*, как кажется, для кельтского известна. Впрочем, причисление антропонима *Lartius* к кельтским именам, скорее, основывается на экстралингвистических факторах, и представляется предпочтительным вместе с Г. Алфёльди видеть в *Lartidius* италийское имя, ср. Alföldy 1969: 92. Этим примером круг подобных случаев, естественно, не ограничен (ср. здесь, к примеру, еще *Laticira*, Anamali, Seka, Deniaux 2009: 153, также теоретически допускающее кельтское объяснение), и на сегодняшний день позволительно говорить о полном отсутствии данных о кельтах в латинской эпиграфике Албании, что достаточно уникально для Балкан в целом.

Понятно, что находки новых надписей могут изменить это положение, и в этой связи следует отметить, что в настоящее время на территории Республики Албания проводится целый ряд археологических проектов, по большей части – совместных. Пополнение корпуса латинских надписей Албании в этой связи ожидаемо. В скобках же следует отметить, что использование существующего корпуса латинских надписей Албании (Anamali, Seka, Deniaux 2009) должно быть сопряжено с определенной осторожностью. Напомню, что конечной правкой текста книги занималась Э. Денё, которая (по разным причинам) не смогла проверить чтение ряда надписей и, очевидно, не знакома с некоторыми албанскими публикациями. В сентябре 2011 г. мне удалось поработать в ряде эпиграфических собраний Албании, что позволило пересмотреть ряд предложенных в корпусе чтений. Так, надпись 122 из Дурреса публикуется в корпусе как *S(aius) Marius / Probus hic / situs est an/nios XVII* со ссылкой на *AE* 2004, 1324. По непонятным для меня причинам французской исследовательнице была доступна не оригинальная работа Ф. Тартари (Tartari 2004: 54), а французская версия этой книги (Tartari 2004a: 46, на которую ссылается и *AE* 2004, 1324), которая содержит досадные опечатки. Обращение к первоисточнику свидетельствует о том, что последние две строки читаются как *SITVS EST / Q V ann XVII*. Издание другой надписи (инвентарный номер 814 в Археологическом музее Дурреса,

№ 78 Корпуса), L(ucio) Papio L(ucii) l(iberto) / Fortunat[o] / Aug(ustali) perpetuo / biselli(o) ex d(ecurionum) d(ecreto) hono(rato) / [h](oc) templum Miner[vae] / [s]olo ab re p(ublica) dato si [ne.../ ...] / RIAMI [---] AT [...], также нуждается в небольшой правке. Так, вместо *perpetuo* в тексте стоит *perpetio* (аналогично в Praschniker, Schober 1919: 41). Последние строки надписи очень плохо сохранились, но чтение *dato sin* не вызывает сомнений. Надпись из Бутринта (№ 260 Корпуса) легко читается как Pompo[---] / vix(it) [...] / Pompo[...] / vix(it) [...] / tit[...], а последняя строка надписи № 266 (также из Бутринта) содержит NIS L, в этой связи [ann]is L корпуса вызывает вопросы. Ряд других новых чтений латинских надписей, собранных в этом корпусе, представлен, помимо прочего, и в работе Dana 2011.

Греческие надписи региона также содержат личные имена, которые в принципе допускают кельтскую интерпретацию, но кельтскими, скорее всего, не являются. К примеру, антропоним *Cestius*, известный по надписи из Куте (Seka 1987: 95), немедленно напоминает о том, что Кс. Деламапп рассматривал имена *Cestus*, *Cestilia* и *Cesternia* как кельтские (Delamarre 2007: 64 и 216), однако вместе с Альфёльди его следует анализировать как итальянский (Alföldy 1969: 75). В той же надписи содержится уникальное имя *Luconatas* (с долгим [ō]), которое, как отмечал еще Н. Чека (Seka 1987: 72), не является ни греческим, ни латинским. Хотя этот антропоним теоретически можно объяснить как кельтский (ср. *Lucco*, *Luceios*, *Lucios*, Delamarre 2007: 120 и известные галльские композиты с (g)nato-), в этом нет необходимости. Это имя, засвидетельствованное единожды в Албании, скорее, является автохтонным, а антропонимы на *luco-* известны в «иллирийском». Важнейшим исключением является личное имя Γαίζατος, обнаруженное в форме вокатива на надписи из Аполлонии эллинистического времени: в его лингвистической кельтской атрибуции не приходится сомневаться, см. подробно Фалилеев 2009. Носителя этого имени с большой долей уверенности можно рассматривать как наёмника галла. К сожалению, на сегодняшний день этот случай является единственным эпиграфическим свидетельством о присутствии кельтских наёмников, о которых мы знаем из текстов древних писателей, в античных греческих городах современной Албании. Пожалуй, наиболее известным поселением со значительным количеством наёмников галатов в данном регионе является Фойнике; об этом населенном пункте (совр. *Finiq*) см. удачный

обзор в Cabanes 2008: 100–111. Примечательно в этой связи, что Н. Чека связывал указанные выше археологические находки именно с галлами-наёмниками (Сека 1999: 333). К ещё большему сожалению, на этом данные, релевантные для рассмотрения темы «Кельтская Албания», на сегодняшний день заканчиваются.

III. К интерпретации CIL III, 13975 (Хорватия)

Найденная на территории римской Далмации (античный *Tilurium*, см. Sanader 2006) латинская надпись давно и хорошо известна исследователям. Текст её гласит:

P(ublius) Attecius P(ubli) f(ilius) / Venimarus mi/l(es) coh(ortis)
VIII (centuria) At(t)i/li domo Clau(dio) / Viruno an(n)o(rum) /
XXI stip(endiorum) II / M(arcus) Ressius / Brigomar/us h(eres)
ex t(estamento) / p(onendum) c(uravit).

М. Рейболд и П. Симс-Уильямс в работе над своим корпусом кельтских двусоставных имен в латинских надписях Римской империи вполне резонно уделили внимание этому тексту (Raybould, Sims-Williams 2007: 100). Действительно, в нем содержится два композита со вторым компонентом **māro-* ‘большой, великий’: непротиворечиво читающееся имя *Venimarus* и более сложное *Brigomarus*. Британские исследователи полагают, что второй антропоним необходимо читать именно так (следуя CIL), а не как *Bricomarus* (согласно более ранней публикации в AE 1895, 14), исходя из того, что публикация этого тома Корпуса является более поздней. Напомню, что этот текст не содержит ни одной буквы *g*, а с этим имени действительно легко читается. Конечно, случаи чтения *c* как *g* известны; однако, представляется, чтение имени в надписи как *Bricomarus* более надежно (ср. Delamarre 2007: 48). Вероятно, и британские специалисты, и французские исследователи правы, видя в первом компоненте имени галльск. **brīgo-* ‘сила’ *vel sim.* При этом, впрочем, следует учесть и существование галльск. **briccos* (см. о нем Delamarre 2003: 86), который традиционно находят в галльских антропонимах *Briccus*, *Briccius* и т. д.

Два других личных имени, известных под этой надписи, также имеют кельтские ассоциации. *Attecius* уже давно считается кельтским (см. Delamarre 2007: 32, где оно возводится к **ad-tec-*, хотя возможны и иные этимологии, ср. Falileyev 2007: 46–49) и, примечательно, является гапаксом. Что же касается антропонима *Ressius*, то, хотя возможна его и иная лингвис-

тическая атрибуция, в данном случае он несомненно является кельтским (ср. Delamarre 2007: 230). Важнейшей причиной для таких умозаключений является отсылка на место происхождения усопшего – Вирунум в кельтском Норике. Само же географическое название *Virunum* (напр. Plin. *HN* III, 156), совр. Zollfeld в Австрии, также, скорее всего, является кельтским по происхождению: см. в этой связи великолепный обзор в работе Hofeneder 2011: 522–526 и там же изящный комментарий к «этимологии» топонима, сохранившегося в Codex Parisinus Suppl. Gr. 607A.

Сокращения:

AE – L'Année épigraphique;

CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum. Berolini 1863–;

Holder – A. Holder. Alt-celtischer Sprachschatz. B. 1–3. Leipzig, 1896–1910;

IEW – J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Band I. Bern 1959;

OPEL – Onomasticon Provinciarum Europae Latinarum / ed. B. Lőrincz, F. Redő). 4 vls. Wien 1994–2002.

Литература

- Фалилеев 2009 – А. И. Фалилеев. Γαίζατος из Аполлонии: галлы на Балканах и некоторые вопросы кельтского именного словообразования // Индоевропейское языкознание и классическая филология 13. СПб., 2009. С. 516–525.
- Фалилеев 2010 – А. И. Фалилеев. К лингвистической принадлежности этнонима лугии // *Gaudeamus igitur*. Сборник статей к 60-летию А. В. Подосинова. М., 2010. С. 373–380.
- Alföldy 1969 – G. Alföldy. Die Personennamen in der römischen Provinz Dalmatia. Heidelberg, 1969.
- Anamali, Ceka, Deniaux 2009 – S. Anamali, H. Ceka, E. Deniaux. Corpus des inscriptions latines d'Albanie. Rome, 2009.
- Cabanès 2008 – P. Cabanès, ed. Carte archéologique de l'Albanie. Tirana, 2008.
- Ceka 1987 – N. Ceka. Mbishkrime Byline // *Ilyria* 1987. T. 2. P. 49–121.
- Ceka 1999 – N. Ceka. Les Celtes en Illyrie méridionale et en Épire // L'Illyrie méridionale et l'Épire dans l'Antiquité III. Paris 1999. P. 327–333.
- Dana 2011 – D. Dana. Rev. Anamali, Ceka, Deniaux 2009 // L'Antiquité Classique 2011. T. 80. P. 438–440.
- Delamarre 2003 – X. Delamarre. Dictionnaire de la langue gauloise. P., 2003.
- Delamarre 2007 – X. Delamarre. Noms de personnes celtiques dans l'épigraphie classique. Paris, 2007.
- Dzino 2008 – D. Dzino. "The people who are Illyrians and Celts": Strabo and the identities of the 'barbarians' from Illyricum // *Arheološki Vestnik* 2008. V. 59. P. 371–380.
- Evans 1885 – A. Evans. Antiquarian Researches in Illyricum, Parts III. IV // *Archaeologia* 1885. V. 49. P. 1–167.

- Falileyev 2007 – A. Falileyev. Celtic Dacia. Personal names, place-names and ethnic names of Celtic origin in Dacia and Scythia Minor. Aberystwyth, 2007.
- Falileyev 2011 – A. Falileyev. Рец. Kim McCone. The Celtic Question: Modern Constructs and Ancient Realities (Dublin 2008) // CMCS 2011. V. 62. P. 89–92.
- Falileyev, Emilov, Theodossiev 2010 – A. Falileyev, J. Emilov, N. Theodossiev. “Celtic” Bulgaria. A Select Bibliography. St. Petersburg 2010.
- Hofeneder 2011 – A. Hofeneder. Die Religion der Kelten in den antiken literarischen Zeugnissen. Band 3. Wien, 2011.
- Mirdita 2007 – Z. Mirdita. Religija i kultovi Dardanaca i Dardanije u antici. Zagreb, 2007.
- Mirković 2007 – M. Mirković. Anthropology and epigraphy – the case of Central Balkan region // Acta XII Congressus internationalis epigraphiae graecae et latinae. Barcelona, 2007. P. 965–972.
- Mullen 2007 – A. Mullen. Linguistic Evidence for ‘Romanization’: Continuity and Change in Romano-British Onomastics: A Study of the Epigraphic Record with Particular Reference to Bath // Britannia, 2007. V. 38. P. 35–61.
- Olujčić 1999 – B. Olujčić. Ethnie, culture, identité. Problèmes de l’origine des Iapodes et des Leburniens // L’Illyrie méridionale et l’Épire dans l’Antiquité III. Paris, 1999. P. 57–60.
- Praschniker, Schober 1919 – C. Praschniker, A. Schober. Archäologische Forschungen in Albanien und Montenegro. Wien, 1919.
- Raybould, Sims-Williams 2007 – M. E. Raybould, P. Sims-Williams. A Corpus of Latin Inscriptions of the Roman Empire containing Celtic Personal Names. Aberystwyth, 2007.
- Sanader 2006 – M. Sanader. The Roman legionary fortress at Tilurium – state of research // Dalmatia. Research in the Roman Province 1970–2001. Oxford, 2006. P. 59–66.
- Tartari 2004 – F. Tartari. Varreza e shekujve I–IV të erës sonë në Dyrrah. Durrës, 2004.
- Tartari 2004a – F. Tartari. La nécropole du Ier–IVe s. de notre ère à Durrachium. Durrës, 2004.
- Woods 2006 – D. Woods. Flavius Felix and the "Signum" of the Numerus Divitiensium // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik 2006. B. 156. S. 242–244.

A. I. Falileyev. Miscellanea Celto-Balcanica

The article deals with several aspects of Celtic presence in the Balkans in antiquity. The first part of the study is dedicated to the analysis of Celtic (and pseudo-Celtic) names recorded in Latin inscriptions in the area inhabited by the Japydes (modern Bosnia and Croatia). The second is a multidisciplinary survey of the Celticity of the region which is now Albania. The importance of CIL III, 13975 (Croatia) for Celtic studies is discussed in the third part of this paper.

А. В. Филочкина

ОСНОВНЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ГЕРОИНИ В ДРЕВНЕИНДИЙСКОМ ЭПОСЕ

Резюме: Статья посвящена раскрытию основных особенностей формирования образа героини в древнеиндийском эпосе («Махабхарата» и «Рамаяна»). Главные средства изобразительности – эпитет, сравнение и метафора – не только дают эстетическую оценку героине, но и подчеркивают ее морально-нравственные качества. Именно в индийском эпосе употребление средств изобразительности, описывающих нравственно-этические установки героини, диктуется необходимостью выразить те или иные философско-религиозные концепции и идеи, которые не встречаются в других эпосах мира.

Ключевые слова: эпос, средства изобразительности, эпитет, метафора, сравнение, дхарма, pativratā; epos, expressive means, epithet, metaphor, simile, dharma, pativratā.

Эпитет, метафора и сравнение чрезвычайно важны в системе изобразительных средств, используемых для создания женского образа. Индийская традиция, тяготеющая к подробным и красочным описаниям человека и природы, использует их как главные художественные средства. Анализируя средства создания женского образа в древнеиндийском эпосе, необходимо подчеркнуть особую важность употребления эпитетов. Постоянные эпитеты подразделяются на две основные группы: констатирующие характеристики, служащие описанию внешности героини, и оценочные определения морально-этического, эстетического и эмоционального содержания (Невелева 1991: 101). Особого внимания заслуживают цветочные эпитеты: «Отсутствие резкой границы между констатацией признака и оценочностью особенно заметно при рассмотрении цветочных определений, в частности, в случае оппозиционного соотношения между «белым» и «красным»...» (там же: 101). В «Махабхарате» белый – это и цвет атрибутов героя Вибхишаны, и название священной горы Шветы, в то время как красный ассоциируется с богом Шивой, демоном Раваной и со смертью. Содержание цветочных эпитетов в значительной мере осложнено древними мифологическими представлениями. Так, белый цвет, цвет добра, жизни, может стать и символом смерти: вдовы облачаются в белые одежды (в отличие от черных в европейской традиции). Красный цвет

символически присутствует в сюжете оскорбления Драупади, когда ее в пору нечистоты силой тащат в Собрание. О более широком, чем цветное, значении констатирующих определений говорит употребление эпитета *золотой* для описания убранства героини, *шелковый* – для ее одежд. В данном случае эпитеты несут дополнительную семантику: *прекрасные, богатые* одежды и убранство.

Наибольшее количество констатирующих эпитетов носит формульный характер¹ и призвано описывать внешнюю привлекательность эпической героини (Mahābhārata 1999, III; Rāmāyaṇa 1993–1995, I, V). По закону эпической стилистики, наибольшее количество синонимов, как правило, группируется вокруг самых важных понятий²: 1) облик героини: *прекрасная/ красавица* – bhāminī, śubhā, śobhanā, suśobhanā, sundarī, atisundarī (*прекраснейшая*), lokasundarī (*признанная миром красавица*), darśanīyā, manorāmā (*привлекательная*), priyadarśanā (*приятная обликом*), rūpavatī, sukumārī, cārudarśanā (*очаровательная*), śrīmatī (*наделенная достоинствами Шри*), bhānumatī (*ослепительная*), atīva-rūpasamprannā (*наделенная необыкновенной красотой*); *смуглая* – śyāmā; 2) *лицо*: *лунолика* – sandramukhī, *с лицом, похожим на полную луну* – pūrṇasandranibhānanā; *яснолика* – śubhānanā, rucirānanā; *с прекрасными зубами* – sudatī; *прекраснобровая* – subhrū; 3) *глаза*: *лотосокая* – kamalalocanā, kamalekṣaṇā, śatapatrāyatekṣaṇā, rājīvalocanā (*с глазами, подобными голубому лотосу*); *большеокая* – viśālākṣī, suviśālanetrā (*с огромными глазами*); *с широкими глазами* – vipulekṣaṇā, pṛthulalocanā, pṛthulekṣaṇā; *с продолговатыми глазами* – āyatalocanā, āyatekṣaṇā, cārupadmapatrāyatekṣaṇā (*с глазами продолговатыми, как лепестки прекрасного лотоса*); *прекрасноокая* – vāmalocanā, sulocanā; *ясноокая* – rucirāpāṅgī; *черноокая* – asitekṣaṇā; *с глазами молодой лани* – mṛgaśāvākṣī; 4) *улыбку*: (*дева*) *со светлой/*

¹ П. А. Гринцер выделяет следующие формулы в «Махабхарате» и «Рамаяне»: атрибутивные, повествовательные (или нарративные), вспомогательные, формулы прямой речи, формулы-сравнения и формулы-сентенции (Гринцер 1975: 159). Перечисленные далее эпитеты относятся к атрибутивным формулам.

² Большая часть этих понятий представляет собой опорные слова, с помощью которых формируются *синонимические формулы*. В данном списке это такие слова, как locana, īkṣana, akṣa ‘глаз’, smita ‘улыбка’, ānana ‘лицо’, aṅgin ‘имеющий тело’, śroṇi, ūru ‘бедро’, payodhara ‘грудь’, madhyama ‘талия’, gāmin ‘с походкой’ и др.

ясной улыбкой – śucismitā, susmitā, cāruhāsinī (с очаровательной улыбкой); 5) волосы: с черными локонами – asitakeśāntā; дивно-волосая – sukeśī; 6) сложение: прекрасно сложенная – aṅganā, varāṅganā, sukumārāṅgī, sujātāṅgī, varuṣmatī, paramāṅganā (обладающая прекраснейшими формами), cārusarvāṅgī (та, все тело которой очаровательно); безукоризненно сложенная – anindyāṅgī, anidyarūpā, anavadyāṅgī; samyagvṛtṭyānavadyāṅgī, sukumārānavadyāṅgī (прекрасно и безукоризненно сложенная); прекраснобедрая – suśroṇī, varārohā, vāmorū; широкобедрая – pṛthusaśroṇī, vipulaśroṇī, pīnaśroṇī; полногрудая – pīnapayodharā; прекрасногрудая – cāruvṛttapayodharā; с тонкой талией – sumadhyamā, tanumadhyamā, tanumadhyā; стройная – tanvāṅgī; 7) походку: плавно ступающая – mṛdugāminī, с походкой слона – gajagāminī и др.

Как видно из перечисленных эпитетов, большинство из них представляет собой сложные слова по типу *бахуврихи*, имеющие пассивное значение (т. е. обладание или принадлежность) и состоящие чаще всего из двух компонентов. Данные определения, являясь традиционными для древнеиндийской эпической образности, представляют собой постоянные эпитеты, имеющие украшающий характер. Как отмечает Е. М. Мелетинский, «подобные эпитеты выражают самые общие (в смысле нормы и образца-идеала) черты...» (Мелетинский 1968: 115).

Следует отметить, что эпитеты, состоящие из трех и более компонентов, могут быть соединены в соответствии с правилами *сандхи* в одно слово или организованы по принципу «нанизывания» определений, что является особенностью стиля, соответствующего индийской системе образности: *наделенная достоинствами красоты и величия* – rūpaudaryaguṇopetā, *взирающая из-под изогнутых ресниц* – arālapakṣmanayanā, *сияющая красотой своих бровей, волос, бедер, груди, зубов, лица, величественной поступи и осанки* – subhrūḥ sukeśī suśroṇī sukucā sudvijānanā varcasvinī supraṭiṣṭhā svañcitodyatagāminī, *наделенная всеми добрыми признаками* – sarvaiḥ sulakṣaṇair yuktā, *одаренная красотой и юностью* – rūpaṇuvanasaṃpannā, *одаренная совершенной красотой* – atīvarūpasampannā, *одаренная изяществом, прелестью и чудесным запахом* – rūpamādhuryagandhaiḥ sam-

yuktā, украшенная всеми достоинствами женственности – strībhāvagaṇabhūṣitā и т. п.³

Насколько можно судить по эпитетам, абсолютное их большинство соответствует общему, универсальному канону описания женской внешности. Считалось, что лишь та приносит благополучие, которая пленяет сердце и глаз: «Эпическая женщина «прекрасноброва», ее волосы черны и прекрасны; она улыбается светлой улыбкой, зубы ее красивы. Женская походка отмечена плавностью, женщина ступает величественно, точно слониха. Женский стан тонок и красив; грудь прекрасна, высока, округла, отмечена благоприятными признаками; бедра красивы и подобны «слоновьиим хоботам», причем по частоте употребления эпитет «прекраснобедрая» явно выделяется среди других, сохраняя древнейшую ассоциацию красоты и плодородия...» (Невелева 1996: 32).

И действительно, в каноническом описании женской красоты обычно подчеркиваются пышные формы бедер и груди. Индийский идеал – женщина, которая является символом плодородия, при этом она далеко не лишена своеобразного изящества.

Вторую группу составляют оценочные эпитеты, которые в свою очередь подразделяются на три типа: во-первых, содержащие морально-этическую оценку, т. е. раскрывающие, согласно идеализирующей поэтике эпоса, добродетели героини; во-вторых, эстетически оценивающие героиню с точки зрения ее соответствия идеалу, образцу; в-третьих, эмоционально-оценочные, отвечающие тому или иному человеческому чувству (удивление, восторг, любовь и т. д.) (Невелева 1991: 102).

К определениям, дающим морально-этическую характеристику героини, следует отнести те, которые служат раскрытию особенностей ее характера и поведения. Основными понятиями в данном контексте являются скромность (*смирная* – *niyatā*; *робкая* – *bhīrū*; *сдержанная в речи* – *mitabhāṣiṇī*), мягкость (*сладкоречивая* – *mṛdubhāṣiṇī*, *madhurabhāṣiṇī*), мудрость ((*много*) *мудрая* – *manasvinī*, *paṇḍitā*, *mahāprājñā*), воспитанность (*почтительная* – *māninī*), благочестие (*достойная* – *bhadrā*, *āryā*; *беспорочная/ безупречная* – *aninditā*; *воплощенная чистота* – *śaucaraṅgā*; *отмеченная высокой добродетелью* – *śīlasaṃmatā*;

³ Следует отметить особенно часто встречающиеся в формульных определениях опорные слова *saṃraṇṇa* и *(saṃ)yukta* в значении «наделенный, обладающий».

прославленная благочестием – puṇyakīrtī; отличающаяся благочестием – śīlavṛttānvitā, sadvṛttā, sādhvī, благая – kalyāṇī), праведность (преданная/ верная долгу – satī; верная обету – suvratā, yatauvratā; соблюдающая установления и обеты – niyamavratasamsiddhā; подвижница – tapasvinī; стойкая духом – akliṣṭā). Большинство определений индийской женщины отражает древние представления о ее праведности и добродетели. Особая группа эпитетов, отсылающих к религиозно-философским представлениям древней Индии, связана с понятием «дхарма» и имеет значение *благонравная/ благочестивая* – dharminī, dharmapatnī, dharmajñā, dharmacāriṇī, dharmabhṛcchreṣṭhā (чудо добродетели). О социальном статусе героини и ее роли в семье говорят такие определения: *причастная великой доле* – mahābhāgā; *верная супругу* – pativratā⁴; *любимая (жена)* – priyā, priyā mahiṣī; *лучшая из женщин* – varastrī, sarvanāgīṇām uttamā и т. д.⁵

Некоторые из перечисленных определений применимы по содержанию как к женским, так и к мужским персонажам эпоса; те, что связаны с понятием дхармы, отражают особенности морально-этического критерия «Махабхараты», специфику образа героя и героической жены. Подобные эпитеты, выявляя в образах «Махабхараты» несвойственные древней героической эпике черты, по-видимому, являются результатом постепенной философско-дидактической трансформации эпоса (Невелева 1991: 103).

Эстетическую оценку героине в плане ее соответствия идеалу дают такие эпитеты, как *несравненная* – anuttamā; *наделенная несравненной красотой* – gūreṇāsadrṣī; *достойная богатого убранства* – maṇḍanārḥā; *богоподобная* – devarūpiṇī, amaraḥrabhā; *отмеченная всеми достоинствами* – sarvaguṇānvitā и др. Негативная эстетическая оценка явственно проявляется в описании женщин, которые принадлежат к «чужому» миру, за пределами родины «Махабхараты» – Мадхьядеша, Срединной земли в междуречье Ямуны и Ганги. Женщины из племени

⁴ А. С. Альтекар называет основные признаки индийской идеальной жены: pativratā – верность супружескому обету и śuśrūṣā – услужение мужу. См.: Altekar 1962: 97–100; ср.: Невелева 1996: 33.

⁵ Оценочные эпитеты также по большей части являются атрибутивными формулами, встречающимися со следующими опорными словами: bhāṣin ‘говорящий’, vṛtta, cārin ‘ведущий себя’, jña ‘знающий’, patnī ‘жена’, strī ‘женщина’ и др.

мадраков *извращены* (viparītā), *порочны* (duḥśīlā) и *бесстыжи* (nirlajjā) (Mahābhārata 1999, VIII.30). В Калиюгу, в то время, когда поправа добродетель, царят разврат и беззаконие, женщины уподобляются варварам, *дерзки в речах* (krūravādīnī), *грубы* (paraṣā), *слезливы* (rudītapriyā), внешне они *низкорослы* (hrasvadehā), а *волосы* напоминают *пики* (keśa-śūlā) (Mahābhārata 1999, III.186.35–36,55; Mahābhārata 1999, III.188.77). По поводу последнего определения можно предположить, что «это не только штрих, говорящий о запущенности женщины..., возможно, заболевание типа колтуна, – но также и расовый признак неиндоарийской народности» (Невелева 1996: 36).

Примерами эмоционально–оценочных эпитетов могут служить следующие: *смуцающая душу/сердце* – cittapramāthinī, *с лицом, осунувшимся (от отчаяния)* – vadanena śuṣyatā, *со смятенной душой* – pramūḍhacittā, *охваченная стыдом* – hrīmatī, *несчастливая* – durbhagā, *бедная* – duḥkhitā, *плачущая* – vilapatī и др. Красочность описания внутреннего состояния героини достигается посредством сравнений, которые будут рассмотрены далее.

Для индийской системы образности характерно сравнение женщины с драгоценностью, часто – с жемчужиной. Широко распространена «женская метафора» с опорным словом ratnaṃ («драгоценность, жемчужина»): *дева-жемчужина* – kanyā-ratnaṃ, *жемчужина среди женщин* – nāgīratnaṃ, yoṣidratnaṃ, strīratnaṃ, nāgīṇāṃ ratnaṃ, *драгоценность мира* – ratnabhūtā lokasya. Чтобы подчеркнуть статус героини и ее роль в повествовании, используется выражение *радость рода* – kulanandinī. Для негативных характеристик метафора – одно из наиболее удачных образных средств: например, в «Рагхувамше» служанка Мантхара предупреждает Кайкеи о том, что на нее нацелено жало *ядовитой змеи* (āśīviṣa) (Raghuvamśa, 3.57), имея в виду Каусалью.

Индийская эпическая традиция, наряду с эпитетом как главным изобразительным приемом, располагает также сравнениями, большинство которых является формульными. Объекты, взятые для сравнения, характерны не только для эпоса, но и для индийской устной и письменной традиции в целом. Они представляют собой определенный канон, соблюдаемый и в древней, и в современной литературе.

Существуют четыре грамматических способа передачи сравнения: 1) с помощью одиночных союзов *iva*, *yathā* ‘подобно’: *словно молния среди туч* – *vidyud ivābhreṣu*; *словно яркая молния* – *vidyut saudāminī yathā*; 2) через оборот с парными союзами *yathā...tathā* ‘как...так и’: *и в пасти (удава) она [Дамаянти]...не так о себе горевала, как о владыке нишадхов [Нале]* – *sā grasyamānā... nātmānaṃ śocati tathā yathā śocati naiṣadham*; 3) путем словосложения: *лотосоподобная* – *kaṃalaprabhā*; 4) путем суффиксации, например, с помощью суффикса *-vat*: Дамаянти, оставленная в лесу Налем, говорит о себе как о той, у кого *словно нет защитника* (*anāthavat*)⁶.

Модель сравнения четырехчленна: она включает субъект, объект, признак и формальный показатель уподобления, но встречается вариант из трех компонентов, без выраженного признака. Скрытое сравнение (без показателя уподобления) выступает в роли определения (*с походкой как у слона* – *gajagāminī*); трехчленная модель сравнения (субъект, объект и формальный показатель: *бедра как хобот слона* – *ūgū gajākaṃgoramau*) занимает в предложении синтаксически обособленную позицию. В трехчленной модели признак сравнения не назван, речь идет об общем уподоблении предметов, лиц и явлений (Невелева 1991: 111).

Если же признак назван, то уподобление является либо атрибутивным (*словно свет полной луны*)⁷, либо предикативным (*краса блистает подобно золоту*)⁸, либо адвербиальным (*упала без чувств, словно срубленное банановое дерево*)⁹.

Среди объектов сравнения доминируют природные образы: небеса и светила – солнце, луна, звезды (*лунолика*); стихии – молния, гром, туча, вода (*молния среди туч*); ландшафт – земля, горы (*Дамаянти, обретя супруга, будто вновь ожила, как [оживает] под струями дождя усеянное молодыми всходами поле*)¹⁰; флора (*родинка, подобная лотосу*)¹¹ и фауна (*с глазами молодой лани* – *mṛgaśāvākṣī*). «Махабхарата» и «Рамаяна»

⁶ Классификацию см. в работе: Невелева 1991: 110.

⁷ *Pūrṇasandraprabhā iva* (Mahābhārata 1999, III.65.11).

⁸ *Rūpaṃ... bhāti kāñcanasaṃnibham* (Mahābhārata 1999, III.66.7).

⁹ *Papāta devī vyathitā nikṛtā kadalī yathā* (Mahābhārata 1999, III.275.14).

¹⁰ *Damayanty apī bhartāram avāpyāpyāyitā bhṛṣam | ardhasaṃjātasasyeva toyam prāpya vasuṃdharā ||* (Mahābhārata 1999, III.75.26).

¹¹ *Pipluḥ padmasaṃkāśaḥ* (Mahābhārata 1999, III.66.5).

демонстрируют употребление и простых, с минимумом лексики, сравнений и более сложных, включающих детали. Некоторые развернутые сравнения охватывают весьма широкий спектр объектов сравнения. Например, *Дамаянти, печальная, исполненная тоски по мужу, была она подобна ночи полнолуния, когда (Луна), ночное светило, поглощено Раху, или реке, воды которой иссушил зной*¹². Показателен и такой пример: *[Дамаянти] еще прекрасней стала, словно ночь, когда (прольет) холодный свет взошедшая луна*¹³.

В древнеиндийском эпосе наиболее часто встречающиеся природные объекты сравнения – лотос, молния, луна – представлены в различных вариациях. Весь облик героини или отдельные части ее тела могут уподобляться перечисленным выше природным явлениям и предметам. Однако «привлекаемые для сравнения женской красоты природные образы лишены выраженной мифологической окраски и вписаны в круг эстетических представлений эпоса» (Невелева 1996: 31).

Для того чтобы указать на нравственные достоинства героини, эпос использует не природные сравнения, а отождествляет героиню с известными богинями. Например, сравнение женщины с богиней Шачи отсылает, в первую очередь, к представлениям о красоте, благочестивом поведении, преданности и заботе о муже, тогда как сравнение с Сарасвати, супругой Брахмы, – к мудрости. Если же герой и его супруга уподобляются божественным парам – Индра и Шачи, Шива и Парвати, – это свидетельствует о великой доле обоих, о том, что они везде и всегда идут рука об руку¹⁴.

Наиболее часто в «Махабхарате» и «Рамаяне» царские жены сравниваются с древней богиней Шри. С одной стороны, это сравнение подчеркивает божественную красоту героини, с другой стороны, богиня выступает как олицетворение царской удачи и благополучия. Царская удача (Шри) – необходимый атрибут справедливого царя, земного воплощения Индры, и если правитель обладает ею, значит, государство его не знает бед и процветает. То есть героиня, которая сравнивается с богиней

¹² Paurnamāsīva niśā rāhugrastaniśākarā | patīśokākulā dīnā śuṣkasrotā nadīva || (Mahābhārata 1999, III.65.13).

¹³ ...Rarāja...samavāptakāmā | śītāṃsunā rātrir ivoditena || (Mahābhārata 1999, III.75.27).

¹⁴ О брачном союзе Шивы и Парвати см.: Ефименко 1996: 52-53.

Шри (Лакшми), сама понимается как атрибут царя, как его верная спутница, поддержка и опора. Это особенно справедливо для идеальных жен эпоса – Драупади, Ситы и Дамаянти.

Эпитеты и сравнения в древнеиндийской системе образности описывают, по преимуществу, внешнюю привлекательность и молодость героини. Даже в тех ситуациях, когда использование их противоречит логике (горько плачущую Ситу Равана зовет *девой с чарующей улыбкой*; Драупади до самого конца повествования рисуется *юной*), эпос не отказывается от них, что говорит об особой роли эпитета «вне логики» контекста. А. Н. Веселовский приходит к выводу о том, что постоянный эпитет «не считается с временным положением, а лишь с существенным признаком, свойством лица или предмета» (Веселовский 1940: 82). По мнению С. Л. Невелевой, использование эпитета «вопреки логике» повествования служит осознанным приемом устной эпики и выявляет резкий контраст между «идеалом», т.е. тем, каким должен быть герой, и «антиидеалом», тем, как он проявляет себя в негативных обстоятельствах (Невелева 1991: 108; ср.: Невелева 1979: 34–36). Подобные противоречия, а также множество условных ситуаций, мотивировок и отношений встречаются и в других эпосах мира и, по мнению Б. Н. Путилова, объясняются принципами эпической эстетики, которая основывается на том, что «все трудности реального порядка, ... весь «эмпиризм» обыденности – все это оказывается снятым на пути эпического героя <...> Условность определяет эпос как художественную систему и характеризует его в классических формах» (Путилов 1971: 108).

Важная часть изобразительных средств эпоса служит выражению нравственно-философских концепций эпоса. В таком случае акцент в описании героини смещается с ее внешних достоинств на моральные установки – праведности и благочестия. В свою очередь, в «нейтральных» эпизодах, где от лица героини не звучит какая-либо философская мысль или наставление, эпос избегает употребления подобных средств описания, отдавая предпочтение внешнему облику героини. Например, Шакунтала, героиня «вставного» фрагмента «Махабхараты», в эпизоде встречи с царем описывается как *черноокая* (*asitekṣaṇā*), *сладкоречивая* (*madhurabhāṣiṇī*), *безупречная всем телом* (*sarvānavadyāṅgī*), *милая* (*priyā*), *красавица* (*śobhanā*, *varavarṇinī*, *sundarā*), *большеокая* (*viśālākṣī*), *прекраснобедрая*

(varārohā, suśroṇī, rambhorū, vāmorū), с чарующей/светлой улыбкой (cāruhāsinī, śucismitā), блистающая телом (varuṣā vibhrājatmānā), одаренная красотой и юностью (gūṛayauvanasaṁprannā), с безупречной походкой (aninditagāminī) и т. д. Однако, когда она укоряет царя за то, что он отвергает ее и своего сына, и подкрепляет свои слова философскими рассуждениями о природе человека и предназначении жены, то образ ее меняется: из робкой красавицы она превращается в решительную и мудрую женщину, способную отстаивать свои права. К традиционным эпитетам, говорящим о ее красоте, добавляются здесь такие эпитеты, как *мудрая* (manasvinī), *достойная* (bhadrā), *безупречная* (aninditā) и т. д.

Древнеиндийское эпическое повествование насыщено традиционными художественными средствами, среди которых главные – это постоянные эпитеты и сравнения; содержание последних в ряде случаев сохраняет древние ведийские ассоциации. Определения, которые эпос дает главным героиням, не являются индивидуальными характеристиками именно этих персонажей, это, с одной стороны, типовые характеристики идеальных эпических женщин, а с другой, формулы, характерные для языка эпической поэзии в целом. Древнеиндийская эпическая традиция обнаруживает сходство с другими мировыми традициями в том, как воспевают прекрасный внешний облик героини. Однако именно в индийском эпосе употребление художественных средств, описывающих нравственно-этические установки героини, диктуется потребностью эпоса дать подтверждение тем или иным философско-религиозным концепциям и идеям, в связи с чем женщина получает совершенно уникальные определения, которые не встречаются в других эпосах мира: *преданная по обету супругу* (pativratā), *знающая дхарму* (dharmajñā) и *верная обету* (yatavratā).

Литература

- Веселовский 1940 – Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1940.
 Гринцер 1975 – Гринцер П. А. Эпические формулы в «Махабхарате» и «Рамаяне» // Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В. Я. Проппа. М., 1975. С. 156–181.
 Ефименко 1996 – Ефименко В. А. Чувствительная супруга // Индийская жена. Исследования, эссе. М., 1996. С. 48–67.
 Мелетинский 1968 – Мелетинский Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968.

- Невелева 1979 – Невелева С. Л. Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса. Эпитет и сравнение. М., 1979.
- Невелева 1991 – Невелева С. Л. Махабхарата. Изучение древнеиндийского эпоса. М., 1991.
- Невелева 1996 – Невелева С. Л. Героические жены в древнеиндийском эпосе // Индийская жена. Исследования, эссе. М., 1996.
- Путилов 1971 – Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971.
- Altekar 1962 – Altekar A.S. The position of women in Hindu civilization: from prehistoric times to the present day. Delhi, 1962.
- Mahābhārata 1999 – The Mahābhārata. Electronic text derived from the files created by Prof. Muneo Tokunaga of Kyoto, ed. by John D. Smith. With parallel Devanagari and Romanization. Poona, 1999. <http://www.sacred-texts.com/hin/rys/index.htm>.
- Raghuvamśa 2003 – Raghuvamśa. Kashmirian text, as read by Vallabhadeva. Based on the edition of Dominic Doodall and Harunaga Isaacson: The Raghupañcikā of Vallabhadeva, being the earliest commentary on the Raghuvamśa of Kālidāsa. Critical edition with Introduction and Notes, Vol.1. Groningen, 2003. http://gretil.sub.uni-goettingen.de/gretil/1sansk/5_poetry/2_kavya/ragh1-6u.htm.
- Rāmāyaṇa 1993–1995 – The Rāmāyaṇa of Vālmīki. Electronic text derived from the files created by Prof. Muneo Tokunaga of Kyoto, ed. by John D. Smith. With parallel Devanagari and Romanization. Kyoto, Cambridge, 1993–1995. <http://www.sacred-texts.com/hin/rys/index.htm>.

A. V. Filochkina. Features of the creation of the heroine's image in the ancient Indian epics

The article is dedicated to the main devices used to create the image of a female hero in the ancient Indian epics (Mahabharata and Ramayana). Basic expressive means – epithet, simile and metaphor – not only perform aesthetic evaluation of the female hero, but also emphasize her moral qualities. It is the Indian epos where the use of expressive means describing moral and ethical qualities of the female hero is determined by necessity to express certain philosophical and religious concepts and ideas not represented in other world eposes.

А. Б. Черняк

РИМЛЯНЕ НА КРАСНОМ МОРЕ: ТАС. ANN. 2,61,2¹ В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ

Резюме. Тему этой работы дала мне недавняя статья Бухарина и опубликованная в ней латинская надпись 144 г. с архипелага Фарасан в южной части Красного моря (Бухарин 2010). Я предлагаю 1) датировать основание упомянутого в надписи римского порта правлением Траяна и 2) понимать Plin. nat. hist. VI, 101 quippe omnibus annis navigatur sagittariorum cohortibus impositis не как «с группой лучников на борту», т. е. как частную охрану, а как регулярные военные соединения. Римские войска в этом небезопасном регионе нередко использовались для охраны частных лиц, например, паломников (см. «Паломничество Эгерии» конца IV в.).

Ключевые слова: Тас. Ann. 2,61,2, латинская надпись 144 г. с архипелага Фарасан, римские войска на Красном море.

Латинская надпись времен Антонина Пия, недавно найденная (AE 2004, no. 1643, pp. 599–600) на одном из островов архипелага Фарасан на юге Красного моря², вызвала у специалистов немалый интерес (Villeneuve 2004; Villeneuve, Philips, Facey 2004a; Villeneuve, Philips, Facey 2004b; Бухарин 2007; 2008; 2010). Мы не откажем себе в удовольствии привести ее полностью³:

Imp(eratori) Caes(ari) Tito Ael(io)
Hadr(iano) | Antonino Aug(usto) Pio, pont(ifici) |
maxim(o), trib(unicia) pot(estate) VII,
co(n)s(uli) III, | p(atr) p(atriciae), uex(illatio) leg(ionis) II Tr(aiana) Fortis |
et aux(ilia) eius castrens[is] q(ue) sub praef(ecto) Ferresani portus |
et Pont(i?) Herculis fecerunt et d[ed]icaverunt]

¹ exin ventum Elephantinen ac Syenen, claustra olim Romani imperii, quod nunc rubrum ad mare patescit

² Архипелаг Фарасан فرسان (семитский корень *frs* означает «ломать, разделять»), в 500 км от Баб-эль-Мандебского пролива и в 900 км от Беренике, самого южного римского порта на африканском берегу, см. Villeneuve, Philips, Facey 2004b: 143 слл.

³ Цит. по: AE (Année épigraphique) 2004: p. 599, ср. Бухарин 2010: 115 (в последней строчке пишет pont(-i?, -is?)); Villeneuve, Philips, Facey 2004b: Figg. 65–66.

Дата (144 г. н. э.) и содержание⁴ надписи ничем не примечательны: подобных дедикаций римских легионов сохранилось предостаточно. Примечательно место, где был установлен несохранившийся памятник⁵ – южная оконечность Красного моря. Впрочем, это всего лишь дальняя граница Римской империи и здесь можно было ожидать латинских надписей.⁶

В отличие от других римских границ с Красным морем связан известный пассаж, *Tac. Ann.* 2,61,2, упомянутый в заглавии данной статьи; он использовался главным образом для датировки второй книги «Анналов». По этому поводу даже возникла весьма острая дискуссия, так как «Красным морем» в древности называли также и Персидский залив, и Индийский океан. Последняя из этих трех идентификаций мне представляется наиболее вероятной⁷. Наша надпись свидетельствует, что в середине II в. н. э. граница проходила где-то в районе Баб-эль-Мандебского пролива. Фарасанский порт явно служил морской станцией (*statio navalis*) для борьбы с пиратами⁸ (а также, может быть, и таможней и т. д.) в цепи других, пока еще неизвестных, римских постов, охранявших морской путь в Индию.

Новая надпись, таким образом, полностью подтверждает вышеуказанную интерпретацию тацитовского пассажа. Последний,

⁴ За одним исключением: в стк. 5–6 отсутствует имя префекта, см. АЕ 2004: 599 с различными объяснениями; ср. также неоднократно засвидетельствованного в надписях *praefectus montis Berenicidis*. Аббревиатуру *pont(i?, -is?) Herculis* Бухарин, на мой взгляд, справедливо раскрывает как *ponti(fice) Herculis*, упоминаемое и напрасно отвергнутое публикаторами: постулируемый ими *pontus Herculis* во всех отношениях маловероятен. Показательно в этом плане еще более позднее название (конец IV в.) юго-восточной части Средиземного моря, *Partheni(c)um mare* (*Per. Eg.* III,8); это название, хоть и редко, но встречается и у других авторов (*Amm. Marc.* XIV, 8,10; XXII, 15,2 (= *Isiacum*); 16,9; *Greg. Naz. orat.* 19, см. *Seyfarth Bd.I*, 266, A.181).

⁵ Плита с надписью была использована для обмуровки (?) могилы на старом мусульманском кладбище, АЕ 2004: 599.

⁶ Ср. надпись на скале с именем центуриона 12-ой когорты *Fulminata* Луция Максима у Каспийских ворот (около Баку) с упоминанием имени Домициана, сохранившегося благодаря удаленности от Рима, ВДИ 1950. № 1: 177–182 (= АЕ 1951) и Федорова 1982: 178–179.

⁷ См. Черняк 2001; 2006: 372. Разумеется, это не моя идея: ее высказывали и ранее, но признания она не получила.

⁸ О «пиратском» названии архипелага см. выше, прим.1.

в свою очередь, позволяет отодвинуть дату основания порта на о. Фарасан на несколько десятков лет назад, к времени Траяна.

Исследователи по-разному определяют роль фарасанского порта. Вильнев и его соавторы считают, что он служил базой для какой-то военной операции на Красном море (борьбы с пиратами?), о которой упоминает Элий Аристид в 143 г.⁹ Бухарин думает, что порт был основан для переброски войск некоего абиссинского царя из Аравии в Адулис где-то в самом конце II в.¹⁰, после похода вдоль побережья Аравии с целью обуздать местных пиратов¹¹. Мне эта точка зрения представляется весьма парадоксальной¹² ввиду наличия надписи 144 г., не говоря уже о вышеупомянутом пассаже Тацита. Однако возражение Бухарина, что для непосредственной борьбы с пиратами, локализуемыми где-то на уровне Мекки и Медины,¹³ наш порт находился слишком далеко, заслуживает внимания.

В не более вероятной, на мой взгляд, концепции Вильнева и его соавторов мне не нравится тенденция датировать основание порта новонайденной латинской надписью: при всей ее значимости она все же не более чем *terminus ante quem*. Скорее фарасанский порт можно связывать со свидетельством Евтропия об эскадре Траяна на Красном море¹⁴ и, разумеется, с пассажем

⁹ См. Villeneuve, Philips, Facey 2004b: 183 *κακοδαίμωνία τῶν περὶ τὴν Ἐρυθρὰν θάλασσαν* (Ael. Arist. orat. in Romam 70)

¹⁰ Эта экспедиция известна нам по греческой надписи на троне Ареса конца II в.; трон был поставлен в Абиссинии, на полпути между Адулисом и Аксумом (Monumentum Adulitanum II, по имени г. Адулис, порта на Красном море – OGIS 199); надпись была скопирована Космой Индикопловом в 525 г., см. Бухарин 2006. Абиссинское войско покорило все племена вплоть до границ Египта и из порта Беренике переправилось в Левке Коме, на противоположный берег Красного моря. К сожалению, этот обширный греческий текст не содержит никаких дат.

¹¹ Бухарин 2010: 136: «Весьма вероятно, что именно для переправы аксумской армии через Красное море по завершении кампании в Аравии и был создан римский порт на Фарасане».

¹² В ПЭМ фарасанская надпись не учтена, и я рискну предположить, что автор подсознательно стремится «увести» римский порт на Фарасане (ср. ПЭМ 284–285, где он должен был бы фигурировать!) подальше от «Перипла», датируемого автором 70-ми гг. н. э.

¹³ В «Перипле» (PME 20) упоминаются канраиты, см. ПЭМ 35, 53, 105.

¹⁴ Eutr. VIII,3,2 *In mari rubro classem instruit, ut per eam Indiae fines vastaret*, см. Черняк 2001: 160–161, прим. 30; 2006: 372; под Красным морем я имею в виду Индийский океан (включая и Красное море, где

Тацита. В дальнейшем этот флот, по-видимому, оказался ненужным, и порт стал служить целям обеспечения судоходства на Красном море¹⁵. Не исключено, что для этого же он использовался уже при Птолемах: раскопки там пока еще не производились (AE 2004, loc. cit.).

Оба автора цитируют важное свидетельство Плиния о пиратах Красного моря: *Plin. nat. hist. VI, 101 quippe omnibus annis navigatur sagittariorum cohortibus impositis; etenim piratae maxime infestabant*¹⁶. Перевод Бухарина *s. cohortibus impositis* как «с группой лучников на борту»¹⁷ вызывает у меня большие сомнения: *cohors*, конечно, может означать «группа» (*s. praetoria* «личная охрана претора»), но вряд ли в данном – явно военном – контексте. В спорных случаях надо обращаться к переводам и

она, вероятно, базировалась). Бухарин, как и многие другие, помещает ее в Персидском заливе, см. ПЭМ 279, ср. еще там же, 264: «Длительная дискуссия на основе литературных источников по вопросу о существовании римского военного флота для охраны торговых экспедиций, по сути, оказалась бессмысленной». Отметим, что автор имеет в виду только литературные источники.

Пессимизм Бухарина, на мой взгляд, не очень оправдан, особенно теперь, после публикации фарасанской надписи. Флот явно должен был защищать римские конвои от индийских пиратов (о последних, см. ПЭМ 156–163; Бухарин 2010: 135, прим. 92), и самым эффективным способом борьбы были удары по их базам, что не делается сейчас, и чем пользуются современные сомалийские пираты. Но конвои в Индию шли по Красному морю, а не по Персидскому заливу, так что и эскадра соответственно должна была базироваться где-то в южной части Красного моря, а не в Персидском заливе (см. подробнее в другой работе).

¹⁵ Какими-то военными кораблями префект порта все же, несомненно, располагал. Средневековый источник, восходящий к «Паломничеству Эгерии», сообщает о пребывавшем в Клизме римском чиновнике (логофете) с его кораблями: *Nam et ille agens in rebus, quem logotetem appellant, id est, qui singulis annis legatus ad Indiam vadit iussu imperatoris Romani, ibi ergo sedes habet, et naves ipsius ibi stant* (Geyer p. 116. 12–14). Под Индией надо понимать Аксум, т. е. порт Адулис, см. Maraval 1982: 108–109.

¹⁶ Использование лучников началось уже при Птолемах, см. Sidebotham 1986: 70, 77.

¹⁷ Бухарин 2010: 134, прим. 89, явно под влиянием Sidebotham 1986: 70–71 (с фантастическими, на мой взгляд, рассуждениями о римском флоте, который якобы не мог использоваться на большие расстояния ввиду конструкции судов, не имевших трюмов для провианта – для этого были специальные *naves onerariae*).

интерпретациям других ученых (чего Бухарин здесь не делает)¹⁸, а последние говорят не в его пользу¹⁹. Стало быть, речь все же идет о римских когортах.

Римские войска на Востоке, надо полагать, регулярно использовались для разного рода конвоирования. Знатная западная дама по имени Эгерия (уроженка Галисии?), отправляясь из Иерусалима с группой паломников на Синай в декабре 383 г. (Maraval 1982: 33), где-то по пути получает отряд солдат, которые сопровождают ее до Синая и обратно вплоть до города Арабии в дельте Нила, пока она сама их не отпускает²⁰. Эгерия путешествует от станции к станции (слово *mansio* упоминается в маленьком «Паломничестве» в значении «станция» 23 раза, его синоним *deversorium* – 16); на сложных участках ей дополнительно дают проводников²¹. Примерно также передвигались и по Красному морю: в Клисме/Суэце²², Миос Гормос и в

¹⁸ Впрочем, и здесь он следует Сайдеботаму, см. Sidebotham 1986:70; последний, однако, не предлагает своей интерпретации плиниевского пассажи: он противопоставляет ему – Филострата (*Phil. Vit. Ap. Tu. III, 35*), который на с. 77 назван Лукианом.

¹⁹ Ср. André-Fillozat 1980: 53 «on embarquait des cohortes d'archers»; Brodersen 1996: 77 «wobei man Kohorten von Bogenschützen <auf den Schiffen> mitnimmt»; Ormerod 1997: 258 «detachments of archers»; Casson 1991: 208: «Troops of archers were carried as guards against pirate attack». Этого маленького референдума, надеюсь, будет достаточно.

²⁰ *Per. Eg. IX, 3 Nos autem inde iam remisimus milites, qui nobis pro disciplina Romana auxilia praebuerant, quandiu per loca suspecta ambulaveramus; iam autem, quoniam <it>er publicum erat per Egyptum, | quod transiebat per Arabiam ciuitatem, id est quod mittit de Thebaida in Pelusi<um>: et ideo iam non fuit necesse vexare milites.*

²¹ Ср. VII, 2 *Sunt ergo a Clesma, id est a mare rubro, usque ad Arabiam ciuitatem mansiones quattuor per herem<um>, sic tamen per heremum, ut cata mansiones m<o>nasteria sint cum militibus et praepositis, qui nos deducebant semper de castro ad castrum* «От Клисмы, т. е. от Красного моря, до города Арабия четыре ночлега по пустыне, и притом так, что при каждом ночлеге есть караульни (казармы – А. Ч.) с воинами и начальниками, которые нас постоянно провожали от поста до поста» (Помял.: 113), см. Черняк 2010: 437–439.

²² О позднеантичной Клисме и ее торговле с Индией (вероятно, с Аксумом) сообщает очень интересные сведения, восходящие к «Паломничеству Эгерии», монтекассинский библиотекарь Петр Диакон: *nam portus est ibi clausus, qui<a> intro castra ingreditur mare; qui portus mittit in Indiam et excipit venientes: alibi enim nusquam in Romano solo accessum habent naves de India nisi ibi. Naves autem ibi et multe et ingentes sunt, quia portus famosus est pro advenientibus ibi mercatoribus de*

Беренике²³ собирался караван судов и в сопровождении эскорта (?) и лучников двигался от порта к порту. К их списку, приведенному у Плиния (Plin. nat. hist. VI с. 34, 169 ss.) и в «Перипле Красного моря»²⁴, теперь прибавляется основанный скорее всего при Траяне порт на о. Фарасан²⁵.

Список сокращений

- Помял. – Peregrinatio ad loca sancta saec. IV exeuntis edita, rossice versa, notis illustrata. Издал И. Помяловский (р. 257–262: Adnotationes criticae, quas composuit I.I. Cholodnjak) // Православный Палестинский Сборник Т. 7/2, вып. 20. СПб., 1889.
- ПЭМ – Бухарин М. Д. Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря». СПб.: Алетейя, 2007.
- Anon. Plac. – C. Milani. Itinerarium Antonini Placentini. Milano 1977.
- ANRW – Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Hgg. v. H. Temporini und W. Haase. Berlin; N.Y.: W. de Gruyter.
- CRAI – Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions. Paris.
- Geyer – Itinera Hierosolymitana saec. IV–VIII. Rec. P. Geyer (CSEL XXXIX). Vindobonae, 1898.
- Per. Eg. – Peregrinatio Egeriae (Aetheriae) ad loca sancta.
- PME – Periplus Maris Erythraei.
- PSAS – Proceedings of the Seminar for the Arabian Studies. London.

Литература

- Бухарин 2006 – Бухарин М. Д. Авторство и датировка надписи Monumentum Adulitanum II (OGIS 199 = RIE 277) // ВДИ 2006. № 3. С. 3–13.
- Бухарин 2007а – Бухарин М. Д. Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря». Текст, пер., комм., иссл. СПб.: Алетейя, 2007.
- Бухарин 2007б – Бухарин М. Д. Новая литература по истории и филологии Древней Южной Аравии // ВДИ 2007. № 4. С. 192–205.
- Бухарин 2010 – Бухарин М. Д. Новая латинская надпись из Южной Аравии // ВДИ 2010. № 2. С. 114–137.
- Федорова 1982 – Федорова Е. В. Введение в латинскую эпиграфику. М.: Изд-во МГУ, 1982.

India etc. (Geyer 116, 7–12 с моей правкой), см. выше, прим. 14 и Sidebotham 1986: 68.

²³ Позже к ним присоединился Абила/Эйлат, см. Anon. Plac. 40,2 In Abila autem descendit navis de India cum diversos aromatibus (Milani p.212); Maraval 1982: 108,n.4.

²⁴ Южнее Беренике присутствия римских войск ранее не отмечалось, см. Raschke 1978: 646, 874, A.915; ПЭМ 74, прим. к 20 и 264.

²⁵ Очень вероятно, что на Фарасане происходила «смена караула», т.е. в Индию суда сопровождал другой контингент, см. Бухарин 2010: 135 (сам автор ставит эту гипотезу под сомнение).

- Черняк 2001 – А. Б. Черняк. Prolegomena к «Анналам» Тацита I–VI. XII. *Mare rubrum* (Тас. Agr. 12,6; Ann. 2,61,2; 14,25,2) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – V. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М.Тронского. СПб.: «Наука», 2001. С. 156–164.
- Черняк 2006 – А. Б. Черняк. Prolegomena к «Анналам» Тацита, книги I–VI. XIIa. Путешествие Германика по Египту (Тас. Ann. 2, 60–61) // Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций. Сборник статей к 75-летию проф. А. Л. Грюнберга (1930–1995). Отв. ред. М. Н. Боголюбов. СПб.: «Наука», 2006. С. 369–375.
- Черняк 2010 – А. Б. Черняк «Паломничество Эгерии» как источник по архитектуре и сельскому хозяйству Египта IV в. н. э. (VII,2 *m<o>nasteria cum militibus*; IX,4 (*vineae*) *quae dant balsamum*) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIV. Часть II. СПб.: «Наука», 2010. С. 436–443.
- André-Fillozat 1980 – Pline l’Ancien. Histoire naturelle. Livre VI. Texte ét. et tr. par J. André et J.Fillozat. Paris: Les Belles Lettres, 1980.
- Brodersen 1996 – Plinius Secundus d. Ä. Naturkunde. Lat.-d. Hgg. u. üb. v. Kai Brodersen. Zürich; Berlin: Artemis Verlag, 1996.
- Casson 1991 – L. Casson. The Ancient Mariners. Seafarers and Seafighters of the Mediterranean in the Ancient Times. 2 ed. Princeton, 1991.
- Maraval 1982 – P. Maraval. Égérie. Journal de voyage. Paris, 1982 (Sources Chrétiennes 296).
- Ormerod 1997 – H. A. Ormerod. Piracy in the Ancient World. Baltimore, 1997/1924.
- Raschke 1978 – M. G. Raschke. New Studies in Roman Commerce with the East // ANRW. 1978. Bd. II 9,2 P. 604–1361.
- Seyfarth – Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte. Lat.-d. Von W. Seyfarth. Bd. I–IV. Berlin: Akademie-Verlag, 1970.
- Sidebotham 1986 – S. E. Sidebotham. Roman Economic Policy in the Erythra Thalassa (30 B.C.–A.D. 217) Leiden, 1986 (= Mnemosyne. Bibliotheca classica Batava. Suppl. 91).
- Villeneuve 2004 – F. Villeneuve. Une inscription latine sur l’archipel Farasān, Arabie séioudite, sud de la mer Rouge // CRAI. 2004, T. 1. P. 419–429.
- Villeneuve, Philips, Facey 2004a – F. Villeneuve, C. Philips, W. Facey. A Latin inscription from South Arabia // PSAS. 2004. T. 34. P. 239–250.
- Villeneuve, Philips, Facey 2004b – Villeneuve F., Philips C., Facey W. Une inscription latine de l’archipel Farasān (sud de la mer Rouge) et son contexte archéologique et historique // Arabia. 2004. T. 2 . P. 143–192.

**A. B. Chernyak. Roman fleet in the Red Sea: Tac. Ann. 2,61,2
in light of new data**

Following M. Bukharin (Бухарин 2010), our study focuses on the most recent epigraphic discovery, the Latin inscription from the Farasan Archipelago (in the southern part of the Red Sea), and on the activity of the Roman fleet in the Red Sea (Eutr. brev. VIII, 3.2).

I argue that 1) the construction of the Roman port should be attributed to the époque of Trajan; 2) the reading of Plin. nat. hist. VI, 101 *quippe omnibus annis navigatur sagittariorum cohortibus impositis* ‘with a group of archers on board’ should be understood as accompanied by regular military troops rather than private guards. Roman troops used to function as private guards to protect e.g. pilgrims in the unsafe area.

* * *

À la suite de M. Bukharin (Бухарин 2010), notre étude porte sur la plus récente trouvaille épigraphique, inscription latine de l’archipel Farasān (sud de la mer Rouge), ainsi que sur l’activité de la flotte romaine de la mer Rouge (Eutr. brev. VIII, 3, 2), dont l’existence on met souvent en cause. Je propose de dater la construction du port qui est mentionné dans l’inscription non pas de 144, date du monument disparu (F. Villeneuve etc.), mais de l’époque de Trajan (v. Черняк 2001 et 2006). Le passage de Pline sur les archers (Plin, hist. nat. VI, 101) que M. Bukharin traite de travers, témoigne de l’intérêt des Romains au commerce avec l’Inde.

SPLIT AUXILIARY SYSTEM IN HITTITE?*

Резюме: В статье разбирается вопрос о статусе хеттских конструкций со вспомогательными глаголами *hark-* ‘держать, иметь’, сочетающимся с переходными и несколькими непереходными глаголами, и *es-* ‘быть’, сочетающимся только с непереходными глаголами. Существуют две точки зрения: либо существуют две омонимичные конструкции, одна из которых выражает состояние, а другая – предшествование, либо у конструкции, выражавшей изначально состояние, впоследствии развилось результативное значение. Вторая точка зрения выглядит предпочтительней, так как она хорошо согласуется с типологическими данными. Можно предположить, что конструкции со вспомогательными глаголами *hark-* и *es-* оформились независимо друг от друга, а их источником могли послужить устоявшиеся выражения вроде *lagan hark-* ‘преклони (слух)’.

Ключевые слова: хеттский язык, глагол, вспомогательный глагол, перфект, результатив, статив, причастие.

There are several periphrastic constructions in Hittite. The one which is sometimes called ‘periphrastic perfect’ or ‘pluperfect’ is formed by *hark-* with a participle in N.–Acc. Neut. or by *es-* ‘to be’ and a participle in the Nominative, coordinated with the subject. The auxiliary *hark-* was used with transitive as well as some intransitive verbs, while *es-* was used with the rest of the intransitives.

It was already E. Benveniste (1960: 41–42, 62–63) who distinguished 2 different types of constructions with *hark-* and *es-*, a perfect one and a stative one. He also noted their resemblance to split auxiliary systems in European languages. This approach is accepted in Hoffner and Melchert 2008: 310, who, however, warn against a direct comparison between such systems in European languages and in Hittite due to the time gap between the development of these

* Статья написана в рамках проекта «Лексическое и морфологическое варьирование в традиционных индоевропейских текстах», выполняемого по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

constructions in Hittite, and in Romance and Germanic languages.¹ It was also stated that the distribution of auxiliary verbs for Hittite intransitive verbs is conditioned by the underlying type of intransitives in accordance with the Unaccusativity hypothesis, that is unaccusative verbs take *es-*, while unergative take *hark-* (Garrett 1996: 102ff.).² The examples with *hark-* in preterite are rare and are first attested in copies of Old Hittite texts. The examples are as follows:

KUB 31.121 III 15–17

ammuk=ma *UL* kuitki sag[ahhi] memiyann=a=kan EGIR-anda arha *ŪL istamassan harmi* ‘I don’t know anything, and **have not heard** (anything) afterwards (about) the matter’ (Boley 1982:)

KBo 5.8 i 18–20

ŠA LÚ.MEŠ^{URU} Taggašta=ma kuiēš ÉRIN.MEŠ *NARĀRĒ anda warriššanteš ešer* n=at arha parāšeššer ‘But the auxiliary troops of Taggašta who **had come to help** (my opponents) dispersed’ (Hoffner, Melchert 2008: 311)

Not all the instances, however, can be analyzed as pluperfects, or anteriors in terms of J. Bybee, and they are usually regarded as “stative constructions”. All the cases with imperative forms of *hark-* or *es-* belong here.

KBo 3.67 i 6

IBoT 1.29 Rs. 20-21 nu suppa sara danzi suppa **karpan harkanzi** ‘They take up the meat. They hold the meat’ (Boley 1982:)

¹ The auxiliary systems in Germanic and Romance languages with the auxiliaries *to be* and *to have* must be an areal feature and may have originated after Latin and Greek models, cf. Drinka 2003.

² There is a 3 Sg. pronominal clitic in Hittite; according to Watkins’ rule, transitive verbs take these clitics only in the Accusative, while some intransitive verbs require this clitic in the Nominative, that is the clitic denotes object with transitive verbs and subject with intransitive verbs. It is considered to be one of the proofs of split ergativity in Hittite. The intransitive verbs that take subject clitic, including e.g. *pai-* ‘to go’, *arai-* ‘to rise’, are considered to be unaccusative while the others are unergative. The list of Hittite verbs taking subject clitics is given by Hoffner and Melchert 2008: . It doesn’t completely match however with the distribution of *hark-* and *es-* auxiliary verbs, as *karussiya-* ‘to be silent’ takes subject clitic and takes *hark-* as an auxiliary verb (KUB 14.1 obv. 16–17 *nu=wa karuššīyan har(a)k* ‘so keep quiet!’). Most verbs from the list are not attested in the constructions in question anyway. On split auxiliary systems see e.g. Aranovich 2005.

KUB 24.1 i 16–17

nu=mu DINGIR-LUM ištamanan **lagān hark** ‘O god, keep your ear inclined to me’. (Hoffner, Melchert 2008: 311)

In KBo 3.67 *karpan hark-* cannot have a pluperfect meanings, as the original action is expressed by *sara danzi* ‘to take up, lift’. *Karpan hark-* may only denote here an ongoing process or state: ‘to keep holding’.

Despite Hoffner and Melchert’s warning, it is tempting to consider those constructions in Hittite and in European languages to be related or having a common ancestor in PIE, since the auxiliary ‘to have’ is quite rare in the languages of the world. However the analysis of *hark-* forms by Boley, only briefly mentioned and in fact discarded in the grammar by H. Hoffner and H. Craig Melchert, makes it rather implausible.

In her monograph of 1984, J. Boley thoroughly studied all the contexts of *hark-* constructions, and she summarized the findings in her article of 1992. Her general conclusion was quite different from that of Benveniste and Hoffner and Melchert. First she argues that *hark-* is never to be regarded as an independent verb in such clauses, as the negation is always attested before both finite form of *hark-* and the participle (Boley 1992: 39ff.). For a few Old Hittite attestations she rather suggests a stative meaning or at least a reference to the current situation, similar to early Greek and Sanskrit perfects, cf.:

KBo 17.15 Vs. 14–16 [(UGULA^{LÚ.MEŠ} MUHALDIM)] (15) hassas katta kēt arta 6 harnāi^{SAR} harzi^{LÚ} hestā] (16) hassās katta edi **parsanān harzi** 6 harnai^{SAR} harzi ‘the head cook stands near the hearth on this side (and) holds 6 H., the^{LÚ} hestā crouches by the hearth on that side (and) holds 6 H.’ (Boley 1992: 40).

Note that **parsanān harzi** ‘crouches’ is parallel to *arta* ‘stands’.

However she also adduces one context with a resultative meaning already in Old Hittite original, KBo 22.1 Vs 23 natta=šmaš^{LÚ.MEŠ} DUGUD-aš tuppí **hazzian harzi** ‘(As my father lets you to your house and as he keeps writing to you), **has he not written/engraved** the tablet of the^{LÚ.MEŠ} DUGUD for you? (Boley 1992: 43).

In Middle and New Hittite we still find ‘stative’ usage of these forms, as in KUB 17.21 Vs. I 14–23 namma sumenzan DINGIR^{MEŠ}-as kue ALAM^{HI.A}=KUNU ŠA KU.BABBAR GUŠKIN (15) nu=ssan kuedani DINGIR^{LIM}-ni kuit tuēkkissi (16) anda wizzapan DINGIR^{MEŠ}-sa kue ÚNUTE^{MEŠ} wizzapanta (17) n=at anzel iwar EGIR-pa ŪL kuiski (18) **newahha[n hart]a** (19) namma=smas=san

SISKUR.SISKUR^{HI.A}-as parkuyannas uddanī (20) nahsarattan kissan ŪL kuiski **tiyan harta** (21) nu=smas UD-as ITU-as MU-ti meyaniyas SISKUR.SISKUR^{HI.A} (22) EZEN^{HI.A} kissan sarā ŪL kuiski (23) **tittanuwan harta**

‘Further the images of you gods of silver and gold, and whatever has become old to whatever god in his body, and what vessels of the gods have become old, no-one like us **kept them renewed**. Furthermore, no-one **had** fear **set** for the matter of your rituals’ purity in this manner; no-one **had/kept** the daily, monthly and New Year rituals and festivals **set up** in this manner for you.’ (Boley 1984: 43)³.

The *hark*-constructions are better translated as ‘used to do’ or ‘kept doing’. Later in the text it is stated that the situation changed after the war with Gaska people and these actions are no longer carried out.

However, the resultative usages are attested much more often and became a primary meaning of this construction. J. Boley maintains that these constructions never have clear anterior or pluperfect meaning (e.g. Boley 1992: 39, 55-56), as it is never attested in temporal clauses and can always be explained as a resultative. She also assumes a similar development from stative to resultative for *es*- + participle constructions (Boley 1992: 46ff.).

The constructions made of a participle of an intransitive verb and *es*- have never been studied in much detail. In the Old Hittite originals there are a few participles used predicatively, but the verbs involved are mostly transitive so they are better described as passive. As to the intransitive verbs, only *huwai*- ‘to run’ is attested as a predicate, regretfully in broken contexts (cf. also Boley 1992: 46). The examples are: KBo 8.74 + Vs. II 12 [x hēyawes=a n=e mān sēr **huyantes** (13) [m]a[?]nikuwantes mā[n]=e kattann=a **huyantes**, KBo 25.23 8 [... p]ēran **huyan**, KBo 20.19 I 13 []x **huyanza**[n]=e 3-ŠU wahanzi.

In Middle Hittite texts, where we have *huyant*- in preserved contexts, there seem to be no difference between *huyant*- + *es*- and simple present and preterite forms, cf. e.g. IBoT 1.36 II 22-23 GAL DUMU.MEŠ.É.GAL-ma=at LUGAL-i pāi nu ^{GIŠ}huluganniya piran GAL ^{LÚ.MEŠ}sālashas **huyanza** ^{GIŠ}PA harzi ‘and the chief-of-palace-

³ This is preferable to Singer’s translation “<...> no one had ever renewed them as we have, <...> .no one had established’ (Singer 2002: 41).

attendants gives it to the king. In front of the cart **walks** the chief-of-grooms and he holds the staff' (Güterbock, van den Hout 1991: 17).

It is not always possible to say whether we deal with a perfect with the function of a pluperfect, or a resultative⁴. The examples like HKM 25:15–19 Nu=ššan mān halkiēš **aranteš** n=aš=kan arha waršten 'When the crops **have ripened (lit., 'arrived')**, harvest them! (Bring them to the granary!)' (Translated as a perfect by Hoffner, Melchert 2008: 311). This ambiguity may be due to the fact that Hittite participles express a state, a result of the action, as was established by E. Neu (1968: 120ff.), cf. also Hoffner, Melchert 2008: 339. This can be supported by the fact that many Hittite periphrastic passives also seem to have a perfect meaning as well.

In general, Boley's arguments seem preferable. If there was originally a *hark-* construction with a 'stative' meaning, that later developed into a resultative and further into a true perfect, it matches well the available typological data where possessive constructions and constructions with a copula may develop into a resultative which in turn may become a perfect (Bybee, Dahl 1989: 67-78, Сичинава 2005: 87ff.). The idea of two synchronically homonymous and unrelated constructions with stative and pluperfect meanings, on the other hand, seems rather improbable. However, it is quite possible that in the Late Hittite we may deal with true perfects (cf. the passages from the Bronze Tablet in Boley 1992: 54ff.).

In this case an independent development of the periphrastic constructions with *hark-* and *es-* is to be assumed, which later merged into one split auxiliary system. Due to the high frequency and persistence of several expressions like *karpan hark-*, *lagan hark-* and *huyant-* + *es-* it may be assumed that it was these expressions that set the stage for the development of resultative constructions in Hittite.

While the construction with the auxiliary *hark-* is well attested since Old Hittite originals, the *es-* + participle of an intransitive verb is more or less rare even in the New Hittite texts. Beside *huwai-* 'to run' and *ar-* 'to come, arrive', there are predicative participles of *pai-* 'to go', *watku-* 'to jump, flee', *wariss-* 'to come to help' and a few more that are usually attested since Suppiluliuma I. That may mean

⁴ For the criteria for distinguishing perfects and resultatives see Недялков 1983.

that *es* + participle became a distinct resultative construction later than the one with *hark-*.

The earlier emergence of the resultative construction with *hark-* may explain its usage with several intransitive verbs as well, as *hark-* may have started to spread on certain types of intransitives. Besides *parsnai-* ‘to crouch’ J. Boley (1992: 40ff.) lists *lalukisnu-* ‘to give light’, *wahnu-* ‘to turn’, *wastanu-* ‘to sin’, *es-* ‘to sit’⁵, *kururiyahh-* ‘to make war (on)’, *karussie-* ‘to be silent’. It is remarkable that 4 of these intransitive verbs have causative/factitive suffixes *-nu-* and *-ahh-* that could justify the involvement of *hark-* as an auxiliary. Boley argues that these verbs with the exception of *karussie-* and *es-* have an internal object (1992: 41f.), which doesn’t seem plausible. We may note, however, that the verbs that take *es-* as an auxiliary are mostly verbs of movement, while the verbs that take *hark-* denote controlled actions. This distribution is in accord with the Auxiliary Selection Hierarchy, established for Western European languages by A. Sorace (2000), cf. also Aranovich 2007: 15ff, where non-motional controlled verbs universally take *have* while motional verbs may take both *have* and *be*, depending on the language.

References

- Недялков, Яхонтов 1983 – Недялков В. П., Яхонтов С. Е. Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций. Ред. В. П. Недялков. Л.: Наука. С. 5–41.
- Сичинава 2005 – Сичинава Д. В. Типология глагольных систем с синонимией базовых элементов парадигмы. Дисс. ... канд. филол. наук. М., МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Aranovich 2007 – Aranovich R. (ed.). Split-auxiliary systems: a cross-linguistic perspective. Amsterdam.
- Benveniste 1962 – Benveniste E.. Hittite et indo-européen: études comparatives. Paris.
- Boley 1984 – Boley J. The Hittite *hark-*Construction. IBS 44. Innsbruck.
- Boley 1992 – Boley J. The Hittite periphrastic constructions. *Per Una Grammatica Ittita*. Ed.: O. Carruba. Pavia. P. 33–59.
- Bybee, Dahl 1989 – Bybee J., Dahl E. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world. *Studies in Language* 13–1. P. 51–103.

⁵ J. Boley considers *āppa asān hark-* to be obscure; J. Puhvel, however, translates KUB 32.121 II 22]-*kan āppa tuk-pat asān harweni* as ‘we are seated behind you’ (Puhvel 1991: 149).

- Drinka 2003 – Drinka B. The formation of periphrastic perfects and passives in Europe. *Historical linguistics 2001*. Amsterdam: Benjamins. P. 105–128.
- Garrett 1996 – Garrett A. Wackernagel's Law and Unaccusativity in Hittite. *Approaching second: Second position clitics and Related Phenomena*. Eds.: A.L. Halpern, A.M. Zwicky. Stanford. P. 85–133.
- Güterbock, van den Hout 1991 – Güterbock H., van den Hout Theo. *The Hittite instruction for the royal bodyguard*. Chicago.
- Hoffner, Melchert 2008 – Hoffner H., Melchert H. C. *A Grammar of the Hittite Language*. Winona Lake: Eisenbrauns.
- Neu 1968 – Neu E. *Das hethitische Mediopassiv und seine indogermanischen Grundlagen*. StBoT 6. Wiesbaden.
- Puhvel 1991 – Puhvel J. *Hittite Etymological Dictionary*. Volume 3; Words beginning with H. Berlin; New-York.
- Singer 2002 – Singer I. *Hittite prayers*. Leiden: Brill.
- Sorace 2000 – Sorace A. Gradients in auxiliary selection with intransitive verbs. *Language* 76. P. 859–890.

A. V. Shatskov. Split auxiliary system in Hittite?

According to the Hittite grammar by H. Hoffner and H. Craig Melchert (2008: 310ff.) there are 2 homonymous types of periphrastic constructions with the verbs *hark-* 'to have' and *es-* 'to be' with participles in Hittite. J. Boley however (1984, 1992) who thoroughly studied Hittite constructions with the auxiliary *hark-* argues that originally *hark-* + participle had a stative meaning and later it developed a resultative meaning. This latter approach is preferable since it is supported by cross-linguistic parallels. The constructions with the auxiliaries *hark-* and *es-* are likely to have developed independently from possessive constructions and copula + participle.

С. Ю. Щербина

ДИДАКТИЧНОСТЬ КАК ПРИЗНАК АФОРИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ АФОРИЗМОВ ГАНСА КУДСЦУСА)

Резюме. В работе дидактичность (морально-этическая направленность текста) рассматривается как неотъемлемый признак афоризма. Она имеет комплексный характер и реализуется в афоризме при помощи разноуровневых языковых единиц.

Помимо средств генерализации, субъективной и объективной модальности для экспликации дидактичности используют модифицированные фразеологизмы, клише и определенные модели предложений. Особую роль выполняет при этом графика (курсив, дефис, кавычки). Средства экспликации дидактичности и связанной с ней оценки в афоризмах тесно взаимодействуют и наслаиваются друг на друга.

Ключевые слова: афоризм, дидактичность, средства дидактичности, обобщенность, генерализация, объективная модальность, субъективная модальность; aphorism, didacticism, ways of expressing didacticism, generalization, objective modality, subjective modality.

Наметившийся в последнее время интерес лингвистики текста к малоформатным текстам привел к появлению целого ряда публикаций об афоризмах, в которых затрагиваются самые разные аспекты афористики. Тем не менее, даже некоторые конститутивные признаки афоризмов исследователи трактуют по-разному. Очевидно, что это связано не только с направленностью конкретного исследования, но и с недостаточной разработанностью общей лингвистической теории данного типа текста¹. К проблемным вопросам, в частности, можно отнести деление на самостоятельные (внеконтекстные) и вводные (включенные в текст) афоризмы, определение верхней границы афоризмов и выявление их конститутивных (обязательных и факультативных) признаков (Fricke 1984, Федоренко, Сокольская 1990; Ваганова 2002).

¹ Отчасти такое положение обусловлено тем, что теорию афоризма первоначально разрабатывали литературоведы (см., например, известную монографию Н. Т. Федоренко и Л. И. Сокольской, указанную в библиографическом списке).

Некоторые из названных проблем уже являлись предметом нашего исследования: вслед за Г. Фрике мы понимаем под афоризмами только самостоятельные (внеконтекстные) малоформатные тексты (Ščerbina 2003: 251–252; Щербина 2006: 185–186). Поскольку дидактичность как признак афоризма во многих публикациях в большей степени постулируется, чем доказывается, остановимся на ней более подробно.

Представляется, что под дидактичностью афоризма можно понимать его морально-этическую направленность, которая должна иметь конкретное лингвистическое воплощение.

Известно, что афоризм выражает индивидуальную мудрую мысль, «которая представлена как общезначимая и оригинальная по форме и содержанию» (Манякина 1981: 4). При этом «общезначимость», т. е. ценность содержащейся в афоризме информации для широкого круга людей, сопряжена в основном с дидактической направленностью жанра. В языковом же проявлении общезначимость связана с обобщенностью суждения и, следовательно, с предметом афористического высказывания (Манякина 1976: 90).

До настоящего времени считалось, что основными средствами экспликации обобщенности, в первую очередь, являются средства генерализации и некоторые специфические лексико-грамматические показатели (Дмитриева 1997: 9). Однако думается, что экспликация обобщенности возможна и при помощи предпочтительного употребления некоторых других средств. Об этом, пожалуй, косвенно свидетельствуют высказывания о дву-членной форме (двухаспектности) афоризма (Федоренко, Сокольская 1990: 40), употребительности превосходной степени прилагательных, дефиниций (дефинитивных конструкций) и отождествительных структур (Fricke 1984: 141–142), типизированности семантико-языковой структуры афоризмов, которая обуславливает известную предсказуемость информации (Манякина 1981: 19).

Названные структурно-языковые особенности, безусловно, не могут не влиять на экспликацию дидактической направленности афоризма. Тогда логично было бы представить обобщенность как комплексное, многоплановое явление, на основе которого в значительной степени и возникает дидактическая направленность афоризма как типа текста.

Обратимся теперь к афоризмам из творчества известного немецкого автора Г. Кудсцуса² (Kudszus 1970) для выявления типичных средств обобщения.

1. Самыми известными из них являются разнообразные **средства генерализации**, среди которых лучше других изучены в этой функции презенс и определенный артикль:

а) **панхронический (вневременной) презенс**:

(1) *Jeder ist unentbehrlich: sich selber*³.

(2) *Ohne Ballast hat kein Schiff Tiefgang.*

Как явствует из примеров, панхронический презенс может сочетаться со вспомогательным глаголами «sein» или «haben» со стертой семантикой. Кроме того его употребление могут подготавливать глаголы неопределенной семантики и ситуация, которая эксплицитно или имплицитно выражена (т.е. может быть домыслена), например, при помощи обстоятельства времени со значением «всегда», «обычно» (ср.: Sowinski 1991: 173):

(3) *Jede Hoffnung gibt mehr Kraft als zehn Erinnerungen.*

Академическая грамматика немецкого языка указывает в связи со значением генерализации на временную индифферентность презенса и его использование для обозначения чего-то обычного, общепринятого, узуального, повторяющегося, т. е. не ограниченного моментом речи факта или события (Grundzüge einer deutschen Grammatik 1980: 509).

² Ганс Кудсцус (1901–1977) – философ, писатель, журналист, с 1967 г. почетный доктор Свободного университета в Берлине (Freie Universität Berlin) является, по мнению известного философа В. Адорно (ФРГ), одним из самых значительных и ярких немецких афористов XX века и в определенной мере продолжателем идей другого немецкого философа Л. Витгенштейна. Не случайно одна из рецензий в газете «Зюддойче Цайтунг» (1976) к 75-летию юбилею Ганса Кудсцуса имеет емкое название «Немецкий Сократ». Всего опубликовано две антологии афоризмов Г. Кудсцуса: «Jaworte, Neinworte. Aphorismen» (Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1970) и «Das Denken bei sich. Aphorismen» (Köln: Matto, 2002). За публикацию эссе, рецензий и афоризмов в «Тагесшпигель», а также в «Берлинер Цайтунг» Г. Кудсцус был удостоен в 1963 г. Немецкой премии критиков (Deutscher Kritikerpreis).

³ Во всех приводимых примерах сохранено правописание из сборника Г. Кудсцуса (см. библиографический список).

б) определенный артикль в единственном числе:

(4) *Der Mensch ist das einzige Wesen, das sich selber nicht gewachsen ist.*

Обобщение выражено здесь эксплицитно, так как единственное число подразумевает множественное: *der Mensch = die/alle Menschen*. Такой излюбленный в афористике прием является одним из видов метонимии – синекдохой (*pars pro toto*). Разумеется, что в аналогичном значении для номинации класса/вида предметов или явлений возможно и употребление множественного числа без артикля (с нулевым артиклем):

(5) *Auch Falter tragen ihr Gewicht.*

в) имена существительные с абстрактным значением:

(6) *Schönheit strahlt, Geist glänzt; und beide können blenden. Güte wärmt.*

Абстрактные имена (здесь: *Schönheit, Geist, Güte*) называют ключевые для соответствующего автора и для общества в целом понятия, имеющие непреходящую, вечную ценность. Тем самым они как бы смыкаются с доминирующим в афоризмах панхроническим презенсом и другими средствами генерализации и оценки, усиливая эффект обобщения и дидактичности. О важности подобных понятий свидетельствуют антологии, в которых афоризмы одного или разных авторов сгруппированы по определенной тематике, в том числе и цитируемый сборник афоризмов Г. Кудсуса, для которого ключевыми темами являются «характер», «мужество», «жизнь», «смерть», «нужда», «ложь», «счастье», «жертва» и некоторые другие. Таким образом, афоризмы через соответствующие концепты служат средством отражения определенной картины мира автора афоризма (Анастасьева 2008: 128).

2. Разная степень обобщенности от неопределенной до глобальной, своего рода градация, может выражаться некоторыми лексико-грамматическими средствами:

а) неопределенными местоимениями:

(7) *Jedes Genie hinterläßt auf dem Antlitz der Menschheit eine Narbe.*

(8) *Alle Wurzeln wachsen im Dunklen.*

(9) *Mancher versteht uns nicht, weil er zu viel von uns weiß*

(10) *Nichts schwieriger, als sein eigener Partner zu werden.*

Очевидно, что вследствие разной семантики (референции) местоимений степень выражаемой ими обобщенности, а сле-

довательно, и категоричности высказываний различна. У лексем «jedes» и «alle» она максимальна, «mancher» выражает ее снижение (ограничение). «Nichts» и также встречающееся «niemand» находятся по отношению к местоимениям «jedes» и «alle» на противоположном полюсе и также максимально обобщает через полное отрицание.

б) неопределенно-личным местоимением «man»:

(11) *Man muß nicht Engel sein, um auf einer Harfe richtig spielen zu können.*

Хорошо известно, что местоимение «man» в одном из своих значений выражает высокую степень обобщения (Riesel, Schendels 1975: 104). Можно предположить, что его употребление в афоризмах свидетельствует о желании представителей малого жанра облекать свои субъективные мысли в объективную форму.

в) личными местоимениями:

(12) *Ich hörte schon oft sagen: „Sie ist eine Schönheit“; aber noch nie: „Sie ist eine Klugheit“; das duldet schon die Sprache nicht. Warum?*

(13) *Er ist gar nicht weise, er ist nur müde.*

(14) *Wo wir die Nerven verlieren, gewinnen uns die Nerven.*

Несмотря на субъективность афоризма как жанра, большинство авторов избегает использовать личные местоимения «ich» и «er/sie» в своих текстах. Обычно субъективные оценки стараются максимально «объективировать», воплотив их в соответствующую языковую форму. Так в антологии Г. Кудсуса личное местоимение «ich» отмечено только один раз (пример 12). Личные местоимения «er» и особенно «wir» встречаются чаще. В целом такая референция соответствует основной тенденции в афористике, так как чем более лично сформулированы афоризмы, тем меньше они обобщают (Larre 1989: 75–76).

Возможно, Г. Кудсус употребляет «чуждое» афоризму местоимение «er» в подражание основоположнику немецкой афористики Г. К. Лихтенбергу⁴. Кроме того это местоимение в

⁴ Георг Кристоф Лихтенберг (1742–1799) – физик и математик, астроном, профессор университета в г. Геттинген. Под влиянием идей И. Канта и Б. Спинозы и французских моралистов он становится видным представителем эпохи просвещения. С 1764 г. Г. К. Лихтенберг вел разнообразные дневниковые записи в виде отдельных тетрадей,

определенной степени типизирует и сигнализирует авторскую дистанцию (иронию или критику). И, наоборот, употребление местоимения «wir» свидетельствует о включенности (либо идентификации с называемым явлением) и об интенции автора участвовать в чем-либо (Grundzüge einer deutschen Grammatik 1980: 655). Таким образом, афоризмы с местоимениями «er» – «wir» фактически противопоставлены друг другу по принципу невключенности (наличия дистанции) – включенности (отсутствия дистанции) автора.

г) некоторыми **наречиями с семой времени** (например, «oft», «nie», «niemals», «immer»):

(17) *Der Hecht ist immer im selben Teich wie die Karpfen, die er jagt.*

(18) *Der Tag wird der Nacht niemals glauben, daß es Sterne gibt.*

Несомненно, подобные наречия характеризуют степень «частотности» и тем самым распространенности или важности предмета высказывания по шкале «высокая – (средняя) – (низкая) – нулевая». В сочетании с другими средствами они эксплицируют либо усиливают уровень генерализации. Заметим в этой связи, что в цитируемом сборнике не отмечены другие наречия с семой времени как, например, «manchmal», «gewöhnlich», «selten». С одной стороны это связано с особенностями авторского стиля, а с другой, как и в случае с неопределенными местоимениями позволяет добиться максимального или близкого к нему по интенсивности обобщения посредством неограниченного утверждения или полного отрицания.

3. С обобщенностью, безусловно, коррелируют также разнообразные средства **объективной** и **субъективной модальности**, так как морально-философская направленность афоризма невозможна без использования средств оценки.

Объективная модальность выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности (т. е. осуществимости или осуществленности) и ирреальности (т. е. неосуществленности). Ее можно представить в виде оппозиции изъяви-

которые он назвал «Sudelbücher» («черновые наброски»). Эти наброски, заметки, замечания и афоризмы не были изначально предназначены для публикации и были изданы только после смерти автора. Стиль Г. К. Лихтенберга оказал, однако, значительное влияние на творчество всех последующих немецких афористов, а его самого считают основоположником этого жанра в Германии.

тельного и «ирреальных» наклонений (сослагательного/условного и побудительного) (ЛЭС: 303).

Даже беглый просмотр афоризмов любого автора показывает, что подавляющее большинство из них сформулировано в изъявительном наклонении. Так, из нескольких сотен афоризмов Г. Кудсуса конъюнктив (сослагательное наклонение) отмечен примерно в десяти высказываниях. Это и не удивительно, так как индикатив сам по себе нейтрален, индифферентен по отношению к высказыванию афоризма в том плане, что эксплицирует его «безграничность», всеобъемлющий характер и тем самым общепринятость. Данное свойство индикатива в афоризмах обычно наслаивается на другие описанные выше средства обобщения, хотя и может быть ограничено некоторыми модальными средствами.

Интересно, что сослагательное наклонение, которое в немецком языке может передавать широкий спектр модальных значений косвенной (совет) или прямой императивности (прямой приказ), вежливости, просьбы или желания, а также ирреальности, употребляется в цитируемом сборнике почти исключительно в последнем значении. Приведем некоторые из примеров с ирреальным конъюнктивом:

(19) *Man könnte ihn einen Denker nennen, wenn er zu seinen vielen Fäden ein Labyrinth gefunden hätte.*

(20) *Das Leben wäre ein Paradies, wenn wir schon dort Frieden finden, wo wir Frieden machen.*

(21) *Und wären wir Genies der Entsagung – einem können wir nicht entsagen: dem Leid. Denn Entsagung ist Leid.*

В подобных случаях конъюнктив выражает не только субъективизм автора, его иронию или даже сарказм. Невозможность или нереальность какого-либо качества либо явления как минимум косвенно связаны с определенным, возможно, недостижимым морально-этическим ориентиром и таким образом эксплицируют позицию автора.

В отдельных афоризмах встречаем конъюнктив со значением косвенной модальности для экспликации совета или правила, которым нужно следовать:

(22) *Über den Menschen sollte nur reden, wer über ihn verstummt ist.*

(23) *Man müsste den Autor der Geschichten kennen, die wir uns und anderen erzählen, wenn wir von uns selbst sprechen.*

Конъюнктив со значением прямой императивности (приказа) в цитируемой антологии отсутствует, но в единичных случаях использованы модальные глаголы «müssen» и «sollen» в индикативе, которые выражают большую степень императивности/долженствования в сравнении с соответствующими формами конъюнктива:

24) *Du sollst eine Leiter, auf der du in den Himmel stiegst, nicht ob ihrer hölzernen Art verspotten.*

(25) *Wir müssen die blaue Blume suchen, um einen Kaktus zu finden.*

Отметим также, что такое средство прямой императивности как повелительное наклонение (императив) глагола в афоризмах Г. Кудсцуса не употребляется вовсе. Можно сделать вывод о том, что автор избегает явной назидательности или морализации, что, однако, не мешает ему эксплицитно выражать свою морально-этическую позицию.

Субъективная (текстовая) модальность (экспрессивность) отражает отношение говорящего к сообщаемому, эмоционально-волевою установкой автора текста. Ее основу образует понятие оценки в широком смысле слова (СЭС: 549).

Назовем лишь некоторые способы авторской оценки в текстах Г. Кудсцуза:

а) модальные слова и частицы:

(26) *Ein Paradies ist erst dann, aber auch schon dann zerstört, wenn die Sehnsucht nach ihm erstorben ist.*

(27) *Sonnen versinken nur in unseren Augen.*

(28) *In der Krankheit des Menschen weiß der Tod nicht, was er eigentlich ist.*

(29) *Vielleicht verdunkelt das Licht, in dem wir stehen, die Wahrheit mehr, als das Dunkel sie erhellt.*

Уступительно-ограничительные частицы «nur», «erst», «schon», «dann», «vielleicht», а также некоторые другие характерны как для устной, так и для письменной разновидности немецкого языка. Выражаемые ими нюансы модальных значений особенно важны именно в коротких и емких афоризмах, когда из минимального языкового материала создается насыщенное содержание. Конечно, при этом существуют и авторские предпочтения. Так, Г. К. Лихтенберг, а впоследствии Э. Канет-

ти⁵ особенно часто использовали в своих афоризмах модальные частицы «wohl» и «vielleicht», которые позволяют отказаться от излишней категоричности и назидательности. К тому же, названные частицы позволяют авторам подвергать сомнению не только чужие высказывания, но и свои собственные.

б) превосходная степень имен прилагательных:

(30) *Das beste Gewissen ist immer nur ein gutes Gewissen. Ein schlechtes Gewissen kann immer noch schlechter werden.*

(31) *Die größten Leidenschaften nähren sich von der tiefsten Einsicht in ihre Unmöglichkeit.*

В зависимости от семантики прилагательного превосходная степень обозначает на шкале градации либо максимально положительный, либо максимально отрицательный полюс качества. Первый пример искусно построен на параллелизме и антитезах, в том числе путем противопоставления соответственно превосходной и положительной степеней сравнения прилагательного «gut» в первом предложении, а также положительной и сравнительной степени прилагательного «schlecht» во втором. Эффект высказывания усиливается, так как названные прилагательные являются антонимами, а итоговая цепочка сравнений (градация) выглядит следующим образом: «das beste» – «gut» – «schlecht» – «schlechter».

Пример (31) построен на частичном параллелизме двух прилагательных в превосходной степени и общей содержательной антитезе, на которой строится данный афоризм. Однако нередко структура афоризма, который содержит превосходную степень прилагательного, выглядит намного проще:

⁵ Элиас Канетти (1905–1994) – писатель, лауреат многих литературных премий немецкоязычных стран, а также Нобелевской премии по литературе (1981). Является автором романа, нескольких драм, многотомной автобиографии, путевых заметок, эссе и афоризмов. Ключевым произведением Э. Канетти следует признать художественно-психологическое исследование «Masse und Macht» («Масса и власть») (1963). В своих многочисленных афоризмах, которые он называет «афористическими заметками» и которые публиковались последовательно в нескольких отдельных, хронологически выстроенных антологиях на протяжении примерно 30 лет, Э. Канетти нередко использует необычную для афоризма референцию – личное местоимение 1 л. ед. ч. «ich».

(32) *Verwegenstes aller Abenteuer: zu sich selbst „ich“ zu sagen.*

К прилагательным в превосходной степени примыкает и субстантивация – переход прилагательного в превосходной степени в разряд существительных:

(33) *Das Wichtigste nahm man noch nie unter die menschlichen Grundrechte auf: das Recht auf Einsamkeit.*

При этом признак или качество становится предметом или явлением, а в приведенном примере абстрактным понятием (ср. пункт 1в).

в) обыгрывание (модификации) фразеологизмов и клише:

К излюбленным приемам Г. Кудсуса относится модификация пословиц и других фразеологизмов. В сборнике имеется целый раздел, который называется «Dialektik der Sprichwörter». Не вдаваясь в дискуссию о сущности пословиц и правомерности их отнесения к фразеологии, заметим, что пословицы выражают общепринятые правила морали и поведения, которые не обсуждаются, а принимаются а priori. Поэтому они могут служить исходным пунктом афоризмов, в которых, с одной стороны, подвергаются сомнениям или отвергаются некоторые прописные истины, а с другой, предпринимается попытка их переосмысления.

Обратимся к конкретным примерам:

(34) *Keine Ausnahme ohne Regel.*

(35) *„Lügen haben kurze Beine“; und lange Arme.*

В первом примере произведена простая и изящная трансформация, при которой на формально-структурном уровне изменена последовательность существительных в исходной пословице: «Keine Regel ohne Ausnahme». Во втором добавлен комментарий, который в корне меняет суть исходной пословицы. В обоих случаях происходит переосмысление, казалось бы, устойчивых норм и их переоценка. Фактически автор провоцирует читателя и полемизирует с ним.

Весьма разнообразны и окказиональные модификации других фразеологических единиц:

(36) *Das beste an zwei Stühlen ist, das man zwischen ihnen sitzen kann.*

(37) *Wenn wir die letzte Maske ablegen, verlieren wir unser Gesicht.*

(38) *Dem Glücklichen schlägt keine Stunde, weil er immer weiß, was sie geschlagen hat.*

(39) *Wenn wir die Nerven verlieren, gewinnen uns die Nerven.*

Разнообразные приемы варьирования устойчивых выражений позволяют Г. Кудсусу обозначить свою позицию при анализе шаблонов повседневного мышления. В примере (36) это достигается за счет прочтения пейоративной коннотации исходного фразеологизма «zwischen zwei Stühlen sitzen» как положительной, что подчеркивает превосходная степень прилагательного «das beste» с положительной семантикой.

Контраст же в примерах (37) и (39) вызван столкновением переносного и прямого значения соответствующих фразеологизмов, т. е. амбивалентностью. В примере (38) антитезу (а вместе с ней и оценку) создают различные временные формы глагола.

В антологии встречаются также другие аллюзии:

(40) *Sisyphos ist die Devotion der Götter vor der Schwerkraft der Erde.*

(41) *„Der Mensch lebt nicht vom Brot allein.“ Diese unwesentliche Richtigkeit ist ein schwaches Echo der wesentlichen Wahrheit: Das Brot wächst nicht vom Menschen allein.*

Первая обыгрывает миф о Сизифе и возникший на его основе известный фразеологизм, полностью изменяя оценку мифологического факта: «бесполезный труд» заменяется на «бессилие богов перед притяжением земли». Вторая эксплицитно выражена цитатой из библии, которая далее релятивируется в комментарии при помощи хиазма.

г) авторские графические средства:

В первую очередь к ним относится написание сложносоставных слов и суффиксально-аффиксальных образований через дефис, чтобы подчеркнуть некоторую автономность (а, следовательно, и вес) их компонентов. Это один из любимых приемов Г. Кудсуса, который, например, может подчеркивать одновременную актуализацию значения одного из компонентов слова и слова как знака в целом, например, «Vor-bild», «vor-leiden» и «Stand-Punkt»:

(42) *Vor-bild sein, heißt in erster Linie vor-leiden können.*

(43) *Er war sich selber so fremd-vertraut, daß er allnächtlich zu sich sagte: „gute Nacht!“*

(44) *Mein Stand-„Punkt“? Habe ich nicht. Nur eine Stand-Linie, auf der man von Punkt zu Punkt stolpern oder stürzen kann. Im Untergang aufgehen.*

В случае с «fremd-vertraut» (43) и «Stand-Linie» (44) налицо соответственно оксюморон и другое окказиональное образование, которые благодаря своей парадоксальности заставляют по-новому взглянуть на традиционные понятия и проблемы.

Кроме написания через дефис в афоризмах Г. Кудсуса находим курсив и выделение кавычками, которые заставляют читателя фокусировать внимание на ключевых словах и задуматься, чтобы домыслить авторское высказывание либо заново осмыслить известные истины⁶:

(45) *Um **einen** Gedanken haben zu können, müssen wir uns **viele** aus dem Kopf geschlagen haben.*

(46) *Die Toten „schlafen“ sowenig, wie daß sie „mahnen“; die Toten sind ... tot.*

д) средства образности:

Средства образности передают субъективное авторское видение проблем и поэтому содержат определенную оценку, которую не всегда можно свести к признаку «хорошо» или «плохо» (ср.: С: 140).

К приемам Г. Кудсуса относится персонификация абстрактных понятий «Gedankenlosigkeit», «Herzlosigkeit», «Sehnsucht», «Angst», оформленная в двух первых примерах (квази-) дефинициями, а в последнем антропоцентричным фразеологизмом «Gras wachsen hören»:

(47) *Gedankenlosigkeit ist die Tochter der Herzlosigkeit.*

(48) *Die Sehnsucht des Marmors ist der Bildhauer.*

(49) *Angst hört das Gras wachsen und die Steine schreien.*

е) **клишированность** афоризмов, т. е. типизированность их семантико-языковой структуры, которая проявляется в предпочтительном употреблении определенных синтаксических моделей, например:

(50) *Charakter ist Mut zur Monotonie.*

(51) *Guter Geschmack ist nicht die schlechteste Moral.*

Данные примеры напоминают квази-дефиниции и являются излюбленным приемом многих авторов, в том числе и Г. Кудс-

⁶ Так как в тексте данной статьи все примеры приводятся курсивом, авторский курсив Г. Кудсуса выделен жирным шрифтом.

цуса. Представляется, что это отнюдь не случайные стилистические особенности или предпочтения. Выбор синтаксической модели типа «A ist A/B» (т. е. определения) открывает целый ряд оценочных возможностей (см. также примеры (40) и (47). Ведь определения (квази-дефиниции) неожиданно высвечивают новые грани хорошо известного явления и поэтому достаточно парадоксальны и субъективны. Их четко выраженная двучленная форма способствует тому, что в первой части называется явление или понятие, а во второй раскрывается его суть. При этом авторы могут варьировать типы определений, использовать некоторые другие глаголы-связки (*bedeuten, heißen*) либо опускать их вовсе (заменять двоеточием или тире) (Ščerbina 2005).

К другим типизированным структурам следует отнести афоризмы, построенные по моделям пословиц «Ohne A kein (fehlt) B», «wer etwas tut, der...», «wenn etwas eintrifft, (dann) geschieht etwas» и т.д. и представляющие собой вследствие чередования ударных и безударных слогов ритмически организованную прозу:

(52) *Ohne Flügel ist Amor nur ein kleiner Nackedei.*

(53) *Wer in falscher Richtung wandert, geht auch vorwärts.*

(54) *Wenn zweier Menschen Wege sich kreuzen, entsteht notwendig ein Kreuz.*

Выбор таких структур/моделей отнюдь не случаен. Во-первых, в случае трансформаций они легко узнаются носителями языка как аллюзии на известные пословицы. Во-вторых, при формулировании собственных квази-пословиц последние легко узнаваемы вследствие характерных просодических средств. Поскольку пословицы обобщают определенный опыт, являются предельно краткими и легко запоминающимися высказываниями, в том числе благодаря своей просодии, они представляют идеальный исходный материал для афоризмов.

Двучленность афоризмов нередко выражена на формально-логическом уровне также двойными союзами или параллельными конструкциями в функции сравнения или противопоставления (см. также пример 39):

(55) *Wenn ein jemand zu mir spricht, vertreibt er die Stille, die in mir war. Wenn ein Du mit mir spricht, bannt es die Stille, die in mir ist.*

(56) *Wer verzweifelt, stirbt; wer noch lebt, spielt Verzweifelten.*

(57) *Je überspitzter ein Gedanke, um so zerbrechlicher.*

Как видно из многочисленных примеров, названные при анализе отдельные средства экспликации дидактичности и связанной с ней оценки в афоризмах тесно взаимодействуют и наслаиваются друг на друга, что позволяет Г. Кудсцусу более точно сформулировать свои этико-философские взгляды на некоторые «вечные» проблемы.

Разумеется, настоящая статья не претендует на исчерпывающий анализ всех возможных средств дидактизации, которые, как показывает анализ, в основном представлены обобщающими и оценочными средствами. Среди обобщающих средств в первую очередь следует назвать панхронический презенс, определенный артикль, имена существительные с абстрактной семантикой, (специфическую) референцию предпочтительных личных местоимений, наречия с семой времени.

С обобщенностью, очевидно, коррелируют также разнообразные средства объективной и субъективной модальности, так как морально-философская направленность афоризма невозможна без экспликации авторской оценки. При этом Г. Кудсцус практически отказывается от назидательности (прямой оценки) и предпочитает косвенную оценку. Последнюю эксплицируют модальные слова и частицы, степени сравнения прилагательных, обыгрывание афоризмов и клише, аллюзии, некоторые предпочтительные синтаксические структуры в сочетании с просодией и авторскими графостилистическими средствами.

В связи с тем, что средства оценки пока недостаточно исследованы, представляется, что их дальнейшее изучение на материале афоризмов следует продолжить. Однако уже сейчас с определенной долей уверенности можно сделать предварительный вывод о том, что они являются неотъемлемой частью дидактического содержания афоризма. Тогда «дидактичность» как свойство афористического текста следует рассматривать как многоплановое явление, которое не ограничено рамками традиционных средств обобщения.

Очевидным представляется и тот факт, что дидактичность характерна также для других типов текстов. Для определения уровня (плотности, насыщенности) дидактичности разных жанров и типов текстов дидактической направленности как, например, басня, сказка, притча, проповедь необходим анализ соответствующего текстового материала.

Литература

- Анастасьева 2008 – Анастасьева О. А. Отображение концепта «брак (супружество)» как элемента картины мира в англоязычных афоризмах // Наукові записки. Серія: Філологічні науки (мовознавство). Вып. 75 (4). Кіровоград. С. 126–129.
- Ваганова 2002 – Ваганова Е. Ю. Афоризм как тип текста в аспекте интертекстуальности: на материале немецкого языка: диссертация... канд. филол. наук. Калининград.
- Дмитриева 1997 – Дмитриева О. А. Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов (на материале французского и русского языков): автореф. дис.... канд. филол. наук. Волгоград.
- ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева (ред.). М.
- Манякина 1981 – Манякина Т. И. Языково-стилистическая характеристика жанра афоризма (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев.
- Манякина 1976 – Манякина Т. И. Жанрово-стилевые черты афоризма и специфика их языковой реализации // Вопросы теории романогерманских языков: сб. научн. ст. Днепропетровск. С. 85–93.
- СЭС 2003 – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / М. Н. Кожина (ред.). М.
- Федоренко 1990 – Н. Т. Федоренко, Л. И. Сокольская. Афористика. М.
- Щербина 2006 – Щербина С. Ю. К проблеме делимитации малоформатных дидактических текстов Э. Канетти и Г. К. Лихтенберга // Язык как структурная и социальная практика. Межвуз. сборник научных трудов. Выпуск 6-7. Хабаровск, С. 184-196.
- Fricke 1984 – Fricke H. Aphorismus. Stuttgart, 1984.
- Grundzüge 1981 – Grundzüge einer deutschen Grammatik / K. E. Heidolph [et.al.]. Berlin.
- Kudszus 1970 – Kudszus H. Jaworte, Neinworte. Aphorismen. Mit einer Einführung von D. Hildebrandt. Frankfurt am Main.
- Lappe 1989 – Lappe Th. Elias Canettis „Aufzeichnungen 1942 – 1985“. Modell und Dialog als Konstituenten einer programmatischen Utopie. Aachen.
- Riesel 1975 – Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. Moskau.
- Sowinski 1991 – Sowinski B. Deutsche Stilistik. Frankfurt am Main.
- Stölzel 1998 – Stölzel T. Rohe und polierte Gedanken. Studien zur Wirkungsgeschichte aphoristischer Texte. Freiburg und Breisigau.
- Ščerbina 2003 – Ščerbina S. Kurt Tucholskys „Schnipsel“ texttypologisch betrachtet // Das WORT. Germanistisches Jahrbuch. Moskau. S. 249–264.
- Ščerbina 2005 – Ščerbina S. Die Scheindefinition als didaktisches Mittel bei Lichtenberg, Tucholsky und Canetti // Wort – Text – Kultur: Beiträge zur Germanistik. Chabarovsk. S. 145–159

**S. Ju. Ščerbina. Didacticism as an integral part of the aphorism
(Hans Kudzusz' aphorisms)**

The article deals with didacticism (understood as the general moral and ethical focus of the text) which the author views as an integral part of the aphorism. It has a complex character and is realized through various-level language units.

Besides generalization, subjective and objective modality, various other means are used to explicate didacticism including modified phraseological units, clichés, and some sentence types. A special role is assigned to graphic means such as italics, hyphen and inverted commas. Various means of explication of didacticism and estimation in aphorisms are in close interaction and accumulate on each other.

М. А. Ююкин

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ КАВКАЗ

Резюме. В статье предлагается и обосновывается новая этимология топонима Кавказ – как греческого сложения со значением ‘чаячья гора (скала)’: καύ-: καύαξ, καύηξ, ηκος ο, κήξ, κηϋξ ‘чайка (одна из морских разновидностей)’ + реконструируемое *κάσος η ‘гора’ или ‘скала’, засвидетельствованное во многих топонимах и антропонимах.

Ключевые слова: древнегреческий язык, топоним, этимология; Greek, toponym, etymology.

Как известно, топоним *Кавказ* впервые упоминается в сочинениях Эсхила и Геродота, т. е. вскоре после завершения процесса Великой греческой колонизации VIII–VI вв. до н. э., частью которого было освоение греками северных берегов Черного моря (см. Античная Греция 1: 366 и сл.), в форме Καύκασος, прил. Καυκάσιος (Доватур, Каллистов, Шишова 1982: 86, 97). Эта форма без каких-либо изменений была заимствована латинским языком, ср. у Овидия: «Sed non Caucasea doceo de pure puellas» ‘Но ведь я обучаю не девушек с Кавказских гор’ («Лекарство от любви»), «Devenit in Scythiam rigidique cacumine montis (Caucason appellans)» ‘спустилась в Скифию и на вершине суровой горы (ее называют Кавказом)’ («Метаморфозы») (Подосинов 1985: 48, 97, 52, 101), а из него попала в европейские языки: англ. Caucasus, нем. der Kaukasus и др. В русском языке название *Кавказа* впервые приводится в Лаврентьевской летописи (1377 г.): «Кавкасииские горы».

М. Фасмер связывает этот ороним с гот. *hauhs* ‘высокий’, лит. *kaĩkas* ‘шишка’, *kaukarà* ‘холм’ (Фасмер II: 153); также русск. *кука* ‘кулак’, *кукиш*, юж.-слав. и луж. слова для обозначения чего-то изогнутого, лит. *kaĩkas* в значениях ‘желвак’, ‘нарост’, ‘домовой’, ‘гном’, *kaĩkaras* ‘бугор, холм, вершина горы’, др.-прусск. {**kauk-*} (с многочисленными дериватами и сложениями, а также параллелями из других балтийских языков), др.-в.-н. *hōh* (совр. нем. *hoch*) ‘высокий’, англосакс. *hēah* (англ. *high*) ‘то же’, др.-исл. *haugr* (исл. *haugur*) ‘холм, курган, груды, (навозная) куча’, др.-инд. *kucáti* ‘корчится, съеживается, кривится’, тохар. В *kauc* ‘высокий’ < и.-е. **keu-k-* (:**kou-k-*)

(см. Фасмер II: 403–404; Pokorny I: 589; Топоров 1980: 274–275). Эта гипотеза представляется сомнительной: нетрудно заметить, что ареал распространения этой основы ограничен балто-славянско-германской диалектной областью (П. Гримм, И. К. Цейс, отчасти Ф. Бопп), а значение ‘возвышенность’ представлено исключительно в северной части этой области. Наличие рефлексов **keu-k-* (: **kou-k-*) в др.-инд. и тохар. не противоречит этой локализации, ибо эти народы до миграции могли непосредственно соседствовать с указанной областью, ср.: «Весьма вероятно, что ядро этой [индоиранской – М. Ю.] общности сложилось еще в южнорусских степях» (Хелимский 1990: 189), «Вероятные доист. связи тохар с финно-уграми могли бы послужить подтверждением гипотетич. пути тохар от лежащих на З. от Ср. Азии областей, где они могли соседствовать с предками носителей балт.-слав. и герм. языков...» (Иванов 1990: 517). Др.-инд. пример несет черты явной вторичности как по своему значению, так и в словообразовательном отношении (единственный в этом гнезде глагол от исконно именной основы).

О. Н. Трубачев считает, что название *Кавказ* было дано индоарийцами и привлекает для его этимологизации топонимический гапакс *Croucasis* (в других списках *Groucasis*) у Плиния Младшего: «*Scythae ipsi... Caucasum montem Croucasim, hoc est nive candidum*» ‘скифы сами... <называют> гору Кавказ *Croucasi-*’, т. е. ‘белоснежная’. Критикуя более ранние этимологии этого названия (от ир. *χrohukasi-* ‘сверкающий снегом’ (Маркварт), лтш. *kruvesis* ‘гололедица’, др.-в.-н. (*h*)*roso* ‘лед’ + др.-инд. *kāçatē* ‘блестит, сверкает’ (Кречмер), авест. *kahrkāsa-* ‘ястреб’ (Соболевский), автор, развивая этимологию П. К. Услара, рассматривает эту форму как первичную по отношению к *Καύκατος* и реконструирует для этого топонима инверсионную и.-ар. праформу **grāva-kāśa* ‘блестящая скала’ или **girau-kasi-*, синтаксическое сложение Loc. sing. ‘на горе’ от основы на -i- м. р. *giri-* ‘гора’ и отвлеченное сущ. *kas* ‘блеск, сияние’ (первоначально название Эльбруса) (Трубачев 1983: 101–107). Не оспаривая убедительность такого объяснения Плиниевого топонима, мы, вместе с тем, не можем принять тезис о его генетической связи с названием *Кавказ*. Считать первичной форму, которая упоминается на 6–7 веков позднее предполагаемой трансформации (!), вряд ли оправданно с методологической и логической точек зрения. Кроме того, это объяснение требует

ответа на вопрос, каким образом **grāva-kāśa* или **girau-kasi* могло превратиться в Καύκασος. О. Н. Трубачев обоснованного ответа не дает: «Можно лишь высказывать догадки о том, что форма на *K-* прошла через фильтр языка, который не терпит групп согласных в начале слова, а заодно и звонких согласных в этой позиции». Но без указания на то, что это за язык и каковы его связи со скифским, эти догадки повисают в воздухе. Вместе с тем, два эти названия слишком похожат друг на друга, чтобы не возникло искушения предположить между ними некую связь. Единичность и относительно позднее упоминание формы *Croucasis* наводят на мысль, что она является результатом какого-то искажения. Не произошла ли здесь контаминация скифского названия, происходящего от др.-иран. *auruša-*, осет. *vors* ‘белый’ (Фасмер III: 506) (в полном соответствии с истолкованием Плиния), с употребительным у римлян именем Кавказа?

Наименьшей степенью достоверности обладают гипотезы, объясняющие топоним *Кавказ* как исконно тюркский со значением ‘белая гора’ (М. З. Закиев), от абхаз. *казказ* ‘сверкающий’ (Д. И. Гулиа, Р. К. Гублиа – Гублиа 2000: 79–81). Эти предположения игнорируют такой общепризнанный факт, как чуждость названия *Кавказ* языкам народов Кавказа; без объяснения остается также то, в силу каких причин первое *з* в *казказ* могло измениться в *в*.

Учитывая то, что в других языках название *Кавказ* существует лишь как позднее заимствование из греческого (во многих случаях через латинское посредство), представляется целесообразным предположить, что оно возникло на почве греческого языка. В этой связи перспективным выглядит сравнение его Ю. В. Откупщиковым с тождественным по форме греческим топонимом Καύκασος, местное название на Кеосе (ср. также Καυκάσα τά, портовый город на Хиосе (Геродот) – Дворецкий I: 927; Геродот 1972: 247), однако его возведение к и.-е. **kauk-* ‘высокий, высота’ (Откупщиков 1980; Откупщиков 1988: 160) не представляется убедительным по изложенным выше причинам.

Этимологические данные и ономастические параллели позволяют, на наш взгляд, истолковать Καύκασος как сложное название: Καύ-касос. В первой его части основа καύ-: καύαξ, καύηξ, ηκος ο, κήξ, κηϋξ ‘одна из морских разновидностей чайки’ (Дворецкий I: 927; Frisk II: 801–802; Chantraine II: 505)

(«окончание как в ἱέραξ, ιρηξ и др. (Chantraine Formation 380)» – Frisk II: 801); относительно ее отражения в топонимии ср. Καυή η, населенный пункт в Мисии; сюда же этноним Καύκωνες 1) племя в Вифинии, 2) племя в Пелопоннесе (Дворецкий I: 927) (основа κων- во второй части та же, что и в личных именах Конон, Номокон; значение ее неизвестно). Ср. также топонимы Καβασσός (Καβησσός) (город во Фракии) < κάβαξ = κάβηξ ‘чайка’, Κηττοί < κήξ и другие «птичьи» названия (см. Откупщиков 1988: 158).

В этимологических словарях это слово сравнивается с кимр. *suap* ‘ночная сова’ и другими кельтскими словами, лат. *savannus* ‘то же’, др.-в.-н. *hūwo* ‘сова’, сюда же русск. *сова*; оно восходит к и.-е. **k’auā-* ‘крикливая птица’ от звукоподражательного корня **kāu-* : **k’āu-* (и другие варианты) (см. Черных II: 184, без указания греческого слова). Эта основа употреблялась и в редуцированной форме: *καυκαλίας*, *καυκιάλης*.

Следует подчеркнуть уникальность значения слова **k’auā-* в греческом (в других языках – название совы), что полностью согласуется с отмеченной Дж. П. Мэллори и Д. К. Адамсом невозможностью реконструкции особого праиндоевропейского названия чайки и использованием для ее обозначения слов, которые могут называть и другие породы птиц (см. Mallory, Adams 1997: 249). Это наблюдение следует дополнить указанием на то, что слова, употребляющиеся для обозначения чайки в индоевропейских языках, неизменно имеют звукоподражательное происхождение (помимо приводимого упомянутыми авторами греч. *λάρος* < и.-е. **lā-*, ср. также отсутствующее у Мэллори и Адамса прсл. **čajька*, которое «произведено от подражания крику **kē*» – Фасмер IV: 311) и неразличение при их употреблении касается лишь пород, для которых характерна способность издавать громкие, крикливые звуки.

Лексема, содержащаяся во второй части названия *Καύκασος*, также засвидетельствована в древнегреческой топонимии в самостоятельном употреблении: *Κάσιον ορος τό*, гора или горный кряж в нижнем Египте (Геродот) (где *-ιον* – частотный топонимический формант, ср. *Αἴγιον τό*, город в Ахее, ныне Востица; *Δουλίχιον τό*, остров в Ионическом море; *Δυρράχιον τό*, город в Иллирии, ныне Дуррес в Албании; *Ἰκόνιον τό*, город в Ликаонии (Малая Азия), ныне Конья; *Κόνιον τό*, город во Фригии; *Κορυφάσιον τό*, мыс в Мессении, у Пилоса, где ныне старый Наварин; *Κούριον τό*, город на Кипре, и др. – Вейсман

1991: 27, 343, 347, 627, 722, 723, 726); Κάσος η, остров в Эгейском море (Дворецкий I, 879; Геродот 1972, 130). Наричательное *κάσος η в словарях (в т.ч. и в словаре Лиддела – Скотта – Джонса) не отмечено, однако его повторение на территориях с различным этническим составом догреческого населения свидетельствует о том, что эти топонимы именно греческие, а не являются адаптациями субстратных названий, о чем косвенно говорит и оформление одного из них с помощью греческого топонимического суффикса. Очерчивается довольно компактный ареал распространения слова *κάσος η в топонимии, включающий острова в южной части Эгейского моря и колонизированное греками побережье Египта.

Факт использования данного слова в названии горы позволяет допустить, что оно могло иметь значение ‘гора’, ‘скала’ или ‘возвышенность’; это предположение поддерживается тем, что в этимологическом отношении его целесообразно возводить к и.-е. *kes-, *kas- ‘бить, резать’ (Маковский 1996: 360), ср. типологически алб. *karpë, karmë* ‘скала, утес’, *krep, shkrep* ‘то же’ при лит. *kerpù* ‘режу’ (Фасмер II: 202); русск. *скала*, но *колоть*; кельт. *tumbos* ‘небольшой холм’ при русск. *тупой* (букв. ‘обрезанный’ – см. Маковский 1992: 113); др.-англ. *pad* ‘скала’ при лит. *badyti* ‘колоть’ (см. там же, 126); слав. **Perunъ* < **perQ*, **prati* ‘бить, поражать’ при соотносительности этого теонима с гот. *faírguni* ‘горы’, хетт. *perunaš* ‘скала’ (см. Фасмер III: 246–247; Топоров 1994: 286; Иванов, Топоров 1994: 306–307). Названия островов от терминов, обозначающих возвышенности, также нередки (в т.ч. и в средиземноморском бассейне): ср. хорватские имена островов в Адриатическом море, образованные от слав. *хълъ (см. Skok 1950), Κύρνος – употреблявшееся греками финикийское название Корсики от слова со значением ‘рог, мыс, скала’ (Поспелов 2002: 216), Мальта – от и.-е. **mala*, **melu* ‘гора, холм’ (там же: 258) и др.

Следует еще указать др.-греч. личные имена с основой *Κασ-* в первой части из словаря П. М. Фрэзера и Э. Мэттьюса (см. <http://www.lgpn.ox.ac.uk/online/downloads/index.html>), которые могут быть убедительно проэтимологизированы если предположить, что в их первых частях – реконструированное нами слово: **Κάσαμβος**: ср. *αμβων, -ωνος* ‘выпуклость, возвышение’ (Вейсман 1991: 64) – ‘(подобно) горе возвышающийся’, **Κασκέλλος**: *κέλλω* ‘гнать, пригонять’, ‘причаливать, приставать’ (там же: 699) – ‘(к) горе причаливающий’, **Κασμύλος**: *μύλος*

‘мельница’, ‘жернов’ (там же: 830) – ‘(большой, как) гора, жернов’ (?), **Κασταλία** (вероятно, через посредство названия Кастальского ключа): *ταλ.*, *τλῆναι* ‘нести’ (там же: 1224) – ‘(к) горе несущий (воды)’, что как нельзя точнее отражает расположение источника у горы Парнас. Привлечение же для их объяснения засвидетельствованных слов со значениями ‘попона’ и ‘корица’ вряд ли было бы оправданно семантически.

Таким образом, топоним **Καύκασος** может быть истолкован как ‘чаячья гора (скала)’, что имеет ясную и очевидную мотивацию как для Кавказа, так и для двух городов, расположенных на небольших островах. Можно даже попытаться уточнить эту этимологию и установить, о каком виде чаек идет речь. В ареальном отношении наиболее подходящей является черноголовая чайка (*Larus melanocephalus* Temminck): «В прошлом веке гнездовой ареал вида включал, очевидно, только северное и северо-восточное побережья Черного моря и, возможно, Эгейское море. Здесь и сейчас сосредоточена почти вся мировая популяция вида» (Птицы СССР: 79). Показательно, что топонимы **Καύκασος** и родственные им оказываются, таким образом, объединены не только лингвистически и исторически, но и на уровне мотивирующей реалии.

Литература

- Античная Греция. М., 1983. В 2 тт.
 Вейсман 1991 – Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1991.
 Геродот – Геродот. История. Л., 1972.
 Гублиа 2000 – Гублиа Р. К. К этимологии топонима *Kavkaz* // Проблемы региональной ономастики. Майкоп, 2000.
 Дворецкий – Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. I: А–Л. М., 1958.
 Доватур, Каллистов, Шишова 1982 – Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
 Иванов, Топоров 1994 – Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Перун // Мифы народов мира. М.; Минск; Смоленск, 1994. Т. 2.
 Иванов 1990 – Иванов Вяч. Вс. Тохарские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
 Маковский 1992 – Маковский М. М. Лингвистическая генетика. М., 1992.
 Маковский 1996 – Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996.
 Откупщиков 1980 – Откупщиков Ю. В. Карийцы в Причерноморье (ономастика) // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980.

- Откупщиков 1988 – Откупщиков Ю. В. Догреческий субстрат. Л., 1988.
- Подосинов 1985 – Подосинов А. В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. М., 1985.
- Поспелов 2002 – Поспелов Е. М. Географические названия мира. Топонимический словарь. М., 2002.
- Птицы СССР – Птицы СССР. Чайковые / Отв. ред. В. Д. Ильичев, В. А. Зубакин. М., 1988.
- Топоров 1980 – Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь: I–K. М., 1980.
- Топоров 1994 – Топоров В. Н. Парджанья // Мифы народов мира. М.; Минск; Смоленск, 1994. Т. 2.
- Трубачев 1983 – Трубачев О. Н. Indoarica. Этимологии // Этимология 1981. М., 1983.
- Фасмер 1996 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996. В 4 тт.
- Хелимский 1990 – Хелимский Е. А. Индоиранские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Черных 1993 – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. В 2 тт.
- Chantraine 1968–1977 – Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1968–1977. V. 1–4.
- Frisk Hj. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954–1972. Bd. 1–3.
- Mallory, Adams 1997 – Mallory J. P., Adams D. Q. Encyclopedia of Indo-European culture. London and Chicago, 1997.
- Pokorny 1959–1965 – Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959–1965. Bd. 1–2.
- Skok 1950 – Skok P. Slavenstvo i romanstvo na Jadranskim otocima. Zagreb, 1950.

M. A. Yuyukin. On etymology of the name *Caucasus*

The paper proposes and substantiates a new etymology of the toponym *Caucasus*: a Greek compound word with the meaning ‘seagull’s mountain (or rock)’: *καύ-*: *καύαξ*, *καύηξ*, *ηκος ο*, *κήξ*, *κηϋξ* ‘a kind of seagull’ + the reconstructed **κάσος η* ‘mountain’ or ‘rock’ richly attested both in place- and personal names.

СЛОВО О КОЛЛЕГЕ
А. П. Сытов (04.08.1948 – 07.01.2012)

7 января 2012 г. не стало нашего коллеги и друга Алексея Петровича Сытова. Его уход был так внезапен, что осознать это в полной мере мы еще не можем. Его высокий профессионализм, товарищеская поддержка и доброжелательность, невозмутимость в трудной ситуации и чувство юмора – все это, казалось, всегда будет с нами.

Как ученого Алексея Петровича интересовали разные области лингвистики, – прежде всего, сравнительно-историческое индоевропейское языкознание, но также и грамматическая типология балканских языков, и грамматика албанского языка (диахрония и синхрония), и история науки. Его творческий путь был связан с двумя учреждениями: с Санкт-Петербургским университетом, где он получил высшее образование, и Институтом лингвистических исследований РАН, где прошла вся его жизнь.

А. П. Сытов родился в 1948 г. в г. Петропавловске-Камчатском, где в то время служил морским офицером его отец. Окончив в г. Ленинграде среднюю школу, он в 1966 г. поступил на филологический факультет Ленинградского университета, где под руководством проф. А. В. Десницкой изучал албанскую филологию. По окончании университета в 1971 г. был принят в аспирантуру ЛО Института языкознания (с 1992 г. – ИЛИ РАН)

по специальности теория языкознания (на материале балканских языков). Вся дальнейшая деятельность А. П. была связана с этим Институтом: с 1974 г. – младший, с 1984 г. – старший научный сотрудник, с 1988 г. работал в должности ученого секретаря Института, с 1991 г. – заместитель директора ИЛИ РАН по научной работе.

Первые научные интересы А. П. были связаны с изучением древнейших этапов развития албанского языка. Тема его кандидатской диссертации – «История албанской глагольной флексии», которую он защитил 4 февраля 1977 г. В какой-то мере это может объясняться влиянием (научными предпочтениями) его научного руководителя А. В. Десницкой, чьи работы по индоевропейской компаративистике были хорошо известны. Но были тому и объективные предпосылки – А. П. был очень способным, серьезным и ответственным студентом. На это ясно указывают сохранившиеся в его архиве тексты лекций, в том числе по исторической фонетике албанского языка (1970 г.). Они записаны так ясно, четко, с таблицами звуковых соответствий, что похожи скорее на конспект серьезного научного труда, чем на записи лекций.

В кандидатской работе А. П. Сытова в обобщенном виде показаны пути становления всех синтетических форм албанской глагольной системы, начиная с индоевропейского периода и до современного состояния. Отдельные черты этого процесса были выявлены в исследованиях классиков индоевропеистики и албановедения – Фр. Боппа, Г. Мейера, Х. Педерсена, но они носили фрагментарный характер. А. П. Сытов не только свел их в одну картину, – в ряде случаев он предложил свое решение поставленных ранее, но не решенных вопросов. Среди них, например, новые аргументы в вопросе о собственно албанском (а не унаследованном) характере чередований типа *pëlca* – *plasa*, решение спора о происхождении показателей возвратно-пассивного залога и др.

Албанский язык, как известно, представляет собой так называемую «моногруппу» в семье индоевропейских языков, поэтому для внутренней реконструкции (из-за его поздней письменной фиксации) неизбежно приходится максимально использовать диалектные данные, в том числе и говоры вне основного ареала: Италии, Греции, Далмации, Болгарии и Украины. Такой подход приближает работу А. П. Сытова «к сравнительно-

историческому анализу глагольной системы в целой семье близкородственных языков» (М. А. Габинский).

В 70-х годах XX в. еще не были изданы фундаментальные труды по исторической грамматике албанского языка Ш. Демирая, а позднее К. Топалы. Естественно, поэтому, что на защите диссертации оппонентами было высказано предложение опубликовать ее уже в том виде, как она была представлена, в качестве учебного пособия. Осуществить это предложение не представилось возможным, но отдельные части диссертации напечатаны в составе разных сборников и на страницах албанских журналов. Среди них назовем статьи об историческом соотношении словоизменительных глагольных классов (1976), о рефлексе вторичного и.-е. окончания 1 л. ед. ч. в глагольной системе албанского языка (1978), о глагольном основообразовании (1986).

Реконструкция глагольной флексии и связанное с этим рассмотрение процессов переразложения основ, роли старых и.-е. суффиксов в этих процессах – весь этот круг вопросов связан с проблемами этимологии глагольной лексики. Неудивительно поэтому появление у А. П. Сытова статьи (1987), посвященной этимологическому анализу трех албанских глаголов, которые он возводит к и.-е. корню **-ei* (праалб. **-e-*). По мнению автора, в древнеалбанском существовала продуктивная модель образования слов с помощью суффиксов **-nio*, **-tio*, **-sko*, **-no*, **-io*, по которой создавались глаголы с разными лексическими оттенками. Так появилась и группа глаголов движения, представленная в современном языке глаголами *vete* ‘идти, ходить’ <**ei-mi*, *eci* ‘ходить, идти’ <**e-tio*, *vij* ‘приходить’ <**venio* <**e-nio*.

Алексей Петрович, к сожалению, не продолжил своих исследований в данной области албановедения. Возможно, в какой-то мере это связано с тем обстоятельством, что в те годы в системе Академии наук была установка на работу в составе так называемых коллективных тем, и молодым сотрудникам не позволялось иметь тем индивидуальных. Заметим, что из всех учеников А. В. Десницкой только двое занимались «индоевропейскими древностями» албанского языка, – А. П. Сытов и позднее А. Ю. Русаков.

Позже Алексей Петрович вновь обратится к исторической тематике, когда под руководством А. В. Десницкой стала разрабатываться новая коллективная тема – вопросы адаптации латинского языкового элемента в балканском ареале. Здесь им

выполнен большой раздел, посвященный латинским элементам в глагольной системе албанского языка.

Рассматривая, по каким словоизменительным классам распределялась заимствованная из латыни глагольная лексика, А. П. Сытов показывает морфологическую обусловленность вхождения ее в наиболее продуктивный ныне тип спряжения на *-oj*. Это в свою очередь повлекло за собой также необходимость уточнения формы латинского этимона. Анализ материала привел А. П. Сытова к выводу о том, что в этом вопросе следует учитывать всю совокупность однокоренных глагольных и именных образований (т. е. личных и инфинитивных форм латинского глагола). Ряд причин послужил тому основанием. Во-первых, в некоторых случаях сравнение с основой латинского инфинитива не является показательным для исторического анализа структуры соответствующего албанского глагола, во-вторых, имеются глаголы, в отношении которых мы не можем с уверенностью сказать, отражают ли они соответствующие латинские глаголы или образованы на албанской почве от заимствованного из латыни имени того же корня, как, например, *peshoj* 'взвешивать, весить' < *penso*, *-are* или от алб. *peshë* 'вес' < *pensum*.

Ряд статей А. П. посвятил изучению албанского глагола в синхронном плане. Здесь его интересовали две большие темы: во-первых, характер аспектуальных оппозиций в системе прошедших времен, и, во-вторых, своеобразная глагольная категория, именуемая в албанских грамматиках адмиративом и традиционно трактуемая как одно из глагольных наклонений.

К рассмотрению видовых оппозиций в албанском языке А. П. Сытов подошел с позиций функционально-семантической грамматики, в рамках которой описание ведется в направлении от семантики к средствам ее выражения. Функционально-семантическое поле аспектуальности при таком подходе может содержать видовые оппозиции разной семантики и разного морфологического статуса. В албанском языке А. П. Сытов выделяет три оппозиции видового характера: *имперфект* : *аорист*, *перфект* : *неперфект*, *прогрессив* : *непрогрессив*.

Эти оппозиции различаются по характеру семантического признака, лежащего в их основе, по месту в глагольной системе, по охвату глагольных форм, они не связаны между собой строгими системными отношениями. Это означает, что в албанском языке нет единой грамматической категории глаголь-

ного вида, а функционально-семантическое поле аспектуальности имеет полицентрическую структуру (1983).

Сюда примыкает и небольшая статья об аористе и перфекте в языке североалбанского эпоса (1976). Автор предлагает объяснение такой яркой особенности языка этих песен, какой является значительное количественное преобладание перфекта над аористом – 75% и 12,5% соответственно от общего числа употребляемых форм прошедшего времени.

Использование перфекта в качестве повествовательного времени представляет собой пример абсолютного употребления этой формы. Это так называемый «исторический перфект». Автор выделяет два неравнозначных в стилистическом отношении типа эпического повествования: с преимущественным использованием форм аориста (это несколько торопливое перечисление событий) и с использованием исторического перфекта (это особый структурный тип, занимающий господствующее положение в североалбанской устной поэзии). Стилистическое различие между ними можно обозначить как различие между констатацией факта и «показом» события.

К изучению категории адмиратива в албанском языке А. П. Сытов обратился с позиций сопоставительно-типологического подхода (1979). Исследование албанского материала проведено им не только с учетом его балкано-славянских соответствий. Привлекая данные других и.-е. языков – балтийских (литовского и латышского), а также армянского и таджикского, А. П. Сытов поместил эту своеобразную грамматическую категорию в широкую типологическую перспективу, что позволило ему обосновать свою гипотезу по вопросу ее происхождения.

Рассмотрев употребление албанского адмиратива, А. П. Сытов приходит к выводу, что значения адмиративности и комментативности «следует признать частными, контекстуально обусловленными проявлениями некоего единого семантического комплекса», для которого общим является значение неочевидности, незасвидетельствованности.

Рассмотрев в динамике семантической эволюции оттенки значений форм адмиратива, А. П. Сытов указал на явную их связь со сферой косвенной речи. Важным здесь является «целевая установка высказывания, внутренне присущая косвенной речи в целом: сообщая о каких-то событиях, говорящий считает необходимым указать на источник сведений об этих событиях». Первичным значением возникшей категории, было, по его мне-

нию, значение комментативности, адмиративное же значение развилось уже на его основе. Эту сравнительно молодую категорию албанского языка А. П. Сытов называет «адмиративом-комментативом».

По вопросу происхождения категории адмиратива А. П. Сытов высказет свою точку зрения еще раз (1994). Сопоставляя мнения В. Фидлера (1968), А. В. Десницкой (1982, 1986) и свою собственную (1979), он находит, что в них содержится много общего. Все три концепции базируются на инвариантном признаке дистантности // эвиденциальности, из которого может быть выведен весь комплекс значений данной категории. Однако исходной базой появления значения пересказа в формах инверсированного перфекта А. П. Сытов по-прежнему считал конструкции с косвенной речью. Такой подход, по мнению автора, «предполагает учет взаимодействия синтаксического уровня (косвенная речь – комментатив) с морфологическим (прямая речь – адмиратив)».

Ранее в работе (1979) А. П. Сытов показал особое положение этой категории в грамматической системе языка, выводя ее из состава категории наклонения. Тогда им была отмечена возможность ее интерпретации в рамках предложенной Р. Якобсоном так называемой категории «засвидетельствованности» (*evidential*). В статье (1994) А. П. Сытов солидаризуется с точкой зрения, согласно которой рассматриваемые формы составляют особую грамматическую категорию, категорию статуса, и предложил для нее термин *status evidentialis* (о понятии «статус» см. Friedman 1978).

К теме адмиратива А. П. Сытов более уже не возвращался. Когда позднее в середине 90-х годов в Институте под руководством Н. А. Козинцевой была начата работа по изучению категории эвиденциальности на материале разных языков (Эвиденциальность 2007), А. П. Сытов, к сожалению, в ней не принимал участия.

А. П. Сытову принадлежит также очерк «Албанский язык» (1990, соавтор А. В. Жугра) подготовленный для большой коллективной темы «Основы балканского языкознания», которую задумала и начала осуществлять А. В. Десницкая. С уходом А. В. Десницкой (1992) работа над темой прервалась, вышел только 2-ой том «Основы балканского языкознания: славянские языки» (1998).

Помимо собственно исследовательских работ, на которых имя А. П. Сытова обозначено как имя автора, есть ряд изданий, в которых он был редактором. Редактором очень внимательным и точным. Показателен такой пример.

В 2007 г. торжественно отмечалось 300-летие со дня рождения Леонарда Эйлера. Научное наследие этого великого ученого так обширно, что к юбилейным торжествам оказался сопричастен и наш институт. В Санкт-Петербургском научном центре был подготовлен к печати впервые переведенный на русский язык труд Эйлера по теории музыки (Эйлер 2007). По просьбе ответственного редактора Н. Н. Казанского А. П. Сытов еще раз прочел текст подготовленной книги и обнаружил ускользнувшую от всех неточность, касающуюся терминов *quarta* и *quinta*. И это не удивительно, А. П. Сытов был прекрасно музыкально образован, обладал абсолютным музыкальным слухом, хорошо знал и любил музыку. Но А. П. был «не громким» человеком, и об этих его качествах мало кто знал.

На протяжении более двух десятков лет А. П. выполнял значительную работу научно-организационного характера, – как ученый секретарь института (3 года) и как заместитель директора по научной работе (21 год). Первое время ему вполне удавалось сочетать собственно научную и административную работу. Но в связи с различного рода реорганизациями (в стране и в академии) деятельность эта требовала все большего и большего расхода времени и интеллектуальных усилий, а общение с чиновниками – расхода и психологических сил. Сдержанный, сугубо корректный, чуть суховатый стиль поведения А. П. как администратора скрывал напряжение, которого это ему стоило. Это был невидимый для сотрудников фронт, на котором случались воистину драматичные ситуации. В итоге доля текстов административно-правового характера постепенно все больше вытесняла все другие. Но как коллега – албановед и балканист – А. П. всегда был готов обсудить с нами подготовку и программу конференции, прочесть и отрецензировать статью, выступить редактором.

А. П. был хорошим и добрым товарищем, – в общении ему были свойственны не только сдержанность, невозмутимость, но и умение подметить юмористическую сторону ситуации и обыграть ее в изящной шутке-комментарии. Но не громко, как бы мимоходом. Вспоминается совместная с А. П. поездка на семинар в Косово в 1988 г. Нас было четверо сотрудников

института. Мы прибыли в аэропорт Приштины поздно вечером, рейсовый автобус ушел, и нам пришлось брать такси до города Призрена. Мы сидели в машине, тесно прижавшись друг к другу и молчали, а водитель гнал на большой скорости по ночной горной дороге, неведомым образом угадывая повороты, спуски, подъемы. Мы молчали, испытывая чувство какой-то радостной тревоги от этой быстрой и опасной езды, предвкушая встречу с интересным старинным городом, ожидая новых знакомств. А. П. потом вскользь заметит, что ездить за границу удобнее всего в количестве четырех человек – все помещаются в одну машину.

Алексей Петрович оставил нам не только свои труды по албановедению, серьезные и хорошо аргументированные. Он оставил по себе добрую память в наших сердцах – в сердцах его коллег в России и за рубежом.

Список работ А. П. Сытова, упоминаемых в данной статье

- 1975 Глагольные инновации и архаизмы в говоре албаноязычных поселений Украины // Лингвистические исследования 1975: Вопросы строя индоевропейских языков, ч. 1. М. С. 136–150.
- 1976 (а) Из истории албанской глагольной флексии // Грамматический строй балканских языков. Отв. редактор А. В. Десницкая. Л. С. 193–201.
- 1976(б) Аорист и перфект в языке североалбанского эпоса // Грамматический строй балканских языков. Отв. редактор А. В. Десницкая. Л. С. 215–225.
- 1978 К вопросу о рефлексе вторичного и.-е. окончания 1 лица ед. числа в глагольной системе албанского языка // Лингвистические исследования, 1978: Синтаксис и морфология языков различных типов. Л. С. 228–234.
- 1979 Категория адмиратива в албанском языке и ее балканские соответствия // Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Отв. редактор А. В. Десницкая. Л. С. 90–125.
- 1984 Видовые оппозиции в албанском языке // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Отв. редактор А. В. Бондарко. Л. С. 189–200.
- 1986 Некоторые вопросы исторического изучения глагольного основообразования в албанском языке // Вопросы языка и литературы народов балканских стран. Л. Изд-во ЛГУ. С. 90–94.
- 1987 Латинские элементы в глагольной системе албанского языка // *Romano-Balcanica*: Вопросы адаптации латинского языкового элемента в балканском ареале. Отв. редактор А. В. Десницкая. С. 171–202.
- 1987 *Quelques questions sur la dérivation verbale dans la langue albanaise sous l'aspect historique* // *Recherches albanologiques*, 2 – 1985. Prishtinë. С. 89–95.

- 1990 Албанский язык // Основы балканского языкознания: языки Балканского региона. Часть 1 (новогреческий, албанский, романские языки). Отв. редактор А. В. Десницкая. С. 46–92.
- 1994 Диахронно-типологический параллелизм развития категории за-свидетельствованности в албанском и балкано-славянских языках // *Slavia Meridionalis: Studia linguistica slavica et balcanica*. № 1. Warszawa. С. 95–105.

Библиография

- Десницкая 1982 – Десницкая А. В. К вопросу о значении и происхождении категории адмиратива в албанском языке // *Македонски јазик, XXXII–XXXIII*, Скопје. 1982. С. 171–186.
- Десницкая 1986 – Десницкая А. В. К семантике албанского адмиратива // *Вопросы языка и литературы народов балканских стран*. Л.: Изд-во ЛГУ. 1986. С. 28–41.
- Эвиденциальность 2007 – Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой. СПб., 2007.
- Эйлер 2007 – Эйлер Л. Опыт новой теории музыки, ясно изложенной в соответствии с непреложными принципами гармонии. Перевод с латинского кандидата искусствоведения Н. А. Алмазовой / отв ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Нестор-История, 2007.
- Fiedler 1968 – Fiedler W. Zu einigen Problemen des Admirativs in den Balkansprachen // *Actes du Premier congrès intern. des études balkaniques et sud-est européennes*, VI. Sofia, 1968. P. 367–370.
- Friedman 1978 – Friedman V. A. On the Semantic and Morfological Influence of Turkish on Balkan Slavic // *Papers from the fourteenth regional meeting*. Chicago Linguistic Society. Chicago, 1978.

А. В. Жугра

ОГЛАВЛЕНИЕ

А. С. АВДОХИН. <i>Partizipstil</i> в стилистике позднеантичной гимнографии: сто лет после Э. Нордена.....	3
D. ARDOINO. La traccia di Basilea nel suo contesto Tedesco-latino: aspetti codicologico, paleografico e filologico.....	19
Д. Е. АФИНОГЕНОВ. Гибель императора Валента в греческой историографической традиции.....	34
А. С. БАЛАХОВСКАЯ. «Житие св. Иоанна Златоуста» Симеона Метафраста. Источники, стилистические особенности.....	42
А. Е. БЕЛИКОВ. Поэтическая лексика в «Аргонавтике» Валерия Флакка: прилагательные.....	53
G. BŁAŹIENĒ. Altpreußische Eigennamen in den auf Latein und Mitteldeutsch verfassten Quellen.....	59
И. И. БОГАТЫРЁВА. Единство противоречий или противоречивость единства? (О некоторых особенностях древнеиндийского мироощущения, отражённых в словаре и тексте).....	74
С. Г. БОЛОТОВ. Троякое отражение индоевропейских долгих слоговых сонантов в латыни.....	84
Л. В. БРАТУХИНА, А. Ю. БРАТУХИН. Эзра Паунд. Canto XXXIX, 63–74: <i>a nave nigra usque ad AI DE KUDONAI</i>	108
А. Ю. БРАТУХИН. Проблема интертекстуальности у Тертуллиана.....	117
В. В. ВАСИЛИК. Litteraria illiterata (О некоторых фонетических особенностях и грамматических тенденциях византийского греческого языка X века на материале латинских литургических рукописей).....	127
К. Т. WITCZAK. IE *gh ^w in Germanic. A Supplement to Verner's Law.....	133
О. А. ВОЛОШИНА. Об именах ведийских богов.....	143
Л. Г. ГЕРЦЕНБЕРГ. История индоевропейского текста.....	152
Е. В. ГРИГОРЬЕВА. Давид Анахт, «Толкование Аналитики Аристотеля»: проблемы реконструкции греческого текста.....	163
А. В. ГРОШЕВА. Обозначение понятия <i>плодородный</i> в латинском.....	170
Г.-Р.А.-К. ГУСЕЙНОВ. Об одном индоевропейско-северокавказском лексическом соответствии и некоторых северокавказских заимствованиях в хеттском языке. Аспекты интерпретации.....	184
М. В. ДОМОСИЛЕЦКАЯ. О некоторых названиях мастей домашнего скота в балканских языках.....	193
Н. В. ДРАЧЁВА. Классификация частей речи в лингвистической доктрине Марка Теренция Варрона.....	201
А. А. ЕВДОКИМОВА. Долина Гюллу-дере: новые греческие граффити (предварительные замечания).....	223
В. В. ЕМЕЛЬЯНОВ. О семантическом сходстве шумер. <i>maḥ</i> и и.-е. <i>meĝ(h)</i> -.....	233
И. Е. ЕРМОЛОВА. <i>Dediticii</i> в поздней Римской империи.....	246

В. Ю. ЖАРКАЯ. Михаил Глика – читатель Аристотеля.....	254
В. В. ЗЕЛЬЧЕНКО. О заглавии Первой книги Проперция.....	264
С. А. ИВАНОВ. «Христиане» как обозначение подданства в визан- тийских текстах.....	278
С. В. ИВАНОВ. К типологии ошибок на материале русского перевода немецкого «Сказания об Антихристе».....	283
Н. Н. КАЗАНСКИЙ. Новое исследование о кипрском диалекте.....	307
О. В. КАМЕНЕВА. Некоторые замечания о семантической структуре гот. <i>arþan</i>	319
М. С. КАСЬЯН. <i>Rosea corona</i> и композиция «Метаморфоз» Апулея.....	331
Е. KACZYNSKA. The Indo-European origin of Latin <i>lex</i>	348
М. Л. КИСИЛИЕР. Румейский язык и новогреческие диалекты.....	355
С. Д. КЛЕЙНЕР. Verg. G. III, 82–83 <i>honesti spadices glaucique; color detrinimus albis et giluo</i>	369
Р. А. КОСНАРОВ. Armenian onomatopoeic verbs.....	376
Ю. К. КУЗЬМЕНКО. К вопросу об источниках германского футарка..	387
С. В. КУЛЛАНДА. К проблеме лексических контактов северокавказ- ских, индоиранских и классических языков.....	406
А. Д. КУРИЛОВА. <i>Memoria</i> и <i>actio</i> в интерпретации российских руко- писных риторик XVIII века на латинском языке.....	416
К. Н. ЛЕМЕШЕВ. К изучению славянского перевода Жития велико- мученика Артемия.....	424
П. Б. ЛУРЬЕ. Согдийские документы из раскопок раннесредне- векового Мартшката.....	433
Л. В. ЛУХОВИЦКИЙ. Как читали святоотеческий текст в поздней Византии? (Геннадий Схоларий о Псевдо-Феодоре Начер- танном).....	461
А. И. ЛЮБЖИН. Силий Италик: к истории рецепции.....	474
С. И. МЕЖЕРИЦКАЯ. Древнегреческие надгробные речи частным лицам и риторический канон.....	486
Т. А. МИХАЙЛОВА. Бриттские и латинские имена на табличках из храма Сулис-Минервы в Бате: столкновение культур?.....	522
Т. А. МИХАЙЛОВА (Смирнова). Иезекииль-трагик: художественные особенности.....	537
В. Т. МУСБАХОВА. Пиндар, Эсхил, рудиментарные мотивы и миф о роковом браке Зевса.....	544
О. Е. НЕСТЕРОВА. Интерференция типологических и аллегорических мотивов у Григория Эльвирского в <i>Tractatus de libris sanctarum scripturarum VII</i>	564
A. S. NIKOLAEV. Avestan <i>Haēcat, aspa-</i> and the myth of the Divine Twins.....	586
Д. С. НИКОЛАЕВ, М. В. ШУМИЛИН. Античные источники ирландской «Ахиллеиды».....	598
Н. А. НИКОЛАЕВА. Индоевропейцы на Северном Кавказе в III-II тыс. до н. э. по данным лингвистики и археологии.....	610

Б. М. НИКОЛЬСКИЙ. Двойной $\alpha\dot{\iota}\delta\acute{o}\varsigma$ в «Ипполите» Еврипида.....	620
Е. П. НОВИКОВА. Закон Турнейзена и Аве – праиталийский процесс?	650
Р. Н. ОРЕШКО. Кубанта: «великая владычица» западной Анатолии?	660
Н. Б. ПИМЕНОВА. Пути развития германских n-основ: отвлеченные словообразовательные типы древненемецкого ареала.....	671
Е. Э. ПЧЕЛИНЦЕВА. Глагольный вид и история русских <i>nomina</i> <i>actionis</i>	680
Е. Г. РАБИНОВИЧ. «Всея Руси самодержец».....	698
И. В. РЫБАКОВА. Каталог героев в «Аргонавтике» Аполлония Родосского.....	712
П. А. РЫЛИК. К вопросу о связи новогреческих говоров острова Карпатос с дорийским диалектом.....	730
О. М. САВЕЛЬЕВА. Греческая лирика как «бесспорная литература»	742
А. В. САФРОНОВ. Государства раннежелезного века Палистин и (Ах)хиява в Северной Сирии и Киликии: еще раз об отражении миграций «народов моря» в греческой эпической традиции.....	750
М. Г. СЕЛЕЗНЕВ. Септуагинта глазами образованного грека: Псевдо- Лонгин и $\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\epsilon}\omega\mu\alpha$	761
А. В. СИДЕЛЬЦЕВ. Выносы вправо с местоименной репризой в лувийском.....	772
М. В. СКРЖИНСКАЯ. Потребность в школьном образовании для жителей античных государств Северного Причерноморья.....	785
Е. В. СКУДАРЬ. Аполлон Аполлонович Грушка и Пётр Васильевич Никитин. Об одном письме.....	793
Н. С. СОРОКИНА. Пространственные значения латинских предлогов <i>ab</i> и <i>ex</i> и их употребление с топонимами (на материале «Естественной истории» Плиния Старшего).....	798
М. А. ТАРИВЕРДИЕВА. О «символах» в латинском синтаксисе.....	803
Т. Ф. ТЕПЕРИК. Поэтика авторских обращений в «Фарсалии» Лукана	811
Т. В. ТОПОРОВА. О вариациях мифа о мёде поэзии в «Старшей Эдде»	820
В. В. ФАЙЕР. Проблема гомеровской вульгаты и александрийская филология.....	830
А. И. ФАЛИЛЕЕВ. <i>Miscellanea Celto-Balcanica</i>	840
А. В. ФИЛОЧКИНА. Основные средства создания образа героини в древнеиндийском эпосе.....	851
А. Б. ЧЕРНЯК. Римляне на Красном море: <i>Tac. Ann.</i> 2,61,2 в свете новых данных.....	862
A. V. SHATSKOV. Split auxiliary system in Hittite?.....	870
С. Ю. ЩЕРБИНА. Дидактичность как признак афоризма (на материале афоризмов Ганса Кудсцуса).....	877
М. А. ЮЮКИН. О происхождении названия <i>Кавказ</i>	893
А. В. ЖУГРА. Слово о коллеге. А. П. Сытов (1948 –2012).....	901

CONTENTS

A. S. AVDOKHIN. <i>Partizipstil</i> in the Late Antique Greek Hymnic Style: One Hundred Years after E. Norden.....	3
D. ARDOINO. The Trace of Basel in its German-Latin context: codicological, palaeographic and philological aspects.....	19
D. E. AFINOGENOV. The Death of the Emperor Valens in the Greek Historiographic Tradition.....	34
A. S. BALAKHOVSKAYA. «The Life of St. John Chrysostom» by Symeon Metaphrastes.....	42
A. E. BELIKOV. Poetic Words in the “Argonautica” of Valerius Flaccus: Adjectives.....	53
G. BLAŽIENĖ. Old Prussian proper names in sources, written in Latin and Middle German.....	59
I. I. BOGATYREVA. The unity of contradictions or the contradiction of unity? (On some peculiarities of the ancient Indian world view, reflected in dictionaries and texts).....	74
S. G. BOLOTOV. Three ways of representation of Indo-European long sonants in Latin.....	84
L. V. BRATUKHINA, A. Ju. BRATUKHIN. E. Pound. Canto XXXIX, 63–74: <i>a nave nigra</i> usque ad <i>AI DE KUDONAI</i>	108
A. Ju. BRATUKHIN. The problem of <i>Intertextualität</i> by Tertullian.....	117
V. V. VASILIK. Litteraria illiterata. Some phonetic and grammatical features of the 10th century Byzantine Greek in Latin liturgical manuscripts.....	127
K. T. WITCZAK. IE *gh ^w in Germanic. A Supplement to Verner’s Law....	133
O. A. VOLOSHINA. On Vedic gods’ names.....	143
L. G. HERZENBERG. Towards the history of the Proto-Indo-European artificial text.....	152
E. V. GRIGORYEVA. David the Invincible. “Commentary on Aristotle’s Prior Analytics”: problems of Greek text reconstruction.....	163
A. V. GROSHEVA. The conception “fertile, fruitful” in Latin.....	170
G.-R. A.-K. GUSEINOV. On an Indo-European–North-Caucasian lexical line and some North-Caucasian loanwords in the Hittite language. Aspects of interpretation.....	184
M. V. DOMOSILETSKAYA. Some names of cattle colours in Balkan languages.....	193
N. V. DRACHIOVA. Classification of parts of speech in the linguistic doctrine of Marcus Terentius Varro.....	201
A. A. EVDOKIMOVA. New Greek inscriptions from Güllu-dere valley in Cappadocia.....	223
V. V. EMELIANOV. On the Semantic Similarity of Sumer. mah and IE <i>meg(h)</i> -.....	233
I. E. ERMOLOVA. Dediticii in the Late Roman Empire.....	246

V. Yu. ZHARKAYA. Michael Glycas as a reader of Aristotle.....	254
V. V. ZELTCHENKO. The Title of Propertius' First Book.....	264
S. A. IVANOV. 'Christians' as a designation of imperial subjects in Mid- Byzantine texts.....	278
S. V. IVANOV. Towards a typology of errors in the Russian translation of the German 'Antichrist-Bildertext'.....	283
N.N. KAZANSKY. A New Book about ancient Cyprian dialect.....	307
O. V. KAMENEVA. Some remarks on the semantic structure of Goth. conjunction <i>apþan</i>	319
M. S. KASYAN. <i>Rosea corona</i> and the composition of Apuleius' Metamorphoses.....	331
E. KACZYNSKA. The Indo-European origin of Latin <i>lex</i>	348
M. L. KISILIER. Ruméika and Modern Greek dialects.....	355
S. D. KLEINER. Verg. G. III, 82-83 <i>honesti spadices glaucique; color deterrimus albis et giluo</i>	369
P. A. KOCHAROV. Armenian onomatopoeic verbs.....	376
Yu. K. KUZMENKO. On the origine of <i>futhark</i>	387
S. V. KULLANDA. Towards a problem of lexical contacts between Classical, Indo-Iranian, and North Caucasian languages.....	406
A. D. KURILOVA. <i>Memory</i> and <i>action</i> in the interpretation of manuscript Latin Rhetorics composed in the 18 th century Russia.....	416
K. N. LEMESHEV. The Church Slavonic translation of Passio of St. Artemios.....	424
P. B. LURJE. Sogdian documents from the early mediaeval Martshkat excavations. A preliminary report.....	433
L. V. LUKHOVITSKY. How was a patristic text read in Late Byzantium? (Gennadios Scholarios on Pseudo-Theodore Graptos).....	461
A. I. LIUBZHIN. Silius Italicus: towards the history of reception.....	474
S. I. MEZHERITSTKAYA. Ancient Greek individual eulogies and the oratorical canon.....	486
T. A. MIKHAILOVA. Brittonic and Latin names on the curse-tablets from the temple Sulis-Minerva: an opposition of two cultures?.....	522
T. A. MIKHAILOVA (SMIRNOVA). Ezekiel the Tragedian: some literary techniques.....	537
V. T. MUSBAKHOVA. Pindar, Achilles, rudimentary motives, and the myth about Zeus' fatal wedding.....	544
O. E. NESTEROVA. An interference of typological and allegorical motives in Gregory of Elvira, Tractatus de libris sanctarum scripturarum VII	564
A. S. NIKOLAEV. Avestan <i>Haēcat̥aspa-</i> and the myth of the Divine Twins.....	586
D. S. NIKOLAYEV, M. V. SHUMILIN. Classical Sources of the Irish Achilleid.....	598
N. A. NIKOLAEVA. The Indo-Europeans in the North Caucasus (III–II mill. B.C.) in the light of linguistic and archaeological data.....	610
B. M. NIKOLSKY. The double <i>aidos</i> in Euripides' Hippolytus.....	620

E. P. NOVIKOVA. The Law of Thurneysen and Havet – the Proto-Italic development?.....	650
R. N. ORESHKO. Kubanta: the ‘Great Queen’ of western Anatolia?.....	660
N. B. PIMENOVA. The evolution of the Germanic n-stems: word-formation types with abstract semantics in Old Germanic languages	671
E. E. PCHELINTSEVA. The verbal category of aspect and the history of Russian nomina actionis.....	680
E. G. RABINOVITCH. “Samoderzhets of all Russia”.....	698
I. V. RYBAKOVA. The Catalogue of Heroes in the “Argonautica” by Apollonius Rhodius.....	712
P. A. RYLIK. On a connection between modern Greek idioms used on the Island of Karpathos and the Dorian dialect.....	730
O. M. SAVELIEVA. Greek lyrics as the «literature indisputable».....	742
A. V. SAFRONOV. The Early Iron Age states Palistin in Syria and (Ah)hiyawa in Cilicia: a reflection of the sea peoples’ migrations in the Greek epic tradition.....	750
M. G. SELEZNEV. The Septuagint as it was understood by a Greek rhetorician: Pseudo-Longinus and στρεπέωμα.....	761
A. V. SIDELTSEV. Right dislocations with pronominal reduplication in Cuneiform Luwian.....	772
M. V. SKRZHINSKAJA. The need in school education for the citizens of ancient states on the Northern littoral of the Black Sea.....	785
E. V. SKUDAR’. Apollon Apollonovich Gruschka’s letter to Piotr Vasilyevich Nikitin.....	793
N. S. SOROKINA. Latin prepositions <i>ab</i> and <i>ex</i> with place-names in Pliny’s <i>Natural History</i>	798
M. A. TARIVERDIEVA. Symbols in Latin syntax.....	803
T. F. TEPERIK. Author’s addressing poetics in Lucan’s “Farsalias”.....	811
T. V. TOPOROVA. On the variations of the Myth about Mead of Poetry in the Elder Edda.....	820
V. V. FAYER. The Problem of Homeric Vulgate and the Alexandrian textology.....	830
A. I. FALILEYEV. Miscellanea Celto-Balcanica.....	840
A. V. FILOCHKINA. Features of the creation of the heroine’s image in the ancient Indian epics.....	851
A. B. CHERNYAK. Roman fleet in the Red Sea: Tac. Ann. 2,61,2 in light of new data.....	862
A. V. SHATSKOV. Split auxiliary system in Hittite?.....	870
S. JU. ŠČERBINA. Didacticism as an integral part of the aphorism (Hans Kudsus’ aphorisms).....	877
M. A. YUYUKIN. On etymology of the name <i>Caucasus</i>	893
A. V. ZHUGRA. In Memoriam A. P. Sytov (1948–2012).....	901

Авторы статей:

- АВДОХИН АРКАДИЙ СЕРГЕЕВИЧ – аспирант ИВГИ РГГУ, arkadiy.avdokhin@gmail.com
- ARDOINO DIEGO – аспирант, Dipartimento di Linguistica “Tristano Bolelli”, Università di Pisa, Italia, dardoino@hotmail.com
- АФИНОГЕНОВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ – докт. филол. наук, ведущий науч. сотр. ИВИ РАН, проф. кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, logotheta@mail.ru
- БАЛАХОВСКАЯ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА – канд. филол. наук, зав. группой византийской литературы, ведущий науч. сотр. ИМЛИ РАН
- БЕЛИКОВ АЛЕКСЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ – аспирант, преп. кафедры классической филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, albel86@mail.ru
- Blažienė Grasilda – doctor of humanities (HP), professor. Chief research fellow of the Institute of the Lithuanian Language, Institute’s deputy director for research, grasilda.blaziene@lki.lt.
- БОГАТЫРЁВА ИННА ИВАНОВНА – канд. филол. наук, доц. кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, anastasia1988@mail.ru
- БОЛОТОВ СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ – Москва, baltaitis@yandex.ru
- БРАТУХИНА ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА, канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры мировой литературы и культуры Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ), Bratucho@yandex.ru
- БРАТУХИН АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ, канд. филол. наук, доцент кафедры мировой литературы и культуры ПГНИУ, Bratucho@yandex.ru
- ВАСИЛИК ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ – канд. филол. наук, доцент кафедры истории славянских и балканских стран Исторического факультета СПбГУ, fvasilik@mail.ru
- WIŃCZAK KRZYSZTOF TOMASZ – проф. кафедры классической филологии Лодзинского университета, Польша, siglodz@gmail.com
- ВОЛОШИНА ОКСАНА АНАТОЛЬЕВНА, канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры Общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ, доц. кафедры теоретической лингвистики РГГУ, oxanav2005@mail.ru
- ГЕРЦЕНБЕРГ ЛЕОНАРД ГЕОРГИЕВИЧ – докт. филол. наук, профессор, гл. науч. сотр. ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, ailouros34@gmail.com
- ГРИГОРЬЕВА ЕЛЕНА – М.А., Wissenschaftliche Mitarbeiterin, Humboldt-Universität zu Berlin, Theologische Fakultät, Lehrstuhl für Ältere Kirchengeschichte / Patristik, elena.grigoryeva.2@cms.hu-berlin.de
- ГРОШЕВА АНТОНИНА ВАСИЛЬЕВНА – докт. филол. наук, вед. науч. сотр. ИЛИ РАН. erkryuchkova@mail.ru
- ГУСЕЙНОВ ГАРУН-РАШИД АБДУЛ-КАДЫРОВИЧ – докт. филол. наук, доц. каф. рус. яз. Дагестанского госуниверситета, garun48@mail.ru
- ДОМОСИЛЕЦКАЯ МАРИНА ВАЛЕНТИНОВНА – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН, marinaling@mail.ru
- ДРАЧЁВА НИНА ВЛАДИМИРОВНА – ст. преп. кафедры классической филологии Института восточных культур и античности Россий-

- ского государственного гуманитарного университета (РГГУ),
ndrachova@mail.ru
- ЕВДОКИМОВА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВНА – канд. филол. наук, науч. сотр. Институт языкознания РАН, arochka@gmail.com
- ЕМЕЛЬЯНОВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ – докт. филос. наук, профессор кафедры теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки Восточного факультета СПбГУ. banshur69@gmail.com
- ЕРМОЛОВА ИРИНА ЕВГЕНЬЕВНА – канд. ист. наук, доц. кафедры всеобщей истории РГГУ (Москва), merira@mail.ru
- ЖАРКАЯ ВАРВАРА ЮРЬЕВНА – соискатель ученой степени ИВГИ РГГУ, varvara.zharkaya@gmail.com
- ЖУГРА АЛЬВИНА ВЕНЕДИКТОВНА – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН, ajugra@rambler.ru
- ЗЕЛЬЧЕНКО ВСЕВОЛОД ВЛАДИМИРОВИЧ – канд. филол. наук, доцент кафедры классической филологии СПбГУ, vzelchenko@rambler.ru.
- ИВАНОВ СЕРГЕЙ АРКАДЬЕВИЧ – докт. ист. наук, ведущий науч. сотр. Института славяноведения РАН, проф. кафедры общего языкознания СПбГУ.
- ИВАНОВ СЕРГЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН
- КАЗАНСКИЙ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, академик РАН, доктор филол. наук, директор ИЛИ РАН. nkazansky@iling.spb.ru
- КАМЕНЕВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА, мл. науч. сотр. ИЛИ РАН.
- КАСЬЯН МАРИЯ СЕРГЕЕВНА – ст. преп. кафедры классической филологии Института восточных культур и античности, РГГУ (Москва); mkass@mail.ru
- KACZYNSKA ELWIRA – Dr., katedra filologii klasycznej Uniwersytetu Łódzkiego.
- КИСИЛИЕР МАКСИМ ЛЬВОВИЧ – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН, доцент кафедры общего языкознания СПбГУ, директор Греческого института СПбГУ. kisimac@gmail.com
- КЛЕЙНЕР СВЕТЛАНА ДМИТРИЕВНА – канд. филол. наук, науч. сотр. ИЛИ РАН, anthars@gmail.com
- КОЧАРОВ ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН, peter.kocharov@gmail.com
- КУЗЬМЕНКО ЮРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ – докт. филол. наук, профессор, гл. науч. сотр. ИЛИ РАН, jurij.kusmenko@cms.hu-berlin.de
- КУЛЛАНДА СЕРГЕЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Института востоковедения РАН, Москва, kullanda@java.msk.ru
- КУРИЛОВА АННА ДМИТРИЕВНА – канд. филол. наук, доц. кафедры зарубежной литературы Астраханского гос. университета, akurilova@mail.ru
- ЛЕМЕШЕВ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ – науч. сотр. ИЛИ РАН.
- ЛУРЬЕ ПАВЕЛ БОРИСОВИЧ – канд. филол. наук, отдел Востока Государственного Эрмитажа,
- ЛУХОВИЦКИЙ ЛЕВ ВСЕВОЛОДОВИЧ – канд. филол. наук, мл. науч. сотр. Института славяноведения РАН, lukhovitskiy@gmail.com
- ЛЮБЖИН АЛЕКСЕЙ ИГОРЕВИЧ – канд. филол. наук, Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова. vultur@mail.ru

- МЕЖЕРИЦКАЯ Светлана Игоревна – канд. филол. наук, СПбГУ, Смольный институт свободных искусств.
- МИХАЙЛОВА ТАТЬЯНА АНДРЕЕВНА – докт. филол. наук, профессор кафедры германской и кельтской филологии Филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.
- МИХАЙЛОВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА – канд. филол. наук, преп. кафедры древних языков Института лингвистики РГГУ, специалист по учебно-методической работе института высших гуманитарных исследований им. Е. М. Мелетинского РГГУ. robinrobin@mail.ru.
- МУСБАХОВА ВИКТОРИЯ ТАЛГАТОВНА – канд. филол. наук, Салоники (Греция), mousbahova@mail.ru
- НЕСТЕРОВА ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИМЛИ РАН, hortensius@yandex.ru
- НИКОЛАЕВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН, nikolaev@fas.harvard.edu
- НИКОЛАЕВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ – канд. филол. наук, ассистент Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, ст. науч. сотр. кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ
- НИКОЛАЕВА НАДЕЖДА АЛЕКСЕЕВНА – канд. истор. наук, доцент кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков факультета истории, политологии, права Московского гос. областного университета (МГОУ); nikolaeva3145@yandex.ru
- НИКОЛЬСКИЙ БОРИС МИХАЙЛОВИЧ – канд. филол. наук, доцент, Центр антиковедения Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета; ст. науч. сотр. Отдела классического искусства Запада Государственного института искусствознания, borisnikolsky@gmail.com
- НОВИКОВА ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА – студентка МГУ им. М. В. Ломоносова, catharina.pauli.f@gmail.com
- ОРЕШКО РОСТИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ – докторант Freie Universität Berlin, fauhs@rambler.ru
- ПИМЕНОВА НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА – канд. филол. наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра «Институт современных лингвистических исследований» при Московском государственном гуманитарном университете им. М.А.Шолохова, p_pimenova@yahoo.com
- ПЧЕЛИНЦЕВА ЕЛЕНА ЭДУАРДОВНА – канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой украинского языка и общего языкознания Черкасского государственного технологического университета (Украина, Черкассы), докторант отдела теории грамматики ИЛИ РАН, pchele@gmail.com
- РАБИНОВИЧ ЕЛЕНА ГЕОРГИЕВНА – докт. ист. наук, профессор кафедры общего языкознания СПбГУ. egr@ER1126.spb.edu
- РЫЛИК ПОЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА – аспирантка кафедры византийской и новогреческой филологии МГУ им. М.В. Ломоносова. polina-ellas@mail.ru
- РЫБАКОВА ИРИНА ВИКТОРОВНА – доц. кафедры древних языков института лингвистики РГГУ, Rybakova_irina@mail.ru

- САВЕЛЬЕВА ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА – канд. филол. наук, доц. кафедры классической филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова
- САФРОНОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ – канд. истор. наук, доцент, научный сотрудник Отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН, safronov1477@yandex.ru
- СЕЛЕЗНЕВ МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ – канд. филол. наук, доцент Института Восточных Культур и Античности РГГУ, mseleznev@rambler.ru
- СИДЕЛЬЦЕВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – канд. филол. наук, зав. сектора анатолийских и кельских языков Института языкознания РАН, cidelcev@rambler.ru.
- СКРЖИНСКАЯ МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА – докт. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории Национальной Академии наук Украины. kij@bk.ru
- СКУДАРЬ ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА – преп. кафедры редакционно-издательского дела и информатики МГУ им. М. В. Ломоносова, el.skudar@yandex.ru
- СОРОКИНА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА – аспирантка кафедры классической филологии МГУ им. М. В. Ломоносова, nataliarica@yandex.ru
- ТАРИВЕРДИЕВА МАРИЯ АКОПОВНА – докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой классической филологии Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ).
- ТЕПЕРИК ТАМАРА ФЁДОРОВНА – докт. филол. наук, доц. кафедры классической филологии МГУ им. М. В. Ломоносова, tereik@mail.ru
- ТОПОРОВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА – докт. филол. наук, ведущий науч. сотр. Института языкознания РАН, t1960@list.ru
- ФАЙЕР ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ – канд. филол. наук, доцент факультета филологии НИУ ВШЭ. E-mail: librarius@narod.ru
- ФАЛИЛЕЕВ АЛЕКСАНДР ИГОРЕВИЧ, доктор филологических наук, ведущий науч. сотр. ИЛИ РАН. axf@aber.ac.uk
- ФИЛОЧКИНА АНАСТАСИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА – аспирантка кафедры индийской филологии СПбГУ, filoch@gmail.com
- ЧЕРНЯК АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН, abchernyak@mail.ru
- ШАЦКОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН, andrey.shatskov@gmail.com
- ШУМИЛИН МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ – канд. филол. наук, преп. кафедры истории идей и методологии исторической науки НИУ ВШЭ, преп. кафедры классической филологии РГГУ, mvshumilin@mail.ru
- ЩЕРБИНА СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ – канд. филол. наук, доцент кафедры немецкой филологии Дальневосточного государственного гуманитарного университета, г. Хабаровск, sjus60@mail.ru
- ЮЮКИН МАКСИМ АНАТОЛЬЕВИЧ – канд. филол. наук, г. Воронеж, yuyukin@bk.ru

Научное издание

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ-XVI (чтения памяти И. М. Тронского). Материа-
лы Международной конференции, проходившей 18–20 июня
2012 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2012. –
920 с.

ISBN 978-5-02-038298-5

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик РАН Н. Н. Казанский (отв. редактор);
к. филол. н. Н. А. Бондарко, д. филол. н., проф. Л. Г. Герценберг,
д. филол. н. А. В. Грошева, к. филол. н. П. А. Кочаров, к. филол. н.
Е. Р. Крючкова (отв. секретарь),
к. филол. н. А. В. Шацков

Рецензенты: д. филол. н. А. Н. Соболев, к. филол. н. Н. Л. Сухачев.

Подписано к печати _____

Формат 60x90 1/16

Тираж 300 экз.

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1.
main@nauka.nw.ru

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Отпечатано в типографии «Нестор-История»

Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21.

тел./факс: (812)6220123

menager_nestor@list.ru

Подписка осуществляется по интернет-каталогу «Книга-сервис»

<http://www.akc.ru/goods/1558086950>

ISBN 978-5-02-038298-5